

АЛЕКСАНДР ЗЕЛЕНИН

ЯЗЫК РУССКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ПРЕССЫ
(1919–1939)

ALEKSANDR ZELENIN

VENÄLÄISEN EMIGRANTTILEHDISTÖN KIELI
VUOSINA 1919–1939

ACADEMIC DISSERTATION

To be presented, with the permission of
the Faculty of Humanities of the University of Tampere,
for public discussion in the Auditorium PINNI B 1096,
Kanslerinrinne 1, Tampere,
on May 26th, 2007, at 12 o'clock.

University of Tampere

АЛЕКСАНДР ЗЕЛЕНИН

ЯЗЫК РУССКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ПРЕССЫ
(1919-1939)

ALEKSANDR ZELENIN

VENÄLÄISEN EMIGRANTTILEHDISTÖN KIELI
VUOSINA 1919–1939

Acta Universitatis Tamperensis 1227
Tampere University Press
Tampere 2007

ACADEMIC DISSERTATION

University of Tampere, School of Modern Languages and Translation Studies
Finland

Distribution

Bookshop TAJU
P.O. Box 617
33014 University of Tampere
Finland

Tel. +358 3 3551 6055
Fax +358 3 3551 7685
taju@uta.fi
www.uta.fi/taju
<http://granum.uta.fi>

Cover design by
Juha Siro

Layout
Sirpa Randell

Printed dissertation
Acta Universitatis Tamperensis 1227
ISBN 978-951-44-6933-6 (print)
ISSN 1455-1616

Electronic dissertation
Acta Electronica Universitatis Tamperensis 615
ISBN 978-951-44-6934-3 (pdf)
ISSN 1456-954X
<http://acta.uta.fi>

Tampereen Yliopistopaino Oy – Juvenes Print
Tampere 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ

Читатель держит в руках книгу, которой могло бы и не быть, если бы не ряд обстоятельств. Началось всё со Славянской библиотеки в Хельсинки (как она тогда называлась), куда я впервые попал в 1995 году и где начал чтение эмигрантских газет. Однако мои профессиональные навыки, сформированные в Словарном отделе Института лингвистических исследований РАН и заключающиеся в постоянном поиске и выписке новых значений, цитатного материала, не давали мне покоя просто спокойного и рассудительного, вдумчивого чтения потертых, с отметинами времени газет. Выписки, мои комментарии к выпискам из газет росли, множились, и в результате стала складываться картотека, которая на протяжении ряда лет пополнялась, расширялась как в количественном, так и в качественном отношении. На базе этой картотеки появилось несколько статей, опубликованных в научно-популярных журналах России, несколько докладов, сделанных мной на научных конференциях. Выход в конце 20 – начала 21 века книг, посвященных языку эмиграции, только усилил мой интерес к сбору газетно-публицистического материала, который на фоне проведенных исследований заиграл еще более выразительными, сочными языковыми красками. Очевидно, я и ограничился бы интерпретацией превосходного и редкого материала в отдельных публикациях, выступлениях, если бы не настойчивость и даже упорство Арьи Розенхольм, профессора кафедры Славянской филологии, в каком-то смысле заставившей меня сесть за докторскую диссертацию. Ей – мое отдельное и огромное спасибо за то, что ее уговоры и даже увещевания, я надеюсь, не пропали даром.

Первые шаги над диссертацией всегда трудны, сомнительны, опасливы... Именно в эту пору большую дружескую поддержку мне оказал Кари Мякиля, не только замечательный и тонкий знаток русского языка, но и доброжелательный и верный советчик. Я искренне благодарен Кари за эту помощь, которая мне была так необходима.

Наконец, эта диссертация не могла бы быть представлена в таком виде без острого, внимательного, пронизательного взгляда (лучше сказать – глаза) Екатерины Протасовой (университет Хельсинки), взявшей на себя ответственность быть научным консультантом диссертации. Ее бережное отношение к чужому тексту и в то же время безошибочное лингвистическое чутье, помноженное на богатые познания в самых разных сферах гуманитарных знаний, всегда вызывали мое уважение и восхищение. Ее доброжелательные,

разносторонние, иногда даже личные комментарии позволяли мне по-новому посмотреть на материал, задавали неожиданный поворот проблеме, заставляли увидеть тему шире, объемнее, рельефнее, даже "красочнее". Роль Екатерины Протасовой в данной диссертации невозможно преуменьшить и переоценить. Ей – моя особенная благодарность.

На заключительных этапах работы, связанных с техническими тонкостями подготовки рукописи к печати, незаменимой была помощь Тины Харьюла и особенно Сирпы Ранделл. Их профессионализм, выдержка, доброжелательность, искреннее желание помочь во всех технологических премудростях и не заплутать в компьютерных "джунглях", вызывали и вызывают глубокую признательность многих людей, в том числе и мою.

Этой книги могло бы и не быть, если бы рядом со мной не было прекрасного, надежного, терпеливого и умного человека, поддерживающего меня во всех начинаниях и проектах, разделяющего со мной все сомнения и тревоги, даже раздражение, моей замечательной красавицы жены Сиркку. Ей – моя нежная благодарность и восхищение.

Послереволюционная эмиграция не была для меня просто холодным исследовательским объектом, так как мне приходилось постоянно соотносить, сопоставлять языковое поведение эмигрантов первой волны с речевой практикой моих детей-билингвов: Алекса, Анастасии и Анны. Их речевые навыки, порой – сознательное или непроизвольное смешение языков, забавные и даже комичные языковые шутки и экспромты постоянно присутствовали у меня и в сердце, и в мозгу в процессе анализа газетного материала, далекого (на первый взгляд) от живой спонтанной речи. Пожалуй, именно они и были, сами того не ведая и не подозревая, моими главными душевными поводырями, проводниками практически на каждой странице настоящей книги.

Я также хочу от всего сердца поблагодарить моих замечательных оппонентов, Дэвида Эндрюса (США) и Ларису Рязанову-Кларк (Англия), отличных и признанных специалистов в области русского языка, за огромное терпение и труд (нелегко прочитать в сжатый срок такую объемную книгу!), за точные и верные научные оценки моей работы, за доброжелательные отзывы, которые дают новые стимулы для дальнейшего изучения данной темы.

На долю же автора выпало только одно небольшое и крайне приятное дело: сесть за стол и словесно оформить мысли, витавшие в научной атмосфере последних лет. Насколько это удалось – судить читателю. Итак – *in medias res*.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	9
1.0. Язык эмиграции как объект изучения	9
2.0. Язык публицистики как объект изучения.....	17
3.0. Зарождение эмигрантской прессы и ее специфика	20
4.0. Изучение языка эмигрантской прессы	22
5.0. Источники исследования: основные и факультативные	24
6.0. Хронологические границы исследуемого материала.....	25
7.0. Цели и задачи исследования.....	26
8.0. Историко-культурный фон.....	28
ГЛАВА 1.	
ГРАФИКА. ОРФОГРАФИЯ. ПАРАГРАФЕМИКА.....	51
Общие замечания.....	51
1.0. Орфографические особенности	53
2.0. Влияние иноязычной фонетики на русскую графику	55
3.0. Влияние иноязычной графики на русскую графику.....	60
4.0. Кавычки	64
5.0. Сокращения	68
6.0. Оценка советских орфографических (графических) новшеств.....	70
Выводы.....	76
ГЛАВА 2.	
ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЯЗЫКЕ	
ЭМИГРАНТСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ.....	78
Общие замечания.....	78
1.0. Аналитические тенденции.....	79
2.0. Именительный множественного на -á	98
3.0. Архаические черты в морфологии	101
4.0. Трансформация грамматической сочетаемости	114
5.0. Категория числа имен существительных.....	123
Выводы.....	129

ГЛАВА 3.	
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА	
ЭМИГРАНТСКОЙ ПРЕССЫ.....	132
Общие замечания.....	132
1.0. Суффиксация.....	136
2.0. Префиксально-суффиксальные дериваты.....	182
3.0. Компрессивные модели словообразования.....	206
4.0. Сложные имена существительные (composita).....	239
5.0. Составные дериваты.....	246
6.0. Гибридное словообразование.....	256
7.0. Синтаксическая деривация имен существительных (субстантивация).....	259
Выводы.....	263
ГЛАВА 4.	
ГЕНДЕРНЫЕ НОМИНАЦИИ	
	266
Общие замечания.....	266
1.0. Nomina feminina.....	271
2.0. Nomina masculina.....	288
Выводы.....	309
ГЛАВА 5.	
ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕКСИКЕ.....	
	312
Общие замечания.....	312
1.0. Типология лексических средств в эмигрантской прессе.....	316
2.0. Лексика рекламы.....	331
3.0. Лексические советизмы и функции их использования.....	332
4.0. Специфика употребления этикетных знаков.....	346
5.0. Лексико-семантическая группа со значением союзов, объединений эмигрантов.....	352
6.0. Лексико-семантическая группа с обобщенно-собирательным значением совокупности эмигрантов.....	360
7.0. Узуальные семантические сдвиги некоторых понятий.....	370
8.0. Дом (лексико-смысловая структура концепта).....	373
9.0. Особенности использования военно-террористической терминологии.....	388
10.0. Семантико-прагматическая структура колоризмов.....	395
11.0. Союзники и оппоненты (структура квазисинонимических рядов в анархической прессе).....	403
12.0. Языковая игра.....	415
13.0. Фольклорно-поэтические формы травестики.....	421
14.0. Паронимические затруднения.....	426
Выводы.....	434

ГЛАВА 6.	
ТИПОЛОГИЯ И СТРУКТУРА ИНОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ.....	437
1.0. Языковые контакты	437
2.0. Иноязычные вкрапления	444
Выводы.....	452
3.0. Лексические заимствования.....	453
Выводы.....	480
4.0. Кальки.....	481
Выводы.....	503
5.0. «Ложные друзья»	503
Выводы.....	507
ГЛАВА 7.	
ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ	510
1.0. Понятие прецедентности.....	510
2.0. Прецедентные имена.....	518
Выводы.....	566
3.0. Прецедентные ситуации	567
Выводы.....	591
4.0. Прецедентные тексты и высказывания	592
Выводы.....	606
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	607
TIIVISTELMÄ	617
БИБЛИОГРАФИЯ	619
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.	645
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	660

”Было бы интересно и поучительно обследовать язык русских беженцев в разных странах”.
С.И. Карцевский (1923 г.)

”Друг друга отражают зеркала,
Взаимно искажая отраженья”.
Г. Иванов (1950 г.)

ВВЕДЕНИЕ

1.0. Язык эмиграции как объект изучения

Изучение феномена русской эмиграции разных волн в отечественной науке переживает бурный подъем. Открытие темы для российских ученых в начале 90-х годов проходило в несколько романтизированной атмосфере, обусловленной стремлением и даже страстным желанием многих людей (ученые здесь не составляли исключения) поиска новых путей развития постсоветской России. Русская эмиграция на обломках рухнувшей идеологии и политики в постперестроечной смуте представлялась как одна из третейских судей в идеологически и политически расколотой России, как один из потенциальных помощников и даже наставников в будущем переустройстве страны. На этом этапе общественный и исследовательский интерес фокусировался на миссионерской роли русской эмиграции в сохранении русских культурных традиций, утраченных или подточенных в советское время морально-нравственных качеств, религиозно-духовных основ. Многочисленные статьи и заметки в публицистике, историко-культурные штудии, посвященные эмиграции, скоро дали ростки в смежных областях гуманитарного знания: социологии, истории, философии, культурологии, этнографии, литературоведении, лингвистике. Сформировалась целая отрасль исследований, направленная на изучение жизни эмиграции в ее разных преломлениях, активно издавалось и комментировалось педагогическое, философское, литературное, экономико-теоретическое, православно-религиозное наследие эмигрантов. В этом весьма разветвленном по темам и направлениям поле общественного интереса к эмиграции с начала 90-х годов громче и увереннее стал звучать и лингвистический ”голос”. Открытие эмигрантского языкового материка (в первую очередь это касалось послереволюционной эмиграции как наиболее трагической по своей судьбе) происходило постепенно. В начале 90-х годов первые работы по эмигрантскому языку констатировали, в основном, преобладание архаических черт в эмигрантском речевом узусе, к середине 90-х годов 20 в. уже отчетливо обозначилось исследовательское стремление к систематизирован-

ному описанию русского эмигрантского языка на разных языковых уровнях (от фонетики до синтаксиса) и сличения его с русским языком метрополии. Начало 21 века ознаменовалось выходом обобщающих монографий, нацеленных на выявление как частных особенностей в иноязычном окружении (прежде всего языковой интерференции, смешения языковых систем), так и общих процессов в развитии русского языка в метрополии и вне ее. К каким же результатам и выводам подошло изучение языка русской эмиграции к настоящему времени?

1.1. *Направления и методология исследований*

Е.А. Земская, собрав большой материал путем интервьюирования эмигрантов, рассеянных по разным странам (в европейско-американском ареале) и условно отнесенных ко всем четырем волнам, предложила следующие направления изучения эмигрантской речи [Земская 2004: 408-409]:

1. выявление общих особенностей языка у индивидов, объединенных некоторыми общими признаками, релевантными для построения типологии речи. Этими базовыми признаками могут послужить, в частности:
  - проживание в одной стране;
  - принадлежность к одной волне эмиграции;
  - сопоставимый уровень образования;
  - сходство профессий;
  - одинаковые или похожие мотивы отъезда из страны.
2. детальное описание речевых практик отдельных индивидов, позволяющее воссоздать речевой портрет говорящего, в котором обнаружатся как общие особенности, присущие и другим представителям эмигрантского (микро)социума, так и индивидуальные особенности. Здесь внимание исследователя сосредоточивается на построении модели, фиксирующей некоторые константные черты русского языка, а также, что, может быть, даже более интересно и важно, мутации в речевом поведении эмигранта.
3. изучение отдельных черт русского языка в области фонетики, грамматики, лексики и т.д. в речи эмигрантов разных волн, разного возраста, разных стран проживания и др. с целью уяснения речевых трансформаций вне языка метрополии. При таком подходе анализ концентрируется на социолингвистических характеристиках эмигрантской речи и предполагает выявление механизмов статики/динамики, синхронии/диахронии, прогрессии/регрессии и т.п.

Сама Е.А. Земская в описании речевых практик эмигрантов избрала "комплексное направление", поставив себе задачей "в многообразии фактов обнаружить общие закономерности, характеризующие особенности языка русской диаспоры, найти корреляции между историческими, социальными, культурными, индивидуальными особенностями и степенью сохранности/разруше-

ния русского языка” [Земская 2004: 409-410]. Материалом исследования послужили ”магнитофонные и ручные записи естественной неподготовленной устной речи”, дополнительными – переписка, бытовые записки, объявления, реклама, отдельные выписки из эмигрантских газет [там же: 410]. Таким образом, исходя из собранного и привлеченного в качестве источников материала, можно видеть, что основной интерес исследователя сосредоточился на функционировании русского языка в живой речевой практике конкретных индивидов.

В чем заключаются позитивные моменты сбора и анализа материала при помощи магнитофонных записей как основного инструмента получения языкового (речевого) материала? Интервью в социолингвистическом аспекте признается одним из методов получения той или иной релевантной для исследователя информации. Непринужденные разговоры, беседы на самые разные темы, неофициальность, порой шутливость, отсутствие натянутости в беседах, самые различные и незапланированные заранее места собеседования (кухня, церковный дворик, машина, кафе) – все эти, на первый взгляд, внешние атрибуты речевого общения первостепенны, по мнению Е.А. Земской, для получения языкового материала и адекватных суждений об эмигрантском узусе. О теоретических аспектах взаимодействия участников в процессе интервьюирования см. также в: [Bogen 1992; Paradis 1995].

В чем заключаются недостатки или, вернее сказать, недостаточность способа интервьюирования? Критика интервью как надежного социолингвистического инструментария основывается или на отсутствии естественности речевого поведения информанта в случае повышенных эмоционально-психических реакций индивида, или на его подсознательной, недекларируемой и не демонстрируемой исследователю лингвоповеденческой самоцензуре, в свою очередь приводящей к осознанным и неосознанным искажениям информации. Справедливо признает такую возможность автоцензуры (”вполне допускаю, что мои информанты с родными и близкими друзьями говорили бы несколько иначе” [Земская 2004: 411]) и Е.А. Земская, делая на это некоторую скидку¹, смягчает недостатки метода интервьюирования заменой термина *интервью* более нейтральным словом *беседа*, терминологизируя его для решения своих исследовательских целей: ”[м]ои разговоры с информантами никогда не имели характера интервью. [...] [Н]аши беседы [везде выделено мной. – А.З.] имели дружеский, откровенный характер” [она же: 411]. Недостатки метода интервьюирования проявились и в процессе исследовательской работы Д. Эндрюса, взявшего за основу методику магнитофонных записей, примененную при сборе разговорного материала в: [PPP 1971]. В чем выявились трудности и погрешности такого метода при опросе эмигрантов третьей волны в США?

Во-первых, многие эмигранты относились к предложению взять у них интервью очень настороженно, подозрительно (*leery*) и никак не могли забыть о

¹ В [PPP 1973: 5-39]. Е.А. Земская, признавая недостатки интервью, настаивала на том, что интервьюируемый постепенно привыкает к магнитофону и забывает о его существовании, в дальнейшем ведя себя вполне естественно и непринужденно.

присутствии магнитофона в доме, где происходила запись непринужденной беседы;

во-вторых, интервьюеру немало труда стоило убедить информантов в своем добром намерении использовать интервью для строго научных целей;

в-третьих, как результат этого, некоторые интервьюируемые решили, что идет проверка их русского языка и поэтому хотели доказать интервьюеру, что они говорят по-русски чисто, их русский свободен от интерференции и, напротив, другие информанты пытались "понравиться" интервьюеру весьма необычным образом – использовать в своей речи англицизмы каким-то намеренно-искусственным изощренным способом [Andrews 1999: 60-61].

Недостатки метода интервьюирования для вынесения суждений о "естественном" эмигрантском узусе подчеркивались также в рецензии на [ЯРЗ 2001] Н.Б. Мечковской, которая, исходя из необходимости построения общей типологической картины русского языка за рубежом, полагает, что "речь эмигрантов интересна не столько индивидуальными особенностями¹, сколько теми чертами, которые представляются типичными [выделено мной. – А.З.] в культурно-психологическом плане" [Мечковская 2004: 242].

Сопоставительным фоном в исследовании Е.А. Земской является разговорный литературный язык (РЯ) метрополии, который – в концепции того же автора, развиваемой на протяжении нескольких десятилетий, – составляет оппозицию кодифицированному литературному языку (КЛЯ). Таким образом, исходной точкой отсчета и при сборе материала, и при анализе полученных данных для Е.А. Земской являлся некодифицированный русский язык и сформулированные в [PPP 1973; PPP 1981; PPP 1983] принципы и исследовательские технологии его изучения. Причем сама Е.А. Земская подчеркивает "принципиальное значение" [Земская 2004: 411] такого исследовательского подхода и научного аппарата, уже апробированного на материале изучения русской разговорной речи. Основная задача исследования в известной мере уже задана: доказать, что инновации, зафиксированные в эмигрантском узусе, "типичны и для российского русского языка (РЯ), т.е. репрезентируют различие между разговорным русским языком и книжным [выделено мной. – А.З.] русским языком" [Земская 2004: 411]. Этот вывод Е.А. Земской² оспаривается, например, О.А. Лаптевой, полагающей, что в устной эмигрантской речи явственна "ориентация на литературность. [...] Это приводит к практическому

¹ Понятно, что при лингвистическом портретировании исследовательский акцент неизбежно падает именно на эту часть речевых навыков индивидов.

² Ср. следующие исходные теоретические положения исследовательской группы (в Институте русского языка РАН) под руководством Е.А. Земской: русская разговорная речь (РР) является некодифицированной разновидностью литературного языка, она противопоставляется кодифицированному литературному языку (КЛЯ) и отличается от него экстралингвистическими (условиями употребления) и собственно языковыми (специфическими системно-структурными свойствами) параметрами. КЛЯ и РР представляют собой две подсистемы внутри литературного языка: КЛЯ используется в сфере официального общения (личного и публичного), РР – в сфере неофициального неподготовленного личного общения.

отсутствию различий [выделено мной. – А.З.] между устными и письменными языковыми средствами – потому что и те, и другие в речи такого типа являются общелитературными, свойственными и устной, и письменной речи одновременно” [Лаптева 1996: 141]. Причину этого О.А. Лаптева видит в слабой дифференцированности устной и письменной форм в начале 20 в., строящихся на базе общелитературных черт в той и другой сферах и характеризующихся доминированием унифицирующих тенденций над дифференцирующими. По-видимому, специфические черты, структурирующие разговорную речь как одну из коммуникативных форм русского литературного языка, появились позднее, уже после отъезда из страны эмигрантов первой волны, и связаны были с ”партийно-производственным воляпюком” [там же: 141]. Действительно, в эмигрантском узусе отсутствуют многие лексические, грамматические, словообразовательные новшества, вошедшие и в русский литературный, и в разговорный язык после 1917 г. и представляющие, по сути, элементы партийно-политического (под)стиля. Эмигранты чутко (точнее – болезненно-иронически) реагировали на такие советские языковые новации, именно они часто и служили основной причиной именованного русского советского языка ”блатным жаргоном”, но не в собственно терминологическом значении, а скорее с целью обобщенно-квалифицирующей характеристики ”новояза”. Эмигранты скорее подразумевали под ”жаргоном” проникшее в письменный и устный советский язык большое количество жаргонных лексических элементов (в первую очередь тюремных, партийно-групповых, военно-профессиональных). Эмигрантская как устная, так и письменная речь характеризовалась если не полным отсутствием таких публицистических штампов, элементов официально-делового стиля, то их гораздо меньшим удельным весом в языковой ткани эмигранта, в сравнении с речевой практикой среднестатистического советского человека.

Наблюдения О.А.Лаптевой основаны в основном на базе записей Тамперского корпуса; записанная речь может быть отнесена к некодифицированному разговорному языку. В ней крайне немногочисленны просторечные, диалектные (в основном севернорусские) элементы, в целом устная речь эмигрантов действительно отмечена признаками ”литературности”, что можно объяснить двумя причинами:

Во-первых, использование разговорно-литературного языка; отклонения от современной нормы некодифицированного русского языка крайне немногочисленны. Так, многократно зафиксированное исследователями сохранение в речи эмигрантов первой волны формы *ихний* (современное нормативное *их*) встречается и в Тамперском корпусе, но это местоимение выступает для говорящих как нейтральное стилистическое средство, ибо оно было общепринятым в русском узусе 19 – начала 20 в.¹

¹ Ср. использование местоименного прилагательного *ихний* представителями разных социальных групп: [Капитан:] ”К *ихним* ружьям я не привык-с, мне из них ничего не убить-с”. (Писемский. Тысяча душ); [Полицейский надзиратель Очумелов:] ”Да разве братец *ихний* приехали? Владимир Иваныч?” (Чехов. Хамелеон). См также употребление Л. Толстым

Во-вторых, явно выраженная в диалоге интенция эмпатии (*empathy* – сопереживание, соучастие, умение поставить себя на место другого) и импозиции (*imposition* – внушение, приписывание; термин, принятый в работах по речевому этикету). Это проявляется в стремлении интервьюируемого по возможности избегать слов, выражений, способных вызвать затруднения в построении диалогических отношений. Конечно, в других коммуникативных ситуациях, в другом кругу общения интервьюируемый может допускать больше языковой свободы, используя нелитературные слова и выражения, однако в ситуации, требующей от говорящего большего напряжения во время проведения интервью, он предпочитает говорить на более ”правильном”, нормативном (с его точки зрения) русском языке. Коммуникативные стратегии говорящих (и монолингов, и би- или полилингвов) уже неоднократно становились предметом исследования [Leech 1983; Brown & Levinson 1987; Yokoyama 1994: 681-697; Йокояма 2000: 276-286; и др.].

Одним из важных теоретико-практических вопросов является использование в работах по эмигрантологии словосочетания *эмигрантский язык*. Очевидно, как термин он едва ли правомерен по отношению к русскому языку вне метрополии, поскольку не имеет конституирующих качеств, изолирующих его от русского языка метрополии, в отличие, например, от украинского эмигрантского языка в США и Канаде, обладающего значительными отличиями от материкового украинского. В настоящее время украинский эмигрантский (наряду с польским и английским американским языками [Press 1999]) оказывает существенное влияние в области лексических заимствований, орфографической и орфоэпической кодификации на язык в Украине. Это влияние гораздо мощнее, чем в ситуации «русский эмигрантский» – «русский материковый», хотя и высказываются предположения о влиянии первого на второй [Andrews 1999; Осипова 2001]. В случае с украинским это связано, конечно, с экстралингвистическими причинами: становлением новой украинской государственности, построением национального идентитета, попыткой ”освободиться” от русизмов (и на лексическом, и на грамматическом уровнях). Справедливо утверждение Н.Б. Мечковской: ”Среди языков Славии русский язык характеризуется максимальной лингвогеографической однородностью” [Мечковская 2004: 245]; говорить о *русском эмигрантском языке* можно только в известном обобщенном и нестрого терминированном смысле. Хотя раздаются голоса, предлагающие выделять, в частности, русский американский как самостоятельный вариант русского языка на основе интонационного рисунка речи русских в Америке¹, однако только этот, интонологический, критерий явно не

данного слова в популяризаторской книге для детей: ”Тогда первосвященник *ихний*, по имени Каиафа, сказал так: Напрасно вы так боитесь”. (Л. Толстой. Учение Христа, изложенное для детей).

¹ Действительно, интонация оказалась одной из наиболее подверженных интерференции зон в речевой практике иммигрантов [Andrews 1999: 138; см. также: Найдич 2004 – о русском языке в Израиле]; ср. также замечание Е.А. Земской: ”[б]ыстрее всего влиянию чужих языков подвергается интонация: у многих лиц, но не у всех” [Земская 2004: 417].

может быть необходимым и достаточным основанием для постулирования эмигрантского языка как особой разновидности, или идиомы, обособившейся от русского "стволового языка" (Stammsprache). Использование словосочетания *эмигрантский язык* в качестве термина непригодно по той причине, что нельзя утверждать гомогенность речевых практик эмигрантов: невозможно вычленив среди региональных вариантов русского языка какой-либо центральный, ведущий или сконструировать некий эмигрантский стандарт. Если же вести речь о языковом континууме, то скорее всего, по мнению Н.Б. Мечковской, следует говорить о "миллионах идиолектов" [Мечковская 2004: 248]. "Заграничного" особого русского языка просто не существует" [она же: 249]. К этим же выводам раньше пришла и Е.А. Земская [Земская 2004: 411]. Употребление словосочетания *эмигрантский язык, эмигрантский узус* в работах по эмигрантологии оправдано в узком смысле: как стремление исследователей дефинировать объект изучения с точки зрения совокупности некоторых специфических особенностей или черт, характерных для эмигрантских речевых практик. Хотя некоторые звенья фонетического, лексического, грамматического яруса в эмиграции могут претерпевать трансформации (это хорошо показано как на материале устных записей, так и письменных текстов), тем не менее, у нас нет оснований квалифицировать появившиеся в эмигрантском узусе речевые черты, вызванные либо влиянием иностранных языков, либо законсервированные из дореволюционного узуса, как некий монолит, как совокупность речевых реализаций, формирующих особую подсистему русского литературного языка и в его разговорной, и в его письменной формах. Все эти эмигрантские речевые модификации, диапазон которых варьируется от высокопарной архаичности до макаронической, порой ужасающей смеси "французского с нижегородским", все-таки не выпадают из рамок полифункционального, стилистически дифференцированного русского материкового языка. Итак, узкой трактовки терминов *эмигрантский язык, эмигрантский узус* мы придерживаемся и в нашей работе.

1.2. *Оценки языковой компетенции эмигрантов*

Полярность оценок языковой компетенции эмигрантов в терминах разрушения, умирания или, напротив, новаций, аккомодаций уже давно существуют в литературе по эмигрантологии. Так, один из первых исследователей жизни русских в США в книге, выпущенной еще в 1918 г., удивленно-скептически отмечал, что русской прессе, даже самой качественной, не удастся избежать следов разрушения, не удастся сохранить чистоту русского языка, находящегося в иноязычном окружении [Вильчур 1918: 71 – цит. по: Andrews 1999: 151]. Такое признание лингвиста основывалось на элементарной, присущей "наивному" говорящему языковой рефлексии. Однако и основательные работы лингвиста М. Полинской, выполненные на базе материала речи русских

в Америке (преимущественно третьей и четвертой волн эмиграции), среди основных выводов содержат утверждение о явных признаках быстрой деградации, коррозии русского [Polinsky 1998; 2000]; против такой исследовательской интенции и намерения видеть в языковых ошибках (вызванных пиджинизацией) и затруднениях, хезитациях в процессе порождения спонтанных высказываний возражают, например, Е.А. Земская и Д. Эндрюс. Эти (и многие другие) исследователи предпочитают говорить о функционировании русского языка в зарубежье не в мортальных и негационных терминах, а в категориях трансформации, аккомодации [ЯРЗ 2001] и прогностики, называя русскую эмигрантскую речь даже авангардом будущих изменений в русском языке метрополии [Andrews 1999: 106, 160; Гловинская 2001; Осипова 2001]. Если и можно говорить об умирании русского языка вне метрополии, то в ограниченных сферах – прежде всего в бытовом использовании письменных навыков [Земская 1999], т.е. в неинституционализированных формах. Напротив, в зарубежной журнально-книжной продукции (от первой до четвертой волн) упадка или даже признаков деградации русского языка не наблюдается [РЯЗ 2001; Протасова 2004]. Ошибки, вызванные интерференцией или ориентацией на инокультурные реалии, действительно встречаются в зарубежной прессе и, аккумулированные исследователем, могут создавать впечатление испорченного русского, но число языковых погрешностей, неточностей едва ли превосходит подобные случаи в публицистическом языке метрополии.

Умирание языка совсем не то же, что его консервация или замедление темпов развития, когда данными терминами чаще всего, с позиций сегодняшнего дня, характеризуют язык первой волны. С одной стороны, русский язык зарубежья находился под лингворефлексивным "микроскопом" всех волн эмиграции. Эмигрантами первой волны свой язык ни в коей мере не характеризовался в терминах умирания, хотя они сами справедливо подшучивали над речевой практикой некоторых русских (ср., например, рассказы Тэффи). Первая волна (в подавляющем большинстве) сохраняла убеждение в преимуществе русского эмигрантского языка над "советским", именно его рассматривая в категориях "порчи", "блатного жаргона", "советских языковых уродств". В частности, вот какую оценку языка эмигрантов третьей волны дает известный поэт зарубежья В. Перелешин; в его высказывании сплетены как профессионально-писательское неприятие нового языка ("новояза"), так и национально-этнические: "русская эмиграция первой и отчасти второй волны должны охранять русский язык от советской порчи, идущей из СССР и от «третьих», которые ведь тоже вполне советские литераторы. Политически они сионисты¹, но это их дело, а русскому языку они приносят огромный вред, и это не их дело (ибо они иностранцы), а наше" [Новый журнал (Нью-Йорк). 2004. № 234. 15 янв.]. У эмигрантов третьей и четвертой волн наблюдалось гораздо более позитивное отношение к языку первой волны, первоначальная ирония над старомодностью языка довольно быстро сменялась уважением и даже не-

¹ Третью волну эмиграции составляли в основном евреи и члены их семей, отчего она и получила неофициальное наименование "еврейской".

сколько экзальтированным преклонением. Вот два свидетельства: Г. Покрасс, покинувший СССР в 1975 г. (третья волна) и работавший в русской службе Би-би-си, вспоминает: "Почти все старые эмигранты имели глубокие убеждения, хотя некоторые подзабыли, откуда они или их родители в свое время бежали. Мы, "молодые" эмигранты, посмеивались над их языком. Наиболее наглые из нас со страдальческим видом заменяли их старомодные фразы убогим советским канцеляритом. Что только не несло в эфир! "В силу слабости режима", "больше лучше", "извивающаяся политика", "закон о запрете незаконных организаций"..." [Моск. новости. 1998. № 29. 18 авг.]. Живущая в Германии поэтесса О. Бешенковская восторгается "тютчевским" языком первой волны, противопоставляя его советскому воляюку: "первая эмиграция в своих семьях сохранила язык именно Льва Толстого и Тургенева, т.е. их не коснулся советский новояз. [...] [Я] .. познакомилась с этими удивительными, нестигаемыми стариками, которые говорят на изумительно чистом, я бы сказала – тютчевском языке" [Рус. Германия. 2001. № 47. 23 нояб.].

2.0. Язык публицистики как объект изучения

Газетно-публицистический стиль – функциональный стиль, статус которого в системе ресурсов языка определяется следующими функциями:

- функцией общения (дистантный контакт некоторой группы индивидов, реализующий культурные потребности в получении той или иной порции информации);
- функцией сообщения (трансляция информации потребителю);
- функцией воздействия (прагматические целеполагающие установки печатного органа по формированию или трансформации тех или иных убеждений индивида).

Активная включенность газетно-журнального подстиля в ткань современной жизни, обращенность его практически к каждому носителю данного языка на протяжении всей его жизни, широкое функционирование различных лексико-стилистических ресурсов позволяет исследователям относить его к мегасстилям, наряду с массово-информационным и религиозным [Наер 1981].

Локализация газетно-журнального стиля в публицистическом поле влечет за собой реализацию следующих коммуникативно-прагматических интенций:

1. интеллектуально-коммуникативной;
2. эмотивно-прагматической (воздействие на эмоционально-чувственный мир индивида);
3. волюнтаривной (попытка воздействия на волевой компонент личности);

4. апеллятивной (от лат. *apellatio* "обращение в вышестоящий орган за поддержкой, правовым решением вопроса"; диалог печатного издания с читателем, для которого письмо в газету порой является способом преодоления бюрократических барьеров и привлечения внимания к своей просьбе).

Эти функции присущи любому типу текста в газетно-журнальном пространстве. Однако факультативные функции (эстетическая, фатическая) присутствуют в газете чаще всего в виде графических особенностей: использование разных шрифтов, выделение заголовков, разбиение печатного пространства на небольшие, достаточно компактные разделы, постраничная диверсификация материала. В иных классификационных терминах, более распространенных в отечественной лингвистике, принято говорить о таких функциях газетно-журнального стиля:

1. информативной;
2. аналитической;
3. пропагандистской;
4. организаторской;
5. развлекательной [Васильева 1982].

Ясно, что дистрибуция этих функций в разных типах газетно-журнальной продукции неравномерна и зависит от идеологическо-политической (сознательно прокламируемой или, напротив, открыто аполитичной) позиции того или иного печатного органа: если перед нами партийно-информационная газета или даже несколькостраничный листок, то эстетическая и фатическая функции отступают на задний план, поскольку такие узкопартийные печатные издания избавлены от необходимости установления контакта с читателем: читатель уже заранее известен и, в принципе, разделяет убеждения редакции или согласует свои действия с прокламируемыми в данном органе идеями. Если газета ориентирована на широкий круг потенциальных потребителей или откровенно позиционирует себя как беспартийный, внеклассовый орган, то фатическая и эстетическая функции приобретают гораздо большую значимость: не только не оттолкнуть уже сложившийся круг читателей, но и привлечь новых. Это требует со стороны издателей необходимости более привлекательного, изысканного или даже изощренного графического оформления газеты.

Смена ведущего, приоритетного транслятора общественных настроений на рубеже 19-20 вв. (в 19 в. – художественная литература, с первых десятилетий 20 в. – публицистика), по мнению П.Н. Денисова, сопровождалась формированием нового подстиля в уже сложившемся публицистическом стилевом регистре: "к концу XIX в. и, тем более, в первой четверти XX в. в России разыгались такие политические бури, что политика и публицистика выдвинулись на первый план среди форм общественного сознания и словесности. Сложилась новая функциональная разновидность русского литературного языка:

язык общественной мысли, публицистический стиль, «язык газеты» [Денисов 1998: 126]. Именно язык газеты быстрее всего реагировал на динамику социально-политических, экономических, религиозных, духовных инноваций в жизни России, выступая своеобразным нейтрализующим звеном между «высокой» литературой (и языком художественной литературы) и «низким» (демократическим языком города, городским койне). Это качество газетного языка дает основание П.Н. Денисову называть формирующиеся лингвистические стандарты газеты «низким вариантом языка общественной мысли» [Денисов 1998: 9].

Газетно-журнальный (под)стиль выполнял двоякую функцию:

1. служил транслятором идеологий, политико-экономических, социальных ценностей (и соответствующего лексикона) в массовую аудиторию;
2. являлся интеллектуально-языковым полигоном в процессе адаптации новых понятий в социуме, инкорпорируя научные абстракции в когнитивно-аксиологическую сеть обыденного массового сознания.

Именно с последним обстоятельством связано то повышенное социолингвистическое и политическое внимание в Советской России в первые послереволюционные годы к изучению лексико-стилистического состава советской газеты, когда разрушались старые каноны и создавались новые экспрессивно-стилистические языковые стандарты (в этой связи см., например, одну из первых работ: [Шафир 1924; 1927; Гус & al. 1926]; критику последней работы см. в: [Винокур 1929]. М. Горэм выделяет 4 языковых модели, стихии («voice», в его терминологии), составлявших центр послереволюционного узуса: 1. революционная (revolutionary); 2. обиходная (popular); 3. (просто)народная (national); 4. партийно-государственная (party-state) [Gorham 2003]. Основной эмпирический базис известной работы А.М. Селищева [Селищев 1928] также основан на газетных выписках, выступающих регистраторами языковых новаций советской эпохи). Этот интерес к советскому языку (и в газетно-журнальной разновидности в том числе) определялся его прецедентным характером, закладывавшим основы нового стиля и вообще новой риторической и публицистической культуры [Романенко 2002]. «Обязательным условием всякой власти является ее выражение в языке, а политика есть не что иное, как кодифицированные знаки, развертываемые при помощи акта высказывания в социально-семиотическом процессе. [...] Всякая власть создает свою речевую практику, которая стремится утвердить себя в качестве универсальной, истинной и справедливой и тем самым ставит другие речевые практики в подчиненное положение» [Лассан 1995: 16]. Действительно, в послереволюционную эпоху язык становится и объектом, и инструментом манипулирования и контроля, способным оказывать влияние на мышление, мировоззрение людей, поскольку язык позволяет и помогает переформулировать старые категории и понятия, он стереотипизирует публично-личностное поведение в соответствии с заданными параметрами, аксиологическими и социополитическими норма-

ми. Язык как средство передачи информации, с одной стороны, и как средство формирования концептуальной картины мира, с другой, является объектом пристального внимания представителей той идеологии, которая стоит у власти. Активизируя прагматическую (воздействующую) функцию, власть распространяет идеологию на все сферы общественной, культурной, частной жизни. В отличие от публицистического стиля советских газет, к середине 30-х годов выработавшего практически универсальный для каждого издания набор структурирующих компонентов, репертуар стиливых черт в эмигрантской прессе значительно варьировался в зависимости от многих факторов:

- ориентация на дореволюционные стилистические каноны и/или зарубежные (национально-региональные);
- трансформация стилеобразующих особенностей, служащих для ведения острой полемики с другими печатными эмигрантскими органами;
- многопартийность эмигрантского политического поля;
- языковая дифференцированность газет, определяемая интеллектуально-образовательными критериями потенциального круга читателей.

3.0. Зарождение эмигрантской прессы и ее специфика

Оказавшись за границей, русские эмигранты поразительно быстро наладили выпуск изданий: газет и журналов, которые служили важным средством духовного, религиозного, культурного объединения русских, разбросанных или в пределах одной страны, или разбросанных по всему миру. Причины повышенного внимания к прессе и, как следствие, быстрого основания печатных органов мотивировались острой необходимостью в оперативной доставке информации русскоязычной публике. Газеты и журналы, выполняя информационно-консолидирующую функцию, заняли практически единственно возможную нишу. Радиостанции, которые стали получать широкое распространение в Европе в 1920-е годы, были фактически недоступны эмигрантам даже при наличии достаточных денежных средств, так как требовалась государственная лицензия на их открытие [ПРЗ 1999: 7]. Эпистолярные формы поддержания контактов не отвечали потребностям массового охвата и формирования единомышленников. Личные контакты и встречи эмигрантов (особенно если они жили в разных странах) затруднялись визовым режимом, сдерживались финансовыми возможностями. Поэтому естественно, что главную роль в консолидации русских беженцев выполняла пресса. Каков же охват читающей публики был у эмигрантской печати?

Аудитория журналистики Русского зарубежья

(по данным Подкомитета частных организаций по делам беженцев на 1930 г. и Службы Нансена на 1937 г.)

Годы	1922	1930	1937
Всего (тыс. чел.)	863	630	450
В том числе:			
Германия	250	90	45
Польша	175	85	80
Франция	70	175	110
Югославия	34	22	27,5
Болгария	31	22	16
Турция	35	1,5	1
Дальний Восток	145	127	94

Источник: [Жирков 2001].

Газетно-журнальные публикации уже давно, еще до революции 1917 г., стали для российского читателя более актуальным и действенным способом общественных дискуссий, чем литература. Развитая инфраструктура дореволюционной (особенно послефевральской 1917 г.) прессы, политический диапазон которой охватывал все направления общественной мысли: от крайне правого, черносотенного, до крайне левого (анархистского), – фактически была перенесена и в эмиграцию. Эмигрантские газеты и журналы сохраняли такой же разброс мнений, причем характерно, что каждая политическая группа, культурно-просветительское объединение не столько стремилось примкнуть к уже существовавшим печатным органам, сколько выпускать свою газету или журнал. Второй причиной бурного роста числа эмигрантских газет был социальный и поколенческий разрыв. Поколенческие разногласия проявлялись в том, что молодые журналисты обычно не могли пробиться в солидные газеты и журналы, которые представляли собой чаще всего корпоративную, сложившуюся еще в дореволюционный период структуру. Социальные разногласия заключались в неудовлетворенности молодых идеологическим качеством публикаций в печатных органах представителей старшего поколения. Дело в том, что все первые годы эмигрантская публицистика по сути была занята выяснением двух коренных вопросов: “как большевикам удалось захватить власть” и “кто в этом виноват”? Второй вопрос касался будущего большевистской системы” [ПРЗ 1999: 5]. Эмигранты старшего поколения явно не были склонны к покаянию и признанию своей вины, напротив – очень часто они обвиняли друг друга, сваливая всю вину за случившуюся трагедию (по крайней мере, хотя бы в этом они были едины!) на своего политического или идеологического оппонента.

4.0. Изучение языка эмигрантской прессы

Следует признать, что, несмотря на проведенные за рубежом (в СССР тема была закрыта по идеологическим причинам) весьма немногочисленные исследования о языке русских эмигрантов, эти работы все-таки не могли дать необходимого толчка систематизированному, фронтальному изучению феномена эмигрантского варианта русского языка. Подавляющее большинство зарубежных славистов на протяжении десятилетий проявляло практически полное отсутствие интереса к русскому языку зарубежья, о чем честно признался профессор Сорбонского университета Ренэ Герра (Rene Guerra): "Вообще-то французы хорошо относились к эмигрантам – с состраданием к "бедным обездоленным иностранцам". Но среди славистов Парижа не очень полагалось общаться с этими носителями языка и культуры. Дескать, они не говорят на теперешнем русском языке – языке Советской России. Только в последние годы – о, ирония судьбы! – стали изучать язык русской эмиграции" [Санкт-Петербургский университет. 1998. № 9. 23 июня]. В этом высказывании честно и верно обозначена причина доминирующего среди подавляющего большинства западных русистов (исключения единичны) достаточно безразличного отношения к русскому эмигрантскому языку. Он рассматривался в терминах упадка, деградации, консервации, пиджинизации, а это, разумеется, не способствовало формированию исследовательского энтузиазма, в отличие от повышенного внимания к русскому языку советского периода. Интерес к последнему обуславливался многими причинами:

1. политико-идеологическими: поддержка СССР и КПСС компартий в разных странах;
2. культурными: русская классическая литература 19-20 веков – Пушкин, Достоевский, Толстой, Чехов и др., советская литература;
3. собственного языковыми: высокая динамичность лексико-грамматической системы, обилие новаций, вопросы языкового планирования в СССР и мн. др.

Массовый интерес западных лингвистов к русскому языку зарубежья рикошетом пришел от исследований, широко развернувшихся в постсоветской России.

Одна из пионерских лингвистических статей о языке публицистики, точнее – о газетном языке русскоязычных изданий в США, – это публикация М. Бенсона, который, сославшись на уже выполненные исследования на материале других языков (испанского, немецкого, португальского), отметил важность изучения влияния английского языка и на русский. Сбор материалов для данной статьи был мотивирован в первую очередь прикладной целью – выявлением при билингвальном поведении речевых особенностей и отражением этих феноменов на страницах газет, т.е. в институционализированных формах русского языка. Раньше в США уже появлялись публикации или краткие справки

эмпирического содержания о влиянии английского на разговорный русский [Wells 1932; Mencken 1936: 655-675]. Статья Бенсона содержала небольшой свод эмпирических данных и некоторые методологические комментарии к ним. Поскольку основное внимание автор сфокусировал на изучении процессов заимствования английских слов в русский язык, то лексический аспект заимствования у него оказался на переднем плане, грамматический же – затуманенным, недооцененным и даже, по нашему мнению, вовсе проигнорированным. Впрочем, М. Бенсон и не скрывал своей исследовательской позиции, что в письменных источниках грамматические заимствования практически не проявляются и поэтому (как он полагал) менее значимы (less importance) [Benson 1957: 257]. Как мы покажем в дальнейшем, это исходное положение Бенсона весьма и весьма уязвимо.

Если обратиться к отечественным студиям, то одна из первых исследовательниц этой темы, Л.М. Грановская, лаконично писала: "[г]азетно-публицистический стиль за рубежом продолжал традиции русской дореволюционной печати, используя ее клише, штампы, способы выражения, естественно дополненные новыми, возникшими уже за рубежом.." [Грановская 1995: 101]. Однако нужны конкретно-лингвистические разыскания, доказывающие и подтверждающие это безусловно верное высказывание о комбинации и традиционных, и новаторских элементов в языке эмигрантской прессы на разных уровнях: графическом, лексическом, грамматическом, стилистическом. Комплексного же исследования газетных эмигрантских текстов еще не было проведено по многим причинам, в основном нелингвистического характера:

- а) сосредоточение архивов эмигрантских газет за рубежом и очевидной архивной неполнотой собраний в России;
- б) закрытость темы для советских исследователей в СССР;
- в) трудоемкость сбора эмпирического материала.

Газетно-публицистический стиль первых лет советской эпохи уже многократно служил объектом изучения, однако функционирование языка в ранней эмигрантской публицистике пока сводится либо к описанию отдельных, частных фрагментов языковой системы: структурных текстовых скреп некоторых газет [Краснова 1995; 1999], или исследованию тех или иных сквозных концептов, напр., *Россия* [Зеленин 2001с; 2002а; Лапшинов 2001], *пророк* [Реброва 2000], или к цитированию газет и журналов как вспомогательному, факкультативному инструменту описания новаций/архаизмов в эмигрантском узусе [ЯРЗ 2001; РЯЗ 2001]. Если не считать sporadических ссылок на эмигрантские газеты и цитат из них в монографиях лингвистов по языку русской эмиграции и в работах историков, описывающих зарубежные эмигрантские издания, специальных исследования эмигрантской прессы в русской и мировой русистике еще нет.

5.0. Источники исследования: основные и факультативные

Трудность исследования заключается и в том, что в современной русистике, как ни парадоксально покажется такое утверждение на первый взгляд, отсутствуют обобщающие и систематизирующие работы по языку публицистики начала 20 в., не говоря уже об исследованиях языка эмигрантского публицистического стиля. Внимание чаще приковано к устному языку, языку художественной литературы, локальным, замкнутым социолектам (молокане, старообрядцы). Таким образом, в необходимой для полноценного описания публицистического языка триаде: русский дореволюционный язык газет – язык газет советской поры – язык эмигрантской прессы отсутствует два крайних члена, что существенно снижает наши знания о реальном функционировании русской языковой системы в сфере массовой коммуникации в первой половине 20 века в его основном, магистральном русле – газетно-журнальном. Поэтому нам приходилось ориентироваться как на лингвистические работы, вышедшие сразу по свежим следам революции ([Mazon 1920; Карцевский 2000; Селищев 1928; СУ; и некоторые другие]), так и на разделы в монографиях, на статьи, рассматривающие изменения в послереволюционном языке, более позднего времени. Сопоставительный анализ русской эмигрантской и советской прессы не является целью нашего исследования, но тем не менее выступает важным фоном для наблюдений над языковой практикой эмигрантских газет. Необходимо подчеркнуть и другой важный аспект нашего исследования: проведение детального анализа советской прессы не входило в наши намерения и задачи, ибо это явилось бы темой другого монографического описания (сошлемся на интересную междисциплинарную работу: [Gorham 2003]).

Итак, материалом нашего исследования являются выписки (цитаты) из эмигрантской прессы разной политической направленности: от крайне "правых" и народно-патриотических до "левых", радикально-анархических; список газетных источников и краткая издательская справка приведены в *Приложении 2*. Достаточно широкий (на наш взгляд) спектр источников может гарантировать с необходимой степенью полноты возможность продемонстрировать лексические, грамматические, прагматические особенности, присущие той или иной группе печатных изданий (в зависимости от политического направления, социальной базы читателей). Выбор источников определялся ключевой интенцией: использовать при анализе печатные издания, политическая позиция которых была зачастую полярна, и на основе этого выявить наиболее характерные (типические) черты, свойственные той или иной газете, тому или иному дискурсу. По нашему мнению, это является более важным в исследовательском и ценным в фактологическом отношении аспектом, чем дескриптивное описание многих тысяч однотипных (и в политико-идеологическом, и в языковом аспекте) эмигрантских газет. Таким образом, квалификативный анализ – в центре нашего внимания, квантификативные же характеристики собранного материала выполняют также важную, но все-таки вспомогательную (инструментальную) роль.

Необходимо упомянуть и о других факультативных источниках в нашей работе. Одним из фоновых материалов нашего исследования служат записи устной речи эмигрантов первой волны, условно называемые нами Тамперским корпусом. Это магнитофонные записи, сбор которых начался с 1986 г. и которые в настоящее время хранятся на кафедре Славянской филологии университета г. Тампере (Финляндия). Другим фоновым источником служат цитаты из литературных источников преимущественно 19 в.; советские газеты цитируются лишь sporadически, чтобы оттенить какую-либо языковую особенность эмигрантского словоупотребления. Цитатный материал 19 в. мы сочли важным и необходимым включить в свою работу с целью проиллюстрировать положения и гипотезы, касающиеся сохранения, консервации языковых черт, присущих русскому узусу (в основном литературно-художественному) предшествующего времени (19 – начало 20 в.). Выбор таких типов источников в качестве фоновой контрастной базы неслучаен, так как позволяет увидеть сходства/различия в функционировании языковых элементов разных ярусов (графика, лексика, грамматика, синтаксис) газетно-публицистического стиля в эмигрантской и советской прессе, а также, в некоторых случаях, дополнить, оттенить (подтвердить или скорректировать) примеры из письменных источников устным узусом.

6.0. Хронологические границы исследуемого материала

Отбор и хронологическое ограничение газетного материала определялся экстралингвистическими факторами: 1919 год, нижняя граница, – это начало массовой эмиграции из Советской России, организация печатных органов за рубежом с целью критики большевистского строя; 1939 год, верхняя граница, – это практически завершение первой волны эмиграции и подведение определенной черты в эмигрантской прессе. На протяжении двух десятилетий эмиграция (включая различные оттенки политической палитры) строила за рубежом Россию вне России, политически, идеологически дифференцированное сообщество, именно сообщество, объединяющим, консолидирующим компонентом которого являлась идейная, по сути, основа – осознание своей культурной миссии и ее сильная реализация. Огромная по численности русская диаспора, озабоченная не только и не столько проблемами физического, психического выживания, но и генерированием новых идей, воспроизводства культурных ценностей, создавала и создала свой неповторимый мир. Начало Второй мировой войны оказало значительное, во многом деморализующее, влияние на эмигрантов. Особенно это отразилось на эмигрантской массе в Германии после прихода к власти Гитлера; эмигранты, ранее видевшие в этой стране своего защитника, покровителя и, главное, будущий ударный авангард для борьбы с большевизмом, после заключения сепаратного мира между Германией и СССР (пакт Молотова-Риббентропа), находились почти в

шоковом состоянии. В течение 1940-х годов в Германию сотнями тысяч стали прибывать перемещенные лица, т.е. военнопленные с Балкан, Восточной Европы или люди, использовавшие гитлеровскую оккупацию как возможность бежать от советского режима. Эта категория иммигрантов оказалась за границей уже совсем по другим причинам, чем эмигранты первой волны, у них уже не было прежней объединяющей идеи – воссоздания России за рубежом, они не декларировали каких-либо культурных, политических концепций; в подавляющем большинстве они искали мира, покоя, безопасности. Кроме того, молодое поколение эмигрантов, вышедшее на культурную и политическую арену, но выросшее, а также идейно, духовно, ментально сформировавшееся уже за границей в значительной мере оказалось интегрированным в жизнь приютивших стран, оно уже утратило прежний заряд "стариков" – неперемного возвращения на родину. Смена жизненных приоритетов и установок в конце 1930-х – 1940-е годы в русской диаспоре оказалась очевидной, что серьезно подорвало если не монолитность, то духовную сплоченность, основанную на общей оппозиционности советскому режиму, старшей эмиграции; русская диаспора раскололась, стала более индивидуализированной, полицентричной. Вследствие этого периодом существования России за рубежом, т.е. "общества в изгнании", принято считать 1919-1939 гг. [Раев 1994: 16-17; ПРЗ 1999: 4]. Печатные органы именно в конце 1930-х годов оказались перед трудным политическим, идейным, моральным выбором: принять сторону германского фашизма, желая поражения Советской России, или встать на сторону сталинского СССР. Некоторые предпочли первый вариант, большинство – второй. Изменение отношения к войне с СССР существенно отразилось и на языке, прагматических оценках эмигрантской прессы. Эти экстралингвистические обстоятельства и мотивировали выбор хронологических рамок газетных материалов, выбранных для изучения.

7.0. Цели и задачи исследования

Авторы [ЯРЗ 2001], выбрав в качестве основного объекта описания устный язык эмигрантов разных волн, справедливо отмечали, что в целях корректного суждения о языковых процессах в речи русской диаспоры необходимо дифференцировать язык эмигрантов первого поколения (людей, покинувших родину с полностью усвоенным, сформированным языком), и язык последующих поколений (людей, вывезенных или в раннем детстве или родившихся уже за границей). При изучении языка эмигрантов со сложившейся языковой компетенцией объектом изучения будут изменения, которые претерпевает усвоенный на родине язык в условиях иноязычного и инокультурного окружения. Во втором же случае исследование стремится ответить на вопросы о речепорождающих процессах, показывающих усвоение индивидом/индивидами русского языка в иноязычном окружении.

Эмигрантские газеты, начавшие выходить за рубежом сразу же практически с первых дней беженства, создавались людьми, языковой багаж которых уже сложился в предреволюционное время. В первые месяцы и годы революционного времени их языковая компетенция, конечно, могла претерпеть некоторые изменения в результате бурных социальных, политических, языковых катаклизмов. Исходной точкой нашего анализа является констатация следующего тезиса: языковые умения журналистов, писателей, авторов писем в газеты являются уже сложившимися, сформированными, устоявшимися. Однако, на наш взгляд, при описании эмигрантского языка нельзя сосредоточиться только на изменениях, в языковом материале необходимо видеть и черты стабильности, устойчивости, обеспечивающей преемственность и неразрывность языкового континуума. Таким образом, в данной работе нашей целью является фиксация как языковых трансформаций, так и языковой консервативности в сфере публично-риторического использования русского языка вне территориально-государственных и этнических границ. Исследователями уже неоднократно отмечалось, что газетно-публицистический стиль эмигрантской печати не претерпел столь существенных изменений, как соответствующий стиль советских газет. Однако можно ли квалифицировать состояние газетно-публицистического стиля эмигрантской прессы только в терминах и категориях консервации, архаизации? На наш взгляд, нет, потому что на него оказывали влияние и иноязычные образцы зарубежной печати, и изменения в речевых навыках эмигрантов, в свою очередь проникающих на страницы печатных органов, и даже советская пресса скорее как отрицательный лингвориторический образчик, также воздействующий (в разных пропорциях, эксплицитно или имплицитно) на пишущего эмигрантского журналиста или читателя.

Дескриптивное описание языкового материала эмигрантской прессы позволяет нарисовать реальный языковой портрет разных типов эмигрантских газет, но не ограничивается только этим; дескриптивность лишь инструмент анализа. Систематизация языковых фактов дает возможность выводить общие тенденции и закономерности в использовании тех или иных языковых элементов, присущих газетно-журнальному стилю эмигрантской публицистики. Это и определяет цель нашего исследования – представить дескриптивно-содержательную характеристику языковых особенностей эмигрантской прессы.

Достижение исследовательской цели работы предполагает решение конкретных задач. Они таковы:

1. дать систематизированное, комплексное описание языковых особенностей эмигрантских газет первой волны;
2. провести (по возможности) контрастивный анализ языка эмигрантской прессы с советской в данный промежуток времени (1919-1939);
3. показать специфику языкового репертуара разных типов эмигрантских газет (демократических, монархических, анархических, фашистских);

4. охарактеризовать динамические процессы в языковом строе эмигрантской прессы, обусловленные иноязычным окружением;
5. выявить социолингвистические, социокультурные факторы, оказывающие влияние на активность/пассивность языковых процессов;
6. представить типологию прецедентных феноменов, формирующих интеллектуально-аксиологическое поле эмиграции первой волны.

Как ясно из перечисленных задач, изучение языка эмигрантской прессы проводится нами с опорой на лингвистические методы исследования, однако сам объект анализа, газетно-публицистический стиль, отображающий социальную жизнь эмигрантского сообщества, в некоторых случаях диктует необходимость расширения лингвистического поля и выхода за пределы собственно лингвистики. В данном случае обращение к культурным, историческим и прочим фактам помогает объяснить те или иные закономерности и тенденции в использовании языковых элементов на страницах эмигрантской прессы. Поэтому далее мы довольно подробно сосредоточимся на экстралингвистических (исторических, политических, социокультурных, психоментальных) характеристиках первой волны эмиграции.

8.0. Историко-культурный фон

Изучение эмигрантской прессы с языковой точки зрения – центральный исследовательский вопрос данной работы. Самое понятие «эмиграция» в современном дискурсе рассматривается с различных точек зрения: и как вынужденное или добровольное переселение из одной страны в другую (1), и как некоторая совокупность проживающих в той или иной стране лиц (2), и как уходящее корнями в историю явление (3), и как способ сохранить культурные, языковые традиции за пределами этнической территории (4). Отношение государства к эмиграции в разные исторические периоды могло значительно варьироваться. Так, в царской России эмиграция была запрещена, она квалифицировалась как противозаконная и нелегальная (это, кстати, одна из важнейших причин, почему так неохотно беженцы из России называли себя эмигрантами), но временный выезд за границу в дореволюционной России входил в круг свобод индивида.

В данной работе мы будем понимать под эмиграцией два понятия: 1. совокупность беженцев (эмигрантов), проживающих в какой-либо стране; 2. перемещение, переселение из какой-либо страны в другую, вызванное различными причинами, но в первую очередь социально-политическими. Однако сначала надо определить семантические и содержательные границы эмиграции относительно других смежных понятий.

8.1. *Миграция, эмиграция, диаспора*

В современной историографии и социологии миграционных процессов активно обсуждаются содержание и понятийные границы трех ключевых обозначений: миграция, эмиграция и диаспора. Кажется, что к лингвистике это имеет весьма опосредованное и отдаленное отношение, однако в социолингвистическом аспекте выяснение смыслового наполнения этих понятий и тем самым признания их терминами, релевантными для лингвистики, небезразлично с двух позиций:

1. с точки зрения применяемых методов исследования языкового (речевого) материала представителей этноса, оказавшихся за пределами материнского (материкового) языка;
2. с позиции психоментального мира индивида/индивидов: осознания им/ими своей национальной, религиозной, культурной и т.д. идентичности на фоне другого/других, признания необходимости аккультурации или, напротив, открытого неприятия, отторжения чужой культуры, ее морально-ценностной, поведенческой шкалы и тем самым добровольно выбранной самоизоляции и маргинального положения в чужой культуре, социуме и т.д.

Если обратиться к истории России и выездам, миграциям русских¹ за границу, то такие перемещения начались давно: так, в Византийской империи с 11 в., а в Болгарии с 12-13 вв. были выходцы с восточнославянских земель. В 18 в. некоторые русские дворяне предпочитали проживать в Италии, Франции. В 19 в. начались вынужденные выезды из России лиц по революционным убеждениям (революционеры-демократы останавливались обычно в странах Западной Европы). К середине того же века выросло количество подданных Российской империи, отправлявшихся за границу на длительное время: учеба, курорты ("ездили на воды"), развлечения, путешествия (зажиточные дворяне, купцы), творчество (художники, писатели). Другая часть выезжающих отправлялась в поисках лучшей доли – так, к концу 19 века ежегодно российские границы пересекало 30-50 000 человек [Муромцева & Перхавко 1999]. В конце 19 – начале 20 в. выросло число уезжающих по религиозным и национальным мотивам (евреи, поляки, народы Кавказа). Многих, особенно тех, чей отъезд был обусловлен религиозными причинами или поисками работы, привлекала Северная Америка, прежде всего США и Канада: в последние два десятилетия 19 в. из России уехало примерно 1 140 000 человек, в первые 15 лет 20 века – еще около 1 100 000, т.е. в общей сложности примерно за 50 лет выехало 2,5 миллиона россиян [Тишков 2000: 54]. Новый Свет притягивал отъезжавших как магнит, как золотое и сказочное Эльдorado. Так, в США в период с 1820 по

---

¹ В самом широком смысле слова, т.е. лиц, которые владеют русским языком и общаются на нем за пределами России, в зарубежных странах, отчего и получают генерализованное обозначение "русские" безотносительно к этнической принадлежности, даже если они по своему происхождению татары, украинцы, белорусы, чеченцы и др.

1917 г. приехало 3,3 миллиона иммигрантов, но русские¹ среди них составляли не более 5%, причем бóльшая часть их была занята в сельском хозяйстве; в частности, в 1920 г. на фермах работало примерно 33 000 русских [Нитобург 2002]. Однако все-таки такого человеческого "выброса", такого массового исхода граждан бывшей Российской империи, как после 1917 г., отечественная история не знала. Именно эту группу чаще всего именуют политической, военной, "белой" эмиграцией [Муромцева & Перхавко 1999; Тишков 2000; и др.].

В чем заключается коренная разница между выехавшими в 19 веке и после 1917 года? В том, что ранняя миграция обычно не была основана на идеологических основаниях (за исключением довольно немногочисленных и маргинальных для российского общества 19 в. революционеров самых разных политических "мастей"). Каковы же основные социальные, идентификационные, образовательные, социумные критерии применимы к такого типа неполитическим переселенцам?

Во-первых, миграция носила в основном трудовой характер, имела перед собой ясные и конкретные экономическо-хозяйственные цели, пребывание экономических переселенцев в стране проживания было сопряжено с борьбой за существование и выживание.

Во-вторых, довольно низкий образовательный уровень; люди, занятые интеллектуальными сферами деятельности, в такой миграции, как правило, отсутствовали.

В-третьих, трудовая миграция была привязана к России прочными экономическими (эмигранты регулярно высылали своим родственникам, оставшимся в России, деньги), родственными, духовными связями (общая религия; для русских это русская версия православия, у которого в то время не было региональных ответвлений и тем более не было конфронтации с московским патриархатом, если не брать в расчет некоторые староверческие, молоканские группы или последователей учения Льва Толстого).

В-четвертых, миграция никогда не занималась саморефлексией, и у нее даже не возникало такого намерения и потребности в этом, не было необходимости оформить свое пребывание за границей как социально-политическую оппозицию, осознать себя как некий сплоченный (на тех или иных культурно-религиозных, этнических и др. основаниях) монолит, особый или обособленный от своей родины.

Все перечисленные признаки являются конституирующими (если поменять их модальность на противоположную) для признания эмиграции после 1917 года как именно политико-идеологической. Абсолютное большинство групп переселенцев из России до 1917 года можно назвать мигрантами, но после 1917 года – уже эмигрантами, которые и стали формировать русскую (российскую) диаспору в 20 веке. Наличие в составе выехавших из России большого числа

¹ К "русским" в американских статистических и энциклопедических пособиях относили собственно русских (великороссов), украинцев (малороссов), белорусов, российских евреев, прибалтийцев, карпатороссов (Галиция) [Нитобург 2002].

интеллектуальной элиты, высшей военной верхушки, аристократии, вынужденно оставивших свою страну, во многом объясняет то гораздо более острое и напряженно-болезненное чувство покинутой, утраченной, потерянной родины, чем тоску, переживания трудовых мигрантов, ностальгирующих, очевидно, все-таки меньше и без такого сгущенного морально-психологического надрыва. Вынужденным беженцам нужно было осмыслить и свое местоположение в раскладе политических сил, и свою позицию по отношению к бывшей родине, и причины своего бегства, и необходимость сохранить "Россию вне России". Перед эмигрантами стояли и вставали отчасти схожие с мигрантами проблемы (трудоустройство, заработок на жизнь), но вместе с тем задачи такого масштаба и ранга, которые не сопоставимы по трудности и культурной значимости с вполне прагматическими намерениями людей, поставивших себе целью экономически выжить и материально преуспеть. "Дiaspora – это явление прежде всего политическое, а миграция – социальное" [Тишков 2000: 57; подробнее о лингвистической истории понятий «diaspora», «эмиграция» см. в: [Зеленин 2000a)]. Diaspora действительно формируется эмигрантами, иными словами это пустившая в чужой стране корни часть какого-либо этноса, осевшая там на длительное проживание, из чего следует, что diaspora – этнически и культурно единообразная группа. Рост diasпоры происходит как за счет родившихся уже на "чужой" земле, так и за счет новых переселенцев. С понятиями diasпоры и миграции соприкасается обширное, принятое скорее в публицистике, нежели в научном дискурсе, понятие «русское зарубежье». Оно не сводимо ни к этноязыковому понятию *русской эмиграции*, ни к социокультурному феномену *русская diaspora*. Зарубежные россияне – многонациональное сообщество, говорящее, в основном, в своей среде преимущественно на русском языке [Елистратов 2002].

8.2. Волны русской эмиграции

По уже выработанной и установившейся в эмигрантологии¹ традиции эмигрантские потоки 20 в. в зависимости от социально-политических мотивов, их

¹ Кажется, автором этого термина стал польский специалист, активно изучающий третью волну эмиграции из России, Люциан Суханек, предложивший на 12 Международном конгрессе славистов (сентябрь 1998 г., Краков) использовать термин-неологизм *homo emigrantus*, а науку, изучающую эмигранта/эмигрантов с разных точек зрения, называть эмигрантологией: "Ко всем можно применить общий термин «*homo emigrantus*»". Этот термин вызвал споры и возражения: "Я не уверен, что можно говорить об эмиграции вообще – следовательно, об эмигрантологии, – не учитывая специфического характера исторического и культурного развития каждой страны" (Мишель Окутюрье, глава кафедры славистики Сорбонны); "Необходимо более конкретно и внимательно посмотреть на эмигрантскую массу; проводить больше различия между отдельными центрами эмиграции; больше внимания надо уделять связям с местной средой и разделять поколения" (В. Ронин) [Русская мысль. 1999. № 4294. 25 окт.]. Однако можно с уверенностью сказать, что термин прижился; ср. наименование раздела "Эмигрантология" и одноименного эссе

вызвавших, делятся на 4 периода, или так называемые "волны" [Назаров 1992; Фрейнкман-Хрусталева & Новиков 1995; Грановская 1995; Караулов 1995; ЯРЗ 2001; Пфандль 2002; и др.]. Мы полагаем, что в настоящее время можно говорить о пяти волнах русской (не в этническом аспекте термина) массовых переселений.

Первая волна (1917-1939) – послереволюционная, вызванная в первую очередь политическими причинами (смена общественного строя, разногласия внутри победившего социал-демократического лагеря, поражение белых армий). Центры расселения эмигрантов – западноевропейские страны, страны Центральной и Южной Европы (Чехословакия, Болгария, Сербия, Турция), Юго-Восточная Азия (Маньчжурия, Харбин, Шанхай)¹.

Вторая волна (1939 – середина и конец 1940-х годов) – военная; в это понятие включают как военнопленных, попавших в немецкий плен и оставшихся в послевоенное время за границей, так и русских, перешедших на сторону фашистов в годы Великой Отечественной войны (напр., армия генерала Власова, русские полицаи), а также дезертиров. Центры расселения – Германия, Австрия, Англия, Канада, Австралия, США, Швеция.

Третья волна (примерно 1965-1985) – так называемая диссидентская (насильственная высылка с лишением советского гражданства антисоветски или просто либерально настроенных интеллигентов, борцов за свободу слова и личности) или еврейская (разрешенный выезд евреев из СССР). Центры расселения – США, Израиль, Франция, Австрия.

Четвертая волна (с конца 1980-х до середины 1990-х годов) – этническая: легальный выезд из страны, связанный с эпохой либеральных политических свобод, а также нарастанием политической нестабильности накануне распада СССР и экономического фактора; покинули страну прежде всего евреи (в Израиле переселенцев из России называют *алия*), немцы, финны (ингерманландцы, карелы), поляки, греки. Центры расселения – Германия, Израиль, США, Канада, Греция, Финляндия, Польша. Репатрианты получили возможность вернуться в прежние места проживания или на родину своих предков.

Пятая волна (с середины 1990-х годов) – экономическая или интеллектуальная (*brain drain* "утечка мозгов"). Эта "волна" не упоминается в приведенной выше литературе по эмигрантологии, однако ее отличие от предыдущей очевидно, поэтому охарактеризуем ее чуть подробнее. Действительно, если в начале 90-х годов эмиграция в страны дальнего зарубежья носила, в целом, ярко выраженный этнический или репатриационный характер, то во второй половине 90-х она постепенно теряет эту специфическую черту, и на первый план отъезда за границу выходят экономические факторы. Значительно рас-

---

Ю. Борева, пытающегося найти смысловое содержание и определить границы термина, в книге: [РЗ 2004].

¹ Разумеется, нельзя и не стоит сводить всю русскую эмиграцию первой волны к людям, антисоветски настроенным и действующим: ведь из огромного числа эмигрантов только 150 000 стали активными антибольшевиками, готовившими теракты в СССР и участвовавшими в насильственном свержении советского режима.

ширилась и география расселения россиян (не только этнических русских, но и представителей других национальностей): как развитые страны, так и развивающиеся (Бразилия, Мексика, Турция). Почти все (или многие) уезжающие за рубеж хотят сохранить российское гражданство и паспорт. Они (с разной степенью регулярности в первую очередь из-за финансовых трудностей) ездят в Россию. Некоторые имеют даже свой бизнес, другие пытаются организовать с Россией деловое сотрудничество в самых различных сферах. Чаще всего едут высококвалифицированные специалисты, уже прошедшие первую школу труда в рыночной экономике (Карьера. 1998. № 7), хотя есть и те, кто стремится уехать по чисто материальным мотивам (возможность получения жилья, более высокие доходы, даже если принять во внимание только пособие по безработице, достаточно высокая социальная защищенность (в некоторых странах) и т.п.). Кроме того, после экономического кризиса в России в 1998 г. было довольно много таких людей, кто готов был добровольно понизить свой материальный достаток и социальный статус с целью избежать социально-психологического напряжения, дискомфорта, проживая в России. Разумеется, ими двигали иные мотивы отъезда, чем так называемыми "колбасниками"¹. Социальный статус, профессиональная дифференцированность (от студентов, желающих заработать на курортах в теплых странах до высококвалифицированных специалистов), психологические установки у выезжающих из России людей, объединяемых в пятую волну, очень разнородны, но тем не менее они значительно разнятся от условий эмиграции первых четырех волн. Применительно к последней волне некоторые вообще отказываются признать ее как эмиграцию; вот, в частности, мнение П. Вайля: "Сейчас, по моему глубокому убеждению, понятие эмиграции как культурного феномена во всех отношениях вообще уничтожается, нивелируется. Какая разница, какая эмиграция, если можно взад-вперед ездить?" (Новое время. 2001. 4 нояб. № 2921).

Эта социополитическая, социокультурная классификация четырех (э)миграционных потоков из России в 20 в. в принципе принята в эмигрантологии (наличие пятой волны – дискуссионный вопрос: это *еще* политическая эмиграция или *уже* трудовая миграция?). Конечно, внутри или на стыке эмигрантских волн чаще всего происходила довольно болезненная по своим психоментальным проявлениям инициация наступающей волны: эмиграция

---

¹ Б. Слуцкий в статье «И все же они приезжают» в крупнейшей русской газете Израиля «Вести» пишет: "В августе 1998 года мне сложно было понять, почему люди, не уехавшие в более стремные времена расстрела парламента, войны в Чечне и явной деградации власти, вдруг испугались уже много раз происходившего падения банковской системы. Рискну высказать версию. У людей КОНЧИЛИСЬ [выделено автором статьи. – А.З.] силы, исчерпан до дна весь запас оптимизма и надежды. Сколько можно биться, если в итоге все сведется к нулю? Их уже не обрадуют изобилие продуктов и красивые витрины: в Москве витрины куда шикарнее наших. К свободе слова они давно привыкли. Не удивить их и открытостью границ: кто чаще, кто реже, все они покатались по разным странам. Эти порядком измененные люди ищут покоя и стабильности". (цит. по: Б. Гордон. Невроз ожидания // Огонек. 2000. № 3.)

первой волны с трудом признавала вторую, еще меньше – третью и совсем неохотно, скептически или даже презрительно относилась к четвертой, ”колбасной”. Характерным и наглядным примером эмиграционного столкновения являлась острая, колкая, порой язвительная дискуссия, развернувшаяся совсем недавно на страницах ”Русской мысли” после публикации полемиического и в определенной степени утрированного письма А. Полянской, где она живописует ”четвертую волну” (в кавычках; очевидно, автор закавычиванием понятия намеревается показать его фиктивность, надуманность, искусственность, обусловленную стремлением таких мигрантов ”встроить” себя с самооправдательной целью в градацию эмигрантских волн без достаточных на то оснований) следующим образом: ”Главная особенность ”четвертой волны” – это искреннее убеждение, что им должны все – Франция, церковь, любой соотечественник или прохожий. Они не просят, а требуют: денег, вида на жительство, квартиру, пособие, карту социального страхования, бесплатную ветчину и т.д. [...] Если первая, вторая и третья волна русской эмиграции встречались по меньшей мере в соборе Александра Невского на рю Дари, то представители четвертой волны в храмы не ходят. Они ходят только в те места, где им что-нибудь дают. [...] ”четвертая волна” – это не только маргиналы и люмпены, это еще и русские жены французов, обретенные по Интернету, и солдаты удачи из Иностранного легиона, гастарбайтеры, студенты, ”новые русские”...” (Русская мысль. 2001. № 4345). После этого письма последовала бурная и жесткая полемика в № 3448 этой газеты, подавляющее большинство откликов квалифицировало письмо А. Полянской как ”лицемерное и злопахотельское”. Этот небольшой пример показывает, как непросты и даже конфликтны отношения между волнами эмиграции внутри эмигрантского мира. Отсутствие в четвертой волне эмиграции ярко выраженного идеологического (политического) компонента, а именно: неприятие советского строя – остро ощущается старшим поколением эмиграции. Не случайно Н. Струве вообще сомневается в существовании такого термина и стоящего за ним феномена: «Четвертая эмиграция – понятие более размытое, нежели эмиграция предыдущих волн. [...] Сегодня это люди, временно «пребывающие» на Западе. Был какой-то зародыш четвертой эмиграции, когда экономически, психологически люди не верили в перестройку и искали счастье на Западе. Но это уже не эмиграция». [Дружба народов. 1997. № 11]

Пожалуй, менее всего споров среди и специалистов, и самих эмигрантов вызывает первая волна эмиграции ввиду совершенно особых условий ее появления и массовости вынужденного выезда. Обладала ли эмиграция первой волны какими-то специфическими особенностями в сравнении с другими? Н.А. Струве в своей книге, подводящей итог его размышлений о феномене русской эмиграции, пытается нарисовать перед читателем общий портрет эмиграции первой волны с четырех позиций: социологической, географической, статистической и феноменологической [Struve 1996]. Эмиграцию первой волны как некий единый социокультурный феномен формирует набор признаков.

Признаки, интегрирующие эмигрантское сообщество на основе негации:

- отрицание, неприятие советского строя;
- отторжение культурно-моральных ценностей нового общества.

Признаки, интегрирующие эмигрантов на основе позитивных критериев:

- социально-психологическое единство (близость или сходство морально-нравственных ценностей, заложенных в процессе воспитания, наличие так называемой "общей апперцепционной базы": эмоционально-психические реакции, фонд общих знаний, обусловленных единой средой проживания, и др.);
- религия (как правило, православие; было возможно объединение и по другим конфессиям: иудаизм, мусульманство; атеизм являлся скорее чертой "левых" движений и партий, достаточно немногочисленных и в процентном отношении значительно уступавших эмигрантам, принадлежащим к той или иной вере);
- языковое единство (русский язык (а также и другие языки) как основной транслятор культурной, исторической памяти, один из важнейших инструментов поддержания и сохранения "русскости" в борьбе с денационализацией и т.п.).

Признаки, интегрирующие эмигрантов на организационно-структурном уровне:

- деятельность в эмиграции Земгора – Земско-городского комитета помощи русским беженцам за границей¹, роль которого в деле материальной и психо-эмоциональной поддержки эмигрантов невозможно переоценить;
- наличие многочисленных партий, групп, печатных органов, объединяющих эмигрантов по идейно-политическим, культурным и др. устремлениям и склонностям.

Эти черты во многом предопределили и следующий важный дифференциальный признак первой волны эмиграции – нежелание (или слабое желание) интегрироваться в экономику, политику, культуру, перенимать образ жизни и поведенческие стереотипы, принятые в странах пребывания, или тем более

---

¹ Земгор (как модификация существовавшего до революции института земского самоуправления) был образован в 1921 г. в Париже; его подразделения создавались с целью поддержки эмигрантов; они появились особенно быстро в странах с наибольшим количеством русских эмигрантов: Чехословакии, Германии, Болгарии, Польше, Греции, Югославии, Китае, США, Англии, Швеции и др. Председателем Земгора был выбран князь Г.Е. Львов. Земгор изначально установил свой непартийный характер, сделав центром деятельности оказание помощи всем без исключения нуждающимся российским гражданам: от небольших материальных выплат до социокультурной адаптации к местным (региональным) условиям проживания эмигрантов. Земгор имел развитую инфраструктуру, отделения во многих странах мира (подробнее в: [Сабенникова 2000]).

менять гражданство (натурализоваться). Неслучайно эмиграция так много сил тратила на борьбу с денационализацией, видя в ней реальную опасность утраты в молодежи или наименее стойких духовно и морально людях страстного желания вернуться на родину; эти люди готовы выбрать заграничную жизнь в качестве альтернативного (постоянного) варианта жизнеустройства. Исключения из этого правила, конечно, были. Чем ближе была культура, язык, быт, эмоционально-психический склад страны пребывания русскому языку, культуре, психоэмоциональному поведению эмигрантов, тем выше была возможность и вероятность денационализации и натурализации, в первую очередь это касалось славянских стран: Чехословакии, Югославии, Болгарии; напротив – в странах, чуждых и по культуре, и по поведенческо-бытовым реакциям людей, эта опасность была на порядок ниже.

8.3. *Лингвокультурный шок*

Тот факт, что эмиграция – это культурный, языковой шок для человека, осознавался и признавался уже самыми первыми беженцами (среди лингвистов следует упомянуть С.И. Карцевского, прямо использовавшего эту дефиницию для характеристики психологического состояния эмигранта [Карцевский 2000]; см. также обзорную работу о творчестве русских писателей-эмигрантов первой и третьей волны в контексте проблемы изгнания как языковой и психологической травмы [Матич 1996]). В последующем изучении языка эмиграции (независимо от типа и качества "волн") языковой стресс стал одним из механизмов, обуславливающих появление некоторых речевых черт как на уровне отдельной эмигрантской личности, так и эмигрантского микросоциума. Так, стресс как нарушение привычного для индивида образа жизни, как выведение его из культурно заданных и/или автоматизированных норм и стереотипов поведения (включая и языковые), выступает одним из лингвистических (точнее – психолингвистических) факторов, объясняющих появление инноваций на более "незащищенных" речевых участках, т.е. таких сферах языка, которые подвержены изменениям в настоящем или предрасположены, потенциально готовые к трансформациям. Эту теорию речевых ошибок на "слабых" участках языка в течение ряда лет развивает М.Я. Гловинская как применительно к речевой практике метрополии, так и эмиграции. "Почему язык эмиграции имеет опережающий характер? В литературе обращалось внимание на то, что в периоды социальных потрясений в языке фиксируется большее количество инноваций и изменений, чем в спокойные консервативные годы [...], тенденции в такие периоды как бы вырываются наружу. Эмиграция – это психологический, социальный, языковой и культурный шок. При шоке стихийное начало может брать верх над управляемым, консервативным" [Гловинская 2001: 57 сноска 10]. Этот же посыл акцентируется в [Andrews 1999], где рассматриваются языковые особенности эмигрантов третьей волны

(в США): эмигранты, воспитанные при социализме и оказавшиеся там, испытали не только социокультурный шок при соприкосновении с реальностью (многие думали, например, что безработица в США – это один из элементов советской пропаганды), но и языковой.

В современной психологии изучение стресса, возникающего у людей в процессе эмиграции (иммиграции), составляет одну из важных исследовательских областей экстремальной психологии. В частности, установлено, что психический надлом у индивида наступает примерно через 3-6 месяцев после приезда на новые места обитания, что вызывается необходимостью соотнесения себя с той или иной социальной группой, осмысление своего общественного статуса в новых условиях и выяснения того, как это согласуется с усвоенными прежде жизненными навыками. Появляется понимание, что прежний опыт в новой среде мало кого интересует, начинаются мучительные поиски работы, во многом неудачные из-за языкового барьера, отсутствия местного опыта и документов, подтверждающих квалификацию; период психологического дискомфорта может быть весьма длительным: "эмиграция – это растянутый во времени стресс" [Литературная газета. 2003. № 4. 29 янв.]

Процессы аккультурации (acculturation) особенно активно изучаются в англоамериканской школе психологии в последние 25-30 лет [Acculturation 1980; Smither 1982; Куэва-Харамильо 1985; Gans 1994; Билз 1997; Faist 2000]. Как ответвление социоэтнических штудий появились работы и по языковой аккультурации [Haarmann 1987; Пфандль 1994; Noels et al. 1996]. В настоящее время практически общепризнанными являются следующие типы поведения (аккультурации) эмигрантов:

- антиассимилятивное (нежелание, по разным причинам: культурным, религиозным, социальным, интегрироваться в новые условия проживания, подержание на высоком уровне своей национально-этнической и культурной идентичности);
- ассимилятивное (стремление к быстрой аккультурации, быстрое внедрение индивида в культурные, производственные, научные и др. микроколлективы и целенаправленное растворение в жизни новой страны проживания);
- бикультурное (стремление сохранить старые традиции, обычаи, язык с одновременным позитивным отношением к чужой культуре, быту, социальным связям людей и т.п.; осознанием себя как «другого» или, вернее, «иноного», в инокультурном пространстве).

Все эти модели аккультурации свойственны и русским эмигрантам первой волны: одни из них не хотели и не допускали возможности адаптации или тем более растворения в новом культурно-этническом окружении. Другие стремились максимально быстро освоиться в новой обстановке, закрепиться на новом месте проживания, активно обзаводились, обрастали различными связями (деловыми, культурными, социальными, семейными) в новом сообществе. Третьи пытались сохранить своеобразный паритет между своим прошлым (российским) и настоящим (зарубежным) опытом, проявляя при этом

собственную психоментальную гибкость и демонстрируя толерантность к чужому образу жизни. Разумеется, эти три модели на протяжении многих лет эмиграции находились в динамическом неравновесии: если в первые годы беженства многие рассматривали свое зарубежное пребывание как кратковременный этап на пути возвращения в освобожденную от большевиков Россию (“жили на чемоданах”), то с годами, отодвигаящими надежды на возвращение домой и укореняющими эмигрантов в новой жизни, все более начинают распространяться второй и третий типы: ассимилятивный и бикультурный (в эмигрантской терминологии противников ассимиляции, или традиционалистов, – “денационализация”).

В процессе осознания индивидом своего места в окружающем инокультурном пространстве, а также в системе межличностных отношений с другими беженцами важную роль играла постановка перед самим собой вопроса и ответ на него: кто я? какова моя национальная (этническая) идентичность? Кроме того, эмигранту нужно было понять причины бегства из страны (России); определить и корректировать хронологические границы своего возможного пребывания за рубежом; решить вопрос: поддерживать или прерывать родственные связи с русскими (российскими) родственниками; выработать свое отношение к новому социальному строю на своей бывшей родине и т.д. Язык в этом конгломерате ключевых для каждого индивида тем занимает одну из важнейших позиций, так как самоидентификация индивида во многом строится и на языковой компетенции, на лингворецептивных особенностях (легко или трудно дается индивиду изучение другого языка/других языков), количестве языков, которыми он владеет, и т.д. В эмигрантологии устойчиво выделяется два наиболее ярких конститутивных критерия, формирующих “русскость” эмигрантов: религия и язык [ЯРЗ 2001: 9]; по сути, основополагающее значение этих атрибутов подчеркивается и самими эмигрантами первой волны или их потомками. Ср. характерное признание князя Б. Голицына, родившегося уже во Франции: “Мой отец всегда говорил, что русской эмиграции нет, есть эмигранты, и у нас даже ходила такая шутка: когда в Париж попадают двое русских, они открывают три церкви и пять политических партий. Политику оставим в стороне, а вот *религия*, да еще в какой-то степени *язык* остались, пожалуй, единственными чертами “русскости” наследников первой волны эмиграции” [Сегодня. 1996. № 68. 20 апр.; курсив мой. – А.З.]. Ясно, что религиозные каноны и традиции можно без ущерба соблюдать и поддерживать и на иностранном языке (примеров тому множество), но вот сохранение языка требует от индивида намного более интенсивных психических, моральных, интеллектуальных усилий и затрат.

8.4. Основные эмигрантские центры

Расселение русских после бегства из России осуществлялось в странах и регионах, приютивших беженцев, весьма неравномерно, что имело под собой исторические, культурные, религиозные основания. Уже длительное время вектор эмиграции (не только русской) был направлен в Европу, превосходя по своей значимости и интенсивности миграцию людей в Африку, Дальний Восток, Латинскую и Северную Америку. Однако даже в пределах Европы миграционные волны затрагивали в основном Западную Европу: Францию, Бельгию, Англию, Швейцарию. Русские беженцы также предпочитали для своей временной остановки (большинство верило в быструю смерть большевистского режима) или на более длительный период пребывания вне России страны Западной Европы. Миграционные перемещения в 19 в. уже сформировали фокусированные потоки движения, эмиграция после 1917 года в основном растеклась по уже проложенным направлениям. На территории Западной Европы отчетливо выделяется четыре наиболее значимых, важных зоны русского диаспорного сосредоточения:

- западноевропейские государства: Германия, Франция;
- славянские страны: Сербия, Болгария, Чехословакия;
- приграничные государства, некоторые из них раньше являлись частью Российской империи: Польша, Финляндия, Румыния, прибалтийские страны;
- Юго-Восточная Азия (прежде всего Китай).

Проживание русских в этих зонах было обусловлено политическими мотивами (режимами, существовавшими в этих странах), культурными (наличием и сохранением старых связей), национальными (обретение некоторыми странами независимости могло сопровождаться ростом антирусских настроений), религиозными (мусульманские регионы мало привлекали русских беженцев). Многотысячная русская военная эмиграция поначалу оседала в балканских странах, проникнув туда через "константинопольские ворота"; деятели науки стремились попасть в развитые страны: Францию, Германию, Чехословакию, где они могли применить свои знания. Культурная элита видела места своего пребывания и проживания в Берлине, Париже, Лондоне как космополитических городах; российские промышленники и предприниматели уезжали в те страны, где у них или уже имелись свои капиталы, или существовали благоприятные для развития и ведения бизнеса условия: в США, Канаду (через Европу). В начале 1920-х гг. наибольшее количество русских беженцев было зарегистрировано в Германии (на 1924 г. – от 250 000 до 300 000 человек), во Франции (в 1925-1926 гг. – примерно 400 000 – 450 000 человек). Почему в 1923-1925 годы вектор русского переселения поменял свое направление и переместил "столицу" русской эмиграции из Берлина в Париж? Все дело в политических и экономических причинах: падение Веймарской республики, усиление национально-фашистских настроений, ужесточение визового режима пребы-

вания иностранцев и трудности получения вида на жительство, укрепление курса немецкой марки, сопровождавшееся сокращением временных рабочих мест. Напротив, Франция в то время испытывала нехватку рабочих рук и с целью привлечения работников (преимущественно сельскохозяйственных, промышленных) предлагала беженцам более либеральный визовый режим [Сабенникова 1997; Савицкий 2003].

Наиболее трудным было положение русских беженцев в приграничных государствах, где в начале 1920-х годов значительно ужесточилась внутренняя политика в отношении иностранцев; эти действия находились в одном ряду с проводившимся в этих странах националистическим притеснением национальных и культурных меньшинств. Эти меры коснулись, прежде всего, русских эмигрантов, так как правительства стран еще помнили недавнее имперское российское прошлое и опасались возвращения имперской политики в будущем, если в России снова водворится царистский (монархический) режим. Разумеется, такая дискриминационная политика государств заставляла многих русских эмигрантов или ассимилироваться, маскироваться (или, по крайней мере, скрывать свою национальность), или переезжать в другие, более дружественные государства.

Самое теплое к себе отношение русские эмигранты встречали в Чехословакии, Болгарии, Сербии, где правительство действительно выделяло огромные (для бюджета этих стран) деньги на поддержание эмигрантов не только в обеспечении их повседневного быта, но и на культурные и учебные программы. Так, в Праге уже в 1923 году (16 октября) был официально открыт Русский народный университет, целью которого декларировалось оказание помощи русским студентам, обучавшимся в чехословацких высших учебных заведениях, а также ознакомление граждан Чехии и Словакии с русской культурой, историей, искусством в форме лекций, концертов, литературных вечеров не только в столице (Праге), но и в провинции [Косик 2000; Аксенова & Досталь 2001; Chinyeva 2001]. Социальный состав русской эмиграции в Чехии и Словакии в 1920-е годы определялся преобладанием рабочих, ремесленников, крестьян. В начале 1930-х годов произошло некоторое смещение фокуса эмигрантов: появились выпускники пражских высших учебных заведений – инженеры, агрономы, банковские работники, торговцы, специалисты со средним техническим образованием. Структура занятости русских была в принципе той же, что и в других странах: около 90% беженцев занималось физической работой и только 7-10% – умственной (преподавание, театр, музыка) [Harbul'ova 2001].

В Турции и на Балканах оказалось огромное количество царских военнослужащих после неудачных военных действий против Красной Армии на Дону и в Крыму. Несмотря на трудные условия, генерал Врангель сумел осуществить практически невозможное: эвакуацию 75 тысяч офицеров, казаков, рядовых и 60 тысяч спасенных беженцев на 126 судах. Таким образом, в Турции оказалось около 140 000 русских эмигрантов; основное место расселения русских – местечко Галлиполи, ставшее не просто и не только военным ла-

герем, но частью российского государства. Врангель всеми силами пытался сохранить организационную структуру русской армии и ее боеспособность, полагаясь на помощь Антанты [Пивовар & al. 1994; Замятин 2002]. Однако ограниченные финансовые ресурсы, деморализация военных, необходимость кормить и содержать огромное количество мирных беженцев заставили Врангеля в 1921-1922 гг. осуществить еще одну эвакуацию: на этот раз уже в славянские страны – Болгарию и Сербию. Когда солдаты и офицеры покидали Турцию, в память о Галлиполи всем солдатам и офицерам 1-го корпуса были выданы железные кресты с надписью "1920-21 годы". Вручая эту награду, генерал Кутепов объявил, что она символизирует крест, который несли чины армии в изгнании [Смирнов А. Армия Врангеля: жизнь после смерти // Русский курьер. 2004. № 114. 4 июня]. После вывода основного армейского контингента из Турции Врангель в феврале-марте 1922 г. переехал в Югославию, где создал Русский Общевоинский Союз (1 сентября 1924 г.), важную общественно-профессиональную организацию для всего русского зарубежья. Но не все военные покинули Турцию. Так, еще в сороковые годы в Стамбуле жили тысячи русских эмигрантов и их потомков. Правда, уже в 20-30-е годы началась сильная ассимиляция с турками, "отуречивание". Вот фрагмент воспоминаний одного из "русских турков": «Бывший офицер Венямин Лишкевич переделался в Вехби Лачина, Алексей Плотников стал Асланом Демиртажем. Да и я [автор воспоминаний. – А.З.] был Попковым, а в 1937 году, когда появилась возможность принять турецкое гражданство, стал Паккером. Принуждения никакого не было, но если решил здесь остаться навсегда, лучше не слишком выделяться. Однако православие и я, и моя жена сохранили – это для нас был вопрос принципа. В общем, все по присказке, которую эмигранты в 20-е и 30-е годы любили повторять: "Я не турок, я не грек, а я русский человек"»¹ [Смирнов: там же].

Уже во время Гражданской войны в России 1918-1922 гг. и особенно после нее началась массовая эмиграция частей "белого" движения в Китай. Согласно китайской статистике, к концу 20-х в Шанхае проживало около 25 тыс. русских эмигрантов. В Харбине их было в четыре раза больше – около 100 тыс.; в так называемой полосе отчуждения КВЖД² – еще 100 тыс. [Юнхуа 2002]. Компактные поселения русских существовали в Китае и раньше. Именно поэтому Харбин, в частности, уже изначально существенно отличался от других центров русского зарубежья (Берлин, Прага, Белград, Париж), которые сконцентрировали много русских политических беженцев. Русская диаспора в Китае оказалась одним из самых крупных, устойчивых и долговременных

¹ Переиначенная пословица 19 в., распространенная в основном в южных областях Велико-россии: *Папа – турок, мама – грек, а я – русский человек.*

² Полоса отчуждения – земельные угодья, находящиеся на расстоянии до 30 км по обе стороны от железнодорожной Транссибирской магистрали, по заключенному в 1896 году договору между Китаем и Россией сроком на 80 лет. По этому договору русские (с помощью местного населения) строили города, поселки, станции, оставаясь при этом подданными России; у русских были свои администрация, суды, банки, школы.

средоточий русской эмиграции. Она просуществовала полвека – вплоть до конца Второй мировой войны, когда советские войска вступили на территорию Маньчжурии, которая с 1931 года находилась под японской оккупацией. Итак, специфика русской миграции в Китай заключается в перерастании экономической миграции (во времена строительства КВЖД) в политическую (белое движение) [Мелихов 1994; Батожок 1995; Дубинин & Ципкин 1996]. После заключения советско-китайского соглашения в 1924 г. многие бывшие российские подданные, особенно служащие КВЖД, вынуждены были перейти в советское гражданство, чтобы не потерять работу. Из общего числа ”русских” в Маньчжурии приблизительно 50 тыс. человек являлись гражданами СССР, а остальные 60 тыс. – эмигрантами. Разумеется, и пресса отражала политическую дифференциацию русской диаспоры. В силу конкретно-исторических причин основная масса русских эмигрантских изданий выходила в городах Шанхае и Харбине. Политический спектр был весьма пестрым: одна часть поддерживала белое движение, надеясь на его скорую победу, другая симпатизировала советской власти [Юнхуа 2002].

Существование большой и сильной русской дореволюционной колонии в Китае долгое время давало положительный импульс политическим беженцам из России, обеспечивая им большую духовную свободу, сравнимую, а в чем-то даже превосходящую степень свободы на Западе. Сотни тысяч переселенцев, продолжавших считать себя подданными Российской империи, сами устанавливали порядки и законы на территории своего расселения, создавали собственные вооружённые отряды и полицию. Воспоминания поэта В. Иванова содержат любопытные признания относительного культурного, психического благополучия русских беженцев в Китае: ”Я думаю, что Китай, принявший в пору 1920 года большую порцию беженцев из России, предоставил им такие условия, о которых они могли разве что мечтать. Китайские власти не вмешиваются ни в какие русские дела. Все могут делать что угодно. Работают все инженеры, врачи, доктора, профессора, журналисты. [...] Цензура чисто условная, главное – не задевать больших персон. Книги выходят вообще безо всякой цензуры” [Литвинцев Г. Маньчжурия – русская Атлантида // Литературная Россия. 21 янв. 2005. № 2-3].

Японская оккупация в 1932 году заметно потеснила свободы русских беженцев. На территории Маньчжурии было создано марионеточное государство Маньчжоу-Го, просуществовавшее до 1945 года. С целью завоевания доверия к себе среди китайского населения японцы старались на первых порах поддерживать и с русскими добрые отношения, не желая вызывать недовольство местных китайцев, смотревших на русских специалистов с глубоким уважением. Русский язык оставался официально признанным, врачи и юристы могли беспрепятственно заниматься своей практикой, предприниматели и коммерсанты могли свободно открывать предприятия и магазины. В гимназиях преподавание по-прежнему велось на русском языке по программам, утвержденным еще в дореволюционной России. Харбин оставался русским университетским городом и многонациональным и поликультурным цент-

ром, в котором учились представители и других народов Российской империи: поляки, латыши, грузины, евреи, татары, армяне. В Политехническом институте для русской молодежи было открыто три факультета. В городе действовало около тридцати православных храмов, две церковные больницы, четыре детских приюта, три мужских и один женский монастыри. Священников готовили семинария и богословский факультет университета [Литвинцев: там же].

Красноречивым фактом отличия китайской русской диаспоры от европейской служит система высшего образования. В европейских центрах эмиграции (Германия, Англия) этого периода деятельность российской экономической школы носила в основном просветительно-обличительный характер: жесткая критика хозяйственной деятельности СССР, лекции о советской экономике. Однако в целом русские экономисты фактически отстранились от экономической жизни принявших их стран, мотивируя такой выбор ожиданием быстрого падения большевистского режима и скорым возвращением на Родину. Напротив, в Харбине русские экономисты прочно связывали свое преподавание с жизненной установкой на длительное пребывание в Китае (процент ассимиляции русских в китайской среде был крайне мал) и разработкой проблем обоснования и совершенствования экономики региона как автономной системы. Кроме того, в русских вузах или на факультетах преподавание велось часто на двух или трех языках, что способствовало росту интернациональных контактов и привлекало для учебы не только китайцев (в конце 19 в. в Китае еще не было собственной системы высшего образования), но и корейцев, австралийцев, выходцев из Юго-Восточной Азии [Петропавловская 2001].

Отношение к русской диаспоре в Китае со стороны многих русских беженцев в Европе было противоречивым: с одной стороны, у "европейских русских" сложилось ошибочное мнение о якобы меньших психологических и экономических трудностях, испытываемых русскими беженцами в Китае, что порой вызывало зависть, раздражение, не разделяемые, однако, представителями восточной русской диаспоры. С другой – "европейские русские" склонны были принижать "восточных русских", относиться к ним несколько свысока. Вот как об этом вспоминает Михаил Николаев, старейший житель русского Шанхая, офицер Русского волонтерского корпуса¹, в своей жизни поменявший несколько стран пребывания: "Если рассматривать всю русскую эмиграцию в целом, то считается почему-то, что мы, приехавшие в Китай, ниже по положению тех, кто оказался в Европе. Нам часто говорят: вы приехали на все готовенькое, вам было хорошо, легче, чем нам. А ведь это неправда. Мы в Китае и в Австралии, а позднее – в США все начинали с нуля. Трижды! Все

---

1 Шанхайский (Русский) волонтерский корпус (Шанхайский Русский полк) создан на базе Русской волонтерской роты (1922 г.), расширенной в 1926-1927 гг. до 270 человек. Статус корпуса рота получила 16.01.1927 г.; основная функция – служить (среди прочих рот: французской, еврейской) для охраны европейской колонии (сеттльмента) в городе.

– с нуля. И не погибли! Вопреки всему – выжили!” [М. Николаев. Жизнь на китайской земле // Первое сентября. 2004. № 5].

8.5. *Сколько их было?*

1917 год расколол российское общество на два противостоящих лагеря: сторонников коммунистов, большевиков и тех, кто или не принял социалистическую революцию вообще, или принял, но с известной осторожностью. Накал политических и военных страстей привел к массовой эмиграции не только русских, но и представителей других народов и национальностей. Сколько же подданных бывшей царской России выехало за рубеж? Точных данных до сих пор нет. Трудность заключается в квалификации самого понятия «эмигрант», «эмиграция» применительно к тому времени. Ведь помимо политической эмиграции, часть покинувших Советскую Россию составляли люди, уехавшие не по политическим мотивам, а, например, на работу в Европу, Турцию, Америку, Китай, Австралию. Кроме того, из Европы не вернулось много бывших военнопленных, попавших в немецкий или австрийский плен во время Первой мировой войны. Еще до начала Первой мировой войны из России уехало примерно 2,5 миллиона человек [Тишков 2000: 56]. В 1918-1922 гг. огромный размах получила политическая (“белая”) эмиграция; ее численность, по оценкам В.А. Тишкова, составляет примерно 1,5 – 2 миллиона человек. С.И. Карцевский полагал, что в начале 1920-х годов находилось “более .. двух миллионов эмигрантов, покинувших советскую Россию, а также бывшие военнопленные, часть из которых до сих пор еще находится интернированной в концентрационных лагерях” [Карцевский 2000: 245]. Именно об этой группе вынужденных беглецов чаще всего и говорят как о собственно эмиграции.

Справедливости ради, приведем и другие цифры по численности русской эмиграции. В 1929 году Ф. Нансен, верховный комиссар Лиги Наций по делам военнопленных, представил отчет, заключающий в себе новейшие на тот момент данные о числе русских беженцев в разных странах. Вот некоторые его цифры. Общее количество всех русских беженцев в Европе, Китае и Японии определялась в рапорте комиссии цифрой в 920 000 человек. Из них 48 516 были признаны нетрудоспособными: увечными, инвалидами, детьми. В комиссии, возглавляемой Нансеном, не имелось последних сведений о числе беженцев в Великобритании (раньше они насчитывали всего 4 000 человек), Бельгии, Голландии и Норвегии [Иностранец. 1999. 10 окт. № 44]. Пожалуй, максимальную цифру первой волны эмиграции называл И.А. Бунин в речи “Миссия русской эмиграции”, произнесенной в Париже 16 февраля 1924 г.; в ней он восклицал: “Нас, рассеянных по миру, около трех миллионов...”. Очевидно, эта оценка Бунина могла быть гиперболическим преувеличением, его слова – скорее риторико-патетический прием, привлекающий внимание правительств зарубежных стран к судьбе русских беженцев.

Современные исследователи единодушно считают цифры в рапорте Нансена явно заниженными. Так, Б. Хазанов приводит цифру 1,16 миллиона, но при этом сомневается в ней и полагает, что ее нужно поднять, так как в работах Ленина есть указание на то, что скорее всего численность эмигрантов от 1,5 до 2 миллионов [Хазанов 1999¹]. Другие исследователи: Ю.И. Емельянов, Ю.А. Поляков, С. Максудов, В.М. Кабузан – полагают, что выехало примерно (или даже чуть больше) 2,5 миллиона человек [Емельянов 2003: 110; Поляков 1986: 117-119; Максудов 1989: 202; Кабузан 1996: 220], однако эту планку чуть опускает М.Г. Вандалковская: от 2 до 2,5 миллиона [Вандалковская 2004]. Очевидно, точных данных нет, и они едва ли будут получены в будущем, так как надо учитывать процессы ассимиляции (растворения в массе населения страны-приюта), и реэмиграции (возвращения на Родину). Учет этих данных в то время, понятно, никто не вел. Как бы то ни было, даже несмотря на значительный разброс цифр, ясно одно: количество выехавших из России огромно, это была не просто эмиграция, это был своеобразный *исход* (неслучайно сами эмигранты сравнивали свое беженство со страданиями евреев, описанных в Библии, и сами именовали свое вынужденное бегство этим библеизмом). Барон Б.Э. Нольде² грустно замечал: это не ”эмиграция русских”, это ”эмиграция России”.

8.6. *Политическая палитра*

Политическая палитра эмиграции была весьма пестрой. Многие эмигранты или сохранили свою партийную-политическую принадлежность, выбранную еще до революции 1917 года, или поменяли политические пристрастия, или сформировали новые партийно-политические движения, блоки и группы. Политически активная часть интеллектуальной, преподавательской, военной элиты, прежде участвовавшая в обсуждении и решении государственных задач, в эмиграции в какой-то мере по инерции, в какой-то мере в надежде на скорейшее возвращение на родину, а в какой-то степени и в протестном противоборстве с большевиками продолжала живо обсуждать многие вопросы жизни прежней и современной, большевистской, России. Отличие, однако, было в том, что эти темы государственного устройства страны приобрели иные конфигурации и очертания – не реальные, а скорее виртуальные. Это чаще всего приводило не к объединению эмигрантов, а, напротив, к раздроблению на мелкие партии и группочки – у каждой из них было свое видение прошлого и перспективы будущего. Даже общая идея, которая должна была выступить цементирующим стержнем эмиграции – непримиримость к совет-

¹ Статья Б. Хазанова появилась как отклик на книгу [Glad 1999].

² Кадет, активный член партии конституционных демократов, один из ведущих дореволюционных специалистов в области международных отношений. В 1920-е годы отошел от политики.

скому строю ("в этой непримиримости – вся сущность политической эмиграции" – так характеризовал духовно-политические интенции эмиграции виднейший русский и эмигрантский историк П.Н. Милюков), не спасала от дробления эмигрантских сил, частенько пускавшихся в выяснение отношений, приобретающих порой характер склок. Нескрываемая горечь сквозит в словах известного эмигрантского историографа М. Раева: "политическая жизнь эмиграции состояла из бесконечных пререканий, порождаемых использованием непроверенной информации, беспомощностью, озлоблением, тоской по прошлому..." [Раев 1994: 20]. Это одна из реальных, пусть и не самых лучших, сторон эмигрантского политического пространства. Другой же стороной была многопартийность и плюрализм – это действительно невиданное ранее в царской России сосуществование различных политико-партийных программ, зачастую находящихся друг к другу в непримиримых позициях. Пожалуй, только в период после Февральской буржуазной революции 1917 года в России было такое политическое многоцветье, которое, по мнению либералов и социал-демократов, и следовало бы развивать, и, напротив, по мнению монархистов, которое и погубило в конце концов Россию.

В правом лагере "с одной стороны стоят легитимисты-монархисты, именующие себя легитимистами, стоящие за реставрацию и считающие законным наследником Российского Императорского трона великого князя Кирилла; на другом конце находятся доктринеры-республиканцы, видящие необходимость установления в России республиканского строя; эта группа делится, в свою очередь, на две: буржуазную с П.Н. Милюковым во главе и социалистическую во главе с А.Ф. Керенским" (Возрождение. 1926. 14 авг. – цит. по: [Назаров 1992: 42]). Впрочем, в партии Милюкова довольно быстро начался крен "вправо", к монархистам, вместо буржуазных ценностей возобладали "реставраторские и монархические идеи" [Емельянов 2003: 110].

Однако самым массовым в правом политическом спектре было, конечно, монархическое движение, насчитывавшее, по подсчетам П.Б. Струве, 85% всей "белой" эмиграции [Емельянов 2003: 110]. Странники и защитники монархического режима создали по всей Европе разветвленную сеть организационных ячеек, а уже в 1922 году образовали координационный Высший монархический совет. В движении монархистов обнаружилось два течения: русские монархисты (вдохновитель и руководитель – граф. А. Игнатъев) и монархисты немецкой ориентации¹ (руководитель – полковник Б. Агапов). Последнее течение представляло скорее элитарный политический клуб, куда могли входить только представители высших сословий, в отличие от объединений русских монархистов, более разнородных по своему социальному составу: представители высшей аристократии, дипломаты, офицеры белых армий Врангеля, Юденича, Деникина, Миллера, а также так называемые "монархисты поневоле": "поскольку крушение монархии для русских означало и крушение России,

---

¹ Организационно-политический центр последних – союз остзейских баронов "Риттербунд" (Ritterbund) [Меймре 2002].

многие образованные русские, не бывшие монархистами, стали монархистами из русского патриотизма” [Струве 1921: 7 – цит. по: Емельянов 2003: 111].

Попытки монархистов объединить эмиграцию правого толка на основополагающих для себя идеях монархии, православия и сохранении прежних принципов частной собственности на землю (так и оставшимся нерешенным вопросом русской дореволюционной жизни) не привели к успеху. Созванный 4-11 апреля 1926 г. Зарубежный съезд (Париж, отель «Мажестик», "Majestic"), представленный 420 делегатами из 26 стран, ставил перед собой задачу объединения эмигрантов правого и правоцентристского толка с целью восстановления монархии и свержения советской власти. Работа съезда утонула в разном видении политической ситуации текущей и будущей России различными монархическими группами и движениями, в нежелании одних жить "реальной политикой" (П.Б. Струве), в слепом стремлении сохранить "все как было раньше". Съезд так и не принял никаких решений. А.В. Карташев дал язвительно-скептическую оценку съезда как "сумасшедшего дома" из-за царившей на нем разногласия мнений и нежелания идти на взаимные уступки и компромиссы. А вот слова барона П.Н. Врангеля: "После Зарубежного съезда общественность оказалась у разбитого корыта" [Емельянов 2003: 131].

Выход из политико-идеологического тупика некоторые монархистски настроенные круги увидели в зарождавшемся фашизме как реакции на социалистические движения в Европе. Итальянская версия фашизма, несомненно, привлекала правых как одна из возможных антибольшевистских сил (Антанте свергнуть большевизм военным путем не удалось). Эмигранты смотрели на фашизм не как на идеал будущего управления Россией (они все-таки оставались убежденными монархистами), а как на инструмент борьбы против советского режима [Окороков 2002]. Молодежь, видя неспособность "старых" монархистов договориться между собой, усмотрела в этом духовную смерть старого монархизма и стала проявлять заинтересованное сочувствие к фашизму как к молодой, энергичной, волевой силе. Например, сильной и влиятельной группой в русской эмиграции на Дальнем Востоке являлась Русская фашистская партия, сформированная под началом К.В. Родзаевского в 1931 г. из двух групп: монархической группировки великого князя Николая Николаевича и так называемого Богоявленского братства [Емельянов 2003: 135]. В 1933 г., особенно после прихода к власти Гитлера, Родзаевский предпринял новые шаги по сплочению русских фашистских рядов, предложив объединиться с Всероссийской фашистской организацией в США (вдохновитель и руководитель – А. Вонсяцкий). Уже в 1934 году в результате переговоров была создана Всероссийская фашистская партия (со штабом в Харбине). Итак, волевое начало фашизма, соединившееся с явно усилившимися в эмиграции духовными славянофильскими тенденциями (в первую очередь его модернизированной версии – евразийства; об истории термина и понятия см. [Дурновцев 1996; Зеленин 2001b]), и подготовило питательную почву для появления младороссийского движения, стремившегося соединить несоединимое: "легитимного царя" (по их мнению, исторически выверенной и единственной для России

модели правления) с признанием Советов, свободных от большевиков (как необходимостью учета современных реалий). Отсюда их лозунг – ”Царь и Советы”, а инструмент осуществления политики – ”национальная русская революция или мировая завируха” [Косик 2000; Емельянов 2003]. Впрочем, надежды на фашизм и его поддержка в конце 1930-х годов пошли явно на убыль. Поворотным пунктом для профашистски настроенных русских эмигрантов стало заключение советско-германского договора в августе 1939 г. (так называемый пакт Молотова-Риббентропа). Один из лидеров фашистского движения в эмиграции генерал Туркул покинул Берлин, откуда он вел работу по сплочению фашистских сил русской эмиграции, и перебрался в Рим. С этого момента и сочувствие к фашизму, и особенно вера в него как средство свержения большевизма во многих эмигрантских кругах не просто пошатнулись, а практически рухнули. Более того, эмигрантам во Франции, Англии, США даже пришлось отмежевываться от фашизма, поскольку Германия стала не просто политическим, но – что важнее – военным (с началом Второй мировой войны, развязанной фашизмом 1 сентября 1939 г.) противником. В прессе и общественном мнении усилились антирусские настроения, которые эмигранты испытывали на себе не только в морально-психологическом, но даже в физическом смысле: в Париже были зафиксированы эксцессы нападения на русских эмигрантов за их поддержку Гитлера [Назаров 1992: 281]. Часть эмигрантов, уже не высказывая открыто своей поддержки фашизму, все-таки надеялась, что советско-германский пакт – это просто тактический ход Гитлера.

Социал-демократическое движение в эмиграции представлено было немногочисленными, но активными, действенными группами – в первую очередь это относится к меньшевикам. Достаточно назвать таких публицистов, как Б. Николаевский, Н. Валентинов, Д. Даллин, работы которых о советском режиме быстро переводились на другие языки и в какой-то степени послужили одним из источников и отправных пунктов последующей советологической литературы и зарубежной советологии как интердисциплинарной области по изучению советского строя в разных его ипостасях: политической, экономической, культурной, национальной и т.д. После 1921 года – Кронштадтского восстания, жестоко подавленного большевиками и окрещенного ими контрреволюционным мятежом, – начался ”исход” из России меньшевиков и эсеров, судьба которых в Советской России изменилась радикальным образом: ссылки, тюрьмы, лагеря... Парадокс меньшевистского движения в эмиграции, однако, заключался в том, что меньшевистская партия, в силу идейных соображений, решила не принимать в свои ряды новых членов, ограничив количество партийцев только старыми, вступившими в партию еще в России, революционерами. В результате такого жесткого ценза в меньшевистской группе в Берлине в 1933 году насчитывалось, в частности, только 70 человек (причем включая супругов и даже детей). Не меньшим парадоксом меньшевистского движения за рубежом являлось длительное сохранение печатных органов; так, центральное меньшевистское издание ”Социалистичес-

кий вестник”¹, пожалуй, не имеет аналогов среди эмигрантских газет и журналов первой волны – газета просуществовала более 40 лет [Liebich 1999].

Пусть и немногочисленным, но весьма специфическим контингентом русской эмиграции в 20-30-е годы стали так называемые ”невозвращенцы” – сотрудники советских учреждений, работавшие за границей и впоследствии отказавшиеся вернуться в СССР; к лету 1928 года число невозвращенцев насчитывало 123 человека (из них 18 – членов ВКП(б)), к лету 1930 года – 277 человек (из них 34 – коммуниста) [Генис 2000]. Если соотнести эти цифры с общим количеством работников внешнеторгового аппарата (2290 служащих, среди них 301 коммунист и 449 членов зарубежных компартий), то, следовательно, невозвращенцем оказывался практически каждый десятый или девятый. Первая волна невозвращенчества приходится на конец 20-х годов. Часть этих людей решила остаться за границей после свертывания нэпа, разрешавшего предпринимательскую деятельность, и начавшихся политико-экономических ограничений в СССР; другая часть представляла ”идейных” перебежчиков, использовавших свое пребывание за рубежом в качестве лазейки, чтобы ускользнуть за границу. Вот как объяснял ”идейный” эмигрант Н.П. Крюков-Ангарский (один из руководителей советского банка в Париже, бывший эсер) цель бегства из СССР: ”На протяжении последних лет я неоднократно задумывался – правильно ли я поступаю, оставаясь в рядах ВКП? Кругом я видел бюрократизм и угнетение трудящихся масс вместо обещанной им свободы, а доказательства от будущего меня не убеждали. Сначала я думал, что зло в людях, в преступных руководителях партии, но затем пришел к заключению, что дело в системе и что система подавления трудовых масс не может не дать тех страшных результатов, к которым привела страну теперешняя диктатура [...]. Перед лицом своей совести я принял твердое решение оставить ВКП и усиленно бороться за свои политические идеалы рука об руку со всеми теми, кто стремится демократизировать советскую систему” [Генис 2000: 59]. Невозвращенцы как люди активные и энергичные не сидели сложа руки и публично разоблачали советскую власть, сотрудничая, в частности, в журнале ”Борьба” (существовал с 15 апреля 1930 г. по 1 марта 1932 г.; всего вышло 22 номера); в этом журнале часто публиковались статьи, воззвания и декларации бывших членов РСДРП и ВКП(б), бежавших из Советской России. Правда, белая эмиграция не принимала невозвращенцев в свои ряды, даже если критика советского сталинского режима у них бывала более целенаправленной и не менее язвительной, чем у эмиграции ”белых” политических тонов; известное исключение составляли младороссы, сотрудничавшие с невозвращенцами в

---

¹ Газета была основана Ю. Мартовым и Р. Абрамовичем в 1921 г. и выходила до 1932 года поочередно в Берлине, Париже и Нью-Йорке. Осведомленность этой газеты основывалась, в первую очередь, на принадлежности многих эмигрировавших меньшевиков к советской партийно-политической верхушке. Меньшевики зачастую располагали секретными данными. Видя в таком печатном органе серьезного политического оппонента, большевистские газеты, полемизируя с ним, даже перепечатывали некоторые материалы в Советской России [Назаров 1993: 43-44].

рамках своей программы по дискредитации и свержению советского режима. "Невозвращенчество принимает характер эпидемии. Почти не проходит дня, чтобы ряды "третьей эмиграции" не увеличивались новыми пришельцами. Бегут не только заподозренные в "уклонах" и "разложении", но и .. стопроцентные коммунисты!" [Генис 2000: 61].

Вторая волна притока невозвращенцев началась по второй половине 30-х годов и была связана со сталинскими репрессиями, страх перед которыми вынуждал советских граждан, работавших в советских торговых организациях или оказавшихся в зарубежных командировках (технические работники, инженеры, моряки), искать убежища на Западе. Именно из речевой практики невозвращенцев, владевших советским "новоязом" и употреблявших его в речи и печатной продукции, другая часть эмиграции ("белой") заимствовала некоторые советизмы и инкрустировала их в свой речевой обиход преимущественно с характеризующей целью и гораздо реже – в собственно номинативном значении. В частности, и сам термин *невозвращенец* – советизм¹, проникший в эмигрантский язык:

Судьба *невозвращенца* Наумова [название заметки]

.. покушавшийся на самоубийство в Беле Подляшской б.[ывший] сотрудник парижского торгпредства Наумов продолжает находиться в Бельско-Подляшской городской больнице. (Руль. 1930. 20 июня. № 2906)

Младороссы видят в [Дмитриевском. – А.З.] наиболее яркого и талантливого из "*невозвращенцев*", деятельность которого в эмиграции наносит наибольший ущерб сталинской верхушке. Мы не знаем, будем ли мы всегда единомышленны с ним, но в настоящее время мы признаем его сотрудничество весьма ценным. (Младоросская искра. 1932. 20 авг. № 21)

Впрочем, на общем доминирующем фоне правой, монархической эмиграции невозвращенцы составляли ничтожное меньшинство, хотя в политическом смысле были довольно заметны. Идеино-политический разброс эмигрантских партий, движений, групп служил предметом споров и обсуждений и в сфере публичных дебатов, и в газетно-журнальном пространстве.

Такой обширный историко-культурный экскурс в лингвистической по своей тематике и содержанию работе мы сочли необходимым и важным, поскольку социальная стратификация и политическая дисперсия эмигрантского сообщества оказывались одними из структурирующих (внеязыковых) факторов, оказывающих влияние на отбор языковых средств в газетной полемике и интерпретации событий. В дальнейшем мы также будем периодически обращаться к историческим фактам, помогающим понять и объяснить языковые феномены эмигрантской прессы.

¹ Ср. в СУ в характерным прагматическим фоном понятия: *Невозвращенец*, нца, м. (нов.). Лицо, не вернувшееся на родину из-за границы и изменнически перешедшее в лагерь врагов СССР.

ГЛАВА 1.

ГРАФИКА. ОРФОГРАФИЯ. ПАРАГРАФЕМИКА

Общие замечания

В дополнение к идеологической конфронтации людей после октябрьской революции 1917 г. законодательно принятый большевиками "Декрет о введении новой орфографии" (от 10 октября 1918 г.) еще более углубил разрыв между советским государством и беженцами. Изменение орфографических правил лично затрагивало каждого человека. О пристрастном отношении к орфографической реформе сразу после ее официального введения, даже еще до начала массовой эмиграции, красноречиво свидетельствует фрагмент письма (написанного в 1918 г.) поэта С. Боброва, отметившего социокультурную спаянность в общественном сознании орфографии и политики: "Когда я получил от [Б. Зайцева] первое письмо, меня поразило, что оно было написано по старой орфографии (и это был еще один пример неприятия Зайцевым советских реформ ни в каком виде)". (Русская мысль. 1997. 10 июля). Субъективно-художественное восприятие орфографических знаков проявляется и в утверждении А. Блока: *слово "хлеб" без Ъ не пахнет*. Чуткие к слову поэты не считали букву Ъ опустошенным фонологическим знаком, справедливо считая его необходимым в местах скопления согласных, например, на стыке слов, "нуждающихся в опоре немой полугласной буквы, коей принадлежит некая фонетическая значимость" [Вяч. Иванов. Собрание сочинений. Брюссель, 1987. С. 689 – цит. по: [Грановская 2005: 39].

Миллионы эмигрировавших из советской России людей не принимали орфографических новшеств, рассматривая их в русле большевистских (коммунистических) реформ, ведущих, по мнению многих эмигрантов, к прерыванию исторической, культурной преемственности между старой и новой Россией. Орфография – один из базовых компонентов культурного пространства, дающих индивиду ощущение социальной и психологической стабильности и чувство языкового комфорта. Смена орфографического кода ("орфографических одежд", по Е.А. Земской) может болезненно и напряженно восприниматься частью общества вплоть до полного отрицания новой орфографии или ее элементов. Некоторые эмигранты и эмигрантские группы и по сей день не принимают новой орфографии, продолжая использовать в личной эпистолярной практике или в печатной книжной и газетной продукции старую, дореволюционную [Григорьева 1998; ЯРЗ 2001: 154; Грановская 2005: 266-274]. Причины этого могут быть различные: идеологические (неприятие всего советского, в том числе и орфографии), культурные (сохранение веко-

вой преимущества), эстетические ("уродство" новой орфографии и "красота" старой), локально-семейные (передача письменных навыков от поколения к поколению, основанная на привычке). Одним из важнейших мотивов, определяющих неприятие многими эмигрантами советских газет, журналов, книг, которые были доступны на Западе в 20-е годы ввиду своей дешевизны, было орфографическое нововведение большевиков, психологически болезненное, даже оскорбительное, с точки зрения многих беженцев: в напечатанных по новой орфографии текстах слово *Бог* писалось со строчной (маленькой) буквы [Раев 1994: 104; Грановская 2005: 424 сноска 76].

В 20-е годы в эмигрантских кругах предпринимались попытки выработать более трезвое, лишённое идеологической подоплёки отношение к новой орфографии не как "изобретению" и "орфографическому злодеянию" большевиков, но закономерной смене орфографических норм более новыми, облегченными, отвечающими современному состоянию орфографических требований, однако не покушающимися на уничтожение русского языка [Григорьева 1998; Грановская 2005: 271-272]. Наиболее легко приняли новую орфографию "левые" и демократические издания. Кроме них, писатели, сторонники сменовеховства и евразийства, также перешли на новую орфографию, рассматривая ее в качестве культурного инструмента по сближению Запада и Азии, евроазиатской России и западного мира. Однако охранительные, монархические, народно-патриотические печатные органы цепко держались за старую орфографию, во-первых, рассматривая ее в качестве связующего "мостика" между старой Россией и эмигрантской массой как хранилищем старины и вековых традиций, и, во-вторых, считая сохранение старой орфографии своим долгом перед "порабощенной большевиками" родиной. Справедливости ради надо сказать, что использование элементов новой орфографии проникало и в письменную практику высших, аристократических слоев. Ср. в письме В. Н. Буниной, жены И. Бунина, М. Цетлиной¹ знаменательное признание: "Иногда приходится писать и по новой орфографии, так как теперь даже сама Екатерина Дмитриевна Кускова² написала Яну³ письмо без "ять", твердого знака и с другими кощунствами. Теперь меня мало что утешает". (Русская мысль. 1997. 22 мая). И сам И. Бунин не принимал новую орфографию и требовал издавать свои произведения, выходявшие, например, в Германии, только по старой. Стоит упомянуть и публицистический памфлет Бунина "О новой орфографии".

¹ Мария Самойловна Цетлина (в девичестве Тумаркина), первая женщина, получившая в Европе степень доктора философии; в эмиграции вместе с мужем (Михаилом Осиповичем) занималась благотворительностью (особенно нуждавшимся писателям), активно сотрудничала в Политическом Красном Кресте, Союзе русских писателей и журналистов, была членом Литературного фонда.

² Кускова (Прокопович) Екатерина Дмитриевна (1869-1958), политическая и общественная деятельница, издательница публицистических журналов и газет; выслана из Советской России в 1922 г. (проживала в Праге, Женеве).

³ Ян (наст. фамилия Янчевецкий) Василий Григорьевич (1875-1954), известный писатель и журналист.

В центре нашего рассмотрения в данной главе будут характерные особенности эмигрантских газет, связанные с несколькими ключевыми пунктами:

1. Нахождение в иноязычном окружении не прошло бесследно для авторов-эмигрантов и вызвало трансформацию некоторых написаний, а также проникновение новых (западных) орфографических моделей. Какие написания подверглись орфографической ревизии и каковы лингвистические мотивы этой модификации?
2. Политическая и идеологическая поляризованность и полемичность эмигрантских газет вызвала активизацию субъективно-личностного фактора. Как отражался он на уровне орфографии газетно-публицистических текстов разных партий и групп?

1.0. Орфографические особенности

Орфография эмигрантских текстов свидетельствует о достаточно грамотном использовании в языковой практике эмигрантских газет орфографических правил; разумеется, применительно к тогдашним нормам графики и орфографии. С психофизиологической точки зрения орфография предполагает серию взаимосвязанных операций с хранимыми в сознании образами морфем и слов [Лурия 2002: 74], причем "знание орфографических норм является ядерным и абсолютным", в отличие от пунктуационных [Шубина 1998: 79]. Ошибки и опiski в эмигрантских газетах встречаются, судя по материалам нашего корпуса, достаточно редко, так что можно говорить об очень высоком орфографическом качестве эмигрантской прессы. Это, в свою очередь, косвенным образом может сигнализировать и о высокой орфографической грамотности¹ эмигрантов первой и второй волны: ведь это были уже сложившиеся журналисты, писатели, восстановившие за рубежом выпуск старых, дореволюционных, газет или начавшие выпускать новые. Ошибки (или отклонения от орфографической правильности), которые встретились нам в эмигрантских газетах, отражают следующие языковые процессы:

- гиперкорректность написания как отражение акающего (икающего) произношения: *эстокада* (вм. нормативного *эстакада*), *плебесцит* (вм. *правильного* и чаще встречающегося *плебисцит*), *дессидент* (вм. *правильного диссидент*), *аккомпанимент*² (вм. *правильного аккомпанемент*);

¹ Тема сохранения/утраты письменной формы русского языка у эмигрантов или русскоязычных, живущих за границей, часто обсуждается в современных работах по языку эмиграции: [Polinsky 1998; Васянина 2001; ЯРЗ 2001, особенно глава 5, названная "Об утрате письменной формы русского языка в среде эмиграции"; автор – Е.А. Земская; Земская 2002b; Протасова 2004; Шмелев 2004].

² Кроме такой интерпретации, вполне возможно допустить и иную – влияния иноязычных прототипов: ср. нем. *akkompagnieren* "аккомпанировать".

- смешение близких по звучанию слов: *различный* вместо *розничный* (ср. *разный* – *розница*):

Каменев возгласил поход против частного капитала в торговле с передачей торговых функций даже *различной* торговли гос.[ударственным] органам и кооперативам. (За свободу. 1925. 1 янв. № 1 (1405))

- отражение разговорной фонетики: *прачешная*, *шеколад* (оба слова с пометой "неправ." даны в [Ромашкевич 1898], в СУ предлагается кодификация написания *прачечная*, но произношение приведено московское [*шн*]), *посыпятся* (вм. *посыплются*), *лабаратория* (отражение аканья):

Чай, кофе, русские сладости, [...] *шеколад* [sic]. (Руль. 1930. 2 янв. № 2767)

(1) Сдается на 3-6-9 лет [вилла] – 6 комнат, 2 туалетные комнаты, вода, газ, электричество, W.-C., канализация, *прачешная*, погреб, гараж для автомобилей и чердак. (Дни. 1926. 18 нояб. № 1162)

Но ср.:

(2) Аферисты обобрали владельца *прачечной* на 100,000 (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35)

- отражение на письме твердости шипящего *ж*: *чужоземец* (вместо *чужеземец*, где *e* пишется в соответствии с историческим принципом как свидетельство этимологической мягкости *ж*; поскольку этот признак уже нерелевантен для пишущего, происходит замена *e* на *o* на основе орфографического правила: в сложных словах после твердых согласных пишется соединительная гласная *o*):

... не удастся инородцам и *чужоземцам* нас, русских, везде за границей представлять. (Русская газета. 1937. № 2)

- применение морфологического принципа орфографии и выравнивание слова по корню даже в ущерб традиционному написанию: *серебряник* (вм. *сребреник*; ср. *серебряный*), *первоянварский* (вм. *первоянварский*; ср. *январь*, *первоапрельский*):

... предъявлять иностранным кредиторам счет, написанный кровью за 30 *серебряников* преданных и проданных братьев. (Дни. 1925. 6 февр. № 684)

Итак, по поводу орфографии эмигрантских газет можно заключить: на общем фоне в целом корректного применения эмигрантами орфографических правил можно наблюдать и процессы расшатывания орфографических навыков: проникновение в орфографию черт разговорной фонетики (аканье, отражение редукции на письме) и замена немотивированных в современном узусе написаний мотивированными, т.е. ослабление традиционного принципа орфографии.

2.0. Влияние иноязычной фонетики на русскую графику

2.1. *Заимствованные слова*

Говоря об особенностях произношения заимствованных слов эмигрантами первой волны, Е.А. Земская выделяет эту проблематику в ”особый раздел”, поскольку характерная черта фонетики таких слов – это произношение их по фонетическим законам языка-реципиента [ЯРЗ 2001: 83]. Устные нормы произношения в эмиграции могут оказывать более сильное влияние на письменные формы фиксации текста (речи), в отличие, например, от аналогичного соотношения письменной и устной форм языка метрополии: письменные формы здесь более консервативны, охраняются обществом и подвергаются процессам кодификации. Эмигрантский узус (речевой и письменный) этого (почти) лишен. В речи эмигрантов наиболее остро проявляется противоборство фонетического и орфоэпического (узуального, доминирующего в обществе) принципа произнесения иностранных слов, в письменной же практике часто видна победа первого над вторым. Возможно двойное понимание фонетического принципа в зависимости от точки отсчета.

1. Фонетическое произношение иностранного слова может ориентироваться на прототипическое произношение в языке-доноре, и в этом случае происходит трансплантация иноязычных фонетических особенностей в язык-реципиент.
2. С позиций языка-рецептора фонетический принцип означает ориентацию на те фонетические законы, традиции, которые уже сложились в языке и которые подчиняют, адаптируют иноязычные слова без оглядки на их письменную форму [Тимофеева 1995: 65-66].

2.2. *Э или Е?*

Одной из наиболее ярких особенностей эмигрантских газет является выбор буквы э вместо е при написании иноязычных слов: в начале, в середине и в конце слов. Мена е/э – это чаще всего отражение именно фонетического принципа письма (“пишу, как слышу и говорю”) в письменной практике двуязычных индивидов, постоянно вынужденных переходить с одной системы записи на другую (письма, записки, дневники, сообщения по интернету); многочисленные примеры этого у лиц, живущих в Финляндии см. в: [Протасова 2004: 223]. Примечательно, однако, что Е.А. Земская, характеризуя процессы, протекающие в письменной форме языка эмиграции (от первой до последней волн), не отмечает данного феномена [ЯРЗ 2001: 159-163].

Как известно, буква э вошла в русскую гражданскую азбуку в 18 в. для обозначения ”действительно существующего в языке чистого звука *ɛ*” [Грот

1912: 77; см. также: Максимова 1964: 33], однако ”различение произношения согласного звука при помощи последующих букв *e* и *э* не является последовательным” [Орфография 1980: 28]. В принципе, Я.К. Грот предлагал оставить *э* только в собственных именах, в нарицательных же, по его мнению, ”употребление *э* вместо *e* неуместно” [Грот 1912: 78].

В начальной позиции слова в нашем материале встретилось три слова с *э*: *Эврипид*, *Эстония* = *Естония*, *Эйрлайнс*. Очевидна, с одной стороны, ориентация на произнесение начального письменного *e* в иноязычных слова как *э* (написание *Естония* – это смешение двух систем письма, латинской и кириллической), с другой – верная передача английского графического буквосочетания *ai* как *эй* в слове *Эйрлайнс*. Отсутствие четкой, кодифицированной системы передачи имен видно, в частности, в двух следующих примерах: написание имени английского короля *Едуард*, но в то же время встречаем и привычное *Эдгар Коль*.

... король (Англии) *Едуард* 8¹ (Русская газета. 1937. № 1).

В середине слова написание буквы *э* в основном определялось попыткой передать английскую фонетику. Письменные эмигрантские тексты отразили следующие варианты.

а) Английский звук [æ] чаще всего передавался русским *э* и (в единичных случаях) как *а*; эти случаи таковы: *Мангаттан* < *Manhattan*, *Кливланд* < *Cliveland* (т.е. в основном при транслитерации топонимов).

---

¹ Обратим внимание на употребление арабской, но не римской цифры. Русской традиции порядковый номер при числовом порядке монарха, монархического наследования, обозначенный арабскими цифрами, был несвойствен.

В середине слова зафиксированы следующие случаи написания э:

тв. согл. + Э + тв. согл.	мягк. согл. + Э + тв. согл.	тв. согл. + Э + мягк. согл.	гласн. + Э + согл.
<i>спортсмэн*</i>	<i>чэмпсион</i>		<i>спроэцированный</i>
<i>кэпка</i>	<i>рэкеттер и ракитир</i>	<i>Лайбрэри</i> (но ср. <i>Бродвей</i>)	<i>законопроэкт</i>
<i>скэтч**</i>		<i>лэди***</i>	<i>проэкт</i>
<i>уик-энд</i>		<i>бэби</i>	<i>бреэкфест</i>
<i>киднэптер</i>			
<i>тэп (стен)</i>			
<i>констэбль</i>			
<i>мэр</i>			
<i>гэнгстер и гангстер</i>			
<i>рекордсмэн</i>			

* В СУ: спортсмен.

** В СУ: скетч (кэ).

*** В СУ: *леди* и *лэди*.

Как можно видеть, между твердыми согласными написание э было самой сильной позицией для отражения сегмента иноязычной фонетики на письме. Написание слов *спроэцированный*, *проэкт*, *законопроэкт* можно объяснить еще их дореволюционной орфографией. Вариативность *рэкеттер* и *ракитир*, *гэнгстер* и *гангстер* показывает разные способы освоения иноязычного слова (ориентация на фонетику и/или письменную форму). Однако особенно выразительна средняя часть таблицы: она показывает действие закона аналогии: э пишется даже перед мягким согласным, причем в том случае, когда такое произношение по нормам русской литературной фонетики и орфографии невозможно – после мягкого непарного звука [ч']. Сюда же относится написание *бреэкфест* (< breakfast), где встречается невозможное для русской фонетики и графики скопление букв е и э: пишущий произвольно расчленил английский дифтонг ea на две буквы и пытается их передать кириллицей: е ← англ. е, э ← англ. а (попытка фонетической передачи, но по законам английской фонетики комбинацию ea надо читать как монофтонг [e]). Таким образом, фонетический (фонематический, согласно ленинградско-петербургской фонологической школе) принцип письма в орфографической практике эмигрантов оказывается предпочтительнее орфографического, слогового. Эмигрантская орфографическая практика идет вразрез с орфографической практикой языка метрополии, для которого расхождение между написанием е, но произношением э (*дельта* [дэ], *пенсне* [нэ], *фонема* [нэ]) признается "временным нарушением слогового принципа русской графики" [Моисеев 1980: 225]. А.И. Моисеев метафорически характеризует написание с е "авансом" [там же: 226]

будущему, русифицированному, прогрессивному произношению. Как мы видим, эмигрантская практика такого "аванса" фонетике слова не дает.

б) Английское дифтонгическое сочетание *ai* в середине слова передается русскими *э/эй*: *Дэйли Мэйл* и *Дэли Мель*.

Написание *э* в конце иностранных слов вызвано, прежде всего, влиянием французского языка, причем часто происходила субституция прежней буквы *е* "новой" буквой *э* даже в некоторых "старых" словах, заимствованных еще в конце 19 – начале 20 вв. В нашем корпусе достаточно много примеров слов с буквой *э*, которая передает следующие французские звуко-буквенные комбинации: *аташэ (attaché), кафэ (café), турнэ (tournée), кабарэ (cabaret), кашнэ (cache-nez), ламэ (lamé), супэ (souper); купэ (coupé), декольтэ (décolleté), коммюникэ (communiqué), тэ-дансан (thé dansant "вечеринка с танцами"), экспозэ (exposé "отчет, доклад")*¹. Единичное заимствование (из английского через французский), кончающееся на *еу*: *жерзэ (jersey "джерси, трикотаж")*; в языке метрополии – *жерсе*.

В углу *купэ*, у окна, он [матрос] вытянул ноги, с облегчением вздохнул и впервые, как свободный человек, закурил папиросу. (Возрождение. 1937. 3 апр. № 4072)

... военный *аташэ* [sic] (Последн. новости. 1940. 1 янв. № 6853)

Выйдя из больницы, она [речь идет об авантюристке Анно. – А.З.] отправилась в ближайшее *кафэ* и вызвала по телефону своего адвоката. (Руль. 1930. 25 марта. № 2836)

Черное пальто, отделанное барашком, теперь не выглядит мрачно и даже несколько траурно, как это было раньше, потому что вокруг шеи всегда повязан хотя бы маленький шарф из простроченного *ламэ* или из шелка самых неожиданных ярких тонов, например, фиолетового с красным, зеленого с оранжевым. (Возрождение. 1935. 1 янв. № 3499)

Золото на черном – очень красивое и эффектное сочетание, и иногда вся отделка заключается в золотых ювелирных украшениях: булавка на шляпе, крупных "клипс" у *декольтэ*.. (Возрождение. 1935. 1 янв. № 3499)

Совещание исполнительного комитета углекопов [Англии] не опубликовало никакого официального [sic] *коммюникэ*. (Дни. 1926. 19 нояб. № 1163)

... решено обождать окончания прений в сейме по поводу *экспозе* Падеревского. (Призыв. 1919. 4 (21.12) дек. № 135)

Несомненно, эти примеры свидетельствуют о стремлении эмигрантов сблизить иноязычную фонетику и русскую орфографию, ориентируясь на фонематический принцип передачи иностранных слов.

¹ В СУ: *Экспозе* [оээ].

2.3. Вариативность Г/Х

Отражение на письме европейского гортанного спиранта [h] представляет трудность в русской орфографии: передавать этот звук буквой *г*, *х* или изобрести для этих целей специальную графему, поскольку в русской графике нет соответствующих графемных средств? Проблема, конечно, остается и сейчас, и вариантов ее решения в русской орфографической истории было предложено достаточно. Например, у русскоязычных, живущих в Финляндии, отражение на письме этого спиранта также, естественно, вызывает затруднения [Протасова 2004: 222-223]. В нашем корпусе встретилось несколько слов, показывающих языковые колебания пишущего при выборе русской графемы *г* или *х* для передачи этого звука. В начале слова гортанный [h] обычно передается русскими буквами *х* и *г*, с крайне незначительным перевесом в сторону традиционной передачи гортанного [h] буквой *г*, чаще в именах собственных и их производных: *Хитлер* – *Гитлер*, *хитлеровский* – *гитлеровский*, *холливудский* (< англ. Holly Wood). В русской орфографической традиции 19 в. более распространенной моделью было написание с буквой *г* [Грот 1912: 79-80]. Ср.

Х	Г
<i>хитлеровское движение</i> (Младоросская искра. 1932. 20 авг. № 21)	<i>законопроект Гутенберга-Гитлера</i> (Руль. 1930. 1 янв. № 2766)
<i>хитлеровский "расизм"</i> (Младоросская искра. 1932. 20 авг. № 21)	<i>гитлеровская угроза</i> (Русская газета. 1937. № 1)
<i>Муссолини и Хитлер. Разница только в оттенках.</i> (Возрождение. 1939. 7 июля. № 4191)	<i>Гитлер, с циничным презрением к идеологии "борьбы с большевизмом", пошел на соглашение с СССР</i> (Последн. новости. 1940. 1 янв. № 6853)
<i>творец новой Германии и ее вождь Хитлер</i> (Рус. голос. 1939. 19 марта. № 415)	<i>Гитлер должен оказывать содействие советской операции против Финляндии</i> (Последн. новости. 1940. 1 янв. № 6853)
	<i>гитлеровские "Hakenkreuzer"</i> (черная сотня) (Анархич. вестник. 1923. № 5-6)
	<i>гитлеровское правительство</i> (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35)

Ср., однако, непоследовательную передачу: звук [h] – русской буквой *х* в *Охайо* (< Ohio; штат в США), но тот же звук [h] – буквой *г* в *Мангаттан* (амер. Manhattan).

... в западной части *Мангаттана* (Руль. 1930. 25 марта. № 2836)

Итак, письменная передача гортанного спиранта [h] в эмигрантской прессе показывает противоборство двух сил: с одной стороны, традиции, уходящей

в 19 в. (буква *z*), с другой – влияние на орфографию фонетического критерия (написания с буквой *x*).

3.4. Другие случаи отражения фонетики языка-донора в русской графической (орфографической) системе немногочисленны: немецкое понятие *Lumpen-Proletariat* передается то как *лумпен-пролетариат* (следование немецкому графическому прототипу; транслитерационный принцип орфографии), то так *люмпен-пролетариат* (передача мягким [л'] "среднеевропейского" звука [l]); комбинация транслитерационного принципа с транскрипционным); французское *intérieur* – рус. *энтерьер* (попытка передачи буквосочетанием *эн* носовой звук), немецкое понятие *Schlüpfers* "плащ, длинное мужское пальто" передается то как *шлюпфер*, то как *шлипфер*.

Эмигрантская публицистика отразила проникновение в орфографию таких написаний, которые были вызваны непосредственным контактированием русского языка с другими. В процессе языкового контактирования усилилось влияние языков-доноров на русский, и, как следствие, обнаружились очевидные тенденции отражения иноязычной фонетики на русской орфографии иностранных слов. Заметен отход от традиционного принципа орфографии иноязычных слов и стремление к более точной передаче фонетики на письме. Наибольшие трансформации затронули две зоны написаний: с буквой *э* и *z/x*. В сфере написаний с *э* сильное влияние оказывали английская (начало и середина слова) и французская (конец слова) фонетика. В сфере написаний *z/x* вариативность проявлялась, прежде всего, в передаче нового референта из немецкого языка (имя собственное *Гитлер* и его дериваты).

3.0. Влияние иноязычной графики на русскую графику

3.1. *Магия двойных согласных*

Правописание двойных согласных (геминат) в заимствованных словах подчиняется, в основном, традиции, строгих правил нет, поэтому неудивительно постоянное внимание к этой проблеме в русской орфографической науке. Предлагались самые разные решения, радикальные и компромиссные:

1. отказаться от двойных согласных вообще;
2. следовать иноязычному графическому прототипу;
3. сохранить двойные согласные только в именах собственных. [Грот 1912: 85-97; Гловинская 1964; Коляда 1964; Тимофеева 1995].

В написании иноязычных слов с двойными согласными сталкиваются фонетический и традиционный принципы русской орфографии. В целом же орфография таких слов кодифицируется в орфографических словарях.

Вариативность написания иноязычных слов с двойными согласными в эмигрантской прессе была велика, что обуславливалось, прежде всего, иноязычным окружением, контактным сосуществованием кириллического и латинского алфавитов и влиянием орфографии прототипов на уже (относительно) давно заимствованные слова. Традиционный принцип написания слов с двойными согласными в иностранных словах явно отошел на второй план, в сравнении с фонетическим и орфографическим критериями прототипических слов в языках-реципиентах. Приведем довольно обширный список иноязычных слов с двойными согласными, содержащихся в нашем корпусе примеров, и сопоставим его с написаниями, представленными в [Ромашкевич 1898] и в СУ.

Эмигрантская пресса	Ромашкевич	СУ	прототип (этимон)
<i>аггрегат</i>	-	<i>аг(э)регат</i>	<i>нем. Aggregat, фр. agrégat</i>
<i>аплодисмент</i>	<i>аплодисмент</i>	<i>аплодисмент</i>	<i>фр. applaudissements*</i>
<i>арранжировка</i>		<i>аранжировка</i>	<i>фр. arrangement</i>
<i>атака</i>	<i>атака</i>	<i>атака</i>	<i>нем. Attacke, фр. attaque</i>
<i>блефф</i>	-	<i>блэф</i>	<i>англ. bluff</i>
<i>бонна</i>	<i>бонна</i>	<i>бонна</i>	<i>фр. bonne</i>
<i>буттерброд</i>	<i>буттерброд</i>	<i>бутерброд</i>	<i>нем. Butterbrot</i>
<i>деликатес</i>	<i>деликатес</i>	<i>деликатес</i>	<i>фр. délicatesse</i>
<i>жирафф</i>	<i>жирафф</i>	<i>жираф</i>	<i>фр. girafe, нем. Giraffe</i>
<i>импрессарио</i>		<i>импрессарио [импресарио неправ.]</i>	
<i>карикатура</i>	<i>карикатура</i>	<i>карикатура</i>	<i>ит. caricatura, нем. Karikatur</i>
<i>комерция – коммерческий – коммерсант</i>	<i>коммерция</i>	<i>ком(м)ерция – ком(м)ерческий</i>	<i>фр. commerce**</i>
<i>коммиссар</i>	<i>коммиссар</i>	<i>комиссар</i>	<i>фр. commissaire, нем. Kommissar</i>
<i>конкуренция</i>	<i>конкуренция</i>	<i>конкуренция</i>	<i>нем. Konkurrenz</i>
<i>куррьерский</i>	<i>курьерский</i>	<i>курьерский</i>	<i>фр. courrier</i>
<i>лотерея</i>	<i>лотерея</i>	<i>лотерея</i>	<i>фр. loterie, нем. Lotterie</i>
<i>оффис – офис</i>	-	-	<i>англ. office</i>
<i>оффициальный – официальный</i>	<i>оффициальный</i>	<i>официальный</i>	<i>фр. officiel, нем. offiziell</i>
<i>пано</i>	-	<i>панно</i>	<i>фр. panneau</i>
<i>пуловер</i>	-	<i>пуловер</i>	<i>англ. pull-over</i>
<i>расовый</i>	<i>раса</i>	<i>раса</i>	<i>фр. race, нем. Rasse</i>
<i>ресурс</i>	<i>ресурс</i>	<i>рес(е)урс</i>	<i>фр. ressource***</i>
<i>тиранн</i>	<i>тиран</i>	<i>тиран</i>	<i>фр. tyran, нем. Tyrann</i>
<i>филлиал</i>	-	<i>филиал</i>	<i>фр. filial, нем. Filiale</i>
<i>элемент</i>	<i>элемент</i>	<i>элемент</i>	<i>фр. élément, нем. Element</i>
<i>эммиграция</i>	<i>эмиграция</i>	<i>эмиграция</i>	<i>фр. émigration, нем. Emigration (ср. фр. immigration, нем. Immigration)</i>

* Обратим внимание, что во французском это слово выступает в форме множественного числа, но в русский было заимствовано в единственном.

** В русском языке *коммерция* – европейское (французское) заимствование через польский, где оно, как и в русском, – женского рода; во французском же слово – мужского рода.

*** Во французском, как и в заимствовавшем это слово немецком, оно – женского рода.

Таблица явственно свидетельствует об отходе от написаний иностранных слов с двойными согласными, рекомендуемых в русских орфографических словарях, например, конца 19 – начала 20 в. Графическая форма слов, принятая в орфографической практике той или иной страны проживания русских эмигрантов, несомненно влияла как на адаптацию новых заимствований, так и на трансформацию написания старых. Особенно сильным было немецкое влияние, в результате побеждавшее графический облик слов, ранее заимствованных из французского (*агрегат*, *жираф*, *комиссар*, *лотерея*, *раса*, *тиран*); французское влияние, судя по нашему корпусу, несколько уступало немецкому: *аплодисмент* → *апплодисмент*, *аранжировка* → *арранжировка*, *ресурс* → *рессурс*, *курьерский* → *куррьерский*, *конкуренция* → *конкurreнция*. Возможны были и альтернативные варианты написания как ориентация на фонетический и графический критерии:

- а) новое заимствование может писаться то в соответствии с графическим принципом – *оффис* (англ. office), то в соответствии с фонетическим – *офис* (следование английской фонетике [ɔfis]).
- б) в зарубежье написание старого заимствования *комерция* по фонетическому критерию (в 19 в.) оказалось под угрозой прототипической графической формы: фр. *commerce*, нем. *Kommerz*, что привело к возникновению непоследовательности: *комерция*, но *коммерческий*.

Такой разброс написаний иностранных слов с двойными согласными – это несомненное наличие ”слабого звена” в орфографической практике русскоязычной прессы. Обратной стороной, но в этом смысле и лучшим косвенным подтверждением ”слабости” является гиперкорректная орфография иностранных слов, т.е. появление двойных согласных в тех случаях, когда для этого не было никаких оснований даже в прототипе; именно этим мотивом можно объяснить орфографию таких написаний, как *каррикатура*, *филлиал*, *элемент*. Итак, магия двойных согласных в иностранных словах зачастую превращалась в манию двойных согласных. Нам встретилось только одно иноязычное слово, написанное с отклонением от прототипического: *пано* < фр. *panneau*, вследствие, очевидно, особенностей индивидуальной фонетики (орфографии).

3.2. Другие случаи

Кроме этого самого яркого примера (влияние прототипов с двойными согласными), в нашем корпусе есть редкие случаи выравнивания (подравнивания) прежних форм написания к иноязычным графическим формам: *шпек* ”свиное сало” (нем. *Spek*) вместо давно освоенного *шпик* (< польск. *szpik*), *рахат-локум* (тур. *rahat-lokum*, франц. *rahat-lo(u)koum*) вместо традиционного в русской орфографии *рахат-лукум*.

Яков Иванович, запивая бессахарным кофе вязкий бутерброд со *шпеком* и не без труда преодолевая произношение и обороты языколомной немецкой речи, говорил своей жене... (Руль. 1930. 1 янв. № 2766)

4.0. Кавычки

Писатель, критик, театровед С.М. Волконский, находясь в эмиграции и живо реагируя на проблемы сохранения чистоты русского языка в изгнании, писал о роли кавычек: "Кавычки являются свидетельством, что говорящий [...] сохраняет свое критическое отношение к явлению речевому или умственному, которому не дарит своего полного сочувствия. Кавычки, как бы подчеркивающие неодинаковость умственных уровней, несомненно, одно из проявлений **культурности** [выделено автором цитаты. – А.З.]. Это признак неугасшего в человеке чутья критики и самокритики" [Волконский С.М. Вопросы языка // Звено. Париж, 1927. № 6. С. 323 – цит. по: Грановская 1995: 13]. По сути, здесь Волконский сформулировал одну из функций этого знака – прагматическую, которая действительно являлась, пожалуй, одной из важнейших (среди прочих) в письменном языке эмигрантов. Важнейшей, но не единственной. Публицистические эмигрантские тексты демонстрируют умелое и разнообразное использование этого "орфографического джокера" (по образному выражению Б.А. Успенского) как возможности пишущему продемонстрировать свою оценку, свое лингвистическое "его" по поводу приятия/отвержения референта.

Б.С. Шварцкопф, характеризуя этот знак, называет его "многофункциональным": в синтаксисе он служит для выделения прямой речи, цитат, условных наименований (эти правила предписаны пишущему как нормативные); в лингвопрагматике – как личная сфера оценки письменного слова и стоящего за ним референта [Шварцкопф 1997: 374]. Мы вкратце коснемся синтаксических правил использования этого знака (*выделительная* и *предупредительная* функция, по Макаровой [Макарова 1969]), но в основном сосредоточимся на семантических аспектах его применения, а именно *модальном* [Ильиш 1968; Макарова 1969] и *метаязыковом* [Шварцкопф 1970].

1. Синтаксическая (пунктуационная) функция кавычек. В эмигрантских газетах последовательно закавычиваются названия печатных органов, будь то русскоязычные (все без исключения, поэтому мы не приводим примеров) или иностранные, а также названия мест досуга, обществ (ср.: общество вспомоществования "Юхасаби"), заводов, предприятий (ср.: "Эспортхлеб", контора "Интуриста"), кораблей (ср.: ледокол "Семерка") и т.д. Это касается слов как транслитерированных, так и сохраняющих свой латинский графический облик. Примечательно, что существует очевидная и доминирующая тенденция транслитерировать иностранные названия, а не использовать их исходную графическую форму. Ср. несколько примеров:

а) транслитерированные: "Дер Нойе Берг", "Пти Эрмитаж", "Чикаго Дейли Ньюс", "Дансинг-Палас", "Карлейль", "Референц", "Ипподром" и др.

б) нетранслитерированные: "Tanass", "Kunststelle", "Hakenkreuzer".

Если используется нетранслитерированное название газеты, журнала, то иногда оно сопровождается переводом понятия на русский язык: "Рестлер" (Борец), "Рестлинг" (Борьба), но такие случаи единичны:

... мы получили от К.А.Пожелло из Кливленда (штат Охайо) ворох программ, афиш и номеров журнала "Рестлинг" (Борьба) и "Рестлер" (Борец), свидетельствующих о кипучей и успешной деятельности б.[ывшего] чемпиона России в роли борца и организатора матчей вольной борьбы. (Возрождение. 1935. 2 янв. № 3500)

Нам встретился только один случай параллельного вариативного употребления (закавыченного, бескавычного, транслитерированного) названия иностранного печатного органа: "Humanité" – *Humanité* – Юманите.

Введение в текст новых иностранных реалий в транслитерированном виде также в подавляющем большинстве случаев сопровождается кавычками: "клипса", "ави фаворабль", "доммаж энтерэ", "катчмен", "ютилитэ публик", "вочман", "бреэкфест", "бодигар", "уикэнд", "промотер", "канотье", "герл", "union sacrée", "status quo" и др. Бескавычные написания немногочисленны и обычно представляют интернационализмы (чаще всего латинского, французского происхождения): *à la russe*, *à l'a*, *quasi*, *W.-C.* и др. Интересен единичный случай использования закавыченной транслитерированной формы иноязычного слова с русским суффиксом, наряду с русифицированной, давно заимствованной: "gentleman"ство – джентльментство. Использование комбинированной формы явно свидетельствует о стремлении вернуть понятию его национальную (культурно-этническую) окраску и на стыке латинской графики и русской морфологии привлечь внимание читателя. В этом случае кавычки для выделения латинской графической формы выполняют кульминативную (акцентирующую) функцию:

Не каждый англичанин, в зависимости от степени развития вышеуказанных факторов умственного и нравственного значения, мог достигнуть того положения в окружающей его среде, чтобы быть названным "gentleman"ом и приобрести, как таковой, уважение, доверие и влияние среди окружающих его людей. Так, чисто английским идеалом "gentleman"ства внесен был в народ дух в высшей степени полезного и почетного соревнования, в котором, в умеренных рамках понимаемое честолюбие, и самолюбие, и сознание приобретения прав соответственно заслугам – получали широкое удовлетворение. (Призыв. 1919. 7 (23.9) окт. № 77)

Однако в других, тривиальных случаях при введении нового понятия, не наделенного особой прагматической функцией, но называющего конкретный бытовой денотат, кавычки могут отсутствовать: *pull-over*'ы. Варваризм на пути проникновения в русскую морфологическую систему и его освоения (в форме множественного числа) – единичный пример в нашем корпусе.

... дамские и детские *pul-over's*. [реклама](Дни. 1926. 21 нояб. № 1165)

Любопытно сравнить использование кавычек в эмигрантских изданиях первой волны эмиграции с современными русскоязычными изданиями ближнего и дальнего Зарубежья. Сопоставление использования синтаксической функции кавычек в нашем корпусе с подборкой графических, орфографических и др. особенностей русскоязычной прессы Финляндии, выполненной Е.Ю. Протасовой, явственно демонстрирует ослабление (коррозию) этой функции в современных русскоязычных печатных органах, кавычки используются скорее как факультативный пунктуационный знак, нежели как предписывающий. Аналогичные тенденции происходят и в современной русской прессе метрополии. Эмигранты, судя по материалам прессы 20-30-х годов 20 в., более строго следовали пунктуационным правилам постановки кавычек.

2. Семантические функции кавычек в эмигрантских текстах разнообразны и связаны с тем или иным прагматическим выделением лексемы, фразы, синтагмы в письменном тексте.

а) Наиболее нейтральной в прагматическом отношении является **кульминативная** функция кавычек, ориентированная на выделение в тексте какого-либо акцентированного понятия. Таких случаев в нашем корпусе немного, и они обычно связаны с авторской интенцией усилить какое-либо понятие, а также показать его особое употребление, не свойственное русскому языковому узусу: "каникулы" (парламентские), "волонтер", "возвращенец", "активист", "денационализироваться" и др.:

Конгресс [США. – А.З.] распущен на "каникулы" до января 1934 года. (Младоросская искра. 1933. 15 авг. № 32)

Ведь если не будет готова наша "смена", если наша молодежь распылится, "денационализируется", окончательно уйдя от России в свою личную заграничную жизнь, то эмиграция как политическая сила через некоторое время перестанет существовать. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

... некоторые "волонтеры" внешней политики [Коммунистической партии Англии. – А.З.] .. наивно надеются цивилизовать диких большевиков. (Дни. 1925. 28 янв. № 676)

б) **Тропеистическая** функция кавычек акцентирует внимание читателя на метафорическое употребление какого-либо слова: "медвежонок", "тянуть", "засыпаться", "дно", "витязь" (член детско-юношеской эмигрантской организации "Витязь"), "кровообращение", "зеленый" (молодой, неопытный), "желтые" (азиаты), "парламентские" (выражения), "смена", "отец", "дети" и мн. др.

Многие "отцы" встревожены растущей денационализацией зарубежной молодежи. Но не нелепо ли сокрушаться о денационализации "детей" и одновременно совать младороссам палки в колеса. (Младоросская искра. 1932. 12 июля. № 20)

Без России, вернувшейся в мир, России целостной, державной, свободной нельзя восстановить нужного хозяйственного и политического "кровообращения" мира. (Возрождение. 1939. 7 июля. № 4191)

Если, влекомый жаждой вкусовых ощущений, будешь поочередно пробовать все сорта, то получится так называемый "медвежонок", и ты не только не попадешь к другим знакомым, но доберешься домой, уподобляясь именно этому зверю, т.е. "на четвереньках". (Меч. 1937. 2 мая. № 17)

в) **Модально-оценочная функция кавычек** основана на авторском (индивидуальном или групповом) отношении к тому или иному референту. Именно здесь особенно к месту метафора Успенского ("орфографический джокер") и приведенное выше высказывание Волконского. Цель использования кавычек в этой функции – показать иное понимание референта (от легкой иронии до полного отрицания) и обособиться, отстраниться при помощи кавычек от того содержания понятия, которое вкладывает в эту же словесную (графическую) оболочку политический противник или оппонент. Разумеется, в эмигрантской прессе наиболее частым "противником", присвоившим себе право референциальной подтасовки, является весь советский строй, хотя, впрочем, и внутри эмигрантских кругов модально-оценочная функция кавычек использовалась очень активно. Могут закавычиваться практически все денотаты советского дискурса:

- аббревиатуры и сложносокращенные слова ("чека", "комсомол", "совдеп", "колхоз", "СССР");
- новые понятия советского быта ("пионер", "октябрины", "звездины", "безбожник" (активист, пропагандирующий атеизм), "кулак", "бедняк", "алименты", "троцкист", "сталинец", "стукач" (доносчик), "стучать" (доносить), "советский", "ленинизм");
- референциально реформированные большевиками старые понятия ("культурный", "хозяин", "руководитель", "вождь", "конференция", "победа", "подвиг", "верность", "справедливость", "честь", "долг", "дисциплина", "успех", "амнистия", "ученый", "манифест"). Приведем несколько примеров:

Безумная затея лишения православного населения колоколов, которая сейчас осуществляется во многих местах "безбожниками" при содействии советской власти, вызывает озлобление и вражду даже в кругах, близких к советам. (Сегодня. 1930. 14 янв. № 14)

... в середине апреля начнется в Одессе процесс шести чиновников Управления Черноморского пароходства, виновников гибели "Семерки". Так как процесс будет "показательным", а "показать" он должен "высокую справедливость советской власти", окончится процесс вынесением шести смертных приговоров. (Меч. 1937. 11 апр. № 14)

... во Францию едучи, там в попутчиков "ленинизма" предполагает г.[осподин] Луначарский превратить последователей ... "нео-монархизма" [sic]. (Дни. 1925. 27 янв. № 675)

Монархически настроенные эмигранты возмущаются наглостью большевиков, назвавших свое обращение по поводу десятилетия советской власти – ”*манифестом*”. Некоторые невнимательные читатели даже не поверили своим глазам и почему-то предположили, будто такое название дали этому обращению мы. Например, один из таких читателей прислал негодующее письмо в редакцию, в котором пишет: ”Как вам не стыдно называть священным для нас словом обращение московских хулиганов и разбойников? Зовите их *цыдулку* [sic] как угодно – декларацией, прокламацией, декламацией. [...] Но никак не ”*манифестом*”. (Возрождение. 1927. 6 нояб. № 887)

Пусть подумает Н.С.Тимашев, что, если он прав, попрекая Дмитриевского его прежним ”*сталинизмом*”, то тогда правы были бы и те младороссы, попрекая академика Струве его бывшим ”*ленинизмом*”. (Младоросская искра. 1932. 20 авг. № 21)

г) **Метаязыковая функция кавычек** – это проявление авторского сомнения, колебания в семантической точности, верности, уместности использованного автором слова или фразы, это проявление ”самокритики” (по Волконскому). Данная функция кавычек в эмигрантских газетах явно подавлена предыдущей, несущей читателю мощный прагматический (почти всегда пейоративный) заряд.

Существует слой населения – как бы ”*конгломерата*” из всех других слоев, т.е. из интеллигентов и из рабочих, и колхозников, и военной среды – это ”*активисты*”. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

Итак, в эмигрантской прессе кавычки выполняют важную роль: с одной стороны, они свидетельствуют о хорошем знании эмигрантами правил их использования в синтаксических функциях; с другой – показывают возросшее значение их применения как параграфемного знака, фиксирующего внимание читателя на модально-оценочных аспектах референта.

5.0. Сокращения

Сокращения достаточно часто используются на страницах эмигрантских газет. Вместе с сохранением старой (дореволюционной) системы сокращений, можно видеть и влияние иностранных типов и моделей. Какова же типология принятых у эмигрантов сокращений?

1. Точечные сокращения: *с.г.* (сего года), *с.м.* (сего месяца), *и.д.* (исполняющий должность), *пл.* (плюс), *м.* (минус), *др.* = *друг.* (другое);

2. Дефисные сокращения: *г-н* (господин), *д-р* (доктор), *о-во* (общество), *т-во* (товарищество), *м-во* (министерство);

3. Комбинированные сокращения, сочетающие в своем составе дефисные и точечные сокращения: *ген.-лейт.* (генерал-лейтенант), *хоз.-сов.* (хозяйственно-советский) – такие сокращения единичны; чаще используются сокраще-

ния из части слова с целым словом: *ком.-большевик* (коммунист-большевик), *сион.-социалистический* (сионистско-социалистический). Эти сокращения не носят узуального характера.

4. Сокращения единиц измерения: *ккгр* (килограмм), *мтр* (метр), *га* (гектар), *мил.* = *милл.* = *миллн.* (миллион);

5. Титулярные, этикетные, профессионально-этикетные сокращения: *о.* (отец), *арх.* (архиепископ), *бар.* (барон), *гр.* (графиня), *диак.* (диакон), *прот.* (протоиерей), *митроп.* (митрополит), *кн.* (князь), *г.г.* (господа), *т.* = *тт.* = *тщи* (товарищ/и), *прис.* (присяжный), *инж.* (инженер), *пов.* (поверенный), *предс.* (председатель), *следств.* (следственный). Влияние западных моделей на русскую инициальную систему проявилось в сокращении отчества до одной буквы, но с сохранением в полной форме имени: *Григорий А. Бутаков*, *Иван Л. Солоневич*, *Евг. А. Зноско-Боровский*:

... чемпион [sic] Бельгии Эдгар Коль и *Евг.А. Зноско-Боровский*, только что одержавший решительную победу в внеклассовом турнире [по шахматам] в Париже. (Дни. 1925. 14 февр. № 691)

6. Сокращения наименований денежных знаков: *фр.* (франк), *пез.* (пезета [sic]), *лат.* (латы), *с.* = *сен.* = *ц.* = *сент*, *дол.* (доллар). Ясно, что эта денотативная сфера была особенно актуальна для эмигрантов.

7. Сокращения частотных слов: *б.* = *бывш.* (бывший), *нац.* (национальный), *моск.* (московский), *сев.* (северный), *включ.* (включительно), *старш.* (старший), *нов.* (новый), *русск.* (русский), *южн.* (южный), *вечерн.* (вечерний), *госуд.* (государственный), *лошад.* (лошадиный), *революц.* (революционный), *полит.* (политический), *мед.* (медицина, медицинский), *взаимоп.* (взаимопомощь), *кр.* (красный), *св.* (святой), *катехизат.* (катехизаторский), *орг.* (организация) и др. Эти сокращения очень часто встречаются на страницах эмигрантских газет, легко "разворачиваясь" до полного именованья, как повсеместно принятые в эмигрантской письменной практике.

8. Окказиональные сокращения: *у.* (ударничество), *с.* (соревнование, социалистический), *пок.* (поколение), *л.* (левый), *А.* (армия). Такие сокращения единичны и рассчитаны на постоянного читателя данной газеты, но непонятны другим, посторонним, случайным. Преимущественно они используются в военных или "левых" изданиях, что объясняется постоянством обсуждаемых тем и наличием стандартного, сформированного фонда условных сокращений (иногда это уходило еще в подпольное прошлое, как у анархистов, иногда это обуславливалось экономией бумаги). Ср:

Мы видим, что С.[оциалистическое] С.[оревнование] и У.[дарничество] как новый метод поднятия боеспособности Кр.[асной] А.[рмии] в общем не оправдал тех надежд, кои большевицкие [sic] вожди на него возлагали. (Голос России. 1932. июль. № 12)

Остальные (смертники *л. с.-р.* [социал-революционеры] Береснев, Груздева-Литвинова, Соколова и Сипер, срочные *с.-р.* Москвин и Эстрин, анархисты Ни-

колаев, с.-р. (меньшинство) Петров и Назаров – следств.[енные] воздержались. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

В воскресенье, 17 марта, в 16 час. дня в казино Амневин представительством нац.[ионального] союза нов.[ого] пок.[оления] устраивается доклад красного летчика П.Н. Тренина. (Возрождение. 1935. 14 марта. № 3571)

9. Топографические сокращения: привычное для русских сокращение *ул.* (улица) спровоцировало появление транслитерированной формы *ст.* (< street). В русскоязычных газетах, выходящих в США, регулярными были транслитерированные сокращения: *Висс.* (Висконсин < Wisconsin), *Илл.* (Иллинойс < Illinois), *В. Лейк* (< W. Lake = West Lake), *аве.* = *авеню* (ср. англ. *ave.* от *avenue*; окончание на гласный с точкой нетипично для русской системы сокращений), *деп.* (департамент).

Для русских газет в Америке также характерно проникновение англо-американских написаний больших чисел или комбинированных словесно-цифровых обозначений: *1,000-долларовый*; *10,000*; *9,000*; *100,000*; *934,000,000*; *1.20*; *4:30*.

Б. Фишбейн [...] стал жертвой шайки ловких аферистов, обобравших его на *100,000 дол.* (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35)

Начало концерта ровно *в 4:30* по полудни [sic]. Цена билетов *40 сен.* [sic] (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35)

В целом можно сказать: в системе сокращений в эмигрантских газетах не произошло значительных перемен. Эмигранты продолжали использовать старую, не слишком разветвленную, систему сокращений, но видны следы проникновения новых, принятых в странах проживания, моделей: в инициальных именовании, в названиях денег, в топонимических сокращениях. Советские сокращения практически отсутствуют.

6.0. Оценка советских орфографических (графических) новшеств

Изменения, предлагаемые в советской языковедческой науке и окололингвистических кругах, особенно проводящих партийно-советскую языковую политику, зачастую становились объектом и критики, и злого подшучивания эмигрантских авторов. В следующей цитате¹ моделируется разговор Сталина с народным комиссаром просвещения А.В. Луначарским (эмигранты часто иронично-насмешливо именовании его *народным комиссаром затемнения*):

¹ Приводим стихотворение в современной орфографии.

”Главнаука настаивала не писать мягкого знака после шипящих и писать Ы после Ж, Ш и Ц, наприм.: *соцџализм, шырџ* и т.д.”
[Из советских газет]

Луначарский (Сталину):

С тех пор как я лишился власти,
На Вас свалились все напасти:
Партийный тягостный разброд,
И ”кулаки”, и недород...
Кричат газеты белой масти
Про Вашу слабость, косность, мрак...
Чтобы доказать им твердость власти,
Восстановите твердый знак.

Сталин (про себя):

Ишак!

Луначарский:

Пускай царит он в алфавите,
В своей веселой, пестрой свите.
Затем – примите мой совет:
О воскрешении старой яти
В коммунистической печати.

Сталин:

Болтун, непризнанный эстет,
Режима старого невольник.

Луначарский (не слушая):

Мне говорил советский школьник:
– ”Еду писали через ”ять” –
И не случалось голодать”.

Сталин:

Крамольник!

Луначарский (продолжает):

”С тех пор, как пишется ”еда”,
Еды не видно никогда”.

Сталин (гневно):

В тюрьму, в застенки – без суда,

Луначарский (струсив):

Простите... Вам и книги в руки...

Сталин:

Вчера велел я Главнауке –
Не только твердый знак и ять,
Но даже мягкий знак изъять.

Луначарский (робко):

А как же с Горьким?

Сталин:

Будет «Горкий»!

Я вашим школьникам задам:

За мягкий знак дождутся порки

По мягким и другим частям.

(Луначарский стыдливо поворачивается спиной).

Согласно моему декрету

”Социализма” больше нету:

Социализм – анахронизм:

”У нас теперь – «соцализм»”!...

Автор Lolo (Ницца) (Сегодня. 1930. 9 янв.)

В 1930 г. эмигранты были взбудоражены началом работы над проектами, вивавшими в партийно-государственном аппарате СССР и некоторой части научно-гуманитарной интеллигенции и нацеленными на замену кириллического алфавита латинским. Многие эмигрантские газеты не могли не откликнуться на это судьбоносное для русского языка и культуры событие. Вот такое сообщение было опубликовано в одной из самых осведомленных о советских делах эмигрантской рижской газете ”Сегодня”:

В коммунистической академии состоялось совещание, посвященное вопросу о латинизации русского алфавита. Председатель комиссии по латинизации при Главнауке какой-то Яковлев¹, отстаивая необходимость этой реформы, подчеркивал, что она должна быть осуществлена не внезапно, а в течение ряда лет. В качестве довода против старого русского алфавита Яковлев выдвинул то положение, что алфавит этот служил самодержавию оружием насильственной русификации [sic]. Яковлев даже указал, что в СССР имеется 25 народов, численностью в 25 мил.[лионов] человек, которые уже пользуются латинским шрифтом. Ко всему латинизация русской письменности сделает книгу очень убористой и даст огромную экономию на бумаге. По подсчетам советских прожектеров, за короткий срок экономия эта даст около 30 мил.[лионов] рублей. Никаких конкретных решений по вопросу об осуществлении этого проекта пока принято не было. (Сегодня. 1930. 11 янв. № 11)

¹ Речь идет, конечно, об известном лингвисте Н.Ф. Яковлеве, выступавшем ярким сторонником алфавитной реформы и аргументировавшим ее такими доводами: ”Русский алфавит представляет собою безусловный анахронизм – род графического барьера, разобщающий наиболее численную группу народов Союза как от революционного Востока, так и от трудящихся масс и пролетариата Запада” (Яковлев Н.Ф. ”О необходимости латинизации русского алфавита”, принятые в начале работ подкомиссии по латинизации русского алфавита при Главнауке // Культура и письменность Востока. Кн. 6. Баку, 1930. С. 27-43).

Возможная латинизация русского алфавита взволновала эмигрантские газеты, поэтому информационные сообщения из Москвы поместили многие печатные органы:

Латинизация русской азбуки [заглавие]

Из Москвы пишут, что латинизация русского алфавита будет применена в ближайшем будущем [подзаголовок]

Представитель комиссариата народного просвещения Костенко следующим образом изложил план латинизации. Алфавит будет подвергнут дальнейшему упрощению, хотя бы ценой игнорирования более мелких звуковых различий. Широко будут применяться апострофы и особые значки под буквами. Буква "щ" будет заменена латинским "эс" с апострофом; буква "ч" – латинским "сэ". "Х" сохранит свой нынешний вид и не будет читаться как "икс". Костенко следующим образом мотивировал переход на латинский шрифт: "Эта мера облегчит для русских изучение иностранных языков и позволит иностранцам, посещающим Россию, читать названия улиц, магазинов и т. д. Когда же настанет мировая революция, в наступлении которой мы, марксисты, не сомневаемся, будет большим удобством иметь повсюду единый алфавит. Кроме того, с переходом на новый шрифт мы сможем произвести отбор в книжном материале и перепечатывать только те книги, которые мы считаем полезными" (Руль. 1930. 16 февр.)

Разумеется, речь идет не о сотнях и тысячах сэкономленных тонн типографской краски и бумаги или удобства чтения названий иностранных учреждений, газет, магазинов как способа освоения иностранного языка, что якобы и мотивирует, с точки зрения большевиков, переход с кириллицы на латиницу. Дело здесь, конечно, гораздо глубже и коренится в культурно-символической парадигме, членами которой выступают *Русь, православие, святые* (первоучители славян) *Кирилл и Мефодий*. Кириллический алфавит базируется на истории и символизирует преемственность развития Руси – России как единого государства. Революция 1917 г. знаменовала для многих эмигрантов если не социально-экономическую смерть страны, то ее предсмертные судороги. Введение же латиницы – это, по мнению эмигрантов, окончательная смерть России, а именно духовно-религиозная смерть, полная победа католицизма над православием. Именно в таком эмоционально-напряженном клубке культурно-религиозных сплетений эмигранты рассматривали обсуждение вопросов перехода в СССР с кириллицы на латиницу. И тем не менее эмигранты находили в себе еще силы шутить над советскими реформаторскими затеями. Приведем обширное стихотворение известного эмигрантского писателя В.В. Клопотовского (1883-1944), выступавшего под псевдонимом Лери:

«Московская латынь»

«В СССР предстоит введение латинского шрифта».

”Латынь из моды вышла ныне”, –
Так некогда сказал поэт,
Но в этом больше смысла нет,
Раз, по прошествии ста лет,
В России пишут по-латыни,
По предписанию чеки,
Средняки и кулаки.
Согласно воле Главнауки,
В России умерли ”аз” – ”буки”.
А также ”веди” и ”глагол”.
Чтоб не трудился комсомол,
Да при наличьи комсомола
Теперь уже не до глагола
Тому, кто, как известно всем,
Уже давно и глух и нем.
И всем на свете недоволен
И недвижим, и безглаголен.
Но что за ширь, но что за взлет!
И кто осмыслит, кто поймет
Рисунок этот прихотливый
И сказочные перспективы
Тех государственных забот,
Что власть советов наполняет,
И от которых весь народ
Действительно обалдевает,
Но все же движется вперед,
И, становясь в хвост за селедкой,
Иль за восьмушкой макарон,
Вполне признательно и кротко
Язык Тацита учит он,
Как признанный первоисточник
Всех умных и серьезных книг
Либо, вперяя глаз в подстрочник,
Он по-латыни славит ЦИК.
И, рассудив в огне и в буре,
Всех откровений весь венец
Кричит совдепу:”Моритури
Тебе салютант” и конец!
И в самом деле, что творится!..
Обалдевает голова,
И это ясно, что едва
Другая сыщется столица,
Как эта красная Москва! –

Где были снежные сугробы,
Где были мрачные леса,
Там нынче всюду небоскребы
Вонзаят крыши в небеса,
И государство взором метким
Спешит культуру насадить
И всех, в порядке пятилетки,
И обогреть, и накормить!..
Грохочет жизнь, взлетают лифты,
Вздымая хлебные мешки,
И правильным латинским шрифтом
Послания пишут мужики.
И даже будучи в подвале,
И, несмотря на свой удел,
«В конце письма поставят ”вале”»
Пред тем, как выйти на расстрел!..
И даже в глубине деревни
Белогвардеец и кулак,
Презрев старорежимный мрак,
Как римлянин какой-то древний,
Выводит вместо трех крестов
Латинских звонких пару строф!..
И не при тлеющей лучине,
Подруге темных царских дней,
А при ”Филлипсе”¹ в сто свечей
Мужик с мужичкой по-латыни
Благонадежности своей,
Сопя, вдвоем строчат анкету,
Но с тяжелой думой на челе,
Чтобы узнали там, в Кремле,
Что хлеба все-таки ведь нету
И что не народится хлеб,
Пока не пропадет Совдеп!..
И изречением крылатым
Латинский завершив язык,
Они вполне российским матом
В душе обложат красный ЦИК...
И слов игры их не измерить,
И можно лишь одно сказать,
Что Русь аршином не измерить,
И по-латыни не понять!..

(Сегодня. 1930. 12 янв.)

Такая ироническо-скептическая оценка возможной латинизации русского языка в стихотворении сопровождается апелляцией и к историческим фактам, и к традиционным образам русской крестьянской Руси-России, и к про-

¹ Лампочки фирмы ”Филлипс” (Fillips).

сторечным и даже бранным формам (как антипода латыни: ученая *латынь* ↔ русский *мат*), и к литературным реминесценциям (ср. тютчевское "Умом Россию не понять..."), и к текущей ситуации в большевистской стране (*пятилетки*). Кажется, в этом стихотворении можно видеть только забавный, курьезный литературный факт культурного пространства русской эмиграции, но это не совсем так. Парадокс в том, что "все возвращается на круги своя" и вот уже в начале 21 века в постсоветской России опять брошена для обсуждения идея латинизации русского языка и опять эмигранты с тревогой следят за дальнейшим ходом событий. Вот какое сообщение можно было прочитать совсем недавно в выходящей в Париже газете "Русская мысль": "Известный российский этнолог, член-корреспондент РАН Сергей Арутюнов¹ выдвинул проект постепенного перевода русского языка на латинскую графику. Эти предложения были обнародованы им в интервью «Независимой газете». При этом Арутюнов апеллирует к опыту осуществивших переход на латиницу некоторых стран и республик (Турция, Азербайджан, Татарстан), а также к тому факту, что многие славянские народы пользуются латинской письменностью. Ученый убежден, что такой шаг способствовал бы интеграции России в Европу, тем более что, по его мнению, кириллица устарела для славянских языков". (Русская мысль. 2001. № 4375. 6 сент.). Итак, лингвополитические дебаты о латинизации русского языка не утихают и поныне.

Выводы:

Если отвлечься от социально и политически окрашенного неприятия многими эмигрантами новой орфографии, связываемой с политикой большевиков, и сосредоточиться на содержательных аспектах орфографических, пунктуационных, графемных новаций, получивших отражение на страницах эмигрантских газет, то можно заключить следующее.

1. Эмигрантские газеты, в целом, характеризует достаточно высокое качество орфографии и пунктуации. Журналисты, издатели, писатели, участвовавшие в издании газет, старательно придерживались орфографических правил и следили за их соблюдением.

2. Орфография представляет собой не просто застывшую, закосневшую систему, но динамический компромисс или свод правил, установленных в социуме на данный момент времени и представляющих симбиоз стихийного и рационального, естественного и искусственного [Голев 2004: 46-62]. Именно поэтому рассмотрение некоторых "стихийных" и "рациональных" начал в орфографическо-пунктуационной системе публицистических текстов, реагирующих на социальную динамику и языковые инновации и отражающих это на страницах газет, позволяет сделать некоторые выводы о процессах, протека-

¹ Арутюнов С. А. Всеобщий переход на латиницу неизбежен // Независ. газета. 2001. 7. авг. Poleмику по этому поводу продолжил известный лингвист В.М. Алпатов, опубликовавший в журнале "Центральная Азия и Кавказ" (2002. № 3) статью под названием "Реформа алфавита: латиница или кириллица?"

ющих вне систематичной нормализаторско-кодификационной деятельности в советской прессе.

3. В сфере орфографии антиномия между акающим (икающим) произношением и гиперкорректными написаниями составляет одну из характерных особенностей эмигрантской прессы.

4. Нахождение эмигрантов в иноязычном окружении не прошло бесследно для написания гласных букв в заимствованных словах: их орфография, несомненно, ориентируется чаще на фонетический (фонематический) принцип, чем на орфоэпический.

5. Значительно усилилась ориентация на прототипические написания иноязычных слов с двойными согласными, причем произошла субституция даже в старых заимствованиях, давно освоенных и усвоенных в русском языке и нормативной орфографии. Наиболее мощное влияние оказывал немецкий язык.

6. В сфере пунктуационных особенностей эмигрантских газет отметим значительное возрастание роли кавычек в модально-прагматической функции, что связано, в первую очередь, с большим количеством понятий (в основном – советских), активно используемых во всех без исключения изданиях русскоязычной прессы и пейоративно оцениваемых в большинстве из них.

7. Область "внешних" (графических) моделей также оставалась открытой влиянию иностранных источников (прототипов); новации коснулись акронимических сокращений названий денежных единиц, цифровых обозначений (особенно в русскоязычных газетах, испытывающих влияние англо-американской графической системы), этикетных формул.

8. Использование параграфемных средств в эмигрантской прессе значительно варьируется: большинство "левых" и демократических изданий практически не используют выделение слов при помощи заглавных букв, напротив – монархические, народно-патриотические газеты охотно прибегают к такому параграфемному выделению ключевых (с их идейно-политических позиций) понятий.

9. Графико-орфографические новации, предлагавшиеся в СССР, живо обсуждались на страницах эмигрантских газет. Разумеется, обывателю-эмигранту не было дела до научных тонкостей реформирования русского правописания, гораздо больше эмигрантов интересовала идеологическая и политическая подоплека нововведений: эмигранты усматривали в них злой умысел большевиков – сломать, разрушить стройное (в обыденном сознании эмигрантской массы) и фундированное в истории здание русской графики и орфографии. В предлагавшейся в СССР смене графики (переход с кириллицы на латиницу) эмигранты ясно видели идеологический смысл: намерение большевиков приблизить свершение мировой революции путем интернационализации алфавитов всех стран.

ГЛАВА 2.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЯЗЫКЕ ЭМИГРАНТСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

Общие замечания

Языковая компетенция эмигрантов старшего поколения сформировалась еще в дореволюционное время, поэтому и в лексическом строе эмигрантской публицистики, и в грамматическом можно наблюдать относительную "чистоту" языкового материала: практически на протяжении двух десятилетий (1920-1930-е годы) основным костяком сотрудников газет и журналов оставались "отцы", а не "дети". Именно это обстоятельство заставляет внимательно рассмотреть те грамматические черты в языковом строе эмигрантских газет, которые могут свидетельствовать о динамике, трансформациях русского языка среднего и старшего поколения, оказавшегося в изгнании. Какие изменения происходили в языковой компетенции людей с уже сформированной языковой базой? Ясно, что грамматический строй в меньшей степени, чем, например, лексический ярус подвержен влиянию социальных факторов, хотя и в грамматических моделях могут происходить изменения, обусловленные сменой идеологическо-политических приоритетов в обществе, стилистическими причинами. В главе "Динамические процессы в лексике" характеризуются языковые тенденции в эмигрантской прессе, проявляющиеся как в сохранении большого числа старых, дореволюционных обозначений, перенесенных в эмигрантский устный и публичный узус, так и в значительном количестве лексических новаций, появившихся под влиянием иноязычного окружения. В данной же главе нас гораздо больше будут интересовать вопросы сохранения или трансформации грамматических моделей, процессов, явлений в языке эмигрантской публицистики, находящейся в иноязычном окружении. В устном (некодифицированном языке) и словарь, и грамматика нацелены на передачу смысла высказываний, которые – помимо своего языкового значения и корректного их использования – требуют от пользователей языка также знаний так называемой "ситуативной грамматики". С этим связано и достаточно интенсивные процессы языковых трансформаций в устном языке эмиграции; эта тема неоднократно становилась предметом описания лингвистов. Речевые трансформации (языковая коррозия) могут быть осознаваемыми или неосознаваемыми говорящим. В кодифицированном языке у говорящего (пишущего) более ограниченный репертуар языковых средств, ориентация на ситуативные параметры существенно ниже (в данном случае

речь не идет о фоновых знаниях или общей апперцепционной базе социума). При порождении письменных текстов, написанных с целью их публикации, степень языкового самоконтроля индивида обычно выше, чем в его устно-речевой практике. Публицистический стиль как срединный между литературно-художественным и разговорно-бытовым дают индивиду возможность вкрапления в свой письменный текст живых разговорно-речевых элементов. Осознается ли этот процесс "вкрапливания" индивидом-эмигрантом, оказываются ли сформированные нормативные рекомендации при построении письменных высказываний "сильнее" перед проникновением устно-разговорных черт, могут ли противостоять им¹? Насколько широко представлены в письменной практике эмигрантов первой волны "старые" языковые особенности, принятые еще в дореволюционной публицистике, и "новые", инспирированные пребыванием за рубежом? Какова степень языковой "консервации" (и даже консервативности), корреспондируют ли грамматические процессы в языке эмигрантской публицистики с аналогичными процессами, протекающими в языке метрополии, каковы языковые инновации, проникающие на страницы эмигрантской прессы, – эти вопросы являются центральными в настоящей главе.

1.0. Аналитические тенденции

1.1. *Аналитические процессы в области имен существительных*

В типологическом отношении русский язык относится к числу синтетических (преимущественно) по своему строю. В структуре одного слова объединяются несколько морфем: собственно лексические, несущие основное значение слова, и аффиксальные форманты, указывающие на грамматическую категорию (часть речи, падеж, род, спряжение, лицо и т.п.). Основным синтетическим средством выражения грамматического значения в большинстве синтетических языков мира служит аффиксация. В аналитических языках (классическими примерами служат английский, французский), грамматические категории выражаются отдельно от лексических: либо самостоятельными словами (артиклями, предлогами), либо порядком слов и синтаксической структурой предложения, интонацией. (Здесь мы отвлекаемся от вопроса о соотношении аналитических и синтетических компонентов том или ином языке, поскольку чистых "синтетических" или чисто "аналитических", "идеальных" языков не

---

¹ Обособление и резкое противопоставление устной и письменной речи едва ли правомерно. По-видимому, права Н.Ю. Шведова: "далеко не все написанное относится к речи письменной, так же как и далеко не все устное, произносимое (и даже воплощающееся в разговоре) относится к речи разговорной" [Шведова 1960: 3].

существует). В русском языке, синтетическом в своей основе, есть и аналитические элементы: служебные слова (союзы, предлоги, частицы), крайне важную роль играет также интонация.

Начиная со второй половине 20 в., в русистике идет довольно острая дискуссия об увеличении аналитических черт в русском языке и, на основе этого, делаются выводы о медленном, "микроскопическом" (М.В. Панов) движении русского языка, например, в сторону английского, аналитического в своей основе [РЯСОМ 1968: 15; РЯК 1996: 326-344; Акимова 1998; Гловинская 2000; и мн. др.]. Часть исследователей сомневается в справедливости и обоснованности данного утверждения, мотивируя свою критику "аналитиков" (ученых, отстаивающих идею движения русского языка в аналитическом направлении) тем, что во внимание принимается чаще всего хронологический период последних 100 лет и игнорируются аналитические черты еще в древнерусском, напр., в сфере использования местоимений, функционировании вспомогательного глагола *быть* при формировании аналитических времен: не только будущего, но и прошедшего [Dunn 1988; Тираспольский 1991]. Впрочем, даже на синхронном срезе аналитические новшества некоторыми лингвистами могут расцениваться как периферийные, не затрагивающие глубинную структуру морфологии и синтаксиса и часто фокусирующиеся в разговорном языке; в данном случае оговорки, описки квалифицируются как недостаточные языковые навыки индивида, но не экстраполируются на языковую систему в целом [Горбачевич 1990]. Напротив, часть лингвистов возникновение аномалий в речи рассматривает как убедительные и симптоматичные факты, свидетельствующие о росте аналитических элементов в грамматическом строе русского языка; расширение аналитизма трактуется исследователями как доказательство подвижности языковой системы на ее динамичных, "универсально слабых" (в терминологии М.Я. Гловинской), наиболее подверженных языковой коррозии участках. Ср.: "Одна из наиболее определенных [тенденций в русском языке послереволюционной эпохи. – А.3.] – стремление к аналитизму. Основной признак аналитических единиц – то, что у них грамматическое значение передается вне пределов данного слова, т.е. средствами контекста (в широком смысле слова)" [РЯСОМ 1968: 11].

Исследователи языка русского зарубежья уже неоднократно обращали внимание на более активный характер проявления аналитических черт в речевой практике эмигрантов [Benson 1957; Kouzmin 1982; ЯРЗ 2001; РЯЗ 2001] в сравнении с языком метрополии. Основной областью распространения аналитизма является рост несклоняемых имен существительных, довольно обильно заимствуемых из языка-источника (прежде всего обозначения бытового характера, названия официальных учреждений, обозначения документов, термины делопроизводственной сферы) и имен прилагательных. В отличие от них, глагол "с заимствованной основой не может быть "голым", он должен иметь формальные показатели своей глагольности" [ЯРЗ 2001: 205], поэтому лексические и грамматические глагольные новообразования в языке эмигрантов оформляются согласно русским словоизменительным классам

глаголов. В устном языке аналитизм в глагольных формах может проявляться в расширении сферы использования формы *буду* при образовании будущего времени: *Я буду иметь лоны* (англ. loan "ссуда, заем"); *Я буду назад в четыре часа* (ср. английское глагольное соответствие I will be back "я вернусь") [Andrews 1999: 98, 102], однако авторы [ЯРЗ 2001] не фиксируют подобных образований в собранном ими материале. Скорее всего, подобные грамматические конструкции присущи речевой практике индивидов, языковая компетенция которых в раннем (подростковом) возрасте подверглась мощному влиянию иностранных языков (где есть формально выраженные показатели будущего времени); в этом случае можно говорить о языковой коррозии, когда на языковую систему индивида, находящуюся в стадии формирования, накладывается другая языковая система, в которой та или иная грамматическая категория оказывается более употребительной или единственно возможной. Разумеется, оказывает влияние и строй языка: аналитические конструкции легче проникают в синтетические языки; в обратном направлении такое движение происходит редко (по крайней мере в сжатый временной интервал).

Аналитические формы проникали в эмигрантский узус первой волны довольно активно, среди них можно выделить тематические сферы, в которых аналитические модели заметны наиболее всего:

- наименования кинофирм, заводов, увеселительных и развлекательных заведений: *Парамаунт-фильм*, *Жокей-клуб*, *Лаун-теннис клуб*, *Бетховен-зал*, *Дансинг-Палас*, *Дженерал Моторс*:

Луиза Брукс, Ричард Арман в новейшем *Парамаунт-фильме* "Братья-соперники". [реклама] (Сегодня. 1930. 6 янв. № 6)

Большое оживление царило в обширных помещениях "Дансинг-Паласа", где выступали артисты Русской Драмы. (Сегодня. 1930. 2 янв. № 2)

Дейтч указал также, что в настоящее время в венском *Жокей-клубе* происходят совещания между венгерскими австрийскими легитимистами. (Дни. 1925. 13 февр. № 690)

6 ноября первая команда русского *Лаун-Теннис Клуба* играет реваншный матч на площадках Аньерского клуба. (Возрождение. 1927. 6 нояб. № 887)

... в 8 часов 40 минут [Прокофьев] подъехал к *Бетховен-залу*, но из автомобиля не вышел.. (Дни. 1925. 1 февр. № 680)

Очередной симфонический радио-концерт *Дженерал Моторс* .. будет посвящён величайшему русскому поэту А.С. Пушкину. (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35)

Это достаточно многочисленная группа в нашем корпусе. Сохранение структуры наименований тех или иных заведений, принятых в языке-источнике, – практически повсеместное явление в эмигрантской публицистике, не знающее исключений. Несомненно, это свидетельствует о стремлении эмигрантов не нарушать номинативно-структурную целостность иноязычной лексической единицы, даже если ее грамматическая структура не соответствует

русской; можно утверждать, что грамматическая корректность и соблюдение русских морфологических законов согласования отступают на задний план. С точки зрения русской грамматики, нормативными являются определительные словосочетания с существительным (в функции главного компонента) и зависимым прилагательным, согласующимся с определяемым словом в роде, числе, падеже. В наших примерах первая часть составного наименования не склоняется, изменяется только второй компонент, подчиняясь законам согласования с другими членами предложения. Тем самым грамматическая связь между компонентами оказывается формальной, не координированной, формируются "аграмматичные формы", или своеобразный синтаксический "изафет" (по образному выражению В.Г. Костомарова). В современном русском языке масс-медиа эта тенденция стала проявляться особенно активно с конца 80-х годов 20 в. [РЯК 1996; Костомаров 1996; Ryazanova-Clarke & Wade 1999; Валгина 2001]. Итак, "изафетные" формы в эмигрантском варианте русского языка появились значительно раньше, чем в языке метрополии.

- наименования должностей, профессий: *полицей-президент, министр-президент, министр-маршал, юстиц-рат, штаб-офицер, штаб-ротмистр, такси-шофер, генерал-директор*:

Следственная комиссия Ландтага по делу Барматов дважды допрашивала берлинского *полицей-президента* Рихтера.. (Дни. 1925. 14 февр. № 691)

Опытный *такси-шофер* немедленно требуется.. (Сегодня. 1930. 4 янв. № 4)

Уже несколько дней пребывает в Берлине именитый советский гость – тов. Жуков, председатель объединенных электротехнических концернов СССР. Тов. Жуков играет руководящую роль в советской радиоиндустрии. [...] "*Генерал-директор*" Жуков собирается посетить ряд германских радиостанций.. (Руль. 1930. 25 марта. № 2836)

Элементы аналитизма в терминах со значением профессий встречались задолго до революции. Это касается, в первую очередь, наименований военных должностей (многие из них в дореволюционном языке были заимствованы из немецкого: *генерал-капитан, генерал-адмирал, генерал-аншеф, генерал-майор* и мн. др.), профессиональных обозначений (*обер-мастер, обер-кондуктор, обер-секретарь, обер-аудитор, обер-камергер, штаб-офицер, штаб-лекарь, штаб-ротмистр* и др. [Ромашкевич 1889]). Многие составные термины, в которых первый компонент не склонялся, оставаясь в неизменяемой форме, сохранились в языке эмиграции, прежде всего это относится к военным обозначениям: *штаб-офицер, генерал-лейтенант, штаб-ротмистр*. В русском дореволюционном языке некоторые элементы составных терминов приобрели деривационную самостоятельность, послужив словообразовательными морфемами (в частности, префиксоидами) для производства новых слов. В эмигрантском публицистическом дискурсе сохранилось и продолжилось словопроизводство таких публицистически заостренных номинаций разговорного характера:

обер-аграрник Милютин. (Сегодня. 1930. 3 янв. № 3)

обер-палач Дзержинский. (Дни. 1925. 3 февр. № 681)

Однако не только сохранением старых наименований характеризуется эмигрантский узус, в него вошли и новые обозначения, связанные с жизнью за рубежом и отсутствовавшие в дореволюционном речевом обиходе: *такси-шофер* (очевидно, прямое заимствование из нем. *Taxichauffeur*; ср. англ. *taxi driver*, франц. *chauffeur de taxi*), *полицей-президент* (нем. *Polizeipräsident* "начальник полиции (в крупном городе)"), *генерал-директор* (нем. *Generaldirektor* "генеральный директор"; ср. франц. *directeur général*), *министр-маршал, юстицират* (нем. *Justizrat* "советник юстиции"). Расчленение в русском языковом сознании сложного иноязычного слова на два компонента, формирующих, в свою очередь, составной термин, ярко проявляется в написании иноязычного слова с помощью дефиса, который в русской орфографии, как известно, выполняет дифференцирующую функцию – разделения составной лексемы на самостоятельные в семантическом отношении элементы. Итак, существовавшая в русском языке традиция профессиональных обозначений (имевших в структуре аналитические компоненты) вполне органично вобрала в себя новые номинации, заимствованные эмигрантами из иностранных языков.

Хорошей иллюстрацией сосуществования двух языковых механизмов (анализма и синтетизма) в пределах одной фразы являются рекламные объявления в эмигрантских газетах, предлагающих рабочие места. Так, варваризмы-профессионализмы, активно используемые в эмигрантском речевом узусе, подчиняются законам русской морфологии (т.е. приобретают русские флексии), однако их полные иноязычные протитипы (даже транслитерированные в кириллической форме) сохраняют свой неизменяемый (т.е. аналитический) характер. Ср. уже цитированные примеры:

Требуются рабочие:

1. шарпантье ан фер
2. два хороших столяра (эбенист)
3. ажюстеры и работеры
4. токари (турнер-деколтер)
5. фрезеры (фрезер-утийер)
6. ажюстеры, имеющие практику на машин-утий, фондеры и кулеры (фондер де пломб э кулер де гросс пляк) [объявление в газете] (Дни. 1926. 20 ноября. № 1164)

Требуются рабочие:

1. токари и ректифиеры (турнер де фабрикасьон э ректифиер)
2. ажюстеры, токари, фрезеры и утийеры
3. токари (турнер-профессионель)
4. ажюстеры (ажюстер-профессионель) [..]
10. токари, реглеры, фрезеры, хорошие персеры и ажюстеры-монтеры (турнер вертико э параллель, реглер де тур, ажюстер-монтер д'антретиен)

11. токари и ажюстеры (турнер-утийер э ажюстер-монтер пур л'антретиен дэ Блисс)
12. токари и утийоры (утийор ан матрис д'эстампаж)
13. маневры в каменоломни [объявление в газете] (Дни. 1926. 17 ноября. № 1161)

Русифицированные (синтетические) формы	Неизменяемые (аналитические) формы
<i>эбенисты</i>	<i>фондер де пломб</i>
<i>ажюстеры</i>	<i>турнер-профессиональ</i>
<i>работеры</i>	<i>турнер вертико э параллель</i>
<i>фондеры</i>	<i>реглер де тур</i>
<i>кулеры</i>	<i>ажюстер-монтер д'антретиен</i>
<i>ректифиеры</i>	<i>турнер-утийер</i>
<i>фрезеры</i>	<i>утийор ан матрис д'эстампаж</i>
<i>утийеры (=утийоры)</i>	<i>ажюстер-монтер пур л'антретиен дэ Блисс</i>
<i>реглеры</i>	<i>кулер де гросс пляк</i>
<i>персеры</i>	
<i>ажюстеры-монтеры</i>	
<i>маневры</i>	

Ср. также аналитическую по своей структуре номинацию *шеф-повар*, которая в речевой практике явно проявляет тенденцию к склонению обеих частей термина.

Пансион "Прагер Платц". Первокласная русско-французская кухня под управлением *шефа-повара*. [реклама] (Дни. 1925. 8 февр. № 686)

В современном русском языке очевидна тенденция к сохранению первой части аналогичных сложных слов как неизменяемых компонентов. Итак, новые профессиональные обозначения легко приспособивались к русской морфологии, будучи частотными в эмигрантском узусе, однако сохраняли свой неизменяемый (аналитический) характер в составе фраз-вкраплений, целью которых являлась коммуникативная точность при передаче значимых для эмигрантов понятий.

- обозначения политических реалий: *дуче*, *гетто*, *наци*, *шупо* (немецкая разговорная аббревиатура *Schupo* < *Schutzpolizist* "охранник-полицейский"). Увеличение в русском языке числа неизменяемых (несклоняемых) имен существительных большинством лингвистов считается доказательством роста аналитических тенденций в синтетическом по своему характеру русском языке.

Под водительством *Дуче* [sic] Италия преодолевает, достигает, добивается, – одним словом, работает для своего лучшего национального будущего. (Сигнал. 1938. 1 сент. № 38)

Тибор Самули – чахоточный садист и грабитель из подонков венгерского *гетто*. (Сигнал. 1938. 15 сент. № 39)

... из школы революции, кроме умелого и умеренного подражания советской технике ведения агитации, [А. Казим-бек] вынес редкое мастерство бросать в толпу лозунги, пусть не всегда оригинальные, часто по-уайльдовски перевернутые с оригинала на изнанку и, тем не менее, всегда бьющие в цель. У большевиков, кроме Ленина, не было такого человека, у *наци* таким является Геббельс. (Младоросская искра. 1933. 15 нояб. № 34)

... по бокам этой шумной и хулиганящей толпы шли чинно, в ногу, в такт звукам "Интернационала" данцигские ... "шупо" (полицейские). (Дни. 1925. 11 февр. № 688)

Следует аналитическому иноязычному прототипу (Hitler-Ludendorff-Putsch) и производное прилагательное *Гитлер-Людендорфский* (вместо русского нормативного *гитлеровско-людендорфский*):

... один из подсудимых немцев стоит во главе реакционной политической организации в Баварии и участвовал в пресловутом *Гитлер-Людендорфском* [sic] путче, другой печатал в своей типографии немецкие черносотенные брошюрки и пр. (Сегодня. 1930. 9 янв. № 9)

- производственные, технические наименования: *тон-фильм* (= *тонфильма*), *конвеер-система* [sic]. Ограниченность технических лексем в данной группе, в принципе, не вызывает удивления, так как эмигрантская пресса намного меньше, чем советские газеты, уделяла внимание обсуждению технических, производственных проблем, технологических процессов и операций. Соответственно, потребность и необходимость в использовании технической, специальной терминологии на страницах эмигрантских газет была значительно ниже, чем в советской периодике, активно освещающей процессы технического перевооружения народного хозяйства (ср. советские планы электрификации, индустриализации, коллективизации). Аналитические составные термины (типа *крекинг-система*) встречались в русском советском дискурсе не только в специальных справочниках, но зачастую попадали и в газетно-публицистический стиль, тем самым расширяя сферу своей употребительности: даже если слова не входили в речевое употребление, то, по крайней мере, попадали в состав пассивной лексики, знакомой значительному числу людей. Широкое проникновение технической терминологии в послереволюционный советский узус неоднократно комментировалось исследователями [Крысин 1965; 1968; РЯСОЛ 1968; Obermann 1969; Лексика 1981; Лехикойнен 1990]. Приведем редкие примеры аналитических составных терминов из нашего материала:

Победа *тон-фильмы*! Лучшее, что до сих пор дала американская говорящая, поющая *тонфильма* "Омоложенный", .. в которой сочетаются захватывающий драматический сюжет и последнее слово в технике передачи изображения и звука. (Сегодня. 1930. 4 янв. № 4)

Например: сшить одну скроенную штанину, считая приклад, нужно полчаса. Другую тоже полчаса. Прикроенную жилетку сшить на машине – полчаса. [...] Считая на закройку, сборку и утюжку еще два, два с половиной часа – вся работа, значит, будет готова в три часа. Это вот и есть *конвейер-система*. (Руль. 1930. 1 янв. № 2766)

Эти аналитические формы стали чрезвычайно популярны в русском языке метрополии в конце 20 – первое десятилетие 21 века. Таких новаций ”традиционно образцовый русский язык избегал (правда, допускались массово в профессиональной речи, особенно в технической и научной, разнообразные сложения: *альфа-частицы, блюминг-стан*)” [Костомаров 1999: 270], однако сейчас они не ограничиваются рамками профессионально-технических сфер, а довольно быстро входят в узуальное использование.

- наименования официальных актов, документов, организаций, а также городских топонимов. В русскую прессу, издаваемую, в частности, в США и Франции, широко проникли грамматически некоординируемые сочетания. Связь компонентов (с позиций русской морфологии) таких сочетаний чисто формальная, аналитическая. Ср.:

В состоявшемся 26 марта заседании Эмигрантского Комитета заслушаны сообщения В.А. Маклакова: .. 2) о представлении министерством внутренних дел представителю Нансеновского офиса [sic] во Франции права выдавать беженцам свидетельства о бедности, освобождающие от уплаты гербового сбора с *карт д-идантитэ*. (Возрождение. 1937. 3 апр. № 4072)

Пастор Ф. Дэйк, из *Зайон*, *Илл.*[инойс], .. приговорён федеральным судьёй к шестимесячному тюремному заключению за нарушение *Мэнн акта*. Пастор увёз с собой из Кеноши, *Вис.*[консин], в *Ист Луис*, *Илл.*[инойс], шестнадцатилетнюю девушку, с которой был зарегистрирован в нескольких отелях, как ”муж и жена”. (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35)

Б. Фишбейн, 1050 *Сполдинг аве.*, владелец двух прачечных, 3122 *Вест Армитадж авеню* и 4252 *В. Лэйк ул.*, [sic] стал жертвой шайки ловких аферистов, обобрававших его на 100, 000 дол. [sic] (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35)

Очень красивая выставка открылась вчера в 2 часа дня в доме № 9 *рю Дюрок*. (Дни. 1926. 19 нояб. № 1163)

Общее собрание членов Земско-Городского Комитета состоится 18 ноября в 3 часа 30 мин. в помещении Комитета (33, *рю де Прони*). (Дни. 1926. 16 нояб. № 1160)

... для желающих разговляться в очаге союза [русских сестер милосердия] будет устроено в пасхальную ночь разговленье. Запись открыта в очаге союза (150, *рю Алезия*) (Возрождение. 1935. 14 марта. № 3571)

Следствие подтвердило, что нападение в Койюакане, *предместье Мексико*, было произведено группой в 60 коммунистов, принадлежащих к союзу красных рубашек. (Возрождение. 1935. 2 янв. № 3500)

Это явление (отсутствие грамматической координации, постпозитивные элементы), ранее несвойственное русскому языку метрополии, начинает широко распространяться в книжных сферах русского языка в последнее десятилетие 20 в. [Костомаров 1994: 204-205; Дуличенко 1994; Граудина 1998; Ryazanova-Clarke & Wade 1999]: *рекламный проспект прислала Оксана Букатина, Москва; проживающий в США, штат Вермонт, .. Александр Солженицын..; Норткот Паркинсон .. скончался в Кентерберри, юго-восток Англии, в возрасте 83 лет;* и др. Приведенные выше примеры показывают, что влияние иноязычных аналитических моделей грамматической некоординируемости лексем, распространенных в топографических, ономастических обозначениях, в эмигрантской публицистике обнаруживается значительно раньше письменной практики в метрополии.

- бытовые, спортивные наименования. Они делятся на три подгруппы. Первая подгруппа: слова, состоящие из изменяемой первой части и неизменяемой второй: *юбка-принцесс, оперетка-ревю.*

Юбки-принцесс. [реклама] (Дни. 1925. 1 февр. № 680)

... Губерт Маришка, даже американцев изумляющий упомограчительными тратами, и теперь, для своей новой *оперетки-ревю*, ухлопал .. около двухсот тысяч шиллингов! У него хватает на целые армии всяких "герлс"¹, которых он выписывает из Парижа и Лондона.. (Сегодня. 1930. 11 янв. № 11)

Вторая подгруппа: слова, формируемые из неизменяемой первой части и изменяемой второй: *вулкан-фабр, мюзик-холль [sic], танц-бар [sic].*

Танц-бар "3 Musketeiere". [реклама] (Руль. 1930. 4 янв. № 2768)

На пароход я [Я. Скалкин. – А.З.] садился, у меня багажу было всего одна иголка в лацкане, а в городе Константинополе носильщик снес за мной на берег чемодан *вулкан-фабр* и плед с подушкой. (Руль. 1930. 1 янв. № 2766)

Третья подгруппа: собственно неизменяемые слова: *матинэ* (франц. *matinée* "утренний или дневной спектакль"), *ватер-поло, брио* (франц. *brio* "живость (в игре)"), *кино, синема* (франц. *cinéma*), *супэ* (франц. *souper* "ужин"), *карт д-идандитэ = карт д-идантитэ* (фр. *carte d'identité* "удостоверение личности") и др. Затруднительным является квалификация иноязычных слов на согласный: *пентюр люминез, тэ-дансан* (франц. *thé dansant* "вечеринка с танцами (букв.: вечерний чай в 5 часов)"), *герл = гэрл (герлс)*; их можно отнести и к полностью неизменяемым, и к склоняемым, очевидно, всё зависело от речевой практики конкретного индивида. В нашем корпусе, однако, все эти слова неизменяемые.

¹ Примечательно избыточное наложение двух показателей множественности: русского окончания множественного числа в местоимении *всякий* и множественного числа варваризма *герлс* (англ. *girls*).

9 июля .. состоится *тэ-дансан* с 17 до 24 ч. для отправки на летние каникулы русских девочек. В концертном отделении примут участие известная пианистка Маргарита Саальберг, певица Ирина Кедрова, К. Балашев и др. (Возрождение. 1939. 7 июля. № 4191)

27-го января в 11 часов утра.. состоится *матинэ* арий и романса артистки Мариинской оперы Зинаиды Юрьевской. (Огни. 1924. 21 янв. № 3)

Этот маленький деспот, светловолосая хищница, вампир с невинным лицом, в теле "гэрл" мюзик-холля [sic], желающий пробить дорогу на подмостках... (Возрождение. 1935. 15 марта. № 3572)

Правда, нужно быть осторожным в квалификации неизменяемых элементов; так, в приводимой ниже цитате позиция в именит. падеже не гарантирует возможности приобретения лексемами падежных окончаний в речевом потоке, т.е. ответ на вопрос: русифицируются они в речи или нет, остаются ли неизменяемыми морфологическими анализатами или приобретают синтетические грамматические формы – остается открытым:

Техника прикладн.[ого] искусства: раскраска материй, *пешуар*, *батик*, *пентюр люминез*, выжигание. [объявление] (Возрождение. 1927. 6 нояб. № 887)

В качестве аргумента, свидетельствующего о колебаниях в использовании аналитических конструкций в речи, приведем выразительные примеры из материалов Тамперского корпуса, в которых явственно просвечивает непостоянство использования анализатов у одного и того же информанта. Вместе с тем примечательны поправки, корректировка своей речи, где присутствуют элементы лингворефлексии о естественности/неестественности аналитических существительных в русской речи:

(1) <ТА¹> он там *налоги-инспектор* / по налоговым [делам. – А.З.] / был / [пленка 27b: 12], где морфологический анализ *налоги-инспектор* с несоординированным компонентом является калькированием фин. *verotarkastaja*, однако мгновенная языковая оценка произнесенного слова, ощущение неестественности такого типа сложных слов для русского языка корректируется говорящим весьма примечательным образом: несоординируемое имя существительное (*налоги*) трансформируется в окказиональное прилагательное (*наложный*), которое отвечает синтетическому строю русского языка.

(2) <ТА> мы женились в сорок третьем году так мы / значит жили в *B-rappi* / [пленка 27b: 22], где анализ *B-rappi* "подъезд «Б»" является немодифицированным заимствованием из финского и не вызывает языкового сопротивления у говорящей.

Модель, повторяющая английскую структуру типа *A group*, *B group* и т.п., распространенная в специальных сферах (наука, техника, спорт), проникла и в письменную практику эмигрантских газет:

¹ Женщина, родилась в 1915 г. в Хельсинки. Родители: отец – русский, по профессии врач, переехавший работать в Хельсинки, мать – финка. Домашний язык – русский.

Победитель прошлого турнира Ошин проиграл в мужском сингле [в пинг-понг. – А.З.] *А-группы* Розенталю П. в двух сетах 15:21, 18:21 .. (Сегодня. 1930. 12 янв. № 12)

Подведем итог. Группа аналитических (по структуре) слов является одной из самых представительных в нашем корпусе, так как понятия называют предметы и реалии повседневной жизни и, как правило, частотные в языках-источниках. Как можно видеть, аналитизм в этой группе проявляется или на морфологическом уровне (неизменяемые заимствования-варваризмы типа *ватер-поло, брио, матинэ*), или на структурном (напр., препозитивный термин *А-группа* вместо ожидаемого русского *группа "А"*, где конкретизатор обычно стоит в постпозиции к главному, определяющему слову), или на синтаксическом (нескоординированное согласование: *чемодан вулкан-фабр, (вампир) в теле герл*). Подобные конструкции стали лавинообразно нарастать в русском языке метрополии конца 20 в., эмигрантский узус столкнулся с ними гораздо раньше. Несклоняемые заимствованные существительные вместе с другими аналитическими элементами если не ослабляли русскую падежно-словоизменительную парадигму, то все-таки свидетельствовали о довольно массированном проникновении аналитических по своей природе языковых элементов как в устно-речевую структуру, так и в письменные формы русского языка.

Аналитические тенденции в эмигрантской прессе, возникшие под влиянием западно-европейских языков, отчетливо проявились сразу же в первые годы эмиграции. Имена существительные – та область морфологии, где накопление аналитических черт происходило сильнее всего. В первую очередь обращает на себя внимание значительное количество составных терминов, бытовых обозначений, в которых один из элементов является грамматически ущербным (с позиций нормативной морфологии), неизменяемым, аграмматичным. Синтаксически аналитические формы могут находиться в постпозиции, особенно это касается топонимических (топографических) обозначений, принятых в стране проживания русской колонии/диаспоры. Все эти модели стали широко распространяться в русском языке метрополии только в последние два десятилетия 20 в., когда стало сказываться интенсивное воздействие иностранных языков (в первую очередь английского).

1.2. Черты аналитизма в области надежной системы

Рост аналитических тенденций в сфере антропонимики уже неоднократно комментировался исследователями. Здесь мы хотим обратить внимание на случаи нарушения грамматического согласования имен (в сочетании с иноязычными этикетными знаками) и фамилий. В следующих двух примерах показательны, во-первых, использование графической комбинации кириллического (*фрау*) и латинского алфавита (*Scalkin*) с иронически-игровой, стили-

зованной целью (не случайно эта комбинация присутствует в нарративном (фельетонном) повествовании). Во-вторых, возникает трудность и непоследовательность в применении иноязычных этикетных моделей к русской морфологии (ср. отсутствие согласования в сочетании *фрау Амалия Скалкин* вместо закономерного *фрау Амалии Скалкин* и верное согласование в синтагме *обжег щеку фрау Амалии*). Очевидно, можно говорить о расшатывании правил падежного согласования не только в устной речевом обиходе эмигрантов, но и о проникновении этой языковой неуверенности (а именно – комбинации синтетических и аналитических компонентов в некоторых затруднительных, сомнительных случаях) в письменную практику, прежде всего в нарративные тексты, базирующиеся на устной речевой стихии и/или отражающие ее. Ср. примеры из нашего корпуса:

В маленькой комнатухе при портновском магазине "Jacob Scalkin", сам герр Scalkin, он же Яков Иванович, запивая безсахарным [sic] кофе вязкий бутерброд со шпеком [шпиком. – А.З.] и не без труда преодолевая произношение и обороты языколомной немецкой речи, говорил своей жене, *фрау Амалия* [sic] *Скалкин*.. (Руль. 1930. 1 янв. № 2766)

Фрау Scalkin приняла заказчика, предложила ему стул и вернулась в комнату. – Знаешь, кто пришел? Тот самый заказчик, который тогда в сентябре по американской... Яков Иванович чуть не подавился куском. Он вскочил, натянул пиджак и обжег щеку *фрау Амалии* горячим шепотом. – Поняла? На даровщинку потянуло! (Руль. 1930. 2 января. № 2767)

Русским пришлось иметь дело со многими иностранными антропонимами, которые в русской нормативной грамматике проявляют причудливые грамматические капризы: то склоняются, то нет. Понятно, что в эмигрантском узусе использование таких имен собственных было несравнимо выше, чем, например, в речевой практике тех же людей до революции, но еще живших тогда в России. Пребывание за рубежом и вырабатывающаяся языковая привычка избегать склонения многих иноязычных антропонимов влияла и на фамилии, существовавшие в перечне российских фамилий, но сохранявшие свой иностранный характер. Очевидно, несклоняемость фамилии *Дитерихс* в одной эмигрантской газете можно объяснить именно давлением иноязычных моделей употребления фамилий (resp. аналитизма):

Фонд спасения Родины имени Великого Князя Николая Николаевича. [...] Вклады и пожертвования могут вноситься или непосредственно в банк или *через генерала Дитерихс*. (Голос России. 1931. 2 авг. № 1)

В этом предложении нормативной формой должна быть: *через генерала Дитерихса* (так как Дитерихс – лицо мужского пола), неверное употребление может указывать на размывание категории склонения в сложных и неясных для "наивного" носителя языка случаях. И напротив, иногда наблюдается склонение фамилий (при обозначении лиц женского пола), что естественнее всего можно объяснить при помощи механизма морфологической аналогии (как известно,

в языке 19 века склоняемость иноязычных фамилий была намного выше, чем в языке 20 в. [Калакуцкая 1984: 50-53; Калакуцкая 1994; Валгина 2001: 158]).

В официозе "Московских Известиях" и в других газетах публикуются специальные телеграммы об "Октябринах" из разных мест. Это обряд, заменяющий в настоящее время "крестины". Собираются в "Рабочем доме" или другом общественном месте, приносят туда новорожденных младенцев, дают им имя "Клары", в память *Клары Цеткиной* [sic], или "Карла", в память Карла Маркса, дают и русские имена. Подносят новорожденным по облигации одного из займов и устраивают торжество. (Огни. 1924. 21 янв. № 3.)

Впрочем, склонение еврейских фамилий представляет известную грамматическую трудность в русской грамматике. Они образовывались как на базе идиша и иврита, так и русского и отчасти украинского языков, и вычленение в них тех или иных словообразовательных элементов не так легко для лингвосознания говорящего, например, в фамилии *Цеткин/Цеткина* формант *-ин(а)* – это притяжательный суффикс или корневая часть? Затруднения или неуверенность в образовании корректных грамматических форм антропонимов весьма часты и в речевой практике индивидов метрополии. Приведенные выше примеры из эмигрантской прессы, по нашему мнению, находятся в пределах колебаний нормы в основном русском языке и не могут квалифицироваться как эмигрантские новации.

Распространение нулевого окончания в родительном падеже множественного числа имен существительных мужского рода также является активным морфологическим процессом в русском языке 20 в. Эта область морфологических новаций затрагивает такие тематические группы: 1. обозначения парных предметов (*валенки, ботинок*); 2. обозначения некоторых национальностей (*англичан, армян, башкир, болгар, грузин, турок, цыган; обычно с основой на согласные н или р*); 3. названия воинских частей, объединений (с существительным в неопределенно-собирательном значении: (отряд *гренадер, гусар, драгун, кирасир*); 4. технические единицы измерения (*ампер, ватт, вольт, герц*). Рост таких форм в современном русском узусе очевиден: в начале 20 в. В.И. Чернышев отмечал 27 слов с нулевым окончанием в родительном падеже; в их перечне нет названий фруктов, овощей. Но уже в [РЯСОМ 1968] фиксируются формы *абрикос, апельсин, баклажан, гранат, мандарин, помидор*, в материальном плане омонимичные формам именительного падежа единственного числа. Позднейшие социолингвистические опросы демонстрируют явное тяготение узуса к нулевым формам [РЯСОМ 1968: 81-83; Comrie et al. 1996: 129-130; Ryazanova-Clarke & Wade 1999: 251-253]. Однако, в отличие от нулевых форм "ботанических" существительных, движение субстантивов (с нулевым окончанием в родительном падеже) со значением каких-либо групп людей, национальностей в русском языке проходит гораздо более медленными темпами и проявляет меньше системности (обзор см. в: [Comrie et al. 1996: 130; Ryazanova-Clarke & Wade 1999: 252]). Игруют роль не только семантические факторы, но и морфонологические: влияние аналогии затрагивает также

имена существительные женского рода 1 склонения на мягкий или палатальный согласный: *пустыня* > *пустыней* (в 19 в.) > *пустынь* (в 20 в.); *буря* > *бурей* > *бурь*; *капля* > *каплей* > *капель*.

В нашем корпусе примеров слов с нулевым окончанием в родительном падеже множественного числа не так много. Устойчиво употребляются уже устоявшиеся в русском языке нулевые формы названий некоторых национальностей, не вызывая морфологических колебаний:

Некоторые депутаты, рассказывая о кровавых пиршествах чекистов в Грузии, одновременно поддерживали стремление *грузин* к отторжению от СССР. (Дни. 1925. 15 февр. № 692)

... для *грузин* суд представляет собою в настоящий момент политическую трибуну: рискуя попасть в каторжную тюрьму, они имеют вполне понятное желание: если уж не удастся спасти себя лично, то хоть нанести ненавистному врагу [коммунизму в России - А.З.] удар в лицо перед всем культурным миром. (Сегодня. 1930. 10 янв. № 10)

Но страшнее Колчака, Деникина, поляков, *румын* и прибалтийских народов для большевиков является "внутренний враг", который постепенно подтачивает их и без того убывающие в непрекращающейся борьбе силы. (Возрождение. 1919. 15 окт. № 88)

В намерение *англичан* не входит оставление позиций на Мурмане. (Призыв. 1919. 5(23) сент. № 46)

... у большинства *англичан* в настоящее время развязался язык и .. они перестали довольствоваться бифштексами и плум-пудингами.. (Руль. 1930. 4 янв. № 2768)

... русские эмигранты хорошо себя зарекомендовали и на иностранном сел-тльменте, находящемся в руках *англичан* и американцев. [речь идет о Шанхае] (Сегодня. 1930. 7 янв. № 7)

Зона этнических, национальных наименований, судя по нашему корпусу примеров, не испытывает морфологической вариативности. Также стабильно положение формы нулевого окончания множественного числа слова *партизан*, омонимичной форме единственного числа:

В Благовещенске 10 апреля арестовано 38 чел.[овек] максималистов, анархистов и лев.[ых] соц.[иалистов]-революционеров, а также несколько *партизан*. В числе арестованных находятся максималисты: .. левые социалисты-революционеры Рябинин и А.Рыбкин – участник работ в революц.[ионном] штабе *партизан* против атаманщины, бывш.[ий] политический каторжанин.. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

В настоящее время, когда гаолян¹ вырос и служит лучшим укрытием для *партизан*, хунхузов и бандитов, борьба с ними чрезвычайно трудна. (Голос России. 1932. июль. № 12)

¹ Однолетнее травянистое хлебное и кормовое растение рода сорго сем. злаков; вид проса.

В русском языке первой половины 20 в. конкуренция нулевой формы (*партизан*) с формой на *-ов* (*партизанов*) продолжалась длительное время, только в справочнике 1973 г. форма на *-ов* была признана архаической [ТСВН 1973]. Так, в СУ признается равноправие обеих форм¹, однако в советском речевом узусе нулевая форма доминировала, что подтверждают следующие высказывания людей о преимуществе и необходимости ее использования в речи. Один поэт аргументирует сохранение нулевой формы ее фоническим и (связанным с ним) прагматическим динамизмом: "Оставить форму .. *партизан*. Это очень красивая, энергичная форма.." (В. Боков); другой поэт рассматривает сохранение нулевой формы с точки зрения общепринятости, привычности, распространенности ее не только в устном обиходе, но и поэтическом дискурсе: "Шли лихие эскадроны / Приамурских *партизан*..." Так пусть и остается" (М. Жаров) [РЯСОМ 1968: 84]. Можно предполагать, что нулевая форма *партизан* в нашем корпусе – отражение разговорного узуса революционной эпохи.

До революции 1917 г. родительный множественного от аббревиатуры *кадет* (*КД* < партия конституционных демократов; варианты: *ка-дэ*, *кадек*, *кадет* [Лехикойнен 1990: 24]) имел нулевое окончание, в отличие от омонимичного *кадет* "воспитанник среднего военно-учебного заведения". Таким образом, на первых порах именно окончание выполняло смысловоразличительную роль: буквенная аббревиатура в родительном множественного принимала иную форму: *кадетов*, однако очень скоро омонимизация с нарицательным существительным *кадет* и узуализация аббревиатуры привели к нейтрализации на морфологическом уровне данных лексем, что и послужило основанием появления в аббревиатурном (по происхождению) слове *кадет* (*ка-дет*) нулевого окончания [Jakobson 1921: 30; Карцевский 2000: 235]. В нашем корпусе такого смещения нет: и аббревиатурная форма, и нарицательное существительное в родительном множественного сохраняют свои исконные окончания. В первой цитате слово *кадеты* как отаббревиатурное образование имеет "политическое" значение, во второй имя существительное называет учащихся военизированных заведений.

(1) ... приглашены .. Каменка, Второв, Денисов, Милюков, граф Коковцев, Третьяков и целый сонм *кадетов*, профессоров, миллионеров и черносотенцев. (Воля России. 1920. 17 сент. № 5)

(2) В устройстве бала принимают участие следующие организации: объединения л.[ейб]-гв.[ардии] казачьего и л.-гв. [sic] атаманского полков и л.-гв. казачьей батареи., союзы – казаков-комбатантов., организации – степняков-партизан, .. *донских кадет* и гундоровцев, станицы – бийанкурская, студенческая и калмыцкая, хутора – в Осии, в Клиши и в Бурже.. (Возрождение. 1937. 3 апр. № 4072)

В монографии [ЯРЗ 2001: 352] было высказано мнение, что нулевая форма *кадет* (для обозначения воспитанников) вышла из употребления ввиду ее неактуальности для советского дискурса, что, возможно, послужило толчком для

¹ СУ: Партизан, партизана, мн. ы, зан и занов, м.

грамматической аналогии и унификации окончаний дезактуализированных (в русском советском языке) слов-омонимов: приобретения этим словом "нового", неисконного окончания *кадетов* (эта форма дается в современных орфоэпических словарях). Нулевая форма *кадет* в русском дореволюционном языке была вполне обычна и в пособиях для кадетов, и в художественной литературе, и публицистике:

Пыльнев А.А. Практические занятия *кадет* и юнкеров. Свод соображений. СПб., 1902

[Потвинова] жила в Петербурге и брала к себе каждое воскресенье человек по пяти *кадет*.. (Писемский. Тысяча душ)

[Капитан Костромин] со своей ротой .. с криком "ура" пошел в штыки, увлекая своим примером и 12-ю роту Таганрогского полка, опрокинул врага, выбил его из окопов и преследовал за много проволочных заграждений, причем было взято в плен 7 офицеров, 11 *кадет* и 366 нижних чинов 101-го имперского полка.. (Рус. инвалид. 1916. 21 июля)¹

Ср. также использование формы *кадет* (родительный падеж множественного числа) как нейтральной в профессиональном просторечии в донесении участника Белого движения генерал-майора Д.Н. Потоцкого:

... в частности относительно указываемых Смирновым прискорбных случаев смерти *кадет* в Крымском корпусе надлежит прежде всего возразить против указаний его на "убийство" кадета Василевича. В действительности никакого убийства, т.е. умышленного лишения жизни совершенно не было. Имел место лишь несчастный случай неумелого обращения одного из *кадет* с револьвером, последствием чего было неосторожное причинение смерти Василевичу. (Родина. 2003. № 3)

Форма *кадет* в языке эмигрантов, безусловно, наследие дореволюционного узуса, и ее едва ли можно трактовать как эмигрантское речевое новшество (в упомянутой выше монографии [ЯРЗ 2001] дано три примера с формой *кадет*: два – из языка эмигрантов "первой волны", один – из языковой практики последней, четвертой, волны). Форма *кадет* в эмигрантском узусе свидетельствует, по нашему мнению, о ее консервации в языке всех волн эмиграции и функционировании как нейтральной в стилистическом отношении. Кажется, это обуславливалось социальным фактором: сохранением кадетских учебных заведений в зарубежье и тем самым поддержанием и распространением данной грамматической структуры в эмигрантском узусе. Однако традиции использования нулевой формы *кадет* были вынесены эмигрантами первой волны, конечно, из дореволюционного узуса. Ср. в современной эмигрантской газете "Русская мысль":

На одной из фотографий великий князь Владимир Кириллович и генерал Римский-Корсаков на торжественном построении проходят перед строем учащихся

¹ Цитата приводится в упрощенной орфографии.

и преподавателей, на другой — генерал Римский-Корсаков навещает больных *кадет* в корпусном лазарете. (Рус. мысль. 2001. 6 сент. № 4375)

Современный узус в России использует обе формы – *кадет* и *кадетов*: первую преимущественно как разговорно-профессиональную, вторую – как нормативную.

Стало уже традицией 19 мая в Царском Селе отмечать день рождения новомученика Николая II. К этой дате приурочены торжественное построение *кадетов* у Александровского дворца в 11 часов, Молебен [sic] у памятника Николаю II на территории Феодоровского собора в 12 часов, и там же — выступление детского хора Свято-Алексеевской обители. (Царскосельская газета. 2002. 18 мая. № 38)

Следующее сообщение недавно появилось на Интернет-страницах Фонда содействия кадетским корпусам им. Алексея Йордана:

Андрей Дмитриевич [Шмеман]¹ принял участие в награждении *кадет* грамотами и почетными знаками за достижение успехов в учебе и спорте. (<http://www.fskk.ru/news/?nID=60&gID=1&page=3&yy=2005>)

Пожалуй, в нашем корпусе единственным примером, демонстрирующим неуверенность пишущего в образовании форм родительного множественного, является слово *шахматы*. В русском узусе это слово имеет нормативное нулевое окончание, использование окончания *-ов* в письменном тексте связано с переносом формы, обычно принятой в разговорной речи, и, следовательно, также не может рассматриваться как чисто эмигрантская ошибка.

... предполагается устройство зала для *шахматов*... (Огни. 1924. 4 февр. № 5)

Итак, эмигрантская публицистика последовательно и верно использует нулевые формы множественного при обозначении некоторых национальностей; также строго следует дореволюционному узусу в применении нулевой флексии к аббревиатурному слову *кадет* (член партии конституционных демократов) и окончания *-ов* для нарицательного существительного *кадет* (воспитанник военного учебного заведения). В актуализированных революцией словах (типа *партизан*) эмигранты следуют разговорной нулевой форме, конкурировавшей с флексией *-ов* в русском языке метрополии уже в годы революции, но впоследствии ставшей единственно нормативной; окончания *-ов* (*партизанов*) в нашем корпусе не зафиксировано. Влияние аналогии можно усматривать в ненормативной форме *шахматов* (вместо *шахмат*). Наш материал не подтверждает утверждения о "расширении употребления нулевой флексии в формах РОД[ительного] МН[ожественного] МУЖ[ского]" [РЯЗ 2001: 352]. Такого широкого развития нулевых флексий в родительном множест-

¹ Родился 13 сент. 1921 г. в г. Ревель (соврем. Таллин), с 1929 г. – во Франции. Председатель кадетского объединения во Франции, кадет Версальского корпуса-лицея, староста и иподиакон парижского храма в честь иконы Божией Матери "Знамение".

венном, как в русском языке советского периода, в эмигрантской прессе не наблюдается. Эмигранты первой волны, как явствует из нашего материала и примеров в [ЯРЗ 2001], следуют старому узусу. Выходя за пределы обсуждения публицистического языка, можно все же утверждать, что колебания в родительном множественном (нулевая или материально выраженная флексия *-ов*) являются значительной морфологической проблемой для эмигрантского речевого сознания, особенно для детей эмигрантов, чья языковая компетенция формировалась в иноязычном окружении.

В эмигрантской прессе есть и более тонкие, изощренные случаи, когда происходит переименование русских грамматических форм слов под влиянием иностранных языковых параллелей; все это в совокупности и может вызывать коррозию морфологических форм и образовывать новые модели предложно-падежного управления. Это касается субституции глаголов или отглагольных существительных в морфолого-синтаксических конструкциях, близких по семантике, но с разными предложными связями, напр.: *пропаганда за советскую правду* (вместо нормативного управления *агитировать, агитация за кого-, что-либо*). В этом примере контаминацию можно объяснить совместным действием следующих механизмов: во-первых, возможностью синонимизации слов *пропаганда, агитация* или глагольных лексем *пропагандировать кого-, что-л., агитировать* в русской разговорной некодифицированной речи; во-вторых, влиянием немецкой предложно-падежной модели *propagieren für* "пропагандировать за что-л., кого-л.", *agitieren für* "агитировать за кого-, что-л.". В результате сформировалась контаминированная предложно-падежная группа (попутно отметим: приводимая цитата – из газеты "Руль", выходившей в Берлине):

Сов.[етская] власть была представлена молчаливым наблюдателем, неким Ромом, который, однако, в кулуарных беседах с делегатами съезда и иностранными корреспондентами развивал *пропаганду за советскую "правду"* в разыгравшемся кровавом конфликте по поводу Восточно-Китайской железной дороги. (Руль. 1930. 25 марта. № 2836)

1.3. Черты аналитизма в сфере глагольного управления

Это те случаи, когда в прессе встречается глагольно-падежное управление, вызванное не нарушением словосочетаний или их контаминацией на почве русского языка, а как результат калькирования грамматических конструкций из контактирующего с русским языком иноязычного материала. Морфолого-синтаксический облик таких калькированных грамматических конструкций явно выпадает из системы русского языка и обнаруживает неудачность, ошибочность калек:

... губернатор Морфи заявил, что обе стороны – Дженерал Моторс и юниона – склонны к уступкам и находятся на пути к достижению соглашения. [...] Компания .. обязалась не *преследовать к юниону* рабочих и признала юнион в ка-

честве представителя юнионизированных рабочих. (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35); возможная калька с англ. *make a claim to, prosecute to* "предъявлять иск (к) кому-л."

В жизни нет еще (да и будет ли когда-либо, неизвестно) такое положение, при котором международная армия пролетариата, подчиненная единому руководству, *маневрирует против* общего врага. (Дни. 1925. 28 янв. № 676); ср. нем. *manövrieren gegen* "маневрировать против", англ. *manoeuvre against*, фр. *manoeuvrer contre*¹.

"Daily News" пишет в передовой статье, что необходимо немедленно *предложить к Лиге Народов* Германии и России. (Призыв. 1920. 13 марта (29.2). № 62); ср. англ. *appeal to smb., smth.* "обратиться к кому-, чему-л.", нем. *einen Appell an jemanden richten* "обратиться к кому-л. с воззванием".

Интересным случаем глагольного аналитизма является употребление сочетания *сделать скандал для имени русского артиста*, которое грамматически неприемлемо в русском языке. Очевидно, использование такого неудачной и неловкой комбинации слов *скандал для имени* объясняется калькированием фр. *faire un scandale (pour)* "устроить, закатить скандал", но в русской грамматике группа *устроить скандал* требует дательного падежа: *устроить скандал кому-л.* (с беспредложным управлением). В данном же случае французский предлог *pour* просто калькируется, в результате чего и возникает аналитическая (предложно-падежная) конструкция. Ср.:

В 8 часов 15 минут вечера г. Прокофьев на тревожный телефонный звонок заявил, что он приедет, но не войдет в зал, пока ему на улице, в автомобиле, не будет уплачен гонорар. [...]. Наконец, вышли 2 лица из публики, пытавшиеся доказать ему, что он *сделал* перед лицом многочисленных музыкальных критиков *скандал для имени русского артиста*. (Дни. 1925. 1 февр. № 680)

¹ Грамматические формы, основанные на смешении предложно-падежных групп, в языке (кодифицированном и некодифицированном) присутствуют всегда, являясь проявлением его динамической природы. В периоды бурного общественного (и, как следствие, языкового) развития они попадают на страницы печати и являются отражением интенсивных социолингвистических процессов. В частности, в конце 20 в. в русском языке метрополии зафиксировано управление, не отмечаемое раньше: *дискриминировать против* кого-л. Это, конечно, явная калька. Ср.: "В конгрессе уже предпринималось по меньшей мере три попытки видоизменить эти законы, чтобы получить возможность ответить "око за око" тем странам, что *дискриминируют против* Америки". (Изв. 1994. 23 марта. № 54). Такие конструкции анализируются в [РЯК 1996] как одно из свидетельств усиления аналитических тенденций в русском языке, проявляющееся в неправильном выборе падежа (следовательно, ослаблении их противопоставления в парадигме). Встречаются такие модели и в современной зарубежной русскоязычной прессе: "Сарнов вызвал к себе шотландца-католика, руководившего отделом, и сказал ему: «Видишь ли, вопрос анкеты наводит на мысль о дискриминации. Но о какой дискриминации? Это не может быть дискриминация против евреев, ибо я, президент компании, еврей. Не может это быть и дискриминация против католиков, так как ты католик. Так зачем нам *дискриминировать против* несчастных протестантов?»" (Лебедь (Бостон). 1997. 12 апр. № 11).

Эта модель оказалась в русском эмигрантском узусе актуализированной и как бы заимствованной во второй раз: в первый раз это калькирование произошло в русском речевом обиходе высшего света в 19 веке (*сделать скандал.*; фр. *faire un scandale*¹), во второй раз – уже в эмигрантской речевой практике как чистая калька французской предложно-падежной конструкции (*сделать скандал для*).

Таким образом, эти примеры, свидетельствующие о проникновении калькированных аналитических конструкций, также находятся в общем русле роста аналитических тенденций в языковой практике эмигрантов. Показательно, что данные языковые факты встречаются в кодифицированных формах языка (публицистической речи). Это можно объяснить как влиянием устной речи эмигрантов, где калькирование меньше замечается говорящими и/или больше "прощается" собеседником/собеседниками, так и активным обращением эмигрантов к иноязычной печатной продукции (особенно если беженцы знали данный язык/данные языки), грамматические модели которой сначала размывали, а затем трансформировали грамматические валентные отношения компонентов.

2.0. Именительный множественного на -á

Распространение ударного окончания -á в формах множественного числа имен существительных справедливо относят к одной из активных морфологических тенденций в сфере имен в языке 20 в. Если Ломоносов в "Российской грамматике" называл всего лишь несколько слов с окончанием -á (*облака, острова, луга, леса, берега, колокола, бока, рога, глаза*), то с 19 века рост этого окончания и в устном языке, и в художественной литературе несомненен. Уже в начале 20 в. В.И. Чернышев считал формы *директоры, инспекторы, закромы, округа, проводы* (в значении "металлическая проволока для передачи электроэнергии"), *профессоры, сорта, томы* устаревшими, стилистически нейтральными были формы на -á [Чернышев 1915: 63]. Спустя 60 лет в СО-72 все эти слова даются только с ударным -á. Источником форм на -á в именительном множественном считаются профессиональные языки и жаргоны [Иванова 1967]. Многие формы имен существительных мужского рода во множественном числе в современном языке находятся в стилистическом движении: одни из них уже стали нейтральными, другие сохраняют разговорный характер. "Многие формы на -я (*векселя, вензеля, кителя, тополя, трензеля, флигеля, шенкеля, штабеля, штемпеля, штепселя* и др.) стали уже ведущими вариантами, другие (*вентилия, дизеля, ниппеля, раишеля, ригеля, стапеля, трюфе-*

¹ Данная калька из французского часто использовалась в русской литературе 19 в.: [Кириллин:] "Я повторяю, сударыня, что если вы не дадите мне сегодня свидания, то сегодня же я сделаю скандал". (Чехов. Дуэль); [Лбов:] "В М-ском полку был случай. Подпрапорщик Краузе в Благородном собрании *сделал скандал*". (Куприн. Поединок).

ля, *шницеля* и т.д.) сохраняют приуроченность к разговорно-обиходной или профессиональной речи” [Горбачевич 1978: 185-186]. Около 70 слов устойчиво употребляется с окончанием *-á/-я*: *адреса, бега, веера, века, директора, доктора, жемчуга, округа, ордера, паспорта, повара, профессора, снега, тома, шелка* и др. Примерно в 200 парах в речи сосуществуют оба варианта: *бухгалтеры* – *бухгалтерá* (разг.), *ветры* – *ветрá* (разг.), *джермеры* – *джермерá*, *инженеры* – *инженерá*, *свитеры* – *свитерá*, *секторы* – *секторá*, *тракторы* – *тракторá*, *штормы* – *штормá* и т.д. В современном русском узусе формы на *-á/-я* распространены среди рабочих, инженерно-технических работников и служащих [Comrie et al. 1996: 129]. Однако самым весомым, значимым для проникновения форм на *-á/-я* в узус и укрепления их является поддержка этих окончаний журналистами и писателями [РЯМО 1974: 186, 251]. Чрезвычайно активно формы на *-á/-я* рождаются в современном русском узусе: в устной речи, в печатных жанрах, телевизионном языке [РЯК 1996: 313-316; Ryazanova-Clarke & Wade 1999: 318-319; Лаптева 2003: 108-110]. Однако конкуренцию форм на *-ы* и ударное *-á* во множественном числе нельзя свести только к ”победоносному” шествию окончания *-á*, так как современный узус (прежде всего некодифицированный язык) возвращается и к уже, кажется, отринутым формам на *-ы*, особенно если это касается социально значимых номинаций.

Встречаются ли такие формы множественного числа на *-á/-я* в эмигрантской прессе? Таких форм немного, тем не менее, они свидетельствуют о тех же тенденциях, что и в русском языке метрополии. Прежде всего, обращает на себя внимание использование форм на *-á*, имеющих источник своего происхождения в профессиональной речи: *годá*, *промыслá*.

Горят нефтяные *промыслá*. (Дни. 1925. 4 февр. № 682)

... советский вывоз последние *годá* составляет 37 проц.[ентов] довоенного вывоза, а ввоз 28 проц.[ентов] довоенного ввоза. (Дни. 1926. 19 нояб. № 1163)

Если эти две формы с окончанием *-á* использовались еще, видимо, и в дореволюционном речевом обиходе¹, то к эмигрантскому узусу стоит относить появление формы *кельнерá*, возникшей по модели *инспекторá*, *профессорá*, *инспекторá* (в списке Чернышева). Примечательна номинация советских официантов иноязычным словом *кельнер*²; СУ не приводит формы множественного именительного на *-á*, что сигнализирует о наличии в слове нормативного окончания *-ы*.

Особенно бросается в глаза назойливое и настойчивое ухаживание за иностранцами прислуживающих им кельнеров. Все *кельнерá*, конечно, являются агентами ГПУ. (Сегодня. 1930. 1 янв. № 1)

¹ Ср. в СУ: Год, мн. *годá* и *годы*, годов, м.; Промысел, мн. *промыслы*, *промыслов*, и (просто-реч.) *промыслá*, *промыслов*, м.

² Ср. в СУ: Кельнер, кельнера, м. (нем. Kellner) (загр.). Слуга в ресторане.

Заимствования форм на *-á* из советского узуса редки, в нашем корпусе мы зафиксировали только один пример. Ср. цитату из советской газеты, где встречается разговорный вариант *санинструкторá*¹:

Санинструктора обычно не знают задач определенного тактического учения. [изложение статьи из советской газеты "Тревога", выходявшей на Дальнем Востоке] (Гол. России. 1931. 1 окт. № 3)

Однако чаще представлена вариативность форм: *редакторы* и *редакторá*, *пуловерá* и *пуловеры*, *шлюпферá* и *шлюпферы*. Все эти слова тематически входят в сферу специальной или полутерминологической лексики, и, таким образом, наличие двух вариантов свидетельствует о сосуществовании в эмигрантском речевом обиходе как разговорно-профессионального употребления (ударное окончание *-á*), так и нормативного, стилистически немаркированно-го окончания *-ы*.

- (1) Среди арестованных – *редакторá* всех одесских газет.. (Голос Родины. 1919. 1-14 мая. № 264)
- (2) В Париже выходит газета "Ля Рюсси Опримэ". Ее русские *редакторы* ведут противобольшевицкую пропаганду, пользуясь исключительно фактами и сведениями из большевицкой [sic] печати. (Дни. 1926. 20 нояб. № 1164)
- (1) [Распродажа:] кофты, *пуловерá*, костюмы, *шлюпферá* (шерст.[яные], шелк.[овые]) (Сегодня. 1930. 12 янв. № 12)
- (2) ... дамские и детские *pul-over'ы*.. [реклама] (Дни. 1926. 21 нояб. № 1165)
Шлюпферы (дамское белье) [реклама] (Дни. 1925. 1 февр. № 680)

Стилистическая вариативность была свойственна уже дореволюционному узусу, поэтому использование двух форм при образовании тех или иных профессионально-технических номинаций совершалось в эмигрантском узусе так же естественно, как и в языке метрополии. Ограничения касаются в первую очередь тематики и диапазона таких варьирующихся форм. Как правило, в эмигрантском узусе форм на *-á/-я* при образовании множественного числа имен существительных мужского рода меньше ввиду ограниченного состава словаря, более медленных темпов пополнения его новыми лексемами. И в письменной практике, и в разговорной речи эмигранты органично используют разговорные формы на *-á/-я*; ср. несколько примеров из Тамперского корпуса записей устной речи эмигрантов первой волны:

¹ Примечательно, что оно не отмечено в СУ. Активизация слова во время Великой Отечественной войны послужила причиной его первой лексикографической фиксации в МАС-1 (Т. 4), но только с одним, не варьируемым, окончанием *-ы*. В ОС (1983) отмечаются равноправные варианты (без стилистических или ограничительных помет): *санинструкторá* и *санинструкторы*.

<B¹> все свое свободное время / когда была не на службе / все свои *отпусká* проводила во Франции // у сестры // [пленка 32a: 3]

<B²> я бы должна сказать что / не могу в точности уж совсем сказать русские *блюда́* / потому что у нас / гм... бабушка / которая родилась в Архангельске / она немка // отец у нее англичанин // [...] так что шведское / немецкое / английское / и русское всё вместе / и *блюда́* тоже так / но что / у нас конечно традиция пироги на праздники // это уже русское // пирог с капустой обязательно // с грибами // и с укропом // но / ватрушки конечно // [пленка 44b: 9]

3.0. Архаические черты в морфологии

Таких особенностей в нашем материале немного, но они представляют несомненный интерес для суждения о динамике и направлении грамматических процессов в одной из литературно-письменных форм эмигрантского языка.

3.1. Часть эмигрантских изданий отказалась от архаических форм, приняв нововведения орфографической реформы 1918 г., однако некоторые печатные органы в эмиграции, напротив, сделали упор на сохранении и даже культивирование архаики в стилевом построении фразы. Используя устаревшие слова и выражения, грамматические формы, они тем самым демонстрировали в языковой структуре публицистического текста и свое неприятие ”большевистских” реформ³, и дистанцию от эмигрантских групп и изданий, проявлявших ”левые” взгляды (от анархических до социалистических). Сохранение и даже акцентирование архаических форм в языке некоторых газет (в первую очередь, народно-патриотических, монархических, военных) приобрело окраску не столько лингвостилистическую, сколько политико-идеологическую: при помощи языковой архаики газеты собирали под свое крыло единомышленников и полемизировали с политическими оппонентами внутри эмигрантского сообщества. Прежде всего, обращает на себя внимание использование в некоторых изданиях старых, принятых до реформы 1918 года, форм: *у нея, ея*⁴.

Правительства переходят, Россия же пребывает! И так и теперь, как и встарь, у нея так долго пребудет у власти настоящее правительство, как того восхочет народ или пока не исполнятся времена и срок. (Рус. газета. 1937. № 1)

¹ Женщина, родилась в 1913 г. в Санкт-Петербурге. Родители русские, семья жила в Карелии.

² Женщина, родилась в 1908 г. Родители – русские из Новгородской губернии, муж – русский из Петрограда. До 1939 г. жила в Карелии.

³ Орфографическая реформа была проведена именно большевиками, в массовом сознании она, естественно, ассоциировалась именно с ними.

⁴ Этимологически это форма родительного падежа указательного местоимения женского рода, перешедшая в древнерусском языке к местоимению *она*.

Наши мысли будут вместе с любящими общую Родину – Россию, как внутри *Ея*, так и вне – за кордоном *Ея* границ. (Рус. газета. 1937. № 1)

Ср. также пример из Тамперского корпуса записей устной речи, где используется архаическая теперь форма местоимения:

<В¹> по-шведски у нас есть несколько фамилий² / которые гм... с мадам говорим по-шведски / а с *ея* мужем по-русски // [пленка 44а: 2]

В письменных текстах в нашем корпусе не зафиксировано местоимения *оне* (с ятем); как известно, раньше оно использовалось для выражения формы именит. падежа множ. числа местоимения женского (*она*) и среднего (*оно*) рода. В устной речи эта форма может звучать вполне отчетливо. Ср. пример из Тамперского корпуса.

<Е³> двадцать / человек двадцать наверное их / старушек / так и мы старички / так что такого возраста и они ходят / раз ли в месяц / а может быть раз в несколько недель / в приходский дом на ... Елизаветинской улице на углу Унионской и Елизаветинской // там *оне* / собираются / пьют чай / или кофе / [пленка 14а: 11]

Правда, интерпретация данного примера может быть двоякой: с одной стороны, использование формы *оне* указывает на лиц женского пола (*старушек*), с другой – в эту группу могут включаться (судя по контексту) и мужчины (*старички*). Однако чаще всего цитаты говорят скорее не о "чистоте" сохранения этой формы, сколько о ее морфологическом разрушении, забвении ее правильного, корректного использования (для именованя лиц женского пола) и смешении с местоимением *они* (ранее оно представляло форму именит. падежа множеств. числа местоимения мужского рода *он*). Форма *оне* устарела уже к середине 19 в. [Очерки 1956: 131], но, будучи элементом этикетных формул (при выражении почтительности к лицу), сохранялась в орфографической традиции вплоть до реформы 1918 г. Ср. несколько цитат из Тамперского корпуса:

<X⁴> они-то остались там [в Санкт-Петербурге], ваши родители //
<З> *оне* / там да // [...]

¹ Женщина, родилась в 1908 г. Родители – русские из Новгородской губернии, муж – русский из Петрограда. До 1939 г. жила в Карелии.

² = семей (типичный случай *faux-amis*, "ложных друзей").

³ Мужчина, родился в 1908 г. в Санкт-Петербурге. Родители русские: отец – из Санкт-Петербурга, мать – из Красного Села (Куугölä; деревня в Финляндии с русским населением), ее род жил там с 1727 года.

⁴ <X> – интервьюер, <З> – интервьюируемая: 1902 года рождения, место рождения – Санкт-Петербург. В Финляндию переехала в 1920-е годы.

<З> а мужа мама... как *оне*... *pietarilaiset*¹ / я / s... *sellane* // они хорошо говорят ... говорили по-русски / [...]

<Е> молодежь но *оне* ... но *оне* большинство ... как-то по-моему отходят от русского // [пленка 14а]

<А²> немцы / не могли взять Ленинград // *vallotta*³ // они это не могли // ну вместе с тем *оне* решили так // что мы пойдем на Москву [пленка 14а: 17]

В письменной практике старых эмигрантов, например, в передаваемой из поколения в поколение и сознательно ориентированной на консервацию орфографических черт традиции (в частности, в зарубежных религиозных группах (староверы, молокане и др.), живущих в отрыве от основной русской культуры и русского языка), эти формы используются вплоть до нашего времени.

3.2. Иные, чем в русском литературном языке, формы рода имен существительных в нашем корпусе единичны; так, встретила форма *мозоль* в мужском роде.

Антисемитизм. Этот вопрос подобен *хоорошему* [sic] *старому мозолю*... (Б. Колоневич) (Сигнал. 1938. 15 сент. № 39)

Действительно, в древнерусском языке слово относилось к существительным мужского рода (с основой на *-jō), но в процессе унификации типов склонения имен существительных сменило родовую принадлежность и стало относиться к именам существительным женского рода (с основой на *-ī). Форма женского рода являлась явно доминирующей уже в 18 в. [СРЯ XVIII. Вып. 12: 247]. И в СУ, и в ОС дается морфологическая квалификация слова как существительного женского рода с ортологической пометой "мужской род – неправильно". В приведенной цитате едва ли справедливо рассматривать мужской род лексемы *мозоль*, использованный известным эмигрантским журналистом и публицистом, в качестве древнерусского языкового реликта, естественнее всего видеть в этом факте сохранение родовой вариативности, присущей языку 19 в. Влияние некоторых славянских языков, где *мозоль* – слово мужского рода: чеш. *tozol*, польск. *tozół*, является или факультативным, или, по-видимому, его можно игнорировать.

3.3. Судя по нашему корпусу, в эмигрантском узусе сосуществуют родовые вариативные формы имен существительных: *зал* – *зала*, *ширм* – *ширма*. В начале 20 в. вариативность *зал* – *зала* (вариант *зало* уже вышел из употребления) устранялась путем стилистической и отчасти семантической дифференциации: форма *зал* была нейтральной, *зала* – разговорной (по крайней мере к 30-м годам 20 в.; именно такая стилистическая квалификация дается в СУ). В эмигрантской публицистике используется две формы: *зал* и *зала* как равно-

¹ Петербуржцы (фин.).

² Женщина, родилась в 1908 г. в Санкт-Петербурге. Родители русские.

³ Здесь использована разговорная, редуцированная форма; нормативное *valloittaa* "завоевать, захватить".

правные в стилистическом отношении варианты с небольшим количественным перевесом второго:

В 8 часов 15 минут вечера г. Прокофьев на тревожный телефонный звонок заявил, что он придет, но не войдет в зал, пока ему на улице, в автомобиле, не будет уплачен гонорар. (Дни. 1925. 1 февр. № 680)

Актровая зала наполнялась почетными гостями.. (Огни. 1924. 28 янв. № 4)

Окровавленного Рено увели из залы – у него был выбит передний зуб. (За свободу. 1925. 3 янв. № 2 (1406))

Появление в эмигрантском узусе формы *ширм* вместо узуальной, принятой в дореволюционном языке *ширма* следует, несомненно, возводить к немецкому прототипу Schirm 'ширма, защита' (мужского рода). В СУ зафиксирован только женский род слова, колебания касались не родовых вариаций, а конкуренции использования слова или в форме множественного числа *ширмы* (реже), или в форме единственного *ширма*. Следовательно, родовая вариативность возникла уже в русском языке эмиграции в результате влияния немецкого прототипа:

Не в интересах Германии, всеми силами способствовавшей укреплению этой заразы в России, теперь стремиться к уничтожению её. Это только *ширм*, за которым скрываются недвусмысленные завоевательные планы. (Рус. газета. 1937. № 1)

3.4. Для эмигрантской публицистики характерно широкое использование притяжательных прилагательных на *-ов/-ев*: *Христов, антихристов, адов, государев*. Особенно активно используется прилагательное *христов* в составе фразеологизированных групп: *Христово воскресение, гроб Христов, церковь Христова, Рождество Христово, Христово учение, Христова вера, Христова любовь*. Такие словосочетания распространены преимущественно в народно-патриотических, военных, монархических изданиях, но полностью отсутствуют в "левых" и лишь изредка используются в демократических.

Благотворительный Отдел Церковного Совета Русской Церкви в Белграде обращается к добрым людям с усердным ходатайством пожертвовать деньги, продукты питания и носильные вещи для выдачи нашим нуждающимся соотечественникам к Празднику Светлого Христова Воскресения. (Рус. голос. 1939. 2 апр. № 417)

Восстал Христос – восстанет и Россия, – вот наше непреложное упование, которое обновляется каждый год при наступлении Пасхи. Приближается несомненно и этот вожденный для нас день, и страшен он будет для врагов нашей родины, которые падут в прах, ослепленные ее славою, как воины, стоявшие на страже *Гроба Христова*. [пасхальное послание] (Рус. голос. 1939. 9 апр. № 418)

Всех верных долгу русских воинов, рассеянных по Зарубежью, сердечно поздравляю с наступающим Праздником Светлого *Христова Воскресения*. Да даст нам Господь счастье поскорее увидеть воскресшей нашу Великую Родину. Гене-

рал-лейтенант Архангельский [Приказ Русскому Общевоинскому Союзу] (Рус. голос. 1939. 9 апр. № 418)

Поздравляю доблестных Донцов, Кубанцев, Терцев и представителей прочих Казачьих войск, в Болгарии пребывающих, с Праздником Светлого *Христовой Воскресения*. Генерал-лейтенант Абрамов. (Рус. голос. 1939. 9 апр. № 418)

Красный "живоцерковный" самозванный [sic] Синод, возглавляемый пьяницей, богохульником и отступником лжемитрополитом Евдокимом, готовит на октябрь созыв Всероссийского Церковного Собора, на котором задумано отдать в окончательную кабалу Комиссарам православную *Церковь Христову*. (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

Братья Русские! Встречая великий праздник *Рождества Христовой* и Новый год под проклятым инородческим комиссарским игом, дайте в душе своей обет отдать все силы на то, чтобы гонимый красными слугами сатаны Христос, родившийся незримо в ваших сердцах, открыто воссиял на Святорусской Земле. (Рус. правда. 1925. нояб.-дек.)

... вера еще более утвердила в нем [авторе письма в редакцию. – А.З.] сознание Божьей воли и величие *Христовой учения*. (Голос России. 1931. 1 окт. № 3)

"Равнодушие эмигрантской толщи" стало уже давно зловещим: с той самой исторически позорной для всех нас ночи с 15-го на 16-е июля 1918 года, когда наметившаяся будущая "национальная эмиграция" преступно-равнодушно стояла перед Голгофой Великой Национальной России, воздвигнутой в Коптяковском лесу руками изуверов *Христовой веры* Янкеля Свердлова, Исаака Голощекина и Янкеля Юровского. (Голос России. 1933. янв.-февр.-март. № 17-18-19)

... никакая кровь, проливаемая русским народом, не сможет смыть эмигрантского равнодушия к той ее части, где знамя личного обывательского благополучия или политическо-партийного увлечения доминирует над священной хоругвью простой, *Христовой любви* к страдающему русскому родному народу. (Голос России. 1933. янв.-февр.-март. № 17-18-19)

... русский народ безусловно приносит искупительную жертву за тяжкий грех временного ослабления в *Христовой вере* и братской любви, и, перерождаясь, постепенно пробуждается к возрождению национального единства. (Голос России. 1933. янв.-февр.-март. № 17-18-19)

Лексическим и прагматическим оппози́том прилагательному *Христов* является притяжательное прилагательное *антихристов*, употребление которого значительно уступает по частотности и активности первому и встречается в основном в народно-патриотической прессе, использующей симбиоз церковно-окрашенной лексики с разговорно-обиходной и даже сниженной как стилистический прием воздействия на эмоции и чувства читателя:

Наши красные властители в своем безумии дошли до того, что объявили войну Господу-Богу. И Бог за это не дает России счастья, и вся сплошная мука-мученская нашей советской жизни показывает ясно, что гнев Божий лежит над нами, пока мы даем править над собою *антихристовым* слугам из Третьего Интернационала. (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

Осеним себя крестным знаменем, скажем твердо и с верою – ”во имя Отца и Сына и Святого Духа” – и выйдем на улицы крушить красную власть 3-го интернационала. Верьте: если выйдем все дружно, единым строем, единым усилием, то свалим в раз, ибо никто у нас в России не станет помогать этой интернациональной сволочи, давно уже ненавистной настоящим рабочим и крестьянам. Двинем маленько плечом! Перемигнемся друг с другом: без слов поймем, сдвинем шапку набок, сорвем *антихристову красную звезду* со своих мундиров и айда вперед, кто в Бога верует. (Рус. правда. 1925. сент.-окт.)

Апелляция к библейскому опыту и сопоставление трагедии России с событиями, изложенными в Библии (и особенно в Апокалипсисе как пророческой книге), способствуют актуализации библейских высказываний, ключевых понятий и символов; так, аллюзии советской России с адом являются практически постоянным, сквозным, интертекстуальным мотивом публикаций многих эмигрантских газет, в этом контексте неслучайно и закономерно использование библейской парафразы *врата адовы* (в Библии – символ смерти или силы дьявола):

Поруганная тогда, растоптанная солдатскими сапогами, русская монархия была заменена для России двадцатилетним адом. Через эти ”*врата адовы*” Россия может выйти снова к монархии. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

Другие архаические прилагательные на *-ов/-ев* встречаются гораздо реже, преимущественно в составе официально-книжных клишированных формул:

Движение, возглавляемое Его Императорским Величеством, сперва как Блестителем *Государева Престола*, а затем как Законным Императором Всероссийским, никогда не имело и иметь не могло партийного характера. (Рус. стяг. 1925. 4/7 июня. № 1)

Таким образом, притяжательные прилагательные, представленные в нашем корпусе, сосредотачиваются в сфере книжной лексики и выполняют стилистическую и прагматическую функцию, апеллируя к библейским текстам и терминологии монархической власти, традиционной по морфолого-синтаксической структуре. В советской печати притяжательные прилагательные, тематически входящие в религиозно-церковную и монархическую сферу, были выключены из публицистического лексикона и смещены на лексико-стилистическую периферию.

3.5. Трансформации предложно-падежных конструкций

Смысловое сближение и смешение предлогов в нашем корпусе – любопытное языковое явление, свидетельствующее о пересечении, наложении двух тенденций: а) смешении русских предлогов с близким значением в речевой практике эмигрантов и б) влиянии иностранных предложно-падежных моделей.

Рассмотрим подробнее механизмы, вызывающие смешение предлогов. В качестве иллюстрации начнем с анализа использования предлогов *из-за*, *благодаря*, *ради* в непривычных для нас контекстах. Каковы же лингвистические причины подобного смешения или неразграничения? Эти предлоги объединяет общая сема каузальности какого-либо события, однако их стилистико-прагматические интенции различны: в предлоге *из-за*, наряду с каузирующим значением, существен коннотативный компонент негативности; предлог *благодаря*, напротив, содержит позитивный коннотативный компонент; предлог *ради* выражает повышенную степень волюнтаривности, способности, желания совершить какое-либо действие. Таким образом, смешение данных предлогов в эмигрантской публицистике может получить следующие интерпретации:

во-первых, может свидетельствовать о преобладании семантической унификации над семантико-прагматической дифференциацией;

во-вторых, демонстрировать сохранение в речевой и письменной практике старых стилистических канонов, т.е. влияние книжно-литературной традиции 19 в.;

в-третьих, указывать на возможное воздействие франц. *pour* "ради, вследствие, из-за". Ср. примеры:

Дальлес [Дальневосточный лес. – А.З.] работал наемным трудом, но, *благодаря* аресту крестьян, лишился рабочей силы, лошадей и опытных руководителей. (Голос России. 1932. июль. № 12). В современном нормативно-узвальном употреблении требуется предлог *из-за*.

Здесь [на горе Афон. – А.З.] находится и наша обитель Благовещения Пресвятой Богородицы, которая устроена заботами и усердием покойного настоятеля старца Парфения с помощью добрых людей, имевшая до войны 40 человек братии. [...] Прежде монастыри получали из России, но все это прекратилось *ради* современной страшной неурядицы. И живем мы ныне весьма бедствуя, распродавая последние церковные облачения и утварь для существования. (Младоросская искра. 1932. № 20. 12 июля). Предлог *ради* вместо ожидаемого (согласно современным нормам) *из-за*.

Подавив огнем и мечом крестьянские восстания в России и на Украине, коммунистическая власть окончательно разорила крестьянское хозяйство. Карательные экспедиции действовали в деревне, подобно опричникам Ивана Грозного. [...] *Благодаря* варварской системе заложничества и круговой поруке, были пролиты потоки невинной крови. (Анархич. вестник. 1924. № 7). Предлог *благодаря* вместо современных *из-за*, *вследствие*.

Очевидно, смешение можно интерпретировать как наложение двух процессов: старого недифференцированного употребления предлогов *из-за*, *ради*, *благодаря*, идущее из литературно-книжной практики 19 в. [Очерки 1964b: 234-235], и унифицирующего влияния французской предложной модели. Данное явление не следует рассматривать как специфически эмигрантское, так как смешение предлогов *из* и *из-за*, *благодаря* и *из-за* вследствие лексико-грамматического пересечения их в общей (грамматической) семе каузальности нередко и в современной речи [ТСВН 1973].

Иногда с позиций современного узуса употребление некоторых предлогов в эмигрантских газетах кажется необычным; приведем в качестве примера цитату:

Первый гейм прошел с большим напряжением и закончился в пользу "Руси" со счетом *15 на 9*. (Возрождение. 1932. 2 янв. № 2405)

В современном языке доминирует аналитическое сочетание "со счетом 15:9" с так называемым кратным именительным, "господствующим в области спорта" [РЯСОМ 1968: 265]. Ясно, что устный язык следует за письменной формой, и в речевом узусе метрополии распространилась модель синтаксически несоординированных компонентов. Конечно, в языке использование этого типа синтаксически ограничено: практически только существительные *счет* и *результат* участвуют в его формировании, именно поэтому такие конструкции справедливо квалифицируют как "синтаксический фразеологизм" [там же]. Данная синтаксическая структура является довольно новой в русском языке, хотя в [РЯСОМ 1968: 265] и приводится две цитаты, в которых при обозначении спортивного результата используются предложно-падежные конструкции:

Первая половина игры кончилась со счетом «*один на ноль*» в пользу германской команды (Ю. Олеша. Зависть)

Счет здесь пока *полтора на пол-очка* (Комментарий к шахматному матчу, телепередача. 1965 г.)

В монографии [РЯСОМ 1968] отмечался факт активизации именительного кратного в области спорта, но без функционально-стилевой детализации: как функционирует данная модель при обозначении количества очков в разных видах спорта? какова частотность использования именительного кратного или предложно-падежной конструкции в газетно-публицистическом и устном языке? Очевидно, после 60-х годов в тех видах спорта, где для исчисления очков используются целые числа, рост именительного кратного несомненен, в тех же видах спорта (например, шахматы), где применяются более мелкие числа (очко, пол-очка), до сих пор сосуществуют обе модели. Итак, можно с известной осторожностью высказать предположение, что конструкция *15 на 9* в эмигрантской прессе – это традиционная речевая модель обозначения количества очков, принятая в русском узусе в дореволюционные годы и сохранившаяся в речи диаспоры.

Использование предлогов *в – на* (при обозначении участия кого-л. в мероприятии) зависит от глагольного управления: *участвовать в собрании*, но *присутствовать на собрании*. Неузвальную для современного употребления форму *произнести речь в пленуме* можно рассматривать как смешение, неуверенность говорящего/пишущего в нормативной русской глагольной валентности.

Его [Сталина] последняя речь, произнесенная 3-го марта в пленуме какого-то из высших советских учреждений... (Возрождение. 1937. 3 апр. № 4072)

На закрывшемся 10 ноября пленуме ЦК комсомола принято, как сообщают "Известия" (11.XI), единогласное постановление об исключении из числа членов ЦК комсомола бывшего командующего флотом зинovieвца Зофа. (Дни. 1926. 18 нояб. № 1162)

Интересным случаем является использование предлога *между*, сочетающегося с абстрактно-собирательным существительным (это идет из языка 19 века):

Дружба, товарищество *между молодежью* [в Советской России. – А.З.] отсутствует. (Голос России. 1932. июль. № 12)

В современной нормативной грамматике предлог *между* не может сочетаться с подобными собирательными именами существительными (*крестьянство, учительство, профессура*), имеющими формы только единственного числа. В нормативном языке возможны только модели, в которых участвует, наряду с *между*, также сочинительный союз *и*, т.е. в комплетивных конструкциях, напр.: *между молодежью и старшим поколением, между крестьянством и властью* и т.п. Однако в языке 19 в., не только разговорном, но и книжно-литературном, использование предлога *между* с собирательными существительными не воспринималось как отклонение от нормы. Ср.:

[Ларин] исходил всю Россию кругом не по страсти путешествовать, но по страсти к разнообразию для снискания пищи и особенно пития *между военною молодежью*. (Вельтман. Воспоминания о Бессарабии)

В этом интимном кружке, толпившемся около нее, конечно, *между молодежью* позволялось и даже вошло в правило делать разные шалости – действительно иногда довольно развязные. (Достоевский. Бесы)

Мальчики вместе играли, шалили, и вот на четвертый или на пятый день гощения на станции состоялось *между глупою молодежью* одно преневозможное пари в два рубля, именно: Коля, почти изо всех младший, а потому несколько презираемый старшими, из самолюбия или из беспардонной отваги, предложил, что он, ночью, когда придет одиннадцатичасовой поезд, ляжет *между* рельсами ничком и пролежит недвижимо, пока поезд пронесется над ним на всех парах. (Достоевский. Братья Карамазовы)

Когда после холостого ужина [Пьер Безухов], с доброй и сладкой улыбкой, сдаваясь на просьбы веселой компании, поднимался, чтобы ехать с ними, *между молодежью* раздавались радостные, торжественные крики. (Л. Толстой)

Только с конца 19 в. начался процесс субституции предлога *между* близким по значению предлогом *среди*.

Но он знал цену популярности *среди молодежи* и потому не решался круто разорвать с прежним кружком. (Куприн. Яма)

Или, что самое обыкновенное *среди* так называемой интеллигентной *молодежи*, хочу, чтобы я мог устроить ту республику, которую мы с Тихоновым и Мишиным так хорошо обдумали в нашей фракции (Л. Толстой. О безумии)

Среди молодежи Арсеньев пользовался громадной популярностью, и это было понятно: с широко открытыми глазами девушки стояли на пороге жизни, в светлом ожидании счастья и ласки, а ни у кого из современных писателей не было столько красивых, нежных и грустных слов о любви. (Арцыбашев. Женщина, стоящая посередине)

Среди голодной молодежи бестолково болтался рыжий, плешивый, скуластый человек с большим животом, на тонких ногах, с огромным ртом и зубами лошади, – за эти зубы прозвали его "Рыжий конь". (Горький. Автобиографические рассказы)

Кавальканти шел, весь отданный своим черным думам, и, только случайно подняв глаза, заметил Лоренцо, старого нищего, хитрость которого была хорошо известна *среди молодежи*. (Н. Гумилев. Радости земной любви)

Очевидно, к концу 19 – началу 20 в. произошла дифференциация предлогов в дистрибутивном значении: *между* стал использоваться со счетными именами, *среди* – с абстрактными именами, которые в семантическом отношении состояли из отдельных, самостоятельных компонентов, но в грамматическом отношении оставались невыраженными, поглощенными морфологической категорией собирательности. Произошло также и стилистическое размежевание предлогов, используемых в данных конструкциях: предлог *среди* все более тяготел к нейтральному регистру, предлог *между* по стилистической маркированности стал разговорно-просторечным. В некодифицированных сферах русского языка смешение данных предлогов было вполне возможно: причиной этого был дисбаланс между грамматикой (собирательность) и семантикой (раздельная множественность). В этой связи приведем любопытный языковой документ, написанный в СССР в первые революционные годы. Это – заявление (от 5 февраля 1929 г.) В. Бухарева в Томский губернский избирком (орфография и пунктуация источника сохранена):

... нас губила не сплоченность не связанность *между молодежью* не сознательность, неужели я бы торговал зная, нет, когда узнал гадость торговли я бросил, нас погубила религиозная обстановка, теперь я уже себя считал *среди молодежи* и считал себя учеником советского союза. (Дружба народов. 2000. № 11)

Использование предлогов *между* и *среди* со словом *молодежь*, по нашему мнению, едва ли можно однозначно квалифицировать как ошибку неграмотного человека (отвлеченная лексика противоречит этому) или нарушение грамматических правил. Кажется, в приведенной цитате очевидно стремление пишущего семантизировать использование данных предлогов: сочетание *между молодежью* равно по смыслу фразе *между молодыми людьми* (с локативно-кваликативным значением), сочетание *среди молодежи* подчеркивает инклюзивную роль субъекта в некоторой группе (*молодежь*). Аналогичную грамматическую конструкцию находим и в тексте И. Солоневича, в 1934 году вместе

с братом Борисом и сыном Юрием бежавшим в Финляндию (затем – в Центральную Европу) из ГУЛага в Карелии. Можно ли объяснять ее появление в письменном тексте теми же языковыми мотивами (неустойчивым, динамическим состоянием предлогов *между* и *среди* в узусе), что и в предыдущем полуграмотном заявлении, или же отнести к особенностям эмигрантском языка? На наш взгляд, у нас есть больше оснований видеть и в этом примере те же языковые процессы семантико-стилистической и грамматической дифференциации, подвижного и еще неустойчивого положения в конкуренции предлогов *между* и *среди*, но еще не коррозию, не ошибку, как это можно было бы квалифицировать, исходя из современных грамматических норм.

Должен сказать, что *среди этой молодежи* напрасно было бы искать какой-нибудь хотя бы начерно выработанной программы, во всяком случае положительной программы. Их идеология строится прежде всего на отметании того, что их ни в каком случае не устраивает. Их ни в каком отношении не устраивает советская система, не устраивает никакая партийная диктатура, и поэтому *между той молодежью* (в лагере ее немало), которая хочет изменить нынешнее положение путем, так сказать, "усовершенствования" компартии и той, которая предпочитает эту партию просто перевешать, существует основной решающий перелом: две стороны баррикады. (И. Солоневич. Россия в концлагере)

По-видимому, и приведенную в начале нашего рассуждения цитату из эмигрантской газеты следует рассматривать как сохранение старой грамматической модели, не имеющей для эмигрантов стилистической окраски просторечности/разговорности.

Рассмотрим вторую тенденцию – возможного влияния иноязычных предлогов, вызывающего смешение русских. Начнем с предлога *через* в значении "посредством, вследствие, с помощью". Употребление данной конструкции с предлогом *через* было свойственно не только дворянскому речевому обиходу в 19 в., но и просторечию. Грамматической особенностью предлога было использование с абстрактными существительными:

Граф же, по словам Любви Онисимовны, был так страшно нехорош, *через* свое всегдашнее *зленье*, что на всех зверей сразу походил. (Лесков. Тупейный художник)

[Кузнец:] "Зачем тут лежат эти мешки? их давно бы пора убрать отсюда. *Через* эту глупую *любовь* я одурел совсем. Завтра праздник, а в хате до сих пор лежит всякая дрянь. Отнести их в кузницу!" (Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки)

Постигнув *через* эту *любовь* смысл жизни, он верно постигает и смысл смерти – и чем глубже он постигает этот смысл, тем меньше трепещет перед нею. (Л. Толстой. Путь жизни)

В этих словах мы имеем конкретное изображение того нового плана бытия, где закон взаимного пожирания существ побеждается в самом своем корне, в человеческом сердце, *через любовь и жалость*. (Е. Трубецкой. Умозрение в красках)

Применительно к современному узусу БАС-1 предлог *через* в значении ”из-за чего-н., по какой-н. причине” снабжает пометой *устар.*[елое] и *простореч.*[ное] [БАС Т. 17: 866]. В эмигрантской речевой практике старые синтаксические модели активизировались под давлением иностранных языков: франц. *par* ”посредством”, *par suite de* ”вследствие”, нем. *durch* ”посредством”. Употребительность предлога *через* зафиксирована и в устной эмигрантской речи [ЯРЗ 2001: 96]. Ср. также пример из нашего газетного корпуса:

На днях в Париже гильотинировали Жоржа Гошэ – юношу из хорошего, богатого дома, который долго катился по наклонной плоскости и дошел, *через кутежи, игру и кокаин*, до жестокого убийства с целью грабежа. (Возрождение. 1932. 2 янв. № 2405)

Использование данной модели – не редкость и в эмигрантской художественной литературе, что можно рассматривать либо как трансфер из старого узуса, либо как кальку:

У меня ничего не вышло из беспечной идеи завладеть ее волей *через ее любовь*. (В. Набоков. Лолита)

Использование предлога *от* в значении ”изготовленный, заказанный” в эмигрантском узусе можно рассматривать либо как сохранение старых синтаксических (дореволюционных) моделей, либо как непосредственное влияние иностранных языков; ср. франц. *de*, передающее грамматико-семантические отношения ”автор, изготовитель”:

Я видела на княгине Ильинской необычайно элегантно черный шерстяной костюм *от Ланвене*, отделанный пышным бантом из белой тафты; маленькая шапочка и муфта *от Ребу* были сделаны из гладких белых перьев. (Возрождение. 1935. 1 янв. № 3499)

В русском языке метрополии активность данной предложно-падежной группы фиксируется 80-90-ыми годами 20 в. [Ryazanova-Clarke & Wade 1999: 242; со ссылкой на: [Костомаров 1999] и интерпретируется как результат иноязычного влияния в постперестроечные годы; неслучайно в конце 80-х оно использовалось как языковой маркер зарубежной жизни, сейчас же – применительно и к российским реалиям. Ср.:

Хотя для мафиози [Кашляев] слишком малоинтеллигентен, такие разминают почву для настоящих боссов, а те держат дома видеокассеты с роками и порнографией, закусывают импортным миндалем в соли, носят шелковые слипы, носки *от Кардена* и рубашечки японского шелка... (Ю. Семенов. Репортер)

Тина Тернер .. пела в Москве в платьях *от Версаче*. (ТВ Парк. 2 дек. 1996)

Теперь и в России многие ”VIP” одеты в костюмы, пальто, платья и куртки *от Версаче*, надушены духами ”Блонд”.. (Огонек. 4 авг. 1997)

Конечно, ”Тати” – не место для снобов, в глазах которых элегантность – это обязательно платье *от ”Шанель”* или костюм *от ”Версаче”*. (Итоги. 1 июня. 1999)

А она – как новомодный костюм *от Зайцева* или *от Юдашкина*: вроде бы все на высшем уровне, придаться не к чему, к фигуре прилажен и к лицу, все дефекты скрыты, все достоинства напоказ, а носить не хочется – чужое. (Дружба народов. 2004. № 5)

Смещение предлогов *из – с* в эмигрантской публицистике вызвано, кажется, влиянием немецких синтаксических моделей; так, русское нормативное *выбить с какой-л. позиции* испытало воздействие нем. (den Feind) aus seiner Stellung vertreiben ”выбить (противника) с его позиций”, в результате чего и происходит замена предлога *с* калькированным *из*:

На Гвадалахарском фронте националисты коротким ударом выбили красных из передовых позиций. (Возрождение. 1937. 3 апр. № 4072)

Функционирование предлогов *в – на* в русском языке часто является идиоматизированным: *в пользу кого-л.*, но *на пользу кому-л.* В эмигрантской прессе встречаются как случаи правильного употребления, так и модифицированного, как результат влияния французского синтаксиса. Ср. нормативные модели:

Относительно положения в России князь [Кудашев] высказывает мнение, что оно изменилось *в пользу* тех, которые борются с ленинским режимом. Он убежден, что большевизм накануне краха. (Призыв. 1919. 5(23) сент. № 46)

Для Комиссаров важна любая свара на любой почве *из-за* надежды потом как-нибудь повернуть свару *в свою пользу*. (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

В кругах венгерских легитимистов большое недовольство вызвали заявления эрцгерцога Оттона в парижской печати, в которых претендент на венгерский престол высказывался против парламентской демократии и *в пользу* фашизма и корпоративного государства. (Возрождение. 1935. 2 янв. № 3500)

Но рядом с ними – трансформированные, возникшие в результате калькирования франц. *au bénéfice de; au profit de* ”в пользу (кого-л.)”, *réussir à qch* ”удаться; преуспеть”:

Нынешняя власть залила потоками крови Родину Нашу, довела Ее до небывалого обнищания и продолжает *предавать* интересы страны *на пользу* III Интернационала. (Рус. голос. 1939. 9 апр. № 418)

Ср. также смещение русских предлогов *в – на* в результате калькирования, где французский предлог *en* указывает направление движения, отсюда появляется винительный падеж. В русском языке после существительного *представительство* требуется предложный падеж.

Лиц, интересующихся младоросским движением, .. просят обращаться письменно к генеральному секретарю представительства Р.Ц.С.М. *на* Францию. (Младоросская искра. 1933. 10 июля. № 31); буквальная калька с франц. *la présentation en France* ”букв.: представительство на Францию”, ср. рус. нормативное *представительство во Франции*.

Может наблюдаться смешение предложно-падежных групп, калькированных уже в 19 в., *под управлением* (нем. *unter der Leitung*), *под руководством* (нем. *unter der Führung, unter der Leitung*). В эмигрантском узусе может происходить семантическая нейтрализация, хотя в дореволюционном языке их дистрибуция была достаточно отчетлива: группа *под управлением* сочеталась с существительными, обозначающими лиц музыкальных профессий; группа *под руководством* обладала более широкой сочетаемостью (и музыкальные, и общественные сферы). Эмигрантский узус дает непривычное сочетание: *под управлением шефа-повара* [sic], что можно объяснить унифицирующим влиянием немецкой предложно-падежной группы *unter der Leitung* или франц. *sous la conduite de* "под управлением":

Первоклассная русско-французская кухня *под управлением* шефа-повара. [реклама] (Дни. 1925. 8 февр. № 686),

Ср. нормативно-узусальное *под управлением дирижера, композитора*:

Сегодня, в четверг, 18 ноября, первое представление "Медеи" Эврипида [sic] в переводе Д.С. Мережковского и постановке М.Н. Германовой, играющей Медею. Усиленный оркестр и хор *под управлением* специально приехавшего из Праги композитора А. Подашевского. (Дни. 1926. 17 нояб. № 1161)

Таким образом, смешение предлогов в нашем корпусе – явление, проявляющееся как в сохранении старых, архаических моделей, так и в контаминации с иноязычными грамматическими конструкциями. В последнем случае иноязычные модели могут легко проникать в русское речевое употребление, когда уже на почве русской грамматики есть предпосылки (семантическая ослабленность близких по смыслу и выражаемым отношениям предлогов) для такого унифицирующего влияния. Вообще, иностранный языковой материал в области грамматики выполняет именно унифицирующую функцию, погашающую вариативность, семантическую дистрибуцию русских предлогов и предлагающую взамен альтернативы один предлог с четко выраженной грамматической семантикой. Итак, семантика в процессе унификации оказывается "страдающей" стороной, уступая первенство грамматике, более формализованной и четкой в функциональном отношении.

4.0. Трансформация грамматической сочетаемости

4.1. Изменение моделей грамматического управления, точнее сказать, трансформация грамматической сочетаемости (нарушение норм управления) – тема, активно изучаемая как специалистами на материале языка метрополии (сжатый обзор с выборочной библиографией таких контаминированных форм, возникающих в устном обиходе и проникающих в письменный язык

метрополии, дан, в частности, в: [Comrie et al. 1996: 149-150]), так и эмигрантского русского языка [Kouzman 1982; ЯРЗ 2001; РЯЗ 2001; Протасова 2000, 2004; Зеленин 2004; и др.]. Последний аспект представляет особый интерес как объект изучения. Очень часто изменение грамматической сочетаемости вызвано:

а) смешением синонимов, близкозначных слов и появляющейся на этой основе подмене предложно-падежной сочетаемости одного слова другим;

б) нечетким знанием индивида валентных свойств лексемы (в [ЯРЗ 2001: 420] отмечается, что "грубые ошибки, связанные с управлением, встречаются скорее у людей, покинувших родину в детском возрасте");

в) влиянием иностранных языков и трансфером из второго (третьего) языка в русский валентных связей слова (особенно это касается глагольных лексем) и др. Все эти процессы хорошо описаны, и в литературе приведено большое количество примеров, преимущественно из эпистолярных жанров и записей устной речи. Эмигрантская пресса первой волны содержит не так много отклонений от нормативных грамматических конструкций, как устная речь или эпистолярные тексты, однако и на страницах газет можно видеть аналогичные языковые процессы, описанные на материале некодифицированных сфер эмигрантского языка.

Часть грамматических особенностей даже нельзя квалифицировать как отклонения, поскольку они связаны с сохранением прежних речевых навыков, письменных традиций, сложившихся еще в дореволюционном обиходе. Это касается, в частности, использования творит. падежа (в разных значениях). Данное явление характерно также для устной речи эмигрантов разных волн, представляя либо факты сохранения старого синтаксиса, либо явления интерференции, иноязычного влияния [ЯРЗ 2001: 90, 103, 413; Andrews 1999: 10, 73, 91, 152]. В одних случаях конструкция творительного падежа со значением сферы распространения действия (в [ГРЯ 1953. Т. 1: 126] он именуется "творительным содержания") свидетельствует о сохранении архаических моделей, уже вышедших из активного употребления и смещенных на стилистическую периферию, напр.: *установить докладами, свидетельствовать пасхальным приветствием*¹.

На этом Совещании *информационными докладами было установлено*, что в некоторых странах русского рассеяния, как в Чехословакии и Юго-Славии [sic], денационализация "захватывает не только детей, но даже и часть взрослого рабочего населения, и с каждым годом становится все глубже и заметнее". (Дни. 1925. 6 февр. № 684)

В ожидании этого священного для нас воскресения России укрепимся еще более верою в Воскресшего и, принося Ему в дар хвалебные гимны, будем лобзать друг друга лобзанием любви, *свидетельствуя* ее исконным пасхальным при-

¹ Эта синтаксическая модель была заимствована, конечно, из церковнославянского языка. См. у Л. Толстого: "[Христиане] могли свидетельствовать это [истину христианского учения. – А. З.] длинной, 80-летней жизнью, или *свидетельствовать* то же самое *мученичеством*" (Ходите в свете, пока есть свет).

ветствием: "Христос Воскресе!", "Воистину Воскресе!" [пасхальное послание]
(Рус. голос. 1939. 9 апр. № 418)

В других, более сложных случаях, трансформации могут затрагивать семантическое пространство "внутри" творительного падежа. Ср. любопытный фрагмент из эмигрантской газеты, где в творительном со значением орудия, инструмента наблюдается нивелирование, смещение идиоматизированных грамматических моделей: *работать наемным трудом*. Употребление глагола *работать* с существительным абстрагированной семантики *труд* имеет известную аналогию в грамматической конструкции *работать руками, головой*, т.е. с существительными, обозначающими "конкретный" предмет, инструмент действия (*голова, руки*); очевидно, в данном случае происходит семантико-грамматическая нейтрализация лексических конкретизаторов и обобщение (генерализация) грамматического значения в творительном инструментальном, независимо от семантики управляемого слова.

Дальлес *работал наемным трудом*, но, благодаря [sic] аресту крестьян, лишился рабочей силы, лошадей и опытных руководителей. (Голос России. 1932. июль. № 12)

Иногда встречаются индивидуально-речевые случаи эллипсиса в конструкции с двумя глаголами, выпадение одного из них рождает необычные актантные структуры:

Если вы хотите работать и не *стесняетесь трудом*... [Мелихов 1997: 99]

Эту грамматическую конструкцию можно рассматривать, очевидно, как эллиптированную форму синтагмы *стесняться зарабатывать своим трудом* с элиминацией глагола *зарабатывать*.

Три последних примера, с позиции носителя русского языка, уже выпадают из числа узуальных, даже если пытаться объяснить их использование стилистической окрашенностью. Действительно, градация контаминированных форм может располагаться в известных границах: от таких, которые находятся в пределах нормы (*играть значение*; ср. нормативное *играть роль* и *иметь значение*), до таких, которые расцениваются как "режущая слух ошибка" [Лаптева 2000: 87]. Приведенные контаминированные формы из эмигрантской прессы воспринимаются именно как речевые ошибки; ср., напр., неоправданную экстраполяцию глагольной валентности на отглагольное существительное: *под угрозой револьверами* (нормативное глагольное управление *угрожать* чем?, но невозможно сказать *под угрозой* чем?, отглагольное существительное требует другого предложно-падежного управления: *под угрозой* чего?):

[В Фучжоу] вчера шайка коммунистов ворвалась в зал официального банкета и *под угрозой револьверами* связала руки участников банкета ..., после чего последних увезли с собой. (Сегодня. 1930. 9 янв. № 9)

В случае *убит поездом* теоретически можно усматривать и возможность использования грамматической русской инструментальной модели (*убить ножом, топором, кулаком*), но на деле данная фраза является скорее всего английской синтаксической калькой *X was killed by train* (результативный пассив нормативен для романо-германских языков):

Поездом убит Джон Василевский, 48 лет, 5530 Лэйк Парк аве. [sic] (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35)

Это был единичный и "резкий" случай речевой ошибки. Однако в нашем корпусе модели нерезкого нарушения грамматических норм в процессе контаминации, допустимые в разговорной некодифицированной речи, несомненно преобладают и едва ли могут вызвать резкую негативную языковую реакцию со стороны говорящих и пишущих: *воспитанный, выросший под большевиками* (контаминация *воспитать под страхом* и *вырасти при большевиках*, быть *под большевиками*), *"стучать" среди эмигрантов* (контаминация *шпионить, следить среди кого-либо* и *стучать на кого-либо "доносить"*), *тянуть за коммунистов* (контаминация *тянуть за кем-либо "следовать за кем-либо, ориентироваться на кого-либо"* и *быть за коммунистов*), *допустить до военной оккупации* (контаминация *допустить до чего-либо* (разг.) и *довести до чего-л.*). Скорее можно говорить о допустимой (в пределах узуса) вариативности. См. некоторые примеры из нашего корпуса:

Нынешнее православное духовенство в СССР почти полностью состоит из людей, *выросших и воспитанных под большевиками*, получивших духовное образование и посвящение в катакомбах, несмотря на скорпионы¹ Чеки и ГПУ. (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

Иногда "стукачей" посылают за китайскую границу, чтобы *"стучать" среди эмигрантов*. (Возрождение. 1927. 5 окт. № 855)

Разочарование в коммунистах [название заметки]
Небольшая часть рабочих двинских жел.[езно]-дорожных мастерских под влиянием бешеной агитации и посулов *"тянула" за коммунистов*. Теперь настало отрезвление и разочарование. [...] – Ныне, – уверяют они, – у нас в мастерских нет ни одного сочувствующего коммунистам. (Сегодня. 1930. 6 янв. № 6)

... представители немецкой тяжелой индустрии сговорились бы с самим чертом относительно т.[ак] н.[азываемых] "национальных интересов Германии", коль скоро они могли бы при этом нагреть руки. Но так как со стороны английской угольной промышленности .. им были предложены большие барыши, то в них вдруг заговорило их национальное сердце, и они *допустили до военной оккупации* [Рурской области Францией. – А.З.]. (Анархич. вестник. 1923. № 5-6)

Итак, в эмигрантской прессе процессы грамматической аналогии, вызывающие грамматическую коррозию предложно-падежных позиций и формирование контаминированных форм, в области глагольной лексики проявляются

¹ Очевидно, авторская (оказиональная) метафора.

весьма заметно. Но в большинстве случаев трудно однозначно квалифицировать, являются ли эти языковые сбои особенностью эмигрантского узуса или они проникли из русского советского языка (не следует забывать о существовавших связях, пусть и ограниченных, между частью эмиграции с СССР). В частности, следующий пример определенно можно идентифицировать как "советскую" грамматическую конструкцию. Новое глагольное управление стало широко распространяться в русском советском языке уже в 20-е годы 20 в. (многочисленные примеры и комментарии см., напр., в: [Селищев 1928; РЯ-СОМ 1968]); на страницах эмигрантских газет оно проявляется главным образом в результате заимствования фраз, словосочетаний из советского языка, напр. *вычистить*, *вычищенный из партии*. Появление в глаголе *вычистить* нового значения следует связывать с советской реальностью (массовыми чистками) и проникновением в смысловую структуру глагола семантического элемента "уволить со службы или исключить из какой-нибудь организации по чистке (нов.)" [СУ Т. 1: 523]. Активность употребления лексического (и синтаксического) советизма *вычистить из партии* в эмигрантской прессе резко возрастает в 30-е годы, когда чистки стали повсеместны в СССР, и практически затмевает стилистически нейтральное выражение *исключить* (из рядов какой-либо организации).

В среде большевистских главарей вспыхивают ежедневно скандалы. [...] Лукьянов и Семенов *исключены из партии* за кражу кассы миноносной флотилии. (Голос Родины. 1919. 1-14 мая. № 264.)

Один из старых большевистских лидеров, А.П. Смирнов, бывший комиссар земледелия, *исключен из партии*.. Это исключение мотивируется тем, что Смирнов упорно отказывался принести публичное покаяние в своих "антисталинских" заблуждениях. (Возрождение. 1935. 2 янв. № 3500)

Из управления ГПУ Бурято-Монгольской республики *вычищены* за контрреволюционное направление 48 ответственных работников ГПУ. (Голос России. 1931. 1 сент. № 2)

Грамматические модели, бытовавшие в первые годы революции, смещенные затем на языковую периферию и признанные уже в 30-е годы устаревшими, в эмигрантской прессе используются без таких стилистических ограничений: *прикрепить к колхозам*, *обратить в колхоз*¹:

Через пять лет весь Русский народ, все сто с лишним миллионов будут обращены окончательно в крепостных кабальных рабов. Крестьяне будут *прикреп-*

¹ В СУ обе фразы даны с пометой "устар.[елое]", фиксирующей изменение прагматического потенциала глаголов *прикрепить* "вести к состав кого-, чего-л. (обычно насильно, административным решением)", *обратить* с идиоматическим управлением: *обратить в новую веру*, *обратить в рабство*. Усиление в официальном дискурсе идеологически выверенных языковых форм вызвало необходимость удаления на лексико-прагматическую периферию глагольных конструкций с целью избежать негативного коннотативного компонента "сделать что-л. насильственно, вопреки желаниям кого-, чего-л.", явственно присутствующего в обоих глаголах.

лены к своим колхозам, где будут отбывать коммунистическую барщину, такую жестокую, какой не знали и в самые древние, стародавние времена подлинного крепостного права. (Рус. правда. 1930. июль-авг.)

В ночь на 25 марта Братская пятерка спалила *обращенную в колхоз дер. Козлянцы*. Жители ее, в числе 32 домохозяев, добровольно *перешли на коллективизацию* и забрали все имущество прочих 15 домохозяев, отказавшихся войти в колхоз и за это высланных в Сибирь после конфискации всего имущества. (Голос России. 1931. 2 авг. № 1)

4.2. У эмигрантов могут возникать морфологические затруднения в некоторых грамматических моделях, обусловленные неясностью для языкового сознания внутренней формы слова и/или трудностью парадигматического словоизменения. Специфика словообразовательной адаптации аббревиатуры СССР прослежена в главе «Словообразовательные особенности языка эмигрантской прессы», функционирование ее как прецедентного имени – в главе «Прецедентные феномены в эмигрантской прессе», здесь же мы рассмотрим морфологическую адаптацию новой аббревиатуры. Особый интерес представляет отнесение аббревиатуры к мужского, среднего и женскому роду. Ясно, что женский род аббревиатуры внутренне мотивируется топонимом *Россия* (женского рода), косвенным подтверждением этого служат производные *Триэсерия*, *Эсэсэрия*. Мужской род мотивирован или базовым словом *Союз*, или формальным признаком: конечной согласной.

Невежественные правители *Триэсерии*, настроенные, как и полагается истинным революционерам, истерически.. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

СССР-ия – центр коммунизма и виновница переживаний всем миром болезни большевизма, разлагающего культурные, государственные и национальные устои народов. (Голос России. 1933. янв.-февр.-март. № 17-18-19)

Борьба. К девятому валу в СССР-ии. [название статьи и ее подзаголовки] (Голос России. 1933. янв.-февр.-март. № 17-18-19)

... эмиграции приходится выносить борьбу за духовные ценности русского народа, сохранять то, что мешает действительному превращению России "всерьез и надолго" в *безличное СССР*. (Дни. 1925. 27 янв. № 675)

Родовая неустойчивость связана как с собственно языковыми причинами (новизной аббревиации как способа словообразования), так и прагматическими (неприятие для именованной страны аббревиатурной номинации, в сознании многих эмигрантов ассоциирующейся с языковым "обрубком"). Именование СССР – это разрыв с историей, традицией, языком; со всем этим эмигранты долго не могли смириться, предпринимая новые и новые попытки не только идеологической, политической дискредитации нового строя, но и языкового пародирования, травестирования нового названия страны.

4.3. Сочетаемость глаголов с числовыми формами

Грамматическая координация сказуемого с числовыми формами (группа числительных с существительными) или именами существительными со значением множества заслуживает отдельного рассмотрения. Живые языковые процессы, происходящие в сфере согласования предиката с подлежащим, оказываются одними из наиболее интересных моментов в сфере синтаксиса эмигрантских газет. Суть этого грамматического явления в русском языке сводится к росту смыслового согласования сказуемого с подлежащим и все более активному проникновению таких моделей в кодифицированную письменную речь. Насколько внимательно эмигранты первой волны относились к соблюдению грамматических правил, где и в каких случаях допускали возможность не столь строгого следования формальной грамматике, какие модели оказывались в их узусе более устойчивыми, а какие – менее?

Прежде всего, обращает на себя внимание активное развитие смысловой (семантической) координации сказуемого с подлежащей группой, выраженной именной словосочетанием. С одной стороны, согласование глагола с количественно-именной группой может происходить в единственном числе: *бродит 44770 голодающих детей; собралось на ужин около 400 человек*; ясно, что в данном случае выбор формы глагола определяется формально-грамматическими, но не семантическими факторами, и именная группа, в которую входят одушевленные субъекты, рассматривается вместе с моделями типа *пять книг, сто домов* (т.е. неодушевленными именами существительными):

... в одном только маленьком округе Северного Кавказа .. *бродит* беспризорно 44 770 голодающих детей, не достигших еще 13-летнего возраста. А сколько их, по выражению Калинина, "привыкших путешествовать", бродит теперь в стужу и морозы по всей России?! (Дни. 1925. 29 янв. № 677)

Вчера в зале "Скала" [в Берлине] *собралось* на ужин *около 400 человек*. Среди публики очень много профессоров, литераторов, масса "дипломированной" интеллигенции и т.д. (Дни. 1925. 27 янв. № 675)

С другой стороны, отмечены примеры и смысловой координации: глагол ставится во множественном числе, так как в числовой группе содержатся одушевленные имена существительные, обозначающие активное действующее лицо. В этом случае предпочтительнее использование глагола во множественном числе:

... в Петрограде *имеются 1700 проституток и 300 тайных притонов*. "В смысле разврата" все осталось по-прежнему, как и до революции. (Воля России. 18 сент. 1920. № 6)

За месяц казино *посещают* в среднем *до 30 000 мужчин и женщин*, оставляющих там, по подсчетам мера [sic] Лос-Анджелоса [sic], около 300 000 долларов. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

... *вышли 2 лица* из публики.. (Дни. 1925. 1 февр. № 680)

Координация сказуемого с местоименной группой *те (все), кто* допускает вариативность числа:

Существует слой населения как бы "конгломерата" из всех других слоев, т.е. из интеллигентов и из рабочих, и колхозников, и военной среды, – это "активисты". Активисты весьма заметны в жизни советского населения. Это *те, кто*, так сказать, *портят* жизнь, выдумывая или проводя в жизнь новые и новые сюрпризы. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

Дело представляли так: *те, кто*, утверждая, что вот-вот начнется разоружение и будет обеспечен вечный мир, – те человеколюбивы и *хотят* мира; а *те, кто не верил* в эту словесность и предупреждал о тысяче противодействующих реальностях [sic], те милитаристы, империалисты и вообще злодеи человечества. (Руть. 1930. 25 марта. № 2836)

Поистине какой-то злой рок тяготеет над святым русским белым делом. Сколько раз победа его была так близка, так возможна! И всякий раз надежды рушились, и всегда в конце концов одерживала верх враждебная темная сила. И это будет так до тех пор, пока не перестанут делать русскую белую политику и не вернуться в свое смрадное подполье господ Савинковы, Чайковские и все *те, кто* так или иначе – по недомыслию ли, или по сознательному расчету – *были причастны* к подлой измене, именуемой "великой" русской революцией, доведшей Россию до неслыханного позора и до бесконечных страданий. (Призыв. 1920. 13 (29.2) марта. № 62)

... *те, кто* действительно *любят* Россию, кому действительно ненавистны московские тираны, те должны без всяких колебаний поднять свой голос против новой спекуляции именем русской демократии. (Воля России. 1920. 14 сент. № 2)

... это неизбежное грядущее [демократии в России – А.З.] предвидят и *те, кто* – пользуясь, одни большевиками, – другие Колчаками и Врангелями, *стараятся* сейчас покрепче вбить осиновый кол в живое тело великого государства. (Воля России. 1920. 18 сент. № 6)

... анархисты и все идейные организации – *все, кто* глубоко *возмущены* глупостью, жадностью и ненатуральностью существующего человека, кто задыхается в смраде, в угаре существующего общественного порядка, – *все, кто не могут и не хотят* выменять свои духовные потребности на жалкие, разноцветные мыльные пузыри, которые хозяева "толкучего рынка" называют счастьем, – все они должны .. взяться собственными руками строить новую жизнь, новую культуру. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Ср. редкие примеры, в которых глагол и в придаточном, и в главном предложении выступает в единственном числе:

У Русского [sic] народа отнят язык, и только Русская эмиграция, т.е. *те, кто вдохновлял* Русский народ на борьбу, кто *руководил и вел* ее, еще *говорит* о великом прошлом, о самопожертвовании Русского народа во имя Славянской идеи... (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173)

Вероятность координации сказуемого и подлежащего во множественном числе возрастает, если подлежащее имеет значение одушевленной совокупности:

18 января *хутор* общеказачьей станицы Брно *устроили* казачий вечер. (Дни. 1925. 10 февр. № 687)

В советских кооперативных лавках не достанешь ничего. Единственное мало-мальски доступное народу лакомство – препоганая колбаса из конины (так называемая “каштанка”). *Издеваются* над нею *народ*. Подъезжает крестьянин к лавке, издали уж кричит: – Тпру... почему?” Отвечают: – “По семьдесят.” (Голос России. 1932. июль. № 12)

Однако одушевленность подлежащего (со значением совокупности) может быть выражена не в формальном подлежащем, а в смысловом, т.е. в грамматически зависимом слове:

... *ряд* человеколюбивых *организаций* в разных странах постоянно *протестуют* против фашистского террора. (Младоросская искра. 1933. 5 янв. № 26)

В воскресенье, 3 января, .. *состоятся три собрания* Духовного Пробуждения на темы: Не бойся, малое стадо! На рубеже двух времен; Матерь Господа моего. (Возрождение. 1932. 1 янв. № 2404)

Такие модели, конечно, широко используются в разговорной речи, не очень заботящейся о соблюдении правил формальной грамматики и ориентирующейся на смысловую координацию глаголов с именами существительными со значением совокупности предметов (одушевленных и неодушевленных). Ср. пример из Тамперского корпуса, показывающий доминирование в языковом сознании идеи множественной собирательности имени существительного, что и предопределяет выбор глагола во множественном числе:

<З¹> не-е-ет мы ничего не зн... не понимали про это, только потом уже когда гм... когда / *публика... народ вышли* / вот в центр// [пленка 29-29а: 5]

В цитате ниже координация глагола с существительным *масса* (с зависимым словом) обусловлена, очевидно, индивидуальной речевой практикой говорящего, подобный случай выпадает из вышеприведенного перечня примеров и может быть квалифицирован как “резкая ошибка”:

<А²> и первый раз мы поехали в Эстонию // там *масса русских было* // [пленка 14а: 5]

<А> у нас *было масса лекций* / вечера устраивали / очень так / [пленка 14а: 6]

Несомненно, динамической природой (формальной или смысловой) грамматической координации в языковой системе и языковой практике обусловлено явление так называемого рассогласования времен; напр., сочетание местоиме-

¹ Женщина, 1902 года рождения, место рождения – Санкт-Петербург. В Финляндию переехала в 1920-е годы.

² Женщина, родилась в 1910 г. в Санкт-Петербурге. Родители русские. Окончила школу в Выборге и Хельсинки.

ния *всё* с субстантивированными формами *живое, мыслящее* в одном случае координируется с глаголом в единственном числе, сохраняя грамматическое согласование подлежащего и сказуемого, но переключение внимания на реальное активное действующее лицо (*люди*) провоцирует автора на использование формы глагола во множественном числе, формально-грамматическая координация уступает место смысловой в пределах одного предложения:

Только у русских имеется октябрь [в статье выделено петитом. – А.З.]. Голгофа была тоже в октябре. – А немного раньше, в февральские [выделено петитом. – А.З.] дни, *все живое, мыслящее*, широким потоком *вышло* на улицу и полной грудью *вдыхали* льдисто весенний поток!.. [заметка под псевдонимом Александр Большой] (Руль. 1930. 1 янв. № 2766)

Аналогичное нарушение последовательности употребления глагольных форм обнаруживается в тех случаях, когда используется однородное сочинение глаголов при одном подлежащем со значением совокупности: первый глагол координируется с подлежащим, выраженным именем существительным по формально-грамматическому признаку, но уже второй глагол ставится во множественном числе, передавая идею активности субъектов; в результате грамматическое согласование меняется на смысловое: *знать собиралась и обменивались мнениями, шайка коммунистов ворвалась, связала* (грамматическое согласование) *и увезли* (смысловое согласование: *шайка* – это группа людей):

Работа сего посланника [Флоринского. – А.З.] ограничивалась шатанием по Парижу и его злачным заманчивым уголкам, а в дни отдыха сидением в политическом салоне у М.Ф. Андреевой, бывшей жены М.Горького.. Сей "салон" носил название "Нюхолки", или "Радио", ибо здесь *собиралась вся советская знать и обменивались* [sic] мнениями и сведениями.. (Дни. 1926. 16 нояб. № 1160)

[В Фучжоу] вчера *шайка коммунистов ворвалась* в зал официального банкета и под угрозой револьверами *связала* руки участников банкета, после чего последних *увезли* с собой. (Сегодня. 1930. 9 янв. № 9)

5.0. Категория числа имен существительных

5.1. Специфика употребления множественного числа существительных на -а/-ы

Формы множественного числа имен существительных обычно обозначают или количество (*снега*), или множество лиц (*студенты*), предметов (*столы*). В этом случае в оппозиции к единственному числу формы множественного выступают как маркированный член, напротив, единственное число – как не-

маркированный. С одной стороны, категория числа в русском языке является обязательной (обязательной) для имен существительных, с другой – категория числа вместе с тем зависит от намерений языковой личности, т.е. может выступать и в качестве интенциональных (намеренных) или неинтенциональных (ненамеренных) языковых феноменов [Бондарко 1994]. В русском языке советского периода отношения между единственным и множественным числом подверглись трансформации в некоторых лексико-семантических группах, что зачастую было связано с неязыковыми факторами: развитием техники, особым функционированием форм единственного и множественного в профессиональном языке и проникновением этих форм в разговорную речь и даже литературное употребление. Прежде всего эти изменения затронули в советскую эпоху ”деривационно-коррелирующие отношения: действие – предметный результат (*высевка – высевки*); вещество – виды вещества (*масло – масла*); качество – предметы, обладающие этим качеством (*емкость – емкости*)” [РЯСОМ 1968: 145].

Многие формы слов *singularia* и *pluralia tantum* лексикализованы в языках, что обусловлено скорее языковой традицией, нежели реальными денотативными отношениями. В языке эмиграции формы множественного числа имен существительных могут быть или реликтами старого узуса (типа *жары, знои*), или лексико-грамматическими кальками, прототипы которых в языках-источниках выступают как в форме множественного, так и единственного числа, в то время как в русской нормативной грамматике они используются только в одной числовой форме (напр., *багажи* – ср. франц. *bagages*; *крахи* – ср. англ. *collapses, failures, crashes*; *спорты* – ср. англ. *sports* ”занятия спортом, соревнования; виды спорта”) [ЯРЗ 2001: 401-402]. См. также примеры и комментарии использования форм множественного числа в речевой практике третьей волн эмиграции в США в монографии: [Andrews 1999: 10, 15, 64, 67 и др.].

Иноязычные грамматические формы множественного числа могут оказывать прямое воздействие на грамматическое оформление существительных в газетном тексте. Особенно это касается реалий иного быта, другой культуры. Грамматика оказывается тесно связанной с предметным миром, сферой практики. Можно предположить, что не окажись эти люди за границей, едва ли в их речевой практике появились бы, например, такие формы во множественном числе: *недвижимые имущества, сорочки-трикотажи, рабочие классы, реальности* и под. Но именно широкое использование данных слов как в единственном, так и во множественном числах в иностранных языках ослабляет языковое внимание индивидов и способствует проникновению в их речь ”неправильных” (с точки зрения русской нормативной грамматики), но закономерных (с точки зрения иностранных языков) форм: *земельные имущества* – франц. *fonds agraires, bien-fonds* ”недвижимое имущество”, ”земельный фонд”; *сорочки-трикотажи* – франц. *chemises tricotées*; *рабочие классы* – франц. *les classes ouvrières*; *реальности* – франц. *réalités*.

Но соглашаясь уплатить эту сумму в качестве компенсаций, венгерское правительство в то же время категорически отказывается связать вопрос о возна-

граждении венгерских оптантов за конфискованные у них Румынией земельные *имуществва* с вопросом о репарациях, настаивая на том, чтобы Румыния вознаградила венгерских оптантов сама. (Сегодня. 1930. 9 января. № 9)

[Распродажа:] мужские чулки; фротировочные материи; джемперы; дамские шпифера; верхние *сорочки-трикотажи*; галстухи¹; кашнэ. (Сегодня. 1930. 12 янв. № 12)

Дело представляли так: те, кто, утверждая, что вот-вот начнется разоружение и будет обеспечен вечный мир, – те человеколюбивы и хотят мира; а те, кто не верил в эту словесность и предупреждал о тысяче противодействующих *реальностей*² [sic], – те милитаристы, империалисты и вообще злодеи человечества. (Руль. 1930. 25 марта. № 2836)

Интернационал может пока лишь согласовывать интересы *рабочих классов* Европы и выработать общую политическую линию в важнейших вопросах. (Дни. 1925. 28 янв. № 676)

Эти случаи нарушения русской категории числа в некоторых словах (экономических, технических терминах) легко объясняются влиянием языков-субстратов, так как специализированная лексика действительно быстрее всего реагирует на иноязычное воздействие. Однако примеры с русскими формами лишь подтверждают наметившуюся тенденцию к выработке коррелированных форм, для языкового сознания индивида грамматически более ”прозрачных” и ”логичных”.

Часто использование форм множественного числа выполняет немаркированную функцию, если их употребление связано с экспрессивностью высказывания. В этом случае форма множественного числа обусловлена контекстом. Так, в следующем примере множественное число, с позиций русского словоупотребления, может получать интерпретацию через механизм ”давления” контекста, иначе – наличия в структуре предложения других слов во множественном числе: *успехи, жертвы, разрушения*, которые морфологически провоцируют продолжение ряда в том же числе; так слово *террор* (изначально *singularia tantum*) ”заражается” семантикой раздельной множественности и выступает в конкретно-дискретном значении ”террористические действия, акты, операции”, вполне возможно эту неузуальную форму рассматривать как публицистический эллипсис словосочетания *случаи террора*.

¹ В этом можно усматривать явное регрессивное влияние немецкого языка (Halstuch), так как форма *галстух* в начале 20 в. уже вышла из употребления. Написание *галстух* свидетельствует о подравнивании графической формы слова под прототип с одновременных отказом от устоявшейся русифицированной формы *галстук*.

² Подобная ошибка (описка) – явный случай ослабления русских падежных оппозиций. Этот аспект аналитических тенденций в языке эмиграции с приведением большого количества примеров в языковом материале как метрополии, так и зарубежья детально описан в: [ЯРЗ 2001]. И в эмигрантском узусе, и в русском некодифицированном языке (и даже, например, в правильной, нормативной речи дикторов телевидения) наблюдаются аналогичные тенденции.

Также и в случае со словом *тундры* мы встречаем множественное немаркированное, выполняющее экспрессивно-выразительную функцию. Слово *тундра* предстает не как географический термин, а в генерализованном, семантически и прагматически модифицированном значении ”полярные, крайне холодные края, области” с важной коннотацией ”место ссылки политических оппонентов”:

... телеграф каждый день приносит нам известия .. о новых подвигах народных партизанских армий [Нанкинского правительства. – А.З.], о новых успехах их, жертвах и, конечно, о новых разрушениях, *террорах* и истреблении японских и белых русских аборигенов. (Голос России. 1932. сент.-окт. № 13-14)

Пусть голос вашего пламенного протеста послужит предостережением для нынешних правителей России и пусть он в то же время придаст силы и энергию борцам, несущим крест революции в бесчисленных тюрьмах и холодных *тундрах* нашей страны. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Аналогичную экспрессивно-выразительную роль выполняет сочинительная конструкция *оплаты и оклады* (с ненормативной формой *оплаты* в значении ”заработная плата; получка”); с другой стороны, такую сочинительную связь можно рассматривать и как элемент начавшегося разрушения грамматики слова:

Отдельные лица, как-то: инженеры, техники, врачи и так наз.[ываемые] *стахановцы* – получают более высокие *оплаты и оклады*, но за это у них высасывают все соки. (Меч. 1937. 6 июня. № 21)

Многочисленные факты немаркированного множественного приведены в [РЯСОМ 1968: 156] как одна из характерных особенностей русского языка советского периода. Эти формы стали характерным лингвостилистическим элементом публицистического стиля, преимущественно в нарративном повествовании или в текстах, отражающих разговорно-речевую стихию. В нашем материале такие морфолого-стилистические явления единичны, что позволяет высказать предположение: в эмигрантском публицистическом стиле немаркированное множественное как факт экспрессивной речи, свойственный русскому советскому публицистическому языку, осталось на периферии, не став лингвостилистическим средством эмигрантских газет.

Архаические формы множественного, уже вышедшие из употребления в русском советском языке, в нашем корпусе единичны. Ср. в следующей цитате использование слова *клевета* во множественном числе, которое можно рассмотреть либо как контекстуальное множественное, появившееся под влиянием другого существительного во множественном числе *слухи*, так и сохранением старых грамматических форм¹:

¹ В СУ слово *клевета* сопровождается стилистической пометой: *клевета*, -ы, мн. устар.[елое].

Клеветы, распространяемые большевиками против демократии, провокационные слухи и т.п. заставили исполнительный комитет центрального Совета профес.[сиональных] союзов Грузии обратиться к международному бюро профес.[сиональных] союзов .. о положении и роли рабочего класса Грузии при демократическом строе. (Воля России. 1920. 14 сент. № 2)

Таким образом, множественное число имен существительных в особых, выполняющих семантико-прагматическую функцию, позициях встречается в эмигрантской публицистике первой волны, в основном, в двух ситуациях:

во-первых, при обозначении каких-либо технических, экономических, одним словом – специальных понятий (что является заимствованием соответствующих форм из других языков);

во-вторых, в контекстах с однородными членами, когда происходит морфологическое "заражение" слова формой множественного в результате "давления" синонимического ряда; такое экспрессивно-стилистическое явление используется спорадически, нерегулярно.

5.2. *Стилистическая функция единственного числа*

Как известно, единственное число имен существительных – категория в большинстве случаев немаркированная, что означает возможность широкого использования форм единственного числа как для номинации предмета в количестве одного, так и для номинации множественности предметов (лиц). В последнем случае в русском языке имена существительные в единственном имеют обобщенно-собирательное значение, располагаясь на морфологическом перекрестке между категориями 1. собирательности объектов (лиц) и 2. обобщенности признаков, присущих этим объектам (лиц). А.А. Потебня называл такое использование форм единственного числа существительных "образом сплошного множества" [Потебня 1968: 25], понятием "как единица или как множество" [там же: 26]. Такие случаи немаркированного единственного отмечены еще в древнерусском языке. Что касается сфер употребления таких форм, сформировавшихся к рубежу 20 в., то эта группа тематически представлена именами существительными, обозначающими "лиц по профессии, общественной, политической деятельности, классовой, территориальной принадлежности и т.д.". Другую обширную группу "составляют имена существительные, обозначающие животных, рыб, птиц, [растения], машины и прочие предметы, связанные с производственной деятельностью и другими видами деятельности человека" [РЯСОМ 1968: 166].

Рост количества форм существительных единственного числа в собирательном значении в сфере общественно-политической лексики начался в русском языке примерно с начала 20 в., прежде всего в таком специфическом жанре публицистического стиля, как листовки (распространяемые социал-демократическими группами). В дальнейшем, по мере распространения в

массах агитационно-пропагандистской литературы, существительные в собирательно-обобщенном значении становятся одним из элементов данного типа текстов и их стилевой приметой. Яркая стилистическая окраска обуславливается семантико-прагматической функцией: "собирательно обозначая ту или иную общественную группу, такие формы одновременно указывают и на всякого отдельного представителя этой группы. [...] Это делает их особенно выразительными: они действенны, активны" [РЯСОМ 1968: 166]. Таким образом, активизация таких форм в пролетарско-большевистской и – шире – социал-демократической печати мотивирована языковой прагматикой: мощным стилистическим потенциалом категории единственного числа группы существительных, относящихся к актуальным общественно-политическим понятиям; такие формы отличает лозунговость, повышенная риторичность, патетичность и целеполагающая лаконичность: "прочел – и действуй!" [Винокур 1930: 150]. Многочисленные примеры из советской прессы 20-30-х годов 20 в. приведены в: [РЯСОМ 1968: 167-169].

Эмигрантская публицистика использует такие стилистически маркированные формы единственного числа (значение "сплошного множества") крайне ограниченно. Пожалуй, безусловным "героем" данной категории является существительное *деревня*, используемое в собирательно-обобщенном значении. Референция субстантива в эмигрантских газетах мотивирована только советской действительностью, но не связана с зарубежными реалиями, что позволяет квалифицировать эту морфолого-стилистическую модель как несомненное заимствование из советской печати:

Деревня .. не может развить своих производительных сил без усовершенствования торгового аппарата. (Огни. 1924. 28 янв. № 4)

... *деревня* очутилась без той интеллигенции, отзывчивость и безграничное самопожертвование которой всегда были к услугам страдающей деревни. (Голос Родины. 1919. 11 мая. № 262.)

Решительно отклонила *деревня* в этом году и покушение на ее ресурсы [sic]. (За свободу. 1925. 1 янв. № 1 (1405))

От пассивного сопротивления поэтому *деревня* перешла к активной борьбе, пламенеющей страшной всепожирающей ненавистью. (Руль. 1930. 1 янв. № 2766)

Партийный и советские "руководители" .. никуда не годятся, а у *деревни* отняты всякие стимулы для работы на полях "плантатора" – советской власти. (Меч. 1937. 11 апр. № 14)

Фразеология во славу какого-то нужна Зиновьеву, Сталину и К-о только для того, чтобы обличить мнимое "еретичество" Троцкого, по существу же перед нами раскрывается картина метанья из стороны в сторону ввиду явного ухода *деревни* из большевистских [sic] рук. (За свободу. 1925. 4 янв. № 3 (1407))

Некоторые все нарастающие деревенские действия "из-за угла" убедительно свидетельствуют большевикам, что им пора для своих политических прогулок подальше от *деревни* выбрать закоулок. (Дни. 1925. 27 янв. № 675)

Принявшись очень рьяно за коллективизацию *деревни*, [но] так как в коммуны вошло небольшое количество крестьян, власти коллективизировали [ее] насильно.. (Голос России. 1932. июль. № 12)

Подавив огнем и мечом крестьянские восстания в России и на Украине, коммунистическая власть окончательно разорила *крестьянское хозяйство*. Карательные экспедиции действовали в *деревне*, подобно опричникам Ивана Грозного. (Анархич. вестник. 1924. № 7).

Ср. также отсылку к советской речевой практике, когда в цитатах из высказываний известных большевистских деятелей сохраняется принятая в советском официальном дискурсе форма единственного числа в собирательно-обобщенном значении:

Не цитировали ли мы из речей Зиновьева и К-о о том, что не надо огульно сваливать все на "кулака", что очень легко ныне любой "середняк" принимается за кулака, а что о "середняке" нужно заботиться и т.п. Потом, когда у "середняка" оказался тоже свой "кулак", которым он начал громить селькоры, т.е. местных агентов сов.[етской] власти, его вновь произвели в кулаки. (За свободу. 1925. 4 янв. № 3 (1407))

Единичным случаем в нашем корпусе представлено словосочетание *красный солдат*, имеющее обобщенно-собирательное значение и являющееся заимствованием из советского языкового багажа:

Ненависть *красного солдата* к режиму, приведшему к голоду, ссылкам и кровавому террору, которым является ныне СССР, только усилилась после учреждения Колхозов [sic], так как русские деревни лишены теперь всего и приведены к рабству. (Голос России. 1932. сент.-окт. № 13-14)

Таким образом, чрезвычайно бурная активность таких морфологических форм имен существительных в единственном числе, несущих интенсифицирующую функцию в советском публицистическом стиле, в эмигрантской прессе отсутствует. Немногочисленные случаи такой модели, зафиксированные в нашем корпусе, свидетельствуют об их инородности для эмигрантской публицистики, выступая как лингвохарактеризующие знаки советской реальности.

Выводы:

1. Одна из наиболее ярких грамматических особенностей эмигрантской прессы – рост грамматических аналитических форм.

1.1. Аналитизм в номинативной сфере. Семантическая классификация позволяет представить наиболее открытые зоны, в которых происходило усвоение аналитических моделей: а) наименования производств, предприятий, кинофирм; б) наименование профессий; в) политические реалии; г) технические номинации (очень немногочисленны); д) названия официальных документов, актов; топонимы; е) бытовые, спортивные номинации. Практически в

тех же лексико-семантические группы происходит влияние аналитического английского в языке метрополии в 80-90-е годы 20 в. Итак, массированное проникновение аналитов в русский эмигрантский узус началось уже в первые годы эмиграции. Наблюдается известный изоморфизм между эмигрантским вариантом и материковым русским языком в усвоении и освоении лексических аналитов. Аналитические по своей структуре номинации быстро входили в русскую грамматическую систему.

1.2. Аналитизм в падежной системе. Прежде всего он затронул область антропонимических номинаций (особенно при склонении иностранных имен, фамилий), глагольное управление (контаминация валентностей русских или русифицированных глаголов с иноязычными моделями-прототипами). Примечательно, что активного в русском советском языке процесса в парадигматике имен существительных (нулевое окончание в родительном падеже существительных мужского рода) в эмигрантской прессе практически не наблюдается, в отличие от разговорной речи (что зафиксировано другими исследователями). Эмигрантская пресса следует уже сложившимся в дореволюционном (или революционном) узусе моделям.

1.3. Аналитизм в глагольном управлении. Он связан с процессами калькирования иноязычных структур, в которых уже содержатся аналитические компоненты.

2. Именительный множественного на *-á*. Тенденции примерно те же, что и в языке метрополии, где рост образований на *-á* составляет особенность развития русского послереволюционного языка. В эмигрантском разговорном языке форма на *-á* имеет стилистическую маркировку: это обычно профессионально-речевые модели, имевшие в качестве нейтральных корреляций формы на *-ы*.

3. Сохранение некоторых архаических черт в морфологии: а) архаические местоименные формы (*некий, ея, у нея*) в некоторых типах изданий, используемых и как традиционные грамматические элементы, и как лингвопрагматические знаки (подчеркнутая монархическая, консервативная ориентация); б) родовая вариативность некоторых существительных как наследие дореволюционного узуса, но возможны случаи и иноязычного влияния слов-прототипов; в) использование притяжательных местоимений на *-ов/-ев* в составе фразеологизированных конструкций, имевших, как правило, особую стилистическую и прагматическую нагрузку (апелляция к библейским текстам, монархическим титулам).

4. Смысловое смешение предлогов – любопытный процесс, затронувший эмигрантскую прессу меньше, чем устный язык, но, тем не менее, показывающий комбинацию двух тенденций в данном процессе: а) сохранение старых (дореволюционных, книжных) предложно-падежных форм; б) ослабление смысловозначительной функции, семантической нюансировки предлогов и возможность их нейтрализации в одном, более общем по грамматическому значению; в) влияние иностранных языков, которые, как ни парадоксально, могут активизировать устаревающие или архаические (для русского советс-

кого узуса 20-30-х годов) предлоги; в последнем случае использование таких предлогов с позиций современного речевого обихода метрополии может интерпретироваться как архаика эмигрантской прессы, но, по нашему мнению, нужно говорить о псевдоархаике, актуализированной архаике.

5. Трансформация предложно-падежных групп. Это один из заметных на страницах эмигрантских газет процессов. Могла происходить синонимизация близких по смыслу фраз, трансфер предлогов от одного глагола к другому, в результате чего формировались новые, неузальные предложно-падежные конструкции. Контаминированные глагольные формы обычны и для устного, и для публицистического языка метрополии. Самые интересные явления, по нашему мнению, происходили в структуре творительного падежа: а) нивелирование частных грамматических оттенков; б) калькирование иноязычных моделей (в нашем материале это явление встречается редко).

6. Грамматическая координация подлежащего со сказуемым осуществлялась весьма последовательно. В отдельных случаях заметна та же тенденция, что и в русском материковом языке – активное проникновение моделей синтаксического согласования субъекта и предиката по смыслу. Ориентация на одушевленность/неодушевленность подлежащего иногда приводила к расшатыванию грамматической корректности и к переключению с формального согласования на смысловое даже в пределах синтагмы.

7. Формы множественного числа существительных. Характерны две тенденции: а) калькирование форм множественного числа таких слов, которые в русском языке обычно употребляются в форме единственного (*реальность*, *трикотаж*); б) стилистическое использование ненормативных форм с экспрессивно-выразительной целью (*тундра*, *террор*). В отличие от русского советского языка, формы множественного немаркированного (*сахарá*, *маслá*) нетипичны для эмигрантской прессы.

8. Имена существительные единственного числа в собирательном значении, получившие заметное развитие сначала в подпольной и пропагандистской большевистской литературе, а затем ставшие типичным лингвостилистическим элементом советской публицистики, для эмигрантского узуса нехарактерны. Их редкое использование на страницах эмигрантских газет – трансплантация советских стилистических средств, осознаваемых эмигрантами как инородное стилевое вкрапление, несущее характеризующую функцию.

ГЛАВА 3.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ЭМИГРАНТСКОЙ ПРЕССЫ

Общие замечания

Социальные, политические, экономические изменения в жизни людей быстрее и непосредственнее всего отражаются на лексике и словообразовании. Лексические инновации могут проявляться либо в бурном заимствовании новой лексики, либо в перемещении лексических пластов, классов, групп внутри литературного языка (происходит их пассивизация или активизация), сдвигами в значениях, механизмах метафоризации и др. Словообразовательные инновации обычно (но не всегда) не столь заметны и связаны с активизацией словообразовательных типов и моделей, образующих производные слова для номинации новых реалий. Сошлемся на языковую ситуацию 19 в. Это был век чрезвычайно интенсивных лексических заимствований (по подсчетам Ю.С. Сорокина, именно на заимствования падает примерно 1/3 всех лексико-словообразовательных новообразований), с языковой точки зрения для них были характерны семантическая аморфность, диффузность, неустановившаяся семантико-синтаксическая валентность, словообразовательная дублетность без семантической дифференциации. Какие же заимствования характерны для того времени? Основными семантическими группами новой лексики были:

- сфера образования, воспитания, культуры (мощное развитие учебно-воспитательных и образовательных концепций в 19 в., сначала ориентированных на западные модели, но затем сформировавших свои методы и методики);
- политическая терминология (изменение классовой структуры общества: смещение на политическую периферию дворянства и появление на политической арене разночинной интеллигенции);
- философская, этическая, эстетическая терминология (увлечение западной и – меньше – восточной философией, этикой и эстетикой и появление оригинальных русских философско-этических учений, развитие эстетической, художественной, театральной терминологии).

К концу 19 – началу 20 в. наступает стабилизация заимствований в семантическом и структурном отношении¹. На первое место выдвигаются словообразовательные механизмы, осваивающие новые лексические элементы в деривационном отношении, т.е. при вхождении их в русские словообразовательно-морфологические парадигмы². Иногда интенсивные лексические и словообразовательные процессы могут накладываться друг на друга, пересекаться, происходить в одно и то же время, как это произошло, например, в (после)революционные годы: бурное пополнение лексикона новыми понятиями, связанными с наименованием реалий нового строя, смещение на лексико-семантическую периферию некоторых тематических групп (термины царской, религиозной, политико-государственной тематики и др.) протекало одновременно с активизацией отдельных словообразовательных моделей.

Исследование словообразовательных процессов, рассмотренных в связи с неязыковыми (социальными) событиями 1917 г., было свойственно уже работам А. Мазона, С.И. Карцевского, А.М. Селищева, Л.П. Якубинского, Г.О. Винокура, Е.Д. Поливанова. В послемарристский период одной из центральных работ, обобщающей словообразовательные тенденции советской эпохи, стала монография [РЯСОС 1968], рассматривающая деривационные процессы в совокупности собственно лингвистических и нелингвистических (социальных, экономических, политических) функций. Функциональное направление в лингвистике, пришедшее в 80-е годы 20 в. на смену структурализму, в первую очередь стало развиваться в области изучения грамматики и лексики. В дериватологии функциональный подход был реализован, в частности, в [РГ 1980]. По мнению Е.А. Земской, словообразование, в зависимости от выполняемой функции, может быть дифференцировано как: 1. номинативное; 2. конструктивное; 3. компрессивное; 4. экспрессивное; 5. стилистическое [Земская 1992]. Однако уже в революционную эпоху А.М. Селищев рассматривал суффиксацию имен существительных, по сути, в функциональном аспекте, выделяя эмоциональные, коммуникативные и номинативные суффиксы [Селищев 1928].

Исследователи языка русской эмиграции неоднократно подчеркивали актуальность изучения словообразовательных процессов в речевой практике русскоговорящих за границей: ”вопрос о том, как [выделено автором цитаты. – А.З.] функционирует словообразовательный механизм русского языка в иноязычном окружении, представляет значительный интерес” [Земская 2004: 418; также: ЯРЗ 2001: 128; Земская 2002]. Больше повезло эмигрантам третьей и четвертой волн эмиграции, записи речи которых позволили выявить функционирование некоторых словообразовательных моделей в устном (некодифицированном) языке [ЯРЗ 2001; Осипова 1999; 2002] и в языке русскоязыч-

¹ ”Во второй половине [19 в. – А.З.] века мы наблюдаем процесс нормализации в употреблении заимствованных слов” [Сорокин 1965: 179].

² ”В обогащении лексического состава русского литературного языка в эту эпоху [последние десятилетия 19 – начало 20 в. – А.З.] главная роль принадлежит словообразованию” [Лексика 1981: 187].

ной прессы ближнего и дальнего Зарубежья [Комарова 2000; Протасова 2000; 2002; Авина 2000; 2003; 2004; Витцлак-Макаревич 2004]. Функциональная точка зрения на словообразование проводится Е.А. Земской и в отношении действия словообразовательных механизмов в (преимущественно) устной речи эмигрантов дальнего Зарубежья. По ее мнению, нужно говорить о двух функциях словообразования, участвующих в производстве дериватов: *номинативной* и *экспрессивной* [Земская 2000]. Однако даже и здесь нет согласия в интерпретации словообразовательных процессов: то, что одни считают "разрушением" (дезинтеграцией, пиджинизацией) или, по крайней мере, ослаблением словообразовательных моделей (в частности, в речи последней волны эмиграции) [Осипова 1999; 2002; Polinsky 1996; 1998], другие оценивают противоположным образом – как подтверждение силы русского словообразования, подчиняющего себе иноязычные лексемы и включающего в русские словообразовательные сети [ЯРЗ 2001; Земская 2001; 2002].

Следует согласиться с Е.А. Земской, считающей, что "исследователи языка русских эмигрантов, как правило, не обращают специального внимания на словообразование, рассматривая отдельные производные слова при изучении заимствованной лексики – так называемых слов-гибридов (заимствованная основа + русские аффиксы)" [ЯРЗ 2001: 128]. Исследование же словообразовательных механизмов публицистической сферы эмигрантского языка в 20-30-е годы 20 в. еще, по сути, не начато. Словообразование эмигрантской прессы той поры предстает перед нами как *terra incognita*, о которой мы имеем случайные, фрагментарные и отрывочные сведения. Для первых советских лет, в первую очередь, А. Мазон и А.М. Селищев снабдили нас материалами, показывающими активизацию той или иной словообразовательной модели¹. На основании этих данных исследователи могут судить о динамике словообразования в первые революционные и послереволюционные годы. Но какие словообразовательные процессы происходили в эмигрантской публицистике после того, как сотни тысяч беженцев покинули Россию и начали новую жизнь вдали от Родины? Значит ли это, что словообразовательные процессы в эмигрантской публицистике остановились, "замерли", законсервировались? Если ответить на этот вопрос положительно, то это значит отказаться от функциональной точки зрения на словообразование как на живой процесс, служащий для реализации языковых интенций, это значит признать словообразования неким застывшим монолитом, а не динамической системой. Если ответить на этот вопрос отрицательно, признав деривационные механизмы постоянно действующими даже при внешней, поверхностной пассивности, то сразу рождается ряд исследовательских гипотез: какие словообразовательные типы и модели представлены в языке эмигрантских газет? как они коррелируют с аналогичными в советской публицистике? какие модели активизируются, а какие – напротив – не получают развития? можно ли говорить о связи

¹ С.И. Карцевский составляет известное исключение, так как появление новых дериватов по уже существующим моделям (то есть количественный рост) он не считал принципиальным моментом для признания "качественного скачка" в русском языке.

(обусловленности) деривационных механизмов с экстралингвистическими факторами?

Одной из отправных точек исследования словообразования в данной главе является следующий тезис: деривационная активность тех или иных способов, моделей, конкретных деривационных формантов обусловлена потребностями номинации тех или иных актуальных для общества (или более узких социальных структур: партии, движения, группы) референтов¹. Окружающий эмигрантов вещный и невещный мир был разнообразен: он требовал как лексической, так и словообразовательной номинации. Поэтому в дальнейшем рассуждении словообразовательный анализ будет тесно сопряжен с семантическим (тематическим) разбиением дериватов с целью продемонстрировать актуальность/неактуальность тех или иных референтов, отраженную в эмигрантской прессе. "Выделение тематических групп основано на внеязыковых критериях. Однако вряд ли было бы целесообразно заранее отказаться на этом основании от лингвистического анализа соответствующих объединений слов, от попытки найти в них общие семантические элементы" [Шмелев 1973: 13]. Хотя Д.Н. Шмелев имел в виду в первую очередь семантические классификации, тем не менее, словообразование не может остаться безразличной и безучастной сферой к семантическим изменениям. Поэтому в данной главе словообразовательные механизмы нами рассмотрены в тесной связи с семантическими (и прагматическими) факторами. Такой подход определил постановку следующих ключевых вопросов:

1. Какие словообразовательные модели активны, а какие пассивны в эмигрантских газетах в сопоставительном плане с языком советского времени?
2. Как проявляются, функционируют некоторые способы компрессивной деривации, ставшие активными в советскую эпоху (аббревиация, усечения, унвербаты) в эмигрантском языке?
3. Влияет ли контактное взаимодействие иностранных языков с русским эмигрантским узусом на активизацию словообразовательных элементов в русском языке, если да – то каких?
4. Каково функционирование словообразовательных средств в газетах различной социально-политической, идеологической направленности и чем это обусловлено?
5. Насколько и как словообразование "отражает" мир и жизнь эмигранта?

---

¹ "Процессы реальной действительности, требуя новых наименований, активизируют определенные звенья словообразовательной системы языка" [РЯК 1996: 138].

1.0. Суффиксация

Уже неоднократно отмечалось, что в механизмах суффиксации доминируют по своей активности деривационные типы и модели имен существительных [Винокур 1928; Мучник 1971; Земская 1992; Панов 1999]. Этот вывод подтверждает и исследуемый нами материал эмигрантской прессы, поэтому основное внимание будет уделено именно деривации имен существительных. Рассматриваются также некоторые словообразовательные типы и модели в образовании имен прилагательных, глаголов, наречий, но в гораздо меньшем объеме, чем суффиксальная деривация существительных. Изложение суффиксальных особенностей разных частей речи не преследует цели полного и исчерпывающего описания всех дериватов в эмигрантской прессе, но осуществляется как контрастивное сопоставление дериватов, встретившихся нам в эмигрантской публицистике, на фоне предшествующего языкового состояния (19 – начало 20 в.), а также изменений, произошедших в революционную эпоху и отраженных, по свежим следам, в исследованиях того времени. Такой сопоставительный анализ позволяет, на наш взгляд, дать достаточно объемное представление о словообразовательных механизмах, типах и моделях в области суффиксации, представленных в одной из разновидностей эмигрантского узуса – сфере публичного газетно-журнального дискурса.

1.1. *Номинативные функции суффиксации*

1.1.1. *Суффиксация абстрактных существительных*

1.1.1.1. Суффикс *-изм*

Среди имен существительных мужского рода с отвлеченным значением В.В. Виноградов называл суффикс *-изм* самым продуктивным [Виноградов 1986: 100]. Действительно, придя в русский язык в 18 веке и заметно активизировавшись в 19 столетии [Сорокин 1965], данный суффикс служит для обозначения "отвлеченных понятий, названий учений, общественных, политических, научных взглядов и направлений, названий действий, состояний, качеств, склонности к чему-нибудь" (такую широкую семантическую характеристику субстантивов на *-изм* в русском языке давал В.В. Виноградов). К концу 19 века суффикс *-изм* настолько освоился в русской словообразовательной системе, что создавал производные с русским основами, не только нейтральными в стилистическом отношении, но и разговорными¹. Наиболее жизненными словами на *-изм* оказываются обозначения философских, религиозных течений, направлений мысли или эпох правления того или иного политического

¹ Ср. один из ранних примеров *глупицизм* еще у Белинского [Виноградов 1986: 100].

деятеля; напротив – обозначения каких-либо политических, идеологических быстро возникающих и также быстро исчезающих явлений (особенно от имен политических лидеров) представляют собой чаще всего сиюминутные речевые образования¹.

Эмигрантская публицистика дает довольно разветвленную сеть субстантивов на *-изм*. Какие же семантические типы дериватов характерны для русского языка метрополии и эмиграции?

1. Названия политических, идеологических, экономических, философских, общественных систем, направлений, течений, учений, мотивированных:

а) неодушевленными нарицательными существительными (апеллятивами).

Конец 19 – начало 20 вв. принесли в русский язык много общественно-политической терминологии из западноевропейских языков, маркером принадлежности лексемы к специальной или публицистической сфере и служил суффикс *-изм*. В первые советские годы образование дериватов на *-изм* со значением какого-либо политического, идеологического направления в советском дискурсе, судя по материалам Мазона, Карцевского, Селищева, не было активным, словообразовательного всплеска не наблюдалось; обычно используются уже знакомые *большевизм*, *меньшевизм*, или относительно новые (*юк-скаутизм*², *боевизм* < боевик³), или окказиональные (*классизм*, *декабризм*). На этом фоне лексическая активность дериватов на *-изм* в эмигрантской прессе очень велика. Для эмигрантов потребность наименования различных оттенков, ответвлений какой-либо политической, идеологической доктрины была чрезвычайно важна, отсюда и множество дериватов на *-изм*.

Некоторые актуальные для того или иного политического движения понятия легко образовывали гнезда производных. Ср., например, активность данного суффикса в анархических изданиях, изобилующих именами существительными с префиксоидом *анархо-* и суффиксом *-изм*: *анархизм*, *анархо-большевизм* (орфографический вариант: *анархобольшевизм*), *анархо-кадетизм*, *анархо-индивидуализм*, *анархо-коммунизм*, *анархо-либерализм*, *анархо-меньшевизм*, *анархо-синдикализм*, *псевдо-большевизм*. Данный словообразовательный элемент использовался для номинации политических отпочкований внутри анархического движения, чем и вызывается высокая словообразовательная активность суффикса *-изм*.

Анархо-большевизм ни в какой степени не является целостным политическим или социальным движением, проявлением самостоятельной социально-политической мысли. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

¹ Много таких окказиональных образований приведено в: [Селищев 1928: 182]. См. также [Лехикойнен 1990: 122 сноска 8].

² Юк-скаутизм – движение, поддержанное на первых порах большевиками и существовавшее до создания организации юных пионеров (1922 г.); производное от существительного *юк-скауты*: *юные коммунисты-скауты*, или в разговорном употреблении *юки*.

³ Группа террористов-революционеров, созданная еще в начале 20 в.

В результате этого уклона могли быть различные сочетания ренегатов анархизма с демократическими элементами, начиная от *анархо-большевизма* и кончая *анархо-либерализмом*. И если бы вместо диктатуры большевизма, представляющего левое крыло демократии, в России укрепился меньшевистский или даже кадетский режим, ренегатствующая часть анархистов, несомненно, докатилась бы до него и пошла бы ему в услужение, создав вместо *анархо-большевизма* *анархо-меньшевизм* или *анархо-кадетизм*. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Большевизм или *псевдо-большевизм* – вот что грозит несчастной Риге и всей Латвии. (Призыв. 1919. 4 (21.12) дек. № 135)

Очень рано в эмигрантской прессе появились упоминания *фашизма*, что связано было, конечно, с чаяниями и надеждами одних эмигрантских групп (монархически настроенных) и опасениями других (анархисты, либералы, демократы, социалисты, троцкисты и др.). Отсюда и полярная оценочность референта:

Испугались коммунисты, испугались большевики, но средний обыватель не испугался, а согласился с *фашизмом*. [...] Муссолини и *фашизм* взялись подтянуть их. (Руль. 1926. 14 апр. № 1630)

Как бы ни относиться к *фашизму*, одной его заслуги никто отрицать не может: *фашизм* раздавил в Италии подготовляющуюся большевистскую революцию. (Руль. 1926. 14 апр. № 1630)

О популярности этой семантической словообразовательной модели в эмигрантском языке могут свидетельствовать дериваты, возникшие как наименования новых актуальных для эмигрантов референтов: *активизм*, *демо-капитализм* (*демократический капитализм*), *иудо-коммунизм*, *иудо-большевизм*, *солидаризм*, *социал-демократизм*, *ультрамонархизм*. Ср.:

... белая борьба .. должна продолжаться – в формах эмигрантского *активизма*, который взят "в кавычки" и под подозрение известными политическими течениями, хотя, по существу, и они ему не чужды, ибо этот *активизм* составляет природу эмигранта, смысл и оправдание эмиграции. [из речи генерала А. Деникина 22 февраля 1931 года] (Гол. России. 1931. 2 авг. № 1)

... наша интеллигенция была действительно лишена эгоизма, которым до сих пор держится *демо-капитализм*. (Сигнал. 1939. 15 мая. № 55)

Ваши [И. Солоневича] доклады в Германии реабилитируют Российскую Nation от обвинений в пассивности, в покорности *иудо-большевизму* и могут привести к надлежащей постановке русского вопроса национал-социалистической Германией. (Сигнал. 1938. 1 сент. № 38)

Два пути лежат перед людьми: прогресс или регресс, гибель или спасение – *солидаризм* или обе его противоположности, имеющие тем не менее одинаковую основу: капитализм или коммунизм. (Младоросская искра. 1933. 10 июля. № 31)

Таким образом, в эмигрантской прессе наименования политических, идеологических референтов представляют одну из самых больших в количест-

венном отношении групп: деривационный механизм уже давно сложился в русском языке и эмигранты его активно использовали.

б) именами собственными, в частности, антропонимами.

Специфику суффикса *-изм* в революционную эпоху отмечал А.М. Селищев: "И в начале 900-х годов и после 1917 г. появилось очень много образований на *-изм*. Многие из таких образований вскоре вышли из употребления, так как быстро утрачивали своё значение явления, обозначавшиеся этими именами на *-изм*" [Селищев 1928: 182]. Особенно это касается отантропонимических производных, относящихся к политической сфере референции: такие дериваты легко создаются по модели, однако в узусе остаются очень немногие, напр.: *ленинизм*, *марксизм*. Характерно, что дериват *сталинизм* – это несомненный словообразовательный продукт эмиграции, независимый от советского дискурса. Этот дериват заимствовал у эмигрантов, очевидно, и Троцкий, который впервые использовал его в очерке "Иосиф Сталин" (1939 г.): "В религии *сталинизма* Сталин занимает место бога со всеми его атрибутами". Ср. цитаты из эмигрантских газет:

... в СССР [...] социализм – это кровавая практика "*сталинизма*". (Сигнал. 1938. 1 сент. № 38)

Пусть подумает Н.С. Тимашев, что, если он прав, попрекая Дмитриевского его прежним "*сталинизмом*", то тогда правы были бы и те младороссы, попрекая академика Струве его бывшим "*ленинизмом*". (Младоросская искра. 1932. 20 авг. № 21)

Хозяйственная доктрина младороссов.. обусловлена исторической данностью: поздним капитализмом и *сталинизмом*. (Младоросская искра. 1933. 15 нояб. № 34)

В советском дискурсе производное *сталинизм* появилось на страницах газет только в середине-конце 80-х годов 20 в. вместе с другими словами словообразовательного "пучка" в сфере политической терминологии: *брежневизм*, *антисталинизм*, *ленинизм*, *антиленинизм* и др. [НСЗ 1997: 777; ТССРЯ 2001: 754-755].

2. Названия качеств, присущих, свойственных какому-либо лицу, группе лиц.

В русском политическом языке в первые десятилетия возникли дериваты на *-изм*, соединяющиеся с русскими основами разговорного характера (*напле-визм*, *отзовизм*, *хвостизм*). Семантическая модель для наименования каких-либо качеств политической, общественной группы была хорошо освоена и разработана в дореволюционном языке. Несомненной словообразовательной инновацией эмигрантского дискурса было активное использование дериватов *активизм*, *вождизм*. Причем дериват *активизм* имеет мотивировку не в

советском денотате¹ *активисты* ”активные сторонники коммунистической идеологии, социалистического строительства”, а в эмигрантском: *активисты* > *активизм* ”разновидность политического экстремизма, родившаяся в эмиграции” (возможно, происходит от употребления термина *активисты* в значении ”деятели, активно борющиеся с большевиками/большевизмом” в работах П.Б. Струве). В этом – яркое отличие от советского языка, где такой соотносительности не было: широко использовалось слово *активист*, но отсутствовало абстрактное существительное. Таким образом, в советском языке существовала иная словообразовательная мотивированность: *активист* – член *актива*; в эмигрантском языке: *активист* – сторонник *активизма*.

[Борьба] должна продолжаться – в формах эмигрантского *активизма*, .. ибо этот *активизм* составляет природу эмигранта, смысл и оправдание эмиграции. [из речи генерала Деникина 22 февраля 1931 года] (Голос России. 1931. 2 авг. № 1)

... стоит напомнить в нынешнюю годовщину восстания, когда идут разговоры об *активизме*, путях борьбы и проч. (Голос России. 1931. 1 сент. № 2)

Слово *вождизм*² – производное от *вождь*; эта словообразовательная цепочка возникла в эмигрантских газетах (впервые, очевидно, в младоросских изданиях, позитивно оценивающих роль Гитлера и Муссолини в надежде на развязывание ими войны с СССР). Примечательно, что вождем монархические эмигрантские газеты Сталина никогда не называли: этим понятием эмигранты именовали позитивные (в их представлении) референты, в отличие от негативно маркированных отантропонимических обозначений типа *ленинизм*, *сталинизм*, *троцкизм*. И для этого есть свои причины: в первые революционные годы вождем/вождями именовали целую группу ведущих российских большевиков (Ленина, Троцкого, Томского и др.): *Вождь Красной Армии т. Троцкий*, *Вождь красных профсоюзов т. Томский*, *вожди Коммунистического Союза молодежи* – и деятелей Социалистического Интернационала: *вожди Социинтерна*, *Коминтерна*, *Крестинтерна* (Крестьянского Интернационала) и под. К 30-м годам происходит сужение сферы использования данного понятия и его закрепление только за фамилией Сталин [Грановская 2005: 232]. Поскольку в эмигрантском дискурсе большевики, как правило, относились референциально к полю преступников, то именование деятелей большевизма вождями было невозможно. Напротив, номинация этим словом европейских лидеров, противостоящих большевикам и борющихся с ними, в эмигрантском монархическом социолекте составляет устойчивый, постоянный лексический компонент.

¹ В данной работе мы придерживаемся следующего понимания: денотат – класс обозначаемых языковым знаком явлений; референт, сигнификат – ”общие признаки всех видов этого класса” [Апресян 1995 Ч. 1: 60].

² Первая лексикографическая фиксация данного слова в СО-72.

В век *вождизма* успех того или иного партийного объединения или политического движения прежде всего зависит от вождя. (Младоросская искра. 1933. 15 нояб. № 34)

Разговорно-просторечные дериваты на *-изм* единичны; ср., пожалуй, единственное окказиональное производное *валяй-анархизм* в анархической газете:

... разрушение .. нанесет сокрушительный удар всякого рода ложным тенденциям в анархизме: слащавому пацифизму; интеллигентскому либерализму; мечтательно-туманному или эксцентричному индивидуализму; "*валяй-анархизму*".. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Любопытна дистрибуция производных на *-изм* в разных эмигрантских изданиях. Они были особенно активны, например, в газете "Младоросская искра", идеологически ориентирующей своих читателей на возвращение монархического правления не только в России, но после нее, по возможности, и в мировом масштабе (идеи мессианства России). Ср. часто повторяющиеся на страницах данной газеты субстантивы на *-изм*: *активизм, большевизм, космополитизм, сталинизм, ленинизм, солидаризм, цезаризм, скаутизм, вождизм.*

Издания, ориентированные на монархические идеи, а также "народно-патриотические" газеты избегают употребления существительных на *-изм*, ограничиваясь, по существу, терминами *ленинизм, сталинизм, большевизм* (газеты "За свободу", "Русский стяг", "Русский голос") или оценочными субстантивами типа *вандализм, бандитизм* (газеты "Возрождение", "Голос Родины") для характеристики советского строя.

1.1.1.2. Суффикс *-ство*

Отвлеченные существительные на *-ство* со значением состояния являют собой одну из быстро пополняемых лексических групп в революционную эпоху. Однако этой своей активности они обязаны предшествующему времени. Уже с середины 19 в. начинается бурный рост дериватов на *-ство* следующих тематических сфер:

1. дериваты, мотивированные именами существительными, со значением общественно-идеологических направлений: *западничество, крепостничество, почвенничество, славянофильство* и др. Появляются производные, образованные от имен собственных: *гегелианство, толстовство, мальтузианство* и др.;

2. "остро-экспрессивные слова-характеристики" (в подавляющем большинстве отрицательных) социальных явлений: *верхоглядство, жульничество, кликушество, критиканство, лакейство, хамство, лизоблюдство* и др. Сюда же относятся дериваты от имен литературных персонажей, олицетворяющих то или иное качество: *донкихотство, помпадурство, донжуанство* [Сорокин 1965: 220-221].

Какие семантические типы отвлеченных существительных на *-ство* были активны в революционные и послереволюционные годы в советской и эмигрантской публицистике? Частотны были производные от наименований лиц, характеризуемых теми или иными качествами, признаками, политическими пристрастиями, социальными характеристиками. Этот тип словообразовательной мотивации самый интересный и сложный в нашем материале. Семантические словообразовательные отношения между производящим и производными словами характеризуются семантическим усложнением, поэтому данную мотивацию следует рассматривать как мутационные отношения. Необходимо упомянуть также то, что многие из этих производных допускают множественность мотивации, в частности также от прилагательных на *-овский* (в свою очередь созданных от имен лиц), в которых грамматическое значение относительности (относительных прилагательных) чаще всего осложнено дополнительными лексическими коннотациями и напластованиями. Ср.: *богоборство* < *богоборец* (богоборцы) и *богоборческий*; *вредительство* < *вредитель* (вредители) и *вредительский*, *советофильство* < *советофил* (советофилы) и *советофильский*, *государственничество* < *государственник* (государственники) и *государственнический* и др. В эмигрантской публицистике дериватов на *-ство* данной семантической группы очень много. Сохраняются старые, дореволюционные производные, активизированные в эмигрантском дискурсе:

а) монархические обозначения: *водительство*¹, *шефство*, *помазанничество*;

б) религиозно-церковные: *безбожничество*, *богоборчество*, *мучительство*, *избранничество*, *паломничество*, *еретичество*, *заложничество*, *сектантство*.

Однако нас больше будут интересовать новые словообразовательные производные, тематически относящиеся к:

а) политико-идеологической сфере: *советофильство*, *властничество*, *государственничество*, *республиканство*, *русофильство*, *славянофильство*, *добровольчество*, *евразийство*, *непредрешенство* (=непредрешенчество), *изгнанничество*, *украинство*.

Иногда неумение ответить на все эти жгучие вопросы приводит юношу в тупик – тогда наступает разочарование и отход от России, а порой это заводит его в другую крайность, в “*советофильство*”, с преклонением перед всеми, кажущимися такими родными, советскими “достижениями”. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

¹ Ср. на этом фоне дериват *вождизм*; в монархических газетах произошло прагматическое размежевание однокоренных производных: *водительство* стало рассматриваться в православно-монархическом аспекте как духовное руководство, *вождизм* – только как политическое руководство.

... все это образовало стоячее болото, .. печальную пустыню национализма, крайней *государственности*, личной алчности и *властничества*, дающего тирану иллюзию его собственной свободы. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Они надеются снова вернуться на потерянные позиции с восстановлением былой России. Отсюда *руссофильство*¹. (Возрождение. 1919. 8 окт. № 82)

Россия вообще переживает особую полосу, можно сказать, своеобразного "евразийства" (Дни. 1926. 16 нояб. № 1160)

Пусть хулят такое *непредрешиенство* те люди, которые мнят себя обладателями единоспасительных лозунгов. [из речи генерала А.И. Деникина 22 февраля 1931 года] (Голос России. 1931. 2 авг. № 1)

Потом, когда пошла полная анархия, появились разные авантюристы, которые использовали и "украинство": тут был и мелкий интеллигент Петлюра. Появился Махно, Балбочан и прочие, которые просто были бандитами и которые своим "украинством" едва ли принесли много чести этому движению. (Рус. голос. 1939. 1-14 янв. № 406)

б) к профессиональной сфере (*nomina professionalia*); такие дериваты в эмигрантских газетах, в отличие от предыдущего типа, единичны: *фритредерство*², *режиссерство* (ср. режиссура):

... широкое индустриальное развитие предполагает наличие рынков сбыта, а как известно, тенденция современного развития народов и стран не только Запада, но и Востока далека от *фритредерства*. (Руть.1930. 25 марта. № 2836)

[Союз русских артистов] использовал кратковременное пребывание в Белграде А.Ф. Черепова, поставив Беляевскую "Псишу" под опытным *режиссерством* самого гастролера. (Рус. голос. 1939. 5 марта. № 413)

Итак, эмигрантская публицистика тяготела к традиционным моделям словообразующих основ: книжная или нейтральная мотивирующая основа + суффикс *-ство*, разговорные мотивирующие основы редки. Преобладают дериваты, мотивированные политическими референтами; дериваты со значением профессии единичны. В русском советском языке смелее допускались разговорные мотивирующие основы, сочетающиеся с суффиксом *-ство*.

¹ Двойное *сс* – это, конечно, результат влияния иноязычных аналогов; ср. англ. *russophilism* "руссофильство".

² От англ. *free trade* "свободная торговля" – направление в экономической теории и практике, состоящее в требовании свободной торговли и невмешательства государства в частнопредпринимательскую деятельность. В планах Колчака, Деникина и Врангеля по будущему обустройству России фритредерству отводилась важная роль, поскольку, по их мнению, следование принципам фритредерства обеспечило бы стабильное поступление налогов и сборов в общегосударственный и местный бюджеты. Это объясняет активность и актуальность слова в эмигрантской прессе.

1.1.1.3. Суффикс *-изация*

Заимствованный суффикс *-ция* (с расширением *-ация, -изация*) являлся чрезвычайно активным в русском языке в 19 веке [Сорокин 1965: 265], будучи соотносительным с глагольным суффиксом *-ировать/-изировать*. Если для эпохи 30-90-х годов 19 века Ю.С. Сорокин делает следующее заключение: ”собственно русских образований почти нет, если не считать образований от этнических наименований типа *русификация, славянизация, татаризация*” [Сорокин 1965: 265], то уже для советского времени В.В. Виноградов справедливо отмечает: ”для современного языка характерно распространение сферы применения суффикса *-изаци(я)* и на русские основы” [Виноградов 1986: 116]. Действительно, еще на рубеже 19-20 вв. в русском языке не возникло ни одного производного на *-ция* с русской основой. Ср., напр., бурный приток лексем конца 19 – начала 20 вв., но среди нет дериватов с русскими основами: *абгрегация, абдиция, агитация, адаптация, адорация, аккумуляция, англизация, аррогация, вариация, дезорганизация, иллюминация, импробация, интеграция, конспирация, кооптация, ликвидация, локализация, мобилизация, нейтрализация, передислокация, провокация, прокламация, циркуляция* [Лексика 1981].

В чем же заключались новшества в словообразовании существительных на *-ция* в русском послереволюционном языке?

Во-первых, в возможности образования дериватов от конкретных существительных: *большевизация, совхозизация, предметизация, товаризация, фордизация, троцкизация, белоруссизация, машинизация* и др. [Селищев 1928: 184; РЯСОС 1968: 103; Лехикоинен 1990: 130]. Часть дериватов может соотноситься с глаголами или существительными (типа *большевизация* < *большевизировать* и *большевик, советизация* < *советизировать* и *советы*), однако значительная группа производных создана непосредственно от существительных: *совхозизация* < *совхоз, предметизация* < (учебный) *предмет, товаризация* < *товар, фордизация* < *Форд, троцкизация* < *Троцкий, белоруссизация* < *Белоруссия* и др. Это новшество русского языка советского времени подметил уже С.И. Карцевский: ”интересное русское образование *картофелизация*, т.е. перевод известных земель на культуру картофеля” [Карцевский 2000: 259]. Данная группа слов сосредоточена преимущественно в номинативной зоне, обозначающей технические понятия, профессиональные реалии, некоторые общественно-политические денотаты.

Во-вторых, в значительном росте дериватов на *-фикация*. После революции суффикс *-фикация* служил для производства слов, имеющих словообразовательное значение ”широкое внедрение того, оборудование тем, что обозначено именной частью производящей основы” [РЯСОС 1968: 102] и относящихся к сфере средств массового обслуживания: *кинофикация, радиофикация, телефикация, звукофикация, теплофикация, часофикация* и др. [там же: 104].

В-третьих, в появлении отадъективных дериватов на *-ция*: *музыкализация, театрализация, эмоционализация, озимизация* (< *озимые, озимый*) [РЯСОС 1968: 104]. Основная сфера использования таких лексем – публицистичес-

кие тексты, общественные, гуманитарные науки, реже – естественные. В этой группе дериватов обратное образование глаголов на *-ировать* выражено гораздо слабее или даже вообще отсутствует: ”по всей вероятности, эти существительные образуются параллельно с глаголами от общей основы имени прилагательного” [там же].

Какие же особенности дериватов на *-ция* характерны для эмигрантской прессы, какие типы производных в ней встречаются и есть ли отличия от советского языка? Прежде всего, обращает на себя внимание использование собственных имен для производства дериватов на *-ция*. Обычно в качестве производящих основ служат:

1. топонимы: *украинизация, разукраинизация, австризация, германизация, китаизация*. Отмеченная Ю.С. Сорокиным модель существительных на *-ция*, образованных ”от этнических наименований”, была характерна для языка 19 века и составляла практически единственный разряд слов с русской основой. Словообразовательная активность этой модели в эмигрантской прессе определялась социально-политическими условиями той эпохи: становлением и/или утратой государственности, национальной идентичности, суверенитета тем или иным народом, страной, территориальным образованием – и, как следствие, повышенным вниманием эмигрантов к данной теме.

Харьковский ”Коммунист” (№ 236) печатает беседу с членом центральной комиссии по *украинизации*, бывшим петлюровцем Миколоюком, производившим обследование *украинизации*. (Дни. 1926. 19 нояб. № 1163)

Несмотря на последовательную и всестороннюю *китаизацию* всех городских учреждений, и даже часть русских обществ, Харбин остается русским городом: русские магазины, русские учебные заведения, русские театры и, наконец, русский язык, полновластно царящий повсюду, вплоть до иностранной колонии и даже многих правительственных китайских учреждений, свидетельствуют об исключительной культурной роли русских в Северной Маньчжурии. (Сегодня. 1930. 7 янв. № 7)

Почему массы медлят с революцией? [...] Почему же – именно ”*австризация*”, а не победоносная ”*руссификация*”, не решительная революция à la russe? Именно потому, что дело обстоит далеко не так просто, как это кажется господам ”коммунистам”, видящим выбор лишь между ”*австризацией*” и ”*руссификацией*.” (Анархич. вестник. 1923. N 2)

Отсюда резкое расхождение национал-революционеров с политикой Розенберга (руководящего внешней политикой Хитлера), направленной к расчленению России и *германизации* балтийских государств. (Младоросская искра. 1932. 12 июля. № 20)

Деривация от топонимов слов на *-ция* часто основана на коннотативном фоне имени собственного, понятного в данную эпоху и исчезающего с течением времени. Иногда коннотативный элемент закрепляется в семантической структуре слова и выступает как его конститутивный компонент (ср. *руссификация, американизация, германизация* и под.), особенно это касается частотных понятий, оседающих в узусе. Другая группа производных – это слова,

образованные по готовой словообразовательной модели, но семантически мотивированные коннотативными семами, актуальными в текущий исторический момент; так, дериват *австризация* уже мало что говорит нашим современникам, однако в ту эпоху в кругу некоторых радикальных политических движений или групп он значил «апатия, пассивность (рабочего класса в Австрии)» и был мотивирован тогдашней политической ситуацией в этой стране.

Эти дериваты входят в одно семантическое поле с производными, образованными от нарицательных существительных: *руссификация* = *русификация*, *галлизация*:

... нейтральное студенчество лишено возможности принять участие в празднике, посвященном *галлизации* немецкого университета [в Страсбурге]. (Призыв. 1919. 7 (23.9) окт. № 77)

... всевозможные воспитательные организации .. играют большую роль в "*русификации*" нашей молодежи. Все эти организации ставят себе задачу воспитать молодежь физически, духовно и национально. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

2. антропонимы: *сталинизация*, *френкелизация*. Отанпротопонимические существительные на *-ция* – элемент публицистического языка, представляющий именование какого-либо явления, факта, мотивирующей основой которых выступает имя собственное. Любопытно, что в русском языке метрополии дериват *сталинизация* начинает употребляться только с конца 80-х годов 20 в., в то время как эмигранты использовали его уже в 30-е годы в связи с прецедентностью имени (фамилии) *Сталин*. Этот дериват находится в одной смысловой "связке" с другими производными: *сталиномания*, *сталинский*, *антисталинский*, *сталинец*.

"Против *сталинизации*" [название заметки] (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

Тяжел был соловецкий измор в дальнейшие пять лет "*френкелизации*", когда каторга, по проекту, поданному заключенным (!) Френкелем, была обращена в доходную статью советского бюджета.. (Возрождение. 1937. 10 апр. № 4073)

3. Как уже отмечалось выше, в языке советского периода появились производные на *-ция*, мотивированные конкретными существительными. В эмигрантской прессе нам встретился один окказионализм: *сифилизация* (< *сифилис*). Этот дериват, возникший на страницах анархического издания, входит в группу метафорических обозначений с общим, гиперонимическим, значением "болезнь современного общества"; такой тип номинаций был вообще характерен для этих изданий как один из стилеобразующих элементов. Ср.:

[Обманщики и контрабандисты: националисты, государственники, капиталисты и узурпаторы – бонапартисты социализма – нынешние коммунисты] создали, наконец, этот гнойник всеобщего разложения, эту подлинную "*сифи-*

лизацию” несчастной Европы – фашизм в его различных проявлениях и воплощениях. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Производных на *-фикация*, которые активно развивались в советском языке для обозначения технических понятий, в эмигрантской прессе нами не зафиксировано.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Дериваты на *-ция* в эмигрантской прессе сосредоточены главным образом на обозначении социально-политических, общественных реалий.
2. Особенностью эмигрантских текстов является частотность дериватов, образованных от этнонимов, что обуславливалось актуальностью социальных референтов.
3. Производные от личных имен (*сталинизация*, *френкелизация*) образованы от антропонимов советских работников и (вследствие этого) имеют негативные коннотации.
4. Дериваты от конкретных существительных единичны, представляя публицистические окказионализмы (*сифилизация*).
5. Производные на *-фикация* не получили развития в эмигрантском языке.

1.1.1.4. Суффикс *-чина/-щина*

Суффикс *-щина* (*-чина* после консонантов *д, т*; исключения – комбинации «сонорный» + *т, ч*) для образования отвлеченных существительных имеет значение “характеристические общественно-политические явления, идейные течения с отрицательной окраской” [Виноградов 1986: 122]. Активизация данного суффикса происходила с середины 19 века: “по-видимому, суффиксы *-щина* и *-овщина* начинают быстро расширять сферу своего употребления около середины 19 века” [там же]; в дальнейшем это эмпирическое наблюдение Виноградова было подтверждено и документировано множеством примеров [Очерки 1964а: 119-120; Сорокин 1965: 224-227; Лексика 1981: 192-197]. Пика своего развития (словообразовательной активности и экспрессивной силы) данный суффикс достигает “в начале XX в. и в нашу революционную эпоху” [Виноградов 1986: 122]; это мнение близко к позиции А.М. Селищева, относившего активизацию слова *-щина* к последнему десятилетию 19 века преимущественно в среде революционно-настроенных групп [Селищев 1928: 178]. Ю.С. Сорокин отодвигает границу активизации суффикса и считает, что об этом словообразовательном процессе можно говорить даже начиная с 60-х годов (при нарастании к 90-ым) 19 века, поэтому словообразовательная и стилистическая популярность слов на *-щина* в первые десятилетия советской власти – это языковое наследие демократической публицистики той поры. А.М. Селищев полагал, что распространение слов на *-щина* в языке русских революционеров произошло под влиянием термина *обломовщина*: “это образование было экспрессивным и влиятельным. По его образцу возника-

ют и другие имена на *-щина*. Любили пользоваться такими образованиями и революционные деятели”, причем именно ”в 900-е годы в революционной среде возникало много имен на *-щина* в связи с современными явлениями, к которым революционеры относились отрицательно, враждебно” [Селищев 1928: 177]. Яркий характеризующий ”шлейф” суффикса *-щина*, окрашивающего термины и понятия в отрицательные экспрессивные тона, подчеркивает и Л.А. Булаховский¹.

По своему происхождению слова на *-щина/-чина* восходят к народно-разговорной речи, однако с середины 19 века они попадают и в литературное употребление, преимущественно в публицистический стиль. Экспрессивная функция суффикса получает дополнительную прагматико-стилистическую ”подпитку”; уже в середине 19 века данный словообразовательный элемент чаще всего использовался для номинации стилистически уничижительной оценки следующих реалий (денотатов): 1. социальных явлений; 2. общественных движений; 3. идейно-политических направлений [Сорокин 1965: 225].

В анализируемой эмигрантской прессе дериватов на *-щина/-чина* немного; преобладает суффикс *-щина*, морф *-чина* представлен только в слове *советчина* (< советская власть; советская идеология). Ср.:

Сейчас Сталин спохватился, поняв, что самое наличие верующих в СССР, на 21-м году революции, есть отрицание смысла *советчины*.. (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

В советском языке дериваты на *-щина* с пейоративной окраской были в широком ходу после революции, возникали производные от нарицательных существительных, называющих какие-либо референты социальной жизни: *собсовщина* ”неуместное пользование социальным обеспечением” (< собес), *чайковщина* (< подачка на ”чай”) [Селищев 1928: 178]. В эмигрантской публицистике таких окказиональных дериватов от социальных референтов нам не удалось зафиксировать.

Довольно активно используются дериваты, мотивированные именами собственными: *врангелещина* (< Врангель), *деникинищина* (< Деникин), *керенщина* (< Керенский), *колчаковщина* (< Колчак), *столыпинщина* (< Столыпин), *пильняковщина* (< Б. Пильняк).

У нас уже сообщалось о реприманде, полученном Горьким. Он буквально не щадит себя, лишь бы угодить начальству, а сибирские литераторы, – как сообщает теперь ”Комсомольская правда”, – ему не верят и считают его выступления ”выступлениями изворотливого, маскирующегося врага, защищающего всю советскую *пильняковщину* и т.д.” (Руль. 1930. 1 янв. № 2766)

¹ ”Классовая борьба нашей эпохи дала широкое применение этим суффиксальным образованиям, направив их против враждебных классов, и уже к эпохе великой социалистической революции относятся, напр.: *керенщина*, *деникинищина*, *махновщина*” [Булаховский 1952: 140].

Любопытно, что эмигрантские газеты не содержат индивидуально-оказиональных дериватов на *-щина*, в отличие от советских газет, наполненных такими модельными формами, которые часто и легко возникали по случаю как в центральных, так и в региональных газетах. Большое количество таких неузуальных образований как от фамилий советских работников, так и деятелей искусства приводит А.М. Селищев: *барматовщина* (< Бармат), *аксельродовщина* (< Аксельрод), *богдановщина* (< Богданов), *кореньковщина* (< Кореньков), *свистуновщина* (< Свистунов), *пильняковщина* (< Пильняк), *ахматовщина* (Ахматова), *серапионовщина* (< «Серапионовы братья»), *маяковщина* (< Маяковский), *воронщина* (< Воронский), *осинщина* (< Осинский) и др. [Селищев 1928: 178]. В эмигрантской прессе нам встретилось только одно эмигрантское производное, мотивированное именем (фамилией) советского передовика, – *стахановщина* (с негативной окраской).

”*Стахановщина*” .. – не только очковтирательство и ”подбадривание” эксплуатируемых. (Единый фронт новой России. 1936. 19 янв. № 19)

Кроме того, Селищев отмечает появление новой семантической группы дериватов на *-щина*, образованных от топонимов, где происходило (произошло) какое-либо значительное событие или случилось какое-либо происшествие: *дымовщина* (< с. Дымовка¹).

Таким образом, в эмигрантской публицистике словообразовательная модель на *-щина/-чина* не является столь активной, как в русском советском языке. Можно полагать, что в советском языке такое широкое распространение этой деривационной модели было напрямую связано с легализацией партийно-большевистских печатных изданий, формирующих новые языковые особенности советского публицистического стиля. В отличие от советского публичного языка, эмигрантский дискурс не обнаруживает особой активности в создании дериватов на *-щина*: нами отмечено только два эмигрантских производных: *стахановщина*, *советчина*, причем именно для номинации и характеристики советских референтов.

1.1.1.5. Суффикс *-иада*

В современном русском языке заимствованный суффикс *-иада* имеет значение совокупности предметов, которых столько, сколько названо мотивирующим именем числительным (напр.: *триада*), также служит для образования названий спортивных состязаний (типа *спартакиада*, *олимпиада*) с нейтральной стилистикой, а также с иронической коннотацией ”для обозначения событий и явлений, связанных с жизнью и деятельностью какого-либо лица”

¹ Это название в Советской России было у всех на устах в 1920-е годы: в селе Дымовка, неподалеку от г. Николаева, 28 марта 1924 г. был убит селькор Г. Малиновский, решивший через печать повести борьбу с дымковской местной властью. И. Сталин выступил на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) с докладом «О ”Дымовке” в связи с обсуждением вопроса о событиях в селе Дымовка и следующих из этого выводах».

[Виноградов 1986: 124]. После революции 1917 года данный суффикс проявил активность для номинации некоторых референтов; этот факт отмечен А.М. Селищевым, который называет как стилистически возвышенные (*октябриада*, *коммуниада*), так и пейоративно окрашенные производные: 1. от имен лиц (*бернштейниада* < *Бернштейн*), *керениада* (< Керенский, с усечением части основы); ср. также примеры из работ Мазона и Карцевского: *махиада* (< *Мах*)¹, *врангелиада* (< *Врангель*)²; 2. иронические газетные окказионализмы: *растратиада* (< *растрата*)³. В эмигрантской прессе нам встретился только отантропонимический окказионализм *ставицкиада* (< *Ставицкий*). Неузואльный характер лексемы сигнализируют кавычки:

Не ликвидированная "афера Ставицкого" продолжает волновать Францию, вызывая временами серьезные осложнения. [...] ... решение, отстраняя временно правительственный кризис и связанные с ним осложнения, не разрешает вопроса и не приближает ликвидацию "ставицкиады". (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173)

1.2. Суффиксация собирательных существительных

1.2.1. Суффикс -ство

В революционные годы активизировался суффикс *-ств(о)* для обозначения лиц по политическому, социальному, имущественному, национальному, религиозному признаку. А. Мазон отметил только одно новообразование революционной поры – *эсерство* [Мазон 1920: 33]; С. И. Карцевский привел несколько производных на *-ство*, однако в них суффикс *-ство* выражает скорее качественную характеристику, являясь суффиксом со значением состояния, нежели чисто собирательным формантом. А.М. Селищев фиксирует в своей книге следующие дериваты: *батрачество*, *кулачество*, *нэпманство*, *пастушество*, *среднячество*, *эсерство*, *трудоличество* (=трудовики) [Селищев 1928: 181-182], отмечая, что суффикс *-ство* являлся "довольно продуктивным в языке революционеров" и до 1917 г. [Селищев 1928: 181].

Эмигрантская пресса использует дериваты с собирательным суффиксов *-ство* также активно. Доминируют старые или относительно старые производные: *воинство*, *дворянство*, *духовенство*, *еврейство*, *казачество*, *крестьянство*, *купечество*, *меньшинство*, *офицерство*, *славянство*, *студенчество*, *чиновничество*. Новые производные являются либо заимствованными из советского дискурса (*кулачество*), либо возникшими в эмигрантской речи (*беженство*, *братство*).

¹ [Лехикойнен 1990: 224].

² [Карцевский 2000: 208].

³ [Селищев 1928: 185]. Обзор словообразовательных возможностей данного суффикса при деривации отыменных слов проведен Р. Лехикойнен [Lehikoinen 1989].

Обычно недавние строители коммунизма называются .. тайные и явные агенты *кулачества*, предатели, по-кошачьи замазывающие следы на загаженном месте, враги революции и т.д. и т.д. (Голос России. 1933. янв.-февр.-март. № 17-18-19)

... мы, *братство* "Русской Правды", .. все силы свои устремляем на то, чтобы поддержать и раздуть в народе святой Русский огонь, без которого не может воскреснуть наша Родина. (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

К тебе, многострадальное русское *беженство*, исповедающее наши священные лозунги – "Вера Православная, Царь Самодержавный и Россия Русская", обращаемся мы.. (Рус. стяг. 1925. 4/7 июня. № 1)

Таким образом, собирательный суффикс *-ство* в эмигрантских газетах не проявляет такой номинативной активности, как в советском языке, используются преимущественно уже старые производные. Отличительной особенностью, однако, является заметная активность некоторых семантических типов дериватов: военных (*казачество, офицерство*), этнических (*славянство, еврейство*), которые в русском советском языке находились на лексической периферии и практически ушли из языка газеты. Очень активен также дериват *беженство*, являющийся одним из ключевых понятий эмигрантского дискурса. Для сравнения: в советском дискурсе преобладали социально-политические новообразования с собирательным суффиксом *-ство*.

1.2.2. Суффикс *-ия*

Собирательные существительные на *-ия* (-ија) активизировались в революционную эпоху, служа "для обозначения коллектива, группы лиц, объединенных принадлежностью к одной организации" [Виноградов 1986: 115]. Активность данного суффикса в первые послереволюционные годы несомненна: *комсомолия, пионерия, рабкория, рабселькория, селькория, свердловия* (студенты университета им. Свердлова), *юнкория, военкория* [Селищев 1928: 185; Миськевич 1967]. Иноязычный формант, ранее существовавший только в составе иностранных слов¹, вычленился как самостоятельный суффикс русской словообразовательной системы именно в революционную эпоху. Любопытно, что ни А. Мазон, ни С.И. Карцевский не отмечают собирательных нарицательных существительных на *-ия*. Их появление и расцвет приходится на 20-е годы 20 в., причем уже в момент рождения они имели литературно-книжную окраску [Миськевич 1967; Comrie et al. 1996: 139; Лехикойнен 1990: 129]. В дальнейшем их продуктивность снижается.

Эмигрантская пресса использует старые собирательные существительные на *-ия*: *аристократия, буржуазия, бюрократия, гвардия, плутократия, социал-демократия*. Слово *мафия* оказалось заимствованным эмигрантами, очевидно, во второй раз:

¹ В начале 20 в. в русском языке появилось еще одно заимствование на *-ия*: *мафия* (*мафия*) как итальянская реалия [Лексика 1981: 221].

... состоялась лекция г. Гайшмана о деятельности "маффи" [sic], которая организовалась в самом начале войны. (Огни. 1924. 11 февр. № 6)

Однако ни одного нового советского производного на *-ия* в эмигрантской прессе нам не встретилось. Итак, можно заключить, что суффикс *-ия* в собирательном значении получил активизацию только в русском советском языке, не затронув эмигрантского словоупотребления. Объяснение этого феномена может быть следующее: активность модели на *-ия* в советском языке проявилась в 20-е годы, когда русские беженцы в большинстве своем уже выехали за рубеж, в предреволюционные же годы продуктивности данного суффикса еще не было (о слове *совдепия* см. ниже).

1.3. Лексикализация суффикса

Интересным фактом языковой практики эмигрантов является вычленение форманта *-онер* как отдельного, автономного слова. Эта лексикализация мотивирована факторами двоякого рода:

а) нелингвистическими: социальными сдвигами и потрясениями в русской (российской, советской) политической истории 20 века;

б) лингвистическими: увеличением числа дериватов на *-(он)ер* при обозначении, прежде всего, политических референтов в переломные времена.

В эмигрантской монархической газете "Сигнал" нам встретился интересный случай лексикализации суффикса *-онер*:

Русская пословица гласит: "Гром не грянет – мужик не перекрестится". По-видимому, демократиям необходимо, чтобы грянула социальная революция со всеми "онерами" и только тогда они одумаются и начнут чесать демократические затылки. (Сигнал. 1939. 15 мая. № 55)

Механизм лексикализации частотных, повторяемых суффиксов был освоен русским языковым сознанием еще в начале 19 в.: «морфема становится легко вычленимой, прямым носителем не только абстрактного, аналитически познаваемого, грамматического значения, но и более конкретного, "лексического"» [Сорокин 1965: 256]. Так, возможность присоединения суффиксов *-изм*, *-ист* к русским основам высвободила их из структурных "объятий" иноязычного слова и превратила в окказиональные слова русского языка: "Этих *измов* всех откуда ты набрался" (Шаховский. Пустодомы); «А газетёры, журналисты, фёльетонисты, романисты, нувеллисты, водевилисты и другие «*исты*»?» (Белинский) [Сорокин 1965: 257 (здесь же другие примеры)]. Эта лексикализованная форма вошла в журналистско-профессиональный жаргон на правах самостоятельной лексемы; она использовалась и в 20 в. (в частности, В.И. Лениным, М.А. Рыбниковой) [Лехикойнен 1990: 184, 224]. Нам не встретилось в эмигрантской прессе упоминаний лексикализованной морфемы *-измы*, *-исты*, однако наличие лексикализованного суффикса *-онер* у эмигрантов показы-

вает, что они тонко чувствовали референциальные, структурно-семантические нюансы дериватов. Лексикализованная форма *онер* – один из примеров окказионального словообразования и фактов языковой игры у эмигрантов, точно подметивших закономерность соответствия между двумя реальностями: внеязыковой и языковой. Очевидно, частотность и повторяемость слов на *-онер* в революционную эпоху способствовали процессу кристаллизации в данном форманте отвлеченного, обобщенного значения ”лицо (по политической, идеологической, общественной позиции)”, причем важным мотивирующим семантическим фактором является наличие в коннотативной структуре окказионализма *онер* смыслового фона – ”чрезмерная страстность, фанатичность”.

1.4. Конструктивное словообразование

1.4.1. Суффикс *-ость*

Существительные на *-ость* относят к конструктивному словообразованию на том основании, что в отношениях между производящим и производным словами лексическое значение сохраняется, но происходят: а) морфологическое преобразование слова в существительное женского рода и б) изменение синтаксической функции производного. Именно поэтому другой термин для номинации данного словообразовательного процесса – синтаксическая деривация. Активность в образовании дериватов на *-ость* была характерна в предшествующий период. В частности, в середине 19 в.: ”среди имен существительных по особенно большому числу новообразований .. прежде всего выделяется разряд существительных женского рода с суфф. *-ость*”, причем ”по темпам роста в течение всего 19 в. разряд существительных на *-ость* занимает безусловно первое место” [Сорокин 1965: 188]. Это связано не в последнюю очередь с довольно поздней активизацией суффикса *-ость*, примерно с конца 17 в.; в этом усматривают и юго-западное воздействие [Лексические новообразования 1975: 11].

Со второй половины 19 в. значительно возросло количество иноязычных основ, свободно вступающих в словообразовательные связи с русским суффиксом *-ость*. С ним стали легко сочетаться и иноязычные основы, составив конкуренцию иноязычному суффиксу *-изм*: *абсолютность, абстрактность, индивидуальность, адекватность, идеальность, капризность, индустриальность, карикатурность, утилитарность* и др. [Сорокин 1965: 194]. Конкуренция суффиксов *-изм* и *-ость* стала преодолеваться их семантическим размежеванием: суффикс *-изм* приобретал специализацию для производства обозначений научных систем, методов, суффикс *-ость* – служил для выражения категории отвлеченности, качественности.

Словообразовательный ландшафт слов на *-ость* во второй половине 19 в. представляет пеструю мозаику, в которой дериваты ”принципиально возможны от любого прилагательного или причастия, употребительного в качественном значении, – собственно русского или заимствованного, книжного или просторечного, исконно качественных или получающих качественный смысл в особых контекстуальных и фразеологических условиях” [Сорокин 1965: 196].

Самой яркой особенностью деривации слов на *-ость* в эмигрантском дискурсе представляют имена существительные, образованные от прилагательных с суффиксом *-ск-*: *имперскость, российскость, русскость, младоросскость, антисоветскость*.

Борьба за русский язык, за ”*русскость*” – самое характерное явление в общественно-политической жизни того края, который один в целом мире сохранил название Руси, с присоединением географического прилагательного ”Подкарпатская”. (Возрождение. 1937.20 нояб. № 4107)

... сочетание *младоросскости*, монархичности и иерархической дисциплированности характеризуют [sic] младоросса. (Младоросская искра. 1933. 5 янв. № 26)

Государственная власть грядущей России должна стать выражением имперских идеалов, когда все народы, ее составляющие, должны рассматриваться [sic] как дети общей матери-России, одинаково покрывающей их общей для всех крышей отчего дома – Государства Российского. Поэтому *имперскость* понятия общегосударственной *российскости* для нас выше, значительнее и важнее племенного понятия простой *русскости*. (Сигнал. 1939. 1 апр. № 52)

Напряжение ”*антисоветскости*” [в Советской России] в разных пропорциях. [...] Определять, какие именно группы более антисоветски настроены – нелегко. Но можно принять за аксиому – чем ближе к земле и к провинции, – тем сильнее антисоветские настроения. (Сигнал. 1938. 1 сент. № 38)

Важная и примечательная деталь: номинации на *-скость* появляются у эмигрантов не ранее середине 30-х годов, в среде людей среднего или даже молодого возраста, пересматривающих доктрины своих «отцов» и смотрящих на Россию новыми глазами. Всё это наталкивает на мысль, что распыленное облако коннотативных признаков, обволакивающих ключевые общественно-политические понятия (*монархия, русский, Россия, Советы, младоросская идеология* и др.), в эмигрантском дискурсе 30-е годы стало «сгущаться» и в конечном итоге трансформировалось в семантически оформленные номинализации-существительные (сложившихся на базе отстоявшихся коннотаций). Социально-идеологическая практика, потребности номинации абстрагированных референтов послужили отправной точкой привлечения уже существующей языковой модели на *-ость* и ее активизации в эмигрантском интеллектуально-книжном языке.

В чем же особенность таких образований? В [Лексические новообразования 1975] отмечается только три слова, оканчивающихся на *-скость* (то есть

образованных от относительных прилагательных): *людскость*, *зверскость*, *нетряскость*. Первое из них – явное заимствование из польского *ludzkość*¹ «человечество; человечность, гуманность», второе же и третье, очевидно, собственно русские. *Нетряскость*, по-видимому, являлась авторским окказионализмом (встречается только в путевых заметках Зуева), созданным в русле и в потоке сотен модельных слов на *-ость* в языке 18 в. *Людскость* использовалась даже в языке 19 века (правда, можно говорить об особом стилистическом использовании слова – передать колорит эпохи). Ср.:

Ив.[ан] Ив.[анович] Шувалов умел не запятнать себя ни корыстолюбием, ни мелким честолюбием, внес в свои отношения к другим эту *людскость*, или "благородное учтивство", как выражались современники, следствие сознания человеческого достоинства в себе самом и в других; современники говорят, что к нему подходили с какою-то радостью. (С. Соловьев. Учебная книга по русской истории)

Петр стремился исправить и частное общежитие, ввести *людскость*, смягчить грубые древние нравы, а это смягчение повело к распущенности и положило начало крайней порче нравов. (Ключевский. Курс русской истории)

В дериватах *людскость* и *зверскость* словообразовательная семантика иная, чем в производном *нетряскость*. В слове *нетряскость* присоединение суффикса *-ость* ничего не прибавляет к значению мотивирующего слова *нетряский*, иными словами, это значение транспозиционного типа. Дериваты *людскость*, *зверскость* образуются не от прямых, а от метафорических (окачественных) значений относительных прилагательных *людский*, *зверский*, словообразовательные отношения уже не укладываются в рамки транспозиционного словообразования, а относятся, следовательно, к мутационному типу. Это хорошо иллюстрируют материалы Словаря Даля².

Людскость позднее вышла из употребления, будучи редкой даже в поэзии: напр., встречается у Н. Языкова: "И при громе восклицаний // В честь увенчанных имен, // Сбереженных без прозваний Умной *людскостью* времен" ("Им", 1831). В Сл. Даля лексема *людский* дана в дефинитивной части заимствованного слова *гуманный* – "человеческий, человечный, людский" [Даль 1956 Т. 1: 408].

Однако мутационное значение суффикса *-ость* при сочетании с относительными прилагательными на *-ск(ий)*, включаемых в группу социально-общественных или психолого-ментальных референтов, еще не было осознано, отрефлектировано в русском языковом сознании середины 19 в. Во второй

¹ Встречается в западнорусской письменности уже в 17 веке, например у Ивана Ужевича в стихотворении «Зблизка и здалека»: Кто зась Голуба до́бре уважае́ть, *Людскость* и щирость ла́тво имь признае́ть. [Яскевіч 1996: 264].

² «Людкость, *людскость* ж. свойство, состояние людского; доброе, кроткое, радушное расположение; человечность, гуманность; приличие, пристойность во внешности, по навыку в хорошем обществе» [Даль 1956 Т. 2: 284]; «Зверовидность, звероличность, зверообразность, звероподобность ж. зверообразие, звероподобие ср. состояние зверовидного, зверского; *зверскость*, зверство» [Даль 1956 Т. 1: 674].

половине 19 в. вошло в узуальное употребление слово *светскость*¹, и в последней трети или конце 19 в. появился еще один дериват – *детскость*. Ср.: ”знание *светскости*” (Достоевский. Белые ночи), ”(он) употреблял оригинальность как средство, заменяющее в иных случаях *светскость* или богатство” (Л. Толстой. Детство); ”блистал он *светскостью* манер” (Некрасов); ”все прикрыто было в нем *светскостью* и искусством владеть собой” (Гончаров. Обыкновенная история); ”провинциальная игра в *светскость*” (Куприн. Поединок).

Словообразовательная мотивировка *светскость* < *светский*, *детскость* < *детский* возможна на базе коннотативных элементов: *светскость* – ”присущий, принятый, распространенный (в светском обществе)”, *детскость* – ”присущий, свойственный детям”.

Эту светлую и смешную *детскость* я видел у самых опустившихся, самых старых девок.. (Куприн. Яма)

Эти дериваты представляют не модификационный тип деривации, но знаменуют сложение новой семантико-словообразовательной модели (мутационного типа). Эта модель, по всей видимости, замыкалась в рамках литературного дискурса, но оказывалась не востребовавшей в языке публицистики. Так, Ю.С. Сорокин упоминает только один дериват на *-скость* (*детскость*²), в монографии [Очерки 1964а: 106] упоминается 4 слова на *-скость* (*людскость*, *зверскость*, *детскость*, *светскость*), авторы [Лексика 1981] не фиксируют ни одного случая словообразования существительных от прилагательных с суффиксом *-ск-*. При описании словообразовательных моделей имен существительных В.В. Виноградов тоже не упоминает типа на *-скость*. Не отмечают этого класса существительных авторы [ГРЯ-52]. В «Обратном словаре русского языка» (под ред. А.А. Зализняка) содержится три слова на *-скость*: *людскость*, *светскость*, *старосветскость* [Зализняк 1974]. В начале 80-х годов 20 в. в русском языке отмечаются первые случаи создания дериватов на *-скость*, фиксируемые в словарях новых слов и значений, напр., *свойскость*. Е.А. Земская, характеризуя деривационные процессы 80-х годов, замечает, что такие образования необычны в русском языке, так как мотивирующие прилагательные на *-ск(ий)* ”всегда противостояли сочетаемости с суф. *-ость*” [Земская 1992: 63]. В более ранней работе, анализирующей разговорную речь, Е.А. Земская не приводит примеров на *-скость* [Земская 1987: 121]. Судьба таких дериватов в первой половине 80-х годов 20 в. была неясна самим лингвистам: никто не мог предсказать, что буквально через несколько лет эта модель будет столь востребована обществом и языковой практикой для номинации новых референтов.

¹ Любопытно, что в словаре языка Пушкина есть слово *светский* (*светской*), но нет *светскость*. Впервые оно (как потенциальное образование) фиксируется в Сл. Акад. 1847, который очень охотно отражал на своих страницах модельные, но не узуальные дериваты. Ориентированный на узуал Сл. Даля в гнезде слова *светский* не приводит субстантивного деривата *светскость*.

² [Сорокин 1965: 191].

С конца 80-х годов 20 века в связи с бурными изменениями, происходящими в русском языке, начинается "вулканический" (в буквальном смысле) вброс дериватов на *-скость* в русский язык, входящих в группу общественно-политических референтов (по преимуществу). Существительные с суффиксом *-ость* от относительных прилагательных с суффиксом *-ск-* широко образуются от прилагательных с суффиксом *-ск-*, связанных с обозначением:

1. национальноэтнических и психическо-ментальных черт (*русскость, украинскость, белорусскость, французскость, немецкость, английскость, польскость, американскость*; ряд модельных образований открыт¹),
2. характеристик социальных институтов (*советскость, совковость, имперскость* и др.),
3. возрастных особенностей (*юношескость*),
4. психоментальных особенностей личности (*творческость*² как русский эквивалент термина *креативность*, англ. *creativity*).

Активизация этого типа дериватов очевидна в современном русском языковом пространстве и отмечается как один из актуальных словообразовательных процессов уже в учебных пособиях: "суффикс *-ость*, свойственный абстрактным именам, применяется при создании отвлеченных имен существительных от корней, прежде не допускавших подобные образования: *русскость, советскость, детскость*" [Валгина 2001: 137]. Образование дериватов на *-ость* от прилагательных на *-ский* происходит по мутационному типу на базе не прямого, а "окачественного" (и служащего мотивирующей семантической основой) значения исходного прилагательного.

Эмигрантская пресса использовала этот словообразовательный механизм (отадъективные производные на *-скость*, выражающие общественно-политические понятия), сложившийся в русской словообразовательной системе еще в 19 в., но использовавшийся ограниченно для создания окказионализмов, намного раньше советского (постсоветского) дискурса – уже в 30-е годы 20 в. В русском советском языке в 20-30-е годы 20 в. ведущей семантической сферой, где использовались дериваты на *-ость*, становится производственно-техническая; напротив, эмигрантская публицистика в меньшей степени сосредоточена на словопроизводстве "профессионально-технических" производных, преимущественно же – на обозначении социально-политических референтов. Имена существительные на *-скость*, семантически мотивированные коннотативными (вторичными) элементами значения соответствующих производящих прилагательных, находились в одном мощном словообразовательном потоке с иными дериватами, концептуально важными для эмигрантского

¹ См. также: [Ryazanova-Clarke & Wade 1999: 211], где приводится только два деривата: *украинскость, русскость*.

² Благодарю Е.Ю. Протасову за этот пример.

интеллектуального дискурса: *монархичность, соборность*¹, *почвенность, унитарность, великодержавность, многоплеменность* и под.

Эти два основных признака суть: во-первых, – признак *монархичности*; во-вторых, – признак *младоросскости*. (Младоросская искра. 1933. 5 янв. № 26)

Фашизм силен своей интеграцией, своей синтетичностью, – скажем по-русски, – своей *соборностью*. (Младоросская искра. 1933. 5 янв. №26)

Другой, не менее характерной чертой современной политической организации является .. стремление к *унитарности*, то есть к единственности в рамках и масштабах целой нации. (Младоросская искра. 1933. 15 авг. № 32)

Приток эмигрантов и беженцев из России способствовал оживлению русской культурной и общественной жизни в Манчжурии-Го, не нарушая той *почвенности*, которая выгодно отличала ее от чисто эмигрантского существования русских в Европе. (Младоросская искра. 1933. 10 июля. № 31)

... *великодержавность* великодержавности рознь.. (Младоросская искра. 1933. 25 февр. № 36)

Многоплеменность России предопределила и *многоплеменность* эмиграции.. (Сигнал. 1939. 1 апр. № 52)

Группа производных на *-ость* в эмигрантской прессе хорошо иллюстрирует действие словообразовательного принципа регулярности, т.е. повторяемости производных слов, относящихся к данной деривационной модели [Шанский 1968: 3, 21; Кубрякова 1972: 382]. Семантика словообразовательной модели ”выражение отвлеченного признака, мотивированного коннотативными элементами семантики базовых слов” для обозначения общественно-политических понятий активизирует, с одной стороны, создание дериватов на *-ность* (от прилагательных на *-ный*), с другой – дериватов на *-скость* (от прилагательных на *-ский*). О силе регулярности модели в эмигрантском дискурсе может свидетельствовать и дериват *антисоветскость*, образованный сразу от прилагательного *антисоветский*. В эмигрантском языке нам не удалось зафиксировать предполагаемого исходного существительного **советскость*, вместо него эмигранты использовали производное *советчина* (суффикс *-чина* в собирательно-характеризующем значении), образованное по регулярной модели: *неметчина, гетманицина, врангелевщина, деникинщина* и под.). Давление модели на *-скость* вызвало появление деривата *антисоветскость*, минуя промежуточное и гипотетически восстанавливаемое звено (**советскость*).

Случай с дериватами на *-скость* в сфере публицистики у эмигрантов и в языке метрополии – одна из иллюстраций пронизательного наблюдения Г.О.Винокура, относящегося еще к 1940-м годам: «В каждом языке, наряду с употребляющимися в повседневной практике словами, существуют, кроме того, своего рода ”потенциальные слова”, т.е. слова, которых фактически нет,

¹ Прилагательное *соборный*, появившееся в произведениях славянофила А.С. Хомякова, в начале 20 в. получает новую интерпретацию; тогда же формируется и дериват со значением отвлеченного признака *соборность* [Лексика 1981: 261].

но которые могли бы быть, если бы того захотела историческая случайность» [Винокур 1991: 327]. Историческая случайность ”захотела” производства дериватов на *-скость* в эмигрантском дискурсе уже в 30-е годы 20 в., опередив советский дискурс на полвека, в котором ”историческая случайность” оказалась востребованной только в 80-е годы.

1.4.2. Суффиксы *-ение, -ание, -к(а)*

Существительные, образованные от глаголов, составляют в изучаемом материале значительную группу среди всех отвлеченных имен действия (*nomina actionis*). В русском языке постоянно происходит процесс, при котором отглагольные существительные, лишаясь своих ярких глагольных свойств, приобретают более конкретные значения. Стремление отглагольных существительных обособиться от ”отягощающего их значения глагольности” [Винокур 1928: 83] и тем самым приобрести значение результативности было свойственным уже для древнерусского языка. В 18 веке произошел словообразовательный взрыв отглагольных существительных с абстрактным значением на *-ние, -ение, -ание, -тие*, что было вызвано не в последнюю очередь следующими грамматическими факторами: 1. активизацией со второй половины 17 века образования глаголов на *-ыва/-ива*; 2. развитием глагольной категории вида в 18 веке [Лексические новообразования 1975: 115]. Характеризуя трансформацию словообразовательных связей в русском языке 18 – начала 20 веков, Е.А. Земская замечает: ”В русском литературном языке конца 18 – начала 19 в. имена действия с суффиксами *-ние, -ение, -тие* были более глагольны, чем во второй половине 19 – нач. 20 в.” [Очерки 1964а: 88]. Центральным, ведущим в области отглагольных существительных процессом на протяжении всего 19 века можно считать ”тенденцию к снижению степени их глагольности” [Очерки 1964а: 89; Булаховский 1954: 116].

Существительные на *-ение, -ание, -тие* характерны для всех стилей русского языка, хотя преимущественным остается все-таки книжный стиль. Производство дериватов на *-ение* в конце 19 – начале 20 вв. – более продуктивный процесс, чем деривация на *-ание, -тие*. В эмиграции суффикс *-ение*, как и следовало ожидать, служил для образования (преимущественно) лексем книжного стиля, что объясняется спецификой публицистики, тяготеющей к отвлеченности и созданию обобщенности; такие производные составляют более 90% всех дериватов. Очень часто дериваты на *-ение* представляют модельные образования, или ”свернутые пропозиции”. Ср. несколько примеров отглагольных существительных на *-ение*¹ в нашем корпусе: *вершение* (вершение судеб), *возглавление* (возглавление русского отдела в Париже), *воцарение* (воцарение большевиков), *дуновение* (святое дуновение корниловского движения), *заготовление* (экспедиция заготовления государственных бумаг), *низвержение* (подготовка низвержения правительства), *одоление* (полное одоле-

¹ Мы приводим здесь иллюстративный материал либо как речения, либо сами цитаты.

ние большевизма), *опозорение* (опозорение старых большевиков), *оставление* (оставление позиций на Мурмане), *перевезение* (перевезение останков герцогини), *удаление* (удаление румынских войск из Венгрии, требования удаления венгерского посланника), *угнетение* (угнетение Великороссии), *вразумление* («[К И. Кронштадскому] тысячами притекали все страждущие, скорбящие и жаждущие совета, указания и *вразумления*». Рус. голос. 1939. 16 апр. № 419), *ниспровержение* («Сами "левые" пострадали от *ниспровержения* Его Трона». Младоросская искра. 1932. 12 июля. № 20), *заигрывание* (заигрывание с палачами России), *заламывание* («Лиза, незадолго до того освобожденная из "чека", снова арестовывается, прямо на улице, с заламыванием рук назад, мордобитием и другими прелестями чекистского обращения». Анархич. вестник. 1923. № 1), *запаздывание* (советские газеты поступают с громадным запаздыванием), *изживание* (мирное изживание конфликтов), *исписывание* («Любимая забава [комсомольцев] – исписывание рисунками и изречениями похабного содержания заборов и стен». Голос. России. 1932. июль. № 12), *присваивание* (присваивание программы Троцкого), *убивание* (вынужденное убивание своей индивидуальности) и мн. др.

На этом фоне яркими стилистическими маркерами, придающими публицистическому тексту, динамичность являются немногочисленные, образованные от сниженных глаголов, производные: *заушение*, *морочение*, *толчение*, *шевеление*, *одурение*, *озверение*¹, *обалдение*, *задичание*², *ничегонеделание*, *одичание*, *обивание*, *подзуживание*, *подсиживание*, *подслушивание*, *поедание*, *продергивание*, *промотание*, *шатание*, *стучание*:

Мужика или бабу вызывают в комячейку и заставляют следить за определенными лицами – в Амурской области это называется – "стучать". "Стучание" обыкновенно продолжается два месяца. (Возрождение. 1927. 5 окт. № 855)

Работа сего посланника [Флоринского] ограничивалась *шатанием* по Парижу и его злачным заманчивым уголкам.. (Дни. 1926. 16 нояб. № 1160)

В рубрике причин разстрела [sic; в циркуляре Троцкого] указаны: попытка перехода к врагу, анти-коммунистическая [sic] пропаганда, пьянство, *промотание* казенного имущества, самовольная отлучка и т.д. (Голос Родины. 1919. 13 мая. № 263)

Спрашивается, почему все эти "послы" так безразлично отнеслись к отвратительному *заушению* их родины? (Рус. голос. 1939. 1-14 янв. № 406)

Морочение голов продолжается как ни в чем не бывало. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

¹ Очевидно, фраза *одичание* и *озверение* представляла лексический бином, характерный для литературы 19 века. Ср., напр. у Л. Толстого: "Если бы кто сомневался в этом страшном *одурении* и *озверении*, до которого дошло в наше время христианское человечество" (В чем моя вера?); "... совершилось то, что мы знаем: погибель сотен тысяч невинных людей и *озверение* и *одурение* миллионов" (Христианство и патриотизм).

² В Сл. Даля: Задичать, сделаться диким; о человеке, лишиться образования, или отвыкнуть от людей. В СУ отсутствует.

Толчение воды в ступе [название статьи] (Руль. 1920. 1 дек. № 13)

Малейшее антисталинское *шевеление* в Кр.[асной] Армии – и вновь потоки крови и вновь сталинская расправа... (Рус. голос. 1939. 12 марта. № 414)

Обилие отглагольных модельных образований на *-ение*, *-ание* в конце 18 – первой половине 19 века Ю.С. Сорокин оценивал так: "Такие образования, конечно, не были совершенной новостью; они имели место и в литературном языке предшествующего времени... И тем не менее, расширение возможностей такого рода образований можно считать одной из характерных тенденций нового литературного употребления, отражающих характерные стилистические устремления художественно-публицистической речи, особенно сильные в стилях демократической русской литературы и публицистики с 60-х годов. Практически действительно от любого глагола разговорно-просторечного характера, в частности выступающего во фразеологически связанном, переносном значении, возможно было окказиональное образование такого существительного" [Сорокин 1965: 211]. Итак, разговорные дериваты на *-ение*, *-ание* – продолжение предшествующей традиции, заключающейся в демократизации газетно-публицистического стиля.

Изредка отглагольные существительные образуют дублетные словообразовательные варианты, в которых сохраняются следы глагольной аспектуальности: *опубликование* (предложения об опубликовании в официальном правительственном органе имен лиц) – *публикование* (ожидается опубликование распоряжения префекта) – *распубликование* (распубликование речи Эррио). Равноправное сосуществование данных отглагольных дериватов в эмигрантском узусе свидетельствует об отсутствии семантических или намечающихся стилистических подвижек; в языке 19 в. и в первые десятилетия 20 в. исходные глаголы были в широком ходу в публицистическом стиле.

С конца 19 в. в русском языке активизируется иноязычный суффикс *-изация*, который имел то же значение, что и *-ание*, в результате чего суффиксы вступили в конкурентные отношения. Синонимическая дублетность их сохраняется часто и в современном русском языке, но все-таки тенденция такова: суффикс *-изация* менее "глаголен", чем суффикс *-ание* [Сорокин 1965: 213]. В эмигрантской прессе синонимия (дублетность) иноязычного и русского суффиксов является обычным явлением; ср. пары:

интернационализирование = *интернационализация*:

- (1) ... наряду с чисто русскими коммунами существовали коммуны китайские, корейские, немецкие, еврейские, причем только последние как будто проявляли тенденции к *интернационализированию*.. (Голос России. 1931. 1 окт. № 3)
- (2) "*Интернационализация*" еврейской фабрики [название заметки] (Руль. 1930. 2 янв. № 2767)

демократизирование = *демократизация*:

- (1) До сих пор мы далеки .. от *демократизирования* всего мира. (Воля России. 1920. 16 сент. № 4)
- (2) ... вместо политической социальной *демократизации* всего мира. (Воля России. 1920. 16 сент № 4)

эксплуатирование = *эксплуатация*:

- (1) ... обратить внимание международного пролетариата на наше положение, на неслыханное еще до революционного времени *эксплуатирования* нашего труда. (Дни. 1925. 31 янв. № 679)
- (2) ... а между тем, констатирует суворинская газета, "за победным войском [Врангеля] идут тучи черные паразитизма, *эксплуатации*, беспечного житья.." (Воля России. 1920. 14 сент № 2)

Интересным случаем, демонстрирующим роль семантики при образовании девербативов, является газетный эмигрантский окказионализм *параличивание*, который произведен непосредственно от существительного *паралич*, минуя стадию потенциального глагола *параличивать. В русском языке в 19 в. был в ходу глагол *парализировать*¹, который затем вышел из употребления с заменой глаголом *парализовать*². В начале 20 в. возникло производное *парализация*. Чем объяснить возникновение окказионального деривата *параличивание*, ведь семантика обоих отглагольных существительных на первый взгляд идентична? Возможно, его появление объясняется несколькими факторами как грамматического, так и лексического характера:

1. словообразовательная структура *паралич* > *парализировать* (*парализовать*) > *парализация* была более затемненной, осложненной морфонологическими процессами (наложение, усечение), чем прозрачная и ясная словообразовательная цепочка: *паралич* > [*параличивать*] > *параличивание*;
2. в производном *параличивание* (от **параличивать*³, несов. вид) процессуальность протекания признака ощущается сильнее, чем в слове *парализация* (от двувидового глагола *парализовать*) с результативным значением;
3. слово *парализация* относилось к терминологической (медицинской) лексике и было закреплено за определенным (медицинским) референтом, а отглагольное существительное *параличивание* номинировало семантику процесса обобщенно и, тем самым, более соответствовало публицистическому стилю;

¹ Отмечен в Сл. Даля, но Даль не дает *парализовать*.

² В СУ только *парализовать*, но нет *парализировать*.

³ В русских говорах в 30-е годы 20 в. в Калининской области был зафиксирован глагол *параличить* [СРНГ 1990. Вып. 25: 217], однако едва ли есть повод усматривать влияние этого диалектного глагола на появление окказионализма *параличивать* у эмигрантов; видовая пара *параличить* – *параличивать* является в данном случае ложной. Очевидно, глагол *параличивать* – факт эмигрантской речи.

4. иноязычный корень слова в русском языковом сознании настолько обрусел, что уже воспринимался "русским" и мог образовать инфинитив на *-ить*, а не *-овать* (как это обычно происходит с иноязычными основами). Ср.:

Как общее правило, каждый советский гражданин, а тем более комсомолец, завален "общественной" работой, так что для себя совершенно не остается времени, что и рассчитано на *парализование* мышления., которое подается под названием марксизма и ленинизма. (Голос России. 1932. июль. № 12)

Итак, на основе приведенных примеров можно предположить, что в эмигрантском узусе вариативность русского и иноязычного суффиксов (*-ание* и *-изация*) сохранялась, семантико-грамматическое расподобление между ними затруднялось общей принадлежностью форм сфере книжной лексики.

Уже со второй половины 19 в. конкурентом девербативов на *-ие* становятся производные на *-ка* (со значением действия, результата этого действия и орудия действия); основным поставщиком таких образований служила разговорная и профессиональная речь [Виноградов 1986: 123]. В литературном языке закреплялись производные на *-ка* либо как коллоквиализмы, либо профессионализмы (от русских и иноязычных основ) [Сорокин 1965: 219]. В конце 19 – первое десятилетие 20 в. в русский язык вошли: *баллотировка, детализировка, трактовка, трансплантировка, тренировка* (дериваты от иноязычных основ), *установка, разрядка* (от русских основ), *уножка, отбочка* (заимствования из чешского языка в спортивной терминологии сокольской гимнастики) [Лексика 1981]. Итак, явно доминировали производные, образованные от иностранных слов. А.М. Селищев приводит только несколько отглагольных существительных на *-ка* первых послереволюционных лет: *зачитка, побудка, переподготовка* [Селищев 1928: 174]; все они образованы от русских основ. Какие же типы девербативов на *-ка* встречаются в эмигрантской прессе?

Прежде всего, обращает на себя внимание, что среди образований на *-ка* преобладают такие слова, которые уже лексикализировались в русском языке, то есть стали самостоятельными, автономными лексемами словаря. Такие дериваты могут использоваться либо как отглагольные существительные для обозначения процесса, либо как предметные имена: *постановка, указка, чистка, схватка, смычка, ссылка, сборка, передышка, проработка, отставка, голодовка, закройка, проделка* (от русских основ), *дрессировка, баллотировка, бомбардировка, вербовка, нивелировка* (от иноязычных основ). Многие из этих производных были чрезвычайно активны в советском дискурсе, входя в состав ключевых концептов новой идеологии (чистка, схватка, передышка, проработка, смычка).

Интересным случаем является окказионализм *брижка* (< брить); ср. литературное *бритьё*. Это гибридное образование – результат влияния профессионализмов (*стрижка* < *стричь*, *утюжка* < *утюжить*, *глажка* < *гладить* и др.), однако от глагола *брить* невозможно образовать нормативный дериват **брижка* вследствие незаконности в русском языке морфонологического чередования т/ж. Однако окказионализм *брижка*, созданный по модели деривации профессионализмов, преследует в тексте очевидную игровую цель. Ср.:

... на [XII]съезде [РКП] были продемонстрированы диаграммы понижения и повышения цен, известные под названием "ножниц" – как говорят в рабочих и крестьянских массах – для *стрижки* и *брижки* народа. (Анархич. вестник. 1923. № 5-6)

Ср. другие нормативные профессионально-речевые номинации в эмигрантской прессе:

Прикоенную жилетку сшить на машине – полчаса. [...] Считая на *закройку*, *сборку* и *утюжку* еще два, два с половиной часа – вся работа, значит, будет готова в три часа. (Руль. 1930. 1 янв. № 2766)

Итак, компрессивное словообразование имен существительных с суффиксами *-ение*, *-ание*, *-ка* в эмигрантской прессе следует моделям, сложившимся в русском языке еще в предреволюционную эпоху.

1.5. Суффиксация имен прилагательных

1.5.1. Суффикс *-н-*

Суффикс *-н-* уже с древнейшей эпохи имел более широкие словообразовательные связи, чем, например, суффиксы *-ов(ый)/-ев(ый)* или *-ск(ий)*. Ограничения при образовании имен прилагательных, мотивированных существительными, касались следующих сторон: а) семантической – практически полное отсутствие производных от одушевленных существительных; б) морфологической – обусловленные падением редуцированных скопления согласных в исходе производящей основы существительного [Очерки 1964а: 344]. Не в последнюю очередь популярность и продуктивность суффикса *-н-* в языке была вызвана механизмами синтаксической деривации: "с помощью суффикса *-н-* (и его разновидностей) переводятся в систему прилагательных сочетания имен существительных с разнообразными предлогами", а с 18-19 вв. возникла языковая необходимость образования прилагательных от иноязычных основ в процессе их русификации [Виноградов 1986: 190]. В середине 19 в. при производстве производных прилагательных суффикс *-н-* занимал доминирующее положение, причем именно в эту эпоху сложились словообразовательные "наращения" с исконным суффиксом *-н-* в связи с тем, что к иноязычной основе, уже осложненной суффиксом в языке-источнике, добавлялся русский суффикс, отсюда такие суффиксы "второго шага деривации", как *-альн(ый)*, *-арн(ый)/-ярн(ый)*, *-ивн(ый)/-тивн(ый)*, *-озн(ый)/-эзн(ый)*, *-орн(ый)/-ёрн(ый)* и др. [Виноградов 1986: 190-191; Сорокин 1965: 273]. Суффиксальная вариативность прилагательных в 19 в. служила маркером новизны данных слов в языке.

Наиболее яркой, характерной особенностью использования суффикса *-н-* в языке эмигрантских газет была деривация от иноязычных основ. Эта груп-

па производных очень частотна в эмигрантских газетах, поскольку образование относительных прилагательных посредством суффикса *-н-* среди прочих суффиксов осуществляется легче всего. Эти производные можно разбить на следующие тематические зоны:

а) социально-политическая, общественная сфера: *синдикальный, пропагандный, легитимный, великобританский, колониальный, аппаратный, арестный, газетный, сепаратный, унитарный*:

... Конфедерация Труда .. органически и духовно связана с тем самым Амстердамским *синдикальным* интернационалом. (Воля России. 1920. 18 сент. № 6)

Младороссы выдвигают идею *легитимной* монархии. (Младоросская искра. 1932. 12 июня. № 20)

... группа пассажиров в количестве 12 человек .. были под конвоем направлены в местный *арестный* дом. (Дни. 1925. 27 янв. № 675)

Партия пронизана аппаратом и равняется по *аппаратным* признакам. (Младоросская искра. 1932. 20 авг. № 21)

б) сфера досуга, спорта, занятости: *лот(т)ерейные билеты, детективный, отельный* (< отель; отмечено в СУ), *попугайный, реваншинный, танцевальный, теннисный, фейерверочные* (обещания), *фешенебельный, фротировочные материи* (от франц. *frottée* через нем. *Frotté(e)* "махровая ткань").

На курорте Корста, на Балтийском побережье, установлен случай заболевания *попугайной* болезнью. В начале декабря какой-то даме был прислан в подарок попугай, который 22 декабря издох. Спустя два дня эта дама заболела лихорадкой и воспалением легких. (Сегодня. 1930. 10 янв. № 10)

Вообще *отельная* индустрия – чуть ли не единственная, которая процветает в Австрии. (Сегодня. 1930. 11 янв. № 11)

в) экономическая сфера: *дивидендный рынок, преференциальные списки* (фр. *préférentiel* "льготный, предпочтительный"), *акцидентные работы* (нем. *Akzidenz* "извещения, бланки, рекламные проспекты"), *шомажный* (фр. *chômage* "безработица"):

... французский *шомажный* паек. (Единый фронт новой России. 1936. 19 янв. № 19)

г) религиозная, культовая сфера: *митрофорный, митрополитальный, атеистичный*:

... *митрофорным* протоиереем о.[тцом] Феодором Синькевичем было отслужено торжественное молебствие. (Младоросская искра. 1933. 15 авг. № 32)

Православное *Митрополитальное* Благотворительное О-во [sic], по примеру прошлых лет, устраивает большой духовный концерт. (Меч. 1937. 28 марта. № 12)

д) прочие: *планетарный, кабинетный, эпохальный*¹, *лапсердачный* (< лапсердак²), *ханукальный, экскурсиальный, камуфлетный*³:

... в России и по сие время без всякого сомнения существуют немладоросские монархисты. [...] Они не могут быть сгруппированы ни в каком, даже *камуфлетном*, даже инфраподпольном союзе или объединении. (Младоросская искра. 1933. 5 янв. № 26.)

[Еврей] повел итальянца в какой-то грязный, темный и с убийственными запахами дом, переполненный *лапсердачными* обитателями. (Сигнал. 1938. 1 сент. № 38)

Эмигрантский узус более активно, чем русский послереволюционный речевой узус, использовал суффикс *-альный* для производства имен прилагательных от иноязычных основ. Несомненно, оказала влияние контактная близость русского языка к тем языкам, из которых этот суффикс пришел в 18 веке и получил чрезвычайную активность в 19 в.: "Прилагательные на *-альн-* – самые многочисленные из прилагательных с иноязычными суффиксальными элементами, что объясняется, по-видимому, многочисленностью производящих основ, большой продуктивностью суффиксов *-al-*, *-alis* в тех языках, откуда производились заимствования" [Очерки 1964а: 356-366]. Если раньше взаимодействие русского и европейских языков, где встречается много слов с данным словообразующим формантом (в первую очередь, французский, английский) было дистантным, то русский эмигрантский язык оказался в непосредственной контактной позиции с языками, прежде территориально отдаленными, что и активизировало в эмигрантском узусе, в отличие от советского языка, эту модель русского словообразования. Отсюда такие производные, как: *митрополитальный*⁴, *экскурсиальный*⁵, *ханукальный*⁶.

Кроме того, эмигранты продолжали использовать дериваты с *-ный*, образованные от иноязычных основ в 19 – начале 20 в., в то время как русский язык метрополии уже отказался от них в пользу суффикса *-ск-*, в котором

¹ В СУ с пометой: *нов.[ое] книжн.[ое]*.

² Старинный долгополый сюртук у польских и галицийских евреев. В Сл. Даля и в СУ отсутствует.

³ Ср. в СУ: *Камуфлет*, -а, м. (фр. *camouflet*). 2. перен. Неожиданный удар, подвох (разг. фам. шутл.).

⁴ В [Очерки 1964а] оно не отмечено; в СУ дано: *митрополичий*, в БАС-1: *митрополитский*.

⁵ В СУ: *экскурсионный*; это первая фиксация относительного прилагательного *экскурсионный* (< *экскурсия*). Очевидно, что эмигранты при образовании прилагательного использовали старую словообразовательную модель на *-альный* (при образовании дериватов от иноязычных основ), но в то же время нельзя исключать и возможности влияния англ. *excursional*.

⁶ В иврите: ханука – праздник освящения. В русских словарях слово до сих пор не зафиксировано.

значение относительности преобладает: *пропагандный*¹, *паразитарный*², *атеистичный*³. Конечно, это связано с появлением в советском дискурсе новых словообразовательных мотивировок: *паразитизм* > *паразитический*, *пропагандист* > *пропагандистский*, в то время как эмигрантская публицистика пользовалась старыми дериватами со старой мотивировкой: *паразит* > *паразитарный*, *пропаганда* > *пропагандный*, *атеизм*, *атеист* > *атеистический*, *атеистичный*.

Таким образом, у исконного суффикса *-н-* в эмигрантском языке произошло его оживление: вновь оказалась востребованной его способность производства относительных прилагательных от иноязычных основ, что следует объяснять активным и непосредственным контактированием русского с европейскими языками.

1.5.2. Суффикс *-ов(ый)/-ев(ый)*

Суффикс *-ов* при образовании имен прилагательных в древнейшую пору сочетался только с именами существительными конкретного предметного значения, но с конца 18 – начала 19 в. суффикс расширяет свои деривационные связи: появляется возможность образовывать адъективы от имен существительных абстрактного значения. Как отмечается в [Лексика 1981], в русском языке конца 19 – начала 20 в. среди прилагательных на *-ов(ый)/-ев(ый)* происходили следующие языковые процессы: 1. появление адъективов со значением цвета было минимальным: *матовый*, *серизовый* ”вишневый”, *бежевый*; 2. семантическое переосмысление уже существующих дериватов в публицистическом языке: *амарантовый*, *багровый*, *бледно-розовый*, *розовый* для обозначения политических оттенков революционеров; 3. дериваты, образованные от технических понятий, единичны: *каучуковый*; 4. дериваты от политических референтов: *митинговый*. Таким образом, можно сказать, что прилагательные на *-ов(ый)/-ев(ый)* в языковом отношении вели вполне спокойную жизнь. Кажется, революционное время не вызвало языковых потрясений в функционировании данного форманта. Мазон не отмечает ни одного производного на *-ов(ый)/-ев(ый)*, Карцевский в качестве курьеза приводит прилагательное *мальчиковая (обувь)*⁴ (на одной из вывесок в период нэпа) [Карцевский 2000: 259 сноска 8]. Селищев также не фиксирует прилагательных, образованных по этой модели.

¹ В [Селищев 1928: 101], в СУ дано только *пропагандистский*, которого в эмигрантской прессе нам не встретилось.

² В СУ – только *паразитический*, впервые *паразитарный* (в медицинском значении) фиксируется в БАС-1.

³ В СУ только *атеистический*; у эмигрантов – оба варианта.

⁴ Этот пример, охарактеризованный Карцевским как курьез, в 50-60-е годы стал одним из терминов, когда прилагательные на *-ов(ый)* смогли сочетаться с основами уменьшительных существительных на *-ик*, *-чик*, *-ок*, *-ец* или со словами ограниченной семантической сферы, обозначающей мир детей [РЯСОС 1968: 107, 109].

В эмигрантской прессе суффикс суффикс *-ов(ый)/-ев(ый)* используется эмигрантами прежде всего для образования относительных прилагательных, мотивированных референтами из технической, производственной сферы: *фильмовый*¹, *банковский*, *световой*, *биржевой*, *наровый* (< нары).

... общедоступная лекция проф. Могилянского "Япония в связи в последним землетрясением" (с *световыми* картинами). (Огни. 1924. 21 янв. № 3)

[Сценарии фильмов] "Восстание Стеньки Разина" и "Жизнь еврея" были заказаны Горькому одной заграничной *фильмовой* компанией, которая их впоследствии так и не поставила. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

Фильмовое общество при МОПР'е закончило постановку картины "Микроб коммунизма", рисующей деятельность советской печати. (Дни. 1925. 7 февр. № 685)

... немецкое правительство дало всем государственным *банковым* учреждениям предписание не предоставлять никаких кредитов т.[ак] н.[называемому] Торгпреду, т.е. местной советской торговой делегации. (За свободу. 1925. 1 янв. № 1 (1405))

... кабинетные, *наровые* минеральные ванны [реклама] (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35)

В русском языке метрополии суффикс *-ов* стал широко использоваться при номинации технических понятий, терминов, а также специальных сфер, возрастных групп детей (*малышковый*, *подростковый*). Узко специальных, технических понятий, "детских" производных в наших материалах не отмечено. Очевидно, это связано с отсутствием номинативных потребностей, обусловленных денотативными лакунами.

1.5.3. Суффикс *-ск(ий)*

Производные прилагательные с суффиксом *-ск(ий)* активно образовывались в революционную эпоху, что было связано со значительным увеличением политических референтов: одушевленных имен существительных, обозначающих политическую позицию человека, принадлежность к той или иной партии, движению, этнической и иной группе, приверженность тем или иным идеям, идеалам и лидерам, а также неодушевленных нарицательных существительных, называющих различные реалии новой жизни. Какие же семантические группы прилагательных оказались в центре словопроизводства?

1. Прилагательные, образованные от антропонимов. В эту группу мы включили также дериваты "второго шага", с интерфиксами *-ов(ский)*, *-ин(ский)*: *суворинский*, *милюковский*, *сталинский*, *гитлеровский* (=хитлеровский), *колчаковский*, *ленинский*.

¹ В СУ нет.

2. Прилагательные, образованные от нарицательных существительных со значением лица, оканчивающихся на *-ист*, *-ник*, *-чик*, *-ец*, *-як*, чистую основу. Кроме такой мотивировки, в некоторых случаях возможна также мотивированность отвлеченными существительными на *-изм*, *-ство*. Сюда же относятся дериваты на *-ический/-истический*, которые заметно активизировались в русском языке со второй половины 19 в. [Очерки 1964а: 385-389; Сорокин 1965: 274-276]. Ср. производные в эмигрантской прессе, образованные от имен существительных, отсутствующих в советском дискурсе той поры: *советофильский*, *младоросский*, *сокольский*, *беженский*, *легитимистский*.

Менее *”советофильский”* ген.[ерал] Гайе был в 1930 г. сменен на посту командующего рейсхвером [немецкая армия. – А.З.] ген.[ералом] Ганнерштейном, горячим сторонником сближения с красной армией [sic]. (Голос России. 1931. 1 сент. № 2)

... *беженские* лагеря Турции и Египта. (Огни. 1924. 11 февр. № 6)

... участие в *сокольских* торжествах и выступлениях югославянского соколовства. (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173)

... общественное мнение не занималось *младоросским* движением. (Младоросская искра. 1932. 12 июля. № 20)

В эмигрантской прессе очень широко используются дериваты на *-ический*. Эти относительные прилагательные, будучи чрезвычайно активными в середине 19 в., могли приобретать и качественные значения, в связи с чем в русском языке появлялись конкурентные формы, специализированные на выражении именно качественных значений, а именно формы на *-ичный*. Отличие данных формантов в семантическом отношении в том, что суффикс *-ичный* ”служит для более наглядного выражения тех качественных значений, которые развиваются в прилагательных на *-ический*”, в морфолого-словообразовательном – ”для образования от слов с суффиксом *-ический* соотносительных кратких форм и степеней сравнения” [Виноградов 1986: 183; также: Очерки 1964а: 392-396; Рогожникова 1966: 136-139]. Ю.С. Сорокин указывал, что ”практически все прилагательные на *-ический*, где возможны качественные значения, имеют параллельные образования на *-ичный*” [Сорокин 1965: 275]. Однако это теоретическое положение в реальной речевой практике оказывается не столь безусловным, по крайней мере в исследуемом материале. Так, ”параллельные” к адъективам на *-ический* прилагательные на *-ичный* единичны: *демократичный*, *патриотичный*, *фанатичный*, *циничный*. Качественность значения, сообщаемого именам прилагательным суффиксом *-н-*, легко выявляется в контексте: чаще всего адъективы употреблены в краткой форме или в превосходной степени, что свидетельствует о семантике градуируемости признака.

Сила словообразовательной модели на *-ический* при образовании прилагательных (как от иноязычных основ, так и от русских) была сильна в эмигрантском языке, свидетельством чего в газетных материалах служат оккази-

онализмы с данным суффиксом: *хунхузнический* (< хунхуз¹, хунхузничество), *интеллигентеский* (< интеллигент, интеллигенция) и даже окказионализм *свободнический* – в анархической газете. Суффиксальное оформление этих производных отличалось от русского языка метрополии: *хунхузский* (в СУ), *интеллигентеский* – нигде не зафиксировано. Вообще активность производных на *-ический* характерна именно для ”левой” и ”ультралевой” прессы. В принципе, в русском нормативном словообразовании невозможно создать производный адъектив на *-ический* от производящего слова *свобода* или прилагательного *свободный*, однако попытка анархистов перевести референт *свобода* на более высокий (в рамках их идеологической/идейной концепции) семантический и прагматический уровень для передачи смысла *”свободность”, *”свободничество”, приводит к появлению относительного прилагательного с интенсивной характеризующей интенцией: *свободнический* = ”страстно стремящийся к свободе; пронизанный духом, философией свободы”.

В записях устной речи эмигрантов первой волны в Тамперском корпусе также содержатся лексемы, образованные от иноязычных основ при помощи суффикса *-ический*:

<X> конечно мы жили в... в... мы жили в *интуристическом* /

<Л> да да //

<X> в *интуристической* гостинице (пленка 48с: 17)

<А> там царские покои // это во время Ленина уже / тогда / закрыто / и / туда не входили их не открывали // я не стану говорить почему? это / *пропагандическая* вещь конечно / (пленка 43а: 6)

Таким образом, как в устной, так и письменной практике эмигрантов суффикс суффикс *-ическ* служил для образования прилагательных, образованных от иноязычных основ.

Рассмотрим более подробно триаду от одного иностранного корня и словообразовательное гнездо, сложившееся в русском языке.

Интеллигентный – интеллигентский – интеллигентеский

В эмигрантской прессе нам встретилось три производных от корня *интеллигент*: *интеллигентный* – *интеллигентский* – *интеллигентеский*. Какие же семантические различия между вариантными формами (если они были) поддерживали и позволяли сохраняться в эмигрантском узусе этим трем лексемам? ”*Интеллигентный* в смысле ”культурный” появилось около 1870 года, а *интеллигентский* – ”принадлежащий интеллигенции” – чуть позже, примерно в 1880 году. [...] *Интеллигентский* – тот, кто принадлежит интеллигенции... *Интеллигентный* же – тот или то, что присуще интеллигенту, составляет

¹ В СУ: *Хунхуз*, -а, м. (китайск. *hunghutzu*, букв. краснобородый). В Манчжурии и Северном Китае – участник шайки бандитов, грабителей.

основной его признак и является характеристикой лиц, а не класса. [...] В.И. Ленин в своих произведениях 61 раз употребил слово *интеллигентный*, и более 300 раз – *интеллигентский*” [Колесов 1988: 264; более подробное рассмотрение понятия *интеллигент* и гнезда см. в: Зеленин 1999e; 1999f; 2000b; 2000c; 2003; Грановская 2005: 42-43]. Появление форм *интеллигентный* и *интеллигентский* примерно в одно и то же время (1870-1880-е годы)¹ не преследовало стилистической или семантической функции, а только сигнализировало о словопроизводственной двойственности лексемы: если следовать формальной структуре иноязычного слова, то в середине 19 в. преимущественным словообразующим формантом адъектива был суффикс *-н-*, если же следовать семантике слова, то присоединение суффикса *-ск-* свидетельствовало о качестве, свойственном интеллигенту как *лицу*. По-видимому, эти две различающиеся модели образования прилагательных от *интеллигент* (первая модель на *-н-*: от иноязычной основы; вторая модель на *-ск-*: для обозначения лица) долго сосуществовали в русском языке, и размежевание двух форм по оценочно-прагматической функции (*интеллигентный* с позитивной окраской, а *интеллигентский* – с пейоративной) произошло в русском языке метрополии в 20-30-е годы 20 в. Ср. в СУ: *Интеллигентный* – 1. образованный, культурный, присущий интеллигенции. 2. прил. к интеллигенция (книжн.); *Интеллигентский* (презрит.). Свойственный интеллигенту (во 2 знач.). Однако второе значение слова *интеллигент* сложилось именно в советские годы и, очевидно, под непосредственным влиянием трудов Ленина, жестко и грубо высмеивающих нерешительных, колеблющихся или сомневающихся деятелей культуры, просвещения именно при помощи формы *интеллигент* (*интеллигентик*) в пейоративно окрашенных контекстах. Это социально-мотивированное значение узуализировалось и попало уже в СУ: *Интеллигент* – 2. То же, что человек, социальное поведение к-го [которого] характеризуется безволием, колебаниями, сомнениями (презрит.). Таким образом, семантическое и прагматическое расподобление форм *интеллигентный* и *интеллигентский* произошло уже на почве советского дискурса.

Эмигрантская публицистика не отражает этого механизма социально-прагматического расщепления вариантных форм на два идеологически противопоставленных концепта, как это произошло в советском языке. Напротив, в эмигрантской прессе обе формы *интеллигентный* и *интеллигентский* часто взаимозаменяемы. И даже больше: в нашем материале доминирует именно вариант *интеллигентный*, который и обладал самым широким семантическим диапазоном из всей триады. *Интеллигентный* у эмигрантов – это: 1. Обладающий специальными знаниями, получивший высшее специальное образование; 2. присущий интеллигентам, характеризующий интеллигентов (стиль мышления, языковые, речевые особенности и проч.). Итак, *интеллигентный*

¹ Вот как С.И. Карцевский мотивирует появление прилагательного *интеллигентский*: ”*Интеллигент* был противопоставлен *рабочему*, вследствие чего потребовалось создать новое слово *интеллигентский*, т.е. свойственный, присущий интеллигенции; за словом же *интеллигентный* осталось значение «культурный, образованный» [Карцевский 2000: 232].

имеет как номинативно-нейтральное (1) значение, так и (в определенных контекстах) оценочно-квалифицирующее (2). Ср. цитаты:

(1) Теперь разрыв между интеллигенцией и народом сглажен за счет понижения общего культурного уровня *интеллигентных* слоев и повышения сознания масс. (Дни. 1926. 17 нояб. № 1161)

(2) Я убежден, .. что мы все, т.е. все *интеллигентные* русские люди, носим в своих жилах такую смесь национальных кровей, что по признаку географического происхождения нам крайне трудно определить себя, – особенно в вопросах малороссийском и великорусском здесь мы очень просто столкнемся, когда надо будет, да, вероятно, и столкноваться не надо будет. (Рус. голос. 1939. 19 марта. № 415)

Форма *интеллигентский* используется в эмигрантской прессе намного реже, причем следует отметить любопытный факт: в ”левых” (анархических, социалистических) изданиях она имеет пейоративный оттенок, в монархических (вообще охранительных) – нейтральный, выступая как равноправный эквивалент *интеллигентный* (в 1 значении). Ср.:

... разрушение .. нанесет сокрушительный удар всякого рода ложным тенденциям в анархизме: слащавому пацифизму, *интеллигентскому* либерализму. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Фронтов наоткрывали множество. [...] Фронт беспартийных. Провалился: требуют тайного голосования и права критиковать партийцев. Фронт *интеллигентский*. Провалился: кроме Сергея Котляревского и Гредескула никто не считает период советской власти ”самым счастливым периодом человечества”. (Дни. 1925. 30 янв. № 678)

Наконец, вариант *интеллигентский* – это неологизм эмигрантского дискурса, созданный по активной модели образования адъективных дериватов от иноязычных основ на *-ия* (*интеллигенция*) или *-нт* (*интеллигент*). Таким образом, в языковом сознании эмигрантов слово *интеллигент* входило в группу иноязычных основ, от которых закономерно, модельно при помощи нейтрального суффикса *-ический* образуется дериват *интеллигентский*.

[В дореволюционное время] ”украинское движение” имело исключительно *интеллигентский* характер: ни одно украинское газетное издательство не могло просуществовать на свои средства. (Рус. голос. 1939. 1-14 янв. № 406)

Можно сделать вывод о сохранении в эмигрантской прессе адъективной модели на *-ический*, свойственной языку 19 в., и о ее пополнении новыми дериватами.

Большевицкий – большевистский

Уже в наши дни высказывалось мнение (впрочем, не документированное цитатами), что эмигранты семантизировали вариативность слов типа *боль-*

шевицкий – *большевистский*, *меньшевицкий* – *меньшевистский* с целью оценочного выражения: *большевицкий*, *меньшевицкий* – с негативной окраской, *большевистский*, *меньшевистский* – как нейтральные номинации [Денисов 1998: 120 сноска 17]. Наши материалы не подтверждают этого предположения и не свидетельствуют о семантизации суффиксов прилагательных с прагматической целью; практически во всех эмигрантских изданиях (кроме ”левых”) отрицательная прагматика самих понятий оказывалась достаточной, чтобы ”нейтрализовать” семантические оттенки между вариантами. Действительно, частотность лексемы *большевистский* была в 2 раза выше, чем варианта *большевицкий*. Количественные пропорции таковы: 66 словосочетаний с *большевистский* против 30 словосочетаний с *большевицкий*. Очевидно, разница между формами *большевистский* и *большевицкий* в эмигрантском узусе сводилась, судя по нашему корпусу примеров, только к количественным параметрам, не затрагивая семантики форм, точнее – не приводя к их семантической дифференциации. Приведем сводную таблицу, показывающую семантическое распределение данных прилагательных с именами существительными.

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ(-ие)	БОЛЬШЕВИЦКИЙ (-ие)
<p><i>органы, идеи, главари, цезаризм, богач, интернационал, насилие, представитель, система, газеты, конгресс, правление, иго, отравы, пароход, козны, вельможа, катастрофа, войска, саботаж, служилое сословие, заразы, царство, масса, гнет, террор, банды, милитаризм, застенки, фронт, делегация, власть, застенки, правительство, Синай, заправилы, деспотия, демагогия, армия, уклон, пропаганда, революция, ад, пожар, агент, пресса, эксперимент, средства, провокации, соблазны, партия, диктатура, развязность, режим, тюрьмы, марксисты, эпидемия, ”головка”.</i></p>	<p><i>угар, террор, интриги, власть, статьи, приемы, литература, строй, переворот, агент, лидер, комиссар, революция, режим, партия России, издание, палачи, героизм, войска, вожди, установка, разложение, пропаганда, рабство, реакция, свора, лубок, печать, жандармы.</i></p>

Как видно из перечня компонентов, позитивнооценочные сочетания с прилагательным *большевистский/большевицкий* достаточно редки, преобладают негативнооценочные словосочетания. Впрочем, оценочность может присутствовать в имплицитном виде даже в таких на первый взгляд нейтрально-номинативных обозначениях, как *большевицкая/большевистская армия, большевицкие/большевистские войска, большевицкая/большевистская газета* и т.п. Хотя Карцевский в начале 20-х годов высказывал мысль, что прилагательные *большевицкий, меньшевицкий* следует рассматривать как ”правильные и единственно употребляемые в народе” [Карцевский 2000: 259], тем не менее, в

реальной речевой практике эмигрантов ”неправильная”, но узуальная форма *большевистский* доминировала. Для советского дискурса верно замечание: ”по-видимому, во второй четверти XX в., число образований на *-(ист)ский*, не выражающих подчеркнутого отношения к лицу, сокращается (за исключением немногочисленных прилагательных типа *марксистский, меньшевистский, большевистский*, семантически более связанных с именами на *-изм*, чем на *-ист*)” на том основании, что произошло расширение мотивировки слова: от личных существительных на *-ист* абстрактными существительными на *-изм* (со значением политической доктрины, учения, идеологии) [Очерки 1964а: 387]. Эмигранты же сохраняли старую производность прилагательных от личных существительных, деривация от абстрактных существительных на *-изм* у них была или факультативной, побочной, или, по крайней мере, равноценной с первой мотивировкой. В ремотивации адъективов на *-ицкий/-истский* в советском дискурсе хорошо проявляется деятельностный (социально-обусловленный) характер словообразовательных процессов, ведущий к ликвидации дублетности концептуальных понятий идеологии. В эмигрантской же прессе мы видим практически параллельное сосуществование форм *большевицкий* и *большевистский, меньшевицкий* и *меньшевистский*, перевеса того или иного прилагательного не наблюдается, будь то газета начала 20-х или конца 30-х годов:

... на Выборгской Стороне *большевицкие* жандармы (конная милиция) давили безработных, шедших в центр города с требованием открыты для голодающих рабочих общественные столовые. (Дни. 1925. 31 янв. № 679)

Большевики показали свое истинное лицо при этом настолько явственно, что отвращение к *большевицким* приемам сказывается с каждым днем все определеннее и во Франции, и в Англии. (Возрождение. 1939. 7 июля. № 4191)

... *меньшевицкий* социал-демократический Интернационал. (Младоросская искра. 1933. 15 авг. № 32)

... в России укрепился *меньшевистский* или даже кадетский режим. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Еще одним существенным отличием эмигрантского дискурса от советского в использовании прилагательных на *-ск(ий)* было полное отсутствие у эмигрантов дериватов, образованных от аббревиатур; единственным исключением является еще дореволюционное прилагательное *эсеровский*. Напротив, в русском советском языке отаббревиатурное производство имен относительных прилагательных было очень активным. Ср. сводную таблицу советских дериватов.

Мазон	Карцевский	Селищев
<i>эсерский (=эсеровский)</i>	<i>совдепский</i>	<i>женотдельский</i>
<i>вечекистский</i>	<i>чекистский</i>	<i>военхохупровский</i>
<i>совнархозовский</i>		<i>коминтерновский</i>
		<i>месткомовский</i>
		<i>мопровский</i>
		<i>наркомюстовский</i>
		<i>нарпитовский</i>
		<i>собесовский</i>
		<i>цитовский (< ЦИТ*)</i>
		<i>юнкоровский</i>
		<i>главкистский</i>
		<i>цекистский</i>
		<i>комсомольский</i>

* Центральный институт труда.

Таким образом, для эмигрантского узуса при образовании прилагательных на *-ск(ий)* характерны следующие словообразовательные тенденции. С одной стороны, эмигранты практически не образовывали производных от аббревиатурных форм и сложносокращенных слов. С другой стороны, эмигранты активно пользовались моделью производства адъективов при помощи суффикса *-ический* от существительных со значением лица; в русском советском языке эта модель выходила из активного словопроизводства, смещаясь на стилистическую периферию.

1.6. Суффиксация глаголов

1.6.1. Суффикс *-ировать*

Рост иноязычных заимствований в середине 19 в. в сфере глагольной лексики "был связан с необычайно значительным расширением круга глаголов на *-ировать* (и его вариантом *-изировать*)" [Сорокин 1965: 296; Очерки 1964b: 130-140; Рогожникова 1966: 144-146]. Можно ли говорить о вычленении данного форманта из состава глаголов на *-ировать/-изировать* и осознании его самостоятельным словообразующим элементом? По-видимому, применительно к языку 19 века еще нет, так как на протяжении всего 19 в. "не встречается образований с этими суффиксами от чисто русских основ" [Сорокин 1965: 296]. Освоение заимствованных глаголов на *-ировать/-изировать* на русской языковой почве 19 в. происходило в сфере видообразования: так как абсолют-

ное большинство глаголов является или одновидовыми, или двувидовыми (в зависимости от контекста), то вхождение их в русскую морфологическую систему осуществлялось по пути снабжения некоторых глаголов префиксами (чаще всего *с-*, *о-*, *от-*, *за-*, *про-*), маркирующими категорию глагольной перфективности.

В конце 19 – начале 20 в. производных глаголов на *-ировать/-изировать* с русскими основами, видимо, также не возникло. Ср. список глаголов, приведенных в [Лексика 1981]: *авалировать, агитировать, ангажировать, галантировать, гиолишировать* "очерчивать извилистыми линиями", *доминировать, жонглировать, зондировать, октроировать* "жаловать", *пилотировать, провозировать, рассказировать, тренировать, форсировать, циркулировать*.

Новые возможности суффикса *-ировать/-изировать* появились в революционную эпоху. С одной стороны, продолжалось заимствование новых глаголов с данным формантом (или семантико-прагматическая актуализация старых), с другой – появились попытки словопроизводства глаголов от русских основ. Ср. данные, приводимые в [Мазон 1920], [Карцевский 2000], [Селищев 1928].

а) с иноязычной основой:

Мазон	Карцевский	Селищев
<i>дезауировать</i>	<i>спекулировать</i>	<i>машинизировать</i>
<i>нормировать</i>	<i>реквизировать (=реквизовать)</i>	<i>метризировать</i>
<i>революционировать</i>	<i>ангажировать</i>	<i>реквизировать (=реквизовать)</i>
<i>саботировать</i>		<i>агитировать</i>
<i>унифицировать</i>		
<i>функционировать</i>		
<i>экспроприировать</i>		
<i>национализировать (=национализировать)</i>		
<i>агитировать</i>		

б) с русской основой:

Мазон	Карцевский	Селищев
<i>большевизировать</i>	<i>советизировать</i>	<i>белоруссизировать</i>
		<i>большевизировать</i>
		<i>военизировать</i>
		<i>советизировать</i>

Появление глагольных дериватов с русской основой в революционную эпоху примечательно тем, что можно говорить о русификации иноязычного суффикса и его превращении в "полузаимствованный" [Виноградов 1986: 360].

В эмигрантской прессе нам не встретилось ни одного производного с русской основой, все – с иностранной. Глаголы относятся по преимуществу к книжной лексике: *агонизировать, арбитризовать, базировать, иммунизировать, импониовать, капитулировать, кооперировать, крейсировать, маневрировать, манифестировать, механизировать, оккупировать, пактировать, режиссировать, ренегировать¹, рекламировать, рентгенизовать², реставрировать, саботировать, санкционировать, телеграфировать, терроризировать, фальсифицировать, шаблонизировать, эксплуатировать*. Карцевский отмечает глагол *эволюционизировать*, встретившийся ему в одной эмигрантской газете [Карцевский 2000: 256]. Обращает на себя внимание, что все эти глаголы были уже ранее заимствованы в русский язык, пребывание русских за границей не внесло каких-либо пополнений в разряд глаголов на *-ировать*, за исключением, пожалуй, нескольких примеров: *кокаицизовать, пледировать* (фр. *plaider* "вести суд, тяжбу, судиться"), *чехизировать*.

... Солоневич .. проводя время исключительно с комиссарами, ибо они не сближались с "народом", чтобы те не фамильярничали, сытно ел, много пил и *кокаицизовал*, как все комиссары. (Рус. голос. 1939. 19 марта. № 415)

20 лет издевались чехи над "некультурными" братьями-карпатороссами, *чехизируя* их, искусственно насаждая украинство, тесня Православную Церковь и чиня всякие препятствия русской школе. (Рус. голос. 1939. 19 марта. № 415)

Последний дериват был особенно значим, актуален в эмигрантском дискурсе, будучи помещенным в широкий социальный контекст трансформаций в национально-этнической политике взаимоотношений русских беженцев с другими (славянскими и неславянскими) народами.

Таким образом, в эмигрантской прессе суффикс *-ировать/-изировать* используется для образования слов от иноязычных основ. В советском языке наблюдалась экспансия суффикса *-ировать* на русские основы, что и являлось свидетельством русификации иноязычного аффикса; ср. например, такие новообразования 20-30-х годов: *коренизировать, озимизировать, украинизировать, яровизировать* [Виноградов 1986: 360; Сорокин 1965: 296]. Эмигранты суффикс *-ировать/-изировать* по-прежнему использовали в составе иноязычных слов, за исключением некоторых трансплантированных слов из советского языка. С.И. Карцевский отмечает любопытную деталь социолингвистической дифференциации суффиксов в эмиграции: образованные люди предпочитают использовать иноязычный книжный суффикс для производства глаголов: *гутировать* (фр. *gouter* "полдничать; слегка закусить"), *ангажировать* (фр. *engager* "обязывать, побуждать, склонять, нанимать, зачислять"),

¹ В СУ: ренегатствовать.

² В СУ: рентгенизовать.

«простой народ» (напр., прислуга) – *гутекать, ангажевать*, то есть более ”русские” формы [Карцевский 2000: 256].

1.6.2. Суффикс *-овать*

Суффикс *-овать* в русском языке 18 и 19 вв. часто выступал русским эквивалентом иноязычного суффикса *-ировать/-изировать*, однако словопроизводственные отношения между ними менялись: если в 18 в. иноязычные глаголы чаще образовывались при помощи *-ова(ть)*, то в 19 в. иноязычные основы сочетались по преимуществу с *-ировать/-изировать*: ”практически в языке того времени от большей части новозаимствованных глаголов даже не встречаются формы с этим суффиксом” [Сорокин 1965: 297; см. также : Авилова 1955: 42-72; Рогожникова 1966: 144-145]. Ср. новые глаголы или новые значения, появившиеся в конце 19 – начале 20 в.: *дезорганизовать, зафильмовать, лавировать, мобилизовать, тренировать, формировать* [Лексика 1981]. В революционное время увеличилось число производных на *-овать*, образованных как от иноязычных, так и от русских основ, причем любопытна высокая степень вариативности, дублетности русского суффикса *-ова(ть)* и иноязычного *-ировать/-изировать*: *национализировать (=национализировать), муниципализировать (=муниципализировать), реквизиовать (=реквизировать), ангажировать (=ангажевать)*.

Единственным эмигрантским новшеством в сфере глагольных дериватов на *-овать* было слово *большевизанствовать* (от существительного *большевизан*), устойчиво сохраняющееся в речевом обиходе эмигрантов до наших дней.

В русском советском языке той поры существовала дублетность глаголов на *-ова(ть)* и *-ировать/-изировать*, обусловленная альтернативной комбинаторикой:

- а) иноязычная основа + иноязычный суффикс;
- б) иноязычная основа + русский суффикс.

В русском советском языке расширилась словообразовательная база глаголов: от одушевленных имен существительных (*либерданствовать* < Либер и Дан, *большевистствовать* < большевик, *комиссарствовать* < комиссар, *буржуйствовать* < буржуй, *ораторствовать* < оратор), сложносокращенных слов (*исполкомствовать* < исполком). Эмигрантский узус не знает такого расширения словообразовательной базы глаголов, он следует моделям, сложившимся в дореволюционное время.

1.6.3. Суффикс *-нича(ть)*

Суффикс *-нича(ть)* придает глаголам «резкую экспрессию ироничности и насмешки», в семантическом плане такие глагольные дериваты «обозначают

и характеризуют действия отрицательного, осуждаемого свойства в социальном и психологическом отношении» [Сорокин 1965: 290]. Таких глаголов особенно много появилось в середине 19 в., суффикс легко соединялся как с русскими, так и иноязычными основами [Очерки 1964b: 106-112]. В конце 19 – начале 20 в., по данным [Лексика 1981], новых производных не появилось. Революция дает всплеск глагольных производных, особенно образованных от имен существительных. А. Мазон фиксирует такие новообразования: *либерданничать* (< Либер, Дан), *мешочничать* (< мешочник) [Mazon 1920: 36]; С. Карцевский отмечает: *мешочничать*, *халтурничать* [Карцевский 2000: 255]; у А.М. Селищева находим: *мешочничать*, *халтурничать*, *склочничать* [Селищев 1928: 183]. В эмигрантской прессе ни одного из названных глаголов нам не удалось обнаружить, все глаголы на *-нича(ть)* старые или уже освоенные (что касается дериватов с иноязычной основой), стилистически сниженные: *кокетничать*, *наивничать*, *оригинальничать*, *хозяйничать*.

Газета [”Правда”] спрашивает: ”Что это за обстановка в деревне, в округе, если тайком пришлось отвезить в больницу изувеченного?” Зачем орган ЦК РКП *наивничает*? (Дни. 1925. 11 февр. № 688)

Как бессмысленно *хозяйничают* большевики .. лишний раз показывает статья в ”Правде” о шпалах в железнодорожном хозяйстве. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

В русском языке советского периода, напротив, ”в связи с влиянием просторечия на литературный язык [в 20-30-е годы. – А.З.] глаголы на *-ничать* широко распространяются в разговорной речи и, так сказать, упрочивают, укрепляют свою сниженную стилистическую окраску” [РЯСОС 1968: 233].

1.6.4. Суффикс *-ить*

Глаголы на *-ить* также получили развитие в годы революции: новые реалии довольно быстро приобретали обобщенную семантическую характеристику, передавая определенные признаки денотата. В последнее десятилетие 19 – начале 20 в. активность глаголов на *-ить* была относительно невелика. Ср. небольшой список глагольных дериватов (как новообразований, так и семантически модифицированных), отмеченных в [Лексика 1981]: *заполучить*, *похерить*, *пригвоздить*, *пудрить*, *сплавить*. Однако в революционные годы ”почти каждое существительное (особенно с непродуктивными суффиксами) и многие прилагательные могут образовывать глаголы IV класса” [Карцевский 2000: 256]. Эту же закономерность (преимущественное образование от имен) отмечал и А.М. Селищев [Селищев 1928: 187]. Какие же новые производные (словообразовательные и семантические) появились в те годы? Тематика именных основ, мотивирующих глаголы на *-ить*, такова:

- а) названия новых советских праздников, обрядов: *озвездить* (< звездыны¹), *октябрить* (< октябрины²).
- б) обозначения лиц: комиссарить, обольшевичить(ся), предвичить (< предвик³).
- в) названия признаков, положенных в основу номинации: *уплотнить квартиру* (< плотный), *обобществить имущество* (< общий).
- г) названия мероприятий или конкретных реалий: *ревизионить* (< ревизия), *потелефонить*, *заземлить*.
- д) аббревиатуры: *викжелить* (< Викжель "Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профессионального союза").

В отличие от активности глаголов на *-ить* в советском языке революционной поры, эмигрантская публицистика не дает ни одного нового производного, все глаголы на *-ить* представляют старые лексемы: высокого стиля (*благотворить*, *утишить*, *благословить*, *вырешить*, *мирволить*, *освободить*, *осенить*, *править*, *славить*, *славословить*, *умилостивить*, *хулить*⁴, *чернить*), немногочисленные глаголы разговорного стиля (*баламутить*) или нейтрального (*обменить*, *отучить*, *очистить*). Таким образом, активизация суффикса *-ить* при образовании глаголов в советском дискурсе не затронула язык эмиграции (по крайней мере в его письменной форме).

1.6.5. Суффикс *-ну-*

"В революционные годы получили большое распространение новообразования с суффиксом *-ну-* в неопределенной форме (не в наст.[оющем] вр.[емени]), по образцу *крикнуть*, *свистнуть*, *пугнуть* и др." [Селищев 1928: 187]. Как известно, глаголы на *-нуть* в русском языке являются перфективными однократными; их активизация в пред- и революционную эпоху была вызвана не столько языковыми, сколько внеязыковыми причинами: динамичность времени, поляризованность идей и людей, партий и движений. Сгущенность, спрессованность действия в языковом плане выражают глаголы с суффиксом *-ну-*, который "ограничивает такое действие пределами одного акта, одного момента, мига, т.е. придает глаголу значение недлительности, мгновенности, одноактности, моментальности" [Виноградов 1986: 361]. Сопоставление с языковым состоянием предшествующего времени, действительно, сигнализирует

¹ Звездины – обряд, введенный после революции 1917 г. взамен именин и происходящий так: под звуки революционных маршей партийный работник давал целовать звезду новорожденному и прикреплял к груди маленькую звездочку («звездил»).

² Октябрины – обряд, введенный после революции 1917 г. взамен крестин: новорожденным давали вместо христианских или библейских имен — имена, мотивированные революционными событиями в октябре (по старому стилю), т.е. от фамилий вождей, названий местностей и т. п.

³ Предвик – председатель волостного исполнительного комитета.

⁴ С амбивалентной стилистической маркировкой: книжное/просторечное.

резкий, стремительный рост дериватов на *-ну-* в революционное время. Так, в материалах Ю.С. Сорокина, посвященных анализу лексики 30-90-х годов 19 в., образования на *-ну-* не упоминаются [Сорокин 1965]; также отсутствуют глагольные новообразования на *-ну-* в языке конца 19 – начала 20 в. [Лексика 1981]. Активизацию глагольных дериватов на *-ну-* современники революционной эпохи относят к началу Первой мировой войны: ”со времени войны 1914 г. получил большое распространение глагол *спекульнуть*” [Селищев 1928: 187]. В.В. Виноградов характеризовал такие дериваты на *-ну-* как ”просторечно-вульгарные новообразования” [Виноградов 1986: 362]. Итак, какие же производные возникли в русском языке революционной поры? Представим их в сводной таблице.

Мазон	Карцевский	Селищев
<i>спекульнуть</i>	<i>халтурнуть</i>	<i>голоснуть</i>
<i>мобилизнуть</i>	<i>мобилизнуть</i>	<i>регульнуть</i>
	<i>викжельнуть</i> (< Викжель)	<i>мобилизнуть</i>
	<i>дезертнуть</i>	<i>работнуть</i>
	<i>чекнуть</i> (< ЧК)	<i>экспортнуть</i>
	<i>чикнуть</i> (< ЧК)	<i>читануть</i>
	<i>спекульнуть</i>	<i>ликвиднуть</i>
	<i>покернуть</i>	<i>спекульнуть</i>
	<i>блефнуть</i>	

В эмигрантской публицистике нам встретился только один советизм *реквизнуть*, все прочие глаголы представляют глагольные лексемы либо нейтрально-стилистические (*угаснуть*, *рухнуть*, *повернуть*), либо разговорные (*подохнуть*, *пристукнуть*, *пухнуть*):

Главный прокурор СССР тов. Вышинский констатировал, как судят советские суды: суслик натаскал в свою нору более 3 клгр [sic] зерна. Какой-то крестьянин поинтересовался норой суслика и от ”счастливой жизни” *реквизнул* это зерно. В результате суда – 4 года тюремного заключения ”за похищение социалистической собственности”, именно так и мотивировано судебное решение. (Сигнал. 1938. 1 окт. № 40)

Следовательно, активность глагольных дериватов на *-ну-*, образованных от актуальных референтов, не затронула эмигрантский узус, оперирующий старыми глагольными дериватами.

2.0. Префиксально-суффиксальные дериваты

Интенсификация процессов, протекающих в общественно-политической жизни, проявляется и в росте префиксально-суффиксальных образований в языке. Пред- и революционные годы активизировали префиксальные и суффиксальные морфемы для производства новых слов, обозначающих актуальные референты. Понятно, что среди них было и много слов-однодневок, быстро возникающих, но и также бесследно исчезающих в непрерывном потоке новых дериватов. Расширение класса префиксальных производных имен существительных происходило в русском языке за счет заимствования иноязычных лексем в 18-19 вв., из которых вычленились префиксы как самостоятельные словообразующие форманты и производили новые дериваты уже на русской языковой почве. Эти иноязычные элементы, с одной стороны, оказывались в словообразовательно-семантических сетях существовавших русских префиксов, с другой – возникала нужда в их семантической и стилистической специализации [Герд 1993; Хамидуллина 1995; Баранов 1995a]. В современном русском языке в настоящее время, по данным [РГ-80], насчитывается 34 префикса, сочетающихся с именами существительными. Причем для русского языка на протяжении 19-20 вв. характерен процесс трансплантации иноязычных формантов из области словопроизводства прилагательных [Сорокин 1965: 258-278; Obermann 1969: 92-95] в сферу имен существительных. Свободу сочетания имен существительных с префиксами разного образования и происхождения хорошо демонстрирует, например, языковая ситуация в 60-е годы [РЯСОС 1968] и в 80-90-х годы 20 века [Земская 1992; Баранов 1995b; Баранов 1996; РЯК 1996: 110-118].

Какие же группы префиксов были активны в русской эмигрантской прессе, и в каком соответствии они находятся с русским (советским) языком революционной эпохи (1917 г.)? Итак, для русского языка 19 в. было характерно преимущественное образование новых префиксальных дериватов в сфере имен прилагательных, в количественном отношении префиксация имен существительных им заметно уступала. Наш материал ярко это показывает. Однако при производстве имен (речь далее пойдет о существительных и прилагательных как самых ярких маркерах различий между двумя дискурсами) очень часто приходится иметь дело не с одним префиксом, а с префиксом и суффиксом, поэтому предметом нашего описания является префиксально-суффиксальный способ.

Словообразовательное значение аффиксов позволяет группировать их в словообразовательные разряды (типы), объединенные на основе общности или близости выражаемой ими словообразовательной семантики. Систематизация производных имен по группам значений проясняет, выявляет наиболее активные тематические зоны номинации, попавшие в центр общественного интереса. Одни словообразовательные типы оказываются менее активизированными, другие – более.

2.1 *Дериваты со значением негации, отрицания, аннулирования*

Это одна из самых больших групп производных, активность словопроизводства объясняется нелингвистическими причинами: наличием множества политических и идеологических систем, их поляризованностью, остротой социально-экономических и политических проблем и их оценок со стороны общественных и иных групп.

Префикс *анти-*

Префикс *анти-* выступает в русском языке одним из самых мощных семантических маркеров для выражения значения отрицания или противодействия чему-либо. Активизацию этого форманта в революционную эпоху хорошо иллюстрирует сопоставление нескольких источников: в [Лексика 1981] не приведено ни одного деривата с *анти-*, в [Mazon 1920] также нет, в [Карцевский 2000: 260]: *антибольшевистский, антисоглашательский, антисоветский*, в [Селищев 1928]: 5 существительных – *антидемократизм, антиликвидатор, антиликвидаторство, антирелигиозник, антисниженец* ”противник снижения цен” и 8 прилагательных: *антидемократический, антижорестский, антилиберальный, антинародный, антиоборонческий, антирелигиозный, антисоветский, антистачечный*.

Эмигрантская пресса чрезвычайно широко использовала дериваты с префиксом *анти-*; доминировали имена прилагательных и производные от них наречия. Дериваты группируются вокруг следующих зон:

а) от наименований социальных явлений: *антиреакционный, антианархический, антиалкогольный, антивоенный, антигосударственный, антимилитаристский, антинародный, антинациональный, антиоппозиционный, антипасхальный, антирелигиозный, антисоветский (антисоветски), антианархический, антибольшевистский и антибольшевицкий (антибольшевистски и антибольшевицки), антикоммунистический (антикоммунистически), антикомсомольский, антилиберальный, антипатриотический, антифашистский, антисиндикалистский, Антиккоминтерн*. Здесь оказываются дериваты, касающиеся как иностранных реалий, внутренних взаимоотношений эмигрантских групп и движений, так и советских референтов. См. примеры:

... в американском городе Нью-Лондон арестовано 39 человек береговой *антиалкогольной* полиции. Эти полицейские, которым была поручена борьба с спиртоносами, сами пьянствовали и продавали конфискованные запасы алкоголя. (Сегодня. 1930. 10 янв. № 10)

За *антикомсомольские* поступки на них [комсомольцев] накладываются взыскания – выговор, предупреждение и в редких случаях исключение. (Голос России. 1932. июль. № 12)

... *Антикоминтерн*, действующий в Германии, не имеет никакого отношения к ”Российскому *Антикоминтерну*” ген.[ерала] Глазенапа, образованному в Дан-

циге. Германский *Антикоминтерн* – это немецкая официозная организация, действующая самостоятельно, но .. находящаяся в сфере влияния германского министерства пропаганды. Ее задача – бороться с Коминтерном путем пропаганды в печати и организации союзов. (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

б) от наименований и имен лиц: *антисоюзнический, антимонархический, антисталинский, антибольшевик, антимилитарист, антисталинец, антисемит.*

... сторонник германской и *антисоюзнической* ориентации..., собиравшийся просить помощи у "исторического врага" [Германии] России.. (Сигнал. 1938. 1 сент. № 38)

... *антимонархическая* кампания сменилась кампанией протеста против коммунистического шантажа. (Младоросская искра. 1933. 5 янв. № 26.)

[Газета "Новая искра" –] это просто свалочное место, где замороженные большевизаны подвизаются рядом с такими же примитивными "*антибольшевиками*". (Меч. 1937. 25 апр. № 16)

в) от названий стран: *антигерманский*; такие дериваты единичны.

Издаваемая в Москве советская газета "Журналь де Моску", занимающаяся главным образом *антигерманской* пропагандой, в целях приобретения симпатий во Франции, недавно обрушилась на Финляндию. (Возрождение. 1935. 1 янв. № 3499)

Итак, наибольшую словообразовательную активность обнаруживают дериваты, которые характеризуют советскую действительность или эмигрантское идеолого-политическое расслоение.

Префикс *противо-*

Префикс *противо-* соотносителен с иноязычной приставкой *анти-*, но гораздо менее активен в эмигрантских газетах [подробнее см.: Зеленин 2001a]. Во многих случаях возможна полная взаимозамена префиксов *противо-* и *анти-* без ущерба для смысла: *противоанархический* = *антианархический*, *противобольшевик* = *антибольшевик*, *противобольшевистский* = *антибольшевистский*, *противобольшевицкий* = *антибольшевицкий*, *противовоенный* = *антивоенный*, *противогосударственный* = *антигосударственный*, *противокоммунистический* = *антикоммунистический*, *противомилитаристский* = *антимилитаристский*, *противопомещичий* = *антипомещичий*, *противореволюционный* = *антиреволюционный*, *противосоветский* = *антисоветский*. В некоторых из этих дериватов с *противо-* еще остается старое значение лица, характерное для языка 19 в., однако преобладание слов с *анти-* (с личным значением) в эмигрантских газетах все-таки свидетельствует, что процесс "передачи" словообразовательного значения лица иноязычному префиксу *анти-* уже практически завершен: в эмигрантской прессе мы видим только

реликты этого прежнего состояния. В качестве же компенсации за утрату этого словообразовательного значения в префиксе *противо-* произошло усиление "инструментального" (технического) словообразующего значения. Отличием русского префикса *противо-* от иноязычного *анти-* является наличие словообразовательного значения "защищающий от кого-, чего-л., препятствующий появлению, угрозе чего-л." (+ второй элемент слова, называющий этот денотат), иначе – произошло усиление префикса на пути к терминообразованию; ср. *противовоздушный, противогазовый, противоядие*. Интересно, что технического словообразовательного значения, аналогичного *противо-*, у дериватов с префиксом *анти-* в эмигрантской прессе нам не встретилось.

Затемнение, производимое в целях *противовоздушной* обороны, имеет только в том случае пользу, если оно проводится безупречно. (Вести дня. 1939. 28 дек. № 295.)

Пожарные бросились в огонь, не успев даже надеть *противогазовые* маски.. (Руль. 1930. 2 янв. № 2767)

Префикс *без-/бес-*

Префикс *без-/бес-* не обнаруживал особенной продуктивности в конце 19 – начале 20 в. В [Лексика 1981] приведено несколько производных, появившихся либо в художественной литературе (*бездарь, безудержность, безыменность*), либо в специальной (*безглагольность, беззаглавец*). В революционные годы наблюдается рост дериватов с *без-/бес-*. А. Мазон отмечает неологизм той поры *безгосударственник* [Мазон 1920: 26]. У Селищева находим: *беспартиец, беспартийщина, бесплановость, беспризорник, беспризорный* [Селищев 1928]. В дальнейшем в русском языке появляется множество производных с *без-/бес-*, относимых к профессионально-терминологической сфере [РЯСОС 1968: 155-158]. В эмигрантской прессе префикс *без-/бес-* используется для производства существительных или прилагательных (и производных от них наречий) очень часто, в пропорциональном отношении с явным перевесом морально-этических, оценочных обозначений. Производные могут обозначать:

а) советские реалии, явления: *безбожие, безбожник, "Безбожник"* (журнал), *безбожничество, беспартийный, беспризорный (беспризорно), беспризорник:*

Рабочая масса целиком возлагает вину на компартию, и какое бы то ни было предложение, исходящее от комячек, неизменно проваливается *беспартийными*. (Дни. 1925. 6 февр. № 684)

В сочельник в Москве предполагался грандиозный карнавал *безбожников* и комсомольцев.. (Сегодня. 1930. 1 янв. № 1)

Желание разрушить до конца старый мир было тесно связано с *безбожничеством*. (Младоросская искра. 1932. 12 июля. № 20)

... в одном только маленьком округе Северного Кавказа [...] бродит *беспризорно* 44 770 голодающих детей, не достигших еще 13-летнего возраста. (Дни. 1925. 29 янв. № 677)

б) политические понятия (преимущественно эмигрантские): *безвластный, безглавный, безгосударный, безначалец, бесподданный*. Такие дериваты представляли собой чаще всего окказиональные, модельные образования:

Новый скорбный удар по русским сердцам – смерть патриарха – вновь нам громко твердит о пагубности нашего *безглавия*. (Рус. стяг. 1925. 4/7 июня. № 1)

... наша гонимая церковь и остается беззащитна и *безглавна*, пока вся наша отчизна пребудет безгосударна, пока не станет над ней Царь православный, законный, первый сын и защитник страждущей Церкви родной.. (Рус. стяг. 1925. 4/7 июня. № 1)

... установлен следующий порядок выдачи нансеновских паспортов: *бесподданные* иностранцы в порядке известной постепенности будут вызываться в уездные и городские староства [Польша] .. (Руль. 1930. 25 марта. № 2836)

в) технические референты: *беспроволочный, бессахарный*.

Согласно еще не получившей подтверждение *беспроволочной* [sic] телеграмме, Петроград занят финскими войсками. (Голос Родины. 1919. 6 мая. № 257)

Особенно заинтересован московский радио-диктатор последними успехами в области *беспроволочного* телефона. (Руль. 1930. 25 марта. № 2836)

В маленькой комнатухе .. Яков Иванович, запивая *бессахарным* кофе вязкий бутерброд со шпеком .. говорил своей жене .. (Руль. 1930. 1 янв. № 2766)

Эти дериваты возникли еще в дореволюционное время. Новых "технических" производных в эмигрантской прессе нам не удалось обнаружить. В советском языке именно этот тип производных с *без-/бес-* был особенно активен, начиная с 20-30-х годов 20 в. [РЯСОС 1968].

Префикс *де-/дез-*

Префикс *де-/дез-* в значении противоположного явления, действия, факта в русском языке был заимствован еще в 18 в. и употреблялся только в составе иноязычных слов: существительных, прилагательных, глаголов [Биржакова et al. 1972]. Новые языковые заимствования 19 века активно пополняли разряд слов с данным префиксом. В конце 19 в. в русском языке появились: *дезорганизатор, дезорганизаторский, дезорганизация, дезорганизовать, депрессия* [Лексика 1981]. А. Мазон в революционную эпоху отмечает: *дезавуировать, дезаннексия* [Mazon 1920], А.М. Селищев: *дезавуировать, деклассированный, деклассирование* [Селищев 1928]. Эмигрантская пресса не составляет исключения; все производные сочетаются также только с иноязычными основами: *дезинформация, дезорганизатор, дезорганизованность, дезорганизованный,*

демобилизация, депролетаризированный, дефляционный, декламация, декласированный, дегенерат, дегенеративный и др. Часть их является терминами, часть – квалифицирующими (оценочными) лексемами. Семантическая близость иностранного префикса *де-/дез-* и русского *не-* на деле разрешается не их смысловой дублетностью, а семантической дифференциацией; особенно это касается процессуальных референтов: первый префикс имеет значение отрицания какого-либо референта, находящегося в процессе своего ”разрушения”, второй префикс имеет значение полного отказа, отрицания, аннулирования. Семантическим новшеством эмигрантского языка явилось словообразовательное гнездо, сформированное вокруг понятия «денационализация» (ср. англ. *denationalisation* ”утрата этнических особенностей, черт”), интерпретируемого как потеря, ослабление эмигрантами национальной русской (российской) идентичности, отсутствие глубокой привязанности к России, нежелание вернуться в родную страну или на родину отцов и дедов. Ср. ряд широко используемых производных: *денационализация* (< *денационализироваться*), ср. также отглагольные формы: *денационализированный, денационализировавшись*.

Результат ясен – или дальнейшее дробление грядущих молодых сил, или же уход от интересов русской жизни, т.е. *денационализация...* (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173)

Вот потому-то я и боюсь, что борьбой против *денационализации* детей заняты, и вполне искренно заняты, люди, которые сами уже в значительной степени *денационализировались* духовно. [М.А. Осоргин] (Дни. 1925. 6 февр. № 684)

Ведь если не будет готова наша ”смена”, если наша молодежь распылится, ”*денационализируется*”, окончательно уйдя от России в свою личную заграничную жизнь, то эмиграция как политическая сила через некоторое время перестанет существовать. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

[Русские студенты в Лилле] учатся, что, понятно, их главное занятие. Но параллельно выполняют еще одну серьезную и хорошую работу. Нисколько не *денационализируясь*, не принимая облик французского студента, – они поддерживают .. живую и дружескую связь с университетской молодежью и профессурой, всегда выступая под национальным флагом. (Младоросская искра. 1933. 5 янв. № 26)

Префикс *обез-/обес-*

Префикс *обез-/обес-* в значении лишения какого-либо качества, свойства (названного в корне слова) производит обычно глаголы, от которых в дальнейшем образуются имена существительные, а также глагольные формы (причастия, деепричастия). В старославянских и древнерусских текстах использовался префикс *без-*, однако форм на *обез-* еще не фиксируется. Только в позднем древнерусском появляются дериваты ”второго шага”, с префиксом *обез-*, положившие начало созданию словообразовательного гнезда глаголов в 18-19 в., причем важно отметить: уже без соотносительности с глаголами на *без-* и даже при образовании глагольных производных от иноязычных основ.

В середине и второй половине 19 в. глаголы с приставкой *обез-* в сочетании с суффиксом *-и-* вполне обычны. Кроме того, с середины 19 в. в эту же модель попадают глаголы, кончающиеся на *-еть*: *обезводить*, *обезглавить*, *обезлесеть* и под. [Очерки 1964b: 120-123]. В революционную эпоху, если судить по материалам, собранным в [Мазон 1920], [Карцевский 2000], [Селищев 1928], этот префикс не дал новых производных. Эмигрантская публицистика использует старые дериваты на *обез-* (преимущественно от глаголов на *-ить*) для номинации референтов, релевантных для эмигрантского дискурса: *обезбоженный*, *обезглавить*, *обездоленный*, *обездушенный*, *обезличенный*, *обезумевший*, *обесцвечение*, *обессиливший*, *обесчестить*. Все они являются словами-характеристиками или нового строя, или психического, морального состояния, испытанного людьми после революции. См. примеры:

[Ярославский] назначил "пятилетку безбожия": к 1937 году в стране должно быть семнадцать миллионов действенных безбожников, целиком *обезбожена* молодежь и целиком *обезбожена* школа. (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

Вторая цель [убийства патриарха Тихона] была в том, чтобы, убрав Старца Божия с дороги, тем *обезглавить* нашу Церковь.. (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

.. отказаться от личных бытовых благ или от фанатичного, но слепого увлечения своими политическими доктринами и *обездушенными* национальными символами. (Голос России. 1933. янв.-февр.-март. № 17-18-19)

... сразу же бросаются в глаза все трудности, все препятствия, которые встанут на этих путях перед нами в период падения интернационально-еврейской власти, разорившей, разграбившей и *обессилившей* огромную страну.. (Рус. голос. 1939. 5 февр. № 409)

Итак, слова с этим префиксом были активны у эмигрантов, поскольку при помощи таких дериватов в публицистическом тексте формировалось оценочное отношение к тем социальным, политическим новшествам, которые принес с собой строй большевиков.

Префикс *a-*

Иноязычный префикс *a-* встретился только в одном случае, в анархической газете, его использование с позитивной прагматикой (в рамках анархизма) обусловлено идеей отрицания и равенства наций, народов, этнических групп: *анационалист*.

Мы – *анационалисты*. Мы требуем права свободного самоопределения для каждой общины, для каждой области, для каждого народа. (Анархич. вестник. 1923. № 5-6)

2.2. *Дериваты со значением избытка, превышения*

Производных слов с префиксами, означающими избыток, превышение какого-либо качества, в эмигрантских газетах немного, но все они так или иначе отражают общий настрой того времени, проявляющийся в превышении меры, чрезмерности каких-либо действий, явлений.

Префикс *архи-*

Префикс *архи-* в русском языке может выступать как в значении "старшинство по положению в какой-либо иерархии", так и в качестве интенсифицирующей приставки, присоединяемой обычно к именам существительным, прилагательным, наречиям, в значении "высшая степень признака". Этот префикс, без сомнения, следует признать одним из "героев" послереволюционного языка, так как в советском языке именно второе значение оказалось реализованным в большом количестве лексем. Этот префикс был в арсенале излюбленных у Ленина (в его индивидуальном лексиконе содержится более 200 (!) дериватов с *архи-*), стилистический почерк которого оказывал существенное влияние на революционную прессу [Денисов 1993; 101; также: Денисов 1979; Лилеева 1987]. Приведем список дериватов с *архи-*, помещенных в [Селищев 1928]: *архибандит, архибуржуазный, архиважный, архиестественный, архизаконный, архи как скверно* (окказионализм Ленина), *архиконсерватор, архиликвидатор, архимарксистски, архискверно, архинеправильный, архииопортунистический, архиосторожный, архиреакционер, архиреволюционный, архисуверенный, архисущественный, архитонкий, архитрудный, архитяжелый, архистроенный*. Префикс *архи-* (во втором значении) придает понятиям негативную или по меньшей мере ироническую коннотацию, основанную на представлении о превышении нормы, стандарта; модус такой оценки обычно отрицательный. Этот семантический механизм дискредитации политического оппонента, идеи, любого неугодного лица широко использовался в большевистской прессе – сначала подпольной, а затем и легальной.

Эмигрантская публицистика содержит немного дериватов с приставкой *архи-* как в первом значении: *архиепископ, архиерейский Синод, архимандрит*, так и во втором: *архидемократический, архиреакционный*. Примечательно, что второе значение префикса *архи-* мы встретили только в анархической газете, что можно объяснить общим революционным прошлым с большевиками и общими языковыми стилистическими приемами, используемыми в печатных изданиях.

... против .. остатков старого духовенства пошел Сталин в очередной поход. В контрреволюции, в фашизме, в шпионстве, в связи с капиталистами Европы и Азии обвиняются *архиепископы*, епископы и священники. (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

Будучи жестоко разгромлена "архи-демократическим" [sic] правительством Соед.[иненных] Штатов после вступления их в войну, эта организация ["Индустриальных рабочих мира". – А.З.] теперь ожила и выросла. (Анархич. вестник. 1923. № 5-6)

... все искусственные построения наших расовых теоретиков и националистов всех категорий и оттенков, с их бессмысленными утверждениями о существовании высших и низших народностей являются до последней степени абсурдными и *архиреакционными*. (Анархич. вестник. 1923. № 5-6)

Таким образом, для эмигрантской публицистики, по сути, нехарактерно образование дериватов с *архи-* в оценочной функции, как это было в советской послереволюционной прессе; бурное словопроизводство слов с *архи-*, активное прежде в (подпольной, нелегальной) большевистской печати и составлявшее один из ее стиливых и прагматических приемов отрицания или иронического осмеяния тех или иных референтов, стало повсеместным, массовым, распространенным в публицистическом стиле советского языка. Эмигрантская пресса (за исключением "левых" изданий), ориентировавшаяся на легальную дореволюционную печать, не знала такого увлечения производными с префиксом *архи-*.

Префикс *наи-*

Русским эквивалентом префикса *архи-* выступает префикс *наи-*, который также неактивен в эмигрантских газетах: *наидемократичнейший*, *наилучший*, *наиопаснейший*.

Германия восстановила [sic] свое государственное значение путем диктатуры Адольфа Гитлера, пришедшего к власти, кстати сказать, не насилем, а *наидемократичнейшим* путем всенародных выборов и плебисцита. (Сигнал. 1938. 1 окт. № 40)

Анархисты были разбиты и подверглись преследованиям, карам и расстрелам в *наилучшем* "советском" стиле. (Меч. 1937. 16 мая. № 18)

Префикс *сверх-*

Префикс *сверх-* семантически равняется иноязычным префиксам *архи-*, *ультра-*, *гипер-*; в языке эмигрантов он был явно непродуктивным; нам встретилось всего одно производное: *сверхчеловеческий* (в характеризующей функции). В советской публицистике префикс *сверх-*, напротив, был активнее, входя в одну группу с префиксами предельной оценки: *сверхглупость*, *сверхлевый*, *сверхразвязный*, *сверхцентрализм* [Селищев 1928]. См. пример из эмигрантской газеты:

[Русской армии] теперь придется совершать *сверхчеловеческие* подвиги, чтобы очиститься от срама, ею перенесенного, увы, покорно, и безропотно. (Призыв. 1919. 4 (21.12) дек. № 135)

Префиксы *гипер-*, *ультра-*

Немногочисленны производные с префиксами *гипер-*, *ультра-* со значением "во много раз превышающий какую-л. норму": *гиперцентрализация*, *ультра-левый*, *ультрамонархизм*, *ультракоммунист*.

После предательства вождей рядовая оппозиция, которая, действительно, впервые была широкой и обнимала рабочих профессионалистов и многих местных деятелей, восставших против мертвящей *гиперцентрализации*, чекистов и коррупции, была легко раздавлена. (Воля России. 18 сент. 1920. № 6)

Это признают в Италии все – от самых рьяных фашистов до *ультра-коммунистов*. (Руль. 1926. 14 апр. № 1630)

Современный фашизм .. внутри каждой отдельной страны отливают различными цветами, от республиканского до *ультра-монархизма* [sic]. (Анархич. вестник. 1923. № 5-6)

Троцкий пытался обойти .. твердокаменность [Сталина и Зиновьева] – стараясь *ультра-левыми* [sic] аргументами обличить бездарность и ничтожество Зиновьева и прочих главарей политбюро. (За свободу. 1925. 1 янв. № 1 (1405))

Термин *гиперцентрализация* у эмигрантов – это, по всей видимости, эквивалент *гиперцентрализма*, используемого, в частности, Лениным для характеристики политики демократических централистов (= децистов), выступавших за свободу партийных фракций.

Префиксы *пре-*, *тре-*

Отметим также единичные примеры с префиксом *пре-* и префиксоидом *тре-* в усилительно-экспрессивной функции: *препоганый*, *треклятый* (преимущественно в народно-патриотических газетах):

В советских кооперативных лавках не достанешь ничего. Единственное мало-мальски доступное народу лакомство – *препоганая* колбаса из конины.. (Голос России. 1932. июль. № 12)

Народ! Вставай против *треклятой* красной власти. Она твой самый лютей враг. (Рус. правда. 1930. июль-авг.)

Таким образом, префиксы со значением избытка, превышения давали значительно меньше производных в эмигрантской публицистике, чем в советской. Данные приставки придают производным дополнительные стилистические модификации (предельности, чрезмерности); этот словообразовательно-стилистический механизм, развитый в подпольной "левой" печати, в послерево-

люционное время был "легализован" и стал одним из ведущих в построении как письменной, так и устно-ораторской речи вождей большевизма. Эмигрантская публицистика использует производные с префиксами избыточности гораздо осторожнее, умереннее, причем характерно, что употребление таких дериватов эмигрантами напрямую зависит от политической позиции издания: производные сосредоточены главным образом в "левых", революционно-демократических газетах, чье политическое прошлое раньше тесно смыкалось с большевистской прессой.

2.3. *Дериваты со значением совместности, кооперативности*

Префикс *с-/со-*

Активизацию этой деривационной модели при образовании имен существительных можно наблюдать в конце 19 – начале 20 вв., когда в русском языке, с одной стороны, появляются философские окказионализмы: *сожитие* (калька с нем. *Zusammenleben*), *сочеловек* (калька с нем. *Mitmensch*), с другой – происходит перемещение таких лексем, как *сообщество*, *сотоварищество*, *соучастник* в разряд книжной лексики [Лексика 1981]. В революционную эпоху А.М. Селищев отмечает один неологизм той поры: *содоклад* [Селищев 1928: 101]; А. Мазон и С.И. Карцевский не упоминают ни одного деривата с префиксом *с-/со-*. Эмигрантская пресса, кажется, использует слова с данным префиксом шире, чем советская. Если часть их представлена старыми словами: *соперник*, *соратник*, *сотрудник*, *соучастник*, *сподвижник*, и используется преимущественно в книжных стилях языка (художественная литература, публицистика), то другая часть оказывается актуализированной именно на почве эмигрантской жизни: *соотечественник*, *соплеменник*, *сочлен*, *собратья*.

Благотворительный Отдел Церковного Совета Русской Церкви в Белграде обращается к добрым людям с усердным ходатайством пожертвовать деньги, продукты питания и носильные вещи для выдачи нашим нуждающимся *соотечественникам* к Празднику Светлого Христова Воскресения. (Рус. голос. 1939. 2 апр. № 417)

Человек, у которого нет "святынь" – патологический тип – "моральный скопец". "Иван – не помнящий родства". Он легко оплевывает все, что дорого его *соплеменникам*.. (Рус. голос. 1939. 19 марта. № 415)

Союз Младороссов извещает о кончине *сочлена* младоросского 22-го Гренобльского очага С.М. [Союза Младороссов] Е.Н. Конькова.. (Младоросская искра. 1933. 15 нояб. № 34)

... равнодушие эмигрантской толщи Парижа присуще не только нашим *собратьям* в Париже. (Голос России. 1933. янв.-февр.-март. № 17-18-19)

2.4. Дериваты со значением полноты, завершенности, всеохватности

Префикс *о-/об-/обо-*

Группу производных с префиксом *о-/об-/обо-* составляют отглагольные дериваты (мотивированные именами существительными и прилагательными); в эмигрантской прессе она представлена следующими словами: *обынородившийся, олатышенный, обанкротиться, офранцужение, обатраченный*.

Ведь вот если бы тот же Крымов и в тех же тонах .. описал .. среду инородческой "Речи", среду инородческой и *обынородившейся* либеральной и радикальной журналистики, профессуры и т.д. ... ой, было бы такое!.. (Младоросская искра. 1933. 10 июля. № 31)

Под шкурой *обатраченных*, обезличенных, кабальных колхозников крестьяне остаются крестьянами. (Голос России.1932. июль. № 12)

... только случайно Пушкин избег полного *офранцужения*. (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35)

Все высшие школы Риги *олатышены*. Латышский язык сделан в них обязательным предметом преподавания. (Возрождение. 1919. 8 окт. № 82)

Модельные дериваты от глаголов, мотивированных этнонимами (*обрусить, онемечить(ся), ополячить(ся), офранцузить(ся), сарматить(ся) = ополячить(ся)* и др.¹), были в ходу уже в 19 в., так что – на первый взгляд – ничего нового эмигранты не внесли, используя готовые словообразовательные механизмы, однако в эмигрантском дискурсе частотность и актуальность вообще всех производных от этнонимов резко возросли. Ср., например, глагол *обкитаиться*, частотный у русских эмигрантов (беженцев), живущих в Китае [Оглезнева 2004: 50], *офранцузиться* у русских эмигрантов, живущих во Франции (РЯЗ 2001: 25, 33, 37, 60). Ср. также пример из Тамперского корпуса, свидетельствующий об активности и актуальности номинаций с префиксом *о-/об-* в языке русских в Финляндии:

<А> на да / но они были ... такие финны ... все-таки...

<Б> да/ так сказать *офиннившиеся* / во всяком случае меняли даже ... из православия переходили в лютеранство // (пленка 14 сторона Б: 39)

Советская публицистика широко использовала данную модель, мотивирующими основами становились референты, находящиеся в центре общественного внимания: *обуржуазивание, огосударствление, озвездить* (вручить новорожденному звезду взамен прежней традиции вручени крестика при крещении), *оказенивание, оказенить, окоммунистичить(ся), окомсомоливание, окомсомолить(ся) – окомсомоливать(ся), окулачиваться, опионериться, опролетаризовать, рабочение, рабоченный, рабочивание, отроцкистить*

¹ Все эти глаголы даны, например, в Сл. Даля.

[Селищев 1928]. Эмигрантская пресса содержит производные с префиксом *о-/об-/обо-*, относимые, по преимуществу, к этническим номинациям (в кругу обозначений концептуального поля «денационализация» ↔ «сохранение национальной идентичности»), социально-политические номинации единичны и относятся к советскому дискурсу.

Префикс *пан-*

Заметно активнее, чем в советских газетах, в эмигрантской прессе ведет себя префикс *пан-*: *пангерманизм*, *панъевропейский*, *панславизм*, *пантуруанский*, *пантурецкий*.

И такой же удар нанесла она и *пангерманизму*, фундамент которого разрушен до основания. [...] Не может быть речи теперь и о политическом *панславизме*. Перед славянством вырисовывается иная огромная задача – культурный *панславизм*, пророчески провиденный поэтом и борцом чешского возрождения пламенным и нежным Колларом. (Огни. 1924. 7 янв. № 1)

Вчера под председательством Потоцкого и Ледницкого состоялось организационное заседание польской секции *паневропейского* [sic] союза. (Дни. 1926. 17 нояб. № 1161)

... осуществление *пантурецких* или *пантуруанских* замыслов, – каждое из этих событий должно оказать грандиозное влияние на международную политику. (Сегодня. 1930. 12 янв. № 12)

Примечательно, что ни А. Мазон, ни С.И. Карцевский, ни А.М. Селищев не фиксируют ни одного производного с этим словообразовательным формантом. Видимо, определенную роль в активизации префикса *пан-* у эмигрантов сыграла евразийская доктрина, в рамках которой число номинаций, включающих такие словообразовательные компоненты, как *обще-*, *все-*, *пан-*, имеющих значение всеобщности, было достаточно велико. Ср., например, такие примеры из работы Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» (1920 г.): «променяв свою национальную физиономию на *общероманогерманскую*», «*общероманогерманский* шовинизм», «в основе космополитизма, этой религии *общечеловеческой*, оказывается антикультурное начало – эгоцентризм»; «*всеобщая* европеизация», «пруссаки-космополит одинаково возмущаются своим соотечественником-*пангерманцем*» и др.

2.5. *Дериваты со значением неистинности, ложности*

Префиксы *псевдо-*, *квази-*, *лже-*

Производство слов с префиксами *псевдо-*, *лже-*, *квази-* (*quasi-*) было продуктивным в эмигрантской прессе. Словообразовательная активность и понят-

на, и легко объяснима: при помощи таких слов эмигранты демонстрировали свое отношение к новому строю и новым социальным референтам, квалифицируя их как неподлинные, ложные. В русском языке первая волна активности данных словообразовательных формантов приходится на середину 19 в., когда в демократической публицистике появилось множество дериватов, несущих характеризующую функцию [Сорокин 1965: 276-278]. Примечательно, что в конце 19 – начале 20 в. эти форманты не проявляли особой продуктивности в русском языке; в [Лексика 1981] не отмечено ни одного производного. Эти префиксы проявляли бóльшую активность, пожалуй, в период подполья большевистской партии, чем после революции [Лехикойнен 1990]. Ср. у Ленина в ранней работе: *”либерально-народнический квазисоциализм”* («Задачи русских социал-демократов»), у Плеханова: *«Ленин – псевдо-диалектик»* («Политическое завещание», 1918 г.). После революции 1917 г., в частности, ни А. Мазон, ни С.И. Карцевский, ни А.М. Селищев не отмечают актуализированных старых или новых дериватов с этими формантами.

Самым частотным и активным в эмигрантской прессе был префикс *лже-*: *лжекоммунистический, лжекультурный, лжемитрополит, лженародный, лжеотечество, лжереволюция, лжерешение, лжеучитель, лжеэволюционный.*

[Коммунисты] создали тот *лжекоммунистический* смрад и развал, какой мы имеем в России. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Все современные *лже-культурные* [sic] и пр. нагромождения должны быть разрушены до основания, чтобы люди решительно приступили к возведению новой постройки. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Красный *”живоцерковный”* самозванный [sic] Синод, возглавляемый пьяницей, богохульником и отступником *лжемитрополитом* Евдокимом, готовит на октябрь созыв Всероссийского Церковного Собора, на котором задумано отдать в окончательную кабалу Комиссарам православную Церковь Христову. (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

Не может быть примирения и соглашения с богоборческой *лженародной* властью. (Рус. голос. 1939. 9 апреля. N 418)

... благодаря подлинной революции в России и *лже-революциям* [sic] в центральной Европе значительная часть политической власти, по крайней мере по форме, перешла в руки коммунистов и социал-демократов.. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Все другие предлагают массам всякие *лже-решения*, которые последними и глотаются. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

... сеют соблазны в молодых умах *лжеучители*: одни за советские серебрянники [sic], другие – заумные снобы – доброхотно.. (Младоросская искра. 1932. 20 авг. № 21)

... эти процессы не оставляют больше камня на камне от всех *лже-”эволюционных”* [sic] – реформистских, постепеновских, пацифистских и т.п. – теорий.. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Обращает на себя внимание дифференциация эмигрантских газет, использующих слова с данным префиксом: много примеров приведено из анархической газеты, один пример – это цитация советской газеты, и, наконец, другие цитаты – из монархических изданий; демократические газеты не фиксируют дериватов с *лже-*. Таким образом, можно говорить об известном языковом изоморфизме двух политических дискурсов, на первый взгляд противоположных по интенциям: монархического и анархического. Оба дискурса оперируют идентичными языковыми маркерами, переводящими любые референты из дискурса политических оппонентов в разряд неверифицируемых (этот механизм широко используется в современном языковом манипулировании [Шейгал 2004]).

Языковая продуктивность префикса *лже-* – одно из проявлений более общей по семантике оппозиции «истинный – ложный». В публицистической полемике в один ряд с ней становятся оппозиции «свой ↔ чужой», «мы ↔ они», «наши» ↔ «не-наши», которые являются одними из ведущих, определяющих прагматилистических принципов построения советского и эмигрантского дискурса.

Префиксы *псевдо-*, *квази-*, иноязычные по происхождению, но имеющие приблизительно ту же семантику, что и *лже-*, очень редки в эмигрантских газетах: *псевдобольшевизм*, *quasi-реформаторство*.

Большевизм или *псевдо-большевизм* [sic] – вот что грозит несчастной Риге и всей Латвии. (Призыв. 1919. 4 (21.12) дек. № 135)

Не стоило бы и останавливаться на этой жалкой потуге советского *quasi реформаторства* [sic]. (За свободу. 1925. 3 янв. № 2 (1406))

Языковое воплощение идеи ложности, неистинности в эмигрантских газетах реализовывалось, главным образом, в анархических изданиях. Использование дериватов с таким значением мотивировалось теорией анархистов, рассматривающих большевистскую революцию как уклонившуюся, свернувшую с единственно верного (с их точки зрения – анархического) пути. Другие эмигрантские газеты дают намного меньше дериватов с префиксами со значением ложности; все номинации советских референтов при помощи префикса *лже-* (как самого частотного) несут характеризующую функцию и преследуют прагматическую цель эксплицировать неистинность, временность, преходящий характер, эфемерность советских реалий.

2.6. Дериваты со значением местоположения, локуса

Эта группа производных, снабженных префиксами и/или префиксами и суффиксами с первичным (исходным) локативным значением, в сочетании с основами, обозначающими те или иные абстрактные понятия, обильно представлена в эмигрантской прессе. Такие производные называют локус референтов

относительно какого-либо центрального номинативного ядра, понятия и на основе пространственных значений префиксов (или префиксов и суффиксов) позволяют семантически идентифицировать степень политической самостоятельности/несамостоятельности, зависимости/независимости референтов. Особенно продуктивными являются следующие деривационные элементы:

Префикс *под-*

Префикс *под-* при образовании имен существительных присоединяется к основе слова, придавая референту значение подчиненности, зависимости: *подленинец*, *подзиновьевец*, *подкулачник*.

... австрийская социал демократия [sic], вместо того, чтобы тратить силы на борьбу с хулиганствующими *подзиновьевцами*, может все их целиком отдавать практической созидательной работе. (Дни. 1925. 5 февр. № 683)

... твердокаменные *подленинцы* с особым упрямством твердят: "партия не откроеет ни единой щели для закоренелых врагов рабочей диктатуры". (Огни. 1924. 21 янв. № 3)

Многие [красноармейцы] не выдерживают, возмущаются и попадают под суды разных видов, начиная от ротного, где таким пришивают "кулака" и "подкулачника" и объявляют [их имена. – А.З.] в газетах. (Голос России. 1931. 2 авг. № 1)

Эта модель с префиксом *под-* для номинации существительных, образованных как от имен собственных, так и нарицательных, уже была в ходу в языке конца 19 – начала 20 в. Ср. дериваты: окказионализм *подмаксимовик* (< Максим Горький; обозначение литераторов, испытавших влияние творчества этого писателя и работавших в схожей художественной манере) [Лексика 1981: 192], *подпольник*, *подпольщик*, *подпольщик-боевик* [Селищев 1928: 171, 173, 174]. В советское время А.М. Селищев отмечает появление слова *подшефник* (*подшефный*) [Селищев 1928: 173, 175]; в период коллективизации появился дериват *подкулачник*¹, однако отантропонимических дериватов с *под-* не отмечается [Obermann 1968]. Эмигрантская пресса, напротив, использует отантропонимическую модель для создания дериватов с характеризующей функцией; термин *подкулачник* является, конечно, заимствованным из советского дискурса.

Префикс *под-* в сочетании с суффиксами *-н-*, *-ск-* служит для образования имен прилагательных с тем же значением подчиненности, зависимости, но такие производные единичны: *подсоветский*.

И длительное, нудное, томящее "сидение в окопах"... Такой вот период своего рода "окопного сидения" переживает ныне и *подсоветский* народ, и вся русская эмиграция. [из речи генерала А.И. Деникина 22 февраля 1931 года] (Голос России. 1931. 2 авг. № 1)

¹ В СУ: *Подкулачник*, -а, м. (нов.). В условиях классового расслоения деревни – человек, действовавший в интересах кулака.

Итак, производные с *под-*, наряду с номинацией какого-либо явления, содержат также его пейоративную оценку.

Префикс *инфра-*

Иноязычным эквивалентом русского префикса *под-* является латинский по происхождению префикс *инфра-*, который встретился в интересном деривате *инфраподпольный*, в котором, с деривационной точки зрения, произошло префиксальное удвоение, однако стилистически такой дериват был оправдан частичной утратой семантики русским префиксом *под-* в слове *подпольный* (*подполье*), и иностранный префикс выполнял не столько номинативную, сколько характеризующую (усилительную) роль¹.

... в России и по сие время без всякого сомнения существуют немладоросские монархисты. [...] Они не могут быть сгруппированы ни в каком, даже камуфлетном, даже *инфраподпольном* союзе или объединении и вряд ли между ними возможен хотя бы частный обмен мнениями. (Младоросская искра. 1933. 5 янв. № 26)

Префикс *суб-*

Префикс *суб-* с тем же значением, что и русская приставка *под-*, используется, в отличие от характеризующего (в данном случае) префикса *инфра-*, в нейтральном по стилистике термине *субинспектор*.

Вирзин до своего назначения в Митаву состоял *суб-инспектором* [sic] уголовной полиции в Риге. (Сегодня. 1930. 5 янв. № 5)

Таким образом, в синонимическом ряду префиксов *под-*, *инфра-*, *суб-* нейтральным в эмигрантской прессе выступает только иноязычный префикс *суб-*. В отличие от него, близкие по смыслу и русская приставка *под-*, и иноязычная *инфра-* выполняют характеризующую функцию.

Префикс *над-*

Противоположное словообразовательное значение нахождения сверху, сверху, поверх чего-либо имеет префикс *над-*, производные с которым и призваны были показать противопоставление эмигрантского дискурса (разумеется, не всего, но значительной его части, преимущественно монархической) советско-

¹ Актуальность понятия "подполье" в русской жизни просто поразительна: еще в 1870-1890-е годы в языке возник окказионализм *надпольный* (по модели *подпольный*) в значении "легальный" на основе мены префиксов: «солидарность *надпольной* печати с *подпольной*»; правда, этот газетизм не прижился в русском языке [Сорокин 1965: 519 сноска 264]. Эмигранты, как видим, в создании публицистической номинации также оттолкнулись от ключевого термина *подполье*.

му: крайняя степень идеологизированности, политизированности последнего с полным подчинением господствующей большевистской идеологии (пейоративные дериваты с префиксом *под-*) и – непартийный, неполитический или нивелирующий политические разногласия эмигрантский дискурс (дериваты с *над-*). См. список производных в эмигрантских газетах: *надплеменной, надсословный, надпартийный, надклассовый, надпатриотический*.

Печатный орган, о котором мы ведем речь, будет не партийный, – а *надпартийный* орган с широкой программой улучшения быта и жизни русских людей. (Рус. газета. 1937. № 1)

Под маской защиты "общенародных" и "надклассовых" интересов в Болгарии огнем и мечом устанавливается "порядок", "спокойствие" и ... "законность". (Анархич. вестник. 1923. № 2)

[Русские социалисты] переоценили .. силу европейского рабочего движения, а также распространенность и глубину интернационалистического, или, если угодно, *надпатриотического* чувства в народных массах. (Дни. 1925. 28 янв. № 676)

... для большей скрепы Новой Империи мы провозглашаем прежний основной стержень исторической России: Монарха Всероссийского, этого Верховного, *надплеменного, надсословного и надпартийного* арбитра Нации. (Сигнал. 1939. 1 апр. № 52)

Производные с приставкой *над-* являлись, несомненно, важными и актуальными обозначениями в эмигрантских газетах и служили для выражения некоторых ключевых идей, связанных с поисками национально-политической идентичности и сплочения. В советском языке исследователи не отмечают словообразовательного всплеска дериватов с *над-*. Самое очевидное объяснение заключается, на наш взгляд, во внешнем (экстралингвистическом) факторе. Самое понятие "надклассовости, внеклассовости" (и вообще политических концептов с *вне-*, *над-*) было раскритиковано в работах Ленина и на долгие годы и десятилетия попало в пейоративный советский политический лексикон. Ср. цитату: "... в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда *внеклассовой* или *надклассовой* идеологии" («Что делать?», 1902 г.). Именно эта цитата приведена в качестве иллюстрации в СУ на слово *внеклассовый*.

Префикс *меж-/между-*

Префикс *меж-* (*между-*) в значении нахождения, расположения, связи нескольких референтов (денотатов) использовался в эмигрантской публицистике в основном для производства актуальных для эмигрантского дискурса понятий, в частности, так возникли дериваты с корнем *союз* (*союзник*) в пределах референта «Антанта», номинации отношений частей внутри имперского государства. Многие из этих производных оставались активными в эмигрант-

ском дискурсе продолжительное время, в отличие от советского дискурса, где они быстро переключались на лексическую периферию. См. список дериватов: *междусоюзнический, междусоюзный, межимперский, межкапиталистический, межсоюзный*.

Нота Совета Послов Германии .. передана послам союзнических государств в Берлине .. При вручении этой ноты послы уведомят германское правительство, что их правительства намерены вручить вторую ноту позднее, именно после рассмотрения доклада *междусоюзнической* контрольной комиссией. (За свободу. 1925. 3 янв. № 2 (1406))

Междусоюзный пароход "Indeficientes"¹ вышел на ближний восток. (Голос Родины. 1919. 13 мая. № 263.)

Конференция послов занималась рассмотрением инцидентов, происшедших в декабре в Мемеле во время пребывания там *междусоюзнической* балтийской комиссии под председательством генерала Нисселя. (Призыв. 1920. 13 (29.2) марта. № 62)

Особый интерес представляет доклад комиссии о *межимперских* отношениях. [...] Он касается: 1) положения самоуправляющихся доминионов; 2) отношений между различными частями Британской Империи. [...] Он устанавливает систему сношений и консультаций между имперским правительством и правительством доминионов. (Дни. 1926. 21 нояб. № 1165)

[Нынешние коммунисты] создали *межкапиталистическую* грязь, гниль и разруху, которую представляет сейчас большая часть Европы. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Таким образом, активность префиксов *под-, над-, инфра-, между- (меж-)* со значением местоположения, локуса в эмигрантской публицистике вызвана номинативными и прагматическими причинами: назвать (и/или характеризовать) те или иные референты, маркирующие и противопоставляющие два дискурса, советский и эмигрантский.

2.7. *Дериваты со значением неполноты, промежуточности признака, качества*

Префикс *пол-/полу-*

Словообразовательным формантом, служащим для наименования производных, группируемых вокруг этого значения, является префиксоид *пол-/полу-*. Потребность в номинациях с *пол-/полу-* возникла в начале 20 в. для обозначения политической позиции индивида; ср. окказионализм 1905-1906 гг. *полупо-*

¹ Исп. *indeficiente* "обязательный, неперемный".

*литик*¹ ”солдат, сосланный на каторгу за революционные высказывания” [Лексика 1981: 284], *полупролетарий* (часто встречается у Ленина; это слово попало даже в СУ как экономический термин) [см. также: Лехикоинен 1990: 223]. В русском языке исконное значение префиксоида *пол-/полу-* не содержало иронических коннотаций; ирония как коннотативный компонент словообразовательного значения появилась только с середины 18 в. под влиянием франц. *de mi-* ”наполовину; неполный” [подробнее об истории и семантике префиксоида в русском языке см.: Зеленин 2000с]. В эмигрантской прессе номинативное значение префикса *пол-/полу-* сохраняется. Дериваты с префиксоидом *пол-/полу-* с обозначением политических, социальных референтов достаточно частотны в эмигрантской прессе, называя актуальные для эмигрантского дискурса понятия: *полуинтеллигент, полуинтеллигенция, полумонархист, полуреспубликанец, полунепредрешенец, полунезависимый, полуофициальный*.

Но среди непредрешенцев есть лица и группы, которые стоят несколько особняком. Их правильнее было бы назвать *полунепредрешенцами*. Наиболее ярким выразителем этих настроений является сейчас ген. Деникин. (Сигнал. 1939. 1 апр. № 52)

Во всех слоях народонаселения, за исключением небольшой правительственной клики, опирающейся на новое чиновничество и на *полуинтеллигентов*, правительство Ульманиса считается совершенно нежизнеспособным. (Призыв. 1919. 4 (21.12) дек. № 135)

Сепаратизм не имеет глубоких корней в малороссийской ветви русской нации. Это явление заносное, подхваченное только частью малороссийской *полуинтеллигенции* из честолюбивых или корыстных побуждений. (Рус. голос. 1939. 19 февр. № 411)

Примером вооруженной борьбы за установление власти новой господской группы является борьба всех политических партий, начиная с *полумонархистов-полуреспубликанцев*-кадетов и кончая левым крылом социалистической демократии – коммунистами-большевиками. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Если в прошлом году конгресс, вдохновляемый вождем-пророком Ганди, стоял на позиции превращения Индии в доминион; эта *полунезависимая* государственная форма как будто удовлетворяла те средние круги, которые имеют своим органом национальные конгрессы. (Сегодня. 1930. 12 янв. № 12)

В советском публицистическом языке 20-30-х годов 20 в. дериваты с *пол-/полу-*, судя по материалам [Мазон 1920, Карцевский 2000, Селищев 1928, Оберманн 1968, РЯСОС 1968], неактивны.

Характеризующая функция префиксоида *пол-/полу-* может проявляться в именах существительных, заключающих прагматическую оценку денотата в понятийном ядре: *полуидиот, полусумасшедший, полусветский*, или в

¹ Этот пример весьма выразителен тем, что в начале 20 в. в речевом обиходе *политику* ассоциировали преимущественно с революционными взглядами, идеями; ср., напр.: *сидеть за политику* (находиться в тюрьме, под следствием за революционную деятельность, пропаганду), сюда же относится субстантив *политические* ”революционеры”.

номинациях, преимущественно политической сферы, подвергающихся, как правило, той или иной субъективной (групповой) оценке: *полубуржуазный*, *полукрасный*.

... политические расчеты и схемы буржуазных и *полубуржуазных* мудрецов..
(Анархич. вестник. 1923. № 1)

Особенно велика ненависть Комиссаров к маленькой Болгарии, где правит в полном согласии с молодым Царем Борисом Национальное правительство Цанкова, успевшее за эти годы, после свержения *полукрасного* правительства друга большевиков Стамбулийского, благополучно подавить уже несколько устроенных из Москвы попыток красного переворота. (Рус. правда. 1925. сент.-окт.)

2.8. *Темпоральные дериваты*

Производные, содержащие в своей семантической структуре временные (темпоральные) локализаторы, выражаемые префиксальными, префиксально-суффиксальными морфемами, составляют важный, актуальный лексический пласт в эмигрантских газетах. Конечно, в первую очередь рост таких дериватов был спровоцирован теми социальными, политическими, экономическими условиями, в которых оказались беженцы. Для абсолютного большинства эмигрантов время оказалось расколотым на две части: дореволюционное и беженское, эмигрантское. Изменилось психологическое измерение времени в субъективном мире человека: когда он жил в дореволюционной России, время текло иначе, чем тогда, когда он оказался в изгнании, в беженстве. Оно измерялось чаще не годами, периодами, десятилетиями, а теми или иными хронологическими вехами, составляющими опорные точки психологического пространственно-временного континуума. Словообразовательные элементы с темпоральным значением позволяли назвать референт относительно некой опорной точки. Какие же префиксальные и префиксально-суффиксальные средства чаще всего использовались эмигрантами для называния денотатов с временным значением? Пожалуй, лидерами являются префиксы *до-*, *по-* или *после-* и *пред-*.

Префикс *до-*

Префикс *до-* имеет значение предшествования какому-либо событию, факту, в эмигрантских текстах он встретился нам в следующих производных: *добольшевистский*, *довоенный*, *дооктябрьский*, *допушкинский*, *дореволюционный*, *дофевральский*, *дофашистский*.

В *добольшевистской* Москве было в году два знаменательных момента, переживание которых способно было заронить в душу неизгладимые впечатления. [...] То были – Пасхальная ночь и Татьянин день. (Огни. 1924. 28 янв. № 4)

... огромные массы населения [в Германии] совершенно разорены полным обесцениением разного рода бумаг *довоенного* времени. (Дни. 1925. 30 янв. № 678)

Кто наблюдал рабочих и крестьян в величественные *дооктябрьские* и октябрьские дни, тот видел, что нашу революцию творили широкие массы народа, стремившиеся разрешить в революции вековой спор между "черной" и "белой" костью, между трудом и капиталом. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

... машина советской государственности действует, главным образом, опытом и знаниями старой *дореволюционной* бюрократии и служилой интеллигенции. (Дни. 1926. 19 нояб. № 1163)

... всё .. мало-мальски отрицательное, существовавшее за все бытие *дофевральской* России, блекнет перед теми ужасами, которые последние годы творят вызванные ими же, социалистами, злые духи. (Призыв. 1920. 12 (28.2) марта. № 61)

И еще более удивительно это [благожелательное] отношение Италии к фашизму для всякого, кто давно знал и *дофашистскую* и *довоенную* Италию. (Руль. 1926. 14 апр. № 1630)

Итак, для эмигрантов значимыми, поворотными моментами современной истории являлись:

- а) Первая мировая война,
- б) Февральская буржуазно-демократическая революция,
- в) Октябрьский переворот (так чаще всего именовали события осени 1917 г. монархисты и часть демократов) или революция (в анархических текстах),
- г) создание фашистской организации и идеологии, в которой многие эмигранты видели возможный механизм свержения большевизма.

Эти опорные исторические точки и служили мотивирующими основами при производстве дериватов с *до-*. Любопытно, что в советской публицистике смысловой акцент в дериватах с префиксом *до-* был смещен в сферу практической деятельности: *дозавуч* (< школа дозаводского обучения), *допризывник*, *дошкольник* [Селищев 1928: 170, 173, 174].

Префикс *пред-*

Префикс *пред-*, имеющий значение близкого предшествования какому-либо событию, является стилистически маркированным в русском языке. В эмигрантской публицистике он также достаточно широко используется. С одной стороны, встречаются производные, называющие некоторые понятия-историзмы (*Предучредилка*¹).

¹ С.И. Карцевский отмечает только официальное наименование *Предпарламент*, считая его калькой с нем. *Vorparlament* [Карцевский 2000: 244]. Это был Временный совет Российской республики, совещательный орган (со 2 (15) октября до 25 октября (7 ноября) 1917 г.)

Нельзя обвинять "Предучредилку", не вынесшую порицание большевикам накануне их выступления, чего так добивался в это историческое заседание Керенский. Все равно это не остановило бы большевиков, на следующий день разогнавших "Предучредилку". (Голос Родины. 1919. 1-14 мая. № 264)

С другой стороны, префикс сохранялся в религиозной лексике (*предпразднество, предпасхальный*), а также называл новые, возникшие в эмигрантском дискурсе, понятия: *предрешенец, предрешение, предрешенство*, семантическая и словообразовательная мотивировка которых заключалась в предикативном словосочетании *предсказать решение будущего устройства России* (после падения режима большевиков).

Суббота перед Рожд.[еством] Христовым. *Предпразднество* Рождества Христова. (Возрождение. 1932. 2 янв. № 2405)

Великий пост и *предпасхальные* дни – самая горячая здесь работа. (Возрождение. 1937. 10 апр. № 4073)

Самая возможность участия в любой революции народных масс требует подобного определения (как теперь выражаются: *предрешения*) целей. (Младоросская искра. 1933. 15 нояб. № 34)

Префиксы *по-*, *после-*

Противоположное темпоральное словообразовательное значение следования после какого-либо события, названного мотивирующим словом, выражалось префиксом *по-* или *после-*: *покоммунистический, пореволюционный, пореволюционность, пореволюционер*. Этот префикс преобладает, префикс *после-* встретился только в одном случае (в двух орфографических вариантах): *после-большевистский, послебольшевицкий*.

Можно предположить, что в *покоммунистической* России они [монархисты] попытаются заговорить.. (Младоросская искра. 1933. 5 янв. № 26)

За годы эмиграции появились многочисленные политические группировки *пореволюционные*. Эти группировки подчеркивают свою "*пореволюционность*", заявляя, что смотрят не в прошлое, а будущее [sic; без предлога *в*]. (Младоросская искра. 1933. 10 июля. № 31)

Другой умник, профессор Алексеев, бывший евразиец, *пореволюционер* и явный большевикан, выпалил неожиданно.. (Возрождение. 1937. 10 апр. № 4073)

Закончил свой доклад профессор теплым обращением к студенческой молодежи, призывая ее к активной работе, к воспитанию в себе той сильной личности, которая так нужна будет в *послебольшевицкой* России. (Дни. 1925. 10 февр. № 687)

при буржуазном Временном правительстве А.Ф. Керенского. Эмигрантская пресса дает неофициальную, разговорную номинацию.

Префикс *по-* по направлению к 20 в. постепенно терял свою словообразующую силу, будучи синкретичным и перегруженным категориальными значениями; префикс *после-*, напротив, набирал словообразовательную силу и активность, поскольку обладал ясной и прозрачной семантикой¹. Семантически эквивалентный иноязычный префикс *пост-* еще не был известен ни русскому советскому, ни эмигрантскому языку². Преобладание производных с *по-* в эмигрантских текстах свидетельствует, что данный словообразовательный формант являлся в них основным, ведущим для выражения словообразовательного темпорального значения, значительно превосходя свой семантический аналог *после-*.

Префикс *нео-*

Словообразовательное значение нового, измененного качества, состояния денотата выражается иноязычным префиксом *нео-*; интересно, что в СУ в структуре денотативного значения приведена коннотация "чаще всего (в) ухудшенной форме" [СУ Т.2: 522]. Этот префикс обычно сочетается с абстрактными референтами (политические идеи, художественные течения, философские направления и т.д.). В эмигрантском дискурсе префикс *нео-* использовался для производства дериватов, обозначающих те или иные модификации актуальных для эмигрантов политических идей, приверженцев той или иной доктрины: *неомладоросс*, *неомонархист*, *неохристианство*.

Провокатор Стерлигов .. объявил себя "неомладороссом" и пытался привлечь к себе членов Союза Младороссов. (Младоросская искра. 1932. 12 июля. № 20)

А некоторые добродетельные европейские демократы еще удивляются открытому и тесному союзу немецких москвичей с германскими "нео-монархистами" [sic] или итальянских большевиков с фашизмом, этим "практическим осуществлением" любезного Москве учения *нео-монархистов* [sic] французских. (Дни. 1925. 27 янв. № 675)

... волхвы *неохристианства* не отвратят ее [русскую церковь. – А.З.] от веры отцов. (Младоросская искра. 1932. 20 авг. № 21)

Итак, темпоральные дериваты играли более важную конструктивную роль в языковой практике эмигрантов, в отличие, например, от того, что происходило в советском языке 20-30-х годов, где данные префиксы (судя по наличию инноваций в советском послереволюционном языке) не получили словообразовательной активизации. Более активно производные с *нео-* в русский советский язык начинают проникать начиная с 50-60-х годов 20 в., получив особенную активность в 1990-е годы [Земская 1992: 90; РЯК 1996: 134; Ryazanova-Clarke & Wade 1999: 199, 215; ТССРЯ 2001: 507-508].

¹ В качестве префикса он впервые был признан только в СО-49.

² Первые заимствования в языке метрополии относятся к 50-60-м годам 20 в. Первая лексикографическая фиксация префикса *пост-* дается в [МАС-2].

3.0. Компрессивные модели словообразования

Наряду с номинативной функцией словообразования, заключающейся в производстве новых номинативных единиц, важное место в словообразовательном синтезе занимают также конструктивная функция (сжатие словосочетания, пропозициональной структуры до одного слова) и компрессивная (образование лексико-деривационных единиц, более экономных по сравнению с исходным однословным или описательным, многословным прототипом). Аббревиация, универбация и усечение являются, пожалуй, одними из самых ярких и характерных моделей словообразования, демонстрирующих действие компрессивной функции словообразования в русском языке. Аббревиатуры – это языковые элементы особой морфолого-синтаксической структуры, являющиеся продуктом вторичной номинации. Активизация усечений в русском языке 20 в. и проникновение их на страницы прессы находится в прямой зависимости от аббревиатурного способа словообразования. Более экономным языковым элементом являются и универбаты (обычно к ним относят дериваты, образованные при помощи суффикса -к(а); это, несомненно, массовый языковой продукт 20 в. Однако какие тенденции в аббревиатурных механизмах и процессах универбации и усечения характерны для эмигрантской публицистики, насколько они были развиты в сравнении с аналогичными языковыми фактами советской прессы – эти вопросы будут центральными в настоящей части работы.

3.1. *Аббревиация*

Появление аббревиации как нового способа словообразования в русском языке обычно связывают со становлением советской политической системы¹. В 1960-е годы М.В. Пановым в развитие идей Е.Д. Поливанова была предложена теория языковых антиномий [РЯСОЛ 1968: 24-28]: 1. антиномия говорящего и слушающего; 2. антиномия узуса и возможностей языковой системы; 3. антиномия кода и текста; 4. антиномия, обусловленная асимметричностью языкового знака; 5. антиномия двух функций языка – информационной и экспрессивной. В этой системе языковых динамических координат аббревиация как новый способ порождения слов ближайшим образом связана с первым и третьим типами антиномий. Аббревиация – этот компрессивный тип передачи информации – основана на изменении привычных кодов коммуникации между говорящим и слушающим; кроме того, аббревиация связана с функциональным перераспределением между кодом и текстом, поскольку аббревиатура ”сжимает” пропозициональное выражение [Ярмашевич 1990, 1993, 2002].

¹ «Невозможно отрицать качественный скачок в развитии аббревиации, происшедший после 1917 г., не подлежит сомнению связь этого скачка с революцией» [РЯСОС 1968: 74].

Если до революции 1917 г. способы сокращения слов находились на языковой периферии, то, рассмотренные в контексте социальных потрясений, массовые, лавинообразные аббревиатурные процессы явились в каком-то смысле когнитивным "вызовом" как языковой личности, так и всему социуму в целом. В этой связи уместно привести высказывание К. Чуковского, показывающего импульсный, массивный характер появления аббревиатур после революции 1917 г.: "Вот несколько разительных примеров. В России *сберегательные кассы* были учреждены в 1841 году, но лишь после 1917 года, то есть после того, как они просуществовали лет восемьдесят, они, подчиняясь новым темпам общественной жизни, стали именоваться в народе *сберкассами*. Такова же участь *Литературного фонда*, который превратился в *Литфонд*. Литературный фонд был основан А.В. Дружининым в 1859 году, и в дореволюционное время ни у кого не было ни желания, ни надобности называть его сокращенно *Литфонд*. И еще пример такого же запоздалого словесного сплава. Московский Художественный театр лет двадцать был Московским Художественным театром и только в советскую пору сделался для каждого МХАТом. Прежде в домашнем кругу мы для скорости говорили: "Художественный", отбрасывая первое и последнее слово: – Достали билет в Художественный? – В Художественном нынче "Дядя Ваня". Но до МХАТа никто не додумывался. А если бы и додумался, слово это повисло бы в воздухе и не вошло в широкий речевой обиход, так как такое сцепление звуков еще не стало массовой привычкой" [Чуковский 1962: 79]. Распространение и укоренение аббревиации в русском языке, по мнению исследователей, "за короткий срок было бы немыслимо без принятия ее большинством населения" [РЯСОС 1968: 74]. Ср. также суждение очевидца бурных языковых изменений: "Разница между образованиями дореволюционными и современными в широте распространения. В то время как до войны подобные термины были доступны только немногим лицам, после революции они стали всеобщим достоянием" [Баранников 1919: 68]. Целый "веер" оценочных суждений об аббревиации (от ее восторженного восхваления до полного отрицания¹) содержится в текстах той эпохи².

Типология сложносокращенных слов стала предметом внимания лингвистов сразу же в первые послереволюционные годы, что было обусловлено массовым возникновением таких дериватов в языке. Основная оппозиция в сложносокращенных словах установилась между инициальными и слоговыми аббревиатурами: инициальные сокращения были слишком непривычны структуре русского языка ("без заметных словообразовательных прецедентов,

¹ Как полагали некоторые исследователи, критики аббревиации выдвигали в основном "эстетические" критерии неприемлемости таких новых языковых образований, однако "«эстетическая функция» в суровое революционное время не могла быть определяющей в развитии языка" [РЯСОС 1968: 74].

² Подборка таких высказываний приведена, например, в: [РЯСОС 1968: 70-75; Виноградов 1977: 37-45; Лехикойнен 1990: 102-104].

без опоры на какие-либо словообразовательные типы”¹), напротив – слоговая аббревиация ”в какой-то мере была приемлема в качестве своеобразного продолжения русского словосложения” (типа *Святополк, Златоуст, Новгород, пустослов*) [Алексеев 1979: 75]. Кратко представим некоторые классификации сложносокращенных слов лингвистами той, послереволюционной, поры:

---

¹ [РЯСОС 1968: 75]. Ср. высказывание Д.И. Алексеева, данное им в другой работе: ”Инициальные аббревиатуры .. воспринимались на первых порах как нечто совершенно необычное в русском языке, новое и странное” [Алексеев 1979: 244-245].

Мазон	Карцевский	Селищев
1. буквенные (abréviation littérale), напр.: <i>эс-эр (с.-р.), ка-дэ (к.-д.), Буп</i> (Бюро украинской печати)	1. буквенные, напр.: <i>с.р.</i> (социалист-революционер), <i>н.р.</i> (народный социалист), <i>к.р.</i> (контрреволюционер)	1. названия по начальным буквам или звукам слов: а) буквенные: <i>МЧК</i> (Московская чрезвычайная комиссия) б) по начальным звукам: <i>ВАПП</i> (Всероссийская ассоциация пролетарских писателей)
2. слоговые (abréviation syllabique), напр.: <i>Продамет, Продуголь, коарм</i> (командующий армией), <i>Военмин</i> (военное министерство)	2. звуковые, напр.: <i>МОНО</i> (Московский отдел народного образования), <i>ГВИУ</i> (Главное военное-инженерное управление), <i>нэп</i> (новая экономическая политика), <i>юк</i> (юный коммунист).	2. произношение по начальным слогам, напр.: <i>агитпроп</i> (агитационная пропаганда)
3. смешанные (abréviations mixtes), напр.: <i>Викжедор</i> (Всероссийский исполнительный комитет железных дорог), <i>Цеквод</i> (Центральный комитет союза работников водного хозяйства), <i>Всепрофжель</i> (Всероссийский железнодорожный профессиональный союз агентов технико-распорядительного комитета)	3. слоговые, напр.: <i>совдеп, совнархоз, внешторг, генштаб, политком</i> (политический комиссар). Сюда же: <i>спец</i> (специалист), <i>экс</i> (экспроприация), <i>зам</i> (заместитель).	3. слоги-словные, напр.: <i>совпредставитель, парторганизация.</i>
	4. смешанные, напр.: <i>Роста</i> (Российское телеграфное агентство), <i>Викжедор</i> = <i>Викжель</i> (Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников), <i>Диск</i> (дом искусств), <i>шкраб</i> (школьный работник).	
	5. сложные*, напр.: <i>Главнефть, Центрокнига, Центробалт</i> (центральная политическая организация Балтийского флота), <i>политбюро, ревтрибунал, Добрармия.</i>	

Источники: [Мазон 1920: 2-12], [Карцевский 2000: 247-249], [Селищев 1928: 158-164]¹.

* По мнению Карцевского, этот тип аббревиатур имеет больше всего шансов на распространение, поскольку "мотивированность подобных образований доступна пониманию широких кругов" [Карцевский 2000: 251].

¹ Обзор работ лингвистов в послереволюционную эпоху дан также в: [Лехикоинен 1990: 35-36].

Один из блестящих эмигрантских журналистов и публицистов Н.И. Федоров, эмигрировавший из Советской России в начале 1920-х годов и под конец жизни осевший в Аргентине, в 1952 г. выпустил острую публицистическую книгу «Советизация эмигрантского языка», в которой среди прочих «уродств» русского советского языка называет и аббревиацию (в его терминологии, сокращения: «совдеп, комсомол, совхоз, компартия, киноактер»), доведенную большевиками «до крайности» [Федоров 1952: 7-8]. Насколько обоснованны упреки Федорова «советскому (большевистскому) языку» и как обстояло дело с процессами аббревиации в русском языке Зарубежья? Чтобы в дальнейшем вести рассуждения по этой теме, представим типологию сложносокращенных слов в эмигрантской прессе.

1. Инициальные аббревиатуры:

а) с точечным написанием: *В.Ф.П.* (Всероссийская фашистская партия), *Ч.С.Р.* (Чехословацкая республика), *Р.С.Ф.С.Р.* (Российская Советская Федеративная Социалистическая республика), *Р.Ф.О.* (Русская фашистская организация), *С.М.* (Союз младороссов), *О.Г.П.У.* (Объединенное государственное политическое управление), *Г.К.Т.* (Генеральная конфедерация труда (Мексика)), *М.-Б. ж.д.* (Минско-Белорусская железная дорога), *М.И.Д.* (Министерство иностранных дел), *У.Н.К.* (Союз французских комбатантов¹), *Р.с.-д.р.-п.* (Российская социал-демократическая рабочая партия). Ср. также вариативность, обусловленную включением в аббревиатуру сочинительного союза в исходном термине: *К.И.А. и Ф.* = *К.И.А.Ф.* (Корпус Императорских армии и флота), которая может встречаться даже в одном издании или на одной странице. Включение/невключение союза «и» в структуру аббревиатуры – обычно явление фонетического порядка: для устранения скопления консонантов (ср., например, раннее сокращение *РОПиТ*, а также послереволюционные типа *СРиСД* «Совет Рабочих и Солдатских Депутатов»). Скопление гласных звуков препятствует участию гласного «и» в структуре аббревиатуры, отчего и происходит его элиминация и приспособление сложносокращенного слова к более удобному произношению. Интересно отметить, что в данную группу входят как аббревиатурные образования, возникшие на почве эмигрантского языка, так и советские аббревиатуры.

Уже в сентябре Союз вошел в деловой контакт с *Н.Т.С. Нового поколения*, Общеказахским Объединением и местной организацией *В.Ф.П.* (Родзаевского) (Сигнал. 1938. 1 окт. № 40)

Председателем Совнаркома *Р.С.Ф.С.Р.* и *С.С.Р.* избран Рыков. (Огни. 1924. 11 февр. № 6)

После молебна все собрались за городом, у начальника вуковарского отдела *К.И.А.Ф.* кап.[итана] Воронова на обед. (Младоросская искра. 1933. N 32. 15 августа) – Ср.: С приветствиями Союзу Младороссов выступали от *К.И.А.иФ.* полк. Ерофеев.. (Младоросская искра. 1933. 15 авг. № 32)

¹ Транслитерация франц. аббревиатуры *UNK* – Union Nationale des Combatants.

б) лексикализованные инициальные аббревиатуры (бесточечные) буквенного типа: *НКВД* (Народный комиссариат внутренних дел), *НСРЖ* (Национальный союз русских женщин), *РООВА* (Русское объединенное Общество взаимопомощи в Америке), *РДО* (Республиканско-демократическое объединение), *РОНД* (Российское освободительное народное движение), *ГССМ* (Главный совет Союза Младороссов), *ОПКСМ* (Отдел подготовки кадров Союза Младороссов), *РКИ* (Рабоче-крестьянская инспекция), *Окдва* (Особая Краснознаменная Дальневосточная Армия), *СРД* (Совет рабочих депутатов), *ВЦСПС* (Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов), *РСХД* (Русское студенческое христианское движение). В этой группе находятся как советские аббревиатуры, так и неизвестные советскому языку, появившиеся в эмигрантском обиходе. Сюда же относятся и транслитерированные акронимы типа *НБС* (англ. *NBC*¹), *ПТТ*², *СЖТ*³). Ср. примеры:

... с сообщением о своей поездке на Балканы выступил председатель Казачьего Центра *СМ* член *ГССМ* Г.И. Чапчиков. (Младоросская искра. 1933. 15 нояб. № 34)

Краснота Частей *Окдва* (Голос России. 1931. 2 авг. № 1)

На днях этот павильон посетил французский министр *ПТТ*, в последнее время особенно интересующийся телевидением. (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

Почему *СЖТ* ведет именно теперь такую усиленную агитацию? (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

Концерт будет передаваться по всей стране "красной" сетью *НБС* с 10 часов вечера по Восточному времени (в Чикаго с 9 часов). (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35)

Очень редко используется такой прием ввода аббревиатуры, как сосуществование аналитической номинации с последующей аббревиатурой. Предполагается, что читатель данной газеты уже знаком с суммой аббревиатур, функционирующих на страницах издания или в пределах данной группы (политической, военной):

В июне 1932 года был образован в нашем Союзе [Младороссов – А.З.] Отдел Подготовки Кадров (*ОПКСМ*). (Младоросская искра. 1934. 1 дек. № 42)

Приведенный список явственно показывает практически равноправное сосуществование в эмигрантском языке инициальных как точечных, так и бесточечных написаний. Подтверждением этого может служить также двоякое (вариативное) написание одних и тех же сложносокращенных слов: *Р.Н.С.У.В.*

¹ Транслитерация английской (американской) аббревиатуры *NBC* (National Broadcasting Company), крупнейшей радиовещательной радиоконпании Америки.

² Транслитерация франц. аббревиатуры *ПТТ* для обозначения Министерства связи Франции (по первым буквам: Poste. Téléphone. Télégraphe).

³ Транслитерация аббревиатуры *CGT* – Confédération Générale du Travail "Всеобщая конфедерация труда".

= *РНСУВ* (Русский Национальный Союз участников войны), *С.С.С.Р.* = *СССР* = *С.С.Р.* (Союз Советских Социалистических республик), *Р.К.П.* = *ВКП* (Российская коммунистическая партия, Всесоюзная коммунистическая партия), *Н.Т.С.* (Национально-трудовой союз) = *НТСНП* (Национально-трудовой союз нового поколения), *Ц.К.* = *ЦК* = *цк* (Центральный комитет), *Р.Ц.С.М.* = *РЦСМ* (Руководящий центр Союза Младороссов), *Г.П.У.* = *ГПУ* (Главное политическое управление), *Р.О.В.С.* = *РОВС* (Русский общевойсковой союз), *к.д.* = *кадет* = *ка-дет*, *ка-дэ* (конституционный демократ), *с.-р.*, *эсер* = *эс-эр*, *эс-ер* (социалист-революционер), *ч.к.* = *Чека* = *чека* = *че-ка* (Чрезвычайная комиссия), *Д.В.* = *ДВ*¹ (Дальний Восток). Ср. примеры:

(1) На собрании председательствовал Председатель Главного Правления *Р.Н.С.У.В.* подполковник А.В. Чернощек. (Сигнал. 1939. 1 апр. № 52)

(2) Императорский Штандарт как символ монархической сущности *РНСУВ.* (Сигнал. 1939. 1 апр. № 52)

(1) Не прекращаются стачки рабочих и судебные процессы против "контр-революционной" интеллигенции, обычно обвиняемой чаще всего в "шпионаже" против *С.С.С.Р.* (За свободу. 1925. 1 янв. № 1 (1405))

(2) Тиккар совершенно легально с заграничным паспортом уехал из Эстонии в *СССР* (Сегодня. 1930. 10 янв. № 10)

(3) Наркомвнутдел заявляет, что прием просьб от живущих в России о разрешении въехать в *С.С.Р.* их родственникам – прекращается. (Огни. 1924. 21 янв. № 3)

(1) *Ц.К.* социалистической партии (Воля России. 17 сент. 1920. № 5)

(2) *ЦК* [германской компартии] заявляет.. (Дни. 1925. 31 янв. № 679)

(1) Председатель *РЦСМ* на Чехословакию.. (Младоросская искра. 1933. 15 нояб. № 34.)

(2) Лиц, интересующихся младоросским движением, .. просят обращаться письменно к генеральному секретарю представительства *Р.Ц.С.М.* на Францию. (Младоросская искра. 1933. 10 июля. № 31)

(1) Казаки знали давно и были готовы к тому, что за ударами по *Р.О.В.С.* последуют удары по казачеству. (Рус. голос. 1939. 2 апр. № 417)

(2) .. вольно или невольно играет в руку тех же большевиков, старающихся разрушить так ненавидимый ими *РОВС*... (Рус. голос. 1939. 2 апр. № 417)

(1) Дело как будто сводится к тому, что от партии *к.-д.* требуется некое исповедание революционного символа веры.. (Руль. 1920. 1 дек. № 13)

(2) .. *кадеты*, вплотную переплелись с монархистами и погромщиками (Воля России. 17 сент. 1920. № 5)

(3) В этом отношении *ка-дэты* все-таки оказались рассудительнее: по крайней мере, мы в печати не встретили никаких соответственных "требований", предъявляемых ими другой стороне. (Руль. 1920. 1 дек. № 13)

(4) Это восстание [во Владивостоке] объединило все партии от левых *ка-дэ* до большевиков. (Воля России. 1920. 14 сент. № 2)

¹ В советском обиходе чаще пользовались аббревиатурой *ДВР* (< Дальневосточная республика), причем ограниченный промежуток времени (6 апреля 1920 – 15 ноября 1922). Аббревиатуру *ДВ* следует, видимо, признать эмигрантским изобретением, поскольку в советских газетах нам не удалось ее зафиксировать.

(5) В состав дальневосточного правительства входят в настоящее время с.-р. А.Круглов, *кадет* Виноградов .. беспартийный Болдырев, *кадэ* Исакович и др. (Воля России. 1920. 19 сент. № 7)

Даже в одном предложении в контактной позиции могут встречаться аббревиатуры точечного и бесточечного типа; очевидно, это связано с разной степенью фонетической адаптации аббревиатур:

Советская каторга под наименованием "Лагерей Особого Назначения *О.Г.П.У.*" или "*УЛОНОВ*" представляет поистине жуткую картину.. (Голос России. 1931. 2 авг. № 1)

Так, первая аббревиатура предполагает буквенное прочтение, вторая же – фонемное: в языковом сознании *О.Г.П.У.* выбивается из числа обычных слов (между звуками есть минипаузы, что и маркируют точки между буквами), вторая аббревиатура (*УЛОН*) фонетически больше удовлетворяет критериям обычного слова, что и маркирует отсутствие точек внутри сложносокращенной формы.

Проблематичной для эмигрантов оставалась родовая принадлежность аббревиатуры *СССР* – была ли она мужского, женского или среднего рода; зачастую решение о роде было связано с эмоциональными факторами – в случае неприятия как большевистского режима, так и – вследствие сего – данной аббревиатуры: "в самой *С.С.С.Р.*"¹ (За свободу. 1925. 1 янв. № 1 (1405)) – "безличное *СССР*"² (Дни. 1925. 27 янв. № 675). Родовое варьирование этой ключевой аббревиатуры позволяло эмигрантам проявлять неистощимую изобретательность в дискредитации референта.

Очевидно, для эмигрантов не существовало явного предпочтения ни того, ни другого типа инициального сокращения слов, однако первая группа (точечные написания), ориентированная на аббревиатурную номинацию эмигрантских референтов, все-таки склоняет "чашу аббревиатурных весов" в сторону признания точечных написаний преимущественным типом. Если в советском языке "устранение точечных написаний [...] началось в 1918-1919 гг., а закончилось к началу 30-х годов" [РЯСОС 1968: 77], то для эмигрантского языка это утверждение неприемлемо. Зияющая пропасть между слоговыми и буквенными аббревиатурами в первые послереволюционные годы стала быстро преодолеваться уже в 20-е годы 20 века вместе с утратой точечных написаний и (под влиянием слоговых и инициально-слоговых сложносокращенных слов) "начинает все более и более активно использоваться как средство собственно словообразовательное" [РЯСОС 1968: 77]. Тем самым происходило приспособление инициальных аббревиатур к системе языка в ее живом функционировании. Действительно, устранение точек внутри сложносокращен-

¹ Возможно, отождествление по референту: *Россия* ≈ *СССР*.

² Средний род призван подчеркнуть временный, преходящий характер как самого денотата, так и его словесного обозначения; таким образом, категория среднего рода в данном случае становилась прагматическим маркером фиктивности и негации референта.

ного слова – это скорейший путь к превращению данного деривата в лексикализованную форму, лишению ее формальных характеристик неизменяемого слова и проникновению в узуальное употребление. Эмигрантская публицистика не дает такого поступательного развития сложносокращенных слов (от инициального точечного написания → к последующему инициальному бесточечному лексикализованному), свойственного советскому языку. Напротив, точечные написания аббревиатур поддерживали в языковом сознании эмигрантов условный, искусственный характер номинаций, образованных путем стяжения частей нескольких слов в одно. Лексикализация аббревиатур в эмигрантском языке происходила гораздо более замедленными темпами, чем в советском дискурсе.

С одной стороны, можно говорить о сложении некоторого фонда аббревиатур в эмигрантской прессе, даваемых без пояснения, с другой – встречаются случаи комбинации в структуре лексемы как аббревиатурного, так и лексического (автономного) компонентов:

Уже в сентябре Союз вошел в деловой контакт с *Н.Т.С.* Нового поколения.. (Сигнал. 1938. 1 окт. № 40)

Трудовым отделом *О.-К. С.-Х.* (общеказачьего сельскохозяйственного) Союза получено от Министерства Путей Сообщения право на 50% скидки при проезде членов союза на сельско-хозяйственные [sic] работы. (Огни. 1924. 18 февр. № 7)

Ср. также синонимическое сосуществование в одном ряду языковых феноменов разной степени аббревиации: *С.А.С.Ш.* (Северо-Американские соединенные штаты) = *САШ* (Северо-Американские штаты) = *С.А.С.Штаты* = *С. Штаты* (Соединенные штаты) = *Соед. Штаты*:

(1) .. Соед.[иненные] Штаты.. (За свободу. 1925. 3 янв. № 2 (1406))

(2) .. президент С.А.С.Ш. Рузвельт сделал на тайном заседании сенатской комиссии по обороне заявление, что С.А.С.Ш. должны сотрудничать с Англией и Францией.. (Рус. голос. 1939. 5 февр. № 409)

(3) С.[оединенные] Штаты предпочитают выждать дополнительных сведений о характере советско-японского сближения. (Последн. новости. 1940. 1 янв. № 6853)

Последняя аббревиатура примечательна также тем, что ее аббревиатурные варианты могут соседствовать с графическими усечениями (особенно это касается частотных, употребительных номинаций); таким образом, графические сокращения постоянно "подтачивают" процесс складывания аббревиатур в эмигрантском языке, "отбрасывая" аббревиацию на уровень графики текста и затрудняя оформление ее на словообразовательном уровне.

в) лексикализованные инициальные аббревиатуры (бесточечные) звукового типа: *нэп* (новая экономическая политика), *ЦИК* = *цик* (Центральный исполнительный комитет), *вуз* (высшее учебное заведение), *УЛОН* = *улон* (Управление

ние лагерей особого назначения), ЗАГС (запись актов гражданского состояния), АРОСК (Англо-русский объединенный совещательный комитет), Допр (Дом предварительного заключения), ИМКА (русское прочтение транскрипции английской аббревиатуры YMCA – Young Men’s Christian Association), МОПР (Международное общество помощи революционерам), НОВ (Национальная организация витязей), ТАСС (Телеграфное агентство Советского Союза), ОРЭСО (Общество русских эмигрантских студенческих организаций). Такого типа аббревиатуры редки в эмигрантских газетах, представляя в подавляющем большинстве советские номинации. Ср. примеры:

Зато всевозможные воспитательные организации: соколы, скауты несколько организаций, разведчики, витязи НОВ, витязи РСХД, ИМКА, добровольцы, мушкетеры и т.д. – все они играют большую роль в ”руссификации” [sic] нашей молодежи. Все эти организации ставят себе задачу воспитать молодежь физически, духовно и национально. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

Прекращение деятельности АРОСК знаменует собой отход английских рабочих от советской власти как насадительницы классовой войны, и отход глубокий и безвозвратный. (Возрождение. 1927. 4 окт. № 854)

Правлением ОРЭСО .. постановлен срок намечаемой уже давно конференции. (Огни. 1924. 25 февр. № 8)

Итак, звуковой тип аббревиатур мало распространен в эмигрантской прессе.

Показателем приспособления сложносокращенных слов инициального типа является также парадигматическое изменение их по законам русской морфологической системы (т.е. включение в категорию рода, числа, падежа). Эти процессы обнаружили практически сразу с появлением этого класса слов; многочисленные примеры приведены в [Mazon 1920; Селищев 1928; РЯСОС 1968; Лехикойнен 1990; Comrie et al. 1996]. Как же происходила адаптация сложносокращенных слов инициального типа в эмигрантских изданиях? Вхождение аббревиатур в систему склоняемых имен существительных в эмигрантской публицистике происходило с большим языковым сопротивлением. С одной стороны, мы видим случаи склонения аббревиатур, например, *Чека*, *нэп*, *вуз*, *цик* по падежам, что есть признание их статуса как обычных слов языка, подчиняющихся морфолого-синтаксическим законам:

ЦК [германской компартии] заявляет, что в Германии вообще не может быть ”чеки”, так как здесь нет советской власти.. (Дни. 1925. 31 янв. № 679)

Нынешнее православное духовенство в СССР почти полностью состоит из людей, выросших и воспитанных под большевиками, получивших духовное образование и посвящение в катакомбах, несмотря на скорпионы *Чеки* и ГПУ. (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

Жданов .. руководил на Урале расстрелами спецов, а в Нижнем Новгороде стоял во главе *Чеки*, причем заслужил там репутацию изувера. (Возрождение. 1939. 7 июля. № 4191)

Ну, и придумали: придумали образовать при *Цике* совещание, в состав которого вошли "герои" Екатеринбургского злодейства Белобородов, Зиновьев, Енукидзе, Коганович [sic], Наумчик, Семашко, Милютин, Полуян и еще полсотни членов *Цика*, – с Калининым во главе. (За свободу. 1925. 3 янв. № 2 (1406))

С другой стороны, есть примеры и другого рода – неизменяемости звуковой аббревиатуры, что может свидетельствовать о стремлении включить их в разряд неизменяемых существительных (очевидно, ввиду необычности семантики и структуры в узусе). Ср.:

Меккель остается сидеть, а Лиза, незадолго до того освобожденная из "чека", снова арестовывается, прямо на улице, с заламыванием рук назад, мордобитием и другими прелестями чекистского обращения. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Самое состояние ГПУ, переделанного из *Чека*, вполне иллюстрирует назначение и роль этих войск. Это янычары диктатуры Коммунистической партии. (Голос России. 1931. 1 сент. № 2)

Осадить чересчур ретивых агентов *Чека*. (Руль. 1920. 1 дек. № 13)

Влиянием вышеприведенных звуковых аббревиатур с финальным консонантом можно объяснить и редкие случаи склонения эмигрантских аббревиатур. Ср.:

... сольются воедино ручейки дальневосточного Русского фашизма, фашизма подъяремного, Союза младороссов и *РОНД-а..* (Младоросская искра. 1933. 15 нояб. № 34)

Попытка морфологической адаптации аббревиатуры *СССР* по модели имен собственных, обозначающих названия государств на *-ия*, имела словообразовательные прототипы в первые послереволюционные годы, когда возникли такие дериваты, как *Совдепия* [Павловская 1967: 16], *Скоропадия*, *Красновия* [Селищев 1928: 194]. Тем не менее, названия *СССР-ия*, *Триэсерия* (игровое прочтение аббревиатуры *СССР* как слова, состоящего количественно из трех звуков-букв «с» и одного звука (одной буквы) «р») следует, видимо, признать эмигрантским изобретением, которое долго служило в эмигрантской прессе средством экспрессивно-денотативной референции (подробнее об этом в главе "Прецедентные феномены").

Игровая интерпретация аббревиатур проявляется и в прочтении *РКП* по законам "народной фонетики" – *Рыкапы* (вместо нормативного [эркапэ¹]):

Минувший год начался почти сразу драматическим моментом для *Р.К.П.*: в конце января от нее отпала, наконец, совершенно отгнившая голова ее: умер Ленин, "мозг *Рыкапы*", ее вдохновитель, ее творец и ее бессменный лекарь. (За свободу. 1925. 1 янв. № 1 (1405))

¹ Очевидно стремление сблизить звучание (и значение) аббревиатуры с глаголом *рыкать*, существительным *рычание*, обладающими негативной ассоциативно-звуковой фоникой.

Одним из свидетельств вхождения и адаптации аббревиатур в языке является также возможность выступать в качестве производящих слов, то есть служить базой для создания словообразовательных гнезд. Эмигрантская публицистика в этом отношении дает намного более скромные деривативные результаты, чем это было в советском языке. Ср., в частности, трансплантированные из русского советского в эмигрантский узус словообразовательные ряды, возникшие в первые послереволюционные годы:

Чека – чекист – чекистка – чекистский:

- (1) Двадцать лет коммунистические пионеры доносят *чекистам* на своих родителей, и тем не менее половина жителей СССР не побоялась заявить на переписи свою верность религии отцов. (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)
- (2) В пределах Советской России *чекистским* ищейкам удалось пронюхать некоторые линии нашего распространения. (Рус. правда. 1925. июль-авг.)
- (3) .. подчиненный надзору *чекистов*. (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)
- (4) *Чекисты* заливают Россию человеческой кровью.. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

эсер – эсеровский – эсеровско-большевицкий [sic]:

- (1) Часто от комсомольцев приходилось слышать, что если придется сдавать позиции, то лучше их сдать монархистам или кадетам, чем меньшевикам и *эсерам*. (Голос России. 1932. сент.-окт. № 13 -14)
- (2) Никакой "традиции" ленинской ведь и нет: была демагогия – сначала противополопомещичья, купно *эсеровско-большевицкая*.. (За свободу. 1925. 4 янв. № 3 (1407))
- (3) ... *левоэсеровские* течения и организации (Анархич. вестник. 1923. №1)

нэп – нэпман – нэпмановский:

- (1) ... *нэпмановский* "коммунизм" (Анархич. вестник. 1923. № 2)
- (2) Против этой открытой буржуазной хозяйственной идеологии *нэпманов* и трестов восстают коммунистические литераторы, а также комиссарская знать, стоящая за ограничение нэпа или даже за его ликвидацию. (Анархич. вестник. 1924. № 7)

совдеп – Совдепия – совдеповский:

- (1) ... с нелегкой руки вчерашних слуг "*совдепов*" и новоявленных "спасителей отечества" и "вождей" теперь уже и улица выносит свое мнение и свои суждения. (Рус. голос. 1939. 2 апр. № 417)
- (2) ... паек [улучшенного питания] можно получить по свидетельству врача, главным образом после тифа. Но получить его крайне трудно, надо ловить момент, когда в какой лавке есть соответствующий продукт и иметь знакомство или в *совдепе* или в лавке. (Воля России. 1920. 17 сент. № 5)
- (3) ... в *Совдепии* процветает небывалое в истории России взяточничество.. (Руль. 1920. 1 декабря. N 13)
- (4) В этом галдеже одни по недомыслию, по общей распущенности, другие сознательно, творя волю купивших их, кричат о том, что подсказывается "*совде-*

повскими” агентами, о том, что составляет одно из очередных заданий по разложению эмиграции, по ослаблению наших сил. (Рус. голос. 1939. 2 апр. № 417)

ка-дет – *кадет* – *кадетский* (примеры на *ка-дет*, *кадет* см. выше):

... меньшевистский или даже *кадетский* режим.. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

2. Смешанные аббревиатуры – это такие сложносокращенные слова, которые сочетают в своей структуре “как инициальные, так и слоговые звенья” [Алексеев 1979: 203]. В нашем материале встретился только один пример такого рода: аббревиатура *ИНОГПУ* (Иностранный отдел Главного политического управления); ее референт был особенно актуален для жизни многих эмигрантов:

Красное “недремлющее око” *ИНОГПУ* тотчас же замечает вновь возникший наш “внутренний фронт”, а Коминтерн начинает старательно разжигать наши страсти нашептыванием сплетен, инсинуаций и “легенд”. (Сигнал. 1938. 1 сент. № 38)

Итак, смешанный тип аббревиатур неактивен в эмигрантской публицистике; единственный пример представляет собой заимствование из советского языка.

3. Слоговые аббревиатуры. Этот тип сложносокращенных слов в нашем материале во много раз превосходит количество инициальных аббревиатур, что может объясняться двумя причинами: 1. структурным составом таких номинаций, более соответствующих русскому языку, чем инициальные аббревиатуры; 2. стилистической функцией – инициальные аббревиатуры более книжные по стилистической окраске, слоговые же аббревиатуры чаще всего располагаются в нейтральном или разговорном регистрах [РЯСОС 1968: 79; СРЯ 1981; Виноградова 1984: 28-29].

Типология слоговых аббревиатур в эмигрантской публицистике:

- аббревиатуры из начальных частей слов: *политком* (политический комиссар), *совдеп* (совет депутатов), *рабкор* (рабочий корреспондент), *колхоз* (коллективное хозяйство), *сексот* (секретный сотрудник¹), *фининтерн* (финансовый интернационал), *краском* (красный командир), *военспец* (военный специалист), *селькор* (сельский корреспондент), *губздрав* (губернское здравоохранение), *наркомвнутдел* (народный комиссар внутренних дел), *рабфак* (рабочий факультет), *партком* (партийный комитет), *полпред* (полномочный представитель), *комсомол* (коммунистический союз молодежи),

¹ Эта номинация не попала в СУ. Она фиксируется только в позднейших иностранных специальных работах [Росси 1987: 354] с указанием, что это слово используется уже с 1917 г.; ср. также иные словесные аналоги, зафиксированные преимущественно в языке маргинальных групп по крайней мере уже в начале 20 в.: “*кукушка*”, *стукач*, *чакма*, *чакар*, *утка*, *крякушник*, *лярва* “доносчик”. Впервые обозначение *сексот* появилось в отечественных словарях, изданных в постсоветское время.

главк (главный комитет), *совнарком* (совет народных комиссаров), *Коминтерн* (коммунистический интернационал), *нарком* (народный комиссар), *ревтриб* (революционный трибунал), *завком* (заводской комитет), *исполком* (исполнительный комитет), *комнезам* (украин.: комитет незаможных селян; ср. русский эквивалент: комитет бедноты, иначе – комбед), *крайком* (краевой комитет), *крестинтерн* (крестьянский интернационал), *наркомпрос* (народный комиссар просвещения), *наркомфин* (народный комиссар финансов), *профинтерн* (Красный Интернационал профсоюзов), *совнархоз* (совет народного хозяйства), *упродком* (уездный продовольственный комитет). См. несколько примеров:

Терроризированный командный состав, боясь ответственности, подчиняется требованиям, военным комиссарам и *политкомам*.. (Рус. голос. 1939. 12 марта. № 414)

Но связь с деревней ярче всего иллюстрируется на массовом истреблении так наз. "*селькоров*" – корреспондентов сов.[етских] газет с мест. (За свободу. 1925. 1 янв. № 1 (1405))

Бывшие городовые, жандармы, а также разные темные личности заседают в так называемых *комнезамах*. (Анархич. вест. 1924. № 7)

В поездах КВЖД столовые в руках советского агента, в Общество спальных вагонов введены чекисты и *сексоты*. (Голос России. 1931. 2 авг. № 1)

Спустя два дня арестовали и также посадили "под строгую изоляцию" т. Мекеля, который имел неосторожность послать *ревтриба* к черту. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Среди приведенного списка сложносокращенных слов, состоящих из частей нескольких лексем, словообразовательная деривация минимальна, что свидетельствует о преобладании чисто номинативного аспекта аббревиации (для новых денотатов); ср., впрочем:

комсомол – *комсомолка* – *комсомольский*:

(1) Отношения между *комсомольцами* и комсомолками самые близкие, и комсомолка, не отвечающая на притязания комсомольца, может навлечь на себя подозрение в буржуазном уклоне. (Голос России. 1932. июль. № 12)

(2) *Комсомольские* закрытые школы-общежития. (Голос России. 1932. июль. № 12)

коминтерн – *коминтерновский*:

Бравый *коминтерновский* тактик обсуждает такой вопрос.. (Дни. 1925. 12 февр. № 689)

Мутационное словообразование, проявляющееся, в частности, в осложнении семантики производного слова некоторым смысловым приращением, в эмигрантской прессе мало проявлено; исключения редки и касаются важных

для эмигрантов референтов: *полпред* > *полпредство*, *торгпред* > *торгпредство* (мутационный суффикс *-ство*). Ср. примеры:

... есть в Финляндии и *полпредство* и *торгпредство* (Руль. 1930. 20 июня. № 2906)

- аббревиатуры из начальной части слова с целым словом: *интуризм* (иностраный туризм), *интурист* (иностраный турист), *комсостав* (командный состав), *рабсила* (рабочая сила), *губсуд* (губернский суд), *губфинотдел* (губернский финансовый отдел), *политграмота* (политическая грамота), *комвласть* (коммунистическая власть), *Добрармия* (Добровольческая армия), *эвакпункт* (эвакуационный пункт), *компартия* (коммунистическая партия), *профсоюз* (профессиональный союз), *райсовет* (районный совет), *концлагерь* (концентрационный лагерь), *госпромышленность* (государственная промышленность), *госторговля* (государственная торговля), *Татреспублика* (Татарская республика), *стенгазета* (стенная газета), *комячейка* (коммунистическая ячейка), *партактив* (партийный актив), *промстроительство* (промышленное строительство), *ревтрибунал* (революционный трибунал), *госбанк* (государственный банк), *промбанк* (промышленный банк), *политсостав* (политический состав), *санинструктор* (санитарный инструктор), *сельсовет* (сельский совет), *Дальлес* (Дальневосточный лес), *совшкола* (советская школа), *соваппарат* (советский аппарат), *совконсульство* (советское консульство), *совкооперация* (советская кооперация), *совчиновник* (советский чиновник), *трудоармеец* (человек, исполняющий воинскую повинность в Трудовой Армии¹), *зарплата* (заработная плата), *жилплощадь* (жилая площадь), *совдисциплина* (советская дисциплина), *политизолятор* (политический изолятор), *политбюро* (политическое бюро), *главсахар* (Главное управление сахарной промышленности), *главтабак* (Главное управление табачной промышленности), *ак-театр* (академический театр), *Главнаука* (Главное управление научных, музейных и научно-художественных учреждений), *госкино* (Государственная контро-ра по производству кинофильмов), *колдоговор* (коллективный договор), *комдеспотия* (коммунистическая деспотия), *коминтеллигенция* (коммунистическая интеллигенция), *комищейка* (коммунистическая/ий ищейка), *профчиновник* (профсоюзный чиновник). Ср. примеры:

[Француз] увидел в самых окрестностях Москвы поразительную картину бедности и дикарства, босоногую толпу, для которой и автомобиль был в диковину, пустую деревенскую лавку, а потом был окружен переводчицами, попал в условия "интуризма".. (Рус. голос. 1939. 26 февраля. № 412)

Комвласть усиленно маскировала действительное положение дел в России. (Анархич. вестник. 1923. № 5-6)

Подкупить начальника *эвакпункта* в Тамбове можно было за 100 тысяч рублей. (Руль. 1920. 1 дек. № 13)

¹ [Протченко 1975: 181; Росси 1987: 412].

Мы имеем теперь все основания предложить им обратить, наконец, свое благосклонное внимание на количество заключенных в коммунистических тюрьмах, концлагерях и застенках. (Младоросская искра. 1933. 5 янв. № 26)

... кого *комячейка* хочет почему-либо уничтожить, того уничтожает. (Дни. 1925. 11 февр. № 688)

[Моральный разрыв между высшими штабами и войсками] несомненно был в *Добрармии*, и особенно остро мы чувствуем его теперь, в настоящее время. (Сигнал. 1939. 1 апр. № 52)

В первые послереволюционные годы вариативность усеченного компонента от относительного прилагательного *советский* была все-таки невелика [Павловская 1967: 19; РЯСОС 1968: 75; Лехикойнен 1990: 95]; в нашем материале встретился один случай: *соввласть – советвласть*. Ср:

(1) Чека была в России "политической полицией" *соввласти*, предназначенной для борьбы с контрреволюцией. (Дни. 1925. 31 янв. № 679)

(2) Товарищ И. Карташев впервые вошел в [махновское] движение в ноябре 1920 г., в дни соглашения махновцев с *советвластью*. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Как в русском советском языке существовавшая вариативность быстро была ликвидирована за счет победы варианта *сов-*, так и в эмигрантских газетах усеченный компонент *совет-* следует рассматривать как вариант, не поддержанный эмигрантским узусом.

Образование дериватов при помощи интерфикса *-о-* в советском языке было более активным¹, чем в эмигрантском; в нашем материале встретилось два примера, заимствованных из советского языка: *центросоюз* (Центральный союз < Центральный союз потребительских обществ СССР), *центротекстиль* (Центральный текстиль < Центральный комитет профсоюза рабочих текстильной промышленности). Ср.:

Такие большие учреждения, как *Центросоюз*, *Центротекстиль*, Высший Совет Народного Хозяйства и различные главки – глав-табак, глав-сахар – получали лучше других. (Воля России. 1920. 17 сент. № 5)

Интерес представляют окказиональные дериваты, построенные с целью языковой игры по принципу:

а) антитезы: *профактив* (профессиональный актив) → *профпассив* (профессиональный пассив; правда, пример можно отнести скорее к некодифицированному, "низовому" советскому языку, чем к номинативному словообразованию эмигрантской публицистики).

В Москве приспособившиеся спецы – полусерьезно, полуиронически – называют себя "*профпассивом*", т.е. людьми, как бы профессионально неспособными

¹ Компонент *-о-* в данных образованиях следует, конечно, рассматривать как семантически незначимый, интерфиксальный элемент. Обширный список образований приведен, например, в: [Лехикойнен 1990: 95].

и неприспосабливаемыми к политическому действию. (Дни. 1926. 19 нояб. № 1163)

б) комбинации компонентов внутри аббревиатуры, логически и семантически слабо сочетающиеся друг с другом: *главмилитармышль*, *мыслармия*¹, *комищейка*. См. примеры:

... совет Северной коммуны принял его [проект Сашки Граммофона] без прений. Немедленно был организован "Главмилитармышль", и работа закипела. [Н. Рахманов. Милитаризация мысли] (Воля России. 1920. 18 сент. № 6)

... под присмотром Вавилы Тяпки и Сашки Граммофона была милитаризована мысль. Мобилизованные ученые, художники, писатели и композиторы составили "Мыслармию". [Н. Рахманов. Милитаризация мысли] (Воля России. 1920. 18 сент. № 6)

На требовательных мастеров и техников рабочие, наиболее развращенные призраком своей якобы диктатуры, доносят в заводскую комячейку; *комищейки*² бегут в чеку и неизбежное совершается. Головорубка Дзержинского начинает действовать.. (Дни. 1925. 3 февр. № 681)

в) окказиональной комбинации компонентов, мотивированных референтами текущей ситуации: *леском* (< лесной комитет; по аналогии с *партком*, *профком*), *нацмальчик(и)* (национальный мальчик/национальные мальчики)³. Ср.:

Мобилизация в деревнях большевикам ничего не дает. Обычно крестьяне аккуратно являются в воинское присутствие, получают оружие и сейчас же убегают и скрываются в лесах – "поступают в *лескомы*", как выражаются повстанцы. (Руть. 1920. 2 дек. № 14)

"*Нацмальчики*" хорошо формулировали эту характерную черту будущей России: "здоровый национальный эгоизм". Надо полагать, что и в эмиграции наш старинный российский космополитизм выветрился окончательно. (Сигнал. 1938. 1 сент. № 38)

Наиболее частотными усечениями слов в эмигрантских газетах были следующие:

¹ Использование в фельетоне ментального обозначения *мышль* как объекта воздействия большевистской идеологии весьма примечательно. Это поразительно корреспондирует с одним из ведущих компонентов Словаря «В» (*правмышль* < правильно мыслить, *престумышлие* < преступление в мыслях, *мыслеполис* < полиция мыслей, *старомышльцы* < мыслящие по-старому) в романе Дж. Оруэлла «1984», написанном намного позже, в 1949 г.

² Игровой эффект рождается благодаря аллитерации: *комячейка* – *комищейка*.

³ Семантическая и референциальная мотивировка данного деривата недвусмысленно указывает структуру референта: осуществление **национальной** революции **молодым** поколением (в члены организации (Национально-Трудового Союза Нового поколения – НТСНП) принимали людей, родившихся не ранее 1895 г.). Другие, нейтральные в стилистическом отношении, номинации денотата: *новопоколенцы*, *солидаристы*.

сов-, *совет-*: совдеп, совдепия, совдисциплина, совшкола, совнарком, совкооперация, соввласть и др.;

ком- (< коммунистический): комсомол, коминтерн, комвласть, компартия, комячейка;

раб-: рабкор, рабфак, рабсила;

глав-: главк, главсахар, главтабак, главнаука;

полит-: политграмота, политсостав, политотдел;

губ-: губздрав, губсуд, губфинотдел;

гос-: госпромышленность, госторговля, госбанк, госкино;

сель-: селькор, сельсовет;

рев-: ревтриб, ревтрибунал;

парт-: партком, партактив;

пол-: полпред, полпредство;

торг-: торгпред, торгпредство.

ком- (< командный): комсостав

Если сопоставить этот репертуар препозитивных элементов с их списком в советском языке [Селищев 1928: 160-162; Алексеев 1966: 22; РЯСОС 1968: 71-88; Лехикойнен 1990: 73-104], то очевидна их и количественная, и тематическая ограниченность (в сравнении с советским языком) в структуре сложносокращенных слов в эмигрантской прессе.

- аббревиатуры из сочетания начальной части слова с формой косвенного падежа существительного. В нашем материале только несколько случаев: *предколхоза* (председатель колхоза), *помкомвзвода* (помощник командира взвода), *райземдел* (районный отдел по земельным делам), *окрземдел* (окружной отдел по земельным делам), *Минземдел* (Министерство по земельным делам). Ср.:

Первый прицел всеобщей ненависти – это **большевик** [выделено автором статьи. – А.З.]: чекист, раскулачиватель, активист, *предколхоза*, сексот, и пр., и пр. (Сигнал. 1938. 15 сент. № 39.)

Но местная ячейка и сельсовет и *Райземотдел* и *Окрземотдел* усмотрели в нем кулака.. (Руль. 1930. 2 янв. № 2767)

3.2. Усечения

Бурное развитие аббревиатурных процессов послужило, по мнению многих исследователей, стимулом для формирования такого деривационного явления

ния, как усечения: ”возникновения новых слов путем усечения неаббревиатурных слов по аббревиатурному способу”¹. В первые послереволюционные годы возникли, в частности, такие усечения: *зам* (< заместитель), *зав* (< заведующий), *пом* (< помощник), *контра* (< контрреволюция) [Селищев 1928; Шанский 1967: 6; Comrie et al. 1996: 141; Лехикойнен 1990: 28]. Заметим, что Карцевский относил данные языковые феномены к слоговым аббревиатурам [Карцевский 2000: 248], в РГ-80 усечения рассмотрены как разновидность аббревиации [РГ 1980 Т. 1: 256]. Слова эти, возникнув в языке и став широко употребительными, быстро лексикализировались; ср., напр., их фиксацию в СУ:

Спец, *спеца* и (простореч.) *спеца́*, м. (нов. разг.). Сокращение слова специалист;

Зам, *зама*, м. Сокращение слова заместитель (нов. канц. и разг.);

Зав, *зава*, м. (нов. канц. арг.). Сокращение слова заведующий;

Пом, *пома*, м. Сокращение слова помощник (нов.). Помощник какого-н.[ибудь] должностного лица.

В эмигрантской публицистике из приведенных выше усечений довольно часто используется только одно – *спец*. См. примеры:

Тяжелое положение заграничных ”*спецов*” в СССР [название статьи] (Сегодня. 1930. 1 янв. № 1)

... в советской промышленности заняты всего около 1000 заграничных ”*спецов*”, из которых в одной Москве служат около 200. (Сегодня. 1930. 1 янв. № 1)

... те или иные *спецы* считаются ненужными, так как их заменили красные выдвиженцы.. (Сегодня. 1930. 3 янв. № 3)

3.3. *Дистрибуция аббревиатурных дериватов*

Если вычленишь из списка приведенных аббревиатур только те, которые встречаются в эмигрантских газетах, то их репертуар весьма незначителен. Р. Лехикойнен [Лехикойнен 1990: 27] предлагает такую идеографическую классификацию аббревиатур, возникших в первое десятилетие после революции

¹ См.: [РЯСОС 1968: 273], где дано объяснение данному явлению как ”не совсем новому для русского языка”; также [РЯСОС 1968: 274, 280]. Этот феномен привлек внимание лингвистов, о нем много писали и пишут как об одном из активных процессов в современном русском языке: [Шанский 1968: 288; Алексеев 1979: 10; РРР 1981: 199; Литвиненко 1987, 1988; Немченко 2003]. Кроме указания самого явления, важны также попытки отграничения его от смежных процессов в языке: [Брагина 1978; Алексеев 1979; РРР 1981; Сигалов 1986; Осипова 1994; Лазарева 2002].

1917 г.; последовательность отражает, видимо, по мысли автора, количественные пропорции сложносокращенных слов:

1. в области партийного строительства, партийной и политической жизни страны;
2. в области государственной администрации, советской промышленности, сельского хозяйства, вооруженных сил;
3. в области культурного строительства; в области юстиции; названия общественных организаций и их представителей; слова, связанные с критикой отрицательных явлений в общественно-политической жизни (типа *комчванство, профбюрократ*).

Таким образом, можно сделать вывод, что прежние аббревиатурные зоны (военная область, названия предприятий, почтовая служба) явно оказались отодвинутыми в сравнении с номинациями общественно-политической, экономической, культурной жизни.

Какие же тематические зоны охватывают эмигрантские аббревиатуры? Приводим их градацию по мере убывания:

1. сфера обозначений военных и военизированных организаций: *В.Ф.П., Р.Ф.О., С.М., К.И.А.Ф. (К.И.А.и Ф.), РОНД, ГССМ, РНСУВ, ОПКСМ, НТС, НТСНП, РОВС*.
2. сфера общественных, политических организаций, движений, партий, групп: *РНОВ¹, НСРЖ, ОРЭСО, РООВА, АРОСК, ИМКА, НОВ, РСХД*.
3. политико-географические названия: *Ч.С.Р., Д.В., С.А.С.Ш.*;
4. разговорные номинации: *нацмальчики, комдеспотия, комищейка, главмитармысль, мыслармия*.

Итак, эмигрантская пресса сохраняет идущую из дореволюционного языка тенденцию номинировать при помощи аббревиатур военно-профессиональные референты; кроме того, на активность военных аббревиатур мог оказать влияние и такой неязыковой, внешний по отношению к процессу аббревиации, факт, как сохранение многих военных объединений Белой армии в зарубежье. В их лексиконе сохранялись данные аббревиатуры, и таким образом они попадали на страницы изданий, часто финансируемых той или иной политической (военно-политической) группой. Однако обращает на себя внимание осторожное появление в эмигрантском дискурсе аббревиатур, связанных с номинациями общественно-политической сферы, а также разговорных дериватов. Любопытна также попытка признать и оправдать "законный" характер аббревиации в языке, придать ей социально-языковой статус; ср. характерную цитату:

---

¹ Русская национальная организация витязей.

Кто перевязывал ваши раны, зачастую еще под огнем противника? Кто вырвал вас из рук смерти в лазаретах? [...] Русские женщины, русские девушки – члены НРСЖ.. (Сигнал. 1939. 15 мая. № 55)

С тематической классификацией напрямую связан вопрос о продуктивности аббревиатурных моделей в эмигрантской публицистике. Д.И. Алексеев на большом фактическом материале советских изданий (газеты, словари, партийные, военные документы) пришел к выводу, что в 20-е годы 20 века в советском языке господствовала слоговая аббревиация; в 30-е годы происходит усиление инициальных аббревиатур [РЯСОС 1968: 99]¹. Покажем соотношение аббревиатурных форм, встретившихся нам в эмигрантских газетах, в количественном и процентном составе:

Тип аббревиатур	Советские аббревиатуры (а также дореволюционные)		Эмигрантские аббревиатуры (а также транслитерированные иноязычные)	
1. инициальные буквенные				
а) с точечным написанием	4	(37,7%)	9	(62,3%)
б) лексикализованные (бесточечные) аббревиатуры	5	(38,4%)	8	(61,6%)
вариативные формы (точечные и бесточечные) инициальных буквенных аббревиатур	4	(44,4%)	5	(55,6%)
в) инициальные лексикализованные аббревиатуры звукового типа	7	(50%)	7	(50%)
2. смешанные аббревиатуры	1	(100%)	0	
3. слоговые аббревиатуры				
а) из начальных частей слов	32	(100%)	0	
б) из начальной части с целым словом	46	(85,2%)	8	(14,8%)
в) из начальной части с формой косвенного падежа	4	(100%)	0	
Усечения	1	(100%)	0	
Итого:	104	(74,3%)	36	(26,7%)

Итак, в эмигрантской публицистике видно значительное преобладание инициальных аббревиатур над слоговыми на протяжении 20-30-х годов; практически все слоговые сложносокращенные слова являются трансплантиро-

¹ См. также: "Однако несомненное ограничение в создании и использовании слоговых аббревиатур в 30-е и последующие годы наступило" [РЯСОС 1968: 92].

ванными из советского языка. Очевидно, слоговые аббревиатуры (почти) не приживались в эмигрантском языке; единственным исключением являются аббревиатуры, построенные на языковой игре. Аббревиатурное внимание эмигрантов сосредоточено на инициальных обозначениях, причем можно говорить об отсутствии стандартизации (кодификации) точечных и бесточечных буквенных написаний. В советском языке массовая вариативность разных типов аббревиатур была свойственна 20-м годам, велась борьба (как на законодательном, так и на образовательном уровне) за их упорядочение, в результате чего в 30-е годы аббревиатурное словообразование стабилизировалось (очень важно: на морфемном уровне!) и практически прекратилось словопроизводство индивидуальных аббревиатур (в первую очередь слоговых). В эмигрантском языке можно наблюдать отсутствие кодификационных регламентаций, поэтому вариативность аббревиатурных форм значительно растянута во времени. Очевидно, что даже стремление к кодификации точечных и неточечных аббревиатур было невелико ввиду периферийности данной группы номинаций для эмигрантского языка в целом. Достаточно широкое использование советских аббревиатур в эмигрантской прессе было вызвано потребностью точнее передать референт чуждой для них действительности; тем самым вместе с чисто номинативным процессом преследовалась и цель аксиологической оценки.

Вместе с тем показательна специфика дистрибуции разного типа аббревиатур в эмигрантских газетах в зависимости от политической позиции издания или даже издателя. Сопоставим несколько газет.

Пример 1. Газету «Голос России» (1936-1938) в Софии издавал И. Солоневич, который в 1933 г. вместе с братом Борисом и сыном Юрием попал в ГУЛаг (в Карелии), откуда все трое в 1934 году бежали в Финляндию и затем перебрались в центральную Европу. Формирование языковой компетенции Солоневича, таким образом, происходило под значительным влиянием советского языка. Можно ли видеть отражение этого в издаваемой им газете, для которой он сам писал много (иногда – львиную долю) материалов? В материалах этой газеты мы обнаружили:

1. Инициальные аббревиатуры буквенного и звукового типов: *СССР, ЦИК, НЭП, ГПУ, ВКП, Улон, ВУЗ, ДВ*.
2. Аббревиатуры слогового типа: *совнарком, сексот, компартия, коминтерн, краском, комсостав, Госбанк, комячейка, политсостав, санинструктор, сельсовет, Дальлес, комсомол, помкомзвода, совшкола, зарплата, жилплощадь, совдисциплина*.

В проанализированных нами номерах нам не встретилось ни одного (!) случая точечных аббревиатур. Если принять во внимание наблюдение Д.И. Алексеева, приведенное выше, то можно утверждать, что используемые в «Голосе России» аббревиатуры отражают состояние и динамику аббревиатурных процессов в советском языке. Зрительная привычка Солоневича к бесточеч-

ному написанию аббревиатур, доминирующая в советском дискурсе в 30-е годы, проявилась и в редактируемой им газете. Кроме того, обилие сложносокращенных слов слогового типа, всех без исключения советских по своему происхождению, также служит фактом укорененности данного типа слов в русском советском языке и свободного воспроизведения их в тексте языковой личностью (в данном случае И. Солоневичем).

Пример 2. Газета «Младоросская искра» (1931-1939)¹ издавалась эмигрантами, покинувшими страну вскоре после революции 1917 г.; следует ожидать, что в их языковом багаже (их языковой компетенции) содержатся те модели аббревиатурных слов, которые были в ходу в до- и первые послереволюционные годы. Действительно, типология аббревиатурных сокращений такова:

1. Инициальные аббревиатуры буквенного типа (точечные написания): *Р.О.В.С., С.М., С.С.С.Р., К.И.А.и Ф., Н.С.Н.П.*;² сюда же мы включили графические сокращения (акронимы) по аббревиатурной модели: *Е.И.В.* (< Его Императорское Величество), *и.д.* (< исполняющий должность), *ген. лейт.* = *ген.-лейт.* (< генерал-лейтенант).
2. Инициальные аббревиатуры буквенного типа (бесточечные написания): *РДО, Цик, ГПУ, РОНД, ГССМ, ОПКСМ.*
- 2а. Вариативные написания: *Р.Ц.С.М. = РЦСМ, СМ = С.М.*
3. Аббревиатуры слогового типа: *райсовет, концлагерь, колхоз.*
4. Усечения: *спец.*

В отличие от рассмотренного выше Примера 1, эта эмигрантская газета проявляет гораздо меньшую степень унифицированности написания аббревиатур: точечные и бесточечные написания фактически равноправны; кроме того, вариативность написания также свидетельствует о колебаниях в орфографии аббревиатур (а значит, и степени их лексикализованности, освоенности массовым языком, узусом). Сложносокращенных слов слогового типа очень немного (ср. их обилие в «Голосе России» Солоневича), и все они – трансплантированные номинации из советского языка; значит, этот тип словообразования не свойствен собственно эмигрантскому узусу. Языковой механизм сложения таких сокращений является, с точки зрения языковой компетенции эмигрантов, ясным и даже словообразовательно прозрачным, но сама модель все-таки непродуктивна в их языковом багаже.

Пример 3. Газета «Сигнал» (1937-1940) – издание монархического толка (с явной симпатией к фашистским идеям), ее редактором был полковник Н.В.

¹ Младороссы – члены Младоросской партии, преобразованной из Союза «Молодая Россия» под председательством А.Л. Казем-Бека (учрежденного на «Всеобщем съезде национально мыслящей русской молодежи» в 1923 г. в Мюнхене). Они считали необходимым восстановление в России надклассовой монархии трудящихся и возведение на престол «законного царя из дома Романовых».

² Национальный союз нового поколения.

Пятницкий; газета служила политическим рупором Русского национального союза участников войны (РУНСВ). Девиз газеты: «Наш идеал – фашистская монархия». Типология аббревиатурных форм в этом издании следующая:

1. Инициальные аббревиатуры буквенного типа (точечные написания): *С.С.А.Ш., С.А.С. Штаты, Н.Т.С., В.Ф.П.*
2. Инициальные аббревиатуры буквенного типа (бесточечные написания): *ИНОГПУ, НКВД, РОВС, СССР, НСРЖ, САШ, НТСНП.*
- 2а. Вариативные написания: *Р.Н.У.С.В. = РНУСВ.*
3. Аббревиатуры слогового типа: *комвласть, нацмальчишки, колхоз, сексот, фининтерн, Добрармия.*

Итак, инициальные аббревиатуры буквенные (точечные и бесточечные) находятся в равновесии, сосуществуя друг с другом без конкуренции. Очевидно, это является следствием того, что данное издание, большинство материалов которого было посвящено обозрению военно-тактического и технического состояния Красной (Советской) армии в связи с подготовкой военного наступления на СССР, ориентировано на военно-профессиональную категорию читателей, в военном же языке бесточечные сокращения более обычны и доминировали еще в предреволюционный период [Mazon 1920; Jakobson 1921; Селищев 1928]. Слоговые написания также нечастотны, представляя языковые трансплантаты из советского языка. Вместе с тем необходимо отметить и разговорную (ироническую) номинацию, созданную уже в эмигрантском узусе, – окказионализм *нацмальчишки*.

Пример 4. Газета «Огни» (1923-1924), выходившая в Праге и посвященная в основном культурным вопросам (ее издавала эмигрировавшая из России интеллигенция), дает такую типологическую картину аббревиатурных форм:

1. Инициальные аббревиатуры буквенного типа (точечные): *с.-р., С.С.С.Р., Ч.С.Р., Р.С.Ф.С.Р., С.С.Р., О.-К. С.-Х. Союз* (< Общеказачий Сельскохозяйственный)
- 1а: инициальные аббревиатуры буквенного типа (лексикализованные): *чека, эрдек* (*р.-д.*; революционер-демократ), *эсде* (*с.-д.*; социал-демократ).
2. Инициальные аббревиатуры звукового типа: *нэп, ОРЭСО.*
3. Аббревиатуры слогового типа: *компартия, профсоюз, наркомвнутдел, губфинотдел, совнарком.*

Очевидна зависимость аббревиатур в данной газете от советского языка первых лет революции: обилие точечных написаний; использование трансплантированных слоговых аббревиатур; лексикализованные формы буквенных аббревиатур (*чека, нэп*).

Таким образом, представленный сравнительный анализ четырех эмигрантских изданий красноречиво свидетельствует:

1. динамика между буквенными и слоговыми аббревиатурами в советском языке в 20-30-е годы (от буквенным → к слоговым) была эмигрантским изданием не свойственна;
2. инициальные аббревиатуры абсолютно преобладают в эмигрантской прессе, выступая более обычным номинативным средством, чем слоговые;
3. слоговые аббревиатуры представляют собой чаще всего номинативные элементы, характеризующие советскую действительность и потому несущие яркий прагматический заряд.

3.4. Универбация

Универбацию (в рамках семантико-синтаксического способа словообразования), несомненно, следует отнести к новейшим продуктивным способам словообразования как разновидности компрессивной дериватологии [Лазарева 2002]. Можно, конечно, сослаться при изучении данной проблемы на отдельные факты даже древнерусского языка (*мастерская* < мастерская комната, *рядовой* < рядовой боец; *белка* < белая веверица¹ (по цвету шкурки осенью), *копейка* < копейная денга, *варежки* < варяжские рукавицы, *перчатки* < перстяные (перчатые) рукавицы) [История лексики 1981: 53-54; Азарх 1984: 31, 46, 99, 107] и усматривать в них прототипические образцы универбации, однако именно в 20 в. сформировались те словообразовательные модели, которые дополнили русский язык сотнями и тысячами производных слов. Впервые термин "семантическая конденсация" использовал А.В. Исаченко [Исаченко 1958; см. также: Kaliszan 1986; 1989], однако о схожих явлениях, образованных "семантическим сжатием", упоминал чуть раньше В.В. Виноградов [СРЯМ 1952: 55; см. также: Янко-Триницкая 1964: 18]. В современной русистике используется целый ряд синонимических обозначений для данного словообразовательного феномена: *универбация*, *семантические стяжение*, *семантическая конденсация*, *семантическая компрессия*, *свертывание именований*, которые часто используются недифференцированно, как взаимозаменяемые термины для описания одного и того же явления. В современной лингвистике существует две точки зрения на универбацию: широкая и узкая. Узкое понимание универбации, предложенное М. Докулилом [Dokulil 1962] и кодифицированное в работах А. Едлички, Й. Ружички, В.В. Лопатина, Е.А. Земской, ограничивает использование данного понятия сферой суффиксального словообразования. Широкое понимание универбации, помимо суффиксального стяжения, включает в область рассмотрения также сложные слова (*зерносклад*, *автомашина*,

¹ Веверица (в современной орфографии) – общее название пушных зверьков (белка, горностаи, соболь) в древнерусском языке.

телебашня), некоторые типы аббревиатур (*пединститут, соцстрах, вуз, дот* "долговременная огневая точка"), эллиптические субстантиваты (*сборная, позывные, выходной*), нульсуффиксальные дериваты (*демисезон, марафон, огнеупор*) [Kaliszan 1986: 17-19].

Мы используем термин «универбация» как обозначение процесса создания суффиксальных существительных, соотносительных со словосочетаниями (такое понимание принято, в частности, в исследовательской группе Е.А. Земской по изучению разговорной речи [PPP 1981: 199]). Универбы (универбаты) в процессе трансформации (свертывания) словосочетания оформляются чаще всего при помощи суффикса *-к(а)*.

Ведущими причинами роста универбатов в русском языке являются как а) общеязыковая тенденция языковой (речевой) экономии (термин О. Есперсена; *economy of speech*), так и б) частная тенденция сближения книжной и разговорной стихий и проникновения разговорно-просторечных элементов в литературное употребление [Kaliszan 1986: 86-89]. В частности, Ю.С. Сорокин, анализируя лексический состав русского языка 30-90-х годов 19 века и приводя множество примеров отглагольных существительных на *-к(а)* со значением действия, не отмечает случаев трансформации словосочетаний с прилагательным и сложения на его основе деривата с *-к(а)* [Сорокин 1965: 219]. Однако уже с 90-х годов 19 в. – начала 20 в. отмечено бурное развитие категории слов на *-к(а)* как "разговорных дублетов атрибутивных и некоторых других типов словосочетаний" [Лексика 1981: 189-191; также см.: Виноградов 1994: 142-144].

Непосредственные свидетели изменений как в социальной жизни, так и в языковой материи той эпохи А. Мазон, С.И. Карцевский, А.М. Селищев обратили внимание на рост дериватов на *-к(а)*, образованных от словосочетаний, однако отнесли их в класс обычных суффиксальных дериватов, не усматривая специфики их образования. В частности, А. Мазон, одним из первых начавший описание инноваций в русском языке революционной эпохи, просто указал: "la plupart des innovations de la vie russe ont été notées au jour le jour du suffixe familier *-ка*, dont on connaît la productivité dans la langue populaire" [Mazon 1920: 30]¹, т.е. посчитал образование производных на *-к(а)* только стилистическим приемом, характерным для разговорно-просторечных форм языка. А.М. Селищев также обращает внимание на рост таких (компрессивных по своей природе) образований в языке послереволюционного времени, замечая, впрочем, что модель была популярной и раньше, в частности, особенно "в студенческой и близкой к ней среде" [Селищев 1928: 175]. Однако использование универбатов на *-к(а)* было свойственно не только молодежной речи. Уже в 40-е годы 19 в. в петербургском театральном лексиконе бытовали разговорные номинации *Мариинка* (Мариинский оперный театр), *Александринка* (Александринский драматический театр) [Лопатин 1973: 47]. В профессиональном просторечии

¹ "Большая часть нововведений в русской жизни тут же была отмечена разговорным суффиксом *-к(а)*, продуктивность которого в просторечии известна" [Перевод наш. – А.З.].

имело хождение слово *кредитка* "общество взаимного кредита"¹ (использовано, например, Чеховым), в городском просторечии – презрительно-ироническое *квартишка* "квартильный надзиратель" (встречается у Достоевского). В.А. Гиляровский в цикле репортажных очерков "Москва и москвичи", повествуя о Москве 80-90-х годов 19 в., приводит, в частности: *толкучка* "толкучий рынок", *обжорка* "обжорный ряд (место торговли пищевыми продуктами)", *меблирашки* "меблированные комнаты", *Хитровка* "Хитров рынок". Увеличение разговорных дериватов на -к(а) в речи разных социальных групп свидетельствовало об укреплении данной модели словообразования в некодифицированном языке. Сопоставим списки производных в [Мазон 1920], [Карцевский 2000], [Селищев 1928], [Лексика 1981] и эмигрантской прессе, чтобы увидеть, какие семантические типы универбатов на -к(а) были популярны в языке той поры и есть ли различия в использовании дериватов на -к(а) в эмигрантских текстах и русском послереволюционном языке.

1. Дериваты, образованные от топонимов, микротопонимов, а также от названий заводов, учебных заведений.

Мазон	Карцевский	Селищев	Лексика	Эмигрантская пресса
<i>Александринка</i>	нет	<i>Петровка</i>	<i>Александринка</i>	нет
		<i>Тимирязевка</i>	<i>Воздвиженка</i>	
		<i>Свердловка</i>	<i>Знаменка</i>	
		<i>Третьяковка</i>	<i>Ильинка</i>	
		<i>Цинделевка</i>	<i>Мариинка</i>	
			<i>Сретенка</i>	
			<i>Петропавловка</i>	
			<i>Покровка</i>	
			<i>Варварка</i>	
			<i>Владимирка</i>	

В русском языке дореволюционной поры образования на -к(а) от названий улиц чаще всего возникали в московском городском узусе, нежели в петербургском. Ср. характерное признание А.Г. Горнфельда: "*Мариинка* нас возмущает, *Александринка* коробит меньше, к *предварилке* мы привыкли, а московские улицы – *Варварка*, *Ильинка*, *Лубянка* и даже – столь неуважительно – *Покровка*, *Сретенка*, *Воздвиженка* кажутся нам просто незаменимыми. В Москве *Знаменка* и *Владимирка* естественны, но дурным тоном показалось бы нам, если бы так назвали в Петербурге *Знаменскую* или *Владимирскую*.." [Горнфельд 1922 – цит. по: Лексика 1981: 190-191]. Эта цитата красноречиво показывает и психолингвистические оценки, прагматические коннотации вокруг

¹ Впоследствии универбат приобрел новое значение "кредитный билет", оттеснившее первоначальное.

разных типов универбатов: более приемлемыми, в частности для Горнфельда, оказываются производные от названий улиц (ввиду частотности их использования в языке), названия же театров с трудом поддавались такому способу словопроизводства (вследствие некоторой уникальности, «неповседневности» данных денотатов; ср. также приведенное выше мнение К.И. Чуковского о названиях типа *МХАТ*, *Литфонд*). В эмигрантской прессе нам не удалось обнаружить словообразовательных инноваций на базе иноязычных названий улиц, что объясняется отсутствием мотивирующего комплекса «прилагательное (с названием улицы) + улица». Также нам не встретилось в эмигрантских газетах ни одного производного, образованного от собственного названия театра, учебного заведения, завода. Не отмечают таких разговорных дериватов и авторы монографий [ЯРЗ 2001; ЯРЗ 2001]. Можно предположить, что эта словообразовательная модель, конечно, знакомая беженцам первой волны еще по жизни в России, оказалась в иноязычных условиях невостребованной.

2. Дериваты с обозначением помещений (отапеллативные производные).

Мазон	Карцевский	Селищев	Лексика	Эмигрантская пресса
<i>теплушка</i>	<i>изобразилка</i>	<i>дежурка</i>	<i>централка</i>	<i>столовка</i>
	<i>семилетка</i>	<i>нормалка</i>	<i>одиночка</i>	
		<i>универсалка</i>	<i>ночлежка</i>	
		<i>читалка</i>	<i>раздевалка</i>	
			<i>теплушка</i>	

Этот семантический класс универбатов на *-к(а)* впоследствии стал очень популярным и продуктивным в разговорном словообразовании. Много производных приводит В.В. Виноградов [Виноградов 1986: 120], и среди них интересный пример из романа П.Д. Боборыкина «Китай-город» (1882 г.), показывающий неузуральный, окказиональный характер таких образований, в частности, в конце 19 в.: «Вы бываете в концертах? – В *музыкалке*? – Так их зовут? Я не знала. Да, в *музыкалке*». В эмигрантской прессе мы обнаружили только 1 разговорный дериват:

По проверочным [sic] данным выяснилось, что означенное в очерке «Д.Джона» лицо не состояло в числе деятелей *русской столовки*, а было только ее весьма частым посетителем. (Дни. 1926. 20 нояб. № 1164)

Авторы монографии [ЯРЗ 2001] не фиксируют таких образований. Следовательно, как записи устной речи, так и газетные материалы позволяют высказать предположение, что модель на *-к(а)* для номинации помещений, публичных мест (школы, библиотеки) осталась, возможно, периферийной в языке эмигрантов первой волны.

3. Дериваты, обозначающие общества, организации.

Мазон	Карцевский	Селищев	Лексика	Эмигрантская пресса
<i>межрайонка</i>	<i>нет</i>	<i>учредилка</i>	<i>интернационалка</i>	<i>учредилка</i>
<i>учредилка</i>			<i>потребилка</i>	<i>чрезвычайка</i>
<i>говорилка</i>			<i>предварилка</i>	<i>охранка</i>
<i>потребилка</i>			<i>Путейка</i>	
			<i>учредилка</i>	

Этот тип универбатов в эмигрантской прессе представлен производными, уже существовавшими в дореволюционном русском языке. В речи эмигрантов они оставались в употреблении, в то время как в советском дискурсе они перешли в разряд историзмов. Эмигранты же использовали их в номинативной функции, продолжая именовать старыми лексемами новые референты: и НКВД, пришедший на смену ВЧК (*чрезвычайка*), и новый для эмигрантов орган государственного управления в СССР – *Верховный совет* (*учредилка*; по семантической модели функционального переноса). Иными словами: при смене социальных референтов чуждой им реальности эмигранты не видели необходимости в смене языковых номинаций, на первый план выдвигая функциональный аспект именования, но не внешний, социально-прагматический. См. примеры из эмигрантской прессы:

Разогнав 20 лет тому назад учредительное собрание, он [Сталин] при помощи Ежова готовит свою *Учредилку*. (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

Вновь назначенный председатель "*Чрезвычайки*" в Петрограде издал прокламацию, в которой, обычным языком рассерженного на врача буйно помешанного [sic], излагает, что "белогвардейцы" и иностранные агенты удваивают свою "террористическую" деятельность.. (Призыв. 1919. 7 (23.9) окт. № 77)

[Анархисты] были так терроризированы, что избегали встретиться несколько человек в одном месте, боясь как бы Государственное Политическое Управление ("коммунистическая" *охранка*) их не заподозрило в устройстве собрания... (Анархич. вестник. 1923. № 5-6)

4. Дериваты, называющие документы, печатные издания, приказы, распоряжения.

Мазон	Карцевский	Селищев	Лексика	Эмигрантская пресса
<i>биржевка</i>	нет	<i>агитка</i>	<i>зеленка</i> (карта)	<i>тиражка</i>
<i>летучка</i> (газета)		<i>ежедневка</i>	<i>вечерка</i>	<i>памятка</i>
<i>вечерка</i>		<i>зачетка</i>	<i>дисциплинарка</i>	
<i>памятка</i>		<i>стенновка</i>		
		<i>вечерка</i>		
		<i>семинарка</i>		

В эмигрантской прессе данный семантический тип не продуктивен, оба примера являются, очевидно, словами, уже существовавшими до революции.

... стоит только взять за данный день все издаваемые в СССР-ии органы периодической печати, от центрально-правительственных до последней стенгазеты или *тиражки*, и во всех вы найдете статьи не только на одну и ту же тему, но изложенные в одном и том же направлении и даже в одних и тех же выражениях. (Голос России. 1933. янв.-февр.-март. № 17-18-19)

Большевики же упростили интернационализм до неузнаваемости и .. превратили в какую-то чудовищную смесь коммунистического манифеста с камаринским мужиком ("похабный мир") и "солдатской *памяткой*" ("держись, пока Либкнехт со своими ребятами не подоспеет"). (Дни. 1925. 28 янв. № 676)

5. Дериваты, обозначающие названия денег, ценных бумаг.

Мазон	Карцевский	Селищев	Лексика	Эмигрантская пресса
<i>керенки</i>	<i>думки</i>	<i>керенки</i>	нет	<i>аваловки</i>
	<i>керенки</i>			<i>кредитка</i>
	<i>двадцатки</i>			
	<i>липовки</i>			
	<i>сороковки</i>			
	<i>ленинки</i>			
	<i>жидки</i>			
	<i>интернационалки</i>			
	<i>вавилонки</i>			
	<i>китайки</i>			
	<i>крылатки</i>			
	<i>фазанки</i>			
	<i>галки</i>			
	<i>врангелевки</i>			
	<i>верхотуровки</i>			

Названия денежных единиц в революционную эпоху представляли одну из самых обширных семантических групп, где осуществлялась универбация; неслучайно Карцевский приводит большой список дериватов [Карцевский 2000: 238]¹. Любопытно, что еще в самом начале 20 в. таких производных в русском языке, очевидно, не было; следовательно, разговорные номинации денег на -к(а) можно считать языковым продуктом второго десятилетия 20 в. (накануне и во время Первой мировой войны). Однако очень часто эти производные представляли сиюминутные или кратковременные номинации, быстро сменявшие друг друга вместе с рождением новых денежных знаков. Референты могут оставаться теми же самыми, однако актуальность денотатов для повседневной жизни провоцирует бурное создание разговорных номинаций на -к(а). В эмигрантской прессе этот тип не актуален, так как пребывание за рубежом в странах с денежными единицами, имеющими свои языковые обозначения, не способствовало рождению разговорных номинаций при помощи русских словообразовательных средств.

¹ Механизм возникновения таких номинаций задан существовавшими в узусе *екатеринками* (вариант: *катеринками*) и *керенками*. Неофициальное название *екатеринка* было дано в 1910-е годы банкнотам (достоинством в 100 рублей), на которых была изображена Екатерина II (Великая). По этой модели был создан и более поздний дериват *керенка* (1917 г.): купюра достоинством обычно в 20, 40, 250 или 1000 рублей с более детализированными номинациями: *двадцатка*, *сороковка*.

Возвращающиеся из Прибалтики войска, по-видимому, привезли с собой в большом количестве кредитные знаки, выпущенные Западно-русской армией, – так называемые “аваловки”. (Призыв. 1919. 4 (21.12) дек. № 135)

8 марта к гражданке Альманк на Бабыггорском рынке в Москве подошли двое неизвестных и предложили ей купить 70 долларов. Посмотрев одну из *кредиток* и убедившись в ее неподдельности, Альманк отправилась к себе домой и принесла золотые часы с браслетом и золотое кольцо. (Возрождение. 1935. 14 марта. № 3571)

б. Дериваты, обозначающие членов каких-либо групп, организаций.

Мазон	Карцевский	Селищев	Лексика	Эмигрантская пресса
нет	нет	нет	<i>медичка</i>	нет
			<i>бестужевка</i>	
			<i>толстовка</i>	

Данные дериваты сформировались в русском языке для обозначения лиц женского пола: *медичка* < *медицинская сестра*, *бестужевка* < (слушательница) *бестужевских курсов*¹, *толстовка* < (последовательница) *толстовского учения*. Развитие данного типа универбатов было связано с ростом роли и участия женщин в общественной жизни российского общества. В эмигрантской прессе нам не встретилось универбатов, обозначающих лиц женского пола.

¹ Официальное наименование: Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы (1878-1918 гг.).

7. Дериваты, обозначающие бытовые денотаты, болезни и проч.

Мазон	Карцевский	Селищев	Лексика	Эмигрантская пресса
<i>испанка</i> (болезнь)	<i>моргалки</i> *	<i>буденновка</i> **	<i>нателка</i>	<i>долларовка</i>
<i>сороковка</i> (емкость)	<i>самогонка</i>	<i>смирновка</i>	<i>казенка</i> (водка)	<i>рыковка</i>
			<i>электричка</i>	
			<i>дешевка</i>	
			<i>защитка</i>	
			<i>открытка</i>	
			<i>манлихеровка</i> (винтовка)	
			<i>санитарка</i> (автомобиль)	

* Карцевский не дает значения приводимого слова, однако можно предположить, что он имеет в виду кукол-моргалок – так называли кукол с подвижными глазами; таким образом, семантико-словообразовательная мотивация такова: кукла с моргающими глазами > *моргалка*.

** В современной орфографии с одной «н».

Языковые образования на *-к(а)* служили для номинации референтов повседневной жизни, эти дериваты быстро входили в узуальное употребление и некоторые даже утрачивали разговорный оттенок. Ср.: ”Лет двадцать пять тому назад слово «открытка» казалось мне типичным и препротивным созданием одесского наречия; теперь его употребляют все, и оно действительно потеряло былой привкус пошлой уличной бойкости” [Горнфельд 1922 – цит. по: Лексика 1981: 191]. В дальнейшем в русском советском языке данный тип получил значительное развитие [РЯСОС 1968; Земская 1992; Осипова 1991; 1994; 2000]. В эмигрантской прессе нам встретился один пример *долларовка* (точное значение его выяснить не удалось; судя по контексту, это связано с областью игр, лотерей), относящийся к эмигрантскому быту, и советизм *рыковка* ”название водки крепостью 30 градусов”¹:

В первоянварском [sic] розыгрыше ”долларовки” выигрыши пали на следующие номера.. (За свободу. 1925. 3 янв. № 2 (1406))

Каменев о ”рыковке” [название заметки] (Дни. 1925. 3 февр. № 681)

Авторы монографии [ЯРЗ 2001: 130] также не фиксируют ”бытовых” универбатов на *-к(а)* у представителей первой волны эмиграции, приводя единственный пример *непромокашка* ”непромокаемый плащ, непромокаемое пальто”:

¹ От имени А.И. Рыкова; при нем была отменена монополия и снят запрет с ранее введенного ”сухого закона”.

«Одела свою непромокашку, которая ей очень понравилась». Можно ли утверждать, что эта запись, сделанная в 90-е годы 20 в., отражает инновацию (в данном случае – универбат) в языке эмиграции старшего поколения, иными словами – была ли характерна эта модель для языка эмиграции в 20-30-е годы? Ср. примеры, приведенные в [Ильина 1989] и показывающие бурное развитие семантической модели наименований одежды, словообразовательно оформленных при помощи суффикса -к(а), в русском языке новейшего времени. Не является ли дериват *непромокашка* в речи женщины, из уст которой было записано данное слово, заимствованием из русского советского языка последних десятилетий?

Материал публицистики, служащий объектом нашего изучения, разумеется, в гораздо меньшей степени, чем непринужденное речевое общение, предполагает использование универбатов на -к(а) (у них яркая разговорная стилистическая маркированность), однако сам факт редкого использования таких дериватов эмигрантами первой волны может свидетельствовать об очень слабой (практически нулевой) распространенности этой словообразовательной модели как в устном, так и письменном языке¹ эмиграции той поры. Выскажем предположение, что этот способ семантического сжатия словосочетаний остался в языке эмигрантов первой волны периферийным в словообразовательном отношении и гораздо менее развитым, чем в после-революционном (советском) языке. К аналогичным наблюдениям пришла и Л.М. Грановская: ”показателен и процесс отчуждения ряда новообразований, например, на -к(а), осознаваемых как вульгаризмы: *дежурка, читалка, раздевалка, столовка*” [Грановская 1995: 89].

4.0. Сложные имена существительные (composita)

Имена существительные, созданные способом словосложения, распадаются на две больших группы: 1. со значением лица (*nomina personae*); 2. неличные имена (*nomina impersonalis*). Личные имена составляют значительную часть сложных слов, эта группа была актуальна для эмигрантов. С рассмотрения личных имен мы и начнем.

Отношения между частями сложных существительных устанавливаются как определительные или объектные. Личные существительные *composita* в эмигрантской прессе могут быть старыми, уже существовавшими в языке,

¹ Впрочем, следует сделать существенную оговорку: нами не исследовались словообразовательные механизмы и модели в художественной литературе писателей-эмигрантов; вполне возможно, что в художественных текстах обнаружится еще некоторое количество универбатов, однако, по нашему предположению, это едва ли изменит общую картину функционирования данного словообразовательного типа в эмигрантском узусе, поскольку эмигрантская публицистика быстрее, чем литература, отражала как социальные, так и языковые инновации.

могут быть заимствованными из советского языка и могут быть созданными уже в эмигрантском дискурсе.

1. Весьма частотны политические, социальные дериваты. В анархических изданиях чрезвычайно популярным был компонент *анарх(о)*, имеющий определительное значение и служащий для образования многочисленных производных, показывающих политическое, идеологическое расслоение анархического движения: *анархокоммунист, анархосиндикалист, анархоиндивидуалист, анархоуниверсалист, анархобольшевик* и др.

Секция *анархо-универсалистов* (интернационалистов). Не смешивать с организацией *Анархистов-универсалистов*, из которой откололась вышеназванная группа и которая была разгромлена советской властью в конце ноября 1921 г. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

... современные *анархо-большевики*.. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Номинативные дериваты преобладают, хотя изредка образуются и характеризующие (пейоративно окрашенные) окказиональные производные: *анархоед, анархобандит*.

Более ретивого и утонченного *анархо-ёда* [sic], чем Рошин, большевики за время революции не имели. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Излюбленным чекистским языком, приводящим факты, "не вызывающие сомнения", сообщается обо всем этом в "Одес.[ских] известиях" для сведения всех, кто способен всем этим возмущаться и сочувствовать "пролетарскому" государству, которому "*анархо-бандиты*" с таким изуверством грозят смертью и разрушением. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

В монархических газетах заметно активизировались некоторые словообразующие элементы: *-фил, -росс, младо-, само-*. Компонент *фил-* мог быть как в препозиции, так и постпозиции к ведущему семантическому элементу. Семантически опорное слово называло или этнические, или политические референты:

... директор нашей гимназии чех, и к тому же из "*советофилов*", да еще активных, поддерживающих постоянную связь с полпредом Александровским. [...] Нашим детям запрещают читать национальные русские газеты. Стараются из наших детей сделать "*советчиков*". (Меч. 1937. 21 марта. № 11)

Балтийские немцы, подносявшие в прошлом году кайзеру Вильгельму корону курляндских герцогов, потеряв надежду на объединение с Пруссией, быстро переменили ориентацию и из искренних *германофилов* переквасились [sic] в ревностных *русофилов*¹ [sic]. (Возрождение. 1919. 8 окт. № 82)

Ни антисемиты, ни *филосемиты*, а русские [название статьи] (Младоросская искра. 1934. 1 дек. № 42)

¹ Явное влияние иноязычных графических форм: франц. russophile, англ. Russophil(e).

В Виткове Новом в Галичине на местного русского деятеля, секретаря читальни им. Качковского Улицкого произвели нападение 5 молодых людей *украинофилов*. (Меч. 1937. 30 мая. № 20)

Русский эквивалент этого греческого суффикса *-люб, -любец* заметно уступал по активности данному иноязычному. Это объясняется, конечно, стилистической маркированностью словообразующего форманта *-люб, -любец* и его вхождением либо в высокие, книжные лексемы, либо в окказиональные:

Конечно, ко всему судбищу над Беседовским можно подойти только как к комедии, которая не может ввести в заблуждение даже самых наивных европейцев. Цель постановки этой комедии, декорации правосудия и его гарантий, "мягкий" приговор – все это так противоречит всему укладу, всему быту советчины, что вызывает только насмешки даже среди "*советолюбцев*". (Сегодня. 1930. 10 янв. № 10)

Дело представляли так: те, кто, утверждая, что вот-вот начнется разоружение и будет обеспечен вечный мир, – те *человеколюбы* и хотят мира.. (Руль. 1930. 25 марта. № 2836)

[Партия большевиков] боится дворцового переворота, который в данный момент может устроить любая кучка *властолюбцев* белого или красного цвета. (Анархич. вестник. 1924. № 7)

Элемент *-росс* также активизировался в монархических изданиях: *карпаторосс, младоросс*.

... чехи ныне обильно пожинаяют плоды, не менее обильно посеянные ими зла в отношении русского народа, *карпатороссов* и даже близких им словаков. (Рус. голос. 1939. 19 марта. № 415)

... ради вашего Отечества сделайте хоть что-нибудь – таков призыв, с которым *младороссы* обращаются к Русской [sic] молодёжи за рубежом. (Младоросская искра. 1932. 12 июля. № 20)

Интересную семантическую и прагматическую актуализацию в эмигрантском языке получили компоненты *младо-* и *старо-*. С одной стороны, первая часть в сложных словах *младо-* указывала и ориентировала эмигрантскую массу на новые идеи "детей", отличающиеся от идеологии "отцов"; с другой стороны, элемент *старо-* в некоторых дериватах эксплицировал чувства тоски, ностальгии по старой, прежней России. Словообразующие форманты становились социально-политическими маркерами той или иной позиции индивида, то есть "перерастали" свои словообразовательные границы:

Ни героизм, ни подвиги отдельных лиц, ни потоки пролитой за отечество крови не привели к желанной цели, ибо не веяло над освободительной ратью святое *старорусское* знамя, не было над ней Единой Главы – Государя.. (Рус. стяг. 1925. 4/7 июня. № 1)

[Российская Национальная Группа] .. не может не выразить своего сожаления по поводу склоки, идущей в национальном лагере эмиграции на радость левых, как *старо-*, так и *младо-большевиков* [sic]. (Сигнал. 1938. 15 сент. № 39)

Количество дериватов с компонентом *само-* в середине 19 в. исчисляется десятками: часть их представляла кальки с нем. *selbst-*, англ. *self-*, франц. *auto-*, часть возникла на русской языковой почве [Сорокин 1965: 168, 300, 304]. И в годы революции этот префиксоид был активен в словопроизводстве: *самообыск*, *самодемобилизация*, *самоокапывание*, *самопределение*, *самоприписка*, *самостийник*, *самостийный* [Mazon 1920: 19, 39-40]; *самобахвальство*, *самовольщина*, *самоуплотнение* [Селищев 1928: 104, 170, 196, 217]. Следовательно, и советская, и эмигрантская публицистика продолжали использование словообразовательной модели, активной в русской деривационной системе. Ср. дериваты, используемые при производстве имен деятеля (обычно с характеризующей функцией): *самодержец*, *самовластник*, *самозванец*, *самостийник*.

Интересно было бы знать, нашелся ли бы в буржуазных странах, даже среди коммунистически настроенных элементов такой рабочий, который согласился бы пожить и поработать в тех условиях, в которых работают и живут рабы красных *самодержцев*. (Сегодня. 1930. 12 янв. № 12)

Негодую на разоблачения своих внутренних язв, московские *самовластники* атаку на Спиноса ведут, так сказать, под прикрытием "оскорбленного патриотизма". (Дни. 1925. 15 февр. № 692)

Ваш уход [Ф.Ф. Абрамова с поста генерала. – А.3.] дал бы полное удовлетворение большевикам и их слугам – *самостийникам*, дал бы им возможность оперировать им как доказательством возводимых на Вас обвинений. (Рус. голос. 1939. 2 апр. № 417)

Быстро проникали в эмигрантские газеты и актуальные для того времени номинации: *чернорубашечник*, *живоцерковник*, *красноармеец*, *жидомасон*, *сменовеховец* – или возникали по мере потребности: *комнатонаниматель* (очевидно, калька с нем. *Wohnungsmieter*; ср. узуальное рус. *квартиросъёмщик*), *квартирохозяин*, *родиновед*, *стачколом* (окказиональная калька с нем. *Streikbrecher* < *Streik* "стачка, забастовка", *brechen* "ломать, разбивать"; очевидно, в результате семантического влияния соседнего понятия *стачечник*).

Квартирохозяева обязаны содержать шوماжников почти бесплатно. (Сигнал. 1938. 15 сент. № 39)

Права *комнатонанимателей* в Берлине. (Дни. 1925. 4 февр. № 682)

Не считают ли они, дореволюционные *родиноведы*, свою родину умершей в 1917 году и имеющей воскреснуть ... "по писанию"? [М.А.Осоргин] (Дни. 1925. 6 февр. № 684)

2-го мая 1886 г. вблизи фабрики "Мэк Кормик" [в Чикаго] произошла схватка между стачечниками и *стачколомами*, которая, по всей вероятности, окончилась бы без кровопролития. (Анархич. вестник. 1923. № 5-6)

Профессиональные номинации единичны, нам встретилось только одно существительное в номинативной функции: *радиотехник* и одно – в характеризующей: *радиодиктатор*.

На заседание мэра пригласил из Парижа известного *радиотехника*.. (Возрождение. 1935. 1 янв. № 3499)

Красный *радио-диктатор* [sic] [название заметки]. Уже несколько дней пребывает в Берлине именитый советский гость – тов. Жуков, председатель объединенных электротехнических концернов СССР. (Руль. 1930. 25 марта. № 2836)

2. Неличные имена существительные в нашем материале распадаются на три смысловых группы: а) обозначение политических, социальных референтов; б) технические названия; в) дериваты, образованные "сжатием" синтаксических пропозиций.

а) Неудивительно, что политические обозначения занимают большое место в эмигрантских текстах. В анархических газетах, как и в случае с личными именами, очень частотен компонент *анархо-*, выступающий одним из доминантных, семантически значимых в анархической идеологии: *анархосиндикализм*, *анархобольшевизм*, *анархокадетизм*, *анархолиберализм*, *анархокоммунизм*, *анархоиндивидуализм* и др.

Но являясь необходимым методом, *анархосиндикализм* только им и остается и, так же как и *анархо-коммунизм* [sic], не выражает всего содержания анархизма. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

И если бы вместо диктатуры большевизма, представляющего левое крыло демократии, в России укрепился меньшевистский или даже кадетский режим, ренегатствующая часть анархистов, несомненно, докатилась бы до него и пошла бы ему в услужение, создав вместо анархо-большевизма *анархо-меньшевизм* [sic] или *анархо-кадетизм* [sic]. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

И уклон ренегатствующей части анархистов обозначился в сторону демократии, притом не только в сторону революционной демократии, представляемой марксизмом, но в сторону демократии вообще. В результате этого уклона могли быть различные сочетания ренегатов анархизма с демократическими элементами, начиная от *анархо-большевизма* и кончая *анархо-либерализмом*. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Монархические издания довольно часто используют в качестве первого компонента сложных слов смысловой конкретизатор *иудо-*: *иудокоммунизм*, *иудобольшевизм*, *иудосталинизм*.

Ваши [И. Солоневича] доклады в Германии реабилитируют Российскую Нацию от обвинений в пассивности, в покорности *иудо-большевизму* [sic] и могут привести к надлежащей постановке русского вопроса национал-социалистической Германией. (Сигнал. 1938. 1 сент. № 38)

В эмигрантской прессе очень частотным элементом сложных слов является первая часть *само-*: *самовосхваление*, *самодержавие*, *самозащита*, *самокрасо-*

вание, самообложение, самооплевывание, самоопределение, самоохрана, самошельмование, самопожирание, самопомощь, самореклама, самоудушение.

Революционно-повстанческая армия, созданная крестьянами и рабочими, была лишь их вооруженной *самоохраной*, призванной защищать их революционную территорию и революционные права от многочисленных вражеских сил, стремившихся к порабощению свободного района. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Большевики, практически, давно уже перешли от "рабочих Советов" к кровавому *самодержавию* Сталина. (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

... в Соед.[иненных] Штатах – *самоудушение* золотом.. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

... благодарить всех содействовавших духовно-просветительной и благотворительной деятельности прихода и призвать всех русских православных людей, проживающих в районе прихода, вступить в члены прихода и принять хотя бы самое малое участие в ежемесячном *самообложении*. (Возрождение. 1935. 14 марта. № 3571)

Довольно *самопожирания* и *самооплевывания*! Довольно игры в "поддавки" провокаторам и красным агентам! [...] Довольно *самокрасования* былыми вечерашними заслугами для оправдания сегодняшнего ничегонеделания! (Сигнал. 1938. 1 сент. № 38)

Важными для монархического дискурса являются такие сложные слова, образованные из определительных словосочетаний *советская власть (власть советов), великие державы* путем сложения основ с суффиксацией *-ие: советвластие¹, великодержавие*.

Ни одна страна, ни один народ в мире не поставили перед лицом Божиим столько мучеников во имя Его, как русский – во время *советвластия* в России. (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

... мы считаем, что Германия будет озабочена помощью национальному *великодержавию* России. (Сигнал. 1939. 1 апр. № 52)

По модели слова *самодержавие* образовались и другие неузואльные производные: *секретародержавие, единодержавие, троедержавие* (власть "тройки": Сталина, Зиновьева, Каменева).

У коммунистов не нашлось пока своего Витте, который пояснил бы им, что "самодержавие и земство" вещи несовместимые и что надо или, "делая советы подлинными органами крестьян", вводить "политический нэп", или, желая сохранить *троедержавие*, не либеральничать. (Дни. 1925. 10 февр. № 687)

... выборы эти [в СССР] будут знаменовать кульминационный пункт сталинского *единодержавия* и всеобщей и обязательной сталиномании. (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

---

¹ Этот советизм отмечен уже в: [Селищев 1928: 170].

Неузуальным дериватом является и упомянутое в цитате сложное слово *сталиномания*, содержащее в качестве второго компонента иноязычную часть *-мания* "болезненное, навязчивое состояние"; слово встретилось в монархической газете.

Характеризующими номинациями являются сложные слова, называющие государственно-политическое устройство страны (России): *Триэсерия*, *Святорусье*. Первый дериват образован по типу сращения (*три*) с окказионализмом *эсерия*, содержащим "географический" суффикс *-ия* (*-ија*), этот псевдотопоним имеет пейоративную окраску. Второе наименование возникло из словосочетания *святая Русь* – риторического обозначения прежней России.

Трудно влиять на такое массовое явление, как язык, но это особенно затруднительно вне родины, вне воздуха, который сам, по старинному выражению, – *Святорусьем* пахнет. (Рус. голос. 1939. 5 марта. № 413)

б) Технические дериваты также встречаются на страницах эмигрантских газет, они обозначают те денотаты, с которыми эмигрантам приходилось иметь дело в повседневной жизни. Несомненным лидером является элемент *радио-*, служащий для производства обширного словообразовательного ряда: *радио* (как автономная, самостоятельная лексема), *радиоконцерт*, *радиостанция*, *радиоклуб*, *радиотелеграфия*, *радиофон*, *радиофония*, *радиомагазин*, *радиопрограмма*, *радиоаппарат*, *радиоигла*, *радиоиндустрия*, *радиоотправитель* (ср. *радиопередатчик*), *радиоприемник*.

В одном из лондонских госпиталей лечили пациента, заболевшего раком носа. Лечение происходило при помощи особой *радио-иглы* [sic]. (Пуль. 1930. 1 янв. № 2766)

Испанское правительство заказало в Германии несколько *радиоотправителей*. Предполагается сильно развить испанскую *радиофонию*. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

Тов. Жуков играет руководящую роль в советской *радио-индустрии* [sic]. (Пуль. 1930. 25 марта. № 2836)

Этому словообразующему элементу заметно уступают другие, встретившиеся в эмигрантских газетах: *кино-* (*кинокомедия*, *киноздание*, *кинооператор*, *кинопредприниматель*, *кинорежиссер*, *кинофестиваль*), *кило-* (*киловатт*, *килоцикл*), *почт-* (*почтограмма*), *авто-* (*автотранспорт*, *автомобиль*, *автограф*).

Директор парижских и провинциальных театров, кинематографов, цирков и дансингов, драматурги и сценаристы, *кинорежиссеры*, большие и малые актеры, даже театральные критики единодушны в вопросе упразднения зрелища на все время, пока будет существовать нынешний, непомерно высокий налог на зрелища. (Сегодня. 1930. 14 янв. № 14)

Картины с участием Рунича буквально обогащали кино-предпринимателей [sic] и создали ему необычайную популярность во всей России. (Руль. 1930. 2 янв. № 2767)

Мы не сомневаемся в том, что подобные прыжки действительно не были результатом трюкажа кинооператоров, но не можем удовлетвориться тем, что дело только в этом. (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

... заказана специальная радиостанция на коротких волнах мощностью в 40 килоуатт¹ [sic]. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

... русские радио-программы: с 9 час. утра со станции WEDC (1210 килоциклов) (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35)

Таким образом, сложные существительные (*composita*) выступают как активный в словообразовательном отношении разряд слов. Разграничение дериватов на две обширные группы: одушевленных существительных (имена лиц, деятелей) и неодушевленных существительных – позволяет увидеть наиболее рельефно те семантические зоны, которые находились в эмигрантской прессе в центре внимания.

5.0. Составные дериваты

5.1. Имена существительные

Составные наименования довольно часто встречаются на страницах эмигрантских газет. В конце 19 – начале 20 вв. в русский язык вошло небольшое количество составных наименований, которые семантически можно разделить на такие сферы: 1. спортивные, музыкальные термины, понятия: *джиу-джитсу*, *кэк-уок*, *лаун-теннис*, *ту-стен* "американский бальный танец"; 2. социально-политические понятия: *агент-провокатор*, *баши-бузук*, *социал-демократ*, *тред-юнион*; 3. технические, производственные термины: *светинг-система* "потогонная система", *театр-кинематограф* [Лексика 1981]. В этой же монографии отмечено только одно производное с характеризующей, оценочной функцией: *гвоздевица-потресовицина*. Социальная терминология оказалась в деривационном центре при пополнении слов по данной модели в социал-демократическом движении: "во время разногласий в среде социалистических организаций, преимущественно в период мировой войны, возник ряд названий иронического значения, – названий с *социал-*, которыми пользовались коммунисты по адресу своих противников, – *социал-патриот*, *социал-нацифист*, *социал-шовинист*, *социал-изменник*, *социал-предатель*, *социал-соглашатель*, *социал-лакей*, *социал-саботант*, *социал-премьер*. Последние два

¹ Очевидна фонетическая зависимость от прототипа.

образования возникли в первое время после революции, в 1917-18 гг. *Социал-премьер* – это Керенский” [Селищев 1928: 169]. В 20-е годы 20 в. в русском советском языке появляется множество производных иного номинативного и стилистического качества – для номинации референтов нового социального строя. Все они концентрируются в двух сферах:

1. обозначение новых реалий (редко): *изба-читальня, концерт-митинг, школа-передвижка*;
2. наименования лица (значительно чаще): *допризывник-выдвиженец, комсомолец-активист, комсомолец-выдвиженец, комсомолец-переменник, крестьянин-выдвиженец, крестьяне-единоличники, крестьянин-массовик, крестьянин-самоед, массовик-корреспондент, мужик-лаптевик, партиец-подпольник, подпольщик-боевик, портной-квартирник, рабочий-массовик, рядовик-коммунист, угнетатели-империалисты, читатель-массовик* [Там же: 170-171]. Дескрипторы-уточнители позволяли рассматривать референты с двух сторон: собственно номинативной и характеризующей (эта характеристика могла быть или нейтральной, назывной, отражающей те или иные свойства денотата, или оценочной, прагматически маркированной).

Какие типы составных слов существительных представлены в эмигрантской публицистике и какова их частотность? Имена лиц, несомненно, преобладают над неодушевленными номинациями. Имена лиц распадаются на две неравные (в количественном отношении) группы: нейтральные номинации и характеризующие. Нейтральные (собственно номинативные) дериваты обычно обозначают какую-либо профессию и немногочисленны, включая как иноязычные заимствования, так и русские неологизмы: *министр-президент, министр-маршал, премьер-министр, женщина-сыщик, специалист-грузчик, дама-кельнерша*.

Министр-президент Г. Целмин намерен на будущей неделе созвать совещание представителей коалиционных фракций для обсуждения нового бюджета, принятого кабинетом министров. (Сегодня. 1930. 8 янв. № 8)

... *премьер-министр* Эррио и министр финансов Клементаль намереваются в ближайшем будущем в Лондон для совещаний по вопросу межсоюзных долгах. (Дни. 1925. 10 февр. № 687)

Как люди 20 века мы сознаем и чувствуем, что фашисты-летчики *министра-маршала* укрепляют в мире наши идеи и наши понятия. (Младоросская искра. 1933. 15 авг. № 32)

Принудительный труд [в советской России] оказался нецелесообразным. Нормальный размер денной работы для *специалиста-грузчика* 160-200 кубов. (Воля России. 1920. 16 сент. № 4)

Составные номинации деятеля, лица с характеризующей функцией распадаются, в свою очередь, на две группы:

1. Названия, в которых конкретизируется политическая, идеологическая позиция лица, его принадлежность какой-либо группе. Словообразовательные отношения между ними построены на сочинительных синтаксических связях, когда оба элемента сложного слова тематически равноправны и правый и левый компоненты легко допускают взаимозамену без ущерба для смысла. Отсюда вариативность номинаций: *анархист-индивидуалист* = *анархо-индивидуалист*, *анархист-синдикалист* = *анархо-синдикалист*, *коммунист-большевик* = *большевик-коммунист*, *сионист-ревизионист* = *ревизионист-сионист*, *еврей-ревизионист* = *ревизионист-еврей*, *пропагандист-безбожник* = *безбожник-пропагандист*, *фашист-диссидент* = *диссидент-фашист* (итал. *fascista dissidente* "член группы фашистов-диссидентов"¹) и под. Очень много таких сложных слов, равноправных, способных, подобно шахматной рокировке, легко взаимозаменяться, содержат анархические тексты. Встречаются такие сложные слова также в изданиях военно-террористической направленности.

Родионов, Изя. [...] *Анархист-индивидуалист*. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Розенберг, Исаак. [...] *Анархист-синдикалист*. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Анархисты-коммунисты называли анархо-синдикалистов "анархо-меньшевиками" за вхождение и работу в советах.. (Анархич. вестник. 1924. № 7)

Было много среди арестованных совершенно посторонних, ничего общего с анархизмом не имеющих, а также вся группа "*анархистов-позитивистов*" (особый вид "советского анархизма"). (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Примером вооруженной борьбы за установление власти новой господской группы является борьба всех политических партий, начиная с полумонархистов-полуреспубликанцев-кадетов и кончая левым крылом социалистической демократии – *коммунистами-большевиками*. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

М. Гросман .. в настоящее время состоит редактором официоза *сионистов-ревизионистов* "Дер Нойе Вег". (Сегодня. 1930. 1 янв. № 1)

... многочисленные обыски у ряда *фашистов-диссидентов* [явная ошибка; прав. *диссидент*]. (За свободу. 1925. 1 янв. № 1 (1405))

Доминирующее положение в нашем материале занимают обозначения лиц социалистической (анархической, коммунистической) ориентации, что, конечно, свидетельствует о сохранении данной словообразовательной модели в анархических, вообще "левых" изданиях, уже широко использовавшейся в них до революции: *национал-революционер*, *социал-демократ*, *социал-патриот*, *радикал-социалист* (фр. *radical-socialiste* "член французской партии радикал-социалистов"), *трэд-юнионист* = *трэд-юнионист* (англ. *trade-unionist* "член профсоюза"), *самостийник-мазепинец*, *повстанец-махновец*, *чекист-*

¹ Фашисты-диссиденты – группа "левых" фашистов, сложившаяся вокруг Витторио Муссолини (сына диктатора Б. Муссолини), выражавшая поддержку социалистическому строительству в СССР и восхищавшаяся политикой и методами руководства Сталина.

большевик, партиец-чекист, большевик-коммунист, коммунист-хозяйственник, большевик-мотоциклист, преподаватель-антимарксист, комсомольцы-безбожники, колхозник-безбожник, (ясно, что в советском дискурсе такие референты выполняли номинативную функцию, у эмигрантов же чаще всего оценивались отрицательно). См. некоторые примеры:

Весной 1919 г. т. Аршинов был председателем культурно-просветительского отдела армии *повстанцев-махновцев* и редактором газеты "Путь к Свободе". (Анархич. вестник. 1923. № 1)

21 января в Москве открылось судебное присутствие, где начался разбор обвинений над 16-ью очередными *чекистами-большевиками*. (Рус. газета. 1937. № 1)

О последних мы говорим, конечно, имея в виду не *большевиков-коммунистов*. [В. Набоков. Мы и Они] (Руль. 1920. 2 дек. № 14)

... *большевики-мотоциклисты* в Германии покупают бензин в среднем на 4 пфеннига за литр [...] дешевле рыночной цены. (Возрождение. 1932. 4 янв. № 2407)

Примечательно, что, например, в монархических изданиях составных наименований немного: *академик-артиллерист, корниловец-артиллерист, монархист-легитимист*, и в большинстве своем они связаны с военной сферой номинации, где составные наименования являются частью титулярных, должностных названий.

Собрание *корниловцев ударного полка* и *корниловцев-артиллеристов*. (Возрождение. 1935. 1 янв. № 3499)

Монархистов .. мы встречаем за рубежом на каждом шагу. *Монархисты-легитимисты* составляют главную их массу. (Младоросская искра. 1933. 5 янв. № 26)

12 декабря состоялась годовая конференция Корпорации *академиков-артиллеристов..* (Возрождение. 1932. 4 янв. № 2407)

Ср. также невоенные составные именованья, включающие конкретизаторы разной семантики: *сектант-имяславец, беженец-лишенец, беженец-эмигрант, родственник-белогвардеец, степняки-партизаны, женщина-добровольца*.

Отряд пополняется *беженцами-лишенцами* с принудительных работ на Сучанских коях. (Руль. 1930. 20 июня. № 2906)

20 лет тому назад объявлением нам войны Германией началось мировая война, .. а мы рассеялись по всем странам мира в качестве *беженцев-эмигрантов*. (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173)

В нашем этапе оказалось двадцать пять *сектантов-имяславцев*. [...] Тоже вышло замешательство у анкетного стола. [...] *Контрщик-анкетист* допрашивает.. (Возрождение. 1937. 3 апр. № 4072)

В устройстве бала принимают участие следующие организации: .. организации *степняков-партизан*.., донских кадет и гундоровцев.. (Возрождение. 1937. 3 апр. № 4072)

2. Названия, содержащие в своем составе оценочные компоненты. Оценочность явственно дифференцируется в зависимости от политической позиции издания и объекта оценки. Советские, социалистические, коммунистические референты чаще всего снабжаются негативно-оценочными существительными: *коммунист-фанатик, крикун-коммунист, приспешники-демократы, богоотступник-коммунист, идиот-уравнитель, смердяков-сталин, предатель-большевик, комиссар-кровосос, палач-кровосос, социалист-властник, бюрократ-коммунист.*

... Москвой зимой 1928-29 г.г. .. были посланы в деревню знаменитые "25 000" – *коммунисты-фанатики*.. (Младоросская искра. 1933. 15 авг. № 32)

... кремлевские *комиссары-кровососы*, враги Русского народа. (Рус. правда. 1930. июль-авг.)

... "*предатели-большевики*", в лице Виленского и Ко., настойчиво обивали пороги приемных японского штаба во Владивостоке.. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

... имеются громадные движения, руководимые *социалистами-властниками*.. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Смердяковы-сталины показались народу людьми в пустыне нашего безлюдья. Им на Россию – наплевать. Были бы они живы, их "партия" и их "идеология". (Единый фронт новой России. 1936. 19 янв. № 19)

Особняком стоят оценочные приложения иного рода, в публицистическом тексте использованные с явной патетической целью: *король-рыцарь, монарх-покровитель, король-славянин, король-воин, брат-карпаторосс, вождь-про-рок.*

9 октября злодейской и святотатственной рукой убит Его Величество Александр 1-ый Король Югославии. Убит *Король-Воин* и Рыцарь, *Король-Отец* и верный Друг, *Король-Славянин*... (Рус. голос. 1934. 14 окт. № 184)

20 лет издевались чехи над "некультурными" *братьями-карпатороссами*, чехизируя их, искусственно насаждая украинство, тесня Православную Церковь и чиня всякие препятствия русской школе. (Рус. голос. 1939. 19 марта. № 415)

... в прошлом году конгресс, вдохновляемый *вождем-пророком* Ганди, стоял на позиции превращения Индии в доминион.. (Сегодня. 1930. 12 янв. № 12)

3. Неодушевленные составные имена существительные встречаются двух типов: а) для называния разного рода реальных денотатов, б) как публицистически-заостренные номинации. Последних не так много, сюда относятся как фразеологизированные комплексы, уже устоявшиеся публицистические штампы: *народ-богоносец, Родина-мать*, так и новые, тавтологические, со-

зданные для обновления стилистической экспрессивности: *народ-нация*, *Родина-государство*, *сerp-молот*. Ср. также анархическое обозначение полутерминологического характера, основанное на сочетании императивной формы и политического термина; такая деривация была семантически мотивирована (в рамках анархического движения) центральной, ведущей идеологией безвластности: *валяй-анархизм*.

И юноши растут, живут, как в дремучем лесу, не зная, не ведая ни о социальных опытах тоталитарных, возрождающихся *народов-наций*, ни о том, чем и как жил российский народ, почему и как произошла величайшая трагедия России – революция и большевизм.. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

... мы сентиментально любили Россию, но мало ценили ее как *Родину-государство*. И потеряв Её на время, мы все – и "здесь", и "там" будем восстанавливать [sic] и беречь.. (Сигнал. 1938. 1 сент. № 38)

... серп и молот, фaсции¹ и свастика скоро уйдут на покой. Уже довольно крови пролито этими *серпами-молотами* да свастиками. (Рус. газета. 1937. № 1)

Составные наименования конкретных денотатов обычно называют какое-либо событие, место его проведения, способ организации: *библиотека-читальня*, *школа-общезитие*, *ресторан-бар*, *концерт-фильма*, *лотерея-концерт*, *встреча-чай*, *встреча-блины*.

... в ближайшее время *библиотека-читальня* "Имки" соединяется с библиотекой "Земгора". (Огни. 1924. 14 янв. № 2)

Комсомольские закрытые *школы-общезития*. Могут поступать все, кроме детей лишенцев и кулаков, начиная с 18 лет. (Голос России. 1932. июль. № 12)

Встреча-блины состоится в 14 час. в воскресенье, 17 марта.. (Возрождение. 1935. 14 марта. № 3571)

Встреча-чай профессоров и студентов русского коммерческого института. (Возрождение. 1935. 1 янв. № 3499)

Концерт-фильма.. (Вести дня. 1939. 28 дек. № 295)

В пользу Детского Комитета при Русском Красном Кресте 21 января состоится *Лотерея-Концерт* [sic] .. (Огни. 1924. 21 янв. № 3)

¹ Итальянское слово *fascio*, означающее "союз", происходит от латинского *fascis*: так назывались связки розог у римских почетных стражей, сопровождавших консула. В 19 веке это слово взяли на вооружение республиканские, профсоюзные и социалистические группы с целью своего отличия от традиционных партий. В начале 20 века это название примерили к себе также итальянские правые, и уже в 1917 года правое крыло итальянского парламента объединилось под названием "Союз национальной обороны" (*fascio per la difesa nazionale*). Фашистская партия возникла из двух политических групп: из основанного в 1915 году "Союза революционных действий" (*fascio d'azione rivoluzionari*) и организованного Муссолини в 1919 году союза ветеранов войны – "Союза борьбы" (*fascio di combattimento*). С 1921года союз получил наименование Национальной фашистской партией (*Partito Nazionale Fascista*). В 1920-1930-е годы этот варваризм, фaсции, был понятен практически всем эмигрантам и не требовал политико-идеологического комментария.

Встретилось только два терминологических обозначения: *сорочка-трикотаж*, *лотерея-аллегри*¹.

[Распродажа:] верхние *сорочки-трикотаж*, галстухи [sic], кашнэ. (Сегодня. 1930. 12 янв. № 12)

Лотерея-аллегри была распродана в каких-нибудь два часа. (Вести дня. 1940. 5 февр. № 29)

Таким образом, эмигрантская пресса активно использует составные субстантивы: употребительность наименований лиц в "левой" печати объясняется дореволюционной языковой традицией социал-демократической публицистики. Этот механизм номинации различных политических "оттенков" партий, групп, индивидов сохраняют анархические и отчасти демократические газеты. Монархические издания используют данный словообразовательный тип прежде всего с характеризующей целью (для негативной оценки большевиков), двусловные составные производные с нейтральной стилистикой у них встречаются только для номинации военных референтов. Неодушевленные имена существительные заметно уступают группе наименований деятелей, лиц, но тем не менее представляют самостоятельный класс номинаций, обычно называющих какие-либо денотаты из повседневной жизни (события, места собраний, публичных посещений).

5.2. *Имена прилагательные*

Составные имена прилагательные являются активным лексическим компонентом эмигрантской публицистики. На рост составных наименований (вообще слов *composita*) одним из первых указал А. Мазон, приведя в своей книге обширные списки словообразовательных дериватов, пополнивших русский язык после революции 1917 г., и связывая пополнение этого класса слов прежде всего с политическими и экономическими изменениями: борьба со старым режимом, строительство новой хозяйственной системы, распространение научно-технических знаний в массах [Mazon 1920; Obermann 1968]. Какие же группы составных наименований были наиболее активны и продуктивны в эмигрантской прессе, и можно ли увидеть их отличия от советских номинаций? Для удобства и обозримости описания мы классифицируем составные прилагательные-дериваты по группам.

¹ Эти дериваты являются аналитическими по своей структуре, в отличие от "чистых" составных наименований, в этих терминах смысловые отношения между частями не сочинительные, а подчинительные, определительные: сорочка из трикотажа, трикотажная сорочка; лотерея с результатом, который становится известным сразу после приобретения лотерейного билета.

1. Эмигрантская публицистика имела свой набор частотных и активно используемых прилагательных: *национальный, общий, весь (все-)*. Эти прилагательные порождали обширные словообразовательные ряды:

национальный: национально-государственный эгоизм, национально-народные начала, национально-социалистический, национально-освободительный, национально-исторический, национально-активный [sic]:

Сменовеховство – течение среди части буржуазной и помещичьей интеллигенции, признающее большевизм единственной законотворческой силой, способной в настоящих условиях привести Россию к широкому *национально-государственному* возрождению и укреплению. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Так называемое *национально-социалистическое* движение в Германии, группирующееся вокруг гитлеровских "Hakenkreuzer" (черная сотня) .. имеет влияние на известные круги немецкого рабочего класса, особенно в Баварии. (Анархич. вестник. 1923. № 5-6)

общий: общевоинский, общедемократический, общеказачий, общенародный, общеправовой, общерусский, общечеловеческий.

И как только Русь стала на ноги, то скоро потянулась к свету *общечеловеческой*, европейской культуры. (Дни. 1925. 10 февр. № 687)

Первая Русская цель – свалить Комиссаров, объединиться вокруг *Общерусского* Народного Вождя Великого Князя Николая Николаевича и дать Ему установить порядок, мир и закон на нашей Родине! (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

18 января хутор *общеказачьей* станицы Брно устроили [sic] казачий вечер. (Дни. 1925. 10 февр. № 687)

... демократически образованное и преследующее *общедемократические* цели дальневосточное Временное правительство оказалось в весьма тяжелом положении. (Воля России. 1920. 14 сент. № 2)

весь (все-): всегерманский, всезаграничный, всегосударственный, всемирный, всенародный, всеобщий, всепольский, всеславянский, всебританский.

Даже Суворинское "Вечернее Слово" пишет.., что "Совдепию можно пересилить только преимуществами закона и порядка, что трудную военную борьбу со *всероссийской* узурпацией надо дополнить фронтом правовой и социальной справедливости...". (Воля России. 1920. 14 сент. № 2)

... съезд *всепольского* Союза врачей. (Меч. 1937. 16 мая. № 18)

Минувшего 21-го января исполнилась первая годовщина со дня смерти незабвенной Терезины Михайловны Енко, не только исключительной покровительницы всех русских беженцев.., но и замечательной *всеславянской* деятельницы, никогда не щадившей ни личных своих интересов, ни здоровья и даже рискованной жизнью в своем преданном служении славянской идее. (Рус. голос. 1939. 5 февр. № 409)

30 декабря в Берлине происходит *всегерманская* конференция спартаковцев. (Анархич. вестник. 1923. № 5-6)

Примечательно, что в монархических газетах окказионализмы редки: *легитимно-монархический, национально-имперский*.

... генеральный секретарь Союза [Младороссов] был единодушно принят местной *легитимно-монархической* группой.. (Младоросская искра. 1932. 20 авг. № 21)

Первый лозунг (демократический) – ”самоопределение малых народностей” есть, в сущности, перенесение первого лозунга [”грабь награбленное” – А.З.] в иную область, в область *национально-имперскую*. (Сигнал. 1938. 1 сент. № 38)

2. Дериваты, содержащие в своем составе характеризующие (квалифицирующие) прилагательные. Эта группа производных является самой многочисленной в нашем корпусе. Одной из особенностей образования таких слов является сочетание какого-либо нейтрального ”политического” прилагательного с квалифицирующей лексемой, в результате чего формируется публицистически заостренная номинация. Ср.: *интернационально-еврейский, патриотическо-сталинский, иудо-масонские палачи, интернационально-еврейский* и под.

Только определенные *патриотическо-сталинские* выкрики, только разрешенная и рекомендуемая скала [=шкала. – А.З.] чувств, только та рамка желаний и понимания, которая допускается в атмосфере лганья и насилия: вот что есть в действительности в советской России, а все то, что есть живого, старается скрыться и быть незамечено. (Рус. голос. 1939. 26 февр. № 412)

Теперешняя *интернационально-еврейская* паразитарная власть СССР в связи с неудачами на фронте, несомненно, быстро падет. (Рус. голос. 1939. 5 февр. № 409)

Новый политический термин *фашист/фашистский* активно разрабатывался в эмигрантских газетах: одни связывали с фашизмом свое (и, по их представлению, России) будущее, другие видели в нем угрозу всему миру. Это объясняет популярность этого элемента в производстве дериватов: *бело-фашистский, филофашистский, фашистско-коммунистический, социал-фашистский, красно-фашистский*.

Этот факт тонет в море подобных и еще более возмутительных фактов, имеющих место везде, где трудящиеся ведут борьбу за свои права, встречая отпор как со стороны *красно-фашистской*, так и *бело-фашистской* реакции. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Интервью [Луначарского] в бельгийском *филофашистском* органе (”Nation Belge”) должно, по-видимому, подготовить почву для собственной его инспекторской поездки за границу. (Дни. 1925. 10 февр. № 687)

Частотным и прагматически релевантным элементом (для воссоздания будущей России) при образовании составных дериватов выступало причастие *мыслящий*: *инакомыслящий* (как исходная модель номинации), *национально-мыслящий, подобномыслящий, государственномыслящий* (окказиональные производные).

Союз [Рус. Нац. Союз Участников войны] крепнет, Союз становится фактором, с которым вынуждены считаться и *инако-мыслящие* [sic] и *подобно-мыслящие* [sic]. (Сигнал. 1938. 1 окт. № 40)

... при систематическом истреблении в СССР нашего *государственно-мыслящего* слоя и при исключительном худосочии культурности советского ведущего слоя в будущем возрождении России никакая новая власть без нашей эмиграции обойтись не сможет. (Сигнал. 1939. 1 апр. № 52)

Мне особенно отраднo, что ваши мысли проникнуты национально-историческими заветами, находя все больший отклик в России и среди широких кругов *национально-мыслящей* [sic] эмиграции. (Младоросская искра. 1933. 15 авг. № 32)

Сохраняет активность (преимущественно в социалистической прессе) слово *левый* (как политический референт), в отличие от советского дискурса, где дериваты с этим формантом или смещались на языковую периферию, или сужали сферу своего использования. Ср. производные с *лево-* в эмигрантских газетах: *леводемократический* (лагерь), *левонароднический*, *левосоциалистический*, *левоэсеровский*. Как характеризующая номинация выступает *левонастроенный*.

Разглашение этого секретного заявления вызвало и в Америке и в Европе большое беспокойство и подняло воинственные настроения в *лево-демократическом* лагере. (Рус. голос. 1939. 5 февр. № 409)

... вскоре после приезда Литвинова в Копенгаген оппозиционная группа в датской социал-демократии вышла из партии и организовала "*лево-социалистическую партию*", стоящую на платформе 3-го интернационала. (Призыв. 1920. 12 (28.2) марта. № 61)

Доклады были составлены в самом объективно-спокойном тоне. Но они в то же время носили ярко выраженный *лево-народнический* характер. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Киндерман – *левонастроенный* человек и отправился в Москву, движимый "любопытством, окрашенным в симпатию" к "московским идеям". (Дни. 1925. 4 февр. № 682)

В отличие от *левый*, политических дериватов с *правый* в эмигрантской прессе нам практически не встретилось; исключением является советизм *правоуклонистский*.

Из Инженерной академии за *правоуклонистские* выступления уволены с зачислением в резерв красной армии 13 слушателей. (Голос России. 1931. 1 сент. № 2)

Разумеется, речь не идет о словах с *право-*, входящих в состав деривата *православие* (и его производных).

Таким образом, в эмигрантской прессе составные имена прилагательные – это часть номинативного и стилистического багажа публицистического стиля. Составные наименования часто представляют лексемы, несущие характери-

зующую функцию по отношению к тому или иному референту политического поля.

6.0. Гибридное словообразование

Характеризуя функционирование словообразовательных механизмов в языке русских эмигрантов первой волны, Е. А. Земская на основании записей устной речи приходит к замечательному выводу: "для эмигрантов первой волны и их потомков не характерно создание производных от иноязычных слов, не вошедших в русский язык" [ЯРЗ 2001: 134, 206; Земская 2004: 420]. С какой целью создаются гибридные словообразовательные дериваты? Либо с номинативными намерениями – обозначить тот или иной референт, либо со стремлением "поиграть" иноязычной основой слова, присоединяя к ней русский аффикс, причем в языке представителей разных волн эмиграции эти функции (номинативная и игровая, экспрессивная) реализуются в прямой зависимости от степени владения русским языком и индивидуального лингвокультурного самосознания. Если эмигранты первой и второй волн (в большинстве своем) сохранение чистоты русского языка считали одним из конститутивных компонентов их самобытности ("русскости"), то уже представители третьей и четвертой волн в гораздо меньшей степени включают вопросы сохранения и чистоты своей речи в понятие национальной идентичности. Как следствие, возникают гибридные словообразовательные дериваты: имена существительные, имена прилагательные и глаголы ("последние особенно резко нарушают чистоту русского языка") [Земская 2004: 420].

Е.А. Земская приводит только 2 глагольных гибрида, зафиксированных ею в речи "старых" эмигрантов: *путцить* (< нем. putzen "чистить"), *ланчевать* (< англ. lunch "обед"). Н.И. Голубева-Монаткина приводит больше таких словообразовательных гибридов, записанных у русских во Франции и относимых ею к особенностям "староэмигрантской речи": *бебешка* (< франц. bébé "младенец")¹, *бистряк*, *бистрячок* (< франц. bistrot "закусочная"), *классировать* (< франц. classier "сортировать"), *окультуривать* (< франц. occulter "скрывать"), *предоминанье* (< франц. prédominance "преобладание"), *сольдировать* (< франц. solder "продавать со скидкой, распродавать"), *рамолик*² (< франц. ramolli "слабый, ослабевший, одряхлевший, маразматический") и др. [РЯЗ

¹ В СУ слово дано как уходящее из узуса 20-30-х годов: *Бибешка*, бабешки, ж. и м. (разг. устар.). Уменьш. к бебе. Наряжаться бабешкой (о женщине; разг. фам. неодобрит.) – носить костюмы, похожие на детские.

² Впрочем, это слово является ранним заимствованием из французского. Это слово отмечено еще в СУ с одной цитатой из Л. Толстого: *Рамоли*, нескл., и *Рамолик*, рамолика, м. (фр. ramolli – расслабленный) (книжн.). Человек, страдающий размягчением мозга, паралитик. В речевой практике метрополии слово сместилось на лексическую периферию, став агнонимом, в эмигрантской же речи оно сохранялось, будучи поддержанным как старой языковой традицией, так и иноязычным (в первую очередь франкоязычным) окружением.

2001: 53-54]. Причем такие словообразовательные гибриды ”встречаются в речи информантов самого разного уровня образованности – от получившей четырехклассное образование в Севастополе бывшей парижской консьержки до доктора наук” [РЯЗ 2001: 53]. В устной речи естественнее всего ожидать появления словообразовательных гибридов, поскольку зачастую номинации (прежде всего с назывной функцией) мотивированы стремлением к точности передачи денотата, который говорящий не хочет (не может, затрудняется, избегает) идентифицировать с соответствующим русским обозначением.

Эмигрантские газеты, исследуемые нами, демонстрируют разные степени стилистического чутья, использования языковых и речевых регистров, поэтому тем более интересно сопоставить возможности функционирования словообразовательных гибридов в устной и кодифицированной сферах. Прежде всего, несмотря на активную включенность эмигрантов в зарубежную жизнь, иноязычное окружение, поражает очень малое количество гибридов. Как и в записях Земской и Голубевой-Монаткиной, нам встретились те же части речи.

1. имена существительные в нашем материале немногочисленны: *шомажник* (ср. *chômeur* ”безработный”; ср. *chômage* ”безработица”), *маншетка* (франц. *manchette* ”крупный заголовок (в газете)”).

Квартирохозяйева обязаны содержать *шомажников* почти бесплатно. (Сигнал. 1938. 15 сент- № 39)

В ”*маншетке*” газеты ”Матэн” напечатано: ”Исполнительный комитет (эксекютива) Ш Интернационала требует немедленно специальных ассигнований для того, чтобы обеспечить за собой влияние на французские выборы 1928 года”. (Возрождение. 1927. 4 окт. № 854)

Особенно интересен и выразителен газетный окказионализм *шатаж*, представляющий гибридный дериват от русского глагола *шататься* в метафорическом значении ”колебаться, сомневаться” и иноязычного суффикса *-аж*:

Московский *шатаж* [название статьи] (Возрождение. 1939. 7 июля. № 4191)

(Далее в статье раскрываются причины идеологических и политических противоречий между советскими руководителями в окружении Сталина). Это гибридное образование обладает яркой публицистической экспрессией, так как, с одной стороны, конденсирует в семантике значение аналитического (с сочинительной связью) словосочетания «разброд и шатание», лишённого образности, с другой – придает динамичность окказиональному существительному за счет процессуального иноязычного суффикса *-аж*. В результате – броский и привлекательный заголовок.

Слово *маншетка* образовано при помощи русского суффикса *-к(а)*, придающего гибриднему деривату разговорный оттенок. Каков же механизм возникновения данного гибрида? Возможно, он является окказионализмом, суммирующим несколько процессов: а) семантического (заимствование иноязычного слова), б) грамматического (”отталкивание” от потенциального

омонима *манжета*, который может соответствовать многозначному французскому прототипу), в) словообразовательно-морфологической аналогии (формальное сопоставление с русским профессионально-жаргонным журналистским обозначением *шапка* "общий для нескольких статей заголовков в газете", хотя в синхроническом деривационном отношении в русском слове суффикс уже не выделяется).

2. имена прилагательные: *шомажный*, *фротировочный* (< нем. *Frottée* < франц. "махровая ткань"), *эвентуальный* (< англ. *eventual* "возможный; зависящий от обстоятельств")

В рабски оплачиваемом труде (равной приблизительно трети французского *шомажного* пайка), в некультурном руководстве партийных, безграмотных статистов кроется причина того, что несмотря на "гиганты" благословенной техники, .. русский народ до сих пор за всё платит в 4 раза дороже, чем в 1913 году. (Единый фронт новой России. 1936. 19 янв. № 19)

[Распродажа:] *фротировочные* материи.. (Сегодня. 1930. 12 янв. № 12)

3. глаголы (преимущественно причастия): *вапоризированный* (< франц. *vaporer* "спец.: выпаривать, опрыскивать"), *юнионизированный* (< англ. *unionize* "объединять в профсоюзы"), *ингрессирующий* (< нем. *ingrossieren* "заносить в земельный кадастр"), *пледировать* (< франц. *plaider* "вести дело в суде; защищаться в судебных инстанциях").

Этот чудесный аппарат позволяет принимать у себя, не пачкая и не брызгая, дыша комнатным воздухом, *вапоризированную* паровую ванну, гораздо более действительную [sic], более скорую и более удобную, чем простая паровая баня. (Младоросская искра. 1933. 5 янв. № 26)

... из канцелярии III гражданского отделения похищено дело ном.[ep] 448, в котором находилась закладная в 20000 лат.[ов], *ингрессирующая* на Сайкаускую лесопромышленную фабрику. (Сегодня. 1930. 15 янв. № 15)

Компания .. обязалась не преследовать к юниону рабочих и признала юнион в качестве представителя *юнионизированных* рабочих. (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35)

На многие тысячи слов, словоформ, выбранных сплошной выборкой из эмигрантских газет, – всего с десятков гибридных дериватов, выполняющих номинативную функцию – назвать новые для эмигрантов реалии. Это касается либо социальных номинаций (*шомажный*, *шомажник*; эти слова функционировали в языке русских во Франции), либо технических, специальных наименований (типы тканей, названия и функции машин, судопроизводственные дела). Пожалуй, даже лексема *шомаж* (с ее словообразовательным гнездом), прилагательное *эвентуальный* едва ли безоговорочно могут быть отнесены к разряду словообразовательных гибридов, рожденных с экспрессивной интенцией, поскольку называли специфические реалии, актуальные для жизни эмигранта. Включение гибридов в эмигрантский узус было обусловлено как

самой номинативной потребностью (точнее назвать референты), так и экономией речевых усилий (однословностью в отличие от русского описательного выражения: *юнионизированный* = *объединенный в профсоюз*, *ингрессированный* = *внесенный в земельный кадастр* и даже критикуемый пуристами глагол *пледировать*¹ = *защищать в суде, выступить в качестве адвоката*). Итак, словообразовательные гибриды в эмигрантской прессе редки и обычно применяются для номинации новых денотатов. Факультативным, но немаловажным (с номинативной точки зрения) фактором появления таких гибридов является однословность выражения таких понятий, которые в русском языке требуют, как правило, дескриптивного развертывания.

7.0. Синтаксическая деривация имен существительных (субстантивация)

В эмигрантской прессе одной из примечательных словообразовательных особенностей является активное производство субстантиватов. А.М. Пешковский характеризовал субстантивированные слова как особые существительные, отличающиеся от "настоящих" существительных способностью подчеркивать, выделять (как и имена прилагательные) один признак [Пешковский 1938: 146]. Хотя Пешковский полагал, что переход прилагательных в существительные – "явление сравнительно позднее", но на деле субстантивные прилагательные зафиксированы уже в памятниках старославянского и древнерусского языка [Низинская 1989; Снетова 1992; Ефимова 2000]. Синкретизм субстантиватов (по выражению Пешковского, «слов-хамелеонов») обусловлен функциональной спаянностью семантики и лексики: с одной стороны, осуществляется процесс номинации, с другой – выделенность, маркированность какой-либо семы в названии придает ему (деривату) характеризующую, оценочную коннотацию. Свертывание двусловного названия в одно, субстантивированное прилагательное или причастие, не модифицирует синтаксические свойства нового деривата (система флексий сохраняется), но актуализирует в лексеме те или иные референциальные оттенки и смыслы [Редькина 2003]. Процессы субстантивации были характерны для русского языка на протяжении всей его истории, но особенно интенсивно переход прилагательных и причастий в существительные стал происходить в 20 в. В.В. Виноградов относил его к морфолого-синтаксическому способу словообразования [Виноградов 1975: 155-165; см. также: Лопатин 1967]. В современном русском языке субстантива-

¹ Использование этого глагола, критикуемого эмигрантами с позиций языкового пуризма, может иначе интерпретироваться с позиции судебной риторики: "литература русского зарубежья воскресила многие особенности [судебного красноречия], где судебный оратор ценился прежде всего как художник слова" [Грановская 1995: 95]. В (кон)ситуации судебного делопроизводства более понятной становится причина появления данного "ораторского" слова в речевой практике некоторых эмигрантов.

ты представляют обширный подкласс имен существительных адъективного склонения, свидетельством чего служат разветвленные семантические группировки, представленные в [РГ 1980. Т. 1: 239-241; см. также: Никитевич 1971; Ким 1978; Богданов & Смирнов 2004].

В нашем материале субстантивные прилагательные и причастия представлены практически в одинаковом количестве. Рассмотрим сначала субстантиваты, мотивированные именами прилагательными.

В современном узусе субстантиваты мужского рода со значением лица значительно превосходят количество слов со значением животных (клички или фольклорные номинации). В эмигрантских газетах этот второй тип не представлен. Субстантиваты мужского рода в исследуемом материале не представляют особенного разнообразия: это или политические номинации (*белые, красные*), или социально-экономические (*безработный, рабочий*), или религиозно-этнические (*русский, православный*), или возрастные (*несовершеннолетний*), экспрессивно-характеризующие (*голодный, чужой, грешный, усталый, смелый, подручный*). Естественно, оценочность сопровождает каждый из названных субстантиватов в результате прагматического заряда синтагмы (контекста). См. несколько примеров:

Сквозь все красные рогатки и красные заставы проникала наша "Русская Правда" до самых дальних углов России и везде она несла с собой бодрость *смелым*, утешение *усталым*.. (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

Пустынны улицы. Ни души кругом. Попрятались *православные*, боясь в этот вечер показаться на улицу. Как мыши забились в комнатухах общественных квартир. (Рус. голос. 1939. 9 апр. № 418)

Примечательно, что субстантиваты женского рода, в русском языке называющие: а) помещения; б) официальные документы, справки; в) какую-либо дробь – не встречаются в эмигрантской прессе. Исключением является, пожалуй, только один случай – субстантив женского рода со значением лица в риторической, стилистически маркированной функции: *беременная* (< *беременная женщина*¹).

Нужда – удел остающихся матерей и детей – бросает их толпами в чрево гигантов-городов, вплетает *беременных* и *несовершеннолетних* в хоровод смерти на фабриках, у доменных печей и в шахтах. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

В русском языке советского времени субстантивация и/или эллиптическая субстантивация (некоторые используют понятие "семантическая конденсация": *уборочная кампания* > *уборочная, отбивная котлета* > *отбивная*) представляла в 20-30-е годы 20 в. активный деривационный процесс, преимущественно в сфере производственно-технической терминологии; многие та-

¹ Характерно, что в СУ субстантивированной (лексикализованной) формы не фиксируется. Возможно, словоформа *беременная* рассматривалась авторами СУ как эллиптическая, но еще не как автономная лексема.

кие дериваты (особенно со значением помещения¹) проникли и закрепились в узусе [РЯСОС 1968: 105-106]. Отсутствие "социального заказа" и, обусловленного им, словообразовательной активности, например, при производстве названий производственных помещений, технических номинаций в быту беженцев проявилось в пассивности этой деривационной модели в их узусе.

Субстантивированные прилагательные среднего рода в нашем материале представляют публицистические эллиптические формы, несущие яркую прагматическую окраску. Это обусловлено тем, что категория среднего рода получает в повышенных стилистических регистрах речи "особый оттенок расширения значения" [Пешковский 1938: 148]. Ср. примеры из эмигрантских текстов: *худшее, сволочное, злое, старое, нравственное, смелое, жизненное, крамольное, русское, прошлое, бывшее, неблагонадежное, новое, живое, честное* (часто эти потенциальные слова сопровождаются семантическими усилителями *самый, весь*). Характерно, что субстантиваты среднего рода были особенно популярны в анархических (левых) изданиях, что объясняется, очевидно, риторическими приемами нагнетания экспрессии.

Война – скопище всего *злого*, с тех пор как человек поднялся на человека.. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

... по Питеру и Москве прокатилась волна забастовок. [...] Начались массовые аресты и обыски, заработала красная жандармерия во всю, вылавливая все "*крамольное*" и "*неблагонадежное*". (Анархич. вестник. 1924. № 7)

Пользуясь усталостью, равнодушием и инертностью масс, власть имущий [sic] душит все *смелое, честное*, прикрываясь именем рабочих. (Анархич. вестник. 1924. № 7)

Большевизм – это ставка на то *худшее*, что имеется в какой-то степени в душе каждого человека и каждого народа. Ставка, как метко выразился Гитлер, на "унтерменш"^а. Эта интернациональная ставка на *сволочное* и на сволочь была поставлена в России и во всем мире. (Сигнал. 1938. 15 сент. № 39)

Вообще, комсомольцы представляют из себя группу, топчущую все *жизненное, нравственное* – ногами. (Голос России. 1932. июль. № 12)

Очевидна также и прагматическая расстановка данных оценочных субстантиватов: на основании актуализации содержания понятий построить оппозицию "старое" (оцениваемое в большинстве изданий, кроме "левых," позитивно) ↔ "новое" (=советское, оцениваемое практически всеми газетами негативно). Советские референты получают негативные модальные определители, напротив – референты старой, царской России или те, что противостоят советским, – позитивные. Таким образом, в производстве субстантивных прилагательных среднего рода их прагматическая направленность, оценочная заданность не подлежит сомнению.

¹ "Все новообразования этого типа появились в ответ на определенную социальную потребность, связанную с ростом промышленного производства (потребовались названия цехов, лабораторий и др.) и с обслуживанием городского населения" [РЯСОС 1968: 106].

Другая группа субстантиватов – это причастия, перешедшие в имена существительные. Субстантиваты мужского рода, образованные от действительных причастий настоящего времени (*украинствующие, нуждающийся, страдающий, скорбящий, вопрошающий*¹, *инакомыслящий, молящийся, вольноопределяющийся, трудящийся*), очень частотны и в контексте эмигрантского дискурса выступают маркерами активности субъекта как в сфере его профессионально-политической, так и ментально-психической.

Со свойственным В.В. Шульгину талантом и южнорусским юмором автор знакомит нас с различными видами "украинствующих" и их жалкими попытками объяснить нелепость искусственного создания "украинской нации" и своего "независимого" государства. (Рус. голос. 1939. 12 марта. № 414)

Пожертвуйте *нуждающимся* к Св.[ятой] Пасхе [название заметки] (Рус. голос. 1939. 2 апр. № 417)

В "Правде" (3 февраля) напечатаны .. инструкции Сталина для германской компартии. Инструкции изложены в форме беседы германского коммуниста Герцога со Сталиным. Вопросы Герцога, однако, слишком не похожи на свободный разговор. Это собственно как бы краткий катехизис – причем на долю *вопрошающего* Герцога выпала роль наивного ученика, а Сталин в своих ответах вещает как новый Магомет, носитель и выразитель абсолютной истины. (Дни. 1925. 10 февр. № 687)

Субстантиваты от действительных и страдательных причастий прошедшего времени обычно называют советские референты: *голосовавший, провинившийся, арестованный, эксплуатируемый*.

Для номинации и характеристики референтов эмигрантской жизни используются лексемы религиозного или этического семантического поля: *воскресший, гонимый*.

Но блажен тот, кто нетленной силою *Воскресшего* возвышается над этим потоком суеты, кто в дни Пасхи подлинно обновляется духом и пьет воду жизни, истекшую из Нетленного Камня Христа, восставшего из Гроба, для кого побеждена навсегда смерть и разрушено царство ада и всякого зла, насилия и неправды. (Рус. голос. 1939. 9 апр. № 418)

Едва только появилась русская группа, как приветствия усилились..: .. "Да здравствуют *гонимые*", "Вашим угнетателям зачтутся ваши страдания".. (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173)

Субстантиваты среднего рода, мотивированные действительными и страдательными причастиями настоящего и прошедшего времени, немногочисленны: это или узувальные лексемы (*настоящее, будущее, сущее*), или окказиональные (*мыслящее, оплеванное*).

¹ Это любопытная калька с англ. questioner "тот, кто спрашивает, ведет беседу; интервьюер".

Великие писатели Земли Русской часто бывали вдохновенными провидцами, несколькими словами умевшими охарактеризовать не только *настоящее*, но и *будущее* нашего народа. (Призыв. 1919. 4 (21.12) дек. № 135)

В чем же его [эмигрантского активизма] задачи? Во-первых – в широкой разведке большевистского лагеря, .. в учете настроений подневольного русского народа, чтобы разрушить *сущее* и строить новое в единомыслии с ним. (Голос России. 1931. 2 авг. № 1)

.. в февральские [выделено петитом – А.З.] дни все живое, *мыслящее*, – широким потоком вышло на улицу и полной грудью вдыхали льдисто весенний поток! .. (Руль. 1930. 1 янв. № 2766)

Таким образом, в эмигрантской прессе субстантиваты, мотивированные именами прилагательными и причастиями, выполняют, прежде всего, характеризующую функцию, выступая риторическими элементами для создания оценочности референтов, входящих в прагматическое поле "советское" –^о "несоветское (дореволюционное, эмигрантское)". Номинаций-субстантиватов для обозначения бытовых, технических, производственных денотатов в эмигрантских газетах нам не встретилось.

Выводы:

Целью настоящей главы являлось системное представление словообразовательных процессов, происходящих в языковом материале эмигрантской прессы 1919-1939 гг. В начальный период работы со словообразовательным материалом, в частности – во время его классификации и систематизации, мы столкнулись с теоретическим вопросом: следует ли показывать только новшества, встретившиеся нам в корпусе собранного материала, или предложить более широкий словообразовательный фон для тех или иных моделей и типов, чтобы увидеть традиционность и новаторство эмигрантского словопроизводства. Иначе – перед нами встала проблема, являющаяся одной из коренных в словообразовании: "Одним из [...] основных отделов грамматики являются [...] правила словообразования, т.е. вопрос о том, как можно сделать новые слова [разрядка автора цитаты. – А.З.]. Вопрос же о том, как сделаны готовые слова, – дело словаря" [Щерба 1974: 51]. Эту дилемму можно решить либо сведением материала эмигрантских газет к словарной (лексической) презентации, либо рассмотрением лексического наполнения текстов с деривационной точки зрения и выявлением механизмов и моделей, характерных для языковых сфер эмигрантского публичного дискурса. Мы выбрали второй путь, поскольку он предполагает ответ на вопрос, как "сделаны" готовые слова и как "можно сделать" новые. Разумеется, не было нужды представлять словообразование всего лексического корпуса эмигрантской прессы, важно было обрисовать, наметить общий контур словообразовательных процессов, которые составляют специфику эмигрантских газет. Словообразование, как и лексика, довольно быстро реагирует на "социальный за-

каз”. Какой социальный заказ ”получило” оно в советских газетах и в чем его особенности в эмигрантском узусе – в этом и заключалась попытка ответа на ключевой вопрос данной главы. Контрастивный анализ советской и эмигрантской прессы выявил характерные особенности, схождения и различия, которые мы здесь обобщаем в виде выводов.

1. Суффиксация имен существительных позволяет сделать выводы о тенденциях, существующих в разных типах имен. Среди собирательных имен существительных новые дериваты крайне немногочисленны, прежде всего нужно говорить о семантической и прагматической актуализации в эмигрантском дискурсе старых дериватов. Среди абстрактных имен существительных словообразовательной динамики больше: некоторые модели получили активизацию на почве эмигрантского языка для номинации реалий эмигрантской жизни (например, рост дериватов с суффиксом *-ство, -ация*), другие почти не испытывали словообразовательной активности (суффикс *-изм, -щина*). Конструктивное словообразование имен существительных весьма дифференцировано по активности суффиксов: в эмигрантской прессе уже в 30-е годы 20 в. появились новые дериваты на *-скость* (от относительных прилагательных), которые в русском советском языке получили распространение, по крайней мере, на полвека позже, только в 80-е годы. И напротив, другие суффиксы конструктивного словообразования (*-ение, ание-, -ие, -к(а)*) следовали узусу конца 19 – началу 20 в., сохраняя больше, чем в советском языке 20-30-х годов, вариативность и меньшую степень семантического размежевания.

2. Имена прилагательные отражают языковое состояние, характерное для словообразования второй половины 19 – начала 20 в. Нахождение русскоязычной прессы в иноязычном окружении способствовало активизации ”вторичных” суффиксов *-альный, -ический, служивших* в русском языке 19 в. прежде всего для создания прилагательных от иноязычных основ. Эмигрантская пресса осталась равнодушной к отабревиатурным адъективным дериватам на *-ск(ий)*, получившим мощное развитие в русском советском языке. Прилагательные на *-овый/-евый* также не испытывают активизации.

3. Словообразование глаголов в эмигрантской прессе не обнаруживает особенных потрясений и изменений. В русском советском языке был заметен рост дериватов с суффиксами стилистического словообразования (напр., *-ну*), находившийся в русле демократизации (”снижения”) языка, однако эмигрантский языковой узус на уровне глагольной суффиксации не отмечает такого процесса.

4. Префиксально-суффиксальная деривация имен существительных и прилагательных показывает как сходства, так и различия в номинации референтов в советском и эмигрантском языке. Объединение аффиксов (префиксов и суффиксов) в более крупные семантические блоки на основе выведения ”общего” словообразовательного значения позволяет увидеть в деривационных номинациях ”социальный заказ” эмигрантского узуса: активность префиксов *пан-, лже-, над-, полу-, нео-* непосредственно связана с потребностью наименования и оценки денотатов эмигрантского и советского дискурсов.

5. Компрессивное словообразование, представленное аббревиацией, усечением и универбацией, – благодатный материал для суждения о качестве и темпах новых способов словообразования в русском языке 20 в., напрямую мотивированных кардинальными социальными изменениями в жизни страны. Среди всех типов аббревиатур (1. инициальные; 2. смешанные; 3. слоговые) эмигранты предпочитают использование третьего типа как наименее затемняющего смысловую структуру слова. Преобладание инициальных точечных аббревиатур в эмигрантской публицистике сигнализирует об особом (нелексикализованном) статусе таких языковых феноменов и признании их условными, искусственными словами, в отличие от советского языка, быстро осваивавшего инициальные аббревиатуры и признававшего их лексико-семантическим элементом словаря (отсюда – стремление к бесточечным написаниям). Степень кодификации и унификации аббревиатур в эмигрантской прессе крайне невелика и зачастую предоставлена в личное распоряжение пишущего. Универбаты, имеющие просторечно-фамильярную стилистическую окраску уже в момент своего появления (конец 19 – начало 20 в.), не получили развития в эмигрантском узусе, в отличие от их бурного роста в разговорно-профессиональной сфере советского языка 20-30-х годов.

6. Сложные имена существительные (со значением лица и не-лица) активно используются в эмигрантской прессе. В группе личных имен получили активизацию словообразовательные компоненты *фил-*, *-росс*, *младо-*, *-люб* (в монархических изданиях), в группе нарицательных: *анархо-*, *иудо-*, *само-*. Появление новых технических референтов отражается на росте номинаций с компонентами *радио-*, *кино-*.

7. Составные имена существительные в эмигрантской публицистике сосредоточены в меньшей степени на номинативной функции, но больше на выражении оценочной; ”левые” газеты чаще и активнее используют составные модели, нежели охранительные, монархические издания. В группе составных имен прилагательных обращает на себя внимание использование дериватов, включающих в свой состав такие прагматически значимые элементы, как *национальный*, *общий*, *весь*, *мыслящий*.

8. Гибридное словообразование представлено немногочисленными примерами (имена существительные, прилагательные, глаголы). Слова-гибриды используются либо с номинативной функцией (социально-экономические реалии), либо с игровой (*шатаж*).

9. Субстантивация как один из способов конверсивного словообразования – важная составляющая часть эмигрантской публицистики, но словообразовательных инноваций она не демонстрирует. Субстантивные дериваты, образованные по типу семантической конденсации и получившие развитие в русском языке метрополии 20-30 гг. в связи с ”социальным заказом”, в эмигрантской прессе не встречаются.

ГЛАВА 4.

ГЕНДЕРНЫЕ НОМИНАЦИИ

Общие замечания

Обычно гендерно ориентированными номинациями (gender specific names) в современной лингвистике обозначают имена лиц мужского и женского пола. В 1980-е годы термин понимался и в более специализированном значении, как обозначения только лиц женского пола (и в этом случае говорят о *nomina feminina*) [Кирилина 2004: 16-17]. Деривационное образование многих таких имен мотивируется в преобладающем количестве случаев словами мужского рода и, таким образом, представляет вторичные (в деривационном отношении) языковые феномены. С этим связано и лексическое своеобразие существительных женского пола: семантически оно формируется на базе слов мужского рода. Это сказывается на слабой дифференцированности деривативных аффиксов в кругу обозначений лиц женского пола. Следовательно, имена лиц женского пола оказываются маркированным элементом в привативной оппозиции *nomina masculina* – *nomina feminina*. Внимание исследователей направлено чаще именно к маркированному члену.

Гендерные номинации (применительно к людям) имеют в русском языке обычно пять типов языковых парадигм (без супплетивных форм типа *брат – сестра, человек – мужчина – женщина*)¹:

1. обозначение мужчины - обозначение женщины (словообразовательный дериват от первого, нейтрального члена): *учитель – учительница*;
2. обозначение мужчины - обозначение женщины (маркированный член родовой оппозиции, не образованный от первого, а соотносительный с ним): *француз – француженка, вдовец – вдова, дурак – дура*;
3. обозначение мужчины - обозначение женщины без родовой дифференциации: *пилот, пешеход, президент*;
4. обозначение мужчины - нулевой эквивалент женского пола: *евнух, бородач, двоеженец*;
5. нулевой эквивалент мужского пола - обозначение женщины: *роженица*.

Если рассматривать гендерную проблематику с деривационной точки зрения, то нельзя не согласиться со следующим утверждением: "ни на одной слово-

¹ Назовем несколько работ, рассматривающих данную проблематику: [Копелиович 1986; До-лешаль 1997; Кронгауз 1996, 2005; Nikunlassi 1999; Schmid 1998; Doleschal & Schmid 2001].

образовательной категории не сказались в такой мере социальные факторы, породившие борьбу различных тенденций в языке и вступившие в сложные взаимоотношения с тенденциями чисто языковыми, в частности словообразовательными, как на словообразовательной категории личных существительных муж. и жен. р. в их отношении к полу лица” [РЯСОС 1968: 191]. Социальные факторы, действовавшие в 19 веке, в отношении языковых механизмов номинации лиц женского пола, были крайне ограничены: сфера действия женщины – дом, семья; престижность женщины определялась престижностью и статусом места службы, деятельности ее мужа [Янко-Триницкая 1966; РЯСОС 1968: 191; Comrie et al. 1996: 231]. Однако возможности применения женского труда являлись чрезвычайно сильным социальным стимулирующим фактором для появления номинаций со значением женскости: *ткач* > *ткачиха*, *акушер* > *акушерка*, *учитель* > *учительница*, *актер* > *актриса*, *писатель* > *писательница* и под. (впрочем, следует заметить, что таких маркированных в словообразовательном отношении языковых элементов в русском языке 19 века были единицы). Редкие маргинальные для типичных мужских профессий 19 века наименования лиц женского пола назывались чаще всего существительными мужского рода, так как имена мужского рода – ”неопределенные по своему значению” и обозначают ”род вообще (породу)”¹, так что сама идея пола (в современной терминологии – *гендера*) оказывалась нивелированной. Напротив, имена женского пола являлись маркированным элементом в бинарной оппозиции гендерных наименований.

Развитие экономических, социальных, политических институтов страны на рубеже конца 19 – начала 20 вв. радикально изменили роль женщины в обществе в первую очередь с точки зрения трудовой занятости: в 1901 г. 26 % женщин было занято в промышленности, через 15 лет, в 1917 г., – уже 40 % [Янко-Триницкая 1966: 170-171] (следует уточнить: прежде всего на неквалифицированной работе [Янко-Триницкая 1966: 170; Comrie et al. 1996: 234]). Рост занятости женщин особенно заметен после 1914 г., с началом Первой мировой войны, ”в металлообрабатывающей промышленности, в промышленности пищевых продуктов, на обмундировочных заводах, в конторах, канцеляриях” [РЯСОС 1968: 192]. Именно эти экстралингвистические факторы стали решающими в процессах именовании женщины отдельным словом, тенденции еще слабой, периферийной в конце 19 века, но значительно активизированной и актуализированной в первые десятилетия 20 в., в отличие от более раннего периода. Этому не могло помешать даже стремление в начале 20 в. именовать женщин словами мужского рода (*заместитель*, *автор*, *адвокат*, *архитектор*, *оратор*, *редактор* и т.д.²) в качестве компенсаторного средства выражения категории ”женскости” классом существительных мужского рода.

¹ Аксаков К.С. Опыт русской грамматики // Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. Т. 3. Сочинения филологические. Ч. 2. М., 1880. С. 66. - цит. по: [РЯСОС 1968: 191].

² ”...преимущественно в языке интеллигенции и соответственно распространялась в основном наименования высококвалифицированных профессий или общественно-политических занятий” [РЯСОС 1968: 197].

Языковая ситуация начала 20 в. предлагала следующие возможности номинации женщин в сфере занятий, профессий (*nomina professionalia*):

1. словами мужского рода;
2. при помощи суффиксов женского рода (-ша, -иха, -ица, -ка, -иха, -уха);
3. дескриптивными (сложными) словами с "женским" конкретизатором (типа *автор-женщина, женщина-летатель, редактор-издательница, женщина-врач* и др.).

В нашем материале дескриптивные конструкции немногочисленны (мы обнаружили всего 4) и структурно состоят из гендерного (полового) конкретизатора *женщина, дама* и семантического номинатора: *женщина-добровольца, женщина-смертница, дама-кельнерша, женщина-сыщик*.

Ганди распорядился закрыть лагерь "женщин-добровольц" и разослал их по разным местам (Возрождение. 1932. 2 янв. № 2405)

Вдруг двери настежь. Вбегают два палача: еще жертву забыли – *женщину-смертницу*. (Возрождение. 1937. 10 апр. № 4073)

То, что не удалось инспектору, распутала *женщина-сыщик*, идущая совсем другими путями, чем полиция. (Возрождение. 1937. 10 апр. № 4073)

По сути дела, в трех из четырех приведенных аналитических конструкций дескриптор *женщина* выступает как семантически избыточный компонент, поскольку родовая маркированность уже словесно выражена при помощи суффикса "женскости" -ица, -ша. Аналогичные примеры можно найти в русской публицистике начала 20 в.: *избирательницы-женщины, предательницы-шпионки-женщины* (Женский вестник. 1908. № 2; 10), в 20-х годы: *феминистки-равноправки* (Коммунистка. 1920. № 7), *женщины-агитаторши* (Прожектор. 1924. № 13), *европейка-профессорша* (там же) [Янко-Триницкая 1966: 177-180]. Эта модель именования женщин по роду занятий, профессий, политической (и иной) позиции оказалась непродуктивной в русском языке. Однако гораздо более распространенной и нейтральной в стилистическом отношении стала модель: "женский" конкретизатор *женщина, работница, девушка* (в препозиции и постпозиции) + семантический номинатор мужского рода, напр.: *женщина-шофер, женщина-милиционер, женщина-профессор, женщина-врач, женщина-мастер, работница-гравер, машинист-женщина* и др. [Янко-Триницкая 1966: 186]. Как можно заключить из нашего материала, сочетание конкретизатора *женщина* с существительными мужского рода (*женщина-сыщик*) выпадает из общей линии дублетных номинаций. На общем фоне *nomina feminina* такие аналитические обозначения явно уступают в количественном отношении однословным суффиксальным дериватам.

Кроме того, также синтаксис может маркировать логико-семантическую категорию "женскости" (*врач пришла, корреспондент сообщила, доктор выписала рецепт, эта доктор, наша врач* и т.д.). В нашем материале не обнаружи-

лось ни одного случая синтаксического согласования глагола в прошедшем времени с существительным мужского рода (при обозначении пола женщины). Исключение составляют такие случаи, когда иноязычное неизменяемое титульное обозначение женщины в грамматически обязательном (облигаторном) порядке сочетается с глаголом прошедшего времени, страдательным причастием, кратким прилагательным в женском роде.

Что касается русских наименований пола женщины словами мужского рода, то в современном русском языке метрополии (данные на 1960-е годы) наблюдается перевес семантического согласования над согласованием по грамматическому роду; так, 51,7% респондентов выбрали форму *врач пришла*, 38,6% – *врач пришел* и 9,7% колебались в выборе "правильного" варианта [РЯСОМ 1968: 27; Corbett 1991: 184]. Языковая "гендерная" ситуация в языке метрополии находится в постоянной динамике; возможны различные оценки и интенции в предпочтении или семантической согласовательной категории, или грамматической. Это зависит от многих факторов: возраста, образования, места рождения, социального положения, пола и др. [РЯСОС 1968: 27-32; Мучник 1971: 228-244; Comrie et al. 1996: 247]. Можно ли говорить о тенденциях развития категории "женскости" в эмигрантском дискурсе, насколько эта категория динамична и подвергается ли она оценочным интерпретациям людей? Для сравнения приведем характерный пассаж из современной эмигрантской газеты, выходящей в Аргентине:

«Языковые уродства»

Моя грач прилетела

Из заметки П. Крюкова о Лидии Чуковской, в «Новом мире» № 3 за 2002 год, узнаем, что так называлась ее последняя прижизненная работа, посвященная защите русского языка. Как объясняет Крюков, Чуковскую «удивляло и возмущало выражение *«моя врач пришла»*. Удивляет и возмущает оно и нас! Меня когда-то так и передернуло, когда встретил в письме из нынешней России, от вполне культурной женщины (когда-то подруга моего детства) слова: *«У меня очень милая врач»*. Лучше что угодно другое: *врачиха*, как и говорят в народе (хотя образованцы возражают, что это мол значит *«жена врача»*) или *женщина-врач*. И, если уж необходим неологизм, хотя и чудовищный, то надо бы врач, когда относится к особе женского пола писать *врачь* и тогда уж и склонять как ночь: *посещение врачи, наблюдения, сделанные врачью* и т.п.» (Аркадий Рахманов) (Наша страна. Аргентина. 2003. № 2727-2728)

Конечно, можно только забавно усмехнуться, читая приведенные строки, однако можно посмотреть на вопрос, поднятый в заметке, как на один из "болевых" и острых в современном русском узусе (а именно: разграничение грамматического рода и пола референта) не только метрополии, но и Зарубежья¹. В задачу нашей работы не входит изучение гендерной проблематики в языке современной русской диаспоры, однако небезынтересно упомянуть полевое

¹ В Белоруссии, по свидетельству Н.Б.Мечковской, шире распространены некоторые феминативы, чем в русском языке метрополии, даже в официальных документах (*заслуженная учительница, преподавательница, чемпионка, массажистка*) [Мечковская 2005: 61].

исследование, ставящее целью выяснить интерпретацию категории рода русскоязычными, живущими в Канаде; для них, находящихся в культурной англоамериканской зоне (Pax Americana), намного более существенную роль, чем для русских, живущих в метрополии, на выбор категории рода начинает оказывать фактор *политической корректности* (political correctness) [Novikov & Priestly 1999].

Для русского советского языка изменения в сфере именования лиц женского пола описаны достаточно хорошо [библиографическую подборку см., напр., в: Кирилина 2004: 76-77], однако о феминативах в эмигрантском языке известно очень немного, за исключением отдельных упоминаний некоторых производных *nomina feminina* в существующих лингвистических описаниях речи эмигрантов. Основные механизмы номинации женщин в эмигрантском дискурсе заключались в суффиксации, поэтому в дальнейшем мы и сосредоточимся на изучении суффиксальных производных *nomina feminina*. Итак, в настоящей части исследования ставятся следующие вопросы:

1. выяснить, какие типы обозначений женщин существовали в эмигрантском дискурсе;
2. каковы тенденции и закономерности деривационных процессов в эмигрантской прессе;
3. как взаимодействовали лексические, стилистические и собственно деривационные аспекты номинации;
4. наконец, в качестве дополнительного, факультативного ответвления проблемы прослеживаются некоторые типологические особенности именования женщин в устной и письменной формах эмигрантской речи.

Лингвистический анализ производных со значением лица напрямую связан, конечно, с социолингвистическим аспектом, ведь активное вовлечение женщин в экономические, социальные, общественные структуры после революции было налицо¹. А как же дело обстояло в эмиграции? Были ли процессы создания феминативов также активны в языке русской эмиграции или же они протекали более замедленно, следуя старым моделям именования и не обнаруживая словообразовательной активности? Связаны ли языковые и социальные процессы для номинаций женского труда и вообще лиц женского пола в эмиграции так же тесно, как и в советском послереволюционном языке? Феминативы – яркий пример взаимодействия языка и социума. Дериватов со значением лиц женского пола в эмигрантской публицистике (на базе собранного нами материала) немного в количественном отношении, и они не так разнообразны в качественном отношении тоже, если сравнивать с русским

¹ ”Новые социальные условия – возможности для женщины применить свой труд в различных областях производства и общественной деятельности – не только интенсифицировали старые слова жен. р. для названия лиц женского пола, но и порождали значительное количество новых слов жен. р. для названий лиц женского пола, и таким образом старая тенденция, по которой для женщин требовалось отдельное название, получила новые возможности для своего выявления” [РЯСОС 1968: 195].

советским языком. Это касается также и существительных *nomina masculina* в пределах эмигрантского дискурса. Этому есть свое объяснение, которое будет предложено в ходе рассмотрения отдельных деривационных формантов.

Если обратиться к феминативам, то обращает на себя внимание доминирование двух моделей: суффикса *-ица* и *-ка*. Для сравнения приведем сводную таблицу феминативов:

Суффикс	Количество дериватов
<i>-ица</i>	15
<i>-ка</i>	13
<i>-ша</i>	4
<i>-ыня/-иня</i>	2
<i>-есса</i>	1
<i>-чина</i>	1

Итак, с рассмотрения имен существительных со значением лица женщин мы и начнем.

1.0. *Nomina feminina*

1.1. Суффикс *-иц(а)*

Активизация суффикса *-иц(а)* при обозначении женщин по профессии и роду занятий [Очерки 1964а: 78] происходила в языке 19 в., однако деривационные модели не были новыми. Интерес представляет такой языковой факт: в конце 18 в. – начале 19 в. в узусе были уже номинации женских профессий, не соотносительных с мужскими, это свидетельствовало о первых попытках разграничения некоторых профессий между полами, напр.: *блондочница* ”женщина, плетущая блонды”. Вовлечение в 19 в. женщин в экономическую и общественную жизнь активизирует словообразовательную модель на *-иц(а)* для образования женских профессий от названий профессий мужчин. В результате возрастает деривационная зависимость женских номинаций на *-иц(а)* от ”мужских” производящих основ, напр.: *баשמачница* (< *баשמачник*), *гладильщица* (< *гладильщик*), *белильщица* (< *белильщик*), *ключница* (< *ключник*), *переводчица* (< *переводчик*), *конторщица* (< *конторщик*) и мн. др. [Там же]. Имена женского пола на *-иц(а)* были соотносительны с именами мужского пола на *-чик/-щик, -ник, -тель*.

Активизация суффикса *-иц(а)* для наименования женщин началась в первые годы 20 в., но особенно интенсивно – после революции 1917 г. С одной

стороны, продолжается количественный рост модели на *-иц(а)* для номинации женщин по профессии (напр.: *истопница, никелировщица, наждачница* и под. [Протченко 1964: 109 и сл.]), с другой – появляются гендерные дериваты в сфере общественно-политических номинаций: *подпольщица, забастовщица, стачечница, пикетчица* [Протченко 1985: 192]. Тем не менее, пропорции между этими типами номинаций (профессиональной и политической) таковы:

1. в общественно-политической лексике на первом месте находится суффикс *-к(а)*, ”реже используется [...] суфф. *-щица*, корреспондирующий с суфф. *-щик*: *аппаратчица, женотдельщица, застрельщица, коммунальщица, прогильщица, учкомщица* и др.» [РЯСОС 1968: 195];
2. в сфере же профессиональных обозначений преобладает суффикс *-иц(а)*, а не *-к(а)*; ср.: *вагощица, гвоздильщица, грузчица, клепальщица, крановщица, кубовщица, лебедчица* и т.п. [РЯСОС 1968: 196].

Характеризуя суффикс *-иц(а)* (или его дериваты второго шага на *-щица, -ница, -льщица, -тельщица, -овщица*), авторы [Comrie et al. 1996: 234] считают, что номинации на *-иц(а)* концентрируются в зоне женских профессий ”mainly highly specialized, but unskilled or semi-skilled, with little or no social prestige attached”.

Такова вкратце языковая и социолингвистическая характеристика суффикса *-иц(а)* в пререволюционном и послереволюционном русском языке. Какие же дериваты на *-иц(а)* свойственны эмигрантской прессе? Гендерные номинации распадаются в нашем материале на несколько групп:

1. языковые дериваты для наименования женщин по профессии: *фельдшерщица*¹, *танцовщица, певица, переводчица*. В этих производных суффикс *-иц(а)* выполняет номинативную функцию, служа для производства дериватов, немаркированных в стилистическом и прагматическом отношении; словообразовательная цепочка «производящее слово мужского рода * производное слово женского рода» выстраивается без труда.

2. несоотносительные (с ”мужским” существительным) дериваты для обозначения физиологической, материнской природы женщины: *родильница, девица, кормилица*. Ср:

... в московских больницах и приютах умирает в среднем 80% *родильниц*. (Голос Родины. 1919. 11 мая. № 262)

... титулованные и нетитулованные, светские и полусветские дамы и *девицы*.. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

Целый штат *кормилиц*, нянек, мамок, сиделок под наблюдением монахинь обслуживают младенцев днем и ночью. (Шанхайск. заря. 1929. 12 окт. № 1169)

¹ Нейтральность была в языке 19 в.: ”Когда барак закрыли, докторша предложила Матрене Ивановне устроить ее при школе и оградить от мужа. И то и другое удалось, и Орлова зажила спокойно, трудовой жизнью; выучилась под руководством знакомых *фельдшерниц* грамоте..” (Горький. Супруги Орловы).

Дериват *девица*, по-видимому, сохраняет свою нейтральную стилистическую окраску, где суффикс выполняет номинативную функцию обозначения женскости. Ср. также:

Суд в Вене признает адвокатессу *девицу* Тоню Шустер "отцом" чужого ребенка. (Возрождение. 1932. 1 янв. № 2404)

3. дериваты¹, соотносительные с мотивирующими именами мужского рода, для обозначения лиц по осуществляемой ими деятельности, занятию: *деятельница, читательница, покровительница, руководительница, возглавительница*. См.:

Минувшего 21-го января исполнилась первая годовщина со дня смерти незабвенной Терезины Михайловны Енко, не только исключительной *покровительницы* всех русских беженцев..., но и замечательной всеславянской *деятельницы*... (Рус. голос. 1939. 5 февр. № 409)

Руководительница русского отделения Армии Спасения М. Петрожицкая. (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

В конце первого полугодия Августейшая *Возглавительница* женских групп Союза Младороссов Е.И.В. [Ее Императорское Величество. – А.З.] Великая Княжна Кира Кирилловна удостоила Своим присутствием одно из собраний парижской женской группы.. (Младоросская искра. 1932. 12 июля. № 20)

4. дериваты, мотивированные именами существительными мужского рода, для обозначения женщин по их особому, исключительному положению в общественной иерархии: *царица, императрица*. Этот тип дериватов оставался в эмигрантском узусе как имена без своего реального референта.

В первом ряду Император Николай II с Алешей-царевичем на руках. Рядом *царица* Александра и три дочери с ней. (Рус. голос. 1939. 9 апр. № 418)

...будет отслужена панихида по Бозе почивающем Августейшем Шефе полка *Императрице* Марии Федоровне. (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173)

Е.А. Земская при анализе устной речи эмигрантов первой волны отмечает единственный дериват на *-иц(а)*: *председательница* (*Я председательница*) [ЯРЗ 2001: 129]. Записи устной речи в Тамперском корпусе дают более обширный список феминативов: *слушательница, председательница, коровница, певица, смольница* (=смолянка; воспитанница Смольного института благородных девиц), *католица* (=католичка):

... потом много докторов было прекрасных докторов // потом были / и певцы и *певицы* / (25b-25c: 18)

... она была *председательница* гм... общество помощи русским скаутам // (25b-25c: 18)

¹ Так называемые дериваты "второго шага": глагол > существительное мужского рода > существительное женского рода.

... какая-нибудь *коровница* какая-нибудь которая ра... работает с коровами она да... с ... с... свои слова выдумывает но / как же можно любить это? какой же это культурный язык? это же безобразие прямо// (25с-25d: 25)

... хулиганки были / несмотря на то что *смольницы* // (34: 1)

... я же римская *католица* // не православная / (41a-41b: 11)

Приведенные дериваты на *-иц(а)* демонстрируют свою нейтральную стилистическую окраску. Часть из них словообразовательно соотносима со словами мужского рода (по модификационному типу): *слушательница* < *слушатель*, *председательница* < *председатель*, *певица* < *певец*. Другая часть представляет несоотносительные, автономные дериваты: *смольница*, *коровница*. Наконец, случай *католица* может быть интерпретирован либо как разрушение словообразовательной связи *католик* > *католичка*, либо как установление новой деривационной модели: корень слова *катол(ик, -ический, -ицизм)* + суффикс женскости *-иц(а)*. Следовательно, можно утверждать, суффикс *-иц(а)* проявляет продуктивность в устной форме речи эмигрантов.

Характеризуя в целом феминативные наименования на *-иц(а)* в эмигрантской прессе, нужно отметить, что номинации женщин по профессии нетипичны для анализируемого материала. Конечно, можно объяснять это жанровой спецификой изученных текстов: как известно, образования на *-иц(а)* сосредоточены в области профессионально-деловых наименований¹, однако и в устном языке такие дериваты нечастотны. Важно подчеркнуть отличие феминативов на *-иц(а)* в советском и эмигрантском дискурсе.

1. В советском дискурсе 20-30-х годов 20 в. они стали перемещаться на периферию, будучи стилистически маркированными и производя преимущественно разговорные номинации для обозначения лиц женского пола. В эмигрантской публицистике гендерные номинации со значением профессии малочисленны, и все они нейтральны в стилистическом отношении.
2. В отличие от советского дискурса, в эмигрантской прессе много производных на *-иц(а)*, маркирующих категорию женского рода не в сфере профессий, а в области социальной активности, общественной деятельности, занятости (этот семантический тип в советском дискурсе в 20-30-е годы 20 в. был уже менее продуктивен).
3. Продолжали функционировать гендерные дериваты, обозначающие особые, исключительные функции женщин (обычно в царской, монархической иерархии).

¹ Любопытно, что в первые десятилетия 20 в. сама модель на *-иц(а)* для гендерных номинаций признавалась уже устаревшей: "образец для возникновения слова *фельдшерица* был, только он уже стал непродуктивным: ср. *пророк* – *пророчица*, *мастер* – *мастерица*" [Янко-Триницкая 1966: 172 сноска 12; РЯСОС 1968: 193 сноска 22].

4. В качестве частотной семантической модели надо отметить и метафорические использования библейских дериватов на *-иц(а)* в эмигрантской публицистике, цель которых – риторическая, прагматико-экспрессивная.
5. Наконец, в эмигрантском языке отсутствуют феминативные дериваты из сферы спорта, в то время как в советском дискурсе, начиная с 20-30-х годов 20 в., они представляли одну из активных референциальных зон номинации.

1.2. Суффикс *-и(а)*

В современном русском языке суффикс *-и(а)* в значении женского лица морфологически маркирует существительные общего рода и "обнаруживает продуктивность в разговорной речи; слова общего рода имеют оттенок неодобрения" [РГ 1980 Т.1: 252]. Таким образом, использование этого суффикса в современном языке ограничено разговорной речью, нейтральных лексем с этим суффиксом, по-видимому, не возникает¹. И в русских диалектах этот суффикс признан "мертвым" [Михайлова 1992]. Если сравнить с языком 19 века, то ситуация окажется иной. Ср.: "Активизация образования и употребления названий женщин по профессии и роду занятий выразилась и в вовлечении в эту категорию таких суффиксальных образований, которым ранее не было свойственно обозначение лица по роду занятий; это в первую очередь относится к именам на *-и-а*". [Очерки 1964а: 79]. Этот суффикс для обозначения лица женского пола в русском языке не столь старый, его появление относят к первой трети 18 века. Спецификой активизации слов с данным суффиксом было то, что основную массу таких существительных составляли обозначения женщин "по мужу" [Очерки 1964а: 81]; существительные типа *директорша*, *инспекторша* имели только одно словообразовательное значение "жена" (директора, инспектора). Со второй половины 19 века происходит интенсивный процесс грамматического отвлечения суффикса *-и(а)* от слов со значением профессии, чина, должности мужчины (мужа) и формирование нового значения "лицо женского пола, обозначенное по соотношению с соответствующим существительным мужского рода" [Очерки 1964а: 82], так что уже к середине 19 в. существительные на *-и(а)* представляют разветвленную систему, служа для обозначения:

1. жены по должности мужа (старое значение): *приставша* (< *пристав*), *казначейша* (< *казначей*);

¹ Ср. такую точку зрения: "В функции оценочного воздействия используются также имена лиц с суффиксами, обозначающими женскость: *-ша*, *-ица*, *-уха*, *-ка*, *-иха* и др. Названные суффиксы имеют значительный потенциал оценочности и редко встречаются в средствах массовой информации без коннотации ироничной негативности" [Трошкина 2003].

2. синкретическое (контекстно выявляемое) словообразовательное значение "жена по мужу" и "женщина, названная по соотносительному слову мужского рода"¹: *архитекторша, управительша*;
3. женщина, названная только по соотношению с существительным мужского рода (новое значение): *авторша, претендентша, импровизаторша*;
4. лицо женского пола вне соотносительности с существительным мужского рода: *бонтонша* (< фр. bon ton "хорошие манеры") [Очерки 1964а: 83].

Давая детальную, тщательную характеристику лексических инноваций в русском языке 30-90-х годов 19 в., Ю.С. Сорокин не отмечает дериватов на *-ш(а)*. Любопытно, что А. Мазон прошел мимо данного типа номинаций, не приведя гендерных новаций. С. Карцевский также скептически смотрел на новаторские тенденции в разряде одушевленных имен существительных женского рода: "Имена деятельниц, образованные от соответствующих имен мужского рода, не представляют интересных особенностей" [Карцевский 2000: 258], приведя, впрочем, три примера с суффиксом *-ш(а)*: *агитаторша, милиционерша, докторша*² (эту форму он считал стилистически нейтральной при "народной", т.е. стилистически маркированной, *докторица*) [Карцевский 2000: 258]. А.М. Селищев в своей книге не фиксирует дериватов на *-ш(а)* [Селищев 1928]. И так складывается впечатление, что класс гендерных обозначений с суффиксом *-ш(а)* не слишком привлекал внимание современников революционных изменений, видевших в нем нейтральное словообразовательное средство для номинации лиц женского пола. Очевидно, в первые два десятилетия 20 в. слова на *-ш(а)* при обозначении женских профессий не имели стилистических ограничений; например, *авиаторша* расценивалось как стилистически нейтральное [Янко-Триницкая 1966: 173].

Образования на *-ш(а)* получили некоторое развитие в 20-е годы: *редакторша, милиционерша, агитаторша* (последние два – в [Карцевский 2000: 258]),

¹ Несомненно, это динамический элемент в данной микросистеме, представляющий переходный период от старого словообразовательного значения к новому.

² Стилистически нейтральное значение "жена доктора" явственно проступает в языке 19 в.: "Я должен у вдовы, у *докторши*, крестить". (Грибоедов. Горе от ума); "Выйдя за него замуж, она [Домна Осиповна] будет *докторшею*, – титул не громкий!.." (Писемский. Мещане); "Итак, значит, того? Согласна? И отлично. Ломаться нечего. *Докторша*... Ха-ха! *Докторша*! Егорушка похлопал Марусю по подошве и, очень довольный, вышел из ее спальни. Ложась спать, он составил в своей голове длинный список гостей, которых он пригласит на свадьбу". (Чехов. Цветы запоздалые).

*касси́рша*¹, *докто́рша*², *секрета́рша*³, *кондукто́рша*⁴. Однако эти гендерные употребления не удержались в русском языке, и уже в 20-е годы 20 в. "постепенно оттесняются все больше и больше в область просторечия" [РЯСОС 1968: 210], причем могла происходить трансформация и другого рода – расширение мотивировки: *майорша* не только "жена майора", но и "дочка майора", однако и эти расширительные употребления уже не могли спасти словообразовательную модель на *-ш(a)*, перемещавшуюся в разговорные стилистические регистры речи. В СУ еще фиксируются двойные мотивировки слов на *-ш(a)* в значении "жена мужа" и "специалист-женщина": *профессорша*, *инспекторша*, *инженерша*, *фермерша*, *кухмистерша*, *регентша*, *секретарша*, *фабрикантша* [Очерки 1964а: 83], однако часто они маркируются пометой "прост.(оречное)" или хронологической пометой "устар.(елое)". "В наши дни использование подобных существительных носит всегда пренебрежительный, иронический характер" [РЯСОС 1968: 211].

Какие же гендерные дериваты на *-ш(a)* обнаруживаются в эмигрантской прессе и какой стилистический характер они имеют? В нашем материале встретилось только 4 случая использования слов женского рода с суффиксом *-ш(a)*. Отметим, что все существительные имеют нейтральную стилистическую окраску. Типология существительных такова:

1. обозначение женщины в соотношении со словом мужского рода: *кельнерша* (< *кельнер*), *дама-кельнерша*, *агитаторша* (< *агитатор*). Ср.:

Лакей (*garçon*), *кельнерша* и посудомойник с многолетней практикой ... ищут постоянную работу в русских ресторанах. [объявление] (Дни. 1926. 17 нояб. № 1161)

Бывший большевистский представитель в Швеции Воровский и известная *агитаторша* Балабанова назначены директорами официального журнала большевистского интернационала. (Голос Родины. 1919. 6 мая. № 257)

Любопытен такой лексикографический факт. Существительное *кельнерша* и *кельнер* русские словари фиксируют практически одновременно: *кельнер* появляется в 3-ем издании Словаря Даля (под ред. И.А. Бодуэна де Куртене), *кельнерша* – в Словаре Академии Российской (Т. 4 Вып. 3; 1909 г.). Существительное *кельнер* (из нем. *Kellner*) было уже давно в ходу, в частности в 19 веке при описании реалий европейской (преимущественно немецкой и швейцарской) жизни:

¹ В СУ слово дано как нейтральное в стилистическом отношении: *Кассирша*, -и. Женск. к кассир.

² Карцевский снабжает слово пометой «народное» [Карцевский 2000: 258]; СУ разграничивает старое употребление в значении «жена доктора» стилистической пометой «разг.[оворное]» и новое значение «специалист женского пола» пометой «прост.[оречное]»: *Докторша*, докторши, ж. (разг.). 1. Жена доктора. 2. Женщина-врач (простореч.).

³ Ср. в СУ соотношение старого и нового значений в семантической структуре слова: *Секретарша*, -и, ж. (разг.). Женщина-секретарь. || Жена секретаря (устар.).

⁴ В СУ дано как с пометой *разг.[оворное]*.

Он не успел еще одеться, как *кельнер* доложил ему о приходе двух господ. (Тургенев. Вешние воды)

Наутро я позвал *кельнера* и объявил, чтобы счет мне писали особенно. (Достоевский. Игрок)

Существительное *кельнерша* являлось неологизмом на русской языковой почве, будучи созданным, очевидно, в конце 19 – начале 20 в. по словообразовательной модели на *-ш(а)* для номинации женской профессии. Слово не было активным, функционируя в литературных текстах как экзотизм при описании заграничных реалий:

Заслужил я благоволения *кельнерши* десятью крейцерами вместо пяти, которые обыкновенно давала "на чай" *кельнершам* большая часть публики. (Станюкович. "Главное: не волноваться" // Русские ведомости. 1902. № 124)

Использование существительного *кельнерша* в эмигрантской прессе можно объяснить двояко: 1. переносом понятия из дореволюционного языкового багажа в язык зарубежья, 2. автономной номинацией, без апелляции к дореволюционному языку, осуществленной уже внутри эмигрантского языка.

В отличие от советского языка, где понятие *кельнерша* представляло семантический экзотизм¹, в эмигрантском узусе оно употреблялось в прямой номинативной функции. Интересно и то, что в эмигрантских газетах нам не встретилось существительного *официантка* для обозначения лица женского пола, соотносительного с "мужским" существительным *официант*, хотя работа в ресторане была одной из самых распространенных среди русских беженцев. Это можно объяснить внеязыковыми факторами: нахождение за границей снижало вероятность использования старого заимствования *официант*² в номинативной сфере для обозначения занятий лица. За границей эта номинация вытеснялась европейскими лексическими эквивалентами. Так в русский язык эмиграции внедрялись иностранные соответствия: *гарсон* (фр. *garçon*), *кельнер* (нем. *Kellner*).

Что касается "женского" слова *официантка*, то оно появилось в русском языке, очевидно, в 20-е годы 20 века, так как его первая лексикографическая фиксация содержится в СУ. Использование "женского" слова *кельнерша* или аналитического словосочетания *дама-кельнерша* находилось в том же денотативно-номинативном русле, что и замена "русского" (из дореволюционного узуса) существительного *официант* иноязычными словами мужского рода *лакей* (*гарсон*), *кельнер* для номинации "мужской" профессии.

Существительное *агитаторша* мотивировано существительным *агитатор*, имеет модификационное значение. В стилистическом отношении оно

¹ Ср. в СУ: *Кельнерша*, -и (загр.). Женск. к кельнер. Это слово отмечено и в [РЯЗ 2001: 56] с комментарием "меньшей уместности" данного деривата по сравнению с *официантка*. Очевидно, дело обстояло сложнее упомянутого объяснения, которое тем более не подкрепляется языковыми фактами.

² Оно фиксируется уже в начале 19 в.; см. [Яновский].

нейтрально; именно в таком стилистико-прагматическом значении слово использовалось в эмигрантской литературе:

По России народнической *агитаторшей* тогда ездила бабушка русской революции Катерина Брешковская. (Р. Гуль. Азеф, 1929 г.)

Примечательно, что слово *агитаторша* по каким-то причинам (исчезновение реалии? разговорно-фамильярный стилистический оттенок? или иные мотивы?) не было включено в СУ, хотя оно и встречалось в советской литературе:

Кавалер он, знать, твой-то, – усмехнулась *агитаторша*. (Фурманов. Чапаев)

Но *агитаторша* попадает в Сл. Ожегова с пометой ”разг.(оворное)”.

2. обозначение женщин при отсутствии семанτικο-деривативного соотношения с существительными мужского рода: *манекениша*. Ср.

В последние дни в Париже были найдены мертвыми две молодые женщины. [...] Одна из них была артисткой и выступала под именем Винды Ильвано, другая – Габриэла Дюрефур – была *манекенишей*. (Руль. 1926. 14 апр. № 1630)

Слово *манекениша* не может быть словообразовательно произведено от существительного *манекен*, поскольку значение одушевленного существительного *манекениша* не выводится из значения неодушевленного существительного *манекен*, а базируется на дополнительном семантическом элементе ”служить манекеном, быть в роли, функции манекена (обычно при демонстрации одежды)”. Таким образом, между ними устанавливаются не модификационные, а мутационные словообразовательные связи. В русском языке слово *манекен* известно уже давно¹, любопытно, однако, что производное одушевленное существительное женского рода *манекениша* появилось раньше другого одушевленного существительного мужского рода – *манекенищик*. Характерно также, что дериват *манекениша* (по мутационному словообразованию от *манекен*) появился именно в русском эмигрантском языке, а не в языке метрополии, поскольку *манекенищица* является довольно поздним языковым продуктом конца 40-х - начала 50-х годов 20 века (первая фиксация в СО 1952).

Слово же *манекенищик* (мужского рода) следует рассматривать в русском языке метрополии как производное именно от *манекенищица*, а не от *манекен*. Таким образом, в русском языке метрополии наблюдался следующий словообразовательный процесс: от исходного существительного женского рода (*манекенищица*) > существительное мужского рода (*манекенищик*). Этот случай можно отнести к обратному словообразованию (типа *доярка* > *дояр*, *стюардесса* > *стюард*).

¹ Первая лексикографическая фиксация – в ”Новом словотолкователе, расположенном по алфавиту, содержащим разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, значение которых не всякому известно, каковы суть между прочими: астрономические, математические и прочие. В 3 частях” Н. Яновского. СПб., 1803–1804.

В эмигрантском же языке словообразовательный процесс проходил иначе, по мутационному типу. Очевидно, *манекенша* осознавалось как стилистически нейтральное обозначение, где суффикс *-ш(a)* служил для передачи категории женскости. Этот словообразовательный процесс происходил на почве русского языка, без иноязычного влияния:

- во французском языке понятие «манекенщица» представляет грамматический омоним: *манекен* (одушвл. существ.; *mannequin*, муж. род) – *манекенщица* (*mannequin*, муж. род¹);
- в англ. языке произошло лексическое расподобление понятий: *манекен* (неодуш. существит.; *mannequin*) – *манекенщик*, *манекенщица* (*model*);
- в нем. языке разветвленная система номинаций: *манекен* (неодуш. существ., *Schneiderpuppe* – для примерки в ателье; *Schaufensterpuppe* – в витрине) – *манекенщик* (*Dressman*) – *манекенщица* (*Mannequin*).

Как русский язык преодолевал французскую грамматическую омонимию при обозначении и мужчины-манекенщика, и женщины-манекенщицы? Кажется, механизмом словообразовательного разграничения профессии по гендерному признаку являлась языковая тенденция к формально выраженным, закрепленным в структуре слов категориям деятеля в сфере мужского и женского труда. С формально-грамматической точки зрения в качестве исходной словообразующей базу можно допустить неодушевленное существительное *манекен*, от которого и образовалось одушевленное существительное *манекенша*, но с семантической (смысловой) точки зрения также легко предположить, что дериват *манекенша* появился в речи эмигрантов именно с целью гендерно-языковой дифференциации профессий, т.е. как попытка преодолеть грамматическую омонимию французских прототипов. Итак, слово *манекенша* – словообразовательный продукт эмигрантского узуса, появление которого мотивировано скорее всего реальной жизнью. По мнению историка моды А. Васильева, русские модели задавали тон в Париже в двадцатые и продолжили делать это в тридцатые годы прошлого века. Девушки, женщины из знатного, аристократического рода, согласившиеся стать манекенщицами у самых известных модельеров, кутюрье, именовались *mannequin vedette* “букв.: манекенщицы-звезды” (приглашенные известные дамы, надевавшие наряды Дома мод во время своих выходов в свет), а девушки более простого происхождения – *mannequin sabine* “манекенщицы в зале”, т.е. постоянно работающие на показах в Доме мод [Васильев 2001]. Вполне возможно, что востребованность русских девушек, женщин в области моды Парижа и пос-

¹ Во французском и *манекенщик*, и *манекенщица* обозначаются одним существительным мужского рода. Это связано с историей понятия: в 1814 г. у слова, неодушевленного существительного, сформировалось новое значение “демонстратор мужской моды” (*présentateur de mode masculine*) и только в 1865 г. значение “молодая женщина (девушка), занятая у модельера для показа модных коллекций” (*jeune femme employée par un couturier pour la présentation des modèles de confection*). При переносе понятия из мужской сферы в сферу женского труда грамматический род во французском сохранился.

лужила тем внеязыковым толчком для словопроизводства существительного женского рода. Если в русском советском языке обусловленность появления слов женского рода в сфере профессий не вызывает сомнений, то у эмигрантов область применения женского труда была намного ограниченной; тем не менее и тут виден (пусть только как языковая возможность) социальный фактор словообразовательной номинации.

В русском языке метрополии появление производного *манекенши* датируется только концом 50-х – нач. 60-х годов 20 в., причем уже сразу с ироническими коннотациями, основанными на разговорной стилистической функции суффикса *-ш(а)* в современном узусе:

Встречные мужчины пристально оглядывали ее с головы до ног, так, что она чувствовала под платьем свою грудь. – Походочка у тебя! – подозрительно сказала Катя. – Какая? – Как у *манекенши*. (Д. Гранин. Иду на грозу)

Таким образом, гендерные номинации на *-ш(а)* в эмигрантской прессе 20-30-х годов показывают ее живой номинативный характер. Дериват *агитаторша* представляет заимствование из советского языка, других производных на *-ш(а)* с политическими референтами эмигрантская публицистика не отмечает. Ведущей сферой в номинации гендерных дериватов на *-ш(а)* является область занятий, профессий, отсюда такие производные, как *(дама-)кельнерша* и *манекенша*. Ср. также: Я работала *секретаршей* [ЯРЗ 2001: 121]. Старого значения суффикса *-ш(а)* ”жена по мужу”, свойственного языку 19 в., в исследованных эмигрантских газетных текстах нам не встретилось, однако это, разумеется, не значит, что такое словоупотребление ушло из языка эмигрантов. Ср. пример из Тамперского корпуса, где дериват использован с нейтральной стилистической окраской:

я была членом совета // я была / *казначейшей* // это община старостильной общины // (34-34d: 32)

1.3. Суффикс *-к(а)*

Суффикс *-к(а)* в гендерной деривации является одним из ведущих для номинации женщин по профессии, деятельности. На его развитие в русском языке значительное влияние оказали иноязычные заимствования 18-19 вв., которые активно пополняли русский язык в сфере профессий, какой-либо области занятий, политических убеждений, философской, идеологической позиции и т.п. Именно этот экстралингвистический факт – знакомство России с западным миром в области социально-политической – И.Ф. Протченко считал основным, центральным в собственно лингвистическом процессе деривационной активизации суффикса *-к(а)* [Протченко 1953: 78 – цит. по: Очерки 1964а: 79 сноска 84], соотносительного с существительными мужского рода. В языке 18-19 вв. возникло много дериватов от иноязычных основ: *авантюристка*, *артистка*, *арфистка*, *ассистентка*, *атеистка*, *бенефициантка*, *виртуозка*,

гигантка, гитаристка, дарвинистка, деистка, демократка, либералка и десятки других. Появление гендерных номинаций на *-к(а)* вызывалось к жизни и социальными условиями самой России – включением женщин в общественную (музыкальную, литературную, интеллектуальную, научную) деятельность [Очерки 1964а: 80]. Итак, диапазон гендерных словообразовательных возможностей суффикса *-к(а)* был достаточно широк.

Пред- и первые послереволюционные годы оставили значительный след в количественном расширении модели слов (со значением «женскости») с данным суффиксом. Любопытно, что С.И. Карцевский, приводя такие словообразовательные инновации того времени, как *”партийка, доброволка* (из женских батальонов), *большевичка, беженка, чекистка, ... спекулянтка...”* [Карцевский 2000: 258], не считал их существенным знаком перемен в русском узусе.

Гендерные новообразования на *-к(а)* в 20-е годы 20 в. концентрировались прежде всего в сфере общественно-политической, что не являлось новым для языковой ситуации: эта семантическая модель была уже “опробована” в языке, что и заставило Карцевского достаточно скептически оценивать “новизну” советского языка в пополнении ряда номинаций на *-к(а)*. Типология же гендерных номинаций на *-к(а)* в советском языке была такова. “Наиболее распространенным, соединяющимся с наиболее широким кругом основ, является суффикс *-ка*:

- а) корреспондирующий с суфф. *-ец* слов муж. р.: *вузовка, выдвиженка, комсомолка, ленинка*¹, *лишенка, нотовка*², *партийка, помстройкомовка, рабфакровка* и т.п.;
- б) присоединяющийся к заимствованным основам на *-ист*: *активистка, пропагандистка*;
- в) присоединяющийся к заимствованным основами на *-ант, -ент*: *агентка, аспирантка, курсантка, практикантка*;
- г) присоединяющийся к заимствованным основам на *-р*: *коммунарка, кооператорка, санитарка, секционерка*;
- д) присоединяющийся к различным другим заимствованным основам: *инвалидка, националка, партизанка, спортсменка, стипендиатка, чемпионка* и т.п.;
- е) присоединяющийся к русским аббревиатурным бессуффиксным основам: *далькорка, женкорка, копкорка, нэпманка, рабкорка, селькорка* и под.” [РЯСОС 1968: 195].

¹ В СУ: *Ленинка, -и* – женск. к *Ленинец; Ленинец, нца*, (нов.) – человек, преданный учению Ленина, последовательно осуществляющий принципы ленинизма в своей деятельности.

² Работница, работающая по системе научной организации труда и пропагандирующая ее.

В русском советском языке произошло расширение словопроизводственных баз для суффикса *-к(а)* со значением женского пола прежде всего за счет аббревиатурных образований:

1. традиционный суффикс *-ец* в именах мужского пола, от которых образовывались "женские" дериваты на *-к(а)*, пополнился аббревиатурными формами: *вузовец* > *вузовка*, *рабфаковец* > *рабфаковка* и под.;
2. легко образовывались дериваты от аббревиатур, не содержащих аффиксов: *рабкор* > *рабкорка*, *селькор* > *селькорка* и др.

Исследователи революционного языка не могли пройти мимо этой новой лингвосоциальной ситуации. А. Мазон, характеризуя язык 1914-1918 гг. и приведя несколько новообразований мужского рода (*массовик*, *центровик*, *пищевик*), указал на корреспондентные отношения (как он пишет, "dans la mesure", т.е. по мере возможности) слов мужского рода со словами женского рода¹. Всего же в книге А. Мазона зафиксировано 5 автономных лексем с суффиксом *-к(а)* или *-иц(а)*: *большевичка*, *меньшевичка* (Mazon 1920: 26), *эсерка-соглашательница* (там же: 28). А.М. Селищев отмечал, что дериваты со значением женскости легко вступают в словопроизводственные отношения с существительными на *-ец* [Селищев 1928: 174]; в его работе упомянуты следующие "женские" дериваты: *комсомолка* (< комсомолец), *красноармейка* (< красноармеец), *ленинка* (< ленинец), *партийка* (< партиец), *пролетарка* (< пролетарий), *рабфаковка* = (реже) *рабфачка* (< рабфаковец) [он же: 175].

Феминативные номинации на *-к(а)* анализирует и Н.А. Янко-Триницкая [Янко-Триницкая 1966], считая этот суффикс, добавляемый к существительным мужского рода, самым частотным для образования дериватов со значением женскости от слов мужского рода, преимущественно обозначающих род занятий, политическую позицию, напр.: *комсомол* > *комсомолка*, *активист* > *активистка*, *агент* > *агентка*, *женкор* (женщина-корреспондент) > *женкорка*². Два последних производных достаточно быстро вышли из употребления.

Приведенные примеры могут служить социолингвистическим фоном для эмигрантских феминативных номинаций на *-к(а)*. Наш материал дает такой перечень гендерных дериватов на *-к(а)*.

1. старые узуальные дериваты: *модистка*, *студентка*, *пианистка*, *беженка*, *народоволка*, *содержанка*, *гражданка*, *проститутка*, *мамка*, *нянька*, *сиделка*:

Первоклассная *модистка* для балън.[ых] вечерн.[их] наряд.[ов], с реком. [енда-циями], ходит на дом. (Сегодня. 1930. 12 янв. № 12)

¹ "Les formes féminines correspondant à ces dérivés sont munies, dans la mesure où elles existent, du suffixe *-ичка*" [Mazon 1920: 26].

² Модель, как видим, восходит к началу 20 в. (двухсловное именование с семантическим конкретизатором), однако давление моделей на *-к(а)* в послереволюционное время рождает лексический и семантический дублет *женкорка*; таким образом, налицо избыточное выражение категории женскости, которая оказывается репрезентированной на лексическом (*женкор* < женский корреспондент) и словообразовательном уровнях (*женкорка*).

... в Петрограде имеются 1700 *проституток* и 300 тайных притонов. (Воля России. 1920. 18 сент. № 6)

... старая *народоволка*, шлиссельбургская узница – Вера Николаевна Фигнер... (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Целый штат кормилиц, нянек, *мамок*, *сиделок* под наблюдением монахинь об-служивают младенцев днем и ночью. (Шанхайск. заря. 1929. 12 окт. № 1169)

2. Дериват *соколка* (< сокол ”член военно-патриотического общества «Сокол»”) может быть отнесен либо к эмигрантскому словообразованию, либо к предреволюционному, поскольку в России общество ”Сокол” было учреждено еще в 1907 г., однако в эмиграции оно обрело новую жизнь. Этот гендерный дериват был широко распространен в эмигрантской публицистике:

... выступление на ”Славянском вечере” в городском театре двух групп русских *соколок* и соколов: сестер Общества ”Русский Сокол” в Новом Саду и сестер и братьев О[бщест]ва ”Русский Сокол” в Белграде. (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173)

Любопытно сопоставить приведенный список феминативов из сферы газетно-публицистического языка с подобными номинациями в устной речи заграничных русских. Кажется, дериваты на *-к(а)* были популярны как в письменной, так и устной разновидностях эмигрантского узуса. В частности, Тамперский корпус содержит такие номинации: *шовинистка*, *смолянка* (этот деривационный вариант используется реже, чем *смольница*), *хулиганка*, *финляндка*, *институтка*, *нацистка*, *расистка*, *студентка*, *туристка*, *еврейка*:

... какая она // *жуткая шовинистка* // (30-30b: 15)

... мой отец был третий раз женат / тоже на *смолянке* // на *смолянке* / она была русская / Ростопчиных княгини родственница // (34-34d: 29)

... у нас в течение года ... давали уроки / это назывались пробные уроки // которым / *институтки* / педагогического института / слушательницы // *студентки* / они / первую половину года / приблизительно до Рождества / они по очереди сидели на уроках // когда преподаватели давали урок // и слушали / и записывали // (25c-25d: 26)

... *хулиганки* были / несмотря на то что *смольницы* (34: 1)

... мои оба сына женаты не на *еврейках* // да // у одного эта девочка / я ничего / я не *нацистка* // я не ... не *расистка* // для меня все люди как люди // (48b-48c: 21)

... любовь к Ленинграду или к ... Пит... Питеру как раньше говорили / хотя я там только была семь раз в жизни не ... не ... жила ничего // а *туристкой* и всё-таки так сказать это как уж папин город / (36c-36d: 27)

Производные на *-к(а)* в записях устной речи Тамперского корпуса явно имеют нейтральную стилистическую окраску, оттенков разговорности, фамильяр-

ности, сниженности не ощущается, так что можно утверждать о существовании существительных с "женским" суффиксом *-к(а)* в языке эмигрантов первой волны как именно номинативных средств для категории женскости. Ср. также другие примеры: *френтка* (в среде американских русских) < girlfriend [Benson 1957]¹, *инфирмьерка* "сиделка, нянечка (в больнице, приютах)" < фр. *infirmière* (в муж. роде *infirmier*), *швейка* (=швея)² [РЯЗ 2001: 37, 51].

В исследуемой нами эмигрантской публицистике гендерные дериваты на *-к(а)* представляют старые номинативные образования. Новых производных, ориентированных на эмигрантскую жизнь, не отмечено; исключение (с некоторыми оговорками) может составлять существительное *соколка*, заметно активизированное в эмигрантском дискурсе. Советские номинации на *-к(а)*, встретившиеся нам на страницах эмигрантских газет, а также в записях устной речи (Тамперский корпус), выполняют собственно номинативную функцию, суффикс *-к(а)* в них стилистически нейтральный. Некоторые дериваты используются с прагматическим заданием (*проститутка*, *содержанка*) при характеристике советских реалий. Однако в эмигрантском языке гендерные дериваты на *-к(а)* находились в явной тени "мужских" номинаций в такой тематической сфере, как политика, идеология, культура. Советский язык дает гораздо более развитые, разветвленные зоны функционирования гендерного суффикса *-к(а)*.

1.4. Другие суффиксы (*-есса*, *-чина*, *-ыня/-иня*)

Эти суффиксы для обозначения женщин в эмигрантской прессе использовались намного реже. В русском языке есть три иноязычных суффикса для обозначения женщин: *-есса* (*адвокатесса*, *баронесса*), *-иса* (*директриса*, *актриса*), *-ина* (*балерина*, *синьорина*). Они не являются активными в словообразовательном отношении. Революция 1917 г. оказала значительное влияние на их функционирование в узусе. "Начинают утрачиваться некоторые слова жен. рода, преимущественно с непродуктивными суффиксами: *архитектриса*, *директриса*, *инспектриса*, *лектриса*, *авиатриса*, *адвокатесса* и т.п." [РЯСОС 1968: 201]. В частности, суффикс *-есса*, используемый "преимущественно в титулах или в профессиональных обозначениях артистического и спортивного характера" [Виноградов 1986: 119], не порождая новых дериватов в русском послереволюционном языке, быстро перешел на периферию словообразовательной системы. То же касается и суффикса *-иса*. Авторы монографии [РЯСОС 1968: 201] объясняют это социальными причинами: "пока женщина на

¹ Англ. girlfriend эмигранты в Америке передавали двумя способами, расчлняя английскую лексему и формируя из нее две производящие основы. Так появились лексическое заимствование (*гёрл(а)*, *гирла*) или словообразовательный гибрид *френтка* (ср. *подружка*) по модели: оглушение в конце слова конечного звонкого согласного звука (что типично для русского языка) с последующей суффиксацией *-к(а)*.

² Слово содержит диминутивный суффикс *-к(а)*. В СУ дано с пометой: *разг.[оворное] устар.[елое]*.

определенном посту вызывала удивление, ее обязательно стремились назвать иначе, чем мужчину; когда это становилось привычным, название унифицировалось в мужском роде”. Несмотря на пассивизацию слов на *-есса*, *-иса*, слово *актриса*, например, не подчинилось общей тенденции и уцелело. Авторы [Comrie et al. 1996: 235] видят в нем известное исключение, детерминированное социальным соглашением, условностью (by social convention): в большинстве пьес различие мужских и женских ролей весьма существенно, что ведет, соответственно, и к сохранению в языке обозначения *актриса*. В нашем материале дериватов на *-иса* не встретилось. С суффиксом *-есса* содержится одно производное, *адвокатесса*, при гораздо более частотном употреблении мужской номинации *адвокат*; ср. уже приведенный пример:

Суд в Вене признает *адвокатессу* девицу Тоню Шустер ”отцом” чужого ребенка.
(Возрождение. 1932. 1 янв. № 2404)

Любопытна комбинация атрибутов при личном имени: профессиональный атрибут (*адвокатесса*) + атрибут семейного статуса (*девица*). В эмигрантском языке слово *адвокатесса* является, несомненно, нейтральным в стилистическом отношении. Характерно, что в СУ эта лексема вообще отсутствует, очевидно, как выпавшая из актуального (для того времени) советского словаря.

Суффикс *-ыня/-иня* является ”полумертвым” [Виноградов 1986: 115] в русском языке. Феминатные дериваты на *-ыня/-иня* несут в общем языке яркую прагматическую функцию (ср. *боярыня*, *государыня*, *рабыня*, *сударыня*, *княгиня*, *графиня*, *инокия*, *монахиня*), поэтому многие лексемы на *-ыня/-иня* снабжены в СУ ограничительными пометами: *дореволюц.*(ионное), *истор.*(изм). Выпадение из словаря целой группы производных с данным суффиксом вызвало стилистическую трансформацию всей словообразовательной модели и наделение суффикса *-ыня/-иня* стилистическим ореолом книжности [Comrie et al. 1996: 235]. В эмигрантском языке многие лексемы сохраняли свою жизненность, поэтому и стилистического перемещения слов на *-ыня/-иня* в регистр устарелой или книжной лексики не наблюдалось. Ср.:

Государь с *Государыней* стояли вблизи аналая, а дочери Их – Наследник отсутствовал – как и Императорская Фамилия, бывшая почти в полном составе, стояли поодаль. (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173)

В первом ряду Император Николай II с Алешей – царевичем на руках. Рядом царица Александра и три дочери с ней. Великие *княгиня* и князь. Патриарх Тихон, епископы, священники, сотни священства. (Рус. голос. 1939. 9 апр. № 418)

Салон *графини* Клейнмихель в Берлине сделал свое дело. (Возрождение. 1919. 12 окт. № 86)

В пятницу состоится перевезение останков *герцогини* Шарлотты Саксен-Мейтингской в Мейнинген. (Призыв. 1919. 7 (23.9) окт. № 77)

Это же явление (нейтральность слов речевого этикета *княгиня*, *графиня* в эмигрантском узусе) отмечает и Е.А. Земская [ЯРЗ 2001: 136].

Суффикс *-чина* в наших материалах эмигрантской прессы встречается только в украинизме *дивчина* (у Селищева с пометой: ударение на первый слог), который вошел в активное употребление в революционные годы: ”в комсомольской среде принято называть девушку по-украински: *дивчина*” [Селищев 1928: 118, 206]. Ср. характерный пассаж из эмигрантской газеты, показывающей, что украинизм уже лишился своей этнографической маркировки и денотативно совпал с русским словом *девушка* (реже – *девочка*), однако с характеризующе-оценивающей коннотацией ”обычно с красивой, видной внешностью”¹. Ср.:

... стремление евреев выдать своих дочерей за местных казаков и русских крестьян и самим жениться на казачках и русских *дивчинах*. (Голос России. 1931. 1 окт. № 3)

Дериватов на *-иха*, *-уха* для обозначения женщин в нашем материале не отмечается. Ср., однако, примеры из Тамперского корпуса записей устной речи, где нам удалось обнаружить только два деривата на *-иха*: *сторожиха*, *повариха*. Ср.:

... работа была очень тяжелая // купить / мы не могли / тачку чтобы воду возить // и я / я возила тогда десятилитровые две / *каппу*² которые мне дала *сторожиха* // (30-30а: 4)

... жили так // папа любил повара // *повариху* нет // (30а-30б: 10)

Если во втором примере *повариха* имеет значение ”жена (по мужу)”, то в первом примере *сторожиха* может быть интерпретирована и как ”женщина-сторож”, и как ”жена (по мужу)”.

1.5. Субстантиваты

В нашем корпусе примеров встретилось только одно субстантивированное причастие для номинации женщин по профессии: *приходящая*³. В русском советском языке 20-30-х годов субстантивация причастия *приходящая* не произошла; так, СУ дает только синтагматическое, но не автономное употребление данного слова с речением *приходящая домработница*. Можно думать, что малая общественная востребованность (в сравнении, например, с дореволюционным временем), социальное ”выдавливание” данной профессии, а также общественно-моральная оценка прислуги как буржуазного (капиталистического, эксплуататорского) пережитка не способствовали языковому процессу синтагматического сжатия причастия в субстантиват. В эмигрантской жизни

¹ В СУ слово *дивчина* не зафиксировано.

² Фин. ”бидон, фляга”.

³ Толкование в СУ: ”Такой, к[ото]рый является куда-н.[ибудь] для исполнения своих обязанностей, для лечения и т. п., но не живущий, не находящийся постоянно в этом месте”.

место и роль приходящей (обычно домработницы, служанки, уборщицы) как домашней прислуги сохранились, поэтому использования субстантивата не удивительно. См. примеры:

Ищу место *приходящей* для всего ul. Wołyńska. [реклама] (Меч. 1937. 16 мая. № 18)

2.0. Nomina masculina

2.1. Суффикс *-щик/-чик*

Суффикс *-щик/-чик* для обозначения лица стал использоваться в русском языке относительно поздно, с середины 13 века, преимущественно в памятниках делового содержания¹. Если в древнерусском языке данный формант мог присоединяться к основам существительных, глаголов и прилагательных, то по направлению к Новому времени отадъективные дериваты на *-щик/-чик* употребляются реже и реже (в современном языке сохранились, в частности, такие: *кладовщик, меховщик, часовщик, оловящик, жестящик*). Напротив, образование имен лиц от существительных и глаголов остается устойчивым на всем протяжении исторического и современного периодов [Очерки 1964а: 37]. Спецификой образования отглагольных существительных на *-щик/-чик* в 19 веке было то, что:

1. имена по профессии, роду занятий, ремеслу превалировали над аналогичными существительными со значением склонности, черт характера, поведения;
2. в середине 19 века начинает возрастать количество дериватов со значением психической, умственной деятельности.

Что касается сочетания суффикса *-щик/-чик* с именными основами, то оно было устойчивым и продуктивным на протяжении всего 19 века; кроме того, появляются и новые дериваты: комбинация данного словообразовательного форманта с иноязычными по происхождению основами: *магазинщик, шарманщик, конфетчик, бакалейщик* [Очерки 1964а: 49]. Из производственной терминологии образования на *-щик/-чик* в период демократизации литературы (60-70-е годы 19 века) легко попадали в литературное употребление и иногда становились стилистически нейтральными. Развитие и усложнение, дифференциация системы профессий вызвали в 19 веке² увеличение дери-

¹ Историю, гипотезы возникновения и функционирование данного суффикса в хронологической перспективе вновь интересно и содержательно рассмотрел Г.А. Николаев [Николаев 2002].

² Первые примеры известны с 16 в. [РЯСОС 1968: 183 сноска 12].

ватов на *-льщик* (*-альщик, -ильщик, -ельщик*): *носильщик, копировальщик, строгальщик, шлифовальщик* и мн. др.; в современном языке этот словообразовательный тип – наименование лиц ”по роду работы – особенно продуктивен” [Виноградов 1986: 91; РЯСОС 1968: 183]. С конца 18 века известно и такое словообразовательное явление – присоединение данного суффикса к основам имен существительных с неконкретной семантикой, в результате чего создаются производные со стилистической (чаще всего пейоративной) окраской; ср. *миллионщик, литературищик, журналищик* и др. на фоне нейтральных *миллионер, литератор, журналист* [Очерки 1964а: 50].

Производные на *-чик/-щик* стали активизироваться, очевидно, еще в предреволюционные годы, А. Мазон в своей книге не фиксирует ни одного деривата на *-чик/-щик*. С.И. Карцевский отмечает следующие производные: *подводчик, халтурищик, самогонщик, наркомпродчик* [Карцевский 2000: 257]. Активизация суффикса *-щик/-чик* в первые послереволюционные годы привлекла внимание А.М. Селищева, приводящего в своей книге 18 дериватов: *агитпропщик, волокитчик, губотдельщик, деревенщик* ”уполномоченный по ведению партийно-пропагандистской работы в деревне”, *завкомщик, орготдельщик, подпольщик, полипросветчик, синдикатчик, студкомщик* ”член студенческого комитета”, *текстильщик, сельсоветчик, трибунальщик* [Селищев 1928: 174]. Обращает на себя внимание легкое образование слов на *-щик/-чик* от сложносокращенных лексем.

Карцевский	Селищев	Лехикойнен	Эмигрантская пресса
<i>наркомпродчик</i>	<i>агитпропщик</i>	<i>агитпропщик</i>	нет
	<i>губотдельщик</i>	<i>губотдельщик</i>	
	<i>орготдельщик</i>	<i>орготдельщик</i>	
	<i>политпросветчик</i>	<i>политпросветчик</i>	
	<i>студкомщик</i>	<i>студкомщик</i>	
	<i>сельсоветчик</i>	<i>цектранщик</i>	
	<i>завкомщик</i>		

Дериваты, образованные от аббревиатур, составляют, несомненно, инновацию в словообразовании существительных на *-чик/-щик*. Включение аббревиатур в производство личных наименований на *-чик/-щик* неудивительно: аббревиатуры органично интегрировались в класс мотивирующих основ со значением места работы, деятельности лица. Надо заметить, что раньше данная семантическая группа была невелика, ср., напр.: *забойщик < забой, конторщик < контора*, однако аббревиатурные основы расширили ее состав и значительно активизировали производство имен лиц на *-чик/-щик* в советском языке¹. В эмигрантской прессе не встретилось ни одного отаббревиа-

¹ Эта модель продуктивна и в современном русском языке; см., напр., разговорные номинации: *КВНщик, МММщик*. Подробнее об этом см.: [Безрукова & Звоникова 2001: 116-131].

турного деривата, образованного по данной модели, что позволяет сделать заключение о неактивности данного типа.

Какие же типы дериватов на *-щик/-чик* встречаются на страницах эмигрантской прессы?

1. старые узуальные дериваты: *прапорщик, подпоручик, поручик, конторщик, тюремщик, извозчик, коннозаводчик¹, могильщик, обмывальщик, погребальщик², пайщик, извозчик, тюремщик, фальшивомонетчик, разведчик, вестовщик³, погромщик, обманщик, оценщик, скупщик, доносчик, счетчик, растратчик, захватчик, налетчик, перебежчик*. Ср.:

... мы предостерегаем всех честных монархистов от доверчивого и беспроверочного [sic] отношения к *вестовщикам* и переносчикам подобных слухов, явно подрывающих высший авторитет и определенно вредящих делу монархического возрождения России. (Младоросская искра. 1932. 12 июля. № 20)

В Москве состоялся так называемый "кинофестиваль", на котором были показаны последние советские и европейские картины, и советскими *оценщиками* розданы премии и отзывы. (Возрождение. 1935. 15 марта. № 3572)

Единственные русские *погребальщики* Kiersch & Son (Кирисюк и сын). [реклама] (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35)

Иосиф Погани – сын *обмывальщика* трупов при будапештской синагоге. (Сигнал. 1938. 15 сент. № 39)

Ср. следующее высказывание: "В языке послереволюционной эпохи **по социальным причинам** [выделено мной. – А.З.] стали непродуктивны и постепенно утратились некоторые немногочисленные группы слов с суфф. *-щик*. Это прежде всего имена со значением "владелец торгового или промышленного заведения". [...] Названия такого рода стали общественно неактуальными" [РЯСОС 1968: 125].

2. наименования лиц с семантической мотивировкой, рожденной в пределах эмигрантского языка: *советчик* (< представитель советской власти, советских органов управления), *братчик* (< член Белого братства; член группы, сочувствующей белому движению). Ср.:

Советчики, пользуясь монополией советского банка по переводу денег из-за границы, грабят своих подневольных клиентов, выплачивая им только четвертую часть пересылаемой суммы. (Руть. 1930. 20 июня. № 2906)

¹ Ср. в СУ: Коннозаводчик, -а, м. (дореволюц.). Владелец конного завода.

² Ср. у Даля: Погребальщик, могильщик, гробокопатель, или гробовщик, который берет на себя все устройство похорон. В СУ слово отсутствует.

³ В словаре Даля: Вестовщик м. -щица ж. рассказчик вестей, новостей, сплетник, переносчик, врун. Это же значение сохраняет СУ с пометой *разг.[оворное] устар.[елое]*.

Один наш *Братчик* [sic; с прописной буквы. – А.З.] сообщает, как он был в Петербурге, в праздник Казанской Божьей Матери, на службе в Казанском соборе. (Голос России. 1932. июль. № 12)

Необходимо упомянуть о вариативной конкуренции суффикса *-щик/-чик*. Любопытно, что в пределах одного предложения могут встречаться два словообразовательных варианта на *-щик* и *-ист*: *тракторщик*¹ и *тракторист*. Приведенный ниже пример свидетельствует, видимо, о равноправном сосуществовании в языковом сознании эмигрантов дериватов на *-щик* и *-ист*²: суффикс *-щик* – традиционное русское словообразовательное средство для номинации лиц по профессии, суффикс *-ист* относительно новый, заимствованный. Однако возможность присоединения или русского, или иноязычного суффикса показывает свободное членение деривата на составные элементы и обнаруживает альтернативное направление словообразовательной адаптации в эмигрантском узусе: а) иноязычный корень + русский суффикс (тенденция к русификации); б) иноязычный корень + иноязычный суффикс (ориентация на иноязычный, немецкий, прототип). Ср.:

Из Туниса нам пишут: "*Трактористы* требуются здесь, главным образом, на время пашни и уборки хлеба... Минувшим летом *тракторщикам* платили от 800 до 1000 в месяц в горячие месяцы – с готовым помещением и кое-какими прибавками". (Дни. 1926. 20 нояб. № 1164)

Другой пример вариативности: дериват советской эпохи *чрезвычайник*³ [Селищев 1928: 76] – *чрезвычайщик* (в эмигрантской прессе). Других примеров вариативности нам не встретилось.

Служащие различных учреждений составляют специальные организации, которые отправляются в различные хлебные места за продуктами. Вылапывают [sic] специальные разрешения, командировки, наряды и проч. и проч. – и едут.. Мучаются в дороге..., дают направо и налево взятки и иногда, благополучно доезжая продукты до Москвы, лишаются их, неудачно попав на какого-нибудь милиционера или *чрезвычайщика* на улицах самой Москвы. (Воля России. 1920. 17 сент. № 5)

Таким образом, эмигрантская пресса оперирует достаточно большим количеством лексем на *-чик/-щик*. Формируются также понятия, возникшие уже на почве эмигрантского языка (*советчик*, *братчик*). Редки производные, заметно активизировавшиеся в советском языке 20-30-х годов, на *-льщик* (отмечено только два случая, причем оба из дореволюционного языка). Это объясняется, конечно, экстралингвистическими причинами: потребность в номинации новых профессий в советской России вызвала активизацию данного суффикса, эмигрантская жизнь такой нужды практически не испытывала, поскольку в

¹ В СУ форма *тракторщик* не фиксируется, отмечается только *тракторист* с пометой *нов.[ое]*.

² Слово *тракторист* является, скорее всего, заимствованием из нем. *Traktorist*.

³ В СУ оба слова отсутствуют.

эмигрантском узусе для этой цели чаще всего заимствовались иноязычные лексемы или, что реже, сохранялись русские обозначения, получая семантические конкретизаторы. В эту словообразовательную модель также входили такие слова на *-щик/-чик*, которые в советском языке были изгнаны на языковую периферию либо ввиду утраты денотатов (*коннозаводчик* или военные номинации старой армии), либо в процессе естественного языкового старения понятий (*вестовщик*). В отличие от советского языка 20-30-х годов, где дериваты легко образовывались от сложносокращенных слов, в эмигрантских текстах нам не встретилось таких случаев.

2.2. Суффикс *-ик/-ник*

В современном русском языке между суффиксами *-ик* и *-ник* существует дифференциация по степени продуктивности в зависимости от типа производящих основ:

1. суффикс *-ик*, присоединенный к "чистой" основе прилагательного (типа *старик*), "совершенно непродуктивен" [Виноградов 1986: 92];

2. суффикс *-ик*, присоединенный к основе прилагательного на *-н-* (типа *духовник* < *духовный*, *виновник* < *виновный*, *озорник* < *озорной*) или к основе существительного (*взяточник* < *взятка*, *раскольник* < *раскол*, *путник* < *путь*, *дворник* < *двор*, *вестник* < *весть*), в современном русском языке является продуктивным при образовании дериватов; в отличие от них, производные от глаголов прошедшего времени (на *-л*) единичны (*молчальник*, *отшельник*) [там же];

3. суффикс *-ик*, присоединенный к основе относительного прилагательного на *-ов(ый)*, «в современном русском языке особенно продуктивен» (*массовик* < *массовый*, *низовик* < *низовой*, *передовик* < *передовой*, *плановик* < *плановый*, *фронтвик* < *фронтвой*) [там же].

В качестве классифицирующего принципа производных на *-ик/-ник* в эмигрантской прессе мы выбрали семантический:

1. дериваты со значением профессии, сферы занятий, учебы: *посудомойник*, *промышленник*, *сахаропромышленник*, *священник*, *стрелочник*, *торговопромышленник*, *церковник*, *шапочник*, *хозяйственник*, *шомажник*. Итак, совершенно очевидно доминирование старых производных:

Русский портной и *шапочник* принимает заказы мужского, женского и военного платья. [реклама] (Рус. голос. 1939. 1-14 янв. № 406)

В Земском собрании представлены все партии и классы, от *торгово-промышленников* и кадетов до эсеров, меньшевиков и большевиков включительно. (Воля России. 1920. 14 сент. № 2)

Однако есть и новшества, рожденные эмигрантским бытом. Дериват *посудомойник* является, по-видимому, продуктом эмигрантского языкотворчества.

Ср. у Даля: "Судомой, -щик, судомоя, -мойка, -мытка яросл. кто перемыкает в доме, в хозяйстве посуду, кухонную и столовую". Дериват *судомойка* был обычным в номинативной системе языка, реальным референтом слова была обычно женщина, хотя лексически это никак не выражено:

... он позвал Минодору и велел ей с помощью мужа, лакеев и *судомоек* старательно прибрать отделение его покойной матери.. (Писемский. Мещане)

Что же ей, по-вашему, в *судомойки* идти? – спросил с недоверием Соловьев. – Ну да, – спокойно возразил Симановский, – в *судомойки*, в прачки, в кухарки. (Куприн. Яма)

Слово *судомойщик* использовалось, очевидно, гораздо реже. Референтную мотивировку слова *судомойка* лицом женского пола сохраняет и СУ: *Судомойка*, -и, ж. 1. Работница по мытью посуды. Эмигрантский быт изменил, сместил привычные нормы, стереотипы разделения мужского и женского труда; очевидно, дериват *посудомойник* и представляет номинацию референта, появившегося именно в заграничных условиях рынка труда.

Лакей (garçon), кельнерша и посудомойник с многолетней практикой [...] ищут постоянную работу в русских ресторанах. [объявление] (Дни. 1926. 17 нояб. № 1161)

2. номинации, которые были востребованы (актуализированы) эмигрантской жизнью: *соотечественник*, *единомышленник*, *правопреемник*, *соплеменник*, *стачечник*, *союзник*, *наследник*. Словообразовательной инновацией эмигрантского узуса является окказионализм *зарубежник*¹:

Мы считаем вместе с тем политическим и моральным долгом наших *союзников* оказать России все возможное содействие для восстановления нормального хода жизни в стране. (Возрождение. 1919. 6 июля. № 1)

...[сербский. – А.З.] король Александр ... мог бы быть поставлен ... нам, русским, на честную память в потомстве об истинном друге – *союзнике* Великого Славянского племени. (Голос России. 1931. 1 сент. № 2)

Весной этого года исполнилось тридцать лет с тех пор, как по высочайшему Соизволению Государя Императора Николая II О.И. Пантюховым в Царском Селе был основан скаутский отряд, в котором состоял покойный *Наследник* Цесаревич Алексей и недавно скончавшийся князь Георгий Константинович. (Возрождение. 1939. 7 июля. № 4191)

... ни советофильствующим иностранцам, ни сменевехнувшимся скорбноглавцам из среды *зарубежников* или русских меньшинственников не захочется задуматься над действительной показательностью этого процесса. (Меч. 1937. 11 апр. № 14)

¹ Точное значение нам установить не удалось, однако, судя по контексту и идейной окраске всей издания, можно предположить значение "интеллигент-эмигрант; евразиец".

Часто упоминаются старые, дореволюционные, обозначения, напр.: *союзник* – военно-политический партнер России по Антанте; *соотечественник*, *соплеменник* – уже не только и не просто “человек, происходящий из той же страны”, но скорее “беженец, эмигрант”.

Итак, среди имен существительных на *-ик/-ник* для обозначения лица новшеством эмигрантского дискурса явились номинации мужчин по их профессиональным занятиям (*посудомойник*, *шомажник*), а также публицистический окказионализм *зарубежник*.

2.3. Суффикс *-ист*

Существительные с заимствованным суффиксом *-ист* популярны и активны в русском языке при образовании дериватов со значением лица. В связи с этим следует упомянуть и такой факт: в древнерусском языке имелось только одно существительное на *-ист* (*евангелист*) [Срезневский Т. 1: 806; Фасмер Т. 2: 5; Черных Т.1: 280; СРЯ 11-17 вв. Т. 5: 11-12], в 17 в. появляется *артиллерист* [Сорокин 1965: 251]; полноценным суффиксом (именно на русской языковой почве) его еще назвать было нельзя: он не вычленялся из слов и не производил новых дериватов. С 18 в. (в Петровскую эпоху) начинается все возрастающий приток заимствований на *-ист* [Очерки 1964а: 125-130; Сорокин 1965: 251-259].

В современном языке мотивация слов на *-ист* соотносительными существительными на *-изм* высока, что и позволяет говорить о типизированном соотношении основ [Фогараши 1956; Костомаров 1957; Jiracek 1985; Вотякова 2003]. Однако процесс установления этой типизированной связи был противоречив, проходил сложные этапы:

1. Быстрее и прочнее всего в 18 в. формировалась семантическая группа дериватов на *-ист* в музыкальной сфере: наименований музыкантов-исполнителей [Очерки 1964а: 125-126]; ср.: в 19 в. в этой группе пополнения минимальны: *пианист*, *фортепианист*, *валторнист*, *горнист* [Сорокин 1965: 263]. Причем характерно, что количество существительных на *-ист* явно доминировало над количеством слов на *-изм*, поэтому “соотносительная связь между ними была еще слабо выражена” [там же].

2. С 30-х годов 19 в. особенно бурный рост наблюдается в группе производных на *-изм* для обозначения какого-либо литературного, политического, философского, научного направления, что спровоцировало и рост дериватов на *-ист*. “Эта обширная группа слов сформировалась (в почти современном ее объеме) в 1830-1870 гг.” [Сорокин 1965: 263]. На этот же период приходится активное сложение в русском языке модели слов на *-ист*, мотивированных именами собственными (обычно основатели, идеологи какой-либо философской, политической теории, доктрины) [Очерки 1964а: 126]; эта семантическая группа (отантропонимическая) продуктивна в современном русском языке.

3. Формирование разряда дериватов на *-ист* в области художественного творчества и гуманитарной мысли: литераторов (*романист, беллетрист, новеллист*), художников (*анималист, акварелист, плакати́ст*), гуманитариев (*эллинист, славист, болгарист, грамматист*) [Сорокин 1965: 264].

4. Гораздо меньшая словообразовательная активность свойственна дериватам на *-ист* в области производственно-технической сферы (*машинист, телеграфист*); активизация модели пришлась уже на 20 век [там же].

5. Дериваты на *-ист* для обозначений лиц, занимающихся спортом, – это факт словообразовательной системы 20 в. [Сорокин 1965: 264; Протченко 1985: 183-233].

6. Дериваты на *-ист* от русских основ (кроме личных имен) к концу 19 в. "не выходят за пределы чисто окказионального употребления и обычнее всего представляют слова ярко оценочного, экспрессивного характера" [Сорокин 1965: 264]; развитие данной семантической группы также относится к первым десятилетиям 20 в. (*большевизм, меньшевизм, уклонизм* и др.).

В нашем корпусе эмигрантской прессы дериваты на *-ист* исчисляются несколькими десятками, однако, рассматривая их в гендерной перспективе, мы сосредоточимся на словообразовательных инновациях.

1. Дериваты, обозначающие лиц по партийно-политической принадлежности, идеологическим воззрениям, пристрастиям (отапеллятивные производные). Эта семантическая группа политических дериватов имеет наиболее четкую словопроизводственную связь с именами существительными на *-изм*. Производные на *-ист* характеризуются общностью словообразовательного значения "тот, кто выступает за какую-либо политическую идею, систему правления и под.". Словообразование названий лиц по их политической позиции было одним из самых активных деривационных процессов в русском языке первых десятилетий 20 в. Активное словопроизводство таких имен лиц в эмигрантской прессе неудивительно, так как в эмигрантском дискурсе полемика о политической принадлежности человека, о той или иной идеологии являлась одной из центральных, узловых тем, обсуждаемых на страницах газет. Ряд дериватов на *-ист* был не закрыт, он пополнялся интернационализмами: *фашист* – нем. *Faschist*, итал. *fascista*, фр. *fasciste*, *национал-социалист* – нем. *Nationalsozialist*, *пропорционалист* – фр. *proportionaliste*. Обращает на себя внимание сочетаемость суффикса *-ист* в нашем корпусе только с иноязычными основами: *антимилитаристы, легитимист, легалист* и др.

2. Дериваты, называющие референты в какой-л. сфере деятельности. Эмигрантская пресса использует наименования лиц, относящихся к этой группе, довольно активно либо как номинативные единицы, либо как характеризующие номинации: *капиталист, лицеист, реалист, семинарист, специалист, тракторист* и др. В эту группу следует отнести и эмигрантскую профессиональную номинацию *эбенист* (фр. *ébéniste*), лексическим эквивалентом которой является русское слово *краснодеревщик (краснодеревец)*. Характерно, что в приводимом ниже объявлении русскому обозначению (*столяр*) приводится более специализированный по значению французский семантический

элемент; таким образом, между ними устанавливаются не эквивалентные, а привативные (гиперо-гипонимические) семантические отношения:

Требуются рабочие: [...] ... два хороших столяра (*эбенист*) [объявление в газете] (Дни. 1926. 20 нояб. № 1164)

3. Дериватов, образованных от аббревиатур, сложносокращенных слов, в эмигрантской публицистике не встретилось, что свидетельствует о ярком отличии от русского советского языка, где их число измерялось сотнями. В советском языке отаббревиатурные производные формировались в разговорно-профессиональной речи, многие из них быстро выходили из употребления (*главкист, цекисты, некисты, окисты* и др.).

4. Дериваты, обозначающие принадлежность какой-либо группе лиц. Довольно много номинаций на *-ист* в эмигрантской прессе; как правило, это слова из дореволюционного и советского языка: *колонист, активист, пропагандист, максималист, октябрист, профессионалист, националист*. Характерно, что преимущественно они встречаются в анархических газетах.

Три группы – национальный союз, включающий бывших правительственных чиновников, *националистов* и *октябристов*, национальный центр. (Возрождение. 1919. 13 июля. № 7)

Рыков капитулировал перед Лениным на самом съезде, Томский после съезда, а Шляпникова до съезда угнали в Европу раскалывать там профес.[ональное. – А.З.] движение. После предательства вождей рядовая оппозиция, которая, действительно, впервые была широкой и обнимала рабочих *профессионалистов* и многих местных деятелей, восставших против мертвящей гиперцентрализации, чекистов и коррупции, была легко раздавлена. (Воля России. 1920. 18 сент. № 6)

Интересной оказалась судьба деривата *активист* в эмигрантском дискурсе. Этот советизм был заимствован из языка метрополии 30-х годов и имел негативные прагматические коннотации:

Существует слой населения – как бы "конгломерата" из всех других слоев, т.е. из интеллигентов и из рабочих, и колхозников, и военной среды, – это "*активисты*". *Активисты* весьма заметны в жизни советского населения. Это те, кто, так сказать, портят жизнь, выдумывая или проводя в жизнь новые и новые сюрпризы. Эти люди – воспитанники на все 100% советской власти, воспринявшие мораль Сталина; эгоисты и беспринципные люди, делающие карьеру на подсиживании, подслушивании и т.д. Такие люди есть везде. Среди колхозников, рабочих, в учреждениях и на предприятиях. На них сейчас держится власть Сталина, и их награждают особенно. ... население *активистов* ненавидит, и им ничего не остается, как быть верными до конца Сталину. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

Но в 30-е годы 20 в. слово *активист* стало встречаться в некоторых эмигрантских кругах в новой мотивировке: если в советском языке слово *ак-*

тивист было мотивировано существительным (*активист* < *актив*¹), то в эмигрантском обиходе *активист* соотносилось с дериватом *активизм* "военно-идеологическая доктрина, а также эмигрантское движение, выступающее за радикальные формы свержения советской власти". Таким образом, на эмигрантской языковой почве у советизма *активист1* сформировался семантический "эмигрантский" омоним *активист2*. В данном случае можно говорить не о развитии полисемии в пределах одной семантической структуры слова *активист1*, а о сложении именно омонимии, так как семантическая мотивировка деривата *активист2* совершенно иная.

... все мы, .. *активисты*, ... только и делаем, что мечтаем вернуться в Россию, жить для России, работать во имя ее освобождения. (Младоросская искра. 1933. 15 нояб. № 34)

Частотны также дериваты на *-ист*, имеющие отношение к актуальным понятиям (денотатам) зарубежной жизни: *спартакист*, *лоялист*², *путчист*³, *нансенист*⁴.

... в Ковне арестован по приказу союзной комиссии германский *спартакист* Рокегель, бывший председатель московского совета германских солдатских и рабочих депутатов. (Призыв. 1919. 4 (21.12) дек. № 135)

Повстанческое командование сообщает об одержании победы в 10-ти милях к востоку от Мадрида, где повстанцам удалось прервать сообщение между Валенсией и столицей. Повстанцы определяют потери *лоялистов* в 800 убитыми. (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35)

Эстонские *путчисты* наметили 1800 жертв к разстрелу [sic] [название заметки] (За свободу. 1925. 1 янв. № 1 (1405))

Берлинских *нансенистов* выселяют из "Нансенхейма". В Берлине ликвидируется общежитие русских беженцев, существовавшее в течение 10 лет. (Сегодня. 1930. 8 янв. № 8)

Итак, в эмигрантской публицистике суффикс *-ист* продолжал свою языковую жизнь, либо входя в состав новых иноязычных заимствований, либо создавая дериваты для наименования лица, мотивированные эмигрантскими реалиями: *активист* (< *активизм*), (разг.) *нансенист* "обладатель нансеновского паспорта". Совершенно нетипичны для эмигрантского узуса отаббревиатурные производные.

¹ Ср. в СУ: *Активист*, -а, м. (полит. нов.). Лицо, принадлежащее к активу (в 1 знач.).

² *Лоялисты* – республиканцы, поддерживающие коммунистическое правительство в Испании в 1936 г.

³ Скорее всего, прямое заимствование из нем. *Putschist*.

⁴ *Нансенисты* – обладатели так наз. "нансеновских паспортов" (документов, выдаваемых беженцам Нансеновским комитетом, образованным в Женеве в 1924 г. под председательством Ф. Нансена для помощи беженцам).

2.4. Суффикс *-ец*

Дериваты на *-ец* со значением лица, принадлежащего к той или иной политической партии, разделяющего те или иные политические убеждения, составляют один из самых продуктивных деривационных типов в русском языке. Еще в конце 18 – начале 19 вв. этот суффикс сочетался в основном с иноязычными отантропонимическими основами: *вольтерьянец*, *эпикуреец*, *коперниканец*, *доминиканец*, реже – с апеллятивными основами: *республиканец*, *гвардеец* [Очерки 1964а: 54]. Отантропонимические и отапеллятивные дериваты с русской основой были единичны: *арзамасец* (< литературное общество «Арзамас»), *семеновец* (< лейб-гвардии Семеновский полк), *преображенец* (< лейб-гвардии Преображенский полк) [Очерки 1964а: 55] и под., тематически концентрируясь в сфере литературных, военных обозначений. Однако с середины 19 в. происходит активное словопроизводство в рамках данной модели дериватов от имен лиц, проявивших себя на философском (*нетрашевец*), культурном (*толстовец*), политическом (*аракчеевец*), экономическом (*рогожинец* < Рогожин, владелец компании) поприще [там же]. Напротив, количество дериватов от иноязычных основ сокращается.

С 60-70-ых годов 19 в. в связи с развитием различного рода обществ, (полу)незаконных организаций, ростом печатных изданий появляются новые производные, мотивированные названиями: *народоволец* («Народная воля»), *землеволец* («Земля и воля»), *бундовец* (Бунд), *искровец* («Искра») и мн. др. [Очерки 1964а: 56]; эти дериваты часто создавались самими членами той или иной политической группы, какого-либо издания [Сорокин 1965: 242], то есть носили групповой или «разговорно-интеллигентский» [Виноградов 1994: 517] характер.

Примерно с середины 19 в. в литературный язык входят дериваты, попавшие в литературу из народной речи: *нечестивец*, *строптивец*, *погорелец* и др. [Виноградов 1994: 242]. Активность суффикса *-ец* в образовании существительных со значением лица от личных имен была так высока, что в словообразовательное поле оказались втянутыми даже относительные прилагательные на *-ов(ский)*, *-ев(ский)*; эта модель оказалась в дальнейшем очень продуктивной, сформировав в русской словообразовательной системе самостоятельный суффикс [Очерки 1964а: 58]¹. Рост продуктивности данного словообразовательного средства для выражения словообразовательного значения «последователь кого-либо, член коллектива» по направлению к советскому времени был очевиден: «это один из тех типов, продуктивность которых непосредственно связана с языком советской эпохи» [РЯСОС 1968: 121].

¹ Суффикс *-овец/-евец* также квалифицируют как *сложный суффикс*, как цельную, самостоятельную форманту [Виноградов 1994: 518] или как комбинацию обычного суффикса *-ец* с интерфиксом *-ов* [РЯСОС 1968: 121; Лехикоинен 1990: 44; Ryazanov-Clarke & Wade 1999: 202].

Рассмотрим семантические типы, которые представлены в дериватах с суффиком *-ец* со значением "лицо по своей политической позиции, член какой-либо организации".

1. Дериваты на *-ец*, образованные от личных имен:

Мазон	Карцевский	Селищев	Эмигрантская пресса
<i>петрашевицы</i>	<i>плехановец</i>	<i>романовец</i>	<i>туркуловец</i>
<i>распутинец</i>	<i>ленинец</i>	<i>керенец</i>	<i>толстовец</i>
<i>ленинец</i>	<i>горьковцы</i>	<i>алексеевцы</i>	<i>суворинец</i>
<i>плехановец</i>	<i>корниловец</i>	<i>петлюровцы</i>	<i>никалаевец</i>
<i>романовец</i>	<i>капелевец</i>	<i>корниловцы</i>	<i>кирилловец</i>
<i>керенец</i>	<i>деникинец</i>	<i>калединыцы</i>	<i>врангелевец</i>
<i>либерданец</i>		<i>дутовцы</i>	<i>колчаковец</i>
<i>корниловец</i>		<i>махновцы</i>	<i>махновец</i>
<i>алексеевцы</i>		<i>красновцы</i>	<i>алексеевцы-московцы</i>
<i>калединыцы</i>		<i>деникинцы</i>	<i>мазепинцы</i>
<i>дутовцы</i>		<i>капелевцы</i>	<i>дроздовцы</i>
<i>красновцы</i>		<i>григорьевцы</i>	<i>сталинец</i>
<i>деникинцы</i>		<i>врангелевцы</i>	<i>ленинец</i>
<i>гетманец</i>		<i>ленинец</i>	<i>стахановец</i>
<i>петлюрец=петлюровец</i>		<i>буденовец</i>	<i>дубровинец</i>
		<i>макдональдцы</i>	<i>тихоновцы</i>
<i>григорьевец</i>		<i>шейдемановец</i>	<i>зиновьевец</i>
<i>мирбаховец</i>		<i>шмералевец</i>	<i>киевлянин-константиновец</i>
<i>шейдемановец</i>			<i>корниловец</i>
<i>махновцы</i>			<i>марковец</i>
<i>блюхеровец</i>			<i>петлюровцы</i>
			<i>подзиновьевец</i>
			<i>подленинец</i>
			<i>антисталинец</i>

Как видно из приведенного списка, деривация имен лиц на *-ец* от антропонимов была очень активной в послереволюционное время. В эмигрантском обиходе такой тип дериватов на *-ец* сохранялся на всем протяжении 20-30-х годов, особенно быстро и легко возникали дериваты от имен военачальников, командующих армиями, дивизиями, другими воинскими подразделениями, от имен членов монархической семьи, от имен советских вождей. В советском же языке продуктивность модели пошла на убыль в 20-е годы. См. примеры из эмигрантской прессы:

Мы, "туркуловцы" [сторонники и подчиненные генерала Туркула. – А.З.] .. предложили бы решимость [в работе съезда]. (Сигнал. 1938. 1 окт. № 40)

... дело о столкновении между *тихоновцами* и живоцерковниками. (Дни. 1926. 18 нояб. № 1162)

Есть у нас "отряды" "зарубежной армии Николая Николаевича", и сравнительно недавно возникли "отряды корпуса императорской армии и флота", подчиненные Кирилу [sic] Владимировичу. [...] К Кирилу Владимировичу от Николая Николаевича уходят чаще всего потому, что в "императорском корпусе" быстрее и щедрее производство. Соблазняет возможность скоро получить "следующий вышший чин". [...] Обратные перелеты – от *кирилловцев* к *николаевичам*, впрочем, сравнительно редки. (Дни. 1926. 16 нояб. № 1160)

Вместе с тем, эмигранты широко использовали данную модель для именованя сторонников, членов группы, сформировавшейся вокруг какого-либо советского руководителя. Ясно, что прагматика приводимых ниже дериватов была отрицательной.

Сталинцы хотели до 7 ноября нейтрализовать Троцкого, но надеялись, что это произойдет бесшумно. Троцкий их вызвал на бой. (Возрождение. 1927. 4 окт. № 854)

А твердокаменные *подленинцы* с особым упрямством твердят: "партия не открывает ни единой щели для закоренелых врагов рабочей диктатуры". (Огни. 1924. 21 янв. № 3)

"Красная звезда", орган красной армии [sic], сообщает, что заместитель начальника полит.[ического] управления Киевского военного округа Орлов оказался *антисталинцем*. (Меч. 1937. 6 июня. № 21)

... австрийская социал демократия [sic], вместо того, чтобы тратить силы на борьбу с хулиганствующими *подзиновьевцами*, может все их целиком отдавать практической созидательной работе. (Дни. 1925. 5 февр. № 683)

Итак, в эмигрантской публицистике именованя на *-ец* (от личных имен) сосредотачиваются:

- а) в военной сфере;
- б) в области сторонников той или иной ветви императорской фамилии;
- в) для номинации (с негативной коннотацией) членов или сторонников того или иного политического деятеля в СССР.

2. Дериваты, образованные от топонимов. С одной стороны, эмигранты сохраняли старые дериваты для обозначения лиц по военно-территориальным объединениям: *донец* (член Войска Донского или выходец из области Войска Донского), *кубанец* (член Кубанского казачьего войска), *терец* (член Терского казачьего войска).

... избрание Донского Войскового Атамана и суждение о правильности выборов является внутренним делом самих *Донцов*. (Рус. голос. 1939. 2 апр. № 417)

Поздравляю доблестных *Донцов, Кубанцев, Терцев* и представителей прочих Казачьих войск, в Болгарии пребывающих, с Праздником Светлого Христова Воскресения. (Рус. голос. 1939. 9 апр. № 418)

С другой стороны, эмигранты продолжали использовать старую модель именования жителей при помощи существительных с суффиксом *-ец*: *англо-саксонцы, финляндцы, австро-венгерцы*¹. Уже за пределами нашего материала эмигрантской прессы 1919-1939 гг. нам встретился интересный окказионализм, мелькнувший в 1950 г. в частном письме В. Перелешина (наст. имя – Валерий Францевич Салатко-Петрище), жившего в Китае: “*Эшанцы* выслали меня, как вероятного агента китайских или советских коммунистов” [Russian poetry 1987: 12]. Этот окказионализм представляет собой модельное образование на *-ец* от буквенного прочтения аббревиатуры *США*.

3. Дериваты, образованные от отглагольных существительных. Этот тип производных стал активно развиваться в советское время. “В ряду образований с суффиксом *-ец* .. совершенно самостоятельное место занимает продуктивный класс слов с отглагольной основой, близкой к основе отглагольных существительных на *-ние*. Сюда относятся обозначения лиц по принадлежности к какому-нибудь учреждению, по роду общественной деятельности, по действию, являющемуся лозунгом или характерным признаком. Слова этого рода обычно образуются от отглагольных существительных на *-ение*” [Виноградов 1986: 91]. Это языковое новшество в русском языке свидетельствует о возросшей активности субъекта и вербальных потребностях номинации его как *homo actionis*. Ср.: еще в конце 19 в. такие дериваты, как *выведенец, поселенец* образовывались в языке от страдательных причастий прошедшего времени: *выведенец* < *выведенный*, *поселенец* < *поселенный* (в новое место), *переселенец* < *переселенный* и под.; в данных дериватах отчетливо ощущалась пассивность пациента². В советское время возникли многочисленные производные, мотивированные уже не страдательными причастиями, а отглагольными существительными: *просвещенец* – это дериват не от страдательного причастия *просвещенный*, а от существительного *просвещение* (*просвещенец* – человек, несущий в массы просвещение); *обновленец* – дериват не от страдательного причастия *обновленный*, а от отглагольного существительного *обновление*³

¹ Ср. также другие дериваты на *-ец* для образования этнонимов в [РЯЗ 2001: 57]: *венгерцы, финляндцы, вьетнамиец* [sic!; ср. франц. vietnamien – муж., vietnamienne – жен.], *индонезец* [sic], *монголец*, что свидетельствует о стремлении к регулярности и прозрачности данной словообразовательной модели в эмигрантском узусе, унифицирующем разнообразие деривационных этномоделей и сводящим их к ограниченному числу, иначе – избегающим идиоматических исключений.

² Ср. в СУ: Выведенец, -нца, м. (истор.). Крестьянин, переселенный на новое место жительства. Интересную лингвопрагматическую информацию о пассивности – активности лица, выраженной словообразовательно в разграничении семантики суффиксов, содержит Сл. Даля: *Поселенец*, -ленка, поселник, -ница, поселенный, оседлый, пришлый житель, в своей избе, на своем хозяйстве. *Поселянин*, сам поселившийся, а *поселенец* – поселенный». [Даль 1956 Т. 3: 322].

³ Ср. в СУ: Обновленец, -а, м. (нов. церк.). Сторонник обновленчества.

(*обновленец* > выступающий за обновление). В эту же группу дериватов на *-ец* с отглагольной основой В.В. Виноградов относит, очевидно, под влиянием работы А. Мазона [Мазон 1920: 44] заимствование *беженец* (из болгарского или чешского языка в период Первой мировой войны)¹. Смещение словообразовательной мотивировки от страдательных причастий к отглагольным существительным сказало и на семантике имен лиц на *-ец*: от семантики пассивности – к семантике активности. Как же данный класс дериватов представлен в советских и эмигрантских текстах?

Мазон	Карцевский	Селищев	Эмигрантская пресса
<i>пораженец</i>	<i>назначенец</i>	<i>антисниженец</i>	<i>выдвиженец</i>
<i>примиренец</i>	<i>выселенец</i>	<i>выдвиженец</i>	<i>утвержденец</i>
<i>объединенец</i>	<i>беженец</i>	<i>лишенец</i>	<i>пораженец</i>
<i>беженец</i>		<i>назначенец</i>	<i>обновленец</i>
		<i>обновленец</i>	<i>примиренец</i>
		<i>пораженец</i>	<i>лишенец</i>
		<i>просвещенец</i>	<i>принудиловец</i>
			<i>невозвращенец</i>
			<i>возвращенец</i>
			<i>полунепредрешенец</i>
			<i>непредрешенец</i>
			<i>непротивленец</i>

Данный семантический тип дериватов на *-ец* активен в эмигрантской прессе. Широко использовались также дериваты, идущие из дореволюционного времени: *непредрешенец* (сторонник осуществления практики непредрешения²), *полунепредрешенец*, *непротивленец*³ (сторонник теории непротивления), которые продолжали свою интеллектуально-политическую историю в Зару-

¹ По данным В.В. Виноградова [Виноградов 1986: 91]. Хронологию появления слова скорректировал Ю.С.Сорокин, доказав его заимствованный характер (видимо, из болг. *бежанец*) и первые случаи использования в русской прессе во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. [Сорокин 1965: 243]. Ср. также уточнение С.И. Карцевского: "так звали в Болгарии бежавших из Македонии" [Карцевский 2000: 257].

² Тактика непредрешения – откладывание Временным правительством решения важнейших общественных проблем (аграрного, рабочего, крестьянского вопроса) до созыва Учредительного собрания (1917 г.). В эмиграции в 20-30-е годы "непредрешенцами называли себя те, кто был готов подчиниться воле народа, свободно выраженной в Учредительном Собрании" (Макриди-Стенрос А.Г. Смена вех? (Дискуссия насчет НТС) // Наша страна. Аргентина. 2002. 14 дек. № 2727-2728).

³ Ср. в СУ: Непротивленец, -нца, м. (книжн.). Последователь учения Л. Толстого о непротивлении злу.

бежье. В советском дискурсе они были списаны в идеологический и языковой "утиль":

Но среди *непредрешиенцев* есть лица и группы, которые стоят несколько особняком. Их правильнее было бы назвать *полунепредрешиенцами*. Наиболее ярким выразителем этих настроений является сейчас ген. Деникин. (Сигнал. 1939. 1 апр. № 52)

Наконец, все русские *непротивленцы*, что днем и ночью скулят о личных своих скорбях, но пальцем не пошевелят для спасения распятой России, да устыдятся, наконец, страха иудейского. (Рус. стяг. 1925. 4/7 июня. № 1)

Суффикс *-ец* в эмигрантском языке служит для образования важных дискурсивно-политических концептов: *утвержденцы* (сторонники утверждения, победы советского строя в будущей войне с фашистской Германией), *возвращенец* (сторонник возвращения в СССР), *невозвращенец* (тот, кто не вернулся в СССР из заграничной поездки). См. примеры:

Они толкают в ту безнадежную трясиину, в которую забрели непротивленцы, "соглашатели", "попутчики" и духовные *возвращенцы*. (Младоросская искра. 1932. 20 авг. № 21)

... трудно разобраться, почему в Париже и в других центрах эмиграции молодежь разбита на ряд объединений: есть "младороссы", есть "союз нового поколения", имеются "Русские фашисты", потом идут молодые "утвержденцы" и т.д., всех даже не упомнишь. (Младоросская искра. 1933. 15 нояб. № 34)

Младороссы видят в [Дмитриевском – А.З.] наиболее яркого и талантливого из "невозвращенцев", деятельность которого в эмиграции наносит наибольший ущерб сталинской верхушке. (Младоросская искра. 1932. 20 авг. № 21)

Дериват *пораженцы* (сторонники военного поражения СССР в будущей войне с Германией) существовал в эмигрантском дискурсе конца 30-х годов в смысловой оппозиции понятию *утвержденцы*, в то время как в советском языке производное *пораженцы* рассматривалось в контексте классовой борьбы в рамках всемирной революции. Ср. в СУ такое толкование данных понятий: «*Пораженец*, -нца, м. Стронник пораженчества (в 1 знач.)»; «*Пораженчество*, пораженчества, мн. нет, ср. (полит.). 1. Политика революционной партии рабочего класса, направленная к поражению в несправедливой, захватнической войне своего империалистического правительства и к его свержению путем превращения империалистической войны в гражданскую с целью освобождения от капиталистического рабства и империалистических войн. Ленин считал, что политику поражения своего империалистического правительства – пораженчество – должны проводить не только русские революционеры, но и революционные партии рабочего класса всех воюющих стран». Таким образом, в эмигрантском дискурсе устанавливались такие словопроизводственные связи и мотивации, которых не знал советский язык.

Нам не странно, но больно и обидно, как неблагодарно "русские подкидыши", из *пораженцев* и сепаратистов, мечтают при содействии и для тевтонских и японских варваров навести на нашей родине выгодные им порядки, под предлогом "спасения России" от "жидов" и коммунистов. (Рус. газета. 1937. № 1)

Таким образом, класс дериватов на *-ец*, образованных от отглагольных существительных, в эмигрантской прессе достаточно широк:

- а) именование лиц в советском строе;
- б) именование лиц, мотивированное референтами из дореволюционной жизни (сохранение таких дериватов диктовалось актуальностью понятий в эмигрантском интеллектуальном дискурсе при обсуждении тем построения будущей России);
- в) именованья лиц для обозначения референтов эмигрантского дискурса.

Итак, суффикс *-ец* в эмигрантских газетах наиболее активно производил дериваты со значением лица, мотивированные антропонимами (чаще всего). Активна также деривация слов, образованных от отглагольных существительных на *-ение*; в этом случае на первый план выдвигается прагматика активной позиции, статуса лица (агенса). В то же время эмигрантскому языку осталась совершенно чужда словообразовательная модель, рожденная в русском советском языке, – деривация от сложносокращенных слов (не отмечено ни одного случая).

2.5. Суффикс *-тель*

В группе имен существительных со значением лица суффикс *-тель* выступает как один из частотных и регулярных, что – впрочем – неудивительно, если учитывать его долгую историю в русском языке [Очерки 1964а: 20-36; РЯСОС 1968: 176-177]. В.В. Виноградов считал этот суффикс "очень продуктивным" при образовании отглагольных слов, являющихся преимущественно "официальными или книжными обозначениями лиц, принадлежащими к той или иной профессии, занимающихся той или иной деятельностью" [Виноградов 1986: 86]. Однако в конкуренции с другими суффиксами (*-щик* и *-льщик*) при обозначении действующего лица суффикс *-тель* в современном узусе проигрывает [Виноградов 1986: 86; Максимов 1975: 27-28].

Что же характерного в деривации и семантике личных дериватов на *-тель* было в советском и эмигрантском языке? В конце 19 – начале 20 вв., если судить по материалам монографии [Лексика 1981], в словопроизводстве отглагольных существительных на *-тель* со значением лица наступило затишье: в книге не упомянуто ни одного такого производного. Пожалуй, впервые А. Мазон отметил два деривата, появившихся в годы Первой мировой войны: *углубитель* (революции; от глаг. *углубить*), *соглашатель* (от глаг. *соглашаться*).

ся) [Mazon 1920: 28]. Эти же два примера повторили в своих работах С.И. Карцевский [Карцевский 2000: 257] и А.М. Селищев [Селищев 1928: 180]. Первое слово довольно быстро ушло из языка, второе же закрепилось, породив советские риторические дериваты с пейоративной оценкой: *соглашательский*, *социал-соглашатель*, *социал-соглашательский*¹. Производных слов на *-тель*, обозначающих лицо по его профессии, сфере занятий, названные авторы не приводят.

Для сравнения рассмотрим эмигрантские газетные материалы.

1. Эмигрантская пресса использует довольно разнообразные в семантическом отношении дериваты на *-тель* (со значением лица), однако абсолютное большинство из них представляет старые публицистические, литературно-художественные номинации (как уже укрепившиеся в качестве самостоятельных лексем, так и модельные, потенциальные): *благожелатель*, *блюститель*, *бумагомаратель*², *вдохновитель*, *властитель*, *воссоздатель*, *выразитель*, *деятель*, *завоеватель*, *избавитель*, *истолкователь*, *истязатель*, *мститель*, *мыслитель*, *наблюдатель*, *недоброжелатель*, *неприятель*, *обвинитель*, *обыватель*, *осведомитель*, *освободитель*, *победитель*, *побудитель*, *подделыватель*, *поджигатель*, *подстрекатель*, *поработитель*, *последователь*, *правитель*, *предатель*, *предводитель*, *прикрыватель*, *производитель*, *радетель*, *разрушитель*, *разлагатель*, *ревнитель*, *служитель*, *слушатель*, *создатель*, *угнетатель*, *усмиритель*, *блюститель*, *вероучитель*, *законоучитель*, *монарх-покровитель*, *креститель*, *покровитель*, *святитель*, *церковнослужитель*.

Умело используются дериваты на *-тель*, образованные от глаголов совершенного или несовершенного вида: производное *спасатель* (от глаг. несовер. вида *спасать*) появилось в профессиональном языке на рубеже 19-20 вв. для номинации конкретных денотатов (лица или инструмента); синкретичное по семантике существительное *спаситель* (от глаг. сов. вида *спасти*) вплоть до 20 в. выступало в агентивной функции (референтами служили обычно Иисус Христос, человек, неодушевленный объект)³. Конфронтация двух дериватов привела к референциальному и стилистическому размежеванию: первое (*спасатель*) стало относиться к физическому, материальному миру, второе (*спа-*

¹ Ср. в СУ: *Соглашатель*, -ля, м. (полит. презрит.). Оппортунист, ведущий политику соглашений, компромиссов с реакционной буржуазией, политику предательства интересов рабочего класса; *Социал-соглашатель*, социал-соглашателя, м. (полит. презрит.). То же, что соглашатель; *Соглашательский* (полит. презрит.). Прил. к соглашатель, свойственный соглашателю.

² В СУ данное слово было квалифицировано как устаревшее: *Бумагомаратель*, -я, м. (устар.). То же, что бумагомарака. *Бумагомарака*, -и, м. (разг. устар.). Пишущий ненужное, автор бездарных произведений. Эмигранты не считали это слово устаревающим, выходящим из узуса, и были правы; ср. в Сл. Ожегова: *Бумагомаратель*, -я, м. (разг.). Бездарный писатель, писака.

³ Ср. в Сл. Даля: *Спаситель*, -ница, спасающий либо спасший что, кого либо; *избавитель*, *благодетель*. Для номинации неодушевленного денотата обычно использовалось прилагательное *спасительный* (напр., *спасительная лодка*). Слова *спасатель* Сл. Даля не фиксирует.

ситель) – преимущественно к религиозно-моральному, к миру артефактов. Смещение референциальных полей данных дериватов может приводить к эффекту (нарочитому или неумышленному) языковой игры; ср., напр., в следующей цитате, где вместо предполагаемого контекстом *спаситель* (*спаситель России*) употреблено *спасатель*:

Салон графини Клейнмихель в Берлине сделал свое дело. Все его посетители: "дубровинец" Римский-Корсаков, Туган-Барановский, сенатор Пален и прочие самозванные *спасатели* России пристроились. Министерские портфели, губернаторские посты и просто синекуры теперь посыпятся [sic] как из рога изобилия. (Возрождение. 1919. 12 окт. № 86)

2. производные на *-тель* официально-делового, терминологического характера: *держатель* (акций), *предприниматель*¹, *кинопредприниматель*², *работодатель*³, *комнатнаниматель*. Этот семантический тип производных выходил из советского дискурса, становясь маркером зарубежной жизни.

К *держателям* страховых полисов, которые вследствие эмиграции из России не могли больше платить страховых премий. [объявление] (Дни. 1925. 1 февр. № 680)

Картины с участием Рунича буквально обогащали *кино-предпринимателей* [sic] и создали ему необычайную популярность во всей России. (Руль. 1930. 2 янв. № 2767)

В Норвегии – локаут *работодателей* в портовых предприятиях. (Огни. 1924. 11 февр. № 6)

3. окказиональные производные на *-тель* на страницах эмигрантской прессы единичны: *раскулачиватель*.

Первый прицел всеобщей ненависти – это *большевик* [выделено автором статьи. – А.З.]: чекист, *раскулачиватель*, активист, предколхоза, сексот, и пр., и пр. (Сигнал. 1938. 15 сент. № 39)

Итак, в эмигрантских газетах практически нет новых словообразовательных инноваций с суффиксом *-тель*. Дериваты из церковной, монархической семантической области сохранялись в эмигрантской публицистике. Встречаются также профессионально-номинативные производные.

¹ Ср. у Даля в самом общем, мотивированном глаголом значении: *Предприниматель*, -ница, *предприятель*, -ница, *предпринявший* что-либо.

² Очевидная калька с нем. *Kinounternehmer*.

³ Старая калька с нем. *Arbeitgeber*.

2.6. Суффикс *-ан*

Существительные с суффиксом *-ан* для обозначения лица нечастотны в эмигрантских газетах; суффикс экспрессивен, но непродуктивен в русском языке [Виноградов 1986: 93]. Данный формант встречается в лексике разговорной речи. С проникновением в русский язык одушевленных существительных из французского языка, оканчивающихся на *-ан* (напр., *партизан* < *partisan*; *тиран* < от греч. *tyrannos* через франц. *tyran*), произошло расширение сферы основ, сочетающихся с суффиксом *-ан*; так возникли на почве русского языка производные *критикан*, *политикан*, *интриган*. Именно негативная стилистическая окраска суффикса *-ан* в русском языке сообщает и иностранным основам "экспрессию презрения или осуждения" [там же: 94].

Словообразовательной новацией эмигрантов является создание производного *большевизан*: при помощи суффикса *-ан* слову придавалась негативная экспрессия¹, показывающая отношение подавляющей части эмиграции к денотату². Ср.:

[Газета "Новая искра" –] это просто свалочное место, где доморощенные *большевизаны* подвизаются рядом с такими же примитивными "антибольшевиками". (Меч. 1937. 25 апр. № 16)

Данное обозначение сохранялось в эмигрантском обиходе длительное время, сосуществуя с однокоренными *большевик*, *большеви́ст* как дериват, содержащий эксплицитную пейоративную окраску в самой словообразовательной структуре при помощи *-ан*, в отличие от лексем *большевик*, *большеви́ст*: их негативная оценка (в эмигрантском дискурсе) заключается в денотате, но не проявлена на уровне морфем, т.е. "поверхностно".

Языковая активность обозначения *большевизан* и потребность передать круг идей, действий, ассоциированных с понятием, приводят к формированию словообразовательного гнезда вокруг этого слова: *большевизанский*, *большевизанствовать*, *большевизанствующий*, *коммунистически-большевизанский*. Ср.:

В приветственной речи, открывшей конференцию, бывший министр рабочего кабинета [Англии] Робертс заклеил интриги *большевизанствующих* меньшинств партии, которая старается подорвать доверие рабочих к их вожакам. (Возрождение. 1927. 4 окт. № 854)

В духовной жизни русской эмиграции здесь [в Нью-Йорке. – А.З.] виден распад, но не заметно сложение. Рассыпались *большевизанские* группы. Материал,

¹ Ср. острое и пронизательное замечание И. Давыдова о суффиксе *-ан*: "Имена на *-ан* (*ян*) большую часть изображают людей, имеющих с излишком то, что означает корнем слова". – Цит. по: [Виноградов 1986: 94 сноска].

² Любопытно, что Г.О. Винокур не видел в этом слове негативной коннотации: «Эмигрантское слово "большевизан" – кажется мне весьма удачным» [Винокур 1930: 105; авторская орфография сохранена. – А.З.].

из которого они составлялись, здесь не малочислен, но он именно рассыпался. (Дни. 1926. 19 нояб. № 1163)

27 января в Лондоне состоялась возвещенная с большим шумом конференция так называемого "национального меньшинства" английского профессионального движения, или, попросту говоря, коммунистически-большевизанской группы английских трэд-юнионистов. (Дни. 1925. 27 янв. № 675)

... я сразу признал гениальным произведением "Двенадцать" [А. Блока], несмотря на то, что сам поэт отвратительно большевизанствовал. (Младоросская искра. 1933. 15 нояб. № 34)

Приведенные примеры (производные от *большевизана*) свидетельствуют о наличии в структуре слова коннотативного элемента, который служит, наряду с номинативными потребностями, дополнительным мотивирующим признаком при образовании глагольных, адъективных или причастных дериватов. Итак, в эмигрантской прессе для обозначения лиц иностранных по происхождению суффикс *-ан* был использован именно благодаря своему коннотативному пейоративному "шлейфу" и выступал как оценочно-номинативный для передачи отношения к большевикам и их правлению (*большевизан* и его гнездо).

2.7. Суффикс *-ач*

В корпусе содержатся немногочисленные слова с непродуктивным "мужским" суффиксом *-ач*; дадим его краткую характеристику.

Суффикс *-ач* используется при образовании номинации производителя действия. С.И. Карцевский характеризовал его как "народный", приводя следующие примеры из языка революционного времени: *басмач*, *пикач* "антибольшевистский повстанец в Сибири" (< *пика*), *толкач* "посредник при сделках", *слухач* "телефонист (в окопах)"¹, *рвач*, *циркач*, *смехач* (в литературном обиходе) [Карцевский 2000: 257]. А.М. Селищев приводит неологизм 20-х годов *непач* (по модели *силач*, *богач*), сосуществующей с нейтральной номинацией *нэпман*, и *избач* "заведующий избой-чительней" [Селищев 1928: 176]. В нашем материале этот суффикс представлен только двумя публицистическими (с характеризующей функцией) производными *трубач*, *богач* и одним советизмом *стукач* "доносчик, осведомитель".

... мы только *трубачи* маленького авангарда Российского Победного Духа, зовущие всех на великий поход. (Сигнал. 1938. 1 сент. № 38)

... в деревне образовался новый элемент кулаков, новых большевистских *богачей*, то есть именно кулацкий элемент.. (Голос Родины. 1919. 11 мая. № 262)

¹ А. Мазон не приводит "военной" специализации данного неологизма, полагая, что *слухач* – это просто l'écouteur au téléphone "тот, кто принимает телефонные звонки; телефонист" [Mazon 1920: 28]; это единственный пример на *-ач* в книге Мазона.

Мужика или бабу вызывают в комячейку и заставляют следить за определенными лицами – в Амурской области это называется – ”стучать”. [...] Иногда ”стучачей” посылают за китайскую границу, чтобы ”стучать” среди эмигрантов. (Возрождение. 1927. 5 окт. № 855)

Очевидно, суффикс *-ач* не был активен в эмигрантском узусе для номинации ”мужских” субстантивов.

Итак, суффиксальная деривация имен существительных мужского рода представлена в эмигрантской прессе бóльшим количеством примеров, чем ”женские” номинации. При рассмотрении феминативов мы уже приводили сводную таблицу дериватов со значением лица. Количественный анализ ”мужских” номинаций дает такие пропорции.

Суффикс	Количество дериватов
<i>-ик/-ник</i>	122
<i>-тель</i>	79
<i>-ист</i>	69
<i>-ец</i>	64
<i>-чик/-щик</i>	34
<i>-ач</i>	4
<i>-ан</i>	2

Основными словообразовательными средствами для суффиксального выражения лица мужского пола в нашем корпусе являются: суффикс *-ик* (*-ник/-шник*), идущий с явным отрывом от других, и суффиксы *-тель*, *-ист*, *-ец*, уступающие по продуктивности предыдущему. Суффикс *-чик/-щик* замыкает группу продуктивных и регулярных суффиксов. Далее с резким отрывом следуют непродуктивные суффиксы в русской деривационной системе: *-ач*, *-ан*, представленные единичными производными.

Выводы:

Сопоставление гендерно-ориентированных номинаций в эмигрантской публицистике 1919-1939 гг. позволяет, по нашему мнению, рельефно представить языковую репрезентацию гендерной проблематики в условиях резких социальных потрясений. С одной стороны, кардинальная ломка привычных гендерных стереотипов и языковых способов их выражения произошла в советском дискурсе, и исследования, описывающие данную тему, ярко показывают динамику изменений, протекающих в русском ”советском” языке. С другой стороны, культурные, социальные потрясения, произошедшие в жизни русских (русскоязычных) беженцев вне пределов России, также требовали подключения механизмов адаптации, привыкания к новым условиям. Как же язык реагировал на коренные преобразования в жизни тех и других? В какой

степени социальные факторы оказывали влияние на одну и ту же языковую систему, но в одном случае – в советской России, в другом случае – в России вне России, в эмиграции? Как показывает наш материал, различия существенные: в русском советском языке происходили значительные трансформации в гендерной области, вызванные в первую очередь социальными причинами. В эмигрантском узусе изменения были не столь велики, но тем не менее особенности использования мужских и женских гендерных дериватов (старых или вновь созданных) дают любопытный срез языковой компетенции эмигрантов. Итак, каковы же главные черты гендерных номинаций в эмигрантской прессе?

1. Женские суффиксальные дериваты занимают в нашем корпусе намного более скромное место, чем "мужские". Социологическим объяснением этого служат, в частности, производственно-экономические условия эмигрантской жизни (устроенность женщин на работу была существенно ниже, чем у мужчин), политико-идеологические (более активная вовлеченность мужчин, чем женщин, в социально-политические дискуссии о прошлом и будущем страны), военно-организационная (сохранение в эмиграции старых военных подразделений и структур, а также появление новых). Нельзя не учитывать и тот факт, что эмигрантская публицистика чаще и больше писала о "мужских" темах (революция, гражданская война, занятость и устройство на работу, политика), чем о насущных женских проблемах, вообще о духовном, интеллектуальном, культурном мире женщин.

2. Среди феминативов обозначений женщин по профессии немного. Словообразовательная продуктивность суффиксов минимальна. Номинативные потребности (называние женских профессий) обычно обслуживал суффикс *-ша*, сохраняющий свою нейтральную стилистику, в отличие от русского языка метрополии 20-30-х годов, где он переходил в разряд стилистически маркированных. Другие суффиксы в нашем корпусе словообразовательной активности не обнаруживают, представляя старые дериваты. Общественно-политические номинации не частотны, в отличие от "мужских" существительных, однако следует упомянуть суффикс *-иц(а)*, маркирующий в эмигрантской прессе наименования женщин либо по их исключительной функции в социальной иерархии, либо по их физиологической (материнской, воспитательной) роли. Явно периферийными для феминативов остаются суффиксы *-есса*, *-ыня/-иня*, *-чина* (единичные дериваты). Зафиксирован единичный субстантиват *приходящая* (о служанке, домработнице), свидетельствующий о процессе семантического стяжения; деривата *домработница* в нашем корпусе не встречается.

3. Репертуар суффиксов существительных мужского рода превосходит деривационные модели феминативов; значительно разнятся количественные пропорции между ними. Среди "мужских" дериватов преобладают общественно-политические, военные, экономические, профессиональные номинации, отражающие в языковом свете те области, сферы мира мужчин, которые оказывались релевантными в эмигрантской жизни. На страницах эмигрантских газет активно использовались также советские суффиксальные гендер-

ные неологизмы. Словообразовательная активность "мужских" суффиксов для номинации новых референтов существенно выше, чем активность "женских" суффиксов.

4. Общей словообразовательной особенностью суффиксальных производных существительных со значением лица мужчин и женщин является отсутствие, в отличие от советского дискурса, отаббревиатурных дериватов.

ГЛАВА 5.

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕКСИКЕ

Общие замечания

Интенсивные и глубокие преобразования, произошедшие в социальном, общественном, экономическом строе после революции 1917 г. в течение очень короткого промежутка времени, живо и непосредственно затронули область лексики. И в предшествующий период изменения в словарном составе русского языка характеризовались достаточно быстрыми темпами развития: с начала 20 в. очень активно протекал процесс иноязычного заимствования в сфере техники (телефон, телеграф, кино, авиация, автомобили), политической терминологии, спорта, понятий-экзотизмов, особенно в период русско-японской войны (1904-1905 гг.); в производстве новых слов активную роль играли и деривационные механизмы, пополняя лексическую базу новообразованиями, отражающими трансформации в обществе, культуре, искусстве [Лексика 1981]. В период Первой мировой войны количество и тематика иноязычных заимствований существенно снизились, активизировались старославянские лексические и словообразовательные элементы; эти лексические процессы происходили в контексте оборонно-патриотических общественных настроений [Карцевский 2000; Лехикоийнен 1990; Comrie et al. 1996]. Социалистическая революция 1917 г. перераспределила векторные направления в лексико-семантической системе русского языка. Лексические инновации, пассивизация некоторых лексических пластов (сферы церковно-религиозных отпращиваний, военной иерархии, экономико-политической области, монархическо-государственной терминологии, этикета и др.) были настолько существенны и заметны для языкового сознания индивида, что самым прямым образом привязывались именно к социально-политическим событиям. Это зачастую приводило некоторых представителей революционно настроенной интеллигенции (работников вузов, журналистов) к утверждению: происходит "революции в языке"¹. До 1917 г. подобные высказывания были редкостью, так как в массовом языковом сознании все-таки доминировало ощущение преемственности, естественной лексической флуктуации. Кроме того, даже весьма интенсивные лексические новшества концентрировались в области

¹ Лексические перемещения, даже весьма значительные, не могут быть основанием для признания коренного обновления или ломки языковой системы (так считали, в частности, С.И. Карцевский, А.М. Селищев, Е.Д. Поливанов и др.; обзор различных точек зрения см. в: [РЯСОС 1968; Виноградов 1977; Лехикоийнен 1990; Comrie et al. 1996; Ryazanova-Clarke & Wade 1999]).

книжно-литературной речи, мало затрагивая речевую практику абсолютного большинства полу- или безграмотного населения.

Главное отличие послереволюционных лет от предшествующего периода заключалось в овладении массами новой политической, экономической, военной, административной терминологией. Пожалуй, никогда ранее, вплоть до 1920-х годов, русская лексическая система не претерпевала столь радикальных трансформаций как с внутренней, имманентной стороны (передвижка лексико-стилистических границ, переструктурирование лексико-семантических рядов), так и внешней (формирование новой социолингвистической базы). Степень воздействия, интенсивность влияния на языковую личность многих общественно-политических, экономических, социальных терминов, прежде ограниченных литературно-книжными сферами языка (литература, публицистика, пресса) и малопонятных подавляющей массе языкового социума (крестьяне, рабочие, солдаты, матросы), в послереволюционной прессе, новых учебниках, листовках, пропагандистских речах многократно выросла. Следствием этого стало активное проникновение новой или актуализированной терминологии в лексикон и прагматикон индивида. Кроме того, одним из важнейших механизмов трансляции новой терминологии массам и ее внедрения в речевой обиход являлись политические беседы, проводимые специально подготовленными людьми (в их числе были активисты, безбожники, политруки, селькоры, рабкоры), среди крестьян, солдат, рабочих. Процессы освоения общественно-политической лексики разными социальными группами (солдат Московского военного гарнизона [Шпильрейн et al. 1928], крестьянства [Шафир 1924; Селищев 1928: 210-218], рабочей молодежи [Селищев 1928: 207-209], сельских корреспондентов [Меромский 1930]) стали популярным и новаторским объектом наблюдения и описания в послереволюционные годы. Для их проведения впервые были разработаны и использованы социолингвистические методики (критический анализ некоторых дан в: [Винокур 1925; Gorham 2003]).

Лексические изменения в конце 1920 – первой половине 1930-х годов (годы первой пятилетки) характеризовались увеличением ”технических” заимствований из английского языка; именно в эти годы английский стал ведущим языком-источником, заметно потеснив немецкий и французский [Крысин 1968: 85-126]. Но со второй половины 1930-х годов начался процесс массовой замены прежних иноязычных слов русскими эквивалентами в рамках усиливающейся конфронтации со всем иностранным; само понятие «иностранный» приобрело в официальной пропаганде негативные коннотации [Паперный 1985: 60-61]. Всё возрастающий контроль государства над всеми сторонами жизни людей, осуществление политики языкового планирования, борьба с заимствованиями в художественной и технической литературе, введение внутренних паспортов, ограничивающих свободу перемещения по стране, система прописки – все эти факторы привели к ”более медленным накоплениям в словарном составе” середины 30-х годов [Comrie et al. 1996: 205], чем в предшествующий период.

Социолингвистические изменения, происходившие в русском языке в советский период и в значительной степени обусловленные кардинальными социальными трансформациями, в эмигрантской разновидности языка протекали более медленными темпами. Одной из консервирующих причин являлось сохранение дореволюционных классовых и сословных различий между людьми, во многом определявших и речевые стратегии и тактики узуса. Исследователи первой волны русской эмиграции отмечали три характерные черты лексического состава эмигрантского узуса: "архаичность, иноязычность, разговорность" [ЯРЗ 2001: 111], кроме того, они констатировали также "ограниченность словаря" [РЯЗ 2001: 57; также: Грановская 1995: 55]. В принципе, в таком утверждении нет ничего необычного и удивительного: с одной стороны, эмигранты вынуждены прибегать для выражения многих понятий, обозначения реалий (особенно повседневной жизни) к иноязычным лексическим средствам ввиду отсутствия адекватного русского соответствия (эти процессы рассматриваются в главе, посвященной иноязычным заимствованиям), с другой стороны – устная речь, как правило, может значительно отличаться как по своему лексическому наполнению, так и по грамматическим, синтаксическим конструкциям от кодифицированных форм языка (книги, публицистика, театр, учебная литература и др.). Многочисленные примеры, показывающие разрушение и обеднение речи большинства эмигрантов не только первой, но и последующих волн, приведены во многих исследованиях по эмигрантологии. Однако нельзя сводить весь эмигрантский язык только к некодифицированным формам и судить о бедности языка эмигрантов или, напротив, умилительно восхищаться сохранением устаревших лексических или грамматических форм как якобы проявлением "чистоты" эмигрантского варианта русского языка в сравнении с языком метрополии, "испорченным" советским временем. Очевидно, в какой-то мере оппозитом "обедненному" речевому эмигрантскому узусу может служить язык художественной литературы, свидетельствующий о лексическом богатстве и разнообразии, развитием языковым чутьем эмигрантов и мастерском использовании писателями, публицистами различных выразительных средств: метафоры, синонимии, антонимии, паронимии и др. (многочисленные примеры и комментарии приведены в: [РЯЗ 2001: 119-287]).

Итак, если представить эмигрантский речевой узус и художественную литературу в качестве двух если не полярных, то достаточно противостоящих друг другу феноменов в рамках эмигрантской разновидности русского языка, то газетный текст в известном смысле "снимает" эту оппозиционность, полярность, так как в нем происходит интенсивное сближение, симбиоз книжного и разговорного стилей речи. Именно поэтому в эмигрантской публицистике встречаются такие лексические и семантические особенности, которые редко бывают представлены в записях разговорной речи или являются периферийными для художественной литературы. Конечно, эти особенности обусловлены функциональными свойствами газетного текста: 1. информирующей функцией (упоминанием фактов, событий, явлений, личностей) и

2. интерпретирующей функцией (демонстрацией печатным органом той или иной оценочной, аксиологической шкалы, основанной на господствующих в данном социуме, коллективе политических, морально-этических, религиозных представлениях)¹. Интерпретирующая функция адекватно может быть и будет реализована только при наличии общих пресуппозиций автора и читателя/читателей газеты или в значительной степени совпадающих фоновых знаний. Лексический компонент (лексикон газеты, ключевые слова, квазисинонимия и др.) в структуре механизмов, обеспечивающих установление контактной связи «газета – читатель», является одним из ведущих, стержневых.

Эмигрантская пресса во многом ориентируется на образцы газетно-публицистического лексикона и стиля, сформированного еще до революции, в доэмигрантский период. Уже тогда газетно-публицистическая речь обладала «широким спектром слов-опор («сигналов») – языковых символов различных общественно-политических, религиозных, философских и литературных школ и направлений. Созданные первоначально для обозначения какой-то конкретной ситуации, такие слова становятся обобщенными социальными и философскими формулировками, подразумевающими известный подтекст» [Лексика 1981: 317]. Вместе с тем, эмигрантская публицистика гораздо более живо реагировала на зарубежную реальность, чем в дореволюционное время, что совершенно естественно объясняется или непосредственным контактированием эмигрантских журналистов с политическими правящими кругами стран, где проживала русская диаспора, или близостью к ним. Кроме того, советская печать также составляла один из постоянных и важнейших источников словарных пополнений лексического состава эмигрантской прессы. Таким образом, эмигрантскую прессу ни в коем случае нельзя характеризовать как застывшую, законсервировавшуюся, остановившуюся в своем развитии. Другое дело, что в сравнении с формирующимся советским газетно-публицистическим стилем, ломающим старые дореволюционные лексико-стилистические каноны и создающим новые на базе общей тенденции демократизации языка, эмигрантская пресса сохраняет уже наработанные газетные приемы. Динамика лексического состава эмигрантской прессы определяется, в частности, комбинацией следующих компонентов:

1. сохранение старых лексических средств, называющих те или иные понятия, реалии, ставшие историзмами в советской действительности;
2. иная, чем в советском дискурсе, прагматическая конфигурация этикетных знаков;
3. активное проникновение иноязычных лексико-семантических средств;
4. включение в эмигрантский лексикон и интерпретация на страницах эмигрантских газет лексических советизмов;

---

¹ Г.Я. Солганик считает категорию социальной оценочности «важнейшим принципом языка публицистики» и отдает ей приоритет среди других отличительных черт публицистики: «коммуникативной общезначимости» и «особого характера экспрессивности» [Солганик 1981: 12-13].

5. формирование семантических отношений (синонимия, антонимия, ключевые слова (key words), квазисинонимия, паронимия), отражающих референциальную сетку понятий в эмигрантском дискурсе и речевом узусе.

Далее мы сосредоточимся на подробном рассмотрении лексико-семантических групп слов, имеющих специфику функционирования в эмигрантской прессе, а также на семантико-прагматических механизмах, участвующих в создании тех или иных смысловых связей между лексемами и лексико-семантическими группами.

1.0. Типология лексических средств в эмигрантской прессе

Одной из характерных особенностей языка эмигрантской прессы являлось сохранение старой лексики, смещенной на лексико-семантическую периферию в советском языковом и идеологическо-политическом дискурсе. На страницах газет регулярно используются с нейтральной стилистической окраской многие утраченные русским советским языком лексические группы:

1.1. монархическая лексика: *империя, имперский, монарх, монархический, царь, царский, император, императрица, князь, трон, король* и др., а также традиционные перифрастические обозначения, риторические формулы монархической власти и наименования членов царской семьи. В монархическо-патриотических и военных печатных изданиях эта лексика вполне обычна и используется с положительной коннотацией. Сохранение монархической лексики в узусе монархистов выполняло важную прагматическую функцию, она использовалась либо с ностальгическими аллюзиями, обращенными к утраченной родине, либо с интенциями надежды и верой в преемственность развития России после крушения большевизма. Монархическая лексика в этом типе изданий приобретает повышенное, риторическое, патетическое звучание.

Выйдя на балкон, мы наблюдали прибытие *Государя с Семей* на катере по Неве. [...] Около 1 ч. дня *Государь Император* вошел во дворец, и мы сейчас же заняли свои места, выстроившись в зале. Немедленно последовал *Высочайший* выход. [...] *Государь с Государыней* стояли вблизи аналая, а дочери Их – *Наследник* отсутствовал, – как и *Императорская Фамилия*, бывшая почти в полном составе, стояли поодаль. По окончании молебна, во время чтения диаконом *Высочайшего* Манифеста об объявлении войны, послышались рыдания – то плакали некоторые из членов *Императорской Фамилии*. После многолетия, приложившись к кресту, *Государь Император* обратился к присутствующим с речью.. (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173)

Было действительное и полное единение *Императоров* Русского национально-го правительства с Русским народом в великом деле защиты идеи Славянства и, в частности, Сербии. (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173)

Книга дает яркое изображение нравственного облика *Государя Императора* Николая Александровича и *Императрицы* Александры Федоровны, величие Их духа, непоколебимой Их верности идеалам Святой Руси, беспредельной Их любви к Отечеству и к Русскому Народу и Их мученического Крестного пути. (Рус. голос. 1939. 12 марта. № 414)

Миролюбивые заверения *Мученика Государя* [накануне Первой Мировой войны. – А.З.] разбили о твердое решение германского Генерального штаба и германского императора не упускать случая начать войну.. (Голос России. 1931. 2 авг. № 1)

Движение, возглавляемое *Его Императорским Величеством*, сперва как *Блусителем Государева Престола*, а затем как *Законным Императором Всероссийским*, никогда не имело и иметь не могло партийного характера. (Рус. стяг. 1925. 4/7 июня. № 1)

Особую значимость для монархистов имело сохранение монархии в дружественной Сербии как свидетельство духовной близости и взаимопомощи двух народов в трудные минуты истории: помощь сербскому народу со стороны России в 19 в. и, в качестве благодарного ответа, помощь Сербии русским беженцам после событий 1917 г. Именно поэтому монархические газеты так охотно используют монархические титулы при назывании сербского короля не только в качестве принятых клишированных номинаций, но и с прагматическими интенциями, аллюзиями (историческими, ностальгическими, индивидуальными):

Его Императорскому Величеству Государю Императору благоугодно было пожаловать шефство *Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого Князя* Владимира Кирилловича 15-му, 28-му, 35-му и 36-му Парижским очагам Союза Младороссов. (Младоросская искра. 1933. 5 янв. № 26)

После приветственной речи Председ.[атель] Отд.[ела] [Союза Русских Военных Инвалидов. – А.З.] г. Станкевич огласил текст телеграмм – выражая чувства глубокой преданности и неизмеримой благодарности *Его Королевскому Величеству Королю* Петру II и *Всему Королевскому Дому, Его Королевскому Высочеству Князю Наместнику* Павлу – покровителю и защитнику Союза.. (Рус. голос. 1939. 2 апр. № 417)

Мы, нашедшие гостеприимный приют под кровом *Югославянской Державы*, с доблестными братьями Сербамися коей спаяны пролитой в 1914-1917 гг. кровью, счастливы в эти великие исторические дни из глубины души и сердца воскликнуть: Да здравствует на многая лета *Его Величество Рыцарь-Король* Александр I, *Его Августейшая Семья* и Его народ! Да воскреснет наша Родина – Великая Россия! (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173)

9 октября злодейской и святотатственной рукой убит *Его Величество* Александр I-ый *Король Югославии*. Убит *Король-Воин* и *Рыцарь, Король-Отец* и *верный Друг, Король-Славянин...* (Рус. голос. 1934. 14 окт. № 184)

Напротив, очень скромно и только с негативной окраской монархическая терминология представлена в анархических газетах, где она используется в более абстрагированном смысле и в публицистическом контексте осуждения

несправедливости современного мироустройства вообще, поэтому в анархических изданиях отсутствуют монархические клише, свойственные ”правым” газетам, а лексемы данной семантической группы употребляются в символическом значении, как вербальные знаки политических понятий и идей:

Товарищи и читатели не посетуют на нас за то, что наши сообщения из России пока крайне скудны. Одно из последствий большевистской реакции состоит в том, что и для нас – анархистов – границы России закрыты, как это было и во времена *царизма*. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Империи и монархии, республики, лиги наций – порождение дьявольских сил; пушки, дредноуты, удушливые газы, истребительный огонь; тюрьмы, виселицы, электрические кресла... (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Абсолютная монархия, представляющая собою, так сказать, фетишистский период в истории развития государства, где *царь* является наглядным выражением всей системы, обращалась с широкими народными массами своих бесправных подданных, как с большим дойным стадом. (Анархич. вестник. 1923. № 5-6)

Таким образом, прагматический потенциал монархической лексики в изданиях разной политической ориентации оказывается в эмигрантском дискурсе неоднородным: монархические газеты в использовании такой лексики стремятся передать коннотации, связанные с индивидуальными или групповыми эмоционально-психологическими позитивными аллюзиями, анархическая же пресса оперирует монархической лексикой в ее негативно-модальной интерпретации.

1.2. экономическая лексика встречается главным образом на страницах монархических и демократических газет, но практически отсутствует в анархических (вообще ”левых”) изданиях. Такая диспропорция объясняется тем, что часть эмигрантов (особенно состоятельных) сохранила дореволюционные акции, ценные бумаги и, оказавшись за рубежом, получала с них дивиденды или же вкладывала деньги в покупку новых акций. Рыночные, биржевые новости составляли одну из весомых частей в публикациях монархических и демократических газет, где использовались как старые экономические термины, так и заимствовались новые, иноязычные: *акционер*, *акционерный*, *запасный капитал*, *акционерное общество*, *получить страховой полис*, *валютная биржа*, *держатель страховых полисов*, *привилегированные акции*, *преференциальные списки*, *дивиденды*, *холдинг*, *сложить недоимки* и др.

Акционерный капитал банка ”Легио-банк”: 70, 000. 000 [sic] чеш.[ских] крон. *Запасный капитал*: 26 000. 000 [sic] чеш. крон. (Огни. 1924. 7 янв. № 1.)

Дивиденды акционерам решено выплатить в размере 6%. (Вести дня. 1940. 5 февр. N 29)

... д-р А. Вендт .. работает в качестве доверенного лица в *акц.[ионерном] о-ве [обществе. – А.З.] ”Кивиэми”*. (Вести дня. 1940. 5 февр. № 29)

К держателям страховых полисов, которые вследствие эмиграции из России не могли больше платить страховых премий. (Дни. 1925. 1 февр. № 680)

13-го декабря исполнилось 13 лет со времени прекращения Американскими страховыми обществами своей деятельности в России. За эти 13 лет держатели страховых полисов общества "Эквитабль" не получили удовлетворения по полисам, по которым в течение многих лет платились премии по золотому курсу. Эти 13 лет ясно показали, что единственный путь получить удовлетворения [sic] – это начать в Американском [sic] суде дело о взыскании денег. Каждый полисодержатель, который все еще хранит у себя свой полис, должен помнить, что прошло уже 13 лет, и передать дело для взыскания денег. (Возрождение. 1932. 3 янв. № 2406)

Новые экономические понятия нередко могут получать тут или иную публицистически заостренную интерпретацию путем семантического трансфера экономического термина в низовой речевой регистр:

Акционерное общество стремится наложить руку на другие общества. Для этого достаточно приобрести "контрольный пакет", т.е. столько акций, сколько нужно, чтобы распоряжаться обществом. [...] Это и есть "холдинг" – узаконенный грабеж. (Младоросская искра. 1932. 20 авг. № 21)

Анархические газеты в соответствии со своей идеологией отрицания и политики, и экономики практически никогда не касались конкретной экономической проблематики.

1.3. национально-этническая терминология в эмигрантских газетах не претерпела каких-либо изменений, в отличие от советских газет, где в 20-е годы последовательно устранялись такие лексические единицы, как *инородец*, *самоед*, *иноплеменный*, *великоросс*, *малоросс* и др., которые в своей внутренней форме могли содержать негативные этнические коннотации, оскорбляющие национальные чувства того или иного народа. В эмигрантской публицистике все прежние национально-этнические номинации сохраняются: *самоед*¹, *инородец*, *инородческий*².

Лекция об *инородцах* и евреях в истории России [объявление] (Рус. голос. 1939. 5 марта. № 413)

По свидетельству крестьян, переселенных из Бийск-Барнаульского района на Амур, бывших в декабре 1932 года свидетелями разыгравшихся в названном районе событий, возстание [sic] подняли *инородцы* калмыки, кочевники..., выведенные из терпения грабежом и насилиями советских чиновников.. (Голос России. 1933. янв.-февр.-март. № 17-18-19)

Птичий промысел на далеком Севере .. сводится к убою линных гусей, собиранию гагачьего пуха и эксплуатации [sic] птичьих базаров, т.е. убою кайр и собиранию их яиц. До последнего времени яйца собирались *самоедами* и промышленниками Новой Земли. (Рус. газета. 1937. № 1)

¹ В СУ: "прежнее, ныне не применяющееся название ненцев".

² В СУ с пометой: *офиц.*[иальное] *дореволюц.*[ионное].

... не удастся *инородцам* и чужоземцам [sic] нас, русских, везде за границей представлять. (Рус газета. 1937. № 2)

Властью Русских Царей, призванной голосом народным, встала Россия на ноги с лишком [sic] триста лет назад, после долгого Лихолетья [sic], когда *инородцы*, как теперь, занимали священный Кремль Московский. (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

Особую актуальность имели этнонимы *великоросс*, *малоросс*, которые чаще всего выступали публицистическими эквивалентами (без отрицательных коннотаций) уже ставших более привычными обозначений *русский*, *украинец*.

Сепаратизм не имеет глубоких корней в *малороссийской* ветви русской нации. Это явление заносное, подхваченное только частью *малороссийской* полуинтеллигенции из честолюбивых или корыстных побуждений. (Рус. голос. 1939. 19 февр. № 411)

... мы все, т.е. все интеллигентные *русские* люди, носим в своих жилах такую смесь национальных кровей, что по признаку географического происхождения нам крайне трудно определить себя, – особенно в вопросах *малороссийском* и *великорусском*, здесь мы очень просто сталкиваемся, когда надо будет, да, вероятно, и сталкиваться не надо будет. (Рус. голос. 1939. 19 марта. № 415)

... жестокой чистке подвергся аппарат и *великорусских* центров. Особенно пострадали здесь те группы коммунистов, которые были связаны с той или иной областью идеологической работы. (Меч. 1937. 4 апр. № 13)

... выступление *великорусского* оркестра под управлением Г. Медведева. (Вести дня. 1940. 13 февр. № 36)

Ср. приводимые одной эмигрантской монархической газетой клишированные публицистические штампы из советской прессы, в которой негативно окрашенное наименование *великоросс* связывается с царским эксплуататорским прошлым:

Большевики иногда "пугают" теперь народ "возвратом монархии", но они неизменно воскрешают при этом другие, более страшные, хотя тоже мнимые "пугала": "крепостное право помещиков", "кабала фабрикантов", "угнетение *великороссами* всех прочих народностей". (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

Другой книжно-риторической номинацией в эмигрантской прессе являлось достаточно редкое собирательное обозначение *россияне*¹. В нашем корпусе встретилось только два случая, однако примечательно, что эмигрантские газеты относят данную номинацию либо к бывшим подданным Российской империи (пример 1), либо используют для обозначения жителей новой, советской России (пример 2; устоявшегося названия в первые послереволюционные годы еще не существовало):

¹ В СУ с пометой: *старин.[ное] офиц.[иальное] торж.[ественное]*.

(1) Еще двадцать лет назад мы, *россияне*, первые возстали [sic] против интернационала. (Сигнал. 1939. 1 апр. № 52)

(2) ... радуясь за "клику" японских "плутократов", большевики сулят *россиянам* только журавля в небе: "очень возможно, что советско-японское соглашение даст новый толчок к сближению между Америкой и советами"... Жди! (Дни. 1925. 30 янв. № 678)

Второе употребление так и не закрепилось у эмигрантов, выступив как окказиональный поиск номинации референта (людей, живущих в Советской России/СССР). Первое употребление, напротив, актуализировалось в монархической прессе благодаря яркому коннотативному компоненту "сторонник старой (монархической, царской) России"; этим обозначением называли промонархически настроенных единомышленников.

Активизация слова *россиянин* (в собирательном значении – *россияне*) началась в русском материковом языке только с конца 80-начала 90-х годов [ТСРЯ 1998: 551-552]. Коннотативный сдвиг в этом слове происходил буквально на глазах: еще в МАС-2 (1981-1984) слово снабжалось ограничительной пометой *устар.*[евшее] и *высок.*[ое], в СО 1994 – пометой *устар.*[елое], *обычно высок.*[ое], но уже к середине 1990-х годов оно быстро входило в узус и вскоре стало официально-публичным и даже уже нейтральным обозначением жителей новой, постсоветской России¹. Современные словари русского языка дают это слово уже без стилистико-ограничительных помет.

1.4. терминология военной сферы распространена главным образом в монархических и, естественно, военных печатных органах: *юнкер, офицер (офицерский), урядник, старшина, генерал (генеральский), генерал-от-кавалерии, полковник, корнет (корнетский)* и др.

... почетные гости – глава легитимистов *генерал-от-кавалерии* В.А. Кислицин, глава казачества *ген.*[ерал]-*лейт.*[енант] А.П. Бакшеев и глава Русского Клуба ген.[ерального] штаба *ген.-лейт.* В.В. Рычков. (Младоросская искра. 1933. 15 авг. № 32)

На собрании председательствовал Председатель Главного Правления Р.Н.С.У. В. *подполковник* А.В. Чернощеков. (Сигнал. 1939. 1 апр. № 52)

Не унимаются партизаны на Тереке, несмотря на захваты красными в плен начальника одного из крупных повстанческих отрядов *полковника* Игната Новосельцева. В далекой Сибири, в разных ее концах, не стихает народная партизанская борьба с коммунистами. (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

Г.г. *генералов, офицеров, юнкеров, вольноопределяющихся, солдат и казаков* IV Отдела Русского Общевоинского Союза и их семьи сердечно поздравляю с на-

¹ Ср.: "Не опуская пистолет, Алик симпатично и весело рассмеялся: Вот это уже деловой разговор! Тут ты прав – когда имеешь дело с вашими сегодняшними *россиянами* – гарантий никаких" (В. Кунин. Кыся); "Может быть, я чего-то не понимал, а спросить в лоб мы не умеем, *россияне* не американцы – те всё называют открыто, без околичностей..." (Ю. Семенов. Репортер).

ступающим Праздником Светлого Христова Воскресения. От всей души желаю всем дорогим соратникам сил, здоровья и крепости веры в Милость Божию, ведущую нас к Воскресению нашей дорогой Родины. *Генерал-лейтенант* Барбович. [Приказ IV Отдела Русского Общевоинского Союза] (Рус. голос. 1939. 9 апр. № 418)

Корнет Г.П. Апанасенко. (Сигнал. 1938. 1 сент. № 38)

Штаб-ротмистр. (Сигнал. 1938. 15 сент. № 39)

На встречах можно приобрести знак школы и *корнетское* кольцо. (Возрождение. 1935. 14 марта. № 3571)

На днях скоропостижно скончался в Варшаве статский советник *зауряд-полковник*¹ Иван Минович Кононов. (Возрождение. 1932. 4 янв. № 2407)

Очень активно используется казачья терминология: *атаман, донцы, кубанцы, терцы* "терские казаки".

Под грохот аплодисментов сообщается радостная весть – объединились для создания единого антикоммунистического фронта три течения: фашистское, легитимистское и *казачье*. (Младоросская искра. 1933. 15 авг. № 32)

... в святой жертвенности за Национальную Россию гибли последние остатки наших славных Армии, *Казачества* и Флота. (Голос России. 1933. янв.-февр.-март. № 17-18-19)

Казаки знали давно и были готовы к тому, что за ударами по Р.О.В.С. [Русский Общевоинский Союз. – А.З.] последуют удары по казачеству. Они последовали: травля нашего *Атамана*, попытки раскола, самозванцы.. (Рус. голос. 1939. 2 апр. № 417)

Появление генерала [Дитерихса.] на *казачьем съезде* было сигналом к восторженной встрече. [...] Когда *казачий атаман* подошел к нему, чтобы поблагодарить, генерал Дитерихс, по старому русскому обычаю, троекратно облобызался с ним, сказав: "Бог да благословит вас и славное *казачество*, которое вы поведете в бой за Веру и Отечество!" (Призыв. 1919. 5(23) сент. № 46)

Поздравляю доблестных *Донцов, Кубанцев, Терцев* и представителей прочих *Казачьих войск*, в Болгарии пребывающих, с Праздником Светлого Христова Воскресения. С этим всепрощающим взаимным братским приветом обратимся ко всем казакам, живущим верой и надеждой в грядущее Воскресение нашей Великой Родины России и наших *Казачьих Краев*. Генерал-лейтенант Абрамов. [Приказ Донскому Корпусу и Представителя Донского Атамана в Болгарии] (Рус. голос. 1939. 9 апр. № 418)

Уже в сентябре Союз вошел в деловой контакт с Н.Т.С. [Народно-Трудовым Союзом. – А.З.] Нового поколения, *Общеказачьим* Объединением и местной организацией В.Ф.П. [Всероссийской фашистской партии. – А.З.] (Родзаевского) (Сигнал. 1938. 1 окт. № 40)

¹ Элемент *зауряд*- в русской военной дореволюционной терминологии добавлялся к военным титулам и значил либо "исполняющий обязанности, военнослужащий, занимавший офицерскую должность, но не имевший офицерского чина" (*зауряд-прапорщик*), либо "резервный, находящийся в запасе" (*зауряд-полковник*).

Фразеологизм *наказать казачьим судом* устойчиво использовался в казачьих эмигрантских кругах. Это понятие, сформированное еще в 17-18 вв., значит «решать вопросы на казацком суде чести согласно принятым, установленным правилам о справедливости и достоинстве». Суд над провинившимися осуществлялся на общеказачьих собраниях, станичных и войсковых кругах (радах) – высших органах казачьего управления. Решения казачьего суда могли значительно расходиться с постановлениями судебных инстанций, так как человека казачий круг судил на основе житейских представлений о добропорядочности, правдивости и честности¹.

¹ Интересные свидетельства о казачьем суде находим еще у В.К. Кюхельбекера:

”Хорунжин

(выступает вперед и поднимает белый жезл)

Без шуму, атаманы-молодцы!

Без шуму, хлопцы, вольные черкасы!

Открыто коло. – Тише! тише! тише!

Писарь

(с свитком)

Стоит на Раде, на суду казачьем

Боярин-воевода Ляпунов,

Чтоб дать ответ на тяжкие изветы:

Он обвинен, ответчик Ляпунов,

В управе самовластной и жестокой,

В чиненьи притесненья казакам,

И, наконец, по грамоте, к которой

Привешена семейная печать

Их рода, Ляпуновых, – сверх того,

При ней видна руки его и подпись, –

В злодейском приказаньи городам:

Напасть на оных казаков, какие

Где обретаются, и всех убить

В один и тот же день и час; и день-то

Число седьмое сентября, а час

Четвертый ночи.

Казаки

Слышишь ли, Прокофий?

Боярин Ляпунов, что скажешь нам?

Чем оправдаешься? – Ну, говори же!

Прокофий

Не вы – *Земская дума мне судья*.

Заварзин

Как? мы тебе не судьи? – ведь ты здесь;

На суд, на Раду, в коло ты пришел:

Так, стало, нас и судьями признал.

Прокофий

Я здесь, и в ваше коло я пришел

Не быть судиму, а судиться с вами.

Заварзин

Судиться, то есть спорить? нас учить?

Не думай: не дадим и не позволим.

Заруцкий

Ответ короткий: признаешь ли ты

Своею грамоту? – она тобой ли

Написана? твоя ли тут печать?

Твоя ли подпись?

Прокофий

Вышлите ее

В Земскую думу: *думе отвечаю*”. (Прокофий Ляпунов, 1834).

Придет время (и оно придет), *казачьим судом* воздадим мы предателям и *казачьим порядком* научим глупцов-крикунов. (Рус. голос. 1939. 2 апр. № 417)

Особенно любопытно сохранение в казачьих кругах (и их речевой практике) прежних названий *хутор*, *станица*, *станичники* для именованя территориальных объединений казаков в зарубежье. Несомненно, цель такой лексической трансплантации заключалась в стремлении сохранять и поддерживать свои социумные (и даже выводимые на этнический уровень: ”мы не русские, мы – казаки, самостоятельный народ, особый этнос”) особенности, давно укоренившиеся в массовом сознании казачества:

18 января *хутор* общеказачьей *станицы* Брно устроили казачий вечер. Этот *хутор*, имеющий 130 членов, является самой сильной русской студенческой демократической организацией в Брно. (Дни. 1925. 10 февр. № 687)

Сараевская *всеказачья станица* (Возрождение. 1932. 2 янв. № 2405)

Объединившая всех без исключения *казаков*, проживающих не только в Афинах или Пирее, но далеко за пределами их, *Афинская Казачья Станица* в прошлом году основала ”*Казачий Дом*”. [...] На открытие явились *станичники* с семьями и множество гостей.. (Возрождение. 1932. 2 янв. № 2405)

В устройстве бала принимают участие следующие организации: объединения л.[ейб]-гв.[ардии] казачьего и л.-гв. [sic] атаманского полков и л.-гв. казачьей батареи.., союзы – казаков-комбатантов.., организации – степняков-партизан, .. донских кадет [sic] и гундоровцев, *станицы* – бийанкурская, студенческая и калмыцкая, *хутора* – в Осии, в Клиши и в Бурже.. (Возрождение. 1937. 3 апр. № 4072)

1.5. терминология религиозно-церковной сферы широко представлена в монархических, демократических газетах, но отсутствует в анархических (за исключением некоторых понятий, используемых в особых, риторико-патетических контекстах; о них подробнее в главе «Прецедентные феномены»). Религиозно-церковные термины обозначают абстрактные понятия¹: *Бог*, *Богородица*, *паства*, *милость*, *милостивый*, *прегрешения*, *грешный*, *грех*, *греховный* и т.д., и конкретные: *приют*, *подворье*, *священник*, *приход*, *причащение*, *причастник*, *лампада*, *говеть*, *разговленье*, *богадельня*, *богослужение*, *окорок*, *кулич*, *пасха* ”кушанье” и мн. др.

Незадолго до кончины *патриарх* Тихон постриг И.В. Полянского в монашество и *хиротосанил* его в *епископский* сан со званием *патриаршего викария* митрополита Крутицкого. (Возрождение. 1937. 3 апр. № 4072)

... для желающих *разговлаться* в очаге союза [русских сестер милосердия] будет устроено в пасхальную ночь *разговленье*. (Возрождение. 1935. 14 марта. № 3571)

¹ ”Оскудение языка в советской России связывалось с утратой многих нравственно-религиозных понятий (*милосердие*, *благодетие*, *боголепие* и др.), с исчезновением церковного богослужения..” [Грановская 1995: 107].

Принимаются заказы на *пасхальные окорока, куличи, сырны пасхи и пасхальный сыр*. (Рус. голос. 1939. 26 марта. N 416)

Причащение на другой день за *литургией*. (Возрождение. 1935. 2 янв. № 3500)

Дамский комитет при Покровской церкви г. Лиона устраивает на усиление *приходских* средств "чашку чая".. Пожертвования на лотерею и в буфет принимаются *церковным старостой* И.А. Скляровым. (Возрождение. 1937.20 нояб. № 4107)

Пасхальное послание Председателя Архиерейского Синода к зарубежной *пастве*. (Рус. голос. 1939. 9 апр. № 418)

... *приходская* библиотека (Возрождение. 1932. 2 янв. № 2405)

В церкви *приюта* вел.[икой] кн.[ягини] Елены Владимировны будет отслужена .. *божественная литургия*.., а накануне, 6 января, в день *сочельника*, .. будет отслужено *Всенощное бдение*. (Возрождение. 1932. 3 янв. № 2406)

С *благословения* митрополита Евлогия *сестричество* при Александро-Невской церкви устраивает детское *говение* на четвертой неделе *Великого поста*. (Возрождение. 1937. 3 апр. № 4072)

Вообще активное использование религиозной лексики, не только православной, но и исламской, иудаистской не выпадает из дореволюционной лексико-стилистической традиции. В русском советском языке целенаправленное удаление из узуса значительного количества религиозной терминологии существенно обеднило стилистический регистр книжной, высокой лексики. Эмигрантский вариант русского языка такой болезненной утраты не знал; напротив, религиозно-церковная лексика получила новые прагматические импульсы ввиду нахождения многих эмигрантов в инославном мире. Механизм речевого автоматизма использования религиозной лексики, сложившийся в дореволюционную пору, в эмиграции отчасти оказался дезинтегрированным и попал в зону повышенного лингвокультурного внимания в результате актуализации библейских понятий применительно к бытию беженцев.

1.6. разговорно-обиходная лексика. Лексические элементы данной семантической и стилистической группы легче и естественнее всего обнаруживаются в разговорной речи, и в работах по эмигрантскому языку приведены достаточно обширные списки разговорно-просторечных и даже диалектных лексем в эмигрантском узусе. Что касается газетно-публицистического языка, то одним из наиболее важных источников сохранения и обнаружения такой лексики служат объявления и рекламы, помещаемые в газетах. Эти тексты интересны с двух точек зрения: во-первых, в них используется старая лексика в соответствии с устоявшейся (дореволюционной) традицией, во-вторых, эти минитексты очень быстро реагируют на проникновение в узус заимствованных элементов, которые удается обнаружить в записях устной речи далеко не всегда, или исследователю надо провести с эмигрантом/информантов длительное время, чтобы зафиксировать в его речи лексемы, использующиеся им

пусть спорадически, но являющиеся одним из компонентов или индивидуального, или группового лексикона. Именно рекламные объявления в газетах содержат интересный лингвистический материал, который бывает трудно обнаружить и зафиксировать в других сферах использования языка (в живой речи, художественной литературе, мемуарах, переписке и др.). Какие же темы объявлений преобладают и какую лексику в них можно обнаружить?

Много рекламных объявлений публиковали ателье по уходу за одеждой, различные портновские мастерские или портные-одиночки. Обилие такого рода объявлений на страницах эмигрантских газет – необходимость быстрой экономической адаптации беженцев к зарубежному бытовому укладу, попытки найти и занять свое место на рынке, адресуясь в первую очередь именно к русским клиентам:

Первая русская *красильня* и химическая чистка. [реклама] (Возрождение. 1927. 6 нояб. № 887)

Делаю мужские шляпы на заказ новейших фасонов и омолаживаю старые путем химической чистки и *перекрасивания*. [реклама] (Рус. голос. 1939. 12 марта. № 414)

Русский портной и шапочник принимает заказы мужского, женского и военного *платья*. [реклама] (Рус. голос. 1939. 1-14 янв. № 406)

Разумеется, много рекламных объявлений о различных распродажах, предложениях о продаже привычных для русских людей пищевых продуктов, деликатесов, часто рекламируются рестораны, где русские могли бы общаться на родном языке и чувствовать себя в своей языковой среде:

Русская кофейня и винный ресторан. [реклама] (Призыв. 1920. 12 (28.2) марта. № 61)

Настоящий чай т-ва [товарищества. – А.З.] К. и С. Поповы только с этикетом¹ [=этикеткой. – А.З.]. Избегайте подделок! [реклама] (Дни. 1925. 1 февр. № 680)

Чай, кофе, *русские сладости*, .. *тянушки*², .. шеколад [sic], рахат-локум [sic].. [реклама] (Руть. 1930. 2 янв. № 2767)

¹ В СУ с пометой: *устар.*[елое]. В данном случае следует усматривать влияние французского *étiquette*, которое значит и "этикет", и "этикетка". Разумеется, эмигрантский узус знает и слово *этикетка* в современном значении: "Лишь после разгона Учредительного собрания, когда большевизм сбросил маску и открыто сказалось стремление истребить все, к чему можно было прицепить *этикетку* "буржуазность", эмиграция, беженство приняло очень широкие масштабы". [В. Набоков. Мы и Они] (Руть. 1920. № 14. 2 дек.)

² В 20-30-е годы в узусе было распространено два варианта: *тянушка* (обычно на письме как отражение морфологического принципа орфографии; петербургская орфоэпическая норма) и *тянушка* (отражение произносительной московской нормы). По крайней мере, обе формы приведены в СУ как равноправные. Однако уже в БАС-1 дается только одна, морфологическая, – *тянушка*, а вторая расценивается как устаревшая. Исползованная форма *тянушки* в эмигрантской газете является, очевидно, для автора совершенно естественной, узуальной; возможно, автор объявления – бывший москвич или выходец из центральной России.

Объявления о поиске работы, даваемые квалифицированными категориями служащих, а также предложения о предоставлении специализированных услуг – одна из постоянных рубрик многих газет:

Присяжный поверенный Е.С. Фельдман (Возрождение. 1932. 2 янв. № 2405)

Присяжные переводчики и присяжные консультанты; присяжный поверенный [реклама] (Дни. 1925. 27 янв. № 675)

Заведывание городскими домами, фабрично-заводскими предприятиями .. и ведение дел принимаю на себя. [...] Первоклассные референции. [объявление] (Сегодня. 1930. 1 янв. № 1)

[М. Карзова] в течение многих лет была *классной дамой* в *Пушкинской гимназии*. В последнее время проживала в доме общественного призрения, принадлежащем Русскому благотворительному обществу, и давала частные уроки. (Вести дня. 1940. 13 февр. № 36)

Единственные русские *погребальщики* Kiersch & Son (Кирисюк и сын). [реклама] (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35)

Если вы хотите узнать свою судьбу, обращайтесь к известной *ясновидящей*. [реклама] (Возрождение. 1932. 1 янв. № 2404)

Но еще больше на страницах эмигрантских газет объявлений людей о предложении навыков, умений, услуг, не требующих высокой квалификации, высшего образования:

Требуется самостоятельная *прислуга*, умеющая готовить, с хорошей рекомендацией. [объявление] (Сегодня. 1930. 1 янв. № 1)

Бонн, кухарок, нянь, прислуг [sic] рекомендует "Референц". [объявление] (Сегодня. 1930. 1 янв. № 1)

Лакей (garçon), кельнерша и посудомойник с многолетней практикой .. ищут постоянную работу в *русских ресторанах*. [объявление] (Дни. 1926. 17 нояб. № 1161)

Требуется городской агент и *мальчик*¹. [объявление] (Сегодня. 1930. 1 янв. № 1)

Требуется *барышня*, знакомая с *конторской работой*.. [объявление] (Сегодня. 1930. 1 янв. № 1)

Машинописание на машинках новейших и потребительных систем.. [объявление] (Сегодня. 1930. 5 янв. № 5)

Очень часто печатались объявления людей о предложении своих знаний иностранных языков, будь то работа машинисткой или учительницей:

Барышня дает *уроки французского языка*. [объявление] (Сегодня. 1930. 1 янв. № 1)

¹ Имеется в виду, конечно, рассыльный мальчик – подросток, выполняющий несложные поручения по доставке корреспонденции, различных бумаг и проч.

Беру *переписку на машинке* на русском и немецком, также на французском и английском языке. [реклама] (Дни. 1925. 8 февр. № 686)

Интелл.[игентная] дама, знающая в соверш.[енстве] англ.[ийский] яз.[ык], ищет место *приходящей* к детям или по хозяйству. [объявление] (Возрождение. 1932. 1 янв. № 2404)

Широко публиковались объявления о покупке/продаже не только обыденных, повседневных вещей, но даже и небольших предприятий:

Спешно продаются по сходной цене английские античные часы с календарем, красного дерева. [объявление] (Сегодня. 1930. 11 янв. № 11)

Спешно нужна пишущая машина. [объявление] (Призыв. 1920. 13 (29.2) марта. № 62)

..дамские и детские pul-over'ы..., *наколенники*..., кашнэ .. [реклама] (Дни. 1926. 21 нояб. № 1165)

Получены календари. Отрывной календарь на 1925 год, старый и новый стиль. Со *спинкой (наспарту)*. [реклама] (За свободу. 1925. 4 янв. № 3 (1407))

*Шерстепрядильня*¹ на полном ходу немедл.[енно] продается дешево. [объявление] (Сегодня. 1930. 1 янв. № 1)

Обратим внимание на использование слова *спешно, спешный* в стилистически нейтральном значении; эта лексема в эмигрантском узусе являлась доминантной; синоним *срочный, срочно* в языковом сознании эмигрантов сохранял мотивированность существительным *срок* и употреблялся, в основном, в идиоматизированных конструкциях типа *приступить в срочном порядке, требовать в срочном порядке*², а также в словосочетаниях, семантика которых явственно указывала на хронологические рамки ("срок"): *срочные меры*³. Сохранялось использование его и в специализированном значении: *срочный*⁴ ("заключенный, ссыльный"), т.е. отбывающий определенный срок. Напротив, слова *спешный, спешно* означали именно "быстро, немедленно, сейчас".

Объявления о религиозных праздниках, событиях, рассматривающих историю и истоки не только христианства, но и других конфессий, приглашали на лекции, читаемые самыми известными профессорами, богословами:

¹ В СУ дан только один вариант: *шерстопрядильня*, хотя в языке 19 в. сосуществовало два варианта: *шерстепрядильня* и *шерстопрядильня*.

² "... румынское правительство переговоры прервало и неделю тому назад .. *приступило в срочном порядке* к ликвидации секвестрированных болгарских имуществ, требуя от Болгарии за снятие секвестра не 16 милл.[ионов] фр.[анков], как раньше, а 320 милл.[ионов]". (Сегодня. 1930. 9 янв. № 9)

³ "... дело идет, .. главным образом, о *срочных и решительных мерах* к увеличению партийного стада, которым можно было бы помыкать, как угодно, в интересах правящей кучки". (Возрождение. 1927. 4 окт. № 854)

⁴ "... *срочные с.[оциалисты]-р.[евOLUTIONеры]* Москвин и Эстрин.." (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Катехизатор. [ская] школа. В.Н. Лосский – "История церкви". Е.Е. Ковалевский "О вероучении православной церкви". [объявление о лекции] (Возрождение. 1935. 1 янв. № 3499)

Традиционный *ханукальный* детский праздник. Зажигание кантором *ханукальных свечей* и исполнение *ханукальных кантат*. Беседа об истории и сущности *ханукального праздника*. [объявление] (Руль. 1930. 1 янв. № 2766)

Обычными терминами, обозначающими то или иное мероприятие, завершающееся неофициальным, непринужденным общением, являлись составные наименования *встреча-блины*, *встреча-чай*, а также метонимические замещения *чашка чая*, *чай* "небольшой неофициальный приём":

Встреча-блины состоится в 14 час. в воскресенье, 17 марта.. *Чашка чая* с 15 час. 30 мин. [...] (Возрождение. 1935. 14 марта. № 3571)

Встреча-чай профессоров и студентов русского коммерческого института. (Возрождение. 1935. 1 янв. № 3499)

Недавно состоялся организованный ими [русскими студентами. – А.З.] *чай*, после которого имели место танцы и на который сошлось несколько сот человек со всех факультетов обоих университетов, католического и казенного. (Младоросская искра. 1933. 5 янв. № 26)

Наименее обеспеченные эмигранты, испытывающие финансовые затруднения и даже не всегда имевшие кусок хлеба, состояли членами благотворительных столовых¹; ср. интересную цитату, в которой используется разговорный диалект *столовка*:

По проверочным [sic] данным выяснилось, что означенное в очерке "Д. Джона" лицо не состояло в числе деятелей *русской столовки*, а было только ее весьма частым посетителем. (Дни. 1926. 20 нояб. № 1164)

Вся эта лексика, в обилии представленная на страницах эмигрантской печати (демократической, монархической, беспартийной; известное исключение составляют анархические или национал-патриотические издания с ярко выраженной политизированной, пропагандистской, агитационной позицией), свидетельствует об устойчивом сохранении в речевом узусе эмиграции прежних понятий и соответствующих им слов.

1.7. Стилизация как прием ввода на страницы публицистики диалектных элементов языка тех социальных групп, слоев, которые оказались за границей вместе с отступающими белыми армиями (солдаты из крестьян) или в качестве прислуги с бежавшими из России хозяевами, – редкий феномен в нашем корпусе. Преимущественное использование стилизованных форм отмечается в нарративе, куда вкрапливается простонародная речь для придания повест-

¹ О начале благотворительной деятельности в послереволюционной эмиграции см., в частности: [Ипполитов 2000].

вованию речевого колорита, присущего солдатскому узусу предреволюционной эпохи. Этот тип стилизации назовем лингворетроспективным:

Снова настала ночь. Под ее покровом к штабу из леса вышел стрелок. Еле на ногах стоит. "Так как же *ефто* возможно, ваше превосходительство, что пять *дён* не даете *пышшы*? Да разве ж есть возможность так терпеть? Ротный рассказывает, что *ён* держать позицию не будет, если вы жрать не дадите!" (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173)

Прибывают пополнения. [...] ... среди прибывших есть молодой солдат .., [он] просит немедленно пустить его в "разведку". Его зовут к ротному. Да, молодой солдат Петухов, неграмотный крестьянин, хочет сразу же заслужить "*Егория*". [...] Петухов с темнотой ушел, запасшись для чего-то крепкой веревкой. [...] На солнечном восходе Петухов "представил" командиру роты связанного веревкой германского солдата. Узнав, что его ждет за этот подвиг благодарность командира полка, но еще не "*Егорий*", он снова ушел "в разведку" [...] В полдень был представлен "*ерманский унтерцер*". Но Петухову говорят, что за это вероятно ему выйдет "*егорьевская медаль*", а не сам "*Егорий*". Поел, и опять "в разведку". (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173)

Второй тип стилизации, встречающийся в эмигрантской прессе, – это попытка адаптации народным языком наименований денотатов, активизированных новой, советской, действительностью и ставших частотными лексемами в дискурсе. Ср. цитату из очерка Н. Рахманова "Милитаризация мысли" (фельетон о внедрении милитаристских штампов, милитаристского сознания), где пародируются, осмеиваются новые формы организации труда при помощи просторечно-диалектных языковых форм:

Сашка Граммофон осмотрел помещения и нашел их вполне соответствующими новому назначению. На бывшем укупорочном отделении он приказал сделать надпись: – Фабрика науки. На сортировочном: – Лаборатория [sic] *хвиласофии*. На уборочном: – Заготовка музыки, *арихметики* и *протчаго*. [Н. Рахманов. Милитаризация мысли] (Воля России. 18 сент. 1920. № 6)

Третий тип стилизации основан на использовании графических средств для передачи интонационно-прагматических особенностей устной речи. В нашем материале содержится только один пример подобного рода – растяжка гласного как показатель экспрессивно-выделительной функции слова в потоке речи, на письме это передается редупликацией гласной буквы:

Антисемитизм. Этот вопрос подобен *хооорошему* [sic] старому мозолю [sic]... (Б.Солоневич) (Сигнал. 1938. 15 сент. № 39)

Таким образом, стилизация как художественно-прагматический прием отражения народно-разговорной (просторечной, диалектной) стихии нечасто используется в эмигрантской прессе; немногочисленные случаи, зафиксированные в нашем корпусе, показывают ее применение в трех основных функциях: а) лингворетроспективной (передача особенностей солдатской речи во время Первой мировой войны; в таких примерах явно просвечивают носталь-

гические нотки); б) лингвопародийной (адаптация новых реалий советского жизнеустройства в диалектно-просторечной среде); в) графико-прагматической (передача при помощи графики устно-речевого акцентного выделения, экспрессивной интонации).

2.0. Лексика рекламы

В рекламных текстах сохраняется не только лексика, бывшая в речевом до-революционном обиходе и сохранившаяся в эмигрантском узусе, но также в них активно проникают и лексические и семантические элементы иностранных языков, особенно те, которые называют какие-либо актуальные или частотные для повседневной жизни иноязычные понятия. Некоторые из них имеют адекватные русские эквиваленты, но часто последние замещаются иноязычными (подробнее об этом в главе «Иноязычные элементы в эмигрантской прессе»):

*Детектив*¹ Bonstedt. *Дискретные*² расследования, наблюдения, справки, адреса. [реклама] (Пуль. 1930. 1 янв. № 2766)

Детективное бюро (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35)

Раут Карабаго-Зангезурского армянского землячества. Вход по именным приглашениям. *Консомация*³ бесплатная. (Возрождение. 1937. 3 апр. № 4072)

Рижское Ремесленное Общество 25 января и 1 февраля 1930 – грандиозные *фатинги*. [реклама] (Сегодня. 1930. 1 янв. № 1)

Значительная группа лексических заимствований в рекламных текстах отражает новые реалии, которые были незнакомы или малознакомы русским до их отъезда из России:

Раджа-иога; хатха-иога; жнани-иога [sic] [реклама книги] (Возрождение. 1932. 2 янв. № 2405)

Техника прикладн.[ого] искусства – раскраска материй, *пешуар, батик, пентюр люминез*, выжигание. [объявление] (Возрождение. 1927. 6 нояб. № 887)

Стройная фигура достигается и сохраняется *эластичными поясами* ”Руссель”. [реклама] (Возрождение. 1932. 3 янв. № 2406)

... *кабинетные, наровые* минеральные ванны. [реклама] (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35)

¹ Русский семантический эквивалент иноязычного термина (ср. нем. Detektiv, англ. detective, франц. détective ”сыщик; частный детектив; агент сыскной полиции”) – *частный сыщик*.

² Ср. франц. discrete, нем. diskret ”секретный, тайный”.

³ Франц. consommation ”угощение; напитки (обычно спиртные)”.

*Шведский массаж*¹ и электрическое лечение, очень полезное от .. нервности и общего ослабления. [реклама] (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35)

1 день записи желающих принять участие в конкурсе на звание "*королевы лета*". [реклама] (Руль. 1930. 20 июня. № 2906)

*Марафон*² бриджа [подпись под фотографией] (Возрождение. 1932. 3 янв. № 2406)

Ресторан. *Танц-бар "3 Muskietiere"*. [реклама] (Руль. 1930. 4 янв. № 2768)

Рекламные объявления, помещаемые на страницах эмигрантской прессы (демократической, монархической, но не анархической, посвященной исключительно политическим вопросам), – одна из тех языковых зон (наряду с устной речью), в которые иноязычные лексемы проникают быстрее всего. В письменной фиксации иноязычное заимствование получало своеобразную языковую "инициацию", тем самым подкрепляя оправданность и обоснованность, с точки зрения индивида, использования лексического варваризма или калькированного значения в своей речевой практике и быстро стирая в языковом сознании ощущение "иноязычности" слова или значения.

3.0. Лексические советизмы и функции их использования

3.1. Лексические советизмы, число которых в советском дискурсе измерялось, судя на нашим материалам, по крайней мере двумя сотнями, попадали в эмигрантскую прессу и использовались с двоякой целью: 1. номинативной (именование новых, советских понятий); 2. характеризующей (интерпретация слов и понятий, обусловленная – в подавляющем большинстве случаев – неприятием советского строя, его идеологии, политики, экономики, социальных институтов). Вторая функция несомненно преобладала в эмигрантских газетах. Эмигрантские газеты используют следующие возможности прагматической негации советизмов:

- закавычивание, призванное показать индивидуально-личное или групповое неприятие денотата, иронические коннотации, связанные с ним и т.д. (см. подробнее об этом в главе "*Графические особенности эмигрантской прессы*"; см. также о роли кавычек в современной прессе [Супжато 1996]). Приведем здесь несколько примеров из нашего корпуса:

¹ Шведский массаж – тип массажа, созданный шведским доктором Пер Хенриком Лингом в 18 в. и основанный на растираниях, разминаниях и поглаживаниях мышечных частей тела в направлении кровотока.

² В советских словарях переносное значение слова *марафон* отмечается впервые только в МАС-2; в английском языке переносное значение "событие или деятельность, занимающая значительный промежуток времени" известно с 1915 г.

В Туркестане все еще продолжается восстание "басмачей"¹, среди которых множество Русских. Недавно басмачи взяли налетом крепость Кушку, повесив коменданта товарища Карпова и ряд других коммунистов. (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

... известный актер Пров Михайлович Садовский .. изгнан из Малого театра и лишен звания "народного артиста республики". Пострадал он за то, что как-то в антракте нарисовал карикатуру [sic] о "социалистическом соревновании"². (Сегодня. 1930. 11 янв. № 11)

Анархисты были разбиты и подверглись преследованиям, карам и расстрелам в наилучшем "советском" стиле. (Меч. 1937. 16 мая. № 18)

Около "Дворца" небольшая группа коммунистов и служащих. С лихорадочной поспешностью из помещения выносят канцелярские книги, бумаги, мебель, телефонные аппараты и проч. – все это беспорядочно укладывается на реквизированные подводы. К 9 час. утра "товарищи" бежали. (Сегодня. 1930. 3 янв. № 3)

В официозе "Московских Известиях" и в других газетах публикуются специальные телеграммы об "Октябринах"³ из разных мест. Это обряд, заменяющий в настоящее время "крестины". Собираются в "Рабочем доме" или другом общественном месте, приносят туда новорожденных младенцев, дают им имя "Клары", в память Клары Цеткиной [sic], или "Карла", в память Карла Маркса, дают и русские имена. Подносят новорожденным по облигации одного из займов и устраивают торжество. (Огни. 1924. 21 янв. № 3)

- употребление дискурсивных слов, отражающих возможность иной интерпретации и прагматической оценки понятия, высказывания (*так называемый, якобы*):

Отдельные лица, как-то: инженеры, техники, врачи и *так наз.*[ываемые] стахановцы – получают более высокие оплаты и оклады, но за это у них высасывают все соки. Они не имеют свободного времени, кроме сна, здоровье их разрушается. Многие из них получают неизлечимые болезни, и многие умирают, надорвавшись на работе. (Меч. 1937. 6 июня. № 21)

На требовательных мастеров и техников рабочие, наиболее развращенные призраком своей *якобы* диктатуры, доносят в заводскую комячейку; комищайки бегут в чеку и неизбежное совершается. (Дни. 1925. 3 февр. № 681)

Желая смягчить недовольство японского командования на "буферную власть"⁴, коммунистическая партия стала вторить в унисон японским сообщениям о

¹ *Басмач* (из узбекского) – ориентализм, заимствованный во время гражданской войны в значении "член контрреволюционных формирований, банд" [Obermann 1969: 222; Comrie et al. 1996: 228 (со ссылкой на Н.М. Шанского)].

² Обратим внимание на управление; современное нормативное *карикатура на* + кого-, что-л. Использование предлога *о* – отражение послереволюционной разговорной стихии, когда началась активизация этого предлога [Comrie et al. 1996: 149].

³ В источнике – с заглавной буквы.

⁴ Управление *недовольство на* (кого-, что-л.) было довольно редким уже в языке 19 в. Ср.: "На секунду он почувствовал, что разделяет чувство Агафьи Михайловны, *недовольство на то*, что варят малину без воды, и вообще на чуждое щербатое влияние". (Л. Толстой. Анна Каренина). Кажется, это довольно поздняя синтаксическая калька; ср. в немецком: *an*

якобы ”зверствах, произведенных в Николаевске партизанами.” (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Провокатор Стерлигов, подсланный якобы ”белыми” к младороссам, пытался в точности выполнить инструкцию ”красных”: он объявил себя ”неомладороссом” и пытался привлечь к себе членов Союза Младороссов. (Младоросская искра. 1932. 12 июля. № 20)

- наличие лексических дескрипторов, выполняющих отсылочную функцию к советскому дискурсивному полю (*по-большевицки, по-подсоветски, по-московски*)¹:

”Амнистия” *по-большевицки* [название заметки]

Закавказское правительство .. постановило ”амнистировать” всех беженцев, покинувших отечество в сентябре и октябре 1924 года при условии, что они дадут в дипломатических представительствах СССР подписку о полном раскаянии с указанием лиц, втянувших их в восстание, и дадут обязательство впредь быть лояльными [sic]. (Дни. 1925. 30 янв. № 678)

[Инженеры, техники, врачи и так наз.[ываемые] стахановцы] должны как бы совсем продаться, и думать, и говорить *по-большевицки*, все время носить личину. Они идут на это ради заработка, а не потому, что разделяют коммунистические взгляды. (Меч. 1937. 6 июня. № 21)

Итак – слово ”политика” я буду понимать *по-подсоветски*. (Сигнал. 1938. 1 сент. № 38)

25 сент.[ября] 1924 г. Татреспублика отпраздновала четырехсотлетие своего существования. Не буду говорить о том, как было оно торжественно отпраздновано. Было все по-писаному, *по-московски*: и десяти тысячные демонстрации, и бесчисленное множество речей, комиссары и комсомольцы, и телеграммы из Москвы с выражением готовности защищать до последней капли крови интересы умирающего с голода пролетариата Германии, Франции, Англии и т.д. (Дни. 1925. 30 янв. № 678)

Эмигрантское движение младороссов с середины 30-х годов стало активно использовать большевистскую, коммунистическую терминологию, пытаясь построить младоросскую идеологию с использованием лексических советиз-

---

etwas Anstoß nehmen ”быть недовольным (чем-л.); раздражаться (из-за чего-л.)”, an etwas aussetzen haben ”быть недовольным чем-л.” или французском: *savoir mauvais gré à qn* ”быть недовольным кем-л.”. Рефлексы такого управления изредка встречаются в русском материковом языке и сейчас. Ср. у современного писателя: ”Живы, живы, – ответил брюзгливо Бессонов с *недовольством на самого себя*, взял палочку, поднялся и, не дожидаясь Веснина, решительно захромал навстречу подбегавшему Божичко”. (Бондарев. Горячий снег). Возможно, управление *недовольство на* в эмигрантской газете можно рассматривать и как сохранение старой модели, и как вторичное влияние европейского синтаксиса. По крайней мере, очевидно, что конструкция стилистически нейтральна, не маркирована.

¹ Дескрипторы *по-советски, по-марксистки, по-большевицки* как языковые (лингвопрагматические) показатели, используемые в эмигрантском дискурсе для отторжения языковых и понятийных новаций, появившихся в советском дискурсе, упоминаются также в: [Грановская 1995: 46].

мов, но внедрив в них новое семантическое (политико-идеологическое) содержание:

Казим-бек доказывает, что выражаться *по-большевицки* и мыслить *по-большевицки* совсем не одно и то же. (Младоросская искра. 1933. 15 нояб. № 34)

Если *младоросская терминология* кажется странной в эмиграции, *там, внутри России, иного языка и не поймут*, а ведь все мы, и активисты, среди нас сидящие, по-обывательски, сиднем, только и делаем, что мечтаем вернуться в Россию, жить для России, работать во имя ее освобождения. (Младоросская искра. 1933. 15 нояб. № 34)

... всегда ли *великодержавна* политика Сталина? Факты доказывают как будто обратное. Подверженная внешним влияниям политика Кремля вообще лишена устойчивости и колеблется то в сторону национальных потребностей, то в сторону антибольшевицкой доктрины. Во-первых, *великодержавность* великодержавности рознь.. (Младоросская искра. 1933. 25 февр. № 36)

Однако для абсолютного большинства эмигрантов было характерно отождествление советизма с выражаемым им понятием, фонетической оболочки и идеи (референта), попытки же младороссов разрушить эту связь между денотатом и значением не встречали понимания в эмигрантской гуще. Напротив, за поддержку некоторых советских понятий и слов, попытку привнесения их (пусть даже в измененном, трансформированном виде) в эмигрантский узус младороссы заслужили характерный ярлык *второсоветчики, вторая советская партия*:

О силе красной армии предоставляем распинаться *2-й советской партии* (младороссам). (Сигнал. 1939. 1 апр. № 52)

Таким образом, функции советизмов в эмигрантском дискурсе нельзя сводить только к использованию их как характеризующих (стилистических или прагматически неодобрительных, иронических, презрительных и т.д.) маркеров советского дискурса, их употребление в разных типах эмигрантских изданий значительно более дифференцированное и может варьироваться как для выражения полного и абсолютного неприятия самих "советских" денотатов (и выражающих их обозначений), так и в стремлении "очистить" понятия от советских семантических наслоений и интерпретаций, вводя в них новое семантическое и прагматическое содержание.

- контекстное окружение советизмов, которое эксплицирует негативнооценочное отношение к выражаемым ими денотатам. Эмигранты внимательно следили за всеми происходящими в СССР изменениями в экономической, идеологической, социальной политике. Отражение их на страницах эмигрантской прессы неизбежно сопровождалось проникновением лексических советизмов в эмигрантский дискурс, которые хотя и оставались на его периферии, однако были в принципе известны эмигрантам, но не всегда, очевидно, понятны. Очень часто советизмы вводились в эмигрантский текст при помощи развернутых описаний, раскрывающих сущность

самого денотата и стоящих за понятием пресуппозиций. В эмигрантских газетах обильно представлена лексика советской пенитенциарной и репрессивной системы:

Лагеря организованы для содержания и распределения арестованных по районам для планомерного их использования на *принудительных работах*. [...] В *лагеря* попадают все граждане не только явные, но и подозреваемые ГПУ, как политические, так и экономические враги народа и классовые враги. (Голос России. 1932. июль. № 12)

Каждый *лагерь* [ОГПУ. – А.З.] имеет *командировки*, т.е. кроме работ в месте расположения лагеря, командирует заключенных на работы вне *лагеря*. Особые пункты заключения *командировок* не имеют, заключенные работают только в месте расположения пункта. (Голос России. 1931. 2 авг. № 1)

Несмотря на очевидность лжи и инсинуаций, Меккель приговаривается ”ческой” к 5 годам *концентрационного лагеря*.. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Автор на самом себе испытал и высылку в места отдаленные, и каторжный труд на лесных заготовках, и тюремное сидение под ”гостеприимным кровом” ГПУ, и прелести пребывания в *концентрационном лагере*, откуда ему, наконец, удалось бежать. (Рус. голос. 1939. 1-14 янв. № 406)

Советизм *зарплата* как обозначение денежной суммы, полученной личным трудом (*заработная плата*), вместо старого наименования *жалованье* (от глагола *жаловать*), быстро вошел в русский советский язык, хотя и старый термин все-таки продолжал использоваться в узусе и даже попадал на страницы советских газет:

[Антонов-Саратовский:] А каково было ваше материальное положение перед арестом, сколько вы получали *жалования*? [Рамзин:] Я получал очень большое *жалование*. (Изв. 1930. 1 дек.)

[Крыленко:] Сколько вы *зарабатывали* в последние месяцы? [Ларичев:] Я получал 500 рублей, а в самые последние месяцы перед арестом 600 рублей *жалования* в Госплане. Кроме того, я около 100 рублей в месяц в среднем зарабатывал литературной работой. (Изв. 1930. 1 дек.)

Ср. также использование в советской газете слов *жалованье*, *ставка* и *зарплата* в пределах одной статьи:

В мае текущего года пом.[ощник] управпромыслами Погиби т. Иванов нанял в Александровске рулевыми на кунгасах рабочих Баталко, Бабича и Усатина. Так как рулевые на промыслах получают содержание по колдоговору пищевиков (150 р.), а эта *ставка* рабочих не удовлетворяла, было договорено, что рабочие *зарплату* будут получать по договору водников (около 230 р.). На этих условиях рабочие проработали на промыслах положенный срок (два месяца). На месте работы им *жалованье* деньгами не было выдано, расчетной книжки тоже. Часть *жалованья* они выбрали продуктами. (Сов. Сахалин. 1930. 22 авг.)

Искоренение термина *жалование* в советском дискурсе было связано, конечно, с прагматическим ”шлейфом” слова, в котором ”прочитывались” (актуа-

лизированные социополитической ситуацией) унижительные для человека социалистического общества вассальные отношения. В СУ слово снабжается пометой *устар.*[елое] с таким комментарием "(выходит из употр.[ебления], заменяясь словами: заработная плата)". В лексиконе эмигрантов *жалованье* (*жалование*) – обычное именование полученной за работу суммы денег, термин *зарплата* встречается в эмигрантской прессе как советизм¹:

Решения, принятые Коминтерном, поселили панику между здешними гражданами СССР. Они боятся, что новая политика Коминтерна оставит их беззащитными. Раньше они были здесь чинами главного штаба мировой революции; теперь они становятся обычными рядовыми, о содержании которых никто не потрудится и которые не будут больше пользоваться щедрым *жалованием* Восточно-Китайской дороги. (Голос России. 1932. сент.-окт. № 13-14)

Во время забастовок [в Эстонии. – А.З.] коммунисты получали утроенное [sic] *жалованье*. (Воля России. 1920. 19 сент. № 7)

... многочисленные категории населения, лишённые карточек, принуждены покупать хлеб в государственных лавках .. или на вольном рынке, где спекуляция взвинтила цены до 7 или 8 рублей за килограмм. При этом месячное *жалованье* не превышает 100 рублей, а дефляционная политика правительства стремится снижать сдельную *зарплату*. (Младоросская искра. 1933. 15 авг. № 32)

Очень много писали эмигрантские издания о процессах, происходящих внутри коммунистической партии, соответственно вводя советизмы, актуальные для того времени. Широко использовались существительное *чистка*, глаголы *вычистить* (из партии), субстантиват *вычищенный* "исключенный из какой-л. организации"²:

... жестокой *чистке* подвергся аппарат и великорусских центров. Особенно пострадали здесь те группы коммунистов, которые были связаны с той или иной областью идеологической работы. (Меч. 1937. 4 апр. № 13)

В Средне-Азиатском [sic] военном округе во всех частях и управлениях красной армии производится *чистка* полковых и отрядных комячеек и обследование политсостава отдельных воинских частей. [...] В Ташкенте и Самарканде из *вычищенных* арестовано 27 человек. (Голос России. 1931. 1 сент. № 2)

Очень подробно рассказывал докладчик о положении высшей школы – *чистках* профессуры и студенчества, ее советизации. (Дни. 1925. 4 февр. № 682)

В Екатеринославе губернская контрольная комиссия лишила партийных карточек за неисполнение партийной дисциплины, за уклон и за образование в парткомах фракционных группировок 108 лиц, 90% которых падает на рабочих, 22% *вычищенных* дан годичный срок для исправления. (Дни. 1925. 27 янв. № 675)

¹ Ср. также любопытное высказывание эмигрантки первой волны: "Мы не употребляли таких слов, как *пластмасса*, *квартиплата*, *зарплата* (только – *жалование*)" [Земская 1998: 42].

² Ср. в СУ: *Вычистить*. 2. кого-что. Уволить со службы или исключить из какой-н. организации по чистке (нов.).

Из управления ГПУ Бурято-Монгольской республики *вычищены* за контрреволюционное направление 48 ответственных работников ГПУ. Из *вычищенных* арестованы член коллегии ГПУ Бумядов, заведующий общим следственным производством Елин и 5 ответственных работников из провинциальных ГПУ. (Голос России. 1931. 1 сент. № 2)

Термины советской социально-классовой, общественной стратификации также были хорошо знакомы эмигрантам. Активно использовалась лексика, обозначающие те социальные группы в СССР, которые особенно ущемлялись по экономическим, политическим, религиозным причинам:

Компартия, разбив крестьян на три класса: *кулаков*, *середняков* и *бедняков*, уничтожила *кулаков*, сослав их в лагерь. Принявшись очень рьяно за *коллективизацию* деревни, так как в коммуны вошло небольшое количество крестьян, власти *коллективизировали* [ее] насильно.. (Голос России. 1932. июль. № 12)

В Большевизии .. священник не имеет права на существование, он лишен хлебных карточек, он "*лишенец*". (Голос России. 1931. 2 авг. № 1)

Весь север Приморья обращен в лесозаготовительные командировки с шестью лагерями Особого Назначения [sic]. Работает более 25 000 человек *лишенцев* и *принудиловцев*. (Голос России. 1931. 2 авг. № 1)

Коммуна открыта осенью 29 г., а начала работать с весны 30 г. [...] Сельсоветы ведут *лишенцами* и *единоличниками*, не вошедшими в коммуны. [...] Уклад жизни должен быть там чисто коммунальный. Общая столовая, ясли для детей и т.д. (Голос России. 1931. 1 окт. № 3)

На [остров] Аскольд начали ссылать в 28 г. Теперь там живет около 4 000; уголовников очень немного. Главным образом *лишенцы*, *принудиловцы* и политические. (Голос России. 1931. 1 окт. № 3)

Комсомольские закрытые школы-общежития. Могут поступать все, кроме детей *лишенцев* и *кулаков*, начиная с 18 лет. [...] Основным мотивом преподавания служит: "ты должен забыть отца и мать". (Голос России. 1932. июль. № 12)

В последнее время советская власть предприняла жесточайшую кампанию против евреев-ремесленников. Все, кто в прежнее время занимался торговлей, исключается из артелей и причисляется к *лишенцам*, оставляемым без средств и без хлеба. (Руль. 1930. 4 янв. № 2768)

Новые формы советского социалистического общежития, морали получают, как правило, негативную интерпретацию, выражающуюся во взаимном соотношении негативно оцениваемого референта и лексического наполнения контекста.

Знаем мы, что такое ЗАГС, слышали об узаконении *абортов*, о насаждении разврата, о "*пионерах*"-доносчиках на собственных родителей. Все это сделано той же революцией. (Сигнал. 1938. 15 сент. № 39)

Дружба, товарищество между¹ молодежью отсутствует. *Авторитет семьи, старших по возрасту* – отсутствует. По газетам, *дети отказываются* (вынужденно) *от родителей*. (Голос России. 1932. июль. № 12)

Так, понятие «общественная работа» как один из важнейших инструментов воспитания нового человека коллективистского типа в эмигрантской трактовке предстает как оупление сознания:

Как общее правило, каждый советский гражданин, а тем более комсомолец, так завален *”общественной” работой*, что для себя совершенно не остается времени, что и рассчитано на парализование мышления.. (Голос России. 1932. июль. № 12)

Прилагательное *общественный*, ставшее чрезвычайно популярным в советском дискурсе как прагматический знак новых социальных связей, основанных на идее уничтожения эксплуатации и владения всем имуществом страны как всем обществом, так и каждым по отдельности трудящимся, приносящим общественную пользу [Селищев 1928: 173; Comrie et al. 1996: 73], получало практически во всех эмигрантских газетах (кроме анархических) негативную прагматическую оценку. Причина этого ясна и коренится не в языковой природе актуализированного термина *общественный*, а в экстралингвистических факторах (неприятие нового строя), которые и мотивировали вхождение данного прилагательного в семантико-прагматические и ассоциативные сцепления с прилагательными *уравнительный, нивелирующий, всеобщий*.

24 января в Петербурге, на Выборгской Стороне, большевицкие жандармы (конная милиция) давили безработных, шедших в центр города с требованием открыть для голодающих рабочих *общественные столовые*. (Дни. 1925. 31 янв. № 679)

Попрятались православные, боясь в этот вечер показаться на улицу. Как мыши забились в комнатухах *общественных квартир*. (Рус. голос. 1939. 9 апр. № 418)

Напротив, анархические издания продолжали использовать слова *общественный, общественность* как знаковые, символические обозначения грядущего строя, в их прагматиконе эти понятия имели, соответственно, позитивные коннотации, входя в ассоциативно-смысловой ряд *свободный, не основанный на принуждении и эксплуатации, равноправный*:

Хаос, разложение, гибель – таково будущее. И лишь отдельные единицы – цельные, здоровые духом и свободно ищущие – могут быть носителями спасения. Лишь они – спасительные ладьи, ведущие жизнь и душу человечества к гавани *грядущей общественности*. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

¹ Этот предлог прокомментирован в главе ”Грамматические процессы в языке эмигрантской прессы”.

... махновщина, прежде всего, есть широкое революционное движение рабочих и крестьян, борющихся за свою социальную независимость и за право *общественного* экономического самоуправления. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Негативную интерпретацию получали многие другие референты социально-политической сферы жизни в СССР:

В 1932 году, на вершине своей "победы", председатель Союза безбожников Ярославский объявил, что в союзе пять миллионов действенных безбожников. Тогда же он назначил "пятилетку безбожия": к 1937 году в стране должно быть семнадцать миллионов действенных безбожников, целиком обезбожена молодежь и целиком обезбожена школа. (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

... получают колхозники два-три килограмма зерна за свой печальный *трудодень*, часто порченого и вонючего. (Рус. голос. 1939. 26 марта. № 416)

Одна из характерных особенностей эмигрантской прессы – проникновение на ее страницы тех лексем, которые в советском официальном дискурсе были табуизированы по политическим причинам, денотатам было дано новое, отвечающее советской идеологии наименование и новая политическая подоплека. Так, еще до революции глагол *стучать*, помимо общелитературного значения "издавать стук", сначала в тюремном жаргоне сузил употребление и ситуативное использование до пропозиции "перестукиваться через стенку камеры", а затем (на основе метонимического переноса) приобрел новое, модифицированное значение "доносить". Ясно, однако, что в дореволюционном узусе глагол *стучать* в суженном значении имел маргинальный, ограниченный жаргоном статус. Лексема попала в дореволюционный большевистский подпольно-партийный жаргон, будучи заимствованным из смежного, тюремного, жаргона. В пределах жаргона глагол *стучать* (и производные) служил семантическим эквивалентом нейтрально-литературного *доносить*. В советское время индоктринируемая морально-поведенческая модель, которую в терминах и рамках официального дискурса можно представить в виде описательной формулы "выявлять противников советской власти (resp. инакомыслящих, врагов народа), сообщая о них государственным органам" (ср. неизвестный, инициированный советской идеологией того времени миф о Павлике Морозове), в живом, некодифицированном, языке называлась просто и без идеологической вуали – жаргонной номинацией *стучать* (с гнездом производных). Семантический принцип наименования – функциональный перенос: трансфер старого (дореволюционного жаргонного) обозначения на новую референциальную ситуацию. В советском дискурсе обозначение *стучать* (с гнездом) применительно к советскому контексту официально было запрещено, но в эмигрантском дискурсе оно свободно использовалось на страницах газет, передавая подлинный, нетабуизированный и идеологически

не замаскированный морально-этический смысл данной референциальной ситуации¹:

Страшно развиты шпионство и слежка друг за другом. Это явление буквально гнетет сибирскую деревню. Мужика или бабу вызывают в комячейку и заставляют следить за определенными лицами – в Амурской области это называется – ”стучать”. ”Стучание” обыкновенно продолжается два месяца. Кто ”стучит” плохо – наказывается, кто удовлетворяет начальство – получает какую-нибудь льготу по налогу и проч. Иногда ”стукачей” посылают за китайскую границу, чтобы ”стучать” среди эмигрантов. (Возрождение. 1927. 5 окт. № 855)

3.2. Слова и значения, семантически переориентированные для номинации зарубежных и советских реалий. В эмигрантской прессе активным является механизм семантического и лексического трансфера старых значений и лексем для выражения и обозначения (номинации, характеристики) новых для эмигрантов реалий. Разумеется, ”включение” такого лексико-семантического механизма обуславливалось экстралингвистическими причинами: пребывание в иноязычной среде, стремление назвать привычными номинативными средствами реалии, денотативно сходные с прежними российскими. Особенно это касается каких-либо официальных понятий и референтов, напр.: *городской голова*, *товарищ*, ”помощник, заместитель”, *городская дума*.

На этом митинге говорили Парсонс, Шпис и Фильден. На митинге присутствовал тогдашний *городской голова* г. Чикаго. (Анархич. вестник. 1923. № 5-6)

На автомобиле нью-йоркского *городского головы* Ла Гвардиа устроено особое приспособление с автоматическим револьвером, позволяющее ему или шоферу [sic] простым нажатием кнопки обстреливать вход в машину. (Возрождение. 1935. 14 марта. № 3571)

Чрезвычайное заседание *городской думы* [Риги. – А.З.] [подзаголовок статьи] (Сегодня. 1930. 4 янв. № 4)

Пражский *городской голова* получил телеграмму от американских чехов, что они намерены поставить памятник Вильсону в Праге. (Огни. 1924. 11 февр. № 6)

Примечательно, что наименование руководителя городской администрации используется эмигрантами для номинации не только европейских мэров (в частности, применение термина в рижском контексте не вызывало бы удивления, так как в Риге проживал значительный процент русских), но и городах далеких США (ср. замену англицизма *mayor* ”мэр” привычным русским обозначением). Традиционный русский термин в эмигрантском узусе сосущест-

¹ Первая лексикографическая фиксация существительного *стукач* в советское время в: [Ожегов 1972], глагола *стучать* – только в: [Ожегов 1989]. В словаре Росси приведено обширное гнездо с данным корнем, не попадавшим в советские лексикографические справочники, но использовавшимся в разговорном узусе: *стук*, *стукач*, *стукачка*, *стукачиха*, *стукаческий*, *стукачество*, *стукнуть*, *стучать*, *стучевило* [Росси 1987: 396-399]. См. также: [ТСЯС 1998: 592-593].

вовал практически на равных с иноязычным заимствованием *мэр*. Однако у эмигрантов уже могли возникать трудности, связанные с корректностью употребления грамматической формы. Они обусловлены грамматической аномалией в структуре составного термина: существительное *голова* (женского рода) должно сочетаться с прилагательным в мужском роде (*городской*), т.е. на основе полового (гендерного) признака, но не грамматического родового; согласование (с прилагательными, глаголами) данного двухкомпонентного термина также должно быть по мужскому роду. Приведенные выше примеры эту грамматическую закономерность соблюдают, однако в цитате ниже компоненты составного термина сочетаются друг с другом чисто грамматически, по опорному существительному – *городская голова*. Это можно квалифицировать как несомненную ошибку, но вместе с тем данный пример – свидетельство синтаксической коррозии словосочетаний в эмигрантском узусе, построенных на аномалии, и – в связи с этим – модификация по закону аналогического морфологического выравнивания:

Затем тов.[ариц] *городской головы* [Риги.] Садовский оглашает мнение *городской управы* по делу Карлсона и просит думу утвердить образ действий *городской управы*, а в частности *городского головы*. (Сегодня. 1930. 4 янв. № 4)

В некоторых случаях эмигранты затруднялись найти соответствующую номинацию и поэтому использовали старые слова; так, вместо вышедшего из употребления в советское время слова *пансионер*¹ и пришедшего на его смену слов *отдыхающий*, *курортник*², эмигранты сохраняют первое:

В Звенигороде Московской губ.[ернии] ("Русская Швейцария") в доме отдыха празднуется знаменательный день – *пансионеры* отмечают торжеством новую жалобную книгу. (Возрождение. 1932. 1 янв. № 2404)

Этот семантический механизм мог служить также целям характеристики тех или иных реалий, создавая иронически окрашенную двуплановость наименования. Пожалуй, переходным случаем между этими двумя сторонами (номинативной и характеризующей) являются, напр., лексема *купцы*, которое может интерпретироваться и в чисто номинативном значении "торговцы" (1), и в смещенном с негативными характеризующими коннотациями "торговая и деловая верхушка, заботящаяся только о прибыли" (2) и лексема *жандарм* "полицейский чин"³ (1) и в переносном смысле "реакционер, охранитель"(2):

(1) Мы, конечно, стараемся и культурных варягов выписывать для консультации и руководства, мы и машины и материалы хорошего качества покупаем, но беда-то в том, что за границей платить не нашим малокровным рублем, а долларом. [...] Получается, что *купцы* в капиталистических странах одновременно бьют и по нас. (Голос России. 1931. 1 окт. № 3)

¹ В СУ с пометой *устар.*[елое].

² В СУ с пометой *нов.*[ое] *разг.*[оворное].

³ В СУ с пометой *дореволюц.*[ионное] и *загр.*[аничное].

(2) Просвещенные *купцы* и дипломаты убедительно просят в Москве у Сталина и Молотова их автографов под пактом о гарантиях.. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

Каннибалы в Москве торгуют добром их жертв [убитой царской семьи – А.З.], и с ними торгуют просвещенные высококультурные гуманные *купцы*. Чекисты заливают Россию человеческой кровью, а чрезвычайные послы в золотом шитье и в страусовых перьях спокойно, важно шествуют по крови творцов великой империи. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

(1) Села и деревни наводнены массой тайных и явных агентов власти, среди которых преобладают старые царские охранники. Бывшие городовые, *жандармы*, а также разные темные личности заседают в так называемых комнезамах. (Анархич. вестник. 1924. № 7)

(2) Три года прошло с того момента, как Николаевск-на-Амуре – в ожесточенной борьбе с *японскими жандармами* – погиб в огне, превратился в груды пепла и развалин... (Анархич. вестник. 1923. № 1)

... забастовки в пролетарском государстве даже на частном предприятии считаются недопустимыми, т.к. наносят ущерб развитию производительных сил. Так в красной деспотии под охраной *коммунистической жандармерии* частный и государственный капитал разъедает тело и душу рабочих. (Анархич. вестник. 1924. № 7)

... по Питеру и Москве прокатилась волна забастовок. [...] Начались массовые аресты и обыски, заработала *красная жандармерия* во всю [sic], вылавливая все "крамольное" и "неблагонадежное". (Анархич. вестник. 1924. № 7)

Трансференция старых обозначений на новые реалии особенно заметно проявлялась при ироническом именовании денотатов нового, советского строя: *кремлевские самозванцы*, *наместник* (о Хрущеве), *партийный генерал-губернатор*, *плантатор*, *самодержавие* (Сталина):

[В России] не прекращается повстанчество против Комиссарской власти. Оно то затихает, то снова вспыхивает в разных концах России, доказывая, что Русский народ упорно не признает за свою и законную – власть *Кремлевских самозванцев*. (Рус. правда. 1925. сент.-окт.)

Из Москвы сообщают, что на прошлой неделе в Киеве было совершено покушение на Сталинского [sic] любимца, *наместника* на Украине Хрущева. (Рус. голос. 1939. 12 марта. № 414)

... у деревни отняты всякие стимулы для работы на полях "*плантатора*" – советской власти. (Меч. 1937. 11 апр. № 14)

12-го ноября высший представитель партийной власти в крае – секретарь краевого комитета партии Шеколдаев на совещании партийного актива в Ростове произнес речь, в которой им дана общая характеристика положения в крае. Партийный "*генерал-губернатор*" начал с чрезвычайно ценных для нас признаний. (Голос России. 1933. янв.-февр.-март. № 17-18-19)

Большевики, практически, давно уже перешли от "рабочих Советов" к кровавому *самодержавию* Сталина. (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

Такой перенос прежних наименований, имеющих в своей структуре негативно-характеризуемые семы или коннотации, в эмигрантской публицистике являлся одним из излюбленных приемов прагматического "занижения" советских референтов и "вписывания" денотатов в исторический контекст. При помощи данных семантических механизмов эмигранты пытались развеять утверждения (раздающиеся как в советском, так и в эмигрантском лагере) об абсолютной новизне социально-политических, экономических денотатов, их коренного отличия от прежних, царских, дореволюционных или зарубежных.

Кроме того, этот семантико-прагматический механизм использовался и в случае употребления слов в несвойственных им значениях; как правило, такие публицистические окказионализмы были прагматически мотивированы советской реальностью. Так, слово *безработный* использовалось в русском языке обычно для именованья рабочих, крестьян, прислуги, вообще людей физического труда, потерявших работу; слово *гастролировать* ассоциативно-семантически связано с деятельностью артистов. Однако социальные трансформации, перетряхнувшие в советское время прежние общественные группы и слои, привели, в частности, к появлению большого числа священников, которые потеряли свои приходы, а также монахов/монахинь, вынужденных уйти из закрываемых монастырей. Это референтная ситуация послужила мотивирующей базой для семантического переноса: *священнослужитель* ~ *безработный*; *переезжать с места на место* (о священниках) ~ *гастролировать*.

В Загорске много "безработных" монахов и священников, которые *гастролируют* по району. *Гастролеров* обычно приглашают в престольные и другие большие праздники. (Голос России. 1931. 2 авг. № 1)

В пределах данного класса можно выделить немногочисленную группу лексики, имеющую такие значения, которые были неизвестны советскому дискурсу; суть такой семантической новации заключалась в том, что в пределах одной фонетической оболочки сформировались семантико-денотативные различия, обусловленные несовпадающей мотивировкой. Назовем такие слова **дискурсивными омонимами**, подразумевая под этим понятием сосуществование в рамках семантической структуры обозначения денотатов, относимых к разным дискурсивным практикам. Это могут быть реалии, которые появились в советской действительности и номинации которых имели в эмигрантском дискурсе одно, а эмигрантском узусе другое, отличное значение. Напр.: дериват *советчик* "тот, кто дает совет" (исконное значение) в эмигрантском узусе дал новое, переносное значение "представитель советского строя, режима; сторонник советской идеологии" (от новой мотивировки слова *совет* "власть рабочих и крестьян"), лексема *очаг* "устройство для разведения огня; перен. место, откуда что-л. распространяется" приобрело в эмигрантском (преимущественно военном, политико-воспитательном) лексиконе значение "место сбора единомышленников; организационная ячейка, единица":

... в Болгарии распоряжением правительства закрыта газета "Голос России". [...] Русская национальная газета закрыта под чьим-то давлением. Под чьим? Конечно, под давлением *советчиков* в первую голову. (Сигнал. 1938. 1 сент. № 38.)

Теперь о наших горестях. ...Как вы знаете, директор нашей гимназии чех, и к тому же из "советофилов", да еще активных, поддерживающих постоянную связь с полпредом Александровским. [...] Нашим детям запрещают читать национальные русские газеты. Стараются из наших детей сделать "*советчиков*". (Меч. 1937. 21 марта. № 11)

... *советчики* ведут усиленное политическое воспитание красноармейца.. (Голос России. 1933. янв.-февр.-март. № 17-18-19)

Союз Младороссов извещает о кончине сочлена младоросского 22-го Гренобльского *очага* С.М. [Союза Младороссов. – А.З.] Е.Н. Конькова.. (Младоросская искра. 1933. 15 нояб. № 34.)

... для желающих разговляться в *очаге* союза [русских сестер милосердия] будет устроено в пасхальную ночь разговленье. (Возрождение. 1935. 14 марта. № 3571)

Его Императорскому Величеству Государю Императору благоугодно было пожаловать шефство Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого Князя Владимира Кирилловича 15-му, 28-му, 35-му и 36-му Парижским *очагам* Союза Младороссов. (Младоросская искра. 1933. 5 янв. № 26)

Это могут быть также реалии, появившиеся в инокультурном пространстве и получившие в эмигрантском речевом обиходе наименования, совпадающие с советскими лексико-семантическими неологизмами: *ударник* "передовой работник социалистического производства, перевыполняющий нормы, активно овладевающий техникой и показывающий образцы производственной дисциплины (нов.)" [СУ Т. 4: 891-892] (1) и "член ударной (боевой) фашистской группы" (2); *субботник* "добровольное и бесплатное коллективное выполнение в сверхурочное время общественно-полезного трудового задания, происходившее первонач.[ально] по субботам (нов.)" [СУ Т. 4: 576] (1) и "субботный концерт, спектакль, представление" (2).

(1) В Луганске неизвестными террористами убито 15 *ударников*. (Голос России. 1931. 1 сент. № 2)

... замечается некоторая дифференциация и среди рабочих: выше ценят *ударника*, чем неударника.. (Голос России. 1931. 1 окт. № 3)

(2) Ни Муссолини, ни Чиано на свадьбе не было и нигде не было видно фашистских форм – все итальянцы были либо в военной форме, либо во фраках. Один только принц Гессе, "чрезвычайный посол Хитлера" [sic], явился в форме нац.[ионал]-соц.[иалистических] *ударников* со свастикой на рукаве. (Возрождение. 1939. 7 июля. № 4191)

(1) Принудительный труд [в Советской России] оказался нецелесообразным. Нормальный размер денной работы для специалиста-грузчика 160-200 кубов. Обычно же в среднем в Нижнем Новгороде рабочий выполняет только 60 пу-

дов. На *субботниках* 29-31 пуд. Трудармеец – 20 пудов. (Воля России. 1920. 16 сент. № 4)

(2) В субботу, 7-го февраля, очередной цыганский *субботник*. [реклама] (Дни. 1925. 7 февр. № 685)

В субботу 4-го января очередной *субботник* "Манолеску"¹. При уч.[астии] известн.[ых] артистов. [реклама] (Руль. 1930. 2 янв. № 2767)

Такие газетно-публицистические неологизмы эмигрантского дискурса не были характерны для русского языка 20-30 годов.

4.0. Специфика употребления этикетных знаков

Этикетная система, претерпевшая значительные изменения после революции 1917 г. в сфере публичных обращений, внедрение новых этикетных знаков в советской России не могли пройти мимо внимания эмигрантов, внимательно следивших за инновациями в этой области. До революций 1917 г. (буржуазно-демократической и социалистической) в русском лингвокультурном пространстве не удалось создать нейтральных обозначений для наименования человека как члена общества, независимо от его имущественного положения. Смена общественного строя в 1917 г. вызвала изменение в структуре и типах обращений в русском языке – так, *господин (госпожа)* были признаны "эксплуататорскими", оскорбляющими достоинство человека, и поэтому активно вытеснялись на периферию языковой системы, сохранившись только в узкой и специализированной сфере дипломатии; слово *сударь (сударыня)* также не было использовано в качестве обращения (мешали "отголоски" этимологического значения "государь"). В отличие от дореволюционной системы обращений, основанной на социально-имущественном неравенстве, иерархичности, большевикам нужно было искать новые критерии. Они были найдены – это или партийно-групповое обращение (*товарищ*)², или публицистический термин *гражданин* (с прагматической отсылкой к французскому понятию времен Великой Французской революции 1789 г., введенное специальным декретом Конвента, – *citoyen* "гражданин"/*citoyenne* "гражданка").

Пожалуй, наиболее пронзительную и эмоционально-напряженную характеристику слова и его прагматики в ряду актуальных для того драматического времени понятий (*гражданин, подданный*), причем в крайне сжатый период

¹ Возможно, имеется в виду один из членов театральной труппы известного румынского актера и режиссера Т. Буландра, совместно с женой Л. Стурдза-Буландра организовавших "Компанию Буландра, И. Манолеску, В. Максимилиана, Г. Сторина" (куда входили актеры А. Бузеску, Н. Бэлэцэяну, Г. Калборяну и др.).

² Подробнее о функционировании его в революционную эпоху см.: [Баранников 1919: 79-80; Селищев 1928, Мазон 1920: 46; Лехикойнен 1990: 199; Comrie et al. 1996; Ryazanova-Clarke & Wade 1999; Зеленин 2003с].

(с Февральской буржуазной революции до Октябрьской социалистической), дал Н.В. Устрялов: "После революции слово *товарищ* вошло, как известно, у нас в государственный, общественный и даже частный обиход. [...] Прекрасно помню, какое глубокое, волнующее впечатление производили 28 февраля первые переходившие на сторону народа военные, обращавшиеся к толпе с непривычным в их устах словом «*товарищи*». [...] Абсолютизм уступал место народоправству, республике. *Подданные* превращались в *граждан*. [...] ... оstanовиться на понятии «*гражданин*» наши демократы не могли. Пусть этим понятием упивалась французская революция и доселе упиваются французы – мы дадим миру новую категорию. И дали «*товарища*». [...] *подданным* быть неизмеримо легче, нежели *гражданином*. На *подданном* меньше ответственности, к нему предъявляется меньше требований. За *подданного* решает дела государства монарх, данный ему извне. *Гражданин* – сам страж права и государства. [...] "Революционная демократия" наша решила "углубить" русскую революцию. И углубила «*гражданина*» до «*товарища*». Что это значит? «*Товарищ*» – категория не правовая, а чисто моральная. Она знаменует собою высшую, внутреннюю связь человека с человеком. [...] Мы не удовлетворились свободой и равенством. Мы захотели братства. Нам показалось мало хорошего государства. Мы захотели совершенного человеческого союза, "всемирного мира". Мы отказались от звания «*граждан*», чтобы стать «*товарищами*». [...] И когда теперь вспоминаешь о тех первых, светлых днях революции, становится нестерпимо грустно. Тогда, действительно, была любовь. Было общенародное единение. И потому слово «*товарищ*» было так естественно, уместно, так радовало слух и душу. А теперь, когда слышишь то же самое слово, неизменно и непременно представляется что-то грубое, безобразное, тупое и отвратительное. Что-то вроде тех распоясанных солдат, лускателей [sic] семечек, что заполняют столичные бульвары. И самое слово звучит как-то фальшиво, и словно чувствуется в нем мефистофелевская ирония..." (Н.В. Устрялов. "Товарищ" и "гражданин" // Народоправство. 1917. № 12. С. 16-17).

Слово *товарищ* впервые было закреплено как общесоветское обращение (выйдя за рамки партийного и военного словоупотребления) в конституции 1936 г. (так называемой "сталинской"). Широкое использование слов *гражданин* (*гражданка*) после революций 1917 г. призвано было подчеркнуть общественное равноправие всех жителей в новой, сначала в буржуазно-демократической, а затем в социалистической стране, освободившейся от монархии. Слово *гражданин* в демократической и социалистической прессе имело мощную коннотацию "житель свободной, демократической страны" (в оппозиции несвободному человеку в монархическом государстве). Кроме того, французские исторические ассоциации были сильны – это апелляция к *гражданской совести* человека и *ответственности* его перед *революционным законом*. Слова *гражданин* (*гражданка*) широко употреблялись сначала как противовес прежним, царским обращениям, но уже в 30-е годы они все более и более сосредоточивались в официально-деловом стиле, судопроизводственной и административно-уголовной сфере.

Из данных трех обращений (*господин, товарищ, гражданин*) в нашем корпусе наиболее частотным является *господин*, что объясняется явно преобладающим в зарубежье удельным весом (про)монархических и демократических изданий, чем, например, "левых" (анархических и прокоммунистических). В монархической и армейской среде оно использовалось как нейтральный этикетный знак:

... г.[осподин] Станкевич огласил текст телеграммы – выражая чувства преданности и неизмеримой благодарности Его Королевскому Величеству Королю Петру II и Всему Королевскому Дому.. (Рус. голос. 1939. 2 апр. № 417)

Г.г. [господ. – А.3.] генералов, офицеров, юнкеров, вольноопределяющихся, солдат и казаков .. поздравляю с наступающим Праздником Светлого Христова Воскресения. (Рус. голос. 1939. 9 апр. № 418)

Кроме того, область дипломатии являлась традиционной для функционирования данного слова:

Министр иностранных дел г.[осподин] Скшинский принял вчера германского посланника в Варшаве г.[осподина] Раушера.. (За свободу. 1925. 1 янв. № 1(1405))

Очень часто характеризующе-оценочный компонент этикетного знака *господин* все же доминирует над нейтрально-номинативным. Окраска обычно пейоративная – она основана на субъективно-личном или групповом отношении к тому или иному лицу, группе лиц. Особенно ярко негативная прагматика проступает, если слово *господин* (*господа*) синтагматически сочетается с именами существительными, входящими в референциальное поле политических, идеологических противников:

Вы, Г.[осподин] Солоневич, сожгли за собой все корабли. (Русский голос. 1939. 19 февр. № 411)

Берегитесь же, *господа* Комиссары! (Русская правда. 1925. сент-окт.)

... вы, *господа* творцы революции, действовали со злым умыслом. (Призыв. 1920. 13 (29.02) марта. № 62)

Господа освободители! Не смейте отнекиваться и ссылаться на то, что акты произвола и насилия грубой толпы иногда бывают неотвратимы. (Призыв. 1920. 4 дек. № 135)

Господа меднолобые "борцы за освобождение России"! Бросьте ваши негодующие возгласы по адресу большевиков, не будьте лицемерами.. (Призыв. 1920. 4 дек. № 135)

Недурно изволят над собой шутить гг. [господа. – А.3.] аппаратчики! (Дни. 1925. 11 февр. № 688)

... наши красные *господа* заставляют угрозами народ топтать ноги на разных манифестациях.. (Голос России. 1932. июль. № 12)

Делегаты 1-го Конгресса Красного Профинтерна .. сочли .. за лучшее служить московским *господам*.. (Анархич. вестник. 1924. № 7)

В этикетной системе у эмигрантов не было стройности и строгости; ср. сосуществование русских и иностранных титулов и этикетных знаков в пределах одного предложения:

Союз Русских Студентов (эмигрантов) .. выражает свою глубокую благодарность княгине В.О. Мещерской..., а также гг. артистам, способствовавшим успеху вечера, г. Е.М.Глинской, *т-те* Диск.. (За свободу. 1925. 1 янв. № 1(1405))

В Париже вышел французский роман "Последняя ночь" *госпожи* Норманн. (Сегодня. 1930. 14 янв. № 14)

В последней цитате русское слово *госпожа* – это попытка передачи русским лексическими средствами стилистически и прагматически нейтрального французского *madame*.

Эмигранты не могли не заметить и активного искоренения и вытеснения слова *господин* в некоторых, еще сохраняющих старые традиции сферах советского речевого этикета:

Никак, например, не могут отучить коммунисты учителей и профессоров обращаться к слушателям со словом "*господа*". И стоит вопрос: гнать из-за этого слова преподавателей или нет. Гнать, пожалуй, ни с чем останешься, так вьелось это слово, семь лет не могут отучить. Применить новый метод: продрнуть в стенгазете. (Дни. 1925. 30 янв. № 678)

Итак, этикетное слово *господин* (*господа*) в эмигрантской публицистике употребляется довольно активно в следующих лингвопрагматических ситуациях: во-первых, у части русской эмиграции оно используется как традиционный, дореволюционный этикетный знак; во-вторых, оно может взаимодействовать с иноязычными этикетными моделями; в-третьих, в леводемократических, анархических, а также прокоммунистических изданиях оно часто выступает как негативно-оценочный языковой маркер по отношению к политическим оппонентам.

В отличие от *господина* (*госпожи*), слово *гражданин* используется реже, причем у него отмечаются интересные особенности. Большая часть примеров свидетельствует о прагматически ориентированном его использовании как языкового элемента, характеризующего новую, советскую социально-политическую действительность:

В лагеря попадают все *граждане* не только явные, но и подозреваемые ГПУ, как политические, так и экономические враги народа и классовые враги. (Голос России. 1932. июль. № 12)

... каждый советский *гражданин* .. завален "общественной" работой. (Голос России. 1932. июль. № 12)

8 марта к *гражданке* Альманк на Бабыгоровском рынке в Москве подошли двое неизвестных и предложили ей купить 70 долларов. (Возрождение. 1935. 14 марта. № 3571)

Не менее интересным является смысловое противопоставление референтов «член ↔ не-член коммунистической партии», которое находится в одном семантико-прагматическом русле с уже упоминавшейся лингвопрагматической контрастивностью понятий «товарищ» и «гражданин» в первые дни советской власти. Обе пары (*товарищ – гражданин, гражданин – член РСДРП/ВКП(б)*) являлись попыткой отграничить понятия, семантически развести их, актуализировать присущее каждому в отдельности референтное содержание.

... [ужесточение советского режима.] ощущается в России страшным усилением слежки и всякого рода шпионажа за *гражданами и внутри партии*. (За свободу. 1925. 1 янв. № 1(1405))

Другое характерное явление в эмигрантском дискурсе – это стремление возродить, восстановить начальный смысл понятия «гражданин» в противовес интерпретации его в советском дискурсе. На помощь в этом случае приходят французский и английский языки, в которых это понятие было развито и реализовано наиболее полно. В демократической прессе актуализируется и становится особенно значимым такой прагматически маркированный компонент смысловой структуры понятия, как «полноправный член демократического общества, обладающий всеми правами и свободами»:

Нужно .. русское – пребывающее в цепях рабства – общественное мнение уравнять в правах с любым иностранным властным голосом *свободных граждан!* [sic; с восклицательным знаком], *а не рабов*. (Дни. 1925. 13 февр. № 690)

Понятие «гражданин» очень часто реализовывалось в контексте с упоминанием советской жизни и выступало как смысловой и прагматический оппози́т двухкомпонентному обозначению *советский гражданин*, где конкретизатор (адъектив) имел типичную для многих эмигрантских изданий коннотацию «рабский, несвободный, лишенный прав».

Слово *товарищ* в нашем корпусе встречается довольно часто, но имеет ярко выраженную прагматическую дифференциацию в зависимости от типа издания. Анархисты именовали в своих газетах единомышленников словом *товарищ*, что свидетельствует о сохранении в их языке сильной классово-политической прагматической коннотированности данного слова, прежде свойственной всему революционному, вообще «левому» движению:

Весной 1919 г. *т. Аршинов* был председателем культурно-просветительского отдела армии повстанцев-махновцев.. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Товарищ И. Карташев впервые вошел в [махновское] движение в ноябре 1920 г. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Однако по свежим следам революции эмигранты еще хорошо помнили импульсный языковой всплеск употребления слова *товарищ*¹, когда в общем языке (а не только партийно-групповом жаргоне дореволюционных "левых" течений) произошла его активизация, социально мотивированная, по их мнению, февральской революцией 1917 г. и действиями Временного правительства А.Ф. Керенского:

... люди, одетые в мундиры бывших доблестных русских воинов, но волей, стараниями "освободителей" [министров правительства Керенского – А.З.] превращенные в "сознательных *товарищей*", "спасающих революцию", придумали новый способ развлечения: .. они стали .. мочиться на лицо [Штюрмера]. (Призыв. 1919. 4 дек. № 135)

В большинстве эмигрантских изданий (монархического, демократического толка, военно-патриотических газетах) слово *товарищи* оказывается кореферентной номинацией большевиков (семантический механизм – метонимия) с однозначно негативной коннотацией²:

В одном из жестоких боев .. поручик Иван Тимофеев .. попал в плен. Там его "*товарищи*" сразу не "ликвидировали", а .. отправили на хутор к комиссару. (Рус. голос. 1939. 5 марта. № 413)

Борющиеся [казаки] не сомневаются в обреченности Советской власти: "Голоштанники коммунисты с голоду подохнут". [...] "сперва хлеб себе, потом свинье, что останется – *товарищам*. (Голос России. 1933. янв.-февр.-март)

Впрочем, новая советская этикетная система проникала и в эмигрантский обиход, и в некоторых контекстах (дипломатия, техника) слово *товарищ* используется как этикетно-маркирующий знак (своего рода "визитная карточка") представителя советского строя, советской экономики, дипломатии на Западе:

Уже несколько дней пребывает в Берлине именитый советский гость – *тов. Жуков*, председатель объединенных электротехнических концернов СССР. (Руль. 1930. 25 марта. № 2836)

В долг, как ни распинаятся *товарищ* Красин, .. не дают ни гроша. (Рус. правда. 1925. сент.-окт.)

Товарищ О. Каменева .. выслана заранее в Париж .. на случай назначения ее на пост полпреда. (Дни. 1926. 16 нояб. № 1160)

Итак, анархисты продолжают употребление данного термина в узком партийном значении "соратник по борьбе; партийный единомышленник"; газеты других политических ориентаций используют его либо как "слово-эхо"

¹ Интересные свидетельства лингвопрагматического поведения слова *товарищ* в революционное время, помимо указанных выше работ, приводит также С.И. Карцевский [Карцевский 2000: 232-233, 242].

² См. об этом слове и его прагматике также в: [Грановская 2005: 249-252].

(революционного времени), либо как знак, метку большевика (обычно комиссара, представителя партии, советской промышленности). Подавляющее большинство эмигрантов продолжали считать *товарищ* партийно-большевистским обращением, не выводя его за эти пределы и не рассматривая его как универсальный языковой знак советского этикета.

5.0. Лексико-семантическая группа со значением союзов, объединений эмигрантов

Эмигрантами активно разрабатывалась лексическая сфера, отражающая те или иные формы организационного, территориального, национального, возрастного и др. объединения людей. Выше мы уже отмечали устойчивое сохранение в некоторых эмигрантских кругах (напр., в казачестве) терминов прежнего территориального устройства (*станция, хутор, станичники*) или военных подразделений (*терцы, донцы, кубанцы*). Национально-территориальный принцип (объединения людей служил мощным фактором сплочения выходцев из какой-либо местности еще и в дореволюционное время, такие сообщества были широко распространены, например, в двух столицах – Москве и Петербурге (Петрограде)¹. Оказавшись за рубежом, эмигранты сохранили такой тип объединения. В русском языке в 20-30-е годы в лексико-семантической группе, обозначающей выходцев из одной местности (*земляк, землячка, землячество*) произошло (инициированное идеологическими мотивами) оттеснение одного из членов этого ряда, а именно – термина *землячество*² на периферию с сохранением в узусе разговорно окрашенных *земляк, землячка* ”уроженец/уроженка одной местности с кем-л.”. Эмигранты употребляли собирательный термин *землячество* очень широко, не ограничивая его рамками студенческих организаций и распространив вообще на всех земляков, независимо от профессиональных, возрастных и прочих ограничений, т.е.

¹ О национальных землячествах в Москве в 1920-е годы см. [Коровайников 1997].

² В СУ дается такое толкование: ”(Истор.) Организация, объединявшая студентов-земляков с целью материальной и культурной взаимопомощи”. [СУ 1: 1095]. Негативное отношение к землячествам было особенно характерным для советского официального дискурса в 1950-е годы в общей парадигме по очищению партийных рядов и соблюдению морально-партийной чистоты в КПСС. Ср. в выступлении Хрущева: ”Нужно признать, что во многих партийных, советских и хозяйственных организациях большим злом является порочный подход к подбору кадров, когда этот подбор осуществляется не по деловым и политическим соображениям, а по признакам приятельских отношений, личной преданности, *землячества* и родства. Там, где собирается семейка своих людей – приятелей, родственников или *земляков*, – неизбежно создается тихая заводь, стремление взаимно укрывать недостатки, возникает круговая порука”. (Комс. правда. 1952. 15 окт.).

использовали в тех контекстах и ситуациях, которые отмечаются современными словарями русского языка¹:

Раут Карабаго-Зангезурского армянского *землячества*. [...] Программа исключительно из Кавказской жизни и, главным образом, из быта Карабага и Зангезура [sic] – пение, танцы, музыка, будут выступать *земляки* и *землячки*. [объявление] (Возрождение. 1937. 3 апр. № 4072)

Ср. также в воспоминаниях И.А. Бунина²:

Я родился в Воронеже, прожил в нем целых три года, а кроме того провел однажды целую ночь, но Воронеж мне совсем неизвестен, ибо в ту ночь, что провел я в нем, я его не мог видеть: приглашен был воронежским студенческим *землячеством* читать на благотворительном вечере в пользу этого *землячества*, приехал в темные зимние сумерки, в метель, на вокзале был встречен с шампанским, немало угощался и на вечере и перед рассветом был снова отвезен на вокзал к московскому поезду уже совсем хмельной. (Воспоминания. Книгоиздательство Возрождение – La Renaissance 73, Avenue des Champs Elysées, Париж, 1950)

Чрезвычайно употребительной в эмигрантском узусе была лексика молодежно-патриотических объединений. Оказавшись на чужбине после революции 1917 г. и гражданской войны, эмигранты пытались наладить старую систему обучения и воспитания или создать новую. Изменившиеся социальные условия, изгнанничество требовали поисков новых форм работы с детьми и молодежью. Несмотря на многие трудности (экономические, социальные, педагогические), эмигранты создали разветвленную и достаточно стройную преемственную систему образовательно-воспитательных заведений. Нацеленность эмигрантов на скорейшее возвращение на Родину определяла характер и тип образования в зарубежных школах – преимущественно гуманитарный: древние языки, русская литература, история, русский язык, география. "Основная цель системы образования в эмиграции состояла в сохранении русского самосознания, поэтому естественные науки и математика, интернациональные по содержанию, преподавались в соответствии с учебными программами, принятыми в стране проживания" [Раев 1994: 67]. Эмигранты придавали большое значение не только организации обучения детей, но и просветительской работе с ними, поскольку считали, что далеко не только и не столько полученными знаниями формируется личность молодого человека, которому предстоит вернуться в родную страну – как полагало большинство эмигрантов – в ближайшие годы. Для воспитания религиозного, военно-патриотического чувства, монархических идей в среде молодежи существовали разные просветительские союзы и объединения. Одни из них были восстановлены из дореволюционного прошлого (например, *скауты*, *соколы*), другие

¹ Ср. толкование в БТС: "1. Принадлежность по рождению, жительству к одной местности (области, селению и т.п.). 2. Объединение уроженцев одной местности или страны, живущих за ее пределами, для взаимной помощи" [БТС 1998: 363].

² Приводится в современной орфографии.

появились уже в эмигрантском "круге жизни" (*витязи, разведчики, мушкетёры*). В качестве подтверждения можно привести цитату из эмигрантской газеты, в которой упомянуты многие молодёжные объединения:

В Зарубежье русская школа не занимает первого места в воспитании молодежи. Зато всевозможные воспитательные организации: *соколы, скауты* несколько организаций, *разведчики, витязи* НОВ, *витязи* РСХД, ИМКА, *добровольцы, мушкетеры* и т.д. – все они играют большую роль в "русификации" нашей молодежи. Все эти организации ставят себе задачу воспитать молодежь физически, духовно и национально. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

Пожалуй, именно движение скаутизма¹ как уже знакомая форма работы с молодёжью было восстановлено эмигрантами быстрее всего: в 1920 г. в Константинополе О.И. Пантюхов возродил скаутские отряды – в них насчитывалось до 300 мальчиков и девочек. В 1922 г. на международной конференции в Лондоне русская скаутская организация была признана официально и включена во Всемирную Организацию Скаутского Движения (World Organization of the Scout Movement), а О.И. Пантюхов стал руководителем русских скаутских организаций. М. Раев приводит любопытное свидетельство, во многом объясняющее активность скаутского движения (и соответственно – скаутской терминологии) в эмигрантском узусе: "Это движение не пользовалось заметной популярностью в дореволюционной России, однако получило распространение в эмиграции. Движение бойскаутов, как полагали, развивало в детях именно те качества, которых так не хватало России в годы великих испытаний войной и революцией" [Раев 1994: 73]. Использование словообразовательного ряда (*скаут, скаутизм, скаутский*) в эмигрантской прессе весьма активно:

30-летие *Русского Скаутизма* [название заметки]. Весной этого года исполнилось тридцать лет с тех пор, как по высочайшему Соизволению Государя Императора Николая II О.И. Пантюховым в Царском Селе был основан *скаутский* отряд, в котором состоял покойный Наследник Цесаревич Алексей и недавно скончавшийся князь Георгий Константинович. (Возрождение. 1939. 7 июля. № 4191)

¹ В 1909 г. в России по инициативе О.И. Пантюхова появились первые организации скаутов – сразу вслед за созданием их в Англии: основателем в 1908 г. выступил полковник Р. Баден-Поулл (Baden-Powell). Цель скаутских организаций (англ. scout "разведчик") – воспитание молодых людей в возрасте 7 – 21 года путем игры при познании и изучении ремесел, природы. В этих организациях принимали участие как мальчики (бойскауты; англ. boy-scout), так и девочки (герлскауты; англ. girl-scout). В 1914 г. в России было основано общество "Русский скаут". После 1917 г. все скаутские группы были запрещены. Впрочем, сначала были попытки приспособления скаутского движения под новую, советскую действительность (подробнее см.: [Слезин 1998]). Интересно, что в СУ в толковании термина *бой-скаут* полностью устранены какие-либо упоминания о существовании данной организации в дореволюционной России; приводится только такое определение: "член особой детской буржуазной организации военно-политического характера в капиталистических странах" [СУ Т. 1: 166].

... борьба, определившаяся в русском скаутизме с самого его зарождения как борьба за национализацию, таковы, в сущности, первые общественные усилия, из которых основатели младоросского движения вынесли свой первоначальный политический опыт. (Младоросская искра. 1933. 15 авг. № 32)

Пуристические тенденции, свойственные ряду эмигрантских изданий, коснулись и наименования *скаут* – оно было переведено (впрочем, попытки этого были еще до революции 1917 г.) и зазвучало вполне по-русски – *разведчик*:

Союз дворян устроил в воскресенье в зале Иена собрание, посвященное Императорской России. [...] Почетную службу несли юные *разведчики*, юные добровольцы и витязи. (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

Воспитание скаутов и разведчиков (не только физическое, но и идеологическое и военное) следовало идеям, разрабатываемым РОВС (Русским Общевоинским Союзом), каковыми являлись: пробуждение национального русского самосознания у высшего военного состава Красной Армии и тактика "среднего террора" (взрывы помещений партийных организаций в СССР) [Шинкарук & Ершов 2000]. Военизированный характер скаутского движения потребовал сокращения наименования на военный манер: так появилось сокращение *НОРР* (Национальная Организация Русских Разведчиков).

Однако более популярным объединением молодёжи были *соколы* (*соколá*). Система телесного и духовно-нравственного воспитания была разработана чешским педагогом и врачом М. Тыршем еще в 1862 г. в общем русле подъема национального чешского самосознания в борьбе с австро-венгерскими захватчиками – так называемая *сокольская гимнастика*. Ее целью являлась красота и разнообразие упражнений, в отличие от педантичной систематичности и многократной повторяемости ряда физических движений, пропагандируемой немецкими руководствами и направленной на подготовку будущего солдата армий Австро-Венгерской империи. В начале 20 века сокольская гимнастика была заимствована в Россию – вместе с ней пришло и большое количество спортивной терминологии: *перешмыг*, *меты* "быстрые движения ногами", *отбочка*, *уножка*, *перескок*, *надхват* и др. В 1917 г. с чешского Н.В. Манохиным была переведена книга "Курс сокольской гимнастики". Пополнение русского лексикона спортивными терминами, заимствованными из чешского языка, чаще всего объясняют "полным отсутствием гимнастической терминологии в русском языке" в конце 19-начале 20 века [Лексика 1981: 224], однако нельзя не учитывать и экстралингвистические мотивы такого заимствования: антинемецкие настроения в России во время Первой мировой войны и популярные в России панславянские идеи, развиваемые идеологией сокольской гимнастики. После революции 1917 г. сокольское движение было запрещено; в 1921 г. в Москве был образован Красный спортивный интернационал (КСИ), открыто декларировавший свою приверженность идеям классово-борьбы, выступавший за соединение занятий спортом с политическим и идейным просвещением, пытавшийся установить интернациональные свя-

зи в первую очередь с рабочими (а не буржуазными, по классификации КСИ) спортивными организациями всех стран во имя свершения мировой социалистической революции. Реставрация сокольского движения за рубежом произошло быстро: уже 16 января 1921 г. в Праге было воссоздано общество "Русский сокол". В течение нескольких лет возникают аналогичные общества в Югославии, Франции, Болгарии, Латвии, Польше, Китае, США.

В русском языке эмиграции сокольская лексика используется часто – *сокол* (во множеств. числе вариативные окончания: нормативно-грамматическое *соколы* и разговорное *соколá*), производные *соколка*, *соколица*, *сокольский*, *сокольство*. С целью разграничения от чешского сокольского движения и других национально-региональных ответвлений очень часто данные термины сопровождалась семантическим этническим конкретизатором – прилагательным *русский*:

13-го февраля в зале "Звезда" состоялся ежегодный традиционный бал *русских соколов*. (Меч. 1937. 21 марта. № 11)

Вечер [сокольства] открыло Общество "*Русский Сокол*" в Новом Саду боярским танцем. (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173)

По случаю праздника св.[ятого] великомуч.[еника] Георгия – покровителя *русского сокольства* – общество устраивает бал.. (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

Краевой Союз *Русского Сокольства* в Югославии, живя вот уже 12 лет в тесном братском содружестве с *Соколом* Югославии, всегда принимает то или иное участие в *сокольских* торжествах и выступлениях югославянского *сокольства*. И в этом году .. это участие выразилось в выступлении на "Славянском вечере" в городском театре двух групп русских *соколов* и *соколов*: сестер Общества "*Русский Сокол*" в Новом Саду и сестер и братьев О-ва [общества] "*Русский Сокол*" в Белграде". (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 417)

Ряды *русского сокольства* в Праге росли. Из его рядов выходили братья и сестры и сеяли *сокольскую* национальную идею среди русских на чужбине.. (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173)

В программе выступления *соколов* и *соколят* – детей в гимнастике под музыку, танцах, пении, декламации и пр. (Возрождение. 1932. 1 янв. № 2404)

6-й Съезд призывает всех *Русских соколов*, всю *сокольскую* энергию направить на оздоровление, развитие и процветание наших братских *сокольских* организаций, на поднятие истинного *сокольского* духа. (Младоросская искра. 1933. 15 авг. № 32)

На днях во Вранье состоялся слет *русских соколов* и *соколиц* изо всей Югославии. (Возрождение. 1932. 2 янв. № 2405)

Причины популярности и необходимости расширения сокольского движения в системе всего воспитания у эмигрантов – "сохранить "русскость" детей, воспитывая в них самостоятельность, отвагу и энергию, необходимые для того, чтобы справиться с трудностями жизни в эмиграции" [Раев 1994: 74]. Ср.

выразительную цитату, показывающую, что спорт и национально-духовное воспитание для эмигрантов были сплетены воедино:

Несколько особо стоящее от всех русских и иностранных спортивных организаций *Русское Сокольство* отличается от них тем, что для него спорт и гимнастика, составляющие часть строго разработанной системы, не являются самоцелью, а служат высокому идеалу культуры духа. (Возрождение. 1939. 7 июля. № 4191)

Обозначение *витязь* возникло уже в годы эмиграции. Его появление связано с именем Н.Ф. Федорова, в 1934 г. основавшего в Париже независимую организацию, девизом которой были "За Русь, за веру". Поэтому выбор наименования – *витязь* – для членов этого отряда молодёжи, очевидно, не является случайным, а призван был отразить опорные точки этого движения: православие и военно-историческая слава русских воинов [Ковалевский 1971; РЯЗ 2001: 26]. Хотя отделения этой организации НОВ (Национальной Организации Витязей) существовали во многих странах Европы, основной костяк витязей располагался в Париже и французской провинции. С этим связано то, что данное обозначение встречается – в основном – в парижских эмигрантских газетах:

Национальная организация "витязей". Очередной сбор в воскресенье, 17 марта, в соборе. После литургии *витязи* и дозорные останутся на торжественном освящении стяга. (Возрождение. 1935. 14 марта. № 3571)

Характер этой организации, как и скаутов, также был преимущественно военным, чем и объяснялось обилие военных тренировок (летние военные лагеря, походы, стрельбы); кроме того, в программу входили специальные секретные задания с целью подготовки будущих боевиков-террористов.

Разновидностью скаутов и витязей были *добровольцы*, решившие посвятить свою жизнь освобождению России от коммунистов и готовившиеся сделать это военно-террористическим путем. Например, в Болгарии из разведчиков НОВ и витязей НОРР в 1937 г. была сформирована "Рота молодой смены им. генерала Кутепова" – ее членов часто именовали *добровольцами-кутеповцами*. "Добровольцы-кутеповцы должны были пересекать "минные поля" и преодолевать проволочные заграждения: делать и метать гранаты, взрывать мосты и ж.д. пути; переплывать бешеные горные ручьи; без дорог проходить по азимуту днём и ночью балканскую чащу" (Бутков В. Русская национальная молодёжь в Болгарии // Наши Вести. 1990. Санта Роза (США) – цит. по: [Назаров 1992: 240]).

Региональными, немногочисленными группами молодёжи были *гайды*, ведущими свое название от фамилии чешского организатора фашистской партии Рудольфа Гайда. Это движение открыто проповедовало фашистские идеи, ориентируясь на Национал-социалистическую партию Германии и фашистские группировки Муссолини. Довольно часто скауты (национал-монархического толка) и гайды объединялись.

Завтра, 2-го января, .. состоится елка, устраиваемая русскими скаутами и *гайда-ми*. (Сегодня. 1930. 1 янв. № 1)

Название *мушкетер* (франц. *mousquetaire*) в переносном значении ”член организации детей русских эмигрантов” было распространено в Париже и некоторых французских городах; его использование русскими эмигрантами, проживающими во Франции, обуславливалось фоновой отсылкой к популярным характерам благородных, честных и бескорыстных героев романов А. Дюма. Однако в других странах обозначение если и было известно, то одноименных молодёжных союзов *мушкетеров* практически не возникало.

В эмиграции сохранялись подразделения бывших военных по полковому или дивизионному принципу (обычно именовавшиеся в обиходе по фамилиям командиров): Корниловский полк, Алексеевский, Марковский, Дроздовский, Туркуловский и др.

Мы, ”*туркуловцы*” [сторонники и подчиненные генерала Туркула. – А.3.] .. предложили бы решимость [в работе съезда]. (Сигнал. 1938. 1 окт. № 40)

... праздник *Марковцев* [sic]. (Возрождение. 1927. 4 окт. № 854)

Очень часто при этих военных объединениях организовывали молодёжные отделы, занимавшиеся военно-патриотической работой. Так появились обозначения *юный алексеевец*, *юный туркуловец*, *юный марковец*, *юный корниловец*, *юный доброволец*, *юный дроздовец* (или разговорная усеченная форма – ”*юный дрозд*”). Военно-патриотическая и религиозная просветительская деятельность была обязательной частью практически всех эмигрантских молодёжных объединений. Даже малейшее ослабление такой деятельности эмигранты воспринимали очень болезненно. Однако процесс отхода молодёжи от идей и идеалов отцов остановить было трудно: молодые люди активно включались в жизнь страны, у них появлялись иные жизненные ценности и ориентиры. Поэтому неслучайно в эмигрантском обиходе актуализировалось понятие «денационализация» (ср. англ. *denationalization* ”потеря национальных особенностей”); в речевой практике эмигрантов понятие чаще всего значило утрату человеком национально-патриотического чувства, желания возвращения на Родину¹. Эмигранты использовали целый ряд производных; с семантической точки зрения все они показывают динамику (процессуальность) глагольного признака:

Ведь если не будет готова наша ”смена”, если наша молодёжь распылится, ”*денационализируется*”, окончательно уйдя от России в свою личную заграничную жизнь, то эмиграция как политическая сила через некоторое время перестанет существовать. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

¹ Об этом понятии и практической деятельности эмигрантов в области воспитания, просвещения, военной подготовки подрастающего поколения см. также в: [Ковалевский 1971; Раев 1994; Грановская 1995: 6; РЯЗ 2001: 26].

Непрерывная вражда и бесконечные споры из-за исканий причин и виновников происшедшей катастрофы. "Аввакумовские" политические споры... [...] Результат ясен – или дальнейшее дробление грядущих молодых сил, или же уход от интересов русской жизни, т.е. *денационализация*... (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173)

Вот потому-то я и боюсь, что борьбой против *денационализации* детей заняты, и вполне искренно заняты, люди, которые сами уже в значительной степени *денационализировались* духовно. (Дни. 1925. 6 февр. № 684)

Денационализация русских и детские сады [название заметки]

В русских кругах, как в общественных, так в особенности среди рабочего населения, резкое недовольство вызывает тот факт, что дети дошкольного возраста лишены возможности посещать русские городские детские сады, за отсутствием таковых. [...] Само собой разумеется, что подобное положение служит причиной *денационализации* русских детей. (Сегодня. 1930. 7 янв. № 7)

[Русские студенты в Лилле] учатся, что, понятно, их главное занятие. Но параллельно выполняют еще одну серьезную и хорошую работу. Нисколько не *денационализируются*, не принимая облик французского студента, – они поддерживают .. живую и дружескую связь с университетской молодежью и профессурой, всегда выступая под национальным флагом. (Младоросская искра. 1933. N 26. 5 янв. № 26)

Попытка эмигрантов старшего поколения противостоят денационализации русской молодежи привела к созданию *родиноведения* (*отечествоведения*) – учебной дисциплины, дававшей детям эмигрантов сведения о России (ее географии, истории, религии и др.):

Нет единой, четкой, антикоммунистической, национальной доктрины. Отсутствует настоящее изучение России – *родиноведение*, т.е. изучение географии России, ее богатств, ее политической и экономической истории. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

Лагери "Юного Добровольца" на Кот-д-Азюр будут расположены вблизи города Антиб для лиц обоего пола от 6 до 9 лет. [...] Занятия по русскому языку и беседы по *отечествоведению*. Гимнастика. Спорт. Экскурсии. Игры. Купание под надзором опытных пловцов. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

Впрочем, иногда преподавание родиноведения превращалось в приукрашивание, мифологизацию истории России и созданию некой идеализированной картины прошлого страны, что встречало в кругах критически мыслящей интеллигенции осуждение такой интерпретации российской истории, отсутствие объективности при изложении ее подрастающему поколению:

Не считают ли они, дореволюционные *родиноведы*, свою родину умершей в 1917 году и имеющей воскреснуть ..." по писанию"? [М.А.Осоргин] (Дни. 1925. 6 февр. № 684)

Заканчивая рассмотрение данной лексико-семантической и смысловой группы в эмигрантской прессе, можно заключить следующее: мировоззрение

эмигрантской молодёжи формировалось в разветвлённой системе разнообразных воспитательных объединений – как реставрированных (из дореволюционной России), так и созданных вновь. В подавляющем большинстве случаев все они преследовали следующие коренные цели: привитие религии, любви к Родине (России), уважения к прошлому страны, овладение практическим военным искусством и готовность с оружием в руках вернуть потерянное в революции и гражданской войне. Лексические средства, обслуживающие эти ключевые понятия эмигрантского дискурса, представляют комбинацию старых (дореволюционных) номинативных элементов с новыми, возникшими в эмигрантском культурно-просветительском пространстве.

6.0. Лексико-семантическая группа с обобщенно-собирательным значением совокупности эмигрантов

Несомненно, одной из самых важных для психоментального и культурного мира эмигрантов служит понятийная группа: *рассеяние – эмиграция – зарубежье – рассеяние эмиграции – беженство – колония*, в которой отражаются языковые и социопсихологические поиски самоидентификации многомиллионной армии беженцев, оказавшихся за границей после 1917 г. Между членами этого понятийного ряда в эмигрантском дискурсе устанавливались своеобразные семантико-градуирующие отношения, происходила смысловая дифференциация близких слов, выстраивались семантические иерархические связи. Ключевой термин ряда *эмиграция* – один из частотных в эмигрантской публицистике, он появился на страницах газет практически сразу же с первыми беженцами из Советской России. Однако исторические ассоциации понятия с Французской революцией 1789 г., с точки зрения эмигрантов, лишь внешние, поверхностные, коренящиеся в сходстве наименования, в содержательном же плане такое сопоставление едва ли уместно:

Русская "эмиграция" не имеет прецедентов во всемирной истории. Чаще всего её сравнивают с французской конца восемнадцатого века, – и, конечно, между этими двумя явлениями есть кое-какие общие черты сходства. [...] Индивидуально же между современным русским "беженцем" и французским émigré очень мало общего. [В. Набоков. Мы и Они] (Руль. 1920. 2 дек. № 14)

Слово употребляется и в свободном виде, и со своими определениями (второе намного чаще в газетных текстах), призванными уточнить столь разностороннее для эмигрантов понятие. Прилагательные в этом случае выступают в качестве семантических и прагматических конкретизаторов. Такие определения указывают политические, этнические, территориальные и прочие характеристики различных эмигрантских групп: *национально-мыслящая эмиграция* (например, в приветственном послании великого князя Андрея Владимировича младороссам), *национальная эмиграция*, *русская эмиграция*,

белая эмиграция, белая военная эмиграция, дальневосточная эмиграция, многоплеменность эмиграции:

[Статья В.М. Левитского] .. так ясно ставит вопрос задачи для *национальной эмиграции*, что комментарии излишни. (Голос России. 1933. янв.-февр.март. № 17-18-19)

У Русского народа отнят язык, и только *Русская эмиграция*, т.е. те, кто вдохновлял Русский народ на борьбу, кто руководил и вёл её, – ещё говорит о великом прошлом, о самопожертвовании Русского народа во имя Славянской идеи... (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173)

Ускорить это накапливание [недовольства в СССР], пересушить пироксилиновую шашку запыла всеобщего гнева, – вот задача всей *белой эмиграции*. (Голос России. 1931. 1 сент. № 3)

... ещё мало в *белой эмиграции* людей, которые отказались от мысли вернуться в свои родные края, от жажды скорейшего конца советской большевицкой [sic] власти. (Голос России. 1932. сент.-окт. № 13-14)

Запросы, получаемые .. со всех концов мирового рассеяния *белой военной эмиграции*, свидетельствуют, что события .. всколыхнули активную массу бывших русских антисоветских бойцов.. (Голос России. 1932. сент.-окт. № 13-14)

Дальневосточная эмиграция, несомненно, является старейшей. (Сегодня. 1930. 7 янв. № 7)

Многоплеменность России предопределила и *многоплеменность эмиграции*. (Сигнал. 1939. 1 апр.)

Иногда политическая позиция эмиграции открыто выражалась в девизе газеты; так, выходящий в Шанхае "Голос России" имел девиз «Орган *анти-советского* [sic] *эмигранта!*¹» (редактором-издателем данного печатного органа был генерал М.К. Дитерихс).

Причем уже с первых лет беженства явственно обозначилось несколько позиций в эмигрантской среде. Часть эмигрантов замкнулась на идее скорейшего возвращения на родину, следствием этого были слабая осведомлённость и заинтересованность эмигрантов в более глубоком познании быта, обычаев, языка страны, куда забросила их судьба. Такие эмигранты вызывали резко негативное отношение либерально-демократической и творческой интеллигенции:

И вновь, как прежде, *русская эмиграция*, живущая на Западе, проходит мимо Запада. Она интересуется лишь тем, что имеет косвенное отношение к России.. (Огни. 1924. 25 февр. № 5)

¹ С восклицательным знаком на конце. Несомненно, такая пунктуация выполняла лингвопрагматическую функцию: во-первых, открыто противопоставляла эмигрантов советскому (большевистскому) режиму, во-вторых, демонстрировала идеологическо-политическую позицию данного печатного органа.

Эта часть эмиграции свою историческую роль видит в скорейшем возвращении в Россию и строительстве новой страны или возрождении старой (правда, в этом пункте разные политические группировки не имели единства):

... при систематическом истреблении в СССР нашего государственно-мыслящего слоя и при исключительном худосочии культурности советского ведущего слоя в будущем возрождении России никакая новая власть *без нашей эмиграции* обойтись не сможет. (Сигнал. 1939. 1 апр.)

Попытки сохранения всех прежних, дореволюционных институций в эмигрантской жизни проявлялись не только в позитивном сохранении традиций (напр., в сфере образования, просвещения), но и в известном морально-этическом снижении, упадке (или даже деградации) некоторых понятий и социально-маркирующих знаков, обладавших ранее более высоким статусом:

В старой России никто не смог себе позволить присваивать незаконно титул, а посему престиж русских титулованных родов был всегда высок в России и за границей. Ныне в этом отношении полная вакханалия. [...] Есть такие, которые просто, никого не спросив, начинают величать себя графами, князьями или баронами, есть и другие, которые заявляют, что титулы, которыми ныне пользуются, им пожалованы... Но оказывается, что пожалованы-то эти титулы *в эмиграции*. (Возрождение. 1939. 7 июля. № 4191)

Другая часть эмигрантов пыталась как можно быстрее и безболезненнее адаптироваться в новых бытовых, социальных, экономических условиях, отказываясь от русских традиций, постепенно утрачивая живую связь с другими выходцами из России. Поэтому неслучайно очень скоро в эмигрантском узусе появились термины "национальная эмиграция", т.е. сохраняющая свою национально-этническую идентичность, и "денационализирующаяся эмиграция", т.е. утратившая желание скорейшего возвращения на Родину, утерявшая свою "русскость", приспособляющаяся или даже уже приспособившаяся к зарубежной жизни¹. Ср. резкое высказывание в одной "правой" (монархической) газете:

Эмиграция же, денационализованная, утерявшая свою российскость, нас не интересует вовсе. (Сигнал. 1939. 1 апр.)

¹ Ср. у Ф. Степуна попытки дефинирования русскости: "Русскость есть качество духовности, а не историософский, политический и идеологический монтаж. Русская идея в своей проекции на действительность заключается таким образом в том, чтобы всем нам, отбиваясь от наступающей на нас в эмиграции денационализации и от цивилизаторски-идеологического варварства большевицкого марксизма, осознавая, растить в себе и, растя, осознавать подлинную природу русской духовности и своеобразный стиль русской культуры. Основными "категориями" этой духовности в ее положительном полюсе я считаю: Лик, лицо, око, глаз, глазомер, святость, предметность, действительность, конкретность, трезвость, соборность" (Идея России и формы ее раскрытия // Октябрь. 2001. № 6; впервые: Новый град. 1933. № 8).

Небезынтересно сопоставление понятий «эмигрант» и «турист, иностранец»¹ как квазисинонимов в рамках эмигрантского дискурса. Общим, объединяющим смыслом становится сема: и тот, и другой лишь поверхностно знакомятся с реальной жизнью страны. Эта интегрирующая сема "легковёрность, поверхностность" в понятии эмигранта и туриста играет роль семантического посредника (медиатора) для создания собирательного образа аполитичного, доверчивого эмигранта, смутно или даже искажённо представляющего себе действительное положение дел на Родине, в России:

... надо быть безнадежно наивным "иностранцем" (таких среди эмиграции сейчас хоть пруд пруди), чтобы поверить назойливо подсовываемой коммунистами схеме, что борьба [в СССР] идёт за хлеб. (Голос России. 1933. янв.-февр.-март)

Анархические издания могут использовать словосочетание *белогвардейско-петлюровская эмиграция* с негативной прагматической оценочностью:

Перелом в настроениях *белогвардейско-петлюровской эмиграции*, а также внутренней буржуазии и интеллигенции.. – все эти явления и факты подтверждают всю правильность нашего анализа государственного коммунизма как контрреволюционного по своей сути и реставраторского по своей тенденции. (Анархич. вестник. 1924. № 7)

Явно на периферии узуального употребления находится использование слова *эмиграция* в процессуальном (= эмигрирование), а не собирательном значении (что более типично):

К держателям страховых полисов, которые *вследствие эмиграции из России* не могли больше платить страховых премий. [объявление]. (Дни. 1925. 1 февр. № 680).

Ср. другой пример, когда эта процессуальность признака подкрепляется синонимом *беженство* с тем же грамматическим значением процесса:

Лишь после разгона Учредительного собрания, когда большевизм сбросил маску и открыто сказалося стремление истребить всё, к чему можно было прицепить этикетку "буржуазность", *эмиграция, беженство* приняло очень широкие масштабы. (Руль. 1920. 2 дек. № 14)

¹ В дореволюционной России у слова *турист* были примерно те же негативные коннотации, что и в Англии и Франции 19 века. Так, в английской литературе слово *турист* появляется еще в 1799 году, в "Братьях" ("The Brothers") У. Вордсворта [Kaplan 1996; Турома 2004]. От П.А. Вяземского ("неизвестно кем и как, но подозревают в том Англичанина *туриста*") до Н. Гумилева в русской литературе протянулся негативный шлейф понятия «турист». У побывавшего в Константинополе в 1913 г. Н. Гумилева "туристское" поведение ассоциируется с коммерцией и поверхностно-занимательным осмотром достопримечательностей: "Я не *турист*. К чему мне после Айа-Софии гудящий базар с его шелковыми и бисерными искушениями, кокетливые пэри, даже несравненные кипарисы кладбища Сулеймания. Я еду в Африку..." [Огонек. 1987. № 14, 15]. Фокусировка в русском культурном сознании начала 20 в. негативных ассоциаций в слове *турист* (коммерческие, конsumerистские цели путешествий) и *эмигрант* (политический беглец в чужую страну) долгое время доминировала в эмигрантском лингвоментальном пространстве.

И если в первые полтора-два года главными факторами *беженства* были *политические преследования и репрессии* против врагов советской власти, то за последний год люди стали спасаться не от лично против них направленных скорпионов, а просто – от чудовищных, невозможных и невыносимых – *политических, материальных, правовых, культурных* – условий, превращающих жизнь в Совдепии в подлинный ад. [В. Набоков. Мы и Они] (Руль. 1920. 2 дек. № 14)

Видно, что в эмигрантском узусе первой волны слово *эмиграция* еще сохраняло свои живые словопроизводственные семантические связи с глаголом *эмигрировать*. В отличие от существительного *эмиграция*, глагол *эмигрировать* довольно редок в эмигрантской прессе (он используется преимущественно в социал-демократической); семантика глагола базируется на ключевой семе ”бегство по политическим мотивам”:

Вожди профессиональных союзов жестоко преследуются советским правительством. Многие из них расстреляны, многие находятся в тюрьмах и концентрационных лагерях или *эмигрировали*. (Руль. 1920. 1 дек. № 13)

Во главе коммуны стоит Гордон. Он участвовал в революции 1905-го года, сотрудничал в волжских газетах, потом *эмигрировал*, потом учился в Чикагском университете, натурализовался в Америке.. (Дни. 1925. 15 февр. № 692)

Напротив, монархическая, национально-патриотическая пресса сознательно избегает этого глагола, и для обозначения данной семантики (бегство за границу) используется другой синоним – книжный глагол *рассеяться* (или причастная форма *рассеянный*):

... наша Родина попала под иго III Интернационала, а мы *рассеялись* по всем странам мира в качестве беженцев-эмигрантов. (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173)

Всех верных долгу русских воинов, *рассеянных* по Зарубежью, сердечно поздравляю с наступающим Праздником Светлого Христова Воскресения. (Рус. голос. 1939. 9 апр. № 418)

Смысловым эквивалентом термина *эмиграция* в монархической прессе часто выступало стилистически и прагматически окрашенное слово *изгнание*:

Мы же [эмигранты] бедны, без почвы под ногами, без власти. Но борьбу продолжаем вот уже 20 лет в *изгнании*. (Рус. голос. 1939. 5 марта. № 413)

Причины использования такого эквивалента, конечно, неслучайны, ибо *изгнание* – одно из ключевых библейских понятий:

Кто же не будет исполнять закон Бога твоего и закон царя, над тем немедленно пусть производят суд, на смерть, или *на изгнание*, или на денежную пеню, или на заключение в темницу. (Перв. кн. Ездры 7: 26)

... под ударами, в темницах, в *изгнаниях*, в бдениях, в постах.. (Втор. посл. к Коринф 6: 5)

Слово употреблялось в церковно-книжном языке и калькировало греческое *diogmos* "изгнание, преследование". Апелляция к историческому прошлому активизировала и слово *ссылка* (русский эквивалент славянскому обозначению *изгнание*):

Как взяться живыми руками за голое тело Русской политической жизни отсюда, из изгнания, из ссылки? (Младоросская искра. 1933. 5 янв. № 26)

Необходимость передать семантическое значение "диаспора, расселение по разным странам" осуществляется при помощи книжного по стилистике существительного *рассеяние* (чаще) и *зарубежье* (единичные примеры в нашем корпусе; об этом деривате см. ниже):

К чести комитета надо сказать, что он много потрудился и достиг цели. На его призыв принять участие в выставке откликнулось большое число лиц из многих мест русского рассеяния во главе с великой княгиней Ольгой Александровной.. (Рус. голос. 1939. 16 апр. № 419)

Не успели прозвучать слова нашего призыва, как со всех концов .. потекли к нам посильные добротные пожертвования и глубоко трогательные приветствия нашей газете, газете нищих и обездоленных русских людей, в рассеянии *сущих*. (Рус. стяг. 1925. 26 июня. № 2)

На этом Совещании информационными докладами было установлено, что в некоторых *странах русского рассеяния*, как в Чехословакии и Юго-Славии, денационализация "захватывает не только детей, но даже и часть взрослого рабочего населения, и с каждым годом становится всё глубже и заметнее". (Дни. 1925. 6 февр. № 684)

Словообразовательный ряд *рассеять(ся)*, *рассеяние* требует дополнительных пояснений, поскольку за этими обозначениями эмигранты видели культурно-историческое содержание и перекличку времён. Термин *рассеяние* – точная калька греческого отглагольного существительного *diaspora* (от глаг. *diaspeiro* "разбрасываю вокруг, рассеиваю"). В Библии все слова данного словообразовательного ряда (*рассеяться*, *рассеяние*, *рассеянный*, *рассеять* и т.д.) играют ключевую роль. Укоренение в лексиконе эмигрантов обозначения *рассеяние*, употреблявшегося исключительно в тексте Библии, не случайно, так как прецедентная (библейская) ситуация уже была. Именно использование данного слова помогало многим эмигрантам соотнести своё пребывание за границей с аналогичным историческим событием, позволяя черпать в этом духовные силы в томительном ожидании вернуться в Отчизну и строить, воссоздавать новое общество¹.

¹ В Библии понятие «рассеяние» выступает в двух принципиально важных контекстах: 1. народ Израиля не был верен Богу и за это был рассеян, изгнан со своей территории (4 Царств 17: 7-23), терпя многочисленные страдания и несчастья. Этот термин стал обозначать совокупность всех евреев, рассеянных в языческом мире. 2. раздробление, рассеяние евреев, по божьему провидению, имело целью моральное и духовное очищение людей, которые, очистившись, создадут новую религиозную (христианскую) общность, объединяя человечество. Многие эмигранты соотносили библейские прецеденты с событиями и ис-

Попытку семантико-прагматического разграничения лексем *рассеяние* и *эмиграция* не как идеографических синонимов, а как слов с процессуальной (*рассеяние*) и субстанциальной (*эмиграция*) семантикой хорошо иллюстрирует следующий пример:

К нашему общему великому стыду и позору, [эмигрантское равнодушие] явление повсеместное, явление, присущее всему *мировому рассеянию русской эмиграции*. (Голос России. 1933. янв.-февр.-март. № 17-18-19)

Здесь *рассеяние* понимается в значении "диаспора; места проживания", а *эмиграция* – в собирательном значении "беженцы". Обозначением компактного расселения и проживания эмигрантов или беженцев (не только русских) обычно служило слово *колония*:

Русская *колония* в Берлине [название заметки] (Возрождение. 1919. 9 окт. № 83)

Хорошо известный *русской колонии* артист и автор популярных песенок Ник. Гриневский приглашает русскую публику встретить Новый год в ресторане "Гейша".. (Руль. 1930. 1 янв. № 2766)

Парижская полиция .. арестовала проживающих в Париже трех итальянских эмигрантов. [...] Все трое играли видную роль в *итальянской колонии* в Париже.. (Руль. 1930. 2 янв. № 2767)

Однако конкретное наполнение понятия «колония» и использование его применительно уже к русским находилось в постоянной смысловой модификации, трансформации, связанной с изменением статуса выехавших из России людей. Одно дело, когда это касалось русских, покинувших страну до революции, другое дело, когда речь шла о послереволюционных беженцах. Это можно хорошо проиллюстрировать на примере Финляндии. После социалистической революции 1917 г., в результате которой Финляндия получила независимость, на территории теперь уже самостоятельного государства оказалось три категории русских: русские – постоянные жители (жившие здесь уже в 19 в.), военные (гарнизон в Хельсинки был большой: весной 1918 г. он насчитывал примерно 40 тысяч человек), дачники Карельского перешейка (например, самые известные из них – художник Илья Репин, писатель Леонид Андреев). К этим категориям добавилась новая группа – беженцы; к ним со стороны финнов было самое настороженное отношение, да и "старые русские" (старожилы) не были слишком расположены в их поддержку. К 1920 г. число русских беженцев достигло 5 тысяч, а после Кронштадтского восстания (1921 г.) уже равнялось почти 12 000 человек. В октябре 1918 г. в Выборге был образован Особый комитет по делам русских в Финляндии, занимавшийся оказанием социальной помощи, консульскими услугами. В январе 1922 г. было зарегистрировано общество «Русская колония в Финляндии» – общественная организация, видевшая свою цель в создании "очага русской культуры вне роди-

---

пытаниями собственной жизни. Этим и объясняется трансплантация данного понятия из библейского контекста в эмигрантский духовно-психологический дискурс.

ны”. (Впрочем, задолго до организационного оформления упоминание о ней встречается уже в мартовских (1918 г.) номерах хельсинкской русской газеты «Голос Русской колонии». Но эти две «Русские колонии» отличались друг от друга: послереволюционная объединяла главным образом ”русских граждан финляндского подданства и постоянно проживающих в Финляндии граждан русского подданства”, вторая, эмигрантская, стала ”собирательным началом всего русского в Финляндии, своего рода национально-бытовой надстройкой над организациями и обществами, входящими в нее в качестве автономных единиц” (И. Савин). (Хямяляйнен Э. Из жизни русских в Финляндии: Артель интеллигентных тружеников // Русская мысль. 2002. 31 окт. № 4333).

Другое обозначение колонии, американизм *сетльмент* (англ. settlement ”поселение, колония”), использовалось, судя по нашему корпусу, в речевой практике русских, живущих в Китае. Европейским русским термин если и был знаком, то как варваризм:

... русские эмигранты хорошо себя зарекомендовали и на иностранном *сетльменте*, находящемся в руках англичан и американцев. (Сегодня. 1930. 7 янв. № 7)

Синонимом прилагательного *эмигрантский* в монархическо-охранительной, народно-патриотической прессе часто являлось прилагательное *зарубежный*, лишённое политических коннотаций и поэтому употреблявшееся без семантических ограничений:

... почти в любом номере ”Новой книги” и ”Бюллетеней государственных издательств” редакция ”Русской книги за границей” сможет найти отзывы о *зарубежной* русской литературе, где российский обыватель знакомится в новинками *зарубежного* книжного рынка. (Огни. 1924. 28 янв. № 4.)

Казим-Бек, бесспорно [sic], крупное явление на фоне *зарубежного* Русского самосознания. (Младоросская искра. 1933. 15 нояб. № 34)

Многие ”отцы” встревожены растущей денационализацией *зарубежной* молодежи. (Младоросская искра. 1932. 12 июля. № 20)

Субстантивный дериват *зарубежье* появляется в эмигрантской публицистике (судя по нашим материалам) уже в 30-е годы:¹

3 года мировой войны слишком медленно ликвидировали превосходительных лакеев и чиновников в генеральских погонах, распорядившихся судьбами армии и страны, этих людей, которые до сих пор порочат русское имя в *зарубежьи* [sic]. (Единый фронт новой России. 1936. 19 янв. № 19)

¹ В русском языке метрополии появление деривата *зарубежье* произошло спустя много десятилетий, только в самом конце 1980-х годов. Первые употребления существительного *зарубежье* инспирированы, несомненно, влилингвистическими причинами (распадом СССР) и связаны с потребностью обозначить как бывшие советские республики, так и капиталистические (преимущественно) страны. Первая лексикографическая фиксация терминов *Ближнее Зарубежье*, *Дальнее Зарубежье* в: [НРЛ 1992: 64].

Потребность эмигрантов осознать себя как единую, сплочённую силу рождает прилагательное *общеэмигрантский*. Часто это прилагательное использовалось в печатных органах, издаваемых и курируемых "активистами", представителями молодого поколения, проводящими активную подготовку к возвращению на родину:

Харбинский Русский Клуб отметил столетнюю годовщину первого исполнения русского национального гимна особым *общеэмигрантским* собранием.. (Младоросская искра. 1933. 10 июля. № 31)

Определения, даваемые слову *эмигрант*, в публицистике самые разнообразные: *итальянские эмигранты, русские эмигранты, антисоветские эмигранты*. Кроме того, этот термин выступает как приложение: *большевики-эмигранты, беженцы-эмигранты*. Правда, соединение в словосочетании *эмигранты и беженцы* двух терминов было призвано разграничить бежавших от советской власти по политическим мотивам (*эмигрантов*, часто приравнивавшихся к понятию «антибольшевик; политический беженец») и выехавших из России по экономическим причинам (*беженцев*)¹:

Большая часть русского населения Манчжурии может рассматриваться как её коренное оседлое население. Приток *эмигрантов* и *беженцев* из России способствовал оживлению русской культурной и общественной жизни в Манчжурии-Го, не нарушая той почвенности, которая выгодно отличала её от чисто *эмигрантского* существования русских в Европе. (Младоросская искра. 1933. 10 июля. № 31)

В приводимой ниже цитате такое понимание беженцев как экономических беглецов видно совершенно ясно, так же как и то, что термин *эмигрант* – лексическое "дитя" революции; раньше, в дореволюционный период, оно употреблялось редко или в ограниченных ситуациях (преимущественно в лексиконе политической оппозиции: социал-демократы, радикалы, революционеры разных мастей):

¹ О разграничении понятий, вызванных прагматическими мотивами, в языке первой волны эмиграции см. также в монографии [ЯРЗ 2001]: "Себя и других, давно покинувших Россию, называют *беженцами*, а новых эмигрантов – *новоприезжими*" (С. 136); "... люди, покидавшие Россию после революции 1917 г., спасали свою жизнь и жизнь своих близких. Они не эмигрировали, а уехали и, соответственно, называли себя *беженцами*. [...] Называли себя *эмигрантами*, а не *беженцами*, люди, которым был разрешен выезд из России как лицам других национальностей. В первую очередь, это касалось немцев, живших в России, но также финнов и прибалтов" (С. 137). Сходные высказывания людей, покинувших Россию после 1917 г. и показывающих их лингворефлексию о понятиях «эмигрант (эмиграция)» и «беженец (беженство)», приведены также в: [РЯЗ 2001: 8-9]. Л.М. Грановская, анализируя лексико-синонимические отношения в паре *эмигрант – беженец* с семасиологической стороны, делает следующий вывод: "происходит расподобление синонимии, поиск смысловых выражений, созданных в процессе размышления над словом, понятием, текстом" [Грановская 1995: 72]. Об индивидуально-оценочных характеристиках терминов "эмигрант", "иммигрант", "русский беженец" в языке русской диаспоры в Бельгии см. в: [Жирова 2004: 51].

Интеллигентных беженцев больше всего привлекала дорога [КВЖД. – А.3.]: высокие оклады в "золотом рубле", казённые квартиры в уютных особнячках, тонущих среди садов "фешенебельного" Нового города, "пенсионные", "заштатные", а главное, служба в привычных довоенных условиях – сделали КВЖД подлинным "раем" для людей, прошедших огонь, воду и медные трубы революции. [...] Самого термина "эмигрант" ещё не существовало, и все русские официально именовались просто "русскими гражданами". Только после прихода на дорогу большевиков, когда эмигранты были лишены права служить на дороге, железнодорожники разделились на "советских подданных" и "эмигрантов". Первые почти сплошь состояли из старых агентов дороги, прослуживших в Манчжурии по 10-20 лет, вторые были ранее *активными противобольшевиками и беженцами*. (Сегодня. 1930. 7 янв. № 7)

От слов *эмигрант*, *эмиграция* образовано относительное прилагательное *эмигрантский*. Оно становится заметно активнее в прессе с конца 20-х – начала 30-х годов вместе с утратой ярких политических коннотаций, присущих ему в эмигрантском дискурсе в первые годы беженства. Типичными значениями адъектива являются следующие:

1. состоящий их эмигрантов (*эмигрантская масса, эмигрантские круги, эмигрантское офицерство, эмигрантская толща Парижа, эмигрантская молодежь, эмигрантские семьи, эмигрантский центр*):

... только русский воин способен в *эмигрантской* толще создать то мощное ядро, которое способно снова ринуться на подвиг жертвенности и бескорыстного служения своему страждущему кровью брату. (Голос России. 1933. янв.-февр.-март)

2. принадлежащий к эмигрантам (*эмигрантские экономисты*):

Для вящего беспристрастия о "пятилетке" журнал хотел дать статьи одного советского и одного *эмигрантского* экономистов. (Руть. 1930. 20 июня. № 2906)

3. свойственный, присущий эмигрантам (*эмигрантское существование, эмигрантское равнодушие, эмигрантский активизм*):

Этот [А. Толстой. – А.3.], когда-то очень талантливый, писатель ещё в 1922 году сменил *эмигрантское* существование на советское житьё-бытьё. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

[Белая борьба] должна продолжаться в формах *эмигрантского активизма*, который .. составляет природу эмигранта, смысл и оправдание эмиграции. [из речи генерала А.И. Деникина]. (Голос России. 1931. 2 авг. № 1)

Итак, рассмотренный в различных языковых и экстралингвистических контекстах терминологический ряд *эмиграция – беженство – изгнание – ссылка – рассеяние – зарубежье – колония – сетльмент* в эмигрантской публицистике предстает детально разработанным в семантическом, прагматическом, культурно-историческом отношениях. К концу 20-х годов термин *эмиграция* (*эмигрант, эмигрантка*) становится ведущим, ключевым, теряя ассоциативный шлейф, в дореволюционном узусе связанный с французскими революционерками-эмигрантками конца 18 в. или российскими революционерками-под-

польщиками. В 1930-е годы в термине *эмигрант* формируется коннотация "активный борец с советским режимом", мотивированная в первую очередь практической деятельностью некоторых террористическо-активистских групп. Возможное влияние на активизацию слова *эмигрант* мог оказать и французский язык, где языковые прототипы (*émigré, émigration*) использовались как обозначения, нейтральные в номинативном и стилистическом отношении. В эмигрантском узусе явно намечается процесс семантического сужения термина: от процессуального – к предметному. Кроме того, начинается прагматическое расслоение понятия «эмиграция»: люди, ориентированные на адаптацию (так как называемая *денационализирующая эмиграция*), и люди, ведущие активную работу, подготовку с целью скорейшего возвращения на Родину (*эмигрантский активизм*). Напротив, производные *беженец* (*беженка, беженский, беженство*) повышаются в стилистическом ранге и становятся экспрессивно-оценочными синонимами словообразовательного ряда с ключевым словом *эмигрант*. Самым нейтральным в стилистическом отношении являлось прилагательное *зарубежный*, послужившее словообразовательной базой существительного *зарубежье*, которое отмечается в наших материалах с начала 30-х годов. Семантико-стилистическое перераспределение данных трех понятий: «эмиграция», «беженство», неологизма «зарубежье» – и составляет, на наш взгляд, основной смысловой процесс, характерный для эмигрантской прессы 1920-30-х годов. Подчеркнем еще раз: судя по данным языка, перелом в психологии эмигрантов наступил именно на рубеже этих десятилетий; представленный выше лексический ряд – свидетельство активных, интенсивных семантико-прагматических процессов, происходящих в зоне этих важных для эмигрантского языка и дискурса понятий.

7.0. Узуальные семантические сдвиги некоторых понятий

Необходимо упомянуть и о других семантико-прагматических сдвигах в использовании некоторых понятий. Так, заметно сократилось в эмигрантском узусе использование существительных *мужик, баба*, бывших нейтральными в дореволюционном языке. Главной причиной была, конечно, экстралингвистическая: прежние, "дореволюционные", мужики и бабы, представлявшие обычно сельских жителей, крестьян, оказавшись за рубежом, в подавляющем большинстве стали городскими жителями, сменили профессию (стали посудомойками, швейцарами, таксистами, домработницами); только небольшая часть осела в деревне (что было связано с гораздо большими трудностями получения работы). Изменение социального статуса бывших мужиков и баб вызвало и языковые сдвиги в речевой практике эмигрантов, слова сдвинулись на лексическую периферию. Они стали чаще использоваться для обобщенного названия советского крестьянства, т.е. приобрели стилистически

маркированный статус, став скорее элементом публицистического стиля, чем живого употребления:

... защита Китая и колоний против европейского империализма сводится [у большевиков] к .. эксплуатации *русского мужика* для красного интернационала и его империалистических целей. (За свободу. 1925. 1 янв. № 1 (1405))

Страшно развиты шпионство и слежка друг за другом. Это явление буквально гнетет сибирскую деревню. *Мужика* или *бабу* вызывают в комячейку и заставляют следить за определенными лицами – в Амурской области это называется ”стучать”. (Возрождение. 1927. 5 окт. № 855)

Пассивное сопротивление и недовольство крестьян, подпольный саботаж, хищения коллективной собственности.., нежелание *мужиков* отдавать хлеб государству, мелкособственническая психология, неприкосновенно сохранившаяся внутри колхозов, технические ошибки – вот главные трудности, с которыми пришлось столкнуться в деревне большевицкой [sic] политике.. (Младоросская искра. 1933. 15 авг. № 32)

Такое смещение социолого-семантической ”оптики” привычных понятий отразилось на использовании и слова *народ* в эмигрантском речевом обиходе. В эмигрантских газетах отчетливо выделяются следующие семантико-прагматические типы, основанные на прочтении, интерпретации данного понятия. Итак, «народ» предстает как:

1. территориально-государственный монолит, разделяющий монархическо-царскую идеологию. Такое официальное понимание народа свойственно монархическим, народно-патриотическим изданиям и обычно проецируется ими в идеализированное дореволюционное прошлое:

... прочный сговор с Германией, реальное удовлетворение ее жизненных интересов невозможны без общего сговора держав с честной национальной Россией, возвращенной к нормальной жизни. Слишком часто забывают державы, что нет теперь в России правительства, поставленного *народом*, признанного *народом*, заботящегося о *народе*. Есть инородное и чужеродное тело – бродячий революционный спрут, насеивший на живую Россию. Без России, вернувшейся в мир, России целостной, державной, свободной нельзя восстановить нужного хозяйственного и политического ”кровообращения” мира. (Возрождение. 1939. 7 июля. № 4191)

Никто не вправе забывать, что если белое движение – *народное* движение, то потому, что в нем участвуют казаки, давшие 75% белых сил, что казачество – колыбель белого движения, что на всем пространстве Российской Империи один город Новочеркасск дал приют и первую помощь его основоположникам. (Рус. голос. 1939. 2 апр. № 417)

2. реальный и единственный творец истории. Это толкование народа типично для анархических газет, включающего в содержательные признаки понятия именно (и только!) трудовые (трудящиеся) массы. Схожее понимание народа было свойственно термину и в большевистской доктрине.

Народ является естественным порождением общественной организации – объединением людей, обусловленным средством происхождения, общностью форм и особенностей культуры, общностью языка, привычек, обычаев и т.д. Этот общий дух живет и действует в каждом отдельном члене народного союза и образует существенную часть индивидуального и коллективного существования. [...] Нация же всегда является искусственным продуктом известной правительственной системы, да и национализм, в сущности, представляет собой не что иное, как государственную религию. Принадлежность к нации никогда не определяется естественными внутренними причинами, но всегда лишь чисто внешними обстоятельствами, отношениями, основаниями и государственными соображениями, за которыми, понятно, всегда скрываются частные интересы определенных классов. (Анархич. вестник. 1923. № 5-6)

Мы – анационалисты. Мы требуем права свободного самоопределения для каждой общины, для каждой области, для каждого *народа*. (Анархич. вестник. 1923. № 5-6)

... мы [анархисты] .. связали себя, свою судьбу с жизнью всего *трудового народа* Амура и Приморья и приобрели огромное влияние в широких слоях населения. И не мудрено, что коммунисты при первом удобном случае решили расправиться с инакомыслящими и не постеснялись с данным случае стать на скользкий путь провокации и предательства. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Все кругом мечтают лишь о собственной *”народной власти”*, то есть о перемене властителей, но не о свободе. *Народ* забыл свободу и должен заново пройти курс обучения ей, подобно парализованному, который, выздоровев, снова учится ходить. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

3. угнетаемые, эксплуатируемые Советами массы (крестьянство, рабочий класс, советская интеллигенция). Смысловым опозитом *народа* в этом случае являются *коммунистическая партия, большевики, вообще власть*; тот, кто входит во властные советские структуры, уже не *народ*:

Тяжко живется крестьянству. Немногим лучше живется и рабочему классу, – тому, от чьего имени установлена красная *”диктатура пролетариата”*. Зарплату задерживают долгими месяцами, снижают ее бесчисленными мнимо *”добровольными”* вычетами на всякие красные затеи. Людей изнуряют проводимым под палкой *”социалистическим соревнованием”*. [...] Заставляют людей жить в грязи на такой тесной собачьей *”жилплощади”*, что это даже не похоже вообще на человеческое житье. Вот каковы те условия, в каких нашему *трудовому народу* приходится выполнять хваленое советское *”строительство”* разных ненужных ему *”гигантов”* и *”строев”*. Он строит и скрипит от злобы зубами. (Голос России. 1932. июль. № 12)

... диктатура Политбюро РКП хладнокровно и зверски-спокойно-обдуманном способом систематически истребляет в России свежие и лучшие побеги *русского народа*, ее молодежь – истребляет всех, кого считает своим противником. (Дни. 1925. 8 февр. № 686)

Сейчас *русский народ* стоит на последней ступени всяческих лишений и унижений. А соучастники ленинского *”пролога”* [мировой революции], всматриваясь с ужасом в этот эпилог, в это завершение ими учиненного злодеяния, притворяются ни в чем не повинными и всем миром обиженными агнцами. (Дни. 1925. 13 февр. № 690)

Пока власть и *народ* в СССР стоят друг против друга как два враждебных лагеря, ни один эмигрант не может легально возвратиться "на родину". Возможен только переход в лагерь угнетателей народа и родины – и этот путь, на который, как это ни прискорбно, стал Куприн. (Меч. 1937. 6 июня. № 21)

4. группа единоверцев, в первую очередь православных. Такое понимание народа встречается в церковно-монархических изданиях:

Церковный народ России под советским ярмом умеет отстаивать и охранять свои религиозные установления.. (Голос России. 1931. 2 авг. № 1)

Там, в СССР-ии, в пятнадцатилетней изуверской пытке четвертования души и тела, *русский народ* безусловно приносит искупительную жертву за тяжкий грех временного ослабления в Христовой вере и братской любви, и, перерождаясь, постепенно пробуждается к возрождению национального единства. (Голос России. 1933. янв.-февр.-март. № 17-18-19)

В *народном* сердце горят и не гаснут Русский [sic] огонь и вера в Бога. Несмотря на все красные гонения на религию, уцелевшие церкви полны, а кто боится туда ходить, тот молится у себя на дому. Даже красноармейцы в казармах, скрываясь от взглядов шпионов, ночью укрываются с головой и крестятся под шинелью. Один наш Братчик [член Белого братства. – А.З.] сообщает, как он был в Петербурге, в праздник Казанской Божьей Матери, на службе в Казанском соборе. [...] Собор был полон, не протолкаться. На глазах у молящихся всезы. Видно, это зрелище *народной* веры не понравилось красным. Теперь Казанский собор закрыт и обращен в "антирелигиозный музей". (Голос России. 1932. июль. № 12)

Приведенные выше контексты показывают значительное отличие (и прагматическое, и семантико-идеологическое) от концепции народа, обрабатываемого и внедряемого советской прессой. Интересно, что применительно к беженству, русской эмиграции вообще, публицистика не использует данного обозначения, относя его только к людям, проживающим на исконной (российской) территории. Кроме того, несомненна также повышенная идеологизация понятия «народ» в эмигрантских печатных органах, однако прагматические истоки и мотивы такой политизации были иными, чем в советском дискурсе.

8.0. Дом (лексико-смысловая структура концепта)

Одним из важнейших концептов эмигрантского дискурса являлось понятие «дом», заметно активизированное в риторическо-публицистическом пространстве и ставшее, пожалуй, одним из структурирующих элементов в психоментальном самоощущении беженцев. Оно было включено в сеть уже упоминавшихся других: *эмигрант* (*эмиграция*), *беженец* (*беженство*, *беженский*), *зарубежье* (*зарубежный*) и др., составляя с ними своеобразный оппозитивно-смысловой бином. Несомненно, этот концепт является базовым компонентом

социокультурного сознания любого социума¹. Рассмотрение же его применительно к русскому эмигрантскому пространству дает много любопытных лингвокультурных инноваций и показывает специфику интерпретации эмигрантами данного понятия.

В русском языке советского периода в концепте *дом* происходили семантико-прагматические процессы, которые затронули и многие другие традиционные дореволюционные ("царские") понятия и о которых точно выразился С.И. Карцевский, назвав эти процессы *партикуляризацией* (ср. франц. *particularisation* "обособление"), то есть "дроблением", расщеплением понятия на частные составляющие вместо одного цельного и целостного понятия. В 20-30-е годы 20 в. активно вытеснялись на языковую и культурную периферию следующие группы семантических моделей и связей термина *дом*:

1. обозначение бывшей правящей династии (*дом Романовых, царский дом, династический дом*);
2. обозначение торговых предприятий (*торговый дом, банкирский дом, дом купцов Елисеевых, дом купцов Пьянковых, дом купцов Саврасовых*);
3. обозначение увеселительных учреждений (*питейный дом, дом терпимости, публичный дом, картежный дом, игорный дом*);
4. обозначение благотворительных организаций (*ночлежный дом, сиротский дом, странноприимный дом, дом призрения*).

На месте этих уходящих или ушедших в языковой пассив обозначений возникла целая серия номинативных единиц, обозначающая культурно-просветительские и иные советские учреждения: *дом крестьянина, дом искусств, дом Красной Армии, Дом писателя, дом культуры, дом книги, дом отдыха, детский дом, домзак* (дом заключения), *домком* (домовой комитет), *домуправ* (управляющий домом) и под.

Изменение сочетаемостных характеристики концепта *дом* в русском языке в 20-30 годы не было случайным, а было нацелено на трансформацию его денотативной конфигурации и сигнификативного ядра: вместо старого ("царского") представления о *доме* как проявления принципа "семейная или частная собственность" внедрялось понятие о *доме* как "коллективе (совместности)" и "идейном сообществе"². И наоборот, абстрактно-философские идеи *дома*, разрабатываемые русской общественной мыслью (в частности, славянофилами [Щукин 1994]) в дореволюционный период, в 20-30-е годы 20 в. в советском дискурсе были решительно оттеснены на периферию культурно-языкового употребления.

¹ В частности, основательное исследование архетипического концепта *дом* на индоевропейском языковом материале было предпринято Э. Бенвенистом [Бенвенист 1995: 196-211]. На базе русского и других славянских языков символика и семантика концепта *дом* также давно привлекала внимание исследователей, прежде всего историков, фольклористов, лингвистов (Б.А. Романов, Т.В. Цивьян, А.К. Байбури, Л.Г. Невская, В.В. Колесов и мн. др.).

² Эта модифицированная семантико-словообразовательная модель со словом *дом* была чрезвычайно популярна в советское время; десятки примеров приведены в: [ТСЯС 1998: 171-175], к этому словарю мы и отсылаем читателя.

Конечно, это было инициировано потребностями господствующей идеологии. Понятие *дом* часто ассоциируется с *семьей* (стремление же большевиков в первые годы революции создать новый, "пролетарский", тип семьи, основанный не на имущественных, а на идейных отношениях людей, хорошо и подробно описано в литературе¹). В первое послереволюционное десятилетие институт семьи отрицался, что вполне органично вписывалось в общее русле социально-полового равноправия, в первую очередь женщин, освобождения их от "рабской" домашней работы и воспитания детей, предлагались также идеи обобществления семей. Именно в этом направлении действовала советская пропаганда и новое семейное законодательство [Миронов 2000]. Согласно большевистско-коммунистической доктрине, *дом* в царское время символизировал буржуазно-собственническое начало, которое требовалось разрушить и на его месте создать новый тип общежития и семьи, построенных на идее *коллективности, всеобщности*. Эта краткая, эскизная зарисовка смены денотативного и сигнификативного содержания концепта *дом* в советское время нужна для представления тех ассоциативно-смысловых рядов, которые имплицитно представлены в эмигрантской публицистике, но требуют для своей экспликации индуктивных исследовательских приемов.

Оказавшись за границей, человек по-иному воспринимает многие вещи, казавшиеся естественными в родной стране, в родной культуре. Да и самое понятие «дом» зачастую переосмысливается, углубляется, наполняется иными, чем на родине, эмоционально-ассоциативными элементами, коннотативными оттенками. Дом – это и конкретное жилище, и семейно-бытовой уклад (очаг), и страна в целом. Поэтому неудивительно такое повышенное внимание эмигрантов к этому понятию в стремлении выстроить, смоделировать его некоторые базисные, основополагающие компоненты. Отличия от дореволюционного и советского дискурса в эмигрантской интерпретации *дома* были значительные. Вынужденное "*бездомье*" эмигрантов обновило в концепте-символе те смыслы, ассоциативные ряды, которые ранее были либо затушеваны, спрятаны, невыявлены, находились в семантической "тени", либо возникли, актуализировались именно в эмигрантский период жизни. Эти ассоциативные сцепления нельзя назвать синонимическими рядами в строгом смысле слова, поскольку они могут относиться к разным частям речи или могут иметь смысл, весьма далекий от прямого номинативного значения слова *дом*. Причем любопытно отметить такую деталь: в анархических газетах, выходящих в эмиграции, тема *дома* практически полностью отсутствует (конечно, это объясняется общими идейными установками всех российских "левых" партий до революции 1917 г.; о специфике большевистской интерпретации *дома* мы уже упоминали). Крайне слабо эта тема отражена и в либерально-демократичес-

¹ В первые пятнадцать лет советской власти доминировало восприятие семьи как источника угнетения, но уже с середины 1930-х годов – как основы социальной стабильности советского строя, как «ячейки социалистического общества» [Келли 2003; см. также: Buckley 1989; Goldman 1993].

ких изданиях. И наоборот, именно в монархических, "народно-патриотических" изданиях данный концепт предстает одним из центральных.

Обращает на себя внимание то, что в эмигрантском психоментальном пространстве абстрактно-символические связи, формирующие концепт *дом*, оказались богато разработанными и чрезвычайно нагруженными смыслом, в отличие от советского языка, предпочитавшего говорить о конкретных проявлениях *дома* преимущественно как организации, учреждения с идеологическим заданием. В главе "Прецедентные феномены" подробно объясняется наше понимание фреймового структурирования и эта методика применяется при анализе ключевых, значимых понятий в эмигрантском дискурсе. Покажем актуальные смысловые зоны (фреймы) концепта *дом* в эмигрантском дискурсе.

1. Фрейм «дом как страна». В этом фрейме наиболее очевидным выступает противопоставление старой (царской, императорской) и новой (советской, социалистической) России. Старая Россия именуется так: *Россия, Русь, родина, отечество, дом, империя, союзная империя, родина-мать, держава, крепость, громада, Святорусье*. Как видим, все приведенные парафразы окрашены в прагматически "теплые" (для языкового сознания эмигрантов) коннотативные тона.

Нет права жить у себя дома для русских людей. (Голос России. 1933. янв.-февр.-март. № 17-18-19)

...тяжело видеть, как большевики с хамской развязностью разыгрывают роль великодержавных правителей. Слова – амнистия, манифест, юбилей, *отечество* – идут им так же, как корове седло или как черепахе пропеллер. Но после того грабежа, который испытали все российские ценности, нечего удивляться грабежу старых слов. (Возрождение. 1927. 6 нояб. № 887)

Мистерия эта по своему содержанию является философско-религиозной фантазией на почве революции 1917 г., крушения *Российской империи* и естественное желание русского человека вернуться на *Родину* и видеть ее обновленной от всякой нечисти в образе сияющей вечной красотой девушки, имя которой "Святая Русь". (Рус. голос. 1939. 12 марта. № 414)

Напротив, советская Россия эмигрантами часто обозначается при помощи действительных местоимений-наречий, обычно в кавычках: "там", "оттуда" с негативными коннотациями (в смысловом и прагматическом противопоставлении положительно окрашенному наречию "здесь", т.е. в эмиграции, в изгнании). Разумеется, это неслучайно: в таких "отсылочных" определениях ярко проявляется оценочность и отношение к той стране, которой, по мнению эмигрантов, нет или она существует только как миф; кавычки же призваны показать "отстраненность" эмигрантов от теперешней, советской России.

... мы сентиментально любили Россию, но мало ценили ее как Родину-государство. И потеряв Её [sic] на время, мы все – и "здесь", и "там" будем восстанавливать [sic] и беречь.. (Сигнал. 1938. 1 сент. № 38)

Между народом и властью легла кровавая межа, но инстинктивное чувство национальной традиции, наперекор непрекращающейся внешней розни, все-таки связует в какое-то целое – эмигрантское “здесь” и советское “там”. (Младоросская искра. 1933. 5 янв. N 26)

... в большевистском царстве жизнь сделалась настолько жалкой, что они [матросы с советского корабля. – А.З.] были вынуждены убежать *оттуда*. (Возрождение. 1919. 8 июля. N 2)

В эту же ассоциативно-смысловую парадигму входит одна из ключевых оппозиций “мы” (эмиграция) ↔ они” (коммунисты, комиссары) с очевидной положительной прагматической маркированностью первого члена и негативной оценочностью второго. Ср., например, характерный заголовок статьи, написанной В. Набоковым, «Мы и Они», где оба понятия для придания им особой прагматической значимости написаны заглавными буквами:

Мы – на этой стороне черты. *Они* – на той. [...] ..если не будет найден путь к объединению “нас” с “ними”, и порвутся наши духовные связи, – холод чужбины сменится для нас холодом родины, где мы почувствуем себя чужими. [В. Набоков. Мы и Они] (Руль. 1920. 2 дек. № 14)

Разумеется, в пределах эмигрантского дискурса местоимение *мы* может выступать и как семантический эквивалент конкретных референтов, например русского офицерства, групп социал-демократов и др.:

Мы твердо верим и знаем, что только *мы* – зарубежное русское офицерство – являемся прямыми наследниками Императорской и Белой русских армий, что *на нас* лежит долг сохранить то наследие и что *на нас*, прежде всего, ляжет моральная ответственность за воссоздание будущей русской национальной армии, так как только *мы* можем послужить тем связующим звеном между славным прошлым нашей старой армии и этой будущей национальной армией, которое даст ей силу исторической преемственности. Но *мы* должны ясно отдавать себе отчет в том, что при этом нам практически придется иметь дело с наследием СССР, со всеми теми опустошениями и сдвигами, которые там произошли и происходят. (Рус. голос. 1939. 26 февр. № 412)

Теперь народу станет легче понять, почему в 1917 году *мы*, – травимые большевиками “империалисты” из революционеров-”оборонцев”, – так настойчиво и до конца требовали от переутомленной и жаждавшей мира армии сопротивления на фронте внешнем, а не братоубийства на фронте внутреннем. (Дни. 1925. 6 февр. № 684)

Но чаще *мы* обозначает или эмиграцию (беженство) вообще:

Мы все любим Россию, все бодем ее болезнями, все жаждем и надеемся на ее воскресение. [...] Если *мы* хотим и видеть ее не уничтоженной и поработанной, а снова Великой, то *мы* должны быть готовы служить ей. [...] Ждать довольно! Надо готовиться и готовиться серьезно, иначе *мы* рискуем проворонить нашу Родину – и на этот раз окончательно. (Рус. голос. 1939. 26 февр. № 412)

или (в народно-патриотических изданиях) – только этнических русских (resp. православных), причем происходит генерализация *мы* и отождествление референта местоимения с *русским народом* (часто в узком смысле термина: крестьяне и, видимо, солдаты, рабочие, но с исключением из него интеллигенции, высокообразованной части общества, офицерства, дворянства):

20 лет тому назад объявлением *нам* войны Германией началось мировая война, которая в скрытом виде, других формах и иными участниками продолжается и по сей день. Она была особенно тяжела для *нас*, ибо, не будучи побежденными в бою, но вследствие революции, наша Родина попала под иго III Интернационала, а *мы* рассеялись по всем странам мира в качестве беженцев-эмигрантов. (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173)

По неразумию нашему *мы*, Русский народ, пошли за изменниками и предателями Родины, дав им обмануть себя великим обманом "земного социалистического рая", который *нам* обещали коммунисты. Да и как *нам* было не поверить этому обману, когда уже до этого добрую сотню лет те, кого мы считали радетелями нашими, лучшие люди, писатели и интеллигенты, став стеной между народом и царем, только и делали, что натравливали *нас* и Царскую власть и всячески подрывали ее корни? (Рус. правда. 1925. нояб.-дек.)

Было время, когда красный хмель захватил *нас*, нашу народную громаду. Миновало это время, и теперь *мы* так же, всю громаду, и протрезвели. (Рус. правда. 1925. нояб.-дек.)

К тебе, многострадальное русское беженство, исповедающее [sic] наши священные лозунги – "Вера Православная, Царь Самодержавный и Россия Русская", обращаемся *мы*, такие же нищие средствами, но крепкие и непоколебимые духом горемычные русские беженцы, прося у тебя нравственной поддержки и посильной денежной помощи в нашем многотрудном начинании создания общебеженской зарубежной газеты. (Рус. стяг. 1925. 4/7 июня. № 1)

Прагматическим оппозитом местоимению *мы* в рамках данного (национально-патриотического) культурно-ментального пространства становится местоимение *вы*, референтом которого выступают *комиссары, коммунисты* (собирательное обозначение большевиков, среди которых было, как известно, немало нерусских представителей, что и давало повод журналистам патриотических изданий помещать понятие «коммунист» в негативное окрашенное прагматическое поле "интернациональный, безродный, космополитический"):

Нет и не может быть мира между Россией и Интернационалом, между Христом и Сатаной, между русским и коммунистом, между *нами* и *вами*. Берегитесь же, господа Комиссары! *Вы* предлагаете *нам* пощаду и деньги. *Мы* плюем на вашу пощаду и на ваши деньги. *Мы*, Русские, – ваши враги до конца. (Рус. правда. 1925. сент.-окт.)

В советской России ("там") даже язык признается другим, искореженным, исковерканным, изуродованным, характеризуясь довольно частотным в эмигрантской прессе термином *блатный*¹ жаргон:

Написана книга простым и ясным языком, без всякого намека на "блатный" жаргон, необходимый будто бы нам, грешным, для возвращения на Родину, как говорят некоторые прибывшие *оттуда* лица... (Рус. голос. 1939. 1-14 янв. № 406)

В избытке встречаются на страницах периодики перифрастические обозначения советского режима, группирующихся вокруг концепта "тюрьма": "коммунистическая тюрьма", "колония", "казарменный коммунизм", "каторга".

В СССР вся жизнь обыкновенного человека – обывателя, не состоящего в коммунистической партии, вообще-то не отличается от самого худшего *тюремного режима*, а *советская каторга* под наименованием "Лагерь Особого Назначения О.Г.П.У.", или "УЛООНОВ", представляет поистине жуткую картину.. (Голос России. 1931. 2 авг. № 1)

Мы хорошо знаем, как трудно Русским людям, сидящим за проволокой той *огромной тюрьмы*, что называется Советским Союзом, и принужденным видеть все через лживые очки красных советских газет, разобраться в том, что делается на белом свете. (Рус. правда. 1925. сент.-окт.)

До 1930 года советская власть потоками крови, мучительствами, тысячами тысяч страдотерпцев пыталась "уничтожить" в стране церковь и Бога. Церковь терзали в пытках, *гноили в каторге*, оскверняли, над нею глумились. Ни одна страна, ни один народ в мире не поставили перед лицом Божиим [sic] стольких мучеников во имя Его, как русский – во время советовластия в России. (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

Только полнейшая ликвидация Коминтерна, только полнейшее уничтожение *государственного казарменного коммунизма* смогло бы создать мост, соединяющий нас с людьми, могущими стать во главе обновлённой России. (Рус. газета. 1937. № 1)

2. Фрейм «дом как земля, почва». Метонимическое замещение термином *земля* всего государства, всей страны традиционно для русского фольклора. Эта "земельная" метафора предстает в двух разновидностях. Раньше, до революции, "земля", по мнению эмигрантов, была живой, свободной, дышала жизнью, волей. Эта мифологизация земли порождает ассоциативно-лексический ряд: *воля, степь, пашня, пядь*. Ср.:

Впервые тогда через красную границу той коммунистической тюрьмы, куда заперта наша Россия, начало долетать до Русских масс наше Русское слово, *вольное*, как *ветер* наших *Русских степей*... (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

¹ Характерно, что эмигранты сохраняют старую грамматическую форму прилагательного с безударным окончанием *блатный* (сейчас – с ударным окончанием *блатной*). СУ еще дает две формы, но уже МАС-1 – только одну: *блатной*.

18 лет тому назад последние части Русской армии принуждены были покинуть *последнюю пядь Русской земли* и искать приюта на чужбине. (Рус. голос. 1939. 26 февр. № 412).

... не пропадет даром наш труд и каждое наше слово западет в измученную душу Русского народа, протрезвевшего от красного дурмана, словно здоровое зерно в глубоко распаханную *пашню*. (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

Напротив, "земля" в советской России описывается эмигрантами в таких терминах, как *могила*, *кромсать*, *поруванная земля*. Земля (= Россия) выступает как страдающий объект действия "злых сил" (большевиков); семантический механизм такой замены – механизм олицетворения.

И из глубин земных отчетливо доносилось в ответ: "Воистину Воскресе". То во Христе замученная Православная Русь, во главе с мучеником Царем, христосовалась со своей *поруванной землей*. И отвечала Русская земля. (Рус. голос. 1939. 9 апр. № 418)

3. Фрейм «отсутствие дома, бездомье». Вынужденная эмиграция остро ставила перед беженцами коренные вопросы бытия и быта: сколько месяцев (лет) продлится такое бегство? что нужно делать в этих условиях – приспособиться ли к чужой жизни, чужим порядкам или продолжать вести старый, заведенный еще в России ритм жизни? остаться жить в данной стране, испытывая этнические, религиозные, профессиональные притеснения и ограничения (как известно, не во всех странах к русским эмигрантам относились дружелюбно или терпимо), или искать более толерантного, благосклонного к себе отношения в других краях? Именно поэтому понятие «бездомье» стало одним из ключевых в эмигрантском дискурсе. Это мучительное состояние психического и духовного дискомфорта эмигрантами переживается – можно сказать – "извне" и "изнутри". Бегство из родного дома, родных мест приводит к попытке назвать свое состояние и нахождение, глядя на него с внутренней психоментальной позиции, как беглецов с вынужденно покинутой ими родины: *изгнанник*, *беженец*, *эмигрант*, *ссылка*, *рассеяться* (*рассеяние*), *беженец-эмигрант*. Такой синонимический ряд неслучаен, поскольку за каждым из этих обозначений скрывалось то или иное прагматическое содержание, определявшее отношение эмигрантов к самим себе и своему статусу за рубежом. В частности, термины *изгнанник*, *ссылка*, *беженец* оценивались эмигрантами более эмоционально, чем *эмигрант*.

... объединилась за границей большая часть миллионной массы *Русских изгнанников*. (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

... никакая кровь, проливаемая русским народом, не сможет смыть *эмигрантского равнодушия* к той ее части, где знамя личного обывательского благополучия или политического-партийного увлечения доминирует над ... простой, Христовой любовью к страдающему русскому родному народу. (Голос России. 1933. янв.-февр.-март. № 17-18-19)

Самоощущение русских беженцев, попавших за границу, чаще всего описывается в терминах: *гость, чужие люди, чужбина* (обычно западноевропейские страны, США, Турция), *приют, кров* (чаще славянские страны: Югославия, Чехия), *зарубежье* (общее собирательное название).

Избрать же патриарха здесь, *на чужбине*, без всероссийского собора – незаконно” (Рус. стяг. 1925. 4/7 июня. № 1)

... у нас нет настоящего. Так, – какое-то временное существование, *в гостях у чужих людей*.. [из речи генерала А.И. Деникина 22 февраля 1931 года] (Голос России. 1931. 2 авг. N 1)

Мы, нашедшие *гостеприимный приют* под кровом Югославянской Державы. (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173)

Таким образом, выбор того или иного квазисинонима диктовался индивидуальным или групповым отношением к стране проживания и условиям жизни, созданным для русских беженцев правительствами приютивших их стран.

4. Фрейм «дом как семья». Представление о *семье* как оплоте Дома (символе стабильности) является многовековым, традиционным культурно-социальным мотивом. В эмигрантской публицистике эта семантико-ассоциативная связка (*семья = дом*) также хорошо разработана. *Дом*, в представлении эмигрантов, может быть обозначен этим словом только тогда, когда существует духовная связь его ”обитателей”, независимо от того, идет ли речь о родственниках или о всей стране. Таким образом, *Дом* для эмигрантов становится средоточием, воплощением идеи национального единения. В ”*доме*” (= народе), с одной стороны, формируются национальные чувства единства, монолитности, с другой – наличие таких общих чувств, психоментальных комплексов и формирует само понятие народа (= *Дома*). Именно поэтому в эмигрантских текстах так много ”семейной” лексики: *отец, жена, дети, родители, хозяин*. Все они призваны, по мысли эмигрантов, подчеркнуть духовное родство людей.

Новый скорбный удар по русским сердцам – смерть патриарха, вновь нам громко твердит о пагубности нашего безглавия. Умер *Отец* наших отцов и все церковные люди ясно сознали, как тяжело и страшно им будет жить в наше лютое время без Церковной главы¹. (Рус. стяг. 1925. 4/7 июня. № 1)

Горько и неутешно будем мы оплакивать кончину нашего Великого Покровителя, Блаженнопочившего Короля Александра. Мы горячо сочувствует всему Юго-славянскому [sic] народу, ныне потерявшего своего *Отца* и мудрого Правителя. (Рус. голос. 1934. 14 окт. № 184)

¹ Согласование компонентов в фразеологизированном комплексе осуществляется по формально-грамматическому принципу, а не смысловому. О тенденциях и процессах смыслового и семантического согласования в языке эмигрантской прессы подробнее см. в главе ”Грамматические процессы в языке эмигрантской прессы”.

... половина жителей СССР не побоялась заявить на переписи свою верность религии *отцов*. (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

И наоборот, новые социальные отношения людей, построенные на идеологической, коллективистско-унифицирующей основе (ср. ключевой советский термин "член общества"), разрушают, по мнению эмигрантов, самое понятие семьи.

... не может быть Родины там, где торжествует интернационал; ибо непосредственной целью большевиков поставлена идея, что в пролетарском государстве *нет ни отцов, ни матерей, нет ни жен, ни детей, а есть лишь члены общества..* (Голос России. 1931. 1 окт. № 3)

Комсомольские закрытые школы-общежития. Могут поступать все, кроме детей лишенцев и кулаков, начиная с 18 лет. [...] Основным мотивом преподавания служит: "ты должен забыть *отца и мать*". (Голос России. 1932. июль. № 12)

... двадцать лет коммунистические пионеры доносят чекистам на своих *родителей..* (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

По газетам, дети *отказываются* (вынужденно) от *родителей*. (Голос России. 1932. июль. № 12)

См. также следующий пассаж о "советской дружбе", оказывающейся, по мнению эмигрантов, псевдопонятием истинной дружбы, которая якобы разрушена большевиками и заменена идеологической, партийной преданностью. Таким образом, идеологизируются даже исходные моральные понятия человеческого общежития:

Дружба, товарищество между молодежью отсутствует. Авторитет семьи, старших по возрасту – отсутствует. (Голос России. 1932. июль. № 12)

Ликвидация семейных связей, основанных на **родственных** отношениях, и подмена их **идеологической** преданностью в советской России ощущается и осмысливается эмигрантами как разрушение коренных основ семьи. Можно и нужно говорить не об обществе (*семье = доме* в широком смысле), а просто о *временной, краткосрочной, внешней* форме соединения группе людей, не скрепленных, не сплоченных между собой родственными, духовными узами; эти связи подменены в советском обществе, с точки зрения многих эмигрантских изданий (кроме анархических), идеологией, политикой, преступными намерениями, темными инстинктами и проч. Отсюда такие оценочные-характеризующие номинации, отражающие оценку правящей верхушки советского аппарата и подвластного ему народа, как: *варяг, княжить, рабсила* (несомненный советизм), *быдло, шайка беглых каторжников, Интернационал, Коминтерн, раб, нечисть, банда*. Ср.:

Красные Комиссары все усилия свои направляют на то, чтобы выбить из народа Русский дух и сделать народ *крепостным пролетарским быдлом*, бессловесным

стадом без роду без племени, одним сплошным Иваном Непомнящим. (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

... отменив частную собственность .. большевики через три года категорически отказываются от основного начала и зовут *варягов*, чтобы они восстановили на печальных развалинах прежний порядок. (Руль. 1920. 2 дек. № 14)

Восемь лет в нашем Русском священном Кремле ... сидит окаянная *шайка беглых каторжников* всех стран и под именем *Третьего Интернационала* правит нашим государством. (Рус. правда. 1925. нояб.-дек.)

Необходимо .. работать для того, чтобы Россия стала свободной и довольной, чтобы в ней жила не *рабсила*, – а человек. (Рус. газета. 1937. № 3)

Какими же видятся из эмиграции социально-трудовые отношения в СССР? Эмигрантская публицистика формирует номинативный ряд, состоящий из понятий: *рабство, неволя, издеваться, эксплуатация, крепостное право*:

Измученное и разоренное население России прожило еще год *рабства* под большевицкой [sic] властью. (За свободу. 1925. 1 янв. № 1 (1405))

По плану большевиков, ингерманландцы с момента выселения будут считаться преступным элементом и их труд, по примеру соловчан, будет использован бесплатно. .. превращением 20 тыс. ингерманландцев в *белых невольников* советское правительство не удовлетворится и решено это количество довести в ближайшее время до 100 тыс. человек. (Сегодня. 1930. 7 янв. № 7)

Изредка встречаются попытки социально-политического объяснения причин и мотивов пролетарской революции 1917 г. (= *беспорядков в Доме*), однако они тонут в ином типе объяснений – религиозном, ведущими терминами которого являются *грех, гнев*:

... русский народ безусловно приносит искупительную жертву за *тяжкий грех* временного ослабления в Христовой вере и братской любви и, перерождаясь, постепенно пробуждается к возрождению национального единства. (Голос России. 1933. янв.-февр.-март. № 17-18-19)

... *гнев Божий* лежит над нами. (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

Медицинские метафоры (*эпидемия, помешательство, болеть*) используются как характеристики парализованного, подавленного советской властью мышления людей:

... русский народ в данный момент .. в ужасном *рабстве*, он не может возвысить голос, он связан и повергнут узурпаторской большевистской властью. Русский народ *в неволе*. Он *тяжело болеет большевистской эпидемией, интернациональным помешательством...* (Рус. газета. 1937. № 2)

Методы большевистской пропаганды эмигрантами-монархистами оцениваются при помощи также медицинских метафор: *чума, заразный яд*, проник-

новение которых в "здоровое тело" царской России, по мнению эмигрантов, привело к *катастрофе, смуте, игу*:

... объединиться для борьбы с *красной чумой*, ввозимой из России. (Рус. правда. 1925. июль-август)

... непобедим для врага был дух русского солдата, русского народа! Его победил лишь *яд революции, лишь яд большевизма*... Самый страшный, *самый заразный яд*, страшнее и заразнее чумных бактерий... (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173)

... нынешняя *неслыханная смута*. (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

Коммунистическое иго красной инородческой шайки. (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

Таким образом., эмигранты смотрят на состояние советской России как на неорганическую, привнесенную извне, снаружи, "болезнь". Патетика (риторика) в подавляющем большинстве случаев доминировала над рациональной (социально-политической) мотивировкой произошедших событий.

5. Фрейм «дом как религия (православие)». Православие как господствующая религия в царской России рассматривается многими эмигрантскими газетами (кроме анархических) как духовное "наполнение" *Дома*, поэтому в эмигрантском дискурсе Россия очень часто выступает как хранительница чистоты православной веры. Вступают в квазисинонимические отношения такие понятия: *церковь, цивилизация* (православие как способ приобщения Руси к европейской культуре в широком смысле слова), *лампада Сергия Радонежского* (перифраза православия). Апелляция к церкви как духовному стержню "русскости" была популярна в среде славянофилов уже в 19 в., но в эмигрантский период существования эта мотивировка значительно усилилась, особенно на фоне пропаганды атеистического воспитания в советской России.

При Киевском рабочем университете открыт *атеистический факультет*. Принято 200 рабочих, из которых будут созданы *пропагандисты-безбожники*. (Сегодня. 1930. 11 янв. № 11)

Понятие «цивилизация» эмигрантами монархического толка чаще всего рассматривалось в контексте и обрамлении религии:

... *цивилизация*, основанная на *христианстве*, не будет разрушена! (Рус. голос. 1934. 21 окт. № 185)

Советская Россия именуется эмигрантами как *дикарство, варварство, ночь, рабство*, которая "убила" русскую цивилизацию:

... общий большевицкий [sic] погром *русской цивилизации*. (Рус. голос. 1934. 14 окт. № 184)

Обращение к образу *Сергия Радонежского* в эмигрантской публицистике также понятно, поскольку в русской церкви этот персонаж символизирует силу духа и непреклонность веры даже в самую тяжкую годину. Зажженный и постоянно поддерживаемый свет в лампадах у мощей св. Сергия интерпретируется эмигрантами в расширительном смысле – как возрождение России и религии:

Знаем мы: только тогда, когда замирится вконец наша страна и опять загорятся негасимые лампы над *мощами Преподобного Сергия* в том же Троицком Соборе и когда Русский Православный Царь, поставленный всенародным голосом земли нашей, склонится в горячей молитве перед *святою гробницей* – только тогда Божий гнев вполне снимется с России. Только тогда найдем мы наше Русское счастье и вновь засияет на весь мир под знаменем Христа наша светлая Русская Держава. (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

6. Фрейм «дом как история». Этот фрагмент смысла концепта связан с представлением о преемственности/прерывистости в историческом развитии страны. *Дом* как «строительная» метафора предполагает историю своего «строительства». Во многих эмигрантских изданиях можно видеть интересное сопоставление: последовательность развития страны называется ими *прошлое*, которое окрашено в сознании эмигрантов в ностальгические и «теплые» тона:

У Русского народа отнят язык и только Русская эмиграция, т.е. те, кто вдохновлял Русский народ на борьбу, кто руководил и вел ее – еще говорит о *великом прошлом*, о самопожертвовании Русского народа во имя Славянской идеи... (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173).

... *славное прошлое* нашей старой армии. (Рус. голос. 1939. 26 февр. № 412)

... *славное прошлое* России. (Руль. 1930. 1 янв. № 2766).

Напротив, в анархических изданиях *прошлое* окрашено в негативные коннотации, основанных на ассоциациях с императорским, царским, эксплуататорским прошлым. *Настоящему* эмигранты отказывают в праве именоваться словом *история* на том основании, что они считают современное развитие России незакономерным, резким отклонением от «нормального», «естественного» пути, «выпадением» из истории. Поэтому в эмигрантском дискурсе понятие «история» оказывается сопряженным только с *прошлым* и выступает в окказиональной смысловой оппозиции термину *настоящее* (последнее предстаёт как временное, преходящее, не наполненное смыслом существование). В эмигрантском дискурсе понятие свободы связывается с концептом Родины, России, всей российской истории; вне нее нет и свободы. Ср. в уже цитируемом контексте:

... у нас нет *настоящего*. Так, – какое-то *временное существование*, в гостях у чужих людей, *свобода* – взаперти. [из речи генерала А.И. Деникина 22 февраля 1931 года] (Голос России. 1931. 2 авг. № 1)

Итак, с одной стороны, *история (прошлое)* противопоставляется *настоящему*, но вместе с тем удивительным образом входит в смысловое сопряжение с *будущим*.

7. Фрейм «дом как возрожденная, будущая Россия». Если *настоящего* в России нет (в советской России хозяйничают коммунисты, в эмигрантском существовании нет полноты ощущения жизни), то где же искать "продолжение" *истории*? Эмигранты дают такой ответ: в будущем. Именно поэтому в эмигрантской публицистике лексика *будущего* является актуальной и достаточно частотной: *будущее, преемственность, наследие, воскресение (=возрождение), обновленный, (Россия) восстанет*. Кажется, особенно сильный психологический и политический удар пролетарская революция нанесла по идеологии социал-демократов и либералов, так что в первые годы после революции они видели в будущем только мрачные стороны:

... все надежды на *лучшее будущее* безжалостно разбиты. (Руль. 1930. 1 янв. № 2766)

Анархисты все же сохраняли веру в *будущее* только при условии падения большевизма и необходимости свершения мировой революции:

... "бабушка русской революции" Брешко-Брешковская прибыла из Нью-Йорка в Париж. [...] Она убеждена, что падение большевизма произойдет в *ближайшем будущем*. (Возрождение. 1919. 17 июля. № 10)

Будущее в буржуазном, эксплуататорском обществе анархистам рисуется темным, мрачным и гибельным:

Хаос, разложение, гибель – таково *будущее*. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Эмигранты монархического толка активно "эксплуатировали" понятие *будущее* по двум причинам: во-первых, с целью сохранения и поддержания в душах и сердцах эмигрантов желания возвращения на Родину (с пропагандистскими намерениями), во-вторых, с установкой конкретно наметить, обрисовать черты будущего устройства России, целеустремленно продолжая обучение русских инженеров, офицеров, учителей, врачей, агрономов и т.д. даже за рубежом (социально-экономический аспект). Ср.:

... моральная ответственность за воссоздание *будущей русской национальной армии*. (Рус. голос. 1939. 26 февр. № 412)

Мы ждем .. со страстным нетерпением *Будущего* [sic] – нового, светлого, целевого, чтобы приобщиться к нему молодыми силами и старым опытом. [из речи генерала А.И. Деникина 22 февраля 1931 года] (Голос России. 1931. 2 авг. № 1)

... правительство *будущей державной России*. (Призыв. 1919. 5 (23) сент. № 46)

Подведем итоги. В эмигрантской публицистике концепт *дом* оказывается чрезвычайно важным смысловым центром. Его активность была вызвана в первую очередь нелингвистическими причинами: изгнанничество, бедственное положение, отчаяние, неизвестность, чувство горечи, ощущение бездомности и бесприютности. Этот психологический надлом, надрыв вызвал в эмигрантском языке (дискурсе) актуализацию смыслового содержания понятия «дом», превратив его в многослойный символ. Отличия эмигрантского «*дома*» от его советского соответствия в 20-30-х годов 20 в. весьма значительные. Определяющими особенностями концепта в эмигрантской публицистике являются следующие:

1. «Раздвоение», «расщепление» понятия на две прагматически противопоставленные смысловые (фреймовые) зоны: с одной стороны, всё, что имеет отношение к советской России и ассоциативно-метонимически включается в данную зону, оценивается большинством эмигрантских изданий негативно (*тюрьма, страна рабов, могила, поруганная земля, шайка бандитов, нечисть, рабство, смута*); с другой стороны – потерянная страна, прошлое России оцениваются (обычно в монархических газетах) с позитивными коннотациями (*Русь, родина, отечество, империя, степь, земля Святой Руси*).

2. В эмигрантском обиходе сохранились конкретные употребления понятия *дом* (*торговый дом, заведование городскими домами, работные дома*), однако число таких примеров невелико. В русском советском официальном языке, несомненно, господствовало партикуляризированное, раздробленное, чрезвычайно конкретное в своих проявлениях представление о доме.

3. Намного более актуальным и прагматически нагруженным оказалось абстрактно-символическое употребление концепта *дом*, использование которого в разных партийно-политических изданиях служило своеобразным индикатором политической позиции партии, движения, группы (минимальное количество употреблений в анархических газетах, максимальное – в монархических).

4. Риторический эквивалент *дома*, а именно концепт *кров*, не частотен в эмигрантской публицистике и обычно встречается в монархических (охранительных) изданиях либо с аллюзией к российскому прошлому (*под кровом церкви, под кровом императорского дома*), либо для обозначения духовно-религиозной близости к другому народу (обычно славянскому: Югославия, Чехия).

9.0. Особенности использования военно-террористической терминологии

Военно-террористическая терминология на страницах эмигрантских газет – не редкое явление, ее использование связано со стремлением некоторых эмигрантских групп военной силой, насильственно воздействовать на новый строй, установившийся в России, ослабить его, внести сумятицу в партийно-большевистские ряды и показать пример вооруженной борьбы простым советским людям, не решавшимся на открытые выступления против советской власти. Рассмотрим более подробно лексические компоненты, формирующие данную семантическую группу. Центральным понятием этого лексико-семантического объединения слов является, конечно, понятие «террор». Освоение террористической терминологии русском языке началось со времен Французской буржуазной революции 1789 г. Связь террора и революции была несомненна для российских современников этого события, и уже с начала 19 века понятие «террор» прочно ассоциировалось с революцией; так, франц. *terrifier* переводили как «устрашать, приводить в ужас», *terroriser* – «наводить ужас», *terrorisme* – «терроризм, грозная система правления», *terroriste* – «террорист, действующий по грозной системе правления» [ПФРС Ч. 2: 883-884]. Революционная форма правления воспринималась в тогдашней терминологии как «грозная». Со стороны русских революционных демократов, сторонников ограничения монархии и замены ее республиканской формой правления к террористам было самое положительное отношение:

Террорист Давид приветствовал их атлетическими формами, которые он думал возродить в республике единой и нераздельной 93-го года вместе с [sic] спартакскими нравами, о привитии которых хлопотал Сен-Жюст. (Герцен. О себе)

... тысячелетнее царство Божие утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснородушной Жиронды, а *террористами* – обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов. (Белинский. Письмо к В.П. Боткину, апр. 1842 г.)

Термины *террорист*, *терроризм*, *террористическая партия* с позитивно-прагматикой встречаются в текстах В.Ф. Одоевского, П.В. Анненкова. Однако в общественном сознании 50-70-х годов 19 в. термин *террорист* был насыщен негативными ассоциациями (ср. террористическую деятельность организаций «Народная воля», «Черный передел»). Кроме того, и в революционной тактике понятие террориста-одиночки также претерпевало изменения: от одиночного террора – к подготовке революции партией единомышленников. В конце 19 века в русском языке появляются новые обозначения – *бомбист* (собственно русское, так как европейских языках, в частности немецком, аналогов нет) и *бомбометатель*:

У нас есть среди революционеров ярые *террористы*, есть отчаянные *бомбисты*. (Ленин. Земская кампания и план «Искры»)

[Иван:] У меня тоже темнеет в глазах, когда я выхожу на улицу. Ведь *бомбисты* убивают и отставных, им все равно... Это звери! (Горький. Последние)

Также увезены были из опасного дома, около которого соберутся завтра *бомбометатели*, .. жена [сановника] и двое детей. (Л. Андреев. Рассказ о семи повешенных)

Синонимом термину *терроризм* становится *бомбизм*:

Даже самый нелепый из нелепых защитников *бомбизма* не предлагал, кажется до сих пор – устрашать ... земцев. (Ленин. Земская кампания и план «Искры»)

Интересно, что после революции 1917 г. в термине *террорист* вдруг снова вспыхнул смысл "бунтарь, борец, революционер":

Вильгельм Телль – убийца тирана, *террорист*. (Луначарский. История западно-европейской литературы в ее важнейших моментах, 9 лекция)

Однако революционерам уже в начале 20 в. приходилось всячески дистанцироваться от сопряжения этих понятий:

[Соколова – Софье:] Я пришла сказать, что мой сын не виновен, он не мог стрелять в вашего мужа [полицмейстера Коломийцева], вы понимаете. Мой сын не мог покушаться на жизнь человека – он не *террорист*! Он, конечно, *революционер*, как все честные люди в России... (Горький. Последние)

Тот ужас, который внушали террористы в начале 20 века в обществе, хорошо виден из следующей цитаты:

Нужно сказать, что в ту пору [1906 г.] новоиспеченные губернаторы, отправляясь к месту своего служения, не брали с собой ничего, кроме легкого багажа: зубочистка, портсигар и смена белья. Все равно через два-три дня тебя или переведут, или отзовут с причислением к министерству, или прикажут тебе написать прошение об отставке по болезни. Ну, конечно, учитывалась и возможность быть разорванным бомбой *террориста*. (Куприн. Тень Наполеона)

В послереволюционные годы в советском дискурсе к террористам стали причислять врагов большевиков; началось всё с эсеров и меньшевиков:

Подсудимый Рыков, откуда вам известно о связи Бухарина с этим *эсером-террористом* Семеновым? (Правда. 1938. 5 марта)

и закончилось в 30-е годы объявлением террористами инакомыслящих: произошла семантико-прагматическая генерализация понятия и квазисинонимизация с другим ключевым понятием советского идеологического дискурса того времени – *враг народа*, доминантным в весьма разветвленном и незакрытом для пополнения ряду публицистических номинаций (квазисинонимов) в советской прессе:

Заклятые враги народа – Троцкий, Бухарин и другие агенты фашистских разведок, шпионы и диверсанты, *террористы* и торговцы родиной.. (Правда. 1938. 5 марта)

... подлые замыслы фашистских шпионов, *террористов*, реставраторов капитализма и убийц.. (Правда. 1938. 5 марта)

Закончился судебный процесс диверсантов, *террористов*, шпионов, поджигателей, убийц, подлых изменников и продавцов родины, агентов врага народа Троцкого, агентов гестапо и японской разведки. (Изв. 1937. 30 янв.)

Это наглядно видно на примере троцкизма, превратившегося уже давно в шпионо-троцкизм, в ораву шпионов, вредителей, провокаторов и *террористов*... (Лит. газета. 1937. 10 нояб.)

Практически неограниченные возможности расширения сигнификата понятия «террорист» в советском дискурсе и его превращения в слово-ярлык с размытым денотативным содержанием удивляют эмигрантов, особенно для них поразительно сопряжение в советской публицистике терминов *белогвардеец* и *террорист*. Причина этого ясна: традиционно террористами в русском языке считали революционеров, но никак не монархистов, консерваторов, вообще защитников старого строя или режима.

... братья Григер были уже осуждены на несколько лет тюремного заключения за попытку нелегального перехода границы – и приговор был внезапно изменен и заменен расстрелом в минуту паники, охватившей большевиков после убийства Кирова, причем беглецы из СССР превратились в советском сообщении в *«белогвардейцев-террористов»*. (Возрождение. 1935. 1 янв. № 3499)

Этот страх перед возможностью нового появления *«белобандитов»* на территории СССР, страх перед возможностью соприкосновения *«белобандитов»* теперь [выделено автором статьи. – А.З.], 15 лет спустя, с рабочим и крестьянином *«Пролетарского государства»* [sic] .. толкает советскую власть сотни раз, за время возникновения Японо-Китайского конфликта, по всякому подходящему и неподходящему поводу возвращаться к белогвардейскому вопросу, подчеркивая этим самым, какое громадное политическое значение они сами придают этим *«выброшенным и конченым врагам пролетариата»*. *«Кровавая провокация белобандитов сорвалась»*, *«Почему белогвардейцы-террористы и их вдохновители на свободе»*, *«Друзья Горгулова – цвет белоэмиграции»*, *«Лицо белобандитского отребья»*, *«Белогвардейские организации на Дальнем Востоке»*, *«Белобандиты в Париже»*, *«Изобличенные преступники»*, *«Смычка Лиги Наций с белобандитами в Маньчжурии»*, .. *«Белобандиты – коллективный организатор убийства Думера»*, *«Белобандитская свора во Франции как у себя дома»*, *«Белобандиты – орудие войны против СССР»*, *«Заботятся о белоэмигрантах»*, *«Французский посол уверяет белобандитов в симпатиях своего правительства»*, *«Расчистить рижские белобандитские трущобы»*, *«Белобандиты продолжают призывать к террору»*, .. *«Белобандиты упражняются в стрельбе»*, *«Судебные оправдания белогвардейцев»*, *«Выслать всех белобандитов»*, *«Цепь белогвардейских провокаций»*, *«Гнездо белобандитов и фашистов в Латвии»*.. *«На русских белогвардейцев в Маньчжурии возлагаются исключительные надежды»*, *«Белобандитские провокаторы пойманы с поличным»*, *«Убийца Думера действовал по прямым директивам белогвардейской эмиграции»*, *«Белогвардейский военный завод во Франции»*, *«Белогвардейский отряд на французской концессии в Шанхае»*,

”Гнездо белогвардейских террористов во Франции” .. и т.д. и т.д. можно привести бесконечное количество подобных заголовков статей, корреспондентских сообщений, фельетонов партийных вожаков и иных советских бумагомарателей, не исключая и светоча большевицкой [sic] литературы – Максима Горького. (Голос России. 1933. янв.-февр.-март. № 17-18-19)

Использование слов *террор*, *террорист* и их производных (*терроризировать*, *терроризированный*, *терроризация*) в русских эмигрантских изданиях отличалось от функционирования этих лексем в советском дискурсе прежде всего более конкретным семантическим содержанием. Эмигрантский узус не знает такого процесса семантического ”опустошения”, ”истощения” содержания понятия, как советское словоупотребление. *Террором* в эмигрантской прессе обозначаются следующие референциальные ситуации:

- власть большевиков и механизмы их управления как страной, так и отдельными институтами (*красный террор*, *большевицкий террор*, *террор ЧК*). Это касается не только Советской России, но и революционной Германии, и Испании, вообще всех стран, где чувствовалось влияние большевиков:

Из Москвы сообщают, что Сталин в последнее время стал заметно ослаблять *террор* в Кр.[асной] Армии, а перед высшим комсоставом даже заискивает. Его милости в производств и наград стали сыпаться как из рога изобилия. (Рус. голос. 1939. 26 февр. № 412)

... коммунисты зажаты [в Испании] в бараний рог и рабочая масса свободно вздохнула, освободившись от их *террора*. (Рус. правда. 1925. сент.-окт.)

Берлинские газеты единодушно сообщают, что коммунистические отряды, пытавшиеся сорвать организованную социал-демократами грандиозную манифестацию протеста против реакции, были набраны среди самых темных элементов берлинского лумпен-пролетариата [sic]. [...] Эти черные сотни не могли помешать рабочей манифестации. Но на одно они все же способны: это *терроризировать* отдельных людей. (Дни. 1925. 31 янв. № 679)

... при берлинском полпредстве [СССР] существовало специальное бюро, руководившее всей *террористической* работой ”германской чеки”. (Дни. 1925. 11 февр. № 688)

Войска ОГПУ – типичная армия политической охраны и усмирения. Самое состояние их при таком прославленном сыске и *террором* учреждении, как ГПУ, переделанного из Чека, вполне иллюстрирует назначение и роль этих войск. Это янычары диктатуры Коммунистической партии. (Голос России. 1931. 1 сент. № 2)

Случаи эти характеризуют положение белой эмиграции в Харбине и полосе отчуждения КВЖД: *красный террор* местных и приезжих агентов ГПУ может развиваться с полным успехом и при полной безнаказанности. (Голос России. 1931. 1 сент. № 2)

Красная Армия, где дисциплина основана на *терроре*, на страхе перед Чека, которая использует мучительную смерть не только над виновником, но и над

заложником (семья виновного, оставшаяся в России). Разве храбрость может воспитываться на страхе? (Голос России. 1932. сент.-окт. № 13-14)

По сообщению агентства Рейтер, Крым очищен от большевиков. Жители высказывают бурную радость по поводу избавления от *террора красных*. (Возрождение. 1919. 6 июля. № 1)

... в действительности социалистический Интернационал неоднократно протестовал против *большевицкого* [sic] *террора*.. (Дни. 1925. 28 янв. № 676)

В войсках усилена политграмота, усилен надзор за командным составом, невероятный сыск царит в армии, органы ГПУ пронизали всю ее толщу. *Терроризированный* командный состав, боясь ответственности, подчиняется требованиям, военным комиссарам и политкомам.. [...] Между командирами – взаимное недоверие, внутренний сыск, доносительство и подхалимство. (Рус. голос. 1939. 12 марта. № 414)

Террор в эмигрантских монархических (вообще "правых" изданиях) расценивается как универсальный и практически единственный инструмент сохранения и удерживания власти большевиками (революционерами). Очевидно, такой коннотативный "шлейф" в эмигрантском словоупотреблении тянулся за понятием еще из речевой практики дореволюционного времени и тогдашней социально-политической ситуации.

- власть фашистов (особенно в анархических изданиях, в которых феномены фашизма в Италии, Германии и коммунизма в России приравниваются друг к другу):

Ныне фашизм повелевает в Италии. [...] Газеты, организации, рабочие союзы – все, что носит на себе малейший отпечаток революционности – уничтожено с корнем. [...] В Италии ныне нет больше живого человеческого слова. В Италии царят смерть и разрушение. Однако революционный и анархический дух – остается. Из крови растет он, и даст плод. Раздавленные – подымаются. Угнетенные – идет к возмущению. *Террором* и насилием не убить идею, не убить анархию. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

... буржуазия сумела использовать положение лучше всех революционеров. Не откладывая дела "до лучшего случая", который-де представится "завтра", и не теряя драгоценного времени, она постаралась, прибегая ко всем возможным способам, положить "раз навсегда" конец "*красному террору*". Тем самым она дала жизнь и возможность действовать фашизму. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Это тем более любопытно, что среди анархистов существовали группы, пропагандирующие идеи насильственного свержения существующего строя, что, впрочем, объясняется общим революционным прошлым с большевиками и другими партиями и движениями "левого" (революционного) политического блока. Однако анархические газеты использовали прием прагматического "расслоения" одного понятия (этот механизм вообще часто используется в публицистическом дискурсе): обозначить каким-либо словом понятие, приписав его денотативному полю политического оппонента (противника),

однако то же самое денотативное содержание, но уже входящее в "свое" сигнификативное пространство, назвать иными, эвфемистическими, лексемами, например, стилистически и прагматически нейтральным *борьба*:

Борьба все усиливается и разгорается с каждым днем. И близится уже рассвет... Занимается заря новой, свободной жизни... (Анархич. вестник. 1923. № 5-6)

- власть белых армий Деникина, Врангеля, Колчака и др. царских генералов на занятых ими территориях во время Гражданской войны. Такое использование термина встречается главным образом в либерально-демократических, социалистических газетах:

Мы, русские революционеры, демократы и социалисты, непримиримые враги большевизма, мы .. не уставали твердить одно и то же: нельзя *красный террор* победить *террором белым*, нельзя на ужасы чрезвычайек отвечать сугубыми безобразиями восстановленных охранных отделений, нельзя с демагогией, базирующейся на своекорыстные, шкурнические интересы самых темных масс населения, бороться, опираясь на неутолимую жажду мести придворной, земельной и финансовой аристократии и прочих обломков навсегда погибшего царизма. (Воля России. 1920. 14 сент. № 2)

... на страницах милюковского органа "New Russia", в Бурцевской "Cause Commune", в "Matin", в "Victoire" и в прочих рептилиях можно было прочесть ошеломляющие разоблачения творившихся под флагом "слабого, безвольного, керенствующего Деникина" ужасов *белого террора*, взяточничества, хищения и разгула. (Воля России. 1920. 14 сент. № 2)

- активная вооруженная борьба с советским режимом в форме диверсий, поджогов, убийств активистов (преимущественно в народно-патриотических, монархических, "правых" газетах):

По всей России идет непрекращающийся крестьянский и народный *террор* против представителей красной власти. Селькоры и рабкоры, наушники Советской власти, а также чекисты и отдельные намозолившие народу глаза коммунисты все время гибнут от руки народных мстителей, обычно остающихся нераскрытыми. [...] Рука народных мстителей настигает своих врагов везде. (Рус. правда. 1925. сент.-окт.)

На *красный террор* Чеки ответим нашим *всенародным* неуловимым неуследимым *террором*. (Рус. правда. 1925. нояб.-дек.)

В округах Советской Белоруссии .. последние месяцы продолжался *низовой народный террор* и шла *террористическая* работа Братских и союзных Братских Зеленодубских "пятерок" и "троек". (Голос России. 1931. 2 авг. № 1)

Низовой противокрасный террор на Дону, на Кубани, на Сев.[ерном] Кавказе, в Черноморье. (Голос России. 1931. 1 сент. № 2)

Такой диапазон, разброс представлений и оценок террора влиял на интерпретацию и коннотации слов *террорист*, *терроризировать*, *террористический* в разных кругах эмиграции.

Орудием осуществления террористических акций уже давно служили *адские машины*. Поэтому интересно также рассмотреть, какие семантические

процессы проходили в данном обозначении как в советском, так и эмигрантском дискурсах и отличались ли они друг от друга. В русском языке словосочетание *адская машина* известно около 200 лет. Источник – прямая калька с французского *machine infernale*. Из французского оно было калькировано также в немецкий – *Höllmaschine* (*Hölle* "ад"). В русском языке 18 века переводы французского *machine infernale* оказались весьма необычными. В военной сфере калькировали словосочетания *адская цепь* (фортификационный термин), *адская машина* (оборонительный термин), в публицистике – *адская машина*, *адский снаряд*:

[Жандарм] весь встревожен: не везу ли в карете пушки я тайком? Не *адский* ли снаряд? (Вяземский. Проезд чрез Францию в 1851 г.)

Способы совершенствования взрывных устройств и сосредоточение новых обозначений вокруг ключевого понятия «бомба» (заимствовано из франц. *bombe* в 18 в.) приводят к перераспределению семантических и функционально-стилистических отношений между ними: *адская машина*, чаще ассоциируясь с самодельным взрывным устройством, начинает восприниматься как публицистическая метафора для обозначения *бомбы* – второе название воспринимается номинативно первичным, первое – номинативно вторичным, экспрессивно-выразительным. В языке военных появляется новый термин *бомба замедленного действия*.

В советской публицистике 20-30 годов словосочетание *адская машина* в прямом значении встречается редко:

... суд предъявляет конфискованное у обвиняемых большое количество взрывчатых материалов, в том числе 7 кг динамита, 100 гранат, *адские машины*, большое количество револьверов и сигнальных ракет. (Изв. 1934. 23 апр.)

Зато в советском официальном дискурсе появляются новые публицистические метафоры:

Фашизм пускает в ход всю *адскую машину* угроз и проклятий по адресу большевизма. (Большевик. 1936. № IX)

Адская механика подготовки мировой империалистической войны стала яснее. (Ленингр. правда. 1934. 1 авг.)

Если словосочетание *адская машина* в русском языке 20-30 годов¹ постепенно уходило на лексико-семантическую периферию, то в эмигрантском узусе оно использовалось по-прежнему в номинативном значении. Борьба с советской

¹ Термин *адская машина* для обозначения взрывного устройства в советском узусе уходит из употребления; например, БСЭ дает такое определение понятия: "снаряд, снабженный часовым механизмом. Термин "а.[дские] м.[машины]" вышел из употребления. На принципе а.[дской] м. [ашины], т.е. взрыве по прошествии заданного срока, устраивают т.[ак] н.[азываемые] мины замедленного действия" [БСЭ Т. 1: 421]. Впрочем, в конце 1980-начале 1990-х годов словосочетание вновь активизировалось.

властью, советским строем толкала некоторые наиболее радикальные эмигрантские круги (как монархические, так и радикальные анархические) на подготовку и совершение террористических актов. Поэтому в таких изданиях словосочетание *адская машина* встречается довольно часто:

В Харьковском ГПУ схвачено двое террористов в форме комсостава ГПУ. При них *адская машина* огромной силы. (Голос России. 1931. 1 сент. № 2)

В Екатеринодаре группе противников советской власти удалось разместить *адские машины* в помещении штаба четвертой дивизии красной армии. (Голос России. 1931. 1 сент. № 2)

В Москве 1921 г. советская власть расстреляла анархически мыслящую семью Барона, якобы участвовавшую в налетах с уголовными элементами. Но кто поверит этому? Кто не знает семью Барона в Америке, который в мою бытность там издавал на английском языке анархическую газету, сыгравшую громадную роль для участи революционера Тома Муни, попавшего в кровавые лапы американских тузов, желавших его казнить за то, что якобы он положил *адскую машину* на мостовую во время буржуазной демонстрации? (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Итак, террористическая терминология в эмигрантской прессе сосредоточивается преимущественно в монархических, народно-патриотических и анархических изданиях, в демократических газетах эта лексико-семантическая группа практически отсутствует. Такая дифференциация по разным типам изданий определяется идеологий и практической деятельностью той или иной эмигрантской группы относительно советского режима и способов борьбы с ним. Именно этот экстралингвистический фактор объясняет активность и дифференцированность использования террористической лексики в эмигрантских газетах.

10.0. Семантико-прагматическая структура колоризмов

Прилагательные со значением цвета (колоризмы) в эмигрантской прессе часто служили лексико-семантическими знаками, называющими ту или иную идеологическо-политическую позицию индивида, социальной группы. Переносные значения в семантической структуре имен прилагательных активно стали калькироваться из европейских языков, начиная с 18 в., причем важно отметить, что заимствование новых значений проходило в подавляющем большинстве в области политической, а не религиозной, как это было в древнерусском языке.

В первые годы после революции именно большевистский лексикон и его прагматические оценки определяли семантику цветочных прилагательных в политическом контексте; единственным словом с "положительной" семантикой и позитивной прагматикой в советское время являлось *красный*, все

другие цветообозначения политического спектра оценивались относительно него – отрицательно. Активность цветowych прилагательных в языке первой трети 20 века определяется во многом популярностью такой семантической модели в большевистских изданиях по мере роста коммунистической партии и влияния ее на политику: цветowych прилагательные служили яркими знаками-метками, были подобны подпольным прозвищам или кличкам для отделения "своего" от "чужого". Ср. мнение С.И. Карцевского: "[В эпоху 1905 г.] сравнительно мало употребляется слово *красный* для обозначения революционеров, очень ходовое, напротив, в прежние (70-80-ые), когда для широкой публики не существовало различия партийных толков среди революционеров. Зато вся гамма цветов применяется в наши дни; *белые, черные, зелёные* (дезертиры), *жёлтые* (социалисты-"соглашатели"), *розовые* (те же в лексиконе правых)" [Карцевский 2000: 236]. Парадокс, однако, заключался в том, что все политические "цвета", кроме *красного*, были – в принципе – сведены в большевистской прессе 20-30-х годов к одному – *белому*; всё, что не было *красным*, оценивалось как *белое*: "*Белыми* большевики называют всех, кто не с ними.." [Карцевский 2000: 242]. Это наблюдение подтверждает и современный исследователь: "Для большинства устойчивых словесных комплексов с прилагательными-колоризмами характерна негативнооценочная окраска (в этом плане особенно выделяются обороты с прилагательными *чёрный, жёлтый, коричневый, белый*") [Григорьева 1986: 16]. Так (с)формировался советский двоичный политический код: общая семантико-идеологическая оппозиция *красного – белому* протекала в области нейтрализации "не-красных" цветowych политического спектра и приведению их всех к одному "общему знаменателю" – *белому* "политическому" цвету.

Рассмотрим семантическое и прагматическое функционирование ключевых слов *красный* и *белый* в эмигрантском дискурсе (детальный анализ дан в: [Зеленин 1999a; 1999b; 1999c; 1999d])¹. Использование прилагательных в "политическом" значении было активным не только в анархических изданиях, что было вполне объяснимо (общий со всеми революционными партиями и группами период подпольного или полунелегального революционного прошлого), но эти прилагательные достаточно широко проникли во многие другие издания – монархистов, демократов, кадетов.

Демократам были одинаково ненавистны как *красные*, так и *белые* (защитники старого режима); ср. характерные словосочетания: *красный террор, белый террор*. Однако гораздо чаще *красный* в демократических или кадетских газетах выступал в смысловой оппозиции прилагательному *чёрный* "монархический", чем *белый*; оба понятия оцениваются отрицательно:

Какую же огромную моральную поддержку оказывает "Humanité" грядущей реакции, провозглашая, что для России нет другого выбора, как только между *красной* или *чёрной диктатурой!* (Возрождение. 1919. 12 окт. № 86)

¹ О прагматике *красного, белого* (и других прилагательных-колоризмов в политическом контексте) см. также: [Грановская 1995: 39, 76; Душенко 1996; Грановская 2005: 219-224].

Мы боремся против обеих *диктатур*, против *красного* и *черного* разложения, боремся за те идеалы народовластия, к которым неизбежно придет русский народ.. (Воля России. 1920. 19 сент. № 7)

Для демократов и монархизм, и советский режим (диктатура) представляют практически равноценные, равнозначные типы террора, несвободы. Ср. также наблюдение Карцевского о прилагательном *чёрный*: „..в эмиграции .. ожило слово *чёрный* для обозначения крайне правых” [Карцевский 2000: 242]; „..в эмиграции выделяют крайне правых .. как *черных* (ср. *чёрная сотня*, *черносоптенник*)” [там же: 245]. В демократических газетах происходит семантическая нейтрализация прилагательных *белый* и *чёрный* в общем переносном значении „монархический, реставраторский по своим убеждениям”. Языковые антонимы становятся контекстуальными (публицистическими) синонимами (квазисинонимами).

Оттенки *красного* в политическом значении для обозначения разной степени „близости” к коммунистической идеологии активно использовались эмигрантами; в языковом плане это находило выражение в развитии у слов *полукрасный*, *розовый*, *розоватый* нового значения „прокоммунистический, сочувствующий большевикам, советскому строю”. Эти прилагательные были характерны в особенности для монархических, профашистских или „народно-патриотических” изданий:

Комиссарская власть продолжает усиленно кидать деньги, в надежде разжечь *красное* движение на Балканах. Особенно велика ненависть Комиссаров к маленькой Болгарии, где правит в полном согласии с молодым Царем Борисом Национальное правительство Цанкова, успевшее за эти годы, после свержения *полукрасного* правительства друга большевиков Стамбулийского, благополучно подавить уже несколько устроенных из Москвы попыток *красного переворота*. (Рус. правда. 1925. сент.-окт.)

Почему СЖТ [Генеральная Конфедерация Профсоюзов. – А.З.] ведет именно теперь такую усиленную агитацию? [...] Русских белых нужно перекрасить в *красных* или, по меньшей мере, в *розовых*. Однако какие делают для этого усилия... (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

Потерпевшая тяжелое поражение в Каталонии и оставленная на милость победителя своими друзьями – *красной Москвой* и *розовой Францией* – *красная Испания* агонизирует. Восстания и перевороты в *красном стане* – это последние конвульсии. (Рус. голос. 1939. 12 марта. № 414)

Число членов партий фашистов все время увеличивается. [...] Если сравнить, что было три года назад, при правительствах всяких *розовых* и *розоватых* „соглашателей”, то Италию прямо не узнать. Вся страна точно воскресла. (Рус. правда. 1925. сент.-окт.)

У слова *розовый* ранее (с 40-х годов 19 века) существовало только „неполитическое” значение „безмятежный, романтический, не омраченный заботами”, вычленившись из французского калькированного выражения *видеть в розовом свете* (*voir en rose*) и употребляемого первоначально в художественной

литературе [Сорокин 1965: 527]. Прилагательное *розовый* развило переносную "политическую" семантику уже на русской языковой почве, поскольку просмотренные нами исторические словари французского, английского, немецкого языков не фиксируют данного значения. Только в начале 80-х годов 20 века во французском языке прилагательное *rose* "розовый" начинает ассоциироваться с социалистической партией [TLF 10: 671].

Слово *красный* (и его политические "оттенки") вступало в сочетание с другими прилагательными политического спектра: *зелёно-красный*, *зелёно-розовый*:

Зелено-красный фронт [название заметки]
"Зеленые" между Петроградом и Ярославлем разобрали железнодорожный путь на расстоянии 100 верст и образовали новый фронт. Они имеют орудия, и большевики их очень боятся. (Возрождение. 1919. 8 окт. № 82)

В конце марта Лебедева передавала по прямому проводу во Владивосток: "...Создание "буферного государства" [в Николаевске] считаем *зелено-розовой* контрреволюцией, а то, что некоторые коммунисты поддерживают эту идею, считаем глубокой ошибкой..." (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Прилагательное и субстантиват *зеленый* возникло в послереволюционные годы для обозначения участников национально-освободительного движения на Украине в 1919-1920 гг., которые руководствовались идеей самоуправления и избрали партизанскую тактику ведения борьбы, часто скрываясь в лесу. Именно этот признак (*зеленый лес*, а также военная форма зеленого цвета) и лёг в основание наименования. В СУ отмечается кратковременная жизнь этого слова: "крестьянские отряды во время гражданской войны 1919-1920 гг., составлявшиеся из дезертиров и ведших борьбу гл.[авным] обр.[разом] против белых, действуя у них в тылу, но также иногда и против красных, являясь в этом случае орудием кулачества" [СУ Т. 1: 1092]. В эмигрантской прессе это слово встречается также только в эти годы, в последующем выйдя из употребления:

В ночь на 20-е августа многочисленная банда "зеленых" напала на Бешуйские угольные копи, разграбила кассу, взорвала пороховой погреб .. и после перестрелки ушла. (Воля России. 1920. 17 сент. № 5)

В анархических изданиях происходит смыкание понятий «коммунистический», «монархический», «фашистский» и образование сложных прилагательных *красно-фашистский*, *бело-фашистский*, в данном дискурсивном поле обладающих интенсивной негативной прагматикой (ср. лексическую сочетаемость с существительным *реакция*):

Т-щи [товарищи] рабочие, крестьяне и революционные социалисты Запада и Америки! Мы вам сообщаем об этом факте издевательства [расправы над участниками вечера памяти П.Л. Лаврова. – А.З.] над революционными социалистами России .. не для того, чтобы поразить ваше воображение. Этот факт тонет в море подобных и еще более возмутительных фактов, имеющих место везде, где

трудящиеся ведут борьбу за свои права, встречая отпор как со стороны *красно-фашистской*, так и *бело-фашистской* реакции. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Прилагательное *жёлтый* продолжает использоваться эмигрантами, в советском же дискурсе оно становится языковым маркером некоторых реалий зарубежной (буржуазной, капиталистической) жизни. Интересно, что до революции отрицательные коннотации прилагательного *жёлтый*¹ ярко проявлялись только в большевистской (вообще "левой") прессе, находящейся на периферии общественного внимания и оценок. В демократических изданиях прилагательное *жёлтый* (в сочетаниях *жёлтые синдикаты*, *жёлтые объединения*, *жёлтые профсоюзы*) могло употребляться в терминологическом, без негативных коннотаций, значении "мирное улаживание всех споров между предпринимателями и рабочими" [Лексика 1981: 272]. Бескомпромиссность политической борьбы и резкое противопоставление всему капиталистическому, постепенное уничтожение всех иных, кроме большевистских, изданий способствовали закреплению отрицательной коннотации в семантической структуре прилагательного *жёлтый*; так, в СУ дается: "работающий в сотрудничестве с капиталистами, реформистский (о профсоюзах; презрит., в языке революционеров)" [СУ Т. 1: 855], прагматически сближаемое со словом *штрейкбрехер(ский)*, имеющим однозначно негативную оценочность.

Прилагательное *жёлтый* было свойственно (преимущественно) демократическим или "левым" эмигрантским изданиям, где его семантика и прагматика близка употреблению в социал-демократическом (и, соответственно, большевистском) лексиконе:

В духовной жизни русской эмиграции здесь [в Нью-Йорке] виден распад, но не заметно сложение. [...] Антибольшевицкие [sic] группы тоже не расцветают. Одно время заметное место заняли было анархисты. Полгода тому назад их газета, утратив в Нью-Йорке влияние, перешла в Чикаго, ее руководящая группа слилась с обществами взаимопомощи, анархизм принял совсем *желтые* тона. (Дни. 1926. 19 нояб. № 1163)

Если все государственные аппараты имеют свои надежные источники информации, мы .. имеем только аппарат дезинформации в виде "*желтой*" прессы.. (Сигнал. 1939. 1 апр. № 52)

... центр тяжести в обвинениях третьего интернационала против этой федерации [тред-юнионов] как раз и заключается в том, что она [федерация] ведет "*желтую*" политику компромиссов. (Пуль. 1920. 2 дек. № 2766)

Прилагательное *чёрный* в социал-демократических и анархических изданиях часто употреблялось в составе устойчивых сочетаний (*Черная сотня*) или сложных слов (*черносотенцы*, *черносотенный*, *черносотенство*), идущих еще из дореволюционного языка.

¹ Калька французского словосочетания *syndicats jaunes* (термин появился в 1901 г. как семантическое противопоставление выражению *syndicats rouges* "красные профсоюзы" [TLF 10: 671]) или английского *yellow syndicates* "жёлтые профсоюзы".

... господствующая сейчас в России коммунистическая партия как партия порядка и твердой власти начинает импонировать даже *черносотенным* монархическим элементам.. (Анархич. вестник. 1924. № 7)

Под несомненным давлением французов, решивших устроить на Крымском полуострове нечто вроде "union sacrée" всех "патриотов", туда выезжают: Гучков, Маклаков, Могилянский, Моркотун, Климович, Гурко, Цитович, приглашены .. Каменка, Второв, Денисов, Милюков, граф Коковцев, Третьяков и целый сонм кадетов, профессоров, миллионеров и *черносотенцев*. (Воля России. 1920. 17 сент. № 5)

... для "Humanité" лучшие и просвещенные люди, "élite", воплощаются в образе Лениных, Троцких, Луначарских etc., тогда как "Призыву" [монархическая газета в Берлине. – А.З.] эта "élite" рисуется в образе ныне выступающих на авансцену истории полковников Бермонтов, баронов Паленов, сенаторов Римских-Корсаковых и прочих бывших и будущих героев реакции и *черносотенства*. (Возрождение. 1919. 12 окт. № 86)

Термин *черносотенец* и однокоренные с ним были очень активны в эмигрантской публицистике (см. также свидетельство С.И. Карцевского [Карцевский 2000: 234]), хотя в свое время звучало мнение, что данное обозначение относится к "исторически недолговечным" в русском языке [Грановская 1983: 48]. Это предположение, высказанное еще в начале 80-х годов 20 в., не учитывало эмигрантскую разновидность русского языка и верно только в отношении упоминаемого этим автором слова *хоругвеносец* (бывшего какое-то время синонимом *черносотенца*). В более поздней работе Л.М. Грановская указывает на факт использования обозначения *черная армия* "военизированные формирования в Германии" в эмигрантской разновидности русского языка [Грановская 1995: 38].

Зарождение в Германии и Италии фашизма вызывало большую тревогу в демократических эмигрантских кругах. Из итальянского языка во многие европейские языки калькируется слово *чернорубашечник* (из итал. *camicia nera*, по цвету черных рубашек первых фашистских групп Муссолини, созданных в 1922 г. [Cortelazzo & Zolli 1979 Т. 1: 191]); ср. эквивалентные кальки в других европейских языках: англ. *black shirt* = *blackshirted*, франц. *chemise noire*, нем. *schwarzes Hemd*. В немецком известно слово *Hakenkreuz* "сторонник, последователь фашистской, или национал-социалистической, идеологии" (от существительного *Hakenkreuz* "крест в форме свастики" [BE 1979 Т. 4: 371-372; GW 1973 Т. 3: 1222]). Это понятие в русских социал-демократических и анархических приравнивается по смыслу и прагматическому потенциалу русскому словосочетанию *черная сотня*; сторонники национал-социалистического движения в Германии называются *черносотенными элементами*. Несомненно, такая семантическая субституция немецкого понятия русским термином с негативной окраской (в пределах прагматического поля демократической и "левой" прессы) имеет целью усилить отрицательную прагматику иноязычного лексического знака (варваризма):

... один из подсудимых – немцев стоит во главе реакционной политической организации в Баварии и участвовал в пресловутом Гитлер-Людендорфском путче, другой печатал в своей типографии *немецкие черносотенные* брошюры и пр. (Сегодня. 1930. 9 янв. № 9)

Так называемое национально-социалистическое движение в Германии, группирующееся вокруг гитлеровских "Hakenkreuzer" (*черная сотня*), идет по тем же следам и, без сомнения, имеет влияние на известные круги немецкого рабочего класса, особенно в Баварии. (Анархич. вестник. 1923. № 5-6)

Черная сотня [название заметки]

Берлинские газеты единодушно сообщают, что коммунистические отряды, пытавшиеся сорвать организованную социал-демократами грандиозную манифестацию протеста против реакции, были на вербованы среди самых темных элементов берлинского lumpen-пролетариата¹ [sic]. [...] Эти *черные сотни* не могли помешать рабочей манифестации. Но на одно они все же способны: это терроризировать отдельных людей. (Дни. 1925. 31 янв. № 679)

Напротив, в русских профашистских эмигрантских кругах идеи Муссолини и Гитлера встречали сочувствие и поддержку, поэтому группа лексикки с ключевым понятием «черносотенный» имеет положительные коннотации:

В Мукачево, на легковой машине, я прибыл вечером. Ехал я с офицером гвардии *чернорубашечников* В.И. Чепинцем. (Рус. голос. 1939. 26 марта. № 416)

В анархическом дискурсе *чёрный*, помимо общего с демократическими изданиями употребления в значении "монархический, крайне правый по убеждениям", имело также "собственно анархическую" семантику и символику, которые были мотивированы известными историческими событиями². Анархические издания используют прилагательное *черный* в составе терминологических сочетаний *черный крест* (общество, группа анархистов-социалистов), *черный интернационал* (= "анархический" или даже еще в идущем из 19 века значении "социалистический"):

Лиза, однако, благополучно бежит из Одесской тюрьмы, а Меккель, попав в концлагерь, в первый же день там сильно избивается и – вследствие шума, поднятого по этому поводу Одесским *Черным Крестом*, а также ввиду после-

¹ Об орфографии данного слова см. в главе "Графика. Орфография. Параграфемика".

² В ответ на расстрел 21 ноября 1831 г. в Лионе манифестации уволенных ткачей вспыхнуло восстание; на баррикадах тогда впервые взвился черный флаг с девизом: "Жить работая или умереть сражаясь!". Черный цвет знамени символизировал отчаяние и нищету рабочих. Черный стал рассматриваться как антимонархический цвет – в противовес белому, цвету французской монархии Бурбонов. Во время восстания в Париже 5-6 июня 1832 г. повстанцы подняли красное знамя. С этих пор черный и красный считаются двумя основными цветами анархизма вообще. Широкое распространение черного знамени связывают с Лондонским (14-20 июля 1881 г.) конгрессом, когда было провозглашено создание Международной ассоциации трудящихся ("Черного Интернационала"). Черный цвет знамени был принят анархистами Франции, России, Польши, Германии, Италии, Северной Америки.

довавшей в скором времени ликвидации концентрац.[ионных] лагерей, – вовсе освобождается. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

... в Москве власть еще терпит кое-какие легальные учреждения, как книгоиздательство "Голос Труда", карелинский *Черный Крест* и Музей имени Кропоткина.. (Анархич. вестник. 1924. № 7)

Приведенные цитаты характеризуют *чёрный* как "позитивный" цвет в контексте всего анархизма. Ср., однако, прагматическую оценку понятия *черный интернационал* проанархической газетой:

"*Черный*, желтый и красный интернационал против русского народа", – протестует ужгородская газета "Русский народный голос", выражая свое недоумение, как коммунисты могли объединиться с фашистами, а безбожники со служителями церкви. (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

Политическое "многоцветье", нюансы в идеологических программах и позициях эмигранты часто обозначали существительным *оттенком*:

... все искусственные построения наших расовых теоретиков и националистов всех категорий и *оттенков*, с их бессмысленными утверждениями о существовании высших и низших народностей являются до последней степени абсурдными и архиреакционными (Анархич. вестник. 1923. № 5-6)

Такова, в основных чертах, политическая обстановка, в которой Германия вступила в 1930 год. [...] Демократия всех *оттенков* сохраняет внешнее спокойствие, за которым нетрудно рассмотреть внутреннюю тревогу за туманное будущее, а растущая дороговизна усиливает недовольство масс, которым вздорожавший трамвай важнее тонких политических и партийных хитросплетений. (Сегодня. 1930. 8 янв. № 8)

Все формы и *оттенки* анархического движения в России – движение объединенного анархизма ("Набат"), махновщины, анархические и анархосиндикалистские съезды и конференции, всякая анархическая организация – подвергались неизменной атаке со стороны анархобольшевизма (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Конечно, большевики стоят за "борьбу с фашизмом"; но в их глазах Даладье и Чемберлен такие же "фашисты", как Муссолини и Хитлер [sic]. Разница только в *оттенках*. (Возрождение. 1939. 7 июля. № 4191)

Таким образом, семантика и прагматика цветовых прилагательных в эмигрантской публицистике первой волны показывает их дифференциацию по различным партийно-политическим изданиям; прагматический компонент значения оказывается ведущим для оценочных характеристик данного класса прилагательных в политических контекстах. Это обусловлено тем, что вторичные ("политические") значения прилагательных формируются фоновой "отсылкой" к политической позиции индивида, группы, партии. В эмигрантском речевом узусе колоризмы – при всей непримиримости идейных и мировоззренческих установок людей – продолжали свою языковую жизнь (с

дореволюционных или послереволюционных времен), **развивали** новую семантику и прагматику применительно к изменившимся социально-политическим условиям и **существовали** в едином противопоставлении *красному*, номинативное значение которого "советский, коммунистический" было тесно связано с прагматическим элементом "насильственный, рабский". Советский дискурс оперировал *красным* как единственно "правильным" цветом политического спектра, насыщая его новыми смысловыми оттенками и сгущая его во всеобъемлющий символ пролетарской революции. Одновременно с этим шло вычеркивание всех других политических "цветов", которые квалифицировались в словарях как "историзмы" (*зелёные, белые*) или реалии зарубежной (капиталистической) действительности ("экзотизмы"), враждебные "красному".

11.0. Союзники и оппоненты (структура квазисинонимических рядов в анархической прессе)

Разные типы изданий, ориентирующиеся на ту или иную аудиторию, вырабатывают свою аксиологическую шкалу симпатий и антипатий, формируют понятийно-ассоциативное поле (лексикон и прагматикон) социолекта. В пределах социолекта ключевым понятиям, терминам, словам придается некоторое значение или прагматическая окраска, которые не оспариваются и принимаются (микро)социумом как данность, как очевидная реальность. Напротив, в рамках микросоциума В аксиологическая шкала, ценностная система понятий, принятая в социуме А, может приниматься частично либо даже полностью отвергаться как несовместимая с его ценностной шкалой. Соответственно, различаются и пропозициональные установки социумов (и социолектов) А, В, С, D и т.д. В этом случае интеллектуальное и психоэмоциональное воздействие на человека может осуществляться не только с помощью лексических единиц, в семантико-прагматической структуре которых содержатся оценочные элементы, но также и с помощью нейтральных в стилистическом отношении слов, однако денотативное содержание которых воспринимается и оценивается негативно в ценностной, аксиологической картине того или иного социума. Совершенно очевидно, что одни и те же лексемы, например, в монархических и анархических изданиях будут значительно различаться, а то и противопоставляться по прагматической оценке. Так, в цитате из монархического издания выделенные курсивом фрагменты несут в рамках монархического социолекта позитивную прагматическую нагрузку:

Под сенью *Российского Императорского Дома* развивалась и крепла Россия в течение более 300 лет, и привет *Ее Главы* и высокая оценка, данная *Его Императорским Высочеством подвигам Белых Армий* и нашей готовности отдать все свои силы на служение Родине, нам особенно дороги.. (Рус. голос. 1939. 19 февр. № 411)

Начинают тосковать по России вчерашние ее недоброжелатели. Начинают уже понимать, что всем нужна Россия, *Россия царская*, сочетавшая в *имперском творчестве* свою славянскую стихию с культурой древнего Востока и христианского Запада. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

Чекисты заливают Россию человеческой кровью, а чрезвычайные послы в золотом шитье и в страусовых перьях спокойно, важно шествуют по крови творцов *великой империи*. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

В анархическом дискурсе эти же понятия имеют противоположную прагматическую интерпретацию и оценку. Напротив, понятия «революционер», «анархист», «революция» и др., оцениваемые в монархическом дискурсе негативно, в анархическом лингвоаксиологическом пространстве выступают как позитивные:

Империи и монархии, республики, лиги наций – порождение дьявольских сил; пушки, дредноуты, удушливые газы, истребительный огонь; тюрьмы, виселицы, электрические кресла... (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Абсолютная монархия .. обращалась с широкими народными массами своих бесправных подданных, как с большим дойным стадом. (Анархич. вестник. 1923. № 5-6)

Кровавая монархическая власть в России расстреливала, вешала, ссылая анархистов и революционеров в необитаемые места, но не убила революционное движение в России. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Ясно, что семантико-прагматическая структура таких номинаций, как *монарх*, *революционер* не содержит эксплицитных показателей негативной/позитивной прагматики, она рождается в границах того или иного дискурса на основе коннотаций, которые, с одной стороны, формируются как "расстояние между денотатом и сигнификатом" [Винокур 1993: 47], с другой – "имплицитуют отношение говорящего к предмету речи" [там же: 34]. Выбор языковой единицы в печатном органе, обусловленный аксиологической, ценностной шкалой данного социолекта, играет важную роль в реализации функции воздействия на индивида.

В газетно-публицистический стиль попадают лексемы разных функциональных стилей, но они адаптируются как семантически, так и стилистически, включаясь в его политический лексикон и служа для выражения позиции той или иной группой (социумом в целом или микросоциумом). Лексемы одного семантического поля могут формировать газетно-публицистические функциональные ряды на основе общего, интегрирующего, оценочного признака, зачастую игнорирующего реальные денотативные различия лексем. Центральным, ведущим критерием лексико-семантического сближения слов в публицистическом стиле является одинаковая оценочность, в рамках которой денотативные различия оттесняются на второй план, а на первый часто выдвигается "функция объекта борьбы" [Денисов 1998: 106]. "Принцип социальной оценочности .. выступает как важнейший внутренний принцип

организации [газетной лексики. – А.З.] и распределения по функциям, как проявление системности лексики газетно-публицистического стиля. В результате газетно-публицистической специализации создается новая, иная по сравнению с общелитературным языком, системность организации лексики” [Солганик 1981: 72]. Именно аксиологически-оценочный фактор как один из основополагающих, структурирующих в газетно-публицистическом тексте является регулятором при формировании квазисинонимических рядов, которые представляют объединение лексем, в пределах некоторого дискурса обладающих высокой степенью сигнификативной близости при нейтрализации семантических различий. Иными словами, интегральная функция актуализируемых для данной цели слов преобладает над дифференциальной, различительной. Семантический механизм иррадиации ”захватывает” новые и новые лексемы¹, мобилизует в свои семантико-понятийные ряды новых и новых членов, так что порой квазисинонимические публицистические ряды оказываются весьма разветвленными. Понятно, что в рамках другого (например, идеологически противостоящего) дискурса могут формироваться ряды квазисинонимов с иными составными компонентами. Данный механизм квазисинонимии на материале языка или отдельного публициста (квазисинонимы в публицистических текстах Ленина исследуются, напр., в: [Денисов 1998: 105-106]), или языка советской прессы 60-70-х годов 20 в. [Солганик 1981], или советского официального дискурса брежневского периода (середина 60-начало 80-х годов 20 в.) [Seriot 1985; Weiss 1986] уже неоднократно служил объектом описания. Рассмотрим на примере анархических газет, как и на основе каких сем могут формироваться квазисинонимические ряды в рамках данного социолекта, в котором отчетливо противопоставляются два полюса: партийно-идеологических союзников и политических оппонентов. При анализе квазисинонимов мы используем принцип концентризма: от центра квазисинонимического ряда, который формируется наиболее частотными и презентативными лексемами (их семный состав наиболее полно, в эксплицитном виде, отражает анархические идеи), – к его периферии (т.е. лексемам, в семантической структуре которых есть семы, отвечающие, соответствующие анархическому прагматикону и лексикону).

Доминантным семантическим элементом квазисинонимического ряда «союзники» выступает лексема *анархист*, которая ”запускает” механизм иррадиации и задает семантико-коннотативные критерии для включения, вхождения новых членов. Структуру квазисинонимического ряда в эмигрантских изданиях можно представить по убывающей, как цепочечную семантико-ас-

---

¹ Контекстуальное окружение лексемы в газетно-публицистическом стиле очень важно, что неоднократно подчеркивалось исследователями. Ключевые слова, которые формируют идеологическое поле какого-л. дискурса, вбирают из контекстов ”содержащиеся в них сведения о тех или иных экстралингвистических обстоятельствах, не связанных с признаками самого обозначаемого словом предмета (в широком смысле слова)” [Петрищева 1984: 207].

социативную связь: *партийная общность* → *идейная близость* → *потенциальные сторонники*.

1. центральным, базовым семантическим стержнем объединения слов является идея партийной общности, принадлежности движению анархистов. Многочисленность анархических группировок в пределах одного идейного движения, с одной стороны, вызывала внутривнутрипартийную полемику их друг с другом, причем зачастую в весьма жестких формах и языковых характеристиках, с другой – являлась все-таки факторам в большей степени сплочения, чем разъединения. В данном случае синонимизировались такие слова, как *анархист*, *интернационалист*, *максималист*, *синдикалист*, *индивидуалист*, *левый эсер* (= *левый социалист*), *революционный социалист*, которые семантически отражали разные политические возможности, стороны реализации анархической идеи: борьбу за мировую революцию (*интернационалисты*), радикальное изменение общества в результате революции (*максималисты*), сотрудничество с рабочими профсоюзами в процессе революции (*синдикалисты*), развитие, воспитание личного начала (высокой самоответственности) индивида (*индивидуалисты*):

Анархический индивидуализм, поскольку он выдвигает на первый план борьбу за свободное развитие человеческой личности, считая, что потребность в таком развитии присуща каждой человеческой особи, – вполне отвечает нашему пониманию анархизма. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

... *синдикалистское* (и *индустриалистское*) рабочее движение – это наиболее ценное и интересное, с точки зрения социальной революции, организованное движение трудящихся. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

... величайшая его [П.Л. Лаврова. – А.З.] перед русскими социалистами заслуга заключается в том, что он вместе с Н.Г. Чернышевским одним из первых формулировал и философски-научно обосновал для трудящихся России социалистическое учение вообще в его классовом и *революционно-максималистском* духе. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Особая значимость анархических идей, служащих цементирующей основой данной группы синонимизируемых слов, хорошо видна в следующей цитате: сужение общей революционной идеологии до анархической ставит индивида, по мнению анархистов, на правильный, т.е. анархический, идейный путь:

Меккель Калман. – *Революционер* с малых лет. *Анархист* с 1906-1907 г.г. Неутраченный *пропагандист*. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Непременным атрибутом анархиста является активно проводимая им пропагандистская работа, поэтому понятия *пропагандист* и *агитатор* также включаются в данный синонимический ряд:

Морозов. [...] Старый *анархист*. [...] Способный *агитатор*. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

2. обозначения, включаемые в квазисинонимический ряд на основании идейной близости к анархизму. Здесь прежде всего следует упомянуть деривационный ряд: *махновец, махновка, махновское движение, махновщина*.

В русской революции существовало массовое движение, пытавшееся и начавшее было конкретно действовать в анархическом направлении. Я говорю о *махновщине*. (Анархич. вестник. 1923. № 5-6)

... *махновщина* – прежде всего есть широкое революционное движение рабочих и крестьян, боровшихся за свою социальную независимость и за право общественного экономического самоуправления. Революционно-повстанческая армия, созданная крестьянами и рабочими, была лишь их вооруженной самообороной, призванной защищать их революционную территорию и революционные права от многочисленных вражеских сил, стремившихся к порабощению свободного района. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

В 1921 г. большевизм .. затравил лучшие соки русской революции – разгромил *махновщину*, анархические, максималистские и левоэсеровские течения и организации.. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

... движение *махновское* есть подлинно народное и революционное движение. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

На днях перевели в Архангельск из Пертоминска "*махновку*" – Катю Крючкову с 4-месячным ребенком. (Анархич. вестник. 1924. № 7)

3. наконец, на периферии квазисинонимического ряда находятся те номинации, которые обозначают потенциальных соратников в борьбе: *партизан, дезертир, борец, друг (друзья), единомышленник*. Их включение в список обуславливается наличием в их семантической структуре семы "борец за какую-либо идею; разделяющий сходные идеи, сочувствующий", которая в контексте анархической идеологии рассматривается как возможность идейного роста индивида, осознание и усвоение анархической идеи/идеологии. Например, понятие «дезертир», денотативное содержание которого в узусе оценивается негативно ("уклоняющийся от военной службы, обязанности"), в анархическом прагматиконе, напротив, становится одним из конкретных разновидностей борца с существующим строем, режимом, идеологией, отказывающегося защищать его ценности и идеалы. Тем самым сема "борец" актуализируется в лексеме *дезертир* и вводит ее в данный квазисинонимический ряд. Понятие «партизан» в узусе противостоит понятию «дезертир» на прагматически-оценочной шкале как позитивное (первое слово) – негативному (второе слово), в рамках же идеологии анархизма в нем также актуализируется семантический компонент "борец, ведущий вооруженную борьбу с каким-л. режимом, какой-л. властью". Тем самым и семантические различия лексем *дезертир* и *партизан* нейтрализуются в одной общей, идеологически значимой семе "борец, противник (власти, строя, режима)".

В Благовещенске 10 апреля арестовано 38 чел.[так] максималистов, анархистов и лев.[ых] соц.[иалистов]-революционеров, а также несколько *партизан*. В числе арестованных находятся максималисты: .. левые социалисты-революци-

онеры Рябинин и А. Рыбкин – участник работ в революц.[ионном] штабе *партизан* против атаманщины, бывш.[ий] политический каторжанин.. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

... анархизм в Италии не умер, не мог умереть. [...] Тысячами насчитывались *дезертиры*: тысячами исчислялись *анархисты*, отказывавшиеся братья за оружие в защиту капитализма. Одна только Швейцария приютила около 17000 итальянских *дезертиров* – в огромном большинстве *анархистов*. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Актуализация семы "борец" в приведенных квазисинонимах, на основании которой и возможно их контекстуальное (конситуативное) объединение, включает в данный ряд также и непосредственный (номинативный) лексический элемент *борец* (*борец за свободу, борец за анархию, честный борец за справедливость*). Очевидно, здесь мы наблюдаем тот же процесс "партикуляризации" понятия (по Карцевскому), т.е. его "расщепления" на прагматические составляющие, релевантные для данного дискурса.

Всякий *борец за свободу* должен всегда помнить основной принцип: "Моя свобода кончается там, где начинается свобода другого". (Анархич. вестник. 1923. № 2)

... если ты – несмотря на то, что на своем пути ты встретишь только тернии и шипы, плевки и ругательства, тюрьму и изгнания, моральные и физические пытки – ..если ты не озлобишься и не потеряешь веры в человечество и любви к нему.., то привет тебе, привходящий в ряды *борцов за анархию!* (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Но долг социалистов и *честных борцов за рабочее право и за трудовые начала жизни* заявить громко и властно, что нам также ненавистны фашистские действия, идущие от ком.[мунистов]-большевиков, как и от обезумевшей буржуазии. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Поиски соратников по идее, по борьбе активизируют и другие лексемы, отвечающие данному смыслу; так в ряд вовлекаются слова *друг, единомышленник*, представителей которых у анархистов совсем немного (*горсточка, одиночка*) и которые окружены враждебным обывательским лагерем (*мещанским болотом*):

Ведь ты знал, что твоих *друзей и единомышленников* только *горсточка* и что они окружены *враждебным им большинством*, – тем *мещанским болотом*, в котором часто тонут *одиночки*.. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Представим квазисинонимический ряд «союзники», сформированный в анархической печати, в виде сводной таблицы.

АНАРХИСТ (доминантная, позитивно окрашенная сема)

1. партийная общность	<i>анархист, интернационалист, максималист, синдикалист, индивидуалист, левый эсер (левый социалист), революционный социалист, пропагандист, агитатор.</i>
2. идейная близость	<i>махновец/махновка, махновское движение, махновщина.</i>
3. потенциальные союзники, сторонники	<i>партизан, дезертир, борец, друг (друзья), единомышленник.</i>

Квазисинонимический ряд смыслового поля «союзники» в анархическом дискурсе представляет иерархизированную структуру, лексические номинации выступают характеризующими словесными маркерами, показывающими степень «приближенности» (преданности) анархической идее. Разумеется, внутри самого анархического движения существовало много партийно-идейных толков, которые оценивали друг друга довольно жесткими эпитетами, включали в состав ближайших союзников или, напротив, выводили из их числа, поэтому семантико-смысловая зона «партийная общность» была наиболее подвижной с лексемной точки зрения. Чем дальше от нее располагались члены квазисинонимического ряда, тем более стабильным был словесный ряд (это касается смысловых зон «идейная близость» и «потенциальные сторонники»).

Рассмотрим квазисинонимы, прагматически и семантически противоположенные понятию «союзники». Квазисинонимический ряд «политические противники (оппоненты)» в анархической публицистике также предстает весьма разветвленным. Его можно структурировать по следующим семантическим составляющим (представим в виде цепочки): *внутрипартийные оппоненты* (внутри «левого» движения) → *идейные противники* (внутри социалистического движения) → *классовые противники*.

1. Анализируя квазисинонимический ряд «союзники», мы упоминали лексемы, находящиеся в его смысловом центре. Исключением из него являются *анархобольшевики (анархобольшевизм)*, которые полностью сомкнулись, по мнению большинства анархистов, с большевистским движением, постепенно избавляющимся от различных вариантов революционной идеологии и сводящимся к одному, ленинско-сталинскому, варианту. Именно за такую политическую узость, нежелание вести диалог с другими революционными группами, партиями анархисты резко критиковали и анархобольшевиков, и самих большевиков. Переход части анархистов в лагерь большевиков расценивается анархическим большинством как предательство, а анархобольшевики, таким образом, попадают в лагерь политических оппонентов:

Многие все еще смотрят на вопрос об *анархо-большевизме* [sic] как на вопрос незначительного чисто идейного – теоретического или тактического – расхождения в нашей среде. Такое отношение к делу (если его еще можно было до

известной степени понять 5-4 [sic] лет тому назад, до решающей чудовищной противонархической и противореволюционной деятельности большевизма) – глубоко ошибочно и глубоко вредно. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Своих мыслей, своих политических и революционных положений, своей линии поведения в России *анархо-большевизм* [sic] не имеет. Он раболепно повторяет все социально-политические лозунги и положения большевизма и раболепно их защищает. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

... поскольку Сандомирский является *анархо-большевиком* [sic] и политическим агентом (деятелем) большевистского правительства, постольку он неизбежно будет направляться советской властью и служить ее интересам, гибельным для анархизма и анархистов. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Так как деятельность и идеология анархобольшевиков (и всего анархобольшевизма) вошла в противоречие с анархическими идеями радикальной и бескомпромиссной революции, поэтому эта группа исключается из круга ”настоящих, подлинных” анархистов; соответственно, лексемы, обозначающие отколовшихся анархистов, являются своеобразным семантическим ”мостиком” от «союзнической» терминологии к терминологии оппонентов.

Анархисты-коммунисты называли анархо-синдикалистов ”*анархо-меньшевиками*” за вхождение и работу в советах, но те же *анархо-коммунисты*, когда их выбирали туда рабочие, входили в советы и активно там работали.. (Анархич. вестник. 1924. № 7)

2. в рамках революционного (социалистического, социал-демократического) лагеря отмежевание анархистов от других партийных групп еще более значительно. Раскол, дробление социалистического движения на все более мелкие партии и группы отодвигают анархический блок дальше и дальше от центра социал-демократического движения, смещает его на периферию революционных сил; попытки же некоторой части анархистов приспособиться к идеологии, политике более крупных партийных групп осуждались и клеймились привычными терминами лексикона ”левых” партий: *ренегировать* (из нем. *renegieren*), *ренегатствовать* (русифицированная форма), *ренегат*, *ренегатствующий*.

Еще в момент разгрома революции 1905-7 г.г. некоторые анархисты, преимущественно *разночинцы*, ренегировали. [...] Однако многие из них своего *ренегатства* внешне не высказывали.. [...] В душе они уже уходили от анархических идеалов, стремясь к новым берегам. К каким? К признанию фактической силы. Демократия вырисовывалась в то время как фактическая сила, которой принадлежит будущее. И уклон *ренегатствующей* части анархистов обозначился в сторону демократии, притом не только в сторону революционной демократии, представляемой марксизмом, но в сторону демократии вообще. В результате этого уклона могли быть различные сочетания *ренегатов* анархизма с демократическими элементами, начиная от *анархо-большевизма* [sic] и кончая *анархо-либерализмом* [sic]. И если бы вместо диктатуры большевизма, представляющего левое крыло демократии, в России укрепился меньшевистский или даже кадетский режим, ренегатствующая часть анархистов, несомненно, докатилась

бы до него и пошла бы ему в услужение, создав вместо *анархо-большевизма* *анархо-меньшевизм* или *анархо-кадетизм*. Это подтверждается тем неустойчивым, шатающимся положением, в котором в наши дни керенщины находились многие из современных *анархо-большевиков*.. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Большевики-коммунисты, в глазах анархистов, предали интересы революции и сомкнулись с *социал-демократами*, еще одним политическим оппонентом анархистов в революционно-социалистическом лагере.

... благодаря подлинной революции в России и лжереволуциям в центральной Европе значительная часть политической власти, по крайней мере по форме, перешла в руки *коммунистов* и *социал-демократов*, которые лизнули крови и, подобно попавшим к власти националистам новых европейских государств, столь же – если не еще более – жадны до этой власти, сколь жадны были прежние капиталисты.. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

И можно было предвидеть, что повсюду народные массы вновь вступят на революционный путь, оттолкнув приспешников капиталистической системы, каковыми стали *социал-демократы*. (Анархич. вестник. 1923. № 5-6)

... рабочим в России является тот, кто работает под надзором других, а хозяином тот, кто не работает, а надсматривает за рабочим. Примерно все "*коммунисты*" (а их в России 200 000 человек) являются хозяевами: сами очень мало или совсем не работают, но зато очень хорошо и умело дают других. (Анархич. вестник. 1924. № 7)

Но самой страшной формой *большевизма* анархисты считали *фашизм*, органически выросший на базе социалистического движения, остановившегося на полпути кардинальных реформ и тем самым не дошедшего до своего логического завершения – полной и абсолютной социальной революции. Фашизм как прямое наследие и результат незаконченного, незавершенного (по мнению анархистов) социализма в качестве рычагов управления страной берет на вооружение уже опробованные в советской России механизмы:

Разве итальянский *фашизм* не подражает в своих формах управления страной *большевизму*.. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Немало так называемых "*революционеров*" позволили различным – и не всегда бескорыстным – влияниям вовлечь себя в круговорот империалистической политики итальянского правительства. Среди других следует упомянуть здесь редактора социалистического органа "*Avanti*", ставшего впоследствии основателем *фашизма*, Бенвенуто Муссолини. [...] Рабочее и революционное движение, таким образом, сломлено. В его собственных рядах началось ужасное разложение и упадок, послужившее впоследствии – во время крупных революционных движений после военных действий – корнями *фашизма*. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Жестокости, к каким прибегали *итальянские фашисты* против революционеров, были чудовищны: они могли быть сравниваемы .. с жестокостями большевиков в России. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Таким образом, эта группа политических оппонентов в анархической политической палитре оказывается очень разнородной: от *большевиков-коммунистов* до *фашистов*; обе эти крайности идейно принадлежат социалистическому движению.

3. однако самым ненавистным оппонентом, противником, врагом в анархической системе политической палитры являлись классовые антагонисты, прежде всего представители царской, императорской России, генералы белых армий и эксплуататорской буржуазии.

Шаг за шагом, на протяжении 12 глав, занимающих свыше 200 страниц и читаемых с возрастающим от главы к главе интересом, мы прослеживаем: .. первые шаги и дальнейшее развитие деятельности Нестора Махно; социальные искания движения, его положительные, созидательные задания и достижения; историю самозащиты движения от наседавших на него со всех сторон врагов (*гетманщины и оккупационных войск, петлюровщины, денкинищины, большевизма, врангелевщины и снова большевизма..*) (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Как только арестованные [анархисты] были все сконцентрированы в одном месте – коммунистическая пресса возвестила о раскрытом "белогвардейском заговоре". [...] Ничего не может быть гнуснее такого обвинения, – тем более, что обвинители и каратели сами в доброй своей части – *бывшие белогвардейцы*, примазавшиеся к советско-коммунистическому пирогу. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

... населению Дальнего Востока прекрасно известна деятельность максималистов, анархистов и левых социалистов и их роль в борьбе с правительствами генерала Колчака и Дитерихса, а также их отношение к "коммунистическому буферу" и нэпмановскому "коммунизму". И зная это, коммунисты, сознательно умалчивая о политической принадлежности арестованных – старых, испытанных в борьбе с *царизмом и белыми*, – низводят их на ступень "*белогвардейцев*". (Анархич. вестник. 1923. № 2)

В данный квазисинонимический ряд, конечно, попадают и старые обозначения: *националист* (национализм¹), *государственник* (*государственнический, государственничество*), *монархист*, *капиталист*, *хозяин*, *царь*, традиционно окрашенные в анархической прессе в однозначно негативные коннотации. И

¹ Совершенно противоположные, идеологически противостоящие интерпретации национализма можно видеть в анархическом и монархическом текстах. Монархическая газета: "Эта антинародная власть, учитывая опасность нарастающего из недр народных *спасительного национализма*, силится направить здоровые устремления народа в русло своих отравляющих душу идей" [из послания "От Главы Российского Императорского Дома"] (Рус. голос. 1939. 9 апр. № 418). Анархическая газета: "... национализм, в сущности, представляет собой не что иное, как *государственную религию*. Принадлежность к нации никогда не определяется естественными внутренними причинами, но всегда лишь чисто внешними обстоятельствами, отношениями, основаниями и государственными сообщениями, за которыми, понятно, всегда скрываются *частные интересы определенных классов*". (Анархич. вестник. 1923. № 5-6). Различное сигнификативное наполнение понятий в различных дискурсах может демонстрироваться как на уровне контекста и лексических конкретизаторов (*спасительный национализм ↔ интересы классов*), так и имплицитных оценок.

в этом нет ничего удивительного, если учитывать длительную борьбу всего "левого" лагеря со старым, царским, эксплуататорским режимом:

... ранее анархистов и синдикалистов .. в дело вмешались обманщики и контрабандисты: *националисты, государственники, капиталисты* и узурпаторы – *бонапартисты* социализма – нынешние *коммунисты*. [...] Они создали тот лжекоммунистический смрад и развал, какой мы имеем в России. Они создали, наконец, этот гнойник всеобщего разложения, эту подлинную "сифилизацию" несчастной Европы – *фашизм* в его различных проявлениях и воплощениях. (Анархич.вестник. 1923. № 2)

Капиталист, хозяин признан окончательно элементом эксплуататорским и паразитическим. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Абсолютная *монархия*, представляющая собою, так сказать, фетишистский период в истории развития государства, где *царь* является наглядным выражением всей системы, обращалась с широкими народными массами своих бесправных подданных, как с большим дойным стадом. (Анархич. вестник. 1923. № 5-6)

Но, пожалуй, еще большую ненависть у анархистов вызывает буржуазия, буржуазная идеология и мораль, которые так глубоко проникли во все поры общественного устройства, что "заразили" своим тлетворным влиянием и верхушку рабочего класса, пролетариата, ведущую такой же стиль жизни, как и прежняя буржуазия в дореволюционной России, и исповедующую уже не пролетарские идеи и ценности, а буржуазные. В качестве аргумента анархисты приводят стремление большевиков к дипломатическому признанию их буржуазным западным миром (преимущественно европейско-американской буржуазией), стремлением заявить новый советский режим как законное государство (как известно, анархисты отвергали самую идею государства). В контексте такой идеологии неслучайным является частотное использование слова *буржуазия* для именованя советских чиновников, нового советского руководящего аппарата (*господской эксплуататорской касты*) и коммунистической верхушки.

Наряду с безысходной нуждой, голодом и бесправием трудящихся окончательно оформился новый класс хоз.[яйственно]-сов.[етских] и профчиновников, сформировавшийся из деклассированных рабочих и *прежней буржуазии*, привившей выходцам из рабочего класса свои навыки, свою психологию и свой инстинкт. Собственные экипажи и автомобили, роскошные костюмы, сытая довольная жизнь, швыряние бумажных денег в разных вертепах, стильная меблировка, модные содержанки, червонцы, золото – все это изготовляется из крови и пота рабочего класса. (Анархич. вестник. 1923. № 5-6)

Кровавые драконы, укрепившиеся в Кремле, считаются теперь, подобно своим предшественникам, не с голосом международного пролетариата, а только с голосом *международной буржуазии*. Для них важны не воля и желание масс труда, а исключительно то, признает ли *европейская и американская буржуазия* их равноправными членами своей – капиталистической – семьи и даст ли она денег на дальнейшее развитие и укрепление комдеспотии. (Анархич. вестник. 1924. № 7)

По мнению анархистов, содержание термина *буржуазия* точнее всего отвечает сути правления захвативших власть коммунистов (комиссаров):

Смерть Ленина, несомненно, является событием, чреватым огромными последствиями для всей дальнейшей жизни России. .. в лице последнего сошел в могилу главнейший вождь той *господской эксплуататорской касты*, которая в нынешнюю эпоху стремится захватить место *разлагающейся буржуазии*, – вождь так называемой социалистической демократии. (Анархич. вестник. 1924. № 2)

Государственный коммунизм окончательно выявил свой *буржуазно-реакционный* лик. Вот почему часть *международной буржуазии* добивается соглашения с *советской буржуазией*. (Анархич. вестник. 1924. № 7)

Возможно, что в самый критический момент большевики пойдут на политическую коалицию с *буржуазно-социалистическими* группировками, чтобы таким образом удержать за собой часть власти, столь милой их сердцу. (Анархич. вестник. 1924. № 7)

Все новые формы советского хозяйствования (особенно в период нэпа) анархистами оцениваются как продолжение прежних эксплуататорско-буржуазных моделей, когда обогащение одних (*комиссаров*) совершается за счет принудительного труда других (*рабочих, трудящихся*) или ведет к их социальной отверженности (*безработные*):

Обанкротившись в своих попытках урегулировать по единому плану хозяйственно-экономическую жизнь страны, правящая партия пошла на соглашение с частью *старой буржуазии*, предоставив ей свободу эксплуатации [sic] народного труда. [...] ..все предприятия совнархозов и трестов переведены на хозяйственный, т.е. *буржуазно-капиталистический* расчет. (Анархич. вестник. 1924. № 7)

Голодные, изможденные и исхудалые, как тени, бродят по улицам больших городов безработные, а в ресторанах, наполненных *нэпмановской* и *комиссарской буржуазией*, гремит музыка. [...] Ретивая и честная коммунистическая власть стоит *на страже частной собственности и богатства*. (Анархич. вестник. 1924. № 7)

Представим лексические компоненты данного квазисинонимического ряда в виде таблицы.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ (ИДЕЙНЫЕ) ОППОНЕНТЫ

1. внутрипартийные оппоненты	<i>анархо-большевики, анархисты-коммунисты (анархо-коммунисты)</i>
2. идейные противники	<i>рenegат, рenegатствующий, социал-демократ, большевик (большевизм), фашист (фашизм)</i>
3. классовые противники	<i>гетманщина¹, оккупационные войска (Антанты и их союзников), петлюровщина, деникинщина, врангелевщина, белогвардейщина, националист, государственный, монархист, капиталист, царь, хозяин, буржуазия (международная и советская)</i>

¹ Гетманщина – актуализированное понятие: военная диктатура на Украине в 1918 г. генерала Скоропадского, назначенного гетманом империалистическими правительствами; исходное значение: период правления гетманов на Украине 16-18 вв.

Итак, квазисинонимический ряд со смысловой доминантой «оппонент» формируется в анархической публицистике привлечением разнородных лексем, начиная от наименований политических групп и их членов внутри анархического движения (это так называемая первая зона политических оппонентов, центрирующим звеном являются *анархо-большевики*). Этот ряд наиболее закрыт, замкнут и труднодоступен для лексемного пополнения. В следующей, второй, зоне этот квазисинонимический ряд захватывает названия группировок внутри обширного и внутренне дифференцированного социал-демократического движения (диапазон оппонентов располагается от *социал-демократов* до *фашистов*). Этот ряд может пополняться лексемами, появляющимися в семантико-смысловом поле “левого” движения в зависимости от политической ситуации. Наконец, в третьей зоне квазисинонимический ряд формируется за счет обозначений давних, старых классовых антагонистов не только анархистов, но и всего “левого” движения (от *царя* до *буржуазии*). Наиболее насыщенной негативными коннотациями в анархическом дискурсе является именно третья лексемная зона «классовые противники», в которую легко включаются лексеммы, репрезентирующие эксплуататорские, империалистические отношения.

12.0. Языковая игра

Элементы языковой игры в эмигрантском дискурсе (как в устной, так и в письменной речевой практике) привлекали внимание исследователей, начиная с известной работы С.И. Карцевского о русском языке после революции [Карцевский 2000]. Факты языковой игры их эмигрантского узуса приводятся, в частности в: [ЯРЗ 2001; Протасова 2000; 2004]. Рассматривая языковые особенности разных волн эмиграции, Е.А. Земская делает следующий вывод: “более склонны к языковой игре [люди. – А.З.] последних волн эмиграции

(третьей и четвертой..). [...] Представители первой [волны. – А.З.] эмиграции усваивают чужой язык с детства, еще дома – от родителей.., от иностранных нянек, гувернеров и гувернанток. Для первой волны иностранный язык – нечто обычно, знакомое, свое. Именно поэтому игры с иностранным языком ей не свойственны” [ЯРЗ 2001: 131]. Е.А. Земская языковую игру рассматривает преимущественно как способ шутливо-ироничной интерпретации иноязычной лексики или морфологии на фоне русской языковой системы и появление на этой основе языковых гибридов, вызывающих смех, шутку. Относительно языковой игры заключение Е.А. Земской таково: ”В моих записях речи эмигрантов первой волны случаев языковой игры немного” [там же: 132]; автором приводятся следующие примеры: *товарищи* ”любая вещь” (десемантизированный словесный знак как пародия на частотность употребления в советском дискурсе), семейный окказионализм *парни* ”любая вещь”. На базе иноязычных основ с использованием русских словообразовательных средств Е.А. Земская отмечает такие новейшие окказионализмы (интержаргонизмы): *отъемелить* ”послать электронную почту” (< англ. e-mail электронная почта”), *переемелиться/переемеливаться* ”переписываться с помощью электронной почты”; *фритки* ”жареная картошка” (< франц. *rommes frites*); *гормошки* ”гормоны” (ср. также возможную семантическую ассоциацию с *гармонь: гармошка*) [там же: 132-134]. Впрочем, Е.А. Земская признает: ”возможно, что среди моих информантов из старой эмиграции просто не оказалось людей, любящих языковые игры” [там же: 131]. Оговорка примечательна, поскольку имеет в своей основе в первую очередь не субъективно-индивидуальное чувство языка и его игровых возможностей, но именно общую черту в языковой компетенции индивидов. Эта языковая компетенция ”старой эмиграции” формировалась в лингвокультурных условиях, оторванных от ”естественного” (функционально и территориально многослойного) русского языка.

О языковой игре представителей последней волны эмиграции пишет также Е.Ю. Протасова, изучавшая язык русскоязычной прессы Финляндии и Германии. Сошлемся, для примера, на финский материал: ”Молодежь, постоянно находящаяся в финской среде, превращает отдельные заимствованные и освоенные русским языком лексемы в элементы сленга” [Протасова 2004: 133]. Такой вид языковой игры основан на сознательном отталкивании, столкновении, противопоставлении русской и финской лексемы, грамматической или фонетической формы (*хауска ту ту*; ср. фин. *hauska tutustua* ”приятно познакомиться”, где объектом языковой пародии выступает повторение слога в финском глаголе) и предполагает основательное знакомство индивидов с двумя языковыми системами. Языковая игра может возникать также и в случае языкового шока, когда сразу после прибытия в Финляндию для русскоязычного переселенца ”финский язык кажется таким невероятным, ни на что не похожим, что люди просто играют со словами вроде *siili* (еж), *orava* (белка), *anna* (дай), *otto* (взятие); их рифмуют с русскими, к ним придумывают прилагательные и т.д.” [там же: 132]. Затем такие поверхностные игры, базирующиеся на фонетической близости русского и финского слова (межъязыко-

вой омофонии), в речевой практике индивидов (по мере усвоения финского языка) заметно ослабевают.

Итак, в речевой практике эмигрантов, по уже имеющимся наблюдениям, встречаются два вида языковой игры: как в пределах одной языковой системы (русской), так и при встрече двух языковых систем. Наш корпус характеризует скорее не собственно эмигрантское языковое творчество в процессе языковой игры, сколько заимствование элементов языковой пародии из советской речевой стихии, попадавших на страницы эмигрантских газет либо в составе публикуемых писем из Советской России, либо вместе с языком людей, сумевших эмигрировать из СССР в 30-е годы. Именно эти беженцы часто привносили в эмигрантский речевой обиход советские шутки. Эмигрантами подмечаются любые оплошности советской печати, даже типографские опечатки; так, случайная ошибка *победы – беды* в одной из советских газет сразу же стала предметом лингвоидеологической игры:

Газета "Красная Чувашия" напечатала речь Ворошилова, произнесенную им на первомайском параде, выкинув из слова "победы" две первые буквы, чем изменила весь смысл речи. Получилось вместо "наши (советские) *победы*" – "наши *беды*". (Меч. 1937. 16 мая. № 18)

Просьба о военной помощи, обращенная к иностранным государствам генералами белой армии, может интерпретироваться и как признание собственного бессилия справиться с большевистским режимом; это вызывает интертекстуальную актуализацию термина *варяг* и рождает языковую шутку, основанную на смысловом сопряжении его с другим существительным – *вор*. Так возникает неожиданная и свежая публицистическая аллюзия, основанная на фонетическом сближении слов: *варяги* – прошлые и настоящие – не имеют в России иной цели, кроме *воровства*:

Доколе нам ходить в помочах и бегать за советом к соседям! Неужто мы сами себе не сумеем "порадеть"! В самый факт возникновения Земли Русской нам втасовали фальшивую карту – позорную и абсурдную, полную насмешки и глумления легенду о призвании *варягов* ("варягов"). (Рус. газета. 1937. № 1)

Появление в послереволюционный период большого количества сложносокращенных слов с компонентом *-ком* (комитет) вызывает в народно-речевой стихии ответную языковую реакцию: рождается окказионализм *леском* "лесной комитет", т.е. объединения крестьян, скрывающихся от большевиков в лесу и ведущих оттуда с ними вооруженную борьбу. В этом окказионализме обыгрывается семантика активного в советском дискурсе слова *комитет* "группа единомышленников, объединившаяся с какой-либо определенной целью":

Мобилизация в деревнях большевикам ничего не дает. Обычно крестьяне аккуратно являются в воинское присутствие, получают оружие и сейчас же убегают и скрываются в лесах – "поступают в *лескомы*", как выражаются повстанцы. (Руль. 1920. 2 дек. № 14)

Письма из Советской России, приходившие в эмигрантские газеты в 20-е годы сначала довольно регулярно и часто публикуемые в них, в 30-е годы в связи с ограничением свободы переписки людей с зарубежными корреспондентами (родственниками, знакомыми) проникают реже и реже, и поэтому привлекают повышенное внимание редакторов газет (и, конечно, читателей) своими сведениями о реальной жизни в СССР. Иногда в этих письмах проскальзывают языковые шутки, рожденные в недрах народно-речевой стихии:

Наша система дифференциала населения прямо-таки блестяща – ей позавидовали бы какие угодно режимы. Проведена она в двух направлениях: территориальном и социальном. Территориально страна разделена на главные, средние и второстепенные местности. Главные – это центры и индустриальные районы. Тут снабжение производится в централизованном порядке, в первую очередь и в большом количестве. Другое деление – социальное. Население городов распределяется на категории: А, Б, В, Г и Д. А – рабочие; Б – иждивенцы рабочих и военных; В – служащие; Г – объединенные в артели кустари. Остальные, лишённые избирательных прав, государством совершенно не снабжаются. При продовольственных затруднениях получается такая картина: ухудшение начинается по двум направлениям в пропорциональной степени. Началось, скажем, ухудшение в каком-либо продукте – уменьшается снабжение им Главных районов в меньшей степени и в большей Средних и Второстепенных, а по социальным категориям последняя со снабжения совершенно снимается. Среди обывателей устанавливаются уже даже шутки: Д – это *дохлятина*, Г – *г-но* [говно. – А.З.], В – *вредители*, Б – *блюдолизы*, А – *архангелы*. [письмо в эмигрантскую газету из Советской России] (Голос России. 1931. 1 окт. № 3)

Разумеется, эмигрантов не могут не изумлять и поражать в СССР изощренные формы трудовой колхозной повинности, в результате чего старый иронический эвфемизм *ночное золото*¹ получил новую прагматическо-характеризующую актуализацию.

На колхозников нажимают все сильнее. Теперь дошли и до того, что заставляют их собирать за собой *ночное "золото"* и доставлять на колхозные навозохранилища или в специальные ямы. (Рус. голос. 1939. 26 марта. № 416)

Скрытую, имплицитную языковую игру можно усматривать в аббревиатуре *ВКП(б)*, где отчленение конечного компонента и концентрации внимания на нем способствует возникновению ироничных семантико-прагматических ассоциаций, основанных на созвучии с бранным именем существительным *блядь*, имеющем в узусе значение "женщина легкого поведения", но в публицистическом тексте в сочетании с партийной аббревиатурой приобретающем

¹ Его значение "кал, экскременты, фекалии". Эта фраза была в ходу уже в 19 в., ср. синонимичные народно-разговорные эвфемистические обозначения, помещенные в Сл. Даля: *золотарь, дермопрат, дермовицик, отходник*. Любопытно, что в научном стиле этот эвфемизм в конце 19 в. мог использоваться с нейтральной стилистической окраской. Ср. в энциклопедии Брокгауза и Ефрона: «Наиболее пригодна для К.[рыжовника] почва перегнойная суглинистая и супесчаная, с подпочвою пропускающей влагу, задержание которой вредно влияет на развитие ягод. Полезно с осени класть поверхностное удобрение – навоз или *ночное золото* – на перекопанную между рядами почву».

генерализованное употребление ”продажный, имеющий шкурные интересы (о человеке)”. Этот тип языковой шутки был распространен как в неофициальном советском, так и эмигрантском речевом узуе:

... большевиками достигнуто чрезвычайно большое количество самых разнообразных нравственных падений и во многих случаях .. со стороны именно принадлежащих к ВКП, да еще в скобках обязательное ”б”. (Голос России. 1931. 1 окт. № 3)

Возникающие советские реалии получали в неофициальном речевом обиходе (в некодифицированных сферах языка, свободных от идеологического влияния) шуточные или иносказательные интерпретации и толкования; в частности, в 30-е годы появилась популярная загадка-шутка, сравнивающая новую форму пятилетнего планирования экономики с анекдотом. Апелляция к московскому источнику шутки показывает ее привнесенный в эмигрантский дискурс характер:

... победа революции определила прочную тенденцию к постепенному ухудшению, и все надежды на лучшее будущее безжалостно разбиты. Чтобы вызвать перед глазами новый манящий вдаль призрак, придумана *пяtilетка*, которая тотчас же получила в Москве название ”*анекдота в одном слове*”. (Руль. 1930. 1 янв. № 2766)

Иногда речевая шутка выглядит искусно зашифрованной и строится на фоновых знаниях, апеллирующих к именам, фамилиям, бывших у всех на слуху в ту эпоху; так, публицистический окказионализм *стекловица*¹ отсылает к фамилии главного редактора одной из ведущих советских газет ”Известия” Ю.М. Стеклова (Нахамкеса), являя собой комбинацию слов: актуального термина советской публицистики *передовица* и антропонима.

Московский корреспондент ”Берлинер Тагеблатт” .. сообщает некоторые любопытные подробности о том походе на деревню, который предпринимается сейчас из красного Кремля. [...] Мы еще не имеем в руках того номера ”Известий”, из которого корреспондент берлинской газеты цитирует ”знаменательную” *стекловицу*. (За свободу. 1925. 4 янв. № 3 (1407))

Такие словообразовательные гибриды единичны в нашем корпусе, хотя Е.А. Земская применительно к разговорному языку эмиграции подчеркивает именно высокую активность словообразовательных средств при образовании речевых феноменов, использующих механизмы языковой игры [ЯРЗ 2001: 131].

Другой случай языковой игры с использованием прецедентного имени – обозначение в советском речевом обиходе колбасы, изготовленной из конского мяса (конины); ранее, до революции, такую колбасу обычно использовали

¹ Этот окказионализм отмечается и С.И. Карцевским как пример каламбурного словообразования: ”Стеклов (Нахамкес) и его передовицы, иначе *стекловицы*, в ”Известиях” [Карцевский 2000: 240].

для кормления собак, в советское же время она уравнилась в пищевых ”правах” с другими сортами, видами колбас. Это породило следующую языковую шутку: *собачья колбаса* → *Каштанка* (обобщенная кличка собаки¹) → *каштанка* (колбаса для людей).

В советских кооперативных лавках не достанешь ничего. Единственное мало-мальски доступное народу лакомство – препоганая колбаса из конины (так называемая ”каштанка”). Издеваются [sic] над нею народ. Подъезжает крестьянин к лавке, издали уж кричит: – Тпру... почему?” Отвечают: – ”По семьдесят”. (Голос России. 1932. июль. № 12)

Сразу после переименования Петрограда в Ленинград (1924 г.) на страницах пражской газеты появилось следующее ироническое четверостишие:

Вечно бедствием народным // Град был, как и мор и глад.. // Бедствием отныне модным // Будет новый ”Ленинград”. (Огни. 1924. 4 февр. № 5)

Языковая игра строится на исторических аллюзиях (строительство города, унесшее тысячи жизней), литературных реминисценциях (образ Петербурга, безразличного и безжалостного к судьбе ”маленького человека” в поэмах А.С. Пушкина), собственно языковых (рифмующиеся слова *град* – *глад* – *Ленинград*), в этом ряду по мере продвижения смысла вправо нарастает негативная прагматика: от позитивно окрашенного церковнославянизма *град* к церковнославянизму *глад* с негативной оценочностью и, наконец, к советизму *Ленинград*, именуемому как ”новое модное бедствие”).

Языковая игра может возникать также на основе субституции букв и сближения созвучных слов, ранее никак семантически не пересекающихся; так, оказались сближенными фраза *квасной патриотизм*² и глагол *перекраситься* ”измениться (обычно об идейной позиции)”. Их фонетическое (*квас* – *красить*) и смысловое сопряжение происходит при наличии общей семы ”изменение (обычно в худшую, консервативную сторону)”, в результате чего и рождается публицистический окказионализм *перекваситься* ”приобрести националистическую окраску”, содержащий корневую морфему *квас* в символическом, обобщенном значении ”псевдопатриотизм”:

Балтийские немцы, подносившие в прошлом году кайзеру Вильгельму корону курляндских герцогов, потеряв надежду на объединение с Пруссией, быстро переменили ориентацию и из искренних германофилов *переквасились* в ревностных русофилов [sic]. [...] Немцам, действительно царившим в Прибалтийском крае, еще труднее, чем русским, примириться с положением граждан вто-

¹ После рассказа А.П. Чехова ”Каштанка” кличка собаки, легшая в основу названия, стала в русском культурно-языковом пространстве прецедентным именем. Об интерпретации клички *Каштанка* в нарративном пространстве русской литературы 20 в. см.: [Катаева 1994].

² Выражение *квасной патриотизм* возникло в русском языке в 19 в. в России; его автором считается П.А. Вяземский, употребивший фразу в одном из писем. Фразу используют (с ироничным оттенком) в ситуации, когда люди без всякого разбора восхваляют «свое» и порицают все «чужое».

рого разряда. Они надеются снова вернуться на потерянные позиции с восстановлением былой России. Отсюда русофильство [sic]. (Возрождение. 1919. 8 окт. № 82)

Эмигрантские понятия, возникшие в зарубежье, нечасто становятся объектом и предметом языкового переименования; пожалуй, здесь можно упомянуть только окказионализм *сменовехнувшиеся*, образованный от исходного понятия *сменовеховцы* "интеллектуально-политическое движение в эмиграции (от названия сборника "Смена вех")" с использованием фонетической аллюзии к просторечному глаголу *свихнуться* "сойти с ума, потерять рассудок":

Несколько дней назад в Черном море погиб сов.[етский] ледокол "Семерка". [...] моряки погибли и – в середине апреля начнется в Одессе процесс шести чиновников Управления Черноморского пароходства, виновников гибели "Семерки". Так как процесс будет "показательным", а "показать" он должен "высокую справедливость советской власти", окончится процесс вынесением шести смертных приговоров. [...] И, конечно, ни советифицирующим иностранцам, ни *сменовехнувшимся* скорбноглавцам из среды зарубежных или русских меньшинственников не захочется задуматься над действительной показательностью этого процесса. (Меч. 1937. 11 апр. № 14)

Таким образом, эмигрантская пресса первой волны использует два источника языковых шуток, т.е. языковых элементов, основанных на смысловой игре:

1. шутки, появившиеся в советском неофициальном дискурсе и попавшие на страницы эмигрантских газет благодаря публикации как писем из Советской России, так и речевому узусу людей, сумевших выехать из СССР на Запад;
2. шутки, созданные в рамках собственно эмигрантского узуса.

Первый тип преобладает, и это показывает повышенный интерес эмигрантов к тем проявлениям речевой стихии, которая оказывается практически единственным орудием сопротивления советской власти людей в СССР. Именно поэтому языковая игра, основанная на шутливой трансформации наименований советских реалий, так привлекает внимание эмигрантов. Второй тип уступает по активности и семантико-прагматической новизне и остроте первому типу и апеллирует к понятиям, знакомым эмигрантам из их зарубежной реальности (как внутри русской эмигрантской, так и инокультурной среды).

13.0. Фольклорно-поэтические формы травестики

В продолжении темы языковой игры необходимо упомянуть и такую лингвопрагматическую и стилевую особенность языка некоторых газет, как частушки, которые стали одной из любимых и практически неизменных тем в народно-патриотических изданиях в 20-30-е годы. Чаще всего частуш-

ки были рождены в недрах речевой стихии в СССР. Эти частушки были, естественно, запрещены внутри страны, а распространение и собирание их преследовалось законом и расценивалось как антисоветская деятельность¹. Жанр частушек возник в 60-х годах 19 в., первоначально они пелись обычно на посиделках деревенской молодежи. С развитием капитализма в России, складыванием рыночных отношений частушки стали особенно популярны и проникли в городской (низовой) фольклор. Частушки позволяли в краткой, афористичной форме выразить и дать оценку разным аспектам жизни человека: от любовно-семейных взаимоотношений до социальной практики. Особенно последнее важно и интересно, так как при капитализме, в отличие от крепостного права, многое зависело от самого человека, от его воли и способностей [ФГВ 1934; Лазутин 1990; Иванова 1994]. Бурное развитие частушки получили в революционные годы, отражая приятие/неприятие новой социальной действительности. В послереволюционные годы вышло много сборников частушек, воспевающих советскую власть; такие частушки стали использоваться в пропагандистских, агитационных целях в деревне, в армии. Появились и антисоветские частушки [Недзельский 1922], именно они особенно привлекали внимание эмигрантов. Приведем несколько частушек из эмигрантской газеты "Русская правда". Разумеется, осмеивание, карнавальное "занижение" имен, фамилий коммунистов, верхушки коммунистической партии составляет одну из постоянных тем. Аллюзии, возникающие при упоминании большевистских вожаков, прежде всего семиотически локализуются в аду, преисподней, обращены к мифологемам черта, дьявола. Помещение фамилий в мифологическо-библейский контекст переводит их из номинативного плана в область мифологии, в определенном смысле десемантизирует эти фамилии, трактует их как своеобразные квазисинонимы дьявола, чёрта. Это вообще характерный риторический прием народно-патриотических изданий – десакрализация/дефимологизация советских ключевых денотатов:

*Ленин к черту в ад пошел,
Троцкому наказывал,
Чтобы кол себе вострей,
Он теперь заказывал.*

*Сатана сидит в аду,
У него не худо.
По одну руку – Ильич,
По другу – Иуда.*

¹ За распевание антисоветских частушек, квалифицируемое как антисоветская деятельность, грозила тюрьма сроком от 3 до 5 лет. Например, в 1939 г. Л. Гинзбург, будучи учительницей в Твери (бывш. Калинин), была объявлена врагом народа. Она была страстной собирательницей фольклора, и в ее коллекции содержались частушки и антисоветского содержания (Версты. 2001. № 150-151).

Фамилия *Калинин* усекается до нарицательного существительного *калина* и рифмуется со словом *малина*, обозначающего в уголовном жаргоне ”воровской притон, группа воров”, что, конечно же, низвергает с официального семиотического пьедестала ”всенародного старосту”, помещая его в ряд таких же преступников:

На деревне бузина,
А в Кремле – *Калина*,
На деревне голь одна,
А в Кремле – *малина*.

Немало частушек посвящено коммунистам, комиссарам, большевикам, их методам управления страной, экономическим нововведениям. В таких частушках могут использоваться и грубые слова, подчеркивающие негативное отношение к новым правителям страны и несущие прагматическую интенсифицирующую функцию:

Знаем, знаем *комиссаров*,
Знаем мы *большевиков*,
Они ходят по деревням,
Ограбляют мужиков.

Коммунист насрал в бутылку,
Разделил по едокам,
Дал солдатам по крохтинке,
Остальное беднякам.

Комиссару – нож в бочину,
С нашей девкой не сиди.
Коммунисту – кирпичину,
Из деревни уходи!

Метафоры *кола*¹, *метлы*², *могилы* часто используются в частушках для выражения идеи, интенции свержения ”нечистой” коммунистической власти и жестокой расправы над ними. Несомненно, набор таких метафор подчеркивает обобщенность образа коммуниста, большевика не просто как преступника, нарушившего законы человеческого общежития, но именно как разрушителя морально-нравственных устоев, установленных в рамках христианства (православия), как богоборца, посягнувшего на христианский миропорядок.

¹ Во многих фольклорных традициях осиновый кол забивали в могилу человека-оборотня, что якобы раз и навсегда перекрывало ему доступ в этот мир. Кроме того, иногда самоубийц хоронили на перекрестках дорог, забивая в сердце осиновый кол (по поверьям, их души, не найдя успокоения на небесах, бродили по земле, пугая живых).

² В фольклоре метла считается основным средством передвижения колдунов, ведьм, вообще людей-оборотней; в эту же семиотическую группу ”нечистых” предметов входят ухват, кочерга, помело.

В народной поэзии такие метафоры часто использовались по отношению к нечистой, дьявольской силе, перенос их в частушки о коммунистах явственно показывает семиотическое приравнение мира дьявола и мира большевиков.

Коммунисты нас просили,
Чтоб забыли про *Россию*.
Это слово мы *колом*
Прямо в глотку им забьём.

Тары, бары, растабары,
Зажились *комиссары*.
Скоро-скоро *помелом*
Эту нечисть мы *сметем*.

В приведенной ниже частушке неслучайно упоминается крыльцо, так как – по народным поверьям – похороны в погребе, под крыльцом применялись к умершим от одного года до трех лет детям и символизировали, что ребенок еще не относился к миру людей, а принадлежал ”нечистому” миру, поэтому таких детей и хоронили не на общем кладбище. Такую интертекстуальную аллюзию можно допустить и в данном случае.

Комиссары строят дом,
Русские покроют,
Комиссаров под крыльцом
Всех *живьем зароят*.

Немало частушек было и о новых социальных элементах в деревне, селькорах и рабкорах, о комсомольцах, проводящих политику большевиков:

По реке бежит волна,
Вода кольцами,
Будем рыбку мы кормить,
Комсомольцами.

Комсомолец паренек,
На хвались, мальчишка!
Заведем тебя в лесок,
Тут тебе и крышка.

Бежит речка, бежит чиста,
На воде-то кольца,
Кабы сдохли *коммунисты*,
Да все *комсомольцы*!

Братцы, бей без разговоров
И селькоров, и рабкоров!
Надоел нам красный клоп,
Загоняй его ты в гроб!

Объектом осмеяния и порицания служит пропаганда свободы сексуальных отношений, бытовавшая в первые послереволюционные годы между как крайне левыми коммунистами, так и некоторыми комсомольцами и комсомолками, отрицавшими институт семьи, брака и отцовства:

Комсомолки зафорсили,
Носят белые коты¹,
Каждый день оне [sic] родили
В комитете бедноты.

Наименование государства аббревиатурой *СССР* долго не давало покоя людям как внутри, так и вне страны, служа предметом пародии и иронии:

На собачий на манер
Русь назвали – *Триэсер*.
Эту кличку мы собьем
Нашим русским штыком.

Красноармейский быт также являлся одной из популярных частушечных тем:

Что за горе, что за муки.
Надоели *политруки*.
С *политграмотой* своей
Они хуже всех чертей.

В *красной армии* не дома,
Там звезда на лоб готова.
Одну воблу там едят,
Про волю думать не велят.

Итак, частушки как одна из форм народного творчества наиболее часто использовались на страницах народно-патриотических и военизированных газет, выражавших по преимуществу мировоззрение солдатской массы, в подавляющем большинстве выходцев из крестьян (этой аудиторией умело манипулировали некоторые идеологи крайне правых сил [Будницкий 2003]). Частушки как жанр фольклора, широко распространенный в деревенско-городском фольклоре начала 20 в., быстро, легко возникали в народно-речевой стихии как попытка принятия или отторжения новых социальных реалий. Именно это объясняет популярность частушек в эмигрантских изданиях,

¹ Коты – теплая женская обувь (обычно в Сибири).

рассчитанных на крестьянско-солдатскую аудиторию. Напротив, в эмигрантских газетах, ориентирующихся на дворянство, монархические круги, интеллигенцию, частушки встречаются намного реже. Причина этого кроется, по-видимому, не только и не столько в менее сильных и даже грубых выражениях в адрес большевиков и коммунистов, содержащихся в монархических или демократических изданиях, сколько в традициях и дискурсивных практиках: частушки – жанр крестьянского, позднее – пролетарского фольклора, практически не распространенный в среде образованной части общества. Отсутствие навыков, привычки слушания и сочинения частушек дворянами, интеллигентами в дореволюционной жизни было перенесено и в эмигрантский период жизни. И наоборот, народно-патриотические газеты, предназначенные для крестьянско-солдатской массы, широко использовали хорошо освоенный жанр народно-поэтического творчества. Характерно также, что эмигрантский быт не мотивировал складывание частушек в тех же народно-патриотических изданиях, практически все частушки посвящены советскому образу жизни, советским реалиям и денотатам. Жанр частушек в эмиграции умирал, во-первых, потому, что знакомство с советской жизнью часто было поверхностным, приблизительным (а это зачастую лишало автора частушки остроты и ироничной едкости по отношению к тому, что автор сам плохо знал), во-вторых, разрозненность эмигрантов, включенность их в жизненную практику данной страны пребывания заметно снижала потребность в сочинении частушек, темой которых являлся бы эмигрантский или зарубежный быт; в связи с этим и востребованность частушек была невелика, оказывалась практически нулевой.

14.0. Паронимические затруднения

Описывая язык эмиграции, авторы [ЯРЗ 2001: 455-459] посвятили немало страниц таким случаям лексико-семантических неправильностей, как неточный выбор синонима (близкозначного слова) или смешение слов с близким звучанием (а также слов, частично совпадающих по смыслу). Такого рода неправильности, неточности свойственны, конечно, и речевой практике индивидов в языке метрополии, однако в эмигрантском узусе они привлекли внимание исследователей, в первую очередь, как проявление перекрестного влияния двух языковых систем, в свою очередь обнажающих динамические тенденции на "слабых" или "неустойчивых" участках данной (здесь – русской) языковой системы. Одной из типичных ошибок является паронимическое смешение. При паронимии происходит сближение языковых единиц либо

по форме¹, либо по содержанию², хотя в других контекстах такая близость, семантическая эквивалентность отсутствует. Это сближение лексем, базирующееся на формальном или семантическом критерии, имеет психолингвистическую природу и проявляется в конкретной речевой практике индивида/индивидов.

Самым частотным при смешении паронимов морфологическим классом слов в нашем корпусе являются, как и следовало ожидать, имена прилагательные, составляющие основной класс трудных в паронимическом отношении лексем. Паронимия обнаруживается в следующих случаях:

1. Выбор того или иного слова свободен, так как в узусе наблюдается дублетность, равноправное сосуществование лексем, еще не ставших паронимами. Напр., четкие семантико-дифференцирующие отношения между прилагательными *заразный* и *заразительный* в языке первых десятилетий 20 в. еще не установились³; по данным СУ, существительное *болезнь* легко сочеталось как с прилагательным *заразный* "порождаемый, вызываемый заразой, инфекционной болезнью", так и с прилагательным *заразительный* "способный передать, такой, что может заразить" [СУ Т. 1: 1017-1018]. Несомненно, это реликты языка 19 в.⁴ Эта же тенденция отмечается и в эмигрантском узусе:

В Москве появилась чрезвычайно редко встречающаяся "синяя болезнь", известная главным образом в тропиках. Заболевающий ею приобретает синий цвет. Болезнь эта не *заразительная*. (Руль. 1926. 14 апр. № 1630)

... удушливые и *заразительные газы*. (Рус. газета. 1937. № 1)

Да, непобедим для врага был дух русского солдата, русского народа! Его победил лишь яд революции, лишь яд большевизма, разбросанный в тылу ненавидящими русский народ... Самый страшный, самый *заразный* яд, страшнее и заражнее чумных бактерий... (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173)

Отсутствие строгого, четкого семантического разделения глаголов *хулиганить* – *хулиганствовать* в узусе приводит к равноправному употреблению причастий *хулиганящий* и *хулиганствующий*:

¹ Совпадающих сем в структуре значения нет, но формальная близость слов провоцирует метонимическую взаимозамену слов, напр., *методический* – *методичный*.

² В семантической структуре есть совпадающие семы, которые вызывают неверные взаимозамены лексем, напр., *комический* и *комичный* могут совпадать в значении "забавный, смешной" (*комичный* = *комический случай*).

³ Ср.: ".. в Австралии бараны хворают какой-то *заразительной болезнью*" (Эренбург. Необычайные приключения Хулио Хуренито); ".. леди и джентльмены, ставленники наших миллиардеров обречены в самом ближайшем будущем прыгать на четвереньках и кушать не сидя за столом, а, можно сказать, лакая из блюдец. Мало этого: упомянутая *болезнь заразительна* и для самих миллиардеров!" (Шагинян. Месс-Менд, или Янки в Петрограде).

⁴ Ср. несколько примеров: "Ах, друг мой! несчастье – *заразительная болезнь*." (Достоевский. Бедные люди); "Это не родильный дом, но больница, и назначается для всех болезней, кроме *заразительных*, – сказал [Вронский]." (Л. Толстой. Анна Каренина).

3 и 4 февраля произошли [в Данциге] коммунистические выступления. Небольшие группы подонков организовали шествие к Сенату. Ярко бросались в глаза алые знамена с надписью "Долой социал-демократию", "Смерть лжецам социал-демократии", "Да здравствует III Интернационал". А по бокам этой шумной и хулиганящей толпы шли чинно, в ногу, в такт звукам "Интернационала" данцигские ... "шупо" (полицейские). (Дни. 1925. 11 февр. № 688)

... австрийская социал-демократия, вместо того чтобы тратить силы на борьбу с хулиганствующими подзюновьевцами, может все их целиком отдавать практической созидательной работе. (Дни. 1925. 5 февр. № 683)

2. паронимическое смешение вызывается сохранением в узусе устаревших, архаических или деривативно-вторичных значений. Этот тип паронимических отношений в нашем корпусе является одним из самых распространенных и связан с сосуществованием в эмигрантском узусе как старых значений, так и более новых. Ориентация части эмигрантских изданий на традицию, на старый узус может приводить к такому паронимическому смешению, которое в русском языке в 20-30-е годы стало либо уже невозможным ввиду устранения из него идеологически маркированной лексики (в частности, относящейся к царскому времени), либо паронимическое размежевание уже произошло. Так, в эмигрантской прессе используется причастие *государствующий* (стилистика маркированный глагол *государствовать* "царствовать, править" зафиксирован в Сл. Даля¹) вместо ожидаемого, узуального *господствующий* (от глагола *господствовать*). Это вызвано, очевидно, сохранением в эмигрантскому узусе глагола *государствовать* и нейтрализацией на семантическом уровне данных двух слов или их форм:

"Ероса" с возмущением (?) отмечает деятельность двух братьев Гарибальди, внуков знаменитого итальянского деятеля, которые набирают во Франции добровольцев, присягающих им в том, что они освободят Италию от *государствующего* в ней режима, обещивающего и угнетающего страну. (Дни. 1925. 29 янв. № 677)

... *господствующая* сейчас в России коммунистическая партия как партия порядка и твердой власти начинает импонировать даже черносотенным монархическим элементам.. (Анархич. вестник. 1924. № 7)

¹ Этот глагол имел важное значение в славянофильской доктрине, характеризуя специфическую особенность русского народа – нежелание заниматься государственными делами, перепоручая занятие ими и управление собой другим людям. Ср.: "... К. Аксаков так выражал этот основной тезис своего направления: «Русский народ есть народ негосударственный, т.е. не стремящийся к государственной власти, не желающий для себя политических прав, не имеющий в себе даже зародыша народного властолюбия. – Русский народ, не имеющий в себе политического элемента, отделил государство от себя и *государствовать* не хочет. Не желая *государствовать*, народ предоставляет правительству неограниченную власть государственную. Взамен того, русский народ предоставляет себе нравственную свободу, свободу жизни и духа».» (П.И. Новгородцев. Идея права в философии В.С. Соловьева, 1901).

Это касается также религиозных понятий. Многие значения в семантической структуре слов в дореволюционном узусе оказались оттесненными на периферию или вообще вытесненными в послереволюционном узусе: напр., прилагательное *подвижный* (< *подвиг*) как пароним слова *подвижнический* вышло из употребления, и в первом прилагательном СУ религиозно-церковного значения даже не фиксирует, эмигранты же продолжали использовать слово *подвижный* как синоним прилагательного *подвижнический*:

Основное значение книги – не в самих по себе интересных и по большей части новых данных из жизни и деятельности Моста: оно – в той богатой панораме развития анархического движения разных стран, какую автор разворачивает перед читателем на фоне многолетней и *подвижной* жизни и деятельности Моста. (Анархич. вестник. 1924. № 7)

В прилагательном *превосходный* эмигранты сохранили значение ”превосходящий, превышающий качеством, количеством”, в СУ маркируемого пометой ”*книжн[ое]. устар.[елое] и воен.[ное]*”. В послереволюционном узусе шло быстрое вытеснение данного значения из семантической структуры слова, эмигрантский речевой обиход сохранял его значительно дольше:

По сообщению главной квартиры наши [деникинские. – А.З.] войска под давлением *превосходных* неприятельских сил несколько отступили по всему фронту. (Возрождение. 1919. 29 окт. № 100)

Причастие *привходящий* в анархической газете используется вполне нейтрально¹, в то же время в 20-30-е годы шло оттеснение его на лексико-семантическую периферию (наряду с активизацией в данном случае причастия *приходящий*) и приобретение им специализации в канцелярско-деловой сфере языка, напр. *привходящие обстоятельства, привходящие условия, привходящий фактор*²:

... если ты – несмотря на то, что на своем пути ты встретишь только тернии и шипы, плевки и ругательства, тюрьму и изгнания, моральные и физические пытки – .. если ты не озлобишься и не потеряешь веры в человечество и любви к нему., то привет тебе, *привходящий* в ряды борцов за анархию! (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Иногда эмигрантская пресса выступает как консервирующий источник тех паронимических лексем, которые в советском речевом обиходе заменялись

¹ Ср. также примеры из языка начала 20 в.: ”Мотылек — душа гусеницы. Solo — душа, без *привходящего*” (Розанов. Апокалипсис нашего времени); ”.. вознаграждение *привходит* новою, другою радостью; но оно вовсе не становится на место прежней горечи, нисколько не вытесняет ее” (Розанов. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского); ”В духе нет реальности, *привходящей* извне, – все идет изнутри самого духа” (Бердяев. Философия свободного духа); ”Реализация формы тела *привходит* в реализацию личности” (Бердяев. Проблема человека (К построению христианской антропологии)).

² Ср.: ”Помощь голодающим и *привходящие обстоятельства*” (Шагинян. Месс-Менд, или Янки в Петрограде).

новыми, хронологически вторичными. Напр., прилагательное *зеновой* в русском советском языке постепенно вытеснялось прилагательным *звеньевой* (оба слова снабжаются в СУ хронологической пометой "нов.[ое]"), но в эмигрантском языке доминирует первое прилагательное – *зеновой*, примеров прилагательного *звеньевой* в нашем корпусе нет.

Нац.[ональная] орг.[анизация] русск.[их] разведчиков. Сегодня обязательное собрание *зеновых* 1-го отряда. [объявление] (Возрождение. 1935. 14 марта. № 3571)

В эмигрантских текстах (эмигрантском узусе) возможность появления новых паронимических пар оказывается существенно ниже, а то и просто практически нулевой, в отличие советского узуса, в котором паронимические отношения были очень активны в связи с интенсивными лексико-семантическими процессами. Так, эмигранты продолжали употреблять прилагательное *удушливый* "вызывающий удушье, затрудняющий дыхание", в то время как в советском узусе постепенно шло семантическое "отпочкование" значения, функционирующего в сфере военно-профессиональной лексики, – *адъективата удушающий (удушающие газы)*:

... во время войны немцы пустили в ход свои подводные лодки или *удушливые газы*. (Голос Родины. 1919. 1-14 мая. № 264)

Империи и монархии, республики, лиги наций – порождение дьявольских сил; пушки, дредноуты, *удушливые газы*, истребительный огонь; тюрьмы, виселицы, электрические кресла... (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Разумеется, постоянное порождение, создание паронимических структур мотивировано в первую очередь развитием предметного (денотатного) мира, что и вызывает потребность и необходимость лексических номинаций, постоянно уточняющих, конкретизирующих уже существующие. Обусловленность паронимических связей слов вещным, предметным миром несомненна. В эмиграции же эта денотативно-сигнификативная зависимость, в отличие от советского дискурса, оказывается значительно ослабленной.

3. Смешение паронимов в результате иноязычного влияния. Этот тип активен в нашем корпусе, он обусловлен близостью иноязычных прототипов, затрудняющих и замедляющих семантическое размежевание русских соответствий. Напр., паронимическая пара *официозный – официальный* в советском дискурсе 20-30-х годов получила и семантическую, и прагматическую мотивировку, разводящую данные слова: *официозный* – "в странах капитализма – формально не связанный с правительством, но фактически исходящий от него"; *официальный* – "исходящий от правительства, правительственного органа, должностного лица, вполне авторитетный" [СУ Т. 2: 1021]. Эмигрантский узус такого семантико-идеологического разведения паронимов не знает, в результате эти слова могут легко смешиваться. Причиной этого процесса может быть иноязычное влияние (ср. паронимическая близость франц. *officiel*

”официальный”, *officieux* ”официозный; неофициальный”), которое затрудняло семантическую дифференциацию на русской языковой почве.

Понемногу увеличивалось число стран, устанавливающих сношения с правительством националистов [в Испании]. Семь государств [Германия, Италия, Албания, Сальвадор, Гватемала, Никарагуа и Ватикан] признали его де юре [sic]. *Официозные* сношения с националистами установили Англия, Австрия, Венгрия, Швейцария, Португалия.. (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107) – вместо современного узуального: *официальные*.

Японским *официозным* телеграфным агентством получена из Пекина телеграмма о смерти Сун-Ят-Сена. (Дни. 1925. 29 янв. № 677)

В приведенных цитатах прилагательное *официозный* может интерпретироваться двояко: и в значении ”проправительственный (печатный орган)”, и в значении ”выражающий, проводящий правительственную позицию; уполномоченный правительством”. Ср. следующие примеры, где прилагательное *официальный* употреблено верно, в соответствии со своим значением:

Официальное турецкое азиатское агентство сообщает о заявлениях, сделанных министром внутренних дел Шукри-беем. (Дни. 1925. 5 февр. № 683)

Совет Пяти решил .. поручить *официальным* [sic] представителям союзных держав в Прибалтике предпринять в Эстонии шаги, необходимые для создания лучшего отношения эстонского правительства к генералу Юденичу. (Призыв. 1919. 4 (21.12) дек. № 135)

Кажется, аналогичные семантические процессы характерны и для паронимической пары *репрессалии* – *репрессии*. С одной стороны, причиной смещения этих лексем может являться сохранение в эмигрантском узусе старого значения в существительном *репрессалии* ”карательные меры (устар.)” [СУ Т. 3: 1343], которое является номинативным значением существительного *репрессия*, с другой – в этом можно усматривать и унифицирующее влияние иностранных прототипов; ср. франц. *représailles* ”репрессалии, репрессии”, *répression* ”подавление”.

Разоблачения [венгерских большевиков в Австрии] вызвали в Вене чрезвычайное возбуждение, однако сомневаются, чтобы правительство приняло какие-нибудь меры, так как оно опасается *репрессалий* в случае требования удаления венгерского посланника: граница совершенно беззащитна против венгерского вторжения. (Возрождение. 1919. 8 июля. № 2)

Испания остается все еще центром самых кровавых и инквизиторских *репрессий* против революционного рабочего движения. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

... *репрессиям* вообще за последние месяцы подверглись буквально несколько десятков тысяч человек – в огромном большинстве коммунистов, начиная от занимающих самые высокие посты в партийной иерархии и кончая совсем мелкими стрелочниками партийного аппарата. (Меч. 1937. 4 апр. № 13)

Паронимическая аттракция в эмигрантской прессе обуславливается двумя факторами:

а) несостоявшейся, незавершенной паронимией, т.е. замедленными, консервирующими семантико-стилистическими процессами, происходящими в эмигрантском узусе (напр., сохранение старого значения слова и возможность его выражения другим словом);

б) иноязычным влиянием (наличие паронимии в языках-источниках или в языках, где также отмечаются аналогичные русским паронимические пары).

Последний фактор хорошо иллюстрируется следующим примером. Несомненное иноязычное влияние проявляется, например, в смешении русских паронимов *действенный* – *действительный* в результате паронимической близости франц. *efficient* ”действенный, действительный” и *efficace* ”действенный, дающий результат, продуктивный”; в результате этого влияния происходит семантическая нейтрализация русских паронимов. Ср. в следующей цитате неверное употребление прилагательного *действительный* вместо закономерного *действенный*:

Этот чудесный аппарат позволяет принимать у себя, не пачкая и не брызгая, дыша комнатным воздухом, vaporизированную паровую ванну, гораздо более *действительную*, более скорую и более удобную, чем простая паровая баня. (Младоросская искра. 1933. 5 янв. № 26)

В эмигрантской прессе встречаются случаи использования слов, сближаемых на основе контекстуально-прагматических связей между лексемами разного хронологического, стилистического статуса: нейтральных, нормативных в узусе и стилистически и прагматически маркированных в определенных жанрах и стилях: *монгольский* – *ниппонский* – *японский*. Эти прилагательные в русском узусе могли нейтрализоваться в одной общей семе ”азиатский, восточный”, хотя в научном языке они имели терминологическое, четкое значение и употребление. Эмигрантская публицистика может использовать данные прилагательные как квазисинонимы, истоки этого можно искать еще в дореволюционном узусе:

Неужели мы допустим, чтобы на наших глазах ликующий арийский или *монгольский* хам кромсал нашу Родину-Мать?! (Рус. газета. 1937. № 1)

Однако, заключив перемирие [с партизанами], *японский* штаб, как и во Владивостоке, скрыл у себя бывших офицеров колчаковской армии и при их содействии снабжал белогвардейцев в городе оружием и деньгами. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

... телеграф каждый день приносит нам известия .. о новых подвигах народных партизанских армий [Нанкинского правительства, противника Японии. – А.З.], о новых успехах их, жертвах и, конечно, о новых разрушениях, террорах и истреблении *японских* и белых русских аборигенов. (Голос России. 1932. сент.-окт. № 13-14)

Форма *ниппонский* – это русифицированный вариант устаревшей французской формы *nippon* ”японский”, более поздняя форма – *японais* (из англ. *Japan*). Использование слова *ниппонский* в приводимой ниже цитате поддерживается другим рационально-оценочным прилагательным *тевтонский* ”относящийся к тевтонам, германцам” (обычно в словосочетаниях *тевтонские рыцари*, *тевтонские племена*, *тевтонский орден*).

Нам не странно, но больно и обидно, как неблагодарно ”русские подкидыши”, из пораженцев и сепаратистов, мечтают при содействии и для тевтонских и *ниппонских* варваров навести на нашей родине выгодные им порядки, под предлогом ”спасения России” от ”жидов” и коммунистов. (Рус. газета. 1937. № 1)

Таким образом, семантическое сближение лексем в данном случае преследует цель воздействия на читателя путем использования слов разного стилистико-прагматического ранга и синонимизации их в обусловленном контекстом значении; дополнительным стимулирующим фактором является наличие в предложении других компонентов со схожей прагматикой (*арийский хам*, *тевтонский варвар*).

Могут смешиваться близкозначные слова *обязательно*, *непрерменно* и *категорически* в результате влияния франц. *catégoriquement* ”категорически, решительно”, *sans faute, sans manquer* ”непрерменно, обязательно”, которые имеют общие семы ”безусловно, бесспорно”, в языковом сознании происходит ”пересечение” этих близкозначных слов. Но такие случаи в нашем корпусе единичны:

Н.В. Плевцкая и А.Н. Вертинский .. *категорически* обещали выступить в концертном отделении бала Объединения русских шоферов .. (Возрождение. 1932. 3 янв. № 2406)

Л.М. Грановская справедливо считает расподобление синонимов в синонимическом ряду и поиски в них денотативных различий одним из ведущих лексико-семантических механизмов в эмигрантском варианте русского языка [Грановская 1995: 72]. Однако эмигрантская пресса дает возможность увидеть и другой, противоположенный процесс: синонимизации ключевых понятий на основе вычленения в них денотативной семы, служащей интегратором понятий, относящихся – на первый взгляд – к разным денотативным полям. Так, с появлением фашизма в некоторых ”правых” и профашистских газетах отчетливо проявилось стремление вписать государственно-политические идеи фашизма в контекст российской истории. Именно на этом экстралингвистическом базисе основывается синонимизация терминов *интеграция* – *синтетичность* – *соборность*.

Фашизм силен своей *интеграцией*, своей *синтетичностью*, – скажем по-русски, – своей *соборностью*. (Младоросская искра. 1933. 5 янв. № 26)

В пределах данного минидискурса синонимизация происходит благодаря как общей для всех слов семе "сплоченность" (денотативный аспект), так и общей положительной коннотации "коллективность" (прагматический аспект). Почему же тогда в данное синонимическое поле не попадают советские *колхозы* и советский *коллективизм*? Потому что коннотации различны: в ряду *интеграция – синтетичность – соборность* синонимизация основывается на факультативном для семантики, но важном для прагматического употребления знака оценочном компоненте "добровольное подчинение частного общему", который и выступает дифференцирующим признаком, отличающим приведенный выше ряд от таких лексем, как, например, *колхоз, коллектив*¹, основанных на коннотации "насильственное, недобровольное, вынужденное подчинение частного общему"². Конечно, данный семантико-прагматический механизм не является привилегией эмигрантской публицистики, он вообще свойствен речевой практике, но в прессе его использование приобретает особую значимость в рамках создаваемого каждым печатным органом некоторого ценностно-деонтического кода.

Выводы:

1. Одно из главных отличий эмигрантской публицистики от советской (20-30-е годы 20 в.) заключается в сохранении прежней, сформировавшейся в дореволюционный период жанрово-стилистической системы, которая предопределяла и выбор лексических средств. Выработка новых жанрово-стилистических регистров публицистического стиля в русском советском языке проходила в рамках двух противонаправленных тенденций: с одной стороны, формирование жанровой системы советских газет и обслуживающего ее лексического репертуара, с другой – увеличение, рост стандартизации и унификации стиливых и лексических особенностей газеты. В отличие от советского публицистического стиля, эмигрантская пресса характеризуется несравненно более высокой степенью традиционности на лексическом и стилистическом ярусах. Смены лексического состава, использовавшегося в дореволюционной

¹ Против отождествления понятий *соборности* и *коллективности* всегда горячо выступал Н.А. Бердяев: "Соборность религиозного сознания есть качество сознания, *соборность* ничего общего не имеет с количествами, с *коллективностью*, она может быть, у нескольких более, чем у миллионов. Религиозный гений может более выражать качество *соборности*, чем народный коллектив в количественном смысле слова" (Мирозерцание Достоевского); "Соборность не имеет никакого смысла, если она не заключает в себе свободы духа и личной совести. Без свободы *соборность* есть внешний *авторитарный коллективизм*" (Существует ли в православии свобода мысли и совести?)

² Ср. верное наблюдение исследователя, сделанное применительно к языку советской публицистики: "... взаимозаменяемыми в газете могут быть лишь слова с одинаковой оценочной окраской или нейтральные и однооценочные. Слова же с разной (противоположной) оценочностью, хотя и близки по смыслу, из-за разной предметной отнесенности тяготеют в большей степени к антонимам, чем к синонимам (ср., с одной стороны, *содружество*, с другой – *альянс, сговор*)" [Солганик 1981: 72].

прессе, в эмигрантской публицистике не произошло, в отличие от советской. Так, широко использовалась традиционная монархическая, религиозно-православная, военная, национально-этническая, экономическая, разговорно-обиходная терминология.

2. Вместе с тем, пребывание за рубежом связано не только с сохранением такой лексики, но даже и с ее культивированием, что обусловлено экстралингвистическими причинами: стремлением сохранить русские устои с целью последующей реставрации их в будущей, свободной от большевиков России. Однако этот процесс культивирования зачастую превращался в архаизацию и консервацию лексики или на семантическом уровне (на уровне значений слов), или на узуальном (сохранение старых речевых моделей).

3. Живыми лексико-семантическими процессами в эмигрантской публицистике являлись: заимствование новых понятий (политика, экономика, общественная жизнь, культура, повседневные понятия, хобби) из иностранных языков; заимствование некоторой доли лексических советизмов (судя по нашему корпусу, их число приближается к 200); формирование лексических рядов, связанных с явлениями эмигрантской жизни (воспитание молодежи, военно-террористическая деятельность некоторых эмигрантских групп, политическое "разноцветье" эмигрантских партий и движений, обостренные поиски самоидентификации, ощущение бездомности и др.).

4. Языковая игра – один из неперменных механизмов языка публицистики, участвующих в реализации функции воздействия на читателя. В эмигрантской прессе оценочность и возникающее на этой основе игровое отношение к понятию (слову) касается в первую очередь советских обозначений, попадавших на страницы газет либо из советской публицистики, либо из эпистолярного источника (постепенно истощавшегося ввиду ограничения свободы и доступности переписки с адресатами в СССР). Именно шутливо-ироничная интерпретация советских денотатов составляет нерв, центр языковой игры в нашем корпусе. Понятия, обозначающие реалии жизни зарубежья или эмигрантского быта, редко становились объектом языковой игры. Такая диспропорция в определенном смысле выявляет центр жизненного интереса подавляющей части эмигрантских читателей: **всё советское**, так как оно обладает более мощным прагматическим потенциалом ввиду чрезвычайно сильной психоментальной зависимости эмигрантов от происходящих на родине событий. Лингвосоциальная оценочность совершалась как на базе рациональных знаний (в сущности, не столь богатых) эмигрантов о советской жизни, но в основном в рамках пресуппозиций, фоновых знаний, конституирующей и интегрирующей чертой которых являлось резкое неприятие советских реалий. Публикация частушек в народно-патриотических, ориентированных на крестьянско-солдатскую аудиторию, продолжала традиции городского, крестьянского фольклора, осмеивая какие-либо денотаты чуждого идеологического (советского) поля. В других типах изданий (анархические, монархические, демократические) частушки встречаются крайне редко, так как не были свойственны перечисленным социолектам до революции.

5. Квзисинонимические ряды свойственны языку практически любого печатного массового органа, поскольку они позволяют данному изданию вырабатывать аксиологическую шкалу симпатий и эмпатий, формировать и направлять читательскую аудиторию. Понятно, что в разных по политической позиции газетах квзисинонимические ряды будут состоять из несовпадающих компонентов. Механизмы формирования таких квзисинонимических рядов мы рассмотрели на примере лексем, располагающихся на двух лексико-семантических полюсах («союзников» и «оппонентов»), на примере анархических газет. Переходными лексемами, служащими пограничными знаками между двумя лексико-семантическими блоками, являются *анархобольшевик*, *анархо-большевизм*: с формально-словообразовательной точки зрения они входят в группу «союзники», но в рамках сигнификативного и прагматического поля анархической публицистики открывают собой лексико-семантическое поле «оппоненты». Наполнение квзисинонимических рядов в эмигрантской прессе, разумеется, существенно отличалось от рядов, существующих в советской публицистике.

6. Замена близких по графике и значению слов (паронимов) в эмигрантском варианте русского языка – это одно из «слабых» звеньев лексической системы, поскольку потребность их разграничения заметно снижается в эмигрантском узусе. Это вызвано, с одной стороны, сокращением (чаще всего) в эмигрантском обиходе лексико-стилистической базы используемых сфер языка, с другой – влиянием иностранных языков, где также могут присутствовать аналогичные паронимические пары, которые способны вызывать паронимическую коррозию в русском материале. Эмигрантский узус дольше сохраняет устаревшие значения в семантической структуре паронимов, так что паронимические смешения могли происходить также вследствие этого, в отличие от советского речевого узуса, в котором лексемы или значения уже были смещены на периферию.

7. Расподобление синонимов и синонимизация слов на основе контекстуально-прагматических связей – два противопоставленных по результатам лексико-семантических процесса, активных на страницах эмигрантской прессы. Первый представляет собой попытку найти сигнификативные отличия близких по смыслу слов, обособить их друг от друга, выделить в них специализированные семы, дифференцирующие синонимы (*беженство* – *эмиграция* – *ссылка* – *изгнание* и др. члены данного понятийного ряда). Второй процесс связан с вычленением в словах, не являющихся языковыми синонимами, таких общих, интегральных сем и коннотативных элементов, которые позволяют их синонимизировать по крайней мере в рамках определенного социолекта, дискурса (*интеграция* – *синтетичность* – *соборность*).

ГЛАВА 6.

ТИПОЛОГИЯ И СТРУКТУРА ИНОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

1.0. Языковые контакты

Сама тема нашего исследования, объектом которого является эмигрантская пресса, необходимым образом акцентирует момент как непосредственного контактирования русского языка с языковым материалом страны проживания эмигрантов, так и возможного дистантного влияния других языков¹. Практически неизбежным (если отвлечься от особых режимов сосуществования языков и языковых коллективов, например, замкнутой религиозной группы, проживающей на иноязычной территории) становится и заимствование из языка А (доминантного или доминантных, если их несколько) в язык В (миноритарный, анклавный). Русскую эмигрантскую прессу 1919-1939 гг. никак нельзя характеризовать как самодостаточную, концентрирующуюся только на своих внутренних (эмигрантских, российских/советских) проблемах, напротив – она достаточно внимательно следила и за событиями как в масштабах региона, так и мира в целом. На лексическом уровне это проявлялось во включении, инкорпорировании² в речевую практику эмигрантов элементов иностранных языков как "осколков" чужой/другой культуры, жиз-

¹ "Потребности общения заставляют говорящих на одном языке вступать в непосредственный или опосредованный контакт с говорящими на соседних или культурно доминирующих языках" [Сепир 1993: 173].

² Термин *инкорпорирование* многозначный и его значение различается в разных областях лингвистики. Например, в типологической лингвистике он обозначает конструктивную особенность грамматического строя, структурирующую высказывание как некое морфологическое целое либо в процессе полной инкорпорации (грамматическая единица, напоминающая по форме слово, в семантическом плане соответствующая предложению), либо частичной инкорпорации (грамматическая единица словного уровня, семантически равная словосочетанию). Диффузия слова и синтаксических единиц – главная типологическая чертой инкорпорированных языков. В этом случае термин *инкорпорация* имеет значение "включение в свой состав" [Baker 1988; 2003]. Следовательно, в рамках типологического языкознания об инкорпорировании в русском языке говорить не приходится [КСЛТ 1995: 43]. С другой стороны, в теориях билингвизма и переключения кодов инкорпорирование на структурно-грамматическом уровне рассматривается в процессе влияния на язык А другого (В) или других (С, D, E) языков. В частности, один из ведущих специалистов в области теории перевода Мона Бейкер рассматривает вопросы инкорпорирования в следующем градуальном ряду уровней: а) на уровне слове (at word); б) на сверхсловном уровне (above word); в) на уровне грамматики (grammar); г) на уровне тематической структуры (thematic structure); д) на уровне внутритекстового единства (cohesion); е) на прагматическом уровне (pragmatic levels) [Baker 1992]. Причем Бейкер отмечает в процессе коммуникации особую роль двух последних уровней, нацеленных именно на решение

ни, быта. Поэтому изучение заимствований представляет собой комплексную исследовательскую процедуру, в которой тесно сплетены как собственно лингвистические аспекты (разные уровни языкового контактирования), так и экстралингвистические (культурные, политические, военные и др.).

В лингвистической литературе нет единства в понимании термина "заимствование", поскольку в него вкладывается зачастую содержание, определяемое задачами и методологией конкретного исследования. Так, У. Вайнрайх, один из основоположников контактологической лингвистики, или лингвистики языковых контактов (*contact linguistics*), считал заимствование (*borrowing, transfer*) начальной стадией интерференции при билингвизме [Вайнрайх 1979]. В данном случае заимствование выступает 1. как перенос языковых элементов (слов, морфем, фразем) одной языковой системы в другую, в результате чего происходит 2. межъязыковое отождествление элементов двух языков и языковое смешение (*mixing*), языковые отклонения (*deviations*) в речи билингва¹. Это широкое понимание заимствования как процесса, интегрированного в речевую практику индивида, характеризующуюся явлениями интерференции. Широкого понимания данного термина придерживается, в частности, и один из ведущих отечественных специалистов по теории языковых заимствований в русском языке Л.П. Крысин: "Представляется целесообразным называть заимствованием **процесс перемещения** [выделено мной. – А.З.] различных элементов из одного языка в другой". [Крысин 1968: 18]. В узком смысле слова заимствование – это инкорпорированные иноязычные элементы в язык некоторой группы говорящих [Thomason & Kaufman 1988: 37] или перенесенные из одного языка в другой "субстанциональные элементы": морфемы, слова, фразеологизмы [Vuhce et al. 1994: 1]; в данном случае заимствование предстает как материальный, конкретный результат языковых контактов на фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом уровнях. Предложены и языковые маркеры степени освоенности заимствования (в узком смысле термина) в языке [Lehman 1962: 213]; критическое обсуждение их дано в: [Крысин 1968: 12-16, 35; см. также: Heien 1984: 84].

Изучая заимствования в речи эмигрантов третьей волны в США, Д. Эндриус задался справедливым и методологически важным вопросом: можно ли постулировать изоморфизм² между процессами (и результатами) заимствования в языке метрополии и в речевой практике эмигрантов [Andrews 1999]? С

коммуникативных задач (*ibid*: 217). Мы придерживаемся понимания инкорпорации как на субуровне языковых элементов, и на макроуровне речевых практик эмигрантов.

¹ В настоящее время в теории билингвизма существует несколько концепций интерференции. Результат языкового и когнитивного взаимодействия в речи билингва контактирующих языков (интерференция) бывает отрицательный и положительный. Именно с исследования отрицательного воздействия доминирующего языка, порождающего эксцессы языковых отклонений во втором языке индивида, началось изучение данной проблематики в 50-е годы 20 в.

² В 1980-е годы такие идеи высказывались, в частности, Х. Ольсмтедом [Olmsted 1986].

этой целью он решил проверить успешность применения исследовательской процедуры, положенной в основание лингвистической теории заимствований, разработанной Л.П. Крысиным [Крысин 1968], применительно к узусу русскоязычных эмигрантов в США (так называемая третья волна эмиграции, 60-70-е годы 20 в.). Д. Эндрюс вычленил из совокупности ключевых аспектов, на которых базировалось исследование Л.П. Крысина¹, следующие, релевантные для изучения языка эмигрантов:

1. каковы причины заимствования?
2. какие типы иноязычных слов чаще всего и наиболее регулярно заимствуются?
3. как иноязычные слова ассимилируются и как проходят процессы ассимиляции?
4. какие различия существуют между заимствованным и иноязычным словом? [Andrews 1999: 14].

Оказалось, что в эмигрантском узусе заимствованные из английского слова, "пропущенные" через критерии Л.П. Крысина, представляют собой крайне диверсифицированный и далеко не такой гомогенный феномен. Фонетически многие из этих слов ближе к англоамериканским прототипам, их письменная форма также зависима от латинской графической протоформы (напр., чаще используется графический варваризм *tax forms* "налоговая декларация", но не *таксовые формы* во избежание потенциальной омонимии со словом *такси*). Другие слова, напр., *кеш* (< cash) в речи эмигрантов довольно широко распространены; ср. *платить кешью* (жен. род) или *кешем* (муж. род), *окешить* (по данным М. Полинской), *окешевать* (глагольный дериват; эту глагольную форму подсказали автору сами эмигранты, однако в их речевой практике данный глагол исследователю не встретился). Д. Эндрюс все-таки сомневается в праве признать их ассимилированными (усвоенными и освоеными) заимствованиями – так ли они узуальны в эмигрантской речи? Третью группу слов (напр., *викенд*, дериват *викендовый*) следует отнести скорее к ассимилированным заимствованиям (согласно критериям Крысина) и по фонетическим, и по деривационным, и по узуальным критериям [Andrews 1999: 14-17].

Проблема освоения и инкорпорирования заимствований в речь тесно связана с теорией переключения языковых кодов (*code switching*). Переключение кодов может происходить на границе предложений (*intersentential code switching*) и внутри предложений (*intrasentential code switching*). Внутри предложения переключение кодов может быть типизировано следующим образом: а) вставка

¹ У Л.П. Крысина подходы к изучению заимствований следующие: 1. что (какое языковое явление) можно назвать заимствованием; 2. причины заимствования; 3. виды или типы мигрирующих элементов; 4. виды или типы иноязычных слов как наиболее часто и регулярно заимствуемых языковых единиц; 5. освоение слова в заимствующем языке и разные стороны этого освоения; 6. признаки освоения иноязычного слова, позволяющие считать его заимствованным (т.е. ответ на вопрос об характере заимствованного слова, и, в первую очередь, отграничение его от иноязычного слова) [Крысин 1968: 10].

(insertion), т.е. использование элемента другого языка как одного из компонентов в первом языке; б) мена языковых кодов (alternation), т.е. переключение на другой язык или грамматическую конструкцию в процессе речепорождения; в) конгруэнтная лексикализация (congruent lexicalization), т.е. объединение лексических элементов обоих языков в одном предложении [Muysken 2000]. Один язык является базовым (base), основным (main), в который и происходит внедрение, "вставка" (insertion) элементов из другого языка/других языков (embedded). В этом случае основной, матричный язык (matrix language) играет самую важную роль в определении таких феноменов, как порядок слов и появление грамматических (иначе – обусловленных языковой системой) морфем. Если на заре зарождения билингвизма Э. Хауген в мена языковых кодов усматривал отношения симметричности или альтернативности языковых элементов¹, то в последующие годы стало ясно, что языковая картина переключения кодов более сложна. Например, Майерс-Скоттон исходит из той посылки (эти идеи высказывались еще в 19 в.), согласно которой двуязычный индивид обычно не имеет "полного" (в абсолютном смысле, т.е. с позиций монолингвального сознания) доступа к обеим грамматикам (своего и чужого языка) и его речевая морфосинтаксическая рамка "получена более чем из одного исходного языка" [Myers-Scotton 2002: 105]. Этот доступ регламентируется и ограничивается многими факторами: семейными традициями, полученным образованием, степенью толерантности к чужому языку/чужим языкам в обществе, личными склонностями индивида и т.д. При билингвальном речевом поведении могут появляться "вставки" и прочие лексико-грамматические новации. Однако какова природа этих "вставок" и отличаются ли они от так называемых сиюминутных "заимствований" (nonce borrowing)²? По мнению Майерс-Скоттон, надежных критериев отграничения этих двух феноменов друг от друга в лингвистике пока выработать не удалось [Myers-Scotton 1993].

Э. Хауген, анализируя лексические заимствования в речи норвежцев, проживающих в Америке (США), разделил заимствованные лексемы на два класса: необходимые (necessary) и излишние, ненужные (unnecessary), исполь-

¹ В частности, на фонологическом уровне он разделял два процесса: перенос, "импорт" (importation) языкового элемента и замещение, замену (substitution) им в другом языке.

² Предлагалось именовать языковые элементы, спонтанно проникающие в речь индивида, сиюминутными, одномоментными заимствованиями (nonce borrowing) [Poplack & Meechan 1998]. В теории Ш. Поплак, рассматривающей варианты переключения кодов, данный тип располагается среди следующих моделей: а) переключение кодов в аспекте эквивалентности языков (code-switching under equivalence); б) сиюминутные заимствования ((nonce) borrowing); в) компонентная вставка (constituent insertion); г) пограничный "переключатель" (flagged switching). В таком случае случайными заимствованиями считаются такие лексические единицы (lexical item) или связанные морфемы, которые морфологически или синтаксически интегрированы в первый, основной (base) язык, но не обнаруживают, не проявляют фонологической интеграции в систему языка-реципиента. От заимствований (borrowings) случайные заимствования отличаются тем, что: а) не удовлетворяют критерию частотности (criteria of frequency); б) степени освоенности (degree of acceptance).

зование которых избыточно и не имеет под собой достаточных лексико-семантических оснований, поскольку у таких неоправданных заимствований есть эквиваленты в родном языке индивида [Haugen 1953]. В современной типологии лексических заимствований принято говорить о так называемых стратегических заимствованиях (strategic loanwords) [Odlin 1989: 146; Hutz 2004: 196] или лексических компенсаторах (lexical "repair") [Jaspaert & Kroon 1992: 139]) на основании коммуникативных тактик говорящего. Лексические проблемы для билингва возникают вследствие дистанции между тем, что он хочет сказать, его коммуникативными интенциями, и тем, как он может это выразить. Для того чтобы преодолеть лакуны между своими коммуникативными нуждами и ограниченными коммуникативными ресурсами, говорящий и может прибегать к помощи заимствований. В этом случае говорящий предполагает или, по крайней мере, питает надежду, что слушающий (реципиент) или читатель знает и/или поймет значение заимствованного слова, иначе – говорящий апеллирует к языковой компетенции слушателя/читателя, предполагая сходство их лингвокультурной базы. К стратегическим заимствованиям говорящий также может прибегать тогда, если он/она чувствует неуверенность в своем знании точного значения той или иной лексемы, особенно в том случае, если соответствующего понятия просто не существовало в период его/ее отъезда из страны.

Очень часто типология заимствованных слов базируется на диахроническом принципе, позволяющем разграничивать разные типы иноязычных лексем и анализировать динамику их освоения в языке-реципиенте. В частности, при анализе англицизмов в русском языке именно диахронический критерий послужил исходной базой классификации в известной книге В.М. Аристовой. Кратко представим предложенную автором типологию процессов заимствования:

1. *Проникновение* иноязычного элемента в язык-реципиент. Формальные и содержательные признаки: иноязычная графическая форма; дублетность; грамматическая и словообразовательная неупорядоченность; моносемность; синтагматическая ограниченность.
2. *Заимствование*. Признаки: прочная связь с языком-донором; грамматическая и словообразовательная стабилизированность; речевая (языковая) регулярность; включение в словообразовательные сети языка-рецептора.
3. *Укоренение*. Признаки: утрата (забвение) этимологической связи с языком-донором; семантическая автономность; семантическая деривация, возможность идиоматического употребления; семантическая дифференциация в синонимическом ряду; узуализация; деривационная активность. [Аристова 1978].

В типологии заимствований, разработанной Л.П. Крысиным, участвуют те же компоненты, что и в классификации В.М. Аристовой, но с важным социолингвистическим уточнением: одно из обязательных условий признания иност-

ранного слова заимствованным – его использование в разных (как минимум двух) жанрах речи или в терминологическом аппарате науки [Крысин 1968: 35].

В принципе, принятое в русистике различие иноязычных слов как: 1. заимствованных (принятых, ассимилированных системой языка); 2. экзотизмов (иноязычных включений, определяемых изобразительно-художественными особенностями нарративного повествования); 3. иноязычных вкраплений (иноязычных словесных вставок с детализирующей или жанрово-стилистической целью) [Крысин 1968; Heien 1984], разработано с опорой именно на диахронический принцип анализа. Как показали Х. Ольмстед и Д. Эндрюс, такая типология требует уточнений применительно к языку эмиграции. Небольшой, но выразительный пример Д. Эндрюса: уже упомянутое *уикенд* (*уик-энд*, *викенд*) в русском языке метрополии, появившись в некоторых жанрах письменного языка в 60-е годы 20 в., до сих пор проходит этап адаптации, в то время как у русских эмигрантов США слово было давно полностью ассимилировано и интегрировано в их речевую практику [Andrews 1999: 11]. Таким образом, если для русского языка метрополии *уик-энд* (*уикенд*, *викенд*) остается экзотизмом (варваризмом), то для русскоязычного американского узуса оно – уже в ранге заимствования. Эмигрантский узус сокращает процессы включения и освоения иноязычных слов, фразем в речь, часто растянутые в языке метрополии на диахронической оси. Исследователи эмигрантского узуса справедливо отмечают объективную сложность интерпретации и квалификации заимствованных элементов. Эмигранты могут быстро инкорпорировать иноязычные элементы в свою письменную практику, осваивать и семантически, и деривационно, тем самым нормализуя, приспособляя их к русской морфологической системе и включая в свой узус: в речи русских американцев *лайсенз* (*license брит.*, *license амер.* "лицензия, официальное разрешение на занятие какой-л. деятельностью"), *бедрум* (англ. *bedroom* "комната") – вовсе не иноязычные вкрапления или экзотизмы (с точки зрения русского языка метрополии), а именно заимствованные слова [Васянина 2001]. Разбросанность эмигрантов по разным странам, включенность в жизнь той или иной страны определяет и типологию заимствований: например, упомянутые американизмы будут расцениваться уже не как заимствования, а как вкрапления (экзотизмы) в речи русскоязычных, проживающих в Европе. Таким образом, построить общую и непротиворечивую типологию иноязычных элементов в речи всей русской эмиграции первой волны вряд ли возможно. Совсем недавно высказывалось такое осторожно-скептическое мнение, что "создание коллективного лингвистического портрета русских американцев – невыполнимая задача" [Васянина 2001: 98], однако данные слова, по нашему мнению, приложимы не только к речевой практике русских американцев, но и вообще – русскому языку в эмиграции; сходное мнение высказано также в: [Мечковская 2004].

Именно поэтому использование понятий «матричный» (*matrix*) и «включенный» (*embedded*) языки при изучении эмигрантского узуса нам пред-

ставляется чрезвычайно важным¹, но еще, к сожалению, недостаточно или мало освоенным в российской лингвистической эмигрантологии и вследствие этого практически нерелевантным в исследовательских процедурах. Ср. справедливое замечание: "Заимствования в русский язык, происходящие за пределами России, не всегда следуют тем же правилам, что заимствования из иных языков во внутрироссийском употреблении. [...] ..приходится исходить уже не только из норм русского языка, но также из матрицы доминирующего в окружении иного языка, из образа мыслей и стиля существования, отличающихся от российских" [Протасова 2000: 59].

Вместе с тем, разные языки оказывают неодинаковое воздействие на процессы и количество заимствований в речевом узусе русскоязычных эмигрантов: русские, выехавшие из России сразу после революции и проживающие в Италии, США, используют преимущественно французские слова, на втором месте – английские вкрапления; русские, живущие в Италии, обращаются к итальянским заимствованиям достаточно редко. По наблюдениям Е.А. Земской, "среди живущих в Германии эмигрантов немецкий язык распространен более, чем итальянский – среди живущих в Италии" [ЯРЗ 2001: 120]. В Китае "средством общения внутри этнических групп, безусловно, оставался родной [русский. – А.З.] язык", причем "большая часть русских, обосновавшихся в Харбине, по-китайски не говорила", так что "заметного взаимовлияния языковых систем русского и китайского языков на фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровне не было" [Оглезнева 2004: 45-47]. Автор объясняет это: 1. лингвистическими мотивами ("типологическое различие между языками") и 2. культурно-доминантными: китайский язык не обладал статусом престижного (со ссылкой на высказывание А. Мартине²) [там же]. Хотя русский и финский языки относятся к разным языковым группам и следовало бы предполагать гораздо меньшее количество заимствований, чем, к примеру, в контактировании русского и итальянского (оба – индоевропейские языки), тем не менее лингвокультурная ситуация в Финляндии характеризуется обилием финских (а также английских, немецких, шведских) вкраплений в речь русских эмигрантов первой волны, живущих в Финляндии [Жанр 2004 (особенно статьи Е.А. Земской, А.В. Зеленина); Протасова 2004]. Пример Е.А. Земской с итальянским языком, на первый взгляд, типологически более близок китайско-русской языковой ситуации, чем, например, немецко-русским, англо(американско)-русским, франко-русским, финско-русским языковым контактам, однако совершенно очевидно, что для вынесения суждения о качественном и количественном составе заимствований в русский эмигрантский узус из других языков требуется проведение лонгитюдных исследований.

¹ Одним из исследователей, наиболее последовательно и аргументированно проводящих эту линию, является Е.Ю. Протасова [Протасова 2000; 2004].

² "Язык одолевает своих соперников не в силу каких-то своих внутренних свойств, а потому, что носители его являются более воинственными, фанатичными, культурными, предприимчивыми" [Мартине 1999: 43].

Какова их цель и практическая польза? Во-первых, данные собираются многократно, в разные моменты времени, и сравниваются (агрегируются) с родственными массивами данных. Во-вторых, лонгитюдные замеры позволяют проследивать то или иное явление в разных плоскостях:

а) в аспекте глубинного исследования динамики языковой компетенции респондентов именно как представителей некой данной социальной группы (панельные исследования);

б) в аспекте регулярных опросов реципиентов для выяснения по того или иного конкретного языкового явления (трендовые исследования);

в) в аспекте определенного социального, возрастного, образовательного и т.п. среза (когортные исследования).

Все эти типы и методы активно используются в социолингвистике и в билингвальных исследованиях на Западе; в качестве одного из примеров можно назвать: [Field 2002, особенно глава 5 "Borrowing patterns in modern Mexicano"]. Российским лингвистам-эмигрантологам еще предстоит заняться такой работой.

Далее мы рассмотрим использование типы заимствований и механизмы их ввода и адаптации на материале письменной практики эмигрантов первой волны.

2.0. Иноязычные вкрапления

Вкрапления в эмигрантской публицистике – самая бесспорная часть иноязычных элементов в четырехчленной классификации «собственно заимствования – экзотизмы – вкрапления – варваризмы»¹. Под иноязычными вкрап-

¹ Мы отвлекаемся от теоретического спора: что считать варваризмом, а что – экзотизмом (и вообще – есть ли такой класс иноязычных слов). Вот только несколько суждений, показывающих размытость границ между данными группами слов: "среди варваризмов иногда выделяются экзотизмы" [Бархударов 1975: 91]; "разграничение заимствований (освоенных слов), экзотизмов и варваризмов в известной степени условно" [Денисов 1993: 101]. Различие позиций исследователей порой является диаметрально, а расчленение на варваризмы и экзотизмы слабо или недостаточно лингвистически мотивированным. Ср. следующие определения варваризма: "Иностранное слово или выражение, не до конца освоенное заимствующим языком, чаще всего в связи с трудностями грамматического освоения. Обычно варваризмы используются при описании чужеземных обычаев, быта, нравов, для создания местного колорита" [Розенталь & Теленкова 1985: 45]. Определение экзотизмов у тех же авторов: "Слова и выражения, заимствованные из других, часто малоизвестных, языков и употребляемые для придания речи особого (местного) колорита" [Розенталь & Теленкова 1985: 533], "они, как правило, поначалу бывают мало известны носителям того языка, в котором употребляются" [Фомина 1983: 151]. Ср. также попытку дифференциации экзотизмов и варваризмов в известной книге по теории перевода: экзотизм, "во-первых, подобно варваризму, является только иноязычным словом; во-вторых, в отличие от варваризма, это слово, уже вошедшее в лексику соответствующего языка" [Влахов & Флорин 1980: 40]. В нашей классификации экзотизмы включаются в таксономический класс варваризмов.

лениями обычно понимают слова и фраземы (клишированные конструкции), заимствованные из языка-донора в язык-реципиент либо с сохранением своего исконного графического облика, либо транслитерированные в соответствии с графической системой принимающего языка. Очень часто вкрапления составляют корпус интернациональных элементов (преимущественно из классических или старых, культурно значимых языков Европы), мигрирующих из языка в язык. Они могут использоваться: а) по причине отсутствия адекватного лексико-семантического эквивалента в языке-реципиенте, б) по причинам языковой экономии, в) в зависимости от индивидуально-речевой компетенции (лингвокультурный багаж говорящего, свидетельствующий о его речевой культуре, образовании, интеллектуальном диапазоне и т.п.).

Какие же типы вкраплений представлены в эмигрантской прессе и каковы их функции?

- общепринятые, широко используемые, укорененные во многих языках интернационализмы (чаще – латинского происхождения): *etc.*, *status quo*, *à la* (франц. "вроде, на манер"), *à la russe*, *quasi*, *bellum omnium contra omnes* ("война против всех"), *odium* ("ненависть").

... мы живем в роковое, проклятое время, когда худшим людям предоставлено угнетать лучших, когда, ради проверки социалистических выкладок и трафаретов, возбуждается *bellum omnium contra omnes*.. (Призыв. 1919. 7 (23.9) окт. № 77)

... газета в известной степени отражает интересы части крупных промышленников.. Для такого рода "буржуев", не решающихся взять на себя полностью весь *odium* признания [Советов – А.З.], статья русского эмигранта .. представляет известную цену. (За свободу. 1925. 3 янв. № 2 (1406))

Этих надежд не заглушат никакие фанфары казенной прессы, ни покаянные *a'la* [sic; правильно: *à la*. – А.З.] Б. Савинков, ни проекты каких-то поправок к советской конституции, о которых в последние дни вновь заговорили советские официозы [sic]. (За свободу. 1925. 1 янв. № 1 (1405))

Имеется также налицо довольно уже распространенное чувство отвращения к узурпаторскому "коммунизму" *à la russe*. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Наличие фонда иноязычных вкраплений-интернационализмов, использовавшихся в эмигрантских газетах, свидетельствовало, с одной стороны, о сохранении еще дореволюционной языковой традиции "вкрапливания", с другой – об активизации этого процесса, мотивированного непосредственным контактом с языками-донорами, служившими источниками интернациональных вкраплений.

Сюда же относятся новые интернациональные акронимы английского происхождения типа *WC* (сокращение от англ. *water closet* "туалет").

- названия иностранных газет, журналов, издательских домов (концернов) и т.п.: "*Humanité*", "*Eposa*" и др., однако чаще применялась их транслитерация (см. об этом ниже). Практически всегда названия русскоязычных газет

имели перевод на язык страны, где публиковался данный орган, поэтому эмигранты могли использовать либо русское, либо калькированное название:

... на страницах милюковского органа "New Russia", в бурцевской "Cause Commune" [...] и в прочих рептилиях можно было прочесть ошеломляющие разоблачения творившихся под флагом "слабого, безвольного, керенствующего Деникина" ужасов белого террора, взяточничества, хищения и разгула. (Воля России. 1920. 14 сент. № 2)

"Ероса" с возмущением (?) отмечает деятельность двух братьев Гарибальди, внуков знаменитого итальянского деятеля, которые набирают во Франции добровольцев, присягающих им в том, что они освободят Италию от господствующего в ней режима, обесчещивающего и угнетающего страну. (Дни. 1925. 29 янв. № 677)

- названия финансовых, государственных, политических учреждений, кинотеатров, кинокомпаний, мест отдыха: *Investment Trust* "инвестиционный трест", *Tanass* (молодежный лагерь отдыха), *Ufa-film* (по названию немецкой кинокомпании Universum Film, U.F.A.), S.S. (нем. Schutzstaffeln "охранные отряды").

Эта интенсивная деятельность в сфере международного сотрудничества приняла столь широкие формы, что потребовались даже новые юридические формы для ее сильнейшего развития. К числу таких новых форм относятся и так называемые *Investment Trust*, основная задача которых состоит в том, чтобы дать возможность публике участвовать в иностранных предприятиях, доводя естественный при этом риск до минимума – путем распределения его между разными предприятиями в разных странах. (Руть. 1930. 1 янв. № 2766)

При главной квартире [Гитлера; здесь: штаб-квартира – А.3.] состоят, наконец, неизбежные начальники S.S. и специальные части, на которых возложена охрана нынешнего властителя Германии. (Последн. новости. 1940. 1 янв. № 6853)

Увлекательный *Ufa-film* "Борьба юных сердец" (Любовь молодого дипломата)" [реклама] (Сегодня. 1930. 6 янв. № 6)

Такой тип вкраплений обуславливался необходимостью передачи точного обозначения денотата при отсутствии русского эквивалента в речевом багаже эмигрантов (напр., термин *Investment Trust*) или вследствие аналитической многословности названия (напр., конструкция *Ufa-film* при адекватной передаче на русский язык требовала бы обширного дескриптивного описания: *фильм, снятый на студии UFA = фильм производства киностудии UFA*). Часто сохраняется графическое написание языка-донора при передаче имени собственного. Однако тут же может появиться и комбинированное (транслитерация в совокупности с произношением) вкрапление *Парамаунт-фильм* (англ. Paramount – кинокомпания в США):

Луиза Брукс, Ричард Арман в новейшем *Парамаунт-фильме* "Братья-соперники". [реклама] (Сегодня. 1930. 6 янв. № 6)

Такой тип препозитивных неизменяемых приложений был заимствован русским языком лишь в 90-х годах 20 – начале 21 века; эмигрантская газетно-журнальная практика шла намного впереди языка метрополии.

- обозначения реалий, понятий политической жизни: *coup d'état* (фр. "государственный переворот"), *union sacrée* "священный союз", *форен офис* (англ. *Foreign Office* "министерство иностранных дел Англии"), *Hakenkreuzer* "фашист" (нем. *Hakenkreuz* "свастика").

Так называемое национально-социалистическое движение в Германии, группирующееся вокруг гитлеровских "*Hakenkreuzer*" (черная сотня), идет по тем же следам и, без сомнения, имеет влияние на известные круги немецкого рабочего класса, особенно в Баварии. (Анархич. вестник. 1923. № 5-6)

Мы, русские революционеры, демократы и социалисты, непримиримые враги большевизма, мы с первых дней предательского *coup de'état* Колчака не уставали твердить одно и то же: нельзя красный террор победить террором белым.. (Воля России. 1920. 14 сент. № 2)

Под несомненным давлением французов, решивших устроить на Крымском полуострове нечто вроде "*union sacrée*" всех "патриотов".. (Воля России. 1920. 17 сент. № 5)

Форен офис о новогоднем обращении Гитлера [название заметки] (Последн. новости. 1940. 1 янв. № 6853)

Этот тип вкраплений не имеет поясняющих комментариев в контексте, что может свидетельствовать либо о знании читателями данной газеты слов и фразем в языке-доноре, либо о частотности тех или иных понятий в русской диаспоре ввиду укорененности их в терминологической сетке публицистического дискурса (напр., транслитерированное *форен офис*); впрочем, введенное, но не до конца ясное (потенциальному читателю) то или иное вкрапление в дальнейшем обычно конкретизировалось, уточнялось в тексте.

- обозначения званий, титулов, этикетные знаки: *m-me* или *Mme* (фр. *madame*), *Mrs.* (англ. *missis* "госпожа"), *Mlle* (франц. *mademoiselle*), *Ms.* (англ. *miss* "барышня"), *Mr.* (франц. *monsieur*, англ. *mister* "господин") и др.; по отношению к иностранцам эти этикетные номинации нейтральны, наряду с дореволюционными русскими этикетными знаками.

Союз Русских Студентов (эмигрантов) в Польше выражает свою глубокую благодарность княгине В.О. Мещерской, ..князю Д.В. Мещерскому, [...], г. Е.М. Глинской, *m-me* Диск.. (За свободу. 1925. 1 янв. № 1 (1405))

Напротив, попытка перехода некоторыми эмигрантами на иноязычные этикетные модели с целью скорейшей ассимиляции (хотя бы внешней, поверхностной, на уровне этикетных формул) чаще всего иронически воспринималась подавляющей частью беженцев и служила объектом пародии как в литературе, так и в публицистике. Ср. явную иронию в следующем нарративном тексте:

... *Herr Jacob Scalkin*, по чистой совести говоря, как его ни разузоривай, есть все же только Яков Иванович Скалкин, русский беженец, кукушка в чужом гнезде, одним словом, как есть нансеновская личность. Даже, например, магазин и тут пришлось крутить и вертеть, всякие шахер-махеры устраивать, чтобы открыть его под фирмой "*Jacob Scalkin*". [...] В маленькой комнатухе при портновском магазине "*Jacob Scalkin*" сам *гepp Scalkin*, он же Яков Иванович, запивая бес-сахарным кофе вязкий бутерброд со шпеком и не без труда преодолевая про-изношение и обороты языколомной немецкой речи, говорил своей жене, *фрау Амалия*¹ Скалкин.. (Руль. 1930. 1 янв. № 2766)

Допускается и дублирование латинского и русского текста, особенно в рекла-ме: ориентация на иноязычные модели трансформирует принятые в русской традиции этикетные и рекламные объявления, создавая макаронические комбинации, обусловленные, конечно, более утилитарными мотивами при-влечения потенциального клиента, нежели заботой о стилистической совмести-мости языковых компонентов.

Kiersch & Son ("Единственные русские погребальщики *Kiersch & Son* (Кирисюк и сын)". [реклама] (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35)

- фразы из славянских языков, прозрачные по своей структуре и смыслу.

Едва только появилась русская группа, как приветствия усилились..."*Живела стара Русија*", "Да здравствуют гонимые", "Вашим угнетателям зачтутся ваши страдания".. (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173)

Однако такой тип графических варваризмов не является преобладающим в эмигрантской публицистике. Гораздо чаще распространена попытка транслитерированной передачи в тексте иностранных наименований. Среди них можно выделить следующие группы:

- 1) собственные наименования газет, издательств, обществ: *Ля Рюсси Опримэ* (франц. *La Russie Opprimée* ("Угнетенная Россия"), *Матэн* (франц. *Matin*), *Дэйли Мэйл* и *Дэли Мэль* (англ. *Daily Mail*), *Дэйли Экспресс* и *Дэли Экспресс* (англ. *Daily Express*), *Финаншелен Ньюс* (англ. *Financial News*), *Пари-суар* (франц. *Paris Soir*), *Нейе Фрейе Прессе* (нем. *Neue Freie Presse*), *Пополо д'Италия* (итал. *Popolo d'Italia*), *Берлинер Тагеблатт* (нем. *Berliner Tageblatt*), *Пти Журналь* (франц. *Petit Journal*), *Пти Эрмитаж* (франц. *Petit Hermitage*), *Имка* (англ. *УМКА*), *Дер Нойе Вег* (нем. *Der Neue Weg*), *Чикаго Дэйли Ньюс* (англ. *Chicago Daily News*), *Дэйли Телеграф* (англ. *Daily Telegraph*).

В Париже выходит газета "*Ля Рюсси Опримэ*". Ее русские редакторы ведут про-тивобольшевицкую [sic] пропаганду, пользуясь исключительно фактами и све-дениями из большевицкой печати. (Дни. 1926. 20 нояб. № 1164)

1 января в Риме вышли только фашистские газеты и "Трибуна". "*Пополо д'Италия*" характеризует создавшееся положение следующим образом: "Над

¹ Обратим внимание на отсутствие закономерной для русского языка склоняемой формы *фрау Амалии Скалкин*. Об этом см. подробнее в главе "Грамматические процессы в языке эмигрантской публицистики".

страной опять властвует сила воли фашизма, а национальное правительство, сильное и непреклонное, приносит стране успокоение". (За свободу. 1925. 1 янв. № 1 (1405))

Чичеринское вранье [название заметки]

... в беседе с московским корреспондентом "Пти Журналь" Чичерин заявил, что главной целью советской политики было содействовать всеобщему миру.. (За свободу. 1925. 4 янв. № 3 (1407))

... корреспондент "Чикаго Дэйли Ньюс" (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35)

Московский корреспондент "Берлинер Тагеблатт" .. сообщает некоторые любопытные подробности о том походе на деревню, который предпринимается сейчас из красного Кремля. (За свободу. 1925. 4 янв. № 3 (1407))

... весь Париж расхватывает номера "Журналь", где тонко-наблюдательно, изящно по-французски, беспощадными штришками и убийственными деталями, как бы случайно разбросанными, он [Жео Лондон, французский журналист. – А.З.] рисует перед миллионами французов картину оборванной и нарумяненной России. (Возрождение. 1927. 4 окт. № 854)

- 2) названия улиц, штатов, районов: *Уолл-стрит, Сполдинг аве., Вест Армитадж авеню, В. Лэйк, Н. Дамен авеню, Бродвей, Кливленд, Илл.(инойс), Вис.(консин), Лэйк Парк аве., авеню дю Шато, Мангаттан, ст.(рит):*

Чикаго. - Б.Фишбейн, 1050 *Сполдинг аве.*, владелец двух прачечных, 3122 *Вест Армитадж авеню* и 4252 *В. Лэйк ул.* [sic], стал жертвой шайки ловких аферистов, обобравших его на 100, 000 дол. [sic] (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35)

- 3) названия компаний, банков, кинотеатров, радиостанций, библиотек, фондов: *Алиянс оф Аудиториум, Дженерал Моторс, Мэк Кормик, Банк де Франс, "Дансинг Палас", Радио Бальзам, Либерти Сен Голл, Лайбрэри Комишон* (англ. Library Comission "библиотечный комитет"), *Либерти Сонс Голл, НБС* (англ. NBC – National Broadcasting Company), *Нансенхейм¹, Шан-з-элизе* (франц. Les Champs-Élysées), *Юнайтед Эйрлайнс.*

Очередной симфонический радио-концерт *Дженерал Моторс* [...] будет посвящён величайшему русскому поэту А.С. Пушкину. (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35)

Библиотека, в лице *Лайбрэри Комишон*, приветствовала представителей Объединённого Пушкинского Комитета в связи с открывающейся в Библиотеке маленькой пушкинской выставкой.. (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35)

Большое оживление царило в обширных помещениях "*Дансинг-Паласа*", где выступали артисты Русской Драмы. (Сегодня. 1930. 2 янв. № 2)

Берлинских нансенистов выселяют из "*Нансенхейма*". В Берлине ликвидируется общежитие русских беженцев, существовавшее в течение 10 лет. (Сегодня. 1930. 8 янв. № 8)

¹ В Берлине – приют для беженцев, обладателей так наз. нансеновских паспортов; нем. Nansenheim (от имени Ф. Нансена, уполномоченного Лиги Наций по делам военнопленных и беженцев).

”Потерянные горизонты”. Синема ”Шан-з-элизе”. ”Потерянные горизонты” идут с пятницы в синема ”Шан-з-элизе” (Возрождение. 1937. 10 апр. № 4073)

Итак, эмигранты довольно последовательно транслитерируют новые обозначения, появляющиеся на страницах русскоязычной прессы, оставляя в исконном графическом облике латинские слова и выражения, используемые во многих национальных языках без перевода как элементы книжно-публицистического стиля.

Давление иностранных языков проявляется в использовании вкраплений даже в том случае, когда для этого нет семантических причин, так как в русском языке есть адекватные лексические замены: *soit disant* (франц. ”так называемый”), *актюалитэ* (франц. *actualité* ”действительность, реальность”, во множественном числе – ”новости”), *soirée* (франц. ”вечер, вечеринка”), *аппендикс* (нем. *Appendix* ”приложение”), *доммаж энтерэ* (франц. *dommage-intérêt* ”возмещение морального ущерба”), *матлот* (англ. *matelot* ”матрос”), *пентюр люминез* (франц. *peinture lumineuse* ”светящаяся краска”), *тантьем* (франц. *tantième* ”процент, доля”), *ланг рюс* (франц. *langue gusse* ”русский язык”), *ферейн* (нем. *Verein* ”союз, общество, объединение, корпорация”), *Пасифик* (франц. *Pacifique*, англ. *Pacific* ”Тихий океан”), *Св. Мартин* (нем. *Martinsommer* ”теплые дни в середине ноября”, 11.11. – день Св. Мартина), *Романская провинция* (вм. правильного *Римская*; субституция традиционного наименования *Рим* (< римский) европеизмом *Rome* (< *романский*)); *Kunststelle* ”художественный салон; выставка”¹. Такие вкрапления могут использоваться либо с уточняющей целью (это касается терминов, профессионализмов), либо как выражение индивидуальной, авторской интенции, либо в результате языковой интерференции.

Издать полный сборник правил по разоружению с *аппендиксом* о различии между войной и конфликтом. (Возрождение. 1932. № 2404. 1 янв.)

Только под этим углом зрения можно разуместь действительный смысл и значение тех *soit disant* событий, которые пережила в 1924 году коммунистическая большевицкая партия России. (За свободу. 1925. 1 янв. № 1 (1405))

В Чехословацком посольстве в Париже состоялось [...] музыкальное *soirée*² с участием русских оперных артисток. (Огни. 1924. 11 февр. № 6)

¹ Это региональное обозначение родилось в Австрии, где было организовано профашистское общество *Österreichische Kunststelle*, члены которого могли приобретать билеты со значительной скидкой. Его цель – поддержка, пропаганда в театральном мире Вены либретто того или иного автора, проповедующего фашистские идеи.

² Синтаксическое согласование прилагательного с варваризмом основано, очевидно, на ошибочном отнесении существительного, как других русских существительных на -о, -е, к среднему роду, хотя французский прототип – женского рода. Формальный критерий оказался важнее грамматического (в языке-источнике); таких примеров несовпадения родовой принадлежности слова в языке-источнике и языке-реципиенте в истории русского языка множество.

Техника прикладн.[ого] искусства – раскраска материй, пешуар, батик, *пентюр люминез*, выжигание. [объявление] (Возрождение. 1927. 6 нояб. № 887)

Два сиамских близнеца: демократический идеализм и деловое взяточничество и грабеж. Снаружи – справедливость, братство, равенство; внутри – привилегированные акции, *"тантьем"*, преференциальные списки. (Младоросская искра. 1933. 10 июля. № 31)

В 1-й камере гражданского трибунала деп.[артамента] Сены разбиралось на днях не лишённое интереса дело. Некая русская беженка Гнатовская вчинила иск в сто тысяч франков советскому подданному г-ну Барда в возмещение моральных убытков (*"доммаж энтерэ"*). (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

Этими успехами партия [социалистов в Вене] обязана настойчивости и энергии, с которой она пытается проникнуть во все уголки жизни. Она откликается на все запросы, идет навстречу все нуждам. Она водружает свое знамя в семье, в школе, во всевозможного рода *фрейнах*. (Дни. 1925. 5 февр. № 683)

Австралия и проблема *насифика*¹ [название статьи]

... для всякого, следящего за лихорадочной деятельностью, которая развивается международным Институтом "взаимоотношений в *Пасифике*" (Institute of Pacific relations) – очевидно, что мы имеем тут дело с рождением еще одного международного политического форума, который призван разубить запутанные политические узлы. "Институт взаимоотношений в *Пасифике*" – учреждение очень молодое. Первая учредительная конференция состоялась в Гонолулу летом 1925 года. (Руль. 1930. 25 марта. № 2836)

... сами австрийцы норовят ходить в театр на шармака и если не могут достать бесплатных билетов, покупают их за пол и даже за треть цены через всякого рода *"Kunststelle"*. (Сегодня. 1930. 11 янв. № 11)

В *Романской провинции* [в Риме и окрестностях. – А.З.] .. движение приняло настолько крупные размеры, что вылилось в настоящее восстание. В различных городах этой провинции монархический режим был уже объявлен павшим и развевалось знамя революции. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

По-видимому, *лето Св.[ятого] Мартина* закончилось и опять возобновится серия дождей. (Дни. 1926. 20 нояб. № 1164)

Транслитерированные вкрапления регулярно появляются при передаче актуальных для эмигрантов реалий, связанных с документами, удостоверениями личности, паспортами, ходатайствами о гражданстве, официальном признании какой-либо эмигрантской организации, справок с мест проживания и проч., даже если у иноязычных понятий есть русские словесные эквиваленты. Это так называемые стратегические заимствования (strategic borrowings): *ютилитэ публик* (фр. utilité publique "общественная польза; здесь – общественно-полезный"), *ави фаворабль* (фр. avis favorable "благоприятное мнение; положительный отзыв"), *карт д-идандитэ* = *карт д-идантитэ* (фр. carte d'identité "удостоверение личности"), *карта азиля* (франц. carte d'asile "справка (документ) о пребывании"), *карта побыта* (польск. karta pobytu "справка

¹ В источнике с маленькой буквы.

(документ) о пребывании”; в польском – несомненная калька с французского), *азиль* (франц. *asile* “убежище, приют”). Обычно эти вкрапления регулярно встречаются в прессе, многие из них, несмотря на региональность данных наименований, были понятны эмигрантам ввиду их интенсивной миграции, частого переезда беженцев из менее доброжелательной страны в страну с более лояльным к себе отношением.

Во избежание недоразумений, правление отдела сообщает, что ни отдел, ни члены его не подлежат перерегистрации в префектуре, так союз французских комбатантов (У.Н.К.) признан “*ютилитэ публик*” и посему регистрация, предусмотренная декретом 12 апреля, на него не распространяется. (Возрождение. 1939. 7 июля. № 4191)

Получение “*ави фаворабль*”, необходимой для возобновления права на труд, и получение самой *карт д-идандитэ*, – две операции, совершенно различных, производящиеся в двух различных инстанциях.. (Возрождение. 1935. 14 марта. № 3571)

Русский Попечительный Комитет в Польше доводит до сведения русских эмигрантов, что министерство внутренних дел 16 ноября с.г. издало [...] циркуляр, по которому лица, не имеющие определенного государственного подданства, могут вместо “*карт азиля*”, “*карт побыта*” и других документов получать т.н. нансеновские паспорта, которые до сих пор выдавались им только в случае выезда за границу, а теперь будут служить документом для проживания в Польше. (Руль. 1930. 2 янв. № 2767)

Нансеновские паспорта будут выдаваться русским эмигрантам сроком не более как на два года, причем на паспортах лиц, за которыми признано право убежища (*азиля*), будет ставиться об этом особая отметка. (Руль. 1930. 2 янв. № 2767)

Некоторые примеры заимствований приведены также в [ЯРЗ 2001: 439-440], использование которых объясняется “другим семантическим объемом заимствованного слова по сравнению с близким по смыслу русским эквивалентом”: *дjob* (англ. *job*), но не *работа*; *амбуланс*¹ (англ. *ambulance*), но не *карета скорой помощи* и др. Эти наблюдения применимы, конечно, и к нашему материалу.

Выводы:

1. Иноязычные вкрапления – один из характерных языковых признаков эмигрантской публицистики. Их использование – результат наложения нескольких тенденций: а) сохранения дореволюционной традиции “вкрапливания” (как свидетельство владения журналистами и интеллигентной частью читателей иностранными (в том числе классическими) языками); б) контактное влияние иностранных языков. В этом – явное отличие от русской советской публицистики 20-30-х годов, где количество вкраплений заметно снизилось, по сравнению с дореволюционным временем.
2. Обилие нахлынувших иноязычных элементов (в результате языкового контактирования) эмигранты пытались преодолеть или смягчить приема-

¹ У Добужинского *амбулак*, что М.Я. Гловинская рассматривает как опisku.

ми транслитерации, которая выступает наиболее популярным механизмом инкорпорирования вкраплений. Исключение составляет интернациональный фонд слов и фразем из классических или новейших культурно значимых языков (французский, английский).

3. Иноязычные вкрапления (в оригинальной или транслитерированной форме) используются, в основном, с целью идентификации важных для эмигрантов референтов.

3.0. Лексические заимствования

3.1. Сфера лексического взаимодействия языков и, вследствие этого, проникновения иноязычных элементов из одного языка в другой (из языка-донора в язык-реципиент), – одна из традиционно привлекающих внимание исследователей тема. И это неудивительно, так как на лексическом уровне быстрее и естественнее всего заметны инновации в лексиконе эмигрантов. Люди, переселившиеся из одной страны в другую, сталкиваются с иными культурными канонами, традициями и манерами поведения, иной кухней, иными ментальными установками и проч.

Достаточно интенсивный процесс вхождения и использования иноязычных лексических элементов в русский язык был характерен для начала 20 века, особенно в сфере публицистики и литературы [Лексика 1981]. По наблюдениям Л.П. Крысина, в 20-е годы заимствований в русский язык пришло вообще немного¹. Этот список существенно сокращает Л.М. Грановская, относя некоторые из них к более ранней эпохе [Грановская 1978; 1983].

Изучая англо-американские заимствования в языке русской эмигрантской прессы в США, М. Бенсон классифицировал их использование следующим образом:

1. ситуационные, окказиональные заимствованные слова, диктуемые только иноязычным окружением (в его терминологии, это избыточные, излишние заимствования, unnecessary), напр.: *билдинг* – здание, *диск* – пластинка, *банд* – оркестр, *аппартмент* [sic] – квартира, *карпендер* – столяр, *нёрс* – сестра, *офис* – контора и др.;
2. новые термины и понятия: *ча-ча-ча* (название танца) < *cha-cha-cha*, *самба* < *samba* (танец), *фризер* < *freezer* ”морозильник”, *мотель* < *motel*, *супермаркет* < *supermarket*, *торговая марка* < *trade mark*, *тостер* < *toaster*, *викенд* < *weekend*, *week-end* и др.;

¹ ”Преобладающим в этот период был процесс освоения говорящими массами иноязычной лексики, заимствованной еще в дореволюционное время (главным образом – в самом конце XIX – в первое десятилетие XX в.), употреблявшейся в социально или профессионально замкнутых сферах. Заимствование новых слов было незначительным” [Крысин 1968: 83-84].

3. заимствования, занимающее срединное положение между первыми двумя группами; это слова, которым трудно подыскать точные семантико-прагматические синонимы: *дача* – это то же, что *bungalow*? *работа* или *место* – то же, что *job*? *средняя школа* – то же, что *high school*? *хозяин* – то же, что *boss*? [Benson 1960: 261].

Классификация М. Бенсона свидетельствует о тесном переплетении при языковых контактах лексических аспектов заимствования с психолингвистическими, когнитивными механизмами. Например, сформированная Бенсоном так наз. группа избыточных заимствований выглядит далеко не безупречной с позиций русскоговорящего. С точки зрения денотативной номинации здесь все более или менее ясно: денотат один и тот же, только языковые обозначения отличаются, но вот с позиций прагматико-сигнификативной или ассоциативно-психологической структуры слова эта "избыточность" предстает в другом свете и едва ли может однозначно и безоговорочно отвергаться. Американское слово и понятие «*apartment*» имеет иной культурный ореол, иной прагматический "вес", чем слово *квартира* (особенно в зданиях, построенных в позднесоветское время, например в "хрущевках"); *нёрс* может отличаться от русской (советской) медсестры многими поведенческими, статусными, даже профессиональными качествами; *офис* – это, конечно, контора, даже функции могут совпадать, но все-таки американское понятие функционирует в ином ассоциативном поле, нежели русский денотат. Сопоставления можно продолжать. Несовпадение прагматического потенциала русского и иноязычного лексического соответствия в языковом сознании наивного говорящего (*naive speaker*) вызывает у многих индивидов естественное желание инкорпорировать иностранные слова в свою речь, поскольку они якобы денотативно точнее называют ту или иную реалию, чем русское обозначение; много выразительных примеров такого рода заимствований приведено, напр., в: [Andrews 1999; Протасова 2004]. Как будет показано ниже, этот когнитивно-языковой феномен – поиск эмигрантами семантических нюансов между русским и иноязычными обозначениями – многое объясняет в обилии лексических варваризмов не только в устной речи, но также и в языке публицистики.

Уточним наше понимание варваризмов и их место в методологическом и терминологическом аппарате нашего исследования. Варваризмами считают такие слова, обороты речи, которые более или менее регулярно употребляются в языке-реципиенте, однако они не до конца освоены, сохраняют признаки иноязычности и стоят особняком в лексико-семантической системе. Их использование в языке метрополии обычно диктуется несколькими причинами разного лингвистического ранга:

1. номинативной потребностью: адекватность передачи иноязычной реалии при помощи слова (фразы) языка-донора;

2. ”языковым вкусом времени”: престижность или мода на иноязычные элементы среди говорящих (социальной, политической, культурной группы) в ту или иную эпоху;
3. личностным психическим складом: нежелание, лень индивида подобрать эквивалент (если таковой существует) на родном языке;
4. художественными целями (обычно в литературе с характеризующей функцией).

В дальнейшем мы будем широко использовать данный термин как синонимичный термину «лексическое заимствование»; объективные трудности разграничения понятий «лексическое заимствование», «варваризм», «экзотизм» применительно к эмигрантскому языку уже отмечались исследователями. Указанное выше терминологическое разграничение основано на материале языка метрополии и связано с процессами вхождения иноязычного слова в лексическую систему языка в той или иной функции, на тех или иных правах [Шахрай 1961; Габинский 1961; Брагина 1981; Егорова 1983; Баш 1989; Кимягарова 1989; и др.]. В диаспоре проблема функционирования иноязычных элементов решается намного сложнее: например, многие финские иноязычные вкрапления (варваризмы) будут непонятны русским, живущим в Европе, Австралии, Канаде или Америке. Неизбежно приходится оперировать некоторыми теоретическими понятиями в рамках регионального варианта русского языка. Критерии начального этапа вхождения (варваризма) на пути к укоренению иноязычного (заимствованного) слова в лексиконе языка-рецептора рассмотрены в: [Арапова 1989].

3.2. Описывая язык третьей волны эмиграции, Д. Эндрюс предложил тематическую систематизацию англо-американских заимствований, проникших в речь русскоязычных. Его классификация такова: 1. Дом (квартира), окружающий ландшафт (Home/Apartment/Environs); 2. трудовая активность, занятость (Employment); 3. автомобили (the Automobile); 4. кухня (Cuisine); 5. повседневная жизнь (Daily Life); 6. академический, университетский мир (Academe) [Andrews 1999, глава 2]. Это могут быть абсолютно новые денотаты, отсутствовавшие в прежнем (доэмиграционном, доотъездном) практическом (и языковом) опыте русскоязычных, и в таком случае можно говорить о языковом заполнении референциальных лакун. Это могут быть реалии не обязательно новые, однако функционирующие в иной референциальной сетке, в иной системе жизненных обстоятельств, представлений и понятий; это часто провоцирует у эмигрантов замещение русских лексических номинаций англо-американскими варваризмами.

Тематическая (идеографическая) классификация варваризмов важна и показательна и для нашего корпуса, поскольку позволяет маркировать те референциальные зоны в эмигрантском дискурсе, которые оказывались наиболее проницаемы для заимствований.

1. сфера занятий, профессий, должностей. Новые заимствования-варваризмы для номинации иностранных высоких (высших) должностных лиц широко использовались в прессе: *министр-маршал*, *министр-президент*, *кайзер* (нем. Kaiser "император"), *юстиц-рат* = *юстицрат* (нем. Justizrat "советник юстиции"). Сюда же относятся старые заимствования, существовавшие в русском дореволюционном узусе в качестве экзотизмов: *сенатор*, *констэбль* (констебль), *министр*, *президент*, *премьер-министр*, *монсиньор* (итал. *monsignore* "ваша светлость, ваше высочество, ваше преосвященство (обычно при обращении)"), *доейн* = *дуайен* (франц. *doyen* "глава дипломатического корпуса") и др., но в эмигрантском речевом обиходе переместившиеся из разряда пассивной лексики ближе к центру публицистического лексикона: инокультурное окружение активизировало употребление данных понятий.

После ухода *монсиньора* Пачелли *дойеном* берлинского дипломатического корпуса должен стать Крестинский как старейший дипломат в Берлине. (Сегодня. 1930. 2 янв. № 2)

В четверг был произведен обыск в квартире нотариуса *юстиц-рата* Вертгауера.. (Дни. 1925. 14 февр. № 691)

Министр-президент Г. Целмин намерен на будущей неделе созвать совещание представителей коалиционных фракций для обсуждения нового бюджета, принятого кабинетом министров. (Сегодня. 1930. 8 янв. № 8)

... местный *констэбль* обнаружил у хуторянина А. Пайтса две приспособленные для самогона бочки.. (Вести дня. 1939. 28 дек. № 295)

Русские, живущие в США и Латвии, продолжали именовать градоначальника русским обозначением *городской голова*¹, хотя встречается и старое заимствование *мер* (= *мэр*):

На праздник будут приглашены губернатор.., *городской голова* г-н Буртон.. (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35)

На этом митинге говорили Парсонс, Шпис и Фильден. На митинге присутствовал тогдашний *городской голова* г. Чикаго. (Анархич. вестник. 1923. № 5-6)

В заключении заседания *городской голова* Н. Грюнталь обратился к гласным со словами благодарности за их внимательную, безкорыстную [sic] работу.. (Вести дня. 1939. 28 дек. № 295)

... *мэр* города Лангвилля (Возрождение. 1935. 1 янв. № 3499)

Новизну термина *генерал-директор* (нем. *Generaldirektor* "генеральный директор") в эмигрантском узусе сигнализирует его "чистое" заимствование, морфологическая адаптация к русской морфологии отсутствует (ср. современную форму *генеральный директор*). Кроме того, сомнение эмигрантов в правомерности именовании советского руководителя промышленности за-

¹ В дореволюционной России председатель городской думы и городской управы.

падным обозначением *генерал-директор* демонстрируют кавычки: функции руководителя совпадают на Западе и в СССР (денотаты близки или даже идентичны), однако для эмигрантов существенным оказывается прагматический (политико-идеологический) компонент смысловой структуры слова.

Тов. Жуков играет руководящую роль в советской радио-индустрии [sic]. [...] "*Генерал-директор*" Жуков собирается посетить ряд германских радио-станций.. [...] Советский "*генерал-директор*" выразил надежду, что совместная работа русских и германских радио-техников [sic] приведет к дальнейшему преуспеянию в этой области. (Руль. 1930. 25 марта. № 2836)

Эмигранты быстро инкорпорировали варваризм *функционер*¹ (нем. Funktionär "должностное лицо, (государственный) служащий; партийный, профсоюзный работник; активист" – в свою очередь из франц. fonctionnaire) для наименования руководящих работников эмигрантских партий, движений, групп.

... в РОВС-е всякое высокое назначение сопряжено с пожизненной индульгенцией на прощение грехов. Поэтому мы и надеяться не можем, чтобы санитарные мероприятия добрались до высоких "*функционеров*".. (Сигнал. 1938. 1 окт. № 40)

В эмигрантской прессе виден значительный рост иноязычных обозначений рядовых, рабочих профессий, которыми пытались овладеть эмигранты; очень часто эти названия даются в транслитерации, нагромождение их создает впечатление макаронического косноязычия, однако за таким способом презентации профессиональных наименований стоят достаточно суровые условия эмигрантской жизни. Приведем характерные и выразительные объявления о приеме на работу, изобилующие варваризмами-регионализмами (предполагается, что они понятны некоторой группе людей, имеющих близкие или соответствующие профессии, и поэтому приводятся в тексте объявления без пояснений):

Требуются рабочие:

1. *шарпантье ан фер*
2. два хороших столяра (*эбенист*)
3. *ажюстеры* и *работеры*
4. токари (*турнер-деколтер*)
5. фрезеры (*фрезер-утийер*)
6. ажюстеры, имеющие практику на машин-утий, *фондеры* и *кулеры* (фондер де пломб э кулер де гросс пляк) [объявление в газете] (Дни. 1926. 20 нояб. № 1164)

¹ Есть в СУ с хронологической и ограничительной пометой: "*Функционер*, -а, м. (нов. загр.). Лицо, выполняющее какие-н.[нибудь] определенные функции в общественной организации, аппарате". В русский советский узус это слово не на правах экзотизма, но уже заимствования вошло спустя несколько десятилетий.

Требуются рабочие:

1. токари и *ректифиеры* (*турнер де фабрикасьон э ректифиер*)
2. *ажюстеры*, токари, *фрезеры* и *утийеры*
3. токари (*турнер-профессионель*)
4. *ажюстеры* (*ажюстер-профессионель*) [..]
10. токари, *реглеры*, *фрезеры*, хорошие *персеры* и *ажюстеры-монтеры* (*турнер* вертика э параллель, *реглер де тур*, *ажюстер-монтер д'антретиен*)
11. токари и *ажюстеры* (*турнер-утийер э ажюстер-монтер пур л'антретиен дэ Блисс*)
12. токари и *утийоры* (*утийор ан матрис д'эстампаж*)
13. *маневры* в каменоломни [объявление в газете] (Дни. 1926. 17 нояб. № 1161)

Французские прототипы:

charpentier en fer – арматурщик
ébéniste – 1) краснодеревщик 2) столяр
régleur – наладчик
ajusteur – наладчик
raboteur – строгальщик
tourneur – токарь
fraiseur – фрезеровщик
outilleur – наладчик, механик
fondeur – литейщик
colleur – наклейщик, расклейщик
rectifier – шлифовщик
régleur – наладчик
perceur – сверловщик
monteur – монтажник, сборщик
manœuvre – разнорабочий, подручный

Среди приведенного обширного списка рабочих профессий встречаются только два русских узувальных обозначения: *слесарь* (давно обрусевший германизм *Schlosser*), *токарь*, которые, впрочем, тут же конкретизируются французским соответствием (либо однословным термином, либо аналитической дескрипцией); в отличие от адаптированного в русском языке метрополии наименования *фрезеровщик*, в эмигрантском узусе оно встречается как чистое заимствование *фрезер*¹. Все прочие названия – транслитерация французских терминов-профессионализмов, более знакомых, узнаваемых эмигрантами именно в иноязычной форме. Газета ориентируется на языковую компетенцию, запросы своих читателей и прибегает к такой усложненной (транслитерированной) системе записи понятий и реалий. Иноязычные названия дают читателю газеты более точные информативные сведения о профессии, нежели русские наименования. Таким образом, семантические лакуны (в частности,

¹ В СУ *фрезер* дается как полный вариант слова *фреза* (без семантической дифференциации) только для обозначения технической детали; одушевленного существительного (*nomina agentis*), в отличие от эмигрантского узуса, не отмечается.

при наименовании профессий), заполняемые варваризмами, – одни из наиболее вероятных зон, через которые проникали иноязычные лексические элементы в русский эмигрантский узус. Ср.:

Эмигранты работают в Шанхае на самых разнообразных поприщах, начиная от "вочманов" (вооруженных сторожей при конторах и банках) и "бодигаров" (телохранителей богатых китайцев) и кончая служащими иностранной полиции и даже военными "волонтерами", образующими русскую роту шанхайского волонтерского корпуса, предназначенного для охраны города. (Сегодня. 1930. 7 янв. № 7)

Те названия профессий, которые приходят в Европу из других частей мирового рассеяния русских, обычно сопровождаются текстовыми ремарками: *бодигар* (англ. bodyguard "личная охрана, телохранитель"), *вочман* (англ. watchman "ночной сторож"). Использование иноязычных профессиональных наименований, имеющих русские лексические эквиваленты, в европейской газете чаще выполняло стилистическую и прагматическую функцию, маркируя необычные для европейского дискурса референты. Итак, одно и то же заимствование в языковой практике одних эмигрантов могло оказываться варваризмом, инкорпорированным в узус, у других – региональным (локальным) экзотизмом, не включенным в речевую ткань. В этом и заключается сложность квалификации заимствований и деление их на варваризмы и экзотизмы в языке диаспоры.

2. лексические варваризмы, обозначающие общественно-политические, социальные, экономические реалии. В одних случаях варваризмы выполняют номинативную функцию, называя какие-либо территориально-государственные, конституционные термины, принятые в стране пребывания русских эмигрантов: *билль* (англ. bill "законопроект"), *гетто* (нем. Getto), *дискреционная власть* (ср. нем. diskretionäre Gewalt "дискреционная власть"¹); *конвент* (в буржуазной Эстонии – объединение, союз, совет), *кресы*, *кресовый* (польск. kresy "окраинные восточные польские земли; часть территории Западной Украины и Белоруссии, относившаяся к Польше"), *ландсвер* "ополчение балтийских немцев и латышей-добровольцев"), *пресс-бюро* (нем. Pressebüro), *сетльмент*² (англ. settlement "колония, поселение"), *староство* (польск. starostwo "административная единица в Польше"), *эзекутива* (вероятно, непосредственно из польск. egzekutywa "исполнительный комитет, исполнительная власть", хотя источник во франц. exécutif "исполнительный; исполнительная власть, исполнительный орган, комитет"), *юнион*, *юнионизированный* (англ. union "объединение, профсоюз"; unionized "объединенный").

¹ Предоставленное законом главе государства, правительства или иному высшему должностному лицу право действовать по собственному усмотрению в определённых условиях (например, при чрезвычайном положении).

² Есть в СУ с ярким идеологическим толкованием: *Сеттльмент* (сэ, мэ), -а, м. (полит., геогр.). В нек[ото]рых крупных городах Китая – часть территории, управляющаяся, в силу неравноправных империалистических договоров, независимо от китайских законов и властей.

Ассистент садоводства и пчеловодства при Ирбоском сельскохозяйственном конвенте живет на станции Ирбоска. (Вести дня. 1940. 13 февр. № 36)

... установлен следующий порядок выдачи нансеновских паспортов: бесподанные иностранцы в порядке известной постепенности будут вызываться в уездные и городские *староства*.. (Руль. 1930. 25 марта. № 2836)

... губернатор Морфи заявил, что обе стороны – Дженерал Моторс¹ и *юниона* – склонны к уступкам и находятся на пути к достижению соглашения. (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35)

Мы не говорим уже о той шумихе в левой печати как иностранной, так и, к стыду нашему, русской, которая поднята за последнее время вокруг вопроса о Балтийском *ландсвере*. (Призыв. 1919. 5 (23) сент. № 46)

Бела Кун, по настоящему Аарон Кон, – нечистый на руку проходимец из журналистов-неудачников, Иосиф Погани – сын обмывальщика трупов при будапештской синагоге, ”военком” Вильгельм Бэм – представитель еврейской фабрики швейных машин, Тибор Самули – чахоточный садист и грабитель из поддонков венгерского *гетто*, Корвин Клей – горбатый иудей, забавлявшийся тем, что засовывал при допросах привязанным к стульям голям длинную линейку в горло, – вот главные фигуры завладевшего Венгрией кагала.. (Сигнал. 1938. 15 сент. № 39)

... русские эмигранты хорошо себя зарекомендовали и на иностранном *сетльменте*, находящемся в руках англичан и американцев. (Сегодня. 1930. 7 янв. № 7)

Партия конгресса объявила, что она будет бороться против новой конституции. Местные парламенты не согласились образовать местных правительств для отдельных провинций, требуя, чтобы английские губернаторы отказались добровольно от своей *дискреционной власти*. (Меч. 1937. 11 апр. № 14)

”Роботник” в № 356 помещает интервью с вице-премьером Тугуттом о *кресовых* делах. Положение на *кресах* – по мнению министра – особенно в отношении безопасности улучшилось.. (За свободу. 1925. 1 янв. № 1 (1405))

Исполнительный комитет (*экзекутива*) III Интернационала требует немедленно специальных ассигнований для того, чтобы обеспечить за собой влияние на французские выборы 1928 года. (Возрождение. 1927. 4 окт. № 854)

Член сионистской *экзекутивы* профессор З. Бродецкий приезжает в Ригу сегодня утром в 7 часов утра. В 10 часов утра у него состоится прием представителей сионистских партий и президиумов студенческих корпораций. (Сегодня. 1930. 1 янв. № 1)

Другой тип заимствований – варваризмы с характеризующей интенцией, передающие специфические понятия, рожденные в том или ином языке и получившие широкое хождение в международной печати благодаря своему обобщенному, метафорическому значению: *унтермениш* (нем. Untermensch

¹ Примечательно, что имя собственное сохраняет форму оригинала, оставаясь неизменяемым аналитическим словосочетанием, в то время как имя нарицательное *юнион* легко включается в русскую морфологическую систему.

”неполноценный человек”)¹, *анилюс* (нем. Anschluß ”присоединение; здесь – аннексия Австрии гитлеровской Германией”), *дуче* (итал. duce ”вождь”), *фюрер* (нем. Führer ”вождь, руководитель”), *наци* (нем. Nazi ”нацист; фашист”). В перечне языков – поставщиков варваризмов, быстро проникавших в интернациональный публицистический лексикон 20-30-х годов, – первое место принадлежит немецкому и итальянскому, в которых появилось много новых понятий и обозначений референтов фашистской идеологии. Часть русских эмигрантов с тревогой и осуждением следила за развитием фашистского движения, часть – с надеждой сотрудничества и чаяниями общей борьбы с советским большевизмом. Отсюда и разный модус оценки фашистских понятий и терминов в политических группировках русской диаспоры.

Большевизм – это ставка на то худшее, что имеется в какой-то степени в душе каждого человека и каждого народа. Ставка, как метко выразился Гитлер, на ”унтерменш”^а. (Сигнал. 1938. 15 сент. № 39)

Под водительством *Дуче* Италия преодолевает, достигает, добивается, – одним словом, работает для своего лучшего национального будущего. (Сигнал. 1938. 1 сент. № 38)

... русские эмигранты с радостной искренностью слили свои голоса с кликами народных толп, приветствовавших совместное появление *Фюрера* и *Дуче* [sic].. (Сигнал. 1938. 15 сент. № 39)

Из французского языка пришла группа общественно-политических номинаций, имеющих во французских прототипах финаль *-tion* и в русском языке традиционно передаваемых словами на *-ция*: *коммунализация* (< франц. communalisation ”общинность, общественное управление”), *атомизация* (< франц. atomisation; перен. ”раздробление, расчленение”), *валоризация* (< франц. valorisation ”установление новой системы цен”), *канализация* (< франц. canalisation; перен. ”направление; концентрация”), *руссификация* (влияние франц. russification вместо уже принятого в русском языке метрополии *русификация*). Неузальный характер многих варваризмов сигнализируют кавычки.

Отсутствие общинной жизни все сильнее чувствуется в Америке. Сама жизнь подсказывает целесообразность и неизбежность коммунальных объединений. [...] Может быть, путь к анархическому коммунизму, в широком смысле, лежит именно в направлении *коммунализации*. (Анархич. вестник. 1924. № 7)

... националисты [в Германии] провели всю избирательную кампанию под лозунгом ”валоризации ценностей”. Этот лозунг был чрезвычайно выигрышным, так как огромные массы населения совершенно разорены полным обесцениением разного рода бумаг довоенного времени. (Дни. 1925. 30 янв. № 678)

¹ Это понятие было актуальным и широко распространенным в европейском дискурсе с конца 20-х-первой половины 30-х годов в связи с приходом к власти фашистов, в жаргоне которых термин Untermensch обозначал ”неариец, представитель низшей расы; «недочеловек»”.

Но власть понимает также, что для нее удобнее эта легализованная Церковь, эта "канализация" религиозного бытия России, чем новое загнивание всей Церкви в подполье. (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

Наступает конец "атомизации" Европы, т.е. состояния разрозненности, при котором каждое государство стремится идти своими путями. (Младоросская искра. 1933. 25 февр. № 36)

... если великодержавной политикой рижская газета называет политику агрессивного империализма, аннексии или насильственной *руссификации* – то такую политику младороссы категорически отрицают. (Младоросская искра. 1933. 25 февр. № 36)

Оба варианта *руссификация/русификация* широко использовались эмигрантами (конечно, прагматические оценки могли меняться и варьироваться от издания к изданию); в русском советском языке понятие имело негативную коннотацию¹.

Абстрактных имен существительных (кроме уже упомянутых) в данной тематической группе немного: *солидаризм* (франц. *solidarisme* "единомыслие; концепция согласия всех сил общества"), *абсентизм* (франц. *absentéisme* "неявка, прогул")², *паллиатив* (франц. *palliatif* "полумера, временное средство")³, *маффия*⁴ (итал. *maffia*), представляющих частотные элементы публицистического лексикона. Все эти обозначения позднее вошли и в русский язык метрополии, однако непосредственный контакт русского языка значительно облегчил инкорпорирование данных варваризмов-терминов в эмигрантский узус (или, по крайней мере, в газетно-публицистический стиль).

Два пути лежат перед людьми: прогресс или регресс, гибель или спасение – *солидаризм* или обе его противоположности, имеющие тем не менее одинаковую основу: капитализм или коммунизм. (Младоросская искра. 1933. 10 июля. № 31)

¹ Приведем толкование, содержащее обширные, явственно эксплицированные прагматические и социально-политические компоненты данной лингвоидеологемы, из СУ: "*Русификация*, -и, мн. нет, ж. (книжн. полит.). В царской России – насильственное подавление местной национальной культуры, внедрение среди национальных меньшинств, населявших царскую Россию, православия, русского языка с целью их ассимиляции. Русификация была самым характерным проявлением антинародной, великодержавной национальной политики царского правительства". В этой дефиниции собственно семантические компоненты содержательной структуры понятия перекрываются прагматическими (партийно-идеологическими) наслоениями, бытовавшими в советском дискурсе той эпохи.

² Актуализировано в эмигрантском узусе; первые упоминания в русском языке – начало 20 в. [Лексика 1981: 221].

³ Зафиксировано в СУ.

⁴ Очевидно, произошло вторичное заимствование, совершившееся уже в период эмиграции; впервые слово *мафия*=*мафия* отмечается в начале 20 в. как итальянский экзотизм [Лексика 1981: 221]. В пользу вторичного заимствования говорит и прототипическая (итальянская) графическая форма, и кавычки как показатель новизны понятия. Об освоении (графическом, семантическом, словообразовательном) данного слова и понятия в русском языке метрополии подробнее см.: [Зеленин & Михайлова 1993].

Венерические заболевания – явление обычное и тем более трагическое, что лекарства отсутствуют и врачи вынуждены прибегать к *паллиативам*. (Голос России. 1932. июль. № 12)

Выборы отличались очень сильным *абсентизмом*. Процент голосовавших редко превышал 50, в нескольких местах он опускался до 30. (Дни. 1925. 27 янв. № 675)

... состоялась лекция г. Гайшмана о деятельности "*маффии*", которая организовалась в самом начале войны. (Огни. 1924. 11 февр. № 6)

Из английского (американского) языка в русскую эмигрантскую печать проникли англицизмы (американизмы) *ракитир*=*рэкеттер* (англ. racketeer "вымогатель"; перен.: человек, пользующийся нечестными, незаконными приемами для достижения своих целей)¹, *киднэппер* (англ. kidnapper "похититель (людей, особ. детей)")², *гангстер*=*гэнгстер*³ (англ. gangster "бандит"). Эта слова входили в публицистический лексикон многих стран; эмигрантская пресса намного раньше освоила эти варваризмы, нежели советская публицистика.

Возобновление сессии Конгресса [США. – А.З.] в начале будущего года может ознаменовать первую серию политических ходов против Рузвельта. Еще до того могут определиться явные и тайные ходы Уолл-Стрита. Наконец, в любой момент возможно "непосредственное действие" – ходы *гэнгстеров* и их эпигонов "*киднэпперов*" и "*рэкеттеров*". (Младоросская искра. 1933. 15 авг. № 32)

Доминирует, как и следовало ожидать, номинативная субстантивная лексика; в нашем корпусе встретился единичный глагол *арбитраживать* (нем. arbitrieren "оценивать, давать заключение"), который является "чистым" заимствованием из немецкого публицистического лексикона:

[Король Альберт] отнюдь не был королем-мещанином, подлаживающимся под средний вкус. Он не заискивал: он *арбитраживал*. (Младоросская искра. 1933. 25 февр. № 36)

3. сфера культуры, развлечений, образования. В этой группе прежде всего следует назвать варваризмы, связанные с номинацией реалий кинематографического мира: *экстерьер* (франц. extérieur "натурные съёмки"), *энтерьер* (франц. intérieur "съёмка внутри помещения"), *трюкаж* (франц. truquage "трюковая киносъёмка; комбинированные съёмки; трюк"). Появление лексических заимствований в речевой практике эмигрантов объясняется референциальными лакунами в области бурно развивающейся киноиндустрии.

¹ Подробнее об истории освоения данного слова и понятия в русском языке см.: [Зеленин 1991].

² Л.П. Крысин фиксирует употребление слова *киднэппинг* в русском языке метрополии только в середине 1960-х годов [Крысин 1968: 171].

³ В русском языке метрополии слово *гангстер*, по мнению Л.П. Крысина, было впервые употреблено И. Эренбургом в памфлете "Гангстеры" (М., 1941) [Крысин 1968: 145].

Люди устраивали развлекательные мероприятия, *фатинги* (очевидно, искаженная форма от франц. *fête* "праздник, гулянье" или англ. *fete*; возможно допустить семантические влияние южнонем. *Fasching* "масленица, карнавал"), *тэ-дансаны* (франц. *thé dansant* "вечеринка с танцами"), ходили на *матинэ* (франц. *matinée* "утренний, дневной спектакль"), танцевали в *танцбарах* (нем. *Tanzbar*) и *дансингах* (из англ. через франц. *dancing* "танцевальный зал"), посещали *ресторан-бары* (нем. *Restoran-bar*) или *мюзик-холли* (англ. *music hall*)¹, смотрели *оперетки-ревю* (франц. *opérette-revue*) с участием *герлс* (=гэрл = *герльс*; англ. *girl*)², слушали *джаз* (англ. *jazz*)³, участвовали в *лотереях-аллегри* (итал. *allegri* "веселы"⁴) и *лотереях-концертах*, играли в *хальму* (нем. *Halma* "уголки" (вид восточной игры)):

Рижское Ремесленное Общество 25 января и 1 февраля 1930 – грандиозные *фатинги*. [реклама] (Сегодня. 1930. 1 янв. № 1)

27-го января в 11 часов утра .. состоится *матинэ* арий и романса артистки Мариинской оперы Зинаиды Юрьевской. (Огни. 1924. 21 янв. № 3)

9 июля .. состоится *тэ-дансан* с 17 до 24 ч. для отправки на летние каникулы русских девочек. В концертном отделении примут участие известная пианистка Маргарита Саальберг, певица Ирина Кедрова, К. Балашев и др. Интересная лотерея. *Джаз*. Буфет. [объявление] (Возрождение. 1939. 7 июля. № 4191)

Директор парижских и провинциальных театров, кинематографов, цирков и *дансингов*, драматурги и сценаристы, кинорежиссеры, большие и малые актеры, даже театральные критики единодушны в вопросе упразднения зрелища на все время, пока будет существовать нынешний, непомерно высокий налог на зрелища. (Сегодня. 1930. 14 янв. № 14)

Танц-бар "3 Musketeiere". [реклама] (Руль. 1930. 4 янв. № 2768)

... Губерт Маришка, даже американцев изумляющий умопомрачительными тратами, и теперь, для своей новой *оперетки-ревю*, ухлопал .. около двухсот тысяч шиллингов! (Сегодня. 1930. 11 янв. № 11)

¹ Есть в СУ (Дополнения. Т. 4) в форме *мюзик-холл* как ориентация на графический облик иноязычного слова. Очевидно, эмигранты произносили (или слышали) средневропейское [л] как мягкий звук [л'], графическая форма (буквосочетание *ль*) подтверждает это. С этим связано, кстати, и окончание *-и*, а не *-ы*.

² Это английское слово было известно европейцам чаще всего в специализированном, "музыкально-театральном", значении "танцовщица мюзик-холла", которое распространилось в европейском культурном лексиконе, очевидно, через французское посредство (сфера кабаре), где и была осуществлена эта семантическая специализация англицизма. В русский советский узус оно попало, скорее всего, непосредственно из американского английского, минуя европейские языковые посредники.

³ В СУ: *Джаз*, *-а* и *джаз-банд*, *джаз-банда*, м. В эмигрантской прессе нам встретилась только сокращенная форма, полной формы (*джаз-банд*; англ. *jazz-band*) в нашем корпусе не содержится. Очевидно, эмигранты ориентировались на европейский устный (речевой) узус, а не на письменную форму.

⁴ Лотерея-аллегри – лотерея с результатом, который становится известным сразу после приобретения лотерейного билета.

Этот маленький деспот, светловолосая хищница, вампир с невинным лицом, в теле "гэрл" мюзик-холля [sic], желающий пробить дорогу на подмостках... (Возрождение. 1935. 15 марта. № 3572)

В 20-30-е годы 20 в. для перифрастического обозначения (кино)звезды, а также популярного, выдающегося мастера, деятеля русские эмигранты использовали галлицизм *ведетта* (франц. *vedette*; перен.: "знаменитый/ая актёр/актриса; знаменитость, звезда"), семантически идентифицировав его с русским *звезда* и, на основании этого, осуществив последующую морфологическую субституцию: франц. (*vedett*)e → рус. (*звезд*)a. Американизм *стар* (англ. *star* "кинозвезда; выдающаяся личность") европейцам в те времена был еще неизвестен, поэтому они именуют заимствованным галлицизмом любую, в том числе и американскую кинозвезду:

Известная американская *ведетта* Виль Роже, выступавшая перед микрофоном одной станции в Нью-Йорке, получила за каждую минуту своего выступления круглую сумму в [...] 25 тысяч франков. Правда, к чести *ведетты* нужно сказать, что весь гонорар был пожертвован на благотворительные цели. (Возрождение. 1935. 1 янв. № 3499)

... каждый из них [летчиков эскадры "Бальбо". – А.З.] не меньший орел, не меньшая "*ведетта*", чем все индивидуальные рекордсмены [sic] и чемпионы. (Младоросская искра. 1933. 15 авг. № 32)

Пестрый национально-этнический состав эмиграции и стремление сохранения национальных традиций, обрядов инспирировал "выброс" на страницы печатных органов некоторых регионализмов, обозначавших те или иные национальные реалии. Отсюда использование таких варваризмов (экзотизмов, в собственном смысле термина), как *кеманча* (кямянча "3-4-х струнно-смычковый музыкальный инструмент, распространенный в Закавказье"), *тара* "кавказский струнный музыкальный инструмент":

Впервые в Праге был устроен вечер кавказцев, организованный обществом кавказоведения. [...] Вечер закончился танцами под кавказский квартет [квартет? видимо, описка в газете. – А.З.]: *тару*, *кеманчу*, *тэн*¹ и *типипитонгон*². (Дни. 1926. 20 нояб. № 1164)

Из области педагогики, воспитания отметим два варваризма: чехизм (богемизм) *кураториум* "опекунский совет" и галлицизм *креш* (франц. *crèche* "детские ясли").

Во главе управления курсами стоял *кураториум* во главе с председателем Земледельческой Едноты³ Прокупекем. (Огни. 1924. 25 февр. № 8)

¹ Англ. *tap dance* (*tap-dance*) "чететка".

² Нам не удалось выяснить значение и происхождение данного термина.

³ Чеш. *jednota* "единство".

Национальный Фашистский Институт [...] делит свои заботы между матерью и ребенком в весь период его кормления молоком и сосредоточивает свои заботы исключительно на ребенке после этого периода, организуя *креши*, детские сады, пункты детского питания и т.п. (Сигнал. 1938. 15 сент. № 39)

Итак, заимствования новых лексических номинаций в сфере культуры, развлечений в нашем корпусе эмигрантских газет составляют довольно значительную часть общего объема варваризмов. Это объясняется двумя причинами: 1. наличием референциальных лакун при номинации новых денотатов; 2. стремлением сохранить исходное обозначение языка-донора с целью точной идентификации реалии.

4. область спорта. Это наиболее открытая заимствованиям номинативная сфера, что объясняется необходимостью наименования спортивных реалий, названия которых часто отсутствовали в русском языке в момент эмиграции людей из России. В этой группе варваризмов, несомненно, лидируют англицизмы; уже в то время очень многие из них быстро становились интернационализмами и свободно мигрировали из языка в язык (об английских спортивных терминах и их трансплантации в разные языки см.: [Dauzat 1929; Orr 1935; Amsler 1952; Benson 1958; Крысин 1968; Becker 1970; Pasqualini 1974; Schneider 1974; Vierek 1980; Новикова 1992; Попов 2003; и др.]). Заимствования могут обозначать:

- виды спорта, составные части спортивного матча: *волей-бол*¹ (англ. volleyball), *рестлинг* (англ. wrestling "борьба, бой"), *ватер-поло*² (англ. water polo "водное поло"), *гейм* (англ. game "игра, матч"), *сервис* (англ. service "подача мяча"), *сингл* (возможно, из английского через французское посредством single "партия (в теннисе, гольфе), в которой участвуют только два противника"), *корнер* (англ. corner "угловой удар"), *хав-тайм* (англ. half time "первая половина игрового времени"), *эвент* (англ. event "этап, период (в соревновании)"). Очевидна графическая зависимость наименований видов спорта от облика прототипов в языке-доноре: *дебль*³ (англ. double "парная игра (в теннис)").

Первый *гейм* прошел с большим напряжением и закончился в пользу "Руси" со счетом 15 на 9. (Возрождение. 1932. 2 янв. № 2405)

... Боротра уже был чемпионом Франции, Англии и Америки на закрытых площадках. Единственно, что мешает безусловно предсказать победу Боротра, это то, что в настоящее время у него хромает *сервис*. (Возрождение. 1932. 3 янв. № 2406)

В смешанном *дебле* Швыковская и Финберг выиграли у Озолинь и Котовича в трех сетах. (Сегодня. 1930. 12 янв. № 12)

¹ В СУ в форме *волейбол*.

² Есть в СУ.

³ Возможно, опечатка вместо более ожидаемого *дабль/дабл*. Примечательно, что этот варваризм эмигранты относили к существительным мужского рода.

Победитель прошлого турнира Ошин проиграл в мужском *сингле* А-группы Розенталю П в двух сетах 15:21, 18:21. (Сегодня. 1930. 12 янв. № 12)

Перед самым концом *хав-тайма* французам удается отправить в сетку русских ворот один мяч, отбить который русскому голкиперу Туманову было абсолютно невозможно. (Дни. 1926. 18 нояб. № 1162)

Дождливая погода несколько омрачила этот замечательный спортивный праздник. Перепадавшие ливни тормозили розыгрыши отдельных *эвентов*. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

Семантическая близость между англицизмом *рестлинг* и русским аналитическим обозначением *вольная борьба* преодолевалась не элиминацией варваризма, не их семантическим уравниванием, а его семантизацией и закреплением в лексической системе эмигрантского узуса, возможно, благодаря семе "борьба без правил", отсутствующей в русском обозначении; рестлинг – это не просто (и не только) спортивная борьба, но с нарочито жесткими, рассчитанными на театральность, приемами, борьба с элементами шоу. Наличие дифференциальной семы было решающим фактом заимствования однословной номинации-варваризма (*рестлинг*).

Вместе с просьбой передать новогодние поздравления русским спортсменам Парижа мы получили от К.А. Пожелло из Кливленда (штат Охайо) ворох программ, афиш и номеров журнала "Рестлинг" (Борьба) и "Рестлер" (Борец), свидетельствующих о кипучей и успешной деятельности б.[ывшего] чемпиона России в роли борца и организатора матчей вольной борьбы. (Возрождение. 1935. 2 янв. № 3500)

- наименования организаторов, спонсоров спортивных матчей, спортсменов, игроков команды: *промотер* (англ. promoter "покровитель, спонсор"), *бек* (англ. back "защитник (в футболе)"), *голкипер* (англ. goalkeeper "вратарь"), *инсайд* (англ. inside "полусредний нападающий"), *катчмен* (англ. catchman "борец в стиле американской борьбы, кетча¹"), *рестлер* (англ. wrestler "борец"), *хав-бек* (англ. half-back "полузащитник"), *центр* (англ. centre "центральный игрок, центровой"), *центр-форвард* (англ. centre forward "центральный нападающий").

В своей новой роли "промотера" К.А. Пожелло успел создать себе отличное реноме. Под его опытным руководством матчи борцов вольного стиля пользуются исключительным успехом у избалованной американской публики. На арене Кливленда ему удалось организовать выступления изумительного итальянского "катчмена" Савольди.. (Возрождение. 1935. 2 янв. № 3500)

Из русских игроков большой похвалы заслуживают: Туманов, впервые в Париже выступавший в роли *голкипера*, вся линия *хав-беков* (Алексеев, А. Федоров и Грюнберг, левый край Путянин, *центр* Воврашевич и в особенности правый *инсайд* Краубнер. Очень много пришлось поработать обоим *бекам* Плавскину и М. Вешке, спасавшим неоднократно свои ворота от почти неминуемых мячей. (Дни. 1926. 18 нояб. № 1162)

¹ Кетч (англ. catch "хватать") – вид профессиональной борьбы, разрешающей разнообразные приемы.

В нашем корпусе отмечен только один галлицизм, характеризующий эмоционально-психологическое состояние игры: *брио* (франц. *brío* "живость, оживление"); его использование, на первый взгляд, никак не мотивируется семантически, поскольку русские эквиваленты *азарт*, *страсть*, *кураж* (обрусевший галлицизм; < *courage* "храбрость, мужество") вполне ему адекватны, однако варваризм в русском тексте – след французского спортивного языка, автоматически, по языковой инерции, или – напротив – сознательно оставленный в газетной колонке автором репортажа на спортивную тему.

Третий гол был вбит из "толкучки" центр форвардом [sic] Воврашевичем, игравшим со свойственным ему "брио". (Дни. 1926. 18 нояб. № 1162)

Такое обилие спортивных варваризмов на страницах русской эмигрантской прессы объясняется стремлением точной трансляции лексических элементов спортивного профессионального языка (жаргона), понятного всем (или многим) говорящим ввиду интернационального характера данных понятий.

5. сфера технических наименований. Эта группа немногочисленна, она характеризует эмигрантский узус с двух сторон: а) сохранение в речевом обиходе устаревших и вышедших из употребления в русском языке метрополии 20-30-х годов лексических номинаций, б) активное заимствование новых иноязычных технических обозначений.

а) Примером первой тенденции может служить следующий терминологический ряд: *биоскоп* – *кинематограф* – *кино* – *синема*. Слово *биоскоп* (нем. *Bioscop* = *Bioskop*¹; из греческих элементов) встречается в эмигрантской прессе на равных правах с более новыми *кинематограф* (франц. *cinématographe*, но на русской языковой почве трансформированное по немецкой орфоэпической модели, более близкой к древнегреческому этимону), *кино* (нем. *Kino*)². Слово *биоскоп* в нашем корпусе отмечено в газете самого конца 30-х годов, что позволяет заключить о сохранении данной номинации в эмигрантском узусе, в то время как в русском языке метрополии эта лексема уже давно вышла из употребления³. Ср. пример из нашего корпуса, где слово *биоскоп* имеет значение "кинотеатр":

¹ В ноябре 1895 г., приблизительно за месяц до демонстрации первого фильма братьями Люмьер, М. и Э. Складановские в Берлине представили публике свой *Bioscop* (*Bioskop*) "кинопроектор". Однако биоскоп Складановских не стал общераспространенным киноаппаратом из-за его массивности, тяжеловесности; в отличие от быстро исчезнувшей реалии, термин все же использовался некоторое время. Впервые техническое значение в слове *биоскоп* отмечено в словаре Webster (1913 г.): "An animated picture machine for screen projection; a cinematograph (which see); an archaic term replaced by movie projector."

² Рассмотрение тематического ряда *биограф* – *биоскоп* – *иллюзион* – *кинемат* – *кинематограф* – *кинемо* – *кинетоскоп* – *кино* – *синематограф* – *синема* – *электричка* – *электротетр* дано (с последующей библиографией) в: [Лехикойнен 1990: 140-142; см. также: Крысин 1968].

³ СУ не отмечает данного понятия даже как историзма, очевидно, ввиду краткосрочности его языковой жизни.

Вследствие громадного интереса продолжен в обоих *биоскопах* грандиознейший фильм под режис.[сурой] гениального Сесилия Б. дэ-Миля "Царь Царей". Жизнь и страдания Бого-Человека [sic]. (Рус. голос. 1939. 9 апр. № 418)

Слово *кино* в эмигрантском узусе использовалось в двух значениях: 1. кинотеатр; 2. кинофильм, кинопредставление.

(1) "Течение времени". *Кино* "Пари-суар" (Возрождение. 1937. 10 апр. № 4073)

(2) [В Пасхальную ночь] все церкви были повсюду переполнены. Тщетно красные власти всю эту ночь зазывали на всякие безбожные театральные зрелища и *кино*, тщетно хулиганы из "безбожных союзов" устраивали перед церквями на улицах маскарадные шествия.. (Голос России. 1931. 2 авг. № 1)

После телеграфа и телефона звуковые кинематография и *кино* открыли безпределные [sic] возможности осведомления человека. (Младоросская искра. 1933. № 36. 25 февр.)

В капиталистических же странах Европы и Америки искусство – это: реклама, ночной кабачок, волшебное *кино* и иллюстрированная газета. (Анархич. вестник. 1924. № 7)

Однако намного чаще, чем усеченная форма *кино* (нем. Kino), в эмигрантском языке употреблялось обозначение *кинематограф* и его производное *кинематографический*. Слово *кинематограф* использовалось, судя по материалам в нашем корпусе, в значении "кинотеатр", однако в адъективном деривате *кинематографический* явственно видна мотивированность как предметным ("здание"), так и отвлеченным существительным "киноиндустрия, кинопромышленность; кинематография".

Кинематограф "помещение, здание". Ср. также конкретизирующий синоним *киноздание* – явное свидетельство реакции узуса на необходимость устранения омонимии, затрудняющей точность коммуникации.

Директор парижских и провинциальных театров, *кинематографов*, цирков и дансингов, драматурги и сценаристы, кинорежиссеры, большие и малые актеры, даже театральные критики единодушны в вопросе упразднения зрелища на все время, пока будет существовать нынешний, непомерно высокий налог на зрелища. (Сегодня. 1930. 14 янв. № 14)

Дом, в котором помещается известный *кинематограф* того же названия, подвергся основательной переделке и представляет в настоящее время образец приятной соразмерности.. (Руль. 1930. 1 янв. № 2766)

Обещанное к праздникам Рождества *кино-здание* [sic] .. стоит без окон и дверей и даже без крыши, несмотря на "американский" темп хода постройки: морозы и снега приостановили работы. (Вести дня. 1939. 28 дек. № 295)

Кинематографический "связанный с показом фильмов":

Они ничему не научились, совершенно не раскаялись, остались теми же политическими изуверами, упорно продолжают свою каинову работу – думалось мне, смотря на *кинематографическом* экране несомненно инспирированную

эс-эрами картину "Der Tanz auf dem Vulkan". (Призыв. 1920. 12 (28.2) марта. № 61)

Накануне Нового года в городе Пазлей после обеда происходило *кинематографическое представление* для детей. Внезапно в будке демонстратора возник пожар. [...] Когда через 2 минуты после подачи тревоги примчались пожарные команды, весь *кинематограф* уже горел как свеча. (Руль. 1930. 2 янв. № 2767)

Кинематографический "связанный с киноиндустрией, производством фильмов":

Вчера после обеда у калифорнийских берегов в воздухе на высоте 700 метров столкнулись два аэроплана, принадлежавшие *кинематографическому обществу* "Фокс-фильм". [...] С аэропланами погибли 10 человек, в том числе директор "Фокс-фильма" Хаукс, муж *кинематографической артистки* Мэри Астор и его брат.. (Руль. 1930. 4 янв. № 2768)

Более ранний вариант *синематограф* (во французской фонетической оболочке) был вытеснен германизированной формой *кинематограф* еще в дореволюционном узусе по двум причинам: 1. аналогическим выравниванием под немецкие формы *кино*, *кинемо*; 2. влиянием греческой протоформы [Лексика 1981: 229-230]. В эмигрантской прессе *синематограф* уже не встречается.

Термин *синема* (франц. *cinéma*) получил заметную активизацию в русской прессе, выходящей во Франции, по вполне понятным причинам – повсеместностью этого слова во французском языке. Однако преобладания этой формы в русском эмигрантском узусе не наблюдается; напротив, можно говорить о дистрибуции обеих форм: лексема *кино* в 20-30-е годы уже стала интернационализмом, *синема* оставалась регионализмом (галлицизмом). Последнее слово сохраняет, согласно французской морфологии, родовую принадлежность к мужскому роду и в русской речевой практике:

[Матросу] приходится уйти с толпой зрителей из зала, и тут к ужасу своему в дверях он сталкивается с механиком, партийным начальством и несколькими матросами с того же корабля, зашедшими от безделья по случайности в тот же *синема*. (Возрождение. 1937. 3 апр. № 4072)

"Потерянные горизонты". *Синема* "Шан-з-элизе". "Потерянные горизонты" идут с пятницы в *синема* "Шан-з-элизе" (Возрождение. 1937. 10 апр. № 4073)

Представим приведенные выше лексические материалы в виде таблицы.

Лексема	Значение "помещение"	Значение "фильм"
<i>биоскоп</i>	+	–
<i>кино</i>	+	+
<i>кинематограф</i>	+	+
<i>синема</i> *	+	–

* Хотя во французском языке слово имеет два значения: 1. здание; 2. кинопредставление, в нашем корпусе встретилось только первое значение, но это отнюдь не значит отсутствие второго значения в русском эмигрантском узусе.

Итак, можно говорить о доминировании слова *кинематограф* и его производного в эмигрантской прессе, лексема *синема* скорее черта только французской русской прессы. В отличие от этих двух слов, в русском языке метрополии 20-30-х годов лексема *кинематограф* (и производное *кинематографический*) "суживается и по значению, и по сфере употребления" [Лехикойнен 1990: 142], его замещает новая усеченная форма *кино*. В эмигрантском узусе лексем *кино* и *биоскоп* оставались несколько на периферии по отношению к основному слову *кинематограф*.

б) Примером второй тенденции являются новые заимствования: *акцидентный* (нем. Akzidenz "бланки, извещения, рекламные проспекты"), *вапоризация*, *вапоризованный* (< фр. vaporisation "распаривание; обработка паром")¹, *камион* (франц. camion "грузовая машина; грузовик"), *конвейер-система* = *конвеер-система* (англ. conveyer system), *монитор* (англ. monitor "тяжелый военный корабль"), *телевизия* (франц. télévision "телевидение")², *телевизионировать* (франц. téléviser, англ. televise "передать по телевизионному аппарату"), *трафик* (франц. trafic в специализированном, суженном значении "незаконная торговля, спекуляция" из английского traffic "транспорт; перевозка"), *холдинг* (англ. holding company, франц. holding "холдинговая компания"), *циклокар* (франц. cyclocar "автомобиль мотоциклетного типа"; в русском языке это заимствование было адаптировано как *циклокар* в результате морфемного выравнивания слов с уже усвоенным первым компонентом *цикло-*). Их использование в эмигрантском узусе объясняется или появлением новых технических реалий и понятий, отсутствовавших в дореволюционном языке, или замещением варваризмами тех номинаций, которые в русском языке до 1917 г. находились на лексической периферии ввиду их новизны или принадлежности специальной терминологии; например, аналитическое словосочетание *грузовая машина* было известно в русском языке и до 1917 г., однако семантическое стяжение *грузовик* – это уже факт советского времени, неизвестный эмигрантам. Разумеется, вытеснение старых технических номинаций обуславливалось и тенденцией к замене аналитических терминов однословными (*тяжелый военный корабль* → *монитор*).

Порт почти свободен от льда. Один британский *монитор* уже поднимался вверх по течению Двины. (Голос Родины. 1919. 8 мая. № 259)

Общее количество автомобилей, мотоциклеток, моторных лодок и пр. составляло во Франции 977 315 с суммированной их мощностью в 8 421 950 лошадиных сил; распределение их по категориям было таково: автомобилей – 541 438 шт., *камионов* – 267 470; *циклокаров* – 27 541; мотоциклетов – 137 979 и моторных лодок – 1 887. (Возрождение. 1927. 4 окт. № 854)

¹ Это понятие было хорошо знакомо особенно эмигрантам, живущим во Франции – стране с развитой традицией косметологии; термин стал популярен в 20-30-е годы.

² Зафиксировано также в устной речи русских во Франции [РЯЗ 2001: 53] и США [ЯРЗ 2001: 151].

Телевизия на Парижской выставке [название заметки]

Как известно, в павильоне радиофония на парижской выставке ежедневно происходят публичные телевизионные передачи. На днях этот павильон посетил французский министр ПТТ¹, в последнее время особенно интересующийся *телевизией*. Он позволил себя *”телевизионировать”* во время своего интервью, так что присутствовавшая в павильоне публика могла видеть министра на экране в то время, как он давал интервью относительно *телевизи*. (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

Аппарат В 2, с регулятором *вапоризации* на 4 степени 150, 225, 300 и 400 градусов, франко с перевозкой и упаковкой в деревянном ящике. (Младоросская искра. 1933. 5 янв. № 26)

Акционерное общество стремится наложить руку на другие общества. Для этого достаточно приобрести *”контрольный пакет”*, т.е. столько акций, сколько нужно, чтобы распоряжаться обществом. [...] Это и есть *”холдинг”* – узаконенный грабеж. (Младоросская искра. 1932. 20 авг. № 21)

Например: сшить одну скроенную штанину, считая приклад, нужно полчаса. Другую тоже полчаса. Прикроенную жилетку сшить на машине – полчаса. [...] Считая на закройку, сборку и утюжку еще два, два с половиной часа – вся работа значит будет готова в три часа. Это вот и есть *конвейер-система*. (Руль. 1930. 1 янв. № 2766)

Итак, технические варваризмы в нашем материале характеризуются следующими признаками: с одной стороны, сохранением и консервацией старых технических обозначений, бытовавших в дореволюционном языке, с другой стороны – проникновением в речевую практику заимствованных слов, обозначающие новые, появившиеся в 20-30-е годы технические реалии и понятия.

6. сфера бытовых обозначений. Парадоксально, но данная группа варваризмов, вместо ожидаемого, оказалась в нашем корпусе довольно ограниченной. Новые заимствования касаются:

- типа билетов, проездных документов: *шифскарта* (нем. Schiffskarte *”билет на корабль”*):

Продажа *шифскарт* во все страны мира и на морские увеселительные поездки. [реклама] (Руль. 1930. 1 янв. № 2766)

- украшений, предметов туалета, одежды: *батик* (франц. batik из малайского *”рисунки на ткани”*), *вулкан-фабр*² (нем. Vulkanfiber *”вулканизированная фибра (ткань)”*), *канотье* (франц. canotier *”соломенная шляпка”*), *клипс(а)* (англ. clip *”брошь”*), *комбинэ* (сокращение от франц. combinaison de femme > combi *”комбинация (нижнее женское белье)”*, англ. combination), *комбинешен* (англ. combination *”комбинезон”*), *ламэ* (франц. lamé *”парча; ткань с люрексом”*), *пешуар* (возможно, опечатка вместо ожидаемого *пошуар* от

¹ Транслитерированная аббревиатура для обозначения почты Франции (РТТ): Poste. Téléphone. Télégraphe.

² В СУ: *фибр* – *фибра* (чаще).

франц. *pochoir* ”трафарет, шаблон (для рисования, вышивки, выкройки”), *пуловер*¹ (англ. *pull-over* ”вязаная кофта без застежек; свитер”), *туид* (англ. *tweed* ”вид шерстяной ткани”), *шлюпфер* = *шлипфер* (нем. *Schlüpf* ”трико (дамское)”):

На пароход [при бегстве из Крыма] я садился – у меня багажу было всего одна иглолка в лацкане, а в городе Константинополе носильщик снес за мной на берег чемодан *вулкан-фабр* и плед с подушкой. (Руль. 1930. 1 янв. № 2766)

Золото на черном – очень красивое и эффектное сочетание, и иногда вся отделка заключается в золотых ювелирных украшениях: булавка на шляпе, крупных ”*клипс*” у декольте, пряжки на поясе, сережек и т.д. Черное пальто, отделанное барашком, теперь не выглядит мрачно и даже несколько траурно, как это было раньше, потому что вокруг шеи всегда повязан хотя бы маленький шарф из простроченного *ламэ* или из шелка самых неожиданных ярких тонов, например, фиолетового с красным, зеленого с оранжевым. (Возрождение. 1935. 1 янв. № 3499)

Техника прикладн.[ого] искусства – раскраска материй, *пеиуар*, *батик*, пентюр люминез, выжигание. [объявление] (Возрождение. 1927. 6 нояб. № 887)

”*Канотье*” всяких сортов, всяких тонов, всяких размеров царит среди летних моделей.. [...] Хорошо выбранная, купленная в хорошем доме шляпа, может изменить всю внешность наряда, сразу придать любому платью модный и элегантный вид. А кроме того, дорогая шляпа не так скоро выйдет из моды.. Лучше иметь одним платьем меньше, но не пожалеть денег на хорошее ”*канотье*”. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

- обозначений национальных особенностей кухни, приема пищи: *супэ* (франц. *souper* ”ужин, вечерний обед”²), *гриль* (франц. *gril* ”жаровня”, англ. *grill*), *плум-пудинг*³ (англ. *plum-pudding* ”запеканка, пирог (с приправами, пряностями)”), *брэксфест* = *брэксфест* (англ. *breakfast* ”завтрак”; этот англицизм в 20-30-е годы часто упоминался в европейской русской прессе):

Ресторан имеет собственную пекарню, *гриль* и пр. (Руль. 1930. 1 янв. № 2766)

... у большинства англичан в настоящее время развязался язык и .. они перестали довольствоваться бифштексами и *плум-пудингами*.. (Руль. 1930. 4 янв. № 2768)

Герцог никогда не завтракает и ограничивается только ”*брэксфестом*”, пятичасовым чаем и обедом. Герцогиня завтракает с друзьями или дома, или в ресторане. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

¹ В СУ дано с ограничительной пометой *спец.*[иальное], что свидетельствовало о неузualmente характере варваризма. В эмигрантском лексиконе это слово использовалось широко.

² Едва ли русский эквивалент был хуже или семантически бледнее, однако референциальный каркас понятия было иным: *souper* – это именно ”поздний ужин” (после спектакля, во время вечеринки).

³ В СУ зафиксировано слово *пудинг*.

Если Вы хотите счастливо и весело встретить Новый год., то приходите в новогоднюю ночь хоть на 5 минут к Н. Гриневскому. [...] Готовится что-то необычайное. *Сунэ* 5 мар.[ок] (Руль. 1930. 1 янв. № 2766)

Итак, в русский эмигрантский узуз быстрее и естественнее всего попадали наименования сферы моды, театра и английские понятия, связанные с особенностями бытового поведения этого народа.

3.3. Способы ввода лексических заимствований. Прежде всего, надо отметить наличие значительного числа вариантов (орфографических, морфологических, лексико-семантических), содержащихся в нашем корпусе. В принципе, это не уникальная ситуация при вхождении заимствованной лексики в структуру языка-реципиента; любопытно, что и в русскоязычной прессе, находящейся в иноязычном окружении, и в языке метрополии исследователи отмечают высокую степень вариативности как одну из ярких особенностей начального этапа освоения заимствований [Крысин 1968: 79; Протасова 2004: 120 и след.]. В нашем корпусе представлены следующие типы варьирования.

1. Графико-орфографические варианты. Рассматривая графические особенности эмигрантских газет, мы уже касались некоторых аспектов освоения заимствованных слов на страницах прессы, особое внимание уделив воздействию графики и фонетики слов-прототипов на уже принятые в русском языке написания и приведя примеры отказа от прежних в пользу графических форм в языке-доноре (языках-донорах). Какие же другие типы вариативности присутствуют в эмигрантской печати?

- вариативность, вызванная заимствованием слова из разных языков, где оно имеет разное оформление: *комбинешен* "женское нижнее белье" (англ. combination) – *комбинэ* (франц. сокращение *combiné* "грация; род корсета для женщин: эластичный широкий пояс, охватывающий торс"); *ракетир*=*рэкеттер* (англ. racketeer; в первом случае ориентация на фонетику и графику английского прототипа, во втором – на французскую форму *racketter, racketteur*):

(1) Инвентурная распродажа начнется во вторник: чулки, носки, перчатки, [...] рейтузы, *комбинэ*, нижнее платье, ручные сумочки. (Сегодня. 1930. 5 янв. № 5)

(2) Денные рубашки. *Комбинешен*. Юбки-принцес. [реклама] (Дни. 1925. 1 февр. № 680)

- вариативность, вызванная стремлением к сохранению графического или фонетического прототипа: *джаз* (англ. jazz [dzæz]; ориентация на фонетику) = *джац* (ориентация на графику), *гангстер* = *гэнгстер* (англ. gangster; в первом случае ориентация на графику всего слова, во втором – на фонетику гласного звука); *люмпен-пролетариат* = *лумпен-пролетариат* (нем. Lumpenproletariat; ориентация либо на графику, либо на фонетику):

Возобновление сессии Конгресса [США] в начале будущего года может означать первую серию политических ходов против Рузвельта. Еще до того могут определиться явные и тайные ходы Уолл-Стрита. Наконец, в любой момент

возможно "непосредственное действие" – ходы *гэнгстеров* и их эпигонов "кид-нэпперов" и "рэкеттеров". (Младоросская искра. 1933. 15 авг. № 32)

Берлинские газеты единодушно сообщают, что коммунистические отряды, пытавшиеся сорвать организованную социал-демократами грандиозную манифестацию протеста против реакции, были набраны среди самых темных элементов берлинского *луппен-пролетариата*. (Дни. 1925. 31 янв. № 679)

Это может быть также графическая вариативность (кириллица и/или латиница), обусловленная либо новизной варваризма, либо трудностью адекватной передачи слова кириллической графикой: *weekend* = *уикэнд* = *викэнд* = *викенд*, либо сосуществованием разных способов включения слова в русский язык: *Entente* (иноязычное вкрапление) = *Антанта*¹ (транслитерация) = *Согласие* (семантическая калька):

(1) Американские автомобильные фирмы изобрели совершенно новый способ продажи своих машин. Он предоставляет молодым девушкам, независимо от их социального положения, совершенно новые автомобили последней модели и бесплатное пользование на каждый "уикэнд" в течение 4 месяцев. (Возрождение. 1939. 7 июля. № 4191)

(2) Многие англичане за последние годы приняли за правило проводить свой пресловутый *Weekend* [sic; с заглавной буквы] на материке. (Руль. 1930. 4 янв. № 2768)

(1) Далее Троцкий прохаживается насчет империализации *entente*, которую он считает копированием методов Гогенцоллернов и находит союз с Германией возможным и желательным. (Возрождение. 1919. 9 июля. № 3)

(2) Телеграфное агентство принесло известие о том, что по решению конференции в Aix-les-Bains отдельные державы могут вести переговоры с Россией "лишь в том случае, если они не противоречат интересам всей *Антанты*". (Воля России. 1920. 18 сент. № 6)

(3) Несомненно ..., что мы вовлечены в очень опасный конфликт, куда ходом вещей будут втянуты и германское правительство и правительства стран *согласия*. (Возрождение. 1919. 12 окт. № 86)

2. Вариантность морфологических форм. Этот тип обусловлен следующими причинами:

- сосуществованием в эмигрантском узусе двух морфологических форм, разговорной и литературной, получивших отражение в письменной практике: *кельнерá*, *шлипферá* (с ударным разговорным окончанием -á) и *кельнеры*, *шлипферы* (с литературно-нормативным безударным окончанием -ы), *пулловерá* = *pull-over'ы* (особенно интересно то, что в русифицированной форме используется разговорный морфологический вариант, в письмен-

¹ А. Мазон отмечал даже *Антант* (муж. рода) [Mazon 1920: 16]. В нашем корпусе эта форма не встречается.

ной же – стилистически нейтральное окончание множественного числа существительных мужского рода с основой на твердый согласный)¹.

(1) *Шлюпферы* (дамское белье) [реклама] (Дни. 1925. 1 февр. № 680)

(2) [Распродажа:] кофты, *пулловера*, костюмы, *иллюпфера* (шерст.[яные], шелк.[овые]) (Сегодня. 1930. 12 янв. № 12)

- родовая вариативность, существовавшая в дореволюционном языке: *фильм* (муж. рода) = *фильма* (жен. рода). И в русском языке метрополии 20-30-х годов это слово имело колебания в роде [Карцевский 2000: 234; Крысин 1968: 81; Лехикойнен 1990: 135].

На колебание морфологической формы варваризмов существенное влияние оказывало взаимодействие ранее заимствованного иноязычного слова со своим прототипом. Обычно иноязычное слово заимствуется в какой-либо одной грамматической форме, даже если в языке-доноре оно обладает иными грамматическими конфигурациями; морфолого-синтаксическая и семантическая модификация совершается уже в языке-реципиенте [Новиков 1963]. В эмигрантской прессе мы находим, в частности, такое воздействие грамматических категорий прототипов на заимствованные ранее в русский язык иноязычные лексемы:

- категория числа. Иноязычные заимствования *реальность*², *трикотаж*³ в кодифицированном русском языке используются как *sing. tantum*, однако возможность использования их в форме множеств. числа в языке-доноре переносится и в русский эмигрантский узус: франц. ед. *réalité* – множ. *réalités*, ед. *tricotage* – множ. *tricotages*⁴. М.Я. Гловинская относит такие случаи к ”нарушениям идиоматического правила в морфологии”, так как распределение имен существительных по классам *singularia* и *pluralia tantum* ”специфично для разных языков, а внутри одного языка достаточно лексикализировано”. Нарушения в кодифицированных нормах использования категории числа в результате иноязычного влияния М.Я. Гловинская, в рамках разрабатываемой ей концепции неустойчивых зон языка, квалифицирует, в частности, как ”ошибки на ”идиоматических” участках” [Гловинская 2001: 44; там же приведены примеры из речевой практики разных волн эмиграции]. Приведем несколько цитат из нашего корпуса:

Дело представляли так: те, кто, утверждая, что вот-вот начнется разоружение и будет обеспечен вечный мир, – те человеколюбы и хотят мира; а те – кто не верил в эту словесность и предупреждал о тысяче противодействующих *реаль-*

¹ Подробнее эти формы рассматриваются в главе ”Грамматические процессы в языке эмигрантской публицистики”.

² В СУ: *Реальность*, -и, мн. нет, ж. (книжн.).

³ В СУ: *Трикотаж*, -а, мн. нет, м.

⁴ Подробнее эти формы рассматриваются в главе ”Грамматические процессы в языке эмигрантской публицистики”.

ностях [sic; правильно: реальностей], – те милитаристы, империалисты и вообще злодеи человечества. (Руль. 1930. 25 марта. № 2836)

[Распродажа:] .. верхние *сорочки-трикотаж*, галстухи [sic], кашнэ (Сегодня. 1930. 12 янв. № 12)

- категория рода: *Марсель* (название города) в русском языке склоняется как существительное мужского рода по опорному слову "город", однако под французским влиянием род может изменяться – *Marseille* (женск. рода); возможно, повлияла и финаль имени собственного – мягкий знак, который также могут сигнализировать существительные женского рода мягкого склонения:

Социалистический конгресс в *Марсели* [sic]. (Огни. 1924. 11 февр. № 6)

3. Лексико-семантическая вариативность – это варьирование плана выражения (русское и/или иноязычное слово) при общности (близости) плана содержания. Смысловое освоение иностранных лексем сопряжено с поиском лексико-семантических эквивалентов в русской лексической системе. Наличие в нашем корпусе варваризмов, имеющих почти идентичные или очень близкие русские лексические эквиваленты, связано со спецификой процессов заимствования в языке диаспоры, обычно усиливающей "вес" иностранного обозначения. Варваризмы используются для именованья вполне привычных понятий и реалий, которые, будучи помещенными в иноязычный и инокультурный контекст, приобретают в языковом сознании эмигрантов прагматические "приращения" (многочисленные примеры приведены, например, в: [Andrews 1999; ЯРЗ 2001; РЯЗ 2001; Протасова 2000, 2004]). В первую очередь это касается специальных наименований; причины проникновения такого рода варваризмов в эмигрантский узус – следование иноязычному прототипу, стремление к точному дефинированию иностранной реалии (прежде всего производственных, профессиональных понятий и отношений): *аксидан* (франц. *accident* "несчастный случай")¹, *волонтер* (франц. *volontaire* "доброволец")², *дискретные расследования* (нем. *diskrete Untersuchung* "секретное, тайное детективное расследование"), *жирант* (нем. *Girant* из франц. *gérant* "жирант, индоссант; лицо, делающее на векселе передаточную надпись"), *комбатант* (франц. *combattant* "фронтовик, непосредственный участник боевых действий"), *контрметр* (франц. *contremaître* "мастер, бригадир, прораб"), *шупо* (нем. *Schupo* < *Schutzpolizist* "немецкий полицейский (до 1945 г.)", *принцесс-рояль* (англ. *princess royal* "старшая дочь английского короля"):

На металлургическом заводе в Лотарингии русский, работавший при доменной печи в числе двенадцати человек, также русских, отказался подняться вторично на смену наверх. *Контрметр* сообщил в бюро, что он, рабочий, не хочет работать – и рабочего уволили. (Дни. 1926. 20 нояб. № 1164)

¹ Зафиксировано также в устной речи русских во Франции [РЯЗ 2001: 53].

² Старое заимствование, восходящее к началу 18 в., но активизированное в русском эмигрантском узусе.

Тринадцать лет в Германии существовала 4-миллионная организация *комбатантов*, в кою входили бывшие офицеры и солдаты, принадлежавшие ко всем классам общества. Тринадцать лет длилась в Германии разруха и беспорядки [sic], и эта организация много говорила и ничего не делала. (Сигнал. 1938. 1 сент. № 38)

Эмигранты работают в Шанхае .. даже военными "*волонтерами*", образующими русскую роту шанхайского волонтерского корпуса, предназначенного для охраны города. (Сегодня. 1930. 7 янв. № 7)

Судебная палата заслушала вчера дело 25-летнего Карла Берзиня, который обвиняется в подлоге векселя в 108 латов. На векселе Берзинь совершил подлог подписи *жиранта* Карла Тилита, передав означенный вексель в подложной передаточной надписью дальше, за свои личные денежные обязательства. (Сегодня. 1930. 12 янв. № 12)

Детектив Bonstedt. *Дискретные* расследования, наблюдения, справки, адреса. [реклама] (Руль. 1930. 1 янв. № 2766)

Подтолкования (при помощи русских синонимов или близкозначных слов) возможны, но не обязательны; всё зависит от редакционной позиции или представления издателей газеты о степени освоенности того или иного варваризма в узусе эмигрантов: некоторые газеты ориентируются на потенциальных читателей во многих странах (в этом случае подтолкования обычны), другие издания – на региональные колонии русских беженцев (в этом случае подтолкования встречаются спорадически; предполагается общая апперцепционная база беженцев, живших в одной стране).

Принцесса Мэри, графиня Хервусская, по случаю Нового года пожалована титулом королевской принцессы – ("*прицесс-рояль*")¹. (Возрождение. 1932. 2 янв. № 2405)

Национальный Фашистский Институт по борьбе с несчастными случаями во время работы (*аксиданы*) и с профессиональными болезнями. (Сигнал. 1938. 15 сент. № 39)

3 и 4 февраля произошли [в Данциге] коммунистические выступления. Небольшие группы подонков организовали шествие к Сенату. Ярko бросались в глаза алые знамена с надписью "Долой социал-демократию", "Смерть лжецам социал-демократии", "Да здравствует III Интернационал". А по бокам этой шумной и хулиганящей толпы шли чинно, в ногу, в такт звукам "Интернационала" данцигские .. "*шупо*" (полицейские). (Дни. 1925. 11 февр. № 688)

Интересную семантическую трансформацию испытало понятие "официант", которое репрезентируется в нашем корпусе следующим лексическим рядом: *лакей – гарсон – кельнер – garçon*. Русские эмигранты обычно использовали два варваризма: *гарсон* и *кельнер/кельнерша*.

Гарсоны приглашаются на собеседование о своих насущных нуждах в ресторан "Пти Эрмитаж". (Последн. новости. 1940. 1 янв. № 6853)

¹ В газете опечатка; должно быть *принцесс рояль*.

Денотативное размежевание старого русского слова *лакей* и варваризма *гарсон* происходило по пути вытеснения первого (гиперонима) и узуализации второго (гипонима); конкретное по значению иноязычное заимствование имело более узкий объем понятия "работник ресторана, бара" в отличие от экстенционала слова *лакей* "тот, кто состоит в прислуге".

Лакей (*garçon*), *кельнерша* и посудомойник с многолетней практикой .. ищут постоянную работу в русских ресторанах. [объявление] (Дни. 1926. 17 нояб. № 1161)

Варваризм *кельнер/кельнерша* используется эмигрантами для номинации профессии официантов не только в Германии, но и в Англии (собственные обозначения *waiter/waitress*), и в Советской России. Примечательно, что даже во Франции для наименования женщины-официанта было принято слово *кельнерша* [РЯЗ 2001: 56]. Несколько примеров из нашего корпуса:

Особенно бросается в глаза назойливое и настойчивое ухаживание за иностранцами [находящимися в СССР. – А.З.] прислуживающих им *кельнеров*. Все *кельнера*, конечно, являются агентами ГПУ. (Сегодня. 1930. 1 янв. № 1)

... на одной из дорог близ Эпсوما [в Англии. – А.З.], в канаве была найдена мертвой .. молодая очень красивая девушка Ангела Кесон, служащая *кельнершей* в одном из чайных ресторанов Лондона. (Руль. 1930. 20 июня. № 2906)

Таким образом, в эмигрантском узусе самым общим словом для обозначения официанта/официантки в ресторане был германизм *кельнер/кельнерша*, который практически вытеснил русское *лакей*. Галлицизм *гарсон*, судя по нашим материалам и данным других работ по языку русской эмиграции, являлся регионализмом.

3.4. Мы по ходу изложения уже упоминали о фактах более раннего проникновения в эмигрантский узус некоторых слов, которые в русском языке метрополии оказались заимствованными позднее. Причина этого кроется как в собственно лингвистической плоскости (непосредственное контактирование языков, конечно, заметно облегчает процессы заимствования), так и в идеологической области (в советский дискурс некоторые буржуазные понятия проникали с трудом, а старые варваризмы изгонялись из него). Приведем таблицу некоторых слов-варваризмов из нашего корпуса в сопоставлении с датой первой лексикографической фиксации лексем в русском языке метрополии.

Слово в эмигрантской прессе	Первая фиксация слова в русском языке метрополии
<i>абсентизм</i>	начало 20 в. [Лексика 1981: 307]
<i>ажюстер</i>	конец 19 – нач. 20 в. [Лексика 1981]
<i>гангстер</i>	начало 40-х годов 20 в. [Крысин 1968]
<i>герл</i>	<i>гёрлс</i> : И-7
<i>дискофил</i>	СЭС
<i>дуче</i>	И-64
<i>инсайд</i>	40-50-е годы [Крысин 1968]
<i>канотье</i>	Орф-74
<i>киднэптер</i>	середина 60-х годов (<i>киднэптинг</i>) [Крысин 1968]
<i>клипс(а)</i>	начало 70-х годов: Ож-73
<i>комбатант</i>	И-64
<i>Луна-парк</i>	СУ: доревол.[юционное] и загр.[аничное]
<i>наци</i>	40-е годы: БАС-1
<i>промотер</i>	<i>промотор</i> : И-64
<i>ракитир=рэкеттер</i>	МАС-1
<i>рестлинг</i>	<i>реслинг</i> : НС
<i>солидаризм</i>	70-е годы [БСЭ-2]
<i>туид</i>	<i>твид</i> : Орф-74
<i>уикэнд</i>	середина 60-х годов [Крысин 1968]
<i>функционер</i>	СУ: нов.[ое] загр.[аничное]; ср. актуализацию: ТСРЯ 1998: 655-656.

Сокращения: БАС-1 – Словарь современного русского литературного языка. Т. 1-17. М.-Л., 1950-1965; БСЭ-2 – Большая советская энциклопедия. Т. 1-30. М., 1969-1978; И-64 – Словарь иностранных слов. М., 1964; И-79 – Словарь иностранных слов. М., 1979; МАС-1 – Словарь русского языка. Т. 1-4. М., 1957-1961; НС – Новые слова и значения: Словарь-справочник (по материалам прессы и литературы 60-х годов) / Под ред. Н.З. Котеловой, Ю.С. Сорокина. М., 1971; Ож-73 – Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1973; Орф-74 – Орфографический словарь русского языка. М., 1974; СУ – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1-4. М., 1935-1939; СЭС – Советский энциклопедический словарь. М., 1979; ТСРЯ – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складневской. Спб., 1998.

Выводы:

1. Тематическая классификация лексических варваризмов позволяет установить наиболее проницаемые зоны для заимствования. Тематика заимствований, представленная в нашем материале, близка к классификации Д. Эндрюса, предложившего семантическую типологию варваризмов в речи третьей волны эмиграции (в США). Практически совпадающие семантические типы лексических варваризмов в нашей работе и монографии Д.

Эндрюса – свидетельство языковых универсалий в сфере заимствований, независимо от периода эмиграции.

2. Проникновение варваризмов в русскую эмигрантскую публицистику осуществлялось в следующих тематических зонах: а) профессиональные номинации (преимущественно рабочие профессии, занятия; ресторанное обслуживание); б) общественно-политическая лексика (особенно активно инкорпорировались понятия фашистской идеологии; оценка их была зачастую диаметрально противоположна в разных эмигрантских группах); в) сфера развлечений, культуры; г) спортивная область (преобладают, как и следовало ожидать, английские заимствования, что было связано с интернационализацией английской спортивной терминологии); д) технические номинации немногочисленны, но показательны и свидетельствуют о сосуществовании двух тенденций: сохранении старых, дореволюционных, номинаций и проникновении новых (радио, кино, телевидение); е) бытовые обозначения (прежде всего из французского языка).
3. Вариативность – неотъемлемое свойство, сопровождающее процесс заимствования на графико-орфографическом, морфологическом, лексико-семантическом уровне. Заметно иноязычное влияние (категория числа, рода), вызывающее грамматическую трансформацию старых заимствований.
4. Непосредственное языковое контактирование, отсутствие идеологических сдерживающих и селективных факторов способствовали более раннему проникновению некоторых иноязычных лексических элементов в эмигрантский узус, чем в русский язык метрополии.

4.0. Кальки

Процессы активного проникновения калек в язык русских эмигрантов всех волн уже неоднократно становились объектом наблюдения, описания и систематизации, поскольку они (кальки) часто "режут" слух (глаз) как исследователю, так и, при авторечевой рефлексии, наиболее пронизательным и чутким к языку эмигрантам [Kouzmin 1982; Andrews 1990; 1999; РЯЗ 2001; ЯРЗ 2001; Земская 2004; Зеленин 2004; и др.]. Структурно-языковые особенности каждого конкретного языка оказывают существенное влияние на заимствование вообще и калькирование в частности; выяснилось, что разные языки неодинаково реагируют на языковые контакты, исходя из их (языков) собственной внутренней структуры и наличного словообразовательного инвентаря и лексического фонда. Уже в начале 30-х годов 20 в. Б. Унбегаун пришел к любопытному выводу, что калькирование оказывается преимущественным способом освоения иноязычного материала для тех языков, в которых сильно развиты словообразовательная деривация и словосложение (напр., немец-

кий). В немецком языке предпочитают чаще калькировать, чем заимствовать; в отличие от него, французский язык слабо использует калькирование; русский язык, как считал Б. Унбегаун, относится к "промежуточным" языкам, в которых развиты как калькирование, так и заимствование [Unbegaun 1932: 22]. Разумеется, нельзя абсолютизировать эти процессы и резко разделять и даже противопоставлять их и сводить влияние одного языка на другой либо к калькированию, либо к заимствованию, так как в разные исторические эпохи их соотношение меняется. Так, "в XVIII в. процесс калькирования иноязычных слов (особенно латинских и немецких) занимал [...] очень значительное место в ходе пополнения словарного запаса русского книжного языка. Напротив, прямое заимствование, особенно во вторую половину века, было более ограниченным. В XIX в., особенно с 30-40-х гг., случаи калькирования [...] не могут, однако, в количественном отношении быть поставлены в один ряд с явлениями прямого заимствования: число прямых заимствований явно и очень значительно превышает общее количество калек" [Сорокин 1965: 167; см. также обзорную теоретическую работу: Кондрашов 1989: 101-106; интересный опыт словаря калек (с вступительной статьей) в послепетровское время представлен в: Арапова 2000].

У. Вайнрайх, один из основоположников теории языковых контактов, также отметил аналогичный факт: одни языки в результате языкового контактирования предпочитают "чистые" заимствования для восполнения "лексического дефицита"; другие языки обращаются к системным и структурным возможностям речевой материи (напр., венгерский, исландский, финский) и предпочитают калькирование, так как "в языках типа венгерского и иврита, где звуковая оболочка слов гораздо более строго кодифицирована, чем, скажем, в английском или французском языках, заимствованное слово будет поневоле резко выделяться на фоне слов родного языка, если его оболочка не подвергается радикальному изменению" [Вайнрайх 1972: 46]. Калькирование – это построение лексических единиц в языке-реципиенте по модели соответствующих слов-прототипов в языке-доноре путем:

- а) перевода значимых частей (морфем);
- б) трансплантации отдельного значения и его инкорпорирования в семантическую структуру уже существующей в принимающем языке лексемы;
- в) трансфера синтаксических моделей в язык-реципиент.

Относительно процессов калькирования в языке эмигрантов вывод исследователей таков: "кальки возникают в речи эмигрантов активнее и раньше, чем заимствования" [ЯРЗ 2001: 122]. Почему механизм калькирования для русских в иноязычном окружении более предпочтителен, чем прямое заимствование? Ответ коренится в нескольких причинах – как психологических аспектах билингвизма/мультилингвизма, так и внелингвистических (прежде всего пуризма как способе защиты родного языка, находящегося в иноязычном окружении, от явных иностранных элементов). При калькировании про-

цессы внедрения элементов чужого языка в русский для самого говорящего не столь очевидны, редко замечаются и осознаются говорящим. Уже в первых отечественных работах о языке русской эмиграции высказывалось мнение, что "явления интерференции в разговорной речи были значительно разнообразнее, нежели в письменных стилях и жанрах, где закреплённость норм поддерживала известную устойчивость" [Грановская 1995: 92]. Это справедливое суждение было подкреплено множеством подтверждающих и выразительных примеров [РЯЗ 2001; ЯРЗ 2001; Земская 2004; Зеленин 2004; Русскоязычный человек 2004; и др.].

В лингвистической литературе выделяют обычно несколько видов калек: семантические, словообразовательные, синтаксические. Рассмотрим подробнее их типологию на материале эмигрантской прессы.

4.1. Словообразовательные калки

Изучая язык русской эмиграции, Е.А. Земская на основании собранных ею материалов констатировала отсутствие словообразовательных калек в эмигрантской речевой практике, высказав предположение, что для "русского языка второй половины XX в. [они] нехарактерны", поскольку "их расцвет приходится на язык XVIII – начала XX веков" [Земская 2004: 421]. Мы можем поддержать вывод Е.А. Земской о нетипичности словообразовательного калькирования в эмигрантском узусе. В книжных стилях языка словообразовательные калки возникают легче и естественнее, чем в устной некодифицированной речи, так как возможность визуальной оценки удачности/неудачности поморфемного перевода иноязычного слова на русский язык многократно выше, чем при аналогичном оценивании новообразования в спонтанной, живой, не столь контролируемой индивидом речи. Гипотетически кажется, что язык публицистики предоставляет самое благоприятное поле экспериментов со словообразовательными калками для выражения новых понятий. Однако на деле мы видим опровержение этой гипотезы: словообразовательные калки единичны. Их функционирование в эмигрантской прессе диктуется:

1. либо традицией (*ввоз – вывоз*),
2. либо отсутствием слова в дореволюционном русском кодифицированном языке (*штрейкбрехер*),
3. либо потребностью назвать новые понятия (*комнатонаниматель, радиоотправитель, полугодовка*).

Проиллюстрируем это на конкретных примерах.

1. Старая экономическая калка *ввоз – вывоз* (очевидно, из нем. *Einfuhr – Ausfuhr*) в русском советском языке 20-30 гг. вытеснялась новыми заимствованиями из английского языка *импорт – экспорт* (англ. *import – export*).

Терминологизация иностранных слов была вызвана не в последнюю очередь многозначностью русских слов; напротив, иноязычные термины обладали семантической однозначностью и функционально-стилистической ограниченностью (экономическая сфера) [Крысин 1968: 87]. В эмигрантском узусе можно наблюдать сосуществование как старых калек, так и новых заимствований, но все-таки с преобладанием первых, уже органично вошедших в лексическую систему русского языка. Ср.:

... советский *вывоз* последние года составляет 37 проц.[ентов] довоенного *вывоза*, а *ввоз* 28 проц.[ентов] довоенного *ввоза*. (Дни. 1926. 19 нояб. № 1163)

... Германия является страной, *вывоз* девизов из которой затруднен. Поэтому ей очень трудно конкурировать на иностранных рынках со странами со свободной валютой. (Сигнал. 1939. 15 мая. № 55)

Внутреннее экономическое положение во Франции очень хорошее. Ее *ввоз* и *вывоз* увеличились в значительных размерах, а урожай в этом году был отличный. (Огни. 1924. 28 янв. № 4)

Мы, конечно, стараемся и культурных варягов выписывать для консультации и руководства, мы и машины и материалы хорошего качества покупаем, но беда в том, что за границей платить не нашим малокровным рублем, а долларом. Приходится ради него *вывозить* не только нефть, но и продукты сельского хозяйства .. подешевле, так называемым дэмпингом [sic]. (Голос России. 1931. 1 окт. № 3)

Народ! Не давай себя морить, не выпускай своего добра за границу. Разбивай и забирай все, что назначено к *вывозу*. Где не можешь, уничтожай: не себе, так и никому. Вставай против треклятой красной власти. (Рус. правда. 1930. июль-авг.)

Почему еще на днях в советских газетах растленные перья утешали читателя, что Россия получит машины, локомотивы и т.д. в обмен на золото, которое советской республике не нужно..., а спустя несколько дней советский декрет объявляет, что концессионерам предоставляется .. *вывозить* из России часть продуктов? (Руть. 1920. 2 дек. № 14)

Использование слов *импорт*, *экспорт* (и их производных) в количественном отношении значительно уступает лексемам *ввоз*, *вывоз*, причем характерно, что новые заимствования встречаются чаще всего в ссылках на советские источники. Влияние английского источника (*импорт* – *экспорт*) на эмигрантский узус, на наш взгляд, минимально. Ср.:

Неоднократно советская печать заявляла, что *экспортно-импортные* возможности определяют промышленное развитие в советской России. (Дни. 1926. 19 нояб. № 1163)

Д.И. Густов был выслан с французской концессии после того, как был совершен ряд террористических актов против советских организаций; на него пало подозрение властей. Бомбы были брошены в контору "Интуриста", в советский клуб и консульство, в союз возвращенцев, в квартиру инженера Друри и "Экспортхлеб". (Возрождение. 1939. 7 июля. № 4191)

Неспособность сломить упорство деревни, совершенно ликвидировавшее экспорт хлеба за границу и поставившее под серьезную угрозу и внутренний рынок, привела советскую власть к молниеносному насаждению коллективных хозяйств – колхозов. (Руль. 1930. 1 янв. № 2766)

импортированные консервы [реклама] (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35)

Слова *импорт*, *экспорт*, в числе прочих, попали в список тех иноязычных слов, составленный братьями Волконскими, как подлежащих изгнанию из русского языка и замене "русскими" семантическими эквивалентами *ввоз*, *вывоз* [Волконский & Волконский 1928: 52]; но на деле, заметим мы, – семантико-словообразовательными кальками.

2. Словообразовательная калька *стачколом* возникла как поморфемный перевод нем. *Streikbrecher* (букв.: *Streik* "стачка", *brechen* "ломать" > *Brecher* – агентивное существительное). Варваризм *штрейкбрехер* проник в период революции в общее употребление из профессионального жаргона революционеров [Мазон 1920: 17], куда в свою очередь попал из немецкого рабочего жаргона, очевидно, через польский¹; впервые слово фиксируется в СУ. Эмигранты могли не знать этого жаргонно-революционного слова и поэтому прибегли к структурному калькированию немецкого прототипа. "При создании словообразовательной кальки возникает новое слово. Его новизна носит двойкий характер. Во-первых, появляется некое новое значение. Во-вторых, для его выражения создается новый, не существовавший ранее в языке, звуковой комплекс" [Арапова 2000: 25].

2-го мая 1886 г. вблизи фабрики "Мэк Кормик" [в Чикаго. – А.З.] произошла схватка между стачечниками и *стачколками*, которая, по всей вероятности, окончилась бы без кровопролития. (Анархич. вестник. 1923. № 5-6)

3. Пребывание в иноязычном и инокультурном окружении, знакомство эмигрантов с новыми денотатами практически не вызвало у эмигрантов потребности словообразовательного калькирования. Исключением могут служить два калькированных слова: *комнатонаниматель* и *радиоотправитель*. Первое слово – калька с нем. *Zimmermieter* (*Zimmer* "комната", *Mieter* "съёмщик, квартирант"). Его появление обусловлено двумя причинами: а) частотностью иноязычного прототипа в быту и лексиконе эмигрантов, б) наличием модели типа *квартиросъёмщик*, *квартиронаниматель*, *квартирохозяин*² в дореволюционном языке (также более ранних калек с немецкого):

Права *комнатонанимателей* в Берлине. (Дни. 1925. 4 февр. № 682)

Полукалькой является существительное *радиоотправитель* как перевод нем. *Radiosender*: первая часть – ранее заимствованный русским языком морф, ос-

¹ Краткая, но выразительная справка об истории данного слова приведена в: [Лехикойнен 1990: 164].

² Все они отмечены в СУ.

тающийся без перевода, вторая часть передает немецкий прототип (senden "посылать" > Sender). В 20-30-е годы в русском языке возник ряд слов с компонентом *радио-*, переведенных (в подавляющем большинстве) с немецкого и (реже) французского языков [Арапова 2000: 203-204]. В принципе, словообразовательной калькой данного немецкого прототипа является зафиксированное в СУ слово *радиопередатчик*; таким образом, можно говорить о параллельном и непересекающемся процессе словообразовательного калькирования в русском языке метрополии и эмигрантском узусе. Выбор семантического эквивалента (*отправитель* или *передатчик*) для перевода второго компонента немецкого слова-источника (-sender) строго не предопределен и допускает известную степень лексической свободы.

Испанское правительство заказало в Германии несколько *радиоотправителей*. Предполагается сильно развить испанскую радиофонию. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

Создавались словообразовательные кальки тех иноязычных прототипов, у которых в русском языке были лексические соответствия, выраженные обычно аналитически, описательно, напр., дериват *полугодовка* (англ. semi-annual, half-yearly), образованный при помощи суффикса *-к(а)*, ср. рус. *полугодовой период*. Появление словообразовательной кальки в этом случае можно объяснить действием механизма языковой экономии.

6-го июля состоялось отчетное собрание парижских очагов Союза Младороссов по случаю окончания работы первой *полугодовки* младоросской работы в 1932 г. (Младоросская искра. 1932. 12 июля. № 20)

Иногда калькировались сложные слова (преимущественно из немецкого), семантика которых в русском языке могла быть выражена несколько иначе: *равносильная игра* (нем. ein gleichwertiges, ein gleichkraftiges Spiel) вместо узальных русских выражений *игра на равных*, *равная игра*:

В первом хавтайме игра была *равносильна* и дала результат 14:13 в пользу Таллинна. (Вести дня. 1940. 5 февр. № 29)

Итак, словообразовательные кальки крайне редко встречаются в эмигрантском узусе: как в устной речи, так и в книжно-письменной (публицистика) сфере языка. Немногочисленные случаи словообразовательного калькирования, содержащиеся в нашем корпусе, свидетельствуют о непродуктивности данного типа калек в эмигрантском речевом обиходе. Они возникли как потребность назвать понятия (преимущественно жилищно-бытовые или технические), отсутствующие в языковом и интеллектуальном багаже людей, покинувших страну в годы гражданской войны. Изредка словообразовательное калькирование могло происходить и в некоторых тематически замкнутых сферах (напр., спорт). Также можно говорить о сохранении в языке эмигран-

тов старых словообразовательных калек, в русском советском языке заменяемых более специализированными в семантическом отношении лексемами.

4.2. Семантические калки

Изучая речь русскоязычных в США и проникновение в нее иноязычных элементов, М. Полински пришла к выводу, что заимствования и семантические калки легче и проще проникают в речь образованных людей, интеллигенции, интеллектуалов (*intellectuals*), нежели менее образованных (*non-intellectuals*) ([Andrews 1999: 53] со ссылкой на работу [Polinsky 1994: 12]¹). Это разбиение респондентов на две группы М. Полински отражает, очевидно, не столько американскую языковую и социокультурную или стратификационную реальность, сколько советскую, где противопоставление интеллигенции другим слоям населения в послесталинский период, особенно начиная с 60-х годов 20 в., было достаточно популярным тезисом в кругах интеллигенции для обоснования и институционализации своего статуса, своих интеллектуально-культурных запросов относительно класса рабочих и крестьян. Д. Эндрюс не согласился с категоризацией, предложенной М. Полински, и ее утверждением о преимущественном возникновении калек и явлений интерференции в речевой практике интеллектуалов (интеллигенции); по его мнению, язык эмигрантов-интеллектуалов не более подвержен, открыт интерференции или калькированию со стороны английского языка, чем язык "простых" людей, хотя первые и относятся более критически к заимствованиям вообще [Andrews 1999: 95]. Многочисленные примеры семантических калек приведены, напр., в: [ЯРЗ 2001: 121-122, 456 и сл.; РЯЗ 2001: 52-53].

Семантическое калькирование обычно негативно оценивается исследователями ("калькирование – явление, .. можно сказать, агрессивное", "это .. тайный переодетый враг, а не явный грабитель, который ломится в дом" [Земская 2004: 421]), поскольку чаще всего свидетельствует: а) о слабости индивидуальной языковой базы говорящего, т.е. недостаточности средств собственного (родного) языка для выражения того или иного понятия, или б) просто о нежелании, лени подыскать эквивалент, синонимическую замену иноязычному слову или значению. При семантическом калькировании происходит инкорпорирование нового значения в семантическую структуру лексемы. Н.С. Арапова делает важное уточнение: "при семантическом калькировании заимствуются только переносные значения слова" [Арапова 2000: 25].

Признаками семантической калки являются:

1. резкое, скачкообразное изменение значения, не мотивированное предшествующим развитием смысловой структуры слова;
2. семантическая реставрация архаического значения слова для выражения нового понятия;

¹ Эта упоминаемая Д. Эндрюсом статья М. Полинской была нам недоступна.

3. особые способы дистрибуции значений в семантической структуре слова;
4. метаязыковые высказывания современников (преимущественно пуристов) о заимствованном характере того или иного значения [Арапова 2000: 25-30].

Из приведенного перечня критериев распознавания, идентификации калькированного значения в структуре слова нетрудно заключить, что очень часто калькирование не может осознаваться говорящим, поскольку идентификация индивидом семантической кальки предполагает достаточно основательные филологические знания или острое языковое чутье. Естественно, этими качествами обладают далеко не все люди, пользующиеся языком как в метрополии, так и в диаспоре; точнее сказать – наименьшая (или даже ничтожная) часть.

Семантические кальки в исследуемом корпусе эмигрантских газет представлены широко. С целью выяснения тематических (идеографических) зон семантического калькирования, т.е. наиболее подверженных языковой коррозии и семантическому трансферу, мы представим их в виде тематических блоков.

1. обозначение общественно-политических реалий. Это одна из наиболее открытых сфер для проникновения семантических калек, что объясняется функциональным сходством лексического состава публицистики в разных странах и выработке на основе этого функционально-семантической близости, интернационализации значений многих слов публичного лексикона. Очень много семантических калек встречается в официальной терминологии:

- сфера управления, властных отношений и структур: *главный секретарь* (нем. Hauptsekretär), *деловой кабинет* (Geschäftsregierung), *занятия* Сената (франц. occupations "дело, работа, деятельность"), *кабинетный кризис* (нем. Kabinettkrise), парламентские *каникулы* (франц. vacances parlementaires), *конструкция* власти (нем. Konstruktion), *сконструирование* правительства, *сконструировавшееся* правительство (франц. construire "создавать"), *дело скомбинировано* (франц. combiner "соединять, комбинировать"), *Палата Депутатов* (франц. La Chambre des députés, англ. The Chamber of Deputies):

Накануне созыва дальневосточного Народного Собрания встал резко вопрос о *конструкции* власти. (Воля России. 1920. 19 сент. № 7)

Второе дело особенно сложно было *скомбинировано*: заплочных дел мастера обвиняли левых с.[оциалистов]-р.[еволюционер]-ов [sic] и анархистов в налетах и старались их выдать за налетчиков и вместе с налетчиками судили. (Анархич. вест. 1924. № 7)

Конгресс [США] распущен на "*каникулы*" до января 1934 года. (Младоросская искра. 1933. 15 авг. № 32)

Сенат [в Риме] начнет свои *занятия* раньше. (За свободу. 1925. 3 янв. № 2 (1406))

Канцлер Маркс вчера был два раза принят президентом Эбертом, с которым беседовал о кабинетном кризисе. [...] Большинство газет предвидит образование *делового кабинета*. (За свободу. 1925. 3 янв. № 2 (1406))

Эмигранты заимствовали переносное значение слова *номенклатура* (нем. *Nomenklatura* из франц. *nomenclature* "список должностных лиц; господствующий социальный слой") и уже в 30-е годы использовали для именованя советской руководящей верхушки. Слово *номенклатура* в значении "руководящие кадры"¹ впервые появляется в русском языке метрополии в 60-е годы 20 в. с нейтральной прагматикой [НСЗ 1971: 320], в 80-90-е годы, в перестроечное время, термин приобрел пейоративную окраску² [ТСРЯ 1998; см. об этом термине также: Ром-Миракян 1996: 94].

... официальные [sic] и общественно-литературные турнюры теперешней Русской *номенклатуры*. (Младоросская искра. 1933. 5 янв. № 26)

Под иноязычным влиянием изменялись уже привычные словосочетания-термины, в русском языке функционирующие в определенной форме; так, оказалось вновь переведенным словосочетание *рабочие классы*, причем во множественном числе, как французский прототип *classes ouvriers*, в то время как в кодифицированном русском употреблении термин был *sing. tantum*. Содержание французского понятия шире (*classes ouvrières* – это скорее группы, объединения, союзы трудящихся, промышленных рабочих³), чем более абстрактное по смыслу русское терминологическое соответствие *рабочий класс* (впрочем, являющее калькой с нем. *Arbeiterklasse*).

Цель борющегося труда – достижение свободы, социальной независимости и удовлетворения своих потребностей теми средствами существования – хлебом, одежей [sic], жилищами и культурой – которые в современном народном хозяйстве вырабатываются *рабочими классами*. (Анархич. вестник. 1923. № 2)⁴

Ср. в том же издании использование термина *рабочий класс* в форме *singularia tantum*:

¹ В 20-30-е годы слово было известно только в специальном значении. Ср. в СУ: *Номенклатура*, -ы, ж. (латин. *nomenclatura*) (книжн.). Совокупность употребляемых в какой-н. специальности названий. Номенклатура медицинская, географическая, телеграфная и т. д.

² Ср. переведенную на многие языки и широко известную эмиграции книгу "Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза" М. Восленского. В годы перестройки она была опубликована и в СССР/России, что оказало несомненное влияние на процесс инкорпорирования нового, пейоративно окрашенного, значения в постсоветский дискурс.

³ Ср., напр.: Levasseur P. Histoire des *classes ouvrières* [выделено нами. – А.З.] et de l'industrie en France avant 1789. T.1-2. Paris, 1900-1901.

⁴ Сохраняем знаки препинания оригинала.

И в Германии, и во Франции страдающей частью всегда является *рабочий класс*, с которого дерут шкуру имущие классы обеих стран. (Анархич. вестник. 1923. № 5-6)

Оказались заимствованными новые значения французских *président* "председатель", *vice-président* "заместитель председателя", которых ранее в русском языке не было. Таким образом, семантическая структура ранних заимствований *президент*, *вице-президент* в русском эмигрантском узусе расширилась.

Начинается торжественное заседание, посвященное Дню Православной Культуры и св. Владимиру – покровителю Русской Фашистской партии. За столом президиума размещаются: *президент* партии ген.[ерал] В.Д. Космин, *вице-президент* Н.П. Меди, *главный секретарь* К.В. Родзаевский.. (Младоросская искра. 1933. 15 авг. № 32)

- сфера межгосударственных отношений: *открытая дипломатия* (франц. *diplomatie ouverte*, англ. *open diplomacy*, нем. *offene Diplomatie*), *политика открытых дверей* (франц. *politique de la porte ouverte*, англ. *open door policy*):

Кроме договора об ограничении морских вооружений, были приняты еще так называемый "договор четырех держав"¹ о сохранении "status quo" в районе Тихого океана и "договор девяти держав"², впервые сделавший американский принцип "*политики открытых дверей*" в отношении Китая предметом определенного международного соглашения. (Дни. 1925. 28 янв. № 676)

... выступая на собраниях и в печати, тысячи благонамереннейших политиков клялись в пацифизме и превозносили Лигу Наций, пакт Келлога, предложения о разоружении, *открытую дипломатию*, каждую очередную конференцию как путь к установлению мира всего мира³. (Руль. 1930. 25 марта. № 2836)

- сфера военных денотатов: *союз красных рубашек* (нем. *Rothemden* "красные рубашки; повстанцы (первоначально – сторонники Гарибальди, носившие красные рубашки)", страны *Согласия* (франц. *entente*), *главная квартира*⁴ Колчака (нем. *Hauptquartier*), *концентрационный пункт* (нем. *Konzentrationspunkt* "место сосредоточения, дислокации").

Предполагается, что Гельсингфорс будет *концентрационным пунктом* экспедиционного корпуса в 50,000 человек, целью которого является взятие Петрограда. Французские военные суда крейсируют перед Гельсингфорсом. (Голос Родины. 1919. 1-14 мая. № 264)

¹ Имеется в виду договор, заключенный в Вашингтоне в 1921–1922 гг. между четырьмя странами (Англией, США, Францией, Японией) о защите их территориальных прав на Тихом океане.

² Имеется в виду договор девяти стран (Англии, Бельгии, Голландии, Италии, Китая, Португалии, США, Франции, Японии), содержащий доктрину "открытых дверей" в Китае.

³ Очевидно, субституция в языковом сознании автора требуемого (по стилистике и контексту) выражения *мир во всем мире* (калька с франц. *la paix dans le monde*) и фразы из одноименной молитвы *мир всего мира*.

⁴ Это старая калька. Есть и в СУ: *Главная квартира* (воен.) – штаб, ставка верховного командования.

Очень часто на страницах эмигрантских газет использовалось терминологическое словосочетание *концентрационный лагерь*¹ = *концлагерь* (нем. Konzentrationslager) = *изоляционный лагерь* (единичные случаи) применительно к советским тюрьмам, местам заключения.

Четыре года назад среди русских в эмиграции появляется группа людей, принадлежащих к одному и тому же семейству. [...] Очутившись среди русских эмигрантов, эти беглецы сделали заявление, что все они служили на привилегированных должностях у большевиков.; что они имели дело гл.[авным] обр.[азом] с чекистами; сотрудничали в большевицких [sic] изданиях.; что они являются отчаянными контрреволюционерами, за что и попали в *концентрационный лагерь*. (Рус. голос. 1939. 26 февр. № 412)

Автор на самом себе испытал и высылку в места отдаленные и каторжный труд на лесных заготовках и тюремное сидение под "гостеприимным кровом" ГПУ и прелести пребывания в *концентрационном лагере*, откуда ему, наконец, удалось бежать. (Рус. голос. 1939. 1-14 янв. № 406)

В местных [латвийских] газетах печатаются длинные статьи о тех насилиях, которые большевистские заправилы творят над беженцами. Ставятся беженцам всякие препятствия к их отъезду на родину, вплоть до заключения в тюрьму и *концентрационные лагеря*, так что очень часто приходится вмешиваться латвийскому представительству в Москве, чтобы осадить чересчур ретивых агентов Чека. (Руль. 1920. 1 дека. № 13)

Все это путешествие от Архангельска до Холмогор – сперва на пароходе, а затем на лошадях по болотам; этот монастырь, который превращен в *концлагерь*; зверские лица белых офицеров и чекистов, охраняющих заключенных, – все это произвело на меня впечатление могилы, в которую брошены люди для медленного умерщвления... (Анархич. вестник. 1923. № 5-6)

Лиза, однако, благополучно бежит из Одесской тюрьмы, а Меккель, попав в *концлагерь*, в первый же день там сильно избивается и – вследствие шума, поднятого по этому поводу Одесским Черным Крестом, а также ввиду последовавшей в скором времени ликвидации концентрац.[ионных] лагерей, – вовсе освобождается. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

... мест заключения, *изоляционных лагерей*, переправок арестованных в стране диктатуры коммунистов более чем достаточно. (Голос России. 1931. 1 сент. № 2)

Следствие подтвердило, что нападение в Койюакане, предместье Мексико, было произведено группой в 60 коммунистов, принадлежащих к *союзу красных рубашек*. (Возрождение. 1935. 2 янв. № 3500)

Главная квартира Колчака сообщает 27-го сентября: к северу от Тобольска наша речная флотилия потопила большевистский пароход. (Возрождение. 1919. 5 окт. № 80)

Происходили малозаметные на первый взгляд, но важные семантико-прагматические трансформации в понятии «гуманный». В русском языке 19 – начала 20 в. сосуществовали старые лексико-семантические (с греческого) кальки

¹ Есть в СУ с пометой *офиц.[иальное]*.

человеколюб, *человеколюбивый* наряду с новыми (из латинского источника) заимствованиями *гуманный*, *гуманист*, *гуманитарный*; в эмигрантском дискурсе, как и в русском языке метрополии, первые выходили из употребления, заменяясь латинскими соответствиями. Причина этого не только стилистическая (примеры в эмигрантской прессе показывают вполне нейтральное использование старых калек¹), но и, видимо, семантическая и прагматическая: слово *человеколюб(ивый)* обладает более насыщенной (интенсифицирующей) прагматикой, заключенной в корнях (*человек*, *любить*), чем иноязычные заимствования с более общим по семантике корневым элементом *human* "человек, индивид", *humanist* "расположенный, благосклонный к другому человеку; уважающий права другого человека". Итак, в старой кальке *человеколюб(ивый)* и новом заимствовании *гуманный* наблюдается различная конфигурация структурирующих сем. См. цитаты, где использована старая калька:

Как известно, ряд *человеколюбивых* организаций в разных странах постоянно протестуют против фашистского террора. Мы имеем теперь все основания предложить им обратить, наконец, свое благосклонное внимание на количество заключенных в коммунистических тюрьмах, концлагерях и застенках. (Младоросская искра. 1933. 5 янв. № 26)

Дело представляли так: те, кто, утверждая, что вот-вот начнется разоружение и будет обеспечен вечный мир, – те *человеколюб*ы и хотят мира; а те – кто не верил в эту словесность.., – те милитаристы, империалисты и вообще злодеи человечества. (Руль. 1930. 25 марта. № 2836)

Ср. цитаты с заимствованиями *гуманный* – *гуманитарный* – *гуманист* – *гуманизм* – *гуманность*:

Не может меньшинство лучших, наиболее *гуманных*, просвещенных и сознательных людей быть поработенными большинством, т.е. массой народной, живущей первобытными, человеконенавистническими, шкурными и низменными инстинктами, алчными, животными, корыстными побуждениями и вождениями... (Призыв. 1919. 7 (23.9) окт. № 77)

... мы живем в роковое, проклятое время, когда .. на место высоких, *гуманитарных*², альтруистических идеалов провозглашаются лозунги зла, насилия, злодейства, преследования и убийства всех инакомыслящих. (Призыв. 1919. 7 (23.9) окт. № 77)

... анархисты и революционеры, а также и некоторые *гуманисты* пытаются сделать, что могут; но голоса их не находят соответствующего резонанса и не долетают до масс. (Анархич. вестник. 1923. № 5-6)

¹ Ср. в СУ при слове *человеколюбивый* ограничительно-прагматическую помету *книжн.[ое]* *устар.[елое]*.

² Налицо явное семантическое неразличение паронимов *гуманный*, *гуманистический* и *гуманитарный*. В русском языке метрополии слово *гуманитарный* в значении "связанный с правами и интересами человека, обращенный к человеческой личности" появилось намного позже. В СУ отмечено только одно значение прилагательного – "относящийся к циклу наук о человеке и культуре (в противоп. [оложность] наукам о природе)".

Революция 17 года мощной волной всколыхнула страсти и надежды близорукых. Вместе с проповедниками *гуманизма*, права и свободы в условиях войны она выкинула на поверхность вековые накопления преступной мути, кровавой ненависти, зависти, страшного невежества – и отсюда имперского развала. (Единый фронт новой России. 1936. 19 янв. № 19)

... статс-секретарь Ватикана кардинал Пачелли, по поручению папы, сообщил сенату будапештского университета, что папа вступился за гонимых русских не только во имя религии, но и во имя *гуманности* и цивилизации. (Руль. 1930. 25 марта. № 2836)

В советском дискурсе данное понятие попало в разряд политико-идеологической оценочной лексики. Уже в первые годы революции С.И. Карцевский (а к концу 20-е годы и А.М. Селищев) отмечал снабжение в советских газетах многих ключевых понятий публицистического и политического поля идеологическими уточнителями *белый, красный, советский, социалистический, империалистический, буржуазный, царский* и под.; как уже отмечалось выше, Карцевский этот семантико-прагматический процесс в языке послереволюционного времени называл "партикуляризацией значения слова", т.е. расщеплением его на идеологически окрашенные семы и чрезмерной эксплуатацией одной/нескольких из них. Так, слово *гуманист* (и все словообразовательное гнездо) в советской прессе для выражения прагматики обычно маркировалось или кавычками (т.е. графическими средствами отстранения денотата), или контекстным содержанием, или определениями. Ср. несколько цитат из советских газет того времени:

Агентами сибирского правительства и некоторыми представителями "дружественных" держав распространяются слухи о чрезвычайно *гуманном* обращении с арестованными во Владивостоке советскими деятелями. (Дальне-Восточные Известия¹. 1918. 6 авг.)

Но не только в качестве своей личности, но и в своем учении, во всем содержании своей революционной борьбы Ленин был *величайшим гуманистом* в наиболее глубоком и подлинном смысле этого слова. (Изв. 1938. 21 янв.)

Социалистический гуманизм является высшим, *качественно новым типом гуманизма*, венчая собой все историческое развитие гуманистических идей прошлого. (Изв. 1938. 21 янв.)

Сталин – это простой советский человек. И эту великую черту вождя народов – его *гуманизм*, его человеческую близость всем простым людям, это величайшее соединение качеств народного вождя и человека из народа просто и ясно выразил в одной из песен Джамбул.. (Пропагандист и агитатор РККА. 1939. № 23)

2. сфера экономических понятий. Эта зона представляет также одну из самых обширных в нашем корпусе. Эмигранты внимательно следили за экономическими процессами, протекавшими в мире капитала, участвовали в биржевых сделках, реагировали на колебания курсов валют. Во-первых, некоторые

¹ Сохраняем орфографию названия источника.

люди владели акциями иностранных фирм, купленными в России еще в дореволюционное время, до отъезда из страны. Во-вторых, русские акции и после революции продолжали свой экономический кругооборот на европейском рынке, участвовали в биржевых операциях. Экономическая хроника во многих эмигрантских газетах, освещавших различные аспекты мирового рынка, была постоянной рубрикой. Поэтому и неудивителен чуткий и быстрый отклик эмигрантского узуса на новые понятия и термины, использовавшиеся в иностранных языках, но отсутствовавшие в русском. Самой большой группой семантических калек, представленных в нашем материале, являются экономические термины; калькированное значение накладывалось на значения, уже существовавшие в тех или иных лексемах, в результате чего происходило усложнение, расширение семантической структуры слова. Приведем достаточно обширный перечень калькированных значений: *ввести в кулису*, *акции в кулисе* (франц. coulisse "неофициальная, "черная" биржа"), *в паркетe* (франц. parquet "место на бирже для маклеров; собрание биржевых маклеров"), *приход* (очевидно, старая калька с нем. Einkommen "приход, доход"), *вывоз девизов* (франц. devise "валюта"), *девизные курсы* (франц. cours de devises), *акции слабо* (англ. weak "слабый"), *свободная валюта* (нем. freie Devisen), *вывозные премии* (нем. Exportprämie), *международный транспорт* (англ. international traffic), *страховые премии* (нем. Versicherungprämie), *привилегированные акции* (франц. action de préférence, англ. preferred stock), *контрольный пакет акций* (англ. control packet of shares), *чеки без перемен* (франц. cheques inchangé), *по уменьшенным ценам* (франц. à prix réduit), *очистка от пошлины* (англ. bank clearing), *понижательная тенденция* (нем. fallende Tendenz, англ. declining tendency), *потеря прав состояния* (франц. déchéance des droits civils), биржевой *сеанс* (франц. seance "торговая сессия, торги"), *твердое настроение валюты* (англ. good tone, show a good tone "быть устойчивым (о ценах)", франц. monnaie stable):

К концу биржи котировались:

В паркетe: трехпроц.[ентная] рента 56,65 (пл.[юс] 0,15), Банк де Франс 15 895 (пл.[юс] 295)..

В кулисе: Гольфильдс 331, 50 (пл.[юс] 0,50), Камбоджа 351 (м.[инус] 18)..

Русские ценности *в паркетe* и *кулисе*: Заем 1906 г. 18,80 (м. 0,60), Консолидир.[ованный] четырехпроц.[ентный] заем 20,95 (п. 0,45).. (Возрождение. 1927. 4 окт. № 854)

... Германия является страной, вывоз *девизов* из которой затруднен. Поэтому ей очень трудно конкурировать на иностранных рынках со странами со *свободной валютой*. (Сигнал. 1939. 15 мая. № 5)

К держателям страховых полисов, которые вследствие эмиграции из России не могли больше платить *страховых премий*. [объявление] (Дни. 1925. 1 февр. № 680)

Т-во [товарищество. – А.3.] *Междунар.[одного] Транспорта* и Товарных Складов. Экспедиция, *очистка от пошлины*, хранение, страхование, инкассо, ссуды под товар. (Сегодня. 1930. 12 янв. № 12)

В первой части *сеанса* наблюдалось продолжающееся понижение иностранной валюты, которое, однако, в конце сеанса сменилось более *твердым настрое-нием*. На дивидендном рынке по-прежнему *понижительная тенденция*.. (Дни. 1926. 19 нояб. № 1163)

[Суд] приговорил [Ю. Митровского] к двум годам тюрьмы с *потерей всех прав состояния*. (Вести дня. 1940. 13 февр. № 36)

Номинативная потребность возникала не только для обозначения реалий специальных, чаще всего профессионально замкнутых зон, но и более обыденных: *вольный рынок* (нем. Freihandel, freier Markt), *государство-купец* (очевидно, имеется в виду, в современной терминологии, *государство-донор, государство-инвестор, государство-кредитор*; это английская калька donor state), французские *купцы* из Парижа (франц. marchand "купец, торговец"), *имитация, имитатор* (франц. imitation "подделка", imitateur "поддельватель; фальшивомонетчик"), *выставка образцов* (нем. Mustermesse):

Цены на хлеб на *вольном рынке* все растут и растут, да и доставать его не так легко. (Сегодня. 1930. 15 янв. № 15)

Каннибалы в Москве торгуют добром их жертв [убитой царской семьи – А.З.], и с ними торгуют просвещенные высококультурные гуманные *купцы*. Чекисты заливают Россию человеческой кровью, а чрезвычайные послы в золотом шитье и в страусовых перьях спокойно, важно шествуют по крови творцов великой империи. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

Остерегайтесь подделок и *имитации*, в настоящее время два поддельвателя преследуются перед нами Сенским трибуналом. (Младоросская искра. 1933. 5 янв. № 26)

При устройстве эстонского отдела на предстоящей *выставке образцов* в Лейпциге .. особое внимание будет обращено на художественную сторону стэндов [sic]. (Вести дня. 1940. 5 февр. № 29)

Очень многие из перечисленных понятий были выключены из советского дискурса или комментировались (в советских словарях и газетно-книжных публикациях) как буржуазные, капиталистические понятия. Эмигрантский же узус оперировал экономическими терминами естественно и свободно, они были включены в лексическую систему эмигрантского языка (или как специальная терминология, или как часть повседневного узуса). Подавляющее большинство семантических калек не было знакомо русскому советскому языку и не использовалось в метрополии. Итак, семантическое калькирование экономических понятий – одна из примечательных и ярких особенностей эмигрантской публицистики; при помощи этого семантического процесса происходило расширение семантической структуры некоторых слов. Часть таких семантических калек проникла в русский язык метрополии только в постсоветский период, вместе с появлением частнопредпринимательских, капиталистических элементов в экономике СССР/России.

3. сфера технических понятий. Появление новых технических аппаратов, приспособлений требовало и их номинации, которая могла осуществляться либо путем заимствования иноязычных обозначений, либо семантическим калькированием некоторых значений. Семантические кальки в эмигрантском узусе для передачи технических референтов, с одной стороны, облегчали вхождение новых понятий в лексикон и их семантическое освоение, так как обладали внутренней формой (в отличие от "чистых" заимствований с неосознаваемой или затемненной внутренней формой), с другой – их использование в узусе вступало в серьезную конкуренцию с иноязычными прототипами, чаще всего являвшиеся интернациональными номинациями (прежде всего английскими). Интернационализмы, как правило, были: а) более экономичными в языковом отношении (русские эквиваленты чаще представляют аналитические словосочетания), б) семантически специализированными, однозначными. Итак, в конкурентной борьбе лексических заимствований и семантических калек очень часто конечная победа оставалась все же скорее за заимствованием, нежели за калькой. Зачастую даже пуристическое стремление к "чистоте" русского языка не помогало, в языковой системе семантические кальки не закреплялись, были окказиональными вследствие высокой степени лакунарности технического лексикона в эмигрантском языке и отсутствия кодификации. Предпринимаемые попытки семантического калькирования приносили в эмигрантский узус языковой продукт, далеко не всегда общераспространенный, общепринятый. Итак, какие же тематические зоны, где создавались семантические "технические" кальки, можно выделить в нашем корпусе? Прежде всего, калькируются:

- понятия кино- и радиоиндустрии: *говорящая тон-фильма* (нем. Tonfilm, англ. talk film, франц. film parlant), лекция с *световыми картинками* (англ. lantern slide – букв. "световое скольжение"), *каскад оживленных рисунков* – так замысловато эмигранты пытались передать понятие *мультипликация, анимация*¹), *паразиты* (франц. bruits parasites "шумовые помехи"):

В "Сине-Ото" на этой неделе в уютном зале "Палэ Берлицц" .. зрители могут видеть большую спортивную *картину* подготовки к Олимпиаде 1936 г. в Германии. Затем уморительный скэтч и *каскад оживленных рисунков* Уолтера Диснея и других. (Возрождение. 1935. 15 марта. № 3572)

Победа тон-фильмы! Лучшее, что до сих пор дала американская *говорящая, поющая тонфильма* "Омоложенный", .. в которой сочетаются захватывающий драматический сюжет последнее слово в технике передачи изображения и звука. (Сегодня. 1930. 4 янв. № 4)

... общедоступная лекция проф. Могиланского "Япония в связи в последним землетрясением" (с *световыми картинками*). (Огни. 1924. 21 янв. № 3)

На днях мэр города Лангвилля [sic] устроил публичное заседание всех владельцев радиоаппаратов, а также всех "виновников *паразитов*". На заседании мэр

¹ Англ. making of animated cartoon – букв. "делание/изготовление оживленных карикатур, рисунков", франц. dessin(s) animé(s) – букв. "оживленные рисунки".

пригласил из Парижа известного радиотехника, который сделал пространный доклад, в котором разобрал дело о *паразитах* и как с точки зрения технической, так и с точки зрения юридической. (Возрождение. 1935. 1 янв. № 3499)

- названия электрических приборов, энергетические термины: *горное солнце* (англ. quartz lamp "кварцевая лампа"¹), *согревательные солнца* (нем. Heizsonne "рефлектор"), международная *силовая* конференция (нем. Kraft "сила; электрическая энергия"²), праздник *мировой энергии* (англ. world energy), *электрические кресла* (англ. electric chairs "электрические стулья"):

Частная лечебница .. д-ра [доктора] мед.[ицины] Ник. Алекс. Кан [sic]. Рентген.[овский] каб.[инет], *горное солнце*, диатермия. [реклама] (Дни. 1925. 8 февр. № 686)

... предлагает приобрести .. *согревательные солнца* Warmag.. [реклама] (Руль. 1930. 1 янв. № 2766)

Империи и монархии, республики, лиги наций – порождение дьявольских сил; пушки, дредноуты, душливые газы, истребительный огонь; тюрьмы, виселицы, *электрические кресла*... (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Праздник мировой энергии [название заметки] Вчера в Дворце Спорта [в Берлине] был устроен торжественный банкет в честь участников международной *силовой* конференции. (Руль. 1930. 20 июня. № 2906)

4. сфера бытовых наименований, явлений повседневной жизни, спорта, культуры. Эта группа семантических калек довольно многочисленна в нашем корпусе, что, впрочем, неудивительно: нахождение людей в инокультурном и иноязычном окружении вызывало и референциальное взаимодействие, соприкосновение с реалиями, непосредственно затрагивающими повседневный быт эмигрантов.

- наименования, относящиеся к обозначению общественных, социальных, театральных, спортивных явлений: *балласт* (англ. ballast перен. "то, что придает устойчивость"), *дамский* сингл (франц. single féminin "женская/дамская игра в теннис")³, *иммунизировать* (франц. immuniser, нем.

¹ В СУ есть техническая номинация *кварцевая лампа*; перифрастическое словосочетание *горное солнце* отсутствует. Наименование *горное солнце* родилось в профессиональном языке, где кварц, содержащийся в горных породах, за его яркий, прозрачный, блестящий цвет метафорически называли солнцем; отсюда номинативная цепочка: кварц, добываемый в горе, – это "горное солнце"; лампы, сделанные из кварца, получили то же наименование *горного солнца* (по семантической модели метонимического переноса).

² В немецком языке произошло семантическое расширение слова Kraft "сила" новым (после открытия и начала использования электричества) значением "электроэнергия", откуда это метафорическое значение было калькировано и в русский язык. Ср. в СУ: *Силовая станция* (тех.). Электростанция.

³ Примечательно, что эмигранты выбрали из двух возможных вариантов семантического калькирования (*женский* – *дамский*) не прилагательное *женский* (как оппозиция слову *мужской*), а слово *дамский*. Источник этого заключается, по-видимому, в семантико-прагматической дистрибуции данных прилагательных в эмигрантской прессе: *женский* в нашем корпусе встречается в единичных случаях, *дамский*, несомненно, доминирует. Чисто по-

immunisieren "делать невосприимчивым; предохранять"), *обнимать* (франц. *incorporer* "включать", *embrasser* "перен. обнимать, охватывать; заключать в себе"), *задание* (нем. *die (Film)aufgabe* "цель, идея фильма; букв.: задача (цель, идея) фильма"), *сухой* (англ. *dry* "сухой; запрещающий или ограничивающий продажу крепких спиртных напитков")¹, *отчетный фильм* "рецензируемый" (англ. *review* "рецензия, обзор", франц. *compte* "отчет, рецензия"), *иллюстрированный* (нем. *illustrieren* "приводить примеры"), *разведчик* (англ. *scout* "разведчик")², *королева лета* (англ. *Summer Queen*, нем. *Sommerkönigin*), *винный ресторан* (нем. *Weinrestoran*), *витаминовый бар* (нем. *Vitaminbar*), *серия дождей* (франц. *serie de pluies*):

Боевая сила армии определяется не только ее численным составом, ее вооружением и технической подготовкой, но, главным образом, тем нравственным *баластом* [sic] внутренних моральных сил воинов, ее составляющих, который создает то, что на военном языке называется духом армии и ее дисциплинированностью, тесно связанных между собой. (Голос России. 1933. янв.-февр.-март. № 17-18-19)

Соед.[иненные] Штаты будут еще "*суше*" [название заметки]
Заседание американского конгресса обсуждало доклад законодательной комиссии, подготовившей по желанию президента Гувера проект ряда мероприятий, имеющих целью еще более усилить ограничение потребления спиртных напитков в Соед.[иненных] Штатах. (Сегодня. 1930. 10 янв. № 10)

Мокрая Финляндия [название заметки]³
По последним подсчетам имеется – 135.000 высказавшихся за сохранение *сухого режима*, 7.000 – за разрешение только легких вин и 380.000 – за полную отмену всяких запретов. (Возрождение. 1932. 3 янв. № 2406)

ловая, биологическая (гендерная) маркированность заключалась в первом прилагательном, социальная и культурная – во втором. Ср.: "В конце первого полугодия Августейшая Возглавительница *женских* групп Союза Младороссов Е.И.В. [Ее Императорское Величество – А.З.] Великая Княжна Кира Кирилловна удостоила Своим присутствием одно из собраний парижской *женской* группы.." (Младоросская искра. 1932. № 20. 12 июля). В этом яркое отличие от русского советского дискурса, в котором в 20-30-е годы происходила нейтрализация гендерных и социальных аспектов двух прилагательных в одном прилагательном *женский* за счет оттеснения на языковую периферию прилагательного *дамский* (как обладающего яркой социально-прагматической коннотацией). В эмигрантском узусе находим: *дамское белье*, *дамский сингл* (в теннисе), *дамский комитет* как нейтральные обозначения, без иронической стилистической окраски; в советском официальном дискурсе во всех этих (и подобных) словосочетаниях происходила субституция прилагательным *женский*. Впрочем, в неофициальном языковом употреблении в некоторых социолектах прилагательное *дамский* сохранялось.

¹ История семантической кальки (с англо-американского прилагательного *dry*) *сухой* (*сухой закон*) в русском языке метрополии подробно рассмотрена в: [Зеленин 2003b].

² В эмиграции сосуществовали оба обозначения для молодежного движения. Подробнее об истории и функционировании тематического ряда наименований членов молодежных групп см.: [Зеленин 2002b].

³ Название заметки строится на принципе семантического контраста со смысловой калькой *сухой закон*.

... Г.Д. Гребенщиков в одной из своих неутомимых *иллюстрированных* лекций о Пушкине .. сказал приблизительно следующее.. (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35)

Пускай обычный шпионский фильм обладает многочисленными художественными недостатками, но основное *задание* его все же в большей или меньшей степени художественное. На *отчетном* фильме лежит как бы некая пелена идейного задания, которая сразу же уменьшает привлекательность и порою даже мешает следить за игрой актеров и за нарастанием действия. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

В Париже открылся "*витаминный бар*" с открытой террасой и комфортабельными креслами. Коктейли и сэндвичи, подаваемые в этом баре, содержат нужное количество витаминов на все случаи жизни. (Возрождение. 1939. 7 июля. № 4191)

По-видимому, лето Св.[ятого] Мартина закончилось и опять возобновится *серия* дождей. (Дни. 1926. 20 нояб. № 1164)

1 день записи желающих принять участие в конкурсе на звание "*королевы лета*". [реклама] (Руль. 1930. 20 июня. № 2906)

На сегодня в Москве назначено заседание вновь учрежденного при Цике СССР "*Совещания по вопросам советского строительства*". Это еще не "*Бульгинская Дума*", по проекту 1904 г., которая должна была *иммунизировать* самодержавную Россию от перехода ее к европейской конституционности... – нет, это нечто более робкое, более трусливое и – тем не менее – все же знаменательное "*искание*", означающее, несомненно, в принципе, отступление от партийной диктатуры. (За свободу. 1925. 3 янв. № 2 (1406))

После предательства вождей рядовая оппозиция, которая, действительно, впервые была широкой и *обнимала* рабочих профессионалистов и многих местных деятелей, восставших против мертвящей гиперцентрализации, чекистов и коррупции, была легко раздавлена. (Воля России. 1920. 18 сент. № 6)

- бытовые реалии: *ручные сумочки* (нем. Handtasche), *юбка-принцесс* (франц. jupe princesse "*расширяющаяся книзу юбка*")¹, "*зеркальный*" бархат (франц. velours miroir)²:

Инвентурная распродажа начнется во вторник: чулки, носки, перчатки, .. рейтузы, комбинэ, нижнее платье, *ручные сумочки*. (Сегодня. 1930. 5 янв. № 5)

Денные рубашки. Комбинешен. *Юбки-принцес* [sic]. Шлюпферы (дамское белье) [реклама] (Дни. 1925. 1 февр. № 680)

... девица была одета в платье из черного так наз.[ываемого] "*зеркального*" бархата.. (Руль. 1930. 1 янв. № 2766)

¹ Обратим внимание на несогласованное неизменяемое определение в постпозиции.

² В современном русском узусе термин употребляется по сей день, но мы не располагаем материалами его использования в русском языке 20-30-е годы.

4.3. Синтаксические кальки

У. Вайнрайх предложил отличать однословные заимствования от явлений интерференции, в которую вовлечены сложные слова или словосочетания (фразы). Во-первых, он упоминает так называемые "заимствованные переводы" (loan translations): все элементы грамматической конструкции, синтагмы фразы последовательно воспроизведены по модели языка-донора. Д. Эндрюс приводит выразительный пример из речевой практики третьей волны эмиграции в США: *смотреть вперед на* (+ Асс.) как калька с англ. *to look forward to* во фразе *Смотреть вперед на нашу встречу* (рус. нормативное предложение: *Я с нетерпением жду нашу встречу*) [Andrews 1999: 30]. Д. Эндрюс подчеркивает, что при презентации данного примера взрослым эмигрантам, которые сами склонны к смешению языков, они посчитали бы эту фразу забавной или ужасной; но самое любопытное то, что эта фраза была записана в речи взрослой женщины, "позаимствовавшей" синтаксическую кальку у своих детей и использовавшей ее в своей речи.

Во-вторых, Вайнрайх также описывает тип "заимствованных переводов", в котором составные части данного выражения сохраняют лексические значения в языке-реципиенте, но их синтаксическое комбинирование происходит под влиянием синтаксической прототипической конструкции в языке-доноре. Ср., напр., идиоматическое использование глагола *брать/взять* в речевой практике русских эмигрантов: *брать автобус* и *брать курс* (в университете) как результат калькирования англ. *to take a bus* и *to take a course* при рус. нормативных *ехать/ездить на автобусе* и *слушать/проходить курс*. "Говорящий специфицируется на употреблении одного глагола общей семантики, используя его в тех случаях, когда нормы русского языка требуют применения **разных** [выделено Е.А. Земской. – А.З.] глаголов" [ЯРЗ 2001: 97].

Модель калькирования, предложенная Вайнрайхом, и примеры, приведенные Д. Эндрюсом, описывают один из типовых случаев синтаксических калек. Некоторые кальки более заметны в речевом потоке ("резкие", по выражению Е.А. Земской), другие – менее или даже почти неуловимы¹ ("нерезкие", по выражению того же автора [ЯРЗ 2001: 97]). Их градация на "резкие" и "нерезкие" довольно условна и используется как рабочий прием описания языковых фактов с позиций говорящего на русском языке человека, имеющего языковой вкус и языковое чутье. И "резкие", и "нерезкие" кальки могут замечаться (но далеко не всегда) также билингвом, постоянно находящимся в иноязычном окружении, однако, как правило, распознавание своих или чужих синтаксических калек, умение выделить их из речи у билингва гораздо ниже, чем у человека, живущего в метрополии. Довольно часто такие люди испытывают сомнение в правильности, грамматической или синтаксической корректности той или русской синтаксической конструкции, даже если эти

¹ Напр., *Я совсем не имею времени* (старая калька, уже давно вошедшая в узус) при нормативной русской конструкции *У меня совсем нет времени*.

сомнения вовсе беспочвенны. Или же, напротив, билингвы бывают удивлены замечанием, что так по-русски не говорят, и мотивируют использование той или иной модели ее узуальностью в другом языке.

К "резким" калькам Е.А. Земская относит те, которые – с позиции индивида, обладающего "матричным" (не обязательно кодифицированным, но обязательно естественным языком) – дисгармонируют с русским узусом. Это прежде всего:

1. употребление глаголов общей семантики (*иметь, делать, взять/брать*);
2. кальки-вопросительные конструкции (*если* вместо *ли*);
3. широкое использование пассивных конструкций (преимущественное функционирование кратких страдательных причастий прошедшего времени, полные формы страдательных причастий применяются намного реже).

Обилие "резких" калек заметно в устной речи эмигрантов [Kouzman 1982: 83-84; ЯРЗ 2001: 96-97]; см. также обширный список финских глагольно-именных конструкций, калькируемых в речи русских в Финляндии, в работе: [Зеленин 2004]. В нашем корпусе калькируются прежде всего сочетания с глаголами *делать, дать*; они встречаются либо в спортивных репортажах (*сделать гол* – англ. *make goal*; рус. *забить гол, мяч; дать результат* – англ. *to give a result*; рус. *закончиться с результатом, привести к результату*), либо в культурной хронике (*сделать скандал* – нем. *Skandal machen*; рус. *устроить скандал*):

Первый хав-тайм протекал при абсолютном перевесе русских, непрерывно обстреливавших ворота противника. "Счет" был открыт правым инсайдом В. Краубнером, бывшим героем дня. Второй гол был сделан тем же Краубнером. (Дни. 1926. 18 нояб. № 1162)

В первом хавтайме игра была равносильна и дала результат 14:13 в пользу Таллинна. (Вести дня. 1940. 5 февр. № 29)

В 8 часов 15 минут вечера г. Прокофьев на тревожный телефонный звонок заявил, что он приедет, но не войдет в зал, пока ему на улице, в автомобиле, не будет уплачен гонорар. Действительно, в 8 часов 40 минут он подъехал к Бетховен-залу¹, но из автомобиля не вышел, несмотря на все мои убеждения. Наконец, вышли 2 лица из публики, пытавшиеся доказать ему, что он *сделал* перед лицом многочисленных музыкальных критиков *скандал* для имени² русского артиста. Г. Прокофьев ответил: "Плевать мне на критиков" и лишь после повторных настояний упомянутых лиц появился на эстраде в 9 часов 15 минут вечера. (Дни. 1925. 1 февр. № 680)

Нарушает синтаксические нормы глагольного управления также калькирование иноязычных глаголов, в результате чего появляются странные для естественного носителя русского языка, режущие слух глагольные конструкции:

¹ Эта аналитическая конструкция рассматривается в главе "Грамматические процессы в языке эмигрантской публицистики".

² Это контаминированная форма рассматривается в главе "Грамматические процессы в языке эмигрантской публицистики".

предложить к Лиге Народов (англ. to propose to), *симпатизировать* с большевиками (нем. sympathisieren mit, франц. sympathiser avec, англ. sympathize with).

"Daily News" пишет в передовой статье, что необходимо немедленно *предложить* к Лиге Народов Германию и Россию. (Призыв. 1920. 13 (29.2) марта. № 62)

Большевики принимают всевозможные меры для введения своих печатных изданий во Францию, а также для того, чтобы доставить крупные суммы денег французским революционным группам, *симпатизирующим* с большевиками. (Голос Родины. 1919. 6 мая № 257)

Встречаются и необычные случаи калькирования предложных конструкций: первенство *на красоту* (возможно, из франц. sur la beauté, где предлог sur и переводится русским предлогом *на* вместо более ожидаемого сочетания *первенство по красоте*).

Конькобежное первенство Европы *на красоту* принесло успех Венской школе.. (Огни. 1924. 11 февр. № 6)

Кроме таких очевидных случаев "резких" калек, происходили и более сложные процессы контаминации предложно-падежного управления русских и иноязычных моделей, которые подробно описываются в главе "Грамматические процессы в языке эмигрантской публицистики". Синтаксическое калькирование, в сравнении с устной речью, описанное, в частности, в [ЯРЗ 2001], встречается на страницах эмигрантских газет первой волны более ограниченно. Причина заключается в возможности языкового самоконтроля индивида в процессе письменного порождения речи (текста), которое по степени контролируемости и вероятности коррекции ошибок значительно выше, чем при устном речепроизводстве. Однако исключить проникновение синтаксических калек не удастся, так как в языковом сознании и речевой практике билингвов или людей, активно владеющих одним или несколькими иностранными языками, могут размываться (в различной степени у разных индивидов) грамматические системы двух (и более) языков. Постоянное обращение индивида к письменным иноязычным источникам постепенно снижает порог остроты нормативного русского словоупотребления, подмывает кодифицированные предложно-падежные связи слов, подтачивает ощущение "правильности" комбинации слов по правилам русской грамматики и способствует проникновению на страницы русскоязычной прессы иноязычных по структуре грамматических моделей.

Выводы:

1. Семантическое калькирование – один из ведущих путей проникновения иноязычных понятий в эмигрантский узус.
2. Семантические кальки широко представлены в лексико-семантических группах, обозначающих: а) общественно-политические реалии; б) экономические понятия; в) технические номинации; г) бытовые денотаты.
3. Семантические кальки заметно влияли на лексико-семантическую систему русского языка в диаспоре как свидетельство быстрого языкового реагирования на изменения в общественно-политической, экономической, социальной и бытовой жизни.
4. Подавляющее большинство семантических калек, функционирующих в эмигрантской прессе, было незнакомо советскому газетно-публицистическому языку.

5.0. «Ложные друзья»

Влияние первого языка на второй обычно называют трансфером, который может быть квалифицирован либо как позитивный трансфер (перенос сходных элементов в другой), либо как негативный (необоснованное перенесение лексического элемента в другой язык). Одним из проявлений этих двух типов трансфера являются так называемые "ложные друзья" (франц. *faux-amis*, англ. *false friends*): лексемы в двух (и более) языках, близкие в фонологическом и даже графическом отношении, но различающиеся объемом значений¹. Таким образом, перенос оказывается обоюдоострым лингвистическим оружием для говорящего: он может помочь в освоении языка, но также может и заманить в языковую ловушку. Такая двойственная природа близких слов стала объектом изучения в билингвизме в 1950-е годы (У. Вайнрайх, Э. Хауген, Р. Ладо). В настоящее время "ложные друзья" широко изучаются как на материале устной [Hutz 2004], так и письменной речи [Kramsch & Thorne 2001]. Исследователи сходятся во мнении, что "ложные друзья" в речевой практике билингвов – это проявление языковой коррозии. Это относится не только в устному использованию языка, когда спонтанность, быстрота речевой реакции снижают контроль индивида за своей речью, но и к письменной практике. Встреча когда-то уже заимствованного в русский язык слова со своим прототипом, обладающим в языке-доноре более широким набором значений, оказывает существенное влияние на речевую практику эмигрантов и приводит к разви-

¹ Ср. следующее определение понятия в теории переводоведения, где эта переводческая проблема стоит особенно остро: "Слова, полностью или частично совпадающие по звуковой или графической форме с иноязычными словами при наличии полной этимологической общности между ними, но имеющие другое значение при известной смысловой близости (отнесённости к одной общей сфере применения)" [Федоров 1983: 140].

тию в эмигрантском (некодифицированном и кодифицированном) узусе двух взаимосвязанных процессов:

1. активизации или появлении слов, схожих в графическом или звуковом облике, но в русском нормативном языке различающихся семантически: *императорская фамилия*¹ (ранняя калька с нем. Kaiserliche Familie), эта калька активизировалась в эмиграции, хотя было возможно и параллельное использование словосочетания *царская семья*:

... знавшие значение воплощенной в *Царской Семье* угрозы, большевики попытались истребить всех членов ее. (Младоросская искра. 1933. 5 янв. № 26)

Государь с Государыней стояли вблизи аналая, а дочери Их – Наследник отсутствовал – как и *Императорская Фамилия*, бывшая почти в полном составе, стояли поодаль. По окончании молебна, во время чтения диаконом Высочайшего Манифеста об объявлении войны, слышались рыдания – то плакали некоторые из членов *Императорской Фамилии*. (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173)

Происходит и неоправданное расширение семантического объема русских слов и смешение синонимичных лексем под влиянием какого-либо иноязычного понятия, семантика которого безразлична к семантическим тонкостям русских эквивалентов; наблюдается так называемая ложная синонимизация:

- *красивая* выставка (франц. beau ”прекрасный, превосходный, отличный”; ср. très beau ”очень красивый”):

Очень *красивая* выставка открылась вчера в 2 часа дня в доме № 9 рю Дюрок. [...] Здесь выставлены игрушечные крепости, деревни, куклы, выпуклые лото, хальма и т.д. (Дни. 1926. 19 нояб. № 1163)

- *примитивные* права человека вместо правильного *элементарные* права; смешение на основе общей семы ”простой, базовый, основной, изначальный”; ср. англ. primitive, elemental, франц. primitif (masc.), élémentaire, в семантической структуре обоих слов есть общие, пересекающиеся семантические компоненты, которые могли решить возникшие сомнения пишущего (*элементарный* – *примитивный*), подтолкнув его к неправильному выбору слова:

Один за одним мы читаем горячие протесты против большевистской деспотии со стороны меньшевиков, соц.[иалистов]-революционеров, в том числе и левых. В этих протестах не только перечислены все преступления большевиков не только против социализма и демократии, но и против *примитивнейших* прав человека. Все партии и группы, социалистические и несоциалистические, жаждут ухода, исчезновения общего врага – большевиков. (Возрождение. 1919. 15 окт. № 88)

¹ Этот лексический трансфер (*фамилия* вместо *семья* при наличии в русском языке лексемы *фамилия* в значении ”родовое, семейное наименование”) часто встречается у иностранцев, изучающих русский (особенно это касается лиц, владеющих европейскими языками). Отмечена она и в устной речи эмигрантов: [Pfundl 1997: 383 – цит. по: ЯРЗ 2001: 455].

- *даровать* звание (ср. франц. *décerner des grades universitaires* "присудить ученые степени"; очевидно, произошло смешение, вернее – семантическая нейтрализация в языковом сознании пишущего глаголов *присуждать* и *даровать* (французский глагол *décerner* может быть переведен обоими русскими глаголами в зависимости от конституции); смешение можно объяснить их стилистической принадлежностью к книжной лексике. С другой стороны, тематика пропозиции требует в русском языке использования глагола *даровать*, так как речь идет о королевской особе):

Сенат Лейденского университета *даровал* почетное звание доктора философии наследнице престола принцессе Юлиане, которая в течение нескольких семестров изучала в университете государство и международное право, а также историю. (Руль. 1930. 4 янв. № 2768)

2. семантического расширения ранних заимствований под давлением прототипа. У индивида формируется лингвоассоциативная цепная реакция: внешнее (формальное, звуковое, графическое) сходство слов * семантическая идентичность давно адаптированного в русском языке заимствования и его прототипа. Назовем этот процесс лексической и семантической аппликацией: наложением нового, калькированного, значения на закрепленное, кодифицированное в русском языке значение, при сохранении формального облика слова. Семантическая аппликация была весьма частотна в эмигрантской прессе и нередко не замечалась говорящими (пишущими):

- *аудиенция* (нем. *Audienz* "беседа, прием"; ср. рус. *аудиенция* "официальный прием у какого-либо высокопоставленного лица"):

Парижская радиостанция передала *аудиенцию*, специально посвященную Достоевскому. Вступительное слово произнес Б.Ф. Шлецер, критический очерк – Лев Шестов. Затем были прочтены отрывки из произведений писателя. (Меч. 1937. 11 апр. № 14)

- *унитарный* (очевидная калька с франц. *fraction élémentaire* "первичное подразделение"; возможно допустить смешение с *unitaire* "единичный, унитарный"; ср. рус. *унитарный* "объединяющий, единый"):

Технике организации взаимодействия огня и движения невозможно научить даже самой талантливой беседой. Этого умения можно достичь только путем многократной тренировки в работе *унитарного* отделения на реальной местности. (Голос России. 1932. сент.-окт. № 13-14)

- *санитарный* (англ. *sanitary* "очистительный, гигиенический"; ср. рус. *санитарный* "связанный с санитарией; удовлетворяющий требованиям санитарии"):

... в РОВС-е всякое высокое назначение сопряжено с пожизненной индугенцией на прощение грехов. Поэтому мы и надеяться не можем, чтобы *санитарные* мероприятия добрались до высоких "функционеров".. (Сигнал. 1938. 1 окт. № 40)

- *практика* (франц. *pratique* "опыт, навык"; ср. рус. *практика* "деятельность врача или юриста"):

Лакей (*garçon*), кельнерша и посудомойник с многолетней *практикой* .. ищут постоянную работу в русских ресторанах.[объявление] (Дни. 1926. 17 нояб. № 1161)

- *универсальный* (франц. *universel* "общий"; ср. рус. *универсальный* "разносторонний, охватывающий многое; пригодный для многого, с разнообразными функциями"):

... жестокой чистке подвергся аппарат и великорусских центров. Особенно пострадали здесь те группы коммунистов, которые были связаны с той или иной областью идеологической работы. [...] Эта *универсальная* чистка не оставила незатронутой и самую верхушку партийной пирамиды: Политбюро. (Меч. 1937. 4 апр. № 13)

- *бенефис* (франц. *bénéfice* "барыш, прибыль, доход"; ср. рус. *бенефис* "спектакль в пользу одного из участвующих"; здесь – праздник, радость по поводу хорошего барыша, чаевых):

Шоферы, извозчики и ночные сторожа справляли [в новогоднюю ночь] настоящий *бенефис*. (Сегодня. 1930. 2 янв. № 2)

- *камера* (франц. *chambre* "отделение суда"; ср. рус. *камера* – одно из значений в СУ таково: "собрание народных представителей в конституционных государствах, палата депутатов (устар.)"). В русском языке метрополии эта лексема вышла из узуса как неактуальная, в эмигрантском же узусе ее существование подкреплялось прототипической формой:

В 1-й *камере* гражданского трибунала деп.[артамента] Сены разбиралось на днях не лишенное интереса дело. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

- *импозантный* (франц. *imposant* "величественный, внушительный, представительный"; ср. рус. *импозантный* "производящий впечатление (о внешности, поведении)"):

Польское население Варшавы, Кракова и Познани организуется с помощью многочисленных комитетов для защиты Верхней Силезии. Движение приняло *импозантный* характер. (Призыв. 1919. 5(23) сент. № 46)

- *фронтальная*¹ комната (очевидно, из польск. *frontowa* "фасадная, передняя", куда из франц. *front* "фасад", т.е. комната, окна которой выходят на фасад дома; ср. рус. *фронтальной* "находящийся в первой шеренге; находящийся на передовой линии боя"):

¹ В устной речи разница проявляется в ударении: в польском слове ударение на втором слоге, в русском языке прилагательное *фронтальной* имеет ударение на конечном слоге. В письменном тексте эта разница нивелируется.

Итак, "ложные друзья" – это конкретное проявление интерференции в языковой практике эмигрантов, возникающее и функционирующее не только в устной речи, но проникающее и на страницы печатной продукции. Смешение ранее заимствованных слов с прототипами в языке-доноре обусловлено несовпадением лексико-семантической структуры сходных (в формальном, графическом отношении) лексем в разных языках и переносом одного из значений иноязычного прототипа. Так появляется семантически модифицированное, рожденное в результате языковой коррозии слово в речевой практике индивидов. Основная морфологическая зона "ложных друзей" – имена существительные и прилагательные. Можно ли только эмигрантов упрекать за смешение близкозвучных слов, относящихся к разным языковым системам? Конечно, нет, так как аналогичные процессы могут происходить и в языковой практике индивидов, живущих в метрополии и использующих различные регистры литературного и разговорного языков. Однако в эмиграции языковой "иммунитет" к такого рода смешению снижается, и в речевой практике не одного или нескольких индивидов, а в массовом количестве, практически в речи всех без исключения эмигрантов, появляются "ложные друзья". С психолингвистической позиции это легко объяснимо: сходство плана выражения слова в русской лексической системе и иноязычной в лингвосознании и речевом поведении говорящего/говорящей вызывает чаще всего не чувства языковой осторожности, а напротив – психоментального облегчения и тихой "лингвистической" радости: хорошо, что не нужно лишний раз "напрягаться", потому что и "у них" какое-либо слово такое же, как "у нас". Это и служит психологической основой первоначальной идентификации и в дальнейшем субституции двух похожих слов. Возможность же различия в плане содержания близкозвучных лексем отодвигаются в лингвосознании подавляющего большинства индивидов на задний план и, как правило, игнорируется. Очевидно, такой психолингвистический процесс, происходящий в речевом сознании индивида/индивидов, мотивируется и регламентируется так называемым "законом экономии речевых усилий"¹.

Выводы:

1. Непосредственное языковое контактирование русского языка эмиграции с другими языковыми системами вызвало бурное вторжение иноязычных элементов не только в устную речевую практику, но и на страницы прессы. Необходимость и важность изучения данного феномена на материале письменных источников определяется возможностью исследовать иноязычные заимствования более широко, чем только на материале устной речи, в которой (как

¹ В этой связи ср. парадоксалистское утверждение Е.Д. Поливанова: "Причина эволюции – лень" [Поливанов 1968: 81].

показали ее исследования) преобладают одни типы, а другие представлены слабо или вообще не представлены. Эмигрантская публицистика в совокупности с устным языком позволяет проанализировать факторы и тенденции иноязычного влияния на узус диаспоры более объемно и увидеть сходства и различия в области заимствования.

2. Предложенная типология иноязычных заимствований в эмигрантской прессе первой волны содержит три группы: иноязычные вкрапления, лексические заимствования, кальки (словообразовательные, семантические, синтаксические).

3. Иноязычные вкрапления так же широко представлены в эмигрантских газетах, как и в устной речи. Письменная форма фиксации и введения вкраплений имеет, конечно, свои особенности, в отличие от их использования в устном речевом обиходе. В количественном отношении вкрапления составляют один из основных разрядов иноязычных элементов. В функционировании вкраплений проявляются следующие тенденции: а) сохранение дореволюционной традиции использования интернациональных слов и фразем (из классических или культурно значимых языков Европы); б) проникновение новых вкраплений (как обозначения реалий иной культуры, жизни, быта); в) стремление транслитерировать иноязычные названия как попытка смягчить или отчасти нейтрализовать их инородный графический облик, смягчить их визуальную непохожесть; г) латинская графическая форма вкраплений используется с целью идентификации важных для эмигрантов референтов (документы, паспорта, удостоверения личности и под.).

4. Лексические заимствования – одна из самых больших групп в собранном нами корпусе иноязычных элементов. Сравнение типов и тематики лексических заимствований, представленных в нашем материале, с группами иноязычных слов, проникших в речевую практику эмигрантов третьей волны (в США), показывает очень большое сходство в номинативных зонах, в которых происходило заимствование варваризмов; таким образом, можно утверждать изоморфизм, лексико-семантическую универсалию при контактировании доминантного языка А с анклавным языком В. Предложенная идеографическая классификация лексических заимствований показывает наиболее открытые зоны заимствований. Заимствование новых понятий сопровождалось процессами варьирования как плана содержания, так и плана выражения; особо следует отметить влияние морфологии слов-прототипов, вызывающее трансформацию некоторых слов, уже ранее заимствованных в русский язык. Значительная часть иноязычных лексем попала в русский эмигрантский узус раньше, чем в язык метрополии, где их проникновение сдерживалось политическими и идеологическими причинами.

5. Калькирование представлено в нашем корпусе неравноценными в количественном отношении группами. Словообразовательные кальки практически не характерны для русского эмигрантского языка ни в устной, ни в письменной форме. Процессы активного словообразовательного калькирования, типичные для языкового состояния середины 19 в., но уже менее активного в

начала 20 в., закончились и не имели продолжения даже в языке эмиграции. Напротив, семантическое калькирование – один из основных (наряду с лексическим заимствованием) способов проникновения иноязычных элементов в русский язык диаспоры. Семантические кальки, зафиксированные на страницах газет, заметно дополняют и расширяют картину семантического калькирования в устной речи, проанализированную исследователями. Многие семантические кальки являют собой попытку быстрого языкового реагирования на инокультурные понятия и референты, однако отсутствовали устойчивость, стабильность в их использовании, была характерна известная доля случайности, одноразовости их создания, степень кодификации (в словарях, пособиях) была практически нулевой – все это зачастую приводило к вытеснению калек иностранными лексическими заимствованиями (варваризмами). Тем не менее, лексические кальки следует признать наиболее щадящим вариантом иноязычного натиска на русский язык. Синтаксические кальки в их наиболее резкой, агрессивной форме представляют собой трансфер синтаксических функций слова или грамматической конструкции; на основании проведенных исследований можно утверждать, что они более характерны для устного языка, нежели для письменного, хотя могут проникать и на страницы текстов.

ГЛАВА 7.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ

1.0. Понятие прецедентности

Имена, факты, события, цитаты, аллюзии, реминисценции, перифразы – необходимые и даже обязательные элементы публицистического текста. Они структурируют смысловое поле, в котором совершается диалог с читателем журналиста или любого индивида, чье письмо, мнение опубликовано на страницах печатного органа. Использование языковых знаков, кодирующих некоторую информацию, не является случайным, произвольным, немотивированным ни для автора текста (статьи, письма, отклика) в газете, ни для читателя, производящего интеллектуально-когнитивное декодирование, если обе языковые личности стремятся к высокой степени взаимопонимания. И кодирование, и декодирование предполагают со стороны индивида (как продуцента, так и реципиента) активное включение в лингвокогнитивный процесс всех уровней владения языком: а) собственно лингвистического; б) национально-культурного; в) энциклопедического; г) ситуативного [Крысин 1989: 125-133]. Степень успешности языкового и внеязыкового взаимодействия автора и читателя зависит во многом от их коммуникативной компетенции, а именно: знания не просто и не только навыков кодирования/декодирования языковых знаков, но также и пересекающихся фоновых знаний каждого из участников коммуникативного процесса, одним из основных инструментов (и результатов) которого является текст. Но ведь за каждым текстом стоит языковая личность, которая "есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык" [Караулов 1987: 38]. Через текст и благодаря тексту возможна коммуникация языковых личностей и социумов, которые проецируют в текст не только свои языковые навыки и умения, но и свои пристрастия, предпочтения, сомнения, симпатии и антипатии.

Почему мы обратились к изучению специфики и типологии прецедентных феноменов на материале эмигрантских газет? Прежде всего потому, что тексты, написанные эмигрантскими авторами или читателями в газету, апеллируют к тем общеизвестным фактам (именам, событиям), которые уже глубоко укоренились в общей рецептивной базе индивидов уже в предреволюционное время. Вообще говоря, текстопорождающий коэффициент эмигрантского литературного пространства крайне мал, в отличие от советского дискурса. В микросоциумах (анархистов, демократов и особенно монархистов) явственно проступают тенденции к ностальгическому репродуцированию фактов прежней эпохи, причем их экспликация в разных политико-идеологических ти-

пах эмигрантских периодических изданий может различаться в значительной степени. Прецедентные тексты обслуживают вполне реальные, прагматические общественные или групповые интересы, служат обоснованием своей позиции или средством дистанцирования от другой, чужой или даже враждебной точки зрения. Что для эмигрантов важнее: их современное (зарубежное) бытие и построение новой аксиологически-прецедентной базы или опора на старые феномены? Выявление и типология прецедентных феноменов, на которых базировался эмигрантский дискурс, и составляет центральную исследовательскую проблему данной главы.

Парадоксальным, но верным образом выразился Ю.М. Лотман: "текст как бы включает в себя образ "своей" идеальной аудитории, аудитория – "своего" текста" [Лотман 2001: 203]. Интенции автора в газете, пишущего тот или иной материал или отклик, всегда определяются поисками этой "идеальной" аудитории (пусть даже в предельно малом количестве, вплоть до одного человека), которая чувствует и думает или точно так же, как автор, или похоже. Ю.М. Лотман продолжает: текст и читатель ищут и ждут взаимопонимания, они "прилаживаются" друг к другу, благодаря чему текст становится аналогичен диалогу, который может быть успешным или не быть таковым. Идет постоянная сложная "игра позициями" [там же: 204], т.е. взаимной "настройки" автора и читателя (аудитории). Публицистика, с ее оценочностью и аксиологическим иерархизированием (приемлемое оценивается положительно, неприемлемое – отрицательно), стремится установить диалог между читателем и всем печатным изданием как представителем тех или иных общественно-политических настроений, убеждений и оценок. Очень часто читатель обращается к газете (журналу) даже не только и не столько за новой информацией, сколько за подтверждением, "сверкой" своих взглядов со взглядами других (редакции и читательской аудитории газеты). Не случайно одной из характерных особенностей большинства печатных органов является манифестация фиксированного, закрепленного набора оценок (степень новизны в них нулевая), закрепленная за данным печатным органом (на материале послереволюционного языка см. [Gorham 2003]; современного [Какорина 1996]).

Разумеется, некоторые концептуальные компоненты или приближения к ним уже существовали в разных областях гуманитарного знания задолго до появления самого термина «прецедентность»:

- в фольклористике А.А. Потебня, А.Н. Веселовский, В.Я. Пропп занимались выявлением типов клише и комбинацией их в фольклорном тексте;
- в теории художественной прозы В.В. Виноградов в процессе порождения устного или письменного текста считал крайне необходимым учитывать языковую личность¹ и пытаться проследить "миграцию" скрытого цитирования;

---

¹ Впервые этот термин использован В.В. Виноградовым в книге "О художественной прозе".

- в литературоведении Ю.Н. Тынянов, В.М. Жирмунский, М.М. Бахтин, Ю. Кристева¹ текст как зрительно зафиксированный языковой код (уровень эксплицитности) рассматривали с учетом категории подтекста (имплицитный уровень), формирующих в совокупности внутритекстовые диалогические отношения, или интеракцию ("свое" – "чужое");
- в лингвопедагогике В.Г. Костомаров и Е.М. Верещагин разрабатывали концепцию слова как хранилище знания и опыта людей.

Предваряя и предвосхищая исследования в области прецедентности, М.М. Бахтин так характеризовал регламентирующую социальную авторитетность цитируемых, репродуцируемых высказываний в культуре: "В каждую эпоху, в каждом социальном кругу, в каждом маленьком мире семьи, друзей и знакомых, товарищей, в котором вырастает и живет человек, всегда есть авторитетные, задающие тон высказывания, художественные, научные, публицистические произведения, на которые опираются и ссылаются, которые цитируются, которым подражают, за которыми следуют. В каждую эпоху, во всех областях жизни и деятельности есть определенные традиции, выраженные и сохраняющиеся в словесном облачении: в произведениях, в высказываниях, в изречениях и т.п. Всегда есть какие-то словесно выраженные ведущие идеи "властителей дум" данной эпохи, какие-то основные задачи, лозунги и т.п. Я уже не говорю о тех школьных, хрестоматийных образцах, на которых дети обучаются родному языку и которые, конечно, всегда экспрессивны" [Бахтин 2000: 284-285]. В современной терминологии психолингвистики и когнитивной лингвистики этот исследовательский посыл можно выразить и так: "Тексты в нашем сознании существуют как гипертексты, включающие мириады ассоциативных связей, вязь перекрестных ссылок, "чувственную ткань сознания".. Понимание предусматривает в той или иной степени совпадение смысловых установок, культурного кода – базовых знаний о мире коммуникатора и реципиента («одни книжки читали в детстве»)" [Петренко 2002: 20].

В языковом знании говорящего, так же как и в структуре языковой личности, Ю.Н. Караулов выделяет три яруса (слоя, уровня):

1. ассоциативно-семантический = *лексикон* (лексические и грамматические средства, используемые в речевом процессе личностью);
2. когнитивный = *тезаурус* (картина мира личности, присущая только и исключительно ей);
3. мотивационный = *прагматикон* (коммуникативно-деятельностные мотивы личности: устремления, цели, надежды, желания, страхи и др.) [Караулов 1987: 86-90].

В принципе, трехуровневая концепция языковой личности коррелирует с тремя коммуникативными функциями языка: контактоустанавливающей;

¹ Ей принадлежит термин «интертекстуальность».

информационной; воздействующей (прагматической) [там же: 214-215]. Согласно идеям Ю.Н. Караулова, введение понятий психолингвистического тезауруса и прагматикона позволяют систематизировать и структурировать языковой фонд, соединяющий вербальный и невербальный типы коммуникации. Тезаурус языковой личности – это вершина, центр вербализованной части языкового сознания (наряду с невербализованной, т.е. ”типовыми ситуациями общения” и коммуникативными социальными ролями, приобретаемыми индивидом в процессе социализации). Именно в вербализованной части прагматикона функционируют способы представления и оперирования прецедентными текстами данной культуры, или стереотипами текстовых преобразований. Под прецедентными текстами Ю.Н. Караулов понимает ”готовые интеллектуально-эмоциональные блоки – стереотипы, образцы, мерки для сопоставления, [которые] используются как инструмент, облегчающий и ускоряющий осуществляемое языковой личностью переключение из ”фактологического” контекста мысли в ”ментальный”, а возможно, и обратно” [там же: 220]. Прецедентные тексты не создаются языковой личностью, но передаются ей в процессе социализации и коммуникации, вместе с которыми происходит накопление этой личностью коммуникативного опыта. Прецедентные тексты не могут присваиваться индивидом, но он волен модифицировать их (диапазон широк: от узнаваемости и идентифицируемости другими индивидами до их полной неузнаваемости, приводящей к коммуникативным неудачам или провалам); прецедентные тексты семиотически и психологически релевантны для той или иной группы лиц в пределах определенного исторического хронотопа, социокультурного контекста. Подобные тексты постоянно воспроизводятся в социуме, том или ином коллективе, их знание предполагается само собой разумеющимся, поскольку они составляют фундамент коллективного дискурса, условие идеологического взаимопонимания и критерий социальной идентификации. Прецедентный текст значим в гносеологическом и эмоциональном отношениях, носит сверхличностный характер; к прецедентному тексту постоянно обращаются в процессе коммуникации. Ю.Н. Караулов указывает на прецедентный характер, например: а) мифов, б) преданий, в) публицистических произведений историко-философского и политического звучания [Караулов 1987: 216].

Очевидно, можно говорить о существовании в сознании индивида некоего тезауруса, или словаря усвоенных (и присвоенных) текстов. Они, с одной стороны, нужны для полноценного участия индивида в социальной коммуникации на основе знания тех или иных культурных артефактов, с другой – эти массово распространенные и шаблонизированные тексты выполняют важную роль посредника, медиатора между внешним миром (начиная от семейного микросоциума) и личностью. Такие микротексты выполняют компрессивную функцию, ”сжимая” новую информацию до размеров уже известного словесного комплекса, который может либо нивелировать элемент новизны и тем самым заметно снижать воздействие новых фактов на индивида и общество, либо, напротив, возвышать даже банальный факт до значимо-

го события. Действительно, в них в сжатом виде содержится большой объем культурной информации и заряд экспрессии. Именно эти свойства прецедентных текстов превращают их в прагматически нагруженные знаки, широко используемыми в публицистическом дискурсе, основной функцией которого является воздействие на (массового) читателя. В схеме коммуникации "адресант – текст – адресат" общение становится возможным при наличии общего фонового знания, присущего в равной степени как адресанту, так и адресату. Фоновые знания формируются на базе прошлого и настоящего народа, его обычаев и традиций, культурных, экономических достижений, ценностных ориентиров, религиозных представлений и т. д. Фоновые знания постоянно обогащаются, но в их структуре есть ядро и периферия: ядро позволяет сохранять и поддерживать функционирование прецедентных текстов (феноменов) на протяжении длительного периода времени, периферия наполняет их актуальным историзмом и обеспечивает их экспрессивность и выразительность.

Фокусированное внимание (особенно в последние два десятилетия) к интертекстуальным компонентам повседневной или публичной речи, прецедентным феноменам (в широком смысле) создало необходимые предпосылки изучения языковой личности. В настоящее время центральными, узловыми пунктами исследований стали, в частности:

а) связи между прецедентными феноменами и когнитивной функцией языка. В когнитивной базе хранятся инварианты прецедентных феноменов. Базовые метафоры и семантические прототипы, функционирующие в социуме, рассматриваются в качестве таких инвариантов [Красных et al. 1997; Захаренко 1997а, 1997б].

б) обусловленность прецедентных имен сигнификативными и коннотативными процессами. Помимо своего денотативного содержания, большинство слов обладает лексическим фоном, коннотативным значением, на базе которого формируется обобщенный (генерализованный) смысл языкового элемента, ассоциируемый у носителей данной культуры со значительным объемом социокультурной информации [Гудков 1997]. Фоновые знания характерны лишь для определенной нации, освоены большинством ее представителей и отражены в языке данной национальной общности.

в) механизмы порождения прецедентных текстов. Прецедентный текст рождается только из того фрагмента внеязыковой действительности, который приобрел в социуме некоторую ценность, культурную значимость, получил общественную санкцию, "заслужил" право располагаться среди других элементов на аксиологической шкале. Прецедентность невозможна без наличия оценочного компонента и в самом процессе его формирования, и в последующем использовании данного феномена в общественно-речевой практике [Костомаров & Бурвикова 1994]. Оценочность – неперенный атрибут любого прецедентного феномена. Сам феномен прецедентного текста предполагает ядерно-периферийную структуру: в нем обязательно наличие общепринятого инварианта, известного всем представителям данной культуры, и нежес-

тко заданный набор факультативных компонентов [Дмитриева 1999; Смирнова 2000]. Другое дело, что индивиды могут даже не осознавать внутренний образ или артефакт, выступивший смыслопорождающим для формирования данного прецедентного феномена [Слышкин 1999].

г) соотношение прецедентных текстов и интертекстуальности. Это направление изучения прецедентных феноменов [Сидоренко 1998; Слышкин 2000] связано с выяснением связи между категориями интертекстуальности и воспроизводимости (прецедентности). Интертекстуальность можно интерпретировать как двусторонний процесс: с позиции читателя (потребителя, пользователя) и с позиции автора. Первая позиция предполагает применение читателем механизма дешифровки интертекстуальных ссылок, содержащихся в тексте. Вторая позиция, авторская, нацелена на использование в языковой ткани таких интертекстуальных феноменов, которые бы способствовали углублению смысловой перспективы текста, служили бы построению многомерных связей с другими артефактами, и, по возможности, эксплицировали бы потенциальному читателю эти интертекстуальные связи.

В последние годы появилось даже понятие "прецедентной плотности текста" (Ю.А. Сорокин): в тексте сосуществуют разноуровневые включения, и частотный (фреквентативный) характер их употребления отражают некоторые доминантные для автора смыслы. Например, моделирование концепта «семья» Л.Н. Толстым – одного из центральных в идеологии и структуре его романов – рефлексировать изменяющуюся жизненно-философскую позицию писателя. Степень компрессии включений для разных текстов оказывается различной, она задает некоторые параметры адекватности восприятия текста читателем; понятно, что высокая степень компрессии интертекстуальных вставок усложняет адекватность восприятия читателем. В художественном тексте степень "прецедентной плотности" может быть очень высокой [Сорокин 1986; Антипов et al. 1989]. Что же касается газетно-публицистический подстиля, ориентированного на информационное взаимодействие с потребителем (читателем) в данный момент, то интерпретация газетных фактов требует от читателя обладанием поистине громадного объема фоновых знаний. По нашему мнению, денотативный, референциальный мир газетного дискурса также смело можно квалифицировать как "прецедентно плотный", или – иными словами – как текстовый феномен, обладающий высокой степенью прецедентной компрессивности.

Совокупность лингворечевых фактов, включаемых в сферу прецедентности, стала центральным исследовательским объектом, изучаемым группой лингвокультурологов "Текст и коммуникация"¹. Ключевая тема исследований – как и почему прецедентные феномены становятся культурными "скрепами" коммуникации. Родовым обозначением (гиперонимом) является термин "прецедентные феномены" – это вербальные единицы языкового сознания, хранящиеся в когнитивной базе индивидов и являющиеся общими для всех

¹ В нее входят: Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных.

членов лингвокультурного сообщества представлениями. Эти представления сведены в социуме к относительно небольшому набору дифференциальных признаков и имеют статус национально-прецедентных. Как правило, они характеризуются яркими коннотациями и богатым ассоциативным фоном для носителей данного языка; у представителей иных этнических и языковых групп прецедентные феномены могут вызывать поверхностные ассоциации или вообще не рождать никаких интерпретаций. Виды прецедентных феноменов с точки зрения уровней хранения и осмысления в когнитивно-ментальной базе таковы:

- автопрецеденты (феномены окружающего мира, обладающие тем или иным аксиологическим значением для данного индивида и включенные в неповторимые индивидуальные ассоциативные ряды);
- социумно-прецедентные феномены, известные "среднестатистическому" представителю какого-либо социума, группы, напр., Библия и Евангелие у христиан, метафора шахмат как визуальный объяснительный аналог правил языковой системы (после Соссюра), знакомая лингвистам;
- национально-прецедентные феномены, известные "среднестатистическому" представителю данного народа или культуры¹;
- универсально-прецедентные феномены, знакомые человеку как *homo sapiens*.

Единицами более низкого ранга выступают: прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентный текст, прецедентная ситуация [РКП 2002: 17], которые непосредственно репрезентируют прецедентные феномены в текстах.

1.1. Специфика прецедентных имен в прессе

Набор прецедентных феноменов, особенно функционирующих в печатных органах массового информирования (газеты, журналы), очень часто зависит от существующего политического строя, классово-политического устройства общества, социальной стратификации. Ясно, что в дореволюционное время структура и тематическая организация прецедентных феноменов, используемых в официальной публицистике, значительно отличалась от того реперту-

---

1 Например, использование в текстах таких прецедентных имен, как *Александр Невский*, *Иван Сусанин*, *Жуков*, *Плюшкин* или *Обломов*, не требует для носителя русского языкового сознания интерпретирующего объяснения, поскольку стоящие за ними когнитивные структуры выполняют функцию "пароля" – знака пропуска для "своих", "посвященных". Употребление прецедентных имен, с одной стороны, способствует осознанию индивидом своего единства в рамках некоторой социальной группы или всего социума с последующей консолидацией, а с другой – облегчает продуценту доступ к когнитивным структурам реципиента [Гудков 1999: 51].

ара вводимых советским идеологическим аппаратом в официальный дискурс социально и политически значимых имен, событий, призванных отражать новые классовые ценности, моральные установки. Проводилась жесткая селекция и регламентация прецедентных феноменов: одни из них принудительно навязывались, другие (имеющие отношение к религии, царскому прошлому и др.) – замалчивались и изгонялись из официальной культуры, переходя в сферу культуры неофициальной, маргинальной, "кухонной", лагерной. Прецедентные феномены обычно усваиваются индивидом (1) добровольно, в кругу альтернативных источников прецедентных феноменов, а также в соответствии со своими склонностями, сферой интересов, занятий и проч. или (2) насаждаются "сверху", протекционистски. В советском дискурсе уже начиная с конца 20-х годов 20 в. обозначился явный разворот в сторону второго типа. Культурно-идеологически значимые феномены должны были еще получить санкцию вышестоящих властных органов, пройти официально-идеологическое "решето", отсеивающее "идеологически вредные" прецедентные имена и события.

По мере унификации и централизации советской печати в идеологическом, политическом отношении задавался, вырабатывался и набор прецедентных феноменов, используемых в пропагандистско-публицистическом стиле. Это понятно: построение нового строя нуждалось в его лингвополитической поддержке и обосновании при помощи некоторой суммы ключевых имен. Наиболее важными текстами, генерирующими прецедентные феномены, служили, конечно, работы К. Маркса, Ф. Энгельса, публичные выступления Ленина, а с конца 20-х и особенно с середины 30-х годов – Сталина. Влияние ленинских работ на пополнение фонда прецедентных имен в 20-е годы отмечал еще А.М. Селищев [Селищев 1928]. Типические, характерные приемы и обороты статей и книг Ленина, повсеместно изучаемых в Советской России, служили языковыми и стилистическими образцами для других революционных деятелей и работников печати. Лозунговость и тезисность – вот одни из ведущих языковых примет нового стиля. Тексты, выступления прочих революционных лидеров, художественные произведения более ранних эпох могли стать прецедентными в зависимости от ленинской оценки и от его внимания к ним, поскольку в советском дискурсе Ленин был не только авторитетным оратором, но стал и воплощением риторического идеала [Романенко 2003]. Иерархичность распространения, трансляции лозунгов и вообще прецедентных феноменов такова: партийно-политические идеологи (Маркс, Энгельс, Ленин, позднее – Сталин) → высшая партийная верхушка → партийно-политический аппарат → массовые слои населения (рабочие, крестьяне, интеллигенция). Митинги, массовки, собрания, съезды, конференции, пленумы – эти новые формы вовлечения людей в политическое строительство способствовали и быстрому внедрению прецедентных феноменов в языковое сознание людей в масштабе всей страны. Справедливы слова М.В. Панова, сказанные, правда, в другой связи (при обсуждении вопроса о распространении в русском узусе произношения, приближенного к письменной форме): "Распространилось

благоговейно-почтительное отношение к печатному тексту (особенно официальному)”. [Панов 1990: 47].

Эмигрантская пресса, в отличие от советской, имела другие интенции, строилась на следующих основаниях.

Во-первых, убеждение подавляющего числа эмигрантов в необходимости сохранения России (в старом понимании) за рубежом требовало активизации и воспроизведения тех прецедентных феноменов, которые служат культурными ”скрепами” в национально-исторической преемственности.

Во-вторых, страх перед денационализацией ”детей” (подростающего поколения, воспитывающегося вне пределов страны, родной культуры, языка), остро ощущаемый и переживаемый старшим поколением, способствовал со стороны педагогов, философов повышенному вниманию к преподаванию важных в культурно-историческом отношении имен.

В-третьих, реакция на советские государственные символы, знаки, проводившие новые идеи и ценностно-идеологические ориентиры (*красное знамя, пионерские галстуки*), дискуссия в СССР о возможности смены кириллицей латиницей и др., в эмигрантской публицистике была болезненной, острой и иронической.

Примечательно, что эмигрантская пресса осталась довольно равнодушной к иноязычным прецедентным феноменам (применительно к той эпохе). И это понятно: будучи погруженными в иной культурный контекст, в иные социальные и бытовые условия, такие феномены не вызывали у русских эмигрантов той живой эмоционально-языковой реакции, как, например, советские языковые символы.

Выделенные и систематизированные выше типы и подтипы прецедентных явлений стали структурно-теоретической основой нашего анализа феноменов в корпусе эмигрантской прессы. Из нашего рассмотрения исключены автопрецеденты, поскольку они чаще всего представлены и используются в узком окружении индивида (в семейном общении, в профессиональном коллективе), изучение их требует сбора материала, основанного на индивидуальной речевой практике индивида. В газетном языке возможность изучения автопрецедентов также существует, если проследить публикации того иного журналиста, писателя, активного читателя газеты, однако сбор такой информации не входил в наше намерение. Таким образом, из представленной четырехчленной классификации прецедентных феноменов в качестве объектов нашего изучения остаются три: прецедентные имена, прецедентные события, прецедентные феномены (в узком смысле).

2.0. Прецедентные имена

В группу прецедентных имен включают индивидуальные имена, связанные с известным литературным текстом (*Колобок, дядя Степа, Обломов, Тарас Буль-*

ба, Печорин, Онегин), или реальной/мифической ситуацией, выступающей как "прецедентно-порождающая" для того или иного имени (*Иван Сусанин, Колумб, Иуда*). Это узкая трактовка прецедентных имен, изложенная, напр., в: [Гудков 1997; 1999]. Существует и более широкое понимание данного феномена, куда включаются различные типы имен собственных (антропонимы, топонимы, гидронимы, этнонимы, зоонимы) и нарицательные имена, которые несут печать культурно-исторической, общественной, страноведческой значимости, обладают высокой степенью прагматической информативности или экспрессивности (*Ясная Поляна, Вишневый сад, Кремль, Москва, Волга, волк, чукча*) [Красных et al. 1997: 63; Химик 2002; Красных 2003: 197-209; Фролова 2003]. В дальнейшем изложении мы будем придерживаться широкой интерпретации прецедентных имен. Рассмотрим сначала имена собственные, которые составляют значительный фонд прецедентных имен в нашем корпусе. Особое положение имени собственного в языке диктуется тем, что его номинативные возможности сосредоточиваются на обозначении единичной реалии, а не класса предметов. Поэтому имя собственное не имеет значения, но имеет смысл. В силу этого имя собственное нарекает, именуется, оно телеологически соотносено всегда с одним предметом (денотатом). На это отличие имен собственных от имен нарицательных в языке Н.В. Крушевский указал еще в конце 19 века [Крушевский 1883: 141]; полвека спустя это доказал польский лингвист Е. Курилович: имена собственные имеют узкую сферу употребления и обладают "крайне богатым лингвистическим содержанием" [Курилович 1962: 11]. Немецкий философ и логик конца 19 века Г.Фреге в статье "Смысл и денотат" (1892 г.; [Фреге 1977]) дал следующую логико-семантическую характеристику имени собственного: это "способ представления денотата в знаке". Так, имя собственное "Аристотель" может иметь несколько смыслов: "ученик Платона", "учитель Александра Македонского", "автор первого трактата об искусстве поэзии", причем все они относятся к одному денотату (индивиду по имени Аристотель). Но эти смыслы не всегда могут быть адекватно взаимозаменяемы без потери той или иной порции информации, заключенной в пропозиции; в некоторых ситуациях, без контекстной или пропозициональной поддержки, эти смыслы могут даже дезориентировать читателя.

В публицистическом тексте имена собственные участвуют в построении коммуникативного акта между автором (редакцией) и читателем; обычно используются имена, которые чаще всего широко известны представителям той или иной нации, социума, группы благодаря их (имен) коннотативной маркированности. И инкорпорирование имен собственных в публицистический дискурс, и интерпретация их читательской аудиторией является непременной составной частью фоновых знаний социума, т.е. набора представлений о мире, носящих надындивидуальный, надличностный характер. Едва ли для презентации своей позиции, своих симпатий/антипатий автор (в обобщенном смысле) публицистического текста будет апеллировать к никому неизвестным личностям, персонажам, обладающим/обладавшим именами собственными (реальными или вымышленными), но не подвергшимся семантико-метафо-

рической генерализации и – вследствие этого – не зачисленным в ранг прецедентных имен.

Имена собственные как разновидность прецедентных феноменов мы разделяем на две большие группы:

1. реальные онимы (антропонимы, топонимы, мифотопонимы);
2. нереальные онимы (библионимы, теонимы, литературные антропонимы).

2.1. *Реальные онимы*

2.1.0. Антропонимы

2.1.1.0. *Антропонимы, называющие современников.* В этой группе мы обратим внимание на некоторые характерные особенности использования антропонимических моделей (имена, отчества, фамилии) в эмигрантской прессе.

Для анархических газет типично преимущественное использование фамилии и прозвища. Традиция именованья индивида прозвищем идет из подпольного дореволюционного прошлого, когда революционеры-подпольщики с конспиративной целью (сокрытия подлинного имени от царской охранки) имели даже не одно, а несколько прозвищ, причем очень часто подлинную фамилию знали немногие. Личные имена в анархической прессе встречаются намного реже. Приведем несколько цитат:

Несмотря на очевидность лжи и инсинуаций, *Меккель* приговаривается ”ческой” к 5 годам концентрационного лагеря.. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Морозов. [...] Старый анархист. [...] Способный агитатор. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Полевой, Лев (“Пересытский”). [...] Анархист с 1918 г. [...] Большевиками арестовывался дважды. Был отправлен по этапу в Харьков, где содержался несколько месяцев в ”политизоляторе”. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

В числе арестованных находятся максималисты: .. левые социалисты-революционеры *Рябинин* и *А. Рыбкин* – участник работ в революц.[ионном] штабе партизан против атаманщины, бывш.[ий] политический каторжанин.. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

12-го апреля трое анархистов .. объявили голодовку с требованием полной выдачи пайка. Остальные (смертники л.[евые] с.[оциалисты]-р[еволюционеры] *Береснев*, *Груздева-Литвинова*, *Соколова* и *Сипер*, срочные с.-р. *Москвин* и *Эстрин*, анархисты *Николаев*, с.-р. (меньшинство) *Петров* и *Назаров* – следств.[енные] воздержались.. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Родионов, Изя. [...] Анархист-индивидуалист. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Розенберг, Исаак. [...] Анархист-синдикалист. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Арестованный во время последних арестов Меккель остается сидеть, а *Лиза*, незадолго до того освобожденная из "чека", снова арестовывается, прямо на улице, с заламыванием рук назад, мордобитием и другими прелестями чекистского обращения. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Несколько десятков особенно пылких энтузиастов в Америке образовали в 1921 году коммуны "Красная Звезда". [...] Во главе коммуны стоит Гордин. [...] У него конспиративная кличка: *Новомирский*. (Дни. 1925. № 692. 15 февр.)

При помощи специально присланного из Москвы агента-provokatora (Самуил Шварцман – клички: "*Шмилык-Лиснер*", "*Шмилык-provokator*") инсценируется "заговор".. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

В монархической, демократической публицистике прозвищ как нейтральных антропонимических знаков (принятых у анархистов) в нашем корпусе не встречается. Прозвищная "волна" захлестнула советский политический лексикон после победы большевиков. Как известно, многие известные революционеры после революции 1917 г. взяли себе в качестве фамилий политизированные (идеологизированные) партийные и подпольные прозвища (*Ленин* < *Ульянов*, *Сталин* < *Джугашвили*, *Киров* < *Костриков*, *Троцкий* < *Бронштейн*, *Зиновьев* < *Радомысльский*, *Володарский* < *Гольдштейн*, *Каменев* < *Розенфельд* и мн. др.). В эмиграции этот механизм работал, пожалуй, только в анархической среде, что объясняется общим подпольным прошлым всех "левых", нелегальных и террористически-ориентированных партий и групп. В эмигрантской среде, состоящей из дворян, интеллигентов, простых людей, этот механизм антропонимической субституции не был поддержан по нескольким причинам: 1. отсутствия такой традиции в дореволюционном прошлом, где фамилия (среди знатных родов) расценивалась как знак преемственности и знатности происхождения¹; 2. в массовом общественном сознании прозвища, принятые в среде революционеров, отождествлялись с прозвищами преступников, маргинальных элементов. Модификации фамилий в дворянской среде были довольно редки², и они касались главным образом их фонической стороны, чем идеологически окрашенного компонента в смысловой структуре фамилии; напр., подлинная фамилия генерала *Шкуро* (переделана по модели украинских фамилий на -о) была *Шкурб*. Ср. также усечение фамилии *Михненко* до *Махно* (известного украинского анархиста).

¹ Фамилии в среде купечества, мещанства, духовенства, крестьянства стали регулярно, официально регистрироваться только к середине 19 в. Напр., в среде купцов лишь самые богатые (так наз. "именитое купечество") получало право и честь обзавестись фамилией.

² Мы не касаемся здесь вопроса усеченных фамилий, дававшихся незаконнорожденным детям дворянских родов, например: писатель И.П. Пнин был незаконнорожденным сыном фельдмаршала Репнина (Репнин > Пнин, с усечением первого слога), И.И. Бецкой, секретарь Екатерины II, – незаконнорожденным сыном князя Трубецкого (Трубецкой > Бецкой, с усечением также первого слога), камердинер А.С. Грибоедова – Грибов, единокровный брат писателя (Грибоедов > Грибов, с усечением срединной части фамилии).

Антропонимическая модель «полное имя + отчество» используется в монархических изданиях только для называния представителей императорского дома:

... первая мысль народная, при свержении Красного ига, должна быть обращена к Великому Князю *Николаю Николаевичу* как к Единому Верховному Вождю. (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

Фонд спасения Родины имени Великого Князя *Николая Николаевича*. [...] Вклады и пожертвования могут вноситься или непосредственно в банк или через генерала Дитерихс [sic]. (Голос России. 1931. 2 авг. № 1)

Весной этого года исполнилось тридцать лет с тех пор, как по высочайшему Соизволению Государя Императора Николая II, О.И. Пантюховым в Царском Селе был основан скаутский отряд, в котором состоял покойный Наследник Цесаревич Алексей и недавно скончавшийся князь *Георгий Константинович*. (Возрождение. 1939. 7 июля. № 4191)

Есть у нас "отряды" "зарубежной армии *Николая Николаевича*"¹, и сравнительно недавно возникли "отряды корпуса императорской армии и флота", подчиненные *Кирилу* [sic] *Владимировичу*². [...] К *Кирилу Владимировичу* от *Николая Николаевича* уходят чаще всего потому, что в "императорском корпусе" быстрее и щедрее производство. (Дни. 1926. 16 нояб. № 1160)

В нашем корпусе встретился только один случай использования патронима (отчества) – *Ильич* (применительно к В.И. Ленину). До революции патроним служил одним из его многочисленных партийных прозвищ, после революции в советских газетах он стал публицистическим, позитивно окрашенным обращением к руководителю Советского государства³ (сжатый обзор антропони-

¹ Великий князь Н.Н. Романов.

² Великий князь К.Н. Романов.

³ Ср. несколько примеров из советских газет того времени: "Не стало Ленина... Стучит в мозгу упрямо: // Не стало Ленина... Не стало *Ильича*" (А. Безыменский. Иное солнце: Стихи и поэмы. [М.]: Новая Москва, 1924. С. 84); "Как *Ильич* отзывался на наши нужды!" (Рабочая Москва. 1925. 20 янв.); "Иногда представляют *Ильича* какой-то холодной счетной машиной, великим арифмометром и воплощением холодного ума и холодной воли. Это – неправда" (Бухарин. Памяти *Ильича*. 21 янв. 1925); "Четырнадцатилетний Коля Смирнов из Вышнего Волочка темой своего рисунка избрал отъезд Владимира *Ильича* на паровозе со ст. Разлив. Юный художник изобразил *Ильича* у паровозной топки" (Изв. 1938. 21 янв.); "Эти слова служили и служат до сих пор гениальным заветом великого *Ильича*" (Изв. 1938. 21 янв.). Популярность использования отчества *Ильич* в послереволюционное время часто связывается с языком деревни: "Примеры влияния языка деревни на городскую речь чрезвычайно редки; вполне возможно, что использование [отчества] *Ильич* связано с этим, для того чтобы создать образ мудрого, но доброжелательного политического лидера. Даже если полагать его исходное употребление сельским населением, это несомненно инспирировалось, с определенной целью, официальной пропагандой. В 1960-е годы использование такого выражения, как *родной Ильич* (наряду со сходной публицистической номинацией *дедушка Ленин*) стало фактически обязательным в детской литературе" [Comrie et al. 1996: 264 сноска 7; перевод наш. – А.З.]. Ср. любопытные рецепции отчества *Ильич* в лагерной лингворечевой практике: "Для меня в [Фастенко] едва ли не главное и самое удивительное было то, что он лично знал Ленина, сам же он вспоминал это вполне прохладно. (Мое

мической системы после революции 1917 г. дан в: [Comrie et al. 1996: 258-267]). В эмигрантских газетах этот антропоним встречается как заимствование из советского публицистического языка, но контекст сигнализирует, как правило, негативную коннотацию:

Всякая иностранная интервенция для нас, хотя бы и спасла она Россию, – это значит новое пролитие крови Русского народа. [...] Намылят нам холки, накинут веревки пеньковые и виси во славу *Ильича*, в честь 3-го интернационала. А уж кто наденет петлю – свои ли, чужие – нам от этого будет не легче. (Рус. правда. 1925. сент.-окт.)

... изъятыми оказались не только Крылов, Чехов, Салтыков, но и ”коммунистический” Демьян Бедный... Это приводит в уныние даже ”Правду”. И условия, при которых, очевидно, всякая изъятая книга является подозрительной и считается ”принадлежащей изъятию”, газета называет ”поистине кошмарными”. Любопытно, что столь ценное признание печатается рядом с похвалами ”великому *Ильичу*”, под руководством которого эти кошмарные условия водворены. (Дни. 1925. 28 янв. № 676)

Наименование лиц по формуле «полное имя + фамилия» осуществляется нечасто, но чаще всего оно выполняет не столько номинативную функцию, сколько несет дополнительную прагматическую нагрузку, маркирующую этническую принадлежность индивида в некоторых (в частности, националистических, монархических) изданиях:

”Равнодушие эмигрантской толщи” стало уже давно зловещим: с той самой исторически позорной для всех нас ночи с 16-го на 17-е июля 1918 года, когда наметившаяся будущая ”национальная эмиграция” преступно-равнодушно стояла перед Голгофой Великой Национальной России, воздвигнутой в Коптяковском лесу руками изуверов Христовой веры *Янкеля Свердлова*, *Исаака Голощекина* и *Янкеля Юровского*. (Голос России. 1933. янв.-февр.-март. № 17-18-19)

Бела Кун, по настоящему *Аарон Кон*, – нечистый на руку проходимец из журналистов-неудачников, *Иосиф Погани* – сын обмывальщика трупов при будапештской синагоге., *Тибор Самули* – чахоточный садист и грабитель из подонков венгерского гетто, *Корвин Клей* – горбатый иудей, забавлявшийся тем, что засовывал при допросах привязанным к стульям голям длинную линейку в горло, – вот главные фигуры завладевшего Венгрией кагала.. (Сигнал. 1938. 15 сент. № 39)

Один из излюбленных приемов семиотического ”занижения” и ”карнавального переворачивания” (по Бахтину), осмеяния в газетно-журнальной полемике тех или иных лидеров общественного движения, партии, иронического отношения к известным литераторам, публицистам является употребление фамилий во множественном числе. Как известно, категория числа у антропонимов

настроение было тогда такое: кто-то в камере назвал Фастенко по одному отчеству, без имени, то есть просто: ”*Ильич*, сегодня парашу ты выносишь?” Я вскипел, обиделся, это показалось мне кощунством, и не только в таком сочетании слов, но вообще кощунство называть кого бы то ни было *Ильичем* кроме единственного человека на земле!” (Солженицын. Архипелаг ГУЛаг).

– условная категория, так как антропонимы референциально отнесены к единичному предмету (индивиду), поэтому их типичная языковая форма – быть *singularia tantum*. Конечно, возможно использование множественного числа для совокупного наименования членов одной семьи, носящих одно и то же имя: *Петровы, Смирновы, Ивановы*, то есть все представители данной семьи или выходцы из нее, живущие уже вне ее, но связанные кровными (генетическими) узами с исходной. В этой особенности грамматического употребления антропонимов уже заложен семантико-прагматический росток последующей прагматической трансформации фамилии (употребленной во множественном числе) в публицистике. Категория множественного числа в классе онимов и аппеллативов имеет различное семантико-прагматическое содержание: нарицательные имена (аппеллативы) выражают отношение между единичным предметом и любым множеством **однородных** предметов, категория числа у антропонимов выражает отношения между отдельным предметом (индивидом) и конечным множеством **неоднородных** индивидов. Таким образом, категория множественного числа антропонимов находится в пограничной области между лексикой и грамматикой. Анализируя категорию чуждости в русском языковом сознании, А.Б. Пеньковский считает оппозицию единственного и множественного числа структурирующей для различения ”своего” и ”чужого”. Мир ”своих” очерчен рамками уникальных, индивидуальных, определенных в своей конкретности и известных социуму дискретных объектов, будь то имена собственные (в узком смысле слова) или нарицательные, но они тоже ”свои”, так как называют реалии ”своего” мира. ”Свой” мир – это мир собственных имен. В нем и нарицательные имена ведут себя как собственные. ”Свой” мир – это мир форм единственного числа со значением единичности. [...] ”Чужой” мир ... – это мир этнически и/или хтонически., социально или культурно .. чуждый и враждебный” [Пеньковский 2004: 17]. Между мирами (”своим” и ”чужим”) постоянно осуществляется трансфер реалий, что не может не касаться функционирования имен. Так, переход из единственного числа во множественное и из имени собственного в нарицательное маркирует переход из зоны ”своего” в зону чуждости, из единичного имени превращает его в типизированное, наполненное в культуре определенными коннотациями: *Лютер* > *лютеры*, *Магомет* > *магометы*, *Бонапарт* > *бонапарты*, *Наполеон* > *наполеоны*¹.

Модель использования антропонимов во множественном числе стала особенно распространенной в сфере публичных дебатов с конца 19–начала 20 вв.² Реальнограмматическая множественность в антропонимах, в принципе,

¹ Ср. у Пушкина: ”Мы все глядим в *Наполеоны*, двуногих тварей миллионы...” («Евгений Онегин»).

² Ср. использование данной модели в литературе: ”Самое простое, естественное для меня было бы то, чтобы высказать злодеям, называющих себя правителями, всю их преступность, всю мерзость их, все то отвращение, которое они вызывают теперь во всех лучших людях, и которое будет в будущем общим суждением о них, как о *Пугачевых*, *Стеньках Разинных*, *Маратах* и тому подобному” (Л.Н. Толстой. *Убийцы*, 1902 г.).

ограничена рамками семьи, рода, коллектива индивидов, связанных родственными связями. Выход за рамки конечного множества ведет к появлению апеллатива, обозначающего определенный социальный слой, группу лиц, характеризующихся в том или ином отношении схожими признаками. В этом случае аномальная (для онимов) форма множественного числа имеет обобщающее (вторичное) значение. Данная разновидность метонимического переноса (так наз. *отрицательная антономасия*) – характерная черта языка эмигрантской прессы. Антономасия создает многослойность текста, она основана на игре с именем, служит средством построения новых смыслов (реже – положительных, чаще – отрицательных) в зависимости от смысловых параллелей, проводимых с индивидом, персонажем, имя которого было использовано автором как нарицательное. Как видно из приводимого ниже цитатного материала, лишь немногие из имен, попавших в поле действия механизма антономасии, закрепляются в узусе и в языковом сознании на длительное время; большинство прецедентных имен представляют узколокальные и хронологически-ограниченные окказионализмы, сообщающие повышенную эмоциональность и экспрессивную выразительность газетному тексту. Ср. примеры из нашего корпуса:

... это неизбежное грядущее [демократии в России. – А.З.] предвидят и те, кто – пользуясь, одни большевиками, – другие *Колчаками* и *Врангелями*, стараются сейчас покрепче вбить осиновый кол в живое тело великого государства. (Воля России. 1920. 18 сент. № 6)

... всякий раз надежды рушились и всегда в конце концов одерживала верх враждебная темная сила. И это будет так до тех пор, пока не перестанут делать русскую белую политику и не вернуться в свое смрадное подполье господ *Савинковы*, *Чайковские* и все те, кто так или иначе – по недомыслию ли, или по сознательному расчету – были причастны к подлой измене, именуемой "великой" русской революцией, доведшей Россию до неслыханного позора и до бесконечных страданий. (Призыв. 1920. 13 (29.2) марта. № 62)

Южные газеты Врангелевского [sic] толка .. дают тем не менее безотрадную картину бесшабашного хозяйничанья *Пильцев*, *Кривошеиных*, *Глинок*, *Гербелей*, жандармских ротмистров и помпадуров всех чинов и званий. (Воля России. 1920. 14 сент. № 2)

Г.г. *Осоргины* метали бы громы и молнии. (Младоросская искра. 1933. 10 июля. № 31)

А исторический враг, вернее – враг исторической России есть, во-первых, и прежде всего, комвласть, уже уничтожившая 40 миллионов русских людей, и, во-вторых, лица, помогавшие *Лениным* и *Троцким* прийти к власти. (Сигнал. 1938. 1 сент. № 38)

Вербальные знаки отрицательно-прагматической или, напротив, позитивно-прагматической оценки (слова-интенсификаторы) выражаются в русском языке многими средствами: препозитивными прилагательными или именами существительными с оценочной прагматикой, префиксами, анафорой, лекси-

ческими конкретизаторами и др. (обширные списки и примеры, содержащих разного рода интенсификаторы, в революционном публицистическом дискурсе приведены в: [Селищев 1928: 121-135]). Ср. несколько цитат из советских газет, представляющих типичные публицистические штампы того времени:

Уничтожить *троцкистскую банду!* (Лесн. промышл. 1937. 29 янв.)

Банда убийц и шпионов, именовавшая себя "право-троцкистским блоком", приговорена к расстрелу. (Пионерск. правда. 1938. 14 марта)

День 12 декабря 1937 года войдет в историю человечества, как незабываемая дата великого торжества советского, социалистического демократизма. Он войдет, этот знаменательный день, в историю нашей родины, как грандиозная, еще невиданная по своим масштабам, демонстрация политического и морального единства свободного советского народа, его нерушимой сплоченности вокруг своей партии, самой могучей, самой авторитетной в мире, партии Ленина – Сталина, вокруг своего любимого Сталина, мудрого продолжателя великого дела Ленина. (Изв. 1937. 13 дек.)

В народной поэзии Сталин выступает как *великий зодчий* коммунистического общества, создатель счастливой жизни, *мудрый* отец народов СССР. (Пропагандист и агитатор РККА. 1939. № 23)

Эта мразь также вела активную антисоветскую работу, помогала *бандиту* Троцкому и его хозяевам – германским и японским фашистам. (Изв. 1937. 30 янв.)

Убийцам, шпионам, предателям, фашистским выродкам из "право-троцкистского блока", *всем этим бухариным, рыковым, ягодам* и другим предателям нет и не может быть места на нашей священной советской земле. (Правда. 1938. 3 марта)

Для того чтобы удержать свое господство, буржуазия все больше и больше прибегает к открытым формам подавления рабочего класса, к помощи фашистов – *самых свирепых, самых реакционных* представителей финансового капитала. (Казахстанск. правда. 1936. 18 июня)

В советском дискурсе 20-30-х годов интенсифицирующие дескрипторы очень часто сопровождали имена собственные (фамилии), обозначающие как противников, так и сторонников советского строя. Эмигрантская публицистика пользовалась такими языковыми интенсификаторами намного реже; пожалуй, только публицистика народно-патриотических изданий прибегала к подобным приемам языковой дискредитации политического оппонента:

Снова раздалась резкая команда: "Садись", и, как один, красноармейцы опустились на скамейки и все замерло в мертвой тишине. [...] Над их головами .. с облупившейся штукатурочкой стены казармы глядела *прищуренными, хитрыми глазками дегенеративная физиономия Ленина...* (Голос России. 1933. янв.-февр.-март. № 17-18-19)

Что же касается демократического понимания морали вообще, хорошей иллюстрацией являются писания демократа – проф. Богословского института

Итак, для этой группы прецедентных имен характерно тяготение к расширению (размыванию) границ значения (семантическая диффузия), что вызвано повышенным вниманием к антропонимам, попавшим в фокус общественного мнения и приобретшим те или иные коннотативные компоненты. Имена становятся трансляторами некой идеи, благодаря чему и появляется возможность снабжения их позитивными или негативными оценочными прилагательными или описательными конструкциями.

2.1.1.1. *Имена, фамилии исторических персонажей.* Использование таких имен в публицистике преследует следующие цели: а) апелляции к прецедентам в прошлом, инициаторами которых были исторические личности, б) модально-оценочной характеристики современных деятелей, выявляющей те или иные стороны их деятельности. Отбор имен далеко не случаен, а выполняет важную ориентирующую функцию как для продуцента публицистического текста, так и его реципиента. В нашем корпусе имена исторических личностей (как далекого, так и близкого прошлого) служат для экспликации следующих идей:

а) выражение идеи деспотизма, жестокости, репрессивности, самовластия. Это одна из самых актуальных и постоянно репродуцируемых тем в эмигрантских газетах при характеристике правления советских вождей. В качестве сигнализирующих выступают такие онимы:

- *Иван Грозный* (отложившиеся в русском культурно-ментальном сознании ассоциации с жестокостью), *Малюта Скуратов* (один из организаторов опричнины; в русском культурном сознании ассоциируется с безжалостной, беспощадной жестокостью):

Подавив огнем и мечом крестьянские восстания в России и на Украине, коммунистическая власть окончательно разорила крестьянское хозяйство. Карательные экспедиции действовали в деревне, подобно опричникам *Ивана Грозного*. [...] Благодаря варварской системе заложничества и круговой поруке, были пролиты потоки невинной крови. (Анархич. вестник. 1924. № 7)

На требовательных мастеров и техников рабочие, наиболее развращенные призраком своей якобы диктатуры, доносят в заводскую комячейку; комищайки бегут в чеку и неизбежное совершается. Головорубка Дзержинского начинает действовать: "в 99 случаях из 100" столкновение с рабочими кончаются для мастеров очень печально", – сознается *Малюта Дзержинский*. (Дни. 1925. 3 февр. № 681)

- *Наполеон, Бонапарт*, а также дериват *наполеоновский* (ассоциации с политическим вероломством, хитростью, авантюризмом). Это одно из самых частотных прецедентных имен в эмигрантской прессе.

¹ Прозвище испанской революционерки Долорес Ибаррури, означающее "бурнопламенная, страстная" (исп. Pasionaria).

Любителям проводить параллели и находить сходство между красными маршалами СССР и *наполеоновскими*, маршалами революционной Франции, необходимо помнить существенную разницу. Маршалы Франции все свои военные заслуги, ордена и свою славу получили в боях с внешним врагом, а советские – исключительно в боях со своим же русским народом. У маршалов *Наполеона* подлинный военный талант, личный героизм и доблесть. У красных маршалов – карательные экспедиции, кровавая ”революционная совесть”, партийные интриги. Красные жезлы советских маршалов, омытые в крови замученных русских людей, никогда не заблестят. Они лишь символ бессудных расстрелов, насилия, проклятия безумных лет сталинской диктатуры. (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

Потуги Муссолини на *наполеоновские* позы делают его с каждым днем все смешнее, и с каждым днем он углубляет вырытую уже могилу для фашизма. (Анархич. вест. 1923. № 2)

Тухачевский вел к тому, чтобы поставить Кр.[асную] Армию вне политики, повести ее по национальным рельсам и при ее помощи совершить антисталинский переворот. Сталин учуял в Тухачевском *Бонапарта* и смертельную себе угрозу. (Рус. голос. 1939. 12 марта. № 414)

- *Торквемадо*¹ (ассоциации с крайней жестокостью, безжалостностью, беспощадностью):

... большевизм просто интересует как сила, держащая в повиновении громадную страну, и художников привлекает ”загадка Ленина”, как в свое время – загадка Наполеона или *Торквемадо*. (Дни. 1925. 10 февр. № 687)

- *Лоренцо Великолепный*² (ассоциации с трусливостью, необоснованной подозрительностью из-за страха лишиться должностных благ, потерять свое место), *Герострат*³ (символ честолюбца, добивающегося славы любым путем), *Фотий*⁴:

Некоторые все нарастающие деревенские действия из-за ”угла” убедительно свидетельствуют большевикам, что им пора для своих политических прогулок подалее от деревни выбрать закоулок. Так и делает *Лоренцо Великолепный* – блаженнейший в своей гнусности Анатолий Луначарский. Собираясь оскандалить в мировом масштабе русское искусство в Париже своим ”возглавлением” соответствующего русского отдела на международной, там открывающейся выставке этот *Герострат* русского просвещения, этот изуверный архимандрит *Фотий* коммунизма заранее ищет большевизму новых ”попутчиков в Европе” (”Известия” 20 янв.). И, конечно, обжегшись на русских рабочих и крестьянах,

---

¹ Томас Торквемада (Tomas de Torquemada, 1420-1498), первый великий инквизитор Испании, проявлявший особую жестокость с еретиками.

² Лоренцо Великолепный (1449-1492), правитель Флоренции, уничтоживший республиканское правление и удерживавший власть путём репрессий.

³ Грек, сжегший храм Артемиды Эфесской (одно из семи чудес света) с целью прославиться в истории.

⁴ Архимандрит Фотий (1792-1838), русский церковный консерватор первой трети 19 в., с именем которого связана борьба с масонскими ложами в России, попытка ограничения философского и естественнонаучного знания, в результате чего в демократической публицистике 19 в. он часто награждался эпитетами мракобеса, изувера, обскуранта.

современный министр "народного затемнения" в толщу европейской демократии за попутчиками не суется. (Дни. 1925. 27 янв. № 675)

В этом публицистическом пассаже любопытны языковые средства дискредитации политического (идеологического) оппонента, использованные в демократической газете. Один из ведущих деятелей советской культуры, народный комиссар просвещения, получает целый спектр характеристик, реализуемых при помощи прецедентных имен. Сам набор этих имен достаточно красноречив: с одной стороны, он дает представление о некотором наборе прецедентных имен в интеллектуально-культурном багаже журналистов типичной эмигрантской газеты, с другой – показывает лингвопрагматические механизмы дискредитации. В этой цитате можно выделить два характеризующих ряда: 1. морально-оценочный; 2. профессионально-оценочный. Морально-оценочный ряд ряд открывается апелляцией к имени Лоренцо Великолепного, призванного связать в сознании читателя данного персонажа с комиссарской должностью Луначарского; далее следует нагнетание, суммирование характеристик "красного комиссара": предельная, крайняя моральная низость, переходящая в беспринципность, притворное лицемерие (*блаженнейший¹ в своей гнусности*); мания величия, крайнее честолюбие (*Герострат просвещения*); слепое подчинение идеологической доктрине, фанатичное мракобесие (*Фотий коммунизма*). Профессионально-оценочный ряд формируется за счет оппозитивно-антонимической пары понятий *нарком народного просвещения ↔ министр "народного затемнения"*. Такое сложное лингвориторическое построение пытается "вписать" данную фигуру в галерею исторических прецедентных персонажей, создавая оценочные характеристики не за счет нагнетания отрицательных эпитетов или бранно-грубых оценочных прилагательных, но за счет рационально-понятийной оценочности, формируемой прецедентными историческими именами. Даже антонимическая пара *просвещение – затемнение* построена с использованием отвлеченных имен существительных, противопоставляемых скорее на шкале рациональной оценки, нежели эмоционально-экспрессивной. Рационально-оценочные антонимы можно также характеризовать как конверсивные (т.е. антонимы, обозначающие противоположно направленные свойства, качества).

В качестве контрпримера уместно привести цитату, которая представляет образчик построения синонимических (или антонимических) рядов публицистического стиля в русском языке советского времени:

"Изумительный", "невероятный", "колоссальный", "незабываемый", "неизгладимый", а в особенности "потрясающий" и тому подобные эпитеты льются их советских литературных уст, как вода из фонтанных дельфинов, всякий раз, как дело заходит о какой-нибудь речи или просто афоризме возлюбленных вождей. (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

¹ Ср. в СУ: *Блаженный* – 2. только полн. формы. Глуповатый, чудаковатый (первонач. юридический) (разг.).

Совершенно очевидно, что синонимизация слов предельно-оценочной семантики уничтожает между ними разницу, стирает реальное денотативное содержание и превращает их в словесные конфетти, лингворитуализованные и десемантизированные штампы. Эмигрантская пресса намного осторожнее использует такой стилевой прием. Пожалуй, исключения составляют народно-патриотические издания, охотно прибегающие к нагнетанию слов с резкой оценочностью, заложенной уже в самой семантической структуре слова (обычно это существительные или прилагательные), для открытого выражения своей позиции по отношению к тому или иному политическому оппоненту. Подавляющее же большинство эмигрантских газет предпочитает использовать рационально-оценочные характеризующие лексемы, нежели такие, в которых оценочность семантически/прагматически эксплицирована.

б) выражение идеи оппозиционности, противоборства с отжившими догмами: *Лютер* (аллюзии к реформаторству, изнутри подтачивающему официальную идеологию, господствующее учение), *Александр Македонский* (ассоциации с решительностью, смелостью, твердостью):

Какие же отношения создаются между прежними собственниками, у которых их имущество отнято на основании отмены принципа частной собственности, и новыми приобретателями, для которых этот принцип восстанавливается? Найдется ли *Александр Македонский*, который этот невиданный гордиев узел сумеет разрубить?... (Руль. 1920. 2 дек. № 14)

История Сырцова и его сподвижников, а в нынешнем году Скрыпника, Шляпникова и многих других второстепенных показывает, что советский правящий слой – коммунистический мирок – сам вырабатывает в своей среде своих *Лютеров*. (Младоросская искра. 1933. 15 авг. № 32)

в) выражение идеи фантазмагористичной, иллюзорной, призрачной жизни (о советской действительности): *гофманская жизнь*¹.

Вся Россия должна жить какой-то *гофманской*, сказочной, двойственной жизнью. Официально [sic] должны говорить казенные слова о "коммунизме", "социалистическом строительстве", "новой морали", а про себя, дома, – за бутылкой вина, как писал Оссовский, – мечтать, как заполучить "свой крошечный домик, свой ход, свой ключ, и, главное, свою кухню, хотя бы все это не превышало 6 квадратных аршин". Вы скажете: это мещанство. Нет. Это реакция всего человеческого изнасилованного ленинизмом организма на условную ложь нового мира, который не создан и которого кнутом и наганом создать было невозможно. (Дни. 1926. 21 нояб. № 1165)

Апелляция к идеям и темам этого писателя, конечно, неслучайна; в русской литературе и публицистике сопоставление жизненных ситуаций, мироощущения литературного персонажа с тематикой рассказов, повестей Гофмана являлось одним из излюбленных. Ясно, однако, что использование фамилии

¹ Темы двойничества, химеричности, безумия, трагичности бытия – одни из ведущих в творчестве немецкого писателя-романтика Э. Т. А. Гофмана (1776-1822); влияние его творчества на русских писателей от Жуковского до Набокова было значительным.

Гофмана как прецедентного имени (т.е. стоящими за этим именем культурными, литературными аллюзиями) ограничено рамками интеллектуалов, интеллигенции.

г) выражение идеи преемственности (гордость за предшественников, выступающих своеобразными духовно-моральными ориентирами русской (и славянской) культуры, осознание и попытка сохранения культурной традиции и единения сил в эмиграции). Обычно в этом ряду прецедентных имен доминируют фамилии поэтов и писателей, государственных, церковных фигур: *Петр Великий* = *Петр Первый*, *Пушкин*, *Достоевский*, *Чехов*, *Сергий Радонежский*, *Иоанн Кронштадтский*, *Иоанн Гус*.

200-летие смерти *Петра Великого* совпало с мрачной полосой нашей истории, когда даже слово Россия запрещено произносить там, в России. (Дни. 1925. 10 февр. № 678)

Очередной симфонический радио-концерт Дженерал Моторс .. будет посвящён величайшему русскому поэту *А.С. Пушкину*. (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35)

”Того, что происходит в России, – начал *А.В. Карташев*, – никогда не было. Это более чем варварское, это нечто адское. Восстать на человека, убить в нем душу, Бога, мораль, превратить человечество в послушное быдло – вот сатанинская цель большевиков, угаданная *Достоевским*”. (Сегодня. 1930. 2 янв. № 2)

... изъятими [из библиотек.] оказались не только *Крылов*, *Чехов*, *Салтыков*, но и ”коммунистический” *Демьян Бедный*... Это приводит в уныние даже ”Правду”. (Дни. 1925. 28 янв. № 676)¹

... Микса в своем ”Течении” [название пьесы. – *А.З.*] – *чешский Чехов*²: полная внешняя статика, богатая душевная скала переживаний, надрыв и скептицизм. (Огни. 1924. 28 янв. № 4)

Кропотливая работа русских историков за последнее полу столетие убедительно доказала, что *петровская* реформа не была таким резким отрывом от прошлого, как это представляли себе ранние славянофилы. *Петр* осуществил то, к чему стремился семнадцатый век. (Дни. 1925. 10 февр. № 678)

О. Иоанн Кронштадтский был известен всей России как пастырь добрый, посвятивший всю свою жизнь не только вверенному ему стаду, но и всей православной России. (Рус. голос. 1939. 16 апр. № 419)

Пять лет назад, в 1920 году, назначенная Совнаркомом комиссия являлась вскрыть и ограбить мощи *Святого Сергия* [Радонежского]. (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

¹ Примечательно, что фамилии русских писателей выступают в одном предложении, но связь между ними не сочинительная, а противительная-сопоставительная; фамилия писателя, активно пропагандирующего новый строй, снабжается интенсификатором *коммунистический*.

² Сопоставление художественного мира пьесы, написанной чешским автором, осуществляется на основе интертекстуальной отсылки к фамилии русского писателя и стоящих за ней фоновых знаний о Чехове как реформаторе драмы 20 в.

Мы знаем, что советская власть порвала со всем историческим прошлым России. [...] Потушена лампада *Сергия Радонежского*. Уничтожены все русские святыни. (Сигнал. 1939. 1 апр. № 52)

Сибирское казачество обратилось к чехословакам с призывом скрепить узы братства, связующие славян между собой; в ознаменование оказанных уже великих услуг постановило, что первый полк вновь формируемых казачьих сил будет носить имя *Иоанна Гуса*. (Призыв. 1919. 5(23) сент. № 46)

Реставрация имен русской истории и культуры, начатая большевиками с идеологическими целями – внедрения в общественное сознание накануне Второй мировой войны идеологемы о восстановлении традиций преемственности между лучшими образцами в старой (resp. народной) России и новой, советской¹, иронично и болезненно воспринималась эмигрантами, которые усматривали в этом ”грабеж” старых российских ценностей и беззастенчивое присвоение русской истории советскими правителями:

С целью поднять дух и создать ”патриотические” настроения, вспомнили о *Владимире Св.[ятом]*, *Александре Невском*, *Петре Великом*, *Суворове*, *Кутузове*, *Багратионе* и др. ”русских полководцах, защитниках родной земли”. Отменили даже старый текст присяги, имевшей интернациональный характер, и ввели новый, где говорится о присяге на ”верность народу и Родине и Рабоче-Крестьянскому [sic] правительству”. (Рус. голос. 1939. 2 марта. № 414)

Более индивидуальны ассоциации, представленные в следующей цитате, в которой часть прецедентных имен не получила символического закрепления в культурном сознании, однако они могли легко интерпретироваться, ”прочитываться” современниками; так, ассоциации с разорванностью, трагичностью бытия связываются с именем *Бетховена*, ассоциации с жестокой, зверством, насилием – с *Чингис-ханом*, ассоциации с эпохальностью, эпичностью происходящих событий – с *Гомером*:

Поворот мира. Все плотины снесены, все глубочайшие шлюзы открыты. Силы неба и силы ада вырвались на волю. Небо и ад в тебе! Небо и ад... Блудница, Иисус, *Чингиз-хан* [sic], *Бетховен* и слепой *Гомер* – всё в тебе! Гибель мира и его возрождение – то и другое совершается в тебе! (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Таким образом, антропонимы в эмигрантской прессе обнаруживают довольно отчетливую дифференциацию по функционально-прагматическим зонам: имена зарубежных исторических персонажей явно тяготеют к выражению

¹ Л. З. Мехлис, начальник Главного политического управления Красной Армии, 13 мая 1940 г. выступил с докладом ”О военной идеологии”, где он произнес такие слова: ”Слабо изучается военная история, в особенности русская. У нас проводится неправильное охаивание старой армии, а между тем мы имели таких замечательных генералов царской армии, как *Суворов*, *Кутузов*, *Багратион*, которые всегда останутся в памяти народа, как великие русские полководцы, и которых чтит Красная Армия, унаследовавшая лучшие боевые традиции русского солдата. Эти выдающиеся полководцы забыты, их военное искусство не показано в литературе и остается неизвестным командному составу...” (Исторический архив. 1997. № 3).

негативных ассоциаций (количество имен с нейтральными или позитивными коннотациями им заметно уступает). Напротив, имена русских (славянских) деятелей предстают как позитивно маркированные прецедентные онимы.

2.1.2.0. *Топонимы*. Прецедентные имена, представляющие наименования тех или иных мест, выступают в эмигрантской прессе характеризующими знаками пульсирующей, взломанной революционными событиями современности. Рассмотрим некоторые типы топонимов, зафиксированных в нашем корпусе.

2.1.2.1. *Урбанонимы* – наименования населенных пунктов. Социальная революция 1917 г. принесла с собой и топонимическую революцию: массовое переименование городов, поселков, сел, областей с целью идеологическо-политического искоренения старого строя, закрепившего свои культурно-идейные, исторические ценности в ойконимах, и внедрения новой, большевистской, идеологии при помощи присвоения населенным пунктам фамилий (прозвищ) коммунистических лидеров, или имен, отражающих пролетарские идеи. Понятно, что топонимические новшества инициировали в эмигрантском дискурсе сложную и противоречивую игру старых и новых названий. Часто советские названия давались с параллельными дореволюционными, причем особое внимание обращалось на идеологические переименования:

ТАСС сообщает, что совет народных комиссаров советской Великоруссии [sic] решил превратить *Сталинград*, бывшую *Царицынскую*, .. в "район образцового социалистического строительства". (Сегодня. 1930. 7 янв. № 7)

Цитирование советских газет, особенно тех статей, где затрагиваются политико-идеологические мотивы переименований, является для эмигрантской прессы важным источником политико-идеологической информации о процессах, происходящих в СССР:

1 января 1933 года тот же [Северо-Кавказский] крайком постановил: "Снять с черной доски станицу Полтавскую ввиду законченного выселения ее жителей из пределов края и заселения ее колхозниками, переселенными с севера. [...] С севера, с Урала, из Белоруссии, из *Ленинградской области* и малоземельных районов Московской области и Центрально-Черноземной прибывают колхозники на новое поселение в станицу Полтавскую. Уже прибыло 1193 колхозника. [...] Сейчас позорная станица *Полтавская* превращается в станицу *Красноармейскую*..." [цитата из советской газеты "Молот"] (Голос России. 1933. янв.-февр.-март. № 17-18-19)

Одним из наиболее символически насыщенных прецедентных урбанонимов для эмиграции выступало название города Санкт-Петербург; в эмигрантской прессе мы зафиксировали следующие номинативные единицы (сменявшие друг друга на протяжении краткого хронологического отрезка), а также публицистическую перифразу: *Питер* – *Петроград* – *Петербург* – *Ленинград* – *град Петра (Великого)*. Примечательно, что официально-торжественного названия *Санкт-Петербург* в нашем корпусе не встречается ни разу. Разговорное наименование *Питер*, бытовавшее в русском речевом обиходе с начала

19 в. и быстро попавшее в литературу (Пушкин, Гоголь, Лесков, Достоевский, Некрасов и др.), в наших материалах фиксируется только в текстах анархической газеты. В монархических, военно-патриотических, правых изданиях это название не используется:

... по *Питеру* и Москве прокатилась волна забастовок. [...] Начались массовые аресты и обыски, заработала красная жандармерия вовсю, вылавливая все "крамольное" и "неблагонадежное". (Анархич. вестник. 1924. № 7)

Имя *Петербург* (производное прилагательное *петербургский*) несомненно доминирует в эмигрантских газетах, вызывая либо исторические (отчасти ностальгические) аллюзии:

15-28.VII [1914 г.] в *Петербурге* состоялось под председательством Государя заседание Совета Министров, на котором было решено .. принять соответствующие меры, дабы не быть застигнутыми врасплох австрийскими приготовлениями. (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173)

Канун ее [Первой Мировой войны. – А.3.] объявления. Огромные коленопреклоненные толпы в *Петербурге* перед Зимним Дворцом – лишь перед символом власти, ибо все знают, что Государя там нет. Национальные флаги, образа, плакаты... (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173)

До революции Ю. Гессен был крупным дельцом и биржевиком *Петербурга*. Он стоял во главе нескольких крупных страховых и транспортных предприятий..., имел репутацию очень ловкого и предприимчивого дельца. (Сегодня. 1930. 14 янв. № 14)

Мы разучились побеждать и были биты в "белых рядах" под влиянием туманов, столетие окутывавших нашу *петербургскую* военную администрацию бюрократию. (Единый фронт новой России. 1936. 19 янв. № 19)

либо выступая как нейтральное обозначение данного города (даже после смены его названия в 1924 г.):

24 января в *Петербурге*, на Выборгской Стороне, большевицкие жандармы (конная милиция) давили безработных, шедших в центр города с требованием открыть для голодающих рабочих общественные столовые. (Дни. 1925. 31 янв. № 679)

Несмотря на все красные гонения на религию, уцелевшие церкви полны, а кто боится туда ходить, тот молится у себя на дому. Даже красноармейцы в казармах, скрываясь от взглядов шпионов, ночью укрываются с головой и крестятся под шинелью. Один наш Братчик [член Белого братства. – А.3.] сообщает, как он был в *Петербурге*, в праздник Казанской Божьей Матери, на службе в Казанском соборе. [...] Собор был полон, не протолкаться. На глазах у молящихся слезы. Видно, это зрелище народной веры не понравилось красным. Теперь Казанский собор закрыт и обращен в "антирелигиозный музей". (Голос России. 1932. июль. № 12)

Многие советские граждане, живущие не в глубокой провинции, а в Москве и в *Петербурге*, до сих пор не получили денег, посланных им [из-за границы родственниками] на Пасху. (Руль. 1930. 20 июня. № 2906)

На общегородском собрании *петербургского* партактива один из адъютантов Сталина – Киров выступил 9-го ноября с резкой речью против оппозиции. (Дни. 1926. 17 нояб. № 1161)

Название *Петроград (петроградский)*, введенное в официальный обиход в 1914 г. вместо германоязычного *Петербург* в напряженной атмосфере начавшейся Первой Мировой войны¹, использовалось эмигрантами главным образом в первые послереволюционные годы, хотя следы такого именованя тянутся вплоть до начала 1930-х годов:

Вновь назначенный председатель "Чрезвычайки" в *Петрограде* издал прокламацию, в которой, обычным языком рассерженного на врача буйнопомешанного, излагает, что "белогвардейцы" и иностранные агенты удваивают свою "террористическую" деятельность.. (Призыв. 1919. 7 (23.9) окт. № 77)

В *Петрограде* и Москве зарегистрировано все "нетрудовое" население: бывшие помещики, чиновники, коммерсанты. (Возрождение. 1919. 14 окт. № 87)

Советские газеты сообщают, что по амнистии будут освобождены от 12 до 16 тыс. воров в Москве и *Петрограде*. Советское правительство решило большую часть этих достойных участников юбилейных празднеств освободить по окончании главных торжеств 7 и 8 ноября. (Возрождение. 1927. 6 нояб. № 887)

Голодные беспорядки в *Петрограде*. Толпа разнесла бывший магазин Елисеева, где продавались по особой цене отборные съестные товары для иностранцев и высших коммунистов. (Голос России. 1931. 1 сент. № 2)

Название *Ленинград (ленинградский)* значительно уступает по частотности имени *Петербург (петербургский)*. Если в момент переименования (в 1924 г.) это новое идеологическое название еще встречало языковой, по преимуществу ироничный, отклик эмигрантов, то в последующем оно часто использовалось как номинативное обозначение; прагматический ореол этого прецедентного имени-урбанонима обычно был негативным.

Вечно бедствием народным
Град был, как и мор и глад..
Бедствием отныне модным
Будет новый "Ленинград". (Огни. 1924. 4 февр. № 5)

В *Ленинграде* им [французским кооператорам] сообщили, что хлеб продается по карточкам, в размере от одного до двух фунтов на душу. Но когда их там повезли на молочную ферму, напоили хорошим молоком и сказали, что оно продается по 24 коп. за литр, забыв прибавить: "лишь по особым карточкам

¹ Разумеется, не следует проводить прямые параллели между данным событием (Первая Мировая война) и переименованием. Название *Петроград* встречалось в русской поэзии намного раньше как попытка калькирования немецкого по структуре *Петербург* с использованием славянских лексических элементов. *Петроград* упоминается, в частности, у Г.Р. Державина ("Шествие по Волхову российской Амфитры", 1810), К.Н. Батюшкова (Послание к А.И. Тургеневу, примерно 1813 г.), А.С. Пушкина (К сестре, 1814), Е.А. Баратынского ("Н.И. Гнедичу", 1823) и др.

для детей привилегированных коммунистов”, французы, конечно, догадаться об этом не могли. (Руль. 1930. 20 июня. № 2906)

В Москве происходит IV Московская городская конференция ВКП(б). Внимание собравшихся главным образом сосредоточено на разоблачении ”врагов компартии”. [...] ..выяснилось, что кадры пропагандистов моск.[овского] комсомола оказались ”засоренными чуждыми элементами”; что в *ленинградском* комсомоле также действуют ”контрреволюционеры”; что среди историков, философов и писателей действуют антисталинские и антикоммунистические группы.(Меч. 1937. 30 мая. № 20)

Публицистическая перифраза *Град Великого Петра*¹ – словесный штамп высокого стиля, в эмигрантских текстах противопоставленный не только и не столько советскому названию (*Ленинград*). Для эмигрантов (монархического толка) это был символ, концентрирующий в своей структуре психоментальную энергетику (в православном обрамлении) прежнего наименования в оппозитивном отталкивании от большевистского (ленинского) названия. Приведем обширный публицистический пассаж, построенный на контрастивном сопоставлении портретов ”трех городов” и – в генерализованном, концептуализированном смысле – трех форм бытия: 1. дореволюционного (идеализированно-приукрашенного), 2. советского, пролетарского (обрисованного намеренно черными красками) и 3. будущего, несколько фантазмагорического и утопического, но желаемого, чаемого.

Неузнаваем в пролетарской одежде названий красавец *Град Великого Петра*. Прямые, как стрела, улицы скалятся выбитыми торцами, засоренные, треснувшие широкие тротуары. Художественные решетки изогнуты, – некоторые разломаны на куски. Сиротливо торчат постаменты, с которых стасены памятники. Зеркальные окна стильных особняков местами залеплены грязной бумагой.

В полумраке тонут улицы, изредка освещенные маленькими лампочками. Сноп света вырывается лишь из нескольких ресторанов. То секция ”безбожников”, выполняющая специальный заказ, собрав рабочих, представляет кошунственную мистерию.

Пустынны улицы. Ни души кругом. Попрятались православные, боясь в этот вечер показаться на улице. Как мыши забились в комнатухах общественных квартир. Ждут полночи, чтобы, боязливо оглядываясь на плотно завешенные окна, достать из-под подушек заготовленные яйца и прошептать друг другу с детства свято заветные слова: ”Христос Воскресе”.

Придавила души гнетущая атмосфера беспредельного террора и, казалось, уж не выпрямиться им.

Горько переживает свое унижение *Град Петра*. С болью вспоминает, каким он был в такую ночь 22 года назад.

Сиял огнями. Сверху до низу усеяны разноцветными лампами многочисленные церкви. У каждой – сверху – аршинный транспарант Х.В. [Христос Воскресе. – А.З.]. Экипажи, кареты, автомобили. Торопится нарядная толпа – каждый в свою церковь. До отказа набит огромный ”Исакий седой с золотой голо-

¹ Ср. у Пушкина: *великий град Петра* (”Городок”, 1815), *град Петров* (”Медный всадник”, 1833).

вой!.. Генералитет в орденах и лентах. Министры, правоведаы, лицеисты, дамы в белых туалетах. Радостно оживленные толпы на тротуарах против церквей ожидают начала процессии, и при первых звуках хора сотни голосов подхватывают Гимн Поправшему Смерть.

Спустился туман приближающейся полуночи. Все потонуло в его мгле. Не стало города. И ... вдруг рассеялся, и на высоком небе задрожали от волнения золотые звезды.

Вдоль широкого Невского медленно двигалась длинная процессия. Тысячи шли и не слышно шагов. Ровно, в один ряд, как один человек. Остановились у церкви на Кровях¹, превращенной в ресторан, и засияла она снаружи сверху до низу, осветив подошедших.

В первом ряду Император Николай II с Алешей–царевичем на руках. Рядом царица Александра и три дочери с ней. Великие княгиня и князь. Патриарх Тихон, епископы, священники, сотни священства. Офицеры, солдаты, рабочие, женщины, дети. Много тысяч всех. У каждого зияют раны, у всех запекшаяся кровь. С пением "Христос Воскрес" [sic] три раза обошли церковь и пошли дальше. Зажигались неземным светом поруганные церкви при пении "Христос Воскрес". Молитвой звенел воздух, и пели далекие звезды.

От одной к другой шли, а на осиротелых постаментах вставали сорванные статуи Екатерины и всех царей. И когда проходили улицами, советские вельможи, занявшие чужие особняки, начинали шататься на обкраденных кроватях в неясном кошмарном ужасе. И радостно крестились забившиеся в щели православные в приливе непонятной им самим светлой надежды.

Все церкви обошли и вышли на заставу, где тянулись огороды и темнели необработанные поля. Шли и останавливались.

"Христос Воскресе!" –

И из глубин земных отчетливо доносилось в ответ:

"Воистину Воскрес² [sic]".

То во Христе замученная Православная Русь, во главе с мучеником Царем, христосовалась со своей поруганной землей.

И отвечала Русская земля. (Рус. голос. 1939. 9 апр. № 418)

Приведенный фрагмент построен на контрастивном столкновении и сопоставлении трех образов Петербурга: 1. прошлого, царского; 2. настоящего, советского и 3. Петербурга как фантома (это те покойники-жертвы, люди и статуи, которые "вернулись" в родной город на Пасху как праздник духовного воскресения). Представим словесные описания города в виде лексических оппозиций.

¹ Примечательно сохранение старой формы. Современное название "церковь (храм) Спаса на Крови".

² Явный случай использования разговорной формы вместо церковнославянской; эта упрощенная форма в ходу была уже в 19 в. (встречается у Пушкина, Огарева, Достоевского, Чехова и др.).

Параметры	Град Петра Великого	Ленинград	Петербург-фантом
1. внешний облик	<i>стильные особняки</i>	<i>выбитые торцы; засоренные треснувшие тротуары; решетки изогнуты, разломаны; ставцы памятники; осиротелые памятники; необработанные поля</i>	<i>золотые звезды</i>
	<i>зеркальные окна</i>	<i>залеплены грязной бумагой</i>	
	<i>сиял огнями; разноцветные лампы</i>	<i>полумрак; (улицы) изредка (освещены) маленькими лампочками</i>	
	<i>экипажи, кареты, автомобили, нарядная толпа</i>	<i>несколько ресторанов; пустынные улицы</i>	
	<i>Церковь на Кровях = Спас на Крови</i>	<i>ресторан</i>	
2. жители	<i>радостно оживленные толпы; генералитет в орденах и медалях; министры, правове-ды, лицеисты, дамы в белых туалетах</i>	<i>советские вельможи, занявшие особняки; как мыши, забившиеся в щели; комнатухи общественных квартир; секция "безбожников"</i>	<i>император Николай II с царевичем, царица Александра и три дочери, великие княгини и князь; патриарх Тихон, епископы, священники, сотни священства; офицеры, солдаты, рабочие, женщины, дети</i>
3. психологическое состояние	<i>прилив непонятной светлой надежды; христосоваться; (звезды) зажигались неземным светом</i>	<i>неясный кошмарный ужас; боязливо оглядываясь; гнетущая атмосфера беспредельного террора; унижение, боль; во Христе замученная православная Русь</i>	<i>вставляли сорванные статуи Екатерины и всех царей; зажигались неземным светом (церкви); молитвой звенел воздух; пели далекие звезды</i>

Лексические средства, участвующие в формировании прецедентного имени *Петербург*, построены на контрастном сопоставлении трех смысловых блоков: живой, прежний город – пришедший в упадок, в запустение при советах – воскресший, восставший из мертвых (аллюзия с Пасхой). В этой художественно выраженной тройственности, а в символической перспективе – троичности Петербурга, можно усматривать также имплицированный религиозный смысл и христианские аллюзии: от унижения – к воскресению. Итак, название бывшей столицы Российского государства (преимущественно в монархических, ”правых” изданиях) часто оказывается окрашенным религиозной модальностью и предстает как символ будущего возрождения России. Эмигранты верили: сохраняя название *Петербург*, тем самым они подготавливают возрождение и воссоздание России без коммунистов, без большевиков.

Если наименование *Петербург* выступает и как символ прошлого, и как символ будущей, воссозданной России, то смысловым и контекстуально-антонимическим опозитом ему является название *Соловки*, ставшего в эмигрантской прессе символом советского режима, метафорой советских тюрем и лагерей. Это прецедентное имя часто встречается на страницах эмигрантских газет, но уже не в религиозном, как это было прежде, обрамлении: Соловки символизировали в дореволюционной России для православного населения одно из святых паломнических мест¹. Напротив, Соловки, превращенные в советской России из монастыря в исправительно-трудовой лагерь, стали символизировать несвободу, несправие, террор, бессудные аресты и тюрьмы при новом режиме и – шире – весь СССР как лагерь, тюрьму². Метафорическое именование СССР тюрьмой, адом – общее место (*locus communis*) эмигрантской публицистики.

В свое время за ряд статей противогосударственного содержания Борис Тиккар был приговорен к 3 годам тюрьмы. Отсидев 1 год, он попал под амнистию и был освобожден. Через некоторое время Тиккар совершенно легально с заграничным паспортом уехал из Эстонии в СССР, надеясь там, как коммунист, хорошо устроиться. Однако в советском ”раю” ему не повезло; он попал в тюрьму, затем был сослан в *Соловки*. Освободившись из *Соловков*, он решил бежать из Сов.[етской] России на родину. (Сегодня. 1930. 10 янв. № 10)

¹ ”Вот меня и отпустили, и я теперь на богомоление в *Соловки* к Зосиме и Савватию благословился и пробираюсь” (Лесков. Очарованный странник); ”[Кикин:] Скитаюсь, сыне, по святым местам; // Был в *Соловках* и на горе Афонской, // В Ерусалиме был, всего наслышан..” (А. Толстой. Смерть Иоанна Грозного).

² Очень часто этот топоним упоминается, например, в автобиографических текстах И. Солоневича, прошедшего через эту тюрьму с сыновьями: ”В его [сына Бориса. – А.З.] биографии *Соловки*, и у него совсем уж мало шансов на жизнь”; ”Здесь в эмиграции обо всем этом можно рассуждать благодушно, спокойно и, так сказать, академически: нам тепло, не дует, и в *Соловки* нас не волокут” (И. Солоневич. Россия в концлагере). Генерализация топонима *Соловки* в советском дискурсе в ином, отличном от дореволюционного, смысле хорошо видна в следующих цитатах: ”Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в *Соловки*!” (Булгаков. Мастер и Маргарита); ”Ну, выселим кулаков к черту, на *Соловки* выселим” (Шолохов. Поднятая целина).

По плану большевиков, ингерманландцы с момента выселения будут считаться преступным элементом и их труд, по примеру *соловчан*, будет использован бес-
платно. (Сегодня. 1930. 7 янв. № 7)

2.1.2.2. *Хоронимы* – наименования стран, государств. Среди многих названий государств, стран, встречающихся на страницах эмигрантской прессы, наименования *Русь*, *Россия*, *СССР* являются наиболее важными и значимыми прецедентными именами, определяющими и структурирующими способы восприятия своей страны людьми, волей или неволей покинувшими ее. Использование данных хоронимов заметно активизировалось в эмигрантском дискурсе, что имеет естественное объяснение в:

- а) попытках экспликации идеологических, политических, культурных, психологических настроений разных слоев, групп русской диаспоры;
- б) обоснованиях своего места и своей позиции по отношению как к покинутой родине (бывшей России), так и к новому государственному образованию на политической карте мира (Советской России/СССР).

В дальнейшем анализе этих трех ключевых концептов мы опираемся на некоторые теоретические положения теории фреймов, поэтому мы считаем необходимым дать свой краткий комментарий. Одним из родоначальников теории считают М. Минского, который предложил фреймовую базу для систематизации и структурирования объема информации в рамках изучения искусственного интеллекта, однако позднее терминология и понятийный аппарат из компьютерной области знаний были интегрированы в антропологию (Батесон, Фрейк), когнитивную лингвистику (Филлмор, Чейф, Лангакер, Лакофф), когнитивную психологию (Бартлет, Абельсон, Рамельхарт), социологию речи (Гоффман, Хаймс), интеракциональную социолингвистику (Гамперц, Гоффман) и модифицированы применительно к каждой конкретной науке (общий обзор проблематики теории фреймов дан, в частности, в: [Tannen 1993: 15-18; Lee 1997: 339-340; Ensink & Sauer 2003]).

Вкратце суть этой теории сводится к следующим положениям. Человек воспринимает и понимает какую-либо информацию, всегда исходя из определенной схемы, позволяющей обрабатывать информацию тем или иным способом. Человеческое мышление базируется на хранящихся в его памяти многочисленных мнемонических структурах, с помощью которых индивид распознает и понимает слова (так наз. семантические фреймы). Общение между индивидами оказывается возможным только при наличии в сознании говорящих, в их картине мира неких смысловых, информационных "сгустков", фреймов (англ. frame "рамка"). Фрейм – та минимально необходимая структурированная информация, которая однозначно определяет данный класс объектов. Новый фрейм активизируется в сознании с поступлением новой порции информации, в результате чего формируется новая психоментальная ситуация. Отличительной чертой фрейма является его билатеральная природа, а именно: 1. достаточно большой объем (фоновых, неэксплицированных)

знаний и 2. гибкость, нежесткость структуры, обеспечивающая возможность мобильной перестройки компонентов по мере поступающей информации, чтобы вновь служить автономным структурирующим элементом в когнитивно-ментальной сфере. Фреймы и механизмы их взаимосвязи и модификации формируются и развиваются в течение жизни индивида/индивидов. С каждым фреймом ассоциирована информация о деятельности в различных типах обстоятельств: 1. "пользовательская" информация (каким образом следует использовать данный фрейм); 2. контролирующая информация (какие последствия возможны при ее невыполнении или нарушении индивидом); 3. прогностическая информация (последующие действия индивида в случае провала ожиданий)¹. Причем различные фреймы одной системы описывают один объект с разных точек зрения. Содержательный каркас фрейма, его атрибуты устанавливаются на основе некой договоренности между коммуникантами, для которых они будут информативно значимыми. Незнание, частичное знание содержательной структуры фрейма и его атрибутов приводит либо (в худшем случае) к коммуникативному провалу, либо к коммуникативным неудачам и отсутствию полноценного коммуникативного акта. В принципе, адекватное восприятие некоторой новой (реальной и языковой) ситуации в рамках данной фреймовой модели заключается в возможности нахождения в предшествующей памяти индивида знакомой (прецедентной) ситуации, максимально близко отвечающей новой. Новые данные, в свою очередь, "вставляются" в прежнюю рамку (фрейм) и тем самым мотивируют индивида к совершению/несовершению тех или иных практических или речевых поступков.

Помимо компьютерной (машинной) версии теории фреймов, существует и семантическая версия, основывающаяся на сопоставлении уже давно разрабатываемого понятия лингвистического поля с фреймовым сценарием [Fillmore 1976; 1977; 1982; 1985; Post 1988]. В частности, один из ведущих современных специалистов по когнитивной семантике Филлмор рассматривает взаимосвязь концептов фрейма (frame) и слова (word). Слова, по его мнению, активизируют ментально-психические образы прошлого мира или опыта (фреймы). В таком случае можно считать, что лексемы в языке выступают только в своих потенциальных значениях (potential meanings), которые реализуются благодаря активизации (через активизацию) в конкретных ситуациях (контекстах). Другими словами, контекст активизирует потенциальное, заложенное в слове значение с целью заполнения фрейма, сцены (scene). Фрейм структурирует значение слова, семантизирует некий отрезок вербальной цепи, а слово, в

---

¹ Ср. метафорический пример М. Минского, поясняющий функционирование фреймов в повседневной, будничной деятельности: "При перемещении по знакомой квартире нам известна структура поиска информации, основанная на фрейме «комната». Когда мы проходим через дверь Д комнаты X, то ожидаем, что очутимся в комнате У (конечно, если Д не является наружной дверью). Этот факт может быть представлен с помощью трансформации простейшего типа, состоящей из указателей между двумя фреймами комнат в рамках системы фреймов типа *дом*". [Минский 1979: 74].

свою очередь, активирует фрейм как когнитивно-ментальный образ (модель, гештальт) некоторого фрагмента неязыковой действительности.

Характеризуя фреймовую семантику как одну из разновидностей современной когнитивной лингвистики, В.З. Демьянков предлагает такое определение фрейма: "это единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, но, в отличие от ассоциаций, содержащая данные о **существенном, типичном** и **возможном** [выделено нами. – А.З.] для этого понятия. Фрейм организует наше понимание мира в целом. Фрейм – структура данных для представления стереотипной ситуации" [КСКГ 1996: 188]. Таким образом, в хранении и представлении когнитивно-ментальной информации важны такие характеристики структурирующего, организующего понятия, как:

- существенность (обеспечивающая сохранение его в хронологической перспективе),
- типичность (распространенность, узнаваемость и воспроизводимость в культуре и узусе),
- возможность (стратегии модификации структуры, построения новых смыслов в пределах заданного стереотипа).

Фреймовая структура заполняется в нашем прошлом языковом, когнитивном опыте, однако ее детали могут быть изменены применительно к текущей ситуации: "жизненный контекст дискурса моделируется в форме «фреймов» (типовых ситуаций) или «сценариев» (делающих акцент на развитии ситуации)" [ЛЭС 1990: 137].

В настоящее время существует множество методик фреймового анализа применительно к исследованию разных ярусов языковой системы. Фреймовая методика получила широкое развитие при исследовании языкового материала: от опознания синтаксических структур до метафорических модификаций имени. Мы остановимся на одной из них, рассматривающей лексические фреймы. Она основывается на вычленении ключевых (опорных, базовых) слов, которые в своем контекстном употреблении образуют некоторые "узлы" смыслов (слотов), представляющих минимальные значимые содержательно-структурные единицы, участвующие в построении фрейма как сценария. Фрейм-ситуация – это некоторая прототипическая ситуация, имеющая набор фиксированных ролей. Использование контекста, в котором встречается то или иное ключевое слово фрейма в значительной степени предсказуемо, ибо существует так называемая контекстуальная норма, наличие которой заранее задается знаниями коммуникантов о стандартном для данного базового слова контексте и ситуации. Фрейм предстает в виде сети, сотканной из семантических узлов (те или иные характерные черты ситуации) и ассоциативно-цепочечных связей между ними. Узлы фрейма, находящиеся на верхних уровнях, обычно обозначаются именем ситуации (гиперонимом). Более низкие в иерархическом отношении узлы (слоты; англ. slot "минимальная структурная единица, элемент фрейма") представляют конкретные вер-

бальные реализации ключевого термина (узла), но заполнены в общении, в коммуникации не всегда. Слоты могут быть открыты, незамкнуты для потенциальных контекстов, для новых вербальных репрезентантов базового слова. В процессе декодирования услышанной языковой структуры в сознании реципиента возникают ассоциации, помогающие ему идентифицировать слово с известными для него ключевыми словами, хранящимися в сознании. Идентификация слотов рождает в сознании индивида цепочечную реакцию, связывающую слоты в один фрейм, названный базовым словом. В частности, применение процедур и механизмов фреймового анализа к имени собственному *Россия* (на материале современного русского языка) было продемонстрировано в работе [Чудинов 2001].

Рассмотрим фреймовую структуру имен собственных *Русь, Россия, СССР*, поскольку именно в этом смысловом треугольнике вращалась мысль эмигрантов, то воскрешая славное прошлое своей утраченной Родины (*Русь*), то отсылая к предбеженскому периоду и наполняя сердце тоской (*Россия*), то навевая чувства безнадежности и уныния (*СССР*). Индивидуально-личностное отношение к последнему хорониму и контрастивное сопоставление со вторым выразительнее и пронзительнее всего иллюстрируют, пожалуй, слова М. Цветаевой: "Была бы я в России, всё было бы иначе, но *России* (звука) нет, есть буквы: *СССР*, не могу же я ехать в глухое, без гласных, в свистящую гущу" (из письма к А.А. Тесковой, чешской писательнице и переводчице).

2.1.2.2.1. Фреймовая структура прецедентного имени *Россия*

В отличие от дореволюционного дискурса имя *Россия* уже не может обойтись без своих смысловых конкретизаторов – произошла, говоря словами С.И. Карцевского, "партикуляризация" слова: прежде плотная для языкового сознания подавляющего большинства индивидов семантическая определенность понятия «императорская Россия», «Россия как государство в Европе» сменилась неустойчивым сигнификативно-денотативным комплексом: есть ли такое государственное образование (насколько реально/фигуривно самое понятие)? есть ли у этого имени денотат или имя стало безденотатным? Атрибутивные дескрипторы красноречиво показывают эту "партикуляризацию" и поиски денотативных определителей.

Фрейм "прежняя Россия" формируют следующие атрибутивные дескрипторы: *национальная Россия, самодержавная Россия, державная Россия, царская Россия, императорская Россия, русская Россия, бывшая Россия, "историческая" Россия* и др.:

... прочный сговор с Германией, реальное удовлетворение ее жизненных интересов невозможны без общего сговора держав с *честной национальной Россией*, возвращенной к нормальной жизни. [...] Без *России*, вернувшейся в мир, *России* *целостной, державной, свободной* нельзя восстановить нужного хозяйственного и политического "кровообращения" мира. (Возрождение. 1939. 7 июля. № 4191)

Начинают тосковать по России вчерашние ее недоброжелатели. Начинают уже понимать, что всем нужна Россия, *Россия царская*, сочетавшая в имперском творчестве свою славянскую стихию с культурой древнего Востока и христианского Запада. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

В Грузии осуществлена, по заявлению проф.[фессиональных] союзов, диктатура рабочего класса на основе демократии. Все пользуются полной гражданской свободой; не пользуются ею, однако, группы, мечтающие о возвращении к *старой самодержавной России*. (Воля России. 1920. 14 сент. № 2)

Это откровенное пожелание польских радикальных и социалистических партий.., чтобы в России не прекращалась гражданская война, – очень поучительно для русских людей и не должно быть забыто, когда возродится *Державная Россия*. (Призыв. 1919. 5(23) сент. № 46)

Лексические адъективы недвусмысленно указывают доминирующие в сознании эмигрантов монархического толка представления о России именно как о монархической державе; демократических, республиканских дескрипторов прежнего государственного устройства России в нашем материале не встретилось. Также довольно редки и смысловые сопряжения будущей России с демократической формой правления. Ср. единичные случаи из либерально-демократической газеты.

Новая Россия будет Россией демократии. (Огни. 1924. 28 янв. № 4)

Фрейм ”новая, советская Россия” состоит из 2 слотов:

- слот ”современная Россия” реализуется при помощи идеологических или модальных определителей: *советская Россия* (или заимствованное из советского дискурса сокращение *сов. Россия*), *подневольная Россия оборванная и нарумяненная Россия*, *Россия голодает, порабощение России большевиками, Россия при большевиках, большевицкое [sic] разложение России*:

[Лео Лондон] рисует перед миллионами французов картину *оборванной и нарумяненной России*. (Возрождение. 1927. 4 окт. № 857)

Подневольная Россия молчит, а эмиграция пребывает в розни и блуждает во тьме.. (Голос России. 1931. 2 авг. № 1)

... надо верно и дружно нам стать под святой стяг, поднятый Законным Царем. Надо сейчас же совершить то, что всего ненавистней всем врагам *распятой России* и, следовательно, что всего им полезней. (Рус. стяг. 1925. 4/7 июня. № 1)

Эпитеты, даже будучи относительными прилагательными, приобретают в публицистическом тексте сильную оценочность. Данное явление хорошо известно в языке: относительность может легко переходить в качественность, это особенно касается политических понятий, терминов в переломные периоды развития общества. Ср.: прилагательные *советский, коммунистический, революционный* и нек. др. в языке революционной эпохи приобрели сильную качественность, порой оказывающейся доминирующей в семантико-прагма-

тической структуре понятия, использованного в публичном дискурсе [РЯСОМ 1968: 217).

- слот ”борющаяся, несдающаяся, непокоряющаяся Россия” формируется при помощи следующих модально-оценочных прилагательных, причастий, сочинительных синтаксических конструкций: *живая Россия, воскресшая Россия, мыслящая, творящая и трудящаяся Россия, жизненность России, чтобы Россия стала свободной и довольной*:

Есть инородное и чужеродное тело – бродячий революционный спрут, насевший на *живую Россию*. (Возрождение. 1939. 7 июля. № 4191)

Вся борьба Дзержинского, Сталина и прочих аппаратчиков с троцко-зиновьевской [sic] оппозицией была и остается только ”рупором” той борьбы, которую ведет вся *мыслящая, творящая и трудящаяся Россия* с реакционной, изжившей себя схоластикой ленинизма. (Дни. 1926. 21 нояб. № 1165)

Сейчас Сталин спохватился, поняв, что самое наличие верующих в СССР, на 21-м году революции, есть отрицание смысла советчины, есть провал марксистского материализма, есть свидетельство *жизненности России*, знамение грядущего ее возрождения. (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

Необходимо .. работать для того, чтобы Россия стала *свободной и довольной*, чтобы в ней жила не рабсила, – а человек. (Рус. газета. 1937. № 3)

Фрейм ”уникальность России”. В эмигрантском дискурсе имя *Россия* выступает как имя-символ¹ и реализуется в следующих слотах.

- слот ”Россия и Христос”. Происходит, с одной стороны, персонификация России, с другой – образуется смысловая и интертекстуальная переключка с библейскими страданиями Христа. Так происходит комбинация и пересечение двух прецедентных имен: топонима *Россия* и антропонима *Христос* в одной общей, центрующей смысловой точке ”страдания, невзгоды”. Приведем список словосочетаний, извлеченных из эмигрантских текстов: *воскресение России, Россия Христа, восстанет и Россия, пытки над Россией, распятая Россия, обезглавить Россию, Россия заструилась потоками крови и слез* и т.д.

... коммунизм умрет и восторжествует *Россия Христа*. (Голос России. 1933. янв.-февр.-март. № 17-18-19)

Ротмистр Баранов остановился на ужасающих последствиях двадцатилетнего насильничества большевиков в России. *Воскресшая Россия* никогда не простит пролитой крови невинных. (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

... все честные Русские люди, которые хотят прекращения страшной социалистической *пытки, творимой над Россией*, в наших глазах будут союзниками.. (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

¹ Ср.: ”Целостная ситуация употребления символа содержит не две, а четыре стороны: объективное, наблюдаемое средство и его референт в реальной действительности, а также субъективное, психологическое средство и его ментальный референт” [Бейтс 1984: 93].

Не от этой ли крепкой веры [в Иисуса Христа. – А.З.], переходящей как бы ”в видение”, укреплялась наша несомненная *надежда на воскресение России* в течение последних 22 лет, когда мы видели ее *распятой на кресте* и в своей оставленности взывающей к небу: ”Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставил?” (Рус. голос. 1939. 9 апр. № 418)

Персонифицированный образ России порождает характеризующе-субъективированное отношение к ней как к объекту защиты от посягательств недругов, ”врагов”: *любовь к России, враг России, в борьбе за Россию, палачи России, убийцы России, пораженцы России*:

... его [генерала Миллера. – А.З.] поддерживают .. Кедровы, *пораженцы России*, безтактные [sic], безграмотные, Гукасовы рабы из ”Возрождения”. (Единый фронт новой России. 1936. 19 янв. № 19)

[Книга] проникнута *глубокой любовью к России* и надеждой на ее грядущее возрождение в славе и величии. (Рус. голос. 1939. 1-14 янв. № 406)

... *самый страшный и самый опасный враг России* и русского народа – коммунизм. (Рус. голос. 1939. 1-14 янв. № 406)

Иван Солоневич .. не останавливался перед издевательствами даже над памятью *Вождей Белого движения* ген.[ерала] Кутепова и ген. Миллера, павших от руки большевиков. (Рус. голос. 1939. 12 марта. № 414)

... невольно становится стыдно за Госуд.[арственных] людей Америки, за их заигрывания с *палачами России*. (Голос России. 1932. сент.-окт. № 13-14)

Когда впервые в 1922 году призвали в Геную царских убийц, *убийц России*, .. в тот день предопределилось все, что совершается теперь. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

- слот ”своеобразие России”. Символические ассоциации имени *Россия* развертываются в сравнение с *вольной степной лошадкой*:

Со стороны, да еще издали, трудно представить и оценить страшную губительность сталинской коммунистической банды, которая взнуздавала, оседлала *вольную степную лошадку* – Россию и пока гонит ее, куда хочет. (Рус. голос. 1939. 26 марта. № 416)

Вообще говоря, ассоциативное сцепление образа России/Руси с удалой ездой на лошадях (в частности, с тройкой; ср. ”Мертвые души” Гоголя) или длинными многоверстными перегонами между остановками в пути на станциях (ср. ”Станционного смотрителя” Пушкина) или молодым жеребенком (ср. поэму ”Русь Советская” С. Есенина, где в образе жеребенка легко угадывается деревенская, сельская Россия) в русском когнитивно-ментальном пространстве прочно входит в фреймовую структуру имени *Россия*, так что появление метафорического сравнения и формирование нового слота с символическим содержанием (*Россия – лошадка*) не случайно. Символ только тогда жив, когда появляются новые формы словесного, языкового выражения в границах заданного образца – *образа* (смысловой ”скрепы” символа).

Одним из способов актуализации символических связей прецедентного имени *Россия* является его семантико-смысловое сопряжение с приложением, функция которого – характеристика предмета через параллельное наименование. В эмигрантских изданиях одним из самых частотных приложений выступает другое прецедентное имя – *Родина: общая Родина-Россия, несчастная Родина Россия, Великая Родина Россия*:

... обратимся ко всем казакам, живущим верой и надеждой в грядущее Воскресение нашей *Великой Родины России* и наших Казачьих Краев. [Приказ Донскому Корпусу и Представителя Донского Атамана в Болгарии] (Рус. голос. 1939. 9 апр. № 418)

Наши мысли будут вместе с любящими *общую Родину – Россию*, как внутри Ея [sic], так и вне – за кордоном Ея границ. (Рус. газета. 1937. № 1)

Ряд жестоких испытаний пришлось пережить нашей *несчастной родине-России*. (Возрождение. 1919. 6 июля. № 1)

Ср. любопытную цитату, показывающую возвращение в советский дискурс ранее элиминированного понятия (и прецедентного имени) «Родина»¹ (ср. в «Манифесте коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса: «у пролетариев нет отечества»):

¹ Слово *Родина* вновь зазвучало на страницах советской периодики после принятого Постановления СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 года «О преподавании гражданской истории в школах СССР» (Правда, 16 мая 1934 г.). Это постановление открыло дорогу использованию понятия в газетно-журнальном стиле с лингвоидеологическим конкретизаторами *социалистическая, советская Родина*: «Да здравствует наша *социалистическая родина!*» (Правда. 1937. 21 окт.); «Как могучий утес, *высится наша счастливая родина*, она цветет и будет цвести на радость всему передовому человечеству» (Правда. 1938. 5 марта); «Не удалось и никогда не удастся предателям интересов советского народа расчлнить и разорвать на куски нашу *великую, могучую и необъятную родину!*» (Правда. 1938. 3 марта). Ср. также любопытный пассаж о синонимизации слов *родина* и *отечество* в идеологическом дискурсе: «У отдельных товарищей существует неясность, путаница по вопросу понимания отечества. Понятие «отечество» они противопоставляют понятию «родина» и приходят к совершенно неправильному выводу: родина, дескать, понятие географическое, а отечество – понятие политическое. Такое упрощенчество, когда понятие «родина» сводится к месту рождения, неизбежно ведет к утверждению: если пролетариат при капитализме не имеет отечества, то он имеет родину, которую и должен защищать при любых исторических условиях. [...] В прошлом, – говорит товарищ Сталин, – у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас рабочая, – у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость» (И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 445). Великая Октябрьская социалистическая революция дала рабочим и трудящимся всех стран социалистическое отечество — Советский Союз, защита которого является долгом чести всего международного пролетариата» (Пропагандист и агитатор РККА. 1939. № 17 [разрядка дана в статье. – А.З.]). О концепте «Родина» как одном из объектов дискурсивного анализа, в процессе которого авторы приходят к несхожим, а порой и взаимоисключающим результатам, определяемым степенью глубины и объемом рассматриваемой темы, см. в: [Сандомирская 2001; Зорин 2001]. Данный концепт, существенный, в частности, для творчества известного эмигрантского писателя Г. Газданова, являлся предметом рассмотрения в: [Вяткина 2004].

Коммунистическая власть вдруг ввела в официальный лексикон слово "родина". Для хорошо понимающих коммунистический режим смысл явлений был ясен: интернационалисты не станут говорить о *родине* .. без могучего давления масс, притом близких к власти, таких, с которыми она вынуждена считаться. (Возрождение. 1935. 1 янв. № 3499)

Способом смыслового и символического противопоставления выступает сочинительная связь имени *Россия* с прецедентным именем *Интернационал*, причем эта оппозиция встраивается в другие контрастные ряды актуализированных данной эпохой сопоставлений:

Нет и не может быть мира между *Россией* и *Интернационалом*, между Христом и Сатаной, между русским и коммунистом, между нами и вами. (Рус. правда. 1925. сент. – окт.)

При помощи таких разветвленных квазисинонимических и квазиантонимических рядов имя *Россия* включалось в ассоциативно-вербальную сеть эмигрантского сознания, значительно или даже кардинально отличавшуюся от ассоциативно-вербальных комплексов данного имени в советском дискурсе.

2.1.2.2.2. *Русь*

В русском дореволюционном узусе имя *Русь* использовалось либо в составе исторических терминов: *Киевская Русь*, *Белая Русь*, *Московская Русь*, *патриарх Московский и всея Руси* (сан восстановлен 5 (18) ноября 1917 г.), либо как стилистически окрашенное языковое средство (напр., *Русь-матушка*), употребляясь в риторическом или поэтическом стиле (художественной литературе, поэзии, фразеологии, пословицах и поговорках).

Терминов *Малая Русь*, *Малороссия* в нашем корпусе не встретилось, обычно употребляется название *Украина*. В отличие от советской публицистики, термины *великорус* (*великоросс* – название распространилось со второй половины 19 века), *белорус*, *малорус* (*малоросс*) и образованные от них прилагательные *великорусский*, *малороссийский* достаточно часто встречаются на страницах эмигрантских изданий, являясь нейтральными словесными знаками:

В воскресенье, 18 февраля в новом помещении состоится "воскресник", в программу которого, между прочим, включено выступление *великорусского* оркестра под управлением Г. Медведева. (Вести дня. 1940. 13 февр. № 36)

Сепаратизм не имеет глубоких корней в *малороссийской* ветви русской нации. Это явление заносное, подхваченное только частью *малороссийской* полуинтеллигенции из честолюбивых или корыстных побуждений. (Рус. голос. 1939. 19 февр. № 411)

Я убежден, .. что мы все, т.е. все интеллигентные русские люди, носим в своих жилах такую смесь национальных кровей, что по признаку географического происхождения нам крайне трудно определить себя, – особенно в вопросах *малороссийском* и *великорусском* здесь мы очень просто сталкиваемся, когда надо

будет, да, вероятно, и столкноваться не надо будет. (Рус. голос. 1939. 19 марта. № 415)

Напротив, в советском дискурсе происходило последовательное устранение несущих негативные ассоциации прилагательных *малый*, *великий* при обозначении народов или национальностей, государственных образований (*Великое княжество Финляндское*). В СУ обозначения *великорусский*, *великорусы* (*великороссы*), *великороссийский*, *малороссийский*, *малоросс*, *малорус*, *малорусский* снабжаются пометами "книжн.[ое] устар.[елое]", "устар.[елое]", "доревол.[юционное]" с идеологическим (противоречащим реальной языковой истории терминов) подтолкованием: для слов *великоросс*, *великорусский*: "название возникло в Московском государстве на почве великодержавной идеологии, объявлявшей русскую народность "великой" в сравнении с украинской и белорусской" (СУ Т. 1: 244) и для: *малоросс*, *малорусский*: "шовинистическое название украинцев" (СУ Т. 2: 130).

В эмигрантской прессе широко используется термин *Прикарпатская* (Подкарпатская¹) *Русь*, выступающий для эмигрантов важным звеном культурно-преемственной традиции и репрезентирующий идею сохранения "русскости" на славянской земле:

Даже славянское отребье, созданное чехами в *Прикарпатской Руси* для угнетения русского населения, и "украинские січевики", – и те с оружием в руках, защищая свои "идеалы", ведут борьбу с венгерскими войсками.. (Рус. голос. 1939. 19 марта. № 415)

Третья составная часть покойной чехословацкой республики – несчастная и беззащитная *Прикарпатская Русь*, переименованная проходимцем "монсиньором" Волошиным в Карпатскую "Украину", оставлена на милость ближайших соседей. (Рус. голос. 1939. 19 марта. № 415)

Борьба за русский язык, за "русскость" – самое характерное явление в общественно-политической жизни того края, который один в целом мире сохранил название *Руси*, с присоединением географического прилагательного "Подкарпатская". (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

Фрейм исторических и художественно-поэтических аллюзий. Они связаны с историческим прошлым государства, пронизаны фольклорно-поэтическими ассоциациями, которые могут дифференцироваться в эмигрантских группах. Данный фрейм получает воплощение в следующих слотах:

- слот торжественно-риторических, поэтизированных ассоциаций; часто прецедентное имя сопровождается эпитетом *святой* – *Святая Русь*; ср. также фольклорно-поэтический интенсификатор *сияющая вечной красотой девушка*:

¹ Такое название земли (Podkarpatska Rus) было утверждено постановлением Генерального Устава (16 ноября 1919 г.) и затем внесено в конституцию Чехословакии (принятую в 1920 г.). Прежнее обозначение территории – Угорская Русь.

... естественное желание русского человека вернуться на Родину и видеть ее обновленной от всякой нечести [нечисти? – А.З.]¹ в образе сияющей вечной красотой девушки, имя которой ”Святая Русь”. (Рус. голос. 1939. 12 марта. № 414)

Раздробленность и идеологическое разномыслие миллионной русской эмиграции не только дало возможность нашему врагу закрепиться на родной земле – на Земле св.[ятой] Руси, но и помогло ему приблизиться к ”дверям всего христианского запада”.. (Рус. голос. 1939. 5 марта. № 413)

Книга дает яркое изображение нравственного облика Государя Императора Николая Александровича и Императрицы Александры Федоровны, величие Их духа, непоколебимой Их верности идеалам *Святой Руси*, беспредельной Их любви к Отечеству и к Русскому Народу и Их мученического Крестного пути. (Рус. голос. 1939. 12 марта. № 414)

Генерал Дитрихс² большое значение придает религиозной стороне стоящей перед ним задачи, и здесь, среди казаков, истинных сынов *Святой Руси*, усвоенный им образ действий находит непосредственный отклик в сердцах. (Призыв. 1919. 5(23) сент. № 46)

Использование прецедентного имени *Русь* в риторических контекстах призвано было поддержать эмигрантов духовно и не дать прерваться культурно-психологической нити, которая зачастую составляла единственную душевную и духовную опору эмигранта в зарубежье в надежде возвращения на Родину. Тоска по Родине, милым сердцу местам, русскому языку заключена в неологизме *Святорусье*, объемлющем всё многообразие и глубину эмигрантских ностальгических воспоминаний:

Трудно влиять на такое массовое явление, как язык, но это особенно затруднительно вне родины, вне воздуха, который сам, по старинному выражению, – *Святорусьем* пахнет. (Рус. голос. 1939. 5 марта. № 413)

- слот исторических аллюзий. В некоторых эмигрантских кругах, преимущественно демократических, либеральных, прозападно настроенных, возникает и противоположная интерпретация имени *Русь*, отождествляющая этот период истории с варварством и монголо-татарским невежеством. Важно отметить переключку важных для русской исторической науки и общественной жизни (в споре славянофилов и западников в 19 веке и сменовеховцев и евразийцев в 20 веке) идеолого-политических концептов «Русь», «Россия», «Восток», неологизма «Чингисхания»³, «Европа», которые оживились в эмигрантских научных кругах:

¹ Описка или намеренная смысловая игра: *нечесть* (как лексико-семантический окказионализм с собирательным значением ”все нечестные люди” от прилагательного *нечестный*) и *нечисть* ”нечистая сила”?

² Правильно: Дитерихс.

³ Ср. также характерное название статьи В.В. Шульгина «Чингисхания и берендейство» (подробнее об идеологическо-политическом функционировании и роли этнических дескрипторов в эмигрантской публицистике 1920-х годов см.: [Балуев 2003]).

Для [современных славянофилов.] идеал настоящей России находится в глубине веков, когда *Русь* была только *Востоком*. Возвеличивая *Чингисханию*, они забывают, что главным желанием русского человека тех времен было – да минет Бог орду. И как только *Русь* стала на ноги, то скоро потянулась к свету общечеловеческой, европейской культуры. (Дни. 1925. 10 февр. № 687)

Фрейм монархических аллюзий. Прецедентное имя *Русь* в сознании монархически настроенных эмигрантов оказывается тесно сплетенным с идеей монархии, поэтому страна без царя, императора (началось все это, по их мнению, с отречением от престола Николая II) представляется им как обезглавленное, недееспособное государство:

Новый скорбный удар по русским сердцам – смерть патриарха, вновь там громко твердит о пагубности нашего безглавия. Умер Отец наших отцов и все церковные люди ясно сознали, как тяжело и страшно им будет жить в наше лютое время без Церковной главы, а получить-то вновь эту главу на *Руси бесгосударной* [sic], *безглавой*, уже невозможно. (Рус. стяг. 1925. 4/7 июня. № 1)

Фрейм церковно-православных аллюзий. Традиционные определения, сочетающиеся с именем *Русь*, – это *православный, христианский*:

... работаем мы и готовимся мы кровь проливать .. за свободу своих детей, .. за *Русь Православную*.. (Рус. правда. 1930. июль-авг.)

То во Христе замученная *Православная Русь*, во главе с мучеником Царем, христосовалась со своей поруганной землей. И отвечала Русская земля. (Рус. голос. 1939. 9 апр. № 418)

Фрейм преемственности. В сознании эмигрантов существует устойчивая связь, соединяющая в смысловую цепочку когнитивно-ментальные образы «*Русь* прежняя» – «продолжение *Руси/России* в эмиграции» – «будущая возрожденная, воссозданная *Русь/Россия*». Прецедентное имя *Русь* получает расширительное употребление и возрождает старое, древнерусское значение, когда этим собирательным существительным называли жителей страны; в данном случае топоним *Русь* приравнивается к понятию «русская колония»:

... Пушкина чествует также американская *Русь* путём устройства лекций, докладов и литературно-музыкальных вечеров». (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35)

Семантический механизм – метонимия: название страны переносится на людей, такое употребление в современном языке является стилистически маркированным и вследствие этого обладает мощным прагматическим потенциалом.

В эмигрантской публицистике имя *Русь* вступает в смысловое сопряжение с именем *Россия* (по принципу дополнительной семантической дистрибуции):

название *Россия* ассоциируется с государственно-территориальным устройством, *Русь* – с его духовно-национальным и религиозным своеобразием. Ср. также окказиональные биномы типа *Россия-Русь*:

”Русская газета” .. будет вести всевозможную борьбу против чужеземцев, мечтающих захватить русскую территорию и закабалить или уничтожить Русский народ, что – недопустимо! Мы против раздела *России* – мы за Свободную, Неделимую *Русь*. (Рус. газета. 1937. № 1)

Нет двух *Россий*: *России* и *Руси*. Есть только одна: *Россия-Русь*. И те, кто любят *Россию*, любят ее потому, что она *Россия-Русь*. Не *Русь*, конечно, в смысле одной Московской *Руси*, а *Русь* в смысле того государства, пространства которого с незапамятных времен начали осваивать и в течение всей истории продолжали осваивать 3 ветви великого славянского народа, народа русского. Любят эту *Россию* потому, что чувствуют себя ”русскими”. (Возрождение. 1925. № 5)

Таким образом, в прецедентном имени *Русь* в эмигрантской публицистике, во-первых, актуализируются смыслы, обусловленные прежними историческими, культурными ассоциациями, во-вторых, происходит приобретение новых, связанных с эмигрантским ”кругом жизни”. Повышенная политико-идеологическая и семантико-прагматическая активность данного хоронима в эмигрантском дискурсе – яркое отличие от функционирования этого прецедентного имени в официальном советском дискурсе 20 – середины 30-х годов, сместившем название на стилистическую и политико-идеологическую периферию (впрочем, с конца 1930-х годов начались идеологическая реставрация имени и новый этап его мифологизации¹).

2.1.2.2.3. СССР

Обозначения нового, советского, государственного образования на месте прежней *России* живо волновали эмигрантскую мысль, свидетельством чего является многообразие как официальных советских, так и собственно эмигрантских хоронимов-неологизмов. Фактор множественности наименований одного денотата далеко не случаен для эмигрантского узуса и мотивирован, по нашему мнению, глубинными когнитивно-ментальными и идеологическими причинами. Плюрализм наименований денотата в каком-то смысле

¹ Ср. в следующей цитате явную идеологическую оппозицию *матушки-Руси* (убогой и обильной, богатой и бессильной; явная интертекстуальная отсылка к поэме Н.А. Некрасова ”Кому на Руси жить хорошо”) *великой индустриальной державе*: ”20 лет потребовалось пролетариату нашей родины, руководимому великой партией Ленина-Сталина, для того, чтобы из отсталой экономически страны, из страны помещиков и капиталистов сделать страну социалистического общества, для того, чтобы *убогую и обильную, богатую и бессильную* матушку-*Русь* превратить в *великую индустриальную державу* мира” (Изв. 1937. 21 окт.). Окончательная политико-идеологическая реабилитация имени и внедрение его в политический лексикон произошла в годы войны, когда в 1944 году слово *Русь* попало даже в гимн СССР: ”Союз нерушимый республик свободных // Сплотила навеки *Великая Русь*”.

сходен с механизмом многоименности денотатов в мифопоэтической модели мира, призванным, с одной стороны, зашифровать подлинное имя и, с другой, стремлением отразить различные стороны обозначаемой реалии.

В эмигрантской прессе содержится целый спектр хоронимов для номинации прежней России: *Советы, СССР, СССР-ия, Советская Россия, Москва, Кремль, Совдепия, Советский Союз, Триесерия, Союз Советских Социалистических Республик*¹. Понятно, что в этой парадигме члены не равны между собой: одни являются нейтральными номинативными единицами, другие представляют разовые номинации или газетно-публицистические метафоры.

Одним из наиболее частотных употреблений в эмигрантской публицистике является использование наименований *Советская Россия, Советский Союз*. Даже если эти названия применяются как номинативные элементы, нейтральность их кажущаяся: идеологический уточнитель *советский* решает всё дело – его прагматика практически во всех эмигрантских изданиях негативная. Написание еще не устоялось: можно встретить такие формы – *советская Россия, Советская Россия, сов. Россия, советский союз, сов. союз, С.С.С.Р.*:

... пришлось нам в последнее время на несколько месяцев задержать выпуск "Русской Правды". [...] Были и крупные осложнения от того, что в пределах *Советской России* чекистским ищейкам удалось пронюхать некоторые линии нашего распространения. (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

Через некоторое время Тиккар совершенно легально с заграничным паспортом уехал из Эстонии в СССР, надеясь там, как коммунист, хорошо устроиться. Однако в советском "раю" ему не повезло; он попал в тюрьму, затем был сослан в Соловки. Освободившись из Соловков, он решил бежать из *Сов.[етской] России* на родину. (Сегодня. 1930. 10 янв. № 10)

Некоторые депутаты, рассказывая о кровавых пиршествах чекистов в Грузии, одновременно поддерживали стремление грузин к отторжению от СССР. В этом "Известия" увидели выступление против "единства *сов.[етского] союза*". (Дни. 1925. 15 февр. № 692)

В самой [sic] *С.С.С.Р.* не прекращается борьба с "контр-революцией" [sic], переходящей временами в открытые возстания [sic].. (За свободу. 1925. 1 янв. № 1 (1405))

Рассмотрим подробнее фреймовую структуру данного хоронима, тем более что она представляет интерес и с культурной, и с прагмалингвистической точек зрения.

Фрейм фиктивности. Содержательный, смысловой объем обозначения в эмигрантском дискурсе практически сводится к нулю: экстенционал понятия должен заключаться в термине "государство" (со всеми типичными атрибута-

¹ Ср. лингвокультурологическую интерпретацию обилия имен собственных для номинации одного референта в советском дискурсе: "Употребление множества собственных имен .. позволяет вывести соответствующие объекты за пределы семантической системы языка, фактически подразумевает их существование (хотя в действительности они могут быть фикцией) и тем самым обеспечивает возможность создавать новую мифологию, не ограниченную системой значений обыденного языка" [Кронгауз 2001: 346].

ми денотата), однако эмигранты отказываются признать "законность" такой референции, тем самым лишая аббревиатуру СССР экстенционала. Прагматические оценки хоронима – однозначно негативные, причем содержащиеся в пропозиции метафорические сравнения, подбор контекстуальных дескрипторов подчеркивают это:

Мы хорошо знаем, как трудно Русским людям, сидящим за *провоолокой* той огромной *тюрьмы*, что называется *Советским Союзом*, и принужденным видеть все через *лживые очки красных советских газет*, разобраться в том, что делается на белом свете. (Рус. правда. 1925. сент.-окт.)

За теми же, сталинскими, дрожками услужливо бежали и бегут "Последние новости", забрызгавшие себя, теперь уже с ног до головы, большевицкой [sic] грязью. Что для них СССР. Без малого – "*нормальное государство*" – сказано в передовице "Последних новостей".. (Возрождение. 1939. 7 июля. № 4191)

Говорят об англо-франко-русских переговорах, как будто в течение двадцати лет Россия не заключена в *грязный и кровавый гроб*, именуемый СССР. (Возрождение. 1939. 7 июля. № 4191)

Ярким графическим знаком, переводящим наименование в плоскость иронии или смысловой фиктивности, являются кавычки или написание со строчной буквы:

"Известия" негодуют на вмешательство французской Палаты во внутренние дела "*советского союза*" [sic]. (Дни. 1925. 15 февр. № 692)

Правители *советского союза* – уголовные гангстеры, пользующиеся услугами и знаниями гангстеров политических. Оба типа имеют один и тот же признак: атрофию психических центров, управляющих представлениями о моральных ценностях. (Рус. голос. 1939. 26 февр. № 412)

Разговорное (по стилистике) метонимическое замещение *Советы* (< *Советы рабочих и крестьянских депутатов*) для обозначения советского государства, вынесенное из революционного языка, также используется в эмигрантской публицистике:

В германских промышленных кругах, имеющих дело с *Советами*, довольно сильное впечатление произвел арест жившего в Москве крупного дельца Юлия Исааковича Гессена. (Сегодня. 1930. 14 янв. № 14)

... радуясь за "клик" японских "плутократов", большевики сулят россиянам только журавля в небе: "очень возможно, что советско-японское соглашение даст новый толчок к сближению между Америкой и *советами*"... Жди! (Дни. 1925. 30 янв. № 678)

Еще во времена гражданской войны родилось обозначение территорий, занятых большевиками, – *Совдеп, Совдепия* [Mazon 1920; Селищев 1928: 162, 184; Лехикойнен 1990: 85, 130; Comrie et al. 1996: 138, 140]. Хотя наименования использовались особенно широко антибольшевистскими партиями и группами, они проникли даже в большевистский речевой обиход, однако в 20-е

годы были вытеснены как обидные и неблагозвучные. Ср. только несколько примеров из эмигрантской демократической газеты:

Так как в *Совдепии* процветает небывалое в истории России взяточничество, то большинство беженских эшелонов имело возможность выбраться из Советской России благодаря крупным взяткам советским работникам». (Руль. 1920. 1 дек. № 13)

И если в первые полтора-два года главными факторами беженства были политические преследования и репрессии против врагов советской власти, то за последний год люди стали спасаться не от лично против них направленных скорпионов, а просто – от чудовищных, невозможных и невыносимых – политических, материальных, правовых, культурно – условий, превращающих жизнь в *Совдепии* в подлинный ад. [Владимир Набоков. "Мы и Они"] (Руль. 1920. 2 дек. № 14)

В самом бесстыдном из своих "фельетонов" о *Совдепии* знаменитый Уэллс пишет, что русские анти-большевики [sic] "политически презренные люди". (Руль. 1920. 2 дек. № 14)

Аббревиатура СССР привлекала самое пристальное внимание эмигрантов, вызывая удивление своей фонической структурой и вследствие этого служа объектом языковых манипуляций. Новизна, непривычность и непонятность такого обозначения рождала самые различные ассоциации или толкования. Одно из них – прочтение второго компонента как существительного *Союз Советов* (вместо правильного: советских) *Социалистических Республик*:

... главным соперником Японии на Дальнем Востоке .. являются не Америка и не Китай, а ближайший и коварнейший сосед в лице *Союза Советов* [sic] *Социалистических Республик*, или короче – СССР-ия. (Голос России. 1932. сент.-окт. № 13-14-15)

Возможны и иные ассоциации, мотивированные структурными особенностями топонима. Аббревиатурное наименование страны вписывалось, в представлении эмигрантов, в словообразовательную и лексическую сферу коммерческой, экономической аббревиации:

Уже одно то, что буква [имеется в виду аббревиатура СССР. – А.З.] напоминает скорее наименование какого-нибудь банка или акционерного общества не может не иметь значения.. (Младоросская искра. 1933. 5 янв. № 26)

Громоздкость аббревиатуры и возникающие в связи с этим очевидные затруднения при склонении аббревиатурного хоронима приводят в эмигрантском узусе к языковой попытке морфологической трансформации аббревиатуры СССР и включения ее в группу названий стран на -ия. Это – обычное явление на страницах эмигрантских изданий, которое может свидетельствовать о следующих семантико-морфологических и прагматических процессах:

1. стремление фонетически видоизменить, скорректировать труднопроизносимую аббревиатуру путем инкорпорирования гласных звуков и тем са-

мым признания ее в бóльшей степени ”нормальным” словом, не выпадающим за рамки морфологической регулярности;

2. приспособление топонимической аббревиатуры к категории топонимов по типу *Россия* и неологизмов послереволюционного времени *Совдения*, *Большевизия*;
3. включение механизмов языковой игры, дискредитирующей чуждую идеологическую и политическую номинацию¹. Ср.:

... порой казалось, будто комиссар, сам на замечая, читал какую-нибудь бело-бандитскую газету, в которой описывалось положение крестьян и рабочих на заводах и в деревнях *СССР-ии*, а не очередную агитационную статью.. (Голос России. 1933. янв.-февр.-март. № 17-18-19)

... начиная от Северного Кавказа, через Волгу и Урал на Западную Сибирь и далее вплоть до берегов Тихого океана по *СССР-ии* прокатилась грозная волна землеробных² восстаний.. (Голос России. 1933. янв.-февр.-март. № 17-18-19)

... неизбежные нарастания настроений народных масс в *СССР-ии*, создающие внутреннее накапливание горячего материала. (Голос России. 1931. 1 окт. № 3)

Борьба. К девятому валу в *СССР-ии* [название статьи и ее подзаголовок] (Голос России. 1933. янв.-февр.-март. № 17-18-19)

Там, в *СССР-ии*, в пятнадцатилетней изуверской пытке четвертования души и тела, русский народ безусловно приносит искупительную жертву за тяжкий грех временного ослабления в Христовой вере и братской любви, и, перерождаясь, постепенно пробуждается к возрождению национального единства». (Голос России. 1933. янв.-февр.-март. № 17-18-19)

Активизация образований на *-ия* для обозначения политико-географических реалий не является чисто эмигрантским изобретением, эта модель была вообще в ходу в языке 1920-х годов: *Скоропадия* (по имени гетмана Скоропадского), *Совдения* и даже *Эрэсэфэсерия* ([Mazon 1920: 32]. Очевидно, словообразовательная модельность спровоцировала также возникновение в речи стилистически (отрицательно) маркированного окказионализма *большевизия* сначала как публицистического модально-характеризующего знака, внутренняя форма которого недвусмысленно указывала на суть нового государствен-

¹ ”В случае непрямой коммуникации нет предела возможностям интерпретации” [Дементьев 2000: 98].

² А.М. Селищев отмечает слово *землероб* как украинизм, проникший в русский язык после революции 1917 г. [Селищев 1928: 118]. В СУ слово снабжается пометой *обл.*(астное). Использование регионализма в эмигрантской прессе можно объяснить либо его функционированием уже в (до)революционном узусе, либо заимствованием из советской прессы. Ср. любопытную цитату из советской книги для крестьян, где регионализм подается как входящий в употребление термин: ”Земля отдается в трудовое пользование прежде всего трудовым земледельцам (*землеробам*) и их объединениям, затем городским поселениям, и государственным учреждениям и предприятиям, и, наконец, частным организациям и отдельным лицам”. (В.Н. Строев. Законы о лесе и земле. Доступное чтение для крестьян. М.: Новая деревня, 1924).

ного образования, но затем лексикализовавшегося и ставшего в публицистическом дискурсе одним из многочисленных хоронимов-имен собственных (*Большевизия*):

Этот, когда-то очень талантливый, писатель [А.Толстой] еще в 1922 году сменил эмигрантское существование на советское житье-бытье. В *большевизии* [sic] сразу же занял он весьма сытное местечко подле власть имущих... (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

В *Большевизии* нельзя звонить в колокола. (Дни. 1925. 10 февр. № 1)

Таким образом, наименование *СССР* для эмигрантского лингвоментального сознания представляет некое странное понятие, вербализуемое словом-монстром. И в речевой практике оно, несомненно, вызывало грамматические трудности ввиду своего фонетического и структурного состава. Последнее обстоятельство закономерно вызывало стремление эмигрантов адаптировать хороним к русской морфологической системе, сделать его более регулярным в словоизменительном отношении. Такая парадигматическая свобода, волежность в обращении с аббревиатурой, воспринимающейся на первый взгляд как нарушение элементарных грамматических законов, в принципе вызвана лингвокультурным шоком переименования. Как принимать и осваивать эту новую номинацию? Эмигрантская газетно-журнальная практика предлагала две возможности: адаптировать морфологически и/или искать новые, более "прозрачные" в смысловом отношении, производящие основы для наименования большевистского государства.

Фрейм языковых манипуляций органически связан с первым и вытекает из него. Повышенное внимание к непривычному фонетическому облику аббревиатуры *СССР*, выбранной в качестве официального номинативного средства для государства, вызывала негативные аллюзии лингвокультурного характера, порождая ассоциативный ряд, начинающийся с фоники слова (три звука «с») и заканчивающийся социальным "диагнозом":

Официально [sic] в этом году России не было. Она была переименована в четыре звука какого-то *разбойничьего посвиста* – *СССР*. (За свободу. 1925. 1 янв. № 1 (1405))

Сопоставление данной аббревиатуры со свистом апеллирует к двум прецедентным феноменам и/или ситуациям:

1. народно-фольклорным мотивам свиста как разбойничьего сигнала на дорогах, обозначающего призыв к грабежу (путешественника, прохожего, проезжающего);

2. генерализации данной прототипической ситуации в семантике глагола *просвистеть* "(разг.) бездумного истратить (деньги, имущество), растратить на пустяки, зря; профукать"; ср. народно-разговорную сентенцию: *всю страну просвистели*.

Пересечение, тесное сплетение обеих прецедентных ситуаций создает в эмигрантском дискурсе чрезвычайно плотное, пропитанное культурно-историческими и фольклорными ассоциациями [Плотникова 1999], модально-оценочное и прагматическое поле данной аббревиатуры. Родовая принадлежность аббревиатуры СССР также не определилась – мужского, женского и (с характеризующее-прагматической целью негации референта) среднего рода. Ср. примеры на два последних случая:

Эта самая обстановка существует во всей СССР под властью Политбюро: кого комячейка хочет почему-либо уничтожить, того уничтожает. (Дни. 1925. 11 февр. № 688)

... эмиграции приходится выносить борьбу за духовные ценности русского народа, сохранять то, что мешает действительному превращению России "всерьез и надолго" в безличное СССР. (Дни. 1925. 27 янв. № 675)

Протест эмигрантов против использования труднопроизносимой консонантной аббревиатуры СССР для наименования своей родины рождает в эмигрантской публицистике окказиональное обозначение *Триесерия* (с иронично-негативной окраской):

... рассчитывать на сытую и привольную жизнь в условиях *Триесерии* не приходится. (Рус. голос. 1939. 1-14 янв. № 406)

Невежественные правители *Триэсерии*, настроенные, как и полагается истинным революционерам, истерически.. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

И ровно через двадцать пять лет отпразднует Англия четырехсотлетие со дня рождения Шекспира. Но откликнется на это празднество, даст Бог, уже не *Триэсерия*, а настоящая национальная Россия. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

Метонимическими замещениями названий-гиперонимов *Советская Россия, СССР* часто служат другие прецедентные имена-гипонимы: *Москва, Кремль*:

На самом деле заключать настоящий союз с Англией и Францией *Москва* не хочет, а с Германией – и не может. (Возрождение. 1939. 7 июля. № 4191)

Та же линия *Москвы* – точь-в-точь! – проводилась из дня в день "Юманитэ", по явному заказу *Кремля*. (Возрождение. 1939. 7 июля. № 4191)

Английская полиция решительно взялась за распространителей красного яда, и множество тайных агентов *Москвы* было арестовано и выслано из Англии. (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

Потерпевшая тяжелое поражение в Каталонии и оставленная на милость победителя своими друзьями – *красной Москвой* и розовой Францией – красная Испания агонизирует. (Рус. голос. 1939. 12 марта. № 414)

Таковы мысли *Красного Кремля*, мысли безусловно большие, широкие, хитро задуманные и сулящие советской власти и 3 Интернационалу широкие перспективы в отношении обеспечения их военного вторжения вглубь азиатских государств». (Голос России. 1931. 1 окт. № 3)

Значительное сокращение территории России в годы Гражданской войны, когда советское государство по сути ограничивалось центральными регионами, в первые послереволюционные годы послужило мотивом возрождения старого, бытовавшего в иностранных источниках 16-17 веков наименования *Московия*:

Переговоры с какой Россией: Врангеля или Ленина? С федеративной Россией Вильсона или с искромсанной *Московией* Ллойд-Джорджа? (Воля России. 1920. 18 сент. № 6)

Эмигрантский дискурс отчетливо противопоставляет наименования *Русь*, *Россия* (с "позитивными" дескрипторами) наименованию СССР (и всему синонимическому гнезду) и *Россия* (с "негативными советскими" дескрипторами). Эти три ключевые хоронима являлись наиболее важными и значимыми прецедентными онимами у эмигрантов.

2.1.2.3.0. *Мифотопонимы* – это встречающиеся в библейских текстах названия мест, санкционированные в (христианской) культуре в качестве прецедентных имен. В нашем корпусе таких имен немного, и все они так или иначе характеризуют эпохальность происходящих событий, сопоставимых по своей масштабности, значимости с зарождением и распространением христианской религии, уничтожающей, ниспровергающей старый мир злобы и вражды («око за око, зуб за зуб») и создающий новый мир, мир свободы и равенства людей в рамках одной веры («нет ни эллина, ни иудея»). Примечательно, что мифотопонимы сосредоточены в "левых" или крайне "левых" изданиях, отстаивающих и пропагандирующих идею необходимости разрушения старого мира и созидания нового. Мифотопонимы в "левых" эмигрантских изданиях и выступали теми прецедентными именами, которые были призваны подчеркнуть аналогию поворотных, ключевых моментов истории, интенсивность, насыщенность переживаемых человечеством (тогда и сейчас) времен.

Кашен и Фроссар не протестовали против решения задержать опубликование привезенных ими с *большевицкого Синая*¹ "скрижалей завета". (Воля России. 1920. 18 сент. № 6)

*Вавилон*² нашего времени возведен. Дух засорен; любовь оцепенела; высохли источники жизни. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Скорбь, которая в человеке не загоралась и не превращалась в пламя – самопожирающее пламя деятельной любви – становилась литературой, переходила в сочинительство. Человек *из Назарета*³ не написал ни одной драмы: он переживал драму ... и больше, чем драму. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

¹ Синай – символ верховной власти, издающей обязательные для выполнения законы.

² Вавилон – символ многолюдности, неразберихи, беспорядка и разврата.

³ Назарет – родина Иисуса Христа и его родителей; в данном случае – перифраз Иисуса Христа.

В первые эмигрантские годы использование прецедентного топонима *Олимп*¹ было характерно для демократических газет как апелляция к царскому правящему окружению:

Может быть, и Врангель только притворялся единомышленником непримиримых правых, чтобы .. взять в свои руки власть именно для борьбы с реакцией и торжества демократии?! [...] Ответить на этот вопрос нетрудно, нужно только посмотреть на список новоявленных демократов, окружающих Врангеля: Пильц, Кривошеин, Глинка, Гербель – знакомые все лица! Все – павшие боги с бюрократического *олимпа* времен Плеве и Столыпина. (Воля России. 1920. 14 сент. № 2)

Позднее, по мере укрепления советской власти и формирования сталинской правящей верхушки, в эмигрантских газетах появляются новые ситуации использования этого прецедентного топонима:

Тревоги *Красного Олимпа* [название статьи] (Меч. 1937. 11 апр. № 14)

Убийство царской семьи монархистами сравнивается со страданиями и последним путем Иисуса Христа, именно этим мотивировано использование библеизма *Голгофа*²:

”Равнодушие эмигрантской толщи” стало уже давно зловещим: с той самой исторически позорной для всех нас ночи с 16-го на 17-е июля 1918 года, когда наметившаяся будущая ”национальная эмиграция” преступно-равнодушно стояла перед *Голгофой* Великой Национальной России, воздвигнутой в Коптяковском лесу руками изуверов Христовой веры Янкеля Свердлова, Исаака Голощекина и Янкеля Юровского. (Голос России. 1933. янв.-февр.-март. № 17-18-19)

2.2. *Нереальные онимы*

2.2.1. *Библионимы и теонимы.* Это группа имен собственных, зафиксированных в священных книгах некоторых религий (Библия, Коран) или античных мифах и выполняющих в культурах, основанных на христианских, мусульманских, иудейских и др. ценностях, функцию прецедентных номинаций. В нашем корпусе такими именами являются прежде всего имена *Бог, Господь, Господь-Бог, Иисус, Христос, Христос-спаситель; Иуда; Савл, Павел; сатана, дьявол, антихрист* (из библейских персонажей); *Юпитер, Молох* (из персонажей античных мифов), *Магомет* (основатель мусульманской религии).

Центральными прецедентными библионимами выступают *Бог, Господь-Бог, Господь, Христос*, более редкими – *Иисус, Христос-спаситель*. Их использование в русском ментально-культурном пространстве неравноценно и обусловлено различными смысловыми акцентами, маркирующими то или

¹ Олимп – символ высшей земной власти, славы, известности, достигнутой человеком.

² Голгофа – символ мук и страданий.

иное библейское имя. Так, слова *Бог, Господь-Бог, Господь* выступают в ассоциативно-смысловой связи с представлениями о (христианской, православной) вере и строгом, но справедливом судье:

Да даст нам *Господь* счастье поскорее увидеть воскресшей нашу Великую Родину. (Рус. голос. 1939. 9 апр. № 418)

Наши красные властители в своем безумии дошли до того, что объявили войну *Господу-Богу*. И *Бог* за это не дает России счастья, и вся сплошная мука-мученская [sic] нашей советской жизни показывает ясно, что гнев Божий лежит над нами, пока мы даем править над собою антихристовым слугам из Третьего Интернационала. (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

... большевики, мысля создать на земле царство Божие без *Бога*, создали "советский рай", в котором мучают и терзают полуторастамиллионный народ. (Голос России. 1931. 1 окт. № 3)

В народном сердце горят и не гаснут Русский огонь и вера в *Бога*. (Голос России. 1932. июль. № 12)

До 1930 года советская власть потоками крови, мучительствами, тысячами тысяч страдотерпцев пыталась "уничтожить" в стране церковь и *Бога*. (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

В подполье и на пытки уже загоняли Церковь [sic] с первого дня захвата власти. И вот последствия – больше половины населения России верует в *Бога* и его открыто исповедует. Начинать ли новое истребительство, новую гражданскую войну с половиной населения России, не считая всех, кто не сказал открыто о своем исповедании *Бога* – новую борьбу, в самых страшных ее формах – войны религиозной – или как-то по-другому овладеть религиозным бытием народа? (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

Имя *Христос*¹ прочно ассоциировано с искупительной жертвой и воскресением (духовным обновлением). Этот ведущий смысловой стержень прецедентного имени обеспечивает его комбинацию с другим именем – *Россия*, референт которого расположен в будущем – возродившееся государство:

Восстал *Христос* – восстанет и *Россия* – вот наше непреложное упование, которое обновляется каждый год при наступлении Пасхи. (Рус. голос. 1939. 9 апр. № 418)

... и не только живые, но и все отшедшие [sic] от земли ее доблестные страдальцы и подвижники соберутся на этот ее пасхальный пир, чтобы прославить *Христа* – Источника [sic] нашей вечной победы и жизни. (Рус. голос. 1939. 9 апр. № 418)

¹ Ср. характерный пассаж из советской газеты: "Книга – орудие классовой борьбы. Эту истину хорошо усвоил классовый враг. Вот почему, начиная от составления книги и кончая ее выдачей читателю, на каждом этапе этого процесса мы имеем попытки вредительских действий. [...] Недавно в Самаре, в библиотеке дома Ленина, были обнаружены факты, проливающие свет на "методологию" вредительства на культурном фронте. [...] Библиотека активно продвигает религиозные книги как детям, так и взрослым, детям выдавались книги с "веселенькими" стишками: "Повсюду благовест гудит, / Из всех церквей народ валит, / Заря глядит уже с небес, / *Христос воскрес, Христос воскрес*". (Правда. 1930. 16 дек.).

Только тогда найдем мы наше Русское счастье и вновь засияет на весь мир под знаменем *Христа* наша светлая Русская Держава. (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

... коммунизм умрет и восторжествует *Россия Христа*. (Голос России. 1933. янв.-февр.-март. № 17-18-19)

Примечательно, что имя *Иисус* редко встречается на страницах эмигрантских газет, единственный в нашем корпусе пример – из анархической газеты (цитата уже приводилась в другой связи); это имя в первую очередь выступает как проявление повышенной духовной, психологической авторефлексии индивида, поисков человеком самого себя:

Поворот мира. Все плотины снесены, все глубочайшие шлюзы открыты. Силы неба и силы ада вырвались на волю. Небо и ад в тебе! Небо и ад... Блудница, *Иисус*, Чингиз-хан, Бетховен и слепой Гомер – всё в тебе! Гибель мира и его возрождение – то и другое совершается в тебе! (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Христу как символу спасения и защитнику людей противостоят *сатана* или *антихрист*¹ – представители мира зла (в синхроническом плане отождествляемого с коммунистическими идеями).

Не может быть мира между *Христом* и *Антихристом* [sic]! (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

Кровавая река, кровь убитых и замученных наших братьев, протекла между вами и нами. Нет и не может быть мира между Россией и Интернационалом, между *Христом* и *Сатаной* [sic], между русским и коммунистом, между нами и вами. (Рус. правда. 1925. сент.-окт.)

Причем в ситуации религиозно-духовного выбора между русскими коммунистами и иностранцами, преимущество несомненно оказывается на стороне последних как принадлежащих к той же (как правило, христианской, мусульманской) вере. Напротив, проводниками антихристианских, богоборческих идей, "слугами" *дьявола* (*сатаны*, *антихриста*) и тем самым "лютými врагами Христа" оказываются или "красные комиссары", или их сторонники:

Братья Русские! Встречая великий праздник Рождества Христова и Новый год под проклятым инородческим комиссарским игом, дайте в душе своей обет отдать все силы на то, чтобы *гонимый красными слугами сатаны Христос*, родившийся незримо в ваших сердцах, открыто воссиял на Святорусской Земле. (Рус. правда. 1925. нояб.-дек.)

Россия допустила захватить власть над собой *лутыми врагам Христа, красным Комиссарам*.. (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

Две гнусных цели имели в виду *слуги Дьявола* [sic], *Комиссары*, когда отравляли Святейшего [патриарха Тихона]. (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

¹ Символические (христианские и народные) ассоциации, дифференцирующие данные прецедентные имена, приведены, напр., в: [Кондратьева 1983].

А все-таки жалко Англию и страшно за нее! [...] Неужели начинается расплата за равнодушие и непротивление, проявленное, правда, по отношению к чужеземцам, но к *братьям во Христе*? (Призыв. 1919. 7 (23.9) окт. № 77)

Имя *Иуда* в европейской культуре является символом подлого лицемерия, низкого предательства; использование этого прецедентного имени в эмигрантской прессе мотивировалась потребностью, необходимостью распознавания подлинных друзей и врагов России:

Преступной подлостью является споспешествовать иностранным изуверам навязать вредный ей [России. – А.З.] образ правления или просто грязными руками *Иуды* прекратив Её существование, предав Её, на произвол пиратствующих хищников. (Рус. газета. 1937. № 1)

Савл – прежде, еврейское, до христианского крещения, имя апостола *Павла*. Выражение *из Савла в Павла* (также: *стать из Савла Павлом*; *превращение Савла в Павла*) значит “измениться до противоположности, стать совершенно другим”; помимо позитивных (более редких), инициированных христианскими текстами коннотаций, в узусе фразеологизм имеет чаще всего негативные, основанные на представлении о чрезмерно быстром, радикальном изменении своих убеждений, взглядов [СРФ 1998: 471].

В № 6 газеты “Родина”, как бы претендующей стать официозом [sic] законопослушного движения, г. Ефимовский, еще сравнительно недавно перелицевавшийся из законоборческих *Савлов* в верноподданнические *Павлы*, в своей статье “Пока не поздно”, с присущей ему развязностью вступил в полемику с Марковым 2-м.. (Рус. стяг. 1925. 4/7 июня. № 1)

Итак, библенимы в эмигрантском тексте функционируют как лингвопрагматические маркеры, трактующие совершившиеся события не столько в социально-политической, материалистической плоскости (история “делается” людьми), сколько в теологическом: история – это промысел божий. Использование библейских прецедентных имен в эмигрантских текстах – это не просто дань прежней, дореволюционной традиции газетно-публицистического языка, широко применявшего данные феномены, это попытка перевести волюнтаристическую деятельность человека в область богословско-религиозной интерпретации. Именно с этим связаны эсхатологические и даже апокалиптические мотивы во многих эмигрантских газетах: революция – божье наказание России за ее грехи, за отступление, послабление в вере.

Теонимы (имена античных богов) намного реже употребляются в эмигрантской публицистике. С начала 20 в. в русской литературе, публицистике активизировалось использование прецедентного имени *Молох* (у древних финикийцев: бог солнца, огня и войны, в жертву которому приносились человеческие жертвы, главным образом дети) в переносном значении “грубая, жестокая сила, требующая большого количества жертв”. Социальным инициатором частого использования этого прецедентного имени послужила начавшаяся череда войн; ср., напр., название повести “Молох” А.И. Куприна. В эмигрант-

ской прессе имя *Молох* выступает как символ милитаризованной эпохи с ее неисчислимыми человеческими жертвами:

Без всякого сопротивления пал оплот испанских республиканцев Барселоны – это давнишнее гнездо анархистов. Шестьдесят тысяч невинных людей принесены были там в жертву *красному Молоху*. (Рус. голос. 1939. 5 февр. № 409)

Крест и *Молох*: капитализм, торговля, индустриализация... Золотой телец на торжище безумия. И – преступление. Нужда, гибель и смерть – таково искупление. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Имя *Магомет* (основатель ислама, первый правитель мусульманского теократического государства) используется эмигрантами именно в европейском фонетическом обличе (в русской традиции чаще *Мухаммед*); в русском культурно-ментальном пространстве прецедентные аллюзии основаны на ассоциативных компонентах "авторитарность, безапелляционность, непогрешимость".

Сталин в своих ответах вещает как новый *Магомет*, носитель и выразитель абсолютной истины. (Дни. 1925. 10 февр. № 687)

Прецедентное имя *Юпитер* (у древних римлян: верховное божество) используется эмигрантами для выражения идеи "предводитель, инициатор":

На посту ректора [Тихонравов] вел неустанную борьбу с Катковым, этим *Юпитером* реакционной публицистики, находившимся в весьма двусмысленных отношениях к московскому [sic] университету. (Огни. 1924. 28 янв. № 4)

Прецедентное имя *Немезида* (*Немесиды*) (у древних греков: богиня мести) в эмигрантской газете приобретает аллегорический смысл – аналогичное возмездие рано или поздно настигнет совершившего/совершивших преступление:

Жданов .. руководил на Урале расстрелами спецов, а в Нижнем Новгороде стоял во главе Чеки, причем заслужил там репутацию изувера. [...] [О]н один из авторов сталинской "тактики", заключающейся в опозорении старых большевиков, в принуждении их, путем пыток, к самоошельмованию. Позорный конец они заслужили, но *Немезиде* было угодно, чтобы смерть они приняли от таких же палачей, таких же предателей своей родины, как и они сами. (Возрождение. 1939. 7 июля. № 4191)

Итак, теонимы в качестве прецедентных имен употребляются для характеристики только негативных сторон какого-либо референта, в отличие от библейских имен собственных, градуированных по аксиологической шкале позитивности – негативности. Кроме того, теонимы не имеют той доказательно-аргументирующей силы, как библионимы, выполняющие функцию всеобщего, универсального (в пределах христианского дискурса) интерпретационного инструмента.

2.2.2. *Литературные антропонимы* – это имена литературных персонажей, прошедшие стадию сигнификативной генерализации и ставшие прецедентными номинациями. Такие имена также нечастотны в нашем корпусе. Примечательно, что основным "поставщиком" прецедентных имен, имеющих характеризующе-модальную функцию, служили тексты Достоевского; далее следуют Салтыков-Щедрин, Гоголь. Используются следующие номинации: *смердяков* как референт идеи "всё дозволено" (по имени героя из романа Достоевского "Братья Карамазовы") и словообразовательный дериват *смердяковщина* "моральная вседозволенность", *Лебядкин* в обобщенном значении "бездарный, пошлый графоман; паяц" (персонаж романа Достоевского "Бесы"), *угрюм-бурчеевский* (< Угрюм-Бурчеев, персонаж романа М.Е. Салтыкова-Щедрина "История одного города"), *помпадур* (очерк М.Е. Салтыкова-Щедрина "Помпадуры и помпадурши"¹), *держиморда* "тупой исполнитель грубой власти" (по имени полицейского в комедии Гоголя "Ревизор"), *хлестаковский* (< Хлестаков; из той же пьесы Гоголя).

Южные газеты Врангелевского [sic] толка за июль месяц, когда положение Врангеля было сравнительно хорошо и когда признание его Францией и объединение с Махно наполняли приютившую в Крыму реакцию радостными надеждами, дают тем не менее безотрадную картину бесшабашного хозяйничанья Пильцев, Кривошеиных, Глинок, Гербелей, жандармских ротмистров и *помпадуров* всех чинов и званий. (Воля России. 1920. 14 сент. № 2)

... гитлеровская угроза заставляет кремлевских *держиморд* идти на уступки народу.. (Рус. газета. 1937. № 1)

... лстивые выверты и фокусы вот уже семнадцать лет спасающие от расправы брнную толстовскую [имеется в виду А. Толстой. – А.З.] шкуру, обходятся писателю недешево. Поневоле научился он в совершенстве говорить и писать на рабьем эзоповском языке пьяного прощальги [sic] *Лебядкина*. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

Смердяковы-сталины показали народу людьми в пустыне нашего безлюдия. Им на Россию – наплевать. Были бы они живы, их "партия" и их "идеология". (Единый фронт новой России. 1936. 19 янв. № 19)

Революция 17 года мощной волной всколыхнула страсти и надежды близорукых. Вместе с проповедниками гуманизма, права и свободы в условиях войны она выкинула на поверхность вековые накопления преступной мути, кровавой ненависти, зависти, страшного невежества – и отсюда имперского развала. Россия не убереглась от бесов, предсказанной ей *смердяковщины*, заклятого врага нашей духовной культуры. (Единый фронт новой России. 1936. 19 янв. № 19)

Л.Г. Корнилов стал известен всей России телеграммой правительству: "требую прекращения преступного правления". Кто станет известен теперь наступле-

¹ Интертекстуальные связи понятия в русской культурном и литературном сознании таковы: слова *помпадур* и *помпадурша* "перекрестными линиями сразу вызывали в сознании читателя три резко отрицательных образа – фаворитку Людовика XV мадам Помпадур, купеческих самодуров и тщеславного помпу самодержавных тиранов" [Будагов Р.А. Слово и его значение. Л., 1947. С. 39. – цит. по: [Ашукин & Ашукина 1987: 273].

нием на мировую *смердяковщину*? (Единый фронт новой России. 1936. 19 янв. № 19)

Если даже предположить самое худшее, поверить, что Сталину удастся его безумный *угрюм-бурчеевский* план ввести под видом совхозов и колхозов в России всеобщее крепостное право, все же русский народ не выдержит этого рабства, взорвет византийско-коммунистическое царство и поделит землю на .. участки. Тогда он потребует на них "крепостей". (Руль. 1930. 2 янв. № 2767)

Гораздо реже используются имена литературных персонажей западных писателей: *Робинзон* (герой романа Д. Дефо "Жизнь и необыкновенные приключения Робинзона Крузо"; символ человека, попавшего в экстремальные условия, но несгибаемого, мужественного, ищущего выход из самых затруднительных ситуаций), *Тартарен* (герой романа А. Доде "Необычайные приключения Тартарена из Тараскона"; имя стало нарицательным, характеризуя болтунов, лжецов и хвастунов):

[Много русских] в Юж.[ной] Америке, разбросанных по всем уголкам этого нового материка. Многие из этих русских *Робинзонов* переживают самое отчаянное положение.. (Рус. газета. 1937. № 3)

Дальнейшее повествование о себе варшавского *Тартарена*-ренегата имеет тот же хлестаковский характер [оценка интервью Б. Савинкова, данного им в Варшаве. – А.З.].[...] Политическая сторона его интервью, выражающая чаяния не только *Тартарена*-ренегата, но и некоторых "патриотических" кругов, заслуживают особого суждения. (Воля России. 1920. 17 сент. № 5)

Литературные антропонимы немногочисленны на страницах эмигрантской прессы, но заметна тенденция использования литературных онимов в качестве прецедентных имен из текстов Достоевского, Салтыкова-Щедрина и Гоголя, что объясняется, в первую очередь, актуальностью для эмигрантского дискурса имен тех литературных персонажей, которые послужили предикторными (предсказывающими, прогнозирующе-пророческими) маркерами социально-политических процессов в России конца 19 – начала 20 в.

Выводы:

1. Эмигрантская публицистика широко использует реальные онимы как прецедентные имена в целях экспликации бинарной поляризации мира: с одной стороны, противопоставляются зарубежные имена исторических деятелей русским политическим, культурным персонажам, с другой – позитивно окрашенные хоронимы (*Русь, Россия*) новым, советским (*СССР, Советская Россия*), представленным на страницах прессы множественностью наименований.

2. Среди нереальных онимов первенство держат библионимы, распадающиеся на две неравные группы: обозначений Христа, Бога и их антагонистов Сатаны, Антихриста. Такая бинарная оппозиция неслучайна: прецедентные имена переводят дебаты о социальной борьбе между "красными" и "белыми",

между эмиграцией и большевиками в плоскость религиозно-богословских апокалиптических ожиданий и предсказаний. Теонимы (как другая часть нереальных онимов) имеют преимущественно негативные коннотации и не могут конкурировать по степени прагматической насыщенности и иллокутивной силы с библионимами.

3. Литературные антропонимы не являются частотным компонентом эмигрантской прессы, но среди них вектор прецедентности со всей очевидностью направлен к текстам русских писателей (Достоевский, Салтыков-Щедрин, Гоголь); апелляции к персонажам произведений иностранных литераторов единичны.

3.0. Прецедентные ситуации

Прецедентная ситуация – это факт, событие, когда-либо бывшее в реальной действительности и выполняющее в дискурсе функцию идеальной, эталонной модели для объяснения, комментария какого-либо явления, апеллирующее к явлениям прошлого и т. д. благодаря коннотативному компоненту в смысловой структуре языкового феномена (сло́ва, словосочетания, пропозиции) [Гудков 1996; Красных 2003]. Необходимыми критериями, определяющими отнесение событий, фактов к прецедентным ситуациям, являются: 1. знание какого-либо факта большим количеством индивидов или всем социумом; 2. когнитивная актуальность; 3. частотность использования [Красных 2003: 183-190]. Прецедентными ситуациями могут становиться значимые события (988 г. – год крещения Руси, 1937 год – начало сталинских репрессий, 1985 г. – начало перестройки и т.д.), фрагменты мифов, литературных текстов, высказываний (*сизифов труд, тридцать сребреников, окно в Европу* и т.д.), получившие обобщенное значение и ставшие не только воспроизводимыми стереотипными элементами, но и смыслопорождающими артефактами.

В нашем корпусе содержится значительное количество языковых феноменов, являвшихся прецедентными ситуациями для эмигрантского дискурса. Их использование в эмигрантской прессе в подавляющем большинстве случаев имело отчетливую семантико-прагматическую направленность и выступало чаще всего одним из инструментов характеристики советского дискурса. Модально-оценочное употребление прецедентных ситуаций для компаративной характеристики зарубежных реалий явно уступало ориентированным на советскую реальность языковым феноменам.

3.1. прецедентные ситуации, мотивированные историческими событиями и выраженные идиоматическими выражениями: *Варфоломеевская ночь, мамаево побоище, Юрьев день, кровавая баня*. Они используются как модально-прагматические маркеры с интенсифицирующей целью:

... продолжающаяся вот уже 20 долгих лет безпросветная [sic] *Варфоломеевская ночь*. (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35)

Во время сплошной коллективизации – этого крестьянского *мамаева побоища* – было истреблено до 5 миллионов самых крепких хозяйств.. (Сигнал. 1939. 1 апр. № 52)

... когда в 1919 году генерал Дуэр организовал знаменитую *кровавую баню* в Амритзаре, – тогда наивный Ганди пережил момент тяжелого разочарования. (Анархич. вестник. 1924. № 7)

В конце декабря прошлого года настал *Юрьев день* и для рабочих. Они теперь прикреплены к заводам. Вся трудовая жизнь рабочего отмечается в книжке, без которой он не может поступить ни на один завод, ни на одну фабрику. (Сигнал. 1939. 1 апр. № 52)

Фразеологизм (монголо)-*татарское иго*, отсылающий к историческому событию, служит базой для смысловой и семантической трансформации идиомы применительно к современности. Механизм смыслового расширения строится на семе "подавление, полное подчинение, бесправие": *татарское иго* (конкретный этнический референт) → *иноземное иго* (обобщенный этнический референт) → *большевистское, коммунистическое иго* (политический референт). Фразеологизмы с политической, но не исторической референцией преобладают в эмигрантской прессе: прототипическая ситуация генерировала в публицистическом эмигрантском дискурсе новые номинации, мотивированные текущими событиями.

Мировая война освободила славянские нации; ни одна из них уже не находится более под *чужеземным игом*, Славянство [sic] предстало перед миром освобожденное от оков, как самостоятельная действенная сила на арене истории. (Огни. 1924. 7 янв. № 1)

... если познакомиться с теперешней жизнью наших несчастных крестьян в губерниях, не освобожденных еще от *большевистского ига*, худшего, чем *татарское*, – то становится страшно за наш народ.. (Голос Родины. 1919. 11 мая. № 262)

Советское правительство понимает, что знаменитая "Северная Коммуна" доживает последние дни, и – отдан приказ об эвакуации Петрограда. Пройдет ещё несколько дней или недель, и в столицу войдут победители. Кто бы они ни были, нет сомнения, что население встретит их с восторгом. Самый факт избавления от *большевистского ига* настолько важен, настолько радостен, что в первые дни всякие другие соображения отойдут на второй план, и народ с безконечной [sic] радостью подчинится своим спасителям. (Голос Родины. 1919. 6 мая. № 257)

В первый раз после остановки в течение 4-х недель сегодня вышли в Мюнхене буржуазные газеты. Все они выражают радость по поводу освобождения от *коммунистического ига*. (Голос Родины. 1919. 6 мая. № 257)

Для удачного приведения в исполнение русско-финского предприятия, по-видимому, необходимо соглашение между русскими и финляндцами по поводу удовлетворения некоторых финляндских претензий в вознаграждение за ее помощь при освобождении русского народа от *большевистского ига*. (Голос Родины. 1919. 1-14 мая. № 264)

По-прежнему видим мы очередную Русскую задачу в том, чтобы, не думая ни о партиях, ни о программах, свергнуть с нашей Родины кровавое и позорное *Коммунистическое иго* красной инородческой шайки. Потому все честные Русские люди, которые хотят прекращения страшной социалистической пытки, творимой над Россией, в наших глазах будут союзниками.. (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

Как видно из этих примеров, апелляция к прошлой русской истории, на протяжении которой концепт *иго* приобрел характерные для русского культурного сознания коннотации, в эмигрантской прессе оказался востребованным и очень частотным. Этот же идеологический концепт в иных прагматических рамках использовался и в советской публицистике, где этим характеризующим знаком именовали царское, дореволюционное прошлое¹ или современное империалистическое (фашистское, буржуазное) настоящее².

3.2. прецедентные ситуации, обозначающие русские исторические реалии и получающие политико-идеологическую прагматическую актуализацию с помощью атрибутивных конкретизаторов или контекста: (советская) *земщина*, *коммунистическая*, *колхозная барицина*, (советская) *опричина*, *опричники* (Ивана Грозного → советские, сталинские).

Обязательными кандидатами на выборах [в Верховный Совет СССР] являются: Сталин и все его ближайшее окружение; Ежов и его пять главных помощников (Чернышов, Бельский, Рыжов, Фриновский, Дагин); на местах – также местные советские заправилы. Подготавливается, таким образом, парламент чекистов. "Земщина" вынуждена будет голосовать за "опричину". (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

Через пять лет весь Русский народ, все сто с лишним миллионов будут обращены окончательно в *крепостных* кабальных рабов. Крестьяне будут прикреплены к своим колхозам, где будут отбывать *коммунистическую барицину*, такую жестокую, какой не знали и в самые древние, стародавние времена подлинного *крепостного права*. (Рус. правда. 1930. июль-авг.)

... колхозники сговариваются между собой и укрывают от казенной сдачи все, что возможно. Эти "излишки" красному начальству приходится вышибать из народа посылкой разных реквизиционных отрядов и ударных партийных бри-

¹ "Это было в то время, когда наш трудовой народ стонал под *игом* царя и проливал свою кровь на потеху и для наживы буржуев всех стран" (Дальне-Восточные [sic] известия. 1918. 6 авг.); "Если бы кулакам удалось победить, мы прекрасно знаем, что они беспощадно перебили бы сотни тысяч рабочих, входя в союз с помещиками и капиталистами, восстанавливая каторгу для рабочих, отменяя 8-часовой рабочий день, возвращая фабрики и заводы под *иго* капиталистов" (Рабочая Москва. 1925. 17 янв.)

² "Империалисты Австрии и Германии несут на своих штыках новое, позорное *иго*, которое ничуть не лучше старого, татарского, – таков смысл нашествия с Запада" (Изв. 1937. 24 дек.); "Западная Украина и Западная Белоруссия, освобожденные от *ига* польских панов, искони составляли неотъемлемую часть русского государства" (Пропагандист и агитатор РККА. 1939. № 21); "СССР борется против версальского *ига*, наложенного империалистическими странами-победительницами на целый ряд европейских стран" (Изв. 1931. 6 марта).

гад. [...] Всюду крестьяне всей душой ненавидят *колхозную кабальную барщину*. (Голос России. 1932. июль. № 12)

Карательные экспедиции действовали в деревне, подобно *опричникам Ивана Грозного*. [...] Благодаря варварской системе заложничества и круговой поруке, были пролиты потоки невинной крови. (Анархич. вестник. 1924. № 7)

У нас не было бы никаких оснований скорбеть о разгроме старой коммунистической партии, если бы поворот не сулил усиления сталинской власти при помощи натасканных на курсах новых его *опричников*.. (Меч. 1937. 4 апр. № 13)

Большую семантическую и прагматическую нагрузку в эмигрантской прессе получил тематический ряд, связанный с понятием крепостного права. Публицистические тексты используют данное понятие и в прямом, номинативном значении (но примеры такого использования в нашем корпусе единичны):

Доклад В.И. Гурко, обоснованный, стройный, был произнесен с той волевой энергией, которая заставляет слушать и инакомыслящих. Этих последних оказывается достаточно. С возражениями являются старцы, которые уже взрослыми людьми работали при *крепостном праве*, и бюрократы, которые не так давно вершили судьбы, и мужички, оригинальные мужички зарубежного съезда. (Руть. 1926. 14 апр. № 1630)

и как прецедентную ситуацию, используемую в печатных изданиях с различными прагматическими интенциями. Анархические газеты применяют прецедентный феномен "крепостничество" (в рамках общей идеологией анархизма) как гиперпонятие несвободы человека вообще в современном мире.

В Австрии – полный хозяйственный застой, при политической смерти страны и при возвращении ее чуть ли не к *крепостному труду*.. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Из глыб камня и железа руками промышленных рабов, *крепостных церкви* и "партийных работников" можно строить лишь вавилонские башни. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

В монархических и правых изданиях встречается узкая и широкая интерпретация данного понятия: с одной стороны, это метафорический инструмент, позволяющий найти адекватную (с точки зрения эмигрантов) историческую аналогию советской системе колхозов и совхозов (т.е. "крестьянский" референт сохраняется):

Крестьяне чувствуют, что все равно они будут разорены: что все равно волевыми неволей придется пойти в колхозы не то в качестве батраков, не то в качестве новых *крепостных*. (Сегодня. 1930. 15 янв. № 15)

К чему сводится откровенная проповедь "Правды"? Для России – *крепостные колхозы*, для Испании – свободный труд; для России – "смерть буржуям", для Испании – защита мелкой буржуазии; для России – борьба с религией, для Испании – союз с честными католиками. (Меч. 1937. 23 мая. № 19)

... ввести под видом совхозов и колхозов в России всеобщее *крепостное право*.. (Руль. 1930. 2 янв. № 2767)

с другой стороны – это модально-оценочный экспликатив сущности советского строя вообще:

Русская Земля полна страданий, там царствует рабство, небывалая эксплуатация [sic], *новое крепостное право*. (Рус. газета. 1937. № 3)

Давно ведь инициалы правящей в СССР партии – ВКП расшифровываются в народе как ”второе *крепостное право*”. (Меч. 1937. 6 июня. № 21)

... Красные Комиссары все усилия свои направляют на то, чтобы выбить из народа Русский дух и сделать народ *крепостным пролетарским быдлом*.. (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

3.3. наименования государственно-военных реалий. В первую очередь сюда относятся прежние, дореволюционные обозначения и денотаты, утратившие свое значение в советской жизни: *скипетр, андреевский морской флаг, императорский штандарт, трехцветный национальный флаг*, (разг.) *Егорий ”орден св. Георгия”*¹, (разг.) *егорьевская медаль ”медаль св. Георгия для отличия нижних воинских чинов”*², а также те немногочисленные зарубежные прецедентные ситуации, которые инициировали появление специфических феноменов в эмигрантском публичном дискурсе, напр., *Третий Рейх*. Использование старых символов государственной, царской власти в среде монархической эмиграции легко объясняется переносом многих моделей социальных, политических, экономических взаимоотношений людей из прежней России в диаспору, стремлением сохранить национальные святыни.

Над президиумом был широко развернут большой *Императорский Штандарт* как символ монархической сущности РНСУВ. По обе стороны штандарта были подняты российские флаги – *трехцветный национальный* и *Андреевский морской*. (Сигнал. 1939. 1 апр. № 52)

Кроме того, в зарубежье в 20-30-е годы в изобилии появилась военно-мемуарная литература, выполняющая разные функции:

1. реабилитация пошатнувшегося и далеко неоднородного в своих основах ”белого” движения,
2. поддержание военного духа и, главное, веры в скорейшее возвращение на Родину в среде военной (и не только) эмиграции,

¹ Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия был учрежден 25 ноября 1769 г. Екатериной Второй согласно идей Петра Великого. Орден имел 4 степени.

² Георгиевская медаль была учреждена 10 августа 1913 г. вместо медали «За храбрость», учрежденной в 1878 году, и причислена к Военному Ордену Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Имела четыре степени.

3. поддержание (и в определенном смысле провоцирование) ностальгических переживаний, аллюзий оставшейся не у дел многотысячной армии военных,
4. стремление некоторых военных заработать на жизнь литературным трудом.

Военная мемуаристика в немалой степени способствовала сохранению в эмигрантском узусе прежних военно-государственных понятий.

Прибывают пополнения. [...] ..среди прибывших .. молодой солдат .. просит немедленно пустить его в "разведку". Его зовут к ротному. Да, молодой солдат Петухов, неграмотный крестьянин, хочет сразу же заслужить "Егория". [...] Петухов с темнотой ушел, запасшись для чего-то крепкой веревкой. [...] На солнечном восходе Петухов "представил" командиру роты связанного веревкой германского солдата. Узнав, что его ждет за этот подвиг благодарность командира полка, но еще не "Егорий", он снова ушел "в разведку" [...] В полдень был представлен "ерманский унтерцер". Но Петухову говорят, что за это вероятно ему выйдут "егорьевская медаль", а не сам "Егорий". Поел, и опять "в разведку". (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173)

Среди прецедентных имен-ситуаций отметим использование название *Великая война* (Первая Мировая война), использовавшееся в монархической печати с позитивной коннотацией. Этот термин был вытеснен из советского политико-идеологического дискурса:

В библиотеку Музея [памяти Императора Николая II] поступил из Сан-Франциско № 145-6 "Вестника О-ва [общества] Ветеранов *Великой войны*".. (Рус. голос. 1939. 12 марта. № 414)

[Автор письма в газету], с детства воспитанный прочно в основах Христовой веры, не мудрствуя лукаво, но твердо исповедуя Святость присяги на Евангелии и Кресте, .. честно исполнял свой долг перед своим Императором и Родиной.. Когда же *Великая война* поставила его лицом к лицу с опасностью и ежеминутной возможностью смерти, то вера еще более утвердила в нем сознание Божьей воли и величие Христова учения. (Голос России. 1931. 1 окт. № 3)

Наименование *Третий Рейх*¹ активно осваивалось эмигрантами фашистского толка и выступило в идеологии русского фашизма мотивирующей базой (как в языковом, так и социально-политическом смысле) окказионализма *Третья Россия*:

Одновременно с провозглашением Словакией независимости Чехия была присоединена к *Третьему Рейху*, став при сохранении культурной автономии прослойкой провинцией Германии. (Сигнал. 1939. 1 апр. № 52)

¹ Классификация гитлеровских историков использовала прецедентный феномен, Римскую империю, для пропаганды идей преемственности между Римом и Берлином: Первый Рейх (962-1806 гг.) – это священная Римская империя; Второй Рейх (1871-1918 гг.) – Германская империя; Третий Рейх, *das dritte Reich* (1933-1945 гг.), – фашистская Германия.

Ср. модификацию наименования и появление на основе этого прецедентного имени-ситуации своего, русского деривата:

На очереди .. объединение отдельных ручейков Русского Фашистского движения. Духовная связь уже есть. Дело за связью организованной. Она придет сама собой, в вихре национальной революции, тогда, когда сольются воедино ручейки дальневосточного Русского фашизма, фашизма подъярменного, Союза младороссов и РОНД-а, когда появится единая всероссийская партия *Третьей России*, когда под грохот финальных взрывов над освобожденной Русской землей зазвучит ликующее "ура". (Младоросская искра. 1933. 15 нояб. № 34)

Легкость образования нового деривата уже была отчасти "запрограммирована" русским культурно-историческим сознанием: концепция "Москва – Третий Рим"¹ на протяжении веков служила церковно-политическим обоснованием своеобразия пути России. В эмиграции эта идея активно разрабатывалась евразийцами, отводившими России мессианскую роль: указать миру пути выхода из революционного кризиса, который воспринимался ими не только как только российский, национально-русский, но и как мировой. Поэтому сопряжение гитлеровской идеологии, также возложившей на себя мессианские функции, с православно-историческими аллюзиями в эмигрантском дискурсе не случайно; прецедентное имя-ситуация – свидетельство тому.

3.4. Социалистическая революция 1917 г. как прецедентная ситуация

Первый советский лексикографический источник, описывающий и толкующий лексические новшества, произошедшие в русском языке после социалистической революции 1917 г., дает такое определение концепту «революция»: "переворот в общественно-политических отношениях, совершаемый насильственным путём и приводящий к переходу государственной власти от господствующего класса к другому, общественно-передовому классу" [СУ Т. 3: 1311-1312]. В этой дефиниции центральными, структурирующими семами понятия, интерпретированного в рамках советской политической идеологии, являются компоненты "насильственный путь" и "общественно-передовой класс". В советском дискурсе данное понятие превратилось в фокусирующий концепт политического и публицистического языка. Значительно расширились лексико-семантические сочетаемостные возможности слова (и

¹ Идея «Москва – Третий Рим» получила формулировку в XVI веке. В ее основе лежали реальные события. В 1439 году в Италии на Флорентийском соборе была принята церковная уния, распространявшая власть Папы Римского на православную церковь. Ослабленная в борьбе с Османской Турцией Византия согласилась на это предложение, надеясь на помощь Рима. В 1453 году Константинополь (Второй Рим) пал под ударами турок. Только Русь не признала Флорентийскую унию и расценила падение Византийской империи как небесную кару за предательство православия. Москва объявила себя Третьим Римом, призванным сохранить Соборную и Апостольскую Церковь и православие: "Два Рима погибли в ересь, третий [Москва. – А.З.] стоит, а четвертому – не быть".

производных) с другими словами: *дело революции, победа революции, служба революции, революционный пролетариат, революционные преобразования, революционный трибунал, революционный комитет, революционное творчество, революционизированные массы, революционный романтизм*; появляются сложносокращённые слова: *ревком* (революционный комитет), *реввоенком* (революционно-военный комитет), *реввоенсов* (революционно-военный совет), *реввоенсоветтрудоарм* (революционно-военный совет трудовой армии), *ревжель* (комитет революционных железнодорожников), *ревисполком* (революционный исполнительный комитет) [Mazon 1920; Селищев 1928]. Хотя слово стало чрезвычайно активным в послереволюционном русском языке, оно – тем не менее – часто было непонятно простому народу (особенно в деревне) по своему смыслу, своей внутренней форме, поэтому в народно-разговорном языке той эпохи отмечена форма *леворуция*¹ [Лехикоинен 1990; Comrie et al. 1996: 195], имеющая шутливо-иронический оттенок и вызывающая ложноэтимологические ассоциации ”(сделанное) левой рукой”, то есть наспех, неумело. Фонетическая метатеза облегчается тем, что оба звука [р] и [л] являются сонорными.

Эмигрантские газеты также широко оперируют данным концептом, однако прагматические, модальные характеристики понятия кардинально расходятся с официозной советской интерпретацией и значительно разнятся внутри эмигрантского дискурса. Рассмотрим использование прецедентного имени в трех основных политико-публицистических блоках: анархических, монархических (военно-патриотических), демократических изданиях.

3.4.1. В анархическом дискурсе революция в России осмысляется как историческое событие, которому анархисты приписывают следующие атрибуты:

- начальные этапы революции. Ведущими смысловыми дескрипторами в анархических газетах выступают термины *стихия, разрушение*², *бунт*:

Стихия – вот первая движущая сила революции. *Стихия* – вот пролог и начало ее. Стихийные процессы открывают ее. *Всеобщее разрушение* есть действенный рычаг этой стихии. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Разрушение необходимо для *Великого Бунта* – этого существенного элемента и пролога Социальной Революции. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

... попытки .. с целью остановить нарастающую революцию и направить ее в русло ”эволюции”, в русло приспособленчества, пассивности и ”мирного” изживания конфликтов. Неудержимое *разрушение* в конце концов вырвет из-под этих попыток всякую почву. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Результатом разрушения прежнего режима явились, по мнению анархистов, ”величественные дооктябрьские и октябрьские дни”:

¹ А.М. Селищев дает форму *леволюция* [Селищев 1928: 215].

² Один из основоположников анархизма Михаил Бакунин в своё время в статье ”О реакции в Германии” писал: ”Страсть к разрушению есть вместе и творческая страсть”.

Кто наблюдал рабочих и крестьян в *величественные дооктябрьские и октябрьские дни*, тот видел, что нашу революцию творили широкие массы народа, стремившиеся разрешить в революции вековой спор между "черной" и "белой" костью, между трудом и капиталом. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Необходимость, неизбежность социальной революции подчеркивается в анархических газетах публицистическими перифразами: *час суда, поворот мира, час возмездия и очищения*:

Час суда настал – великий час возмездия и очищения. Это – поворот мира. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

- содержанием революционного процесса, согласно анархической идеологии, должна быть революция, характеризующаяся следующими атрибутами: *подлинная, трудовая, безвластная, неполитическая, равенственная, непартийная*:

Рабочее правительство мы отрицаем вообще. Мы говорим: это – миф; это – блеф; это – не *подлинная революция*. В связи с этим отрицанием для нас основная дилемма может стоять совершенно иначе: или пассивность, или *подлинная революция* с уничтожением капитала и государства, т.е. с уничтожением всякой власти, всякого правительства. Ещё точнее: или пассивность – или *неполитическая, непартийная, безвластная революция*. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Все ложные социально-революционные идеи, за исключением идеи *подлинной трудовой революции – безвластной и равенственной* – терпят явный и окончательный – физический – крах. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

... только в анархическом, то есть *безвластном и свободном коммунизме* найдет социальная революция верный выход. (Анархич. вестник. 1924. № 7)

Революция осмысливается анархистами как универсальная, очищающая и освобождающая весь мир, поэтому она не может замыкаться в одной стране: *мировая, всемирная революция*, долг же революционеров (*подлинных революционеров*, т.е. анархистов, по их собственному мнению) – *нести крест революции в мир*¹:

... есть не одна, а две опасности для *мировой революции*: "австризация" – пассивность, и "руссификация" [sic] – большевизм. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

... политикам удалось создать в глазах масс иллюзию, что так следовало поступить для блага их идеала, для блага русской революции, для блага *революции всемирной*. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Анархисты всегда подчеркивали, что *социальная революция* не одно и то же, что *социалистическая* именно потому, что первая, в интерпретации анархистов, приводит к социальному равенству, ликвидации власти как института вообще (власть же является не чем иным, как принуждением, эксплуатаци-

¹ Несомненные интерсобытийные переклички с миссией Иисуса Христа, проповедника нового учения.

ей одного человека другим); социалистическая революция может быть лишь прологом социальной революции, но не должна заканчиваться только внешне-разрушительным, социалистическим этапом.

... разрушение должно не дать *социальной революции* успокоиться на каком бы то ни было результате, пока не будет достигнут *полновесный результат*: приступ к свободному строительству *безвластного и равенственного трудового общежития*. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

В социалистической революции классы, а значит *экономика* (основанная на *”идеологии потребления”*), *политика* как ее инструмент сохраняются; анархисты настаивают на полном отказе от существующей экономики и политики, противопоставляя ей социальную революцию; это антагонистические феномены, несовместимые по своей сути.

Разрушение убивает политику – всякую *политику*, самую *политическую идею*, самую возможность какого бы то ни было *политического построения*. И в этом отношении значение разрушительного процесса громадно. Ибо без исчерпывающего разрушения – *мираж власти и политики* не может быть рассеян; а без полного крушения этого миража – *социальная революция* не может быть осуществлена. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

”Идеология потребления”, выдвигаемая в противовес трудовому принципу, отстаивается не только мирными анархистами, но и некоторыми анархистами, признающими социальную революцию. Это служит доказательством того, что товарищи эти, стоя далеко от трудовой массы, не зная или не желая знать ее революционных устремлений, до сих пор не освободились от греха либерализма, приносящего громадный вред нашему движению. (Анархич. вестник. 1924. № 7)

Переход от социалистической революции к социальной следует совершать быстро, без колебаний, без промежуточных этапов (*”средины”*) и демократических, эволюционных реформ, которые только оттягивают ее скорейшее наступление. Эволюция и революция – антиподы, первая – самый опасный враг социальной революции:

... разрушение необходимо для того, чтобы разбить в глазах широких масс *либеральные иллюзии* и, таким образом, дать революции конкретную возможность *убить демократию, перешагнуть* через всякого рода *реформы, преодолеть ”средину”*. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

... попытки .. с целью остановить *нарастающую революцию* и направить ее в русло *”эволюции”*, в русло приспособленчества, пассивности и *”мирного”* *изживания конфликтов*. *Неудержимое разрушение* в конце концов вырвет из-под этих попыток всякую почву. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

- ход революции. Начавшуюся в России социальную революцию узурпировали, по мнению анархистов, большевики и повернули подлинную революцию в неверное русло. Большевики не смогли использовать *подъем, сдвиг в массах* для продолжения социальной революции, подменив ее цели своими узкими политическими (*властными, военно-авантюрными*) инте-

ресами. Результат этого – *развал, вырождение революции, ренегатство революционеров*, чем воспользовались большевики, затравив *”лучшие соки революции”*. Анархисты даже указывают точную дату уничтожения *”подлинной”* (анархистской) социальной революции – 1921 г. (поражение Кронштадского восстания):

Водворение большевистской диктатуры на *развалинах русской революции* и различных социалистических и революционных партий и течений привело, естественно, к явлению *самого широкого ренегатства*, – тем более что ренегатство это могло в данном случае прикрываться и даже кичиться *видимостью истинной революционности*. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

... благодаря *подлинной революции в России и лже-революциям [sic] в центральной Европе* значительная часть политической власти, по крайней мере, по форме, перешла в руки коммунистов и социал-демократов, которые лизнули крови и, подобно попавшим к власти националистам новых европейских государств, столь же – если не еще более – жадны до этой власти, сколь жадны были прежние капиталисты.. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Мировая большевистская революция, уже сейчас *болеющая тяжёлыми переболями сердца*, стоит накануне *вырождения* в чисто военную авантюру. (Анархич. вестник. 1923. № 5-6)

... большевизм по-прежнему продолжает *выдавать себя* за апостола *мировой социальной революции*. (Анархич. вестник. 1923. № 5-6)

В 1921 г. большевизм .. *затравил лучшие соки русской революции* – разгромил махновщину, анархические, максималистские и левоэсеровские течения и организации.. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Таким образом, в анархическом дискурсе революция предстает как событие, не доведенное большевиками до своего логического завершения, узурпированное ими и остановленное на полпути *”подлинно революционных”* (= радикально-анархических) преобразований, предполагающих ломку всего строя, общества, быта до основания.

3.4.2. Монархические, народно-патриотические, а также ориентированные военные издания наделяют событие «революция» следующими атрибутами, значительно отличающимися от приведенных выше:

- ход социалистической (большевистской) революции. Монархистов и военную элиту мало интересовали идеологические оттенки внутри революционных сил, они считали (в большинстве своем) революцию *”экспортированной”* в Россию международным Интернационалом; большевики же выступили только непосредственной действующей силой. Поэтому осуществление революции в России, с их точки зрения, – это путь к уничтожению независимой страны международными социалистическими силами, это новое *”иго”*, на сей раз Интернационала:

... вследствие революции наша Родина попала *под иго III Интернационала*.. (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173)

После революции 1917 г. бегство из России, вызвавшее у многих шоковое состояние, долго не покидало эмигрантов монархического лагеря, а также военную верхушку эмиграции. Языковой попыткой отразить свое восприятие революции не просто как совершившегося социального акта, но именно как экстремального, чрезвычайного события в истории в монархических газетах явился процесс онимизации ("перевода") имени нарицательного *революция* в разряд имен собственных: *Революция* (с большой буквы):

Население, освобождаемых войсками г. Франко областей рассказывает [sic] о голоде, разстрелах [sic], пытках... И мы узнаем в этих рассказах [sic] уже хорошо знакомые нам черты разбойного рыла все той же *Революции* и потому называться революционерами нам на хочется.. (Сигнал. 1938. 15 сент. № 39)

- содержание социалистической революции. В первые эмиграционные годы в монархическо-охранительном лагере социалистическая революция однозначно приравнивалась к социальной *катастрофе, перевороту, подлой измене, величайшей трагедии России*. Перечень этих определений явственно показывает преобладание эмоционального отношения над рациональным:

Поистине какой-то злой рок тяготеет над святым русским белым делом. [...] И это будет так до тех пор, пока не перестанут делать белую русскую политику .. все те, кто так или иначе – по недомыслию ли, или по сознательному расчёту – были причастны к *подлой измене*, именуемой "великой" русской революцией, доведшей Россию до неслыханного позора и до бесконечных страданий. (Призыв. 1920. 13 (29.2) марта. № 62)

М.М. Фёдоров назвал русскую революцию – *социальной катастрофой*. "Доколе же, – воскликнул М.М.Фёдоров, – цивилизованный мир будет терпеть тот ужас, который царит в России". (Сегодня. 1930. 2 янв. № 2)

Как *преодолеть* трагедию социалистической революции? Военное подавление социалистической революции белыми армиями не удалось:

С Корнилова началось русское искупление, *преодоление революции*. С него началось возрождение русской нации из развала. [...] ..[H]а смену старой нации, рухнувшей в революции, начала воссоздаваться новая русская нация, *преодолевающая революцию*. (Возрождение. 1939. 7 июля. № 4191)

Выдвигаются новые идеи: старую, большевистскую революцию победить новой – именно такие призывы зазвучали в начале 30-х годов в стане младороссов. Взяв за основу термин «коммунистическая революция», младороссы модифицировали его как "*национальную революцию*"; так в их кругах явился странный симбиоз, концептуальный каркас будущего государства, основанного на соединении монархии с советскими органами управления:

... младороссы с самого зарождения младоросского движения стремились не к противобольшевицкой контр-революции [sic], а к *Русской Национальной Революции*. (Младоросская искра. 1933. 15 нояб. № 34)

... мы должны добиться соединения разьединенных пространством – *Русской национальной революции* и Русского Царя. Трудовой революции и Царя трудящихся. Советов и Монарха. (Младоросская искра. 1933. № 26. 5 янв.)

Восторжествует коммунистическая революция или *национальная революция*. Третьего выхода нет. (Младоросская искра. 1932. № 21. 20 авг.)

Это вызывало резкую критику старых монархистов, считавших эклектические идеи младороссов опасными ”болезнями роста” для всей эмигрантской молодежи:

[Е.Е.Ковалевский] обрушился на модное в среде молодёжи почти всех направлений выражение ”*национальная революция*”, сочетавшее в себе *высокое понятие нации с проклятым словом революция*. Причину этого он видит в стремлении молодого поколения к какой-то новой, ”лучшей” России. [...] Призыв же к *революции*, хотя бы и ”*национальной*”, воспитывая массы в *культе революционного права*, приведёт к перманентной революции в будущей России.. (Рус. голос. 1939. 9 апр. № 418.)

В монархических кругах концепт «революция» не оставался застывшим смысловым, семантическим монолитом, неким однозначно одиозным обозначением на всем протяжении эмигрантского периода. Действительно, эмоционально-оценочная модальность понятия в прессе сохранялась: *яд революции*¹, *пожар коммунистической революции*, однако и сам концепт развивался, модифицировался, трансформировался, принимая смысловые очертания, исходя из текущей ситуации.

3.4.3. Демократические издания прецедентное событие «революция» осмыслили в смысловом формате, вершинными точками которого являлись: *февральская буржуазная революция, переворот, эволюция*.

- ход революции. Демократическая пресса единственной верной, закономерной и законной революцией считала февральскую буржуазно-демократическую революцию. На первых порах октябрьская революция интерпретировалась как продолжение и углубление февральской, однако очень скоро ”*праздник первых завоеваний революции*” прошел, и начались ”*ужасы жестокой и немилосердной расправы на Родине*”:

Быстрым невозвратимым мигом промелькнул *праздник первых завоеваний революции и демократического перерождения* России. Промелькнул, чтобы надолго уступить место *мрачному хаосу большевизма* и национального сепаратизма, расколовших великую страну на части и повергнувших ее во все ужасы междусобной войны, красного и белого террора, окончательного расстройтва экономической жизни, голода, культурного и социального одичания, потери всех

¹ Ср.: ”Да, непобедим для врага был дух русского солдата, русского народа! Его победил лишь *яд революции*, лишь *яд большевизма*, разбросанный в тылу ненавидящими русский народ... *Самый страшный, самый заразный яд*, страшнее и заразнее чумных бактерий...” (Рус. голос. 1934. № 173. 29 июля).

международных связей и всего прежнего международного значения. (Возрождение. 1919. 6 июля. № 1)

Особое положение КВжд сразу же после октябрьской революции привлекло сюда первых беглецов от *ужасов жестокой и немилосердной расправы на родине*. (Сегодня. 1930. 7 янв. № 7)

Демократы настаивали на отграничении *февральской революции* от *большевистского переворота* не только в содержательном аспекте самих событий, но даже и на номинативно-лексическом уровне. Семантико-прагматическое размежевание синонимов *революция vs переворот* – один из важнейших, существенных прагматических процессов как в большевистской прессе, так и эмигрантской, только с разными результатами: для наименования социалистической революции 1917 г. большевики (по прошествии некоторого времени) отвергли термин *переворот*¹, эмигранты же, напротив, сохраняли прежнюю номинацию, сфокусировав внимание на референциально-прагматических нюансах между двумя событиями: Февральской буржуазной революцией и Октябрьским переворотом.

Октябрьский большевистский переворот и был тем событием, которое роковым образом отразилось на судьбах мировой социальной демократии. *Февральская революция 1917 года* вызвала энтузиазм в народных массах всего мира. Они приняли *октябрьский переворот* за продолжение русской революции..., хотя в действительности этот *переворот* оказался для русской революции смертельным ударом. (Воля России. 1920. 16 сент. № 4)

Единственный путь возвращения страны в "нормальное" русло развития демократы видят в реализации демократических принципов, провозглашенных Февралем, в медленных, поступательных реформах. Идеалом демократов была не Франция (с ее кровавыми *революциями*), а Англия, предлагавшая иные пути общественного развития (*эволюцию*):

В то время как *революции*, начиная с *французской* и кончая *русской*, превзошедшей все прежние примеры, для осуществления принципа равенства стаскивали с верхов культуры, цивилизации и этики людей лучших и свергали их вниз, к поддонкам [sic] общества, *английская эволюция* освобождала и прокладывала пути, по которым было бы доступно из низов общества подниматься выше... (Призыв. 1919. 7 (23.9) окт. № 77)

¹ Известна даже точная дата смены политико-идеологической маркировки прецедентного события – это 1927 г. Еще в начале 1927 г. в связи с подготовкой к десятилетию Октябрьской социалистической революции Историко-партийным отделом ЦК ВКП(б) (Истпартом) группе активных участников революции была разослана "Анкета участника *Октябрьского переворота*". Публицистический термин *Великая Октябрьская социалистическая революция* возник накануне празднования 10-летия данного события и в дальнейшем закрепился в официальной государственной терминологии, вытеснив прежнее «переворот». В языковом плане это объясняется идеологически инспирированным расподоблением политических референтов (*переворот* и *революция*), закреплением негативной рациональной оценочности в первом и позитивной оценочности во втором.

Роковое отличие от эпохи военного коммунизма заключается в том, что тогда воображению рисовалось блестящее будущее, самоограничение требовалось во имя победы революции, соблазняющей самыми заманчивыми перспективами, облегчающими тяжесть суровой действительности. Теперь всё это осталось уже далеко позади, победа революции определила *прочную тенденцию к постепенному ухудшению и все надежды на лучшее будущее безжалостно разбиты.* (Руль. 1930. 1 янв. № 2766)

... большинство российских граждан несомненно сознаёт, что только активной борьбой как против большевизма, так и против реакции, только *возвращением к демократическим принципам, провозглашённым февральской революцией,* может быть достигнуто возрождение России и возвращение её на *путь здорового демократического развития.* (Возрождение. 1919. 6 июля. № 1)

В формирующейся в 20-е годы новой идеологической оппозиции «социализм ↔ фашизм» демократические газеты иногда были даже склонны оправдать фашизм на фоне большевизма, более бесчеловечного, с их точки зрения:

Как бы ни относиться к фашизму, *одной его заслуги никто отрицать не может:* фашизм раздавил в Италии подготовляющуюся большевистскую революцию. Это признают в Италии все – от самых рьяных фашистов до ультра-коммунистов. (Руль. 1926. 14 апр. № 1630)

И в анархических, и в монархических, и в демократических эмигрантских изданиях факт социалистической революции использовался как один из важнейших компонентов в статьях на политико-идеологические темы. Однако атрибутивные признаки, приписываемые этому феномену, в данных типах газет различаются коренным образом: а) полное неприятие и отрицание законности революции (монархисты), б) признания ее "инерционного" движения от Февральской буржуазной революции (демократы), в) необходимость, неизбежность продолжения революции, не доведенной, однако, до абсолютного разрушения старого строя (анархисты).

3.5. *Прецедентные ситуации, обозначающие праздники, памятные даты и их атрибуты*

Очень многие праздники и сопутствующие им атрибуты после социалистической революции 1917 г. были запрещены и вышли из советского календаря; особенно это касается религиозных празднований. В эмигрантской жизни все дореволюционные памятные даты, символика, атрибутика сохраняли свой прежний статус. Эмигрантская публицистика, с одной стороны, активно использует старые номинативные единицы с обозначением праздников (религиозных, государственных), с другой – живо и остро реагирует на те календарно-обрядовые новшества, которые происходят в советской действительности. Многие эмигранты сохраняли приверженность православному церковному календарю, поэтому очень часто хронологическая привязка

какого-либо мероприятия, события осуществлялась именно к церковному празднику: *сочельник, рождественский пост, Рождество Христово*¹, *светлый праздник Святой Пасхи* (пасха продолжала оставаться главным церковным праздником для православных), *праздник Казанской Божьей матери, рождественские каникулы, день православной культуры* и под.:

Лэди Хустон [sic], внесшая первую тысячу фунтов в фонд комитета христианского протеста против религиозных преследований в России, прислала в *сочельник* на имя председателя комитета чек на 5000 ф.[унтов]. (Руть. 1930. 1 янв. № 2766)

Поздравляю всех Русских людей со *Светлым Праздником Святой Пасхи*. Радость этого вечного торжества из торжеств да воссияет над измученной Родиной Нашей и поддержит дух веры в милость Божию в душах страждущего Русского народа. [послание "От Главы Российского Императорского Дома"] (Рус. голос. 1939. 9 апр. № 418)

Сколько людей и даже можно сказать целых народов равнодушно проходят мимо торжественной *пасхальной вечери*, увлеченные своими будничными делами, спеша кто на село, кто на куплю свою. Они не замечают, что уходят от *Пасхи*, они действительно отходят от жизни и истощают родники последней. (Рус. голос. 1939. 9 апр. № 418)

Пожертвуйте нуждающимся к *Св.[ятой] Пасхе* [название заметки] (Рус. голос. 1939. 2 апр. № 417)

Пасхальное послание Председателя Архиерейского Синода к зарубежной *пастве*. (Рус. голос. 1939. 9 апр. № 418)

В *сочельник* в Таллинн вернулся министр народного хозяйства Л. Сепп.. (Вести дня. 1939. 28 дек. № 295)

... в Таллине .. во время *рождественских каникул* состоится ещё три учительских съезда. (Вести дня. 1939. 28 дек. № 295)

В третий день праздников *Рождества Христова* в Нарве .. загорелся дом купца Кубышкина.. (Вести дня. 1939. 28 дек. № 295)

Начинается торжественное заседание, посвященное *Дню Православной Культуры*.. (Младоросская искра. 1933. 15 авг. № 32)

В субботу 28/15 июля в *день св. Равноапостольного Князя Владимира* русский Белград по установившейся традиции празднует день русского церковно-народного единения, память основоположника Русской Культуры, "Славу" русского народа. (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173)

¹ Ср. характерную цитату из советской газеты с типичным для тех времен объяснением, мотивирующим замещение Рождества ударным рабочим днем: "Решили в праздник очищать семена [заглавие]. Мы, крестьяне дер.[евни] Б. Пустоши, Морозовской вол., Вологодской губ., заслушав и обсудив декрет о поднятии урожайности, постановили: [...] 2. *Рождество*, как религиозный праздник, не праздновать. Объявляем этот день днем очистки зерна. Просить с.[ельско]-х.[озяйственную] кооперацию направить в этот день к нам обоз с сортировочными машинами". (Крестьянск. газета. 1928. 18 янв.)

Разумеется, в бытовой жизни эмигрантов продолжали сохраняться церковные праздники и их атрибуты, а в речевой практике – их языковые наименования:

Принимаются заказы на *пасхальные* окорока, *куличи*, сырныи *пасхи* и *пасхальный* сыр. (Рус. голос. 1939. 26 марта. № 416)

Исповедь детей, желающих говеть Рождественским постом, в храме Христа Спасителя в Аньере, назначена на субботу 5 января в 17 час. *Причащение* на другой день за *литургией*. (Возрождение. 1935. 2 янв. № 3500)

В Рождественский сочельник во Свято-Покровском храме .. совершено будет *великое повечерие* и *праздничная утренняя*.. (Последн. новости. 1940. 2 янв. № 6854)

... для желающих разговляться в очаге союза [русских сестер милосердия] будет устроено в пасхальную ночь *разговленье*. (Возрождение. 1935. 14 марта. № 3571)

Много удовольствия доставили детям показанные им веселые фильмы, а также – как всегда – прибытие с нетерпением ожидаемого *рождественского деда*¹, щедро наделившего подарками маленьких участников этого веселого праздника. (Руль. 1930. 2 янв. № 2767)

На страницах газет содержатся и ностальгические воспоминания эмигрантов о самых ярких, запоминающихся праздниках в дореволюционной России:

В добольшевистской Москве было в году два знаменательных момента, переживание которых способно было заронить в душу неизгладимые впечатления. [...] То были – *Пасхальная ночь* и *Татьянин день*. (Огни. 1924. 28 янв. № 4)

Впрочем, у эмигрантов уже может возникать легкое удивление, и даже сомнение в правомерности, уместности празднования православных или традиционных русских праздников, отличающихся от католического календаря. Связанные с православной и католической традициями религиозно-календарные несовпадения – одна из сложных, болезненных сторон процесса адаптации многих эмигрантов в приютивших их неправославных странах, поскольку такие календарные расхождения вызывали естественный как психологический, конфессиональный, так и бытовой дискомфорт (напр., хронологические несовпадения поста, пасхи и др. праздников) для православного эмигранта, привыкшего определять, отмерять свой ритм жизни в России церковно-православным календарем:

¹ Это обозначение восходит к дореволюционной речевой практике. В середине 30-х годов 20 в., вместе с официальным разрешением в СССР новогодних праздников и установки ёлки, прежняя номинация была трансформирована по идеологическим и атеистическим мотивам: искоренить упоминание религиозного атрибута и использовать литературное обозначение *дед* (*дедушка*) *Мороз*. Персонифицированный образ Деда Мороза в русской культуре появился только к концу 19 – началу 20 в.; в литературе это также нашло отражение: А.Н. Островский «Снегурочка», Н.А. Некрасов «Мороз, Красный нос», В.Я. Брюсов «Царю Северного полюса».

В ночь, под "старый" Новый год – 13 января .. союз писателей устроил встречу Нового года. Собралась многочисленная русская колония. [...] ..немножко странно было "встречать" Новый год, когда все знали, что новый год уже наступил тринадцать дней тому назад... (Огни. 1924. 21 янв. № 3)

На этом фоне культурно-религиозных событий, сохраняющих свой жизнеорганизующий статус в эмигрантском быту и свои лингвопрагматические функции в речевом обиходе, резким контрастом выглядят сообщения из СССР о попытке "вытравить" из советского быта и языка религиозные праздники, их атрибутику (и их словесные обозначения). Обычно мероприятия, направленные на борьбу с религией, русскими традициями сразу же становились объектом обсуждения и осуждения на страницах эмигрантских газет, воспринимаясь эмигрантами как знаки кощунства по отношению к традициям, православия со стороны нового, большевистского, правления:

В селе Маче (Ср.[едняя] Волга) "кулаки" подожгли дома четырех колхозников-безбожников, которые на всех собраниях разъясняли вред *Пасхи* и других религиозных праздников. (Младоросская искра. 1932. 12 июля. № 20)

Перед рождественскими праздниками в Москве была начата спешная агитация против празднования *Рождества*. [...] В сочельник в Москве предполагался грандиозный карнавал безбожников и комсомольцев, но из-за сильного мороза вся эта затея большевиков лопнула. (Сегодня. 1930. 1 янв. № 1)

Большинство населения СССР решило отпраздновать *Рождество* по ст.[арому] стилю, т.е. 7 и 8 января. В связи с этим особенно обострилась антирелигиозная работа большевиков и вся советская печать полна самых диких и нелепых призывов против "старого *Рождества*" и "религиозного дурмана". (Сегодня. 1930. 9 янв. № 9)

Из Тулы сообщают, что в первый день *Рождества* по старому стилю там была устроена огромная демонстрация безбожников. В разных районах города разложены были костры, на которых сжигались иконы. В общем за один день сожжено было около 2 000 икон. (Сегодня. 1930. 10 янв. № 10)

Многие советские граждане, живущие не в глубокой провинции, а в Москве и в Петербурге, до сих пор не получили денег, посланных им [из-за границы родственниками] на *Пасху*. (Руль. 1930. 20 июня. № 2906)

Меры против религиозных обрядов и их атрибутов в Советской России предпринимались самые решительные, и эмигрантские газеты так комментируют искоренение праздничных рождественских символов-атрибутов; в одной газете начала 30-х годов содержится следующий пассаж о жестком, даже жестоким наказании людей просто за продажу новогодних ёлок:

Против *рождественской елки* был предпринят настоящий поход. Начальник московской милиции вывесил приказ о запрещении продажи елок. Виновные в нарушении этого постановления наказывались штрафом до 1000 рублей или же отправкой на принудительные работы по расчистке железнодорожных путей от снежных заносов. (Сегодня. 1930. 1 янв. № 1)

В середине 30-х годов эмигрантские газеты сообщают о послаблениях, смягчениях политики и идеологии со стороны КПСС, среди которых было и разрешение установки новогодних ёлок¹. Впрочем, эмигранты интерпретируют этот знак иначе, чем советские газеты. Для эмигрантов референтная ситуация с ёлкой выглядит как вынужденный маневр советского правительства с целью удержания власти и заигрывания с народом:

Реальная угроза войны, убийство Кирова за год понесли партийных самодержцев семимильными шагами по рачьему следу. Собираются "представительные" съезды. Разрешена ёлка! Уменьшен налоговый грабёж крестьянства! (Единый фронт новой России. 1936. 19 янв. № 19)

Сфера церковных празднований и календарно-обрядовых действий обычно тесно связана с повседневной, будничной жизнью индивида. Эмигранты в подавляющем большинстве сохраняли старые церковно-конфессиональные традиции, богатство и обилие лексики данной сферы говорит само за себя. Искоренение религии в СССР как "религиозного дурмана", исключение из советского быта и перемещение на словарную периферию целых лексико-семантических пластов интерпретировалось и комментировалось на страницах эмигрантской прессы; эти факты еще более усиливали негативное отношение эмигрантов к советскому режиму.

---

¹ Запрет на установку елок действовал в России продолжительное время. Начало его приходится на 1916 г., когда Священный Синод Русской Православной Церкви под предлогом борьбы с германским влиянием запретил установку елок; это квалифицировалось как вражеская, немецкая затея, чуждая православному русскому народу (Огонек. 2006. № 52). Такие аллюзии возникли в связи с тем, что впервые елки появились в 1820-е годы в домах петербургских немцев. После 1917 г. в большевистской идеологии елка рассматривалась как один из атрибутов религии, с которой велась беспощадная война. Проводились специальные антирождественские кампании, где рассказывалось о "вреде" празднования Рождества: "бытовая обстановка рождественского праздника вредно действует на здоровье и воспитание детей: святочные рассказы с чертовщиной; дым и газ от елки; пьяные крики гостей..." (Биология. 2004. № 1). Однако 28 декабря 1935 г. в центральной газете "Правда" было опубликовано письмо П.П. Постышева о необходимости возрождения "советской новогодней ёлки". Трансформация дореволюционного прецедентного феномена в советском дискурсе была осуществлена опять-таки при помощи механизма "партикуляризации" (по Карцевскому): наделения понятия "советским" или нейтрализующим (новогодняя) лексическим маркером вместо "религиозного" (рождественская ёлка).

3.6. *Прецедентные ситуации-феномены, основанные на советских геральдических реалиях*

В качестве краткого вводного, пропедевтического экскурса приведем несколько теоретических фактов из теории геральдики. Различие между символом и эмблемой, двумя основными структурирующими компонентами геральдического поля, основано на следующих семантико-конвенциональных принципах: в *символе* истоки его происхождения могут быть скрыты, заслонены "далью времен", позднейшими политическими, культурными, идеологическими наслоениями и даже утрачены (например, невозможно сказать и установить, когда в культуре стали использовать *крест* в качестве символической фигуры). В *эмблеме* (как графическом изображении) за конкретными чертами скрывается какая-либо идея, хотя "этимологическая связь" между эмблемой и идеей может быть также утрачена; эмблемы используются как "молчащие слова" для экспликации значимой информации об их носителе. В отличие от символов, в эмблемах могут присутствовать личные, групповые, партийные, классовые коннотации; эмблемы можно *присваивать*, их можно тиражировать, например, в виде значков и попросить (заставить) людей носить эти отличительные знаки для выражения своей (политической, религиозной и т.п.) позиции.

Рассмотрение новых эмблематических знаков социально-политической сферы советского государства, ставших объектом внимания эмигрантов, мы начнем с *герба* как наиболее наглядного референта государственной и политической идеи¹. Одним из ключевых моментов стало становление государственной эмблематики в эпоху Петра Первого, который заложил основы государственной геральдики: в 18 – нач. 19 в. появились Большой, Средний и Малый гербы Российской империи. Главная идея Большого государственного герба – триединая сущность русской идеи (в понимании 19 века): *За веру, Царя и Отечество*. Понятие *веры* на гербе материально было выражено в изображении множества крестов, фигурах Михаила и Гавриила, фразе "с нами Бог". Понятие *царственности, самодержавия* выражали очертания короны, скипетра, державы, цепи святого ордена Андрея Первозванного. Понятие *отечества* заключалось в изображении герба Москвы (как объединительницы русских земель), гербах русских городов, шлема Александра Невского.

После отречения Николая II от престола встал вопрос о новом гербе. Была организована геральдическая комиссия (В.Н. Лукомский, С.Н. Тройницкий, Г.И. Нарбут, И.Я. Билибин), которая пребывала в нерешительности ввиду неясности политической ситуации в стране. Их решение было компромиссным: использовать старый герб (двуглавого орла) без скипетра, державы и

¹ В России гербы были распространены меньше, чем в Европе, где в Средние века они служили практически обязательным атрибутом рыцаря. Отсутствие рыцарства на Руси координирует с малой разработанности геральдики. Российская геральдика стала оформляться и складываться только в 17 в., при Алексее Михайловиче Романове, хотя – разумеется – ее элементы были и ранее.

без изображения Георгия Победоносца на груди этого орла. После победы социалистической революции это компромиссное предложение большевики отвергли как несоответствующее пролетарской идее и цели мирового переустройства. Герб новой, социалистической России был составлен по традиционным геральдическим правилам, но с использованием абсолютно новых, неизвестных ранее в России эмблем. Компоненты нового герба были определены на V Всероссийском съезде Советов 10 июля 1918 г.: "Герб Российской Социалистической Федеративной Республики состоит из изображений на красном фоне в лучах солнца золотых серпа и молота, помещенных крест-накрест рукоятками книзу, окруженных венцом из колосьев и с надписью: а) Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика и б) Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" Итак, разрыв с предшествующей традицией был очевиден.

Изображения серпа и молота стали обязательным элементом так называемого "малого герба Советской России". *Молот* с эпохи средних веков становится эмблемой, отражающей и представляющей *ремесла* (вообще все, связанное с тяжелым ручным трудом, а затем и промышленностью). С 70-х годов 19 в. молот стал символом рабочего движения (и особенно пролетариата) в Европе. После революции 1905-1907 гг. этот инструмент, уже давно ставший в политике прецедентным феноменом, был заимствован российским пролетариатом в качестве основной эмблемы рабочего класса. Поэтому после социалистической революции 1917 г. вопрос о включении молота в герб практически даже не дискутировался. Сомнения о включении в герб советского государства *серпа* как эмблемы крестьянского труда возникли в связи с альтернативой: или *меч*, или *коса*. Последние эмблемы были отвергнуты как выражающие (символизирующие) идеи войны и разрушения. Кроме того, в российской геральдике 19 века изображение серпа практически не использовалось и, таким образом, не было "скомпрометировано" предшествующим "царским, монархическим" периодом. Соединение серпа и молота в гербе должно было символизировать союз рабочих и крестьян в борьбе за пролетарские идеалы в деле освобождения всех угнетенных.

Как же эмигранты "прочитывают", интерпретируют данные эмблемы, какие историко-культурные аллюзии возникают у них? Эмигранты монархического толка противопоставляют советскую эмблему двуглавному орлу и императорской короне:

... как понятен мне был .. *двуглавый орел*, гордо озирающийся на восток и на запад, будто дразнящий кого-то извивающимися языками, орел с Императорскими *коронами* на головах. Он не подлизывался ни к рабочему, ни к крестьянину, не манил их *серпом* и *молотом*, двумя орудиями смерти, – пожинающим и раздробляющим, но смело и гордо кричал миру орлиным клекотом: – Я правлю востоком и западом. И запад слушает меня, а восток мне повинуется. [...] На груди у него были написаны гербы городов и царств Российских, а по середине, в большом щите был Св.[ятой] Георгий на белом коне, поражающий змея – старый герб Московский, знак правды, борющейся со злом. [...] В лапах орла крепко

были сжаты *скипетр* и *держава*: твердая власть, закон и порядок. (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

В этой интерпретации содержатся и историко-географические аллюзии (*короны, восток и запад, гербы городов и Москвы*), и религиозные (*Св. Георгий*), и монархическо-охранительные (*скипетр и держава*), и всё это заключено в "позитивную" модально-оценочную рамку прежней, монархической, эмблемы. Новая эмблема (молот и серп) расценивается как "плебейско-народная" (ср. характеризующее причастие от глагола *подлизываться*), в контексте же революционных событий и братоубийственной, кровавой гражданской войны эта эмблема приобретает дополнительные ассоциации со смертью и гибелью (*молот раздробляет, а серп срезает*). Ср. также попытки со стороны эмигрантов "эмблематизировать" другие смежные понятия-денотаты, входящие с серпом (как новым компонентом советского эмблематического поля) в один понятийно-смысловой блок, но не включенные в советскую эмблему:

Серп и молот. Кажется, хорошо. А на деле что выходит? *Серпом* этим режется под корень урожай народный, *молотом* раздробляется народное благосостояние. Почему серп, а не *плуг*? Почему пожинание того, чего не сеял, не запашка борозды и не сев нового урожая? (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

Скипетр и держава в интерпретации эмигрантов-монархистов наполняются актуальным для той поры смыслом – власть, закон, порядок, но с существенными прагматическими коннотациями "монархическая, императорская". В этом-то и заключается особенность эмблем, что они позволяют "семантизировать" те элементы содержания, которые актуальны для "текущего момента"¹.

В 1923 г. в гербе СССР серп и молот как национальные советские символы были заменены *пятиконечной звездой*, отражающей, в рамках коммунистической идеологии, идею международной солидарности трудящихся². Эмиг-

¹ Исторические аллюзии государственной эмблематики лишь частично могут востребоваться текущим моментом, современностью. Так, эмблема *скипетра* зародилась давно, еще в доантичное время; в Древней Греции скипетр являлся атрибутом Зевса и с тех пор приобрел "значение" царственного (монархического) жезла. В русской государственной эмблематике *скипетр* и *держава* впервые появляется на государственном гербе Алексея Михайловича как отражение идеи абсолютной монархии. Алексей Михайлович в середине-конце 60-х годов 17 в. обратился к римскому императору Леопольду I с просьбой прислать специалиста по геральдике – просьба была удовлетворена, и в Москву из Австрии прибыл Лаврентий Курелич (Хурелич), который в 1667 г. так трактовал российский императорский герб: "Орел двоголавый есть герб державный Великого Государя, Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, его Царского Величества Российского царствия, на котором три коруны изображены, знаменующие три великия Казанское, Астраханское, Сибирское славные царства, покоряющиеся Богом хранимому и высочайшей Его Царского Величества милостивейшего Государя державе и повелению .. на персях [на груди] изображение наследника; в пазонктех [в суставах лап. – А.З.] *скипетр* и *яблоко*, и являют милостивейшего Государя, Его Царского Величества Самодержца и Обладателя".

² Впервые красную пятиконечную звезду в Красной Армии предложил, по-видимому, командующий войсками Петроградского военного округа К. Еремеев, мотивируя это сле-

ранты отреагировали на появление красной пятиконечной звезды довольно болезненно:

Пятиконечная звезда сверкает на рукавах мундиров, она горит на советских зданиях, она везде. Что это за звезда? [...] Она горит кровавым красным блеском, упорно, ровно и не мигая. Это вечерняя звезда – предвещница ночи, спускающейся над нашей замученною Родиною. Эта звезда – знак смерти и грубого покоя, а не пробуждения и воскресения (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

Свобода интерпретации эмблемы давала простор воображению и игре ассоциаций обеим идеологически противостоящим сторонам: большевики и коммунисты "наполняли" эмблему звезды "своим" содержанием, отвечавшим их политическим целям и задачам, эмигранты-монархисты хотели видеть в этой новой эмблеме ассоциации и идеи, отражающие неприятие советской власти и идеалов коммунистов.

Эмблема *двуглавого орла*¹ стала важной идейно-политической основой сплочения и единения некоторых эмигрантских групп и партий. Большевики же после прихода к власти, естественно, хотели освободиться от этой эмблемы как монархической, царской, эксплуататорской. Во многих эмигрантских группах она приобрела еще больший, чем ранее, монархическо-патриотический вес и выполняла важную политико-воспитательную роль в среде подрастающего поколения, на которое старые и стареющие эмигранты возлагали надежды по реставрации монархии в России. Ср. актуализированные в эмигрантском быту эмоционально-психологические аллюзии:

Для пьесы ["Павел Первый" Д.Мережковского. – А.3.] написан новый занавес с *двуглавым орлом* – эмблемой мощи и величия России. (Призыв. 1920. 13 (29.2) марта. № 62)

дующими аргументами: 1. Форма звезды символизирует оберег, охрану, безопасность; 2. Цвет символизирует революцию и кровь народа; 3. Само понятие символизирует стремление к высшим идеалам. В гербе мирового пролетарского движения звезда приобрела такое толкование: пять концов символизируют солидарность угнетаемых масс на пяти континентах; красный цвет символизирует пролитую кровь народа в борьбе за свое освобождение.

¹ Символика орла с двумя головами идет с глубокой древности (впервые – у хеттов и шумеров), в 4 веке это изображение избрал в качестве неофициального символа священной Римской империи Константин Великий. Начиная с 13 века двуглавый орел становится элементом печатей и монет в Западной Европе. Какое-то время на печатях конкурировали одноглавый и двуглавый орел, однако этот разнобой вскоре исчез, что было связано с формированием концепции монархической власти. Считая себя прямыми потомками римских императоров, европейские монархи предпочли использовать эмблему двуглавого орла, оставив одноглавого орла "просто" королям как не имеющим "родства" с римскими императорами. На Руси двуглавый орел впервые встречается на печати Ивана III (в последнем десятилетии 15 века), по-видимому, это отражало стремление России продемонстрировать "равенство" с европейскими монархами. С тех пор двуглавый орел в государственном гербе России стал традиционным, означая власть, полученную от Бога, а также верховенство, государственную прозорливость.

Изменение символики и геральдики в советской России затронуло и военную область, к которой большинство эмигрантов как (бывших или настоящих) военных было очень чувствительно. Использование старых терминов и обозначений коммунистами встречало недоумение, непонимание и даже раздражение старой эмиграции; например, введенное в 1935 г. в Советской Армии высшее воинское звание *маршал* так комментируется эмигрантской газетой:

Любителям проводить параллели и находить сходство между *красными маршалами* СССР и наполеоновскими, *маршалами революционной Франции*, необходимо помнить существенную разницу. *Маршалы Франции* все свои военные заслуги, ордена и свою славу получили в боях с внешним врагом, а советские – исключительно в боях со своим же русским народом. У *маршалов Наполеона* подлинный военный талант, личный героизм и доблесть. У *красных маршалов* – карательные экспедиции, кровавая “революционная совесть”, партийные интриги. (Возрождение. 1937. 20 нояб. № 4107)

Советских детей, с младших классов проходящих школу *октябрят* и *пионеров*, эмигранты иронически-насмешливо именуют “юными большевиками (коммунистами)”. Напротив, в советском официальном политическом дискурсе у этого выражения была позитивная прагматика. Непременный атрибут пионера (*красный пионерский галстук*) в советском языке 20-30-х годов еще не имел устоявшегося обозначения, поэтому, например, в СУ не приводится терминологических обозначений этого предмета; термин *красный галстук* появляется только в МАС-1. Эмигранты именуют пионерский галстук *красным платком*, а пионерский значок (этот термин уже сложился к 30-м годам; зафиксирован СУ) – перифрастическим оборотом *изображение Ленина*¹:

В Лондон на советском пароходе вернулись шестеро детей, которые были три месяца тому назад посланы в СССР английскими коммунистами. Эти “зеленые большевики” вернулись совершенно другими. Их головы забиты доктринами, которых они не понимают. Одеты они в новые костюмы – дар московских рабочих. Воротнички у них сменились *красными платками*, а в петличках они носят *изображения Ленина*. (Возрождение. 1927. 4 окт. № 854)

Эмблемы и символы – составная часть политического, идеологического, культурного багажа человека. В переломные периоды истории их смысл и прагматика актуализируются, наполняются “свежим воздухом истории”. Коренная смена государственной эмблематики сопровождается острыми общественно-групповыми дискуссиями о “семантике” и идейном наполнении символов и эмблем. Полное неприятие нового общественного строя влечет за собой отвержение новых символов, в политическом лагере оппонентов они обычно подвергаются остракизму, высмеиваются, в них ищутся какие-либо содержательные и идеологические “изъяны”, несогласованность выражаемых идей, несуразности, они обычно обрамляются в пейоративные модальные рамки. Резкое неприятие советских эмблем обнаружили эмигранты первой волны:

¹ В использовании слова *изображение* в данной перифразе можно усматривать семантическую кальку (ср. англ. picture, image).

отторжение ими советской эмблематики и символики, защита традиционных элементов эмблем выступала важной политико-идеологической составляющей их мировидения и мировосприятия. С другой стороны, как советские, так и традиционные монархические эмблемы являлись важным компонентом агитации и даже политического манипулирования в идеологическом дискурсе эмигрантов, в первую очередь монархистов.

Выводы:

1. исторические события (преимущественно российские) выполняют функцию компаративных инструментов, позволяющих сопоставлять хронологически отстоящие друг от друга явления. Семантика прецедентности, отложившаяся в данных исторических феноменах, накладывается эмигрантами на новшества, происходящие в советской действительности; тем самым они вписываются в исторический контекст. Все наименования исторических событий, оставивших свой след в российской культурной памяти, имеют негативные ассоциации; Сопоставление советских событий с уже бывшими когда-то в российской истории имеет цель "принизить", умалить их новизну, превратить в заурядные, банальные и известные факты.
2. особое значение как в советском, так и эмигрантском дискурсе приобретает факт социалистической революции 1917 года, которая интерпретируется разными типами эмигрантской прессы ("левой", демократической, монархической) как событие, заключенное в рамочное обрамление, ключевые точки которого зачастую не совпадают или даже контрастирует друг с другом. Однако в интерпретации этого ключевого события 1917 г. есть элемент, объединяющий все эмигрантские издания и проявляющийся в их общем противопоставлении революции социалистической.
3. наименования событий, связанные с религиозными, традиционными русскими праздниками и их атрибутами, в демократической и особенно монархической публицистике сохраняют свою прежнюю номинативную и прагматическую роль, как это было и в дореволюционный период жизни эмигрантов. Повышенное внимание эмигрантских газет приковано к процессам, происходящим в советских календарно-обрядовых ритуалах.
4. становление нового социального строя, сопровождавшееся заменой старых геральдических символов и эмблем новыми, советскими, также получает модально-оценочные интерпретации, как правило, сводившиеся к неприятию семантики, смысла эмблем и поиску субъективно-окрашенных негативных ассоциаций.

4.0. Прецедентные тексты и высказывания

Прецедентные тексты или высказывания участвуют в построении коммуникативного акта между продуцентом и реципиентом либо на уровне развернутых фраз из литературно-прецедентного текста (детские стихи, анекдоты, фрагменты популярных песен, в настоящее время – особенно широко тексты рекламы и др.), либо на уровне отдельных слов из таких текстов. Эти минитексты для большинства людей могут нести заряд прецедентности даже на фонологическом, акцентологическом уровне (особенности произношения, ударения, речевые дефекты какого-либо известного лица, напр., произносительно-акцентные черты речевого стиля Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева, Горбачева, Ельцина и т.д.). Граница между прецедентными текстами и прецедентными высказываниями не абсолютна, она лабильна, подвижна: "тексты функционируют либо как прецедентное высказывание..., либо как собственно ПТ [прецедентные тексты. – А.З.]" [Красных 2003: 190]. В дальнейшем мы рассматриваем оба типа, помещая их среди прецедентных вербальных феноменов, апеллирующих к известным фрагментам литературных, фольклорных произведений; сюда же мы относим репродуцируемые в социуме высказывания известных личностей. Набор прецедентных текстов и высказываний в значительной мере зависит от внешних по отношению к речи факторов: как глобальных (социально-политическая ситуация в стране, господствующий режим), так и локально-территориальных. В последнем случае применительно к нашему материалу это особенно важно: эмигранты, живущие в разных местах своего рассеяния, могут обращаться к прецедентным текстам страны проживания, понимать друг друга в региональном масштабе, но речевые вкрапления имеют опасность оставаться не понятыми и, следовательно, "непрочитанными" эмигрантами, живущими в других странах¹.

В литературе вопроса существует несколько альтернативных наименований понятия: *завуалированные аллюзии, прямые цитаты, стереотипы*, в последние входят *паремии, крылатые слова, афоризмы* [Сорокин & Михалева; Николаева 2000; Потылицина 2002; Прохоров 2004]. В дальнейшем изложении мы используем эти термины как эквивалентные, взаимозаменяемые, поскольку для целей настоящей работы нюансы в терминологии не столь существенны и не влияют на релевантность выводов. Каковы же коммуникативные интенции говорящего (продуцента) и слушающего (реципиента) по отношению к прецедентным высказываниям, стереотипам? Они заключаются в том, что и сам говорящий осознает их как чужую речь, инкрустированную в собственную, и слушающий интерпретирует их подобным образом на основании общей (или в значительной степени совпадающей) апперцепционной базы, фоновых знаний и пресуппозиций [Костомаров & Бурвикова 1996; Гудков 1996; Слышкин 1998; Смулаковская & Кузнецова 1999; Гришаева 2003]. Функции прецедентных текстов в речи – либо кооперативная, либо негационная, аб-

¹ Последний фактор богато проиллюстрирован, напр., в: [Протасова 2000; 2002; 2004].

диктивная (отвергающая тот или иной референт): "Чужой текст-стереотип возникает либо в знак согласия, либо в знак протеста" [Николаева 2000: 114].

4.1. Одними из наиболее актуальных и часто репродуцируемых в эмигрантской прессе являются фрагменты из библейских текстов¹. Имена собственные (из Библии) мы уже рассматривали в разделе, где анализировались прецедентные имена. Здесь же мы сосредоточимся на фразеологических выражениях, заимствованных из этой важнейшей христианской книги и используемых как прецедентные стереотипы. Активность библейских выражений в эмигрантской публицистике отнюдь не случайна, а мотивирована двумя причинами: 1. наличием большого числа таких высказываний в речевом обиходе индивидов до момента эмиграции; 2. обновлением, актуализацией прагматической функции библеизмов в эмигрантском дискурсе с целью сравнения, идентификации библейских исторических событий (вообще библейского духовно-психологического, христианского опыта) с психоментальным состоянием диаспоры. Итак, старая речевая традиция и прагматико-семантическая актуализация (внеязыковая по своей природе) библейских языковых фрагментов являются ведущими мотивирующими признаками их использования в прессе.

Среди библеизмов доминируют такие, содержание и прагматический потенциал которых направлены на отрицательную модально-оценочную характеристику референтов: *вавилонская башня, камня на камне не оставить, золотой телец, искать козлов отпущения, отряхнуть прах с ног, выжигать каленым железом, печать Каина, Каиново дело, волк в овечьей шкуре, по образу и подобию, страх иудейский, стереть с лица земли, сорвать фиговый листок, печать зверя на лбу, слугитель тьмы, метать бисер перед свиньями* и др.:

От великолепного здания, воздвигнутого октябрьской революцией, не остается более в настоящее время *каменя на камне*; оно заменено несколькими лживыми словами и тиранией. (Голос Родины. 1919. 1-14 мая. № 264)

[В России.] даже с внутренней оппозицией не стесняются, ее выжигают всюду *каленным железом*, ссаживая с места, посылая на фронт. (Воля России. 1920. 18 сент. № 6)

Вы, Г.[осподин.] Солоневич, сожгли за собой все корабли. Вы запечатали [sic] свою эмигрантскую карьеру, а вместе с нею и себя – *печатью Каина*. (Рус. голос. 1939. 19 февр. № 411)

Наконец, все русские непротивленцы .. да устыдятся, наконец, *страха иудейского*, который в жалкой трусости вогнал их в паралич.. (Рус. стяг. 1925. 4/7 июня. № 1)

По-видимому, *фиговый листок*, прикрывающий их [советских вождей. – А.З.] действительный базис мировых устремлений, оказывается довольно удобоприемлемым для Японии.. (Голос России. 1933. янв.-февр.-март. № 17-18-19)

¹ В советское время библейские высказывания явно находились на периферии в корпусе прецедентных текстов, используемых на страницах прессы. В постсоветское время их использование возросло и количественно, и качественно [Смирнова 2000].

Веку машинной цивилизации, веку телеграфных столбов и массовых организаций недостает теплой крови – живого, пульсирующего сердца. Вот откуда – согбенные фигуры, трупный цвет лица и *печать зверя на лбу*. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Ненависть и месть – детища неправого дела – начали свою *каинову работу*, и карпатские просторы опять обагрились кровью: вчерашние друзья – чехи и украинцы – в отчаянии от неожиданного сорвавшегося политического комплота (своего рода унии) теперь готовы перегрызть друг другу горло. (Рус. голос. 1939. 26 марта. № 416)

Они ничему не научились, совершенно не раскаялись, остались теми же политическими изуверами, упорно продолжают свою *каинову работу* – думалось мне, смотря на кинематографическом экране несомненно инспирированную эс-эрами картину "Der Tanz auf dem Vulkan". (Призыв. 1920. 12 (28.2) марта. № 61)

Красный Профинтерн оказал честь своим творцам: он не только был создан *по образу и подобию* Коминтерна, но является простым отражением всех его чаяний и планов. (Анархич. вестник. 1924. № 7)

Ср. также некоторые церковнославянизмы, пришедшие в узус и закрепившиеся в нем как устойчивые выражения: *блуждать во тьме, испустить дух, принести в жертву, посеять зло*:

Подневольная Россия молчит, а эмиграция пребывает в розни и *блуждает во тьме*, обновляя старые политические программы или заимствуя от запада чужие формы. (Голос России. 1931. 2 авг. № 1)

Это известие пришло как раз в момент, когда патриарх только-что [sic] *испустил дух*. (За свободу. 1925. 3 янв. № 2 (1406))

... налицо имеются два главных, борющихся не на жизнь, а на смерть лагеря – национализм и интернациональный социализм... Какую же участь в этой грозной борьбе взял на себя русский народ, *принесшей уже в жертву* красной химере свои неисчислимые богатства и миллиона человеческих жизней. Там, на нашей Родине, он подставил свою выю под красное ярмо.. (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173)

Грешно радоваться беде ближнего, в особенности, в данном случае родственного славянского [чешского народа после захвата Чехословакии Гитлером. – А.З.], но когда вспомнишь то *Каиново дело*, что учинили чехи над русским народом.. – то не можешь не сказать: чехи ныне обильно пожинают плоды, не менее обильно *посеянного* ими *зла* в отношении русского народа, карпатороссов и даже близких им словаков. (Рус. голос. 1939. 19 марта. № 415)

Если для "правых" и народно-патриотических изданий использование библеизмов в какой-то степени закономерно, предсказуемо и даже обязательно (библейские образы и прототипы служат удобным и понятным компаративным метафорическим механизмом, оказывающим психостимулирующее воздействие на не слишком грамотную и начитанную аудиторию), то для (крайне) "левых" (напр., анархических) газет употребление библейских прецедентных

фраз мотивировано стилистическими особенностями анархической публицистики (пропаганда и защита анархических идей), вообще повышенной патетической, ораторской модальностью газетно-речевой практики анархистов.

Позитивно-оценочная библейская фразеология в нашем корпусе представлены намного скромнее: *по Бозе почивающий/ая; символ веры; многая лета; приложиться к кресту; не на жизнь, а на смерть; милость Божию; осенить крестным знамением* и др. Они встречается главным образом в ”правых” печатных органах. Напротив, анархические тексты позитивно-модальных библеизмов не содержат, демократические – очень редко.

... будет отслужена панихида *по Бозе почивающем* Августейшем Шефе полка Императрице Марии Федоровне.. (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173)

Да здравствует на *многая лета* Его Величество Рыцарь-Король Александр 1, Его Августейшая Семья и Его народ! (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173)

Стройно пел наскоро организованный хор. После многолетия присутствовавшие *приложились ко кресту*. (Младоросская искра. 1932. 20 авг. № 21)

... налицо имеются два главных, борющихся *не на жизнь, а на смерть* лагеря – национализм и интернациональный социализм... (Рус. голос. 1934. 29 июля. № 173)

От всей души желаю всем дорогим соратникам сил, здоровья и крепости веры в *Милость Божию*, ведущую нас к Воскресению нашей дорогой Родины. Генерал-лейтенант Барбович. [Приказ IV Отдела Русского Общевоинского Союза] (Рус. голос. 1939. № 418. 9 апр.)

Радость этого вечного торжества из торжеств [Пасхи. – А.3.] да воссияет над измученной Родиной Нашей и поддержит дух веры в *милость Божию* в душах страждущего Русского народа. Владимир. [послание ”От Главы Российского Императорского Дома”] (Рус. голос. 1939. 9 апр. № 418)

Таким образом, можно говорить о дистрибуции библейских фразеологизмов позитивной и негативной оценочности в эмигрантской публицистике: негативно-характеризующие идиомы равномерно рассредоточены на пространстве эмигрантского публицистического дискурса (”правых” – демократических – ”левых” изданий), позитивно-характеризующие прецедентные высказывания концентрируются главным образом на одном полюсе – монархической, охранительной, народно-патриотической прессы.

4.2. Важным источником прецедентных текстовых стереотипов является разговорная идиоматика, которая широко представлена на страницах эмигрантских газет. Практически все типы эмигрантской прессы охотно прибегают к разговорно-образным идиоматическим инкрустациям. Как и следовало ожидать, доминируют негативно-характеризующие идиомы, что вообще свойственно фразеологии (как известно, не менее 75-80% всего состава русской фразеологии прагматически нацелено на иронию, осмеяние, карнавализацию

[Лукьянова 1986: 121; Скляревская 1993: 103]). Приведем некоторые идиомы из разных типов изданий:

- Анархические газеты: *мыльный пузырь, затянуть на шею, послать к черту, вкривь и вкось, дым коромыслом, тонуть в болоте, показать волчьи зубы, круговая порука, попасться в сети, расставить сети, вырваться из когтей, лезть в щели, шитый белыми нитками, сговориться с самим чертом, нагреть руки, драть шкуру, задыхаться в собственном жиру:*

... анархисты и все идейные организации – все, .. не могут и не хотят выменять свои духовные потребности на жалкие, разноцветные *мыльные пузыри*, которые хозяева “толкучего рынка” называют счастьем, – все они должны .. взяться собственными руками строить новую жизнь, новую культуру. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

[Меккель] имел неосторожность *послать* ревтриба [революционного трибунала. – А.З.] *к черту*. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

... в Соед.[иненных] Штатах – самоудушение золотом..; на Балканах и на Ближнем Востоке – полный “*дым коромыслом*”; в России – законченное разрушение, опустошение и смерть... (Анархич. вестник. 1923. № 2)

... представители немецкой тяжелой индустрии *сговорились бы с самим чертом* относительно т.н. “национальных интересов Германии”, коль скоро они могли бы при этом *нагреть руки*. (Анархич. вестник. 1923. № 5-6)

... капитализм во всех воевавших странах, благодаря огромным военным барышам, чуть не *задыхается в собственном жиру*.. (Анархич. вестник. 1923. № 5-6)

- Демократические газеты: *с головы до ног, нашла коса на камень, крепкую думу думать, сидеть на сундуках, как корове седло, как черепахе пропеллер, вбить осиновый кол, втереться в доверие, концы в воду, высосать все соки, вариться в собственном соку, в чем мать родила, прошибить медный лоб, луженая совесть, толочь воду в ступе, между молотом и наковальней, вынимать меч из ножен, кукушка в чужом гнезде, язык развязался, огонь, вода и медные трубы, пауки в банке:*

... совершенно ясно, что в деле дальнейших социалистических экспериментов верхов власти над народными массами – “*нашла коса на камень*”. (Голос России. 1933. янв.-февр.-март. № 17-18-19)

... это неизбежное грядущее [демократии в России.] предвидят и те, кто – пользуясь, одни большевиками, – другие Колчаками и Врангелями, стараются сейчас покрепче *вбить осиновый кол* в живое тело великого государства. (Воля России. 1920. 18 сент. № 6)

... основная эмигрантская масса жила своей замкнутой, однобокой жизнью, *варилась в собственном соку*.. (Огни. 1924. 4 февр. № 5)

Интеллигентных беженцев больше всего привлекала дорога [КВЖД. – А.З.]: высокие оклады в “золотом рубле”, казенные квартиры в уютных особнячках, тонущих среди садов “фешенебельного” Нового города, “пенсионные”, “заштатные”, а главное, служба в привычных “довоенных” условиях – сделали КВЖД

[sic] подлинным ”раем” для людей, *прошедших огонь, воду и медные трубы* революции. (Сегодня. 1930. 7 янв. № 7)

Пауки в банке [название заметки]

Взаимное поедание коммунистами друг друга в последнее время принимает все более и более оживленные формы. (Сегодня. 1930. 9 янв. № 9)

- Монархические (охранительно-патриотические) газеты: *разлюли малина, попасть в лапы, вбить в голову, отставить от пирога, пруд пруди, тихой сапой, столкнуть лбом, повеся голову, своя рубашка ближе к телу, жить своим умом, оторваться от пуповины, обивать пороги, тех же щей, да пожиже влей, показать нос, совать палки в колеса, вешать собак, без роду без племени, Иван не помнящий (родства), пропади пропадом, мать-сыра земля, не видать как своих ушей, прошибить башкой, горя мало, кишка тонка, поджечь хвост, намылить холку, зажать в бараний рог, провести на бобах, намозолить глаза, как цыган с писаной торбой, положить живот, подставить выю, как белка в колесе, круговая братина, пальцем не пошевелить:*

В ”Литературной газете” от 26-го июня помещены четыре маленьких очерка четырех советских писателей под общим заглавием ”Как мы отдыхаем”. Илья Сельвинский и Лев Кассиль не прибегли на этот раз к обычной для них прямолинейной лести. Но зато ”подпушают” они в изобилии казенной бодрости. Дескать, *разлюли малина*, как нам весело живется на вольной волюшке! (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

Производительность фабричного производства падает со дня на день от тех же общих причин, от которых погибла в России и производительность сельскохозяйственная. Или русский крестьянин обленился? Или он перестал любить землю? Разве по собственной глупости он сидит, *повеся голову*, у невспаханной или невсхожей полосы? (Дни. 1925. 4 февр. № 682)

... придумали образовать при Цике совещание, в состав которого вошли ”герои” Екатеринбургского злодейства Белобородов, Зиновьев, Енукидзе, Коганович [sic], Наумчик, Семашко, Милютин, Полуян и еще полсотни членов Цика, – с Калининым во главе. Иными словами – *тех же щей, да пожиже влей*. (За свободу. 1925. 3 янв. № 2 (1406))

... Красные Комиссары все усилия свои направляют на то, чтобы выбить из народа Русский дух и сделать народ крепостным пролетарским быдлом, бессловесным стадом *без роду без племени*, одним сплошным *Иваном Непомнящим*.. (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

Чтоб вооружить Китай и двинуть его на Европу, у наших Комиссаров *кишка тонка* и не хватит денег, хотя они разбазарили всю Россию. (Рус. правда. 1925. июль-авг.)

Придумывают там, на генеральских верхах коммунистической партии, подле гнилого трупа сифилитика Ленина, какое-нибудь ”новое слово”, *вобьют* народу *в голову* и, – глядишь, носится наш Русский дурак с этим словом, *как цыган с писаную торбою*. (Рус. правда. 1930. июль-авг.)

Даже этот, далеко не полный перечень устойчивых сочетаний, выражений показывает активное использование эмигрантами разговорного пласта русской идиоматики. Как правило, пребывание за рубежом обычно заметно снижает необходимость и потребность использования фразеологии как и в пределах семейного круга, и в пределах социумного окружения индивида: ведь эмигрант вынужден ориентироваться в гораздо большей степени, чем в рамках монолингвального социума, на языковую компетенцию другого человека, на эмпатию собеседника и постоянно соразмерять свое речевое поведение, свое говорение с реакцией слушателя. Кроме того, включенность эмигрантов в иностранную повседневную и речевую жизнь ограничивает вероятность инкрустации фразеологизмов в речь. Обилие фразеологии в публицистике первой волны эмиграции свидетельствует, что между автором публикаций и читателем установлены или по крайней мере предполагаются равноправные лингвоинтерпретационные отношения: автор (в широком смысле) свободно использует широкий диапазон доступной ему фразеологии, полагаясь на совпадение или хотя бы на конгруэнтность их лингвокультурного багажа.

4.3. модифицированные прототипические выражения. Эмигранты не только активно пользуются готовыми воспроизводимыми текстовыми единицами (библейскими, идиоматикой), но и на их базе создают окказиональные фразеологические дериваты. В качестве исходных часто используются народно-разговорная фразеология: *кнутом и пряником* > *кнутом и наганом*; *чесать затылок* > *чесать демократический затылок*; *надеть ярмо* > *надеть колхозное ярмо*; *быть семи пядей во лбу* > *будь хоть семи Фордов во лбу*; *без копейки в кармане* > *без сантима в кармане*; *яблоко раздора* > *яблоко соблазна*:

Herr Jacob Scalkin, по чистой совести говоря, как его ни разузоривай, есть все же только Яков Иванович Скалкин, русский беженец, кукушка в чужом гнезде, одним словом, как есть нансеновская личность. Даже, например, магазин и тут пришлось крутить и вертеть, всякие шахер-махеры устраивать, чтобы открыть его под фирмой "Jacob Scalkin". Да что перечислять. И без того всякому понятно, что *будь тут семи Фордов во лбу* – с места не сдвинешься. (Руль. 1930. 1 янв. № 2766)

... на том же заводе .. есть "союз русских эмигрантов". И занимается этот союз "патриотическими" бумажками и призывами, а до людей, которых выкидывают ни за что на улицу *без сантима в кармане*, ему нет дела. (Дни. 1926. 20 нояб. № 1164)

Это реакция всего человеческого изнасилованного ленинизмом организма на условную ложь нового мира, который не создан и которого *кнутом и наганом* создать было невозможно. (Дни. 1926. 21 нояб. № 1165)

[Советская] власть поняла, что террором ей не удастся удержать своей власти и создать благоприятные условия для "социалистического перестроения" государства, и она пытается сломить гранитное сопротивление массы путем искушения ее *ветхозаветным яблоком соблазна*. (Голос России. 1933. янв.-февр.-март. № 17-18-19)

Слова – амнистия, манифест, юбилей, отечество – идут им [большевикам. – А.З.] так же, как *корове седло* или как *черепахе пропеллер*. (Возрождение. 1927. 6 нояб. № 887)

Не менее актуальны в качестве прототипических фраз для модифицированных высказываний литературные, обиходно-церковные идиоматические выражения *Боже нас упаси > Ленин нас упаси; принести в жертву Молоху > принести в жертву красному Молоху; идти семимильными шагами > идти семимильными шагами по рачьему следу; прорубить окно в Европу > заколотить балтийское окно в Европу; между молотом и наковальней¹ > между турецким молотом и большевистской наковальней; символ веры > революционный символ веры; во славу Господа-Бога > во славу Ильича:*

Значит, "политический нэп"? Нет, *Ленин нас упаси!* Хотя – все по словам того же Сталина – "некоторые договорились даже до политического нэпа", но "это, конечно, пустяки". (Дни. 1925. 10 февр. № 687)

Шестьдесят тысяч невинных людей принесены были там *в жертву красному Молоху*. (Рус. голос. 1939. 5 февр. № 409)

Реальная угроза войны, убийство Кирова за год понесли партийных самодержцев *семимильными шагами по рачьему следу*. Собираются "представительные" съезды. Разрешена елка! Уменьшен налоговый грабёж крестьянства! (Единый фронт новой России. 1936. 19 янв. № 19)

Заколотив Балтийское окно в Европу, открыв побережье Черного моря всяческому воздействию иностранцев, большевики ныне заградили России дороги и к последующему выходу в океанские просторы, куда столетиями она стихийно тянулась. (Дни. 1925. 28 янв. № 676)

Пойманная *между турецким молотом и большевистской наковальней* Армения .. находится на краю гибели. (Руль. 1920. 2 дек. № 14)

А рассчитывать за все .. – вам, солдатам Красной Армии, вам, молодым краскомом, воспитанникам красных военных школ, вам, военспецам! Поди, доказывай тогда, что ты не коммунист, что ты красил свою шкуру в красный цвет для того, чтобы сберечь ее от повреждения у стенки. [...] Намылят вам холки, накинута веревки пеньковые и виси *во славу Ильича*, в честь 3-го интернационала. (Рус. правда. 1925. сент.-окт.)

Дело как будто сводится к тому, что от партии к.[онституционных]-д.[емократов] требуется некое исповедание *революционного символа веры*: она должна "признать" мартовскую революцию.. (Руль. 1920. 1 дек. № 13)

Эмигрантская публицистика оперирует прецедентными высказываниями, включенными в публицистическую ткань и в неизменном виде (фразы дня, цитаты и инкрустации из приобретших широкую известность текстов), и в трансформированном (квазицитаты, созданные на базе интертекстуальной отсылки к прототипу). Именно такие прецедентные явления часто выступают рематическим компонентом, вводящим новую информацию, они аккумуля-

¹ По заглавию романа Ф. Шпильгагена «Zwischen Hammer und Amboß» (1868).

руют основную идею предложения или более обширного текстового единства. Любопытно, что трансформированные прецедентные высказывания в эмигрантской прессе также довольно частотны. Важно отметить прагматическую разницу между первичными и модифицированными высказываниями. Первичные прецедентные высказывания нацелены в первую очередь на узнавание читателем интертекстуальной ссылки к тому или иному прототипическому тексту (фразе, псевдотексту), они устанавливают скорее диалогические отношения «автор прецедентного высказывания – читатель». Трансформированные высказывания предполагают бóльшую интеллектуально-языковую нагрузку на читателя, поскольку исходный первоначальный смысл уже должен содержаться в интеллектуально-когнитивном багаже индивида. Модификация первичного, исходного высказывания журналистом (редакционной коллегией, автором письма, статьи в газету) способствует значительному росту в прагматической структуре высказывания ироничной модальности, оценивающей какую-либо референциальную ситуацию. На первый план в этом случае выступает уже не бинарная структура: «читатель – автор прецедентного высказывания», а тернарная: «читатель – журналист (в широком смысле: автор опубликованного в газете текста) – автор прецедентного высказывания». Рост опосредованности, или увеличение “дистанции” между прецедентным высказыванием и читателем, поднимает и планку иллокутивной силы высказывания.

4.4. прецедентные высказывания, ставшие крылатыми фразами и проникшие в узус из речей, текстов известных политиков, фольклорно-песенного творчества, ритуально-обрядовых действий и др. Религиозно-книжные и литературные реминесценции немногочисленны. Они используются в эмигрантских текстах как прецедентные феномены, имеющие двоякое предназначение. С одной стороны, они сохранились в речевом узусе эмигрантов и извлекаются по мере надобности, с другой стороны – в контекстах, описывающих те или иные советские реалии, они выступают контрастивным (и тем самым оценочным) фоном: *”Алексей – человек божий”*¹, *”Можно Христа пославить?”*², *”Птичка Божия не знает”*³, *”Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставил”* (Мф.27; 46):

Не от этой ли крепкой веры [в Иисуса Христа], переходящей как бы “в видение”, укреплялась наша несомненная надежда на воскресение России в течение последних 22 лет, когда мы видели ее распятой на кресте и в своей оставленности зывающей к небу: *”Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставил?”* (Рус. голос. 1939. 9 апр. № 418)

¹ Алексей, человек Божий (V век) – один из самых популярных святых в Византии и на Руси. В христианстве (и особенно в православии) – один из наиболее выразительных, часто репродуцируемых (=прецедентных) примеров христианского терпения и смирения.

² Слова колядующих в рождественский сочельник.

³ Стихотворение А. Пушкина «Птичка Божия не знает...» (1824) из поэмы “Цыганы”; одна из самых популярных детских песен в 19 в.

В закрываемой церкви "Алексея – человека Божьего" открывается "красный уголок". (Сегодня. 1930. 14 янв. № 14)

По городу [Риге] ходили группы молодежи, стучались в "парадные" и "черные" двери и спрашивали: "Можно Христа пославить?" (Вести дня. 1939. 28 дек. № 295)

Популярные стихотворения, вроде "Птичка Божия не знает", перерабатываются и попадают в хрестоматии уже без запрещенного слова "Бог". (Дни. 1925. 4 февр. № 682)

Ср. также некоторые выражения, устойчиво использующиеся в европейской литературной традиции (их источник – античные тексты): *огнем и мечом*¹, *разделяй и властвуй*², *калиф на час*³:

Цезаризм большевиков действовал, *огнем и мечом* подчиня своей воле всех непокорных, бунтующихся, стремящихся к независимости рабочих и крестьян. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

... реакционная внутренняя политика большевизма является козырем в руках реакционных правительств других стран, указывающих перстом на "советскую социалистическую Россию", так же, как они, – *огнем и мечом*, – подавляющую всякое проявление свободной мысли, стремление к самоорганизации и революционной работе. (Анархич. вестник. 1923. № 2)

Подавив *огнем и мечом* крестьянские восстания в России и на Украине, коммунистическая власть окончательно разорила крестьянское хозяйство (Анархич. вестник. 1924. № 7)

Расстрелы тогда еще на начались, анонимы и псевдонимы "Совнаркома" еще не осмелели. Они сами в такой же мере считали себя *калифами на час*, в какой их все считали таковыми. [Владимир Набоков. Мы и Они] (Руль. 1920. 2 дек. № 14)

... когда русские ком.[мунистические] газеты заполняются статьями, выражающими свое возмущение по адресу буржуазных правительств, их лицемерия, лживости, системы подкупов, политики "*разделяй и властвуй*", то спрашиваешь: какое право имеют коммунисты обвинять буржуазное правительство в том, в чем сами повинны еще в большей, чем они, степени? (Анархич. вестник. 1923. № 2)

¹ Выражение восходит к древнему способу заживления ран при помощи удаления (вырезанием) больных участки кожи и прижигания огнем; фраза встречается у Гиппократ.

² Одна из формул правления в древнем Риме, используемая во время дебатов в сенате. Суть формулы: лучший способ управления многонациональными образованиями – разжигание национальной розни между народами. Латинский оригинал – *divide et impera*.

³ Выражение восходит к одной из сказок, включенных в сборник "Тысяча и одна ночь"; обозначает человека, наделенного большой или даже чрезмерной властью на короткое время. Популярность данное выражение приобрело после оперетты Ж. Оффенбаха "Калиф на час".

Апелляции к названиям литературных произведений или значимым текстам довольно редки: *”живой труп”*¹, *евангелие Маркса*²; *человек в футляре*³ > *анархист в футляре*:

Даже сейчас *”живой труп”* России является весьма действенным участником европейского международного концерта. .. Россия возродится как великая демократия. (Воля России. 1920. 18 сент. № 6)

Молодое поколение Русской эмиграции .. – дитя настоящего века, где проповедь нового *Евангелия Карла Маркса* неустанно говорит о новых идеях. Идеи этого учения получили характер религиозной страстности. Они выдвинули своих апостолов и дали своих мучеников. Они облакаются в формы государственных институций и строятся новые храмы культа нового бога. (Младоросская искра. 1932. 12 июля. № 20)

... анархо-синдикалистский орган мог бы быть жив, интересен, ценен. Дело тут не в синдикализме, а в том общем направлении и духе, которыми проникнут *”Рабочий путь”*. Этот дух и направление могут быть охарактеризованы коротко: *”Рабочий путь”* – орган *”анархистов в футляре”*. Синдикализм у них именно футляр, в который они пытаются во что бы то ни стало втиснуть весь анархизм, и который они хотят носить непременно в собственном кармане. (Анархич. вестник. 1923. № 1)

Однако крылатые фразы, выражения, высказывания, вошедшие в эмигрантский публицистический дискурс из советских газет, значительно превосходят приведенные выше литературно-книжные реминесценции. Советские газетизмы обычно закавычиваются⁴, тем самым осуществляется их визуальная отсылка к источнику, который, впрочем, может быть индивиду известен или нет. Частая цитируемость советских газет, употребление фрагментов советского языкового дискурса свидетельствует о быстром, практически мгновенном распространении в эмигрантской печати крылатых фраз, ставших публицистическими штампами в советской печати: *”похабный мир”*⁵, *”кадры*

¹ Ср. название пьесы Л. Толстого *«Живой труп»* (1900).

² Некоторые марксистские идеи поддерживались младороссами, их апелляция к христианскому евангелию как книге, проповедующей новые моральные ценности и нормы, и учению К. Маркса является составной частью младоросской идеологии, построенной на эклектической комбинации христианских, монархических и политико-экономических постулатов марксистского учения.

³ По одноименному рассказу (1898 г.) А.П. Чехова; выражение вошло в широкий обиход и стало обозначать человека крайне осторожного, робкого, несмелого, боящегося любых новшеств.

⁴ Это так называемые *”иронические кавычки”*. Интересные примеры слов, выражений с *”ироническими кавычками”* и комментарии к ним содержатся в книге, посвященной описанию языка гитлеровского Рейха [Клемперер 1998].

⁵ Публицистически оценочное наименование Брестского мира (после 3 марта 1918 г.).

*решают всё*¹, *догнать и перегнать Америку*², *отец народов* (о Сталине)³, *всерьез, надолго, навсегда*⁴, *построение социализма в одной стране*⁵.

Большевики .. упростили интернационализм до неузнаваемости и, окунув его в стихию подсознательных и мятущихся масс, превратили в какую-то чудовищную смесь коммунистического манифеста с камаринским мужиком (*"похабный мир"*) и *"солдатской памяткой"* (*"держись, пока Либкнехт со своими ребятами не подоспеет"*). (Дни. 1925. 28 янв. № 676)

Однако нужно обладать величайшим бесстыдством для того, чтобы – стерев сначала с политической карты Европы самое имя *"Россия"* и сделав опозоренную *"похабным миром"* страну легкой добычей любого международного хищника, .. затем от своего (*"мы!" "наши!"*) проклятого народом имени предъявлять иностранным кредиторам счет.. (Дни. 1925. 6 февр. № 684)

[Сталин] открыл замечательную истину: ... *"кадры – решают всё"*. Неизвестно, к кому причисляет он себя, к каким кадрам – интеллигенции он не упоминает, продолжая натравливать на неё массы.. (Единый фронт новой России. 1936. 19 янв. № 19)

[Оторванное от жизни доктринерство] имеет место в СССР, где в стремлении *"догнать и перегнать Америку"* фактически вернулись к невиданному в России формам крепостного права и разгромили страну и погубили народ. (Сигнал. 1938. 1 сент. № 38)

Этот [А. Толстой], когда-то очень талантливый, писатель еще в 1922 году сменил эмигрантское существование на советское житье-бытье. В большевизии [sic] сразу же занял он весьма сытное местечко подле власть имущих, и с тех пор с поразительным и неизменным мастерством принаравливается к головокружительным зигзагам *великого отца народов*. (Возрождение. 1939. 14 июля. № 4192)

После московских откровений Сталина и Каменева на петербургской конференции РКП выступил Зиновьев. Рассуждая о деревне, красный градоначальник пророчествует: *"Наступили новые времена: крестьянин не позволит с собой шутить – и будет прав"*. [...] Превосходное признание, свидетельствующее, казалось бы, о некотором, выражаясь по-обывательски, просветлении диктаторских мозгов. И убедившись в невозможности после революции снова превратить крестьянство в безмолвствующее быдло, следует, казалось, поспешить, *"всерьез, надолго, навсегда"* сделать основной и практический вывод из наблюдаемой в деревне *"активности"*. (Дни. 1925. 11 февр. № 688)

¹ Из «Речи тов. Сталина 4 мая 1935 г. в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии».

² Из стихотворения Маяковского *"Американцы удивляются"* (1929): *"Вашу быстроногую знаменитую Америку мы догоним и перегоним"*. Крылатое выражение было актуализировано Н. Хрущевым, бросившем в 1957 г. лозунг *«Догнать и перегнать в ближайшие годы Соединенные Штаты Америки по производству мяса, молока и масла на душу населения»*.

³ Фраза вошла в употребление с 1936 г. после статьи в «Правде».

⁴ Приписывают Ленину: *всерьез и надолго*, процитировавшего речь В.В. Осинского на X конференции РКП(б) 26 мая 1921 г.

⁵ Из работы Ленина *«О лозунге Соединенных Штатов Америки»* (1915): *"победа социализма в одной, отдельно взятой стране"*.

В одной из предыдущих статей мы высказывали предположение, что провал и политический и экономический *”построения социализма в одной стране”* вызовет новый поворот в сторону революционирования тактики. Начинается присваивание программы Троцкого. Упор вновь делается на мировую революцию. (Меч. 1937. 2 мая. № 17)

Очевидно, что советская газетная публицистика являлась важным источником крылатых фраз и выражений в эмигрантских текстах. Именно советские газеты выступали главным поставщиком актуальных прецедентных высказываний для эмигрантской прессы, но прецедентных феноменов, рожденных внутри эмигрантского дискурса, в нашем корпусе нет. Обилие клише, словесных штампов на страницах советских газет 20-30-х годов объясняется формированием газетно-публицистического лексикона (*”жаргона сталинских времен”*, по П.Н. Денисову): оба эти процесса были взаимообусловлены, протекали в одном русле, причем клише и составляли ядро формирующегося ритуализированного советского языка. Ритуализированность лингвоидеологических штампов в письменном стиле стала типичной чертой советского публицистического языка 30-х годов, заняв место устных форм функционирования риторических формул в ораторский период (20-е годы) советского языка. Советские клишированные словосочетания в советском публицистическом дискурсе сформировали конвенциональный газетный и риторический лексикон; инкорпорируемые в него новые и новые высказывания характеризовались утратой, размыванием первичного, исходного значения и превращались в механически воспроизводимые формульные штампы речевых практик (в газете, публичных выступлениях и др.). Главной, основополагающей особенностью ритуализированных средств языка является возможность их автоматизированного репродуцирования, повторения в стандартизированных ситуациях, минуя стадию сознательного осмысления содержания клише.

Эта характерная черта формирующегося советского новояза не ускользнула от внимания эмигрантов, и в эмигрантской прессе советские лингвоидеологические клише стали одними из (почти) обязательных, неизменных атрибутов публикаций по общественно-политической тематике, касающейся советской действительности. В рамках советского дискурса от частого воспроизведения семантика их стиралась, они участвовали в построении текстов, выполнявших информативно-идеологическую функцию, на правах семантически опустошенных, но формально обязательных строевых элементов. В советском дискурсе они были призваны прагматически дифференцировать денотаты и дать им сильно маркированную оценочность по идеологической шкале *«хорошее (советское, социалистическое, коммунистическое)» ↔ «плохое»* (царское, белогвардейское, буржуазное, капиталистическое), или *«мы» ↔ «они»*, или *«свое» ↔ «чужое»*. В эмигрантской прессе использование речевых советских формул подчинено иной функции, когда их дословное использование, включение в текст создает ощущение лингвопрагматической чужеродности, как знак чужой и чуждой идеологии. Тем самым эти вкрап-

ления приобретают статус инкрустаций из чужого дискурса, выступая как элемент чужого лингвориторического лексикона. В советском дискурсе "намеренность" их использования обуславливалась стилевыми чертами публицистического языка, где эти стандартные формулы составляли часть лингвориторического багажа, эмигранты также "намеренно" используют советские клишированные фразы, но с целью отстранения, иронически-насмешливого травестирования.

Среди других прецедентных текстов отметим использование традиционного лозунга в русской армии "за веру, царя и отечество"¹:

Высоко подняв "Русский Стяг" с исконными словами "За Веру, Царя и Отечество" и окрыленные надеждой на близкий успех, призываем мы всех истинно-русских [sic] людей под сень его для смелой, стойкой и самоотверженной борьбы во имя желанной победы "права и правды", по которым истосковалась земля русская. (Рус. стяг. 1925. 4/7 июня. № 1)

а также нового прецедентного высказывания (калькированного словосочетания), рожденного на базе прецедентной ситуации в Германии – "арийский параграф"²:

На состоявшемся в Варшаве съезде Союза польских адвокатов была принята резолюция, гласящая, что "число адвокатов-евреев не должно в принципе превышать процентного отношения еврейского населения к общему количеству населения государства". "Арийский параграф"³ был принят также съездом всепольского Союза врачей. (Меч. 1937. 16 мая. № 18)

Итак, как показывает наш корпус, цитация используется наряду с квазицитацией. Именно советский политико-идеологический дискурс служил основным источником крылатых фраз для эмигрантской прессы. Цитация выполняла информационную функцию (сообщение о факте), оценочно-модальную (отношение к факту), прагматическую (воздействие на читателя). Инкорпорируемый чужой текст мог только пунктирно, дейктически указать на источник заимствования, на прототип. Несомненно, должна быть опора на язы-

¹ Очевидно, восходит к высказыванию патриарха Гермогена: «Благословляю верных русских людей, поднимающихся на защиту Веры, Царя и Отечества, и проклиная вас, изменники» (1612 г.). В 1833 г. министр народного просвещения граф С.С. Уваров провозгласил формулу: "православие – самодержавие – народность". Сопряжение этих двух формул и дало, по всей видимости, воззвание российских воинов «За веру, царя и Отечество», выражающее эту идею.

² В 1933 г. группа «немецких христиан» (Deutsche Christen) предложила ввести так называемый "арийский параграф" (Arierparagraf) для церкви, который запрещал неарийцам занимать руководящие посты в церкви или заниматься религиозным преподаванием. Впервые эта формулировка в законодательных актах гитлеровской Германии появилась в инструкции, разъясняющей порядок исполнения закона "Об упорядочении национального состава управленческого аппарата" (закон принят 7 апреля 1933 г.; инструкция опубликована 11 апреля).

³ Ср. в советской газете 1930-х годов: "Следует отметить позорнейшее антисемитское, "арийское" законодательство" (Казахстан. правда. 1936. 18 июня).

ковые и фоновые знания эмигранта-реципиента, поскольку интерпретация и последующая оценка возможна только при узнавании цитаты (прямой или модифицированной). Цитация в эмигрантской прессе создавала отношения односторонней зависимости от советской печати, диалогическими такие отношения назвать никак нельзя. Цитация и квазицитация также была присуща и советской прессе, но она полемизировала не столько с эмигрантской, сколько с буржуазно-капиталистической (в лексиконе того времени – вообще иностранной). Белоэмигрантские газеты в советском дискурсе редко становились источником прецедентных текстов, источником заимствования цитат и квазицитат в советских газетах были печатные органы капиталистического мира.

Выводы:

1. Типология прецедентных текстов в эмигрантской публицистике позволяет представить лексические элементы, функционирующие в эмигрантских газетных текстах, как разветвленную и тематически обширную систему. Так, библейские прецедентные тексты, широко цитируемые эмигрантами, дифференцируются в зависимости от политической позиции газеты. В частности, во всех типах эмигрантских изданий одинаково равномерно представлены отрицательно-оценочные библеизмы, но позитивно-оценочные концентрируются на полюсе монархических изданий.
2. Разговорная идиоматика и модифицированные высказывания представлены во всех политико-идеологических типах эмигрантской прессы: монархической, демократической, "левой" (анархической).
3. Среди прецедентных текстов, извлеченных из публичных выступлений, речей политиков, или построенных на материале газетных штампов, в эмигрантских газетах явное преимущество оказывается за советскими клишированными конструкциями, используемыми эмигрантами в целях травестики, отстранения, иронии. Примечательно, что денотативный мир, окружающий эмигрантов, судя по количеству примеров в нашем корпусе, обладал гораздо меньшим иллокутивным потенциалом в процессе образования, порождения прецедентных текстов. В эмигрантской публицистике цитация используется на равных с квазицитацией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заканчивая анализ языковых особенностей русской эмигрантской прессы 1919-1939 гг., подведем итоги проведенного исследования и укажем перспективные, на наш взгляд, сферы и нерешенные проблемы изучения языка эмигрантов.

Пожалуй, самым первым фактом, поражающим даже нашего современника, является ошеломляющее разнообразие газетно-журнальной прессы русской эмиграции: только количественное перечисление названий печатных органов превышает 4000! Вторым уникальным моментом является то, насколько быстро после вынужденной высылки или добровольного отъезда миллионов подданных бывшей Российской империи журналисты, вообще писательская, художественная, преподавательская интеллигенция сумели "поставить на ноги" газеты и журналы в непростых условиях эмигрантского существования. Бытовая неустроенность, постоянные переезды не только из страны в страну, но и с континента на континент, непрерывные поиски финансовых и издательских средств, трудности в распространении печатной продукции, налаживание двусторонней связи с читателем – вот только небольшой перечень проблем, с которыми пришлось столкнуться первым эмигрантским издателям и журналистам. Подвижничество эмигрантской интеллигенции по сохранению "России вне России" особенно ярко высвечиваются на фоне предшествующих десятилетий жизнедеятельности русских мигрантов за границей. Пожалуй, исключением являются "левые" (нелегальные, подпольные) запрещенные и преследуемые царским правительством группы и партии, кипучая деятельность которых за границей изначально была направлена на решение двух задач: 1. поддержание крепкой партийно-политической связи с другими политическими эмигрантами того же толка, 2. всемерное продвижение своих партийных программ, доктрин в пределы Российской империи. Основным каналом трансляции идеологий являлась до 1920-х годов, конечно, печатная продукция. Однако трудовая русская миграция, нарастающий поток которой из России начался примерно с конца 19 в., не сумела да и не была заинтересована в организации деятельности за границей, аналогичной политическим эмигрантам (социалистам, революционерам), так как самоощущение мигрантов не требовало выплеска ностальгической энергии в публицистически заостренном слове. Трудовые мигранты осознавали себя составной

частью России вне России, поэтому и культурно-просветительская практика (если правомерно говорить о таковой) была крайне слабой, узко локальной.

Совсем иное дело – политические беженцы из России после октября 1917 года. Это уже не мигранты, но эмигранты, политические беженцы, самоощущение и рефлексия которых базировались на двух ключевых понятиях: **вынужденное бегство** из своей страны и горячее **желание** абсолютного большинства из них **вернуться** на родину. Наличие значительного по численному составу и выдающегося по интеллектуальной подготовке политически активного слоя в эмигрантской массе явилось первостепенным фактором быстрого, практически мгновенного становления эмигрантской прессы вне советской России.

Эмпирический материал эмигрантской газетно-журнальной продукции настолько обширен и даже необозрим, что количественное накопление языковых фактов завело бы просто в тупик, в результате такое "накопительство" превратилось бы, говоря словами Гегеля, в "дурную бесконечность", обесмыслило бы исходные идеи работы и не позволило увидеть закономерности и тенденции, присущие эмигрантской русской прессы. Поэтому мы выбрали иной путь сбора материала и последующего его исследования. Мы выбрали следующую стратегию и тактику:

1. сформировать языковой фонд эмигрантских газет, принадлежавших к разным политическим лагерям и партийным группам, как исследовательскую базу;
2. при долговременном характере выхода издания – собрать материал с хронологических срезов (особенно мы обращали внимание на значимые события: смерть Ленина, оформление фашизма в Германии и Италии, партийный террор в СССР в 1930-е годы, напряженные перед Второй мировой войной годы и т.п.), что существенно для суждения о динамике и тенденциях языковых процессов;
3. сбор материала осуществлять методом сплошной выборки, принятой в лексикографии. Метод сплошной выборки имеет две разновидности: а) сплошное расписывание всех словоформ, встретившихся в тексте (в таком случае формируется картотека тезаурусного типа); б) выборочные выписки релевантных для анализа словоформ, языковых фактов (в таком случае научным "инструментом" и языковым "ситом", отсеивающим те или иные словоформы, является субъект исследования – специалист, способный отделять "зерна от плевел" в языковом объекте). Мы ориентировались на вторую трактовку (принятую в лексикографии) метода сплошной выборки с целью получения лингвистически релевантного материала, в конгломерате которого можно наметить векторные линии в языковом ландшафте и решить двудединую задачу: выявить основные, ведущие тенденции и закономерности, но не упустить из вида и "портретные" характеристики отдельных значимых и характерных языковых фактов.

В период становления русской эмигрантской прессы отправными лингвокультурными точками и журналиста-эмигранта, и корреспондента на местах, и читателя газеты, и авторов писем, откликов в газету являлись, по крайней мере, три основных момента:

- а) прежний (социальный, языковой) опыт;
- б) апелляция к советской прессе (особенно в первые послереволюционные годы, когда советские газеты беспрепятственно попадали за рубеж);
- в) новый опыт (социальный, языковой) пребывания за рубежом.

Именно на стыке этих трех ключевых, на наш взгляд, линий и рождался газетный (и не только) текст, определяя языковую специфику эмигрантской прессы в целом. Этот динамический процесс "притяжения" и одновременного "отталкивания" от советской печати, в которой социолингвистические инновации проходили очень активно, хорошо прослеживается в лингвистическом поле эмигрантских газет. Хотя целью нашей работы не являлось контрастивное описание языка советской и эмигрантской прессы, тем не менее, в силу специфики самого объекта исследования нам пришлось постоянно привлекать факты, сведениями о языковых процессах, происходивших в первые два десятилетия в языковом строе советских газет и отражавших смену лексико-стилистических ориентиров и формирование нового языкового облика советской газеты. Эти фоновые данные, во-первых, помогают рельефно представить эмпирический материал, во-вторых, проследить тенденции в эмигрантском газетно-журнальном языке, иногда сходные с языковыми трансформациями в советских газетах, но не столь развитые в эмигрантской прессе, иногда – вообще отсутствующие. Мы приводим сводную таблицу, суммирующую наши изыскания и показывающую дистрибуцию языковых феноменов в языке прессы в 1920-е – 1930-е годы в СССР и вне его.

Языковой ярус /сфера описания	Советская пресса	Эмигрантская пресса
1. орфография, пунктуация	<ul style="list-style-type: none"> • введение новой орфографии 	<ul style="list-style-type: none"> • переход на новую орфографию в некоторых типах газет ("левых", демократических) • обилие заглавных букв в модально-оценочной функции (в монархической, охранительной прессе) • модально-оценочная роль кавычек при упоминании советских реалий
2. грамматика	<ul style="list-style-type: none"> • стилистическая нейтрализация существительных мн. ч. на <i>-а</i> со значением лица • активизация существительных мн. ч. на <i>-а</i> со значением веществ • активизация существительных в ед. ч. в собирательном значении 	<ul style="list-style-type: none"> • стилистическая маркированность таких форм • отсутствие активности • отсутствие активности
3. словообразование	<ul style="list-style-type: none"> • обилие словообразовательных дериватов • отсутствие отадъективных дериватов на <i>-скость</i> • обилие отаббревиатурных дериватов на <i>-ский</i> • рост глагольных дериватов на <i>-ну-</i> • взрыв аббревиатурного словообразования при росте инициальных сокращений; унификация аббревиатур • активность универбации • нет активности • нет активности • нет активности 	<ul style="list-style-type: none"> • относительная бедность словообразовательных дериватов • активность отадъективных дериватов на <i>-скость</i> • отсутствие отаббревиатурных дериватов на <i>-ский</i> • отсутствие активности глагольных дериватов на <i>-ну-</i> • доминирование слоговых аббревиатур; отсутствие унификации, неупорядоченность, вариативность • неразвитость универбации • активизация префиксально-суффиксальных дериватов: <i>пан-, нео-, лже-, над-, полу-</i>. • активизация префиксоидов и суффиксоидов: <i>-фил, -росс, -люб, младо-</i>. • активизация вторичных суффиксов <i>-альный, -ический</i>.

4. гендерные номинации	<ul style="list-style-type: none"> • мощная активность феминативов • пассивизация феминативного суффикса <i>-и(а)</i> при активизации других • обилие отаббревиатурных дериватов 	<ul style="list-style-type: none"> • нет активности • активность суффикса <i>-и(а)</i> • отсутствие отаббревиатурных дериватов
5. лексические процессы	<ul style="list-style-type: none"> • пассивизация монархической, религиозно-православной, старой военной, национально-этнической, экономической, общественно-политической лексики • появление и распространение советизмов • бурный рост и значительная активность технической терминологии 	<ul style="list-style-type: none"> • сохранение этих групп лексики • заимствование частотных и актуальных советизмов (около 200) • неразвитость технической терминологии
6. иноязычные заимствования	<ul style="list-style-type: none"> • ограниченный приток лексических заимствований • сокращение вкраплений • ограниченность семантических калек 	<ul style="list-style-type: none"> • активность лексических заимствований • активность вкраплений • рост семантических калек
7. прецедентные феномены а) имена: б) события: в) тексты:	<ul style="list-style-type: none"> • массовое переименование (топонимическая революция) • пассивизация библионимов • пропаганда (индоктринация) социалистической революции 1917 г. • узуализация советских календарно-обрядовых ритуалов • внедрение новых геральдических знаков • пассивизация библейских текстов • активное внедрение советских клише в газетно-публицистический стиль 	<ul style="list-style-type: none"> • сохранение старых названий и модально-оценочное отношение к новым • активность библионимов • пейоративное отношение к ней • негативное (игровое) модально-оценочное отношение к ним • негативное (игровое) модально-оценочное отношение к ним • активность библейских текстовых реминесценций • активная цитация и квазицитация советских прецедентных текстов; модально-оценочное отношение к ним

Даже такой схематичный "портрет" эмигрантской прессы помогает увидеть отличительные черты, характеризующие эмигрантские газеты на разных языковых уровнях. На фоне динамических процессов, происходящих в советской прессе, язык эмигрантских газет на первый взгляд выглядит архаическим и законсервированным, однако это поверхностное впечатление при более внимательном и глубоком изучении быстро корректируется. Это объясняется темпами и хронологией языковых процессов: в языковом поле эмигрантской жизни явственно выявляются те семантические или грамматические зоны, которые:

а) не получили развития в эмигрантских газетах, поскольку были или неразвиты в русском языке накануне бегства, или только зарождались в период отъезда беженцев (так, в русском советском политическом языке 20-х годов активность семельфактивного глагольного суффикса *-ну-* оказывается напрямую мотивированной интенсивностью, напряженностью, плотностью социально-политических процессов, суффикс *-ну-* позволяет представить процесс как одномоментное, разово-динамичное действие; эмигрантский же язык остался "равнодушен" к необходимости выражения этой семантико-грамматической семантики при помощи данного словообразовательного элемента);

б) оказались актуализированными именно в эмигрантском дискурсе, не получив развития в изучаемый период в русском языке метрополии (в частности, эмигранты удивительной языковой интуицией предвосхитили семантико-словообразовательную жизнеспособность редкого, нерегулярного прежде суффикса *-скость* задолго до появления аналогичных форм в материковом языке в конце 80-х – 90-е годы 20 в.).

Языковой ландшафт эмигрантской прессы характеризуется иными темпами языковой динамики, иными конфигурациями языковых черт, чем в советской прессе. В основе всего – экстралингвистические потребности выражения актуального содержания: это приходилось делать либо в старых (дореволюционных) языковых формах, либо в заимствованных новых (из иностранной или советской прессы). Лингвистическое противоречие между формой и содержанием, выступающее движущим фактором развития языка, в советской прессе разрешалось путем поиска для нового содержания новых форм, т.е. телеологически было направлено к диалектическому снятию этого противоречия и приведению к новому языковому равновесию. Эмигрантской быт обладал гораздо меньшей продуктивной силой, и эмигранты предпочитали использовать уже найденные, готовые языковые формы, даже в этом факте видя один из способов спасения и сохранения старой России. Творческий характер языка в эмигрантских газетах проявлялся скорее в модально-оценочной интерпретации или, что оказывалось нередким, в новом комбинировании языковых форм. Вообще в сравнении с советской прессой ведущей языковой чертой эмигрантской печати следует признать не столько порождение новых языковых фактов, сколько их переконструирование, (пере)интерпретацию.

Одной из целей нашей работы являлся показ возможного влияния иноязычных систем на русский язык в его письменной форме. Обобщенная, пред-

ставленная ниже таблица показывает, во-первых, наиболее открытые зоны проникновения иноязычных элементов, во-вторых, может служить матрицей для будущих возможных исследований языковых процессов в двух разновидностях (советской и эмигрантской) прессы. Нами намечены лишь общие, магистральные тенденции, однако контрастивное сопоставление советских и эмигрантских газет на каждом языковом уровне или области описания (от сферы орфографии до проблематики прецедентных феноменов, очень широкой, но намеченной нами лишь схематично) может дать дополнительные важные социолингвистические свидетельства о степени открытости языковой системы для трансформаций и механизмах их реализации. Несомненно, это напрямую связано с изучением взаимодействия языка и общества и влияния социальных факторов на скорость протекания языковых процессов.

Вместе с тем, нахождение людей за рубежом, становившееся все более затяжным, постепенно размывало, разрушало языковые каноны и нормы, узловые стандарты и оказывало воздействие не только на устную речь. Ответ на вопрос: насколько активно проникали иноязычные формы в письменные формы русского языка, т.е. на страницы газет и журналов, составлял основную исследовательскую проблему этой части работы. Воздействие иноязычных моделей на русский язык в его газетно-журнальном варианте можно представить следующей таблицей.

Языковой ярус / сфера описания	Иноязычное влияние
1. орфография, пунктуация	<ul style="list-style-type: none"> • рост фонетических (фонематических) написаний • увеличение написаний с двойными согласными • проникновение иноязычных акронимических моделей
2. грамматика	<ul style="list-style-type: none"> • рост аналитических конструкций (в падежной системе; в глагольном управлении) • смешение предлогов • контаминация предложно-падежных групп • формы абстрактных существительных во множ. числе
3. словообразование	<ul style="list-style-type: none"> • активизация вторичного суффикса <i>-альный</i> • активизация префиксов <i>нео-</i>, <i>пан-</i>. • активизация суффиксоида <i>-фил.</i>
4. лексические процессы	<ul style="list-style-type: none"> • иноязычные заимствования для обозначения новых реалий • паронимия
5. иноязычные заимствования	<ul style="list-style-type: none"> • активизация иноязычных вкраплений • обилие варваризмов • семантическое калькирование • активизация "ложных друзей"

Иностранное влияние на письменную форму русского языка вне метрополии проявлялось достаточно широко на разных языковых уровнях: и на формально-графическом (в орфографии), и на содержательном (лексика, граммати-

ка). Русская пресса зарубежья уже тогда активно включала в свой языковой состав такие феномены и проявляла такие черты, которые были незнакомы советским печатным изданиям в те годы и появились только в 80-90-е годы 20 в. (мощным стимулом такого развития в последние десятилетия явились процессы англоамериканизации и глобализации). Как известно из истории лингвистики, диалектический симбиоз стихийного и сознательного начал в языковом развитии разрешается с перевесом то в пользу одного, то другого. Так, например, языковые процессы в современных лингвокультурных обстоятельствах служат предметом пристального наблюдения и острого обсуждения: должен ли доминировать стихийный элемент (прежде всего это касается проблематики иноязычного "потопа") или следует сознательно, волевыми (и административными) решениями ограничивать это влияние? Но эти теоретико-публицистические споры проходят все-таки на почве и в границах материкового русского языка, причем необходимо учитывать также факт дистантного контактирования русского с английским. Хотя современные телекоммуникационные системы практически стирают государственные границы, территориальная дистанцированность языков позволяет тем не менее в некоторой степени ослабить влияние более престижного языка А на язык-рецептор В.

В литературе уже неоднократно комментировалась озабоченность эмигрантов состоянием языка: на эксплицитном уровне она проявлялась в стремлении сохранять и поддерживать чистоту русского языка (здесь мы отвлекаемся от оценки качества и содержания этой интенции "сохранения"), на имплицитном же уровне эти лингвопереживания были детерминированы именно изменившейся корреляцией, соотношением стихийного и сознательного компонентов в процессе контактирования русского языка с иностранными. Трудность сознательного влияния на языковое состояние в эмиграции усугублялась рядом обстоятельств: географической раздробленностью эмигрантов, отсутствием лингвоконтролирующих органов, отслеживающих и унифицирующих региональные вариации в русском языке, билингвизм, неизбежно ослабляющий языковые правила и каноны, – все это давало простор процессам стихийного (и достаточно активного) проникновения иноязычных элементов. Практически неизбежным результатом и постоянным спутником лингворечевой практики уже с первых лет беженства стал значительный рост неупорядоченности, вариативной дублетности в самых разных формах ее проявления (орфографическая, грамматическая, морфологическая, словообразовательная). Обилие вариантных и зачастую равноправных элементов плана выражения в эмигрантском речевом обиходе (как в границах одной страны проживания, так и особенно в разных регионах и на разных континентах) трансформирует, переформулирует теоретические и практические вопросы языковой нормы в эмигрантском и материковом узусе. С одной стороны, норма реализуется и функционирует при наличии вариантов (реализующая функция нормы, по Косериу), с другой – норма одновременно выступает и регулятором, селективным инструментом вариантов (регулирующая функция).

Однако в эмигрантском обиходе некоторые зоны языковой компетенции индивидов оказываются, как правило, структурированными и содержательно наполненными иной конфигурацией элементов, чем лингвокогнитивная база людей в метрополии. Отсюда следующий вывод: то, что в языке метрополии относится к нормативным реализациям системы, может не быть таковым в эмигрантском узусе.

Неустойчивость языковых и речевых реализаций, вариативность плана выражения, несомненно, преобладает над вариативностью плана содержания как в устной, так и в письменной практике эмигрантов, поскольку план содержания задается внешним, денотатным миром. "Отключение" предметного мира от языковой материи истощает содержательную сторону языкового знака, компенсацией и платой за которое является рост индивидуальных (окаzionaliальных, неузуальных) речевых реализаций, расшатывающих норму. В данной работе приведено много фактов подобного рода, однако теоретическое рассмотрение проблемы осталось за рамками настоящего исследования, поскольку вопрос асимметрии плана содержания и плана выражения в языковой компетенции индивидов, пользующихся русским языком (как в его устной, так и письменной форме) вне метрополии, требует формирования своего объекта описания, выработки методологии и методики, поиска адекватного научного инструментария.

Этап избыточной и порой дублетной вариативности русский публицистический язык метрополии преодолел довольно быстро: уже в конце 20 – начале 30-х годов унифицирующие, стабилизирующие тенденции возобладали над дезинтегрирующими. Отличие эмигрантской прессы от стандартизированного советского языка публицистики значительное. Разумеется, среди прочих причин (внеязыкового, социально-политического характера) необходимо учитывать и фактор языкового окружения: господствующий язык А более активно воздействует на анклавный язык В в актуальных для социума сферах (речь в данном случае не идет об особых, замкнутых, типах языковых сообществ: религиозных, социальных и проч., сохраняющих известную закрытость). Русский язык зарубежья был открыт иноязычным влияниям, не отгораживался от них, поскольку русский эмигрантский социум был органично включен в социальную, экономическую, культурную жизнь страны-приюта и в мировой контекст. Языковой пуризм эмигрантов старшего поколения был понятен и, вследствие этого, объясним: сохранить русский язык и передать его детям, которые – как полагали старшие – в (скором) будущем вернутся на родину. Однако эта интенция легко сочеталась с процессами лексической варваризации речи, обилием семантических калек в речи (и письменной практике) того же старшего поколения. Представителей среднего и младшего поколения озабоченность сохранением и поддержанием чистоты русского языка волновала уже меньше: когда информативный компонент речевого общения выходит на первый план, то макаронические элементы в речи сверстников или соотечественников, с позиции самого говорящего, меньше режут слух и, как правило, чаще прощаются. С этим тесно связан такой парадокс языковой компетенции

личности, как сокращение потребности (и желания) индивида в языковой игре с использованием иноязычного материала.

Язык первой волны эмиграции в его устной разновидности (некодифицированной форме), литературно-книжных стилях (проза, поэзия) уже получил монографическое описание в начале 21 века [ЯРЗ 2001; РЯЗ 2001]. Однако оставалась незаполненной лакуна, показывающая использование эмигрантами языка в его публицистической (газетно-журнальной) разновидности, для которой первостепенную роль играют факты и события (информативная функция) и личное эмоционально- и рационально-оценочное начало (экспрессивная и воздействующая функция). Русская эмигрантская пресса сохраняла старые, дореволюционные формы, активно заимствовала новые, иноязычные, элементы и подвергала языковой ревизии компоненты советской публицистики. На таком странном, своеобразном языковом субстрате и формировался язык русской эмигрантской прессы в 1919-1939 гг.

TIIVISTELMÄ

Jazyk rusckoj emigrantskoj pressy (1919–1939 gody)

Venäläisen emigranttilehdistön kieli vuosina 1919–1939

Vuosi 1917 oli Venäjän historiassa taitekohta yhteiskunnallisesti ja poliittisesti. Sen vaikutus ulottui käytännössä kaikille kulttuurin ja henkisen elämän alueille. Sen seurauksia oli myös ns. ”ensimmäinen emigraatio”, joka on kielentutkimuksen kannaltakin erittäin kiinnostava. Kun tämän kauden emigranttien venäjää verrataan Neuvostoliitossa käytettyyn venäjän kieleen, siinä voidaan havaita tapahtuneen tiettyjä Neuvostoliiton venäjästä puuttuvia innovaatioita tai päinvastoin voidaan todeta, että siinä ei esiinny monia Neuvostoliiton venäjälle ominaisia muutoksia.

Tutkimukseni kohteena on venäläinen emigranttilehdistö vuosina 1919–1939. Se edustaa eri poliittisia suuntauksia alkaen äärikansallismielisistä ja monarkistisista lehdistä aina anarkistisiin lehtiin asti. Aineiston pohjalta pyritään osoittamaan, millaista variaatiota kielessä esiintyy ja mitä tyypillisiä ilmaisukeinoja se käyttää. Käytetyt menetöt vaihtelevat työn seitsemässä luvussa esitetyistä tutkimusongelmista riippuen.

Emigranttilehdistön kieli poikkeaa neuvostolehdistön kielestä kehitykseltään ja kielellisiltä piirteiltään. Venäläinen emigranttilehdistö käyttää ajankohtaisen informaation ilmaisemiseksi vanhoja, ennen vallankumousta käytössä olleita ilmaisukeinoja. Lisäksi se on aktiivisesti lainannut uusia, vierasperäisiä aineksia ulkomaisesta lehdistöstä ja hyödyntänyt myös neuvostolehdistön ilmaisukeinoja mukauttamalla niitä omiin käyttötarkoituksiinsa.

Emigranttilehdistössä eräät venäjälle ominaiset semantiikan ja kieliopin ilmiöt eivät ole edustettuina siksi, että ne eivät emigraatiovaiheessa vielä olleet syntyneet venäjän kieleen tai olivat tuolloin vasta syntymässä. Toiset kielelliset ilmiöt puolestaan kehittyivät nimenomaan emigranttidiskurssissa, mutta eivät tutkimuksen kohteena olevana ajanjaksona esiintyneet neuvostolehdistössä. Esimerkkinä mainittakoon *-skost'*-aines, jota emigranttilehdistössä käytettiin sanamuodostuskeinona paljon ennen kuin Neuvostoliitossa ja Venäjällä, jonne se tuli vasta 1980-luvun lopulla ja 1990-luvulla.

Emigranttien elämä oli perusluonteeltaan vähemmän uudistushenkistä, minkä vuoksi he mielellään käyttivät valmiita kieliaineksia nähden sen olevan eräs keino pelastaa ja säilyttää vanha Venäjä. Kirjoitetussa venäjässä näkyy kuitenkin varsin runsaasti myös vierasperäistä vaikutusta kielen eri tasoilla. Sitä ilmenee oikeinkirjoituksessa, sanastossa ja kieliopissa.

Tiivistäen voidaan todeta, että venäläisen emigranttilehdistön kielen kehitys vuosina 1919–1939 on ollut varsin erikoista ja omaperäistä. Emigranttilehdistön kieli on kehittynyt eräänlaisen substraatin pohjalta erityyppisten ainesten kombinaationa. Se on säilyttänyt paljon vanhaa, lainannut runsaasti vierasperäistä ainesta ja mukauttanut neuvostokielen erikoispiirteitä omaan käyttöönsä.

БИБЛИОГРАФИЯ

Словари. Справочные пособия.

- Ашукин & Ашукина 1987 – Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова; Литературные цитаты; Образные выражения. 4 изд., доп. М.: Художественная литература.
- БАС-1 – Словарь современного русского литературного языка в 17 томах. М.: АН СССР. 1948-1965.
- БСЭ – Большая советская энциклопедия / Гл. ред. Тт.1-7 С.И. Вавилов; Тт. 8-51 тт. Б.А. Введенский. 2-е изд. М.: Большая советская энциклопедия. 1949-58.
- БСЭ-2 – Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. Тт. 1-30, М.: Большая советская энциклопедия. 1969-1978.
- БТС 1998 – Большой толковый словарь русского языка / Глав. ред. С.И. Кузнецов. СПб.: Норинт.
- ГРЯ 1953 – Грамматика русского языка / Под ред. В. В. Виноградова и др. В 2 томах, в 3 книгах. М.: АН СССР. 1952-1954.
- Даль В.И. 1956 – Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
- Зализняк 1974 – Обратный словарь русского языка. Научные консультанты А. А. Зализняк, Р. В. Бахтурина, Е. М. Сморгунова. М.: Советская энциклопедия.
- КСКГ 1996 – Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. М., 1996.
- КСЛТ 1995 – Краткий словарь лингвистических терминов / Васильева Н. В., Виноградов В. А., Шахнарович А. М. М.: Русский язык.
- ЛЭРЗ 2000 – Литературная энциклопедия Русского зарубежья (1918-1940). Т. 2. Периодика и литературные центры / Глав. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: Российская политическая энциклопедия.
- ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия.
- МАС-1 – Словарь русского языка / Гл. ред. А.П. Евгеньева. Т. 1-4. М.: Русский язык, 1957-1961.
- МАС-2 – Словарь русского языка / Гл. ред. А.П. Евгеньева. 2 изд., исправ. и доп. Т. 1-4. М.: Русский язык, 1981-1984.

- НСЗ 1971 – Новые слова и значения: Словарь-справочник (по материалам прессы и литературы 60-х годов) / Под ред. Н.З. Котеловой , Ю.С. Сорокина . М.: Советская энциклопедия, 1971.
- НРЛ 1992 – Новое в русской лексике: Словарные материалы – 1992 г. / Отв. ред. Е. А. Левашов. СПб.: Дмитрий Буланин.
- ОС – Орфоэпический словарь русского языка / Под ред. Р.И. Аванесова. М.: Русский язык, 1983.
- СО – Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1949 (цифра после сокращения обозначает год издания).
- ПФРС 1870 – Макаров Н.П. Полный французско-русский словарь, составленный Н. П. Макаровым. Одобрен имп. Академиею наук и Ученым комитетом Министерства нар. проsv. и принят в учебные заведения. Ч. 1-2. Спб.: тип. Неклюдова.
- РГ 1980 – Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. В 2 томах. М.: Наука.
- РКП 2002 – Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. Вып. I / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. М.
- Розенталь & Теленкова 1985 – Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь – справочник лингвистических терминов: пособие для учителя. 2-е изд.. испр. и доп., М.: Просвещение.
- Ромашкевич П.А. 1889 – Полный русский орфографический словарь. Изд. 5. Исправил и дополнил А.А. Быков. СПб.
- Росси Ж. 1997 – Справочник по ГУЛАГу. Исторический словарь советских пенитенциарных институций и терминов, связанных с принудительным трудом. London, 1987.
- СА – Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. Т. 1-9 (в выпусках; издание прервано). Спб.: типография Императорской Академии наук, 1891-1920.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. М., Л.: Наука, 1965– (издание продолжается)
- Срезневский И.И. 1989 – Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т.1-4. М.: Книга.
- СРФ 1998 – Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс.
- СРЯ 11-17 1975 – Словарь русского языка 11-17 веков. Вып.1- (издание продолжается). М.: Наука.
- СРЯ XVIII 1984 – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1- (издание продолжается). Л./СПб.: Наука.
- СУ – Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Т. 1-4. М.: ОГИЗ, 1935-1940.
- Толль – Толль Ф. Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний. Т. 1-3, СПб., 1863-64.
- ТСВН 1973 – Трудности словоупотребления и варианты норм современного русского литературного языка / Под ред. К.С. Горбачевича. Л.: Наука.

- ТСРЯ 1998 – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Скляревской. Спб.: Фолио-Пресс.
- ТССРЯ 2001 – Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Гл.ред. Г. Н. Скляревская. М.: Астрель.
- ТСЯС 1998 – Мокиенко В.М., Никитина Т.С. Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: Фолио-Пресс.
- Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1-4. М.: Наука, 1986-1987.
- Черных – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1-2. М.: Русский язык. 1993.
- Яновский Н. – Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, значение которых не всякому известно, каковы суть между прочими: астрономические, математические и прочие. В 3 частях”. СПб., 1803–1804.
- BE – Brockhaus-Enzyklopädie in vierundzwanzig Bänden. Verlag: FA Brockhaus, Mannheim, 1986-1994.
- Cortelazzo & Zolli – Cortelazzo M., Zolli P. Dizionario Etimologico della Lingua Italiana. I-V. Bologna: Zanicelli. 1979-1988.
- GW – Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in sechs Bänden/ Unter Leitung von Günther Drosdowski. Mannheim u.a.: Bibliographisches Institut. Bd. 1-6. Mannheim/Wien/Zürich, 1976-1981.
- TLF – Trésor de la langue française: Dictionnaire de la langue du XIXe et du XXe siècle. Vols. 1-16. Paris. 1971-1994.

Исследования

Сокращения названий журналов:

- ВИ – Вопросы истории.
- ВЯ – Вопросы языкознания.
- ИиИ – История и историки.
- ННИ – Новая и новейшая история.
- ОИ – Отечественная история.
- РР – Русская речь.
- РС – Русская словесность.
- РЯЗР – Русский язык за рубежом.
- РЯНШ – Русский язык в национальной школе.
- РЯШ – Русский язык в школе.
- ЭО – Этнографическое обозрение.

- Авилова Н.С. 1955 – Глаголы с суффиксом -ова- и его вариантами -ирова-, -изирова-, изова- в русском языке // Исследования по грамматике русского литературного языка / Отв. ред. Н. С. Поспелов и Н. Ю. Шведова. М.: АН СССР. С. 42-72.
- Авина Н.Ю. 2000 – Об особенностях русской речи в Литве // Изв. Акад. наук. Сер. лит. и яз. М. Т. 59. № 3. С. 52-57.
- Авина Н.Ю. 2003 – К исследованию языка диаспоры: лингвистический аспект: (На материале русских Литвы) // Русский язык в научном освещении. М. № 2 (6). С. 5-13.
- Авина Н.Ю. 2004 – Язык русских в Литве: словообразовательные особенности // Русскоязычный человек в иноязычном окружении ((Slavica Helsingiensia. 24 / Под ред. А. Мустойоки, Е. Протасовой). Helsinki. С. 136-142.
- Азарх Ю.С. 1984 – Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М.: Наука.
- Айдукович Й. 2004 – Введение в лексическую контактологию. Теория адаптации русизмов. Белград: Фото Футура.
- Акимова Г.Н. 1998 – Различные формы проявления аналитизма в современном русском грамматическом строе // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века. СПб.: Изд-во СПб ГПУ им. А.И. Герцена. С. 86-94.
- Аксенова & Досталь 2001 – Аксенова Е.Л., Досталь М.Ю. Русская ученая академия в Праге в годы Второй мировой войны // Славяноведение. № 4. С. 31-54.
- Алексеев Д.И. 1966 – Аббревиатуры как новый тип слов // Развитие словообразования в современном русском языке. М.: Наука. С. 13-37.
- Алексеев Д.И. 1979 – Сокращенные слова в русском языке. Саратов.
- Антипов et al. 1989 – Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Текст как явление культуры. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение.
- Арапова Н.С. 1989 – Варваризмы как этап в освоении иноязычного слова. // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. № 4. С. 9 - 16.
- Арапова Н. С. 2000 – Кальки в русском языке послепетровского периода: опыт словаря. М.: МГУ.
- Аристова В.М. 1978 – Англо-русские языковые контакты (англицизмы в русском языке). Л.: ЛГУ.
- Балуев Б.П. 2003 – Историческая наука русского зарубежья. Споры о судьбе России в эмигрантской публицистике 1920-х годов. (Противостояние двух центров) // ИиИ. М. № 1. С. 2-32.
- Баранников А.П. 1919 – Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы // Ученые записки Самарского университета. Самара. Вып. 2. С. 64-84.
- Баранов В.В. 1995а – История словообразования префиксальных существительных в русском языке XVIII-XX вв.: На материале производных с приставками анти-, против-, де/дез-, а-, лже-, псевдо-, квази-. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.
- Баранов В.В. 1995б – Имена существительные с приставками лже-, квази- и псевдо- // РЯШ. № 4. С. 69-70.
- Баранов В.В. 1996 – Имена существительные с приставкой де- в русском языке // РЯШ. 1996. № 5. С. 85-87.

- Бархударов Л.С. 1975 – Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения.
- Батожок И.А. 1995 – К вопросу о типологии русской эмиграции в Китае 1930-х годов // Российская культура глазами молодых ученых. Вып. 4. Ч. 1. СПб. С. 158-165.
- Бахтин М.М. 1963 – Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель.
- Бахтин М.М. 2000 – Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука.
- Баш Л.А. 1989 – Дифференциация термина "заимствование": хронологический и этимологический аспекты // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. № 4. С. 22 - 34
- Бейтс Е. 1984 – Интенции, конвенции и символы // Психолингвистика. М.: Прогресс. С. 50-102.
- Бенвенист Э. 1995 – Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс.
- Безрукова & Звоникова 2001 – Безрукова А.А., Звоникова Н.В. Отаббревиатурные производные в русском языке конца 20 века // Вестник Самарского государственного университета. № 1. С.116-131.
- Билз Р.Л. 1997 – Аккультурация // Антология исследований культуры. СПб., 1997. Т. 1. С. 348-370.
- Биржакова et al. 1972 – Биржакова Е.Э., Войнова О.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука.
- Блюм А. 1991 – Печать русского зарубежья глазами Главлита и ГПУ. (По архивным документам советской цензуры 20-х годов) // Новый журнал (The New Review). N. Y. Кн. 183. С. 264-282.
- Богданов & Смирнов 2004 – Богданов С.И., Смирнов Ю.Б. Переходность в системе частей речи. Субстантивация. СПб.: Филологический факультет СПбГУ.
- Богородский В.А. 2003 – Особенности словообразования существительных со значением лица в литературном языке XVIII века // Русская и сопоставительная филология: системно-функциональный аспект. Казань. 2003. С. 29-34.
- Бондарко А.В. 1994 – К проблеме интенциональности в грамматике (на материале русского языка) // ВЯ. № 2. С. 29-42.
- Брагина А.А. 1978 – Русское слово в языках мира. М.: Просвещение.
- Брагина А.А. 1981 – Чужое – всё-таки чужое: О стилистической роли заимствований // РР. № 4. С. 60-67.
- Будницкий О. 2003 – Братство Русской Правды – последний литературный проект С.А. Соколова-Кречетова // Новое литературное обозрение. М. № 64. С. 114-143.
- Булаховский Л.А. 1952 – Курс русского литературного языка. Изд. 5-е, перераб. Т. 1. Киев: Учпедгиз..
- Булаховский Л.А. 1954 – Русский литературный язык первой половины 19 века. Фонетика, Морфология. Ударение. Синтаксис. Изд. 2-е, испр. М.: Учпедгиз.
- Вайнрайх У. 1972 – Одноязычие и многоязычие. О совместимости генеалогического родства и конвергентного развития // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М.: Прогресс. С. 25-60.

- Вайнрайх У. 1979 – Языковые контакты: (Состояние и проблемы исследования). Киев: Вища школа.
- Валгина Н.С. 2001 – Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос.
- Вандалковская М.Г. 2004 – Русская эмиграция в XX веке // Московский журнал. № 3. С. 53-61.
- Васильев А. 2001 – Красота в изгнании. М.: Слово.
- Васильева А.Н. 1982 – Газетно-публицистический стиль речи. М.: Русский язык.
- Васянина Е. 2001 – Наброски к лингвистическому портрету русских американцев // РЯЗР. М. № 2. С. 95-103.
- Вильчур М. 1918 – Русские в Америке. Нью-Йорк.
- Виноградов В.В. 1975 – Вопросы современного русского словообразования // Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. Избранные труды. М.: Наука. С. 155-165. (первая публикация: Виноградов В.В. Вопросы современного русского словообразования // РЯШ. 1951. № 2. С. 1-10).
- Виноградов С.И. 1977 – Дискуссия о языке первых послереволюционных лет // РР. М. № 2. С. 37-45.
- Виноградов В.В. 1986 – Русский язык. Грамматическое учение о слове. Издание 3-е, испр. М.: Высшая школа.
- Виноградов В.В. 1994 – История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / Ответственный редактор Н. Ю. Шведова. М.: Толк.
- Виноградова В.Н. 1984 – Стилистический аспект русского словообразования. М.: Наука.
- Винокур Г.О. 1928 – Глагол или имя? Опыт стилистической интерпретации // Русская речь. Сборники, издаваемые отделом словесных искусств [Гос. ин-та истории искусств]. Под ред. Л. В. Щербы. Новая серия. Вып. 3. Л.: Academia. С. 75-93.
- Винокур Г.О. 1930 – Культура языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Федерация, 1929 (на обложке 1930).
- Винокур Г.О. 1991 – О языке художественной литературы. М.: Высшая школа.
- Винокур Т.Г. 1993 – Говорящий и слушающий. М.: Наука.
- Витцлак-Макаревич К. 2004 – Влияние языкового контакта «немецкий-русский» на русский язык в ФРГ (на материале русскоязычных газет и журналов) // Русскоязычный человек в иноязычном окружении. (Slavica Helsingiensia. 24 / Под ред. А. Мустайоки и Е. Протасовой). Helsinki. С. 143-149.
- Влахов & Флорин 1980 – Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения.
- Волконский & Волконский 1928 – Волконский С., Волконский А. В защиту русского языка. Берлин.
- Вотякова И.А. 2003 – К вопросу об употреблении существительных на -ист в современном русском языке (на материале словарей) // II Международные Бодуэновские чтения. Труды и материалы: В 2 томах / Под общей ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. Казань: Изд-во Казанского ун-та. Т. 1. С.127-130.
- Вяткина С.В. 2004 – Концепт «Родина» в эмигрантских рассказах (на материале творчества Г. Газданова) // Язык и ментальность: Текст и концепт: Вып. 1 / Под ред. проф. В.В. Колесова. СПб.: Политехника. С. 67-75.

- Габинский М. 1961 – Проблема лексического заимствования и единый критерий. // Учёные записки Института языка и литературы АН МССР. Т.10. С. 149 - 160.
- Генис В.Л. 2000 – Невозвращенцы 1920-х – начала 1930-х годов // ВЛ. № 1. С. 46-63.
- Герд А.С. 1993 – Структурные типы префиксальных имен существительных русского языка // Морфемология и морфемография. Владивосток. С. 24-35.
- Гловинская М.Я. 1964 – Написание двойных согласных в заимствованных словах // Проблемы современного русского правописания. М.: Наука. С. 101-115.
- Гловинская М.Я. 2000 – Тенденция к анализируемости в языке массовой коммуникации // Фортунатовский сборник: Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Московской лингвистической школы, 1897-1997 гг. М. С. 116-124.
- Гловинская М.Я. 2001 – Язык эмиграции как свидетельство о неустойчивых участках языка метрополии (на материале русского языка) // Жизнь языка. Сб. статей в 80-летию Михаила Викторовича Панова. М.: Языки славянской культуры. С. 42-59.
- Голев Н.Д. 2004 – Антиномии русской орфографии. М.: Едиториал УРСС.
- Горбачевич К. 1990 – Дано ли нам предугадать? (о будущем русского языка) // Русистика. Берлин. № 2. С. 70-80.
- Горнфельд А.Г. 1922 – Новые словечки и старые слова. Речь на съезде преподавателей русского языка и словесности в Петербурге 5 сентября 1921 г. П.: Колос.
- Грановская Л.М. 1978 – О некоторых семантических изменениях в русской литературной лексике последней трети XIX - нач. XX в. // Экскурсы в историю русской лексики. М., Наука. С.84 – 103.
- Грановская Л.М. 1983 – Некоторые особенности развития словарного состава русского языка в 20-е годы и проблема нормы // Литературная норма в лексике и фразеологии. М.: Наука. С. 47-70.
- Грановская Л.М. 1995 – Русский язык в "рассеянии". Очерки по языку русской эмиграции первой волны. М.: ИРЯЗ.
- Грановская Л.М. 2005 – Русский литературный язык в конце XIX и XX вв. М.: Эллис.
- Граудина О.К. 1998 – "С Москва-тур на Красное море! (Что-то новенькое в грамматике?)" // РР. М. № 3. С. 45-53.
- Григорьева Д.М. 1986 – Идеологизированные устойчивые словесные комплексы именного типа в газетно-публицистической речи (на материале советской прессы 1920-х и 1980-х годов). Автореф. .. дис. канд. филол. наук. Харьков.
- Григорьева Т.М. 2001 – Новая жизнь старой орфографии // Жизнь языка : Сб. ст. к 80-летию М.В. Панова / Отв. ред. докт. филол. наук С. М. Кузьмина. М.: РАН, ИРЯ. С. 399-405.
- Гришаева Л.И. 2003 – Прецедентный текст как модель осмысления действительности // Содержание единиц языка и текста. СПб: СПбГУ. С. 148-156.
- Грот Я.К. 1912 – Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго отделения Императорской академии наук. СПб.
- Гудков Д.Б. 1997 – Прецедентное имя: проблемы денотации, сигнификации и коннотации // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М. С. 116-129.
- Гудков Д.Б. 1999 – Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.

- Гудков Д.Б. 2000 – Прецедентная ситуация и способы ее актуализации // Язык, сознание, коммуникация. М. Вып. 11. С. 40-46.
- Гус et. al. 1926 – Гус М., Загорянский Ю., Коганович Н. Язык газеты. М.: Работник просвещения.
- Дементьев В. В. 2000 – Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та.
- Денисов П.Н. 1979 – Индивидуальный стиль В.И. Ленина и общелитературный язык // РР. № 2. С. 3-9.
- Денисов П.Н. 1993 – Лексика русского языка и принципы ее описания. 2 изд., исправ. и доп. М.: Русский язык.
- Денисов П.Н. 1998 – Очерки по языку русской общественной мысли. Язык русской общественной мысли конца XIX – первой четверти XX вв. М: МАЛП.
- Дзякович Е.В. 2001 – Возможности пунктуации и параграфемии в современной печатной рекламе // Словарь и культура русской речи: К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. М.: Индрик. С. 120-126.
- Дмитриева О.А. 1999 – Механизмы восприятия прецедентного текста // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. Волгоград. С. 42-46.
- Дошаль У. 1997 У. О взаимосвязи грамматической категории рода и пола // Вербальная и невербальная интерпретация половых характеристик / Под ред. А. Холода. Кривой Рог. С. 134-155.
- Дубинин & Ципкин 1996 – Дубинин Н.И., Ципкин И.Я. Об особой дальневосточной ветви российской эмиграции // ОИ. 1996. № 1. С. 53–54.
- Дуличенко А.Д. 1994 – Русский язык конца XX века. München, 1994. (= Slavistische Beiträge. 317).
- Дурновцев В. 1991 – Между лесом и степью (Еще одна загадка русской истории) // Родина. № 4. С. 51-52.
- Душенко К.В. 1996 – Понятия «белые», «белогвардейцы», «белая армия» в большевистской печати времен Гражданской войны // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М.: РГГУ. С. 252-255.
- Егорова Г.М. 1983 – Понятие и классификация заимствованных слов // Проблемы современной русской лексикологии. Калинин. С. 71-81.
- Елистратов В. 2002 – Из Рашки-Эрефии про Манхеттцину с лавом... (Рец. на: Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. Коллективная монография. Отв. ред. Е.А. Земская – М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2001. – 456 с. (Studia philologica). Авторы Е.А. Земская, М.Я. Гловинская, М.А. Бобрик) // Знамя. № 5. С. 228-230.
- Емельянов Ю.Н. 2003 – Историческая наука русского зарубежья. Монархическое движение и монархические организации русской эмиграции (1920-е – середина 1930-х годов) // ИиИ. № 1. С. 108-141.
- Ерофеева И.В. 2003 – Применение бодуэновского принципа "генетической объективности" к историческому изучению фактов словообразовании // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11-13 декабря 2003 г.): Труды и материалы: В 2 т. / Под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. Казань: Изд-во Казанского ун-та. Т. 1. С. 84-86.

- Ефимова В.С. 2000 – Об употреблении прилагательных в роли существительных в старославянских текстах // Славяноведение. № 1. С. 56-69.
- Жанр 2004 – Особенности русской устной речи в Финляндии и Санкт-Петербурге / Ред. Марья Лейнонен. Tampere: Slavica Tampereusia VI. Tampere University Press, 2004.
- Жирков Г.В. 2001 – История цензуры в России. XIX-XX вв. М.: Аспект Пресс.
- Жирова Н. 2004 – О возрождении русскоязычной эмиграции в Бельгии // Русскоязычный человек в иноязычном окружении. (Slavica Helsingiensia. 24. / Под ред. А. Мустайоки и Е. Протасовой). Helsinki. С. 47-54.
- Замятин Д.Н. 2002 – Русская эмиграция в Турции [Исторический очерк] // География в школе. № 2. С. 34-38.
- Захаренко И.В. 1997а – Лингвокогнитивные аспекты функционирования прецедентных высказываний // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М. С. 100-115.
- Захаренко И.В. 1997б – К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. М. Вып. 1. С. 104-113.
- Зеленин А.В. 1991 – Рэкет и рэкетеры // РР. 1991. № 3. С. 145-146.
- Зеленин А.В. 1999а – Белые и красные // РЯШ. 1999. № 4. С. 85-88.
- Зеленин А.В. 1999б – Белый в эмигрантской публицистике // РР. 1999. № 4. С. 76-80.
- Зеленин А.В. 1999с – Красный в эмигрантской публицистике // РР. 1999. № 5. С. 90-96.
- Зеленин А.В. 1999d – Белогвардейцы, золотопогонники // РР. 1999. № 6. С. 80-86
- Зеленин А.В. 1999е – Интеллигент и интеллигенция в русской эмигрантской публицистике // Современное русское общественное сознание в зеркале вербализации. Вып.3. Красноярск. С. 26-35.
- Зеленин А.В. 1999f – Русская эмигрантская публицистика об интеллигентах и интеллигенции // Славянское сознание и самосознание: проблема рубежей. Материалы Третьих Параславянских чтений. Красноярск. С. 40-44.
- Зеленин А.В. 2000а – Эмиграция // РР. 2000. № 1. С.69-76.
- Зеленин А.В. 2000б – Новое о словах интеллигент, интеллигенция // РР. 2000. № 4. С. 44 - 52.
- Зеленин А.В. 2000с – Полуинтеллигент // РР. 2000. № 5. С. 66-72.
- Зеленин А.В. 2000d – Диаспора // Русский язык в школе. М., 2000. № 5. С. 86-89.
- Зеленин 2001а – Слова с приставкой анти-, против- в эмигрантской публицистике // РР. 2001. № 3. С. 82-86.
- Зеленин А.В. 2001б – Евразийцы и сменовеховцы // РЯШ. 2001. № 6. С. 87-90.
- Зеленин А.В. 2001с – Имя Россия в эмигрантской публицистике // Проблемы исторического языкознания и ментальности. Вып. 4. Имя в русском общественном сознании и дискурсе / Отв. ред. А.В. Михайлов, Д.Г. Демидов. Красноярск. С. 136-143.
- Зеленин А.В. 2002а – Русь, Россия, СССР в эмигрантской публицистике // РР. М. № 5. С. 77-86.
- Зеленин А.В. 2002б – Соколы, витязи, мушкетеры // РР. М. № 6. С. 89-94.

- Зеленин А.В. 2003а – Цветовые прилагательные в эмигрантской публицистике // РР. М. № 3. С. 75-83.
- Зеленин А.В. 2003б – Сухой закон // Русская речь. М. № 4. С. 108-113.
- Зеленин А.В. 2003с – Господа, граждане и товарищи в эмигрантской публицистике // РР. М. № 6. С. 95-102.
- Зеленин А.В. 2004 – Язык русской эмиграции (1919-1939 гг.): лингвопрагматический аспект изучения // Русскоязычный человек в иноязычном окружении. (Slavica Helsingiensia. 24 / Под ред. А. Мустайоки и Е. Протасовой). Helsinki. С. 55-66.
- Зеленин & Михайлова 1993 – Зеленин А.В., Михайлова Н.Е. Мафия и мафиози // РР. М. № 5. С. 110-112.
- Земская Е.А. 1982 – Словообразование как деятельность. М.: Наука.
- Земская Е.А. 1987 – Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык.
- Земская Е.А. 1998 – О типических особенностях русского языка эмигрантов первой волны и их потомков // Изв. РАН. Серия литературы и языка. М. Т. 57. № 4. С. 39-47.
- Земская Е.А. 1999 – Об угасании письменной формы русского языка в среде эмиграции // Роман Якобсон. Тексты, документы, исследования. М. С. 599-610.
- Земская Е.А. 2000 – Функции словообразования в языке русского зарубежья // Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji. Kleszczowa K., Selimski L. (Hrsg.) Katowice: Wyd. Gnome. S. 141-146.
- Земская Е.А. 2001 – Язык русского зарубежья: итоги и перспективы исследования // Русский язык в научном освещении. № 1. М. С. 114-131.
- Земская Е.А. 2002а – Специфика семантики и комбинаторики производства слов-гибридов // Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik / Hrsgb. S. Mengel. Münster, 2002. S. 157-169.
- Земская Е.А. 2002б – Сорняк или роза?: (К вопросу о сохранности русского языка у эмигрантов четвертой волны) // Изв. Акад. наук. Сер. лит. и яз. - М., 2002. - Т. 61, N 4. С. 37-42.
- Земская Е.А. 2004 – Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь. М.: Языки славянской культуры.
- Зорин А. 2004 – Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. Серия: Historia Rossica. М.: Новое литературное обозрение.
- Иванова Т.А. 1967 – Именительный множественного на -á (родá, тенорá, госпиталя) в современном русском языке // Развитие русского языка в советский период. Л.: ЛГУ. С. 55-78.
- Иванова Т. 1994 – "Ай, да славный, красный Питер...": Городская частушка времен революции и гражданской войны // Родина. М. № 7. С. 61-65.
- Ильиш Б.А. 1968 – Современный английский язык. 5 изд. М.: Высшая школа.
- Ильина И.И. 1989 – Универбаты – названия одежды в русском языке // Функционально-семантический и стилистический аспекты изучения лексики. Куйбышев. С. 80-85.

- Ипполитов С.С. 2000 – Российская благотворительная деятельность на территории действий белых армий и в эмиграции, 1918-1924 гг : Автореф. дис. ... канд. ист. тор. наук. М.: Российский государственный гуманитарный ун-т.
- Исаченко А.В. 1958 – К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских языков // *Slavia*. Т. XXVII. Praha. Ser. 3. S. 334-352.
- История лексики 1981 – История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX вв. М.: Наука.
- Йокояма О. 2000 – Эмпатия в рамках транзакционной модели дискурса // *Русский язык сегодня*. М., 2000. Вып. 1. С. 276-286.
- Кабузан В.М. 1996 – Русские в мире. СПб.
- Какорина Е.В. 1996 – Стилистический облик оппозиционной прессы // *Русский язык конца XX столетия (1985-1995)*. М.: Языки русской культуры. С. 409-427.
- Калакуцкая Л. П. 1984 – Склонение фамилий и личных имен в русском литературном языке. М.: Наука.
- Калакуцкая Л. П. 1994 – Фамилии. Имена. Отчества. Написание и склонение. М.: Толк.
- Караулов Ю.Н. 1987 – Русский язык и языковая личность. М.: Наука.
- Караулов Ю.Н. 1995 – О языке русского зарубежья // *ВЯ*. 1995. № 2. С. 5-18.
- Карцевский С.И. 2000 – Язык, война и революция // Карцевский С.И. Из лингвистического наследия. Сост., вступ. ст. и коммент. И.И.Фужерон. М.: Языки русской культуры. С. 215-266.
- Катаева В.Б. 1994 – "Каштанка" в XX веке: из истории интерпретаций // *РС*. № 6. С. 24-28.
- Келли К. 2003 – «Маленькие граждане большой страны»: интернационализм, дети и советская пропаганда // *Новое литературное обозрение*. № 2. С. 218-251.
- Ким О.М. 1978 – Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке. Ташкент.
- Кимягарова Р.С. 1989 – Типы и виды адаптаций заимствованной лексики в русском языке нового времени (XVIII – XX вв.) // *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*. № 6. С. 69-78.
- Кирилина А.В. 2004 – Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации: учебное пособие для вузов. М.: РОССПЭН.
- Клемперер В.1998 – ЛТИ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М.: Прогресс-Традиция.
- Ковалевский П.Е. 1971 – Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920-1970). Paris.
- Колесов 1988 – В.В. Культура речи – культура поведения. Л.: Лениздат.
- Коляда Г. И. 1964 – К вопросу о написании двойных согласных в иностранных словах // *РЯШ*. № 3. С. 103-104.
- Комарова И. 2000 – Русскоязычная пресса за рубежами России // *РЯЗР*. № 2. С. 87-96.
- Кондратьева Т.Н. 1983 – *Метаморфозы имени собственного. Опыт словаря*. Казань: издательство Казанского ун-та.

- Кондрашов Н.А. 1989 – Основные этапы калькирования в истории русского языка // Вопросы исторической семантики русского языка. Калининград. С. 101-106.
- Копелиович А.Б. 1986 – Формальное, неформальное и смысловое согласование по категории рода в русском языке // Современный русский синтаксис: Слово-сочетание и предложение / Под ред. В.Ф. Киприянова, А.Б. Пеньковского, В.И. Фурашова. Владимир. С. 40-48.
- Коровайников В. Ю. 1997 – Национальные общества и землячества в Москве в 1920-е годы: По документам Центрального муниципального архива Москвы // Вестник архивиста. М. № 3. С. 18-26.
- Косик В.И. 2000 – Молодая России в эмиграции // Славяноведение. № 4. С. 3-15.
- Костомаров В.Г. 1957 – Существительные на -ист в русском языке// Проблемы изучения языка М.: Академия общественных наук при ЦК КПССС. С. 122-141.
- Костомаров В.Г. 1994 – Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.
- Костомаров В.Г. 1996 – «Изафет» в русском синтаксисе словосочетания? // Словарь. Грамматика. Текст: Сборник статей. М. С. 212-217.
- Костомаров В.Г. 1999 – Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Изд. 3. СПб.
- Костомаров & Бурвикова 1994 – Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными // РЯЗР. № 1. С. 73-76.
- Костомаров & Бурвикова 1996 – Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Прецедентный текст как редуцированный дискурс // Язык как творчество. М. С. 297-302.
- Краснова Т.И. 1995 – Семантико-речевые оппозиции в структуре текста: (На материале эмигрантских газет) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История, языкознание, литературоведение. СПб: СПбГУ. Вып. 4. С. 67-72.
- Краснова Т.И. 1999 – Структура эмигрантского газетного текста: (Синтагматический аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История, языкознание, литературоведение. СПб: СПбГУ. Вып. 2. С. 93-100.
- Красных et al. 1997 – Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. М. № 3. С. 62-75.
- Красных В.В. 2001 – Основы психолингвистики и теории коммуникации. М., 2001.
- Кронгауз М.А. 1996 – Sexus, или проблема пола в русском языке // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. М.: Индрик, 1996. С. 510-525.
- Кронгауз М.А. 2001 – Русский язык: от 70-х к 90-м // Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое. СПб.: Алетейя, 2001. С. 339-350.
- Кронгауз М.А. 2005 – Семантика. М.
- Крушевский Н.В. 1883 – Очерк науки о языке. Казань.
- Крысин Л.П. 1965 – Иноязычная лексика в русской литературной речи 20-х годов // Развитие лексики современного русского языка. М.: Наука. С. 117-134.
- Крысин Л.П. 1968 – Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука.
- Крысин Л.П. 1989 – Социоллингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука.

- Кубрякова Е.С. 1972 – Словообразование // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. / Под ред. Б.А. Серебренникова. М.: Наука. С. 344-383.
- Купина Н.А. 1995 – Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург – Пермь.
- Курилович Е. 1962 – Очерки по лингвистике. М.: Изд-во иностранной литературы.
- Лазарева Ю.А. 2002 – Усечения в языковой игре // Филологический вестник. Саранск. Вып. 3. С. 49-54.
- Куэва-Харамильо Х. 1985 – Этноцентризм и культурные конфликты: Этнография аккультурации // Культуры: диалог народов мира. М.: Прогресс. Журнал ЮНЕСКО на русском языке. № 1. С. 21-31.
- Лазутин С.Г. 1990 – Русские народные лирические песни, частушки и пословицы. М.: Высшая школа.
- Лаптева О.А. 1996 – Изучение русской эмигрантской речи как лингвистическая проблема // *Aspekter*. (= *Slavica Tampere*nsia. V). Tampere, 1996. С. 137-145.
- Лаптева О.А. 2000 – Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. 2 изд. М.: УРСС.
- Лаптева О.А. 2003 – Теория современного русского литературного языка. М.: Высшая школа.
- Лапшинов М.В. 2001 – Из истории ”языковой преданности”: образы России в языковом сознании русских эмигрантов первой волны // Полилог. № 1. Государственные языки в странах СНГ и Балтии. Статус и проблемы функционирования. М. С. 94-96.
- Лассан Э. 1995 – Дискурс власти и инакомыслия в СССР: Когнитивно-исторический анализ. Вильнюс: Изд-во Вильнюсского ун-та.
- Лексика 1981 – Лексика русского литературного языка XIX - начала XX века / Отв. ред. Ф.П. Филин. М.: Наука.
- Лексические новообразования 1975 – Лексические новообразования в русском языке XVIII века / И.М. Мальцева, А.И. Молотков, З.М. Петрова. Л.: Наука, Ленинградское отделение.
- Лехикоинен Р. 1990 – Лехикоинен Р. Словарь революции – революция в словаре? Аббревиатуры и иноязычная лексика в русском языке первого послереволюционного десятилетия. Диссертация на соискание ученой степени доктора философии. *Neuvostoliittoinstituutin vuosikirja* 32. Helsinki.
- Лилеева Е.Л. 1987 – Редкие слова в ленинских трудах // РР. М., № 2. С. 8-13.
- Литвиненко Л.И. 1987 – Усечение как способ словообразования // Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР. Киев. № 11. С. 77-78.
- Литвиненко Л.И. 1988 – Структура и функционирование усеченных слов в современном русском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Киевский гос. пед. ин-т им. А.М. Горького. Киев, 1988.
- Лопатин В.В. 1967 – Субстантивация как способ словообразования в русском языке // Русский язык. Грамматические исследования. М. С. 205-233.
- Лопатин В.В. 1973 – Рождение слова: неологизмы и окказиональные образования. М.: Наука.

- Лукьянова Н.А. 1986 – Экспрессивная лексика разговорного употребления. Вопросы семантики. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение.
- Лурия А.Р. 2002 – Очерки психофизиологии письма // Письмо и речь. Нейролингвистические исследования. М.: Академия. С. 10-77.
- Макарова Р.В. 1969 – Основные вопросы графики современного русского языка. Автореф. диссертации ... кандидата филолог. наук. М.
- Максимов В.И. 1975 – Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке. Л.: ЛГУ.
- Максимова Л.К. 1964 – Употребление букв э, е после гласных в заимствованных словах // О современной русской орфографии. М., 1964. С. 33-39.
- Максудов С. 1989 – Потери населения СССР. Вермонт.
- Мартине А. 1999 – Распространение языка и структурная лингвистика // Зарубежная лингвистика. III / Общ. ред. Розенцвейга В.Ю., Звегинцева В.А., Городецкого Б.Ю. М. С. 43-55.
- Матич О. 1996 – Диаспора как отстранение (русская литература в эмиграции) // Russian studies: ежеквартальник русской филологии и культуры. St. Petersburg. Vol. 2. № 2. С. 158-179.
- Меймре А. 2000 – "За веру, царя и Отечество": Эпизод из деятельности русских и монархистов в Эстонии // Диаспора. III: Новые материалы. Париж; Санкт-Петербург. С. 267-292.
- Мелихов Г.В. 1997 – Русская эмигрантская печать как источник по истории адаптации эмигрантов в Китае // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX-XX вв. М. С. 96-105.
- Меромский А. 1930 – Язык селькора. М.: Федерация, 1930.
- Мечковская Н.Б. 1998 – Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий. М.: Агентство "ФАИР".
- Мечковская Н.Б. 2004 – Чем интересен русский язык в рассеянье? (Рецензия на: Земская Е.А. (отв.ред.): Язык русского зарубежья: Общие вопросы и речевые портреты (=Studia philologica, Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 53), Москва, Вена 2001. 496 стр. с илл.) // Russian linguistics. Vol. 28. P. 237-259.
- Мечковская Н.Б. 2005 – Постсоветский русский язык: новые черты в социолингвистическом статусе // Russian linguistics. V. 29. № 1. С. 49-70.
- Минский М. 1979 – Фреймы для представления знаний. М.: Энергия.
- Миронов Б. Н. 1999 – Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб.: изд-во "Дмитрий Буланин".
- Миськевич Г.И. 1967 – Комсомолия, пионерия (к анализу новообразований в современном русском языке) // РР. М. № 4. С. 6-8.
- Михайлова Л.П. 1994 – Отбор лексики с мертвыми префиксами -ко-, ша-, ща-, че- для Лексического атласа русских народных говоров и полевая проверка // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 1992. СПб. С. 130-135.
- Моисеев А.И. 1980 – Русский язык. Фонетика. Морфология. Орфография. М.: Просвещение.

- Муромцева & Перхавко 2001 – Муромцева Л.П., Перхавко В.Б. Рец. на: Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом. Алдюхова Е.И., Бегидов А.М., Владимирская Т.Л. и др. Руководитель Пивовар Е.И. М.: ИВИ РАН, 1999 // ННИ. № 1. С. 227-231.
- Мучник И.П. 1971 – Грамматические категории глагола и имени в русском литературном языке. М.: Наука.
- Наер В. Л. 1981 – К описанию функционально-стилевой системы современного английского языка // Лингвостилистические особенности научного текста М.: Наука. С. 3-13.
- Назаров М.В. 1992 – Миссия русской эмиграции. Ставрополь: Кавказский край.
- Найдич Л. 2004 – Выбор языка, переключение кода, лексические заимствования: русский язык эмигрантов последней волны в Израиле // Русскоязычный человек в иноязычном окружении. (Slavica Helsingiensia. 24 / Под ред. А. Мустайоки и Е. Протасовой). Helsinki. С. 108-122.
- Недзельский Евг. 1924 – Народная поэзия в годы революции // Воля России. Прага. № 5 (март). С. 1-28; № 6-7. С. 44-66.
- Немченко В.Н. 2003 – О понятии усечения основы слова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Филология. Н. Новгород. Вып. 1. С. 100-110.
- Низинская В.А. 1989 – Эллиптическая субстантивация в старорусском языке XV-XVII вв // Вопросы грамматической асимметрии. Ташкент. С. 81-85.
- Никитевич В.М. 1971 – Переход, конверсия и транспозиция // Русское языкознание. Вып. 1. Алма-Ата. С. 102-109.
- Николаев Г.А. 2002 – Феномен суффикса -щик (-чик) в истории русского словообразования // РЯШ. М., 2002. № 3. С. 79-82.
- Николаева Т.М. 2000 – Речевые, коммуникативные и ментальные стереотипы: социолингвистическая дистрибуция // Язык как средство трансляции культуры. М.: Наука. С. 112-131.
- Нитобург Э.Л. 2002 – Русские трудовые иммигранты в США (конец XIX в. – 1917 г.): адаптация и судьбы // ОИ. № 5. С. 63-75.
- Новиков Л.А. 1963 – О семантическом переоформлении заимствованных слов в русском языке // РЯШ. М. 1963. № 3. С. 5-10.
- Новикова Н.В. 1992 – Звонкое иноязычие // РР. М. № 4. С. 56-60.
- Оглезнева Е.А. 2004 – Русский язык Зарубежья: восточная ветвь // Известия АН. Серия литературы и языка. М. Т. 63. № 2. С. 42-52.
- Оороков А.В. 2002 – Фашизм и русская эмиграция (1920-1945). М.: Русаки.
- Орфография 1980 – Орфография, пунктуация и книжно-письменная речь русского языка. Praha.
- Осипова Л.И. 1991 – Суффиксальные универбы с непредметной семантикой в русском языке // Науч. докл. высш. шк. Филологические науки. М. № 5. С. 61-69.
- Осипова Л.И. 1994 – Активные процессы в современном русском словообразовании: (Суффиксальная универбация и усечение). М.: Прометей.

- Осипова Л.И. 2000 – Новые слова в русском языке: Суффиксальные универбы женского рода с суффиксом -К-А: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-90-х годов. М. 2-е изд., перераб. и доп.
- Осипова М.А. 1999 – К изучению разговорного языка иммигрантов в США: словообразовательный уровень // *Slavia. Praha. Roc. 68. Ses. 1. S. 37-44.*
- Осипова М.А. 2002 – Разговорный русский язык иммигрантов в США. Лексика и словообразование // *Славянская языковая и этноязыковая система в контакте с неславянским окружением / Отв. ред. Т.М. Николаева. М.: РАН. С. 448-464.*
- Очерки 1956 – Очерки истории русского литературного языка XIX века: Проспект (материалы к обсуждению). М.: Изд-во АН СССР.
- Очерки 1964а – Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного / Под ред. В.В. Виноградова и Н.Ю. Шведовой. М.: Наука.
- Очерки 1964б – Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века / Под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой. М.: Наука.
- Павловская Л.К. 1967 – Сложносокращенные слова // *РР. М. № 6. С. 16-19.*
- Панов М.В. 1999 – Позиционная морфология русского языка. М.: Наука.
- Паперный В. 1985 – Культура «Два». Ann Arbor: Ardis.
- Пеньковский А.Б. 2004 – Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры.
- Петренко В.Ф. 2002 – Психосемантика ментальности: коммуникативный аспект // *Проблемы медиапсихологии. М.: РИП-холдинг. С. 19-30.*
- Петрищева Е.Ф. 1984 – Стилистически окрашенная лексика русского языка. М.: Наука.
- Петропавловская И.А. 2001 – Российские научные и образовательные центры в Китае (конец XIX – 50-е гг. XX вв.) // *Науковедение. № 2. С.182–197.*
- Пешковский А.М. 1938 – Русский синтаксис в научном освещении. М: Государственное учебно-педагогическое издательство.
- Пивовар & al. 1994 – Пивовар Е.И., Герасимова Н.П., Голотик С.И. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов: Гражданские беженцы, армия, учебные заведения. М.: Историко-архивный институт.
- Плотников Б.А. 1982 – Семиотика текста. Параграфемика. Минск.
- Плотникова А.А. 1999 – О символике свиста // *Мир звучащий и молчащий. М. С. 295-304.*
- Поливанов Е.Д. 1968 – Статьи по общему языкознанию. М.: Наука.
- Поляков Ю.А. 1986 – Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М.
- Попов Р.В. 2003 – Этносоциальные особенности спортивных терминов-американизмов в русском языке // *Проблемы сохранения вербальной и невербальной традиции этносов. Кемерово. С. 115-118.*
- Попова Т.И. 1988 – Параграфемные средства выражения коммуникативной ситуации автор - читатель в газетном тексте: (На материале русских и советских газет 1901-1987 гг.). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: ЛГУ.

- Потебня А.А. 1968 – Из записок по русской грамматике. Т. III. Об изменении значения и заменах существительного. М.: Просвещение.
- Потылицина И.Г. 2002 – О направлениях исследования аллюзии // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики. Вып. 1. М. С. 105-111.
- ПРЗ 1999 – Публицистика русского зарубежья (1920-1945). Сб. статей. М.: Союзполиграфпром.
- Протасова Е.Ю. 2000 – Лексические особенности русскоязычной прессы в Германии // Известия АН. Серия лит. и языка. М. № 4. С. 49-60.
- Протасова Е.Ю. 2002 – Язык русской прессы Финляндии // ВЯ. М. № 5. С. 57-70.
- Протасова Е.Ю. 2004 – Феннороссы: жизнь и употребление языка. СПб.: Златоуст.
- Протченко И.Ф. 1953 – Образование и употребление имен существительных женского рода – названий лиц в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М.
- Протченко И.В. 1964 – О родовой соотносительности названий лиц (из наблюдений нал лексикой советской эпохи) // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964. С.106-137.
- Протченко И.Ф. 1975 – Лексика и словообразование советской эпохи. М.: Наука.
- Протченко И.Ф. 1985 – Лексика и словообразование советской эпохи. 3 изд., испр. и доп. М.: Наука.
- Прохоров Ю.Е. 2004 – Действительность. Текст. Дискурс. М.: Флинта.
- Пфандль Г. 1994 – Русскоязычный эмигрант третьей и четвертой волны: несколько размышлений // Русский язык за рубежом. 1994. № 4-5. С. 101-108
- Пфандль Х. 2002 – Четыре волны русской эмиграции XX века и культурно-языковое поведение эмигрантов // Русский язык в диаспоре: проблемы сохранения и преподавания / Отв. ред. Г.В. Хруслов. М. С. 9-32.
- Раев М. 1994 – Россия за рубежом. История культуры и русской эмиграции. 1919-1939: Пер. с англ. М.: Прогресс-Академия.
- Реброва И.В. 2000 – Концепт ПРОРОК в литературно-критическом дискурсе газеты "Руль" (начала 20-х годов XX столетия): Автореф. дис. ... кандидата филологич. наук. СПб.: СПбГУ.
- Редькина О.В. 2003 – Субстантивация как семантическое явление (языковой и функциональный аспекты). Автореф. .. диссертации .. канд. филол. наук. Н. Новгород.
- РЗ 2004 – Русское зарубежье: приглашение к диалогу. Сборник научных трудов центра "Молодежь за свободу слова" / Отв. редактор Л.В. Сыроватко. Калининград: Издательство Калининградского государственного ун-та.
- Рогожникова Р.П. 1966 – Варианты слов в русском языке. М.: Просвещение.
- Романенко А.П. 2002 – Советская словесная культура: отечественная история ее изучения // ВЯ. М. № 6. С. 118-139.
- Ром-Миракян Е. 1996 – Забытые слова // Русистика. Russistik. № 1-2. Berlin. С. 89-96.
- РРР 1973 – Русская разговорная речь / Ред. Е.А. Земская. М.: Наука.
- РРР 1981 - Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М: Наука.

- PPP 1983 – Русская разговорная речь / Отв. Ред. Е.А.Земская, Л.А.Капанадзе. М.: Наука.
- Русскоязычный человек 2004 – Русскоязычный человек в иноязычном окружении. (Slavica Helsingiensia. 24 / Под ред. А. Мустайоки и Е. Протасовой). Helsinki.
- РЯЗ 2001 – Русский язык зарубежья / Под ред. Е.В. Красильниковой. М.: Эдиториал УРСС.
- РЯК 1996 – Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / Под ред. Е.А. Земской. М.: Языки русской культуры.
- РЯМО 1974 – Русский язык по данным массового обследования. Опыт социально-лингвистического изучения / Под ред. Л.П. Крысина. М.: Наука.
- РЯСОЛ – Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. Социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М.В. Панова. М.: Наука
- РЯСОМ – Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. Социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М.В. Панова. М.: Наука
- РЯСОС 1968 – Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. Социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М.В. Панова. М.: Наука.
- Сабенникова И.В. 1997 – Русская эмиграция как социально-культурный феномен // Мир России – Universe of Russia. М., 1997. Т.VI. № 3. С.155-184.
- Сабенникова И.В. Думали о будущем: российская эмиграция и европейский выбор России (1917-1939) // Открытая политика. М., 2000. № 5/6. С. 62-74.
- Савицкий И. 2003 – Становление Парижа как столицы русской эмиграции // Славяноведение. М. № 4. С. 54-59.
- Сандомирская И. 2001 – Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 50. (Венский альманах славистики. Спецвыпуск 50). Wien: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 2001.
- Селищев А.М. 1928 – Язык революционной эпохи. М.: Работник просвещения.
- Сепир Э. 1993 – Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс.
- Сигалов П.С. 1986 – Об усечении вообще и дезинтеграции в частности: Усечение и дезинтеграция // Russian linguistics. Dordrecht; Boston. Vol. 10. № 2. С. 215-233.
- Сидоренко К.П. 1999 – О парадигматике прецедентного текста // Проблемы теории и практики изучения русского языка. М.; Пенза. Вып. 1. С. 123-131.
- Скляревская Г.Н. 1993 – Метафора в системе языка. СПб.: Наука.
- Слезин А.А. 1998 – Красные скауты // ВИ. 1998. № 2. С. 139-149.
- Слышкин Г.Г. 1998 – Апелляция к прецедентным текстам в дискурсе // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград; Саратов. С. 197-206.
- Слышкин Г.Г. 1999 – Концепты прецедентных текстов: классификация по степени опосредованности восприятия // Языковая личность: проблема лингвокультурологии и функциональной семантики. Волгоград. С. 73-79.

- Слышкин Г.Г. 2000 – Номинативное использование концептов прецедентных текстов // Когнитивные аспекты языковой категоризации. Сб. научн. трудов. Рязань. С. 205-210.
- Смирнова Л.Г. 2000 – Авторитетные тексты как тип прецедентных текстов // Минск – Смоленск – Москва: этнография славянских народов. Смоленск. С. 437-443.
- Смулаковская & Кузнецова 1999 – Смулаковская Р.Л., Кузнецова Я.В. Интекст и прецедентный текст в их соотношении // Русистика: лингвистическая парадигма XX века. СПб: Изд-во СПб ГПУ им. А.И. Герцена. С. 135-137.
- Снетова Г.П. 1992 – Роль субстантивации в терминообразовании старорусского языка // Вопросы изучения среднерусских говоров. Тверь. С. 25-31
- Солганик Г.Я. 1981 – Лексика газеты. М.: Высшая школа.
- Сорокин Ю.А. 1986 – Психолингвистические аспекты изучения текста. М.: Наука.
- Сорокин Ю.С. 1965 – Развитие словарного состава русского литературного языка: 30-90-е годы XIX века. М.-Л.: Наука.
- Сорокин & Клюканова 1989 – Сорокин Ю.А., Клюканова И.Э. Параграфемика: результаты и перспективы развития // Стилистика как общепилологическая дисциплина. Калинин. С. 90-98.
- Сорокин & Михалева 1997 – Сорокин Ю.А., Михалева И.М. Цитаты как знаки прецедентных текстов // Язык, сознание, коммуникация. М. Вып. 1. С. 13-25.
- СРЯ 1981 – Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1981.
- СРЯМ 1952 – Современный русский язык. Морфология / Под ред. В.В. Виноградова. М.: МГУ.
- Струве П.Б. 1921 – Размышления о русской революции. София.
- Супжато Р. 1996 – Оценка с помощью кавычек // РР. 1996. М. № 3. С. 50-52.
- Тарасова И.А. 2004 – Фреймовый анализ в исследовании идиостилей // Филологические науки. М. № 4. С. 42-49.
- Тимофеева Г.Г. 1995 – Новые английские заимствования в русском языке: Написание. Произношение. СПб: Юна.
- Тираспольский Г.И. 1991 – Заметки о типологической эволюции русского языка // Науч. докл. высш. шк. Филологические науки. М. № 4. С. 71-76.
- Тишков В.А. 2000 – Исторический феномен диаспоры // ЭО. № 2. С. 42-63.
- Трошкина Т.П. 2003 – Словообразовательные средства создания оценочности в языке СМИ // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11-13 декабря 2003 г.): Труды и материалы: В 2 т. / Под общ. ред. К.Р.Галиуллина, Г.А.Николаева. Казань: Изд-во Казанского ун-та. Т. 1. С.102-104.
- Турома С. 2004 – Поэт как одинокий турист: Бродский, Венеция и путевые заметки // Новое литературное обозрение. № 67. С. 164-180.
- Успенский Б.А. 1967. – "Грамматическая правильность" и понимание // Межвузовская конференция по порождающим грамматикам. Кяэрику, 15-25 сентября 1967. Тезисы докладов. Тарту.
- ФГВ 1934 – Фольклор гражданской войны. М.-Л.: Академия Наук СССР.
- Федоров Н. 1952 – Советизация эмигрантского языка. Буэнос-Айрес.

- Федоров А.В. 1983 – Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа.
- Флейшман et al. 1997 – Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б. Русская печать в Риге. Из истории газеты "Сегодня" 1930-х годов. Кн. I. На грани эпох. Кн. II. Сквозь кризис. Кн. III. Конец демократии. Кн. IV. Между Гитлером и Сталиным. Кн. V. Близость катастрофы. Stanford. (Stanford Slavic Studies. Vols. 13-17).
- Фогараши М. 1956 – Материалы к истории суффиксов -изм и -ист в русском языке //Studia Slavica. T.2; f. 1-4. Budapest. С. 331-344.
- Фомина М.Н. 1983 – Современный русский язык. Лексикология. М.: Высшая школа.
- Фреге Г. 1977 – Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып. 8. М.: ВИНТИ. С. 181-200.
- Фрейкман-Хрусталева & Новиков 1995 – Фрейнкман-Хрусталева Н., Новиков А. Эмиграция и эмигранты: История и психология / Науч. ред. Г.А. Тишкин. СПб.: Санкт-Петербург. гос. акад. культуры.
- Хазанов Б. 1999 – Отечество изгнанных // Знамя. № 12. С. 176-180.
- Хамидуллина Е.Э. 1995 – Имена существительные и прилагательные с префиксами сверх-, супер-, ультра-, архи-, гипер-: (Семантика и функционирование). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.
- Химик В.В. 2002 – Анекдот как уникальное явление русской языковой культуры // Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество. С. 17-31.
- Чернышев В.И. 1915 – Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. Изд. 3, сокр. Петроград: Типография Меркушева.
- Чудинов А.П. 2001 – Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург.
- Чуковский К.И. 1962 – Живой как жизнь (Разговор о русском языке). М.: Молодая гвардия.
- Шанский Н.М. 1967 – Развитие словообразовательной системы русского языка в советскую эпоху // РЯНШ. М. № 3. С. 3-9.
- Шанский Н.М. 1968 – Очерки по русскому словообразованию. М.: МГУ.
- Шафир Я.М. 1924 – Газета и деревня. 2 изд. М.: Федерация.
- Шафир Я.М. 1927 – Вопросы газетной культуры. М.: ОГИЗ.
- Шахрай О.Б. 1961 – К проблем классификации заимствованной лексики. // ВЯ. 1961. М. № 2. С. 53 – 58.
- Шварцкопф Б.С. 1970 – Проблемы индивидуальных и общественно-групповых оценок речи // Актуальные проблемы культуры речи. М.: Наука. С. 277– 304.
- Шварцкопф Б.С. 1997 – "Я поставил кавычки потому, что..." // Облик слова. Сборник статей памяти Дмитрия Николаевича Шмелева. / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М. С. 374-381.
- Шведова Н. Ю. 1960 – Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во АН СССР.
- Шейгал Е. И. 2004 – Семиотика политического дискурса М.: Гнозис.
- Шинкарук & Ершов 2000 – Шинкарук И.С., Ершов В.Ф. Российская военная эмиграция и ее печать, 1920-1939 гг. М.: Изд-во Ипполитова.

- Шмаглит Р.Г. 2005 – Русская эмиграция за полтора столетия. Биографический справочник. М.: Рипол Классик.
- Шмелев А.Д. 2004 – Русский язык за рубежом: проблемы кодификации норм // Русский язык за пределами России. Haifa: University of Haifa, 2004. С. 9-10.
- Шмелев Д.Н. 1973 – Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука.
- Шпильрейн et al. 1929 – Шпильрейн И.Н., Рейтынбард Д.И., Нецкий Г.О. Язык красноармейца. Опыт исследования словаря красноармейца Московского гарнизона. М.; Л.: Государственное издательство.
- Шубина Н.Л. 1997 – Новые тенденции в пунктуационно-графическом оформлении русского текста // РЯЗР. М. № 3/4. С. 67-74.
- Шубина Н.Л. 1998 – Графическая и пунктуационная нормы в коммуникативно-прагматической программе носителей русского языка // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века. СПб.: Изд-во СПб ГПУ им. А.И. Герцена. С. 77-85.
- Щерба Л.В. 1974 – Языковая система и речевая деятельность. Л., Наука.
- Щукин В.Г. 1994 – Концепция Дома у ранних славянофилов // Славянофильство и современность. СПб. С. 33-47.
- Эндрюс Д.Р. 1997 – Пять подходов к лингвистическому анализу языка русских эмигрантов в США // Славяноведение. № 2. С. 18-30.
- Юнхуа Чжао 2002 – Русские газеты в Китае первой половины XX века // Россия и современный мир. № 2. С. 167-175.
- Янко-Триницкая Н.А. 1964 – Процессы включения в лексику и словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964. С. 18-35.
- Янко-Триницкая Н.А. 1966 – Наименования лиц женского пола существительными женского и мужского рода // Развитие словообразования современного русского языка. М., 1966. С. 153-167.
- ЯРЗ 2001 – Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты / Отв. ред. Е.А. Земская. М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2001.
- Ярмашевич М.А. 1990 – Факторы, влияющие на восприятие и образование аббревиатур. Саратов.
- Ярмашевич М.А. 1993 – Роль экстралингвистических факторов в развитии аббревиации // Актуальные проблемы лексикологии и стилистики. Саратов, 1993. С. 42-49.
- Ярмашевич М.А. 2002 – Знаковость аббревиатурных единиц // Вестник Оренбургского государственного университета. Оренбург. № 6. С. 106-110.
- Яскевіч А.А. 1996 – Старабеларускія граматыкі. Да праблемы агульнафілалагічнай цэласнасці (Факсимильное издание). Мн.
- Acculturation 1980 – Acculturation: Theory, models and some new findings / Ed. by Padilla A.M. Westview, 1980.

- Amsler J. 1952 – Comment parlent les sportifs. La langue du football // Vie et langage. Paris. № 1. Pp. 33-35.
- Andrews D.R. 1990 – A semantic categorization of some borrowings from English in third-wave émigré Russian // Topics in Colloquial Russian. Ed. Mills M.H. New York: Peter Lang. Pp. 157-173.
- Andrews D. R. 1999 – Sociocultural Perspectives on Language Change in Diaspora: Soviet Immigrants in the United States. Amsterdam/Philadelphia (= Studies in Language and Society. Vol. 5).
- Baker M. 1992 – In Other Words: A Coursebook on Translation. London & New York: routledge.
- Baker M. C. 1988 – Incorporation. A Theory of Grammatical Function Changing. Chicago: Chicago Univ. Press..
- Baker M. C. 2003 – Lexical Categories: Verbs, Nouns and Adjectives. West Nyack, NY, USA: Cambridge University Press.
- Becker K. 1970 – Sportanglizismen im modernen Französisch. Meisenheim am Glan: Verlag Anton Hain.
- Benson M. 1957 – American Influence on the Immigrant Russian Press // American Speech. Vol. XXXII. № 4. Pp. 257-263.
- Benson M. 1958 – English loanwords in Russian sports terminology // American Speech. Vol. XXXII. № 4. Pp. 252-259.
- Bogen D. 1992 – The organization of talk // Qualitative sociology. N.Y., 1992. Vol. 15. № 3. Pp. 273-295.
- Brown & Levinson 1987 – Brown P., Levinson S.C. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge University Press.
- Buckley M. 1989 – Women and Ideology in the Soviet Union. Beckenham: Harvester Wheatsheaf.
- Bybee et al. 1994 – Bybee J.L., Perkins R.D., Pagliuca W. The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World. Chicago et al.
- Chinyeva E. 2001 – Russians outside Russia: The Emigre Community in Czechoslovakia, 1918-1938. Veröffentlichungen des Collegium Carolinum. Bd. 89. München: R. Oldenbourg Verlag.
- Comrie et al. 1996 – Comrie B., Stone G., Polinsky M. The Russian Language in the Twentieth Century, Oxford.
- Corbett G.G. 1983 – Hierarchies, Targets and Controllers Agreement Patterns in Slavic. Pennsylvania: The Pennsylvania University Press.
- Corbett G.G. 1991 – Gender. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dauzat A. 1929 – Le langage des sports // Dauzat A. La vie du langage. Paris.
- Dokulil M. 1962 – Tvoření slov v češtině. 1. Teorie odvozování slov. Praha.
- Doleschal & Schmid 2001 – Doleschal U., Schmid S. Doing gender in Russian – Structure and Perspectives // Gender Across Languages. The linguistic representation of women and man. Ed. by M. Hellinger, H. Bußmann. Vol. 1. Amsterdam/Philadelphia. Pp. 256-265.
- Dunn J.A. 1988 – Is there a tendency towards analyticity in Russian? // Slavonic and East European review. London. Vol. 66. № 2. Pp. 169-183.

- Ensink & Sauer 2003 – Ensink T., Sauer Ch. Social-functional and cognitive approaches to discourse interpretation: The role of frame and perspective // *Framing and Perspectivising in Discourse*. Ed. by Titus Ensink, Christoph Sauer. University of Groningen: John Benjamins Publishing Company. Pp. 1-22.
- Faist Th. 2000 – Transnationalization in international migration: Implications for the study of citizenship and culture // *Ethnic and racial studies*. L., 2000. Vol. 23. № 2. Pp. 189-222.
- Field F.W. 2002 – Linguistic borrowing in bilingual contexts. Foreword by B. Comrie. Philadelphia: John Benjamins Publishing Comp.
- Fillmore Ch. 1976 – Frame semantics and the nature of language. // *Origins and Evolution of Language and Speech*. J. Harnard et. al. (eds), *Annals of the New York Academy of Sciences*: New York. Pp. 20-32.
- Fillmore Ch. 1977 – Scenes and frames-semantics // *Linguistic Structure Processing*. Antonio Zampolli (Ed.), Amsterdam: North Holland. Pp. 55-88.
- Fillmore Ch. 1982 – Frame Semantics // *Linguistics in the Morning Calm*. Linguistic Society of Korea (ed.). Seoul: Hanshin. Pp. 111-138.
- Fillmore Ch. 1985 – Frames and the Semantics of Understanding // *Quaderni di Semantica Bologna*. V. 6. № 2. Pp. 222-253 (русский перевод: Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // *Новое в зарубежной лингвистике*. М.: Прогресс. 1988. Вып. 23. С.52-92).
- Gans H.J. 1994 – Symbolic ethnicity and symbolic religiosity: towards a comparison ethnic and religious acculturation // *Ethnic and racial studies*. L., 1994. Vol. 17. № 4. Pp. 577-592.
- Goldman W. Z. 1993 – *Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917—1936*. Cambridge: CUP.
- Gorham M.S. 2003 – *Speaking in Soviet Tongues: Language Culture and the Politics of Voice in Revolutionary Russia*. Northern Illinois University Press, DeKalb, Ill., 2003.
- Glad J. 1999 – *Russia Abroad: Writers, History, Politics*. Hermitage & Birchbark Press, Washington.
- Haarmann H. 1987 – Zur Typologie von Akkulturationsprozessen am Beispiel des sprachlichen Zahlens // *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*. Wiesbaden.. Jg. 54. H. 3. S. 289-315.
- Harbul'ova L. 2001 – *Ruská emigrácia na Slovensku. (Posobenie ruskej pooktobrej emigracie v rokoch 1919-1939)*. Presov.
- Haugen E. 1953 – *The Norwegian Language in America. A Study in bilingual behaviour*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press.
- Hutz M. 2004 – Is there a natural process of decay? A longitudinal study of language attrition // *First Language Attrition. Interdisciplinary perspectives on methodological issues*. Schmid Monika S. (Ed.). Philadelphia, PA, USA: John Benjamins Publishing Company. Pp. 189-206.
- Heien L.G. 1984 – Loanword Recognition in Russian // *Russian Language Journal*. Vol. XXXVIII. 13 (1). Pp. 51-61.
- Jakobson R. 1921 – *Vliv revoluce na ruský jazyk*. Praha.

- Jaspaert & Kroon 1992 – Jaspaert K., Kroon S. From the typewriter of A. L.: A case study in language loss // *Maintenance and Loss of Minority Languages*. W. Fase, K. Jaspaert, & S. Kroon (Eds.) Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. Pp. 137–147.
- Jiracek J. 1985 – K otazce postupneho rozsireni substantiv se sufixy -IZM a -IST v rustine // *Slavica olomucensia*. Praha. № 5. S. 77-86.
- Kaliszan J. 1986 – Семантико-конденсационная универбация составных наименований в современном русском языке. Poznań.
- Kaliszan J. 1989 – О границах понятия семантической конденсации (на материале русского языка) // *Z aktualnych badan polskich nad jezykami i literaturami wschodnioslowianskimi*. Warszawa. C. 91-95.
- Kaplan C. 1996 – *Questions of Travel: Postmodern Discourses of Displacement*. Durham; L.: Duke University Press.
- Kouzmin L. 1982. – Grammatical Interference in Australian Russian // *The Slavic Languages in Emigre Communities*. Sussex R.(Ed.). Carbondale, USA: Linguistic Research, Inc. Pp. 73-87.
- Kramsch & Thorne 2001 – Kramsch CL., Thorne S.L. Foreign language learning as global communicative practice // *Globalization and Language Teaching*. Block D. (Ed.). L, GBR: Routledge. Pp. 83-100.
- Lee D. 1997 – Frame conflicts and competing construals in family argument // *Journal of pragmatics*. № 27. Pp. 339-360.
- Leech G. 1983 – *Principles of Pragmatics*. London: Longman.
- Lehikoinen R. 1989 – Наблюдения над образованиями от имен собственных периода революции и гражданской войны // *Studia Slavica Finlandensia*. Helsinki. T. VI. C. 21-35.
- Lehman W. 1962 – *Historical Linguistics: An Introduction*. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston.
- Liebich A. 1999 – *From the other shore: Russian social democracy after 1921*. Cambridge, Mass. & L, England: Harvard University Press.
- Mazon A. 1920 – *Lexique de la guerre et de la revolution en Russie. 1914-1919*. Paris: Champion.
- Muysken P. 2001 – *Bilingual Speech: A Typology of Code-Mixing*. Port Chester, N.Y., USA: Cambridge University Press.
- Mencken H.L. 1936 – *The American Language*. N.Y.: Alfred A. Knopf.
- Myers-Scotton C. 1993 – *Duelling Languages. Grammatical Structure in Codeswitching*. Oxford: Clarendon Press.
- Myers-Scotton C. 2002 – *Contact Linguistics. Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes*. Oxford: Clarendon Press.
- Nikunlassi A. 1999 – On gender assignment in Russian // *Gender in grammar and cognition*. Ed. B. Unterbeck et al. Berlin: de Gruyter. Pp. 771-791.
- Noels et al. 1996 – Noels K.A., Pon, G., Clement R. Language, identity, and adjustment. The role of linguistic self-confidence in the acculturation process// *Journal of language and social psychology*. L., 1996. Vol. 15. № 3. Pp. 246-264.

- Novikov & Priestly 1999 – Novikov J. and Priestly T. Gender Differentiation in Personal and Professional Titles in Contemporary Russian // *Journal of Slavic Linguistics*. Indiana University. Vol. 7. № 2. Pp. 247-263.
- Obermann M. 1969 – Beiträge zur Entwicklung der russischen Sprache seit 1917. (Slavisch-Baltisches Seminar der Westfälisch Wilhelm-Universität). Münster (Westf.) Veröffentlichung Nr. 12. Meisenheim am Glan: Verlag Anton Hain.
- Odlin T. 1989 – *Language Transfer: Cross-linguistic influence in language learning*. Cambridge: CUP.
- Olmsted H. 1986 – American interference in the Russian language of the third-wave emigration: Preliminary notes // *Folia Slavica*. Vol. 8. № 1. Pp. 91-127.
- Orr J. 1935 – Les anglicismes du vocabulaire sportif // *Le français moderne*. № 3. Pp. 293-311.
- Paradis C. 1995 – Interactional conditioning of linguistic heterogeneity // *Towards a social science of language: Papers in honor of William Labov*. Amsterdam. Vol. 1. Pp. 115-133.
- Pasqualini F. 1974 – Sport et langue anglaise // *Vie et Langage Paris*. 1974. № 269. Pp. 454-464.
- Polinsky M. 1994 – Russian in the U.S.: An Endangered Language // *Russian in Contact with Other Languages*, S. Romaine and P. Trudgill (eds). Oxford: Oxford University Press.
- Polinsky M. 1996 – American Russian: An endangered language? Manuscript. USC–UCSD. 1996. [<http://ling.ucsd.edu/~polinsky/pubs/american-russian.pdf>].
- Polinsky M.S. 1998 – American Russian: a new pidgin // *Московский лингвистический журнал*. № 4. С. 78-138.
- Polinsky M. 2000 – A composite linguistic profile of a speaker of Russian in the U.S. // *The Learning and Teaching of Slavic Languages and Cultures: Towards the 21st Century*. Kagan O., Rifkin B. (eds.). Bloomington. Pp. 57-78.
- Poplack & Meechan 1998 – Poplack S., Meechan M. How languages fit together in codemixing // *International Journal of Bilingualism*. Vol. 2. № 2. Pp. 127-138.
- Post M. 1988 – Scenes-and-frames semantics as a neo-lexical field theory // *Understanding the lexicon. Meaning, sense and world-knowledge in lexical semantics*. Werner H., Schulze R. (eds.). (Linguistische Arbeiten 210). Tübingen: Niemeyer. Pp. 36-47.
- Pfandl H. 1997 – Normabweichungen und Regelverstöße bei Emigrant(inn)en mit russischer Erstsprache und Lernenden des Russischen als Fremdsprache: Unterschiede und Gemeinsamkeit // *Ars transferendi. Sprache, Übersetzung, Interkulturalität* / Hrsg. D. Huber, E. Worbs. Peter Lang. S. 373-294.
- Press J.I. 1999 – *Ukrainian: A Comprehensive Grammar*. Florence, KY: Routledge.
- Russian poetry 1987 – *Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930-1950. The Memoirs of Valerij Perelešin* / Ed. by Jan Paul Hinrichs. Amsterdam.
- Ryazanova-Clarke & Wade 1999 – Ryazanova-Clarke L., Wade E. *The Russian Language Today*. L./ N.Y.
- Schmid S. 1998 – Zur Bezeichnung weiblicher Personen im Russischen: Eine empirische Pilotstudie // *Wiener Slawistischer Almanach*. T. 41. S. 239-262.
- Schneider P. 1974 – *Die Sprache des Sports*. Düsseldorf: Schwann.

- Seriot P. 1985 – Analyse du discours politique soviétique. Paris: Institut d'études slaves.
- Smither R. 1982 – Human migration and the acculturation of minorities // Human relations. N.Y.; L., 1982. Vol. 35. № 1. Pp. 57-68.
- Struve N. 1996 – Soixante-dix ans d'émigration russe, 1919-1989. Paris: Fayard.
- Tannen D. 1993 – What's in a frame? Surface evidence for underlying expectations // Framing in Discourse. D. Tannen (Ed.), N.Y./Oxford: Oxford University Press. Pp. 14–56.
- Thomason & Kaufman 1988 – Thomason S.G., Kaufman T. Language Contact, Creolization and Genetic Linguistic. Berkeley.
- Unbegaun B. 1932 – Le calque dans les langues slaves littéraires // Revue des études slaves. Res 12. Fascicule 1-2. Paris. Pp. 19-48.
- Weiss D. 1986 – Was ist neu am "Newspeak"? Reflexionen zur Sprache der Politik in der Sowjetunion // Slavistische Linguistik 1985. Referate des XI. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens Innsbruck 10. mit 12.9.1985. Hrsgb. R. Rathmayr. München: Verlag Otto Sagner. S. 247-325.
- Wells H.B. 1932 – The Russian Language in the U.S.A. // American Mercury. Vol. XXV. Pp. 448-451.
- Vierek W. 1980 – Studien zum Einfluss der englischen Sprache auf das Deutsche. Tübingen.
- Yokoyama O. T. 1994 – Speaker imposition and short interlocutor distance in colloquial Russian // Revue des Études slaves. Vol. LXVI. № 3. Pp. 681-697.

СЛОВОУКАЗАТЕЛЬ¹

1,000-долларовый 70
1.20 70
10,000 70
100,000 70
4:30 70
9,000 70

A

à l'a 65
à la 445
à la russe 65, 445

B

bellum omnium contra omnes
445

C

с.-р., эсер = эс-эр, эс-ер (социалист-революционер)
212
coup d'état (фр. "государственный переворот") 447

E

Entente = Антанта = Соглашение (см. также: *Антанта*, *Согласие*) 475
etc. 445

G

garçon 327, 478
gentleman'ство 65

H

Hakenkreuzer 447

I

Investment Trust 446

K

Kunststelle 450

M

Mme, m-me (фр. madame)
447
Mlle (франц. mademoiselle)
447
Mr. (англ. mister "господин")
447
Mrs. (англ. missis "госпожа")
447
Ms. (англ. miss "барышня")
447

N

New Russia

O

odium 445

P

pull-over'ы (см. также: *пулловер*) 65

Q

quasi 65, 445
quasi-реформаторство 196

S

S.S. (нем. Schutzstaffeln "охранные отряды") 446
soirée 450
soit disant 450
status quo 65, 445

U

Ufa-film 446
union sacrée (фр. "священный союз") 65, 447

W

W.-C. = WC 65, 445
weekend = уикэнд = викэнд = викенд 475

1 Словоуказатель является выборочным. В него включены слова, иноязычные вкрапления, фразы, элементы слов (префиксы, суффиксы, суффиксоиды, префиксоиды и др.), содержащиеся в нашем корпусе и упомянутые или прокомментированные нами. Однако в этот список не вошла почти вся фразеология и часть орфографических примеров (названия газет, предприятий и др.). Слова приведены в форме, зафиксированной нами в газетных текстах.

А

А (архангелы) 418
А-группа 89
А. (армия) 69
аборт 338
абсентизм 462
аваловки (деньги) 236
аве. = авеню 70
ави фаворабль (фр. avis favorable) 65, 451
австризация 145
австро-венгерцы 301
автограф 245
автомобиль 245
автотранспорт 245
агрегат 62
агитатор 406
агитаторша 277, 278
агонизировать 177
адвокатесса 286
адов 104, 106
адская машина 394
ажюстеры, ажюстеры-монтеры 84
азиль 452
ак-театр 220
академик-артиллерист 249
аккомпанимент 53
аксидан 477
активизм 138, 139, 141
активист 66, 140, 296
актюалитэ 450
акцидентный 165, 471
акционер 318
акционерный 318
Александр Македонский 530
алексеевцы-московцы 299
алименты 67
анархизм 137
анархист 406
анархист-индивидуалист 248
анархист-синдикалист 248
анархист в футляре 602
анархобандит 240
анархо-большевизм, анархо-большевизм 137, 243, 409
анархобольшевик 240, 409
анархоед 240
анархо-индивидуализм, анархоиндивидуализм 137, 243
анархо-индивидуалист, анархоиндивидуалист 240, 248
анархо-кадетизм, анархокадетизм 137, 243

анархо-коммунизм, анархокоммунизм 137, 243
анархокоммунист 240
анархо-либерализм, анархо-либерализм 137, 243
анархо-меньшевизм 137
анархо-синдикализм, анархосиндикализм 137, 243
анархо-синдикалист, анархосиндикалист 230, 248
анархоуниверсалист 240
анационалист 188
англо-саксонцы 301
андреевский морской флаг 571
Антанта (см. также: *Entente*) 475
антиалкогольный 183
антианархический 183, 184
антибольшевик 184
антибольшевицкий = антибольшевицкий 183, 184
антивоенный 183, 184
антигерманский 184
антигосударственный 183, 184
Антикоминтерн 183
антикоммунистический 183, 184
антикомсомольский 183
антилиберальный 183
антимилитарист 184, 295
антимилитаристский 183, 184
антимонархический 184
антинародный 183
антинациональный 183
антиопозиционный 183
антипасхальный 183
антипатриотический 183
антипомещичий 184
антиреакционный 183
антиреволюционный 184
антирелигиозный 183
антисемит 184
антисиндикалистский 183
антисоветский 183, 184
антисоветскость 154, 158
антисоюзнический 184
антисталинец 184, 299
антисталинский 146, 184
антифашистский 183
антихрист 560, 562
антихристов 104, 105
аншлюс 461
аппаратный 165
аппендикс 450
апплодисмент 62

арбитраживать 177, 463
арестный 165
арестованный 262
арийский параграф 605
аристократия 151
арифметика 330
АРОСК (Англо-русский объединенный совещательный комитет) 215, 225
арранжировка 62
архидемократический 189
архиепископ 189
архиерейский 189
архимандрит 189
архиреакционный 189
атаман 322
атеистичный 165, 167
атомизация 461
аттака 62
атташэ 58
ауденция 505

Б

Б (*блюдолизы*) 418
б. = бывш. (бывший) 69
баба 370
базировать 177
балласт 497
банда 382
бандитизм 141
банковский 168
барщина 569
барышня 327
басмач 333
батик 331
беспроволочный 186
бедняк 67, 338
беженец 370, 373, 380
беженец-лишенец 249
беженец-эмигрант 249, 368
беженка 283, 370
беженский 169, 370, 373
беженство 150, 151, 360, 363, 369, 370, 373, 436
безбожие 185
безбожник 67, 185
безбожник-пропагандист 248
безбожничество 142, 185
безвластный 186
безглавный 186
безгосударный 186
безначалец 186
безработный 260, 344
без сантима в кармане 598
бек 467
бело-фашистский 254

белогвардеец 390
белогвардейско-петлюровская 363
белорус 548
белые (субстантиват) 260
белый 396
бенефис 506
беременная (субстантиват) 260
беспартийный 185
бесподанный 186
беспризорник 185
беспризорный 185
бессахарный 186
Бетховен-зал 81
Бетховен 532
библиотека-читальня 251
билль 459
биоскоп 468
биржевой 168
благодаря (предлог) 107
благожелатель 305
благословить 180
благотворить 180
блатный 379
блефф 62
блюстител ь 305
Бог 324, 560
богадельня 324
богач 308
богоборство 142
богоборчество 142
богоотступник-коммунист 250
Богородица 324
богослужение 324
бодигар 65, 459
болеть 383
большевизан 307, 308
большевизанский 307
большевизанствовать 178, 307
большевизанствующий 307
Большевизия, большевизия 556, 557
большевизм 141, 411
большевик 307, 423
большевик-коммунист 248, 249, 411
большевик-мотоциклист 249
большевик-эмигрант 368
большеви ст 307
большеви стский 172, 173, 174

В
В (вредители) 418
в (предлог) 108
в – на (предлоги) 108, 113
Вавилон 559
валоризация 461
валютный 318
валяй-анархизм 141, 251
вандализм 141
вапоризация 471
вапоризованный 258
вапоризованный 471
варварство 384
Варфоломеевская ночь 567
варяг 382, 417
ватер-поло 87, 89, 466
ввоз 483, 484
вдохновитель 305
ведетта 465
Великая война 572
великобританский 165
великодержавие 244
великодержавность 158
великоросс, великорус 319, 320, 548
великорусский 548
вероучитель 305
вершение 159
вестовщик 290, 292
вечерн. (вечерний) 69
взаимоп. (взаимопомощь) 69
винный ресторан 498
витязи 354
витель ь 66, 357
вице-президент 490
включ. (включительно) 69
ВКП, ВКП(б) 227, 418
в кулисе (фр. coulisse "черная" биржа") 494
властитель 305
властничество 142
властолюбец 241
водительство 142
военспец 218
вождизм 139, 140, 141
вождь-пророк 250
возвращенец 66, 302
возглавительница 273
возглавление 159
воинство 150
воллей-бол 466
волонтер 66, 477
вольн оопределяющийся 262
вольный рынок 495
воля 379
вопрошающий 262
воряг 417

воскресение 386
во славу Ильича 599
воссоздатель 305
воцарение 159
вочман 65, 459
в паркете (франц. parquet "место на бирже для маклеров") 494
вразумление 160
врангелевец 299
врангелевщина 148
вредительство 142
всебританский 253
всегерманский 253
всегосударственный 253
всезаграничный 253
всемирный 253
всенародный 253
всеобщий 253
всепольский 253
всеславянский 253
встреча-блины 251, 329
встреча-чай 251, 329
вторая советская партия 335
второсоветчики 335
вуз, ВУЗ (высшее учебное заведение) 214, 215, 227
вулкан-фабр 87, 89, 472
В.Ф.П. (Всероссийская фашистская партия) 225, 229
ВЦСПС (Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов) 211
вывоз 483, 484, 494
вывозные премии 494
выдвиженец 302
выразитель 305
вырешить 180
выставка образцов 495
вычистить 118, 337
вычищенный 337

Г
Г (говно) 418
г. = г-н 68, 227
га (гектар) 69
газетный 165
гайд 357
галлизация 146
гангстер=гэнгстер 57, 463, 474
гарсон 478
гастролировать 344
гвардия 151
гейм 466
ген.-лейт. = ген. лейт. (генерал-лейтенант) 68, 228

генерал 321
генерал-губернатор 343
генерал-директор 82, 83, 456
генерал-от-кавалерии 321
генеральский 321
герл 65, 87, 89
герлс = герльс 464
германизация 145
германofil 240
Герострат 528
герцогиня 286
гетто 84, 459
гиперцентрализация 191
Гитлер 59
Гитлер-Людендорфский 85
гитлеровский 59, 168
Г.К.Т. (Генеральная конференция труда (Мексики) 210
главк 219
главмилитармышль 222, 225
Главнаука 220
главная квартира 490
главный секретарь 488
главсахар 220
главтабак 220
говеть 324
говорящая тон-фильма 496
годá (множ. число) 99
Голгофа 560
голкипер 467
голодный 260
голосовавший 262
Гомер 532
горное солнце 497
городская дума 341
городской голова 341
госбанк 220, 227
госкино 220
господин 348
Господь 560
Господь-Бог 560
госпромышленность 220
госторговля 220
гость 381
госуд. (государственный) 69
государев 104, 106
государственник 412
государственнический 412
государственничество 142, 412
государственномыслящий 254
государствовать 428
Государыня 286
гофманский 530

Г.П.У. = ГПУ (Главное политическое управление) 212, 227, 228
Град Великого Петра 536
гражданин 348, 349
гражданка 283
графиня 286
грех 324
гнев 383
греховный 324
грешный 260, 324
Григорий А. Бутаков 69
гриль 473
громада 376
ГССМ (Главный совет Союза Младороссов) 211, 225, 228
губздрав 218
губсуд 220
губфиноотдел 220, 229
гуманизм 492
гуманист 492
гуманитарный 492
гуманность 492
гуманный 492
гэнгстер (см. *гангстер*)
гэрл (см. *герл*)

Д

Д (дохлятина) 418
Дальлес 220, 227
дама-кельнерша 247, 277
дамский 497
Дансинг-Палас 81
дансинг 464
даровать 505
дать результат 501
Д.В. = ДВ (Дальний Восток) 212, 225, 227
дворянство 150
двуглавый орел 587, 589
дебль 466
девизный 494
девица 272, 273
дегенерат 187
дегенеративный 187
дезертир 407
дезинформация 186
дезорганизатор 186
дезорганизованность 186
дезорганизованный 186
действенный 432
действительный 432
декламация 187
деклассированный 187
декольтэ 58
деликатесс 62
деловой 488
демо-капитализм 138
демобилизация 187
демократизация 162
демократизирование 162
денационализация 187, 359
денационализированный 187
денационализироваться 66, 187
денационализируясь 187
деникинщина 148
день православной культуры 582
депролетаризированный 187
деревня 128
держжава 376, 588
держатель 306
держиморда 565
дессидент 53
детектив 331
детективный 165, 331
дефляционный 187
деятель 305
деятельница 273
джаз = джац 464, 474
Дженерал Моторс 81
дивидендный 165
дивиденды 318
дивчина 287
дикарство 384
дискретный 331, 477
дискреционный 459
диссидент-фашист 248
для (предлог) 97
до (предлог) 117
добольшевиcтский 202
Добрармия 220, 229
добровольцы 357
добровольчество 142
довоенный 202
доейн = дуайен 456
дол. (доллар) 69
долларовка 238
дом 376
доммаж энтерэ 65, 450
донец 300
доносчик 290
донцы 322, 352
дооктябрьский 202
Допр (Дом предварительного заключения) 215
допушкинский 202
дореволюционный 202
Достоевский 531
дофашистский 202
дофевральский 202
др. = друг. (другое) 68

д-р (доктор) 68
дроздовцы 299
дубровинец 299
дуновение 159
духовенство 150
дуче 84
дьявол 560, 562
Дэйли Мэйл = Дэли Мель 58

Е

Е.И.В. (Его Императорское Величество) 228
евангелие Маркса 602
Евг. А. Зноско-Боровский 69
евразийство 142
еврей-ревизионист 248
еврейство 150, 151
Егорий 330, 571, 572
егорьевская медаль 330, 571, 572
единодержавие 244
единоличник 338
единомышленник 293, 407
еретичество 142
ерманский 330
ефто 330
ея 101

Ё

ёлка (см. также: *рождественская елка*) 585

Ж

жалованье 337
жандарм 342
жандармерия 343
жёлтый 399
женщина-добровольца 249
женщина-сыщик 247
жерзэ 58
живое (субстантиват) 261
живой труп 602
живоцерковник 242
жидомасон 242
жизненное (субстантиват) 261
жилплощадь 220
жирант 477
жирафф 62
жнани-йога 331
Жокей-клуб 81

З

за (предлог) 96, 117
заведывание 327
За веру, царя и отечество 605
завком 219
завоеватель 305
заготовление 159
ЗАГС (запись актов гражданского состояния) 215
задание 498
задичание 160
заигрывание 160
законопроект 57
заколотить балтийское окно в Европу 599
законоучитель 305
зал – зала 103
заламывание 160
заложничество 142
занятие 488
запаздывание 160
запасный 318
заразительный 427
заразный 427
зарплата 220, 227, 336, 337
зарубежник 293, 294
зарубежный 367, 370, 373
зарубежье 360, 365, 367, 369, 370, 373, 381
заушение 160
захватчик 290
звездины 67
зелёно-красный 398
зелёно-розовый 398
землячество 352
зеркальный 499
зиновьевец 299
злое (субстантиват) 261

И

Иван Грозный 527
Иван Л. Солоневич 69
иго 384, 568, 569, 577
и.д. (исполняющий должность) 68, 228
идиот-уравнитель 250
из (предлог) 118
из-за (предлог) 107
из – с (предлоги) 113
избавитель 305
избранничество 142
извозчик 290
изгнание 364, 369, 436
изгнанник 380
изгнанничество 142
издеваться 383

изживание 160
измена 578
изоляцияный лагерь 491
Иисус 560, 562
иллюстрированный 498
Ильич 422, 522
имитатор 495
имитация 495
ИМКА (YMCA – Young Men's Christian Association) 215, 225
иммунизировать 177, 497
император 316
императорский штандарт 571
императрица 273, 316
империя 316, 376
имперский 316
имперскость 154
импозантный 506
импонировать 177
импорт 483, 484, 485
импрессарио 62
имущества (множ. число) 124
инакомыслящий (субстантиват) 262
ингрессированный 258
индивидуалист 406
ИНОГПУ (Иностранный отдел Главного политического управления) 218, 229
иноплеменный 319
инородец 319
инородческий 319
инсайд 467
интеграция 433, 436
интеллигентный 170, 171
интеллигентский 170, 171, 172
интеллигентский 170, 172
Интернационал 382, 548
интернационализация 161
интернационализирование 161
интернационалист 406
интернационально-еврейский 254
интуризм 220
интурист 220
инфраподпольный 198
Иоанн Гус 531
Иоанн Кронштадтский 531
исписывание 160
исповедь 583
исполком 219
истолкователь 305
истязатель 305

Иуда 422, 560, 563
иудо-большевизм = иудо-
большевизм 138, 243
иудо-коммунизм = иудоком-
мунизм 138, 243
иудо-масонский 254
иудосталянизм 243

К

к (предлог) 96, 97, 502
кабарэ 58
кабинетный 166, 331, 488
кадетский 218
казарменный 379
казачество 150, 151
кайзер 456
Калина (Калинин) 423
камера 506
камион 471
камуфлетный 166
канализация 461
каникулы 66, 488
канотье 65, 472
капиталист 295, 412
капитулировать 177
карпаторосс 241
карриатура 62, 63
карта азилия 451
карта побыта 451
карт д-идандитэ = карт д-
идандитэ 86, 87, 451
каскад оживленных рисун-
ков 496
катастрофа 384, 578
категорически 433
катехизат. (катехизаторский)
69
каторга 379
катчмен 65, 467
кафэ 58
кашнэ 58
каштанка 420
квази- 196
квартирохозяин 242
к.д. = кадет = ка-дет, ка-дэ
(конституционный демок-
рат) 93, 94, 212, 218
кельнер 478, 479
кельнерá (множ. число) 99,
475
кельнерша 277, 278, 327, 479
кеманча 465
керенщина 148
К.И.А. и Ф. = К.И.А.Ф. =
К.И.А.Ф. (Корпус Импе-
раторских армии и флота)
210, 225, 228

киднэппер 57, 463
киевлянин-константиновец
299
киловатт 245
килоцикл 245
кинематограф 468, 469, 471
кинематографический 469,
470
кино 87, 468, 469, 470
киноздание 245
кинокомедия 245
кинооператор 245
кинопредприниматель 245,
306
кинорежиссер 245
кинофестиваль 245
кирилловец 299
китаизация 145
классная дама 327
клогр (килограмм) 69
клеветы (множ. число) 127
клипс(а) 65, 472
кнутом и наганом 598
княгиня 286
княжить 382
князь 316
кокаинизировать 177
кокетничать 179
колдоговор 220
коллективизация 338
коллективизировали 338
колониальный 165
колониист 296
колония 360, 366, 369, 379
колхоз 67, 218, 228, 229
колхозник-безбожник 249
колчаковец 299
колчаковский 168
колчаковщина 148
ком.-большевик (комму-
нист-большевик) 69
командировки 336
комбатант 477
комбинешен 472, 474
комбинэ 472, 474
комвласть 220, 229
комдеспотия 220, 225
комерция 62, 63
коминтеллигенция 220
Коминтерн = коминтерн
219, 227, 382
коминтерновский 219
комиссар 423
комиссар-кровосос 250
комищейка 220, 222, 225
коммерсант 62
коммерческий 62, 63
коммиссар 62

коммунализация 461
коммунист 423, 424
коммунист-большевик 248
коммунист-фанатик 250
коммунист-хозяйственник
249
коммунистически-больше-
визанский 307
коммюникэ 58
комнатонаниматель 242,
306, 485
комнезам 219
компартия 220, 227, 229
комсомол 67, 218, 219, 227
комсомолец 424
комсомолка 219, 425
комсомольский 219
комсомольцы-безбожники
249
комсостав 220, 227
комячейка 220, 227
конвейер-система = конве-
ер-система 85, 471
конвент 459
конкуренция 62
коннозаводчик 290, 292
консомация 331
конструкция 488
констэбль 57, 456
конторщик 290
контрметр 477
контрольный пакет акций
494
концентрационный 336,
490, 491
концерт-фильма 251
концлагерь 220, 228, 491
кооперировать 177
кормилица 272
корнер 466
корнет 321
корнетский 321
корниловец 299
корниловец-артиллерист
249
королева лета 332, 498
король 316
король-воин 250
король-рыцарь 250
король-славянин 250
космополитизм 141
кр. (красный) 69
крайком 219
крамольное (субстантиват)
261
красивый 504
красильня 326
краском 218, 227

красно-фашистский 254
красноармеец 242
красные (субстантиват) 260
красный 396
кредитка 236
крейсировать 177
Кремль 553, 558
крепостное право 383
крепостной 570
крепость 376
кресовый 459
Крестинтерн 219
креститель 305
крестьянство 150
кресы 459
креш 465
крикун-коммунист 250
кров 381
кровавая баня 567
кубанцы 322, 300, 352
кулак 67, 129, 338
кулачество 150
кулер 84
кулич 324, 583
купечество 150
купец 342, 495
купэ 58
кураториум 465
куррьерский 62
кэпка 57

Л

л. (левый) 69
лабаратория 54
лагерь 336
лакей 327, 478
лампада 324, 384
ламэ 58, 472
ланг рюс 450
ландсвер 459
лапсердачный 166
лат. (латы) 69
Лаун-теннис клуб 81
Лебядкин 565
леводемократический 255
левонароднический 255
левонастроенный 255
левосоциалистический 255
левоэсеровский 255
левый эсер 406
легалист 295
легитимист 295
легитимистский 169
легитимно-монархический 254
легитимный 165
Ленин 422

Ленинград 535
ленинградский 535
ленинец 299
ленинизм 67, 141
Ленин нас упаси 599
ленинский 168
леском 222, 417
лже- 196
лжекоммунистический 195
лжекультурный 195
лжемитрополит 195
лженародный 195
лжеотечество 195
лжереволуция 195
лжерешение 195
лжеучитель 195
лжеэволюционный 195
литургия 583
лицеист 295
лишенец 302, 338
Лоренцо Великолепный 528
лот(т)ерейный 165
лотерея-аллегри 252, 464
лотерея-концерт 251, 464
лоттерея 62
лошад. (лошадиный), 69
лоялист 297
лумпен-пролетариат = люмпен-пролетариат 60, 474
лэди 57
Лютер 530

М

м. (минус) 68
Магомет 560, 564
мазепинцы 299
максималист 296, 406
малоросс = малорус 319, 320, 548
малороссийский 548
мальчик 327
Малюта Скуратов 527
мамаево побоище 567
мамка 283
Мангаттан 59
маневрировать 97, 177
маневры 84
манекенша 279, 280
манifestировать 177
маншетка 257
марафон 332
марковец 299
Марсель (жен. рода) 477
маршал 590
матинэ 87, 89, 464
матлот 450
мафия = маффия 151, 462

махновец 299, 407
махновка 407
махновский 407
махновщина 407
машинописание 327
М.-Б. ж.д. (Минско-Белорусская железная дорога) 210
м-во (министерство) 68
мед. (медицина, медицинский) 69
между (предлог) 109, 111
международный транспорт 494
междусоюзнический 200
междусоюзный = межсоюзный 200
между турецким молотом и большевистской наковальней 599
межимперский 200
межкапиталистический 200
меньшевистский = меньшевицкий 174
меньшинство 150
мер = мэр 57, 456
механизировать 177
М.И.Д. (Министерство иностранных дел) 210
мил. = милл. = миллион (миллион) 69
милостивый 324
милость 324
милюковский 168
Минземдел 223
министр 456
министр-маршал 82, 83, 247, 456
министр-президент 82, 247, 456
мирволить 180
мировая энергия 497
митрополитальный 165, 166
митрофорный 165
младоросс 241
младоросский 169
младоросскость 154
многоплеменность 158
могильщик 290
модистка 283
мозоль 103
молот 588
Молох 560, 563, 564
молящийся (субстантиват) 262
монарх 316
монарх-покровитель 250, 305
монархист 412

монархист-легитимист 249
монархический 316
монархичность 158
монгольский 432
монитор 471
монсинбор 456
МОПР (Международное общество помощи революционерам) 215
морочение 160
моск. (московский) 69
Москва 553, 558
Московия 559
мститель 305
мтр (метр) 69
мужик 370
мучительство 142
мушкетер 358, 354
мыслармия 222, 225
мыслитель 305
мыслящее (субстантиват) 262
Мэнн акт 86
мэр (см. *мер*)
музик-холль 87, 464

Н

на (предлог) 108, 502
наблюдатель 305
надеть колхозное ярмо 598
надклассовый 199
надпартийный 199
надпатриотический 199
надплеменной 199
надсословный 199
Назарет 559
наивничать 179
наидемократичнейший 190
наиопаснейший 190
наказать казачьим судом 323
наколенники 328
налетчик 290
нансенист 297
Нансенхейм 449
Наполеон 527
наполеоновский 527
нарком 219
наркомвнутдел 218, 229
наркомпрос 219
наркомфин 219
наровый 168, 331
народ 371
народ-богоносец 250
народ-нация 251
народоволка 283
наследие 386

наследник 293
настоящее (субстантиват) 262, 385
нац. (национальный) 69
наци 84, 461
национал-революционер 248
национал-социалист 295
националист 296, 412
национально-активный 253
национально-государственный 253
национально-имперский 254
национально-исторический 253
национально-народный 253
национально-освободительный 253
национально-социалистический 253
национальномыслящий 254
нацмальчик(и) 222, 225, 229
НБС (англ. NBC – National Broadcasting Company) 211, 449
неблагонадежное (субстантиват) 261
невозвращенец 50, 302
неволя 383
недоброжелатель 305
недоимки 318
Немезида 564
нео- 205
неомладоросс 205
неомонархист 205
неохристианство 205
непредрешенец 302
непредрешенство 142
непреречно 433
неприятель 305
непротивленец 302
несовершеннолетний 260
нечисть 382
низвержение 159
никалаевец 299
ниппонский 432, 433
ниспровержение 160
ничегонеделание 160
НКВД (Народный комиссариат внутренних дел) 211, 229
НОВ (Национальная организация витязей) 215, 225
нов. (новый) 69
новое (субстантиват) 261
номенклатура 489

НОРР (Национальная Организация Русских Разведчиков) 355
ночное золото 418
ночь 384
нравственное (субстантиват) 261
Н.С.Н.П. (Национальный союз нового поколения) 226, 228
НСРЖ (Национальный союз русских женщин) 211, 225, 226, 229
Н.Т.С. (Национально-трудовой союз) = НТСНП (Национально-трудовой союз нового поколения) 212, 225, 229
нуждающийся (субстантиват) 262
НЭП = нэп 215, 217, 227, 229
нэпман 217
нэпмановский 217
нянька 283

О

обалдение 160
обанкротиться 193
обатраченный 193
обвинитель 305
обезбоженный 188
обезглавить 188
обездоленный 188
обездушанный 188
обезличенный 188
обезумевший 188
обер-аграрник 83
обер-палач 83
обессиливший 188
обесцвечение 188
обесчестить 188
обивание 160
обманщик 290
обменять 180
обмывальщик 290
обнимать 498
обновленец 302
обратить 118
общевоинский 253
общедемократический 253
общеказачий 253
общенародный 253
общеправовой 253
общерусский 253
общественность 339
общественный 339
общечеловеческий 253

общеэмигрантский 368
обыватель 305
обынородившийся 193
обязательно 433
о-во (общество) 68
О.Г.П.У (Объединенное государственное политическое управление) 210, 213
одичание 160
одоление 159
одурение 160
озверение 160
Окдва (Особая Краснознаменная Дальневосточная Армия) 211
оккупировать 177
окорок 324, 583
окрземдел 223
О.-К. С.-Х. Союз (Общесельскохозяйственный) 229
октябрины 67, 333
октябрист 296
олатышенный 193
Олимп 560
-онер 152
оперетка-ревью 87, 464
ОПКСМ (Отдел подготовки кадров Союза Младороссов) 211, 225, 228
оплеванное (субстантиват) 262
опозорение 160
опричники 569
опричина 569
опубликование 161
орг. (организация) 69
оригинальничать 179
ОРЭСО (Общество русских эмигрантских студенческих организаций) 215, 225, 229
осведомитель 305
освободитель 305
освободить 180
осенить 180
оставление 160
от (предлог) 112
отельный 165
отечество 376
отечествоведение 359
открытая дипломатия 490
оттенок 402
отучить 180
отчетный 498
офицер 321
офицерский 321
офицерство 150, 151

официозный 430, 431
офранцужение 193
оффис – офис 62, 63
официальный – официальный 62, 430, 431
Охайо 59
охранка 234
оценщик 290
очаг 344
очистить 180
очистка от пыли 494

П

Павел 560
пайщик 290
пактировать 177
Палата Депутатов 488
палач-кровосос 250
паллиатив 462
паломничество 142
пангерманизм 194
пано 62, 63
пансионер 342
панславизм 194
пантуранский 194
пантурский 194
панъевропейский 194
паразитарный 167
паразиты 496
параличивание 162
Парамаунт-фильм 81, 446
партактив 220
партиец-чекист 249
партизан 407
партком 218
Пасифик 450
паства 324
пасха 324
пасхальный 583
патриотическо-сталинский 254
пашня 379
певица 272
пез. (песета) 69
пентюр люминез 87, 331, 450
первоянварский 54
перебежчик 290
перевезение 160
переводчица 272
переворот 578, 579, 580
перекваситься 420
переквасивание 326
персер 84
Петербург 534, 539
петербургский 534
петлюровцы 299
Петр Великий = Петр Первый 531
Петроград 535
петроградский 535
пешуар 331, 472
пианистка 283
пильняковщина 148
пионер 67
пионерский галстук 590
Питер 533
пл. (плюс) 68
планетарный 166
плантатор 343
платье 326
плебесцит 53
пледировать 177, 258
плум-пудинг 473
плутократия 151
по-, после- (префикс) 204
по-большевицки 334
по-московски 334
по-подсоветски 334
победитель 305
побудитель 305
повернуть 181
повечерие 583
повстанец-махновец 248
погребальщик 290, 327
погромчик 290
под (предлог) 114, 117
подвижнический 429
подвижный 429
подворье 324
поддельватель 305
поджигатель 305
подзиновьевец 197, 299
подзуживание 160
подкулачник 197
подленинец 197, 299
подобномыслящий 254
подохнуть 181
подпоручик 290
подручный 260
подсживание 160
подслушивание 160
подсоветский 197
подстрекатель 305
под угрозой (револьверами) 116
поедание 160
пожар 579
пок. (поколение) 69
покоммунистический 204
покровитель 305
покровительница 273
пол-/полу- 200
полис 318
полит. (политический) 69

- политбюро 220
 политграмота 220, 425
 политизолятор 220
 политика открытых дверей 490
 политком 218
 политрук 425
 политсостав 220, 227
 полицей-президент 82, 83
 полковник 321
 полпред 218, 220
 полпредство 220
 полубуржуазный 202
 полугодовка 486
 полуидиот 201
 полуинтеллигент 201
 полуинтеллигенция 201
 полукрасный 202, 397
 полумонархист 201
 полунезависимый 201
 полунепредрешенец 201, 302
 полуофициальный 201
 полуреспубликанец 201
 полусветский 201
 полусумасшедший 201
 помазанничество 142
 помешательство 383
 помкомвзвода 223, 227
 помпадур 565
 понижательная тенденция 494
 попугайный 165
 поработитель 305
 пораженец 302
 пореволюционность 204
 пореволюционный 204
 портной 326
 поручик 290
 после-большевистский = послебольшевицкий 204
 последователь 305
 пост 582
 посудомойник 294, 327
 посыпятся 54
 потеря прав состояния 494
 по уменьшенным ценам 494
 почвенность 158
 почтограмма 245
 правитель 305
 править 180
 правопреемник 293
 православный 260
 правоуклонистский 255
 праздник Казанской Божьей матери 582
 практика 506
 прапорщик 290
 прачешная 54
 превосходный 429
 прегрешение 324
 предатель 305
 предатель-большевик 250
 предводитель 305
 предложить 97
 предпасхальный 204
 предпразднество 204
 предприниматель 306
 предрешенец 204
 предрешение = предрешенство 204
 Предучредилка 203
 преемственность 386
 президент 456, 490
 премьер-министр 247, 456
 препоганый 191
 преподаватель-антимарксист 249
 преследовать 96
 пресс-бюро 459
 преференциальный 165, 318
 привилегированные акции 318, 494
 привходящий 429
 прикрепить 118
 прикрыватель 305
 примиренец 302
 примитивный 504
 принести в жертву красному Молоху 599
 принудиловец 302, 338
 принудительный 336
 принцесс-рояль 477
 присваивание 160
 прислуга 327
 приспешник-демократ 250
 пристукнуть 181
 присяжный 327
 присяжный поверенный 327
 приход 324, 494
 приходящая (субстантиват) 287, 310
 причастник 324
 причащение 324, 583
 приют 324, 381
 провинившийся (субстантиват) 262
 протодергивание 160
 производитель 305
 промбанк 220
 промотание 160
 промотер 65, 467
 промстроительство 220
 промысла́ (множ. число) 99
 промышленник 292
 пропаганда 96
 пропагандист 296, 406
 пропагандист-безбожник 248
 пропагандный 165, 167
 пропорционалист 295
 проститутка 283
 против (предлог) 97
 противоанархический 184
 противобольшевик 184
 противобольшевистский = противобольшевицкий 184
 противовоенный 184
 противовоздушный 185
 противогазовый 185
 противогосударственный 184
 противокommунистический 184
 противомилитаристский 184
 противопомещичий 184
 противореволюционный 184
 противосоветский 184
 профессионалист 296
 профинтерн 219
 профпассив 221
 профсоюз 220, 229
 прошлое (субстантиват) 261, 385
 проэкт 57
 псевдо- 94, 196
 псевдо-большевизм = псевдобольшевизм 137, 196
 ПТТ (фр. PTT – Poste. Téléphone. Télégraphie) 211
 публикация 161
 пулlover = пуловер 62, 473
 пулловера́ = pull-over'ы = пуловеры 100, 475
 путчист 297
 пухнуть 181
 Пушкин 531
 пышша (пища) 330
 пядь 379
 пятиконечная звезда 588

Р

- раб 382
 рабкор 218, 425
 работать (наемным трудом) 116
 работер 84
 работодатель 306
 рабочие классы (множ. число) 124, 489
 рабочий (субстантиват) 260

- рабсила 220, 382
 рабство 383, 384
 рабфак 218
 равносильный 486
 радетель 305
 раджа-иога 331
 ради (предлог) 107
 радикал-социалист 248
 радио 245
 радиоаппарат 245
 радиодиктатор 243
 радиоигла 245
 радиоиндустрия 245
 радиоклуб 245
 радиомагазин 245
 радиоотправитель 245, 485
 радиопрограмма 245
 радиостанция 245
 радиотелеграфия 245
 радиотехник 243
 радиотелефон 245
 радиотелефония 245
 разводчик 290, 354, 355, 498
 разговленье 324, 583
 разлагатель 305
 разничный 54
 разрушение 574
 разрушитель 305
 разукраинизация 145
 райземдел 223
 райсовет 220, 228
 ракитир = рэкеттер 57, 463, 474
 раскулачиватель 306
 распубликование 161
 рассеяние 360, 365, 366, 369
 рассеяние эмиграции 360
 рассеянный 364
 рассеяться 364
 рассовый 62
 растратчик 290
 рахат-локум 63
 РДО (Республиканско-демократическое объединение) 211, 228
 реалист 295
 реальности (множ. число) 124
 реальность 476
 реваншный 165
 ревизионист-еврей 248
 ревизионист-сионист 248
 ревнитель 305
 революц. (революционный) 69
 революционный символ веры 599
 революция 575, 578, 579, 580
 ревтриб = ревтрибунал 219, 220
 реглер 84
 радиоконцерт 245
 редакторá = редакторы (множ. число) 100
 режиссерство 143
 режиссировать 177
 реквизи́нуть 181
 рекламировать 177
 рекордсмен 57
 ректификер 84
 ренегат 410
 ренегатствовать 410
 ренегатствующий 410
 ренегировать 177, 410
 рентгенировать 177
 репрессалия 431
 репрессия 431
 республиканство 142
 ресурс 62
 реставрировать 177
 рестлер 467
 рестлинг 466, 467
 ресторан-бар 251, 464
 РКИ (Рабоче-крестьянская инспекция) 211
 Р.К.П. = РКП = ВКП (Российская коммунистическая партия, Всесоюзная коммунистическая партия) 212
 РНОВ (Русская национальная организация витязей) 225
 Р.Н.С.У.В. = РНСУВ (Русский Национальный Союз участников войны) 211, 225
 Робинзон 566
 Р.О.В.С. = РОВС (Русский общевоинский союз) 212, 225, 228, 229
 родильница 272
 родина 376
 Родина-государство 251
 Родина-мать, родина-мать 250, 376
 родиновед 242, 359
 родиноведение 359
 родственник-белогвардеец 249
 рождественские каникулы 582
 рождественский дед 583
 рождественская елка 584
 Рождество Христово 582, 584
 розоватый 397
 розовый 397
 Романская провинция 450
 РОИД (Российское освободительное народное движение) 211, 225, 228
 РООВА (Русское объединенное Общество взаимопомощи в Америке) 211, 225
 россия́ность 154
 Россия 376, 540, 543, 548, 561
 Россия-Русь 552
 россияне 320
 Р.с.-д.р.-п. (Российская социал-демократическая рабочая партия) 210
 Р.С.Ф.С.Р. (Российская Советская Федеративная Социалистическая республика) 210, 229
 РСХД (Русское студенческое христианское движение) 211, 225
 руководительница 273
 русификация = руссификация 145, 146, 461
 русофильство 142
 русск. (русский) 69
 русский 260
 русское (субстантиват) 261
 русскость 154
 Русь 376, 540, 548
 рухнуть 181
 ручные сумочки 499
 Р.Ф.О. (Русская фашистская организация) 210, 225
 Р.Ц.С.М. = РЦСМ (Руководящий центр Союза Молодроссов) 212, 228
 Рыкапы 216
 рыковка 238
 рэкеттер (см. *ракитир*)
- С**
 с (предлог) 502
 с. (соревнование, социалистический) 69
 с. = сен. = ц. = сент 69
 саботировать 177
 Савл 560, 563
 самовластник 242
 самовосхваление 243
 самодержавие 243, 343
 самодержец 242
 самоед 319
 самозащита 243
 самозванец 242
 самокрасование 243

- самообложение 244
самооплевывание 244
самоопределение 244
самоохрана 244
самопожирание 244
самопомощь 244
самореклама 244
самостийник 242
самостийник-мазепинец 248
самоудушение 244
самошельмование 244
санинструктор 220, 227
санитарный 505
санкционировать 177
С.А.С.Ш. (Северо-Американские соединенные штаты) = САШ (Северо-Американские штаты) = С.А.С.Штаты = С. Штаты (Соединенные штаты) = Соед. Штаты 214, 225, 229
сатана 560, 562
сахаропромышленник 292
св. (святой) 69
Св. Мартин 450
сверхчеловеческий 191
световой 168
световые картины 496
свидетельствовать 115
свободная валюта 494
свободнический 170
сволочное (субстантиват) 261
святитель 305
Святорусье 245, 376, 550
священник 292, 324
с.г. (сего года) 68
сделать гол 501
сделать скандал 97, 501
сеанс 494
сев. (северный) 69
секретародержавие 244
сексот 218, 227, 229
сектант-имяславец 249
сектантство 142
селькор 218, 425
сельсовет 220, 227
семинарист 295
сенатор 456
сепаратный 165
сервис 466
Сергий Радонежский 531
серебряник 54
середняк 129, 338
серия дождей 498
серб 588
серб-молот 251
сетльмент 367, 369, 459
- СЖТ (фр. CGT – Confédération Générale du Travail) 211
сиделка 283
силовая конференция 497
Синай 559
сингл 466
синдикалист 406
синдикальный 165
синема 87, 468, 470, 471
синтетичность 433, 436
сион.-социалистический (сионистско-социалистический) 69
сионист-ревизионист 248
сифилизация 146
скаут 353, 354
скаутизм 141, 354
скаутский 354
скипетр 571, 588
скомбинировать 488
сконструировавшийся 488
сконструирование 488
скорбящий 262
скупщик 290
скэтч 57
слабо (нареч.) 494
славить 180
славословить 180
славянофильство 142
славянство 150, 151
служитель 305
слушатель 305
с.м. (сего месяца) 68
С.М. = С.М. (Союз младороссов) 210, 225, 228
смелое (субстантиват) 261
смелый 260
сменовехнувшийся 421
сменовеховец 242
смердяков 565
смердяков-сталин 250
смердяковщина 565
смута 384
соборность 158, 433, 436
собратья 192
соваппарат 220
соввласть 221
совдеп 67, 217, 218
Совдепия 217, 553
совдеповский 217
совдисциплина 220, 227
советвласть 221
советовластие 244
светолобец 241
светофил 240
светофильский 169
светофильство 142
- Советская Россия 553
советский 67
Советский Союз 553
советчик 290, 344
советчина 148, 149, 158
Советы 553, 554
совконсульство 220
совкооперация 220
совнарком 219, 227, 229
совнархоз 219
совчиновник 220
совшкола 220, 227
Согласие (см. также: *Entente, Антанта*) 475, 490
согревательные солнца 497
содержанка 283
создатель 305
сокол 353, 356
соколица 356
соколка 284, 356
сокольский 169, 356
сокольство 356
солдат 129
солидаризм 138, 141, 462
Соловки 539
соотечественник 192, 293, 294
соперник 192
соплеменник 192, 293, 294
соратник 192
сорочка-трикотаж 124, 252
сотрудник 192
соучастник 192
социал-демократ 248, 411
социал-демократизм 138
социал-демократия 151
социал-патриот 248
социал-фашистский 254
социалист-властник 250
сочельник 582
сочлен 192
союз красных рубашек 490
союзный 376
союзник 293, 294
спартакист 297
спасатель 305
спаситель 305
спец 224, 228
специалист 295
специалист-грузчик 247
спешно 328
сподвижник 192
спортсмен 57
спроэцированный 57
СРД (Совет рабочих депутатов) 211
с.-р. (социалист-революционер; см. также *эсер*) 229

среди (предлог) 111, 117
С.С.С.Р. = СССР = С.С.Р.
(Союз Советских Социалистических республик)
67, 119, 212, 213, 216, 227,
228, 229, 540, 552, 553, 554,
555, 557, 558
СССР-ия 119, 216, 553
ссылка 365, 369, 380, 436
ст.(рит < англ. street) 70, 449
ставицкиада 150
Сталинград 533
сталинец 67, 146, 299
сталинизм 139, 141
сталиномания 245
сталинский 168
станица 324, 352
станичник 324, 352
старобольшевик 242
старое (субстантиват) 261
старорусский 241
староство 459
старш. (старший) 69
старшина 321
старый Новый год 584
стахановец 299
стахановщина 149
стачечник 293
стачколом 242, 485
стекловица 419
стенгазета 220
степняк-партизан 249
степь 379
стихия 574
столовка 233, 329
столыпинщина 148
страдающий (субстантиват)
262
страховые премии 494
стрелочник 292
студентка 283
студенчество 150
стукач 67, 308
стучание 160, 341
стучать 67, 340, 341
субботник 345
субинспектор 198
суворинец 299
суворинский 168
супэ 58, 87, 473
сухой 498
сущее (субстантиват) 262
счетчик 290

Т
такси-шофер 82, 83
тантьем 450
танц-бар = танцбар 87, 332,
464
танцевальный 165
танцовщица 272
тара 465
Тартарен 566
ТАСС (Телеграфное агент-
ство Советского Союза)
215
Татреспублика 220
Татьянин день 583
твердое настроение валюты
494
т-во (товарищество) 68
телевизионировать 471
телевизия 471
телеграфировать 177
теннисный 165
терец 300
террор 391
терроризировать 177, 393
террорист 390, 393
террористический 393
терроры (множ. число) 126
терцы 322, 352
тиранн 62
тихоновцы 299
товарищ 333, 341, 348, 350,
351
толстовец 299
толчение 160
тон-фильм = тонфильма 85
торговопромышленник 292
торгпред 220
торгпредство 220
Торквемадо 528
трагедия 578
тракторист 291, 295
тракторщик 291
трафик 471
трэд-юнионист 248
треклятый 191
Третий Рейх 571, 572
Третья Россия 572
Триесерия = Триэсерия =
Триэсер 119, 216, 245 425,
553, 558
трикотажа 476
троедержавие 244
трон 316
троцкист 67
Троцкий 422
трубач 308
трудоармеец 220
трудодень 340

трудящийся 262
трэд-юнионист 248
трюкаж 463
туид 473
тундры (множ. число) 126
туркуловец 299
турнэ 58
тэ-дансан 58, 87, 464
тэп 57
тюремщик 290
тюрьма 379
тянушки 326

У

у. (ударничество) 69
убивание 160
убит (поездом) 117
угаснуть 181
угнетатель 305
угнетение 160
угрюм-бурчевский 565
удаление 160
ударник 345
удушливый 430
уик-энд = уикэнд (см. также:
weekend) 57, 65
украинизация 145
украинство 142
украинствующий (субстан-
тиват) 262
УЛОН = Улон = улон (Уп-
равление лагерей особого
назначения) 213, 214, 227
ультракоммунист 191
ультралевый 191
ультрамонархизм 138, 191
умилостивить 180
у нея 101
универсальный 506
унитарность 158
унитарный 165, 505
У.Н.К. (UNK – Union
Nationale des Combatants
”Союз французских ком-
батантов”) 210
унтерменш 460
унтерцер 330
упродком 219
урядник 321
усмиритель 305
усталый 260
установить 115
утвержденец 302
утийер = утийор 84
утишить 180
утреня 583
учредилка 234

Ф

фальсифицировать 177
фальшивомонетчик 290
фамилия 504
фатинг 331, 464
фашизм 138, 411
фашист 295
фашист-диссидент 248
фашистско-коммунистический 254
фейерверочный 165
фельдшерница 272
ферейн 450
фешенебельный 165
филиал 62, 63
филосемит 240
филофашистский 254
фильм = фильма 476
фильмовый 168
фининтерн 218, 229
финляндцы 301
фондер 84
форен офис (англ. Foreign Office "Министерство иностранных дел") 447
Фотий 528
фр. (франк) 69
фрезер 84
фритредерство 143
фронтóвый 506
фротировочный 165, 258
функционер 457
фюрер 461

Х

хав-бек 467
хав-тайм 466
хальма 464
ханукальный 166, 329
хатха-йога 331
хвиласофия 330
Хитлер 59
хитлеровский 59
хлестаковский 565
хоз.-сов. (хозяйственно-советский) 68
хозяин 412
хозяиничать 179
хозяйственник 292
холдинг 318, 471
холливудский 59
хооорoший 330
Христов 104
Христос 560, 561
Христос-спаситель 560
худшее (субстантиват) 261
хулиганить 427

хулиганствовать 427
хулить 180
хунхузнический 170
хутор 324, 352

Ц

царица 273
Царицынская 533
царский 316
царь 316, 412
цезаризм 141
центр 467
центр-форвард 467
центросоюз 221
центротекстиль 221
церковник 292
церковнослужитель 305
церковь 384
цивилизация 384
ЦИК = Цик = цик (Центральный исполнительный комитет) 214, 215, 227, 228
циклокар 471
Ц.К. = ЦК = цк (Центральный комитет) 212

Ч

чай 329
чашка чая 329
чека (см. ч.к)
чеки без перемен 494
чекист 217
чекист-большевик 248
чекистка 217
чекистский 217
человеколюб 241, 492
человеколюбивый 492
через (предлог) 111, 112
черная сотня 400
чернить 180
чернорубашечник 242, 400
черносотенец 399, 400
черносотенный 399
черносотенство 399
чёрный 399, 401, 402
черный интернационал 401
черный крест 401
чесать демократический за-тылок 598
честное (субстантиват) 261
чехизировать 177
Чехов 531
Чингис-хан 532
чиновничество 150
чистка 337
читательница 273

ч.к. = Чека = чека = че-ка
(Чрезвычайная комиссия)
67, 212, 215, 217, 229
чрезвычайка 234
чрезвычайщик 291
Ч.С.Р. (Чехословацкая республика) 210, 225, 229
чужбина 381
чужоземец 54
чужой 260
чума 383
чэмпиион 57

Ш

шаблонизировать 177
шайка 382
Шан-з-элизе (фр. Les Champs-Élysées) 449
шапочник 292, 326
шатаж 265
шатание 160
шахматы 95
шведский массаж 332
шевеление 160
шеколад 54
шерстепрядильня 328
шеф-повар 84
шефство 142
ширм – ширма 103
шифскарта 472
школа-общежитие 251
шлипфера́ = шлюпферы
(множ. число) 100, 475
шлюпфер = шлипфер 60, 473
шомажник 257, 292, 294
шомажный 165, 258
шпек 63
штаб-офицер 82
штаб-ротмистр 82
шупо 84, 477

Э

эбенист 84, 295
эвапункт 220
эвент 466
эволюция 579, 580
Эврипид 56
Эйрлайнс 56
экзекутива 459
экскурсиальный 166
эксплуатация 162, 383
эксплуатирование 162
эксплуатируемый 262
экспозэ 58
экспорт 483, 484, 485
экстерьер 463

эластичный 331
электрические кресла 497
элемент 62, 63
эмигрант 368, 370, 373, 380
эмигрантский 367, 369
эмиграция 360, 363, 364, 366,
369, 373, 436
эмигрировать 364
эмиграция 62
энтерьер 60, 463
эпидемия 383
эпохальный 166
эрдек 229
эсде 229
эсер 217
эсеровский 174, 217
эксплуатировать 177
эстокада 53
Эстония = Естония 56
Эсэсэрия (см. также:
СССР) 119

Ю

юбка-принцесс 87, 499
южн. (южный) 69
юнион 459
юнионизированный 258, 459
юнкер 321
Юпитер 560, 564
Юрьев день 567
юстиц-рат = юстицрат 82,
83, 456
ютилитэ публик 65, 451

Я

яблоко соблазна 598
яд 383, 579
японский 432
ясновидящая 327

СПИСОК ЭМИГРАНТСКИХ ГАЗЕТ, ПОСЛУЖИВШИХ ИСТОЧНИКОМ КОРПУСА

- Анархич. вестник** – Анархический вестник. Орган объединенной анархистской организации (в США и Германии). Берлин, 1923-1924. №№ 1-7.
- Велик. Россия** – Великая Россия. Орган русской государственной и национальной мысли. Севастополь, 1920 (газета, издаваемая при поддержке врангелевской армии)
- Вести дня** – Вести дня. Независимая беспартийная русская газета. Таллин, 1927-1934. (газета демократического направления).
- Воен. голос** – Военный голос. Газета военно-общественная. Севастополь. 1920. (монархическая военная врангелевская газета)
- Возрождение** – Возрождение (Renaissance). Беспартийная демократическая газета. Копенгаген. 1919.
- Возрождение** – Возрождение. Ежедневная (1925-1935) и еженедельная (1936-1940) газета. Орган русской национальной мысли. Основатель, главный редактор П.Б. Струве. Париж. (право-монархическая газета)
- Воля России** – Воля России. Ежедневная газета. Прага. 1920-1921. №№ 1-327. (с 1922 - журнал политики и культуры. 1922-1932). (газета стояла на эсеровской и сменовеховской политических платформах; с 1925 г. усиливается литературно-критическое направление издания)
- Голос Родины** – Голос Родины. Общественная и политическая газета. Гаага, 1918-1919.
- Голос России** – Голос России. Орган Дальневосточного отдела РОВС. Редактор М.К. Дитерихс. Шанхай. 1931-1932. (военно-монархическая газета, близкая к позициям А.И. Деникина).
- Дни** – Дни. Dni: Russische Tageszeitung fur Politik, Wirtschaft und Literatur [Русская ежедневная газета по вопросам политики, экономики и литературы]. Ежедневная (с сентября 1928 г. еженедельная) газета. Редактор А.Ф. Керенский. 1923-1928. Берлин, Париж. (газета стояла на эсеровских позициях).
- Единый фронт новой России** – Единый фронт! = Le front unique! (Единый фронт новой России, с № 8). Беспартийная газета трудящихся, военных и учащихся. Париж, 1936. (монархическая и националистическая газета невысокого интеллектуального и языкового уровня).

- За свободу – За свободу!** Газета политическая, литературная и общественная. Основана Б. Савинковым. Варшава. 1921-1923, 1924-1925, 1932. (далее газета «Молва»). (отражала взгляды белого офицерства; позднее стояла на демократических позициях, была основным источником информации среди русских, живших в Варшаве).
- Меч – Меч.** Tygodnik rosyjski. Warszawa / Metch (Le Glaive). Hebdomadaire russe. Со-редакторы Д.Ф. Философов (Варшава), Д.С. Мережковский (Париж). Варшава, 1934-1939. (либерально-демократическая газета).
- Младоросская искра – Младоросская искра.** Орган Союза младороссов во Франции. Париж, 1931-1940. (монархическая, профашистская газета, открыто выражавшая сочувствие большевикам).
- Огни – Огни.** Еженедельная газета культуры, науки, искусства и литературы. Прага, 1924. (газета русской художественной и научной интеллигенции)
- Последн. новости – Последние новости.** Ежедневная газета. Париж, 1920-1940. (одна из самых авторитетных эмигрантских газет; отражала кадетские взгляды).
- Призыв – Призыв.** Издание Союза русских писателей и журналистов в Королевстве С. Х. С. [сербов, хорватов, словенцев. – А.З.]. Белград, 1926. №№ 1-5. (военная и монархическая газета).
- Рассвет – Рассвет.** Ежедневный орган Российских рабочих организаций Соединенных Штатов и Канады / Нью-Йорк, 1924-1940.
- Руль – Руль.** Ежедневная газета. Берлин. 1920-1931. (правокадетская и либерально-интеллигентская газета).
- Рус. газета – Русская газета.** Периодический орган. Издатель – Союз Российских Патриотов. Buenos Aires, 1937.
- Рус. голос – Русский голос.** Русская зарубежная общественно-политическая и военная газета. Белград, 1930- 1940 г. (монархическая и военная газета).
- Рус. правда – Русская правда.** Голос свободной русской мысли. Орган Братства Русской Правды [террористической организации. – А.З.]. Один из соредкторов С. Соколов-Кречетов. Париж. 1922.-1933. (национально-монархическая и террористическая газета).
- Рус. стяг – Русский стяг: За веру, царя и отечество.** Новый Сад, 1925-1926. (монархическая газета).
- Сегодня – Сегодня.** Независимая демократическая газета. Рига, 1919-1940. (либерально-демократическая газета).
- Сигнал – Сигнал.** Орган Русского национального союза участников войны. Париж, 1937-1939. (монархическая и военная газета).
- Шанхайск. заря – Шанхайская заря.** Ежедневная газета. Шанхай, 1926-1931.

